E57
89

186363

Врачъ Д. М. ГОРДОНЪ.

ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ

для кого сказка, для кого быль.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

Часть первая:

Интеллигентное тунеядство

оно же

современная демократія

оно же

инквизиція нашихъ дней.

186365

ТАШКЕНТЪ
Типографія Штаба Турк. Воен. Округа
1916 г.

Врачъ Д. М. ГОРДОНЪ.

89
321,91

ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ

для кого сказка, для кого быль.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

Часть первая:

Интеллигентное тунеядство

оно же

современная демократія

оно же

инквизиція нашихъ дней.

БИБЛІОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№ 86365

ТАШКЕНТЪ
ТИПОГРАФІЯ ШТАБА ТУРК. ВОЕН. ОКРУГА
1916 г.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
186365 19 г.

ПАМЯТИ

ВЕЛИКАГО РУССКАГО ГРАЖДАНИНА

ИСТИННАГО ДЕМОКРАТА

И ПАТРІОТА

ПЕТРА АРКАДЬЕВИЧА

СТОЛЫПИНА

ПОСВЯЩАЕТЪ СВОЙ ТРУДЪ

АВТОРЪ.

Къ читателямъ.

Разныя бываютъ традиціи. Есть традиціи дворянскія, есть традиціи мѣщанскія; есть военныя, есть гражданскія; есть чиновничьи, есть земскія; есть традиціи народныя, семейныя; есть традиціи той или иной мѣстности, города, поселка. Каждая эпоха имѣетъ свои традиціи, каждое мѣсто имѣетъ свои традиціи, каждая группа лицъ имѣетъ свои традиціи. Каждая традиція, что камень стопудовый; ни съ мѣста не сдвинешь, ни прошибешь, только голову себѣ расшибешь.

Но есть традиціи общественныя, тѣ традиціи, что зовутся общественнымъ мнѣніемъ. Это традиція надъ всѣми традиціями. Это цѣлая гранитная скала, отвѣсная, ровная, гладкая. На мою же долю выпала тяжелая задача: пробить брешь въ этой сплошной гранитной скалѣ. Мало того—этой брешью расшатать, разрушить тотъ гранитъ, который зовется общественнымъ мнѣніемъ. Я по крайней мѣрѣ всемѣрно стремился къ этой задачѣ. Вооружился же я лишь маленькимъ, простымъ и невзрачнымъ на видъ молоточкомъ, который зовется правдой жизни, здравымъ смысломъ—тожъ. Правда всегда проста и невзрачна, но правда чудеса творитъ. Сила правды невѣроятна, никакая громада не устоитъ передъ ней, никакая нѣмецкая техника не сравнится съ ней.

И вотъ представьте себѣ колоссальный сплошной гранитъ, а передъ нимъ то жалкое ничтожество, которое зовется человѣкомъ; а человѣчекъ этотъ держитъ въ рукахъ самый невзрачный молоточекъ и начинаетъ имъ бить въ гранитъ. Вы не знаете цѣли, для чего бьютъ, вы не знаете чудодѣйственной силы молоточка, который въ рукахъ человѣчка; вамъ все кажется дикимъ, нелѣпымъ, страннымъ. Зачѣмъ онъ бьетъ? Почему бьетъ въ это мѣсто, а не въ другое? Да, признаться, и молотобойцу нѣтъ выбора; не все ли ему равно, куда ударить, лишь бы пробить брешь Онъ и бьетъ въ первое попавшееся мѣсто. Бьетъ въ одно, бьетъ въ другое мѣсто; летятъ куски за кусками. А со стороны кажется нелѣпой эта затѣя, да еще съ такимъ реакціоннымъ оружіемъ, какъ молоточекъ правды. Посмотрѣлъ, посмотрѣлъ иной, да и готовъ уйти; ничего хорошаго отъ этой работы ждать нельзя. А подождать не мѣшаетъ. Еще нѣсколько ударовъ чудодѣйственнаго молоточка, и поверхностнаго слоя гранита, какъ не бывало, въ то же время ясно обозначается прямоугольный контуръ будущей бреши. Работа пошла тогда живѣй; она становится яснѣй, интереснѣй, идетъ быстрѣй, плавнѣй.

Я и опасаюсь, какъ бы первыя главы моей работы, первые удары моего молоточка, не показались нелѣпыми, неинтересными, сухими.

Я и предупреждаю, что передъ той колоссальной, тяжелой задачей, которая выпала на мою долю, я и стоялъ, какъ молотобоецъ передъ гранитной скалой. Я не зналъ, съ чего начать; я билъ наудачу то въ одно мѣсто, то въ другое. Но каждый мой ударъ не былъ ударомъ въ пространство; каждый ударъ попадалъ въ цѣль, каждый имѣлъ свое назначеніе; а совокупность всѣхъ этихъ, на первый взглядъ, безсвязныхъ и безцѣльныхъ ударовъ, въ концѣ концовъ создала контуры бреши, о которой я говорилъ выше. А затѣмъ уже работа идетъ плавно, живо, планомѣрно. Я поэтому прошу не смущаться кажущимися странностями и *парадоксами* первыхъ главъ моей работы. Я предупреждаю, что иначе не можетъ быть при той грандіозной задачѣ, которая выпала на мою долю; вѣдь, мнѣ предстояло пробить брешь въ общественныхъ традиціяхъ, въ общественномъ мнѣніи, которымъ каждый живетъ, дышитъ, питается. Но увѣряю, что эта безсвязность, парадоксальность постепенно замѣнятся связной, живой и понятной работой, когда начнутъ выясняться контуры бреши. Мои первые главы—это только первые безпорядочные удары, они служатъ только для того, чтобы намѣтить контуры будущей бреши, для того, чтобы подготовить къ послѣдней читателя.

Быть можетъ, я ошибаюсь; возможно, что и первыя главы не покажутся парадоксальными и сухими. Я буду очень радъ. Но на тотъ именно случай, если они кому покажутся именно сухими и парадоксальными, я и поясняю читателямъ возможную причину этого и убѣдительно прошу объ одномъ: вооружиться терпѣніемъ и не прекратить чтеніе на первыхъ же главахъ.

Когда выйдетъ въ свѣтъ моя работа, не знаю; поэтому для того, чтобы стали понятными нѣкоторыя замѣчанія и ссылки, считаю долгомъ отмѣтить, что работу свою я закончилъ еще въ Самарѣ въ самый день объявленія войны: 19 іюля 1914 г. Когда началась война, я рѣшилъ, что теперь не время и неумѣстно вносить въ жизнь споры и побочные разговоры. Увы! Я никакъ не представлялъ себѣ той разнузданной вакханаліи, того *напора* на власть, на устои, на всеобщее объединеніе, того, словомъ, пустословія и злословія, которыя стали царить въ прессѣ, въ обществѣ. Вскорѣ послѣ объявленія войны я былъ взятъ на военную службу, первый годъ которой и по сю пору мнѣ посчастливилось провести въ далекой крѣпости Кушка. Говорю „посчастливилось“ потому, что крѣпостное затворничество вдали отъ общественнаго шума, отъ людей и отъ всѣхъ ужасовъ войны дало мнѣ возможность на досугѣ и въ тиши пересмотрѣть, передѣлать свою брошюру и частью откликнуться на современныя, переживаемыя событія. Закончилъ я окончательно свою брошюру нижепоименованнымъ числомъ и рѣшилъ никакихъ передѣлокъ и измѣненій не вносить въ нее, а выпустить ее въ свѣтъ именно въ томъ видѣ, какъ она вылилась къ этому числу. Вотъ что я считаю долгомъ довести до свѣдѣнія читателей, такъ какъ повторяю, что брошюра моя, повидимому, появится въ свѣтъ только черезъ 1—2 года, а можетъ быть и позже.

Крѣпость Кушка.
1 декабря 1915 года.

Старшій врачъ 243 Самарской ополченской дружины **Д. Гордонъ.**

Вмѣсто предисловія.

Послѣдній годъ (1913) былъ чрезвычайно урожайнымъ на всякаго рода... съѣзды. Бывало, только и читаешь въ газетахъ: въ Петроградѣ сегодня открываются такіе то съѣзды, завтра въ Москвѣ—такіе то, послѣзавтра въ Кіевѣ—такой-то и т. д.

Матушку—Россію ежегодно посѣщаютъ эпидеміи; появляются они періодически то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, но въ послѣднее время у насъ развилась новая эпидемія, которой почему-то не замѣчаютъ, и противъ которой никакихъ мѣръ не принимаютъ, между тѣмъ она распространилась съ поразительной быстротой и силой, успѣвъ поразить все и всѣхъ, отъ мала до велика, заглянувъ даже въ самые глухіе медвѣжьи углы. Нѣтъ въ Россіи ни мѣста, ни человѣка, свободнаго отъ нея. Къ сожалѣнію, наука до сихъ поръ игнорируетъ эту новую напасть человѣческую, хотя распознать ее не трудно, такъ какъ она отличается однимъ весьма выраженнымъ симптомомъ, именно—*языкочесаніемъ*. Болѣзнь эта хроническая, съ медленнымъ теченіемъ и далеко не смертельная, поэтому нѣльзя смѣшивать ее съ собачьимъ бѣшенствомъ, при которомъ имѣется, какъ извѣстно, сходный симптомъ—слюнотеченіе; однако есть и сходство: у больного, какъ и при бѣшенствѣ, появляется также пѣна у рта, очень ядовитая, которой поливается все честное, все здравомыслящее, все, что не заражено языкочесаніемъ и стремится скромно, спокойно и дѣловито дѣлать свое дѣло.

Говорятъ, что Россія классическая страна всякихъ эпидемій, и что она является поставщикомъ ихъ для Западной Европы. Это далеко не соотвѣтствуетъ истинѣ, покрайней мѣрѣ—вышеописанная эпидемія проникла къ намъ именно съ Запада, главнымъ образомъ—изъ Франціи и Италіи, которыя представляютъ классическія страны болѣзненно-длинныхъ языковъ. Высшее проявленіе болѣзни—западноевропейскій парламентаризмъ, тотъ пошлый, уродливый парламентаризмъ, та язва, которая такъ наглядно вскрыта послѣдней исторіей Каіо-Кальметтъ. Вырожденіе и грядущая гибель—всѣми признанная участь длинноязычныхъ романскихъ народовъ. И всякому, кого только миновалъ микробъ языкочесанія, должно стать ясно, что правду, счастье, прогрессъ каждый народъ несетъ въ себѣ самомъ; внѣшнія же формы жизни никакой роли при этомъ не играютъ, какой бы помпой они ни сопровождались, въ какія бы пышныя краски они ни облекались и какими бы громкими кличками они ни прикрывались, хотя бы даже девизомъ: свобода, равенство и братство.

Увы! Мы сознательно прививаемъ себѣ вышеописанную болѣзнь и теперь съ трудомъ найдешь въ Россіи человѣка, у котораго бы языкъ не чесался, не найдешь угла въ Россіи, въ которомъ не играли бы въ парламентъ.

Микробъ этой болѣзни еще не найденъ, но по нѣкоторымъ симптомамъ ее легко узнать. Одержимые ею прежде всего никогда даже въ мирное время не разстаются съ газетой; въ слабой стадіи развитія болѣзни, довольствуются одной мѣстной газетой; въ болѣе сильной степени является потребность читать отъ доски до доски всѣ мѣстныя газеты и, сколько влѣзетъ, столичныхъ газетъ; высшая стадія болѣзни —газета „Русское слово"; наиболѣе тревожный симптомъ, если не брезгаютъ даже „рабочими" газетками. Читаютъ, гдѣ попало, читаютъ, какъ попало; жуютъ и пережевываютъ одно и тоже подъ разными соусами. Въ результатѣ—полная прострація ума и воли. Живутъ только завтрашнимъ днемъ и съ нетерпѣніемъ ждутъ наступленія утра, но не потому, что вновь проглянетъ солнце, станетъ свѣтло и тепло; не потому, что предстоитъ интересное дѣло, ждетъ любимая работа, а потому, что будетъ... свѣжая газета; станетъ извѣстно, какъ Милюковъ раздѣлалъ Саблера; какъ Коковцеву досталось отъ Шингарева; какъ Чхеидзе выругалъ Пурешкевича и наоборотъ; какъ молодецки лѣвые провели обструкцію*); да не было ли кстати скандала въ городской Думѣ; нѣтъ ли чего въ газетѣ про кого изъ пріятелей и знакомыхъ? А если есть, что можетъ сравниться съ тѣмъ удовольствіемъ, которое доставила газета.

Описанный симптомъ несомнѣнно Галльскаго происхожденія и беретъ свое начало съ древнихъ временъ; въ основѣ его лежитъ то женское любопытство, та жажда новостей, которая издревле отличали Галловъ; какъ извѣстно, они спеціально даже собирались на перекресткахъ дорогъ, чтобы только узнавать свѣжія новости. Эти древнія историческія черты Галловъ перешли и къ ихъ потомкамъ —романскимъ народамъ. Родина современной газеты —Франція, основа ея—сенсація, а спутники сенсаціи: темные слухи, базарныя сплетни, ложь, клевета, пасквиль и т. п. Исторія Каіо-Кальметъ весьма типичный образчикъ тѣхъ нравовъ, той атмосферы, которыя въ странѣ свободы, равенства и братства царятъ въ области печатнаго слова. И разсудительному, спокойному, отчасти флегматичному, русскому народу, стараются привить и успѣшно прививаютъ французскую болѣзнь: жажду сенсаціонныхъ новостей со всѣми вышеупомянутыми аксессуарами.

Газета имѣетъ свое почтенное и единственное назначеніе: доставлять новости житейскаго и государственнаго обихода; идеальная газета должна лишь правдиво и объективно, какъ въ фокусѣ, отражать мѣстную, народную и міровую *фактическую* жизнь, всемѣрно избѣгая злословія и сплетенъ, отнюдь не гоняясь за сенсаціей и не развивая до болѣзненности эту сторону человѣческой натуры. Впрочемъ, еще-бы полъ-бѣды, если бы газеты

*) Что на языкѣ лѣвыхъ (такъ иногда въ общежитіи больные себя называютъ), зовется обструкціей, то на языкѣ здоровыхъ людей зовется дѣтскимъ фарсомъ, опозорившимъ Русскую Думу въ глазахъ всего свѣта и всѣхъ здравомыслящихъ людей.

страдали только жаждой и погоней за сенсаціонными новостями, но къ несчастію, они присвоили себѣ еще роль политическихъ органовъ и составляютъ неотъемлемую часть западно-европейскаго парламентаризма. Парламентъ—изобрѣтеніе англійское; онъ складывался тамъ постепенно, складывался исторически, на почвѣ жизненныхъ интересовъ и характерныхъ особенностей англійскаго народа. Англійскія партіи создались и выростали вполнѣ естественно и нормально на почвѣ реальныхъ и жизненныхъ факторовъ. Пересаженный на материкъ и прежде всего—во Францію, парламентъ выродился въ парламентаризмъ, въ фарсъ, въ игру въ парламентъ. Дѣленіе на партіи искусственное: на почвѣ словъ, терминовъ, фантастическихъ теорій и т. п. Борьба партій—только словесная и бумажная; ничего реальнаго въ ней нѣтъ; это одна бутафорія со всѣми аксессуарами комическаго фарса, а такъ какъ парламента въ западно-европейскомъ смыслѣ у насъ, слава Богу, еще нѣтъ, то намъ стараются привить покрайней мѣрѣ то, что составляетъ язву парламентаризма, именно: искусственное дѣленіе на партіи и политическую прессу. Каждый органъ печати является выразителемъ того или иного фантастическаго направленія. Такимъ образомъ пресса пріобрѣла совершенно исключительное значеніе въ современной жизни; удовлетворяя вполнѣ естественной потребности знать, что творится въ мірѣ, она въ то же время руководитъ общественнымъ мнѣніемъ. Съ одной стороны—простое коммерческое предпріятіе, а съ другой стороны—носитель морали. Добра отъ такого совмѣщенія не можетъ быть.

Есть яды, которыми человѣкъ хронически отравляется: алкоголь, никотинъ и т. п. Борьба съ алкоголемъ теперь въ большой модѣ. Но нѣтъ яда хуже и опаснѣй современной прессы, она разрушаетъ не тѣло, а медленно, постепенно, но вѣрно извращаетъ, развращаетъ нашу душу, нашу мысль, наше духовное „я“. Цѣль газетчика одна: побольше подписчиковъ, побольше объявленій, побольше выгодъ отъ газеты. Завлекаютъ обывателя всякими способами: и собственными корреспондентами,—свѣжими новостями, такъ сказать, изъ первыхъ рукъ, однимъ или двумя членами Госуд. Думы (это теперь въ большой модѣ); какимъ нибудь моднымъ писателемъ, хлесткими фельетонами изъ мѣстной жизни, для чего на утѣху публики ежедневно жарится въ котлѣ газетной стряпни какой-нибудь обыватель, государственный или общественный дѣятель и т. п. Пускаются въ ходъ шантажъ, ложь, базарныя сплетни, пасквиль. Всѣ способы хороши и пріемлемы; важно одно: писать такъ, чтобы и овцы были цѣлы, и волки сыты, т. е. забросать грязью, опозорить чью-либо репутацію, чье-либо доброе имя, но облечь это въ туманную форму, чтобы и благородство сохранить и чтобы придраться нельзя было. Все зависитъ отъ „опыта“ редактора или секретаря. Такое опытное лицо не всегда на мѣстѣ найдешь; для провинціи обычно выписываютъ такихъ газетныхъ дѣльцовъ изъ Москвы или Петрограда. И то съ нѣжнымъ воркованіемъ кроткой голубицы, то съ снисходительной улыбкой благороднаго гидальго, то съ чарующей лаской сиреноподобнаго іезуита, приносится въ печати въ жертву любое доброе имя, любая репутація.

Всѣ эти пріемы не только не осуждаются, но даже поощряются общественнымъ мнѣніемъ, потому что каждая газета—представитель какой-нибудь лѣвой партіи: прогрессивной, кадетской, эсдековской и т. п. Но для отвода глазъ, газета объявляетъ себя безпартійно-прогрессивнымъ органомъ. И творится у насъ нѣчто несуразное Вѣдь, для того, чтобы открыть мастерскую,—сапожникъ, портной должны выдержать экзаменъ, получить ремесленное свидѣтельство; ихъ работа у всѣхъ на виду, доступна оцѣнкѣ; точно также, у каждаго купца—товаръ лицомъ; врачъ, юристъ—должны получить дипломы и т. п. А чтобы „открыть“ газету, нужно только доброе желаніе и—больше ничего; объявляется о выходѣ въ свѣтъ новаго безпартійно-прогрессивнаго органа; дается газетѣ какое либо хлесткое названіе, вродѣ „Волжскій Край“, „Утро Россіи“ и т. п., причемъ составляется и обнародывается списокъ „извѣстныхъ“ сотрудниковъ. Кого только нѣтъ въ этомъ спискѣ „знаменитостей“, вся извѣстность которыхъ заключается лишь въ томъ, что они извѣстны другъ другу. Тутъ все старые знакомые и друзья; каждая безпартійно-прогрессивная газета—это небольшая, но теплая компанія, своего рода—іезуитская коллегія, потому что газетныя знаменитости извѣстны только другъ другу, для общества же, и вообще для міра они псевдонимы. А какъ извѣстно, іезуиты тщательно скрывали свое настоящее званіе и свою принадлежность къ ордену, вращаясь въ обществѣ подъ разными вымышленными именами, и эти милые обычаи благороднаго іезуитскаго ордена цѣликомъ внесены въ газетную атмосферу, не вызывая съ чьей-либо стороны ни протеста, ни возмущенія. Что можетъ быть возмутительнѣе и безчестнѣе этого іезуитскаго обычая газетныхъ псевдонимовъ? Но газетное іезуитство успѣло настолько извратить наше понятіе о добрѣ и злѣ, о нравственномъ и безнравственномъ, что мы не только миримся съ отвратительнымъ явленіемъ газетнаго пседонимства, но всецѣло поощряемъ и одобряемъ его.

А сотрудниковъ набрать не трудно, потому что каждый, кто въ состояніи быть (и въ доброе старое время былъ) только мелкимъ писцомъ полицейскаго управленія или нотаріальной конторы, но кто въ наше время такой мелкой ролью не хочетъ удовлетвориться, имѣетъ всѣ шансы попасть въ сотрудники безпартійно-прогрессивной газеты. Повѣрьте, нѣтъ ничего легче, какъ стать сотрудникомъ такого газетнаго органа; для того, чтобы склонять слово „прогрессъ“, болтать о свободахъ, лгать, клеветать, ругать всѣхъ неугодныхъ лицъ реакціонерами, стародумцами,—право, ни таланта, ни ума не нужно. О, милый, наивный русскій читатель! не вѣрь этимъ газетнымъ псевдонимамъ, а имя имъ легіонъ... Они плачутъ на двадцать строкъ, смѣются на 30, негодуютъ на 40, клевещутъ на 50, благородно возмущаются на 60, наводятъ критику на 70, пишутъ фельетоны съ претензіей на дешевое остроуміе на 80 строкъ и т. д. А каждая строка чего нибудь да стоитъ. Если же съ ангельски кроткимъ лицомъ они кого либо поджариваютъ на огнѣ, или топятъ въ грязи, то и это благородное

занятіе оцѣнивается на строки; любая репутація, любое доброе имя цѣнится теперь на газетныя строки *).

А стоитъ только выйдти въ свѣтъ новому безпартійно-прогрессивному органу,—и готовъ диктаторъ. Въ Самарѣ, напр., настоящими начальниками губерніи, истинными калифами являются г.г. Вѣтровъ и Свидерскій, Елачичъ и спеціально прибывшій изъ Москвы Кудрявцевъ. Въ ихъ рукахъ честь, достоинство, доброе имя и репутація любого изъ насъ; вмѣсто словъ „захочу – полюблю, захочу—разлюблю", они смѣло могутъ напѣвать: „захочу—помилую, захочу—казню"... И такую власть каждый можетъ себѣ присвоить; стоитъ ему подъ любымъ псевдонимомъ вступить въ ряды славной газетной стаи, какъ въ старину пріобрѣтали власть, вступая въ орденъ іезуитовъ. Вѣдь это же экспропріація, самая безстыдная экспропріація власти. И эта экспропріація производится открыто, у всѣхъ на виду; ея какъ-бы не замѣчаютъ ни общество, ни власть Выпустивъ въ свѣтъ печатный органъ, редакціонная клика нагло кричитъ обществу: „руки вверхъ!", а чтобы скрыть истинное положеніе дѣла, газеты прикидываются кроткими ягнятами и въ одинъ голосъ кричатъ о стѣс-

*) На горе человѣчеству газетные псевдонимы выдѣлили еще особый орденъ: репортеровъ, интервьюэровъ и т. п. Это люди, для которыхъ нѣтъ ничего святого, ничего чужого. Съ видомъ собственника и хозяина они дерзко врываются въ любую квартиру, въ любое помѣщеніе и со значкомъ репортера, но на правахъ судебнаго пристава, они нагло заглядываютъ во всѣ углы и тайники хозяйской души и хозяйскаго добра. Имъ дорога не правда, имъ дорога лишь газетная строка и ея цѣна. Но въ общественныхъ учрежденіяхъ ихъ наглости и заносчивости нѣтъ предѣла; репортеру мерещится, что всѣ государственныя, земскія, городскія и т. п. учрежденія созданы только для него—газетнаго репортера; что всѣ работаютъ и дѣло дѣлаютъ только для него же, газетнаго репортера. Въ общественныхъ учрежденіяхъ онъ себя чувствуетъ предсѣдателемъ надъ всѣми предсѣдателями и начальникомъ надъ всѣми служащими. Ему кажется, что все въ мірѣ—трынъ трава, лишь онъ дѣло дѣлаетъ; что только онъ творитъ и земское и городское дѣло, и только потому, что за пятачки пишетъ въ газетахъ о томъ, что никому не интересно, никакого значенія не имѣетъ, ни на іоту никакого дѣла не двигаетъ, а только служитъ для пополненія газетныхъ столбцовъ и репортерскихъ кармановъ. Репортеръ всюду суетъ свой носъ и свое ухо, нагло и дерзко отвлекаетъ каждаго отъ дѣла. Не дай Богъ однако думать, что каждый дѣлаетъ дѣло для дѣла, а отнюдь не для газетнаго репортажа. За дерзость такову на васъ же въ газетахъ польются ушаты грязи, помоевъ, лжи, клеветы и т. п. Эта участь выпала на мою долю, когдя я вздумалъ отстоять свое право земскаго работника передъ наглостью газетныхъ репортеровъ. Меня объявили врагомъ гласности, предварительно изрыгнувъ лужу грязи и возмутительной лжи. Я пользуюсь случаемъ, чтобы сказать этимъ милымъ господамъ: г.г. сотрудники „Волжскаго Слова", Волжскаго Края" и т. п. газетъ! повѣрьте, въ мизинцѣ любой изъ моихъ ногъ больше уваженія къ разумной, правдивой гласности, чѣмъ у всѣхъ репортеровъ всѣхъ безпартійно-прогрессивныхъ органовъ, вмѣстѣ взятыхъ. Смѣю васъ увѣрить, это былъ походъ съ моей стороны не противъ гласности, а противъ Вашей наглости и беззастѣнчивости, противъ той лживой, пошлой окраски, какую приняла гласность въ прессѣ". Къ этому походу я призываю всѣ общественныя учрежденія, всѣхъ здравомыслящихъ людей, къ походу противъ тѣхъ іезуитскихъ принциповъ, противъ тѣхъ обычаевъ, которыя воцарились въ нашей прессѣ, въ которой понятія добра, правды, гласности, всего того, чѣмъ гордится человѣчество, составляютъ только предметъ купли-продажи. Изъ подъ фиговаго листка жалкихъ словъ и борьбы за свободу, за прогрессъ и за гласность стыдливо и нагло въ газетной лужѣ глядитъ репортерскій пятачекъ и требуетъ себѣ всеобщаго поклоненія и безотвѣтнаго подчиненія.

неніи печати, о стѣсненіи свободы слова. О, нѣтъ! Искреннее, правдивое слово, въ Россіи не стѣснено! Развѣ кто въ своемъ дѣлѣ, въ своемъ обиходѣ, въ своей насущной и повседневной практической дѣятельности чувствуетъ какое-либо административное стѣсненіе слова? Пусть каждый глубже вдумается въ этотъ вопросъ, пусть онъ его обсудитъ съ точки зрѣнія реальныхъ нуждъ и жизненной правды и онъ пойметъ, что слово, правдивое слово въ Россіи свободно. Но печати нужна свобода клеветать и будировать общественное мнѣніе; такое слово не свободно и нигдѣ въ мірѣ не можетъ быть свободно. То, что газеты называютъ стѣсненіемъ печатнаго слова, есть только стѣсненіе лживаго слова, представляетъ только административную попытку оградить общество отъ наглыхъ экспропріаторовъ власти, именуемыхъ редакторами, секретарями и сотрудниками безпартійно-прогрессивной печати. Свободное, безпардонно-свободное печатное слово, о которомъ въ одинъ голосъ вопіютъ газеты, нужно только печати и газетнымъ псевдонимамъ, нужно для того, чтобы вѣрнѣе экспропріировать власть. То свободное правдивое слово, которое нужно обществу, у общества имѣется. Не объ обществѣ, не о правдѣ, отнюдь не о народныхъ интересахъ хлопочетъ безпартійно-прогрессивная печать, а только о себѣ самой, о своей власти, о своихъ пятачкахъ, и слезы ея—крокодиловы слезы.

Говорятъ объ исключительныхъ положеніяхъ, объ административномъ произволѣ; но вѣдь администрація назначается властью и находится подъ ея контролемъ; она руководится опредѣленными директивами, и дѣятельность ея при всѣхъ условіяхъ заключена въ законныя рамки. И пусть каждый изъ обывателей, положа руку на сердце, скажетъ, чувствуетъ онъ развѣ въ своей обычной, семейной и профессіональной обстановкѣ, въ своей реальной жизни и практической дѣятельности гнетъ исключительныхъ положеній, этотъ административный произволъ, о которомъ газеты прожужжали уши? Наоборотъ, въ исключительномъ положеніи находятся только газеты и газетчики, вѣрнѣе—обыватели по отношенію къ газетамъ, и если существуетъ у насъ произволъ, то это произволъ безпардонно-прогрессивной печати, для которой нѣтъ ни законовъ, ни контроля, ни преградъ. Этотъ гнетъ чувствуетъ каждый изъ насъ, и каждый изъ насъ сознаетъ, что его достоинство, честь, доброе имя въ рукахъ неофиціальныхъ администраторовъ края—мѣстныхъ газетныхъ дѣлъ мастеровъ. Тебя оклеветали, забрызгали грязью, осмѣяли, но, скрывшись подъ псевдонимомъ, облекши все въ форму туманныхъ намековъ, притчей и т. п., такъ чисто и ловко повели дѣло, что придраться не къ чему, и не поможетъ тебѣ и обращеніе къ суду. Да и у кого изъ мирныхъ обывателей хватитъ охоты тягаться по судамъ? Надо только привѣтствовать административныя взысканія на печать, которыя хоть сколько-нибудь ее обуздываютъ и являются благодѣтельнымъ проявленіемъ административной самозащиты. Надо только пожалѣть, что не введены общественныя и даже личныя взысканія, надо скорбѣть, что каждый членъ общества лишенъ естественнаго права самозащиты, которое предоставлено администраціи. Надо только пожелать, чтобы право административ-

ныхъ взысканій распространено было и на случаи индивидуальнаго нарушенія правъ и опорочиванія изъ-за угла, подъ прикрытіемъ псевдонимовъ, добраго имени каждой отдѣльной личности.

Правда, когда въ Государственную Думу внесенъ былъ законопроэктъ о печати, главная цѣль котораго – хоть сколько-нибудь сократить произволъ печати и оградить отъ ея эксцессовъ беззащитнаго русскаго обывателя, то во всей безпардонно прогрессивной печати, поднялся вой и скрежетъ зубовный: „Караулъ, Россія гибнетъ! Это посягательство на законную свободу русскаго народа, на достоинство и законныя права русскаго общества!...“ Не вѣрь, милый, но легковѣрный русскій обыватель! Это крокодиловы слезы... Не о тебѣ, а только о себѣ хлопочетъ печать, потому что законопроэктъ ограждаетъ только твои интересы и представляетъ походъ не противъ общества, не противъ печатнаго слова, а противъ произвола печати, противъ засилія газетчиковъ. Тебѣ надо привѣтствовать этотъ законопроэктъ и сожалѣть только, что онъ еще очень слабъ и не въ достаточной степени ограждаетъ твои интересы.

Неужели же не ясно, что направленіе, принятое печатью, представляетъ ненормальное, болѣзненное явленіе. Развѣ нормальна эта жажда сенсаціонныхъ новостей, скандальныхъ разоблаченій, которую такъ старательно разжигаютъ и всячески удовлетворяютъ современныя газеты? Страсть къ сенсаціямъ невольно влечетъ преувеличенія, прикрашиванія, но гдѣ сенсація представляетъ промыселъ, предметъ купли-продажи, тамъ царство лжи, клеветы, пасквилей; тамъ ничего святого, тамъ предательски влѣзаютъ въ чужую душу, нагло врываются въ частную жизнь любого лица, настежъ открываютъ двери чужихъ гостиныхъ, спаленъ, заглядываютъ во всѣ тайники чужихъ квартиръ. Немудрено, что въ конечномъ результатѣ каждый печатный органъ представляетъ своего рода прачешную для мойки грязнаго бѣлья. И въ такую грязную, смрадную атмосферу намъ ежеминутно приходится окунаться. На грязное нечистое дѣло выходятъ въ ночную пору, тщательно скрывая лица; экспропріаторы надѣваютъ маски, вымазываютъ лица сажей; іезуиты тщательно скрывали свою принадлежность къ ордену; воры и грабители живутъ по чужимъ паспортамъ, носятъ всевозможныя воровскія клички, или выражаясь литературно,—воровскіе псевдонимы. Вотъ почему въ нечистомъ, грязномъ газетномъ дѣлѣ такъ развитъ, такъ привился обычай псевдонимства. Вотъ почему въ газетной стаѣ раздался вой и скрежетъ зубовный, когда правительство вздумало посягнуть на право газетнаго псевдонимства, на этотъ общепринятый обычай шантажистовъ.

Развѣ нормально, допустимо превращеніе газеты въ органъ политической партіи? Даже въ Англіи и Сѣверо-Американскихъ штатахъ, гдѣ всего двѣ партіи, гдѣ люди дѣлятся на партіи по отдѣльнымъ, реальнымъ, самой жизнью выдвинутымъ вопросамъ,—и тамъ борьба партій временами превращается въ сплошную ругань и мойку грязнаго бѣлья. Чего же можно ожидать у насъ при искусственномъ дѣленіи на партіи, на почвѣ фантастическихъ, выдуманныхъ лозунговъ,

идей, программъ. Человѣкъ, вступившій въ такую партію, принявшій ея программу, теряетъ индивидуальность, превращается въ фанатика буквы и истиннаго бюрократа. Буква, форма—для него законъ, потому что, гдѣ нѣтъ жизни, гдѣ царитъ одна фантазія, тамъ преклоняются передъ внѣшностью, тамъ царство внѣшней красоты, тамъ царитъ буква; ее одну только видятъ и примѣняютъ ее всюду, не обращая вниманія, умѣстна она или нѣтъ. Мало того, въ глазахъ такого буквоѣда, противникъ его буквы, сторонникъ другой буквы—его личный врагъ, противъ такого врага умѣстны и пріемлемы всѣ средства, вплоть до клеветы, пасквиля, бойкота. Эти милые и имъ подобные пріемы носятъ громкое и красивое названіе; тактика партіи. Партія іезуитовъ въ этомъ отношеніи была прямѣе и эти свои пріемы окрестила откровеннымъ историческимъ изреченіемъ: цѣль оправдываетъ средства.

Измѣнилось только названіе, а суть осталась та же. Какъ во времена іезуитства, такъ и теперь нѣтъ надобности быть честнымъ, порядочнымъ, или умнымъ, дѣльнымъ, полезнымъ общественнымъ работникомъ, надо быть только сторонникомъ извѣстной буквы; иначе васъ обольютъ грязью, очернятъ, превратятъ въ шута гороховаго, не останавливаясь ни передъ какими пріемами. Въ особенности вамъ жутко придется, если вы никакихъ буквъ не признаете, хотите быть самимъ собой, смѣете свое сужденіе имѣть, считаясь только съ жизнью. Не то-ли было въ мрачныя времена средневѣковья, когда въ безопасности чувствовали себя лишь тѣ, что называли себя католиками, а въ особенности тѣ, что причисляли себя къ партіи іезуитовъ. Латинская поговорка гласитъ: tempora mutantur, et nos mutamur eiscum. *) Неправда.... Времена мѣняются, названія, клички мѣняются, но люди нисколько не мѣняются. Немудрено, что въ былыя времена, все мелкое, все ничтожное старалось объявить себя католикомъ: но въ особенности ультра-католиками, ультра-іезуитами были тѣ, которымъ это доставляло и матеріальныя выгоды. Газета-же по существу представляетъ коммерческое предпріятіе, а ультра-прогрессизмъ, ультра-демократизмъ – предметъ торговли оптомъ и въ розницу для всѣхъ этихъ издателей, редакторовъ, секретарей и всѣхъ дѣльцовъ газетнаго мира. Всякому не ослѣпленному человѣку должно быть ясно, что демократическое ханженство по самой логикѣ вещей естественно должно быть основной чертой современной политической прессы; фарисейство, буквоѣдство, схоластическія придирки къ словамъ, къ буквамъ—основной лейтъ-мотивъ ея; фанатическая нетерпимость, ультра-іезуитскіе пріемы—единственное ея оружіе, тѣ киты, на которыхъ держится политическій газетный демократизмъ подъ замысловатымъ прозвищемъ „безпартійно-прогрессивный“. Можно только представить себѣ, сколько фальши, сколько лжи, сколько грязи во всѣхъ политическихъ органахъ нашей печати. Выступаетъ, напр., съ дѣловой, спокойной декларацiей предсѣдатель совѣта министровъ. Группа депутатовъ, посланныхъ населеніемъ съ великой цѣлью государственнаго строительства, начинаетъ свистѣть, галдѣть, производить

*) Времена мѣняются, и мы мѣняемся вмѣстѣ съ ними.

шумъ, считая очевидно такое занятіе однимъ изъ элементовъ законодательной дѣятельности. На обиходномъ языкѣ это называется озорствомъ, хулиганствомъ; пресса же съ чисто іезуитскимъ ехидствомъ поспѣшила окрестить это милое занятіе замысловатымъ, но благороднымъ иностраннымъ терминомъ: „обструкція". Началась процедура вывода хулигановъ изъ Думы. Даже „Русское Слово"— этотъ ультра-безпардонно-прогрессивный органъ, вынуждено было признать, что обструкція эта превратилась въ смѣшной фарсъ, но, говоритъ газета, „положеніе спасъ Чхенкели". А спасъ онъ, видители тѣмъ, что уперся, какъ маленькій ребенокъ (вѣрнѣе—какъ взрослый оселъ), и заявилъ: „не пойду!". Однако съ появленіемъ чиновъ охраны (не военной стражи, а нѣчто вродѣ думскихъ швейцаровъ), также торжественно и съ побѣдоноснымъ видомъ, какъ и его товарищи, удалился за дверь. И что-же? Всѣ эти двадцать думскихъ хулигановъ превратились въ героевъ дня, ихъ портреты красуются вездѣ, и отовсюду имъ шлютъ привѣтствія, мало того—въ ихъ честь рабочіе бастуютъ, а милліонеръ Шаховъ пользуется случаемъ и изъ своихъ милліоновъ на что-то жертвуетъ десять рублей, о чемъ газеты трубятъ въ теченіи цѣлаго мѣсяца.

Боже мой! Ежеминутно изъ трактировъ выводятъ дебошировъ, и такое удаленіе хулигановъ всѣ считали и считаютъ вполнѣ нормальнымъ и заслуженнымъ, но стоило вывести изъ такого учрежденія, какъ Государственная Дума, десятка два политическихъ дебошировъ, и... картина измѣнилась. Торжествуйте, дебоширы! радуйтесь, хулиганы! Ваше царство настало! Бейте посуду, ломайте мебель, ругайтесь, какъ самарскіе горчишники! Васъ не тронутъ. А если найдутся смѣльчаки, которые посмѣютъ васъ вывести, то вы превратитесь въ героевъ дня, а рабочіе воспользуются случаемъ и будутъ бастовать до тѣхъ поръ, пока закономъ воспрещено будетъ выводить дебошировъ и хулигановъ, потому-де, что на языкѣ безпардонно—прогрессивныхъ органовъ: „личность неприкосновенна"....

Увы! Это не преувеличеніе. Печать можетъ создать какія угодно ложныя представленія, можетъ склонить чашку вѣсовъ въ любую сторону. Не даромъ говорятъ, что печать—это седьмая великая держава. Но, скажу я, это держава ходульная; она держится только инертностью, безразличіемъ общества. Вѣдь, пресса—это только сравнительно небольшая кучка лицъ. Каждый органъ печати даетъ себѣ какое-либо громкое названіе: „Русское Слово", „Волжское Слово", но по существу это слово того или иного лица, той или иной кучки экспропріаторовъ, дерзко захватившихъ въ свои руки власть надъ мыслями, желаніями, симпатіями общества. Вѣдь, гипнозъ не выдумка, а наукой и опытомъ установленная истина. Вѣдь, въ нѣсколько минутъ можно внушить человѣку любую идею, любое представленіе. Но если такому быстрому внушенію поддаются далеко не всѣ, то безусловно всѣ въ той или иной степени поддаются медленному, длительному внушенію. Въ лицѣ каждаго печатнаго органа мы имѣемъ такого именно гипнотизера, такого властителя думъ, мыслей, желаній общества. Нужно обладать крупной индивидуальностью, большой уравновѣшенностью мысли, чтобы не поддаваться

хроническому гипнозу и смотрѣть на свѣтъ своими собственными не загипнотизированными глазами. Печать утверждаетъ, что она является выразительницей общественнаго мнѣнія; это—завѣдомая и крайне выгодная для печати ложь; наоборотъ—печать является создательницей общественнаго мнѣнія, вѣрнѣе, общественнаго повальнаго гипноза. *) Все, что угодно, внушитъ газета, и немудрено, напр., что съ легкой руки „Русскаго Слова“ и др. газетъ—всѣ дебоширы и хулиганы войдутъ въ честь и славу. Я указалъ на случай Думскаго хулиганства, какъ на особо яркій и понятный примѣръ гипнотическаго затмѣнія общества, но въ дальнѣйшемъ цѣлью всей моей брошюры является показать, въ какой странной и удушливой атмосферѣ гипнотическаго затмѣнія мы всѣ живемъ и дышимъ. Могу только заранѣе сказать, что область этого затмѣнія весьма велика и обширна.

И смотритъ каждый на свѣтъ Божій глазами кучки экспропріаторовъ, именующихъ себя сотрудниками той или иной газеты, видитъ только то, что видитъ эта кучка, признаетъ только то, что признаетъ она; бранитъ тѣхъ, кого бранитъ газета, хвалитъ тѣхъ, кого она хвалитъ; по желанію газетныхъ псевдонимовъ бѣлое называетъ чернымъ, черное бѣлымъ и т. п. О, несчастные, больные люди! О, читатели газетъ! Изо дня въ день вливается въ васъ газетная

*) Германія прекрасно сознала это преступное, гипнотизирующее вліяніе печати, и какъ ясно изъ книги изданной французскимъ правительствомъ, она всюду создавала органы печати, имѣвшіе цѣлью обрабатывать и направлять извѣстнымъ образомъ общественное мнѣніе. И Германія въ большинствѣ случаевъ достигала цѣли, вызывая къ себѣ доброжелательное отношеніе и, наоборотъ, враждебное по отношенію къ ея противникамъ. Не ясно-ли, что печать не выражаетъ, а создаетъ общественное мнѣніе, по желанію гипнотизируетъ его въ ту или въ другую сторону. Гдѣ нужно, Германія подкупала печать. А какъ вамъ нравится выраженіе: „подкупъ печати“? Обыватель привыкъ видѣть въ печатномъ словѣ отраженіе правды, добра, самого высшаго проявленія морали; а съ именемъ газеты, печати олицетворять благородство, лучшіе порывы, все то хорошее, что живетъ въ каждомъ читателѣ. Для обывателя печать, что для рыцаря—дама сердца. Онъ ее обожаетъ, ставитъ на недосягаемую высоту, видитъ въ ней всевозможныя достоинства. И какъ средневѣковые рыцари въ своей дамѣ сердца, такъ современный обыватель въ печати не замѣчаетъ ея недостатковъ. Онъ не замѣчаетъ того, что какъ лавочникъ примѣняется къ вкусамъ покупателей, такъ газета примѣняется къ вкусамъ обывателей. Что это за идеалъ, который можно подкупить? И развѣ вся пресса не подкупается, если она въ интересахъ увеличенія своего тиража, старается лишь о томъ, чтобы угодить не правдѣ, не здравому смыслу, а вкусамъ малосознательнаго читателя? Развѣ это не моральный подкупъ. И если бы читатель вдумался во весь ужасъ понятія „подкупленная газета или пресса“, въ связи съ ея значеніемъ для государства и общества, въ связи съ тѣмъ обликомъ, который пресса получила въ наше время... то онъ понялъ-бы, какому контролю должна подвергаться печать, онъ сообразилъ-бы и громко потребовалъ-бы превращенія газеты въ общественное и государственное учрежденіе. Въ глубинѣ своей души каждый сознаетъ это губительное значеніе и вліяніе печати, но какое то ослѣпленіе, какой-то параличъ энергіи мѣшаетъ ему громко протестовать. А развѣ каждый не замѣчалъ раньше засилія нѣмцевъ, ихъ тлетворнаго вліянія на всѣ стороны русской государственной и общественной жизни, однако всѣ молчали. Война послужила толчкомъ, и всѣ прозрѣли, другими словами — стали вслухъ видѣть то, что они и раньше видѣли. Наступитъ время, будетъ и для печати толчекъ, и общество прозрѣетъ, и какъ теперь кричатъ о засильи нѣмцевъ, такъ будутъ кричать о засильи печати.

отрава,—эта смѣсь лжи, клеветы, пасквилей, бредовыхъ идей, навязчивыхъ мыслей, ложныхъ представленій, подсказанныхъ болѣзненной фантазіей и т. п.

Вотъ почему я назвалъ чтеніе газетъ болѣзненнымъ явленіемъ и однимъ изъ симптомовъ вновь открытой болѣзни. Я имѣлъ въ виду главнымъ образомъ газеты безпартійно-прогрессивнаго типа, какъ естественныхъ носителей газетнаго яда; но въ извѣстной степени газеты трезваго, праваго направленія также заразились общей болѣзнью, присвоивъ себѣ элементъ политическихъ органовъ.

— О, читатели газетъ! О, несчастные, больные люди! Вы одержимы западно-европейской болѣзнью; эта болѣзнь на западѣ привела и приведетъ много народовъ къ вырожденію и гибели. Эта болѣзнь въ Россіи сравнительно недавняго происхожденія; она насильно навязана русскому народу. Еще есть время и возможность излѣчиться... Помните, что этотъ ядъ, ядъ газетный, во много разъ хуже и вреднѣе алкоголя и никотина. И если теперь въ модѣ крикъ: „закройте кабаки"!, то я вправѣ крикнуть во весь голосъ и кричу: „закройте прежде всего кабаки, которые отравляютъ все и всѣхъ своимъ газетнымъ ядомъ, тѣ кабаки, которые именуются безпартійно-прогрессивными органами печати!" Изданіе газетъ должно быть дѣломъ общественныхъ учрежденій, и газеты должны давать одни только фактическія свѣдѣнія и новости общественнаго и мірового значенія; а разобраться въ этихъ фактическихъ данныхъ да будетъ предоставлено самому великому, разсудительному и уравновѣшенному русскому народу....

И какъ еврей, я глубоко скорблю, что въ этомъ отравленіи человѣчества газетнымъ ядомъ видное участіе принимаютъ сыны моего горячо любимаго и несчастнаго, трагически несчастнаго народа. Прошу только не придавать моимъ словамъ какого-либо превратнаго толкованія; это только нѣсколько слезъ, пущенныхъ современнымъ Еремiей. Еврейскому вопросу во всемъ его широкомъ, общечеловѣческомъ и міровомъ значеніи я посвящу особую бесѣду, и эта бесѣда будетъ сплошнымъ плачемъ Еремiи нашихъ дней.

Каждый психозъ обычно сопровождается какой-либо бредовой идеей; кто мнитъ себя китайскимъ императоромъ, кто Наполеономъ, кто просто героемъ. Точно также страдаетъ особой маніей величія каждый больной, одержимый вышеописанной болѣзнью, которую потомки, по имени автора, быть можетъ, назовутъ „morbus Gordoni". Манія заключается въ томъ, что каждый больной называетъ и считаетъ себя интеллигентомъ, а всю огромную массу своихъ товарищей по несчастью—интеллигенціей.

Странно однако, что современные маніаки спокойно разгуливаютъ на свободѣ; но какъ же можетъ быть иначе, когда маніаковъ такая масса, что матушка—земля по существу представляетъ огромнѣйшій сплошной лазаретъ. Но есть другая особенность современной интеллегентной маніи, которая не такъ-то легко поддается объясненію. Вѣдь обыкновенный маніакъ реаленъ, его бредовыя идеи имѣютъ какія-либо реальныя основы въ жизни; Китайскій императоръ—это

реальная величина, Наполеонъ когда-то жилъ и т. п. Но что такое интеллигентъ, что такое интеллигенція,—никто ни себѣ, ни другому толкомъ не объяснитъ. Горничная, надѣвшая шляпку, называетъ себя интеллигентной молодой дѣвушкой; и не только она себя, всякій ее такъ назоветъ; вчера, напр., вы читаете въ газетѣ: „на глазахъ многочисленной толпы бросилась сегодня въ рѣку и утонула интеллигентная молодая дѣвушка; званіе ея не удалось установить...“ Кто она? Дива изъ шантана, горничная или швея, бѣдная ли курсистка или богатая купеческая дочь? Къ чему эти подробности, когда есть универсальное понятіе „интеллигентная“. Въ той же газетѣ читаешь: „интеллигентная барышня ищетъ мѣста по хозяйству къ одинокому“, или „молодая, красивая и симпатичная интеллигентная дама, спеціалистка по массажу, ищетъ подходящихъ занятій...“ Рабочій во время забастовки и въ свободное отъ забастовокъ время, умѣющій членораздѣльно произносить слово „пролетарій“, несомнѣнно считаетъ себя интеллигентомъ высшей марки. Если вы не воспитаны, ходите по улицамъ, толкая всякаго, кто попадается вамъ навстрѣчу, васъ назовутъ хулиганомъ, но если толкнувъ кого-либо, вы процѣдите сквозь зубы „пардонъ“, – вы превратитесь въ интеллигента.

Но, быть можетъ, образованіе, дипломъ учебнаго заведенія достаточны для возведенія въ высокое званіе „интеллигента“...? Однако когда я заикнулся объ этой возможности въ одномъ обществѣ „интеллигентовъ“, на меня со всѣхъ сторонъ посыпались упреки: „что-же, прикажите и Пуришкевича и Маркова считать интеллигентами? Или, быть можетъ, признать интеллигентами дипломированныхъ членовъ „союза русскаго народа?“ Я вынужденъ былъ смущенно замолчать. Впослѣдствіи выяснилось, что интеллигентность моихъ собесѣдниковъ заключалась въ томъ, что каждый изъ нихъ имѣлъ за собою тюремный стажъ. Это неожиданное открытіе еще болѣе затемнило вопросъ; вѣдь, по общему мнѣнію, нѣтъ ничего легче, какъ попасть въ тюрьму, и нисколько не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы вынудить администрацію упрятать желающаго въ эту тихую и скромную обитель, такъ-какъ въ распоряженіи такого лица много весьма разнообразныхъ и легкихъ способовъ. Повидимому, овчинка стоитъ выдѣлки, если многіе рискуютъ своей свободой для полученія званія „интеллигента“.

Что-же такое интеллигентъ? Я долго ломалъ-бы голову надъ разрѣшеніемъ этого вопроса, если-бы не лекторъ Народнаго Университета профессоръ Гредескулъ, прочитавшій лекцію въ Самарѣ объ интеллигенціи. Я съ радостью пошелъ на эту лекцію, надѣясь найти въ ней отвѣтъ на мучительный вопросъ. И это, кстати, была единственная прослушанная мною лекція Общества Народныхъ Университетовъ. Долженъ откровенно признаться, что я очень мало понялъ изъ той галиматьи, которую проф. Гредескулъ окрестилъ лекціею. – Это былъ наборъ словъ, туманныхъ намековъ, отвлеченныхъ мыслей; это была попытка логически связать фантастическія, заоблачныя теорія съ жизнью; предвзятыя, безпочвенныя идеи и мечты возвести въ степень какой-то научной догмы. Можетъ быть, эту галиматью и поняла та публика, которая съ избыткомъ заполняла залъ, и которой, оче-

видно, понятно и пѣніе райскихъ птицъ, и голоса съ того свѣта на спиритическихъ сеансахъ, и пластическіе танцы разныхъ босоножекъ, и бредъ фатуристовъ, и богословскіе споры о смыслѣ той или иной буквы и т. п. Но все это было выше пониманія рядового обывателя, къ числу которыхъ я имѣю несчастье причислять себя, и все несчастье которыхъ заключается въ томъ, что среди этой громады человѣчества, парящаго безъ аэроплана въ облакахъ, они ходятъ по землѣ, притомъ на своихъ, а не на ходульныхъ ногахъ, и мыслятъ жизненными человѣческими представленіями и понятіями.

Прослушавъ лекцію Гредескула, я къ великому своему удовлетворенію постигъ, наконецъ, что такое интеллигенція, и узналъ я, что это вся та ненормальная, безпочвенная и заоблачная часть общества, которая валомъ валитъ на лекціи Гредескула и другихъ странствующихъ акробатовъ мысли, носящихъ громкое названіе лекторовъ народнаго университета и, наравнѣ со славной газетной стаей и членами разныхъ прогрессивныхъ обществъ, занимающихся преступнымъ гипнозомъ общественнаго мнѣнія.

Вѣдь, гипнозъ—лечебный пріемъ, и какъ таковой, онъ можетъ находиться только въ вѣдѣніи отвѣтственныхъ лицъ—спеціалистовъ. Законъ запрещаетъ заниматься гипнозомъ безотвѣтственнымъ профанамъ, въ рукахъ которыхъ гипнозъ—опасное орудіе и превращается въ преступный элементъ. Почему же не запрещаютъ заниматься этимъ преступнымъ гипнозомъ общественнаго мнѣнія г.г. газетчикамъ, г.г. мѣстнымъ и странствующимъ лекторамъ? Ихъ дѣятельность—сплошная гипнотизація общественнаго мнѣнія. Вѣдь, во Франціи даже, въ этой классической странѣ свободы, закрыли-же іезуитскія конгрегаціи, изъяли воспитаніе юношества изъ рукъ іезуитовъ. А вѣдь, любая газета—конгломератъ лжи, доносовъ, провокаціи,—своего рода іезуитская коллегія; каждый лекторъ народнаго университета—это форменный іезуитъ самаго преступнаго типа.

Навязчивая-же, гипнотизирующая мысль проф. Гредескула заключалась въ томъ, что прогрессъ—это высшій завѣтъ жизни; стремленіе къ прогрессу—величайшій ея идеалъ; прогрессъ же олицетворяется въ отвлеченныхъ понятіяхъ свободы, равенства и братства; эти понятія олицетворяются въ конституціи, парламентѣ, партійности; интеллигентъ-же—носитель и хранитель упомянутыхъ величайшихъ политическихъ идеаловъ, онъ борецъ за конституцію и парламентъ. Другими словами,—интеллигенція—соль жизни; каждый интеллигентъ—герой, доморощенный китайскій императоръ. Кому не лестно стать китайскимъ императоромъ, если для этого стоитъ только заявить, что у китайскаго императора на носу шишка? Кому не лестно стать интеллигентомъ, если для этого стоитъ повторять эти безумныя небылицы безумной французской революціи, преподнесенныя проф. Гредескуломъ. Немудрено, что послѣ лекціи проф. Гредескула интеллигентовъ развелось видимо—невидимо. Для меня же послѣ лекціи Гредескула стало ясно, что понятія „интеллигенція“, „интеллигентъ“ стоятъ на той же высотѣ, что и понятія „пролетарій“, пролетаріатъ“ *),—другими словами,

*) Смотр. мою брошюру „Донъ-Кихоты и Фарисеи“.

представляютъ фикцію, бредъ помѣшаннаго. Нѣтъ и не можетъ быть въ жизни интеллигенціи, есть и можетъ быть только человѣкъ; интеллигенція—измышленіе людское, и интеллигенты существуютъ только въ фантазіи людской. Есть сословія, чины, званія, титулы и т. п. Все это также искусственно, также созданіе людское, присваивается человѣку или при жизни, или съ самого рожденія, но каждое изъ этихъ понятій строго опредѣлено и ясно, и каждое изъ понятій облечено въ законныя рамки, такъ что присваиваніе себѣ титула или званія карается, какъ преступленіе. Но что это за званіе, которое каждый можетъ себѣ присвоить—и спеціалистка-массажистка и дѣвушка, ищущая занятій къ одинокому? Ясно, что интеллигенція—тоже Донъ-Кихотство. Назвалъ себя полупомѣшанный гидальго Донъ-Кихотомъ, объявилъ себя рыцаремъ; а теперь онъ объявляетъ себя интеллигентомъ. Разница только во времени, въ модѣ, но все это явленія одного и того-же порядка, по которому герой Гоголя объявилъ себя китайскимъ императоромъ.

Мы либеральничаемъ, превозносимъ демократію, отказываемся отъ титуловъ, глумимся надъ сословіями, дворянъ называемъ зубрами, но все это только слова, фразы; на самомъ же дѣлѣ мы преклоняемся передъ всѣми внѣшними отличіями, званіями; особенно этимъ грѣшатъ творцы „свободы, равенства и братства"—французы. Интеллигенція—современное дворянство, современное почетное званіе; интеллигентъ—патентъ на званіе современнаго дворянина. И какъ всѣ падки на это званіе.... Своего рода женская мода, которая по существу представляетъ гипнозъ подражательности. Женщина рядится въ страусовы перья; демократъ-же, не признающій титуловъ, презирающій дворянство, не замѣчаетъ, какъ онъ рядится въ пышныя перья интеллигента,—дворянина и рыцаря современности. Все это на высотѣ тѣхъ блестковъ, той мишуры, которыми украшаютъ себя сумасшедшіе, мнящіе себя китайскими императорами, Наполеонами и т. п. Благо, стать дворяниномъ современности легко; это званіе каждый вправѣ себѣ преподнести и присвоить его своимъ близкимъ и друзьямъ съ тѣмъ же успѣхомъ, какъ присвоилъ себѣ званіе рыцаря Донъ-Кихотъ. Какъ извѣстно, для посвященія въ рыцари Донъ-Кихота, достаточно было чтобы Санхо-Панчо ударилъ его по спинѣ палкой; для превращенія же въ интеллигента достаточно достать билетъ на лекцію Гредескула. И въ такомъ интеллигентѣ куда больше интеллигентной спѣси, чѣмъ въ дворянинѣ – дворянской.

Послѣ лекціи проф. Гредескула, я на досугѣ занялся составленіемъ инструкціи для полученія званія интеллигента Согласно инструкціи стоитъ только на всѣхъ перекресткахъ трубить, что ты прогрессистъ и сторонникъ какой либо лѣвой партіи, притомъ—чѣмъ партійность лѣвѣе, тѣмъ въ тебѣ интеллигентной крови больше (соціалъ-демократъ поэтому—это нѣчто, вродѣ князя отъ интеллигенціи); надо демонстративно читать „Волжскій Край", „Русское Слово" или другую какую-нибудь лѣвую газету, на обложкѣ которой напечатано, что она безпартійно прогрессивный органъ; надо вопить, что спасеніе Россіи въ настоящемъ парламентѣ съ отвѣтственнымъ министерствомъ; надо съ пафосомъ и съ дрожью въ голосѣ заявлять, что у

насъ нѣтъ конституціи, что Манифестъ 17 октября свелся къ нулю, что законъ 3 іюня—революціонный актъ, что Россія нуждается въ такихъ крупныхъ коренныхъ реформахъ, какъ полная гарантія свободы слова, печати, неприкосновенности личности и т. п., а вмѣсто нихъ намъ преподносятъ вермишель; надо, наконецъ, съ апломбомъ, который такъ присущъ истинному „интеллигенту“,—съ апломбомъ всезнайки и геніальнаго государствовѣда утверждать, что только съ немедленнымъ и полнымъ осуществленіемъ Манифеста 17 Октября наступитъ въ Россіи тишь да гладь, да Божья благодать и т. п. Само собою разумѣется, что требуется обязательное участіе во всѣхъ такъ называемыхъ „культурныхъ“ обществахъ, необходимо также посѣщать или покрайней мѣрѣ пріобрѣтать билеты на всѣ лекціи народнаго университета. Конечно, вся эта хлопотливая процедура оказывается совершенно излишней, если кому—нибудь удастся гдѣ-либо, когда-либо и почему-либо бастовать, а въ особенности, если ему посчастливилось усѣсться за такъ называемую „политику“ въ то старинное и извѣстное еще съ древнихъ временъ учрежденіе, которое зовется тюрьмой. А какъ всякому мало-мальски здравому человѣку должно стать ясно, нѣтъ ничего легче, какъ попасть въ эту старинную обитель; было-бы только желаніе. Словомъ, какъ легко досталось Донъ-Кихоту званіе рыцаря, или герою Гоголя титулъ Китайскаго Императора,—такъ легко достаются героямъ современности званія прогрессиста, интеллигента, демократа и тому подобные современные титулы и званія. И, что удивительнѣе всего, что достается съ трудомъ, что добывается въ потѣ лица, тѣмъ дорожатъ, то лелѣятъ и скромно прячутъ отъ любопытныхъ глазъ; то-же, что легко достается, выставляютъ напоказъ, о томъ трубятъ, тѣмъ чванятся. И демократическому чванству современныхъ интеллигентовъ“ нѣтъ предѣла. Но курьезнѣе всего то, что всѣ эти современные рыцари, драпирующіеся въ тоги прогрессистовъ, интеллигентовъ и демократовъ всѣхъ степеней и ранговъ, съ девизомъ равенства и братства на устахъ, отрицающіе современный строй, не признающіе сословій, чиновъ, стремящіеся на развалинахъ стараго міра создать соціальную республику, всѣ они забываютъ, что въ старые мѣха нельзя влить новаго вина; они не сознаютъ, что демократія, интеллигенція, пролетаріатъ—все это званія, сословія, чины и титулы, все это старая погудка на новый ладъ; они не могутъ понять, что въ соціальной республикѣ будетъ свое дворянство, своя аристократія, но эта аристократія будетъ только носить другое названіе—„демократія“; будетъ въ ней и буржуазія, будетъ въ ней пролетаріатъ, но будетъ эта буржуазія называться иначе и какъ-бы вы думали: „демократіей“. Вѣдь, и герой Гоголя мнилъ себя китайскимъ императоромъ, а на самомъ дѣлѣ это былъ какой-нибудь мелкій чиновникъ Поприщинъ. Такъ и наши интеллигенты мнятъ себя демократами, борцами за идею, объявившими войну дворянству, буржуазіи, всѣмъ обветшалымъ формамъ жизни, а на самомъ дѣлѣ они завидуютъ только дворянству, сами хотятъ стать дворянами и князьями, и на мѣсто одного знамени водрузить другое. Цвѣтъ, названіе знамени будутъ другіе, но суть останется все та-же, и то и другое знамя будутъ дворянскія.

Развѣ въ республиканской Франціи на мѣсто родовитаго дворянства не выросъ новый классъ, играющій ту же роль древняго дворянства. И въ любой соціальной республикѣ будетъ свое дворянство, свой пролетаріатъ, свое крестьянство и т. п. И понятно; міръ созданъ Богомъ, формы жизни, внѣшній ея укладъ, взѣ взаимоотношенія сложились подъ вліяніемъ естественныхъ законовъ природы, и передѣлка и перекройка формъ жизни не дѣло рукъ человѣческихъ; никакія ухищренія, никакія теоріи и умозаключенія, никакія философскія системы не измѣнятъ того, что предопредѣлено жизнью и природой. Въ результатѣ такихъ жалкихъ потугъ получится та передѣлка, которая носитъ названіе „Тришкинъ кафтанъ", другими словами—толчея воды въ ступѣ. Такія передѣлки, такіе перевороты совершались; людямъ казалось, что они вверхъ днемъ переворачиваютъ весь укладъ жизни, а на самомъ дѣлѣ получалась та-же толчея. Одному такому кажущемуся перевороту и посвящена моя брошюра; о немъ говоритъ и замысловатое и странное названіе брошюры, сопоставленіе демократіи съ инквизиціей.

Итакъ—интиллигенція, самое понятіе и званіе, представляетъ наравнѣ съ современной періодической печатью лишь симптомъ общестенной болѣзни, которую по имени автора, я для краткости буду называть morbus Gordoni, какъ это принято въ медицинѣ. Словъ на вѣтеръ я не бросаю, я высказываю лишь то, что глубоко мною продумано и всесторонне мною сознано. Свое заявленіе я въ дальнѣйшемъ постараюсь обосновать. Вѣдь, изъ предыдущаго ясно, что вопросъ объ интеллигенціи тѣсно связанъ съ вопросомъ прогресса, свободъ, парламента, всякихъ революцій, словомъ—съ конституціей. Моя задача упрощается и сводится къ тому, чтобы въ истинномъ свѣтѣ представить всѣ эти модныя современныя понятія, и тогда „интеллигентный" бредъ нашего общества не будетъ подлежать сомнѣнію. Поэтому къ обѣщанному мной еще въ брошюрѣ „Донъ-Кихоты и Фарисеи" вопросу о томъ, что такое конституція и есть ли у насъ конституція—я и перехожу.

I.

Я знаю, что этотъ вопросъ для любого „интеллигента“ ясенъ и научно установленъ, но я хотѣлъ-бы подойти къ нему съ точки зрѣнія рядового, вдумчиваго, но не зараженнаго маніей „интеллигентности“—обывателя. Такой обыватель сознаетъ, что жизнь народа складывается постепенно, исторически, но на фонѣ особенностей народа, его духа, мысли, характера; та или иная форма, въ которую эта жизнь окончательно вылилась, представляетъ творческую работу народа; она неразрывно связана съ народомъ, съ типичными чертами его духовнаго міросозерцанія. Нелѣпо задаваться вопросомъ, хороша или плоха та или иная форма, въ какую вылилась жизнь народа, какъ нелѣпо задаваться вопросомъ, хорошо или плохо строеніе человѣческаго тѣла, разъ оно другимъ не можетъ быть; еще нелѣпѣе стремиться къ тому, чтобы позаимствовать чужія формы народной жизни; безумно же и преступно навязывать другому свою культуру, хотя бы послѣдняя и была верхомъ совершенства. Мать не задается вопросомъ, хорошъ или плохъ ея ребенокъ; она знаетъ только, что онъ ея, родной, и она привязана къ нему, ко всѣмъ его достоинствамъ и недостаткамъ. Цивилизація народа и его культура, во всѣхъ многообразныхъ ихъ проявленіяхъ,—это и есть творческая работа народа, его родное дѣтище; форма же государственнаго устройства занимаетъ видное мѣсто въ числѣ другихъ сторонъ той или иной цивилизаціи. „Всякій народъ достоенъ своего правительства“, сказалъ французскій историкъ, и эта простая, но великая истина примѣнима ко всякому элементу народной жизни. Въ исторіи народовъ и человѣчества, въ жизненной міровой трагедіи нѣтъ личностей, нѣтъ ни героевъ, ни виновныхъ; есть событія и ихъ смѣна на протяженіи вѣковъ и тысячелѣтій; важны только послѣдствія и результаты событій въ жизни народовъ и человѣчества, а эти послѣдствія и результаты естественны, какъ жизнь, и неизбѣжны какъ смерть.

Поэтому—если я вѣками вижу во Франціи королевскую власть, я говорю, что эта власть свойственна и необходима французскому народу. Но если я теперь вижу республиканскую Францію, раздираемую борьбой партій, развращаемую соціализмомъ и другими язвами, я говорю, что это начало конца для французскаго народа. Но я не ищу виноватыхъ ни среди отдѣльныхъ лицъ, ни среди классовъ, сословій и т. п., а доискиваюсь причинъ, общихъ и свойственныхъ всему народу. Эту причину нахожу въ папствѣ; католическіе народы раздваивались; нельзя одновременно поклоняться и папѣ, и королю. Это великое несчастіе для народа, когда въ его духовную жизнь, въ его духовное міровоззрѣніе вторгается чуждый ему элементъ. Не даромъ всѣ католическіе народы на пути къ увяданію. И пусть поляки распѣваютъ „Еще Польша не сгинела...“, а я скажу, что Польша и поляки—только ходячая тѣнь, одинъ звукъ пустой, равно какъ Франція, французы и т. п. Вопросъ другой, явилось ли папство причиной упадка католическихъ народовъ, или уже каждый народъ въ самомъ себѣ таилъ тѣ черты характера, на фонѣ которыхъ пышно расцвѣло папство со всѣми его аттрибутами: іезуитствомъ, инквизиціей

и т. п.; важенъ только фактъ, что папство и увяданіе народа неразлучны другъ съ другомъ. Однако, я скорѣе склоненъ думать, что и въ данномъ случаѣ нѣтъ основаній обвинять папство. Вѣдь, не случайно же принялъ русскій народъ православіе, хотя Владиміръ посылалъ пословъ съ порученіемъ познакомиться со всѣми религіями; очевидно, русскому духу, его наклонностямъ не импонировали пышность и искусственность католическаго богослуженія, разсчитанныя на внѣшній эффектъ; вѣдь католическое богослуженіе—это лишь цѣлый рядъ театральныхъ дѣйствій, со смѣной декорацій. Не даромъ, наконецъ, ушли отъ папства тѣ народы, духу которыхъ оно было противно; не случайно такъ сильно развилась и окрѣпла цивилизація этихъ народовъ, какъ англійская и германская. Далеко не случайность, что всѣ романскіе народы католики, германскіе—протестанты, а славянскіе—православные. Повидимому, религія—одинъ изъ важнѣйшихъ элементовъ народной жизни—носитъ въ себѣ всѣ элементы неизбѣжности и независимости отъ человѣческой воли или отъ тѣхъ или иныхъ личностей. И вся моя задача будетъ заключаться въ томъ, чтобы показать, что и другой факторъ народной жизни—государственное устройство—носитъ въ себѣ тѣ же элементы неизбѣжности и независимости отъ человѣческой воли.

Скажу прямо, это точка зрѣнія глубоко вѣрующаго человѣка, вѣрнѣе—вѣрующаго еврея. Да, я вѣрую въ Бога. Въ наше время атеизма, позитивизма, нигилизма, соціализма, анархизма, футуризма, неприлично не только говорить, но даже заикаться о Богѣ. Я знаю, что мои слова вызовутъ презрительную улыбку на устахъ многихъ, но я по наклонной плоскости спускаюсь все ниже въ бездну реакціи и атавизма, и безъ малѣйшаго укора совѣсти сознаюсь, что я вѣрую въ Бога, какъ самый обыкновенный ветхозавѣтный іудей временъ библейскихъ. Библія—величайшая, никѣмъ не превзойденная мировая книга и только потому, что изложенная на простомъ библейскомъ языкѣ, она содержитъ самыя простыя, банальныя, но великія истины. Когда Моисей спросилъ Бога, какъ же ему объяснить народу, что такое Богъ?—Богъ отвѣтилъ: „скажи, что Я то, что Я есмь!...“ Съ того времени прошли тысячелѣтія, пройдутъ еще тысячелѣтія, но въ тайну мірозданія человѣкъ не проникнетъ и дальше этого опредѣленія Бога онъ не пойдетъ. Появится еще тысяча философскихъ ученій, возникнетъ еще масса дикихъ, безсмысленныхъ міросозерцаній, передъ которыми поблекнетъ даже слава анархизма или футуризма, человѣкъ научится жить въ водѣ, какъ рыба, воздушная сфера станетъ его родной стихіей, онъ постигнетъ тайну многихъ міровыхъ явленій, многихъ міровыхъ законовъ, для него не будетъ существовать пространства, онъ ухитрится вести бесѣды и даже общаться съ жителями Марса и другихъ планетъ,—и все-таки о Богѣ онъ будетъ знать лишь то, что—Онъ есть. Ничего новаго человѣкъ не создаетъ; все ново только для него и представляетъ открытіе или изобрѣтеніе только для него; для мірозданія же все это старо, и ничто не ново подъ луной. Все то, что человѣкъ еще только узнаетъ или изобрѣтетъ, давно уже готово въ природѣ, все это для мірозданія уже старо, и старо ровно настолько, насколько старо

само мірозданіе. Но сущность и смыслъ бытія, эту основную тайну мірозданія, человѣкъ не постигнетъ никогда. То мірозданіе, которое доступно его органамъ чувствъ и его познаванію,—это для человѣка то-же, что для цыпленка яичная скорлупа, въ которой онъ заключенъ. Можетъ развѣ цыпленокъ, находясь еще въ скорлупѣ, судить о томъ, что творится во внѣшнемъ мірѣ, на землѣ? Если же онъ дерзнетъ на это, то о землѣ, о мірозданіи онъ будетъ судить съ точки зрѣнія того тѣснаго пространства, которое заключено въ его яичной скорлупѣ; создастъ онъ себѣ какую-либо теорію, вродѣ анархизма, футуризма или ученія Толстого, и будетъ думать, что открылъ Америку и что онъ самый передовой среди цыплятъ,—словомъ, будетъ онъ цыплячьимъ „интеллигентомъ", одержимымъ куриной „morbus Gordoni".

Отрицаніе Божества считается однимъ изъ обязательнѣйшихъ элементовъ интеллигентности, и въ своемъ отрицаніи атеисты ссылаются на то, что все въ мірѣ цѣлесообразно и закономѣрно и происходитъ по извѣстнымъ, строго опредѣленнымъ законамъ, а въ этой закономѣрности, очевидно, Божеству нѣтъ мѣста. Само собой разумѣется, что это прежде всего разсужденія цыпленка, еще не вылупившагося изъ яйца, о томъ, что творится во внѣшнемъ мірѣ; человѣку въ его яичной скорлупѣ доступно только познаваніе нѣкоторыхъ законовъ, ему стало даже доступно пользованіе этими законами, и онъ въ своемъ цыплячьемъ высокомѣріи ничего, кромѣ законовъ, не признаетъ, подобно той Крыловской мыши, для которой „сильнѣе кошки звѣря нѣтъ". Хочется вѣрить, нельзя не вѣрить, что помимо закономѣрности есть въ мірозданіи и какая-то идея, есть сила, стоящая внѣ законовъ и выше законовъ. Но пусть такъ, пусть мірозданіе вѣчно, пусть имъ руководятъ одни только вѣковѣчные, но бездушные законы..... Однако, человѣкъ въ состояніи лишь познавать эти законы, ему дана даже возможность ими пользоваться, но ни одного новаго, не существующаго въ мірѣ закона человѣкъ не изобрѣтетъ, какъ никогда не создастъ даже ничтожнаго комара. Кто же создалъ эту величественную закономѣрность и Божественную цѣлесообразность? Откуда и какъ пошли эти законы? Развѣ это доступно человѣческому познанію? Или доступны ему понятія безконечности времени и мѣста? Наоборотъ, человѣкъ долженъ преклониться передъ самой этой величественной закономѣрностью, происходящей и доступной ему въ той яичной скорлупѣ, которая зовется солнечной системой,—другими словами—міромъ. Онъ долженъ сознать свое ничтожество и смириться передъ божественной цѣлесообразностью, идея и смыслъ которой отъ него скрыты и постичь которыхъ онъ не въ состояніи. Безумны и обречены на безплодность попытки поднять завѣсу мірозданія; тщетны стремленія искать Бога и находить Его въ томъ или иномъ видѣ, въ томъ или иномъ образѣ, въ тѣхъ или иныхъ проявленіяхъ человѣческаго общежитія. Человѣкъ можетъ и долженъ только сказать словами библіи: „Богъ то, что Онъ есть."

Пусть тепло, свѣтъ, электричество—разные виды движенія; пусть даже сама жизнь—особый видъ движенія, но неужели же любовь, жалость, состраданіе, всѣ эти душевныя переживанія, составляющія красу жизни, неужели и они только движеніе эфира? Неужели же

материнская любовь и привязанность, свойственныя не только человѣку, тоже только движеніе эфира? Та материнская любовь, которая готова на столько жертвъ и лишеній? Неужели глаза, грустные и веселые. задумчивые и добрые, безконечно добрые, бездонно-глубокіе, неужели они отражаютъ какое то движеніе, а не являются зеркаломъ души, отраженіемъ Божества? Наконецъ, мысль, даже геніально—творческая человѣческая мысль..... неужели и она только движеніе? неужели только движеніе—геніальное дарованіе, талантъ, призваніе?... Пусть мыслительная способность заложена въ особомъ центрѣ; пусть вызываются только реакціей въ центрѣ и движеніемъ циркулирующія уже давно въ обществѣ, такъ сказать, ходячія мысли и представленія, какъ бы глубоки они ни были; пусть человѣчество механически ихъ повторяетъ, но открытія, изобрѣтенія, новая, оригенальная и великая мысль, невѣдомо откуда и какъ, и независимо отъ воли автора, блеснувшая ему и озарившая его сознаніе,—развѣ это не даръ, не откровеніе Божіе? Тысячелѣтіями падали яблоки съ яблонь, не привлекая ничьего вниманія, и только Ньютону блеснула геніальная и простая мысль, только ему это внушило мысль о законѣ притяженія... Развѣ это не даръ, не откровеніе Божіе? Все отъ Бога, и все черезъ Бога—таковъ великій завѣтъ многострадальнаго Іова. Отъ Бога и горе, и радость; и добро, и зло, и любовь, и злоба, и страданія и наслажденія, и таланты, и безталанность, и разумъ, и безуміе, и миръ, и война. Въ чемъ-же тайна, смыслъ всего этого—вѣдомо одному Богу. Нѣтъ великихъ людей; великъ одинъ Богъ.... Увы! Эту простую, библейскую истину люди забыли.

Міроздаліе поражаетъ своей закономѣрностью и доступной нашему пониманію цѣлесообразностью. Каково бы ни было происхожденіе человѣка, имѣетъ свой затаенный смыслъ и та ничтожная крупица міроздалія, которая зовется жизнью человѣческой. Но существуетъ ли въ этой жизни таже закономѣрность, какъ и въ природѣ? Одинъ великій законъ жизни найденъ; это—законъ борьбы за существованіе. Я бы сказалъ: „Богъ открылъ его человѣчеству черезъ нѣкоего Дарвина". Принято же говорить: „честь открытія этого закона принадлежитъ великому Дарвину". Благодарное человѣчество соорудило ему за это благодѣяніе много памятниковъ. О, люди, люди! Великъ одинъ Богъ, и каждый памятникъ человѣку, это памятникъ Богу. Неужели же Богъ творилъ и творитъ ради почести человѣческихъ памятниковъ? Какая нелѣпость, какое безуміе! Богъ сотворилъ землю и все міроздаліе со всѣми законами, изъ которыхъ лишь крупица стала доступна нашему пониманію. Вотъ тотъ памятникъ, который Онъ самъ себѣ создалъ; что передъ этимъ тѣ памятники, которые творитъ человѣкъ, и творитъ за то, что Богъ открылъ уму человѣческому жалкую крупицу своего величаваго творенія. Неужели же Онъ сотворилъ это ничтожество—человѣка для того, что бы тотъ Ему натворилъ памятниковъ? Когда, наконецъ, мы начнемъ мыслить и поступать, какъ долженъ мыслить и поступать человѣкъ—это всего-на-всего жалкое твореніе Божье.

Но дерзость человѣка, того человѣка, который самъ себя произвелъ въ интеллигенты, не имѣетъ предѣловъ. Познавъ нѣкоторые

законы природы, получивъ возможность ими пользоваться и, благодаря этому, поднять свою культуру и условія жизни на большую высоту, онъ вообразилъ, что въ состояніи подчинить своей волѣ и законы, управляющіе человѣческой жизнью, а именно—законъ борьбы за существованіе, единственный, познанный имъ, законъ своей жизни. Съ этой цѣлью онъ просто-на-просто сталъ игнорировать этотъ великій и неизбѣжный факторъ своей жизни, и на его мѣсто, на мѣсто другихъ, еще непознанныхъ имъ законовъ жизни, на мѣсто скрытыхъ отъ него тайны и великаго смысла бытія, онъ создалъ искусственный факторъ, назвавъ его классовой борьбой. Удалось ему это путемъ остроумнаго метода упрощенія и забвенія всѣхъ многообразныхъ сторонъ и стимуловъ жизни, путемъ заявленія, что жизни человѣчества нѣтъ, а есть капиталистическій строй, что величайшій и единственный факторъ жизни – это рубль, и что человѣчество дѣлится на два класса: на представителей труда и представителей рубля, на пролетаріевъ и буржуевъ. Всѣ сложныя проблемы жизни легко рѣшаются теоріей спроса и предложенія.

Нѣтъ человѣка, нѣтъ ничего человѣческаго; нѣтъ ни любви, ни жалости, ни радостей, ни страданій, въ мірѣ царитъ только эксплуатація пролетаріата. Нѣтъ доброты, нѣтъ патріотизма, нѣтъ соревнованія, нѣтъ честолюбія и т. п., есть только трудъ и капиталъ. Нѣтъ бѣдныхъ и богатыхъ, нѣтъ добрыхъ и злыхъ, нѣтъ лѣнивыхъ и прилежныхъ, нѣтъ больныхъ и здоровыхъ, нѣтъ умныхъ и глупыхъ и т. п., есть только буржуи и пролетаріи. Какъ все это просто, а главное легко доступно каждому, но доступно не для пониманія. Наоборотъ, понять, что такое пролетарій, что такое буржуй, также трудно, какъ опредѣлить, что такое интеллигентъ. Легко доступно только каждому стать по своему желанію или буржуемъ или пролетаріемъ; не менѣе легко своего ближняго по произволу произвести въ буржуя или въ пролетарія. Искусственность, фантастичность и лживость понятій „пролетарій“ и „буржуй“ мною въ достаточной степени освѣщены въ моей брошюрѣ „Донъ-Кихоты“, къ которой и отсылаю интересующихся.

Человѣка не стало; на его мѣстѣ очутился автоматъ съ наклейкой; „пролетарій“, „соціалъ-демократъ“, „буржуй“ и т. п. Въ былыя времена цѣнились таланты, трудъ, добросовѣстность. Теперь это отошло въ область преданій; теперь къ вамъ среди бѣла дня подступаютъ съ ножемъ къ горлу и грубо и дерзко кричатъ: „руки вверхъ!“ .Впрочемъ, наглость и грубость маскируются особымъ „интеллигентнымъ“ пріемомъ; именно—очень вѣжливо заявляютъ: „признай во мнѣ талантъ и призваніе и назначь мнѣ окладъ, какъ подобаетъ талантливому и трудолюбивому работнику“. Само собою разумѣется, что охотниковъ считать себя талантливыми работниками и получать повышенные оклады—находится много, и этотъ дневной интеллигентный разбой на оффиціальномъ языкѣ зовется экономической забастовкой.

Когда-то цѣнили людей за ихъ доброту, честность, благородство, отзывчивость къ страданіямъ другихъ. Теперь не то. Если ты помѣщикъ или домовладѣлецъ, врачъ или чиновникъ, содержатель

мастерской или купецъ, то ты—пошлое ничтожество, воръ, грабитель, кровопійца, словомъ—буржуй. Если ты рабочій, мелкій служащій, или мелкій чиновникъ, то ты—талантъ, ума палата, олицетвореніе благородства, словомъ—пролетарій. Впрочемъ, можно быть помѣщикомъ или фабрикантомъ, врачемъ, профессоромъ, или банкиромъ, и все-таки быть олицетвореніемъ ума и благородства, стоитъ только объявить себя соціалъ-демократомъ или трудовикомъ, по крайней мѣрѣ - кадетомъ или прогрессистомъ, на худой конецъ—лѣвымъ октябристомъ. Мало того-такой передовой другъ народа получаетъ право смотрѣть свысока на всѣхъ остальныхъ, избѣгающихъ модныхъ и рекламныхъ кличекъ, и ругать ихъ черносотенцами, реакціонерами, слугами бюрократіи, подрывающимися подъ благосостояніе Россіи, мало того—обвинять ихъ въ томъ, что ихъ прельщаетъ выгода положенія и жизнь на какія-то темныя средства.

Если вы врачъ, юристъ, агрономъ или инженеръ, но если вы матеріально обезпечены, и принимая близко къ сердцу интересы своего уѣзда или губерніи, отдаете земству или городу свое время, трудъ, свои средства, въ качествѣ гласнаго, то вы зубръ и буржуй, служите только своимъ личнымъ интересамъ и ничего, кромѣ вреда, земству не приносите. Но если вы служите земскимъ врачемъ, агрономомъ, инженеромъ, получая за это довольно приличное содержаніе, то вы третій элементъ, одно благородство и, конечно, вправѣ третировать свысока земскихъ гласныхъ, какъ бюрократовъ, кровопійцъ и т. п.

Когда-то отъ управляющаго, прикащика требовались честность, хозяйственность, знаніе дѣла и т. п. Гласный думы, городской голова—тотъ же прикащикъ, тотъ-же довѣренный, и для веденія городского хозяйства въ особенности нужны дѣльные, честные, хозяйственные люди. Но какое дѣло до всего этого современному русскому обывателю? Внушили ему, что для этого нужны только демократы и прогрессисты, и подавай ему прогрессистовъ!.... А достать прогрессистовъ въ нашъ вѣкъ не трудно; стоитъ только кому-нибудь назначить собраніе выборщиковъ и объявить: кто придетъ на это собраніе, тотъ и будетъ прогрессистъ. Это, такъ сказать, собраніе съ безплатными призами; приходи только и въ видѣ приза получи званіе прогрессиста. А на безплатные призы русскій обыватель ужасно падокъ, и валомъ валитъ прогрессистъ. Ларчикъ же просто открывается; у нѣкоторыхъ господъ болѣзнь языкочесанія достигла большой степени; а какъ извѣстно, отъ постояннаго чесанія языкъ дѣлается все длиннѣе; для длинныхъ же языковъ городская дума—все равно, что для рыбы вода. А чтобы попасть въ эту святую для нихъ стихію, они и пускаются на хитрость: раздаютъ всѣмъ обывателямъ упомянутые призы. Добродушію же русскаго обывателя нѣтъ конца, въ особенности, если ему еще ласковое слово скажешь, а ужъ если угощеніе преподнесешь,—то онъ за тебя въ огонь и въ воду пойдетъ. И шлетъ благодарный обыватель въ думу прогрессивныхъ гласныхъ или, какъ ихъ называютъ въ Самарѣ, „молодыхъ“ гласныхъ, при чемъ молодость отнюдь не зависитъ отъ возраста или цвѣта волосъ, а только отъ длины языка; чѣмъ длиннѣе языкъ, тѣмъ гласный „моложе“.

Однако на этой почвѣ получается совершенно непредвидѣнный феноменъ; у нѣкоторыхъ гласныхъ языки достигаютъ такой длины, что гласный еще внѣ стѣнъ думы, а языкъ его уже въ думѣ. Про Самарскихъ, напр., „молодыхъ“ гласныхъ, Зубчанинова и Чуркина, говорятъ, что когда ихъ языки уже въ думѣ, то самъ Зубчаниновъ еще въ Зубчаниновскомъ поселкѣ, а Чуркинъ и того дальше... А такихъ Зубчаниновыхъ и Чуркиныхъ въ каждой городской думѣ—хоть отбавляй. Скажите на милость, какой толкъ, когда языкъ безъ головы болтается, когда языкъ на землѣ, а голова гдѣ-то въ облакахъ обрѣтается? По секрету же вамъ признаюсь, что такой феноменъ и зовется безпартійнымъ прогрессистомъ. Между тѣмъ газеты и публика еще въ претензіи, если такого феномена администрація не утверждаетъ на какую-либо выборную должность. Вѣдь, пропустите такого прогрессиста въ городскіе головы Москвы *), и въ одинъ годъ онъ такихъ бѣдъ натворитъ, такую кашу заваритъ, что и въ сто лѣтъ не расхлебаешь. Вѣдь, прогрессисту что? Ему надо поддержать честь и званіе прогрессиста, а до остальнаго ему дѣла нѣтъ. О подвигахъ прогрессистовъ, о томъ, во сколько ихъ прогрессивныя затѣи обошлись матеріально городамъ и земствамъ, какой духовный маразмъ они внесли въ жизнь,—можно бы цѣлые томы написать, но и безъ того само собой понятно, что добра не можетъ быть тамъ, гдѣ человѣкъ слѣдуетъ не велѣніямъ здраваго смысла, не подчиняется реальнымъ требованіямъ и потребностямъ минуты, а весь находится во власти абстрактныхъ идей и прогрессивныхъ обѣщаній избирателямъ.

Про Государственную же Думу и говорить нечего; тамъ сплошное море прогрессивныхъ и демократическихъ длинныхъ языковъ.. На то она и парламентъ! (*Говорильня*; отъ слова: parler—говорить).

Мнѣ же съ безхитростной точки зрѣнія рядового и вѣрующаго обывателя все, происходящее въ мірѣ, представляется совершенно въ иномъ видѣ. Человѣкъ въ природѣ, въ мірозданіи прежде всего человѣкъ и только человѣкъ. Въ мірѣ животныхъ, напр., у пчелъ, муравьевъ, мы встрѣчаемъ еще раздѣленіе съ самаго рожденія на рабочихъ и нерабочихъ особей. Но человѣкъ, по своей природѣ, по своему строенію не родится ни рабочимъ или фабрикантомъ, ни дворяниномъ или крестьяниномъ, онъ родится только человѣкомъ. Всѣ эти сословія, состоянія, званія, имущественныя положенія—все это внѣшніе, случайные, преходящіе элементы. Они имѣютъ значеніе только для человѣка въ сферѣ его яичной скорлупы; для природы же, для жизни, исторіи они имѣютъ то-же значеніе, что и другіе элементы внѣшней обстановки жизни: климатъ, горы, море и т. п.—другими словами, имѣютъ значеніе лишь постольку, поскольку они отражаются на природныхъ свойствахъ человѣка, поскольку они опредѣляютъ мѣсто индивида въ борьбѣ за существованіе. Примѣрно, богатство очень пріятно для человѣческаго самочувствія, представляетъ много удобствъ бренному человѣческому тѣлу въ теченіи того короткаго мгновенія, которое зовется человѣческимъ вѣкомъ, но оно нѣжитъ тѣло и душу, понижаетъ сопротивляемость въ борьбѣ за

*) Увы! Свершилось! Невѣроятное стало фактомъ.

существованіе и имѣетъ такимъ образомъ для послѣдней отрицательное значеніе. Богатство и бѣдность, роскошь и лишенія, привиллегіи и безправіе не могутъ быть и не бываютъ элементами борьбы за существованіе, той борьбы, о которой говоритъ Дарвинъ, но подобно бездушной природѣ, они оказываютъ вліяніе на приспособляемость и сопротивляемость индивида, и въ этой борьбѣ привыкшіе къ лишеніямъ, закаленные въ невзгодахъ всегда выйдутъ побѣдителями. Стремленіе къ богатству, къ роскоши, къ привиллегіямъ равносильно тяготѣнію бабочки къ огню, о который она обжигаетъ себѣ крылья.

Борьба за существованіе, этотъ великій законъ природы, открытый Дарвиномъ, происходитъ только между людьми, какъ между индивидами человѣческаго рода; она происходитъ исключительно на почвѣ природныхъ физическихъ и духовныхъ свойствъ человѣка, на почвѣ какъ физическихъ его достоинствъ и недостатковъ, такъ и на почвѣ талантовъ, ума, выносливости, энергіи, предпріимчивости, силы воли, половыхъ инстиктовъ и т. п. Эта борьба жестокая, она сопровождается милліонами жертвъ, но она происходитъ незамѣтно и помимо нашего сознанія, и никто изъ насъ не сознаетъ, черезъ какую массу труповъ, искалѣченныхъ жизней ему приходится шествовать по его жизненному пути. Каждый нашъ шагъ сопровождается гибелью многихъ насѣкомыхъ, которыхъ мы топчемъ подъ ногами; прик аждомъ глоткѣ воды мы уничтожаемъ массу жизней. А какую массу жизней мы уничтожаемъ для поддержанія своего бреннаго существованія! И пусть вегетаріанцы растутъ какъ грибы; они не уничтожатъ потребности человѣка въ животной пищѣ. Но помимо этого,—когда человѣкъ пьетъ, ѣстъ, тратитъ на развлеченія, театръ, балъ, лукулловскій ужинъ въ то время, какъ рядомъ прозябаютъ сотни голодныхъ или полуголодныхъ людей, то развѣ по существу мы не отнимаемъ у нихъ изо-рта кусокъ мяса, какъ любой хищный звѣрь у другого? И даже, когда человѣкъ только получаетъ доходъ отъ своего предпріятія или дѣла, когда онъ на службѣ или на работѣ получаетъ жалованье, онъ все время вырываетъ тотъ же кусокъ хлѣба у другихъ, у тѣхъ, которые не состоятъ на службѣ, не имѣютъ дѣла, или у которыхъ дѣло плохо идетъ.

И тѣмъ не менѣе эта борьба до тѣхъ поръ, пока она не переходитъ за предѣлы, караемые уголовными и гражданскими законами, ничьего вниманія не привлекаетъ, да и не можетъ привлечь, потому что она выше нашего сознанія, потому что она естественная, потому, словомъ, что она—законъ природы. Мимо нея пройдутъ и величайшій моралистъ, и самый ярый эсдекъ. „Великій“ Чхеидзе, напр. нисколько не сознаетъ, что за его депутатскій окладъ согласились-бы быть депутатами милліоны рабочихъ, которые съ такимъ же успѣхомъ ругали-бы министровъ и говорили бы всякія безсмыслицы. А нашъ храбрый Самарскій депутатъ Гладышъ, который только то и дѣлаетъ, что проливаетъ слезы за почтовыхъ чиновниковъ,гораздо лучше и благороднѣе поступилъ бы, если бы вмѣсто слезъ отдалъ почтовымъ чиновникамъ свое депутатское жалованье, а если бы всѣ депутаты отказались отъ своихъ окладовъ въ пользу послѣднихъ, то пожалуй

весь вопросъ о почтово-телеграфныхъ чиновникахъ былъ бы исчерпанъ. А проливать крокодиловы слезы всякій способенъ,—была бы только охота; еще легче и способнѣй благодѣтельствовать кого-либо за чужой счетъ и изъ чужого кармана. Вѣдь, такими благодѣтелями хоть прудъ-пруди, и обиднѣе всего, если такой благодѣтель, вродѣ Гладыша, пріобрѣтаетъ такими благодѣяніями изъ чужого кармана популярность и слыветъ печальникомъ народнымъ. И дивишься этому повальному умопомраченію, и обидно за правду. обидно за здравый смыслъ, стыдно за общество, за народъ... Знаменитый Бебель былъ большимъ любителемъ комфорта и удобствъ и въ своихъ поѣздкакъ не признавалъ въ отеляхъ номеровъ дешевле 10 рублей въ сутки. Не то ли происходило при папскомъ дворцѣ, гдѣ роскошь и всякія излишества совсѣмъ не гармонировали съ идеями благочестія и отреченія отъ мірскихъ благъ и съ заботой только о спасеніи человѣчества. Вѣдь, эти контрасты впервые въ свое время и вызвали сомнѣніе въ папской непогрѣшимости и искренности. Не то-ли происходитъ въ наше время среди прогрессивно-демократическаго двора? Развѣ отъ трудовой, дѣловой жизни пойдешь въ эту политику, комитеты, общества? Некогда, да и не къ лицу бѣдному, занятому своимъ дѣломъ, человѣку развлекаться глупостями. А отъ хорошей, праздной жизни, если не полетишь, то во всякомъ случаѣ отъ скуки и славы ради обязательно пойдешь въ демократы, въ общества, въ засѣданія. Присмотритесь къ нашимъ самодовольнымъ и упитаннымъ прогрессистамъ и демократамъ, побывайте въ обществахъ, въ комитетахъ, обратите вниманіе на пышныя наряды нашихъ демократическихъ патронессъ, стриженныхъ и не стриженыхъ, вспомните торжествующее выраженіе лица такой демократки, когда она попадаетъ въ „ненавистное“ званіе королевы бала и не только не брезгуетъ этимъ званіемъ, но готова ради него прокатиться даже на тачкѣ по залу,—взвѣсьтѣ все это и вы поймете, что я буду недалекъ отъ истины, если нѣсколько перефразирую извѣстные стихи Некрасова:

Лишь тѣ, что ѣздятъ въ каретахъ,
За пролетаріевъ слывутъ,
А за демократовъ безпремѣнно сойдутъ.

II.

—Всѣ люди, всѣ человѣки... И передъ великомъ закономъ борьбы за существованіе всѣ равны: и жалкій парій современности—будь то октябристъ или членъ союза русскаго народа, и гордый дворянинъ современности—будь то кичливый эсдекъ, тщеславный анархистъ, заносчивый футуристъ или просто стриженая придворная дама отъ прогрессивно-демократическаго двора. И пусть человѣкъ современности создаетъ себѣ иллюзію какой-то особой жизни; пусть драпируется въ пышныя разноцвѣтныя перья демократизма, разливается трелями самыхъ величавыхъ идей, пусть превращаетъ свою жизнь въ тріумфальное шествіе интеллигента черезъ сплошной рядъ банкетовъ, митинговъ,

обществъ, комитетовъ, засѣданій, публичныхъ лекцій и т. п.,—онъ все равно только прозябаетъ и, пока онъ живетъ, онъ принимаетъ лишь одинаково-жалкое участіе въ той идилліи человѣчества, которую Дарвинъ назвалъ борьбой за существованіе. И какъ въ животномъ мірѣ, эта, жестокая по отзывамъ моралистовъ, борьба весьма благодѣтельна для человѣчества, такъ какъ ведетъ къ тому же подбору; слабому тѣломъ, а въ особенности духомъ нѣтъ мѣста въ мірѣ.

Наглядный примѣръ естественнаго подбора мы имѣемъ въ С.-А. Штатахъ. Вслѣдъ за открытіемъ Америки, начался разгаръ религіозной борьбы народовъ за свою самобытность противъ деспотизма папской власти. Это были самые здоровые, сильные духомъ элементы, которымъ дороги были только здравый смыслъ и правда жизни. Звались они тогда еретиками, а теперь зовутся реакціонерами. Многимъ тогда пришлось бѣжать отъ гнѣва демократизма, который тогда слылъ подъ именемъ католицизма, и бѣглецы эти образовали ядро С.-А. Штатовъ. Янки—это квинтъ-эссенція Западной Европы, и потому-то Штаты достигли такого расцвѣта и развитія. На тѣхъ же основаніяхъ населеніе нашей Сибири отличается большей самодѣятельностью и большимъ развитіемъ, потому что въ Сибирь переселялись элементы, сильные духомъ и тѣломъ. Такихъ примѣровъ можно много найти съ древнихъ временъ и по сію пору. Сюда войдутъ колоніи Финикіянъ и Грековъ; сюда надо отнести Англію и Японію; послѣдняя многимъ напоминаетъ Англію; вообще, надо сказать, что близость моря кладетъ особый отпечатокъ на человѣка, вырабатываетъ въ немъ отвагу и предпріимчивость.

Однако, подъ борьбой за существованіе нельзя понимать только борьбу за хлѣбъ насущный. Это борьба сложная, и въ ней участвуетъ много разнообразныхъ элементовъ: слава, честолюбіе, половые инстинкты; здѣсь переплетаются проявленія чисто животнаго звѣрства съ самыми высокими качествами души, съ тѣмъ, что мы зовемъ человѣчностью, самый грубый эгоизмъ съ явленіями высшаго порядка: самопожертвованіемъ, патріотизмомъ и т. п. Сказать, что все въ мірѣ держится на рублѣ, можетъ только человѣкъ, играющій словами; видѣть въ разнообразныхъ проявленіяхъ человѣческой жизни только капиталистическій строй—можетъ только односторонній человѣкъ, который смотритъ на міръ чрезъ особую лупу, имъ самимъ изобрѣтенную*). Но естественную, Дарвиновскую борьбу за существованіе характеризуютъ два элемента: 1), она происходитъ между людьми, какъ между индивидами человѣческаго рода, т. е. на почвѣ естественныхъ, природныхъ свойствъ человѣка, физическихъ и духовныхъ, и 2), она имѣетъ мѣсто исключительно въ природныхъ, реальныхъ условіяхъ и интересахъ.

*) Великая война, которую мы теперь переживаемъ, и которая объединила всѣ народы въ одномъ чувствѣ борьбы за право, за справедливость, служитъ подтвержденіемъ моихъ словъ Если бы исторіей, жизнью человѣческой двигалъ одинъ презрѣнный металлъ, неужели народы ставили бы на карту свое благосостояніе, неужели мыслимы были-бы проявленія высокаго, безкорыстнаго патріотизма и самопожертвованія, которыя мы наблюдаемъ въ этой войнѣ съ обѣихъ сторонъ? Не блескомъ золота, а только высокимъ идеаломъ правды стараются прельстить народъ и вызвать патріотическій подъемъ въ личностяхъ.

Ясно, что подъ это понятіе не подходитъ такъ называемая „классовая борьба“, и что такой борьбы нѣтъ и не можетъ быть. Конечно, можно создать искусственныя понятія и искусственныя подраздѣленія. Можно, напр, назвать классовой борьбой и нападеніе грабителя на мирнаго путника; можно и всю разнообразную человѣческую жизнь подвести подъ капиталистическій строй, можно всѣ разнообразныя человѣческія отношенія подвести подъ эксплуатацію труда капиталомъ; можно вообще весь родъ людской раздѣлить на два класса: на эксплуататоровъ и эксплуатируемыхъ, на буржуевъ и пролетаріевъ, на носителей капитала и представителей труда; можно наконецъ желать, чтобы не было ни богатства, ни бѣдности, чтобы орудія производства были въ рукахъ работниковъ,—словомъ, чтобы, на смѣну существующаго строя, воцарилась соціальная республика со всѣми ея прелестями. Но все это будетъ искусственно, будетъ только бредомъ воображенія; все не только никакихъ основъ въ жизни не имѣетъ, но все безжизненно и противорѣчитъ жизни; все это не только не имѣетъ и никогда не будетъ имѣть мѣста въ дѣйствительности, въ жизни, но все идетъ вразрѣзъ съ великимъ, незыблимымъ и неизмѣннымъ закономъ борьбы за существованіе, закономъ, исходящимъ отъ Божественнаго Промысла и находящимся внѣ человѣческой досягаемости.

Никто не будетъ отрицать, что бѣдность-это несчастіе особаго рода, что отсутствіе у человѣка куска насущнаго хлѣба и даже увѣренности въ томъ, что у него завтра обязательно будетъ этотъ кусокъ, это—ужасъ жизни. И развѣ нужно быть только рабочимъ или великимъ Чхеидзе, чтобы это сознавать и чтобы желать для каждаго человѣческаго существа обезпеченнаго куска хлѣба. Нужно быть просто человѣкомъ съ доброй, отзывчивой душой, чтобы не только этого желать, но чтобы въ той или иной формѣ приходить на помощь нуждающимся. Эта роль издавна принадлежитъ вообще человѣку, и прямо непостижимо, почему съ легкой руки Маркса, эту привиллегію „благодѣтелей и доброжелателей“ человѣчества взяла на себя ничтожная кучка лицъ, присвоивъ себѣ кличку „соціалъ-демократовъ“, „трудовиковъ“ и т. п. Разница лишь въ томъ, что вообще „человѣкъ“ благотворительствовалъ не на словахъ, а на дѣлѣ, и благотворительствовалъ самымъ благороднымъ образомъ: тихо, скромно, такъ, чтобы лѣвая рука не знала, что дѣлаетъ правая. А о томъ, что они благодѣтели человѣчества, всѣ эти демократы трубятъ на весь міръ; приносятъ ли они на дѣлѣ какую-либо пользу или наоборотъ сплошной вредъ тому же человѣчеству, объ этомъ исторія умалчиваетъ; но ясно одно, что слава благодѣтелей достается имъ легко, безъ малѣйшей затраты силъ и труда, а тѣмъ болѣе—собственныхъ средствъ; прибѣгли они для этого къ остроумному методу, выставивъ положеніе, что всякій демократъ-это благодѣтель человѣчества. Само-собой понятно, что стоитъ присвоить себѣ кличку демократа, чтобы тѣмъ самымъ превратиться въ благодѣтеля. Требуется только, чтобы благодѣтельствуемые увѣровали въ незыблемость того положенія, что каждый демократъ-его благодѣтель. Нѣтъ существа легковѣрнѣе человѣка, и человѣкъ, который вѣровалъ въ

знахарей, въ домовыхъ, въ лѣшихъ, въ чертей, вѣруетъ и въ демократа. Блаженъ, кто вѣруетъ...

Чуть ли не съ сотворенія міра проникло въ сознаніе человѣчества понятіе любви къ ближнему; вопросы морали дебатировались у всѣхъ народовъ, служили темой многихъ философскихъ ученій; многихъ доктринъ и лозунговъ человѣчества. Неудивительно, что въ ходячія истины съ древнихъ временъ превратились положенія, что надо уважать человѣческое достоинство, надо цѣнить трудъ и работу каждаго труженика, охранять его здоровье, обезпечить его во время болѣзни и старости и т. п. Создавать ученія, выставлять высокіе моральные лозунги легко, но проводить ихъ, а тѣмъ болѣе вводить ихъ въ жизнь трудно, вѣрнѣе—выше человѣческихъ силъ. Тысячелѣтіями извѣстны міру требованія морали, а жизнь также далека отъ идеала, какъ и въ моментъ ихъ созданія; наличность уголовнаго и гражданскаго уложеній, переполненныя тюрьмы говорятъ объ этомъ краснорѣчивѣе словъ. Того же порядка вопросъ объ улучшеніи быта рабочихъ, объ охраненіи здоровья и объ обезпеченіи старости рабочихъ классовъ и т. п. Онъ простъ въ теоріи, но онъ весьма сложенъ въ дѣйствительности, затрагивая интересы націи, государства, промышленности, соприкасаясь съ кореннными основами права и порядка, и будучи далеко не индифферентнымъ для остальныхъ классовъ населенія, и для каждаго обывателя—въ частности. Наконецъ, это вопросъ обоюдо-острый, и легкомысленное разрѣшеніе его можетъ оказаться вреднымъ для интересовъ самихъ же рабочихъ. Можно, къ примѣру, заставить хозяина сократить рабочій день, увеличить размѣръ заработной платы, настроить квартиръ, больницъ, школъ для рабочихъ и т. п., но предпріятіе не выдержитъ такихъ непосильныхъ расходовъ, лопнетъ, и рабочіе не только не улучшатъ своего положенія, но останутся безъ всякаго заработка. Словомъ, это вопросъ сложный, требуетъ самаго осторожнаго и бережнаго отношенія къ себѣ и отнюдь не можетъ быть разрѣшаемъ по шаблону, по буквѣ ученаго трактата, по инструкціи. Такъ или иначе, это вопросъ высокаго государственнаго значенія, всецѣло и исключительно входитъ въ компетенцію государства, и подлежитъ только его заботамъ, вѣдѣнію и контролю. Поневолѣ задаешься вопросомъ, причемъ же тутъ соціалъ-демократія, причемъ тутъ Чхеидзе съ братіей? Однако и на этотъ разъ этимъ господамъ остроумно удалось выставить положеніе, что соціалъ-демократъ это единственный радѣтель и другъ рабочихъ, какъ трудовикъ-радѣтель крестьянъ и т. д. Ясно, что стоитъ только присвоить себѣ званіе соціалъ-демократа, чтобы пріобрѣсти славу радѣтеля рабочихъ и соотвѣтственный этому почетъ. Все разсчитано на вѣру, вѣрнѣе—на легковѣріе того ничтожества, которое зовется человѣкомъ, съ той разницей, что человѣкъ древности вѣрилъ въ знахарей, шайтановъ, чертей, а современный вѣритъ въ соціалъ-демократовъ. Само собой, охотниковъ добиться безъ малѣйшаго труда побѣдныхъ лавровъ „борца за интересы рабочихъ и друга человѣчества“ находится много, даже слишкомъ много, среди извѣстной части современнаго общества, среди охотниковъ, такъ сказать, до легкой наживы. Понятно, что эти самозванные друзья рабочихъ приносятъ сплошной

вредъ никому иному, какъ тому же рабочему. И въ самомъ дѣлѣ, какая польза можетъ быть отъ „дружбы“, которая вызвана не сердечнымъ влеченіемъ, не порывомъ души, а явилась на основаніи математическихъ выкладокъ, логическихъ построеній и даже цѣлаго политико-экономическаго ученія. Какой это другъ? Это чиновникъ съ кокардой соціалъ-демократа, это другъ по назначенію, вѣрнѣе—по самоназначенію. Ни доброты, ни привязанности, ни малѣйшаго человѣческаго чувства; онъ не считается ни съ мѣстомъ, ни съ обстоятельствами, ни съ моментомъ, онъ поступаетъ по буквѣ своего ученія, по однообразной инструкціи. Отъ такого друга рабочему классу также поздоровится, какъ поздоровилось пустыннику отъ медвѣдя, въ пылу усердія и дружбы убившаго муху на лбу пріятеля. Но зато всеобщее восхищеніе вызываетъ великодушное обѣщаніе соціальнаго равенства; нѣтъ больше бѣдности, нѣтъ ужасовъ жизни, заботъ о завтрашнемъ днѣ; всѣ сыты, одѣты, обуты, всѣ равны; нѣтъ богачей, фабрикантовъ, нѣтъ вообще буржуевъ; орудія производства принадлежатъ самимъ рабочимъ; они же фабриканты, они же рабочіе; хотятъ, назначутъ себѣ директорское жалованье, хотятъ устроютъ себѣ 365 праздниковъ въ году, и все-таки... сыты, одѣты, обуты, потому—таковъ основной законъ соціальной республики, чтобы всѣ были одинаково сыты, одѣты, обуты. Излишне добавить, что отъ такихъ законовъ у всѣхъ любителей чужого добра слюньки текутъ. И что удивительнѣе всего, любителей чужого добра, если считать ихъ по числу соціалъ-демократовъ, оказывается столько, что волосы отъ ужаса дыбомъ встаютъ. Весьма сомнительнаго свойства также благородство «есдековъ, проявляемое въ великодушной раздачѣ ими чужого добра, въ благодѣтельствованіи пролетаріата изъ чужого кармана. Но оставимъ этотъ щекотливый вопросъ въ сторонѣ и закроемъ всѣ банки, фабрики, заводы, раздѣлимъ, если это удастся, *поровну* всѣ капиталы, орудія производства, землю, все земное движимое и недвижимое имущество, словомъ—введемъ соціальное равенство и назначимъ Чхеидзе президентомъ соціальной республики—и что-же? На другой же день воцарится тотъ же капиталистическій строй, а президентъ республики съ перваго же дня станетъ капиталистомъ и буржуемъ. Вѣдь, богатство, капитализмъ не въ деньгахъ и капиталахъ, не въ фабрикахъ и заводахъ. Все это временно, случайно, перемѣнчиво. Богатство въ природѣ и отъ природы; человѣкъ родится или богатымъ, или бѣднымъ; его капиталъ: природный умъ, талантъ, предпріимчивость, трудоспособность, энергія, сила воли и т. п. Этого капитала дѣлить нельзя, и пока онъ существуетъ, а существовать онъ будетъ, пока существуетъ природа,—до тѣхъ поръ будетъ богатство и бѣдность, будетъ капиталъ и трудъ. Орудія производства не въ машинахъ и не въ станкахъ фабричныхъ, а въ томъ же природномъ умѣ, талантахъ, предпріимчивости. И если у кого-либо не хватаетъ главнаго орудія производства—ума, то ему, конечно, остается одинъ исходъ—пойти въ соціалъ-демократы.

Не менѣе остроумна эта соціалъ-демократическая легенда о классовой борьбѣ. Рѣчь идетъ о классахъ капиталистовъ и рабочихъ, вообще—имущихъ и неимущихъ, словомъ о буржуяхъ и пролетаріяхъ.

Можно конечно разбить человѣчество на любые классы; напр., на классы врачей и паціентовъ, или сапожниковъ и заказчиковъ сапогъ и т. п. Несомнѣнно, каждый человѣкъ или врачъ, или паціентъ въ прошедшемъ, настоящемъ или въ будущемъ, словомъ или паціентъ, или кандидатъ въ паціенты. Можно дойти до такой степени психическаго состоянія, чтобы потерять способность видѣть людей, и видѣть только врачей и паціентовъ, или сапожниковъ и заказчиковъ; можно соотвѣтственно этому говорить о санитарномъ строѣ въ мірѣ, о сапожномъ строѣ и. т. п.,—но каждому ясно, что это абсурдъ, бредъ помѣшеннаго; что это санитарная, сапожная и т. п. манія, и надо удивляться, почему не говорятъ о соціалъ-демократической маніи. А вѣдь, въ понятіяхъ „врачъ", „паціентъ", „сапожникъ" и „заказчикъ", есть нѣчто опредѣленное и всѣмъ понятное. А вотъ поди-те—разберитесь въ понятіяхъ „буржуй" и „пролетарій"; каждый можетъ по желанію считать себя буржуемъ или пролетаріемъ; мастеръ-пролетарій по отношенію къ директору, самъ буржуй по сравненію съ рабочимъ; тоже каждый прикащикъ, чиновникъ, лакей и т. п.; тоже—старшій рабочій по отношенію къ младшему и т. д. Гдѣ мѣрило имущаго и неимущаго; гдѣ грань между ними? Человѣкъ съ обывательскимъ складомъ ума никакъ не разрѣшитъ этихъ вопросовъ, и просто становишься втупикъ отъ того всеобщаго ослѣпленія, въ какомъ пребываютъ даже враги и недруги соціалъ-демократіи, трактующіе о пролетаріатѣ, какъ о чемъ-то реальномъ и понятномъ. Зато эта искусственность и фантастичность понятій опять таки на руку всякому, присвоившему себѣ званіе соціалъ-демократа. Онъ прежде всего причисляетъ себя къ пролетаріату; а такъ какъ почетное званіе пролетарія всякій по своему желанію можетъ присвоить себѣ, то это званіе безспорно остается за соціалъ-демократами, представляя нераздѣльное понятіе; каждый соціалъ-демократъ въ то-же время и пролетарій. Помимо того каждый соціалъ-демократъ—это признанный борецъ за права и интересы пролетаріата, а такъ-какъ каждый по желанію можетъ считать себя пролетаріемъ, то поэтому каждый считаетъ соціалъ-демократа борцомъ за свои права, и такимъ образомъ каждый соціалъ-демократъ оказывается борцомъ за права всего человѣчества.

Что же сказать о классовой борьбѣ, о борьбѣ несуществующихъ, созданныхъ болѣзненной фантазіей классовъ? Конечно, это—фикція, навязчивая идея—и только. Повторяю, можно по произволу разбить человѣчество на два класса: врачей и паціентовъ; можно бредить о санитарномъ строѣ, можно трактовать о санитарной классовой борьбѣ, можно даже учить, что врачи созданы и работаютъ не для леченія, а только для эксплуатаціи паціентовъ, можно даже называть послѣднихъ благородными пролетаріями, а врачей—буржуями; можно призывать паціентовъ къ борьбѣ съ врачами, къ забастовкамъ и т. п., но всякій скажетъ, что такому гидальго необходимо обязательно побывать въ рукахъ врача-психіатра, и остается только изумляться необыкновенному счастью г. г. соціалъ-демократовъ, которые до сихъ поръ благополучно ускользаютъ изъ рукъ психіатровъ, потому что классовая пролетарская борьба стоитъ на той же высотѣ,

на высотѣ, граничащей съ безумiемъ. Или можетъ быть, кто-нибудь усмотритъ признакъ санитарной классовой борьбы въ холерныхъ бунтахъ, которые лѣтъ двадцать т. н. широкой волной пронеслись по Юго-Восточной Россiи. Эсдекъ навѣрно назвалъ бы ихъ санитарными забастовками и объяснилъ бы ихъ эксплуатацiей пацiентовъ; все же здравомыслящее человѣчество дало имъ самое заслуженное прозвище „холерныхъ бунтовъ“ и объяснило ихъ невѣжествомъ, некультурностью, безумiемъ массъ. Когда же наконецъ человѣчество пойметъ, что всѣ эти забастовки рабочихъ, аграрныя движенiя, классовая борьба, все ученiе эсдековъ, профессiональные союзы, рѣчи Чхеидзе и другихъ эсдековъ,—все это тѣ же холерные бунты, все основано только на невѣжествѣ, некультурности массъ, на безумномъ бредѣ эсдековъ всѣхъ степеней и ранговъ, будь то большевики или меньшевики, марксисты или нео-марксисты и т. п. Вѣдь, борьба предполагаетъ столкновенiе интересовъ, взаимную ненависть и, выражаясь штабнымъ языкомъ, обоюдныя аттаки и контръ-аттаки. И какъ нелѣпа и дика мысль, что врачи питаютъ ненависть къ пацiентамъ, что они заняты только эксплуатацiей послѣднихъ, и вся ихъ дѣятельность, это сплошная борьба съ пацiентами, такъ нелѣпа и дика мысль, что фабриканты, заводчики, владѣльцы мастерскихъ, управляющiе имѣнiями и т. п., создаютъ фабрики, заводы, работаютъ, трудятся только изъ ненависти къ пролетарiату, только для его эксплуатацiи. Очевидно, нападающей стороной является пролетарiатъ; очевидно, ненависть, злоба, человѣконенавистничество кипятъ только въ пролетарскихъ сердцахъ; очевидно, классовая борьба есть просто разбойное нападенiе пролетарiата, есть ничто иное, какъ пролетарскiй бунтъ. Но по существу, это не бунтъ даже, а просто какая то пролетарская неразбериха, когда неизвѣстно, кого бьютъ и за что бьютъ; управляющiй бьетъ хозяина, мастеръ обоихъ, старшiй рабочiй, получающiй 50 руб. въ мѣсяцъ—всѣхъ трехъ, младшiй рабочiй, получающiй 30 руб., бьетъ уже четырехъ, рабочiй, получающiй 15 руб., дерется уже противъ пятерыхъ, а всякiй бездомный и безработный пьяница имѣетъ уже право бить всякаго, бить безъ разбору—направо и налѣво.

III.

Быть можетъ, на живыхъ примѣрахъ изъ жизни моя мысль станетъ яснѣе. Представимъ себѣ поселокъ изъ нѣсколькихъ десятковъ семействъ. Число членовъ въ каждой семьѣ совершенно одинаковое; вообще по возрасту, полу и т. п. семьи совершенно однородны, и одна похожа на другую, какъ двѣ капли воды. Земля, совершенно однородная по качеству, раздѣлена поровну между всѣми; каждому дано одинаковое количество живого и мертваго инвентаря; выстроены по одному типу жилыя и нежилыя помѣщенiя и. т. п. Одно слово—соцiалистическая идиллiя—и только. Я бы открылъ, пожалуй, названiе этой счастливой Аркадiи, но вынужденъ скрывать его по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ. Дѣло въ томъ,

что въ этомъ поселкѣ моднымъ теперь*) постановленіемъ схода закрыты были кабаки, а въ спеціальномъ, „водочномъ“ отдѣлѣ „Русскаго Слова“ было сообщено, что министерство, идя на встрѣчу общественному теченію, утвердило это постановленіе. Постановленіе-постановленіемъ, а по секрету долженъ признаться, что въ водкѣ никогда недостатка не ощущалось, и въ требуемомъ количествѣ у одного моего пріятеля изъ поселка ее всегда можно было пріобрѣсти по цѣнѣ, очень сходной... для моего пріятеля. Понятны мои опасенія; если я открою названіе моего фантастическаго поселка, акцизный надзоръ доберется до моего пріятеля и составитъ протоколъ. А пріятель, право, не виноватъ, и даже самъ Марксъ, на основаніи своего же ученія, не нашелъ бы повода къ обвиненію; вѣдь, какъ извѣстно, разъ есть спросъ, есть и предложеніе; а право—спросъ былъ, есть и долгое время еще будетъ очень великъ.

Какъ водится, одни пили много этой самой водки, другіе меньше, а нашелся въ поселкѣ одинъ хозяинъ, который и маковой росинки въ ротъ не бралъ. Понятно, кто много пилъ, у того дѣло не клеилось; у того то одна, то другая бѣда приключалась... нечаянно. Помимо того—кто расторопнѣй, кто медлительнѣй; кто аккуратнѣй, кто предпріимчивѣй, кто съ 4 час. на работѣ, а кто еще въ 7 спитъ; кто навозъ собираетъ, землю удобряетъ, а у кого навозъ зря пропадаетъ; кто зимой побочныя работы ищетъ, а кто на боку лежитъ; у кого хозяйка лежебока или модница, у кого заводитъ огородъ, куръ, или молочное хозяйство и т. п. Да и мало-ли какъ кто по своему живетъ; вотъ если-бы соціалисты такое лекарство придумали, чтобы всѣ люди другъ на друга похожи стали, какъ двѣ капли воды; да такое заклинаніе сдѣлали, чтобы не стало на землѣ ни горъ, ни рѣкъ, ни морей, ни степей; чтобы вездѣ была одна земля, одна температура, одна степень влажности и дождевыхъ осадковъ, одинаковыя времена года и т. п.,—словомъ, чтобы всѣ жили и работали въ одинаковыхъ условіяхъ,—пожалуй, и я увѣровалъ бы въ возможность соціальной республики и записался въ соратники Чхеидзе и К-о. Пока соціальная республика вводится путемъ пѣнія интернаціоналки, выбрасыванія красныхъ флаговъ, пристегиванія красной гвоздики, или веселья и праздношатанія въ день 1 мая,—до тѣхъ поръ соціальное равенство кажется легкимъ дѣломъ, прихотью, которыя восторжествуютъ въ жизни по мановенію руки организованнаго пролетаріата. Но нормальный человѣкъ, для котораго всѣ эти пріемы эсдековъ, ихъ флаги, гвоздика и т. п. стоятъ на высотѣ футуристическихъ ложекъ, соціальное равенство представляется только нелѣпымъ бредомъ психически неуравновѣшаннаго больного. Вѣдь, прежде чѣмъ создать соціальное равенство, надо уничтожить разнообразіе природы, надо уничтожить разнообразіе жизни въ растительномъ и животномъ царствахъ, надо уничтожить то соціальное неравенство, которое существуетъ между различными породами животныхъ, съ одной стороны, между животнымъ и человѣкомъ—съ другой. Но

*) Писано еще до войны въ то время, когда только начиналась борьба съ пьянствомъ.

если даже человѣку удалось бы уничтожить разнообразіе мертвой и внѣшней природы, то безспорно,—выше человѣческихъ силъ уничтожить разнообразіе самой природы человѣческой; каждый человѣкъ съ его индивидуальностью—это цѣлый духовный міръ; каждый народъ съ его народной индивидуальностью—это еще болѣе грандіозный духовный міръ. Сколько же міровъ надо уничтожить для того, чтобы ввести соціальное равенство? Не ясно ли, что требовать отъ человѣка соціальной республики, сказать человѣку: не должно быть ни богатыхъ, ни бѣдныхъ,—равносильно тому, чтобы сказать тому же человѣку: летай по воздуху, какъ птица. Летать то на аэропланахъ можно, но умудритесь, по мановенію руки Чхеидзе, безъ аэроплана полетѣть. Ученіе эсдековъ—походъ противъ Божественной мудрости, создавшей величіе и разнообразіе природы и жизни; это богохульство безумія. На той же высотѣ стоитъ ученіе нашихъ демократовъ включительно до октябристовъ послѣдняго времени. „Дайте намъ реформы, свободу слова, печати, земскую автономію, отвѣтственное министерство и т. п.“. О люди, люди! Дать-то все можно, но надо умѣть брать, надо умѣть и понести. Вѣдь, даже ребенку 2-хъ мѣсяцевъ можно дать въ руки миску съ супомъ и даже сказать ему: понеси къ столу,—но... толкъ-то какой? Свободу слова дать легко, но надо умѣть ее взять, а главное съ достоинствомъ и честью носить. Тоже—и всѣ свободы, тоже—и всѣ реформы.

И все потому, что нельзя по заказу получить свободы, реформы, соціальное равенство, какъ нельзя по заказу летать по воздуху птицей. Долженъ признаться, что ничего соціальнаго не получилось и въ моемъ поселкѣ; кто совсѣмъ обѣднѣлъ, у кого на гумнѣ ни снопа, въ закромахъ ни зерна, а на дворѣ, по травѣ хоть шаромъ покати; кто влачилъ сносное существованіе, а два-три хозяина, наоборотъ, разбогатѣли, раздобрѣли; и земли, и скотины, и всякаго добра у нихъ прибавилось. Кое-кому дѣйствительно не повезло; а большинство по своей винѣ обѣднѣло; богатеи же—все трезвый и работящій народъ были. И не стало счастливой Аркадіи, а отъ соціалистической идилліи остался одинъ звукъ пустой, или, какъ принято теперь точнѣе выражаться, остались одни эсдековскія головы. Но буйнымъ эсдековскимъ головамъ больше всего обидно крушеніе соціалистическаго идеала, и когда мои обнищавшіе пріятели поняли, какой уронъ терпитъ идея соціализма, то въ пылу отчаянія, а отнюдь не изъ какихъ-либо низменныхъ побужденій, явились они къ богатеямъ и потребовали, чтобы, во имя высокаго идеала соціальнаго равенства, тѣ раздѣлили между всѣми поровну свое богатство съ тѣмъ, чтобы опять наступила соціалистическая идиллія. Несчастные труженики, потомъ и кровью добившіеся своего благосостоянія, оказались тупоголовыми черносотенцами и никакъ не могли уразумѣть величія и широкаго размаха соціалистическаго бреда, упорно отказываясь отъ какого либо раздѣла своего имущества. Ну, конечно, тупость этихъ господъ была принесена въ жертву общечеловѣческому идеалу, и имущество этихъ жалкихъ столповъ реакціи было расхищено и подѣлено между всѣми.

БИБЛИОТЕКА

Само собою разумѣется, что заурядный обыватель назвалъ бы это практическое осуществленіе въ поселкѣ соціалистическаго идеала —разбоемъ, грабежомъ, но современный „интеллигентъ“ называетъ это аграрнымъ движеніемъ. Надо правду сказать, что для того ничтожества, которое зовется человѣкомъ, внѣшность, оболочка, названіе, буква, это—все; въ суть, въ смыслъ онъ не даетъ себѣ труда вникнуть. Какъ въ ресторанахъ подъ красивымъ соусомъ и вычурнымъ меню преподносятъ посѣтителямъ всякіе кухонные отбросы, всякую гниль, такъ подъ соусомъ красивыхъ ученій, высокихъ идей преподносятъ человѣку всякую гниль и отбросы. Все дѣло въ названіи, въ кличкѣ, въ вывѣскѣ. Если женщина измѣняетъ мужу, развратничаетъ, продаетъ себя направо и налѣво, то никому до этого нѣтъ дѣла, если она носитъ названіе „законная жена“; но то же общество отвернется отъ другой, честной, благородной и преданной жены, если она въ силу тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ носитъ названіе „гражданской жены“. Дама изъ общества, за которой водятся грѣшки, и которая только-что жала руку развратной и безчестной „законной женѣ“, прячетъ свою загрязненную руку отъ другой, чистой, святой, благородной, только потому, что она „гражданская жена“. Мало того, эту послѣднюю будутъ всячески травить и поносить мелкими булавочными уколами, на какія только и способно пошлое человѣчество; но на устахъ этихъ мелкихъ и пошлыхъ людишекъ вся эта гнусная травля будетъ прикрываться громкими мотивами благородства и общественнаго благонравія. О, названіе— это все, и какъ оно облагораживаетъ человѣка!.... Что когда-то звалось „воромъ“, то теперь зовется „экспропріаторомъ“. И что-же? Всякій „интеллигентъ“ который отвернется отъ вора, почтетъ за честь пожать руку экспропріатору. Что звалось разбойникомъ, душегубомъ, то теперь зовется анархистомъ-коммунистомъ. Раньше говорили: „цѣль оправдываетъ средства“, и всѣ возмущались этимъ принципомъ; теперь говорятъ: „тактика, тактическій пріемъ“, и всѣ въ восторгѣ отъ того-же принципа. Что раньше звалось „іезуитомъ“, то теперь зовется „демократомъ“. Если кто разукраситъ себѣ лицо разноцвѣтными красками, навѣшаетъ на себя всякіе амулеты, и появится такъ въ публичномъ мѣстѣ, то когда-то его звали сумасшедшимъ и отправляли въ психіатрическую лечебницу, а теперь зовутъ его футуристомъ, и почетъ ему, и уваженіе, и лекціи его слушаютъ. Чудеса на свѣтѣ творятся...

Не вѣчно и на этотъ разъ продолжалась соціальная идиллія въ поселкѣ. Долго-ли, коротко-ли, опять два-три оказались богатеями, а остальные все пропили, прожили, и пришлось имъ пойти въ батраки къ богатымъ. Что и говорить, лучше быть хозяиномъ, чѣмъ батракомъ. Немудрено, что каждый стремится стать хозяиномъ. Если бы не было контрастовъ въ жизни, если не было-бы этого стремленія къ лучшему, жизнь потеряла бы всякую прелесть, превратилась бы въ одну скуку смертную; можно заранѣе предсказать, что соціальная республика, если бы она могла осуществиться, превратилась бы въ каторгу для человѣчества. Правда, добиться хозяйства, извѣстнаго

положенія и благосостоянія не легко, это требуетъ труда и усилій, усидчивой работы, но это-то и разнообразитъ жизнь, дѣлаетъ ее интересной, даетъ возможнось чувствовать и цѣнить блага собственности и достатка. Трудно не только добиться собственнаго хозяйства, но не всякій способенъ управлять большимъ хозяйствомъ и вообще большимъ дѣломъ; многимъ достаются большія хозяйства, большія дѣла, а черезъ нѣкоторое время они оказываются бѣдняками и идутъ въ батраки. Не стыдно быть батракомъ, какъ не стыдно быть солдатомъ, а обидно за того солдата, который не желаетъ быть генераломъ; такъ обидно только за того батрака, который не мечтаетъ стать хозяиномъ. Трудно доставалось и хозяину изъ моего поселка. Честь-честью заключилъ онъ съ батраками договоръ; но развѣ на батраковъ понадѣешься; вездѣ хозяйское око нужно. Работаетъ хозяинъ за десятерыхъ, ночей не досыпаетъ, не доѣдаетъ. Посѣвы большіе, скота много и всякаго добра; а будешь на боку лежать, и пропадутъ плоды многолѣтнихъ трудовъ. Работаетъ хозяинъ изо всѣхъ силъ, заставляетъ работать и батраковъ. А какъ вышелъ урожай хорошій, батракамъ и завидно стало; наша, молъ, работа, нашъ и урожай; мы на лошадяхъ и плугахъ работали, наши и орудія производства, наши плуги, машины, лошади. Забрали силой все у хозяина и подѣлили жежду собой. Правда, отъ всего этого очень скоро ничего не осталось; опять вся пропили и проѣли, лежа на боку, потому что такъ уже на роду написано, кому быть богатымъ, кому быть бѣднымъ, но хозяину отъ этого утѣшенія мало было, и съ горя пошелъ онъ просить совѣта у члена Думы изъ эсдековской партіи. Думаетъ: членъ Думы, значитъ—умная голова.... Членъ Думы, уставясь въ землю лбомъ, глубокомысленно изрекъ: ничего не подѣлаешь, это—благородная классовая борьба; ее надо только привѣтствовать.

Не выдержалъ мой хозяинъ и зарыдалъ: „какая это классовая борьба? у насъ это называется просто разбоемъ, грабежомъ среди бѣлаго дня...“

Ну, понятно, выругалъ его членъ Думы черносотенцемъ и буржуемъ. Вѣдь теперь такой обычай пошелъ; если кого убиваютъ, грабятъ, всячески обижаютъ, но онъ молчитъ и даже „спасибо“ за это говоритъ, то все это ему благополучно сходитъ съ рукъ; но если кто осмѣливается кричать при этомъ: „Караулъ!“, то за такія черносотенныя и буржуазныя наклонности его всячески поносятъ и всячески надъ нимъ издѣваются. И многіе молчатъ и даже притворяются прогрессистами, а иной со страху и въ соціалъ-демократы идетъ. Вотъ я въ своей брошюрѣ собственно то и дѣлаю, что кричу: „Караулъ! Грабятъ!“ Кричу за себя, кричу за правду, кричу за всѣхъ здравомыслящихъ людей, кричу за народъ, за человѣчество. И не сомнѣваюсь, мнѣ за это здорово влетитъ. Кто только вѣруетъ не въ Бога, а въ Чхеидзе и въ Милюкова, получаетъ теперь право лягнуть меня копытомъ. И лягали и будутъ лягать меня копытами. Но у меня кожа толстая и крѣпкая, потому что скрѣплена она особымъ цементомъ, противъ котораго безсильны и время и злоба

людская. Этотъ цементъ—правда, и въ сознаніи того, что мною руководитъ одно только исканіе правды, я со спокойною совѣстью смѣло и твердо шагаю и буду шагать по своему жизненному пути подъ топотъ миріадовъ ослиныхъ копытъ и подъ мелкіе булавочные уколы всѣхъ демократическихъ ничтожествъ въ юбкахъ и въ брюкахъ. Возможно, что въ этой борьбѣ то, что зовется бреннымъ тѣломъ д-ра Гордона, погибнетъ и ляжетъ костьми,—я въ этомъ почти увѣренъ; но что составляетъ основу этой борьбы, та простая житейская правда, которая заключается въ моихъ словахъ, восторжествуетъ. Сознаніе этой правды такъ велико во мнѣ, что я въ этомъ глубоко убѣжденъ—рано-ли, поздно-ли наступитъ время, когда эта правда будетъ оцѣнена по достоинству.

Вышеприведенная исторія взята изъ жизни. Вспоминается мнѣ еще исторія. Долженъ сознаться, что я съ умысломъ привожу эти чисто-житейскіе факты. Ученіе, не основанное на жизни, не вытекающее изъ природы человѣческой и изъ законовъ, руководящихъ этой жизнью, равносильно карточному домику; и какъ послѣдній рушится отъ малѣйшаьо дуновенія вѣтерка, такъ рушится отъ любого житейскаго факта, самое стройное ученіе, покоющееся даже на громадныхъ фоліантахъ, вродѣ „Капитала“ Маркса, если только это ученіе отвлеченное, и въ немъ нѣтъ житейской правды. Если хотите разобраться въ чьемъ-либо ученіи, въ чьихъ-либо поученіяхъ, примѣняйте ихъ къ землѣ, а не къ облакамъ и къ звѣздамъ, примѣняйте ихъ къ людямъ, а не къ ангеламъ и къ сверхъ-человѣкамъ.

Исторія заключается въ слѣдующемъ. Какъ извѣстно, въ далекой Аляскѣ, въ мерзлой почвѣ, подъ вѣчнымъ слоемъ снѣга и льда, открыты богатые залежи золота. Не многіе рискуютъ однако искать тамъ счастья; смѣльчаковъ ждетъ почти неминуемая смерть; умираютъ и отъ холода, умираютъ и отъ голода, и отъ ужасныхъ лишеній среди необозримыхъ снѣжныхъ пространствъ; гибнутъ и отъ дикихъ звѣрей и отъ рукъ одичавшихъ людей. Словомъ—надо обладать и крѣпкимъ здоровьемъ, и громадной силой воли, и безумной отвагой для того, чтобы отважиться на такой подвигъ, какъ добыча золота въ Аляскѣ. Само собой разумѣется, что неустрашимость и смѣлость должны быть еще болѣе колоссальны у европейца, который пустился-бы въ путь въ эту невѣдомую и отдаленную страну. Тѣмъ не менѣе въ Самарѣ у меня нашлось нѣсколько пріятелей, которые рѣшились на этотъ отчаянный подвигъ. Трудно даже описать, какимъ опасностямъ они тамъ подвергались, сколько лишеній и горя они тамъ перенесли. Однако предпріятіе кончилось благополучно, и успѣхъ превзошелъ ожиданія; они наткнулись на большую золотоносную жилу и вернулись въ Самару богачами.

Размѣнявъ добытое золото, они поровну раздѣлили его между собою, и каждый занялся своимъ дѣломъ, согласно своему призванію, живя въ довольствѣ и безъ заботъ о завтрашнемъ днѣ. Конечно, любой эсдекъ назоветъ ихъ буржуями и крикнетъ: „пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь противъ этихъ кровопійцъ!...“ Но спрашивается, неужели тѣ средства, тѣ удобства жизни, которыя добыты

были съ такимъ трудомъ, съ такой опасностью для жизни, должны стать общественнымъ достояніемъ? Неужели ими должны одинаково пользоваться и тѣ, которые въ это время сибаритничали у себя дома? Неужели Нансенъ, нѣсколько лѣтъ подвергавшій себя лишеніямъ и опасностямъ и столько пользы принесшій человѣчеству, недостоенъ національныхъ наградъ и обезпеченной въ довольствѣ жизни?*) Конечно, въ угоду своей отвлеченной и безжизненной доктринѣ, пролетаріи всѣхъ странъ, руководимые Чхеидзе и ему подобными, протянутъ руки и къ богатству моихъ пріятелей и къ заслуженнымъ достаткамъ Нансена, но здравый смыслъ и правда всего міра крикнутъ имъ: „руки прочь, дармоѣды"! И этотъ крикъ будетъ постояннымъ спутникомъ организованныхъ пролетаріевъ всѣхъ странъ до тѣхъ поръ, пока правда окончательно не исчезнетъ изъ міра, а здравый смыслъ не станетъ архивнымъ допотопнымъ пережиткомъ.

Я нарочно привелъ эти два рѣзкихъ примѣра, чтобы показать, что огульное возмущеніе богатствомъ есть только недомысліе, что капиталистическій строй, другими словами—неравномѣрность состояній и общественныхъ положеній со всѣми ихъ послѣдствіями, что этотъ строй есть выраженіе высокихъ моральныхъ и душевныхъ свойствъ человѣка, что онъ отнюдь не основанъ на эксплуататорскихъ инстинктахъ, совершенно не свойственныхъ и чуждыхъ человѣку, а заложенъ въ самой природѣ какъ внѣшней, такъ и человѣческой. Онъ есть продуктъ человѣческаго прогресса, онъ двигатель прогресса, онъ же вызываетъ къ жизни всѣ высшія моральныя качества характера и души человѣка, онъ ихъ закаливаетъ и сохраняетъ. Для этого строя нужны умъ, таланты, энергія, работоспособность, трудолюбіе, отвага, патріотизмъ и т. п. Для высокоодаренныхъ натуръ капиталистическій строй—ихъ родная стихія; онъ имъ необходимъ, какъ рыбѣ вода. Классовая борьба съ ея организованнымъ пролетаріатомъ и лозунгомъ: „пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!"—это крикъ отчаянія бездарностей и обиженныхъ судьбою людей. Соціальная республика эсдековъ—это царство тунеядцевъ и лежебокъ, это могила цивилизаціи, прогресса и того, что зовется человѣчностью. Капиталистическій строй—созданіе Бога; соціальная республика—твореніе сатаны...

Есть мудрая русская поговорка: „на то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ." Это есть чисто-русское и удивительно мѣткое выраженіе Дарвиновской борьбы за существованіе и основъ капиталистическаго строя. Народъ своимъ вѣрнымъ чутьемъ симпатизируетъ щукамъ, придавая ихъ хищничеству воспитательное значеніе для карасей, а негодованіе карасей подъ флагомъ классовой борьбы и щучьей эксплуатаціи, на самомъ дѣлѣ вызвано было бы, очевидно,

*) Война, въ лицѣ Георгіевскихъ кавалеровъ, даетъ еще одинъ разительный примѣръ. Неужели же эти герои, своей отвагой, презрѣніемъ къ страданіямъ и смерти, своей кровью не заслужили отличій и связанныхъ съ ними преимуществъ? Неужели кто-либо броситъ имъ укоръ за тѣ удобства и покой, которыми они пользуются на ряду со многими, испытывающими тѣ или иныя лишенія?

только желаніемъ покоя и сна, стремленіемъ къ пріятной дремотѣ. Тѣ-же причины и мотивы вызвали къ жизни соціалъ-демократію. Но жизнь, прогрессъ ея требуютъ бодрой и безпрерывной работы; русскій же народъ хочетъ жить, онъ жаждетъ живой плодотворной работы; ему не до сна и онъ, смететъ, какъ негодный мусоръ, своихъ сонулей, спустившихся съ горъ Кавказскихъ, чтобы навѣять на Россію сонъ соціальной республики.

Увы! Въ этомъ позорномъ занятіи видное участіе принимаютъ многіе сыны моего горячо любимаго, великаго и трагически несчастнаго народа... Увы! Даже создателями этого соціалъ демократическаго, не то безумія, не то—недомыслія были евреи—Марксъ и Лассаль... Быть можетъ, мнѣ предназначено Богомъ искупить ихъ вину. Еще разъ прошу не придавать моимъ словамъ абсолютно никакого толкованія въ какую бы то ни было сторону. Повторяю, еврейскому вопросу, во всемъ его общечеловѣческомъ трагизмѣ, я посвящу отдѣльную бесѣду. Я постараюсь правдиво и широко, насколько это только доступно моимъ слабымъ силамъ, освѣтить его. Пока же это только нѣсколько слезъ, пущенныхъ Еремiей нашихъ дней.

IV.

Что касается моихъ пріятелей, одинъ изъ нихъ построилъ въ Самарѣ большой домъ, другой купилъ землю, третій выстроилъ фабрику, четвертый привелъ въ исполненіе свою давнишнюю мечту, именно взялся за науку, кончилъ университетъ и получилъ дипломъ врача. Черезъ нѣсколько лѣтъ по условію всѣ сошлись, чтобы подѣлиться впечатлѣніями и разсказать, какъ каждому повезло въ его дѣлѣ. Я былъ приглашенъ въ качествѣ нейтральнаго арбитра.

Очередь была за домовладѣльцемъ; это былъ упитанный человѣкъ; онъ всей его фигуры несло здоровьемъ и самодовольствомъ. По его словамъ, онъ былъ вполнѣ доволенъ своимъ положеніемъ; домъ приносилъ ему хорошій доходъ; недостатка въ чемъ-либо онъ не ощущалъ, жилъ, можно сказать, припѣваючи. Ни заботъ, ни непріятностей. Наоборотъ—пользовался почетомъ въ Самарѣ, былъ гласнымъ Думы, избирался на многія почетныя должности, былъ даже предсѣдателемъ какого-то не то биржевого, не то ярмарочнаго комитета. „Потому", закончилъ онъ, „что я прогрессистъ".

При этомъ словѣ помѣщикъ и фабрикантъ заерзали на стульяхъ, я же, напротивъ, весь проникся уваженіемъ къ пріятелю.

Начался перекрестный допросъ.

„Что же ты", спросилъ я, глядя на него съ умиленіемъ, „соблюдаешь исключительно интересы меньшаго брата? Забываешь о себѣ и думаешь только о другихъ? Домъ, вѣроятно, только номинально твой, а на самомъ дѣлѣ квартиры ты отдаешь безплатно всѣмъ желающимъ, твое дѣло только нести обязанности домовладѣльца, т. е. содержать дворника, швейцара, платить налоги, тратиться на ремонтъ, ассенизацію и т. п., притомъ изъ собственныхъ запасныхъ средствъ? Правда? Или, быть можетъ, приходится даже побираться

и милостыню просить для того, чтобы имѣть возможность исполнить высокій долгъ прогрессиста, пекущагося лишь о благѣ другихъ?"—

„Ты что-же?"—въ свою очередь спросилъ помѣщикъ, „сторонникъ того, чтобы дома, на манеръ земли или орудій производства, раздѣлить между квартиронанимателями?"

Оказалось, что нашъ домовладѣлецъ-прогрессистъ и не думаетъ съ кѣмъ-либо дѣлиться своимъ богатствомъ; за квартиры получаетъ аккуратно плату, для чего завелъ еще управляющаго. Всѣ свои средства тратитъ только на себя да на свои прихоти, держитъ повара, имѣетъ автомобиль, посѣщаетъ театры, клубы, рестораны. Отъ прогрессиста требуется одно: посѣщать собранія прогрессистовъ. Нерѣдко послѣ собранія прогрессистовъ, послѣ, такъ сказать, трудовъ праведныхъ, они дружной прогрессивной толпой отправляются ужинать куда либо; устраиваютъ „прогрессивные" банкеты, „прогрессивные" юбилеи, „прогрессивныя" торжества, „прогрессивные" похороны. Словомъ, вѣчная прогрессивная масленица. Житье, да и только. Зато нашему домовладѣльцу вездѣ и всюду: и въ собраніяхъ, и въ печати, и во всякихъ комитетахъ и обществахъ—почетъ и уваженіе. Шутка ли сказать—прогрессистъ...

„Что и говорить! Безпроигрышная лоттерея"—съехидничалъ фабрикантъ. А главное—и билеты на прогрессиста покупать не надо; отъ себя зависитъ—быть или не быть прогрессистомъ. Безпроигрышная, да еще даровая лоттерея... Притомъ безопасно; потому—кто же будетъ прогрессисту забастовки устраивать. Между прочимъ, какъ у тебя дѣло насчетъ тачекъ обстоитъ?"

„Ну, что касается того, чтобы квартиронаниматели устраивали забастовки или на тачкахъ вывозили домовладѣльца, то такое предположеніе является нелѣпымъ", возмутился домовладѣлецъ. Скорѣе домовладѣлецъ вывезетъ на тачкѣ квартиронанимателя. Вѣдь, при наймѣ квартиры заключается опредѣленное условіе, нотаріальный договоръ. Какія же тутъ могутъ быть забастовки и стачки? Могутъ быть недоразумѣнія; но тутъ вступаетъ въ свое право законъ; здѣсь компетенція исключительно полиціи и суда. Классовая борьба, конечно, въ данномъ случаѣ совершенно непримѣнима. Можно, понятно, разбить міръ или покрайней мѣрѣ горожанъ—на два класса: домовладѣльцевъ и квартиронанимателей, но это будетъ произвольное и искусственное дѣленіе. Во всякомъ случаѣ о классовой борьбѣ здѣсь и рѣчи не можетъ быть, потому что домовладѣлецъ строитъ домъ не для борьбы съ кѣмъ-либо, а только для сдачи квартиръ. Борьба можетъ быть между квартиронанимателями и только въ интересахъ домовладѣльцевъ, потому что она поведетъ лишь къ вздорожанію квартиръ. Словомъ только больная фантазія можетъ придумать классовую борьбу между домовладѣльцами и квартиронанимателями; повторяю, домовладѣлецъ строитъ домъ не для борьбы; конечно, можно употребить насиліе противъ домовладѣльцевъ, прикрываясь требованіемъ классовой борьбы, но это насиліе будетъ только со стороны квартиронанимателей и притомъ со стороны нѣкоторыхъ квартиронанимателей, и это насиліе подходитъ подъ по-

нятіе разбоя, грабежа; такая „классовая" борьба выгодна, конечно, нѣкоторымъ элементамъ общества, какъ многимъ элементамъ выгодно пользованіе чужимъ добромъ путемъ воровства, экспропріаціи и т. п. Если бы произошла забастовка части квартиронанимателей, то я сказалъ бы, что профессіональные воры и грабители воспользовались идеей какой то фантастической классовой борьбы для воровства и грабежа. Правда, квартиры—это, такъ сказать, орудія производства для домовладѣльцевъ, но вѣдь, домъ нельзя раздѣлить, развѣ разобрать его по кирпичамъ; тогда и дома не станетъ. Притомъ—каждый домъ неотъемлемая собственность домовладѣльца; строятъ его по своему плану, по своимъ потребностямъ, строятъ его на свои кровныя средства, а каждый изъ васъ знаетъ, какимъ путемъ достались мнѣ эти средства; сколько пота, крови и здоровья стоили они мнѣ. Вотъ земля—другое дѣло. Земля—готовая отъ Бога дана; землю дѣлить и можно, и должно. Я насчетъ отчужденія земли къ кадетамъ примыкаю, и въ члены Государственной Думы отъ Самары даже голосъ за кадета Гладыша подалъ.

— Но вѣдь это называется быть прогрессистомъ и благодѣтелемъ за чужой счетъ, возмущенно воскликнулъ помѣщикъ. А развѣ землю я не на свои кровныя средства пріобрѣлъ, а развѣ эти средства я не тѣми же кровью и потомъ добылъ себѣ? Развѣ я не строился въ своемъ имѣніи? Всѣ усилія прилагалъ, чтобы поставить въ немъ сельскохозяйственную культуру на высокую степень; вводилъ самые современные способы удобренія и обработки; ввелъ орошеніе; улучшилъ породы скота, птицъ; завелъ молочное хозяйство; развелъ лѣсъ, садъ. Построилъ массу сельскохозяйственныхъ зданій, мельницу, маслодѣльный заводъ. Да, и я вложилъ въ землю свой потомъ и кровью добытый капиталъ; но одного капитала мало; необходимы личная энергія, предпріимчивость, знанія, призваніе и любовь къ дѣлу; необходимъ неустанный трудъ Если же я не гарантированъ, что подъ благороднымъ предлогомъ классовой борьбы у меня въ любое время сожгутъ всѣ плоды моихъ трудовъ, да еще землю отберутъ, то руки опускаются. И развѣ горе, развѣ несчастье крестьянства въ недостаткѣ земли? Земли въ Россіи и свободной земли еще бездна; и одинаково бѣдствуетъ крестьянинъ на маломъ и большомъ надѣлѣ; губитъ крестьянина лѣнь, пьянство, недостатокъ знаній, отсутствіе предпріимчивости и иниціативы; его привычка къ опекѣ, къ тому, чтобы о немъ заботились, за него дѣлали другіе; главное его зла—община, которая и вырабатываетъ въ крестьянинѣ большинство упомянутыхъ недостатковъ. Отчужденіе земли не спасетъ крестьянина, никакой пользы ему не принесетъ, но оно нанесетъ ущербъ принципу собственности; оно принесетъ колоссальный вредъ сельскохозяйственной культурѣ, затормозитъ предпріимчивость, пришибетъ личность, индивидуальность. Одни разговоры объ отчужденіи земли, въ какомъ бы то ни было видѣ, и о классовой борьбѣ—это похороны предпріимчивости, труда и какой бы то ни было иниціативы въ сельскомъ хозяйствѣ и въ любомъ дѣлѣ. Вы понимаете, господа, что меня грабили и раззорили въ годы освободительнаго движенія. Я понялъ,—увы! только поздно,—что это движеніе было освободи-

тельнымъ только въ томъ смыслѣ, что оно освободило разнузданную интеллигенцію и обезумѣвшую часть крестьянства отъ всякихъ моральныхъ представленій о правахъ и обязанностяхъ. Правда, у меня работали батраки; но эта работа была плодомъ полюбовнаго соглашенія, такого же договора, какъ у домовладѣльца съ квартиронанимателями. Правда, отъ заработной платы разбогатѣть нельзя, особенно тѣмъ, которые считали своей обязанностью пропивать въ воскресенье свой недѣльный заработокъ. Но тѣ, которые не пили, и въ особенности тѣ, которые работали и относились добросовѣстно къ своимъ обязанностямъ, жили въ достаткѣ; вообще, каждый питался у меня не хуже, чѣмъ въ крестьянской семьѣ средняго достатка. Я, напротивъ, ставилъ себѣ въ заслугу, что давалъ заработокъ людямъ. Помимо того, я устроилъ у себя школу, принималъ посильное участіе въ постройкѣ и оборудованіи земской больницы. Служилъ деревнѣ и родному уѣзду по земству; въ качествѣ гласнаго, тратилъ и время, и трудъ, и деньги. Скажу по совѣсти, и въ земской работѣ мечталъ лишь о томъ, чтобы принести посильную помощь крестьянству, своему уѣзду, своей губерніи и своей родинѣ. И чѣмъ я провинился передъ Богомъ и людьми, право въ толкъ не возьму.

—Ты виноватъ ужъ тѣмъ, что пріобрѣлъ не домъ, а землю, глубокомысленно замѣтилъ прогрессивный домовладѣлецъ.

Въ разговоръ вмѣшался сидѣвшій за другимъ столомъ купчикъ, внимательно прислушивавшійся къ бесѣдѣ. „Вотъ и я, признаюсь, толкомъ не пойму, что за разница между прогрессистомъ и, такъ сказать, правымъ. И у насъ, купцовъ, тоже самое; кто называетъ себя прогрессистомъ, кто правымъ. Посмотришь, люди людьми, купцы купцами. Оба одѣты и обуты; оба торгуютъ, оба хотятъ заработать, чтобы и квартиру хорошую и столъ хорошій имѣть, чтобы и жену и дѣтей кормить сытно и одѣвать прилично; оба въ компаніи и выпьютъ и закусятъ честь-честью. Никто никому не даритъ своихъ капиталовъ; у праваго иной разъ прикащикамъ лучше и вольготнѣе живется, чѣмъ у прогрессиста. Оба женъ и дочерей по первой модѣ наряжаютъ, на резиновыхъ шинахъ катаютъ по праздникамъ; оба посты и праздники соблюдаютъ; себя русскими считаютъ, любятъ Россію, любятъ родину, народъ, готовы грудью за него постоять. А какъ заговорятъ о политикѣ, такъ начинаютъ ругать и бранить другъ друга, точно нѣмецъ съ французомъ сцѣпились. Спорятъ, какъ будто Россію дѣлятъ между собой. Похоже на то, какъ когда-то воевали и бились другъ съ другомъ не на жизнь, а на смерть католики, православные, лютеране и т. п. Вѣдь, Богъ то у всѣхъ одинъ и тотъ же; а спорили, какъ будто Бога между собой дѣлили. Всѣ эти споры, чей Богъ лучше, кажутся теперь смѣшными; всѣ поняли, что это споръ за буквы, за слова, за названія, а не по существу. И какъ отошли въ область преданій религіозныя войны, такъ исчезнетъ и борьба партій. Споръ партій напоминаетъ мнѣ споръ двухъ мальчиковъ о достоинствѣ ихъ костюмчиковъ: матеріалъ былъ одинаковый, фасонъ одинаковый, но одинъ мальчикъ кричалъ.

что его костюмъ лучше и теплѣе, потому что онъ краснаго цвѣта, а другой утверждалъ, что его теплѣе, потому что онъ синяго цвѣта. Право, партіи тоже только красками отличаются, а помимо окраски ни по дѣламъ, ни по жизни, ни по обращенію не отличишь партій, да и на лицѣ не написано, къ какой кто партіи себя причисляетъ".

„На языкѣ у прогрессистовъ написано", процѣдилъ сквозь зубы фабрикантъ.

„Какъ, никакой разницы нѣтъ?" возмутился домовладѣлецъ. „Вѣдь, прогрессистъ долженъ стоять за свободу слова, печати, за права, за реформы, да за всякую всячину. Долженъ говорить, что онъ за народъ, за этотъ самый пролетаріатъ, принесетъ въ жертву и жену, и дѣтей, и все свое богатство. Положимъ, эти разговоры и гроша ломанаго мнѣ не стоятъ, да вотъ не всякій же въ прогрессисты идетъ".

„Потому что не всякій совѣсть и умъ потерялъ", сердито сказалъ фабрикантъ. „Но скажи мнѣ, какъ дошелъ ты до жизни такой?" тономъ искренняго состраданія спросилъ онъ домовладѣльца, точно передъ нимъ стоялъ не современный прогрессистъ, а проститутка временъ Некрасовскихъ. „Не сразу же тебѣ житья безъ свободы слова не стало?"

— И самъ не знаю, какъ это на меня нашло. Если вспомнить хорошенько, то жилъ когда-то и ни о какой свободѣ слова не думалъ. Обходились; да и правду сказать, безъ хлѣба не проживешь, а безъ этой самой свободы слова жить можно. А чтобы стѣсненіе чувствовать въ словѣ, то, кажись, и этого не было; ни въ разговорахъ съ пріятелями, со знакомыми, съ родными, ни въ дѣловыхъ разговорахъ, ни въ бесѣдахъ съ администраціей или полиціей, никогда не стѣснялся въ словахъ или выраженіяхъ; говорилъ, что думалъ. Правда, одинъ разъ хотѣли было въ тюрьму посадить; но откровенно говоря, самъ виноватъ былъ; не разобравъ въ чемъ дѣло, про одного купца слухъ пустилъ, что не платитъ по векселямъ. Ну, за клевету было присудили, да обошлось благополучно; миромъ кончили. Бывало, даже выругаешься не по печатному, и не то что дома, а даже на биржѣ, или къ примѣру — на улицѣ или гуляньѣ и ничего — за первый сортъ сходило. Пожалуй, у насъ на этотъ счетъ свободы, хоть отбавляй; заграницей, говорятъ, такой свободы и не знаютъ. Но что подѣлаешь? Пошли повсюду разговоры объ этой самой свободѣ. Куда ни пойдешь, только о ней и говорятъ. Гдѣ драка, только и слышишь, что будь свобода слова, дракъ какъ не бывало-бы. Разсорился купецъ одинъ, банкротомъ себя объявилъ, и тоже винитъ свободу. Выгнали рабочаго или прикащика со службы за пьянство, все та же свобода виновата; будь свобода слова, не выгнали-бы. А чуть гдѣ ураганъ или крушеніе поѣзда, или, къ примѣру,—землетрясеніе, такъ тебѣ въ газетахъ, какъ дважды-два четыре докажутъ, что все отъ того, что свободы нѣтъ. Гдѣ тутъ нашему брату разобраться? Слушаешь, да читаешь, да понемногу и вѣрить начинаешь. А тутъ какъ на-грѣхъ у пріятеля домъ строющійся рухнулъ и нѣсколько человѣкъ придавилъ. Понятно, хотѣлось все подешевле устроить.

Зашелъ съ горя пріятель ко мнѣ; пьемъ чай, разсказываетъ про свою бѣду, и все приговариваетъ: „ну и какъ тутъ безъ свободы слова домъ построить; безъ извести еще выдержитъ, а безъ свободы слова ни одинъ домъ не выдержитъ". А жена, видно, испугалась за нашъ домъ, какъ бы и онъ не рухнулъ изъ-за этой свободы, и тоже говоритъ: „и чего имъ жалко этой свободы слова? ее, вѣдь, не покупать стать, а люди плачутъ, житья безъ нея никакого". Я и бухни на другой день въ компаніи въ ресторанѣ: „и чего, молъ, имъ жалко этой свободы слова?....." и еще что-то въ этомъ родѣ; должно-быть, гдѣ-нибудь тутъ газетчикъ сидѣлъ, а только на другой день читаю въ газетѣ: „броженіе и недовольство въ обществѣ растутъ съ каждымъ днемъ и проникаютъ въ самые умѣренные круги. Только слѣпые не видятъ, глухіе остаются равнодушными къ этому подъему общественнаго настроенія и не слышатъ угрозъ, которыя, какъ отдаленное рыканіе льва, несетъ имъ общественное мнѣніе всей страны. Буржуазные круги—и тѣ отъ глухого ропота переходятъ къ активнымъ выступленіямъ. Вчера въ общественномъ мѣстѣ намъ пришлось слышать бесѣду нѣсколькихъ крупныхъ Самарскихъ промышленниковъ, и, надо сказать, рѣчи ихъ по оппозиціонности немногимъ уступали рѣчамъ Родичева или даже Керенскаго. Приводимъ почти дословно слова одного изъ видныхъ мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей и крупныхъ домовладѣльцевъ (имя рекъ—полностью мое имя, отчество и фамилію напечаталъ): „Общество положительно задыхается въ тискахъ нашего деспотическаго режима; въ этой атмосферѣ насилія и безправія люди гибнутъ, дома и тѣ не выдерживаютъ. А всѣ эти ураганы, штормы, всякія наводненія—развѣ они мыслимы при отвѣтственномъ министерствѣ? Или безъ этой свободы слова—вѣдь, не жизнь, а каторга. Съ женой не разговариваешь, все мимикой объясняешься; даже такія невинныя слова, какъ „спокойной ночи"—и то съ опаской и шопотомъ произносишь; по ночамъ не спишь, а днемъ —и подавно: боишься, какъ бы не всхрапнуть или—упаси Господи!—сквозь сонъ чего не пробормотать. Дѣло домовладѣльческое совсѣмъ въ упадокъ пришло; квартиры пустуютъ; придутъ наниматели и молчатъ, молчитъ и домовладѣлецъ, потому—нѣтъ тебѣ свободы слова. Постоятъ, да и разойдутся. Магазины закрылись; купцамъ одно разоренье, потому—купцы и покупатели боятся слово проронить. Сидятъ безъ дѣла мастера; въ ресторанахъ одни только лакеи бродятъ, какъ тѣни. Извощики по цѣлымъ днямъ и ночамъ катаютъ только себя; трамвай ходитъ пустой. И бродятъ всѣ, какъ тѣни, изрѣдка и украдкой объясняясь мимикой; Россія стала похожа на колоссальную школу глухонѣмыхъ. Давно уже никто не видитъ у себя въ домѣ съѣстного; жены перестали уже на базаръ ходить; въ молчанку, вѣдь, ничего не купишь. Замерла торговля, изчезла промышленность, застыла вся жизнь, замолкли вѣтерки, затихли птичекъ хоры, не пыхтятъ паровозы, лишь щебечутъ и воркуютъ наши тираны—эти буржуи и бюрократы. Россія на краю гибели. Безъ этой свободы слова обязательно всѣ погибнемъ отъ голода, холода и безсонницы. Нужно только удивляться изумительной выносливости русской натуры, если народъ русскій не изчезъ съ лица земли за это тысячелѣтіе своей жизни,

лишенной какой бы то ни было свободы слова. Или какъ онъ существовалъ безъ неприкосновенности личности. Вѣдь, какой-нибудь пустяшной бомбой нельзя обзавестись; ворвутся безъ спросу въ твою квартиру, арестуютъ и даже суду предадутъ; и хоть бы эти игрушки для людей были заготовлены, а то, вѣдь, для нихъ-же—этихъ тирановъ изъ бюрократовъ и буржуевъ. Или заведешь себѣ семейную, домашнюю типографію, печатаешь всякіе невинные пустячки, вродѣ того: „рабочіе, бросай работы, выходи на улицы съ краснымъ флагомъ; пусть буржуи гибнутъ безъ хлѣба, безъ мяса и всякихъ продуктовъ, пусть гибнутъ въ холодѣ и во тьмѣ; бей всякаго, кто не бастуетъ и не выходитъ съ краснымъ флагомъ“ и т. п. И что вы думаете? врываются къ вамъ въ квартиру, конфискуютъ вашу собственную семейную типографію, конфискуютъ ваши сочиненія, и еще арестуютъ васъ. Понимаете, въ своемъ собственномъ домѣ, я не имѣю права дѣлать, что мнѣ заблагоразсудится. Развѣ не деспотизмъ, не тираннія? О! дайте только свободу слова, неприкосновенность личности . . . .“

„И наступитъ царство хулигановъ и шантажистовъ, а мирно будутъ почивать одни только грабители и разбойники“, перебилъ неугомонный фабриктнтъ.

Словомъ,—продолжалъ какъ ни въ чемъ не бывало домовладѣлецъ,—прочитали мы съ женой эту статью и почувствовали, чтъ какъ будто на самомъ дѣлѣ мы умираемъ отъ голода, холода и безсонницы, что домъ нашъ пустуетъ, и что мы будто не въ своемъ домѣ, а въ тюрьмѣ находимся. Вотъ какъ уговорилъ насъ разбойникъ! И многіе изъ моихъ пріятелей и знакомыхъ стали тоже чувствовать, какъ будто ихъ всю жизнь душатъ и тиранятъ. Для меня же это былъ знаменательный день въ моей жизни. Какъ вышелъ я на улицу, смотрю—дворникъ во весь ротъ улыбается, хлопнулъ меня фамильярно по плечу и сказалъ: „здорово вы эту свободу раздѣлали; сразу видно, что нашу сторону—пролетаріевъ—держите.... Собираются вамъ отъ пролетаріата адресъ преподнести“.*) Ну скажите сами, какъ тутъ не стать прогрессистомъ. Да и городовые стали какъ то почтительно кланяться, а гимназистки и гимназисты чуть-ли не пальцами указываютъ другъ другу: „смотрите: вотъ, вотъ идетъ прогрессистъ (имя рекъ), а лицо то у него какое умное, прогрессивное; въ глазахъ такъ свобода слова и свѣтится, и дышетъ, можно сказать, не воздухомъ, а тоже всякой свободой. Вотъ-бы его въ министры народнаго просвѣщенія! все у насъ пошло бы прогрессивнымъ путемъ; отмѣнили бы не только педагогическіе совѣты, но упразднили бы даже родительскіе комитеты, оставили бы одни ученическіе совѣты; чтобы сами, молъ, ученики составляли программы, распредѣляли уроки, сами себѣ отмѣтки ставили, и не только себѣ, но и учителямъ. Какъ чуть что,—учителю колъ за поведеніе. Не дѣло учителей вмѣшиваться въ ученіе; вѣдь, не они учатся, а мы Или тоже—противный министръ Кассо; ему какое дѣло, учимся ли мы, лекціи ли футуристовъ слушаемъ, или кружокъ эсеровъ устраиваемъ; вѣдь, это наше личное дѣло, и только насъ касается. „Долой

*) Я какъ будто предвидѣлъ, что крестьяне преподнесутъ адресъ Маклакову.

Кассо!" шепнулъ одинъ одинъ изъ гимназистовъ, когда онъ совсѣмъ близко возлѣ меня проходилъ. При этомъ онъ многозначительно взглянулъ на меня, давая понять, что онъ сочувствуетъ прогрессивной партіи и готовъ поддержать мою кандидатуру на мѣсто Кассо. „А если какой учитель окажется реакціонеромъ, такъ ему не только колъ за поведеніе, но усадить его за чтеніе газетъ „Русское Слово" и „Рѣчь" и за зубрежку катехизиса Кизеветтера. А если не исправится, то исключить его безъ права поступленія учителемъ въ какое либо учебное заведеніе".

Я умилился душой и пошелъ дальше. Всѣ какъ-то особенно привѣтливо и низко кланяются, а я какъ будто выростаю въ собственныхъ глазахъ; жена даже стала увѣрять, что у меня на лицѣ какое то вдохновенное выраженіе появилось. Ну, какъ тутъ не остаться прогрессистомъ! Въ этотъ день почтальонъ принесъ мнѣ много писемъ; кто благодаритъ за прекрасныя слова, достойныя такого умнаго и прогрессивнаго человѣка; кто проситъ продолжать въ томъ же духѣ, пока не будетъ сокрушена реакція; кто проситъ постоять за пролетаріатъ; кто проситъ услуги, потому, молъ, онъ тоже прогрессистъ и за всякія свободы стоитъ. Были привѣтствія и просьбы записаться въ члены отъ многихъ прогрессивныхъ, или какъ они себя называютъ, отъ многихъ „культурныхъ" обществъ: отъ общества борьбы съ хожденіемъ на двухъ ногахъ, отъ общества борьбы съ принятіемъ пищи черезъ ротъ, отъ общества борьбы съ дневнымъ бодрствованіемъ и, наоборотъ, отъ общества борьбы съ ночнымъ сномъ. Все общества всякой „борьбы". Исключеніе составляло только общество плеванія въ потолокъ. Каждое привѣтствіе кончалось призывомъ: „продолжайте также смѣло и доблестно вести борьбу за начала Манифеста 17 Октября, и современники еще при жизни вашей воздвигнутъ вамъ памятникъ нерукотворный".

Словомъ—это былъ знаменательный день въ моей жизни, день посвященія въ прогрессиста. Много пріятныхъ моментовъ было для меня въ этотъ великій день, но особенно врѣзались въ мою память два, три случая. Первымъ дѣломъ ко мнѣ явился газетный интервьюеръ и пожелалъ узнать мое мнѣніе о большомъ пожарѣ, бывшемъ надняхъ въ Самарѣ. „Съ точки зрѣнія", прибавилъ онъ, „Манифеста 17 Октября и конституціонныхъ гарантій". Должно быть, много я въ этотъ день набрался прогрессивнаго духа; и самъ не знаю, откуда это у меня пошло, но только я ему на самомъ дѣлѣ цѣлую прогрессивную рѣчь сказалъ такъ, что ему и врать не надо было, какъ въ первый разъ. Должно быть, я и самъ ужъ научился „прогрессивно" врать. И надо вамъ сказать, что ничего нѣтъ легче, какъ прогрессивную рѣчь держать, или прогрессивную статью писать, или прогрессивную газету издавать; это я вамъ по опыту говорю. Дай только волю языку, не утруждай только ума, если онъ у тебя случайно имѣется, и отнюдь не давай ходу совѣсти; если она заговоритъ, вся твоя прогрессивная карьера пропала. И чѣмъ длиннѣе языкъ, чѣмъ больше іезуитской или, какъ ее для отвода глазъ называютъ, „партійной" тактики, чѣмъ меньше вложено ума и совѣсти, тѣмъ рѣчь или газета прогрессивнѣй. Я вамъ прорепетирую свое интервью, какъ образчикъ прогрессивныхъ рѣчей.

Началъ я съ общей фразы, что „пожары составляютъ общественное зло русской жизни.“ Надо при этомъ вздохнуть и почти сквозь слезы произносить слова; весьма умѣстенъ жестъ отчаянія и восклицаніе горя „увы!“, такъ чтобы сердобольному и жалостливому русскому человѣку казалось, что общественное зло все равно для тебя, что твое личное горе. Затѣмъ шли у меня длинныя разсужденія о томъ, что огонь—это всесокрушающая сила, что онъ отнюдь не созидаетъ, а наоборотъ—имѣетъ наклонность все разрушать на своемъ пути. „Что загрязнено или засыпано пылью, можно очистить, что подмочено водой, можно высушить, но что уничтожено огнемъ, что превращено имъ въ уголь, пепелъ или дымъ, того не возстановишь...“ Какъ видите, начало своей рѣчи прогрессистъ посвящаетъ изложенію азбучныхъ истинъ, вродѣ того, что дважды-два—четыре. Но это необходимо, и надо только говорить объ этихъ дѣтскихъ истинахъ самымъ серьезнымъ образомъ и въ патетическомъ тонѣ, какъ будто открылъ Америку. Зато это вызываетъ къ оратору довѣріе слушателей. Да и какъ не пріобрѣсти довѣріе, когда патетически восклицаешь: „Увы! если послѣ пожара отъ твоего письменнаго стола или бальной пары осталось одно воспоминаніе, то не остается другого исхода, какъ пріобрѣсти другой столъ и заказать новую пару!“... Поневолѣ со всѣхъ сторонъ раздаются одобрительные возгласы „вѣрно!“, „вѣрно!“, и въ залѣ устанавливается атмосфера довѣрія къ оратору, потому что русскій обыватель весьма воспріимчивъ къ возгласамъ среди своихъ сосѣдей изъ публики. Поэтому, если прогрессивный ораторъ не выдерживаетъ роли и въ этой части своей рѣчи говоритъ ересь или завѣдомую ложь, то фанатики—прогрессисты считаютъ своей обязанностью всетаки поддерживать оратора возгласами: „вѣрно!“, „правильно!“ Это называется тактикой партіи, тактическимъ партійнымъ пріемомъ *). Этой части

*) Неужели не ясно, что такъ называемая тактика партіи, о которой съ такимъ самодовольствомъ говорятъ прогрессисты всѣхъ оттѣнковъ до соціалъ-демократовъ включительно, представляетъ только перифразъ іезуитскаго правила: „цѣль оправдываетъ средства“. Таже тактика партіи требуетъ, чтобы оратора противной стороны перебивали, не давали ему говорить, заставляя терять нить мыслей, старались его огорошить и т. п. Точно также и въ возраженіяхъ необходимо противника осмѣять, опозорить, превратить въ посмѣшище. Для этого существуетъ масса тактическихъ пріемовъ; придирки къ отдѣльнымъ словамъ, выраженіямъ, восхваленіе, той или иной буквы своей программы или ученія; передержки, неправильныя ссылки, сплетни, мойка грязнаго бѣлья, личные выпады и т. п. Тотъ, кто способенъ на такіе тактическіе пріемы, всегда побѣждаетъ въ спорахъ, хотя бы на сторонѣ противника были правда, здравый смыслъ, знанія, добросовѣстность. Не то ли было въ среднія вѣка, во времена господства схоластики и схоластическихъ пріемовъ. И тогда царило буквоѣдство, и тогда споры вращались вокругъ буквъ, отдѣльныхъ выраженій; и тогда побѣждали не правда, не здравый смыслъ, а умѣнье спорить, умѣнье ловить на пустякахъ противника, оставляя сущность въ сторонѣ. Этими пріемами особенно умѣло пользовались іезуиты. И современные парламенты, митинги, предвыборныя собранія, выборная агитація, всѣ газеты, партійныя программы и вся эта борьба парламентскихъ партій—возвращаютъ насъ къ среднимъ вѣкамъ, къ временамъ схоластики, къ временамъ, когда правда, здравый смыслъ, добросовѣстное отношеніе къ дѣлу—въ загонѣ, а царятъ ловкость, хитрость, самые отвратительные іезуитскіе пріемы. Въ такія времена человѣкъ правдивый, добросо-

своей рѣчи прогрессивные ораторы придаютъ самое серьезное значеніе,—важно, вѣдь, вызвать довѣріе; за довѣріемъ слѣдуетъ уваженіе, а послѣ этого—ври во всю Ивановскую,—будетъ тебѣ и довѣріе, и уваженіе. Этой части своей рѣчи, т.-е. повторенію азбучныхъ истинъ Милюковъ, Шингаревъ и другіе посвящаютъ добрую половину каждой рѣчи.

Слѣдующій обязательный отдѣлъ каждой прогрессивной рѣчи, это—отдѣлъ, такъ сказать, ужасовъ. Онъ заключается въ томъ, что соотвѣтственно тому или иному предмету рѣчи стараются внушить слушателямъ ужасъ, привести ихъ въ состояніе оцѣпѣненія и страха. Пожары представляютъ для этого, конечно, очень благодарную тему. „Сокрушительная сила огня ужасна и непоправима. Въ одинъ мигъ, въ одно мгновеніе гибнутъ плоды трудовъ всей жизни. Благоденствіе семействъ, цѣлыхъ селеній и областей рушится подъ силой этого стихійнаго бѣдствія. Отъ пожаровъ въ особенности страдаетъ Россія. Ежегодное число пожаровъ въ Россіи...“ Тутъ полное богатство фантазіи: приводятся фантастическія цифры пожаровъ, сгорѣвшихъ домовъ, селеній, городовъ, число погибшихъ въ огнѣ, стоимость сгорѣвшаго имущества и т. п. Картина получается ужасающая и даетъ оратору право воскликнуть: „Россія горитъ изъ года въ годъ; въ теченіе извѣстнаго періода лѣтъ все, что создано трудами, потомъ и кровью нашихъ гражданъ, обязательно уничтожается огнемъ; никто не гарантированъ отъ губительнаго дѣйствія огня, потому что періодически, черезъ извѣстный промежутокъ времени, вся Россія сгораетъ и вынуждена сызнова строиться. Вся Россія живетъ какъ бы на огнедышащемъ вулканѣ; каждый изъ насъ ежеминутно, ежечасно долженъ опасаться за свое достояніе, дрожать за свою жизнь, потому что, по статистикѣ, каждый русскій обыватель долженъ обязательно сгорѣть разъ въ жизни; или его достояніе превратится въ дымъ и жалкіе остатки копоти, или онъ самъ превратится въ прахъ. Коварный врагъ подстерегаетъ насъ на каждомъ шагу: гдѣ бы мы ни были, мы можемъ ждать его внезапной атаки; быть можетъ, и теперь онъ откуда-нибудь коварно пробирается и къ намъ сюда, въ этотъ залъ, неся разрушеніе и смерть многимъ.“ Въ залѣ сильное движеніе, на лицахъ ужасъ, всѣ инстинктивно поворачиваютъ головы къ дверямъ и окнамъ; нѣкоторые измѣряютъ уже мысленно высоту подоконниковъ отъ земли...

Вслѣдъ за отдѣломъ ужасовъ непосредственно слѣдуетъ отдѣлъ психологическій. Человѣкъ, испытавшій ужасъ и страхъ, всегда инстинктивно ищетъ виновника своего несчастья, и если уловить

вѣстный, которому противны іезуитскіе пріемы парламентаризма, превращается въ посмѣшище, и, подъ прозвищемъ реакціонера, черносотенца, относится къ разряду никуда негодныхъ людей. Схоластика, іезуитство не были достояніемъ среднихъ вѣковъ и далеко не представляютъ пережитка; схоластика, какъ буквоѣдство, какъ наклонность къ внѣшнимъ эффектамъ, какъ страхъ передъ прозой и здравымъ смысломъ жизни, это—свойство человѣка, оно не изчезло, а только претворилось въ другія формы. Парламентъ, съ его обычаями, это—родная стихія для аферистовъ, шантажистовъ и т. п. лицъ.

этотъ психологическій моментъ, его (человѣка) можно натравить на кого угодно: на родного отца, на любимаго человѣка. Ораторъ патетически восклицаетъ: „Кто же виновникъ того, что мы или горимъ, или находимся въ вѣчномъ страхѣ горѣть? Можно развѣ винить общество, каждаго обывателя и весь народъ, разъ они вѣками были связаны и скованы цѣпями деспотизма и безправія? Виноваты, конечно, правящіе классы, виновата бюрократія и только она; виновата тѣмъ, что устранила народъ отъ самоуправленія, лишила его самозащиты, она виновата тѣмъ, что приняла въ свое вѣдѣніе пожарное дѣло, и, очевидно, никакихъ мѣръ противъ пожаровъ не принимала, иначе мы перестали бы горѣть. И до тѣхъ поръ, пока не будетъ отвѣтственнаго министерства, пока не будетъ введено всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право,—пожары не прекратятся въ Россіи, и каждый обыватель будетъ находиться подъ Дамокловымъ мечомъ превращенія въ прахъ...“ Всѣ приходятъ въ озлобленное состояніе, начинаютъ злобно смотрѣть и готовы даже наброситься на полицейскаго чиновника, какъ на единственнаго представителя администраціи въ собраніи.

Какъ послѣ бури слѣдуетъ затишье, такъ послѣ волненій, непріятностей необходимо успокоеніе; наилучшимъ средствомъ для этой цѣли служитъ музыка; и въ рѣчи оратора умѣстенъ тутъ отдѣлъ, если можно такъ выразиться, музыкальный; это—игра на слабыхъ стрункахъ русскаго обывателя. Въ этомъ родѣ музыки каждый прогрессистъ и демократъ безподобны и не имѣютъ соперниковъ; каждый изъ нихъ—нѣчто вродѣ древней сладкозвучной сирены. Этотъ отдѣлъ очень разнообразенъ и, можно сказать, представляетъ концертъ изъ нѣсколькихъ отдѣленій. Отдѣленіе первое: игра на струнахъ лести. „Ужъ сколько разъ твердили міру, что лесть гнусна, вредна...“, но что подѣлаешь!.. Покуда существуютъ вороны, и до тѣхъ поръ, пока они во рту держатъ кусокъ сыру,—лисы будутъ льстить, а вороны выпускать сыръ. Начинаются дифирамбы обывателю, обществу, восхваленіе ихъ достоинствъ, въ противовѣсъ бюрократіи и поддерживающимъ ее черносотеннымъ элементамъ. Каждый обыватель, это—ума палата, сокровищница знаній, кладезь государственной мудрости. Достаточно бросить жребій или просто забросить удочку, и можно каждый разъ безошибочно выуживать изъ обывательской тины то министра народнаго просвѣщенія, то военнаго министра, любого сенатора или члена Государственнаго Совѣта и т. п. И каждый изъ нихъ будетъ геній въ своемъ родѣ. „О, спасти Россію отъ горѣнія, прекратить въ ней пожары можетъ только онъ, русскій обыватель! Вѣдь, бюрократія не горитъ, ей и горя мало до обывательскаго горя; только тотъ, кто горитъ, кто страдаетъ отъ пожаровъ,—только онъ можетъ знать, что нужно Россіи для того, чтобы не горѣть, какія мѣры надо принять для того, чтобы прекратить пожары. Власть должна принадлежать русскому народу, каждому русскому гражданину; каждый изъ насъ долженъ принимать то или иное участіе въ тяготахъ правленія“. Въ залѣ движеніе, раздаются бурные апплодисменты (такъ выражаются по-современному, а дѣдушка-Крыловъ постаринному сказалъ бы: „ворона каркнула во все воронье горло.“)

„Пожарное дѣло—полностью и безъ изъятій—должно быть передано въ руки того великаго учрежденія, которое возвеличило и прославило Россію,—въ руки земскихъ учрежденій (на лицахъ земцевъ блаженная улыбка); для повсемѣстнаго же прекращенія пожаровъ земство должно быть повсемѣстно введено („браво!“, „вѣрно!“); земству должны быть даны широчайшія права автономіи; но для этого надо предварительно устранить изъ земства современный элементъ дворянъ и зубровъ, а передать бразды земскаго самоуправленія въ руки истинныхъ печальниковъ народныхъ, единственныхъ и настоящихъ земскихъ дѣятелей,—въ руки третьяго элемента (третій элементъ бѣшено апплодируетъ; особенно бѣснуются машинистки на пишущихъ машинахъ и сторожа земскихъ управъ). Въ городахъ необходимо передать его городскимъ дѣятелямъ (горожане устраиваютъ бурную овацію); оно должно быть передано сельскимъ обществамъ и крестьянамъ (крестьяне самодовольно поглаживаютъ бороды); конечно, мечтать о соціалной республикѣ, быть можетъ, еще рано, но пожарное дѣло и теперь не можетъ быть изъято изъ вѣдѣнія рабочаго пролетаріата, и пусть этотъ актъ послужитъ началомъ крушенія капиталистическаго строя, началомъ освобожденія трудящихся классовъ отъ ига предпринимателей, началомъ перехода фабрикъ, заводовъ и всѣхъ предпріятій въ руки рабочихъ,—въ руки организованнаго пролетаріата!“ (всякому хочется показать свою принадлежность къ благородному званію пролетарія или, по крайней мѣрѣ, свое сочувствіе пролетаріату, и весь залъ встаетъ, какъ одинъ человѣкъ, и устраиваетъ продолжительную овацію оратору).

Затѣмъ начинается гипнотическій сеансъ, путемъ игры на струнахъ тщеславія: „Но до тѣхъ поръ, пока у власти бюрократическіе элементы и представители привиллегированныхъ классовъ, которымъ интересы личные и классовые дороже интересовъ Россіи,—до тѣхъ поръ нечего ждать, чтобы этотъ жизненный вопросъ былъ разрѣшенъ справедливо и въ интересахъ всѣхъ слоевъ населенія. Только прогрессисты, только прогрессивная демократія, которая выше всего ставитъ интересы народа, интересы каждой отдѣльной личности,—только она передастъ въ руки народа великое и благородное пожарное дѣло, которое по своему значенію не уступаетъ дѣлу народнаго образованія и другимъ великимъ отраслямъ государственной жизни. Только отвѣтственное министерство, состоящее изъ прогрессивныхъ министровъ, будетъ ставить интересы народа выше своихъ интересовъ, только такое министерство будетъ не бюрократическимъ, а народнымъ. И только тогда, когда министры будутъ отвѣтственны передъ народомъ, передъ каждымъ изъ васъ (въ залѣ движеніе),—только тогда въ руки народа, въ руки каждаго изъ васъ будетъ передано въ числѣ другихъ и пожарное дѣло, будетъ передана честь спасенія Россіи отъ сокрушающей силы огня. И кто хочетъ блага народа, кто хочетъ принять участіе въ прогрессивномъ устроеніи народной жизни, кто хочетъ, чтобы министры давали ему отчетъ въ своей дѣятельности,—тотъ долженъ стать прогрессистомъ, всюду и вездѣ проводить прогрессивные идеалы и прогрессивныхъ дѣятелей“.

Послѣ этого въ залѣ не остается никого, кто не пожелалъ бы быть прогрессистомъ, и тогда начинается отдѣлъ напусканія тумана, нѣчто вродѣ отдѣленія туманныхъ картинъ. „Но не было еще примѣра“,—восклицаетъ ораторъ,—„чтобы бюрократія по своей иниціативѣ отказалась отъ своихъ привиллегій и пошла навстрѣчу интересамъ народа. Если мы будемъ инертны, если мы останемся пассивными зрителями беззаконія и свободнаго шествія по Россіи огненной стихіи, то мы ежеминутно будемъ находиться подъ страхомъ сгорѣть, и когда-нибудь, хоть разъ въ жизни, не избѣжимъ участи,которая составляетъ удѣлъ безправнаго гражданина въ безправной странѣ, и обязательно сгоримъ. Мы должны собираться въ общества, устраивать собранія, митинги, съѣзды и всюду и вездѣ выносить резолюціи самаго широкаго прогрессивнаго характера. Голосъ каждаго обывателя имѣетъ значеніе, а резолюція цѣлаго собранія,—это ужъ камень, заложенный въ зданіе прогрессивнаго развитія Россіи и борьбы съ огненной стихіей, а безпрерывныя прогресивныя рѣчи, а безпрерывныя несмѣтныя резолюціи собраній, съѣздовъ, обществъ, митинговъ и т. п., это—грандіозная дѣятельность прогрессистовъ, это—колоссальная созидательная прогрессивная работа, это—залогъ грядущаго величія Россіи и полной побѣды надъ огненной стихіей. И когда по всей Россіи кипитъ работа прогрессистовъ, когда эта кипучая дѣятельность капля за каплей подтачиваетъ подгнившее зданіе реакціи, и шагъ за шагомъ ведетъ Россію къ величію и западно-европейскому парламенту, а народъ къ свободѣ и къ счастливой безпечальной жизни,—никто изъ прогрессистовъ не имѣетъ праза оставаться пассивнымъ зрителемъ и не принимать участія въ этой кипучей плодотворной и созидательной работѣ всего прогрессивнаго общества Россіи; мы также должны, сегодня же, на нашемъ собраніи вынести резолюцію; чѣмъ больше резолюцій, тѣмъ мы ближе къ отвѣтственному прогрессивному министерству и къ прекращенію пожаровъ въ Россіи...“ Раздаются крики: „резолюцію!“ „резолюцію!“ Нѣсколько человѣкъ проситъ слова „къ порядку дня“. Одинъ заявляетъ, что безъ резолюціи и не стоило собираться; что онъ только и мечтаетъ о работѣ въ пользу народа, а что можетъ быть плодотворнѣй, созидательнѣй и достойнѣй прогрессиста, какъ не резолюціи, принятыя на общественномъ собраніи. (Апплодисменты, крики: „вѣрно!“). Другой предлагаетъ въ резолюціи обязательно упомянуть о повсемѣстномъ введеніи земства (бурные апплодисменты); третій умоляетъ не забыть Камчатку, она также гибнетъ отъ отсутствія земства и отчасти отъ холода (оглушительная овація). Четвертый всталъ, долго мялся, собирался произнести что-то ультра-прогрессивное, кряхтѣлъ, пыхтѣлъ, но... ничего не выходило. Но вдругъ его осѣнила мысль, и онъ крикнулъ: „да здравствуетъ пролетаріатъ!“ Весь залъ вздрогнулъ отъ бури апплодисментовъ и неистоваго одобренія. Въ былое время выручалъ попавшаго въ бѣду оратора тостъ „за здоровье Преосвященнаго“, а теперь, какъ видите, выручаетъ пролетаріатъ. Пятый предложилъ не стѣсняться шириной и размѣрами резолюціи; по его мнѣнію, резолюція должна быть не меньше, какъ въ 200 печатныхъ строкъ, и необходимо для составленія ея избрать редакціонную комиссію.

Раздались одобрительные возгласы: „выборы, выборы!“ Никто, однако, не подозрѣвалъ, что резолюція въ 200 печатныхъ строкъ была больше всего въ интересахъ того, кто сдѣлалъ это предложеніе; вѣдь, это былъ газетный репортеръ, для котораго размѣръ резолюціи имѣлъ большое значеніе. Началась выборная процедура,—тоже одна изъ отвѣтственныхъ, плодотворныхъ и созидательныхъ работъ прогрессиста. Каждый хотѣлъ попасть въ члены комиссіи; поэтому раздавались голоса, чтобы избрать въ комиссію, по крайней мѣрѣ, двѣсти человѣкъ (всего-то едва ли набралось бы столько въ собраніи). Долго по этому вопросу шли пререканія. Наконецъ, рѣшили считать оратора предсѣдателемъ комиссіи и закрытой баллотировкой избрать еще пять человѣкъ. Передъ каждымъ всталъ тогда тревожный вопросъ: „кого писать?“ Никто другъ-друга не зналъ; а если кто и зналъ кого, то зналъ, какъ писаря, врача, чиновника или приказчика. А тутъ надо было выбрать человѣка неподкупныхъ прогрессивныхъ убѣжденій, который въ состояніи былъ бы составить необыкновенно-глубокую, государственной широты и спасительную для Россіи резолюцію. Къ счастью, сомнѣній не могло быть; необходимо избрать тѣхъ пять ораторовъ, которые выступали „къ порядку дня“ и показали себя такими прогрессистами и ораторами. Въ результатѣ всѣ пять ораторовъ были избраны; наибольшее число голосовъ получилъ ораторъ, крикнувшій: „да здравствуетъ пролетаріатъ!“ Счастью избранныхъ не было предѣловъ; есть даже основаніе думать, что они нарочито встали „къ порядку дня“, чтобы попасть въ число избранныхъ, такъ какъ они по опыту знали, что стоитъ кому-нибудь въ собраніи прогрессистовъ встать и сказать какую-нибудь безсмыслицу, какъ онъ получаетъ шансы попасть на выборную должность. А для прогрессиста попасть членомъ какой-нибудь комиссіи, все равно, что канцелярскому писцу получить первый чинъ. Во-первыхъ, имя его попадетъ въ газеты, и онъ станетъ извѣстностью; во-вторыхъ, будетъ уже признаннымъ прогрессистомъ, въ-третьихъ, имѣетъ всѣ шансы попасть въ составъ правленій, комитетовъ и т. п.,—словомъ, съ момента избранія онъ уже является кандидатомъ въ отвѣтственные министры или, по меньшей мѣрѣ,—въ губернаторы Самары.

Конечно, выборы въ комиссію, резолюціи, все это—весьма цѣнная и плодотворная дѣятельность прогрессистовъ, но далеко не всѣ удовлетворены; многіе жаждутъ еще работы, многіе хотятъ трудиться, въ потѣ лица своего, на благо Россіи. А теперь для всякаго стало ясно, что быть прогрессистомъ, т.-е. составлять резолюціи и резолюціи, выбирать и выбирать—словомъ, творить работу прогрессиста—равносильно труду на пользу и благо Россіи. Неудовлетворенной остается вся такъ-называемая „интеллигенція“, а съ этимъ классомъ людей прогрессисту приходится считаться; привлечь ихъ на свою сторону и дать имъ тоже работу,—конечно, плодотворную и созидательную,—необходимо, но работу, конечно, по вкусу интеллигенціи. Ораторъ продолжаетъ: „Наше собраніе—сила; наши резолюціи призваны сыграть большую роль въ созданіи великой Россіи; но мы собираемся рѣдко, и наши собранія носятъ временный характеръ;

намъ необходимо создать постоянный органъ, чтобы наши прогрессивныя рѣчи лились безудержу, чтобы наши резолюціи пеклись, какъ блины на масленицѣ, чтобы нашъ прогрессивный пылъ получилъ надлежащее примѣненіе въ культурной созидательной работѣ, чтобы мы имѣли возможность противопоставить нашу работу разрушительной дѣятельности бюрократическихъ элементовъ, и, наконецъ, чтобы наши заслуги передъ родиной нашли себѣ опредѣленное мѣсто и извѣстную оцѣнку. Это путь испытанный, и по этому пути давно уже пошли прогрессисты и демократы во всѣхъ культурныхъ странахъ; это путь созданія обществъ, союзовъ и т. п. Необходимо и намъ объединиться и создать „Общество борьбы съ пожарами", на манеръ существующихъ обществъ борьбы съ алкоголизмомъ, туберкулезомъ и т. п. (общее ликованіе и громовая овація). Каждое общество,—это, такъ сказать, смотръ прогрессистамъ; потому что каждый прогрессистъ—обязательно членъ какого-нибудь общества, такъ что черезъ общества ведется своего рода регистрація прогрессистовъ. Черезъ общества мы получаемъ возможность воздавать должное заслугамъ выдающихся прогрессистовъ, посредствомъ выбора ихъ на разныя отвѣтственныя и почетныя должности: предсѣдателя, членовъ правленія, ревизіонной комиссіи и т. п. Тѣ же интеллигентные круги общества, которые задыхаются въ прозѣ нашей жизни, которые не удовлетворяются той дѣятельностью, на которую обречены въ своихъ тискахъ несчастные русскіе обыватели,—найдутъ только въ „обществѣ" примѣненіе и выходъ своимъ прогрессивнымъ силамъ и интеллигентнымъ задаткамъ!"... (продолжительные апплодисменты).

Само собой разумѣется, что многіе, чающіе движенія воды, въ данномъ случаѣ мечтающіе о томъ, чтобы попасть на выборную должность въ новомъ обществѣ,—такъ сказать, получить кандидатуру на должность министра,—пользуются случаемъ и просятъ слова; одинъ привѣтствуетъ новорожденное прогрессивное дѣтище и пророчитъ ему превращеніе въ великана (онъ, какъ мнѣ потомъ удалось выяснить, попалъ въ товарищи предсѣдателя), другой—предлагаетъ назвать общество: „обществомъ борьбы съ разрушительной стихіей огня и русскаго безправія" (хотя предложеніе не принято, но ораторъ оказался избраннымъ въ секретари новаго общества) и т. п.

Къ этому времени редакціонная комиссія подготовила резолюцію; она вышла очень обширной, не меньше, чѣмъ въ 300 печатныхъ строкъ (сбъ этомъ ужъ позаботился репортеръ); каждая резолюція, это—повтореніе катехизиса Кизеветтера; составляется она стереотипно и совмѣщаетъ въ себѣ всю программу кадетской партіи на эсдековскомъ и эсеровскомъ соусахъ. Резолюція принимается подъ оглушительные апплодисменты публики и торжественно передается репортеру, который обѣщаетъ, что завтра же она появится въ газетѣ. На всѣхъ лицахъ торжество побѣды и самодовольство плодотворно проведеннаго трудового дня. Резолюція на слѣдующій день появляется во всѣхъ газетахъ и производитъ всероссійскую сенсацію. Лавры Мильтіада не даютъ спать остальнымъ прогрессивнымъ обществамъ. Начинаются повсемѣстные собранія, съѣзды; всѣ общества принимаютъ резолюціи по поводу пожаровъ, и когда вы присутствуете въ

любомъ обществѣ, хотя бы врачей, или народныхъ университетовъ, вамъ можетъ казаться, что вы находитесь въ какомъ-либо страховомъ обществѣ. Каждое собраніе кончается устройствомъ общества борьбы съ пожарами. Выбирается правленіе, затѣмъ общество разбивается на нѣсколько отдѣловъ: отдѣлъ разумныхъ пожарныхъ развлеченій, отдѣлъ пожарной библіотеки, музыкально-пожарный отдѣлъ, отдѣлъ пожарной выставки, отдѣлъ пожарныхъ народныхъ чтеній и т. п. Въ каждомъ отдѣлѣ свой предсѣдатель, нѣсколько его товарищей, два-три секретаря, столько же помощниковъ, казначей, 18 членовъ правленія, столько же членовъ ревизіонной комиссіи. Словомъ—всѣ члены заняты, каждый на своемъ мѣстѣ. Если же есть нѣкоторая часть общества, остающаяся не у дѣлъ, то ее стараются занять устройствомъ благотворительныхъ вечеровъ, концертовъ, днемъ пожарнаго цвѣтка (избрана для этого красная лилія) и т. п. И льются прогрессивныя рѣчи, пекутся прогрессивныя резолюціи, пишутся груды протоколовъ, мечутся и бѣгутъ прогрессисты изъ собранія въ собраніе, изъ общества въ общество, изъ отдѣла въ отдѣлъ; живутъ они въ какомъ-то гипнотическомъ туманѣ и думаютъ, что они дѣлаютъ живое, настоящее дѣло, что они творятъ созидательную работу, что они спасаютъ Россію. Увы,—они не сознаютъ, что Россію надо отъ нихъ спасать... Результатомъ же всей прогрессивной суетни и бѣготни оказываются только океаны рѣчей, груды резолюцій и горы протоколовъ; на прогрессивной нивѣ — одна безплодная пустыня: ни дерева, ни кустика. Понятія же „прогрессистъ“, „интеллигентъ“ —синонимы.

Туманъ-туманомъ, однако, у оратора весьма основательное сомнѣніе: коснулся ли этотъ туманъ широкихъ слоевъ общества, которыхъ не завлечешь однѣми резолюціями и почетными должностями; что грѣха таить, даже кандидатура въ отвѣтственные министры для тупоголовыхъ или, какъ они себя называютъ, для практичныхъ людей—все равно, что журавль въ небѣ. Приходится поэтому ввести въ концертъ еще одно отдѣленіе; чтобы польстить интеллигенціи, я бы могъ его назвать игрой на струнахъ обывательскаго сердца, но надо каяться въ своихъ грѣхахъ, и приходится сознаться, что это — игра на струнахъ обывательскаго бездоннаго желудка и безпримѣрныхъ обывательскихъ аппетитовъ. Тутъ широкой рѣкой льются обѣщанія, рисуются перспективы рѣкъ, текущихъ млекомъ и медомъ. Чѣмъ шире обѣщанія, тѣмъ рѣчь прогрессивнѣй, демократичнѣй, тѣмъ ораторъ лѣвѣе. Всѣ эти обѣщанія ораторамъ и гроша мѣднаго не стоятъ, производятся они за чужой счетъ и изъ чужого кармана, и только, благодаря какому-то общественному гипнозу и туману, обыватели, даже изъ числа практичныхъ, не замѣчаютъ смѣхотворной стороны обѣщаній и принимаютъ все всерьезъ. Крестьянамъ обѣщаютъ землю, рабочимъ—фабрики и заводы, школьникамъ—ученическіе совѣты и 365 праздниковъ въ году, третьему элементу—права хозяевъ, чиновникамъ—генеральскіе оклады и обязанность высшихъ чиновниковъ отдавать честь низшимъ (самарскій депутатъ Гладышъ, напр., взялъ подъ свою опеку почтово-телеграфныхъ чиновниковъ); всѣмъ вообще обывателямъ обѣщаютъ уничтоженіе налоговъ; инородцамъ

обѣщаютъ всю Россію, обѣщаютъ при этомъ не забыть и русскій народъ и т. п. Ораторъ продолжаетъ: „Виноватъ развѣ русскій обыватель, теряя, по винѣ бездѣйствующей бюрократіи, въ огнѣ свое имущество. Между тѣмъ, вездѣ страдающимъ лицомъ является только обыватель; онъ по чужой винѣ горитъ, онъ же терпитъ и убытки!.. Справедливо ли это? Не есть ли это—преступное посягательство на законность, имущество и собственность каждаго. Разъ пожары представляютъ народное, государственное бѣдствіе—правительство eo ipso должно возмѣстить всѣ убытки обывателей отъ пожаровъ, отъ какой бы причины они ни произошли; тѣмъ болѣе, что намъ извѣстны истинныя причины и настоящіе виновники пожаровъ. Обыватель горитъ, и онъ же платитъ страховыя преміи; съ одного вола двѣ шкуры дерутъ. Нѣтъ, страхованіе отъ пожаровъ должно также всецѣло принять на свой счетъ правительство! И тогда, когда страхованіе обывательскаго достоянія станетъ правительственной повинностью, когда правительство же станетъ возмѣщать всѣ убытки обывателей, когда, словомъ, пожары будутъ бить по карману не несчастнаго русскаго обывателя, а всесильную бюрократію,—только тогда послѣдняя приметъ мѣры противъ пожаровъ (бурная овація), и послѣдніе станутъ рѣдкимъ и случайнымъ гостемъ русской жизни. Требованіе государственнаго страхованія обывательскаго достоянія должно входить въ каждую нашу резолюцію и должно стать первымъ и основнымъ пунктомъ устава каждаго общества борьбы съ пожарами!..“ (Энтузіазмъ въ публикѣ невѣроятный; всѣ весело потираютъ руки и высчитываютъ, сколько они могутъ выгадать на этой операціи). Этотъ пунктъ резолюціи производитъ настоящую сенсацію. Общества борьбы съ пожарами растутъ, какъ грибы; каждый спѣшитъ записаться членомъ общества. Симпатіи къ прогрессистамъ возрастаютъ въ колоссальной прогрессіи; на выборахъ въ гласные отъ г. Москвы и другихъ городовъ прогрессисты одерживаютъ побѣду за побѣдой...

Получивъ такимъ образомъ полное довѣріе слушателей, приведя ихъ въ пріятное настроеніе игрой на разныхъ струнныхъ инструментахъ, ораторъ переходитъ къ легкому дивертисменту и увѣренно продолжаетъ: „Послѣ того, что мной было сказано о разрушительномъ дѣйствіи огня, вамъ становится понятнымъ то бѣдствіе, которое оно представляетъ для каждаго отдѣльнаго лица, то горе, которое оно вноситъ въ каждую отдѣльную семью. Но бѣдствіе постоянное, хроническое, бѣдствіе, которое постепенно охватываетъ громадную часть населенія, это уже—народное бѣдствіе. Но и помимо того, совокупность достояній отдѣльныхъ лицъ представляетъ, собственно, народное богатство, и намъ ясно, что каждый пожаръ, пожаръ даже отдѣльнаго домика, это—народное бѣдствіе („вѣрно!“, „вѣрно!“). Такъ смотрятъ на вопросъ прогрессисты, такъ относятся къ пожару сознательный пролетарій и, вообще, интеллигентъ. И намъ теперь становятся понятными та суета, та растерянность, тѣ слезы и крики, которые сопровождаютъ каждый пожаръ. Вполнѣ естественно также, что каждый старается спасти отъ всесокрушающей силы огня все,

что только возможно. Но если многіе (презрительный жестъ въ сторону правыхъ) имѣютъ при этомъ въ виду только свои личные интересы, свою личную выгоду, спасаютъ имущество только для себя, то прогрессисты, спасая свое имущество отъ огня, имѣютъ въ виду только народные интересы,—спасаютъ его не для себя, а для народа, памятуя одно, что пожаръ—народное бѣдствіе, что достояніе личности—достояніе народное. Девизъ прогрессиста: все для народа, ничего для себя!.. (Оглушительные апплодисменты оппозиціи и лѣвыхъ октябристовъ). Вотъ въ чемъ коренная разница между прогрессистомъ и правымъ. Эту разницу надлежитъ вѣчно имѣть въ виду и всячески проводить ее въ сознаніе широкихъ массъ; смыслъ великаго прогрессивно-демократическаго наказа заключается въ томъ, что каждый правый—врагъ народа, врагъ родины, врагъ каждаго гражданина; что имъ руководятъ только личныя выгоды, жажда почестей, чиновъ, наживы; что каждый правый—слуга власти, съ задняго крыльца ходитъ къ министрамъ, живетъ на темныя средства отъ бюрократіи; что въ угоду послѣдней готовъ продать и родину, и родного отца. И пусть слова, мысли праваго будутъ практичны, подсказаны правдой и здравымъ смысломъ, пусть ихъ осуществленіе принесетъ народу пользу,—необходимо изъ тактическихъ пріемовъ, во имя тактики великой демократіи, опорочить эти мысли, объявить ихъ плодами подкупа, стремленіемъ къ наживѣ и къ темнымъ средствамъ. Только такимъ путемъ всѣмъ станетъ ясно, что истинные друзья народа, во имя интересовъ послѣдняго забывающіе свои личные интересы, это—безпартійные прогрессисты. Зато, если прогрессисту блеснула бы безумная или вздорная мысль, что пожаръ его дома, уничтоженіе его имущества принесетъ пользу интересамъ его партіи,—что въ его понятіяхъ равносильно интересамъ народа,—онъ, не задумываясь, отошелъ бы въ сторону и былъ бы пассивнымъ и самодовольнымъ зрителемъ пожарища, даже если бы послѣднее грозило сосѣднимъ строеніямъ, и онъ не вышелъ бы изъ своей инертности даже въ томъ случаѣ, если бы, благодаря ей, пожаръ распространился на сосѣднія строенія и, въ концѣ-концовъ, сжегъ бы до-тла родное село прогрессиста. Это не фраза, не самообольщеніе и отнюдь не самовосхваленіе, это—истинная правда, подсказанная тактикой партіи,—этимъ великимъ принципомъ, дающимъ мощь и силу безпартійнымъ прогрессистамъ. А великій принципъ партійной тактики заключается въ томъ, чтобы быть вѣрнымъ высокимъ идеаламъ и величественнымъ лозунгамъ безпартійныхъ прогрессистовъ; быть вѣрнымъ и исповѣдывать ихъ при всѣхъ условіяхъ, хотя бы это привело къ несчастью, даже къ гибели того народа, въ любви къ которому распинаются прогрессисты. Мы вѣримъ, что осуществленіе прогрессивной программы принесетъ истинный прогрессъ, истинное благо народу, поэтому мы должны выше всего въ жизни ставить нашу программу, должны быть ей вѣрны, даже каждой ея буквѣ, хотя бы отъ этого страдалъ народъ, гибло его достояніе. Сила и мощь эсдековской партіи въ томъ и заключается, что эсдекамъ въ высокой степени наплевать на интересы народа, даже того пролетаріата, о которомъ, по ихъ словамъ, они пекутся; ихъ сила въ томъ, что они вѣрны каждой строчкѣ, каждой буквѣ своей

программы *). Во избѣжаніе насмѣшекъ со стороны эсдековъ, прогрессисты также должны быть стойки въ своей программѣ, чѣмъ бы это ни грозило населенію и даже всему народу. Правда, не было еще случая, чтобы прогрессистъ не спасалъ во время пожара своего имущества, потому что онъ продолжаетъ его считать народнымъ достояніемъ и гонитъ отъ себя сумасбродную мысль, что уничтоженіе его имущества необходимо въ интересахъ партіи. Зато, по другимъ поводамъ у безпартійныхъ прогрессистовъ было много случаевъ показать свою вѣрность великимъ прогрессивнымъ идеаламъ, свою преданность партійной программѣ. Они привѣтствовали и не могли не привѣтствовать пожары помѣщичьихъ усадебъ во время аграрныхъ движеній (a lá Пуришкевичъ съ мѣста: „поджигатель! висѣльникъ!“); конечно, эти пожары были народнымъ бѣдствіемъ, они грозили уничтожить работу поколѣній, разрушить всю сельскохозяйственную культуру, причинить колоссальный вредъ народному благосостоянію, мало того —подрывали всѣ основы права, порядка, собственности и государственности; но они вытекали изъ партійнаго принципа отчужденія земли, они подготовляли торжество прогрессивныхъ идеаловъ и побѣду прогрессивной партіи, внеся смуту и анархію,—и тактика партіи въ интересахъ народа требовала благожелательнаго къ нимъ отношенія, потому что, повторяю, торжество прогрессивной партіи означаетъ благо и спасеніе народа, и поэтому пожары помѣщичьихъ усадебъ нельзя относить къ народнымъ бѣдствіямъ. Точно также пассивны—и даже весело потираютъ руки—безпартійные прогрессисты, когда во время рабочихъ забастовокъ горятъ фабрики и заводы. Самодовольно потираютъ они руки и тогда, когда горятъ тюрьмы, въ которыхъ убиваютъ тѣла нашихъ гражданъ, или, когда горятъ гимназіи и школы, въ которыхъ губятъ души нашихъ дѣтей; это самодовольство—въ строкахъ и межъ строкъ—проглядываетъ во всѣхъ безпартійно-прогрессивныхъ органахъ; послѣдніе и не скрываютъ своего сочувствія, потому что все это на руку партіи, все это идетъ навстрѣчу ея программѣ, все входитъ въ ея тактику. Прогрессисты были бы не прочь, чтобы сгорѣли всѣ правительственныя зданія, хотя они построены на тѣ же народныя деньги (правые кричатъ: „долой!“ „вонъ!“ „поджигатель!“ Предсѣдатель протираетъ глаза и объявляетъ перерывъ. Послѣ перерыва онъ заявляетъ: „Ознакомившись со стенограммой, я дѣйствительно усмотрѣлъ въ словахъ оратора призывъ къ поджогамъ помѣщичьихъ усадебъ и правительствен-

*) Во имя своей безжизненной доктрины, эсдеки и трудовики готовы даже отказать въ средствахъ на веденіе войны, въ средствахъ для той арміи, которая своей кровью, своей жизнью защищаетъ народъ, въ томъ числѣ и пролетаріатъ, отъ тевтонскихъ полчищъ, несущихъ разореніе, позоръ и смерть мирному, беззащитному населенію. По ихъ программѣ, нельзя поддерживать бюджетъ, поднесенный буржуазнымъ правительствомъ, надо быть въ оппозиціи правительству, и они вѣрны своей программѣ даже тогда, когда бюджетъ необходимъ, жизненно необходимъ въ интересахъ арміи, въ интересахъ народа; прикрываясь овечками, они скалятъ свои волчьи зубы даже тогда, когда на карту поставлено существованіе русскаго народа; когда вопросъ идетъ о томъ, быть или не быть государству. О, неужели рабочіе и крестьяне не прозрѣютъ и не увидятъ, что подъ овечьими шкурами трудовиковъ, эсдековъ, скрываются волки, скрываются враги народа, играющіе только на руку нѣмцамъ!

ныхъ зданій, хотя онъ самъ-же признаетъ, что даже правительственныя зданія и тѣ строятся на народные капиталы и представляютъ народныя зданія, а потому дѣлаю ему легкое замѣчаніе и прошу продолжать рѣчь". Откуда ни возьмись,—юркій Керенскій, вскакиваетъ на трибуну и проситъ слова „къ порядку дня". Отъ имени трудовиковъ и эсдековъ онъ протестуетъ противъ насилія надъ свободою депутатскаго слова (ораторъ оказался депутатомъ); по его мнѣнію, свобода депутатскаго слова и неприкосновенность депутатской личности—самодовлѣющія понятія, и депутатъ не только имѣетъ право безнаказанно призывать къ поджогамъ, но можетъ самъ поджечь любое зданіе, даже Государственной Думы, и никакой отвѣтственности не подлежитъ; на то онъ и депутатъ!.. Подъ овацiи всей оппозиціи и лѣвыхъ октябристовъ, Керенскій съ видомъ побѣдителя и героя сходитъ съ трибуны).

Заканчивается концертъ отгадываніемъ чужихъ мыслей и чтеніемъ въ чужихъ сердцахъ. Несмотря на разрушительную силу огня, однако, далеко не всегда мы наблюдаемъ усердіе въ спасеніи своего имущества. Это бываетъ въ случаяхъ умышленнаго поджога, когда—или (поворотъ въ сторону воображаемыхъ министерскихъ скамей) хотятъ скрыть слѣды какихъ-либо грѣховъ, или (поворотъ въ сторону правыхъ) хотятъ получить страховую премію. (Пуришкевичъ съ мѣста: „Самъ поджигатель! Мерзавецъ! Сволочь!" Гдѣ Пуришкевичъ, тамъ и Милюковъ. Послѣдній кричитъ по адресу Пуришкевича: „Самъ мерзавецъ!" Оба исключаются на 5 засѣданій).

Почва подготовлена; безотвѣтственному министерству нанесенъ непоправимый ударъ, правые элементы повергнуты въ прахъ, настроеніе собранія поднято на недосягаемую прогрессивную высоту, и ораторъ переходитъ къ дѣловой, чисто-прогрессивной части своей рѣчи. „Какъ я уже довелъ до вашего благосклоннаго вниманія, пожары принадлежатъ къ числу бѣдствій, съ изумительной періодичностью обрушивающихся на несчастный русскій народъ. Лишь только проглянетъ весеннее солнце, какъ огненная стихія начинаетъ бушевать по селамъ и городамъ русскимъ. То самое солнце, которое на западѣ, въ странахъ свободы, приноситъ тепло, майскую любовь и цѣлыя стаи поющихъ птицъ, — русскому обывателю приноситъ краснаго пѣтуха и мелодичный трескъ пожираемыхъ огнемъ строеній. Единственное существо въ Россіи, которое пользуется полной свободой, это — красный пѣтухъ (одобрительный смѣхъ на скамьяхъ оппозиціи и въ центрѣ). Статистика пожаровъ..."

Статистика приноситъ неоцѣнимыя услуги партійнымъ дѣятелямъ и въ рукахъ опытнаго лица является испытаннымъ и вѣрнымъ тактическимъ пріемомъ. Къ нему уже нашъ ораторъ прибѣгнулъ для доказательства того, что Россія—ничто иное, какъ огнедышащая гора. Несомнѣнно, есть случаи, когда статистика, притомъ статистика реальныхъ, неопровержимыхъ данныхъ, даетъ цѣнныя указанія; но даже и въ этихъ случаяхъ, для вдумчиваго и заинтересованнаго наблюдателя статистическіе выводы служатъ лишь подтвержде-

ніемъ того, что ему было заранѣе извѣстно и понятно. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ, статистика приходитъ къ такимъ выводамъ, которые представляютъ ходячія истины и любому обывателю понятны и набили оскомину. Тѣмъ не менѣе, очарованіе статистики велико. Кто, напр., не знаетъ, что съ голоду люди — рано ли, поздно ли — умираютъ. Выскажешь такую мысль въ обществѣ или въ собраніи, и тебя на смѣхъ подымутъ. Но приведешь цифры, всякія діаграммы, картограммы и, съ видомъ ученаго авторитета, скажешь: „все это съ несомнѣнностью доказываетъ, что съ голоду люди—рано ли, поздно ли—умираютъ,"—совсѣмъ другое впечатлѣніе, будто открылъ Америку. Или, кто рѣшится утверждать публично, что пожары бываютъ почти исключительно лѣтомъ и, главнымъ образомъ, въ сухую, жаркую погоду; что въ сырую, дождливую пору ихъ меньше, а зимой они представляютъ рѣдкое явленіе. Даже для дѣтей это будетъ открытіемъ очень сомнительной пробы. Прогрессистъ же огорошитъ васъ цифрами пожаровъ, смутитъ васъ діаграммами и таблицами влажности, температуры и т. п., и въ заключеніе авторитетно изречетъ: „сопоставленіе всѣхъ этихъ данныхъ съ несомнѣнностью устанавливаетъ положеніе, что пожары бываютъ почти исключительно лѣтомъ, въ сухую жаркую погоду; что въ сырую, дождливую пору ихъ меньше, а зимой они представляютъ рѣдкое явленіе". То же впечатлѣніе, будто Америку открылъ. Помимо того, всякому становится яснымъ, что прогрессисты — народъ ученый, что каждый прогрессистъ на строго научныхъ основаніяхъ знаетъ не только то, что было и что есть, но и то, что еще будетъ; отсюда—прямой выводъ, что только ему доподлинно извѣстно, что нужно для блага народа, какія реформы принесутъ народу счастье. Не только особой точности въ цифрахъ, но и никакой точности не требуется; надо только орудовать цифрами по меньшей мѣрѣ милліонными. Кому охота ихъ провѣрять, да и когда еще провѣришь? А эффектъ уже получился въ собраніи, а черезъ газеты и въ широкихъ слояхъ общества. Важенъ именно первый эффектъ; впечатлѣніе отъ него уже не изглаживается. Наконецъ, все зависитъ отъ газетъ, отъ этихъ создателей общественнаго настроенія и репутаціи отдѣльныхъ лицъ или даже цѣлыхъ группъ и партій. Газеты или промолчатъ, или напустятъ туману, но, во всякомъ случаѣ, на свѣжую воду не выведутъ своего же брата-прогрессиста. На то и придумана лазейка, которая зовется тактикой партіи. Если же кто сдуру—публично или въ газетѣ—начнетъ опровергать выводъ какого-либо прогрессиста, или начнетъ доказывать фантастичность цифръ и данныхъ, — на него со всѣхъ сторонъ нападутъ, и въ рѣчахъ, и въ фельетонахъ, и въ стихахъ, и въ передовицахъ, и даже въ письмахъ въ редакцію, и такъ раздѣлаютъ, и мытьемъ и катаньемъ, что не только у него, — у десятаго отшибутъ охоту что-либо опровергать. Что и говорить, — тактика партіи великолѣпное оружіе въ умѣлыхъ рукахъ прогрессиста. Впрочемъ, прогрессисту незачѣмъ, иногда даже, прибѣгать къ фантастическимъ и вымышленнымъ цифрамъ; вѣдь, цифры представляютъ великолѣпный элементъ для жонглированія, и въ магическихъ рукахъ прогрессиста онѣ подвергаются любымъ превращеніямъ

и даютъ любые выводы, угодные или выгодные оратору и его партіи. Приведу для поясненія поразительный случай, который могу подтвердить фактически, такъ какъ мнѣ пришлось выступать по поводу него съ опроверженіемъ въ газетѣ. Надо было прогрессисту во чтобы-то ни стало дискредитировать самарское губернское земство. Какъ извѣстно, въ современномъ земствѣ не даютъ хозяйничать всякимъ бездомнымъ проходимцамъ, которымъ терять нечего; это, естественно, служитъ поводомъ для прогрессистовъ лягать современное земство и земцевъ и всячески дискредитировать ихъ дѣятельность. Есть основаніе думать, что прогрессистъ этотъ, съ ослиными копытами, былъ изъ числа служащихъ губернскаго же земства; но фактически это доказать трудно, такъ какъ этотъ благородный гидальго изъ третьяго элемента, по обычаю прогрессистовъ, подражая ночнымъ грабителямъ, скрылся подъ маской, другими словами,— подъ псевдонимомъ. Въ совѣсти прогрессистовъ и благороднаго третьяго элемента прекрасно уживаются служба въ учрежденіи и бросаніе камнями изъ-за угла въ огородъ того же учрежденія. Такъ или иначе, этотъ господинъ выступилъ съ газетной статьей противъ земства на основаніи слѣдующей, примѣрной, таблицы:

Средній расходъ на медицину въ копейкахъ на одного жителя:

	Въ 1870 г.	Въ 1890 г.	Въ 1910 г.
Въ самарскомъ земствѣ	4 коп.	21 коп.	44 коп.
Во всей земской Россіи	2 —	22 —	43 —

Эта таблица даетъ право газетчику изъ третьяго элемента упрекнуть земство въ томъ, что оно не заботится о населеніи и игнорируетъ его медицинскія нужды; вѣдь, въ 1870 г. самарское земство тратило на медицину, по подсчету на каждаго жителя, въ два раза больше, чѣмъ остальная земская Россія, а въ 1910 г. тратитъ всего на одну копейку больше. Не правда ли, выводъ вполнѣ основанъ на таблицѣ и подсчетъ сдѣланъ вполнѣ правильно? Но какой грубый подлогъ! Какая фальсификація! Въ одномъ случаѣ сдѣлано дѣленіе, а въ другомъ—вычитаніе. Если же въ обоихъ случаяхъ сдѣлать вычитаніе, то окажется, что въ 1870 г. разница была въ 2 коп., а въ 1910 — въ 1 коп., другими словами, — за 40 лѣтъ самарское земство увеличило расходы на 40 коп., а вся земская Россія на 41 коп.; ясно, что упрекать самарское земство не въ чемъ, все равно, какъ нельзя требовать, чтобы двухлѣтній мальчикъ и черезъ 5, 10 или 40 лѣтъ былъ въ два раза старше своего годовалаго брата. Но этого мало, прогрессистъ умышленно умолчалъ о среднихъ цифрахъ, изъ которыхъ видно, что въ 1890 г., наоборотъ, самарское земство тратило даже на 1 коп. меньше остальныхъ земствъ, и, слѣдовательно, въ 1910 г. не отстало,—а, напротивъ, шагнуло далеко впередъ и обогнало остальныхъ. Надо притомъ знать, что цифры 1870 г. относятся скорѣе не къ земству, а къ Приказу Общественнаго Призрѣнія, потому что это время какъ разъ совпало съ переходомъ учрежденій Приказа въ руки земства. Не ясно ли, какое обоюдоострое оружіе представляютъ цифры, и какъ бережно

и осторожно надо съ ними обращаться; какъ скептически надо относиться къ скороспѣлымъ выводамъ, особенно — къ выводамъ, преподносимымъ въ собраніяхъ, думахъ, газетахъ.

Я привелъ этотъ правдивый, документальный образчикъ прогрессивной правды и прогрессивной тактики, чтобы показать, сколько лжи, клеветы, обмана вливается ежеминутно въ довѣрчивыя обывательскія души черезъ газетную отраву, черезъ всякія прогрессивные общества, комитеты и т. п. И я спрашиваю, чѣмъ эта тактика отличается отъ іезуитской? Я спрашиваю, гдѣ кончается іезуитъ, и гдѣ начинается прогрессистъ? Или, гдѣ кончается прогрессистъ и начинается іезуитъ? Отвѣтъ одинъ: то, что звалось когда-то іезуитомъ, теперь зовется безпартійнымъ прогрессистомъ,—будь то прогрессистъ, кадетъ, трудовикъ, эсдекъ и т. п.

Само собой разумѣется, что и нашъ прогрессистъ не преминулъ воспользоваться этимъ благодарнымъ пріемомъ. Онъ сопоставилъ цифры горимости въ двухъ деревняхъ: въ итальянской и въ нашей; въ то время, какъ за 50 лѣтъ въ первой не было ни одного пожара, въ русской—не было года, свободнаго отъ пожара, и два раза за этотъ періодъ деревня сгорала до-тла. „Если я къ этимъ краснорѣчивымъ цифрамъ,—воскликнулъ ораторъ,—прибавлю, что 50 лѣтъ уже въ Италіи существуетъ свобода слова, то вамъ станетъ ясно, какое благотворное вліяніе оказала она (свобода слова) даже на такое народное бѣдствіе, какъ пожары.“ (Оглушительные апплодисменты всей оппозиціи).

По поводу этого изумительнаго вывода, основаннаго на такомъ вѣскомъ аргументѣ, какъ статистика, по всѣмъ правиламъ партійной тактики, поднялся неописуемый шумъ во всѣхъ прогрессивныхъ кругахъ; каждая газета дала не менѣе 5 передовицъ, 10 фельетоновъ, 25 стихотвореній, 1000 перепечатокъ изъ другихъ газетъ и по меньшей мѣрѣ 10000 разныхъ интервью. На всѣ лады объ этомъ говорилось на собраніяхъ, съѣздахъ, засѣданіяхъ и т. п. Трубили, словомъ, объ этомъ на всѣхъ перекресткахъ,—трубили такъ, что не только живымъ, и мертвымъ, вѣроятно, стало ясно, что свобода слова—самое вѣрное и единственное средство противъ пожаровъ. Такимъ же путемъ было доказано въ свое время, или будетъ доказано, что свобода слова—вѣрное средство противъ эпидемій, туберкулеза, пьянства, голодовокъ и т. п. А что невѣжество, некультурность народа зависятъ отъ недостатка свободы слова, это—избитая аксіома, которая всѣмъ уже даже оскомину набила. Какъ будто, знанія, реальныя, правдивыя знанія боятся свободы? Какъ будто, для такихъ знаній нѣтъ въ Россіи полной свободы? Нѣтъ свободы и не должно быть свободы для лекцій, вродѣ лекцій Гредескула, для тѣхъ ученій, которыя представляютъ не знанія, а ложныя, фантастическія бредовыя идеи. Вѣдь, ворамъ и грабителямъ будетъ казаться съ несомнѣнностью, что въ Россіи нѣтъ никакой свободы, разъ каждый стѣсненъ въ свободномъ пользованіи чужимъ добромъ; они будутъ жаловаться на стѣсненіе личности, и съ своей точки зрѣнія будутъ правы. Но неужели всѣ здоровые всѣ трудящіеся элементы народа

поддадутся очарованію этихъ рѣчей и, въ угоду ворамъ, будутъ требовать закрытія тюремъ и полной свободы личности. Наоборотъ, всѣмъ не угодишь; и тѣ же воры, которые будутъ отстаивать свободу дѣйствій и неприкосновенность личности, будутъ въ то же время требовать отмѣны свободы слова, другими словами,—запрещенія кричать: „караулъ! городовой!", когда кого-либо грабятъ. Подумаешь, какое мудреное слово „свобода", какое это замысловатое понятіе, и диву даешься, почему оно такъ ясно для любого интеллигента, въ какомъ бы возрастѣ онъ ни былъ; и чѣмъ моложе, тѣмъ оно для него яснѣе и проще.

Изумительная штука тотъ механизмъ, который зовется человѣкомъ, и не менѣе изумительна исторія человѣчества. Живетъ человѣкъ только въ мірѣ заблужденій, исторія же человѣчества есть переходъ отъ одного заблужденія къ другому. То, что вчера считалось истиной, сегодня объявляется заблужденіемъ, и новая истина является властительницей думъ съ тѣмъ, чтобы завтра, въ свою очередь, уступить мѣсто новому свѣтилу. Что вчера считалось святымъ, сегодня кажется великимъ, а завтра можетъ оказаться смѣшнымъ. Очевидно, каждая человѣческая истина—заблужденіе, каждое новое ученіе то же, что женская мода; сначала надъ послѣдней смѣются, негодуютъ, но понемногу перенимаютъ, потомъ свыкаются и даже удивляются, почему мода когда-то казалась смѣшной; впрочемъ,—до тѣхъ поръ, пока не появится новая мода. Ту же эволюцію претерпѣваетъ каждое новое заблужденіе человѣчества. Въ основѣ каждой женской моды лежитъ подражательность и гипнотизирующая, манящая сила однообразія; та же подражательность, тотъ же гипнозъ общественнаго настроенія способствуютъ распространенію заблужденія, которое въ глазахъ извѣстнаго круга лицъ становится истиной. Нужна, конечно, особая воспріимчивость къ внушенію, нужно извѣстное ослабленіе психики, потому что заблужденіе принимается и признается истиной машинально, безъ слѣда критическаго къ нему отношенія. Но въ то время, какъ женская мода гипнотизируетъ всѣхъ женщинъ, каждое идейное заблужденіе имѣетъ свой кругъ гипнотизируемыхъ; каждое заблужденіе воспринимается извѣстной группой лицъ. Вотъ откуда пошли партіи; борьба партій—борьба заблужденій. Каждое заблужденіе, какъ и каждая мода, преходяще; ни одно заблужденіе не несетъ прогресса, счастья; жизнь и присущій ей прогрессъ идутъ мимо заблужденій, ученій, партій. Къ чему же страстность, взаимное озлобленіе, ненависть? Ломать копья за идею, которая черезъ нѣкоторое время будетъ казаться смѣшной,—вѣдь, это верхъ нелѣпости. Неудивительно, что эта борьба превращается въ какую-то дѣтскую игру,—въ игру „лѣво или право". И когда наблюдаешь эту борьбу партій, борьбу изъ-за буквъ, заблужденій, навязчивыхъ бредовыхъ идей, видишь эту фальшь, ложь въ обществахъ, собраніяхъ, газетахъ; когда сознаешь, что всѣ эти фиговые листки „свободы, равенство, реформы, конституція" и т. п.—лишь звукъ пустой, лишь новые, модные, ничего не выражающіе парадоксы; когда всѣмъ своимъ существомъ предвидишь, что наступитъ время, когда всѣ эти термины

будутъ казаться смѣшными, нелѣпыми,—тогда поневолѣ задаешь себѣ вопросъ, гдѣ же здравый смыслъ русскаго народа? И всѣмъ, задающимъ этотъ тревожный вопросъ, я совѣтую обратиться къ баснямъ дѣдушки-Крылова. Въ нихъ простой и житейскій здравый смыслъ русскаго человѣка. Я предпочитаю ихъ всѣмъ философскимъ сочиненіямъ Льва Толстого и даже лекціямъ Григорія Петрова. Повѣрьте, дѣдушка-Крыловъ на много-много выше Толстого, а Григорій Петровъ кажется просто козявкой у его ногъ. Повѣрьте, ученіе Толстого современемъ забудется, имя Григорія Петрова канетъ въ лету забвенія; но басни Крылова на вѣки-вѣчные будутъ такой же настольной книгой, какъ библія, и дѣдушка-Крыловъ всегда будетъ олицетвореніемъ здраваго смысла русскаго народа. Въ его басняхъ—неприкрашенная житейская правда, а такая правда—вѣчна. Онъ какъ будто, живетъ еще въ наше время, видитъ, что у насъ творится, и какъ будто, для нашего времени создалъ свою знаменитую басню „Квартетъ“. Замѣните только „лужокъ“—парламентомъ, и иллюзія будетъ полная. Герои Крылова думали, что достоинство музыки зависитъ только отъ того, гдѣ кто сядетъ. И современные герои увѣрены, что государственная мудрость, знаніе нуждъ народа и преданность ему—зависятъ лишь отъ того, гдѣ кто сядетъ. Право, и къ нимъ вполнѣ примѣнимы заключительныя слова: „А вы, друзья, какъ ни садитесь, все въ музыканты не годитесь“. И въ Думѣ, и въ жизни всѣ стараются лишь о томъ, чтобы усѣсться, какъ слѣдуетъ; садятся и пересаживаются,—а толку никакого. Милюковъ не только слѣва усѣлся, по всѣмъ правиламъ англійскаго парламента, но какъ только усѣлся, такъ себя и свою партію на англійскій манеръ назвалъ: „лойяльной оппозиціей Его Императорскому Величеству“,—а все-таки возъ и понынѣ тамъ.

Къ числу такихъ гипнотизирующихъ, расплывчатыхъ заблужденій относится и свобода слова. Немудрено, что послѣ цифровыхъ выкладокъ нашего прогрессиста всѣ увѣровали въ спасительность свободы слова даже отъ пожаровъ, какъ вѣруютъ въ ея спасительность отъ всѣхъ бѣдъ и напастей. Правда, случайно одинъ мой пріятель попалъ въ эту самую итальянскую деревню; оказалось, что она вся состоитъ изъ десятка домиковъ. Расположена она притомъ у подножья каменистой горы, и всѣ постройки сдѣланы изъ камня, мало того, почти вся мебель сдѣлана изъ того же камня; оказалось, словомъ, что и горѣть-то нечему. Пытался мой пріятель опровергать утвержденія оратора, но попытки ни къ чему не привели; многіе забыли даже названіе деревни, и не могли даже понять, что хочетъ опровергать пріятель. Всѣ твердо помнили только, что гдѣ свобода слова, тамъ нѣтъ пожаровъ; важенъ, вѣдь, первый эффектъ, по поговоркѣ: „хорошая слава лежитъ, дурная бѣжитъ“. Притомъ, газеты изъ тактическихъ соображеній или совсѣмъ не печатали опроверженія, или печатали его въ такомъ искаженномъ видѣ, и съ такими примѣчаніями редакціи, что оно теряло всякую цѣну. Что и говорить, великое дѣло—тактика, и великія услуги оказываетъ она безпартійнымъ прогрессистамъ.

Словомъ, послѣ метанія статистическихъ бомбъ, побѣда прогрессиста обезпечена, и остается только добивать противника, не стѣсняясь никакими средствами и совершенно игнорируя требованія логики. Ораторъ съ пафосомъ продолжаетъ: „Послѣ того, какъ передъ вами выяснилось во всей ужасающей наготѣ губительное значеніе пожаровъ, неужели найдутся люди (жестъ въ сторону правыхъ), которые будутъ утверждать, что русскому обывателю доставляетъ удовольствіе горѣть, что онъ горитъ по собственному своему желанію, что онъ горитъ оттого, что онъ бѣденъ, и ему терять нечего? О, нѣтъ! Онъ горитъ оттого, что ему чуждъ высокій прогрессивный идеалъ: „все для народа, ничего для себя". (Слушайте! Слушайте!) Оттого, что онъ далекъ отъ сознанія, что пожаръ—это не столько личное, сколько народное бѣдствіе. О, дайте возможность каждому обывателю превратиться въ прогрессиста, и онъ переродится, и прекратятся пожары. И это не слова!... Все это, конечно, недоступно пониманію многихъ (презрительно обводитъ взглядомъ правыя скамьи, начиная отъ октябристскихъ), которые прозябаютъ исключительно въ сферѣ личныхъ, мелкихъ и низменныхъ интересовъ. Они ѣдятъ, пьютъ только потому, что испытываютъ голодъ или жажду, и только для того, чтобы удовлетворить свои жалкія животныя потребности и прихоти; прогрессисты же и вообще демократическіе элементы страны (томная и заискивающая улыбка въ сторону трудовиковъ и эсдековъ) далеки отъ такихъ животныхъ, эгоистическихъ побужденій; правда, они также ѣдятъ, пьютъ, не отказываютъ себѣ ни въ какихъ прихотяхъ и удобствахъ жизни, но они преслѣдуютъ при этомъ исключительно благо народа, они заботятся только о томъ, чтобы поддержать существованіе, не дать погибнуть борцу за народныя права, за свободу (оглушительные апплодисменты на скамьяхъ оппозиціи; смѣхъ на правыхъ скамьяхъ). Правые стараются дискредитировать дѣятельность прогрессистовъ; утверждаютъ, что всѣ увѣренія прогрессистовъ только слова, что при желаніи всякій можетъ пускать въ ходъ любыя слова, любые обороты рѣчи, любые громкіе идеалы. Но послѣ того, какъ я вамъ доказалъ, что всюду и во всемъ прогрессисту дороги только интересы народа, вы дадите достойную оцѣнку клеветническимъ выпадамъ правыхъ. Что правымъ родина и народъ! Они смѣются и рады, что русскій народъ горитъ. А горитъ онъ только по ихъ же винѣ. Горитъ онъ потому, что у насъ нѣтъ отвѣтственнаго министерства, что мы лишены свободъ, что усиліями правыхъ Манифестъ 17 Октября остался только на бумагѣ. Надо приблизить прогрессивные идеалы къ населенію, надо для этого приблизить прогрессистовъ къ народу. Надо послать для этого въ народъ учителей, врачей, агрономовъ, газетчиковъ и агитаторовъ, которые широко проводили бы въ населеніе идеалы свободы слова и дѣйствій; свободы забастовокъ, аграрныхъ движеній, поджоговъ правительственныхъ зданій школъ, помѣщичьихъ усадебъ, фабрикъ, заводовъ, при гарантіи полной неприкосновенности личности. Тогда, смѣю васъ увѣрить, кругозоръ народа расширится, онъ станетъ сознательнымъ, и народу доступно станетъ понятіе, что пожары —народное бѣдствіе, и тогда, смѣю васъ увѣрить, пожары прекратятся сами собой. Вѣдь, еще

въ годы великаго освободительнаго движенія создалась и широко распространилась спасительная (все, что исходитъ отъ прогрессистовъ, все спасительно, все спасаетъ Россію) пѣсенка: „Въ странѣ свободы“... Я позволяю себѣ посвятить нѣсколько строфъ пожарамъ (Слушайте!.. Слушайте!).

„У насъ часты пожары отъ неосторожнаго обращенія съ окурками папиросъ, а въ странѣ свободы папиросы заблаговременно тухнутъ. У насъ часты пожары вслѣдствіе дѣтскихъ шалостей, а въ странѣ свободы дѣти далеки отъ такого рода неконституціонныхъ проказъ. У насъ, если искра попадетъ на деревянную или соломенную крышу, —обязательно пожаръ будетъ, а въ странѣ свободы огонь только свѣтитъ и грѣетъ. У насъ часты пожары отъ поджоговъ, въ надеждѣ получить страховую премію, а въ странѣ свободы при каждомъ страхованіи тутъ же выдаютъ на-руки страховую премію. Да и какъ не быть пожарамъ, когда мы горимъ жаждой свободы, когда этотъ огонь все разрастается, а въ странѣ свободы онъ давно погасъ“. (Оглушительные апплодисменты на скамьяхъ оппозиціи и въ центрѣ).

Ораторъ продолжаетъ въ томъ же патетическомъ тонѣ, вызывая пылкое одобреніе зала, что подзадориваетъ и все больше вдохновляетъ его, но, къ сожалѣнію, лишаетъ его самообладанія, въ результатѣ чего возникаетъ инцидентъ. Разгружая весь багажъ прогрессивныхъ идеаловъ, ораторъ вдругъ вспоминаетъ, что еще одинъ чудный перлъ прогрессивнаго богатства имъ пропущенъ, и неожиданно восклицаетъ: „И будутъ у насъ пожары, пока будетъ у насъ смертная казнь, а потому я провозглашаю: „долой смертную казнь!“ (Бурная и продолжительная овація на скамьяхъ оппозиціи и частью въ центрѣ). Потому—обывателю все едино, что сгорѣть, что погибнуть на плахѣ“. (Смѣхъ на всѣхъ скамьяхъ). Ораторъ входитъ въ азартъ и восклицаетъ: „Но огонь всепожирающей свободы все больше и больше разрастается, и когда онъ, наконецъ, безъ дыму и безъ копоти разойдется по всей странѣ, то горе этимъ супостатамъ! (жестъ въ сторону правыхъ), горе лиходѣямъ! (намекъ на министровъ). Свободный народъ пошлетъ ихъ туда, куда Макаръ телятъ не гонялъ, всѣмъ вынесетъ достойный ихъ приговоръ и ихъ публичная казнь будетъ всенароднымъ торжествомъ“... (Шумъ торжества на правыхъ скамьяхъ, недоумѣніе и растерянность на скамьяхъ оппозиціи. Предсѣдатель протираетъ глаза и объявляетъ перерывъ, послѣ котораго заявляетъ, что, ознакомившись по стенограммѣ съ рѣчью оратора, онъ усматриваетъ въ ней призывъ къ уничтоженію существующаго строя, а потому онъ лишаетъ оратора слова, тѣмъ болѣе, —мягко прибавилъ онъ, обращаясь къ оратору, —что рѣчь уже окончена, и ораторъ, собственно, сказалъ все, что хотѣлъ. А что сказалъ ораторъ здѣсь, то, благодаря публикуемому отчету, широко распространится въ публикѣ).

Ораторъ проситъ слова по личному вопросу; онъ, какъ прогрессистъ, ни въ коемъ случаѣ не могъ быть сторонникомъ смертной казни даже для политическихъ противниковъ. Его слова, молъ, нельзя понимать въ прямомъ смыслѣ; онъ выражался иносказательно, и его надо понять въ томъ смыслѣ, что газеты получатъ возможность свободной критики дѣятельно-

сти правыхъ элементовъ. „А всякому извѣстно,—закончилъ ораторъ,—что значитъ попасть на столбцы прогрессивной печати; это—казнь, хуже всѣхъ египетскихъ казней, и если бы Моисей догадался напустить сразу на египтянъ прогрессивную печать во главѣ съ какимъ-либо секретаремъ „Собачьяго Лая“ *), то никакого египетскаго вопроса не было бы, и Фараонъ честь-честью просилъ бы евреевъ поскорѣе убраться изъ страны“.

V.

Вотъ въ такомъ духѣ,—признался домовладѣлецъ,—изложилъ я свое интервью, и, надо признаться, оно имѣло большой успѣхъ и сдѣлало мое имя популярнымъ. Мои слова о смертной казни, свободѣ слова и т. п. газеты сейчасъ же разнесли по всей странѣ, какъ мнѣніе виднаго представителя торгово-промышленной партіи. Мои лавры Мильтіада не дали спать многимъ домовладѣльцамъ въ Самарѣ и въ другихъ городахъ; у всѣхъ развязались языки, всѣ превратились въ прогрессистовъ. Да и правду сказать, развѣ трудно превратиться въ прогрессиста человѣку, не лишенному способности членораздѣльной рѣчи. Стоитъ ему—при всякомъ удобномъ и даже неудобномъ случаѣ—произносить: „долой смертную казнь!“—и готовъ прогрессистъ.

Второй инцидентъ былъ въ иномъ родѣ. Только что кончилось интервью, какъ я услыхалъ, во дворѣ моего дома, какой-то неопредѣленный шумъ. Я выглянулъ въ окно и увидѣлъ толпу подростковъ-оборванцевъ и среди нихъ какого-то молодого человѣка,—по виду не то писца изъ полицейскаго управленія, не то приказчика изъ пивной лавки. Я сошелъ внизъ. На мой вопросъ, что имъ угодно?—молодой человѣкъ заявилъ, что это—лекція народнаго университета, а эти господа,—сказалъ онъ, указывая на оборванцевъ,—„мои слушатели“. „О, значитъ, я имѣю честь говорить съ профессоромъ университета!“—воскликнулъ я и тутъ же представился и имѣлъ честь пожать его руку, а затѣмъ поочередно представлялся и жалъ руку каждому изъ оборванцевъ, которые оказались студентами университета. Мы разговорились съ профессоромъ, и я узналъ, что онъ когда-то „за тихіе успѣхи и громкое поведеніе“ былъ изгнанъ изъ 2-го класса гимназіи, попалъ затѣмъ въ писцы къ нотаріусу, былъ сельскимъ учителемъ, а оттуда, какъ онъ выразился, прямой путь въ лекторы народнаго университета; нужна, конечно, протекція (какая протекція нужна, мнѣ посчастливилось въ тотъ же день узнать). Между прочимъ, профессоръ предложилъ мнѣ, не пожелаю ли я записаться въ члены общества народныхъ университетовъ. Я удивленно посмотрѣлъ на него въ оба глаза. „Другими словами“,—сказалъ я,—Вы предлагаете мнѣ записаться студентомъ вашего университета; но, вѣдь, я не только не имѣю гимназическаго аттестата зрѣлости, но, откровенно признаюсь, не совсѣмъ благополучно раздѣлался и съ приход-

*) Вѣдь, названія газетъ произвольны; писать-то ихъ можно, какъ угодно, и произносить, какъ угодно. Почему, напр., „Волжскій край“, а не „Собачій Лай“ и т. п.?

скимъ училищемъ". Профессоръ, однако, увѣрялъ, что все это совершенно лишняя роскошь; необходимо только внести одинъ рубль, и выдается квитанція, такъ сказать, свидѣтельство на званіе члена народнаго университета, другими словами, на званіе — не то ревнителя и знатока народнаго просвѣщенія, не то—студента университета. Я, конечно, тутъ же уплатилъ рубль и превратился въ студента. На радостяхъ побѣжалъ къ женѣ, и сообщилъ ей новость, что она —жена студента. Жена, однако, не удовлетворилась этимъ званіемъ и попросила меня выяснить, не можетъ ли и она за рубль получить званіе курсистки, и къ обоюдному нашему удовольствію, жена въ тотъ же день была зачислена курсисткой.

На мой вопросъ, чему я обязанъ честью видѣть у себя такую просвѣщенную экскурсію, я узналъ, что профессоръ читаетъ курсъ современныхъ политическихъ партій и нашелъ весьма полезнымъ продемонстрировать меня, какъ одного изъ видныхъ и прогремѣвшихъ прогрессистовъ. Я охотно согласился, въ интересахъ народнаго блага. Меня усадили; ощупали со всѣхъ сторонъ, измѣряли всякіе углы, особенно тщательно измѣряли длину языка. Строеніе языка оказалось феноменальнымъ и вполнѣ подходящимъ для отвѣтственнаго званія прогрессиста. Заставили кое-что сказать. Я продекламировалъ имъ, въ своей передѣлкѣ, стихотвореніе: „Въ странѣ свободы..." и, въ заключеніе, прочиталъ нѣсколько выдержекъ изъ своей рѣчи о пожарѣ. Лекція продолжалась около часу, и студенты были въ восторгѣ, когда она, наконецъ, кончилась.

Но этимъ дѣло не кончилось, а начался третій инцидентъ. Стукъ въ дверь.—„Войдите!"—Въ дверяхъ новая фигура. На мой вопросъ, что угодно—она отвѣтила, что она „отъ народнаго университета". Я тотчасъ же вскочилъ, извинился передъ профессоромъ, попросилъ его сѣсть, и спросилъ, какой курсъ онъ ведетъ? Отвѣтъ привелъ меня въ изумленіе: „Прошу извинить! Я еще не профессоръ, пока я состою лишь дворникомъ того дома, гдѣ помѣщается Правленіе университета, и за отдѣльную плату занимаю еще должность сторожа при помѣщеніи Правленія; мечтаю, впрочемъ, если время будетъ, и если въ уставѣ предусмотрѣно совмѣстительство, объявить какой-либо курсъ. Я состою, видите ли, ужъ нѣсколько лѣтъ при университетѣ, и имѣю кое-какой опытъ..."

Я умилился душой: вотъ истинно демократическій увиверситетъ, въ которомъ не отличишь профессора отъ студента, дворника отъ профессора, или профессора отъ сторожа. Но я пришелъ въ совершенно восторженное настроеніе, когда узналъ причину прихода университетскаго должностного лица. Оказалось, онъ явился ко мнѣ съ заманчивымъ предложеніемъ, не болѣе, не менѣе, какъ читать лекціи въ народномъ университетѣ. Я пытался объяснить это лестное предложеніе недоразумѣніемъ; довелъ до свѣдѣнія г. университетскаго сторожа, что я только сегодня записался въ студенты, и высказалъ убѣжденіе, что, по всей вѣроятности, требуется извѣстное время для подготовки къ отвѣтственному профессорскому званію

и, внѣ сомнѣнія, строгій экзаменъ. Но господинъ дворникъ заявилъ, что такія нелѣпыя требованія предъявляются только извѣстнымъ реакціонеромъ Кассо. Вѣдь, извѣстно,—еще болѣе авторитетно заявилъ онъ,—что всѣ реакціонеры и черносотенцы—въ томъ числѣ и Кассо—питаютъ какую то органическую ненависть къ Россіи и задались цѣлью обязательно ее погубить, и давно погубили бы ее, если бы не самопожертвованіе и самоотверженность г.г. прогрессистовъ, устроившихъ разныя общества, въ томъ числѣ и Общество Народныхъ Университетовъ. Послѣднее широко открываетъ двери всѣмъ, и для званія профессора достаточно заявленія просителя, переданнаго лично или письменно въ Правленіе. Никакихъ формальностей не требуется. Достаточно, словомъ, заявить о своемъ желаніи даже ему, сторожу при университетѣ, и онъ уполномоченъ войти въ соглашеніе съ каждымъ желающимъ; ему, дворнику, какъ и каждому обывателю, близко стоящему къ народу, дороги, конечно, интересы народа, и поэтому интересы народнаго просвѣщенія ему дороже и ближе, чѣмъ какому-нибудь министру. Мы быстро вошли въ соглашеніе, и тутъ же—о, счастье!—изъ рукъ неподдѣльнаго сына народа я получилъ удостовѣреніе, что въ этомъ семестрѣ я буду отъ Общества Народныхъ Университетовъ вести теоретическія и практическія занятія по курсу: „Значеніе пожаровъ въ политической жизни народовъ съ точки зрѣнія конституціонно-демократической партіи". Я увѣренно избралъ этотъ курсъ, такъ какъ считалъ его уже своимъ конькомъ.

Моему восторгу не было предѣловъ; но было бы ошибочно думать, что восторгъ происходилъ отъ пошлаго тщеславія, отъ чувства, которое было бы недостойно прогрессиста; я радовался за народъ, которому на долю выпалъ счастливый удѣлъ имѣть профессоромъ такого испытаннаго прогрессиста; не менѣе меня радовала принципіальная сторона вопроса: побѣда демократическаго начала. Посудите сами: на полученіе профессорскаго званія консерваторы должны, по плану этого реакціонера и врага Россіи, Кассо, и другихъ, враждебныхъ Россіи, русскихъ же министровъ, тратить годы и даже десятки лѣтъ, когда это званіе можно пріобрѣсти въ одинъ день; утромъ всталъ ученикомъ приходского училища, днемъ—оказался студентомъ, а вечеромъ—превратился въ профессора. Что значитъ реакціонный бюрократизмъ, и что значитъ демократическая свобода! Гдѣ бюрократамъ нужны годы, вѣка,—тамъ демократамъ достаточно секундъ. А какъ великолѣпна, какъ прелестна эта демократическая идиллія: дворники назначаютъ профессоровъ. Вѣдь, это же, шедевръ демократизма, вѣдь, это, можно сказать,—идеалъ демократизма.

Какъ съ неба свалившееся почетное званіе профессора напомнило мнѣ утреннее пожеланіе гимназистика, чтобы я сталъ министромъ народнаго просвѣщенія, и, по естественной ассоціаціи идей я пришелъ къ заключенію, что мнѣ, пожалуй, одна дорога: въ министры народнаго просвѣщенія. При одной мысли объ этомъ я блаженствовалъ,—конечно не за себя, а за тотъ счастливый народъ, который имѣлъ бы министромъ народнаго просвѣщенія меня, про-

грессиста и—обязательно—члена отвѣтственнаго прогрессивнаго министерства. Я, конечно, поставилъ бы дѣло на чисто-демократическихъ началахъ. Развѣ, съ прогрессивно-демократической точки зрѣнія мыслимо, развѣ логично, чтобы какимъ-либо дѣломъ вѣдали лица, спеціально посвятившія себя ему. Участіе въ любомъ дѣлѣ широкихъ слоевъ общества, самая сложная федеративная система всевозможныхъ видовъ самоуправленія—вотъ основа и залогъ успѣха демократизма. Взять хотя бы фельдшерскія школы. Всякій реакціонеръ, конечно, скажетъ, что выработка типа школъ, разработка программъ, даже рѣшеніе вопроса, нужны ли вообще фельдшерскія школы и т. п.,— это, такъ сказать, компетенція врачей. Но прогрессистъ, конечно, пойметъ, насколько такая идея дика и нелѣпа, насколько она далека отъ демократическаго идеала. Во-первыхъ, устраняется отъ участія вся эта заинтересованная и компетентная масса родителей; такимъ образомъ, мы первымъ дѣломъ имѣемъ передъ собою реакціонный подкопъ противъ родительскихъ комитетовъ. Взять хотя бы такого родителя, какъ моего товарища по службѣ, съ которымъ я имѣлъ уже честь познакомить читателей—дворника того дома, гдѣ помѣщается Правленіе Общества Народныхъ Университетовъ. Великолѣпно освѣдомленъ, что Кассо - реакціонеръ и врагъ народа; да и какъ ему не знать этого, когда это знаетъ каждый извозчикъ, каждый мальчишка; когда это и есть общественное мнѣніе страны; а вѣдь, мнѣніе каждаго дворника, каждаго извозчика есть частица общественнаго мнѣнія; застрѣльщиковъ общественнаго мнѣнія — единицы, десятки, все остальное — всѣ эти милліоны — это компетентные подпѣвалы вродѣ нашего дворника. Изъ этихъ подпѣвалъ и состоятъ родительскіе комитеты, компетенціи которыхъ, конечно, смѣло можно ввѣрить дѣло образованія. Само собою разумѣется, реакціонеръ скажетъ, что въ каждомъ комитетѣ будутъ играть роль два-три лица, такъ называемыхъ—общественныхъ дѣятеля, которые, быть можетъ, столько же смыслятъ въ образованіи, сколько свинья въ апельсинахъ, но которые всюду любятъ совать носъ, любятъ всякое дѣло тормазить; реакціонеръ скажетъ, что комитеты только для такихъ краснобаевъ и нужны, только имъ приносятъ пользу; всѣ же остальные играютъ для нихъ только роль статистовъ, таскаютъ только каштаны изъ огня для этихъ краснобаевъ, которые, однако, умудрились убѣдить простодушнаго обывателя, что онъ играетъ какую-то роль въ комитетахъ, и что для него именно нужны комитеты. Само собою разумѣется, что въ этихъ реакціонныхъ разсужденіяхъ ясно видна реакціонная подкладка: боязнь какого-либо самоуправленія широкихъ трудящихся массъ. Или какъ можно устранить отъ участія въ вопросахъ фельдшерскаго образованія тѣ огромные круги населенія, которые извѣстны подъ именемъ паціентовъ; это несомнѣнно, компетентная и одна изъ наиболѣе заитересованныхъ сторонъ; но, несомнѣнно, наиболѣе заинтересованная сторона, это—ученики фельдшерскихъ школъ. Если предоставить образованіе въ фельдшерскихъ школахъ произволу врачей, то, пожалуй, они, по примѣру Кассо, будутъ утверждать, что ученики посѣщаютъ школы только для пріобрѣтенія знаній, что только своими

знáніями они принесутъ пользу, какъ фельдшера; пожалуй, будутъ всерьезъ требовать, чтобы ученики учились, а не занимались другими побочными дѣлами, хотя бы такимъ благороднымъ занятіемъ, какъ изготовленіе бомбъ. Ясное дѣло, что азбука демократизма требуетъ изъятія фельдшерскаго образованія изъ рукъ врачей.

Если въ такой узкой сферѣ необходимо оградить дѣло отъ тлетворнаго вліянія спеціалистовъ, всю жизнь посвятившихъ изученію своей спеціальности, тѣмъ болѣе въ такомъ важномъ и отвѣтственномъ дѣлѣ, какъ народное образованіе, необходимо оградить школу отъ губительнаго вліянія педагоговъ, инспекторовъ, директоровъ, попечителей и т. п. спеціалистовъ и знатоковъ образованія. Я, конечно, первымъ дѣломъ упразднилъ бы педагогическіе совѣты, инспекцію, дирекцію и вообще всякіе учебные округа. Высшая марка демократизма относится скептически даже къ такому учрежденію, какъ родительскіе комитеты, и относитъ его къ разряду устарѣвшихъ и даже реакціонныхъ учрежденій, противныхъ идеѣ федеративной автономіи; ближе всего къ послѣдней подходитъ полная школьная автономія, передача дѣла въ руки учащихся, которымъ, конечно, виднѣе и доступнѣй недостатки и потребности образованія. Это былъ бы особый видъ мѣстнаго, такъ сказать, школьнаго самоуправленія. Я бы, конечно, предоставилъ учащимся полную свободу забастовокъ отъ занятій, и только просилъ бы студентовъ бастовать лишь въ учебное время, приблизительно съ 1 сентября по 1-е іюня. Вѣдь, они могутъ увлечься и бастовать по инерціи даже въ каникулярное время, конечно, не отъ занятій, а отъ вакатовъ. Вотъ отъ такой забастовки я убѣдительно просилъ бы ихъ воздержаться, такъ какъ отдыхъ отъ забастовокъ положительно необходимъ этимъ несчастнымъ труженикамъ. Только реакціонеры,—и во главѣ ихъ Кассо,—не знаютъ, что за трудъ забастовки, и утверждаютъ, что это—праздники, изобрѣтенные лѣнтяями. Но я могу засвидѣтельствовать, что это—каторжный трудъ, и что онъ требуетъ большой траты физическихъ и моральныхъ силъ, и при всемъ моемъ уваженіи къ свободѣ вообще, къ свободѣ забастовокъ въ частности, я положительно воспретилъ бы забастовки отъ вакатовъ; хотя бы 3 мѣсяца въ году не бастовать —необходимо. Каникулы пріобрѣли бы,—да по существу и пріобрѣтаютъ—значеніе отдыха не отъ школьныхъ занятій, а отъ забастовокъ.

Вопросъ всеобщаго обученія интересуетъ теперь всѣхъ, и въ этомъ вопросѣ, какъ и во всѣхъ государственныхъ вопросахъ, компетентны теперь всѣ отъ мала до велика, отъ любого дворника до любого тайнаго совѣтника. Мой уважаемый товарищъ по службѣ, посвятившій меня въ профессора, это только атомъ въ томъ морѣ всезнайства, которое широкой волной разлилось по матушкѣ-Россіи. Къ сожалѣнію, никто не нашелъ еще вѣрнаго метода для удовлетворительнаго разрѣшенія вопроса о всеобщемъ образованіи, и славу и гордость моего министерства составилъ бы тотъ новый и оригинальный способъ, которымъ я повелъ бы Россію по пути ко всеобщему просвѣщенію. Какъ всякій великій методъ, этотъ способъ очень простъ. Вѣдь, вся бѣда въ томъ, что преподаваніе въ школахъ ведется по плану, заранѣе выработанному, и что надъ методами и планами пре-

подаванія работаютъ люди, спеціально занятые этими вопросами, работаютъ годами, иногда всю свою жизнь посвящаютъ ему. Я уничтожилъ бы всякіе планы и методы, выкурилъ бы всѣхъ спеціалистовъ, закрылъ бы всѣ школы существующаго типа, низшія, среднія, высшія, общія и спеціальныя, но зато широко и энергично сталъ бы повсюду, отъ хутора до города, вводить народные университеты, другими словами, отдалъ бы народу его дѣтище,—то, что ему по праву принадлежитъ; собственное образованіе; въ то же время предоставилъ бы дворникамъ право назначать профессоровъ. Народные университеты плодили бы студентовъ и курсистокъ, дворники—профессоровъ, и, смѣю васъ увѣрить, черезъ годъ я ни одного живого человѣка въ Россіи не оставилъ бы, а превратилъ бы каждаго либо въ профессора, либо въ студента. Я, собственно, примѣнилъ бы мудрый методъ хитроумныхъ эсдековъ и тоже завелъ бы два класса, классовую борьбу и т. п. продукты нелѣпаго эсдековскаго мышленія; это была бы единственная въ мірѣ страна, сплошь состоящая изъ профессоровъ и студентовъ. Конечно, въ такой странѣ не мѣсто такимъ министрамъ, какъ Кассо, который мыслитъ оригинально, самобытно, а не по шаблону общественнаго мнѣнія, потому что нѣтъ ничего шаблоннѣй, ошибочнѣй и измѣнчивѣй, чѣмъ общественное мнѣніе, и нѣтъ ничего легче, какъ слѣдовать по теченію общественнаго мнѣнія, а потворство послѣднему не требуетъ никакого напряженія умственныхъ и моральныхъ силъ. Не мѣсто въ такой странѣ и министру, который дорожитъ дѣломъ народнаго образованія, который предъявляетъ повышенныя требованія ко всѣмъ, близко стоящимъ къ этому дѣлу, который настолько дорожитъ имъ, что опасается передать его даже въ руки родительскихъ комитетовъ, хотя бы въ числѣ родителей состояли такія компетентныя въ дѣлѣ образованія лица, какъ дворникъ при Обществѣ Народныхъ Университетовъ.

На слѣдующій день я все еще предавался мечтамъ о министерскомъ креслѣ и о преобразованіи Россіи, когда мнѣ доложили о приходѣ трехъ господъ. Они назвались членами мѣстнаго кадетскаго комитета. Пришли они затѣмъ, чтобы предложить мнѣ баллотироваться въ члены Государственной Думы отъ г. Самары, гарантируя мнѣ избраніе.

Я поблагодарилъ и выразилъ сомнѣніе, чтобы три лица могли гарантировать избраніе, когда избирателей тысячи, и когда выборы идутъ подъ флагомъ всеобщаго, равнаго и тайнаго избирательнаго права. Но посѣтители успокаивали меня, увѣряя, что требуется только мое согласіе. По ихъ словамъ, они обдѣлываютъ всѣ дѣла въ комитетѣ, потому что, будучи людьми свободными, не пропускаютъ ни одного засѣданія. Весьма возможно, что въ засѣданіе для выбора кандидата, кромѣ нихъ, никто не явится. Словомъ, со стороны комитета они обезпечивали мое избраніе; важно имѣть поддержку печати, но послѣдняя, въ интересахъ партійной тактики, всегда поддерживаетъ комитетскаго кандидата. А поддержка печати, это—полная гарантія успѣха. Постепенно начнетъ фигурировать ваше имя то въ фельетонахъ, то въ передовицахъ, то въ хроникѣ, то въ сти-

хахъ, а передъ выборами оно уже не будетъ сходить со столбцовъ печати; дойдетъ до того, что избиратель—во снѣ и наяву—будетъ бредить вами; его доведутъ до такого состоянія, что онъ потеряетъ способность членораздѣльной рѣчи и сохранитъ способность произносить только ваше имя; и что бы онъ ни собирался писать, изъ-подъ его пера будетъ выплывать ваше имя и только ваше; даже многіе изъ членовъ союза русскаго народа заразятся общей болѣзнью и, вмѣсто имени своего кандидата, будутъ писать ваше имя. Въ результатѣ вы будете избраны громаднымъ большинствомъ голосовъ, что на парламентскомъ языкѣ зовется всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ избирательнымъ правомъ, а самая процедура—называется выборной кампаніей.

Всѣ эти доводы, однако, меня не убѣдили, и я умолялъ освободить меня отъ чести подъ тѣмъ предлогомъ, что я не прошелъ стажа, необходимаго для отвѣтственной роли члена Государственной Думы. Вѣдь, рѣшать судьбы Россіи, рѣшать любой вопросъ съ широкой государственной точки зрѣнія,—вѣдь, для этого необходима основательная подготовка, необходима эрудиція, пріобрѣтаемая долголѣтнимъ трудомъ и разностороннимъ опытомъ; необходимъ широкій самобытный государственный умъ, стоящій выше мелкихъ обывательскихъ интересовъ и идущій независимо и мимо шаблона, диктуемаго общественнымъ мнѣніемъ; необходима, наконецъ, способность отрѣшиться отъ своихъ интересовъ, будь то интересы личные, классовые, сословные и т. п. Необходимъ, вообще, пророческій даръ улавливать не симпатіи и антипатіи общества (для этого никакого дара не нужно), а то, чего требуетъ въ настоящій моментъ прогрессъ народа съ исторически жизненной точки зрѣнія.

Гомерическій хохотъ былъ мнѣ отвѣтомъ, и мои гости долго не могли успокоиться отъ смѣха. Когда они, наконецъ, успокоились, я отъ нихъ узналъ, что то, что я проповѣдую, составляетъ основную точку зрѣнія реакціонеровъ и черносотенцевъ, и что прогрессисту не къ лицу повторять ихъ возмутительную ересь. Для прогрессиста необходимо только, чтобы кандидатъ объявилъ себя прогрессистомъ, а что касается стажа, то въ этомъ отношеніи, по прогрессивнымъ традиціямъ, дается полная свобода каждой избирательной единицѣ; насчетъ стажа, поэтому, наблюдается полное разнообразіе, и каждый городъ вырабатываетъ свой предварительный стажъ государственной мудрости, необходимый для кандидата въ члены Думы. Надо вамъ сказать, что въ Самарѣ есть свой стажъ, именно—организація библіотеки Народныхъ Университетовъ. Съ этимъ нельзя не согласиться. Только тотъ, кто, подобно депутату отъ Самары, Гладышу, потратилъ нѣсколько лѣтъ своей жизни на составленіе библіотеки изъ нѣсколькихъ сотъ пожертвованныхъ книгъ, только тотъ, кто ухитряется публично прочитывать ежегодно длинный и скучный отчетъ о такой библіотекѣ, только тотъ, кто столько поработалъ на пользу Общества Народныхъ Университетовъ,—только онъ въ состояніи правильно рѣшать государственные вопросы его великой родины, только такому лицу могутъ быть спокойно ввѣрены честь, достоинство и судьбы великаго русскаго народа.

Мои собесѣдники должны были признаться, что я не прошелъ стажа, необходимаго въ глазахъ Одиссеевъ-гражданъ г. Самары для званія члена Государственной Думы. „Хоть бы Вы какой-нибудь истрепанный французскій романъ пожертвовали въ библіотеку, и для самарскихъ Одиссеевъ это было бы достаточнымъ доказательствомъ, что вы способны сказать новое и великое слово во внѣшнихъ и внутреннихъ дѣлахъ Россіи и разрѣшить всѣ сложные восточные и западные вопросы. Но, къ счастью, и вы выказали глубокія государственныя познанія и широкую эрудицію въ вопросѣ о политическомъ значеніи пожаровъ, и именно потому, что разсматривали вопросъ съ прогрессивной точки зрѣнія, проявивъ высокую степень послѣдней".

Продолжая убѣждать меня—принять лестное предложеніе, мои собесѣдники обмолвились и выдали одинъ изъ важныхъ секретныхъ пріемовъ безпартійно-прогрессивной партіи. По ихъ словамъ, альфа и омега партійной тактики требуютъ признанія просвѣщеннаго широкаго ума, поразительныхъ государственныхъ способностей и отзывчивой благородной души за всякимъ, кто причислитъ себя къ прогрессистамъ или даже только выскажетъ свое сочувствіе прогрессивнымъ идеямъ, или, наконецъ, хоть разъ въ жизни воскликнетъ: „долой смертную казнь!" Само собою разумѣется, что мое интервью поставило меня на самую высокую ступень государствовѣдѣнія и благородства; партійная же тактика требуетъ, чтобы такое лицо всячески превозносилось и пропагандировалось; цѣль такой пропаганды, конечно, понятна,—надо вызывать зависть въ сердцахъ реакціонеровъ, прельщать ихъ ореоломъ славы и, такимъ образомъ, съ одной стороны, вербовать новыхъ прогрессистовъ, съ другой—удерживать старыхъ на прогрессивныхъ позиціяхъ. На этомъ основаніи собесѣдники высказали глубокую увѣренность, что, съ поддержкой печати и при помощи другихъ избирательныхъ пріемовъ, не найдется въ Самарѣ ни одного обывателя, который осмѣлился бы утверждать, что, при моихъ прогрессивныхъ взглядахъ на значеніе пожаровъ, я не въ состояніи спасти Россію отъ пожара: невѣжества, пьянства, безправія и произвола.

Я вынужденъ былъ раскрыть свои карты и признаться, что, записавшись въ народный университетъ и получивъ въ тотъ же день званіе профессора, я, въ силу извѣстныхъ соображеній, пришелъ къ заключенію, что наступила для меня пора принести себя въ жертву народу и, во имя исключительно интересовъ народа и торжества прогрессивныхъ идеаловъ, выставить свою кандидатуру на постъ .. министра народнаго просвѣщенія.

Оказалось, однако, что на этотъ постъ намѣченъ товарищъ предсѣдателя народныхъ университетовъ, считающій себя большимъ докой въ вопросахъ народнаго образованія и оказавшій большія услуги прогрессивной партіи. Дѣло въ томъ, что народный университетъ служитъ разсадникомъ прогрессивныхъ идей, такъ сказать, авангардомъ прогрессивной партіи, и, естественно, находится въ загонѣ у властей придержащихъ; заслуги же товарища предсѣдателя не только въ томъ, что онъ былъ однимъ изъ учредителей Общества, но и въ

томъ, что пользуясь своимъ положеніемъ, онъ насаждаетъ въ городахъ и селахъ Народные университеты подъ флагомъ внѣшкольнаго образованія. Нужны, поэтому,—закончилъ предсѣдатель кадетскаго комитета,—особые доводы и соображенія для того, чтобы измѣнить рѣшеніе комитета.

Считая свое дѣло окончательно проиграннымъ, и больше для очистки совѣсти, я робко заявилъ, что на мысль о постѣ министра меня натолкнулъ грандіозный митингъ гимназистовъ и гимназистокъ, на которомъ я случайно присутствовалъ; митингъ вынесъ резолюцію объ отставкѣ Кассо и о моемъ назначеніи на постъ министра народнаго просвѣщенія. Откровенно говоря, я нѣсколько насчетъ митинга сгустилъ краски, но такова ужъ повадка прогрессистовъ, такъ какъ по своему призванію и, такъ сказать, по роду своихъ занятій, они должны все видѣть и представлять въ радужномъ цвѣтѣ, и небольшое искаженіе истины и прикрашиваніе дѣйствительности, никто не поставитъ даже въ упрекъ прогрессисту. Надо, однако, сказать, что эфектъ отъ моего заявленія превзошелъ мои ожиданія, и по смущенію кадетскихъ лидеровъ, и по особой ко мнѣ почтительности, я догадался, что попалъ въ цѣль. „Это совершенно измѣняетъ дѣло“,—сказалъ предсѣдатель,—„кадеты обязаны угодить всякому, если не на дѣлѣ, то на словахъ, и въ этомъ секретъ ихъ существованія, секретъ ихъ успѣха,—поэтому съ мнѣніями и желаніями заинтересованныхъ лицъ, какими въ данномъ случаѣ являются школьники, они всегда считаются. Имѣя въ виду петицію, такъ сказать, школьнаго пролетаріата, этой новой великой міровой державы, смѣю думать, что вѣсы значительно склонились въ вашу пользу. Прошу только разрѣшенія на нѣсколько минутъ уединиться для совѣщанія съ товарищами“. Я ихъ оставилъ, и, дѣйствительно, не прошло и 10 минутъ, какъ предсѣдатель комитета торжественно и взволнованно произнесъ: „комитетъ конституціонно-демократической партіи доводитъ до вашего свѣдѣнія, что вы единогласно избраны первымъ кандидатомъ на постъ министра народнаго просвѣщенія въ первомъ же отвѣтственномъ кадетскомъ министерствѣ“.

Послѣ этого комитетъ in corpore поздравилъ меня. Въ частной бесѣдѣ за чашкой чаю я узналъ, что товарищъ предсѣдателя Народныхъ Университетовъ намѣченъ мнѣ въ товарищи, какъ только я призванъ буду къ власти; моихъ друзей продолжалъ все-таки озабочивать вопросъ о кандидатѣ въ члены Государственной Думы. Я выразилъ удивленіе, почему невозможно совмѣстительство такого рода, чтобы кандидатъ въ товарищи министра впредь до своего назначенія состоялъ членомъ Государственной Думы. Къ своему недоумѣнію, я узналъ, что это невозможно; постъ министра или его товарища требуетъ такта, корректности, умѣнья прилично держать себя въ публичномъ мѣстѣ и въ обществѣ; этотъ постъ требуетъ извѣстной зрѣлости сужденій, продуманности рѣчей, осмысленности поступковъ и т. п. Всѣ эти качества весьма быстро теряются въ Думской атмосферѣ, и человѣкъ, побывавшій депутатомъ хотя бы одинъ мѣсяцъ, оказывается совершенно непригоднымъ къ какой-ни-

будь серьезной дѣятельности и, по мѣткому выраженію одного обывателя, представляется милымъ, но погибшимъ созданіемъ. Поэтому, своихъ кандидатовъ на министерскіе посты кадеты и близко не подпускаютъ къ Думѣ, подобно тому, какъ любящія мамаши держатъ вдали отъ кафешантановъ своихъ дочекъ-невѣстъ.

„Такимъ образомъ“,—закончилъ, скромно потупивъ глаза, домовладѣлецъ,—„я теперь состою кандидатомъ на постъ министра народнаго просвѣщенія“.

VI.

Настала очередь врача; онъ все время молчалъ, но съ выраженіемъ лица, говорившимъ, что онъ многое могъ бы сказать, но молчитъ, держась поговорки: „не мечи бисера передъ свиньями“. Онъ, видно, былъ очень высокаго мнѣнія о себѣ; повидимому, былъ увѣренъ, что онъ составляетъ украшеніе человѣчества, что вся жизнь его—сплошной подвигъ. Къ словамъ фабриканта онъ относился явно пренебрежительно. Къ рѣчи прогрессиста—снисходительнѣй, но также не разъ демонстративно и съ сарказмомъ хихикалъ; когда-же тотъ кончилъ, объявилъ все это кисло-сладкимъ либерализмомъ. По его словамъ, прогрессисты и кадеты стремятся только къ министерскимъ портфелямъ; они добиваются свободы только для себя, только для того, чтобы свободнѣй угнетать пролетаріатъ. Ихъ идеалы—мелкіе, мѣщанскіе, ихъ жизнь—прозаическая. Его же идеалъ—обширенъ и всеобъемлющъ; его жизнь—сплошное тріумфальное шествіе по пути величайшихъ идей и лозунговъ человѣчества. Объектъ его идеаловъ—нѣчто грандіозное, недоступное даже пониманію обыкновенныхъ смертныхъ. Что передъ его объектомъ солнце, звѣзды, все мірозданіе! Объектъ его—выше Божества; вѣдь, это,—шутка ли сказать,—пролетаріатъ, самъ, со своей неземной оболочкой пролетаріатъ!.. А его идеалъ... Развѣ есть ему подобіе въ мірѣ? Всѣ эти идеалы прогрессистовъ—все это было, есть и будетъ; все это старо, пережевано. Всѣ эти свободы, конституціи, республики—все уже изношено, все превратилось уже въ старую тряпку. Развѣ онъ рожденъ для такой прозы, для такого отрепья, для жалкой роли комедіанта. Онъ рожденъ для роли великаго трагика, для трагическихъ неестественныхъ переживаній, для трагической великой борьбы за идеалъ, который недоступенъ даже пониманію многихъ, котораго не запомнитъ исторія, потому что его и не было на памяти человѣчества, потому что послѣднее не доросло до него. Да что человѣчество! Ни жизнь, ни природа, ни Божество не въ состояніи были до сихъ поръ его создать. И до этого идеала онъ додумался, только о такомъ идеалѣ онъ мечтаетъ. Словомъ, это—идеалъ соціальной республики. Какъ великъ идеалъ, такъ велика и грандіозна и борьба за него, такъ великъ и носитель его, и воображаемый борецъ за него. Понятно, что по сравненію съ этимъ идеаломъ все мелко, все пошло; а по сравненію съ героемъ и борцомъ за него, все остальное человѣчество—только скопище пигмеевъ, сбродъ червей, презрѣнная мѣщанская мразь.

Правда, нашъ врачъ выражался не такъ категорически; онъ даже ни слова не упомянулъ о соціальной республикѣ; онъ сказалъ только, что онъ „лѣвѣе кадетовъ". Но сказалъ это—съ такимъ таинственнымъ величіемъ, съ такимъ сознаніемъ своего величія, своего превосходства надъ обыкновенными смертными, что мы должны были понять, что передъ нами титанъ, своего рода чудовище, ископаемое будущаго. Правда, мы, несчастные и жалкіе современники этихъ титановъ, такъ привыкли къ этимъ терминамъ, что ничего титаническаго въ нихъ не находимъ; но если бы наши дѣды встали изъ гроба, то, совершивъ даже такой титаническій подвигъ, они все-таки нашли бы нашихъ героевъ и ихъ термины титанами, именно—титанически-безсмысленными. Правда, дѣды наши—а у многихъ даже отцы—знали, что есть превосходная степень, знали, что бываетъ человѣкъ глупый и есть глупѣе, есть умный и умнѣе, есть красивѣе, талантливѣй, энергичнѣй, но, чтобы человѣкъ былъ лѣвѣе, до этой безсмыслицы они не додумались, какъ не додумались до того, что можно быть деревяннѣй, бумажнѣй и т. п. Они знали, что можно стать или сѣсть слѣва, но знали также, что слѣва можетъ сидѣть и дуракъ, и форменный идіотъ, но чтобы слѣва сидѣли только умницы, только благородные и великіе люди,—до такой нелѣпости они не додумались. Вѣдь, мы воскрешаемъ сказки изъ тысячи и одной ночи; потеръ кольцо—и выросъ великанъ; сѣлъ слѣва—и изъ дурака и мерзавца превратился въ титана ума и благородства. Что передъ этимъ ковры-самолеты, самоиграющія гусли, лампы Аладина и тому подобныя сказочныя чудеса! Надо только диву даться, что находятся еще люди, которые не прибѣгаютъ къ новому чуду, не спѣшатъ нашармака превратиться въ титана. Увы,—число такихъ людей все уменьшается! Есть страны, гдѣ ихъ и днемъ съ фонаремъ не найдешь. И, что удивительнѣе всего, для чудесныхъ превращеній въ арабскихъ сказкахъ нашей дѣйствительности нѣтъ надобности даже стать, или, скажемъ, быть лѣвѣе, а достаточно сказать: „я лѣвѣе",—и готовъ великанъ. Это такія же магическія слова, какъ „Сезамъ, откройся!" Былъ дуракъ-дуракомъ, мерзавецъ-мерзавцемъ—и сразу сталъ великаномъ. Разные бываютъ великаны: великаны отъ конституціоннаго демократизма, отъ соціализма, отъ анархизма, отъ футуризма; въ послѣднее время завелись великаны и отъ октябризма. Каждый великанъ надувается, растетъ, хочетъ ростомъ перещеголять другого, достать головою облака, побить, такъ сказать, рекордъ великанства и паренія головой въ облакахъ. Это и называется: „лѣвѣе".

Но наивность реакціонера, черносотенца не имѣетъ предѣла. Онъ вѣритъ, что передъ нимъ дѣйствительно безплотное существо; онъ весь съеживается и кажется совсѣмъ жалкимъ передъ этимъ великаномъ духа; онъ весь восхищеніе и умиленіе. Полный трепета и преклоненія, онъ вопрошаетъ ультра-лѣваго врача: „Вы, значитъ, совершенно отреклись отъ міра и земной жизни? Живете, подобно великому Діогену, въ бочкѣ? Не нуждаетесь въ одеждѣ, драпируясь только въ тогу собственнаго величія и чванства?" И тутъ же съ завистью восклицаетъ: „О счастливецъ! Все плотское, животное вамъ

стало чуждо; вы духъ безъ плоти; вамъ чуждо все, что отравляетъ жизнь человѣка, что приближаетъ его къ животному, вызываетъ въ немъ всѣ животные инстинкты. Не нуждаясь въ головномъ уборѣ, будучи достаточно прикрыты уборомъ изъ облаковъ; укутанный въ тогу величія, и не нуждаясь, поэтому, въ одеждѣ, вамъ не понятна также потребность въ обуви, потому что вы ходите, совсѣмъ не касаясь ногами земли. Не испытывая ни холода, ни жара, не имѣя потребности ни въ обуви, ни въ одеждѣ, ни въ жилищѣ, благодушествуя и наслаждаясь въ Діогеновой бочкѣ, вы чужды заботы и труда, связанныхъ съ животной потребностью въ жилищѣ и, прикрытіи своего бреннаго, плотскаго тѣла. Зачѣмъ вамъ воздухъ, когда вы живете и дышите ароматомъ заоблачныхъ сферъ и сверхъ-міровыхъ идей? Зачѣмъ вамъ смѣна сна и бодрствованія, когда вся жизнь ваша—одинъ вѣчный сонъ, когда все мірское, все человѣческое, вся земная юдоль плача проходятъ для васъ какъ во снѣ, не затрогивая и не касаясь васъ; когда вашъ земной путь состоитъ только изъ смѣны пріятныхъ сновидѣній и чудныхъ грезъ о недоступныхъ обыкновенному смертному идеалахъ соціальнаго равенства? Зачѣмъ вамъ потребность въ пищѣ, въ кускѣ хлѣба,—та потребность, которая превращаетъ человѣка въ звѣря, изъ-за которой люди и грызутся, какъ звѣри,—когда вы питаетесь мечтами о соціальной республикѣ, и утоляете жажду изъ источника своего самообожанія и самовозвеличенія! О, счастливецъ, которому чужды всѣ потребности обыкновенныхъ смертныхъ! Вѣдь, удовлетвореніе этихъ потребностей требуетъ затраты громадной энергіи, труда; оно требуетъ наличности большихъ физическихъ, умственныхъ и моральныхъ силъ. Увы,—грѣшенъ черносотенецъ передъ Богомъ, и Онъ, давъ черносотенцу животныя потребности, лишивъ его возможности существованія безъ ихъ удовлетворенія, въ то же время создалъ разнообразіе природы и разнообразіе человѣческихъ, умственныхъ и моральныхъ, силъ. И, такимъ образомъ, прогнѣвавшись на человѣка, Богъ лишилъ его благъ соціальной республики. Конечно, лѣвые титаны могутъ мечтать и бредить о соціальномъ равенствѣ, разъ Богъ былъ такъ милостивъ къ нимъ, что далъ имъ даръ одѣваться въ такія одежды, укрываться въ такихъ домахъ, питаться такими продуктами, которые находятся не во внѣшней природѣ, а въ нихъ самихъ, и которые одинаково доступны всѣмъ, и доступны въ равной степени. Каждый изъ нихъ, отъ роду и по своей природѣ, уже гражданинъ соціальной республики".

Оказалось, однако, что нашъ ультра-лѣвый демократъ безъ пищи и питья, безъ воздуха и сна жить не можетъ, наравнѣ съ самымъ обыкновеннымъ смертнымъ, подобно самому типичному черносотенцу. Онъ любитъ теплую, сухую, просторную квартиру; предпочитаетъ, чтобы квартира была уютная, чистая, чтобы въ ней были удобства, комфортъ; держитъ повара, потому что и онъ и семья привыкли къ изысканнымъ блюдамъ; одѣваетъ себя, одѣваетъ жену и дѣтей по-модному; имѣетъ собственный выѣздъ, но мечтаетъ объ автомобилѣ; держитъ слугъ, которые получаютъ у него жалованье, какъ у любого черносотенца, работаютъ у него, не заикаясь даже о 8-ми часовомъ

рабочемъ днѣ; подъ началомъ у него фельдшера, которые совершенно не чувствуютъ, что ихъ начальникъ мечтаетъ о соціальномъ равенствѣ. Словомъ, наивный смертный—если онъ не страдаетъ интеллигентной слѣпотой современниковъ—развелъ бы руками: въ чемъ же величіе ультра-лѣваго врача, въ чемъ его титаническое благородство, чѣмъ онъ отличается отъ обыкновеннаго черносотенца или, скажемъ просто, отъ обыкновеннаго смертнаго, потому что для всякаго ясно уже, что подъ черносотенцемъ демократы понимаютъ человѣческое существо, которое находитъ только безумнымъ занятіе, заключающееся въ хватаніи звѣздъ съ неба?

Трудно передать словами ту смѣсь презрѣнія и сознанія своего превосходства, которую вызвало на лицѣ „лѣваго" наивное невѣжество тупоголоваго реакціонера. Развѣ послѣдній въ состояніи понять, что вся жизнь „лѣваго", каждый его шагъ это—сплошная жертва Богу и кумиру „лѣвыхъ"—милому, несравненному пролетаріату. Вѣдь, чувствовать себя гражданиномъ соціальной республики, и жить въ этой каторгѣ капиталистическаго строя,—вѣдь, это же ужасъ; вѣдь, это несчастье. Чувствовать въ себѣ крылья и кровь воздушной птицы, чувствовать въ себѣ неудержимый порывъ воздушнаго титана, парить въ заоблачныхъ сферахъ, и быть вынужденнымъ ходить по землѣ на этихъ противныхъ человѣческихъ ногахъ... Что можетъ быть ужаснѣе этого, какая тюрьма сравнится съ этой! И есть ли обида тяжелѣе той, которая выпала на долю „лѣвыхъ": сознавать, что ты стоишь на недосягаемой высотѣ, чувствовать какъ свое превосходство надъ тѣми пигмеями, надъ тѣми червями, которые носятъ названіе людей, такъ и свое отличіе отъ нихъ, и въ тоже время, подобно каждому изъ этихъ червей, питать потребность въ ѣдѣ, питьѣ, снѣ. О, это—горькая, тяжелая обида, это—тяжелый крестъ, доставшійся на долю „лѣвыхъ". Жизнь „лѣвыхъ" въ условіяхъ суровой дѣйствительности, это—сплошная каторга, вѣчная тюрьма... Вотъ почему они такъ охотно идутъ въ тюрьму; они ничего при этомъ не теряютъ. И если „лѣвые" живутъ, если они продолжаютъ самыми обыкновенными реакціонными человѣческими способами поддерживать свое существованіе, то не ясно ли, что это одно только самопожертвованіе съ ихъ стороны. И если они поддерживаютъ свое существованіе, если они стараются поставить его въ самыя лучшія условія, то только потому, что они знаютъ, какъ ихъ жизнь необходима для пролетаріата, и знаютъ, какъ послѣдній дорожитъ ихъ драгоцѣнной жизнью. Надо отдать справедливость пролетаріату: онъ до самозабвенія вѣритъ намъ, вѣритъ въ нашу безкорыстную дружбу, сознаетъ, на какія жертвы мы способны для него, и съ благодарностью, и съ пролетарской кротостью принимаетъ наши жертвы,—катаемся ли мы на автомобиляхъ, занимаемъ ли барскую квартиру или лучшій номеръ въ гостиницѣ, пиршествуемъ ли на демократическихъ банкетахъ и т. п. Мы умышленно избрали себѣ кумиромъ такой дѣтски-довѣрчивый матеріалъ, какъ пролетаріатъ, и безъ труда внушаемъ ему, что каждый нашъ шагъ, это—жертва ему. Не даромъ дѣтей убаюкиваютъ музыкой и пѣніемъ, не даромъ „лѣвые" съ такимъ искус-

ствомъ разыгрываютъ аріи изъ трескучихъ фразъ и звучныхъ словъ, не даромъ разливаются сладкозвучными трелями клятвенныхъ обѣщаній и всякихъ увѣреній. И, сладко убаюканный, пролетаріатъ вѣритъ, что каждое слово, каждый поступокъ „ультра-лѣваго"—лишь жертва, приносимая на алтарь пролетарскихъ интересовъ. И больно, и обидно постороннему зрителю, который не поддается очарованію „лѣвыхъ" музыкальныхъ арій, который понимаетъ значеніе этихъ музыкальныхъ потугъ и видитъ, какъ легко убаюкивается ими такъ называемый пролетаріатъ, и вообще, тотъ или иной русскій обыватель. Быть можетъ, политически возмужалъ, не нуждается въ такихъ вульгарныхъ аріяхъ англичанинъ; быть можетъ, такія фальшивыя аріи рѣжутъ ухо трезваго и практичнаго, рано возмужавшаго, американца; но имъ легко поддается политически неокрѣпшій и дѣтски-наивный народъ; имъ легко поддается обыватель—дитя въ политическомъ смыслѣ. Боже,—сколько еще народовъ, не вышедшихъ изъ дѣтскаго возраста, сколько еще на свѣтѣ дѣтей съ почтенными и даже сѣдыми бородами, засыпающихъ подъ фальшивыя аріи своихъ „лѣвыхъ" и „ультра-лѣвыхъ" нянекъ!

Жить, бредить идеаломъ соціальной республики, чувствовать себя природнымъ гражданиномъ такой республики и, въ то же время, жить въ условіяхъ презрѣннаго капиталистическаго строя,—вѣдь, это же трагедія, сплошная „лѣвая" трагедія или трагедія „лѣвыхъ". И на такую трагедію обреченъ каждый лѣвый титанъ, и если онъ поддерживаетъ такое трагическое существованіе, да еще самыми реакціонными, ведущими свое начало съ сотворенія міра, способами,—конечно, это сплошная жертва пролетаріату. И сидитъ ли нашъ лѣвый герой съ семьей за лукулловскимъ обѣдомъ, рыскаетъ ли съ женой по лучшимъ магазинамъ, катаетъ ли семью на автомобиляхъ и рысакахъ, благодушествуетъ ли въ своей, роскошно обставленной, квартирѣ—онъ все время приноситъ жертвы пролетаріату. Вѣдь, жертвы дорогому пролетаріату—его единственное утѣшеніе въ его трагической жизни. И сколько такихъ жертвъ ему приходится еще приносить на алтарь пролетаріата! Ни одно собраніе, ни одинъ митингъ, ни одинъ банкетъ не обходятся безъ его активнаго участія; онъ переживаетъ каждый съѣздъ, будь это хоть съѣздъ пивоваровъ; даже, не принимая участія въ съѣздѣ, онъ ведетъ закулисную пропаганду; ему необходимо, чтобы съѣздъ принялъ „лѣвый" характеръ, чтобы онъ вынесъ „лѣвую" или, по крайней мѣрѣ, радикальную резолюцію; надо знакомиться съ членами съѣзда, составлять частныя совѣщанія, агитировать въ печати и черезъ печать. Вообще съ газетчиками приходится вести знакомство, натравливать ихъ то на того, то на другого; приходится и самому пописывать: то въ видѣ писемъ въ редакцію, со стороны подписчиковъ или собственныхъ корреспондентовъ, то въ видѣ анонимныхъ воззваній, фельетоновъ и т. п. А про общества и говорить нечего; въ каждомъ обществѣ онъ долженъ состоять членомъ, и онъ дѣйствительно состоитъ предсѣдателемъ общества врачей, старшимъ товарищемъ предсѣдателя общества охраненія народнаго здравія, младшимъ въ обществѣ борьбы

съ туберкулезомъ, секретаремъ въ обществѣ народныхъ университетовъ, казначеемъ въ обществѣ борьбы съ дѣтской смертностью, библіотекаремъ въ обществѣ борьбы съ пьянствомъ, товарищемъ секретаря, библіотекаря, членомъ ревизіонной комиссіи и вообще членомъ комитета еще въ безчисленномъ множествѣ другихъ существующихъ и нарождающихся обществъ. Сколько засѣданій, рѣчей, банкетовъ! Приходится устраивать концерты, спектакли, дни всякихъ цвѣтковъ. Сколько суетни, бѣготни, и не только ему, но и его женѣ. А сколько расходовъ на наряды для этихъ дней, для угощенія сборщицъ и сборщиковъ. Врачъ признался, что одинъ изъ цвѣточныхъ дней обошелся ему дороже, чѣмъ сколько собрали всѣ сборщицы раіона его общественной супруги. А сколько приходится вести знакомствъ, съ кѣмъ только не приходится вести дружбу; пролетаріатъ-то самъ по себѣ существо пріятное и никакихъ огорченій не доставляетъ, но въ отдѣльности каждый пролетарій изъ рабочихъ, или еще хуже,—изъ „лѣвыхъ“, шатающихся безъ дѣла и опредѣленныхъ занятій, интеллигентовъ—существо до-нельзя непріятное. И каждому приходится жать руку, передъ каждымъ прикидываться добрымъ, неземнымъ титаномъ, каждому льстить, каждому оказывать услуги. А врачу, вѣдь, и безъ того приходится играть роль жалостливаго, участливаго къ своимъ паціентамъ, потому что реклама „внимательнаго врача“ даетъ большую практику. И все это жертвы, жертвы и жертвы! И за всѣ эти жертвы приходится зачастую приносить еще одну крупную жертву, которую нашъ врачъ назвалъ тюремнымъ крещеніемъ, потому что во многихъ странахъ, по какому-то непонятному недоразумѣнію, господъ лѣвыхъ, съ ихъ преступнымъ бредомъ, посылаютъ въ тюрьмы вмѣсто того, чтобы отправлять въ больницы или психіатрическія лечебницы. Чтобы избѣжать этого удовольствія, лѣвые и прибѣгаютъ къ хитрому маневру, называя себя безпартійными прогрессистами; вообще, какъ извѣстно, всѣ маніаки чрезвычайно хитры, и всякими способами стараются скрыть свои настоящіе планы и идеи. Правда, зачастую такіе маневры спасаютъ нашихъ героевъ отъ тюрьмы, но нѣкоторые какъ бы сами лѣзутъ въ тюрьмы; они какъ бы ищутъ этой жертвы, которая даетъ патентъ на испытаннаго и вѣрнаго борца за пролетаріатъ и сулитъ славу, почетъ и уваженіе со стороны того дитяти, которое можно убаюкать любой музыкой и даже тюремной. А сколько труда надо потратить и не допустить, чтобы, не дай Богъ, кто-либо не оказался тебя лѣвѣе. Какъ на аукціонахъ кричатъ: „кто больше?“, и идутъ надбавки по пятачку, по гривеннику, такъ каждый митингъ, съѣздъ,— вся эта политическая борьба, газетная стряпня, выборная кампанія —все это своего рода политическій аукціонъ, на которомъ возгласъ: „кто больше?“—замѣненъ возгласомъ: „кто лѣвѣе?“. Жизнь каждаго лѣваго—сплошное сидѣніе, какъ на иголкахъ,— какъ бы кто не обѣщалъ больше пролетаріату, или крестьянству, т.-е. не оказался бы лѣвѣе. Стоитъ кому-нибудь обѣщать пролетаріату журавля въ небѣ, какъ, откуда ни возьмись,—конкурентъ обѣщаетъ двухъ журавлей, третій кричитъ вслѣдъ за этимъ: „даю трехъ“ и т. д. Отсюда и пошли партіи октябристовъ, прогрессистовъ, кадетовъ, трудовиковъ, толстовцевъ, меньшевиковъ, большевиковъ, макси-

малистовъ, анархистовъ, футуристовъ и т. п. Отсюда и пошли выраженія: „лѣвый“, „лѣвѣе“, „крайній лѣвый“ и т. п.

Закончилъ нашъ ультра-лѣвый врачъ патетическимъ восклицаніемъ: „И послѣ сказаннаго, прогрессисты смѣютъ еще говорить о своихъ жертвахъ; развѣ послѣднія могутъ сравниться съ нашими жертвами? Вѣдь, ихъ жертвы несутся на алтарь расплывчатой, буржуазной свободы, наши же—всецѣло на алтарь благороднаго и великаго пролетаріата“.

VII.

Рѣчи домовладѣльца изъ кадетовъ, и врача изъ эсдековъ,—привели въ возбужденное состояніе фабриканта. Онъ воскликнулъ: „Бѣдняками двинулись мы на чужбину, на голодъ и холодъ, ежеминутно рискуя своей жизнью. Вокругъ насъ умирали, гибли, какъ мухи; многіе пали духомъ и вернулись съ полпути. Мы неустрашимо, путемъ лишеній, препятствій и невзгодъ шли впередъ, и нашъ тяжелый путь увѣнчался наградой. Кто посмѣетъ у насъ отнять плоды нашихъ трудовъ? Кто осмѣлится намъ указать, какое назначеніе дать плодамъ нашего труда, нашихъ рукъ, лишь бы оно не шло въ разрѣзъ съ существующими уголовными законами? Собственность, это—Богомъ и людьми освященная награда за предпріимчивость и трудъ. Собственность въ какомъ бы то ни было видѣ, и въ какомъ бы то ни было поколѣніи, потому что человѣкъ живетъ, трудится въ потѣ лица своего не только для себя, но и для семьи и потомковъ. Незачѣмъ собственность силой отнимать у негодныхъ потомковъ; судъ исторіи и законы природы сами отнимутъ то, что трудомъ же и предпріимчивостью не можетъ быть сохранено. Жизнь нормируется не желаніями, не отвлеченными теоріями человѣчества, а своими собственными законами, недоступными волѣ и рукѣ человѣческимъ. Отнимите силой у человѣка право на награду за трудъ, и вы нанесете смертельный ударъ человѣческой предпріимчивости, трудолюбію. Человѣкъ, человѣчество уподобятся кораблю безъ руля и безъ вѣтрилъ, несущемуся по безбрежному жизненному океану. Жизнь превратится въ то же ощущеніе безпомощности, полной апатіи къ труду, къ дѣятельности; съ опущенными руками, въ состояніи полной прострації, человѣчество пойдетъ по пути къ своей безславной гибели; корабль не сегодня-завтра ударится о первый встрѣчный подводный и даже надводный камень и пойдетъ ко дну.

Собственность покоится на незыблемомъ и вѣчномъ законѣ борьбы за существованіе; она вытекаетъ изъ него и неразрывно связана съ нимъ, будучи такъ же вѣчна и незыблема. Поэтому, наравнѣ съ закономъ борьбы за существованіе, она представляетъ основу и двигатель прогресса; ей,—другими словами, капиталистическому строю,—народы обязаны своей цивилизаціей, своей культурой; этому строю, вѣрнѣе—тѣмъ высокимъ моральнымъ и духовнымъ свойствамъ человѣка, которыя лежатъ въ основѣ капиталистическаго строя и вызываются имъ къ жизни, народы обязаны своей государственностью,

своей личной и общественной безопасностью, охраной порядка, жизни и имущества гражданъ, высоко развитой законностью, вообще—всѣми тѣми благами, которыми съ одинаковой готовностью пользуется каждый гражданинъ, будь то богачъ или бѣднякъ, будь то консерваторъ, или эсдекъ, или даже врагъ всякаго порядка—анархистъ. Уничтожьте собственность, сдѣлайте только спорнымъ право на собственность,—и въ мірѣ наступитъ анархія, произволъ, грабежи и разбои. Предпріимчивость, трудъ, энергія, таланты—будутъ въ загонѣ; наступитъ царство немощныхъ духомъ людей, способныхъ пользоваться только тѣмъ, что плохо лежитъ, и сильныхъ только въ массѣ, когда они дѣйствуютъ скопомъ. Вотъ почему собственность такъ охраняется вездѣ и повсюду, вотъ почему такъ карается воровство и даже покушеніе на кражу. Вотъ почему „воръ"—такая презрительная кличка, самая высшая обида, которую можно нанести человѣку. Вотъ почему такъ жестоки народные самосуды по отношенію къ ворамъ, конокрадамъ и т. п. Въ этой жестокости къ нимъ нельзя усматривать только скупость и жадность собственника; ожесточаются и при одномъ покушеніи на кражу, ожесточаются даже тѣ, которыхъ кража не коснулась; здѣсь, на первомъ планѣ, инстинктивное сознаніе, что воръ врагъ всему существующему строю, что онъ подкапывается подъ всѣ тѣ блага современной жизни, которыя человѣкъ достигъ путемъ неимовѣрныхъ тысячелѣтнихъ усилій.

Предпріимчивыхъ, трудолюбивыхъ людей въ мірѣ сравнительно мало, всего больше тунеядцевъ, охотниковъ къ легкому заработку, къ наживѣ на чужой счетъ, за чужой трудъ. И съ сотворенія міра на собственность производятся покушенія, съ сотворенія міра собственники борятся противъ этихъ покушеній. И если мы достигли такихъ высокихъ ступеней государственности и общественной безопасности, то благодаря тому, что побѣда оказалась на сторонѣ энергіи и отваги собственниковъ. И въ борьбѣ за существованіе, побѣда всегда останется за высокими моральными качествами, за трудомъ, энергіей,—словомъ, за жизненной правдой. И если говорить о классовой борьбѣ, то такая борьба,—но реальная, основанная на борьбѣ за существованіе,—дѣйствительно существуетъ: это—борьба между двумя классами: между предпріимчивыми, трудолюбивыми людьми и тунеядцами, попросту говоря, между собственниками и ворами,—другими словами, *между людьми, признающими собственность, какъ законную и благородную основу труда, и людьми, отрицающими необходимость труда и его основу—собственность.*

Когда же государственность достигла высокой степени развитія, когда условія существованія потребовали напряженія всѣхъ моральныхъ силъ, и природнымъ тунеядцамъ пришлось туго, а воровство стало весьма опаснымъ ремесломъ,—тогда на защиту тунеядцевъ и любителей чужого добра всталъ Карлъ Марксъ и создалъ свое преступное ученіе, въ которомъ произвольно и искусственно разбилъ человѣчество на два класса: имущихъ и неимущихъ или на буржуевъ и пролетаріевъ. Собственниковъ—людей порядка, силы воли, предпріимчивости, признающихъ собственность, какъ основу труда въ какомъ бы

то ни было поколѣніи, онъ назвалъ эксплоататорами, а людей, неодаренныхъ природными моральными и духовными качествами,—назвалъ эксплоатируемыми, и все перепуталъ: и термины и понятія. То, что раньше звалось воровствомъ,—то теперь зовется похвальной экспропріаціей у эксплоататоровъ; что звалось грабежомъ среди бѣла дня,—то зовется экономической забастовкой; что звалось буйствомъ помѣшаннаго,—то зовется политической забастовкой; что звалось разбойнымъ нападеніемъ,—то теперь зовется аграрнымъ движеніемъ. Вотъ почему-то, что когда-то звалось тунеядцемъ, бездѣльникомъ или воромъ,—зовется экспропріаторомъ; что звалось грабителемъ,—то зовется забастовщикомъ или соціалъ-демократомъ; что звалось разбойникомъ—то зовется трудовикомъ, эсеромъ или анархистомъ. Все это тоже покушеніе на собственность, которое такъ же старо, какъ старо мірозданіе; все это такъ же подрывается подъ существующій строй, все это стремится внести въ міръ анархію, произволъ, грабежи,—чтобы въ мутной водѣ рыбу удить, потому что мутная вода, это—стихія и сфера тунеядцевъ. На міръ, на человѣчество, на всю цивилизацію, созданную трудами, потомъ и кровью тысячелѣтій, наступаютъ грозныя рати современныхъ вандаловъ, несущихъ міру разрушеніе и гибель въ морѣ грабежей и разбоевъ.

Весь ужасъ въ томъ, что современные вандалы—въ маскахъ; злоупотребляя изобрѣтенными ими масками коммунизма, анархизма, соціализма, они свободно разгуливаютъ среди насъ, отравляя атмосферу, пользуясь не только терпимостью, но зачастую—почетомъ и уваженіемъ. Вѣдь, всякое преступное ученіе можно облагородить, всякое преступленіе можно объяснить высокими моральными мотивами. Можно оправдывать любую кражу—высокимъ религіознымъ побужденіемъ: все, молъ, отъ Бога, всѣ Его дѣти, и каждый можетъ пользоваться, чѣмъ угодно. Можно убійство богача объяснить желаніемъ принести на награбленные разбоемъ деньги пользу человѣчеству. А развѣ пытки и казни инквизиціи, и много другихъ историческихъ преступленій не объяснялись и не оправдывались моральными мотивами? И весь ужасъ въ томъ, что современные замаскированные грабители, свободно вращаясь среди насъ, гипнотизируютъ общество; въ понятіяхъ послѣдняго произошла тревожная, угрожающая перемѣна, какая-то переоцѣнка всѣхъ цѣнностей, наводящая на тяжелыя и грустныя думы. Благородство, честность, правда, отвага теперь уже не въ цѣнѣ и не въ модѣ; теперь почетъ и уваженіе покупаются только званіемъ соціалъ-демократа и вообще демократа. Честный и правдивый человѣкъ, если онъ отнесется только отрицательно къ ученію соціалъ-демократовъ и къ ихъ личности, вызоветъ общее глумленіе и ненависть; воръ, объявившій себя соціалъ-демократомъ, хотя бы даже демократомъ или прогрессистомъ, будетъ въ общемъ почетѣ. Если такихъ современной выдѣлки воровъ и грабителей приговариваютъ, по суду, къ наказанію, то сотни тысячъ рабочихъ бастуютъ, во всѣхъ газетахъ, обществахъ, съѣздахъ начинается травля судей и правительства, а все общество, само того не замѣчая, принимаетъ сторону грабителей, своихъ природныхъ враговъ. Число

членовъ этой воровской разбойничьей шайки все увеличивается; общество же въ своемъ безумномъ ослѣпленіи не только становится на сторонѣ своихъ же враговъ,—враговъ общества,—но ополчается противъ исконныхъ и истинныхъ друзей общественнаго порядка и общественной безопасности: противъ правительственной власти, администраціи и суда. Вотъ въ чемъ весь ужасъ, весь трагизмъ современнаго положенія; то общество, которое, въ борьбѣ съ тунеядцами, вѣковыми усиліями создало государственность, теперь въ союзѣ съ тунеядцами стремится на свою же погибель уничтожить государственность.

И какая неразбериха, какая путаница понятій! Если кто купилъ домъ,—живи спокойно и наслаждайся. Если кто врачъ, юристъ, директоръ банка, если, загребая тысячи, они живутъ въ свое удовольствіе, то покой—ихъ удѣлъ. А если они еще объявятъ себя прогрессистами или соціалъ-демократами, то, помимо того, почетъ и уваженіе—къ ихъ услугамъ. Но если ты пріобрѣлъ землю, то ты совершилъ колоссальную глупость, потому что земля принадлежитъ крестьянамъ, и тебѣ надо ее имъ раздать, иначе тебя силой принудятъ къ отчужденію земли. Мало того: эти прогрессисты изъ домовладѣльцевъ, директоровъ банка, нотаріусовъ, врачей—подъ флагомъ отчужденія земли, охотно будутъ дарить крестьянамъ то, что имъ не принадлежитъ, и такимъ путемъ будутъ разжигать преступные инстинкты тяготѣнія къ чужому добру. Никто даже не считается съ тѣмъ, что ты вложилъ въ землю и капиталъ, и трудъ, и знанія, и энергію, и жажду дѣятельности, и стремленіе поставить свое хозяйство на высокую степень. Никому нѣтъ дѣла до того, что земля —твоя собственность, такая же, какъ домъ у владѣльца, дипломъ у врача, надѣлъ у крестьянина; что каждый клочокъ тебѣ дорогъ, орошенъ твоимъ потомъ, что все, наконецъ, носитъ отпечатокъ твоего духа, твоего творчества.

И земля, кому бы она ни принадлежала, какъ бы она ни досталась: по наслѣдству ли, куплей ли—собственность и носитъ всѣ элементы собственности. Поэтому всякій, кому дороги начала общественности, порядка, государственности и законности, долженъ охранять землю, какъ собственность, отъ всякихъ покушеній на нее, какую бы кличку послѣднія не носили. Требованіе же раздѣла земли,— то, что лежитъ въ основѣ аграрнаго движенія, что составляетъ программу трудовиковъ и соціалистовъ, представляетъ замаскированное покушеніе на собственность со стороны замаскированныхъ грабителей. Но что же мы видимъ? Такъ называемая умѣренная оппозиція входитъ въ соглашеніе съ бандитами, съ легкимъ сердцемъ отдавая имъ то, что ей не принадлежитъ, и заигрывая съ ними, порой идя рука объ руку съ ними, все время воюетъ съ правительствомъ, которое взяло на себя тяжелую миссію борьбы съ грабителями, носящими благородную маску трудовиковъ, эсдековъ и вообще крайнихъ лѣвыхъ. Вся та же часть общества, которая благородно и самоотверженно стоитъ на стражѣ законности и порядка, та истинно патріотическая часть общества, которой дороги прошлое, настоящее

и будущее народа, и которая оказываетъ поддержку правительству,— эта часть на воровскомъ жаргонѣ клеймится кличками реакціонеровъ, зубровъ, черносотенцевъ. А легковѣрный, довѣрчивый, мало сознательный, да еще загипнотизированный русскій обыватель въ этой неравной борьбѣ принимаетъ сторону воровъ и грабителей. Начинаютъ колебаться и октябристы. Это еще полбѣды, — вѣдь, ихъ неустойчивость всѣмъ извѣстна, но неужели начнутъ колебаться и остальные? Вѣдь, велика сила моды и гипноза!..

Аграрныя движенія носили названіе аграрныхъ забастовокъ. Совпаденіе весьма знаменательное; аграрныя забастовки, сопровождавшіяся грабежомъ, поджогами и безсмысленнымъ вандализмомъ, представляются въ глазахъ всякаго незагипнотизированнаго лица грабежомъ, притомъ,—нисколько даже не замаскированнымъ. Неужели къ этому разряду относится и всякая забастовка? Неужели же всякій забастовщикъ ничто иное, какъ воръ и грабитель?

Вопросъ о забастовкахъ весьма сложный, и простое его разрѣшеніе затрудняется многими привходящими элементами. Съ точки зрѣнія права рабочихъ на орудія производства, какъ попытка облагородить грабежъ благороднымъ ученіемъ коммунизма, ясно изъ предыдущаго, что это смертельный ударъ предпріимчивости, что это— крахъ промышленности. Съ точки зрѣнія классовой борьбы... Но классовая борьба—выдумка Маркса. Между рабочими и фабрикантами, между приказчиками и купцами и т. п. идетъ обычная, какъ между людьми, борьба за существованіе; рабочій стремится стать фабрикантомъ, приказчикъ купцомъ, но не путемъ грабежа подъ фиговымъ листкомъ классовой борьбы, а путемъ труда, знаній, энергіи и т. п.; на почвѣ этой борьбы, идетъ постоянная смѣна положеній, состояній; вчера—купецъ или фабрикантъ, сегодня—приказчикъ или рабочій, а завтра опять купецъ или фабрикантъ. Это та благодѣтельная борьба, которая требуетъ напряженія всѣхъ моральныхъ и духовныхъ силъ, и въ которой въ конечномъ результатѣ перевѣсъ всегда будетъ на сторонѣ жизненной правды. Можно говорить еще о борьбѣ фабрикантовъ между собой или купцовъ между собой на почвѣ конкуренціи, т.-е. на почвѣ бо́льшей предпріимчивости, удешевленія производства, бо́льшихъ знаній и т. п., но это та же обычная борьба за существованіе; несомнѣнно, существуетъ борьба между самими рабочими на почвѣ выносливости, трудолюбія и другихъ обычныхъ факторовъ той же борьбы за существованіе. Но о какой классовой борьбѣ идетъ и можетъ итти рѣчь, это—секретъ полишинеля! Развѣ фабрики, магазины, разныя промышленныя предпріятія устраиваются съ цѣлью эксплоатировать рабочихъ, приказчиковъ, мастеровыхъ для того, чтобы вести съ послѣдними какую-либо борьбу? Открываютъ фабрику, дѣло для того, чтобы дать выходъ своей энергіи, предпріимчивости, своимъ знаніямъ, и хотя бы своему природному призванію; для того, чтобы имѣть работу, безъ которой жизнь—одно страданіе, для того, чтобы имѣть насущный кусокъ хлѣба, безъ котораго жить нельзя; вѣдь, не всякому суждено родиться эсдекомъ и

питаться однѣми бредовыми идеями. Съ кѣмъ, наконецъ, собирается бороться фабрикантъ, у котораго одинъ станокъ, на которомъ онъ же и работаетъ, или мелкій лавочникъ, у котораго товару на 50 руб., а заработка и того меньше, и который едва ли въ состояніи самъ прокормиться? *) И если эсдеки прожужжали уши о какой-то классовой борьбѣ, если они хотятъ увѣрить всѣхъ, что въ мірѣ идетъ борьба классовъ, то, очевидно, къ этой борьбѣ совершенно непричастенъ классъ фабрикантовъ, заводчиковъ, купцовъ, очевидно, эту борьбу ведутъ тѣ, которые кричатъ о ней, — другими словами, классовая борьба—ничто иное, какъ разбойное нападеніе организованныхъ пролетаріевъ, во главѣ съ эсдеками, на всѣхъ собственниковъ, фабрикантовъ, купцовъ и т. п., вообще, на всѣхъ признающихъ право собственности. **)

Или, можетъ быть, оправдывать забастовки, съ точки зрѣнія права рабочихъ на участіе въ прибыли предпріятія? Прежде всего, каждое предпріятіе — собственность, и не только потому, что въ него вложенъ капиталъ. Хотя, правду сказать, и съ этимъ элементомъ надо считаться, потому что каждый капиталъ, прежде всего, результатъ труда, а послѣдній, въ томъ или иномъ видѣ, является первоисточникомъ капитала. Поэтому, вкладывая капиталъ, вкладываютъ всю массу потраченнаго раньше труда, что, конечно, дѣлаетъ неоспоримымъ право на собственность. Но даже оставляя въ сторонѣ столь ненавистный демократамъ „капиталъ“, надо признать, что есть масса другихъ безспорныхъ элементовъ собственности; на первомъ платѣ — элементъ иниціативы. Примкнуть къ готовому, чужому предпріятію, да еще получать въ немъ прибыль—легко; вся трудность въ томъ, чтобы создать предпріятіе, быть его иниціаторомъ. Нужно обладать для этого массой моральныхъ преимуществъ. Трудно, конечно, изложить всю совокупность тѣхъ свойствъ, которыя требуются для проявленія иниціативы; эти свойства весьма разнообразны, число ихъ и

---

*) Весьма любопытно, за кого эсдеки прикажутъ считать такого фабриканта или купца: за буржуя или за пролетарія?... Изъ одного этого примѣра видна вся искусственность, вся фантастичность понятій: буржуй и пролетарій.

**) Классическій примѣръ такихъ іезуитскихъ пріемовъ представляетъ Германія, которая явилась создательницей „вооруженнаго міра“, которая на всѣ лады твердила, что всѣ народы вооружаются съ цѣлью напасть на нее, поэтому и ей, миролюбивому агнцу, приходится вооружаться и нести такіе расходы на вооруженіе. Оказалось, однако, что ни одинъ народъ, кромѣ этой самой миролюбивой и невинной Германіи, не имѣлъ агрессивныхъ поползновеній, никто не собирался на кого-либо нападать, и тѣмъ менѣе на Германію. Оказалось, что только Германія произвела разбойное нападеніе на остальныхъ, будучи иниціаторомъ ужасной міровой войны. Когда же разразилась война, то всѣмъ стало ясно, что никто о войнѣ не думалъ, никто къ войнѣ, по крайней мѣрѣ—наступательной, и не готовился; оказалось, что готова къ войнѣ и готовилась только Германія, которая все время твердила о войнѣ, замышляемой другими народами. Оказалось, что все это было уткой, пущенной для того, чтобы вооружаться и въ свое время совершить разбойное нападеніе; точно такъ же и «классовая борьба», это—утка, пущенная эсдеками для того, чтобы организоваться и производить разбойныя нападенія. Обращаетъ на себя только вниманіе, что родоначальницей, создательницей и той, и другой утки является Германія.

характеръ колеблются, въ зависимости отъ характера предпріятія, мѣстныхъ условій и т. п. Само собой разумѣется, необходимы опытъ, знаніе дѣла, а главное—необходимы любовь, призваніе къ дѣлу; необходимы рѣшимость, смѣлость, въ то же время осторожность и осмотрительность; необходимы наблюдательность, сообразительность, правильный разсчетъ и оріентировка во всемъ, что касается затѣваемаго дѣла; само собой, обязательны трудъ, энергія, организаторскія способности и т. п. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ надо посвятить мѣсяцы и годы предварительному изученію какой-нибудь отрасли, имѣющей то или иное отношеніе къ предпріятію, или—посвятить годы знакомству съ постановкой дѣла въ другихъ мѣстахъ или въ другихъ предпріятіяхъ. Словомъ, требуется масса условій, масса духовной энергіи для иниціативы; вѣдь, иной сидитъ на капиталахъ и ничего не предпринимаетъ, а другой безъ капитала создаетъ большое предпріятіе. Неужели же такой предприниматель не является собственникомъ своего дѣтища? Неужели онъ не воленъ распоряжаться въ своемъ предпріятіи на правахъ хозяина? Неужели кто-нибудь получаетъ право вмѣшиваться въ его распоряженія, въ постановку дѣла, хотя бы это даже былъ организованный пролетарій, или самъ... архи-эсдекъ? Впрочемъ, только у архи-эсдека хватитъ совѣсти и наглости примазаться къ чужому предпріятію и требовать себѣ участія въ прибыляхъ, когда онъ ни тѣломъ, ни душой не повиненъ въ организаціи предпріятія.

Но и дальнѣйшій успѣхъ предпріятія зависитъ отъ организаторскихъ способностей хозяина, отъ его знаній, отъ его умѣнья извлекать возможно больше продуктовъ производства,—словомъ, умѣлая постановка дѣла—половина успѣха. Необходимо найти рынки для продуктовъ производства, необходимо умѣнье во-время и выгодно ихъ сбыть. Всѣ эти сложныя условія гарантируютъ успѣхъ одного, неуспѣхъ другого предпріятія. Такимъ образомъ, размѣръ прибыли въ рѣшающей степени зависитъ отъ талантовъ, организаторскихъ способностей и умѣлаго веденія дѣла предпринимателя. Эта прибыль, слѣдовательно, та же собственность, она носитъ всѣ элементы собственности, и вправѣ распоряжаться ею собственникъ и только онъ. Имѣть притязанія на эту прибыль, равносильно покушенію на чужую собственность, потому что эта прибыль—результатъ не коллективнаго, а индивидуальнаго труда. Трудъ рабочихъ—трудъ пѣшекъ, трудъ механическихъ частей; и въ самомъ дѣлѣ: съ развитіемъ техники, число рабочихъ рукъ уменьшается, и можно представить себѣ предпріятіе, въ которомъ автоматически работаютъ однѣ машины; единственный живой человѣкъ въ немъ—самъ собственникъ. А развѣ кинематографъ не замѣняетъ громадный театръ съ массой дѣйствующихъ лицъ. Не прикажутъ ли эсдеки содержателю кинематографа дѣлиться съ дѣйствующими лицами экрана? А разъ прибыль предпріятія—безспорная собственность предпринимателя, то покушеніе на нее представляетъ такое же антигосударственное, антиобщественное явленіе, какъ и всякое покушеніе на собственность. Оно убиваетъ предпріимчивость, лишаетъ какой-либо иниціативы, тормазитъ развитіе промышленно-

сти. Въ самомъ дѣлѣ: какой смыслъ трудиться, тратить энергію, прилагать сложныя и разнообразныя усилія для поднятія прибыли въ своемъ дѣлѣ, разъ ты теряешь право ею распоряжаться, разъ этой прибылью будутъ пользоваться другіе,—другими словами, разъ продуктами твоего труда, твоею собственностью будутъ распоряжаться другіе. Вѣдь, трудъ тогда превращается въ сизифову работу, а, насколько извѣстно, нѣтъ ничего обиднѣе такой работы. И кому дороги народные и общественные интересы труда и правды, тотъ съ отвращеніемъ отшатнется отъ этого замаскированнаго покушенія на собственность, отъ воровства подъ фиговымъ листкомъ правъ угнетаемаго пролетаріата. Хозяинъ можетъ часть прибыли и всю ее удѣлить своимъ рабочимъ, въ видѣ поощренія за добросовѣстную службу, но это—его добрая воля, а насиловать добрую волю хозяина никто не имѣетъ права, иначе это—покушеніе на чужую собственность или, говоря житейскимъ языкомъ, форменная кража.

Помимо того, развѣ продажная стоимость продуктовъ производства зависитъ отъ доброй воли предпринимателя? Конечно, техническія усовершенствованія, разумная и экономная организація удешевляютъ производство, но при всѣхъ этихъ условіяхъ состояніе рынка и наличность конкуренціи нормируютъ цѣны. Отношеніе спроса къ предложенію играетъ, конечно, большую роль, но въ конечномъ результатѣ, наличность конкуренціи, свободная борьба за существованіе—нормируютъ цѣны, давая перевѣсъ предложенію надъ спросомъ и понижая продажную стоимость до минимума. Дать свободный выходъ энергіи, предпріимчивости—необходимо, а гдѣ энергіи хоть отбавляй, гдѣ предпріимчивости просторъ,—тамъ всегда предложеніе опередитъ спросъ, тамъ цѣна продуктовъ будетъ минимальная. Понятно, что къ энергіи, предпріимчивости, изворотливости предпринимателей предъявляются все большія и большія требованія, до которыхъ, повидимому, организованнымъ пролетаріямъ и дѣла нѣтъ. Цѣны, напр., на хлѣбъ нормируются въ значительной степени состояніемъ сельскохозяйственной культуры, введеніемъ машинной обработки и т. п. Дешевизна американскаго хлѣба понижаетъ цѣны на русскій хлѣбъ и требуетъ со стороны нашего землевладѣльца неимовѣрныхъ усилій, чтобы получить возможность конкурировать съ цѣнами американскихъ хлѣбовъ.

Прошу прощенія,—продолжалъ фабрикантъ,—я высказываюсь не съ точки зрѣнія теорій и объемистыхъ, въ нѣсколько фоліантовъ, ученыхъ трактатовъ, а съ простой житейской точки зрѣнія рядового обывателя. Въ минуту жизни трудную я всегда обращаюсь къ своему любимцу—умницѣ Крылову, и въ его мудрыхъ басняхъ и вѣковѣчныхъ изреченіяхъ почерпаю утѣшеніе и совѣтъ. И я, было, смутился; по вопросу о спросѣ, предложеніи, заработной платѣ и другихъ политико-экономическихъ мудростяхъ были написаны горы ученыхъ книгъ; объ этихъ книгахъ люди спорятъ годами, разбиваются на сотни партій,—и вдругъ объ этихъ предметахъ веду рѣчь я, профанъ, и не стѣсняюсь признаться, что веду, какъ профанъ, какъ

обыватель. И я въ ужасѣ хотѣлъ, было, бросить перо, но вспомнилъ басенку Крылова и его мудрѣйшее изъ мудрыхъ изреченіе: „а ларчикъ просто открывается...". Такъ вѣдь, объ этихъ самыхъ ученыхъ и говорилъ Крыловъ. Надо рѣшить самый простой вопросъ, и разрѣшается онъ просто, по-житейски; а ученый надѣнетъ очки, зароется въ ученыя книги, возьметъ счеты, всякую статистику прихватитъ, и этакъ и такъ вопросъ разсмотритъ; написалъ нашъ ученый мужъ трактатъ въ 100 томовъ, а вопросъ сталъ еще темнѣе, и когда люди прочитали книги, то еще меньше стали понимать, и каждый сталъ по своему понимать, и разбились они на партіи; вотъ откуда пошли партіи марксистовъ, нео-марксистовъ, большевиковъ, меньшевиковъ и всякаго сорта соціалистовъ, между тѣмъ... ларчикъ просто открывается. Позвольте же и мнѣ высказать ту простую, житейскую истину, что, помимо воли предпринимателя, цѣны на продукты производства, подъ вліяніемъ свободной конкуренціи, напряжены до высшей степени,—другими словами, эти цѣны максимальныя, а получаемая прибыль минимальная, и ясно, что всякое непредвидѣнное повышеніе стоимости производства можетъ поставить любое промышленное учрежденіе въ критическое положеніе. Вотъ эту истину я прошу твердо запомнить, потому что я къ ней вернусь въ другомъ мѣстѣ. Пока же скажу, что, устанавливая цѣны на продукты, предприниматели принимаютъ во вниманіе всѣ реальныя условія: стоимость сооруженія, вложенный капиталъ, цѣны на сырые продукты, число рабочихъ, заработную плату и т. п., но никто не принимаетъ и не можетъ принимать во вниманіе стихійнаго бѣдствія: пожара, грабежа и т. п. И пусть даже поджоги, грабежи станутъ повсемѣстнымъ и обычнымъ явленіемъ, все-таки, даже въ этихъ случаяхъ, каждый поджогъ, каждый грабежъ—стихійное бѣдствіе, и, какъ таковое, ставши заурядnымъ и обычнымъ, оно убиваетъ энергію и предпріимчивость, гибельно отражается на промышленности. А что такое забастовка, какъ не замаскированный грабежъ, потому что каждая забастовка наноситъ непоправимый ущербъ предпринимателю. Расходы идутъ, заказы не выполняются, сырые продукты гніютъ, а работа стоитъ. Губительное значеніе забастовокъ съ государственной и общественной точки зрѣнія становится яснымъ. Надо принять еще во вниманіе, что есть предпріятія крѣпкія и слабыя; послѣднія еле влачатъ существованіе, а конкуренція съ устойчивыми, богатыми предпріятіями имъ очень трудна, и гибельно отражаются забастовки, прежде всего, на этихъ маленькихъ, такъ сказать, пролетарскихъ предпріятіяхъ. Такъ что забастовка, даже съ точки зрѣнія пролетарской, должна вызвать всеобщее осужденіе. Такимъ образомъ, даже забывая о томъ, что каждая забастовка—ничто иное, какъ грабежъ, игнорируя даже интересы предпринимателей, подвергающихся грабежу, я имѣю право сказать, что каждая забастовка, какъ умышленно созданное стихійное бѣдствіе, по существу, является антигосударственнымъ и антиобщественнымъ преступленіемъ; покушаясь на энергію, предпріимчивость и трудъ, она покушается на собственность и подрывается подъ существующій строй. Нѣтъ экономическихъ забастовокъ, есть только

уголовныя преступленія. Какъ каждый воръ и грабитель, такъ каждый забастовщикъ, съ государственной и общественной точки зрѣнія,— уголовный преступникъ.

Но особенно охотно стараются оправдать забастовки идеей эксплоатаціи труда рабочихъ. Внѣ сомнѣнія, зависимое положеніе имѣетъ свои недостатки и крупные недостатки, по сравненію съ преимуществами хозяина. Если бы этой разницы не было, не было бы смысла въ трудѣ, не было бы основаній для предпріимчивости, для иниціативы. Это неравенство создано жизнью, неизмѣнными законами ея, и человѣкъ не въ силахъ измѣнить того, что зиждется на вѣчныхъ законахъ бытія и природы. Но та же жизнь даетъ человѣку благой совѣтъ: работай, трудись, не держи втунѣ своихъ моральныхъ и духовыхъ силъ и превратись въ хозяина. И пусть не думаютъ, что въ этой борьбѣ хитрость, ложь, аферы побѣждаютъ; побѣда отрицательныхъ элементовъ общества и человѣка—побѣда временная и непрочная. Въ борьбѣ за существованіе конечная побѣда всегда за высокими, моральными и духовными свойствами человѣка. И тотъ, кто игнорируетъ мудрый совѣтъ жизни и мнитъ превратиться въ хозяина легкими и преступными способами: кражами, грабежомъ и, скажу прямо, забастовками,—тотъ, конечно, наноситъ ущербъ своимъ жертвамъ, наноситъ ущербъ обществу и государству, но еще большій ущербъ онъ наноситъ себѣ. О томъ, что забастовки гибельны и вредны для самихъ же забастовщиковъ,— рѣчь впереди. О томъ же, что ни одинъ предприниматель не открываетъ дѣла для экплоатаціи подчиненныхъ,—рѣчь была выше; но развѣ, устанавливая заработную плату, онъ руководится эксплоататорскими помыслами и инстинктами? Вѣдь, эта плата находится въ зависимости отъ многихъ, независимыхъ отъ него самого, условій: отъ стоимости производства, отъ постановки дѣла, отъ условій сбыта и т. п. Но, главнымъ образомъ, размѣръ заработной платы опредѣляется *обычной* нормой оцѣнки труда, которая существуетъ въ этой мѣстности. Эта норма устанавливается вѣками, устанавливается молчаливымъ соглашеніемъ, и надо думать, что эта обычная норма наиболѣе справедливая, потому что она естественно вытекаетъ изъ совокупности всѣхъ мѣстныхъ условій: привычекъ населенія, его потребностей, склада жизни, обычаевъ, цѣнъ на продукты первой необходимости и т. п. Жизнь проходитъ мимо теорій и ученій, она регулируется въ каждой странѣ, въ каждой мѣстности тѣми обычаями, той психикой, которые присущи мѣстности. Отсюда—создается обычное или мѣстное право, которое, для данной мѣстности, лучше и справедливѣе всего регулируетъ взаимоотношенія всѣхъ слоевъ даннаго населенія. Тѣ или другія черты этого обычнаго права могутъ показаться дикими, нелѣпыми и даже преступными жителю другой мѣстности и—наоборотъ. Но нелѣпо и даже преступно будетъ вмѣшательство въ это мѣстное право. Къ такому вмѣшательству вполнѣ примѣнима мудрая поговорка: „въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не лѣзутъ“. Интернаціоналка есть ничто иное, какъ такое именно нелѣпое и преступное вмѣшательство. Обычное право лучше и справедливѣе всего нормируетъ также и отношенія между работ

никами и хозяевами; создаются обычныя, патріархальныя отношенія, вполнѣ удовлетворяющія и ту, и другую сторону. Но есть еще сила, которая оказываетъ весьма благодѣтельное вліяніе на взаимоотношенія хозяевъ и служащихъ; эту силу я назвалъ бы *хозяйской психикой*. Эта психика учитъ хозяина, что сытый, одѣтый, имѣющій достаточный отдыхъ и, вообще, довольный служащій работаетъ усердно, добросовѣстно, преданъ хозяину и его интересамъ; эта же психика учитъ рабочаго, что добросовѣстное исполненіе обязанностей заслужитъ достойную оцѣнку со стороны хозяина, будетъ вызывать какъ повышеніе заработной платы, какъ повышеніе по службѣ, такъ вообще довѣріе хозяина и его стараніе улучшать положеніе преданнаго ему служащаго. Эта психика, въ связи съ обычнымъ правомъ, —словомъ, реальные и естественные интересы хозяевъ и рабочихъ вѣрнѣе и справедливѣе охранятъ рабочаго, чѣмъ совершенно посторонніе интересы непрошенныхъ совѣтниковъ изъ эсдековъ и трудовиковъ. Могутъ измѣниться потребности, могутъ измѣниться тѣ или другія мѣстныя условія, и, въ связи съ ними, естественно и нормально измѣнятся оплата труда и другія нормы рабочаго быта. Скажемъ, если жены рабочихъ, занимавшіяся домашнимъ хозяйствомъ, начнутъ поголовно заниматься исключительно игрой на „фортепьянахъ“, а для работъ по хозяйству будутъ нанимать прислугу, то, конечно, увеличится размѣръ заработной платы: рабочему придется брать сверхъ-урочныя работы и т. п. Словомъ, во внутреннихъ отношеніяхъ хозяевъ и рабочихъ, въ нормировкѣ заработной платы, рабочаго дня и т. п. никакое вмѣшательство со стороны не можетъ имѣть мѣста. Наоборотъ, нѣкоторое чисто-внѣшнее вмѣшательство, притомъ исключительно со стороны государства, необходимо. Необходима охрана здоровья рабочихъ и населенія, для чего вводится санитарный надзоръ; необходима, въ видѣ фабричнаго надзора, охрана безопасности работъ; необходимо вообще рабочее законодательство для обезпеченія правильности разсчетовъ, для обезпеченія рабочихъ во время старости и болѣзни. Вотъ та узкая сфера, которая подлежитъ вмѣшательству государства, на началахъ справедливости, въ обоюдныхъ интересахъ рабочихъ и хозяевъ, но и въ интересахъ государства и промышленности. Вмѣшательство же во внутреннія отношенія, въ права, такъ сказать, хозяйскія—недопустимо, безъ ущерба для принципа собственности,—другими словами, безъ ущерба государственности, безъ подрыванія подъ существующій строй. Въ упомянутой хозяйской психикѣ рабочіе найдутъ себѣ достаточную защиту. И если вспомнить старину, то въ этихъ патріархальныхъ отношеніяхъ хорошо жилось и чувствовалось и хозяину, и служащему. Все создано было самой жизнью, и если бывали изъяны, то они постепенно, самой жизнью, безъ ломки и переворотовъ устранялись бы. Конечно, могли попадаться хозяева, которые вносили элементы явной несправедливости, противорѣчившей хозяйской психикѣ, но объ исключеніяхъ не говорятъ, тѣмъ болѣе, что измѣна хозяйской психикѣ, несомнѣнно, отражалась отрицательно на интересахъ самихъ хозяевъ. Правда, при всѣхъ этихъ условіяхъ, жизнь рабочихъ куда менѣе привѣтлива жизни хозяевъ, но... каждый кузнецъ своего

счастья—таковъ неумолимый законъ борьбы за существованіе. Измѣнится правосознаніе рабочихъ, подымется ихъ идеологія, повысятся ихъ требованія и, естественно, измѣнится хозяйская психика, и также, естественно, измѣнится къ лучшему положеніе ихъ служащихъ, но оно должно улучшаться именно въ естественныхъ и реальныхъ условіяхъ и потребностяхъ. Искусственное же и насильственное, не вызванное реальными потребностями, измѣненіе взаимоотношеній нисколько не подыметъ правосознанія рабочихъ, оно, наоборотъ, развратитъ ихъ моральную психику и вызоветъ къ жизни самые низменные ихъ инстинкты.

Если такъ призрачны и преступны разсмотрѣнные нами мотивы забастовокъ, то еще менѣе утѣшительную и прямо-таки ужасающе-преступную картину даютъ забастовки, если разсмотрѣть ихъ глубже, по существу и всесторонне.

Прежде всего, забастовка вноситъ деморализацію въ трудовое начало и въ психику рабочихъ; нѣтъ надобности добиваться улучшенія своего положенія трудомъ, добросовѣстностью, аккуратностью, честностью, знаніемъ дѣла, когда можно улучшить свое положеніе забастовкой,—другими словами, легчайшимъ въ мірѣ способомъ—*ничегонедѣланіемъ*; брось работу—и тебѣ безъ малѣйшихъ, съ твоей стороны, усилій, полетитъ въ ротъ манна небесная. Теряется разница между хорошимъ и плохимъ работникомъ; забастовка всѣхъ уравниваетъ, и забастовщикъ безъ труда добивается того, что раньше требовало и усилій, и усидчивости, и извѣстныхъ моральныхъ цѣнностей. Вѣдь, это—походъ противъ природы, противъ законовъ, созданныхъ Божественнымъ Промысломъ и ведущихъ только къ добру. Это—могила для энергіи, труда, для предпріимчивости; это—царство тунеядцевъ. Забастовки и ихъ логика стремятся вернуть насъ къ временамъ послѣдняго издыханія Рима, къ классическому крику римской черни: „хлѣба и зрѣлищъ!“, къ крику, погубившему Римъ. Одного этого сознанія достаточно, чтобы уразумѣть, какое это великое государственное, народное и общественное преступленіе—забастовка, чтобы уразумѣть, что каждый забастовщикъ преступникъ, врагъ общества.

Что же такое забастовка, по существу? Да форменный грабежъ или, выражаясь по-модному,—форменная экспропріація съ традиціоннымъ возгласомъ: „руки вверхъ!“. Что забастовка—насиліе, кто же будетъ въ этомъ сомнѣваться; это признаютъ сами забастовщики, предъявляя при забастовкахъ *требованія*. Требованіе — требованію рознь: есть требованія законныя и требованія незаконныя. Несомнѣнно, требованія забастовщиковъ незаконны, такъ какъ это—требованія чужого добра, это—посягательство на самое священное право, на право хозяйское, на право собственника. Если оправдывать требованія забастовщиковъ, если видѣть въ нихъ какой-либо намекъ на законность, то надо быть послѣдовательнымъ и отвергнуть всякую собственность и, наоборотъ, признать, что никто не имѣетъ права распоряжаться своимъ имуществомъ,—словомъ, уничтожить собственность, право на него и право наслѣдованія. А вѣдь, требованія за-

бастовщиковъ, это—именно посягательство на право собственника, и я убѣжденъ,—да въ этомъ никто и не будетъ сомнѣваться,—что тотъ же забастовщикъ, который съ такимъ легкимъ сердцемъ покушается на чужое добро, на чужое право, расправился бы судомъ Линча съ каждымъ, кто покусился бы на его имущество или на его право собственника.

Пока требованія являются посягательствомъ только на право собственника,—какъ, напримѣръ, вывозъ неугоднаго рабочимъ мастера на тачкѣ,—ихъ можно еще квалифицировать просто какъ озорство, какъ хулиганство. Но есть требованія, посягающія на карманъ собственника,—какъ требованія увеличенія заработной платы, уменьшенія рабочаго дня,—ясно, что эти требованія представляютъ собой ничѣмъ не прикрытое покушеніе на дневной грабежъ. Но грабежъ грабежомъ, однако, есть нѣчто въ забастовочномъ грабежѣ, что придаетъ ему особый отпечатокъ; это—именно обстановка этого грабежа. Гдѣ грабежъ, тамъ насиліе; но насиліе забастовочнаго грабежа характерно не для грабежа, а именно—для экспропріаціи, съ ея традиціоннымъ возгласомъ: „руки вверхъ!“. Въ обыкновенномъ грабежѣ есть доля риска, отваги; грабитель не маскируется, и жертва имѣетъ возможность защищаться, призывать на помощь. Экспропріаторъ является въ видѣ кліента, покупателя, и когда вы заняты дѣломъ, ничего не подозрѣвая, въ это время вдругъ появляется блескъ стального дула и крикъ: „руки вверхъ!“. У каждой двери стоитъ экспропріаторъ съ револьверомъ. Всѣ выходы и входы закрыты; вы, будучи въ полной силѣ, лишены возможности защищаться, звать на помощь. Васъ ограбили, но ограбили недостойнымъ пріемомъ, и, помимо сожалѣнія объ ограбленныхъ деньгахъ, у васъ остается еще тяжелый осадокъ, какъ будто надъ вами еще поиздѣвались. Не то ли забастовка? Къ вамъ забираются, подъ видомъ рабочихъ или служащихъ, и когда вы ничего не подозрѣваете, вдругъ раздается крикъ: „руки вверхъ!“, но револьверы замѣняетъ другое оружіе, которое и зовется забастовкой; дѣло въ полномъ ходу, расходы идутъ, имѣются срочные заказы, которые безъ громадныхъ убытковъ нельзя отсрочить, а тутъ рабочіе бастуютъ. Развѣ предприниматель не чувствуетъ себя въ такомъ положеніи, какъ будто онъ, съ поднятыми руками, стоитъ передъ дуломъ револьвера? Каждый день забастовки приноситъ ему громадные убытки, предпріятію вообще грозитъ крахъ, вслѣдствіе потери кліентовъ. А рабочіе не бьютъ, не убиваютъ,—они только бастуютъ, т.-е. приставили дуло револьвера къ твоему виску, потому что предприниматель лишенъ возможности защищаться; гдѣ взять рабочихъ, да еще пріученныхъ къ дѣлу? Да если бы даже такіе нашлись, то ихъ не пустятъ на работу, какъ штрейкбрехеровъ,—другими словами, не только крикнули „руки вверхъ!“, и приставили дуло револьвера къ груди, но еще заперли всѣ выходы и входы. Что же дѣлать? Приходится поднять руки и предоставить свои карманы грабителямъ. Тутъ тотъ же элементъ издѣвательства: ограбили, надругались надъ твоимъ правомъ собственника, но называютъ это не грабежомъ, а забастовкой. Такъ развѣ не ясно, что забастовка—та же экспропріація? И не-

правда, что экспропріація—изобрѣтеніе русское и имѣетъ всего десять лѣтъ отъ роду; это тоже нѣмецкое изобрѣтеніе и изобрѣтателемъ его былъ Карлъ Марксъ, и звалась она только въ Германіи забастовкой; нѣмецкая забастовка и явилась родоначальницей русской экспропріаціи.

Экспропріація, носящая названіе забастовки, удалась; хозяину пришлось удовлетворить требованія рабочихъ. Но какую пертурбацію это вноситъ въ хозяйскую психику. Представьте себѣ человѣка, живущаго на склонѣ огнедышащей горы, ежеминутно грозящей затопить лавой окрестность и не разъ уже уничтожавшей все попадавшееся на пути. Развѣ этотъ человѣкъ будетъ предпринимать что-либо, или будетъ создавать что-либо постоянное, когда онъ знаетъ, что каждую минуту плоды его трудовъ могутъ рухнуть? То же ощущеніе неизбѣжнаго стихійнаго бѣдствія, полной своей безпомощности, зависимости отъ воли другихъ долженъ испытывать каждый предприниматель въ настоящее время, когда къ извѣстнымъ уже стихійнымъ бѣдствіямъ присоединилось еще одно, еще болѣе ужасное, потому что оно зависитъ отъ человѣка и можетъ ежеминутно и безпрерывно вамъ грозить; это бѣдствіе зовется свободой забастовокъ. Въ отношеніи свободы обычнымъ экспропріаціямъ, представляющимъ менѣе опасный видъ грабежа, повезло менѣе, чѣмъ забастовкамъ. Вначалѣ, когда экспропріаціи касались только банковъ, казначействъ общество относилось къ нимъ добродушно; но когда экспропріаціи стали распространяться въ ширь и въ глубь, проникая въ самыя мелкія предпріятія общество завопило, и экспропріаціямъ наступилъ естественный конецъ. Но,—увы!—къ забастовкамъ, къ самому худшему, самому опасному виду экспропріацій, общество до сихъ поръ относится сочувственно. Только этимъ можно объяснить, что забастовки все разростаются и пользуются все большей и большей свободой, на зло и на несчастье того же общества. Я уже достаточно говорилъ—и не буду повторять,—что забастовки представляютъ самое ужасное государственное и общественное зло, подкапываясь подъ собственность, подъ право собственности.

Понятно теперь, что классовой борьбы нѣтъ, а есть только разбойное нападеніе, экспропріація со стороны организованнаго пролетаріата. Крикъ: „пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!“, не есть вопль отчаянія, не есть бодрящій крикъ къ взаимопомощи, не есть благородный призывъ къ самозащитѣ. Это призывъ не къ организаціи для благородныхъ цѣлей или къ организаціи самозащиты, а къ организаціи разбойныхъ нападеній, къ организаціи легализованныхъ грабежей. Свобода забастовокъ—легализація замаскированныхъ грабежей. Клички и призывы затемняютъ только истинныя цѣли и служатъ только для замаскированія истинныхъ побужденій. Увы! Очарованію кличекъ, громкихъ фразъ поддаются всѣ, безусловно всѣ; отъ гипноза не спасаетъ ни умъ, ни возрастъ, ни образованіе *). Обнаживъ истинный смыслъ

*) Нельзя находиться подъ гипнозомъ кличекъ и терминовъ. Германія призывала только къ вооруженному миру, а, на самомъ дѣлѣ, все время готовилась къ разбойному нападенію. Но этотъ призывъ, терминъ «вооруженный міръ» всѣхъ гипнотизировалъ.

забастовки, выяснивъ, что, по существу, она представляется родной сестрой и даже родоначальницей экспропріаціи, долженъ, однако, сказать, что въ основѣ забастовки лежитъ элементъ еще болѣе преступный, еще менѣе терпимый. Экспропріаторъ приходитъ со стороны, онъ ничѣмъ не связанъ съ своей жертвой, онъ ей даже неизвѣстенъ. Экспропріаторъ же изъ забастовщиковъ входитъ предварительно въ извѣстныя близкія отношенія къ своей будущей жертвѣ, подъ видомъ рабочаго входитъ съ ней даже въ устное или письменное соглашеніе, благодаря чему входитъ въ полное довѣріе къ жертвѣ. Соглашеніе это, совершенно добровольное, вполнѣ законное и въ основѣ забастовочной экспропріаціи лежитъ измѣна слову, измѣна соглашенію. Общество въ этомъ случаѣ проявляетъ удивительную близорукость; то самое общество, которое измѣну своему слову считаетъ однимъ изъ наименѣе моральныхъ поступковъ, а измѣну своему слову изъ-за денежныхъ разсчетовъ считаетъ самымъ неблаговиднымъ мошенничествомъ,— это самое общество прощаетъ такого мошенника, если только онъ присвоитъ себѣ кличку забастовщика. А вѣдь, забастовщики прижимаютъ хозяина къ стѣнѣ, заставляютъ его поднять руки и вывернуть карманы, пользуясь только этимъ возмутительнымъ поступкомъ, измѣной своему слову, измѣной добровольному соглашенію. Но, вѣдь, этотъ поступокъ носитъ въ себѣ всѣ элементы провокаціи. Виды, формы провокаціи разнообразны, но каждая провокація заключаетъ въ себѣ одну общую для всѣхъ черту: умышленное вовлеченіе кого-либо въ предпріятіе, къ явной невыгодѣ этого лица. Безразлично, будетъ ли это притворная дружба, притворная партійность, притворное соглашеніе; безразлично, выразится ли невыгода, вслѣдствіе доноса, вслѣдствіе измѣны слову или соглашенію, или это завѣдомо невыгодное предпріятіе съ самаго начала,—словомъ то, что въ общежитіи зовется *подвохомъ*. Провокація и есть подвохъ. Фальшь и предательство, заключающіяся въ понятіи провокаціи, дѣлаютъ это преступленіе наиболѣе омерзительнымъ. Однако, стоитъ это преступленіе назвать забастовкой, и мы не только не возмущаемся, но, наоборотъ, благородному рыцарю—забастовщику жмемъ руку, собираемъ для него деньги, даемъ ему возможность грабить и провоцировать ad libitum, и вообще возносимъ его до небесъ. Честность, вѣрность слову, благородство,—вообще, всѣ старинныя „консервативныя“ добродѣтели,— теперь въ загонѣ; теперь въ модѣ провокація подъ фиговымъ листкомъ „забастовки“. Каждый забастовщикъ, это—Азефъ. Азефы родятъ Азефовъ; вотъ откуда пошли Азефы. Призывъ: „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“, означаетъ: „Провокаторы всѣхъ странъ, соединяйтесь въ международную шайку соціалъ-демократовъ!“ Отвага, правда, благородство одиноко шествуютъ по міру, не нуждаясь въ поддержкѣ. Предательство, ложь, провокація ищутъ себѣ поддержки. Хорошее, честное дѣло каждый ведетъ на свой рискъ; разбойники, грабители собираются въ организованныя шайки. Но любое преступленіе можетъ быть предпринято и въ одиночку, забастовка же—единственное въ мірѣ преступленіе, которое требуетъ дѣйствія обязательно скопомъ, и это обстоятельство дѣлаетъ это преступленіе самымъ преступнымъ, наиболѣе отвратительнымъ. Весьма понятно, почему? Если бы вопросъ

шелъ, дѣйствительно, о тяжелыхъ условіяхъ службы и работы, то каждый рабочій имѣетъ возможность обратиться къ хозяину съ просьбой объ измѣненіи этихъ условій и, въ случаѣ отказа, честно, благородно оставить службу. Многіе оставляютъ службу такимъ путемъ, не совершая никакого преступленія, не вызывая остановки въ работѣ. Но забастовщики службы не оставляютъ, всѣ тяжелыя условія службы—выдуманный предлогъ; они только бастуютъ,—другими словами, прекращаютъ работу. Вотъ для этого преступленія необходимо обязательно дѣйствіе скопомъ, потому что въ этомъ преступленіи есть элементъ, не свойственный ни одному изъ видовъ преступленій и свойственный только забастовкѣ; этотъ-то элементъ дѣлаетъ забастовку наиболѣе омерзительной, наиболѣе анти-общественнымъ преступленіемъ: каждое преступленіе требуетъ подготовки, во всякомъ случаѣ, затраты извѣстнаго труда, извѣстной энергіи; забастовка, наоборотъ, требуетъ *полнаго отдыха*, *полнаго покоя*. Не ясно ли, что такое преступленіе—самое жестокое, самое омерзительное. Жизнь забастовщика не жизнь, а рай,—рай Магометовъ. Говорятъ, что самый пріятный сонъ для лѣниваго хохла, это—дерево, на которомъ растутъ галушки; подъ деревомъ лежитъ хохолъ, и галушки ему прямо въ ротъ падаютъ. Забастовка—сонъ хохла на яву. Отдыхай, кейфуй; гуляй по улицѣ, съ красными флагами, играй на гармоникахъ, распѣвай интернаціоналку, и галушки сами будутъ тебѣ въ ротъ летѣть. Просто волосы дыбомъ встаютъ при мысли, какую деморализацію, какой развратъ вносятъ забастовки въ психику общества, въ великія начала общественности и государственности. Впрочемъ, забастовки совсѣмъ не современная выдумка; крикъ римскаго пролетаріата: „хлѣба и зрѣлищъ!"—былъ той же забастовкой, носилъ въ себѣ всѣ элементы современной забастовки. Этотъ крикъ былъ предвѣстникомъ гибели древняго Рима; онъ явился на почвѣ римскаго вырожденія, а, появившись на свѣтъ, онъ способствовалъ дальнѣйшему вырожденію и гибели Рима. О, Россія далека отъ такого вырожденія! Забастовки—искусственный продуктъ русской жизни, это—заморское тепличное растеніе, пересаженное на русскую почву. Оно еще не успѣло пустить корней въ жизни; надо вырвать его поскорѣе съ корнемъ. Забастовка—одинъ изъ симптомовъ morbus Gordoni; нѣтъ экономическихъ забастовокъ, а есть только государственное и общественное преступленіе, и къ борьбѣ съ забастовками, съ забастовщиками я призываю общество. Повторяю, каждый забастовщикъ—преступникъ, врагъ государства и общества *).

---

*) Война раскрыла тайну, смыслъ забастовокъ. Бывало, диву даешься, почему такъ часто бастуютъ Путиловскій, Обуховскій заводы,—тѣ именно заводы, дѣятельность которыхъ такъ нужна для обороны страны. Война раскрыла провокаторскую дѣятельность Германіи во всѣхъ отрасляхъ жизни другихъ странъ. Размѣръ этой провокаціи трудно даже всецѣло себѣ уяснить; многія тайны ея навсегда останутся похороненными; можно только подозрѣвать, что Русско-Японская война, и все такъ называемое освободительное движеніе было дѣломъ провокаторскихъ рукъ Германіи. Вся соціалъ-демократическая партія въ Германіи, вся ея показная парламентская жизнь, съ дробленіемъ на партіи, была мистификаціей, для того, чтобы пускать пыль въ глаза, для того, чтобы провоцировать другія страны и вызывать въ нихъ парламентскія бредни и соціальное движеніе. Все это ослабляло сосѣднія страны, въ то

Но мало того: каждая забастовка—преступленіе противъ каждой отдѣльной личности. Прошу вспомнить ту вышеприведенную простую истину, что цѣны на продукты производства, подъ вліяніемъ конкуренціи, напряжены до крайности, и каждое увеличеніе стоимости производства отражается исключительно на продажной стоимости продуктовъ, соотвѣтственно ее повышая. Ищутъ причинъ дороговизны жизни, когда самая значительная, а, можетъ быть, и единственная причина—непрекращающіяся забастовки. Въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ были забастовки, продукты обязательно поднялись въ цѣнѣ; но и въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ не было забастовокъ, продукты даннаго производства должны были подняться въ цѣнѣ, потому что многіе другіе продукты поднялись въ цѣнѣ; заработной платы не хватаетъ на жизнь рабочимъ; приходится даже безъ забастовокъ повысить заработную плату, потому что положеніе рабочихъ нормируется справедливѣе всего обычнымъ правомъ, въ томъ числѣ и измѣненіемъ цѣнъ на предметы необходимости. Такимъ образомъ, забастовки широкой волной разлились по Россіи; оклады рабочихъ и служащихъ повысились вдвое-втрое, а положеніе рабочихъ осталось прежнимъ, если не худшимъ, потому что жизнь стала втрое-вчетверо дороже. Забастовки бьютъ не фабрикантовъ, а только рабочихъ, забастовочные удары—удары только рикошетные. Забастовки бьютъ каждаго обывателя, которому тяжело стало жить въ этой ужасающей дороговизнѣ жизни. Забастовки на руку только эсдекамъ, которые создали эти забастовки; они радуются, какъ авторъ своей книгѣ, какъ художникъ—созданной имъ картинѣ, какъ дьяволъ радуется каждому дьявольскому дѣлу. Забастовки—дѣло рукъ эсдековъ—представляютъ вовлеченіе рабочихъ и общества въ явно и завѣдомо небыгодное предпріятіе, и представляютъ поэтому сплошную и форменную провокацію со стороны эсдековъ. Каждый эсдекъ—Азефъ. Азефы—родятъ Азефовъ. Вотъ откуда пошли Азефы.

Но если забастовки представляютъ самое ужасное и омерзительное преступленіе, какъ противъ государства, такъ и противъ основныхъ элементовъ морали, какъ противъ общества, отдѣльныхъ его членовъ, такъ и противъ самихъ рабочихъ, то что же представляютъ изъ себя бастующіе рабочіе и сочувствующее забастовкамъ общество? Тамъ, гдѣ мнѣ приходится рѣшать простой житейскій вопросъ жизни, я всегда обращаюсь къ дѣдушкѣ—Крылову, и нахожу у него спе-

---

время, какъ въ Германіи шла сосредоточенная, объединенная работа по оборонѣ страны, по ея подготовкѣ къ наступленію. Теперь никто не сомнѣвается уже, что большинство забастовокъ въ Россіи вызвано германскими интригами и провокаціей. Господа русскіе эсдеки, трудовики и организованные пролетаріи, подъ руку съ нашими прогрессистами, играли только на руку Германіи,—безъ боя отдавали родину въ руки злѣйшаго ея врага. Особенно тяжелый и буйный характеръ приняли забастовки передъ войной; Германія, повидимому, усиленно агитировала среди легкомысленнаго и мало-сознательнаго русскаго пролетаріата. Но разсчеты ея оказались ошибочными, потому что построенное на лжи и неправдѣ построено на пескѣ и жизнью, реальными жизненными интересами будетъ сметено. Война вызвала къ жизни именно такіе интересы, и все навѣянное, все искусственное, все ложное сдула и смела. Пусть же этотъ урокъ исторіи послужитъ на будущее время путеводной звѣздой и для легковѣрныхъ рабочихъ, и для безумныхъ эсдековъ, и для нашихъ безпочвенныхъ интеллигентовъ.

ціально на этотъ случай приготовленную басенку, весьма популярную, подъ заглавіемъ: „Свинья подъ дубомъ". Собственность, законное право собственности,—другими словами, существующій капиталистическій строй, это—корень того дерева, на которомъ пышно растутъ плоды современной государственности: охрана личности и имущества, законность, всѣ культурныя пріобрѣтенія и т. п. Подкапываясь подъ корень, подрываясь подъ священныя основы собственности, въ погонѣ за благами жизни, духовно и умственно ослѣпленные люди не видятъ, что они уничтожаютъ дерево, которое несетъ эти блага. И вотъ эту-то духовную и умственную слѣпоту провокаторы-эсдеки зовутъ „сознательностью". Званіе „сознательный рабочій", это—поощрительный призъ, нѣчто вродѣ ордена Почетнаго Легіона, выдаваемый за сочувствіе соціалъ-демократическимъ бреднямъ и забастовкамъ. Это—ловкій провокаторскій маневръ эсдековъ, и на удочку „сознательности" попадаются многіе рабочіе. Но какая однобокая, какая легковѣсная и легко достающаяся сознательность; необходимо только сознать, что не надо работать, и тогда галушки сами въ ротъ полетятъ. О, эта сознательность пріобрѣтается быстро и пріобрѣтается именно тѣми, которые умственно отстали, морально пали и духовно слѣпы,—именно тѣми, у которыхъ ни слѣда истинной сознательности! Эсдековская сознательность, это—полная атрофія какой бы то ни было сознательности. Это—сознательность знаменитой Крыловской свиньи подъ дубомъ. Каждый „сознательный" рабочій, какъ и каждый эсдекъ,—опасный и преступный членъ общества. Какъ противъ каждаго опаснаго дегенерата, такъ и противъ каждаго „сознательнаго" рабочаго изъ эсдековъ, общество и государство должны принять радикальныя мѣры. Эсдековъ, сознательныхъ рабочихъ и забастовки—создали нѣмцы, на отраву народной психики, на деморализацію общества и на гибель народовъ всего міра, для болѣе вѣрнаго порабощенія ихъ нѣмцами. Нужно только удивляться близорукости общества, которое въ забастовщикѣ не видитъ обыкновеннаго бандита, нужно только удивляться добродушію, съ которымъ оно на своей груди отогрѣваетъ эсдековскую змѣю.

Отъ забастовокъ страдаютъ: государство, народъ, общество, каждый обыватель и каждый рабочій; въ выигрышѣ только эсдеки, трудовики, безпартійные прогрессисты, всѣ эти издатели, редакторы и сотрудники газетъ, всѣ члены разныхъ обществъ,—словомъ, вся та безпартійно-прогрессивная компанія, которая способна только ловить рыбу въ мутной водѣ забастовокъ, и прогрессивность которой широко открываетъ членамъ ея двери и теплыя мѣста во всѣхъ общественныхъ, земскихъ, городскихъ и даже правительственныхъ учрежденіяхъ.

О, легковѣрный, сбитый съ толку обыватель! Ты злорадствуешь при каждой забастовкѣ, ты радуешься затрудненіямъ правительства и собственниковъ, для тебя это только пріятное зрѣлище, и тебѣ преподносятъ это зрѣлище; ты широко отъ удовольствія разинулъ ротъ, а въ это время къ тебѣ залѣзаютъ въ карманъ. И когда я вижу соціалъ-демократа или трудовика, слышу шаги кадета или го-

лось забастовщика, я кричу: „берегите карманы!“ Когда выходитъ въ свѣтъ безпартійно-прогрессивная газета, все равно какое бы названіе она не носила: „Волжскій ли Край“ или „Собачій Лай“, или что-нибудь въ этомъ родѣ, когда для этой газеты выписываютъ изъ столицы спеціалиста, когда я вижу газетчика съ туго набитымъ портфелемъ прогрессивно-демократическихъ газетъ, — я каждый разъ кричу: „берегите карманы!“ Когда я слышу, что пріѣзжаетъ лекторъ Народнаго Университета, когда открывается общество борьбы съ какими-либо вѣтряными мельницами, когда общество охраненія народнаго здравія устраиваетъ передвижную выставку, и выписываетъ для нея спеціалиста,—да еще такого лектора, какъ оно выписало,—когда это же или другое общество устраиваетъ спектакль, лоттерею или день какого-либо цвѣтка, когда я вижу на улицахъ нарядную толпу сборщиковъ и сборщицъ,—я каждый разъ кричу: „берегите карманы!“ — Все это, вѣдь, пахнетъ забастовками.

О, милый обыватель! Ты любишь правду, ты жаждешь правды, ты слышишь сладкозвучные голоса сиренъ, онѣ поютъ о любви, о добрѣ, о правдѣ, ты заслушиваешься, вѣришь имъ, у тебя духъ захватываетъ отъ умиленія и счастья, а въ это время... къ тебѣ залѣзаютъ въ карманъ. О, сдѣлай одолженіе мнѣ и себѣ, не будь ротозѣемъ и береги карманы!

Большимъ козыремъ въ рукахъ соціалъ-демократовъ являются событія на Ленскихъ пріискахъ, которыя почему-то окрестили Ленской забастовкой. Но, вѣдь, такъ называемая ленская забастовка къ забастовкамъ вообще, и къ соціалъ-демократіи въ частности, никакого отношенія не имѣетъ. Здѣсь также имѣло мѣсто вовлеченіе въ невыгодную сдѣлку, было и насиліе, но не со стороны рабочихъ, а со стороны пріисковой администраціи. Людей завлекли въ глубь сибирской тайги, поставили въ ужасныя условія работы и жизни и закрѣпостили, не давая возможности рабочимъ вернуться на родину. Ленская забастовка отнюдь не была забастовкой со стороны рабочихъ; это былъ крикъ отчаянія людей, запертыхъ въ клѣтку на муки и терзанія; рабочіе и не думали бастовать, т.-е., оставаясь на службѣ, бросать работу съ цѣлью производить насиліе; они оставляли службу, они молили только объ одномъ, чтобы ихъ вернули или дали возможность вернуться на родину. Это не была забастовка, это не была борьба съ фабрикантами или заводчиками, это былъ протестъ противъ насильниковъ; это было уголовное преступленіе со стороны администраціи пріисковъ, и оно глубоко и одинаково возмутило всѣхъ. Именно поэтому соціалъ-демократы постарались его использовать въ своихъ интересахъ, объявивъ справедливый протестъ рабочихъ забастовкой и элементомъ классовой борьбы. Такія преступленія совершаются на каждомъ шагу, завлекаютъ русскихъ рабочихъ на работы и въ Америку, и въ Канаду, и даже въ Западную Европу, и жестоко эксплоатируютъ ихъ, пользуясь ихъ безпомощностью. Это—самое обыкновенное уголовное преступленіе, самое заурядное мошенничество, жертвой котораго могутъ стать и рабочіе другихъ странъ, и вообще каждый обыватель, и тѣ же фабриканты

и заводчики. Если же г.г. организованные пролетаріи повсемѣстно воспользовались случаемъ для того, чтобы бастовать по поводу ленскихъ событій, то они изобрѣли очень удобный способъ не работать годами, потому что такія преступленія совершаются ежечасно, ежеминутно. Газеты и вслѣдъ за ними общество и демократы всѣхъ оттѣнковъ обвиняли правительство, мѣстную администрацію въ томъ, что не только не приняли мѣръ для защиты ленскихъ рабочихъ, но приняли ихъ за революціонеровъ и подвергли разстрѣлу. Несомнѣнно, правительство было введено въ заблужденіе; несомнѣнно, оно глубоко огорчено тѣмъ, что произошло, и его огорченіе—не чета тѣмъ крокодиловымъ слезамъ, которыя проливаютъ соціалъ-демократы и ихъ союзники всякихъ лѣвыхъ партій и оттѣнковъ; для послѣднихъ—все это только поводъ мутить и будировать общество, создавать затрудненія правительству, провоцировать рабочихъ и... въ мутной водѣ рыбу удить,—попросту говоря: залѣзать въ карманы къ обывателямъ. Но я отнюдь не виню мѣстныя административныя власти, а тѣмъ менѣе правительство. Прошу вспомнить разсказъ про пастуха, который, въ шутку, нѣсколько разъ подымалъ ложную тревогу, будто волкъ напалъ на стадо. Когда же волкъ, дѣйствительно, напалъ на стадо, то крики пастуха товарищи приняли за ту же шутку и не явились на помощь. Забастовки, съ легкой руки эсдековъ, стали у насъ заурядымъ несчастьемъ, вся ихъ фактивная мотивировка, преступный агитаціонный характеръ и вся ихъ преступная основа—очевидны для всякаго здравомыслящаго человѣка; немудрено, что и крики отчаянія ленскихъ рабочихъ были приняты за забастовку, за ту же милую шутку пастуха, тѣмъ болѣе, что и газеты, и эсдеки всячески называли эти событія забастовкой; немудрено, что, въ отвѣтъ на крики о помощи, раздались выстрѣлы, немудрено потому, что наступитъ время и общество также придетъ къ заключенію, что на забастовщиковъ надо смотрѣть, какъ на самыхъ вредныхъ и преступныхъ бандитовъ. Когда же разразились событія, то не эсдекамъ и организованнымъ пролетаріямъ надо было бастовать, во имя протеста, а пора было запротестовать всему здравомыслящему обществу и объявить „забастовку“ противъ забастовокъ и забастовщиковъ; пора выйти изъ апатіи и подать руку помощи правительству въ его одинокой борьбѣ съ бандитами, скрывающимися подъ маской эсдековъ, организованныхъ пролетаріевъ и забастовщиковъ.

Но что же представляютъ изъ себя политическія, студенческія забастовки, если даже экономическія забастовки представляются уголовнымъ преступленіемъ, актомъ варварскаго вандализма? Само собой разумѣется, что это—тотъ же варварскій вандализмъ; но если экономическая забастовка имѣетъ за собой какія-либо реальныя основанія, то политическія забастовки лишены и этого утѣшенія. Если грабятъ изъ-за денегъ, убиваютъ для грабежа или изъ мести и тому подобныхъ реальныхъ причинъ, то эти преступленія все-таки осмысленны. Но представьте себѣ, что кто-либо бѣжитъ, съ оружіемъ въ рукахъ, и ранитъ, убиваетъ всякаго встрѣчнаго-поперечнаго безъ

малѣйшаго повода съ ихъ стороны; несомнѣнно, всякій скажетъ, что это былъ приступъ буйнаго помѣшательства; и это мнѣніе еще болѣе укрѣпится, если свои дикіе поступки извергъ объяснитъ тѣмъ, что его разозлила жена, или обидѣла теща, и что, на зло имъ, онъ сталъ бить и убивать всякаго, кто попадется подъ руку. Къ этому разряду безсмысленнаго вандализма относятся и такъ называемыя политическія забастовки. Вѣдь, каждая забастовка—грабежъ, дикое преступленіе противъ фабриканта и, вообще, предпринимателя, противъ общества, противъ каждаго обывателя, противъ самаго забастовщика, который является орудіемъ въ чьихъ-то варварскихъ рукахъ и въ чьихъ-то безсмысленныхъ интересахъ; и если этотъ грабежъ ни въ чемъ неповинныхъ людей производится для того, чтобы выразить какой-то протестъ, или потому, что кого-то обидѣли, или для того, чтобы принудить правительство къ тому, чтобы оно дало то, чего оно не въ силахъ дать, или чего оно, въ интересахъ обывателя, дать не можетъ и не должно, или, наконецъ, просто потому, что Чхеидзе чихнулъ, а у Керенскаго на языкѣ наростъ образовался,—то что это иное, какъ не припадокъ буйнаго помѣшательства?! Причемъ тутъ обыватели, причемъ тутъ предприниматели? Причемъ тутъ государство, общество, народъ,—интересамъ которыхъ каждая забастовка также наноситъ ущербъ? Всѣ преступные элементы, присущіе забастовкѣ, вдесятеро усиливаются въ политической забастовкѣ, благодаря полной безсмысленности ея.

Но неужели тебѣ, обыватель, не надоѣстъ все время пугливо оглядываться по сторонамъ, все время держаться за карманы? Достаточно, чтобы общество отнеслось отрицательно къ забастовкамъ, не оказывая имъ поддержки и сочувствія, и онѣ исчезнутъ сами собой. Каждый соціалъ-демократъ, это—атаманъ разбойниковъ; воздай ему по заслугамъ—и онъ притихнетъ. Каждая рабочая газета—воровской, разбойничій притонъ; закрой эти газеты—и ты разрушишь разбойничьи гнѣзда. Вообще, для того, чтобы избавить міръ отъ господства и тираніи соціалъ-демократовъ, достаточно притти къ сознанію, что всѣ эти новые термины и клички: соціалъ-демократъ, трудовикъ, эсеръ, анархистъ, забастовка, экспропріація, пролетарій, буржуй, организованный пролетаріатъ, сознательный рабочій, рабочая пресса, классовая борьба, профессіональный союзъ и т. п.—все это только современный воровской жаргонъ. Какъ только маска будетъ сорвана съ лица эсдековъ и забастовщиковъ, какъ только будетъ сознана ихъ истинная роль, а званіе соціалъ-демократа будетъ не почетомъ, а позоромъ, такъ вся эта темная рать тунеядцевъ, какъ въ воду канетъ,—закончилъ свою тираду фабрикантъ.

Слово было за мной, какъ за арбитромъ. Надо сказать правду: я внимательно слушалъ рѣчь фабриканта и съ полнымъ сочувствіемъ отнесся къ его жестокой критикѣ соціальныхъ бредней и классовой борьбы. Его мысли совершенно совпадали съ моими. Но я иду дальше: я не только отрицаю классовую борьбу, но даже сословную борьбу признаю искусственной, какъ сословную борьбу; сословные интересы выступаютъ лишь тогда, когда они задѣваютъ интересы чисточеловѣческіе; сословная борьба тогда цѣликомъ совпадаетъ съ общей

борьбой за существованіе. Тѣмъ менѣе реальныя основанія имѣетъ партійная борьба, будутъ ли это партіи крестьянъ, мѣщанъ, торгово-промышленная, рабочая и т. п., будутъ ли это партіи всевозможныхъ политическихъ оттѣнковъ, отъ крайнихъ правыхъ до крайнихъ лѣвыхъ. Въ мірѣ, дѣйствительно, происходитъ борьба, но только двухъ классовъ; но эти классы различаются и рѣзко различаются не по искусственнымъ и случайнымъ свойствамъ, сословнымъ привилегіямъ, состоянію, званію, политическимъ самозваннымъ кличкамъ и т. п., а по тѣмъ реальнымъ природнымъ отличительнымъ свойствамъ, которыя присущи каждому классу. Эта борьба ведется съ сотворенія міра, и въ этой борьбѣ, быть можетъ, смыслъ нашей человѣческой жизни,—той жизни, которая доступна нашему кругозору, т.-е. въ предѣлахъ той яичной скорлупы, въ которой мы вертимся, какъ въ заколдованномъ кругу. Эта борьба—всецѣло въ предѣлахъ дарвиновской борьбы, но элементами ея служатъ не грубыя физическія и даже духовныя свойства, а нѣчто болѣе высокаго порядка и менѣе уловимое. Это—борьба двухъ началъ, но началъ реальныхъ, имѣющихъ основу въ человѣческой натурѣ. Глашатаи классовой борьбы, носители соціальныхъ бредней являются яркими представителями одного начала, которое я назвалъ бы началомъ зла. Торжество другого начала будетъ торжествомъ добра. Задачей моей брошюры и является изложеніе этихъ свойствъ въ извѣстной сферѣ—политически государственной; но эти свойства сказываются и въ другихъ сферахъ, изслѣдованіе которыхъ будетъ предметомъ другихъ моихъ брошюръ, если Богъ дастъ мнѣ силу и здоровье, и не отниметъ у меня разума, и благословитъ мой трудъ. Пока дамъ два-три примѣра, какъ эти начала претворяются въ человѣкѣ. Одинъ идетъ за жизнью, другой хочетъ опередить жизнь; одинъ идетъ по землѣ, другой ныряетъ въ облакахъ; одинъ питается хлѣбомъ, если онъ голоденъ и ничего другого нѣтъ, другому подавай манну небесную, иначе онъ предпочтетъ умереть съ голода и другихъ уморить; если одинъ входитъ въ домъ обычнымъ удобнымъ человѣческимъ способомъ, т.-е. черезъ дверь, то другой не признаетъ другого способа, какъ только влетать черезъ каминную трубу. Летать, это—мечта другого, хотя бы на аэропланѣ; но какъ только изобрѣли аэропланы, то они уже опротивѣли ему, какъ капризному ребенку игрушки, и онъ будетъ летать только съ колокольни, внизъ головою, и будетъ разбивать себѣ и другимъ головы. Ему мило только то, чего нѣтъ въ мірѣ, и чего никогда не можетъ быть.

Если для добыванія куска хлѣба одинъ работаетъ въ потѣ лица своего, то другой стремится добывать себѣ средства къ существованію самыми легкими, хотя бы даже преступными способами. Представители начала зла всѣ одержимы morbus Gordoni, это—интеллигенты, представители всякихъ политическихъ партій; всѣ, особенно—лѣвые парламентаріи, всѣ газетчики и ихъ читатели, всѣ члены разныхъ обществъ и ихъ почитатели, всѣ лекторы Народнаго Университета и ихъ слушатели, либералы изъ земцевъ и весь третій элементъ, всѣ санитарные врачи и ихъ поклонники и т. п.

VIII.

Въ наличности борьбы за существованіе, со временъ Дарвина никто ужъ не сомнѣвается; всякій признаетъ благодѣтельное значеніе этого фактора въ смыслѣ отбора и подбора. Эта борьба, хотя и не сознаваемая самимъ человѣкомъ, ведется безпрерывно на почвѣ реальныхъ человѣческихъ особенностей—физическихъ и духовныхъ. Въ этой борьбѣ человѣкъ принимаетъ участіе, какъ индивидъ, какъ самостоятельный животный организмъ. Но, помимо этой, всѣми признанной борьбы за существованіе, есть, по моему мнѣнію, въ человѣчествѣ еще одинъ типъ борьбы за существованіе,—типъ, несомнѣнно, реальный,—борьбы народной, и въ этой борьбѣ человѣкъ принимаетъ непосредственное участіе, но не въ качествѣ самостоятельнаго организма, а только какъ клѣтка народнаго организма.

Народъ—тотъ же организмъ и имѣетъ много общаго съ организмомъ человѣческимъ, но имѣетъ и свои своеобразныя особенности, такъ какъ цементъ, склеивающій народъ въ одно цѣлое—чисто духовный, и зовется онъ духовной связью. Многіе даже отрицаютъ народность, интернаціональный же соціализмъ въ числѣ другихъ стремится совершить величайшее преступленіе: уничтожить народность. Если бы я не боялся забѣжать далеко впередъ, я бы тутъ же сказалъ: соціализмъ народности не уничтожитъ, но тотъ народъ, въ которомъ соціализмъ пустилъ глубокіе корни и достигъ большого расцвѣта, близокъ, дѣйствительно, къ гибели, находится наканунѣ своей смерти, сколько бы вѣковъ ни совершалось умираніе народа*). Народность характеризуется многими признаками: территоріей, государственностью, исторіей, языкомъ, религіей, литературой, цивилизаціей, культурой и т. п. Все это—признаки внѣшніе, участвующіе въ созданіи народности; часть ихъ можетъ не быть, часть можетъ утратиться, какъ территорія, государственность,—тѣмъ не менѣе народъ продолжаетъ существовать, какъ нѣчто собирательное, какъ организмъ съ опредѣленными духовными свойствами; мы вполнѣ реально говоримъ о народномъ сознаніи, о народномъ характерѣ, народной душѣ, народной мысли и т. п. Вотъ эта душа народа цѣликомъ отражается въ религіи, языкѣ, литературѣ, цивилизаціи и т. п. и, въ общей совокупности, создаетъ народный ор-

*) Впрочемъ, какъ показала великая мировая война, весь этотъ раздутый интернаціоналъ оказался пуфомъ, нелѣпымъ фарсомъ. Члены этой международной шайки аферистовъ забыли, что у нихъ якобы одинъ врагъ: буржуи, и, подъ руку съ буржуями, боролись и боролись реально съ пролетаріями другого народа. Такъ жизнь, природа, однимъ росчеркомъ пера разрушаетъ всѣ нелѣпыя ученія, всѣ бредовыя представленія. Интернаціоналъ—утопія, бредъ, противный природѣ и ея законамъ. Если классовая борьба реальна, она должна быть таковой при всѣхъ условіяхъ; но стоило прогремѣть боевому кличу, какъ каждый почувствовалъ себя тѣмъ, что онъ есть, т.-е. человѣкомъ и только человѣкомъ, сыномъ своего народа. Такъ жизнь своимъ реализмомъ, своей правдой рушитъ всѣ идолы. Каждый, измѣнивъ своему Богу—соціализму, прикрывался фиговымъ листкомъ правды, но то обстоятельство, что къ этому способу прибѣгли соціалисты всѣхъ воюющихъ народовъ, указываетъ, что прикрывали только стыдъ отступленія, крахъ идеала.

ганизмъ, аналогія котораго съ человѣческимъ организмомъ во многихъ случаяхъ поразительная. Какъ извѣстно, клѣтки нашего тѣла постепенно умираютъ и замѣняются новыми, и человѣческій организмъ, черезъ извѣстный періодъ времени, обновляется; тѣмъ не менѣе, человѣкъ остается тѣмъ, что онъ былъ; не измѣнился онъ, не измѣнились ни физическія, ни духовныя свойства его. Точно также умираютъ люди, клѣтки народнаго организма; цѣликомъ и періодически обновляется весь народный организмъ, а народъ не исчезаетъ, онъ остается тѣмъ же, съ тѣми же неизмѣнными духовными свойствами. Есть въ народномъ организмѣ и органы: есть органы мысли, есть руки, какъ органы физическаго труда, и т. п.; эти народные органы, конечно, нельзя сравнить съ органами человѣческаго организма; нельзя сказать, что у народа есть мозгъ, руки, ноги, органы слуха, обонянія и другіе органы человѣческіе; у народа—свои органы; есть органы административные, судебные, законодательные, но можетъ быть, и даже вѣрнѣе, что эти официальные органы не являются органами народными, не соотвѣтствуютъ имъ; но, несомнѣнно, каждый человѣкъ родится со своимъ призваніемъ; иной—государственный умъ, иной—политикъ, иной—писатель, другой—ораторъ; кто—по призванію врачъ, кто—учитель, кто—художникъ, кто—механикъ, кто—слесарь, кто—купецъ, кто—земледѣлецъ и т. п. Каждая группа сродныхъ по призванію клѣтокъ народнаго организма, исполняетъ для народа опредѣленную функцію, ту или иную спеціальную работу. Эта разнообразная работа народныхъ клѣтокъ и органовъ и создаетъ то разнообразіе жизни, ту высокую степень цивилизаціи, благами которой мы пользуемся. Это разнообразіе лежитъ въ основѣ того капиталистическаго строя, который стоитъ поперекъ горла соціалистамъ. Но, вѣдь, чѣмъ сложнѣе дифференціація, чѣмъ больше органовъ,—тѣмъ разнообразнѣй работа, тѣмъ организмъ выше по своему строенію, по интенсивности и качеству своей работы. Ясно, что ученіе соціализма, требующее соціальнаго равенства, это—самое реакціонное стремленіе превратить народный организмъ въ первобытное состояніе, въ комокъ первобытной и однообразной плотоплазмы. И это преступное, реакціонное ученіе преподносятъ, какъ послѣднее слово цивилизаціи, какъ послѣдній крикъ прогресса! Какъ запутаны понятія, какъ трудно въ нихъ разобраться, и какъ легко сбить съ толку легковѣрнаго, малосознательнаго обывателя! Быть форменнымъ реакціонеромъ и называть себя самымъ передовымъ, даже крайнимъ лѣвымъ,—вѣдь, это равносильно тому, чтобы бѣлое называть чернымъ. И читатель еще много разъ будетъ имѣть случай убѣждаться, что я правъ былъ, утверждая, что газеты въ состояніи загипнотизировать и заставить бѣлое называть чернымъ и—наоборотъ.

Пока человѣческій организмъ живъ, каждая клѣтка жива; а живая, она работаетъ, питается, отдыхаетъ, плодится, размножается, борется за свое существованіе, испытываетъ наслажденія, страданія, быть можетъ, создаетъ ученія, быть можетъ, воображаетъ, что она

ведетъ какую-то классовую борьбу, и она гибнетъ и умираетъ, совершенно не подозрѣвая, что она исполняла лишь ту или иную функцію для человѣка. Если она еще надѣлена сознательностью, то и ей, въ ея яичной скорлупѣ, можетъ казаться, что она въ состояніи измѣнить свою жизнь, создать въ человѣческомъ организмѣ, по своему желанію, соціальное равенство, республику и т. п. И только намъ со стороны видно, что она имѣетъ опредѣленное назначеніе, на которое обречена до конца дней своихъ, и что клѣтка организма, и всѣ въ совокупности—безсильны что-либо, по своему желанію, измѣнить въ жизни и работѣ человѣческаго организма. Точно также и клѣтка народнаго организма,—этотъ гордый человѣкъ, царь природы, всю жизнь питаясь, утоляя жажду, отдыхая, работая, совершенствуясь, любя, наслаждаясь, страдая, борясь за свое существованіе, создавая ученія, мечтая, по своему желанію, вверхъ дномъ перевернуть жизнь народовъ и человѣчества, и, умирая,—совершенно не сознаетъ, что онъ все время для народа и человѣчества выполнялъ какую-то функцію, о которой онъ и не подозрѣвалъ; все же, что происходило, происходитъ и произойдетъ въ жизни человѣческой, происходитъ по законамъ, измѣнить которые не въ силахъ человѣческихъ. Вотъ та яичная скорлупа, вотъ тотъ заколдованный кругъ, о которыхъ я говорилъ выше. Представимъ себѣ, что кто-либо изъ мертвыхъ, не дожившихъ до изобрѣтенія пара, по мановенію волшебства, воскресъ и очутился бы вдругъ внутри одного изъ современныхъ заводовъ. Онъ слышитъ стукъ и шумъ, видитъ движеніе колесъ, переливаніе воды, движеніе вала и т. п.; причины этого онъ не видитъ; онъ придетъ къ заключенію, что каждый элементъ обладаетъ собственной живой силой, что каждое колесо можетъ двигаться, куда ему угодно; что всѣ части завода, по желанію, могутъ стать на мѣсто другъ-друга. Къ такому же заключенію можетъ прійти каждая часть, каждый атомъ заводскихъ машинъ, если онѣ обладаютъ сознательностью. И посѣтитель, и каждая часть завода были бы, съ своей точки зрѣнія, правы, потому что они разсуждали бы съ точки зрѣнія той яичной скорлупы—въ данномъ случаѣ, тѣхъ заводскихъ стѣнъ, внутри которыхъ они заключены. Но стоило бы только заглянуть въ паровое отдѣленіе, находящееся внѣ завода, чтобы понять, что есть осмысленная сила, которая приводитъ въ движеніе всѣ части завода, сообщаетъ имъ закономѣрность и цѣлесообразность, и что сами по себѣ—ни одинъ элементъ, ни одна заводская часть не въ состояніи создать или измѣнить что-либо въ заводской работѣ. Вотъ въ такомъ же жалкомъ положеніи находится человѣкъ среди мірозданія, и также ничтоженъ, невѣжественъ и безуменъ тотъ, кто отрицаетъ Божественный Промыслъ и Божественную цѣлесообразность міра.

Народъ проходитъ черезъ тѣ же періоды дѣтства, юности и возмужалости, черезъ тѣ же физіологическія болѣзненныя состоянія роста; подверженъ болѣзнямъ наравнѣ съ человѣческимъ организмомъ. На зарѣ народной жизни люди вдругъ заволновались: начались междоусобицы, братъ пошелъ на брата. Современники объ-

яснятъ вамъ событія терпимой обидой; они горятъ жаждой мести, жаждой наживы за счетъ обидчика; потомки назовутъ эти событія удѣльнымъ періодомъ, а, на самомъ дѣлѣ, это, былъ, быть можетъ, періодъ прорѣзыванія молочныхъ зубовъ у народа,—другими словами, это было совершенно нормальное физіологическое явленіе, неизбѣжное для народа въ глубокомъ дѣтствѣ. Или забѣгали люди, заволновались, бросились другъ на друга, дерутся не на жизнь, а на смерть, кровь льется рѣкой. Современники, участники событій, тоже будутъ говорить объ обидахъ, они чувствуютъ эти обиды; потомки устами историковъ назовутъ событія смутнымъ временемъ, а, на самомъ дѣлѣ, это было какое-нибудь болѣзненное состояніе, быть можетъ, нѣчто вродѣ маляріи или брюшного тифа, при которыхъ въ организмѣ человѣческомъ появляется жаръ, клѣтки также начинаютъ волноваться, начинается ихъ интенсивная, какъ говорятъ въ медицинѣ, работа: идутъ въ организмѣ человѣческомъ форменные бои съ непріятелемъ и между собой; кровь тоже льется рѣкой, клѣтки гибнутъ массами; имъ тоже кажется, что онѣ терпятъ обиды и обиды личныя, и, воюя съ обидчикомъ, умирая или побѣждая, онѣ совершенно не подозрѣваютъ, что онѣ спасаютъ человѣка отъ брюшного тифа.

Начались на Западѣ религіозныя войны; люди гибли тысячами, и, сражаясь, умирая или побѣждая, они были увѣрены, что они борятся за вѣру, за догматы и обряды религіозные, а, на самомъ дѣлѣ, народы готовились и держали экзаменъ на аттестатъ зрѣлости, вступали на путь самобытнаго развитія. Или—у человѣка нелады съ желудкомъ; постоянныя, какъ говорятъ, революціи въ желудкѣ; и все потому, что часть клѣтокъ кричитъ, волнуется, бѣгаетъ съ красными флагами, строитъ баррикады, а человѣкъ болѣетъ. Посадили человѣка на строгую діэту. Правда, кое-кому изъ клѣтокъ пришлось туго: многимъ пришлось вести нормальную, спокойную жизнь, и имъ это не нравилось; одни кричали: „это крѣпостное право!“ *), другіе кричали: „это усиленная охрана!“, между тѣмъ, это

*) Я врагъ всякаго насилія; далеко не многимъ такъ чуждо насиліе, какъ моей душѣ. Уваженіе къ человѣку, уваженіе къ чужой личности,—это, по моему мнѣнію, высшая мораль жизни, именно—жизни, реальной жизни; мораль, подсказанная, такъ сказать, здравымъ смысломъ. Надо уважать не только чужую свободу, но надо цѣнить человѣка, которому дорога своя свобода. Но я говорю объ *истинной* свободѣ, а что я понимаю подъ такой свободой, я въ своемъ мѣстѣ поясню. Вѣдь, „свободъ“ много, и, чтобы не быть голословнымъ, я только спрошу: развѣ можно уважать свободу экспропріаціи, свободу взяточничества, свободу хулиганства и т. п.? Становится яснымъ, что при всемъ уваженіи къ свободѣ, при всемъ отвращеніи къ насилію, приходится во многихъ случаяхъ прибѣгать именно къ насилію, въ интересахъ той же человѣческой личности, той же истинной свободы. Ясно, что свобода сама по себѣ, свобода внѣ жизни, свобода, какъ отвлеченное понятіе,—звукъ пустой. Развѣ можно дать свободу буйному помѣшанному, угрожающему безопасности и жизни окружающихъ? Неужели уваженіе къ отвлеченной свободѣ, къ понятію „свобода“, къ звуку пустому, у человѣка должно быть выше, чѣмъ уваженіе къ жизни человѣческой? Охраняя свободу вообще, даже въ буйномъ помѣшанномъ, мы, очевидно, не охраняемъ совершенно жизни человѣческой. Избѣгая насилія надъ буйнымъ помѣшаннымъ, мы, очевидно, потворствуемъ насилію его надъ другими.

была, всего-на-всего, правда, строгая, но необходимая и благодѣтельная діэта.

У человѣка паразитарная язва или наростъ. На мѣстѣ язвы—жаръ,воспалительный процессъ; клѣтки терпятъ обиды, волнуются; клѣточные нервы взвинчены; сознаніе клѣтокъ помутилось; онѣ начинаютъ бредить, быть можетъ, создавать ученія соціализма, анархизма; образуютъ партіи, борятся, воюютъ, падаютъ и умираютъ. Если такая язва появится у народа, клѣтки-люди будутъ кричать о классовой борьбѣ, другія будутъ бредить борьбой за конституцію, между тѣмъ—это только симптомъ заразной болѣзни, зависящей отъ особой бактеріи, хотя бы bacillus Gordoni, потому что, признаюсь, вновь открытая мною болѣзнь бываетъ не у людей, а у народовъ.

Человѣка укусилъ комаръ,—на мѣстѣ укуса образуется волдырь. И появляется ли ученіе Толстого, или ученіе соціалъ-демократовъ, раздается ли безсвязная лекція Гредескула, Григорія Петрова—я спокоенъ; я знаю, что это для народа все равно, что укусъ комара или

Или развѣ мы дадимъ свободу ребенку, развѣ мы, въ интересахъ же ребенка, не употребимъ насилія и такимъ путемъ, во многихъ случаяхъ, развѣ не сохранимъ здоровье и жизнь ребенку. И насиліе, какъ отвлеченное понятіе, внѣ жизни—звукъ пустой.

А что такое крѣпостное право, какъ не насиліе. Всякое лишеніе свободы есть насиліе, есть крѣпостное право. Для вора судья, приговаривающій его къ тюрьмѣ, это—крѣпостникъ, насильникъ. Но, вѣдь, насиліе, крѣпостное право заложено въ самой природѣ, въ жизни. Мы, напр., знаемъ, что среди насѣкомыхъ есть цѣлыя группы, которыя природой, жизнью предназначены быть рабами, какъ другія—крѣпостниками. Случаевъ такого природнаго насилія, природнаго паразиста мы имѣемъ немало и въ растительномъ, и въ животномъ царствѣ. Мало того: одни насѣкомыя такъ созданы, что могутъ питаться только насѣкомыми, также создано много животныхъ; наконецъ, хищные звѣри и птицы могутъ питаться только мясомъ и вынуждены поѣдать звѣрей. Кто такое природное насиліе можетъ поставить кому-либо въ вину, кто можетъ клеймить его крѣпостнымъ правомъ?

А развѣ въ жизни того звѣря, который зовется человѣкомъ, мало этихъ природныхъ элементовъ насилія, разъ онъ долженъ питаться животной пищей, разъ онъ долженъ защищать свое тѣло отъ холода, или въ своихъ передвиженіяхъ и работахъ долженъ пользоваться силой животныхъ. И если я вижу вола, покорно подставляющаго свою шею подъ ярмо, то развѣ у меня является негодованіе противъ господина? У меня, наоборотъ, одно презрѣніе къ рабу. Еще Моисей, во времена библейскія, велѣлъ клеймить каждаго, кто предпочитаетъ свободѣ добровольное рабство. И развѣ господство и рабство заключается только въ крѣпостномъ правѣ? Стоитъ оглянуться вокругъ себя, стоитъ углубиться въ человѣческую жизнь, и мы вездѣ и всюду найдемъ эти элементы, которые неразрывны съ жизнью, переплетаются съ ней. Мы въ дальнѣйшемъ найдемъ эти элементы во многихъ случаяхъ, мы ихъ найдемъ тамъ, гдѣ меньше всего этого ожидаемъ,—именно въ демократизмѣ, въ ученіи Толстого. Словомъ, крѣпостное право, въ томъ или иномъ видѣ, въ той или иной степени, существуетъ въ жизни человѣческой, оно до сихъ поръ не уничтожено, и неизвѣстно, можетъ ли оно быть уничтожено. Гдѣ слабость, тамъ всегда найдется сила. Гдѣ рабство, тамъ всегда найдется господинъ. Потому что у меня подъ большимъ сомнѣніемъ вопросъ, что вызываетъ рабство, т.-е. что служитъ причиной рабства: природныя ли наклонности къ власти, или, наоборотъ, природныя рабскія наклонности?

Но историческія событія мірового или народнаго значенія нельзя разсматривать подъ угломъ зрѣнія морали, симпатіи или антипатіи. Несомнѣнно, въ крѣ-

блохи, и что это пройдетъ безслѣдно—у человѣка въ 1—2 дня, а у народа черезъ извѣстное число лѣтъ или десятилѣтій. Само собой разумѣется, что есть разные организмы; у иного такое слабое питаніе, что и укусъ комара можетъ вызвать у него громадный воспалительный процессъ. Есть кровоточивые люди, у которыхъ самая легкая ранка можетъ вызвать смертельное кровотеченіе. У иного брюшной тифъ, воспаленіе легкихъ, кончаются полнымъ выздоровленіемъ; другой слабаго питанія, клѣтки не въ состояніи сопротивляться заразному началу, будь то брюшной тифъ у человѣка, или соціальный бредъ у народа; клѣтки поголовно заболѣваютъ, перерождаются, сердце не выдерживаетъ—и человѣкъ умираетъ. Гибнетъ и народъ, не выдерживаетъ и тотъ его органъ, который соотвѣтствуетъ сердцу человѣка, но гдѣ у человѣка дѣло тянется днями или мѣсяцами, тамъ у народа борьба со смертью предолжается вѣками.

Человѣкъ спитъ нормальнымъ, крѣпкимъ сномъ; ему отдыхъ необходимъ. Клѣтки этого не сознаютъ и не отдаютъ себѣ отчета, въ чемъ дѣло; они все-таки продолжаютъ свою работу и навѣваютъ

постномъ правѣ были попраны самыя элементарныя, самыя незыблемыя основы свободы человѣческой личности. Но разъ оно въ Россіи существовало вѣками, разъ народъ долгое время мирился съ нимъ, то, очевидно, оно носитъ въ себѣ всѣ элементы неизбѣжности, выросло на фонѣ особенностей и характера русскаго народа. Это тѣ особенности, которыя выразились въ историческомъ призывѣ: «придите владѣть и княжить нами», которыя выражаются въ общинѣ, въ земствѣ. Это все явленія одного порядка; они также неизбѣжны, какъ опека, надзоръ въ дѣтскомъ возрастѣ, какъ болѣзненное выпаденіе молочныхъ зубовъ у дѣтей. Историческія событія можно и должно оцѣнивать съ точки зрѣнія поговорки: „всякій самъ кузнецъ своего счастья“, а тѣмъ болѣе эта поговорка примѣнима къ народу и къ народнымъ историческимъ событіямъ. Въ исторіи нѣтъ правыхъ и виноватыхъ, нѣтъ добрыхъ и злыхъ, а есть событія и ихъ смѣна. И если русскій народъ создалъ крѣпостное право, то позволительно только спросить, было ли это событіе полезное или вредное для народа, т.-е. физіологическое или паталогическое.

Но когда я вижу, что это событіе совпало съ періодомъ собиранія земли русской; когда я заглядываю еще глубже въ исторію и вижу, какъ смуты и неурядицы все время терзали Россію, и что періоду порядка и спокойствія сопутствовало крѣпостное право, я начинаю понимать, что въ историческомъ ходѣ нормальнаго и прогрессивнаго развитія народа, крѣпостное право было необходимымъ, естественнымъ и благодѣтельнымъ этапомъ. Это былъ физіологическій актъ, вродѣ выпаденія молочнаго зуба у ребенка. Оно сыграло, быть можетъ, успокоительную роль масла, которое выливаютъ на разбушевавшіяся морскія волны. И если дворянъ называютъ зубрами, крѣпостниками, то я скажу: честь и слава имъ, что они взяли на себя неблагодарную роль народныхъ менторовъ. Вѣдь, вмѣстѣ съ правами, они взяли на себя и обязанности по отношенію къ крѣпостнымъ, по отношенію къ русскому народу. Несомнѣнно, были единичные случаи эксцессовъ и даже жестокости, но, въ общемъ, создались патріархальныя отношенія, въ которыхъ помѣщикъ игралъ роль опекуна и воспитателя. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ въ этихъ отношеніяхъ было больше сердечности, больше справедливости, меньше жестокости, чѣмъ въ современныхъ отношеніяхъ господина къ слугѣ, вообще въ современныхъ крѣпостныхъ отношеніяхъ, потому что, повторяю, эти отношенія сохранились въ жизни въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и областяхъ. Наоборотъ, дворянинъ-крѣпостникъ сыгралъ огромную и благодѣтельную роль въ воспитаніи крестьянства. И если мы имѣемъ теперь трудолюбивое, добродушное и религіозное русское крестьянство, то этимъ мы обязаны только зубрамъ, бывшимъ дворянамъ-крѣпостникамъ, а отнюдь не безпочвеннымъ интеллигентамъ, успѣвшимъ въ одинъ годъ развратить крестья-

человѣку всевозможные сны, порой—кошмарные. Спятъ, отдыхаютъ и народы; отдыхалъ и русскій народъ, когда ему стали навѣвать кошмарные сны о свободахъ, конституціи и т. п. Право, такъ называемое освободительное движеніе—одинъ только кошмарный сонъ. Народъ проснулся, и все еще подъ вліяніемъ кошмара, все еще бредитъ, какъ во снѣ, вмѣсто того, чтобы за работу взяться.

Словомъ, каждое явленіе народной жизни, каждый ея элементъ, —или нормальное физіологическое явленіе, или симптомъ какой-либо болѣзни. Увы! не изобрѣтенъ еще термометръ для измѣренія народной температуры, не изобрѣтенъ еще инструментъ для опредѣленія, гдѣ и какъ бьется пульсъ народной жизни; нѣтъ методовъ для опредѣленія состоянія здоровья тѣхъ органовъ, которыми народъ дышитъ, мыслитъ. Нѣтъ и не можетъ быть поэтому ни врачей, ни хирурговъ для излеченія народныхъ недуговъ, потому что такой врачъ долженъ быть внѣ народа, внѣ человѣчества; нѣтъ и не можетъ быть универсальныхъ и специфическихъ средствъ отъ народныхъ болѣзней; и тѣ, что приписываютъ народамъ универсальное средство

нина и превратить его въ разбойника. Не надо забывать, что съ правами дворяне получили великія обязанности по отношенію къ крестьянамъ. Повидимому, крѣпостное право вполнѣ гармонировало съ тайниками народной души того времени,— оно вполнѣ шло навстрѣчу историческому ходу вещей; должны были неизбѣжно создаться крѣпостныя отношенія, и въ этой неизбѣжности на долю помѣщиковъ выпала болѣе тяжелая и отвѣтственная роль; дворянство, превратившись въ крѣпостныхъ господъ, взявъ въ свои руки судьбу крестьянства, принесло себя въ жертву воспитательной идеѣ крестьянства, идеѣ воспитанія крестьянства,—другими словами, въ жертву народу. Потому что роль господина-крѣпостника всегда разслабляетъ, дѣлаетъ немощнымъ и преждевременно ведетъ къ гибели. Оскудѣніе дворянства, это—прямое слѣдствіе крѣпостного права. Трагизмъ дворянства въ томъ, что его геройская и великая жертва на алтарь отечества дала дворянамъ реномэ крѣпостниковъ. Между тѣмъ, если мы имѣемъ теперь великую и сильную Россію, то этимъ русскій народъ обязанъ только своимъ дворянамъ-крѣпостникамъ. Крѣпостное право, несомнѣнно, было благодѣтельнымъ и физіологическимъ актомъ народной жизни; взявъ же на себя роль господъ, дворяне принесли великую жертву народу. Званіе «дворянинъ» можетъ быть только почетнымъ и уважаемымъ.

Если же вся эта интеллигентно-демократическая камарилья стремится разрушить величіе и мощь Россіи, созданныя руками дворянъ, то будемъ надѣяться, что это ей не удастся, что великій русскій народъ достаточно созрѣлъ для того, чтобы отличить сорную траву отъ злаковъ, и у него хватитъ силъ и сознанія, чтобы съ корнемъ вырвать изъ своего тѣла занозу, которая зовется интеллигенціей, демократизмомъ, парламентаризмомъ и т. п.

Крѣпостное право было лишь одной изъ разновидностей насилія, но разновидностью благодѣтельной, исторически неизбѣжной, — такъ сказать, естественнымъ этапомъ историческаго развитія народа. Весьма возможно, что отмѣна крѣпостного права была даже преждевременной; во всякомъ случаѣ, безъ одновременнаго раскрѣпощенія общины, она едва ли достигала цѣли. Но внѣ сомнѣнія, что эта отмѣна отнюдь не уничтожила насилія, отнюдь не ослабила другихъ разновидностей насилія, а, что обиднѣе всего, на фонѣ отмѣны крѣпостного права выросли и пышно расцвѣли новыя формы крѣпостного права: пресса, общественность, демократизмъ, «сознательные» пролетаріатъ и крестьянство, интеллигенція, парламентаризмъ и т. п. А какъ ясно станетъ изъ дальнѣйшаго, иго этихъ современныхъ формъ крѣпостничества куда злѣе, жесточе и кровожаднѣй уже отмѣненнаго крѣпостнаго права.

отъ всѣхъ болѣзней — только народные знахари, невѣжественные безумцы; знахари — тѣ, что лечатъ всѣ народы и народные недуги конституціей; знахари — тѣ, что лечатъ парламентомъ, и тѣ, что лечатъ соціальной республикой. Врачъ для каждой болѣзни прописываетъ особое специфическое средство; знахарь лечитъ всѣ болѣзни однимъ универсальнымъ средствомъ. Знахарство — преступленіе; леченіе народа по программамъ — также преступленіе.

Большинство человѣческихъ болѣзней проходитъ безъ помощи врача и лекарствъ, путемъ самоизлеченія; начинается борьба здоровыхъ клѣтокъ съ больными, борьба клѣтокъ съ паразитами и, въ результатѣ, если организмъ крѣпкій, съ хорошей конституціей, — побѣда остается за здоровьемъ и жизнью. Та же борьба за здоровье и жизнь происходитъ и въ народномъ организмѣ, между здоровыми и больными клѣтками, т.-е. между людьми. Вотъ эту народную борьбу я и имѣлъ въ виду; она ничего общаго не имѣетъ съ дарвиновской борьбой за существованіе и еще менѣе уловима и доступна человѣческимъ чувствамъ и даже человѣческому сознанію. Эта борьба на особой почвѣ, на особыхъ свойствахъ человѣка; она — внѣ человѣческой досягаемости, потому что она не идетъ ни въ пользу, ни во вредъ человѣку, она приноситъ пользу или вредъ только народу; благодаря ей, получается не подборъ людей, а подборъ народовъ. Клѣтка человѣческаго организма можетъ быть совершенно здоровой сама по себѣ, но для человѣка она не нужна,— напр, клѣтка какой-нибудь бородавки. Тоже и иной человѣкъ для народа; наоборотъ, человѣкъ можетъ быть крѣпокъ, здоровъ, энергиченъ, уменъ, благороденъ, даже геніаленъ, въ смыслѣ подбора и дарвиновской борьбы за существованіе, можетъ быть совершенствомъ, идеаломъ, но для народа онъ вреденъ и представляетъ больную клѣтку. На примѣрѣ человѣческаго организма намъ это станетъ ясно. Есть болѣзнь — ракъ; выражается она въ новообразованіи клѣтокъ. Эти клѣтки сами по себѣ совершенно здоровыя, живыя, крѣпкія и даже чрезвычайно быстро растутъ и размножаются, образуя опухоль; но для человѣческаго организма онѣ являются ненормальными и вредными; многія изъ нихъ даже очень большія, имъ въ медицинѣ данъ даже особый терминъ — гигантскія клѣтки. Это — клѣтки-титаны по своей силѣ и своимъ размѣрамъ. Это тѣ клѣтки-титаны въ народномъ организмѣ, которые зовутся великими людьми. Это — Марксъ, Лассаль, Толстой и имя имъ легіонъ. Это—геніи, великаны ума и фантазіи, но болѣзненно направленныхъ, гибельныхъ и вредныхъ для народа и человѣчества. И вотъ эти клѣтки въ человѣческомъ организмѣ все разростаются, начинаютъ давать метастазы, т.-е. проникать, заражать и другіе органы, и рано ли, поздно наступаетъ смерть. То же происходитъ и въ сферѣ народной; ученія, идеи больныхъ титановъ начинаютъ распространяться, образуются ордена, секты, партіи; когда идеи проникаютъ въ важные питательные органы, въ важные народные слои, наступаетъ общее зараженіе организма. Когда начинаются раковыя метастазы, врачъ обыкновенно ставитъ смертельный

прогнозъ. Прогнозъ для народа, для человѣчества носитъ названіе пророчества. Чтобы быть пророкомъ, надо быть только нормальнымъ человѣкомъ, не зараженнымъ общей болѣзнью вѣка, народа или человѣчества. Пророкъ, это—человѣкъ, котораго Богъ сохранилъ здоровымъ и нормальнымъ среди повально-больныхъ людей. Вотъ почему нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ. Во избѣжаніе недоразумѣній, повторяю; я говорю о здоровыхъ и больныхъ людяхъ не въ обычномъ смыслѣ, а въ смыслѣ больныхъ или нормальныхъ только для народа, для человѣчества.

Человѣческій организмъ самъ борется съ болѣзнью; большинство болѣзней излечивается безъ всякаго вмѣшательства медицины; задача врача заключается лишь въ томъ, чтобы помогать природѣ, и истинный врачъ тотъ, кто воюетъ не съ больными клѣтками, а усиливаетъ здоровыя, помогаетъ имъ въ борьбѣ съ больными. Карболка, напр., сулема и другія антисептическія средства отнюдь не вызываютъ заживленія ранъ; онѣ только препятствуютъ проникновенію бациллъ, и такимъ путемъ даютъ возможность самостоятельному процессу заживленія протекать нормально, предоставляютъ здоровыя клѣтки, такъ сказать, собственнымъ силамъ въ ихъ борьбѣ съ больными. Если даже по отношенію къ человѣческому организму, разумный врачъ придерживается принципа невмѣшательства; если разумная медицина отнюдь не задается мечтой измѣнить законы, лежащіе въ основѣ физіологическихъ процессовъ въ человѣческомъ организмѣ; если она отнюдь не дерзаетъ измѣнить эти процессы, а тѣмъ менѣе измѣнить строеніе организма или отдѣльныхъ частей; если она счастлива и довольна, получивъ въ томъ или иномъ случаѣ возможность устранить болѣзненную причину, лежащую внѣ организма,—то какими безумными, нелѣпыми и дѣтски наивными должны показаться мечты измѣнить строй жизни всего человѣчества или отдѣльныхъ народовъ, игнорируя вѣковѣчные законы и процессы жизни человѣческой. Еще нелѣпѣй думать, что однимъ универсальнымъ средствомъ можно излечить недуги человѣчества, когда и недуги эти, и законы, и процессы человѣческой жизни совершенно скрыты отъ сознанія человѣка и находятся внѣ человѣческой досягаемости. Но верхъ нелѣпости думать, что жизнь народовъ можно строить по одному шаблону, по одному образцу. Создалъ себѣ англійскій народъ особый строй жизни, съ парламентомъ и всякими свободами, и живетъ себѣ припѣваючи. Можетъ быть, онъ живетъ припѣваючи, не благодаря парламенту, а благодаря другимъ свойствамъ своего народнаго характера, но допустимъ даже, что парламентъ—прекрасное учрежденіе, изъ этого далеко не слѣдуетъ, что его надо вводить всюду. То, что создается каждымъ народомъ въ какой бы то ни было области, представляетъ призваніе народа, его природный даръ. У иного призваніе и даръ хорошаго музыканта; такъ развѣ не верхъ нелѣпости требовать, чтобы всѣ стали обязательно музыкантами, когда у другого художественный талантъ, третій—геніальный архитекторъ, четвертый—искусный врачъ и т. п. Если при тѣхъ методахъ и пособіяхъ, которыми располагаетъ меди-

цина, при томъ уровнѣ знаній, котораго она достигла, при томъ обиліи лекарствъ, которыя находятся въ ея распоряженіи, она вынуждена предоставить организмъ собственнымъ силамъ, то отъ вмѣшательства въ жизнь народовъ и человѣчества—надо разъ-навсегда отказаться. Мысль о леченіи народа надо оставить; мы не знаемъ ни симптомовъ болѣзни, у насъ нѣтъ никакихъ методовъ для ихъ опредѣленія, и если мы сознаемъ, что въ народѣ есть какая-то болѣзнь, то человѣкъ безсиленъ не только повліять на исходъ, но хоть чѣмъ-нибудь облегчить какой-нибудь симптомъ. Великъ не тотъ, кто строитъ грандіозныя, чрезвычайно красивыя по замыслу и привлекательныя по благородству красокъ зданія, но совершенно не приспособленныя для жизни, зданія, которыя остаются лишь памятниками безполезныхъ затѣй и утопій человѣка; великъ не тотъ, кто занятъ сизифовой, хотя бы и грандіозной по замыслу, работой перестройки и перекройки міра; великъ не тотъ, кто, подъ видомъ леченія недуговъ человѣчества, туманитъ лишь взоръ эфектной смѣной панорамъ изъ красивыхъ и заманчивыхъ по внѣшности, но жалкихъ и пустыхъ по содержанію, идеаловъ и лозунговъ. Великъ лишь тотъ, кто задается скромной мечтой уловить тотъ путь, или хотя бы то направленіе, по которому нормально и физіологически движется народъ по пути своего историческаго шествія. Нѣтъ настолько великаго человѣка, чтобы онъ въ состояніи былъ измѣнить, хотя бы на одну іоту, направленіе этого пути, и неизмѣримо великъ для своего народа будетъ тотъ, кому удастся лишь удалить какое-либо препятствіе, какой-либо камешекъ, лежащій на историческомъ пути народнаго шествія. Скромна, прозаична, не блещетъ эфектами роль истинно-великихъ людей; эта роль нисколько не импонируетъ воображенію современниковъ, а потому и нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ. Великимъ человѣкомъ былъ и великую пользу принесъ міру изобрѣтатель вѣтряныхъ мельницъ. Кому извѣстно его имя, и кому интересъ знать его? Жалка, безполезна, нелѣпа борьба съ вѣтряными мельницами, но воображенію Санхо-Панчо, попросту говоря обывателя, она импонируетъ. Забыто имя изобрѣтателя вѣтряныхъ мельницъ, но имя Донъ-Кихота, борца съ вѣтряными мельницами на вѣки-вѣчные записано на скрыжаляхъ исторіи. Истинно-великимъ русскимъ человѣкомъ я считаю поэтому Петра Аркадьевича Столыпина, памяти котораго я посвящаю эти слабыя строки. Онъ пророчески постигъ, что народъ стремится пойти по руслу самодѣятельности; что община служитъ ему большимъ препятствіемъ на этомъ пути, и раскрѣпощеніе общины, это—то лекарство, та единственная реальная реформа, которая нужна была народу въ настоящее время. Столыпинское землеустройство—своего рода изобрѣтеніе вѣтряной мельницы; программы эсдековъ, кадетовъ, свободы, парламентъ, ученіе Толстого и т. п. прелести—безполезная борьба съ вѣтряными мельницами.

Человѣкъ можетъ итти и идетъ только по тому пути, по которому идетъ весь народъ. Истинный геній не прокладываетъ и не въ состояніи прокладывать новые пути; онъ идетъ по тому же пути,

но впереди всѣхъ. Онъ одаренъ пророческимъ даромъ воплощать въ себѣ истинную душу народа, его мысль, сознаніе. Онъ частью инстинктивно, частью сознательно начинаетъ видѣть тотъ нормальный путь, по которому идетъ народъ, тѣ препятствія, которыя стоятъ на его пути. Для того, чтобы быть государственнымъ дѣятелемъ, мало одного желанія. Для народа много путей, въ народѣ много теченій. Надо найти естественный путь, надо выбрать нормальное теченіе. Что нормально, что естественно для одного народа, то можетъ быть ненормальнымъ, неестественнымъ для другого; что русскому здорово, то нѣмцу смерть. Жалокъ, ничтоженъ тотъ умъ, который свою государственную дѣятельность ознаменовалъ только копированіемъ чужой обстановки, чужого строя. Это—то, что въ жизни зовется мелкоплавающимъ мѣщанскимъ вкусомъ. Пусть чужая квартира хороша, красива, пусть обстановка въ ней изящна, художественно размѣщена, но для твоей квартиры она не подходитъ ни по цвѣту, ни по формѣ, да и по своимъ размѣрамъ. Лекарство, которое одному приноситъ пользу, другому—приноситъ вредъ. Есть, наконецъ, народы разныхъ возрастовъ; есть спеціально дѣтская медицина, дѣтская терапія; что можно дать взрослому, то—нельзя дать ребенку. Если швейцарецъ чувствуетъ себя хорошо въ своей федеративной республикѣ, то англичанинъ не менѣе хорошо чувствуетъ себя въ своей конституціонной монархіи. Преступно думать, что и русскому—или другому—народу обязательно нужна федеративная республика. Еще преступнѣе этого желать, а тѣмъ болѣе содѣйствовать. Впрочемъ, можно, сколько угодно, думать, желать, содѣйствовать; можно, сколько угодно, волноваться, ораторствовать, составлять общества, союзы, а народъ создастъ себѣ ту обстановку, тотъ строй, которые ему по вкусу, соотвѣтствуютъ его характеру, его сознанію. Народы далеки отъ мѣщанскихъ вкусовъ такихъ господъ, какъ Милюковъ, Шингаревъ, которые способны копировать лишь то, что создано англичанами.

По одному рецепту лечить всѣхъ больныхъ нельзя, по одному шаблону рѣшать всѣ вопросы народной жизни нельзя. Иной флегматикъ, другой сангвиникъ; иному необходимъ продолжительный отдыхъ, другой выспался, отдохнулъ, и ему покой теперь вреденъ. У каждаго народа свое призваніе, свои таланты, свой характеръ. Надо быть истиннымъ сыномъ своего народа, ощущать народную душу, біеніе народнаго пульса; надо вдохновенно проникать въ нормальный путь народа,—надо, словомъ, умѣть больное отличать отъ здороваго, наносное отъ природнаго. Ко всякому элементу народной жизни надо относиться бережно, будь то религія, будь то языкъ, литература или государственный строй и т. п. Всякій элементъ надо оцѣнивать съ точки зрѣнія, нормаленъ ли онъ для народа, не представляетъ ли онъ для народа чуждый и вредный элементъ, какіе камни на пути этого элемента надо устранить. Къ примѣру возьмемъ любой изъ элементовъ народной жизни, хотя бы религію. Вопросъ о религіи меня всегда интересовалъ; ему я лѣтъ 15 тому назадъ посвятилъ особую брошюру. И тогда я еще высказалъ, что вѣра

можетъ быть одна, но религіи, по существу, должны быть разнообразны; религія, это — тѣ обычаи, тѣ внѣшніе обряды, тѣ формы, въ которыхъ воплощается вѣра. Послѣдняя можетъ быть получена готовой извнѣ, но религію народъ самъ вырабатываетъ, и она представляетъ созданіе и элементъ народнаго творчества. Въ религіи проявляется характеръ народа, его мысль, его душа; религія неразрывно связана съ народомъ; можно измѣнить вѣру, но религія останется неизмѣнной, — вѣрнѣе перевоплотится въ новую вѣру. Всѣ народы приняли ученіе Христа, но каждый выработалъ свою религію. Распространять среди другого народа свою религію — напрасный трудъ; или она не привьется, или измѣнится до неузнаваемости, если, конечно, рѣчь идетъ не о дикихъ племенахъ, а о народахъ. Для каждаго народа поэтому религія — его созданіе, его творчество, его „я". Каждая религія истинна для своего народа; нѣтъ и не можетъ быть одной универсальной религіи, какъ не можетъ быть и не должно быть одной религіи у нѣсколькихъ, разныхъ по происхожденію, народовъ.

И если я вижу, что католицизмъ стремится стать универсальной религіей, что универсальность лежитъ въ его основѣ, — я говорю, что это ненормально, что это грубое насиліе, и что католическая религія не можетъ быть истинной ни для одного народа, что она не есть и не можетъ быть истинно-національной религіей; подъ сѣнью католицизма народъ обезличивается, теряетъ свою самобытность; мысль, творчество народныя убиты; такой народъ представляетъ болѣзненный, заживо умирающій организмъ. Я хочу этимъ сказать, что каждый элементъ народной жизни, каждое событіе можетъ быть естественнымъ для народа, нормальнымъ для него или болѣзненнымъ. Для того, чтобы быть естественнымъ, нормальнымъ для народа, элементъ этотъ долженъ быть національнымъ, т.-е. долженъ быть выработанъ самимъ народомъ. Но элементъ, нормальный для народа, т.-е. будучи національнымъ, можетъ быть вообще ненормальнымъ, болѣзненнымъ, если самъ народъ боленъ. Ясно, что больной народъ дастъ и продукты больные. Но національный элементъ, выработанный нормальнымъ, здоровымъ народомъ, всегда будетъ и нормальнымъ для народа, и нормальнымъ — вообще. Поэтому, если я вижу, что народу прививаютъ чуждый ему, выросшій на другой почвѣ, элементъ, — для меня это равносильно тому, что народу прививаютъ ядовитое, заразное начало, какъ человѣку прививаютъ оспу, дифтеритъ. Если этотъ чуждый элементъ къ народу прививается, я скажу, что народъ предрасположенъ былъ къ нему; если же совершенно не прививается, — что народъ исключительно стойкій, нормальный, прекраснаго питанія. Если же заразное начало привилось, народъ съ нимъ совершенно сроднился, я скажу, что народъ зараженъ и представляетъ больной организмъ, и всѣ продукты народа будутъ больными, и творчество народа станетъ болѣзненнымъ; и если бы была возможность изолировать народы, какъ людей, то такой заразительный народъ надо бы изолировать. Если же, переболѣвъ нѣкоторое время, народъ освободился отъ чуждаго элемента, я скажу, что въ немъ много здоровыхъ, невоспріимчивыхъ къ зараз-

ному началу силъ, и что въ борьбѣ здоровыхъ и больныхъ клѣтокъ, невоспріимчивыхъ и воспріимчивыхъ, побѣда осталась за здоровыми.

Итакъ, элементъ религіи, какъ и всякій народный элементъ, долженъ быть національнымъ, выработанъ самимъ народомъ, отнюдь не по чужимъ указкамъ, а тѣмъ менѣе—скопированъ. Разъ католицизмъ несетъ универсальность, и подъ эгидой папства стремится превратить все человѣчество въ одинъ католическій народъ, то по самому существу онъ представляется антинаціональнымъ, противнымъ живой національной идеѣ, и, слѣдовательно, для каждаго народа представляется ядовитымъ заразнымъ началомъ. И если я вижу, что западные народы примкнули къ католицизму,—я говорю, что они воспріимчивы къ этой болѣзни. Если русскій народъ, если всѣ почти славянскіе народы отказались отъ папства, и сразу создали свою національно-славянскую православную религію,—я говорю, что славянскіе народы обладаютъ исключительно крѣпкой и нормальной организаціей, невоспріимчивой къ заразнымъ для народа болѣзнямъ. Къ счастью, я пока знаю только одну заразную для народовъ болѣзнь, это—все та же morbus Gordoni, и всѣ болѣзненные симптомы, о которыхъ я говорю, и буду говорить, это все симптомы одной и той же народной болѣзни, которую Богъ сдѣлалъ доступной моему сознанію. И если я вижу, что появился Гусъ, одинъ изъ величайшихъ людей настоящаго, прошедшаго и будущаго, стремившійся спасти свой народъ отъ папства и повести его по національному руслу,—я отъ души привѣтствую его: я знаю, что онъ знаменуетъ симптомъ активной борьбы здоровыхъ, нормальныхъ элементовъ съ больными. Для меня показательно, что Гусъ—славянинъ, что первый протестъ, первый голосъ, въ защиту національной религіи, раздался на Западѣ изъ устъ славянина. Я огорчаюсь его неудачей, но я знаю, что это только начало будущаго торжества правды, и я нахожу полное удовлетвореніе въ великомъ Лютерѣ и во всѣхъ западныхъ народахъ, въ томъ или иномъ видѣ пошедшихъ по пути самобытности и творческой работы. И религія, этотъ нынѣ презираемый элементъ, имѣетъ для меня весьма крупное, симптоматическое значеніе. По религіи я сужу о здоровьѣ народа, о его творческихъ задаткахъ. И національная религія можетъ измѣниться, но исключительно подъ вліяніемъ измѣненій, происшедшихъ въ народѣ; но этотъ прогрессъ будетъ внѣшнимъ, постепеннымъ и проявится въ мелочахъ, не касаясь существа религіи; наоборотъ, замѣчаемое презрѣніе къ религіи, къ религіознымъ обрядамъ—самъ по себѣ тревожный, болѣзненный симптомъ. И я знаю, что тридцатилѣтняя война, религіозныя войны того времени не были пустой и жалкой борьбой за мертвые догматы и буквы,—это была великая и героическая борьба здоровыхъ и больныхъ элементовъ, это была борьба за жизнь, за свободную и творческую самобытность. Это былъ кризисъ заразной болѣзни, послѣ которой германскіе народы быстро пошли по пути къ выздоровленію, т.-е. по пути нормальной самобытности. По этому пути народъ пошелъ и въ Англіи, и въ Пруссіи, и въ Швеціи, и въ большинствѣ германскихъ странъ. Для меня это симптомъ, указывающій, что въ германскомъ

племени преобладаютъ нормальные элементы, т.-е. люди уравновѣшенные, здравомыслящіе, ищущіе твердой почвы у себя подъ ногами и не летающіе безъ аэроплановъ въ облакахъ; такіе люди не гонятся за внѣшними эфектами; они понимаютъ, что не все то золото, что блеститъ, что красивое румяное яблочко можетъ быть гнилымъ, что красивое слово, пышная фраза—еще не правдивое слово; хлесткая, остроумная, блестящая рѣчь—еще не дѣльная рѣчь.

Точно также я, какъ еврей, привѣтствую появленіе гугенотовъ во Франціи, какъ привѣтствую все, что несетъ жизнь, самобытность любому народу, потому что таковъ завѣтъ Моисея и пророковъ. Гугеноты были живыми, здоровыми элементами французской націи; они также стремились вернуть народъ на путь живой, самобытной, творческой дѣятельности, которая въ цѣпяхъ папства была, какъ въ тискахъ. Увы! Побѣда осталась за больными, дряхлыми элементами. Варѳоломеевская ночь, это—смертный приговоръ французскому народу, это тоже кризисъ болѣзни, но кризисъ, послѣ котораго слабость сердца прогрессируетъ, и больной постепенно приближается къ смерти. Увы! Франція быстрыми шагами съ того времени пошла къ упадку. Франція будетъ создавать и великихъ людей, и великія идеи, и великія открытія, но все это—гигантскія раковыя клѣтки. Онѣ нормальны для Франціи, которая представляетъ разлагающійся организмъ, но онѣ ненормальны вообще и, кромѣ вреда, ничего не приносятъ міру. Французская революція, французская республика, французскія парламентскія партіи, французскій радикализмъ, коммунизмъ, соціализмъ, французскія свобода, равенство и братство,—все это продукты больного духа, затуманеннаго ума и дряблаго тѣла. Всѣми этими продуктами разложенія Франція отравляетъ міровую атмосферу.

И когда я вижу, что славянскіе народы совсѣмъ не попали подъ власть папства, что къ нимъ сразу привилась та религія, которую съ такимъ трудомъ отвоевали себѣ западные народы германскаго племени,—именно религія съ богослуженіемъ на родномъ языкѣ, независимая отъ чуждой папской власти, и когда эта религія постепенно превратилась въ православіе,—я говорю, что это національная религія, что она всецѣло плодъ народнаго творчества, что она неразрывно связана съ душой, съ мыслью народа. Я радуюсь за великій русскій народъ, за всѣ православные славянскіе народы, потому что я понимаю, что это не случайное явленіе, что въ немъ сказались уравновѣшенность, здравомысліе славянскихъ народовъ; въ немъ сказалась потребность собственнаго развитія, потребность собственнаго труда,—другими словами, жажда самобытности и отвращеніе къ легкому, но безславному копированію чужихъ образцовъ. Повторяю, не случайно славянскіе народы приняли ту религію, которая давала просторъ самобытному развитію. И какъ обидно, какъ больно наблюдать со стороны эти покушенія на простоту и самобытность русскаго народа; не удалось убить его папствомъ, его стремятся отравить соціализмомъ, демократизмомъ, парламентаризмомъ, — всѣми этими ядовитыми газами, представляющими ничто иное, какъ продуктъ

разложенія католицизма; какъ это ни покажется страннымъ, но всѣ эти пышные и блестящіе цвѣтки современности — ничто иное, какъ ядовитые грибы, выросшіе на почвѣ древняго папства. Хотятъ, какъ говорится, донять народъ не мытьемъ, такъ катаньемъ. И борьба за православіе, это — борьба за самобытность; сектантство, это — больные элементы народные. Если же я вижу *католическій* польскій народъ, я огорчаюсь за этотъ отпрыскъ славянскаго племени; я понимаю, что это—больной, тяжело больной народъ; я вижу, что онъ заживо разлагается. Я не понимаю, зачѣмъ онъ живетъ и даже, какъ утопающій, хватается за соломинку? Кому нужна его жизнь? Вѣдь, кромѣ польки и мазурки, онъ ничего не далъ міру. Это не жизнь, а прозябаніе. Оставить въ наслѣдство міру только танецъ-польку,—какая жалкая участь!..

Мнѣ кажется умѣстнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ по одному злободневному вопросу. Если православіе — національная религія русскаго народа, то и православное духовенство — плоть отъ его плоти, кровь отъ его крови. Если въ религіи сказываются духъ, мысль и характеръ народа, то ближе всего они понятны православному священнику; ему же ближе всѣхъ и лучше знакомы и русская деревня, и ея нужды; ему ближе всѣхъ и русскій крестьянинъ, и русскій рабочій, и русскій мѣщанинъ. Онъ вышелъ изъ народа, онъ выросъ вмѣстѣ съ нимъ и всю жизнь живетъ съ нимъ бокъ-о-бокъ; дѣлитъ съ нимъ и горе, и радость; онъ не покидаетъ его ни на минуту; онъ вездѣ: и въ глухой деревушкѣ, и въ заброшенномъ селѣ. Онъ вездѣ: и на свадебномъ пиру, и у постели умирающаго, и въ избѣ холернаго. Онъ всю жизнь посвящаетъ деревнѣ, русскому крестьянину, съ которымъ онъ связанъ общими духовными и матеріальными интересами.

И если уже появилась у русскаго народа Государственная Дума, то на почетномъ мѣстѣ въ Думѣ долженъ засѣдать священникъ, а, во всякомъ случаѣ, не городской разночинецъ — интеллигентъ, ничего общаго съ деревней, съ народомъ не имѣющій, научившійся только распѣвать: „Въ странѣ свободы“ и приходящій въ умиленіе отъ пѣсенки: „Вы жертвою пали“... Чѣмъ больше въ Думѣ священниковъ, тѣмъ она ближе къ народу, къ его духу, потребностямъ, тѣмъ она національнѣй. Это поняло правительство, и, стоя на стражѣ истинныхъ народныхъ интересовъ, оно всячески старалось проводить въ Думу возможно больше священниковъ, чтобы сдѣлать ее хоть въ извѣстной степени выразительницей здравыхъ народныхъ мыслей и желаній... Какой ропотъ и скрежетъ зубовный поднялся въ лагерѣ „интеллигентовъ“. И враги и супостаты народные, которые боялись и носъ показать въ деревнѣ, пошли походомъ противъ священниковъ, этихъ естественныхъ и вѣрныхъ друзей народа и истинныхъ знатоковъ его нуждъ. Точь-въ-точь, какъ въ смутный періодъ. И моя душа, которая дорожитъ каждымъ проблескомъ нормальной народной жизни, радуется, когда я вижу цѣлый рядъ—правда, еще немногочисленный—священниковъ на правыхъ скамьяхъ, —на скамьяхъ здраваго смысла народа и знанія народныхъ нуждъ.

Зато нѣтъ силъ передать моего возмущенія при видѣ такихъ священниковъ, какъ Титовъ или Григорій Петровъ, измѣнившихъ народу, примкнувшихъ къ его супостатамъ, какъ въ смутное время примыкали къ полякамъ. Дешовые лавры мишурной славы, популярность среди демократовъ, путемъ газетъ и „тактическихъ" пріемовъ стоящихъ у кормила общественнаго мнѣнія, дороже имъ интересовъ народа. За чечевичную похлебку они продали народъ. Надо цѣнить и высоко ставить національный идеалъ, чтобы понять всю горечь такой обиды и простить мнѣ невольное отступленіе отъ предмета моей бесѣды.

Само собой понятно, что то или иное государственное устройство, тотъ или иной образъ правленія принадлежатъ также къ числу элементовъ, въ которыхъ выражается народный характеръ, душа и мысль народныя. Этотъ элементъ также неразрывно связанъ съ народомъ, съ его существованіемъ. Не важно, какой это образъ правленія: республика или монархія; для одного народа нормаленъ только республиканскій образъ правленія, для другого—только монархическій. То или иное государственное устройство,—это, такъ сказать, призваніе народа; у одного призваніе къ музыкѣ, у другого къ медицинѣ; и то, и другое—одинаково благородныя призванія, и кто рѣшится утверждать, что то или иное призваніе имѣетъ преимущество передъ другимъ. Но важно, чтобы каждый избралъ себѣ профессію согласно своему призванію; не менѣе важно, чтобы это призваніе было естественнымъ для даннаго лица и нормально вытекало изъ его физіологическихъ потребностей, а не было бы послѣднему насильно навязано, а тѣмъ менѣе явилось на почвѣ болѣзненно предрасположеннаго организма,—словомъ, чтобы оно не было симптомомъ какой-либо болѣзни. Но и этого мало: необходимъ трудъ, необходимо пройти извѣстную школу, необходимы, наконецъ, для каждой профессіи тѣ или иныя природныя свойства. Можно имѣть призваніе и основательно изучить сельское хозяйство, можно быть хорошимъ агрономомъ, но быть плохимъ сельскимъ хозяиномъ, не обладать качествами, необходимыми для сельскаго хозяина,—скажемъ, разсчетливостью, осторожностью, организаторскими способностями; и въ результатѣ, будучи хорошимъ теоретикомъ, создать такое хозяйство, что курамъ на смѣхъ, вродѣ республики въ Мексикѣ, которая, конечно, не можетъ итти на сравненіе съ республикой же въ Сѣв-Амер. Штатахъ.

Если мы эти принципы приложимъ къ народамъ,—мы должны сказать, что можетъ быть строй государственной жизни, который самъ по себѣ представляется ненормальнымъ, болѣзненнымъ. Это—строй соціальной республики и сродныхъ съ нимъ анархизма, коммунизма. Какъ католицизмъ, въ основѣ своей отрицающій націи, противорѣчитъ самой, несомнѣнно, живой и реальной національной идеѣ, и для каждой націи является болѣзненнымъ, злокачественнымъ наростомъ, такъ соціальная республика, въ корнѣ противорѣчащая идѣе народности, для каждой абсолютно націи представляется ненормальнымъ, болѣзненнымъ факторомъ. Отсюда—прямой выводъ, что народы, въ которыхъ соціализмъ свилъ прочное гнѣздо, и гдѣ правительство въ борьбѣ съ

этимъ зломъ встрѣчаетъ не содѣйствіе, а противодѣйствіе общества, — находятся на пути къ вырожденію, на пути къ своей безславной смерти. Долженъ откровенно сказать, что даже къ конституціи и народовластію, по моему мнѣнію, далеко не всякій народъ призванъ и способенъ. Народовластіе, это—даръ, для котораго мало одного призванія; необходимъ трудъ, громадная работа надъ собой, чтобы стать достойнымъ этого дара; я постараюсь въ дальнѣйшемъ показать, что для нормальнаго народовластія требуются такія идеальныя качества народной души, что даже творецъ современной конституціи, англійскій народъ, едва ли достигъ этого идеала. Откровенно говоря, я сомнѣваюсь, можетъ ли хоть одинъ народъ достигнуть тѣхъ качествъ, которыхъ требуетъ отъ него народовластіе. Я думаю, наоборотъ, что въ самомъ народовластіи, въ самой идеѣ конституціоннаго начала есть такіе пробѣлы, такіе вопіющіе недостатки, что даже у нормально развивающагося народа оно не можетъ быть нормальнымъ, если оно не соединено съ твердымъ монархическимъ началомъ. Но если мы видимъ, что одинъ и тотъ же образъ правленія у одного народа принимаетъ уродливыя формы, мы скажемъ, что народъ самъ ненормаленъ, что въ его организмѣ масса больныхъ уродливыхъ клѣтокъ, быть можетъ, цѣлые болѣзненные органы, или, быть можетъ, полное зараженіе всего организма. Такъ мы скажемъ о монархіи въ Персіи или въ Турціи, о республикѣ въ Мексикѣ или Франціи. Вся сила не въ образѣ правленія, не въ государственномъ строѣ, а въ самомъ народѣ. По тому или иному симптомокомплексу, мы поставимъ тотъ или иной прогнозъ или, выражаясь народнымъ языкомъ, то или иное пророчество. Но лечить народныя болѣзни никто не въ состояніи. Не спасла Турцію монархія, не спасетъ ее конституція и не спасетъ ее республика. Великихъ государственныхъ дѣятелей, Столыпиныхъ, въ мірѣ мало; но даже и тысячи, и милліоны Столыпиныхъ не могутъ спасти народъ, если онъ боленъ, и недугъ его разлагаетъ. Великій государственный умъ и тотъ въ состояніи уловить лишь симптомъ физіологическаго народнаго акта. Народъ, естественно, идетъ по этому пути; если это путь нормальный для народа, если народъ нормальный,—ничто и никто не въ состояніи отвлечь его отъ этого пути. Народъ русскій естественно, вѣками и постепенно шелъ, направляясь къ пути активной и разумной самодѣятельности. На этомъ пути ближайшимъ камнемъ преткновенія лежала община. Рано ли, поздно ли, народъ, естественно, раскрѣпостился бы отъ общины. Столыпинъ своимъ пророческимъ окомъ узрѣлъ этотъ камешекъ на народномъ пути, и сдвинулъ это препятствіе подъ ногами народа. Чтобы быть пророкомъ, великимъ государственнымъ умомъ, надо быть только истиннымъ сыномъ, воплощеніемъ своего народа; но обязательно-нормальнымъ сыномъ нормально развивающагося народа. Только такой дѣятель создастъ ту реформу, которая нужна народу и нужна въ данный моментъ. И все, что въ народѣ здороваго, здравомыслящаго, все, что воплощаетъ въ себѣ истинную душу, истинный характеръ народа,—принимаетъ сторону великаго реформатора и содѣйствуетъ реформѣ. Все болѣзненное ей, наоборотъ, противодѣйствуетъ. Начинается

борьба. Несчастье для народа, если борьба кончается побѣдой больныхъ элементовъ,—другими словами, своего рода Варѳоломеевской ночью.

Великой, насущной народной реформѣ болѣзненные элементы не только противодѣйствуютъ, но, оторванные уже отъ народныхъ соковъ, они свои собственныя болѣзненныя ощущенія принимаютъ за физіологическія явленія и предлагаютъ леченіе, предлагаютъ реформы, которыя нужны не народу,—которыя народному организму принесутъ только вредъ и усилятъ препятствія на его пути,—но которыя нужны этимъ отдѣльнымъ больнымъ и умирающимъ клѣткамъ, которыя только имъ принесутъ пользу, притомъ не дѣйствительную пользу, а только облегчатъ имъ ихъ субъективныя ощущенія. Представимъ себѣ, что у народа начинается совершенно нормальный физіологическій процессъ, нѣчто вродѣ выпаденія молочнаго зуба у человѣка. Конечно, самой разумной формой вмѣшательства, самой естественной формой будетъ содѣйствіе этому акту и удаленіе зуба въ надлежащій моментъ. Актъ удаленія будетъ, конечно, болѣзненнымъ для всего организма, но, вѣдь, болѣзненнымъ будетъ и физіологическій актъ выпаденія зуба. Больнымъ клѣточкамъ это только ускоритъ смерть, усилитъ ихъ предсмертныя болѣзненныя ощущенія; противъ этихъ ощущеній они будутъ требовать морфій; для нихъ—и только для нихъ—морфій будетъ вѣрнымъ средствомъ, потому что онъ имъ дѣйствительно облегчитъ боль. Что для человѣка морфій, то для народа—конституція, свободы, неприкосновенность личности и т. п. наркотическія средства, которыя доставляютъ облегченіе больнымъ умирающимъ народнымъ клѣткамъ, но для народа такъ же безполезны, какъ морфій. Болѣзненныя ощущенія все равно появятся, такъ какъ, несмотря на морфій, физіологическій актъ пойдетъ своимъ путемъ. Но зато, морфій можетъ отравить весь организмъ: появится во всемъ организмѣ болѣзненная потребность къ морфію, и такимъ путемъ физіологическій актъ превратится въ общую разрушительную болѣзнь организма.

Я особенно подчеркиваю, что такъ называемыя свободы, избирательное право и т. п конституціонныя гарантіи—ничто иное, какъ морфій и другіе наркотики. Можно сдѣлаться морфиноманомъ и отравить весь свой организмъ. Во избѣжаніе недоразумѣній, считаю умѣстнымъ оговориться, что я говорю не объ истинныхъ, реальныхъ свободахъ, основанныхъ на правдѣ жизни и подсказанныхъ правдой; я имѣю въ виду тѣ свободы, о которыхъ трубятъ наши интеллигенты или, другими словами, безпартійные прогрессисты. Зачѣмъ нормальному, здоровому человѣку морфій, когда онъ никакихъ болѣзненныхъ ощущеній не испытываетъ; зачѣмъ нормальному, здоровому человѣку тѣ одурманивающія свободы, которыя ему преподносятъ безпартійные прогрессисты,—когда у него свои, естественныя, свободы и въ томъ размѣрѣ, въ которомъ онъ ихъ можетъ переварить.

Молочный зубъ выпалъ,—начинается физіологическій актъ прорѣзыванія новаго зуба, сопровождающійся также болѣзненными и

непріятными ощущеніями и также гибелью многихъ клѣтокъ. Необходимо терпѣніе, необходимо выжиданіе, пока физіологическій процессъ не кончится самъ собой. Точно также послѣ всякой великой реформы, необходимъ спокойно-выжидательный методъ, и правъ, тысячу разъ былъ правъ Дурново, проводя въ Государственномъ Совѣтѣ ту мысль, что съ волостнымъ земствомъ надо подождать, пока не выяснятся, не опредѣлятся результаты землеустроительной реформы. Само собой разумѣется, что клѣтки, которымъ актъ прорѣзыванія зуба приноситъ болѣзненныя ощущенія и даже смерть, будутъ возмущаться, называть этотъ періодъ бездѣятельнымъ, вермишельнымъ; имъ нужны наркотики, и онѣ ихъ будутъ требовать; только впрыскиваніе морфія будетъ въ ихъ болѣзненныхъ ощущеніяхъ коренной реформой, какъ для нашихъ прогрессистовъ коренными реформами будутъ реформы городского и земскаго самоуправленія, съ передачей его въ руки безпардоннаго интеллигентнаго пролетаріата, объявленіе полной неприкосновенности личности, которой, прежде всего, воспользуются, конечно, тѣ, кому она больше всего нужна: хулиганы, бомбометатели, грабители и т. п. пролетарскіе элементы. Такими реформами они физіологическій актъ превратятъ въ дѣйствительную болѣзнь народнаго организма, какъ леченіемъ морфія можно здороваго человѣка превратить въ больного морфиномана; но не надо забывать, что противъ патологическихъ народныхъ актовъ, противъ симптомовъ дѣйствительной народной болѣзни человѣкъ безсиленъ; у него нѣтъ ни подходящихъ термометровъ, ни инструментовъ, ни соотвѣтствующихъ лекарствъ. И если народъ боленъ, если появляются симптомы, указывающіе на органическій недостатокъ организма, человѣкъ можетъ только констатировать этотъ тяжелый случай, можетъ поставить тотъ или иной прогнозъ и безпомощно опустить руки. Если же недугъ тяжелъ, не помогутъ ни слезы, ни рыданія отдѣльныхъ, нормальныхъ и великихъ сыновей больного народа; и если послѣдній обреченъ на смерть, никакія реформы не спасутъ его, и онъ безусловно и неудержимо черезъ вѣка и даже тысячелѣтія пойдетъ къ своей гибели.

Вотъ что я хотѣлъ сказать о той борьбѣ, которая представляетъ борьбу народовъ за свое существованіе и которая ничего общаго не имѣетъ съ дарвиновской борьбой за существованіе. Въ личной борьбѣ человѣка за существованіе нужны и физическія, и духовныя свойства; въ народной борьбѣ нужны только духовныя свойства, притомъ совершенно особыя. Въ личной своей борьбѣ человѣкъ играетъ роль, какъ индивидъ; въ народной борьбѣ, какъ клѣтка, какъ совершенно безсознательный организмъ. Мы видимъ человѣка съ сильной волей, энергичнаго, крѣпкаго, даровитаго. Мы скажемъ, что человѣкъ этотъ приспособленъ къ борьбѣ за свое существованіе; мы понимаемъ, что эти свойства зависятъ отъ тѣхъ процессовъ, которые происходили въ клѣткахъ его организма; мы понимаемъ, что клѣтки жили своей жизнью, что ими отнюдь не руководила идея приспособить человѣка къ борьбѣ; что онѣ вели борьбу только за свое существованіе, приноравливаясь лишь къ тѣмъ ощущеніямъ,

которыя онѣ сами испытывали и измѣняясь лишь въ зависимости отъ такихъ субъективныхъ ощущеній; для насъ очевидно, что, совершенно помимо воли и сознанія клѣтокъ, послѣднія, реагируя лишь на свои личныя, субъективныя ощущенія, сыграли объективную роль въ приспособленіи всего человѣческаго организма. Но какія это были ощущенія, какого рода измѣненія произошли въ клѣткахъ,— для насъ остается тайной. Точно также мы видимъ народъ предпріимчивый, уравновѣшенный, дѣятельный, но разумный, со всѣми аттрибутами нормальнаго постепеннаго развитія; мы понимаемъ, что онъ вполнѣ приспособленъ къ борьбѣ за свое существованіе, мы знаемъ, что эти свойства народа зависятъ отъ каждой клѣточки народнаго организма, что этому предшествовалъ цѣлый рядъ измѣненій въ клѣткакъ и выработка въ клѣткѣ-человѣкѣ особыхъ свойствъ; клѣтки-люди питались, удовлетворяли свои животныя потребности, испытывали всевозможныя субъективныя ощущенія, волновались, къ чему-то стремились, вели войны, внутреннія и внѣшнія, теряли кровь рѣками, дѣлились на партіи, создавали ученія, дѣлали открытія, изобрѣтали всевозможныя утопіи и т. п., а въ это время въ нихъ совершались какія-то измѣненія, появлялись у нихъ какія-то особыя свойства, благодаря которымъ, совершенно независимо отъ воли и сознанія человѣка, народъ становился крѣпче, уравновѣшеннѣй и выносливѣй. А въ то время, когда люди волновались и приспособлялись, сообразно со своими субъективными ощущеніями къ жизни,—въ народѣ совершался какой-нибудь актъ его жизни, и онъ вступалъ въ какой-нибудь физіологическій періодъ своего существованія, становился болѣе или, наоборотъ, менѣе приспособленнымъ къ борьбѣ. Тѣ свойства человѣка, которыя дѣлаютъ народъ приспособленнымъ къ борьбѣ, я бы назвалъ положительно-народными свойствами, въ отличіе отъ отрицательно-народныхъ свойствъ человѣка, ослабляющихъ народный организмъ въ борьбѣ за его существованіе. Какія измѣненія происходятъ въ духовной сферѣ человѣка, и что это за свойства человѣка, составляющія слабость или силу народа,—для насъ остается тайной. Я попытаюсь въ своемъ мѣстѣ указать на одно, подмѣченное мною, свойство, не рискуя назвать его безспорнымъ и считая свою попытку дерзкой, потому что въ этой области человѣкъ безпомощенъ и дерзокъ, осмѣливаясь со своей яичной скорлупы судить о томъ, что происходитъ внѣ ея. Это—область Божественнаго Провидѣнія, въ которое я глубоко вѣрую, и если я дерзаю, то только въ надеждѣ, что это сознаніе внушено мнѣ Божественнымъ же Провидѣніемъ... Все отъ Бога, и все черезъ Бога. Если моя мысль окажется правильной, разумной, если она человѣку, народамъ и человѣчеству вреда не принесетъ, то — она отъ Бога. Такова каждая мысль, таково каждое ученіе!..

И если я вижу, какъ погибали народы древности, — я говорю: такъ Богу угодно было. Если погибъ могучій, гордый Римъ,—я говорю: такъ Богу угодно было. Если живъ по сю пору еврейскій народъ, покоренный и разсѣянный по всему свѣту самонадѣяннымъ Римомъ,—я говорю: такъ Богу угодно было. Конечно, есть причины

для того и другого; ихъ надо искать въ народныхъ свойствахъ римлянина и іудея. Можно даже сдѣлать попытку опредѣлить эти свойства, но почему надѣленъ былъ еврейскій народъ тѣми свойствами, которыя его сохранили, почему лишенъ былъ этихъ свойствъ гордый Римъ,—на это я скажу словами Лермонтова: „на то была лишь Божья воля.“ Вѣдь, положительно—или отрицательно—народныя клѣтки совершенно особаго типа; можно быть физически крѣпкимъ, энергичнымъ, умнымъ, талантливымъ, даже считаться великимъ человѣкомъ, но обладать отрицательно-народными свойствами. Нельзя также судить о народѣ по его физическимъ силамъ, богатству, пространству, населенію. Онъ, какъ и могущественный Римъ, можетъ носить въ себѣ задатки болѣзни; и если у человѣка мы зачастую діагносцируемъ болѣзнь только на анатомическомъ столѣ, то у народа мы исключительно познаемъ болѣзнь послѣ смерти, на томъ же анатомическомъ столѣ.

Жизнь человѣчества, такъ же разнообразна, какъ разнятся между собой составляющіе его народы; не менѣе разнообразна по времени, мѣсту, числу органовъ и т. п. жизнь каждаго народа. Безумны и дерзки попытки мѣрить жизнь одной и той же мѣркой, строить для нея фантастическія теоріи и ученія, изобрѣтать какіе-то опредѣленные принципы жизни, богохульствовать, что жизнь народовъ нормируется какими-либо экономическими, религіозными и т. п. мотивами, а не народными, недоступными нашему сознанію, жизненными мотивами. Это—попытка объяснить жизнь народовъ, человѣчества, съ точки зрѣнія своихъ клѣточныхъ ощущеній. Человѣкъ, пожалуй,—царь природы въ борьбѣ за свое личное существованіе; тутъ участвуютъ и чисто-животные мотивы, и экономическіе, и религіозные и т. п. Но въ жизни народной человѣкъ, это—пушокъ, бросаемый вѣтромъ изъ стороны въ сторону; это—утлая ладья, безъ руля, парусовъ и веселъ, отдавшаяся на волю житейскихъ волнъ, это—жалкая пѣшка, руководимая Божественнымъ Промысломъ для цѣлей, одному только Богу извѣстныхъ. А на вопросъ, что такое Богъ,—я отвѣчу простыми словами величавой книги Бытія: Онъ то, что Онъ есть.

Скажутъ, что, это—фатализмъ, что это—призывъ къ восточной лѣни, къ полному бездѣлью. О, нѣтъ! Жизнь идетъ впередъ, каждый народъ растетъ; надо итти вслѣдъ за жизнью, нельзя отставать отъ народа; я призываю къ активной, кипучей дѣятельности; но только реальной, жизненной; это—спокойная, уравновѣшенная работа въ темпъ съ жизнью, съ движеніемъ и ростомъ, народа; это, правда,—скучная, утомительная и прозаическая работа, безъ мишурныхъ блестокъ, но это—нормальная, живая, цѣлесообразная и полезная работа. Библейскій призывъ: „Въ потѣ лица своего добывай свой хлѣбъ“—относится и къ народу, но для народа надо добывать пищу духовную, тѣ духовныя силы, которыя однѣ только даютъ народу мощь и крѣпость. Физически могучій, но духовно разслабленный Римъ призванъ служить каждому народу напоминаніемъ, своего рода „memento“. Я только предостерегаю отъ той

кипучей дѣятельности, которую проявляютъ современные интеллигенты всѣхъ странъ, отъ этой сизифовой безполезной работы, отъ этого переливанія воды въ бочку Данандъ, отъ этой толчеи въ ступѣ. Это—кипучая дѣятельность въ области и на почвѣ безпочвенныхъ мечтаній, это—борьба съ жизнью, со здравымъ смысломъ ея. Про эту дѣятельность можно сказать, что она, въ потѣ лица своего, отнимаетъ хлѣбъ у народа. Зато она поэтична, красочна, доставляетъ много наслажденій, но, вѣдь, и опій доставляетъ курильщикамъ много фантастическихъ образовъ и сладостныхъ наслажденій. Всѣ эти измы—парламентаризмъ, демократизмъ, соціализмъ и т. п.—это тѣ же наркотики, тотъ же опій. Человѣкъ ими отравляетъ организмъ своего народа, какъ алкоголемъ, никотиномъ, опіемъ и т. п. ядами онъ отравляетъ свой организмъ. Мы уже познакомились съ тѣмъ, что это за одуряющій напитокъ—соціализмъ; не больше утѣшеній дадутъ намъ: демократизмъ и парламентаризмъ.

IX.

Съ вышеизложенной точки зрѣнія, я и подойду къ вопросу о конституціи въ Россіи. Повторяю, изреченіе: „каждый народъ достоинъ своего правительства"—я считаю простой, но великой истиной, которая относится ко всякому явленію народной жизни. Я считаюсь не съ лицами, а только съ событіями, съ совершившимися фактами; я не обвиняю отдѣльныхъ лицъ, какъ бы высоко они ни стояли въ кормилѣ правленія, и какую бы роль они ни играли въ государствѣ, я говорю: „такъ было, такъ есть; такъ должно быть и иначе не могло быть". И если я вижу Россію, раздираемую въ удѣльный періодъ междуусобицами, когда я вижу, какъ начинается періодъ собиранія земли Русской подъ сѣнью царской власти, какъ постепенно крѣпнетъ Русская земля, развивается въ ней государственность и порядокъ; когда я вижу опять смуты и раздоры въ періодъ междуцарствія, и затѣмъ — постепенный ростъ государственности и правового порядка съ воцареніемъ дома Романовыхъ,—я понимаю, что славянское племя требуетъ сильной власти, что оно само жаждетъ этой власти, и что въ историческомъ призывѣ: „придите владѣть и княжить нами!" сказался весь характеръ народа, всѣ основныя свойства его души, нуждающейся въ сильномъ, властномъ руководителѣ. Государственность, правовой порядокъ немыслимы безъ сильной, твердой власти; такая же власть связывается не съ коллективнымъ учрежденіемъ, а съ отдѣльной личностью. Развѣ въ республикѣ эта власть не олицетворяется президентомъ. Пусть онъ выборный, временный, но во время своего президентства, онъ обладаетъ почти царской властью, а что потребность въ полнотѣ твердой власти чувствуется и въ республиканской Франціи и въ республикѣ Сѣв.-Амер. Штатовъ, видно изъ того, что и тутъ, и тамъ подымается вопросъ объ усиленіи власти президента. Чѣмъ человѣкъ сознательнѣе, чѣмъ въ немъ менѣе „пролетарской" или „интеллигентной" сознательности и чѣмъ болѣе истинной сознательности,—тѣмъ для него яснѣе, что прогрессъ—въ порядкѣ, въ законности,—

другими словами, въ государственности; послѣдняя же безъ твердой власти—пустой звукъ. И въ вышеупомянутомъ древне-русскомъ призывѣ сказывается именно сознательность, т.-е. здравомыслiе, уравновѣшенность народа, съ другой стороны, его прямодушiе и правдивость,—тѣ именно свойства, которыя теперь всячески стараются убить въ народѣ.

То, что русскiй народъ созналъ на зарѣ своей жизни,—то было и останется вѣковѣчной истиной,—именно, что царская власть есть *символъ* государственности и народности. Въ лицѣ царя олицетворяется единство государственной власти,—всѣхъ тѣхъ учрежденiй, которыя составляютъ государство, основанное на правѣ и порядкѣ. Въ его же лицѣ олицетворяется единство народа, связаннаго общимъ происхожденiемъ, общимъ языкомъ, религiей, исторiей и т. п. Правда, и въ лицѣ президента пытаются олицетворять и народъ, и государство, но эти попытки ни къ чему не приводятъ, потому что есть нѣчто въ царской власти, что дѣлаетъ ее неизмѣримо выше и дороже, это—тотъ поэтическiй ореолъ, который окружаетъ царя, та святость и божественность, которыя связаны съ царской властью, то величiе ея, которое, естественно, вытекаетъ изъ независимости царской власти отъ людской воли,—словомъ, все то, что выражается въ словахъ: „Помазаникъ Божiй“.

Республика, это—проза, монархiя, это—поэзiя; республика, это—большой казарменный домъ въ центрѣ душнаго города, монархiя—прелестная вилла на берегу моря. Пусть сухой, черствый янки удовлетворяется городской безцвѣтной жизнью,—какое дѣло до этого англичанину, нѣмцу, русскому и другимъ. Богъ одинъ; говорятъ, что Онъ вездѣ, и что Ему вездѣ можно молиться; однако, человѣкъ стремится придать этой молитвѣ торжественную, красивую и поэтичную обстановку. Царская власть, это—Богомъ данная власть, и она неразрывно связана съ религiей народа, съ его вѣрованiями, съ его прошлымъ; актъ коронацiи вездѣ и всюду—актъ религiозный. И гдѣ только существуетъ царская власть, она,—какъ и религiя,—неразрывно связана съ народомъ, составляетъ часть его души, его мысли, его жизни. Поэтому государство, народность, царская власть, религiя—переплетены и крѣпко связаны другъ съ другомъ; раздѣлить ихъ невозможно, особенно въ Россiи, гдѣ царская власть имѣетъ еще особый, исторически-народный смыслъ. Съ понятiемъ „Царь русскiй“ связано понятiе собиранiя земли русской, связано понятiе *„Россiя“*. Отъ царской власти и пошла земля русская. Исторiя царской власти, это—исторiя русскаго государства, русскаго народа, исторiя Россiи. Всѣ государственныя учрежденiя, языкъ, религiя, крупныя и повседневныя событiя въ жизни народа связаны съ царской властью. И только у инородцевъ съ Кавказа, или у безумцевъ изъ народа можетъ повернуться языкъ для того, чтобы произнести слово „республика“. Безъ царской власти русскiй народъ немыслимъ; отнимите ее у него, и вы отняли у него душу, отняли смыслъ жизни, отняли все то, что краситъ послѣднюю.

Но—скажутъ—поэзія поэзіей, однако, лучше быть сытымъ въ городской душной квартирѣ, чѣмъ голодать въ прелестной виллѣ на берегу моря. Такъ скажутъ тѣ, по мнѣнію которыхъ монархія—въ особенности самодержавная—ставитъ преграды народному творчеству, предпріимчивости народной, закабаляетъ производительныя силы страны и лишаетъ народъ конституціонныхъ гарантій, необходимыхъ ему, какъ воздухъ, какъ пища. На это я отвѣчу парадоксомъ.

Увы,—мнѣ на роду написано говорить парадоксами! Это—особаго рода несчастье. Въ 1912 г. я прочиталъ на губернскомъ совѣщаніи самарскихъ земскихъ врачей докладъ о санитарныхъ организаціяхъ. Этотъ докладъ вызвалъ общее возмущеніе врачей, и онъ тутъ же былъ заклейменъ, какъ парадоксальный. Однако, мнѣ скоро пришлось убѣдиться, что мои „парадоксальныя" мысли стали общимъ достояніемъ врачей, и что недалеко то время, когда онѣ превратятся въ простыя ходячія истины. Быть можетъ, та же участь грозитъ и моему настоящему парадоксу, вся парадоксальность котораго, повидимому, заключается лишь въ томъ, что онъ только противорѣчитъ обычнымъ понятіямъ, или туманнымъ, неяснымъ, или ложнымъ.

Я хочу сказать, что царская власть—всегда самодержавна, что самодержавная власть—всегда конституціонна, и что самодержавіе и конституція не только не противорѣчатъ другъ-другу, но неразрывно связаны между собой и сопутствуютъ другъ-другу,—другими словами, конституція существуетъ въ Россіи съ того времени, съ какого твердо и прочно утвердилась въ ней Самодержавная Царская Власть. Я, конечно, говорю о нормальномъ народѣ, съ нормально развивающейся государственностью, а таковымъ я считаю русскій народъ; надо только дать правильное опредѣленіе понятіямъ „самодержавіе" и „конституція".

Самодержавіе, это—**символъ** единой государственной власти и единаго народа, и, какъ символъ, оно неразрывно связано съ царской властью. Самодержавіе по существу своему неограничено, потому что оно совмѣщаетъ всѣ отрасли, всѣ функціи государственной власти: и законодательную, и административную, и судебную и т. д. Такой моментъ въ исторіи царской власти всегда имѣется. Въ этомъ отношеніи, одной изъ величайшихъ и трагическихъ фигуръ русской исторіи представляется личность Іоанна Грознаго. Было время, когда русская земля страдала отъ неурядицъ, отъ отсутствія твердой самодержавной власти,—другими словами, отъ отсутствія единой государственной власти, необходимой для соединенія разрозненныхъ частей въ единый народъ, и тотъ цементъ, который соединяетъ государство и народъ въ одно могучее цѣлое, и есть самодержавная царская власть. Дальновидные московскіе цари подъ флагомъ самодержавной власти начали собирать русскую землю въ одно государство, стали собирать племена въ одинъ народъ. Завершить эту великую и святую задачу, выпало на долю Іоанна Грознаго. Для него

царская власть была тѣмъ, что она есть и чѣмъ она должна быть: *святымъ Божественнымъ даромъ, символомъ единства народа и единой государственной власти.* Онъ пророчески понималъ, что, концентрируя въ себѣ власть, совмѣщая съ царской властью неограниченное самодержавіе, онъ окончательно собираетъ русскій народъ въ одинъ государственный народный организмъ. Онъ былъ истиннымъ великимъ сыномъ своего народа; онъ постигъ, что происходитъ физіологическій актъ такой концентраціи и собиранія разрозненныхъ частей въ единый народный организмъ, и его царствованіе было сплошнымъ содѣйствіемъ этому физіологическому акту; онъ его довершилъ. Если сказать, что это былъ для народа своего рода актъ выпаденія молочнаго зуба, то можно сказать, что Іоанну Грозному пришлось этотъ зубъ, близкій уже къ выпаденію, только выдернуть. Правда, это — операція болѣзненная; правда и то, что ему пришлось итти къ великой цѣли, черезъ потоки крови и слезъ, и его трагизмъ въ томъ, что онъ вошелъ въ исторію съ именемъ „Грознаго", хотя ему вполнѣ приличествуетъ имя „Великаго". Его трагизмъ въ томъ, что на его долю выпало довершить великій актъ народной жизни; его царствованіе представляетъ сплошную борьбу съ элементами, которымъ этотъ актъ приносилъ гибель или вредъ и которые всячески противодѣйствовали стремленіямъ Грознаго. Но всякое дѣйствіе вызываетъ противодѣйствіе: сопротивляясь самодержавію, которое было цѣлебнымъ бальзамомъ для народа, элементы эти, представлявшіе отрицательно-народныя клѣтки, вызывали естественное противодѣйствіе со стороны Іоанна Грознаго, и его время было поневолѣ временемъ неограниченнаго самодержавія въ дословномъ смыслѣ этого слова, потому что онъ самъ издавалъ законы, самъ правилъ, самъ судилъ, самъ и казнилъ. Такая фактическая неограниченность была естественнымъ послѣдствіемъ того противодѣйствія самой идеѣ самодержавной власти, которое, несомнѣнно, существовало въ обществѣ того времени и которое поддерживалось—явно и тайно—всѣми отрицательно-народными элементами. Когда же Іоаннъ Грозный твердо и прочно на вѣки-вѣчные утвердилъ въ Россіи самодержавіе, тогда неограниченность царской власти, достигши своего кульминаціоннаго пункта, потеряла свое значеніе. Царская власть, *оставаясь самодержавной*, т.-е. символомъ единаго государства и единаго народа, поневолѣ и по самому существу *сама должна себя ограничивать*,— другими словами, передавать другимъ лицамъ на основѣ довѣрія часть своихъ функцій, какъ ограничиваетъ себя въ большомъ дѣлѣ безспорный хозяинъ послѣдняго, передавая часть своей хозяйской власти другимъ лицамъ, такъ называемымъ „довѣреннымъ". И учреждается ли институтъ министровъ, организуется ли Сенатъ или Государственный Совѣтъ, назначается ли губернаторъ или намѣстникъ, издаются ли законы, назначается ли институтъ судей, для правильнаго дѣйствія законовъ и т. п., — царская власть, оставаясь самодержавной, оставаясь символомъ, „фирмой" народности, сама себя ограничиваетъ. (Я умышленно употребилъ выраженіе „фирма", потому что это понятіе въ грубомъ видѣ можетъ всего болѣе уяснить мою мысль). Да этого ограниченія требовали интересы какъ народа,

такъ и самой царской власти. Идеалъ самодержавія, какъ символъ единой государственной власти и единаго народа, былъ достигнутъ и настолько глубоко проникъ въ сознаніе народа, что послѣ Іоанна Грознаго, несмотря на всѣ неурядицы смутнаго періода, народъ самъ призвалъ къ самодержавной власти царя. Самодержавію уже ничто не грозило, а снять съ себя часть бремени правленія, возложить его на довѣренныхъ лицъ и, въ то же время, приблизить власть къ народу, — само собой напрашивалось въ общихъ интересахъ: и народа, и царской власти. А это ограниченіе царской власти, приближеніе ея къ народу и представляло каждый разъ конституціонный актъ; еще съ того времени началась въ Россіи эра конституціи. Только эта эра началась и продолжалась не путемъ революцій и давленія снизу, а, наоборотъ, она шла сверху, отъ самодержавной же царской власти. Это то постепенное, естественное и добровольное самоограниченіе и составляетъ величіе, святость и божественность царской власти въ Россіи; оно же служитъ залогомъ силы и величія народа, его нормальнаго развитія, потому что конституція вливалась въ народъ постепенно, въ строгомъ соотвѣтствіи съ интересами народа, согласно его потребностямъ и требованіямъ момента. Единственными темными пятнами въ этомъ постепенномъ и нормальномъ развитіи конституціонныхъ началъ представляютъ собой возстаніе декабристовъ въ царствованіе Николая I и, такъ называемое, освободительное движеніе происходившее на нашихъ глазахъ. Но объ этомъ послѣ.

Я вполнѣ ясно представляю себѣ недоумѣніе читателя; со словомъ „конституція“ онъ привыкъ соединять опредѣленное понятіе, которое, конечно, не вяжется съ тѣмъ, что мною выше изложено. Вся бѣда въ терминахъ; какъ кто понимаетъ слово „конституція“: принято понимать его, какъ единеніе царской власти съ народомъ, какъ уничтоженіе средостѣнія между царемъ и народомъ. Но, вѣдь, это единеніе красиво и возможно только на словахъ; на дѣлѣ же это опредѣленіе представляетъ чистѣйшій парадоксъ, абсурдъ моральный и физическій. Не можетъ царская власть морально единиться съ народомъ, среди котораго имѣются и преступники, и хулиганы, и совершенно некультурные люди, и психически ненормальные, и субъекты типа Чхеидзе, Керенскаго, Шингарева и т. п. Одно только появленіе въ Государственной Думѣ элементовъ трудовой и эсдековской партій, въ глазахъ и понятіяхъ царской власти, должно представляться оскверненіемъ ея святости, какимъ-то богохульствомъ, оскверненіемъ всѣхъ традицій, всѣхъ реликвій и святынь русскаго народа, измѣнническимъ подкопомъ подъ все то, что создано кровью, слезами и потомъ цѣлаго ряда поколѣній, что явилось плодомъ вѣковой совокупной работы царской власти съ народомъ. Не можетъ царская власть и физически единиться съ народомъ, и обычное такое единеніе производится черезъ посредство выборныхъ, черезъ Государственную Думу,—другими словами, на мѣсто одного средостѣнія является другое.

Могутъ, конечно, возразить, что это придирки къ словамъ, къ буквѣ; что важны не внѣшнія опредѣленія конституціи, а внутреній

ея смыслъ, ея содержаніе; но я меньше всего буквоѣдъ и не обра
тилъ бы вниманія на эти внѣшніе элементы, если бы въ нихъ н
было глубокаго смысла, если бы, въ связи съ этимъ, и все содержа
ніе понятія конституціи, не представлялось гнилымъ и негоднымъ
Царская власть, государство, народность,—все это понятія живыя
они не включены въ мертвыя неподвижныя рамки, они живутъ
идутъ наравнѣ съ жизнью и въ жизненной связи другъ съ другомъ
Существующее же понятіе конституціи—именно мертвое, безжизнен
ное; оно все пропитано бюрократизмомъ, потому что стремится
стать универсальнымъ и, при всѣхъ условіяхъ, неизмѣннымъ. Оно
не считается съ жизнью, ни съ временемъ, ни съ мѣстомъ, ни с
народомъ. Оно состоитъ изъ цѣлаго ряда формальныхъ, строго
опредѣленныхъ и тоже универсальныхъ элементовъ. Эти элементы
слѣдующіе: всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право
отвѣтственное передъ народомъ министерство, изъ среды же парла
мента, всякія свободы (слова, собраній, печати, сходокъ, демонстра
цій, забастовокъ), неприкосновенность личности и полная неприкос
новенность депутатской личности, автономное и безсословное мѣст
ное самоуправленіе и т. п. Я постараюсь объективно и безпристра
стно разсмотрѣть всѣ эти элементы, составляющіе въ общей сово
купности основу парламента, и тогда станетъ яснымъ и понятнымъ то
опредѣленіе конституціи, какъ я ее понимаю, и въ какомъ видѣ
ее считаю истинной и жизненной, станетъ ясно, что весь этотъ пар
ламентъ, каждый его элементъ въ отдѣльности и всѣ они въ сово
купности—ничто иное, какъ дутая афера, а всѣ эти прогрессисты, ка
деты и даже октябристы 14-го года—ничтое иное, какъ самые зауряд
ные аферисты. Объ эсдекахъ, трудовикахъ и говорить нечего,—имъ
впрочемъ, я уже посвятилъ первую часть моей бесѣды, и больше к
нимъ возвращаться не буду. Мое единственное желаніе, чтобы загип
нотизированный русскій обыватель прозрѣлъ и понялъ, въ атмосфе
рѣ какой открытой аферы онъ живетъ, и какъ злоупотребляютъ его
прямодушіемъ, его довѣрчивостью, его инертностью окружившіе его
сплошнымъ кольцомъ, аферисты. Я хотѣлъ бы, чтобы каждому стало
ясно, что великій Манифестъ 17 Октября не поняли, извратили
втоптали въ грязь только тѣ, что зовутъ себя прогрессистами, ка
детами, и только потому, что они не доросли до него. И если мнѣ
это не удастся, то въ этомъ виновато будетъ мое слабое перо, а не
то правое дѣло, въ защиту котораго я вступилъ.

X.

Что и говорить: и отвѣтственнность министровъ передъ Думой
и избирательное право, и всякія свободы, и неприкосновенность лич
ности,—все это великія блага, все это заманчиво—и заманчиво не
только для народа, для каждаго обывателя, но и для самодержавной
царской власти—однако, оно заманчиво только въ теоріи, по внѣш
ности; это—тотъ красивый, заманчивый огонекъ, на который бро
сается бабочка, и о который она обжигаетъ себѣ крылья. Огонь мо
жетъ свѣтить и грѣть, но можетъ и обжигать. Это надо твердо

помнить; надо помнить, что каждый предметъ представляетъ обоюдоострое оружіе. Морфій, опій въ малыхъ разумныхъ дозахъ и употребленный во время и умѣстно—являются цѣлебнымъ средствомъ; въ противномъ случаѣ, представляютъ разрушительный ядъ. То же относится ко всѣмъ правамъ и свободамъ.

Избирательное право—великое, святое право, но, по всей вѣроятности, немногіе отдаютъ себѣ отчетъ въ томъ, какія съ своей стороны великія и святыя обязанности оно налагаетъ. Многіе ужаснулись бы при мысли, какое преступленіе противъ народа, противъ родины они совершаютъ, съ легкимъ сердцемъ беря на себя обязанности, которыя они совершенно не въ состояніи выполнить. Многіе отшатнулись бы отъ этой тяжелой и преступной обузы, которую они на себя добровольно наложили. Вѣдь, то, что происходитъ въ жизни, что слыветъ подъ именемъ избирательнаго права, есть только профанація права, простая и сплошная афера; вмѣсто истиннаго, подлиннаго избирательнаго права прогрессисты преподносятъ обывателю только фальшивую ассигнацію.

Что же происходитъ въ дѣйствительности? Нѣсколько лицъ образуютъ партію, составляютъ программу и предлагаютъ избирателю, путемъ выбора того или иного лица, принять ихъ программу. Но всѣ эти программы, прежде всего, до тошноты однообразны; всѣ состоятъ изъ общихъ мѣстъ и благихъ пожеланій; нужны, молъ, всякія свободы, нужно участіе народа въ управленіи, необходимо свободное развитіе страны на началахъ самодѣятельности и безсословности мѣстнаго сомоуправленія и т. д., и т. д. Есть въ программахъ всевозможныя обѣщанія, и вся разница между программами—въ степени беззастѣнчивости и наглости, потому что эти обѣщанія никому и гроша ломанаго не стоятъ, и производятся они за чужой счетъ и изъ чужого кармана; иная программа больше обѣщаетъ, другая меньше. Но, оставляя въ сторонѣ эти обѣщанія, подоплека которыхъ понятна, и которыя, кромѣ чувства брезгливости, ничего не вызываютъ, надо признаться, что подъ любой изъ программъ каждый подпишется. Въ самомъ дѣлѣ: кто будетъ, кто можетъ отрицать, что свободное развитіе народа, его активная самодѣятельность во всѣхъ отрасляхъ и направленіяхъ, это—идеалъ, котораго долженъ желать всякій патріотъ, всякій, кому дороги интересы народа. Но, вѣдь, это общее, неопредѣленное пожеланіе, и, понятно, каждый можетъ по своему понимать самодѣятельность, иной можетъ такъ понимать самодѣятельность, что получится не только бездѣятельность, а тормазъ всякой дѣятельности. Но и съ этимъ можно мириться. Грѣхъ всѣхъ программъ, съ ихъ общими благими пожеланіями, въ томъ, что онѣ совершенно затемняютъ вопросъ и выводятъ обывателя на ложный путь. Конечно, свобода, самодѣятельность и т. п.—весьма цѣнныя и всѣмъ понятныя блага, но, вѣдь, не это важно; важно знать, что нужно въ данный моментъ народу; и если ему, скажемъ, нужны свободы, то въ какой степени онѣ нужны, или, выражаясь вульгарно, какую степень ихъ можетъ переварить народъ. Если отецъ, къ примѣру, мечтаетъ объ университетскомъ дипломѣ для сына, то развѣ

кто-нибудь будетъ отрицать, что отецъ имѣетъ въ виду благо сына, и, несомнѣнно, подъ такой отцовской программой всякій отецъ подпишется. Но, не дай Богъ, если эта программа для отца превратится въ универсальное средство отъ всѣхъ бѣдъ и напастей его сына; вѣдь, такой отецъ способенъ, когда его двухмѣсячный сынъ плачетъ, вмѣсто соски или кашки совать ему въ ротъ университетскій дипломъ или сразу, вмѣсто азбуки, начать его пичкать университетскими науками. До такихъ абсурдовъ можно дойти, если общее благое начало превратить въ программу, въ универсальное средство отъ всѣхъ болѣзней во всѣ времена и для всѣхъ народовъ. Кто развѣ будетъ отрицать, что безъ пищи и ѣды жить невозможно? Однако, существуютъ болѣзни, при которыхъ необходима діэта, порой—весьма строгая, какъ качественная, такъ и количественная. Весьма серьезный и далеко еще научно не установленный вопросъ какая именно діэта нужна для той или иной болѣзни. Для того чтобы стать врачомъ, чтобы знать основы діэтическаго леченія, люди тратятъ не менѣе 25 лѣтъ своей жизни; кончаютъ, послѣ школьныхъ занятій и предварительнаго гиназическаго стажа, университетъ, но и этого мало: многіе продолжаютъ работать, производить опыты годы, всю жизнь иногда посвящаютъ діэтическому вопросу какъ въ физіологическомъ состояніи организма, такъ и въ болѣзненномъ. И вотъ, представимъ себѣ, что полный профанъ и не вѣжда въ медицинѣ, которому доподлинно извѣстно только, что безъ пищи и питья жить невозможно,—вообразитъ себя врачомъ и начнетъ всѣхъ и отъ всѣхъ болѣзней лечить по одному универсальному методу, по одному рецепту: побольше ѣшь и пей. Вѣдь такого цѣлителя мы назовемъ знахаремъ; мы его предадимъ суду и не разъ на судѣ онъ будетъ фигурировать, какъ убійца. Самъ по себѣ знахарство—преступленіе, неблаговидная афера; но это—самая преступная афера, потому что она нерѣдко расшатываетъ здоровье жертвы, а иногда форменно убиваетъ ее. А развѣ составленіе программы, какъ универсальнаго средства для народа,—не знахарство и самое преступное? Развѣ избраніе, на основаніи программы не знахарство и самое преступное? И развѣ, благодаря этому, вся избирательная процедура не представляетъ преступленія, сплошной аферы? А, вѣдь, жизнь народа еще сложнѣй; организмъ народный почти не поддается изслѣдованію и изученію, а его діэта еще загадоннѣй; въ распознаваніи, а тѣмъ болѣе въ леченіи народныхъ болѣзней мы безсильны; мы болѣзнь народа узнаемъ только на анатомическомъ столѣ, при вскрытіи; мы должны считать себя счастливыми, если Богъ даетъ силу и даръ уразумѣть, при жизни народа хотя бы физіологическій актъ народной жизни и содѣйствовать его развитію. Не ясно ли, что знахарство народное во много разъ преступнѣй, наглѣй. Въ своей личной жизни, въ своемъ обиходѣ мы знахарство преслѣдуемъ, клеймимъ его, какъ преступленіе. Казалось бы, къ народному знахарству отношеніе должно быть еще нетерпимѣе, а, между тѣмъ, мы передъ нимъ преклоняемся, возводимъ его въ принципъ. А всѣ эти партіи, съ ихъ программами, вся эта избирательная процедура—одно сплошное знахарство. Такъ развѣ эт

не всенародное затменіе, не всенародный гипнозъ? Мало того: мы не только противодѣйствуемъ правительству въ его борьбѣ со знахарствомъ, но требуемъ отъ него, чтобы оно дало этому народному пороку полную свободу и ширь; мы до сихъ поръ не можемъ ему простить закона 3 іюня, который этой аферѣ и свободному поприщу народныхъ знахарей положилъ хоть какой-нибудь предѣлъ. Мы называемъ черносотенцемъ, реакціонеромъ—каждаго, кто только полагаетъ, что каждый порядочный человѣкъ долженъ заниматься своимъ дѣломъ, а не присваивать себѣ чужое званіе, чужую спеціальность. Мы надъ такимъ человѣкомъ даже издѣваемся; Пуришкевичъ у насъ сталъ всенароднымъ посмѣшищемъ. А вѣдь, еще дѣдушка-Крыловъ сказалъ: „бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ". Какъ хорошо было бы, если бы Милюковъ, Шингаревъ, Чхеидзе и вся эта прогрессивно-демократическая братія почаще заглядывала бы въ басни Крылова. И сталъ бы каждый жить своимъ умомъ-разумомъ, заниматься у себя-дома, въ хозяйствѣ, на службѣ своимъ дѣломъ, своей спеціальностью, а не лѣзъ бы во всезнайки и знахари, не копировалъ бы англійскую „оппозицію Его Императорскому Величеству". Не напоминаетъ ли каждый изъ нихъ того анекдотическаго земскаго врача, который выставлялъ всѣхъ больныхъ въ одинъ рядъ и затѣмъ всѣмъ безъ разбору назначалъ или хининъ, или касторку! Можно развѣ по одной программѣ, по одному рецепту лечить всѣ народы!? И развѣ для каждаго народа во всѣ времена нуженъ только одинъ рецептъ!?

Но помимо программъ и партій, развѣ, по существу, одно только требованіе избирательнаго права не равносильно требованію признать каждаго компетентнымъ въ рѣшеніи любого государственнаго вопроса,—другими словами, избирательное право—ничто иное, какъ патентъ на то же свободное народное знахарство. Нужна, выражаясь мягко, вся дерзость г. Шингарева, чтобы выступать съ апломбомъ по вопросамъ народнаго образованія, финансовымъ, морскимъ, военнымъ и другимъ вопросамъ, изъ которыхъ каждый требуетъ огромной эрудиціи, опыта, наблюдательности, несомнѣнно, особыхъ талантовъ и призванія, а, главное, спеціальныхъ знаній, которыя даются годами и даже десятилѣтіями упорнаго труда. Быть министромъ,—значитъ нести не фиктивную отвѣтственность депутата передъ избирателями, а дѣйствительную отвѣтственность передъ царемъ и родиной. Отвѣтственная работа каждаго министра можетъ быть только добросовѣстной, продуманной, а, главное, работой знатока спеціалиста, прошедшаго многолѣтній предварительный стажъ. Конечно, случайно изъ тысячи депутатовъ одинъ можетъ оказаться и геніемъ съ широкими и истинными государственными задатками, но Шингаревыхъ сотни, тысячи... Откуда же ихъ брать? Вопросъ этотъ разрѣшается очень просто: ихъ сила—въ критикѣ. Вѣдь, всякую работу критиковать легко. Критика и забастовка—двѣ родныя сестры. Что можетъ быть легче того и другого, и какъ нѣтъ человѣка, неспособнаго къ забастовкѣ, такъ нѣтъ человѣка, неспособнаго къ критикѣ Поэтому-то—

такая масса охотниковъ критиковать все: и то, что ихъ касается, и то, что ихъ совсѣмъ не касается; и то, въ чемъ они толкъ понимаютъ, и то, въ чемъ они ни аза не смыслятъ. Это свойство давно уже замѣтилъ все тотъ же дѣдушка-Крыловъ; въ одной изъ его басенъ оселъ нашелъ возможнымъ критиковать даже пѣніе соловья. Почему же Шингареву не критиковать Коковцева, Маклакова, Кассо! Каждый избираетъ свой спеціальный родъ критики, свое, такъ сказать, амплуа. Амплуа г.г. Шингаревыхъ—критика министровъ. Вотъ тотъ устой, тотъ китъ, на которомъ держатся депутаты, парламентаріи и, вообще, дѣльцы избирательнаго искусства. Вотъ та мутная парламентская вода, въ которой аферисты ловятъ на удочку простодушнаго обывателя. Парламентаріи готовы и способны съ одинаковымъ апломбомъ критиковать и магистра пѣнія, и магистра хареографическаго искусства, и борца, и авіатора, лишь бы каждый назывался не магистромъ, а министромъ. Въ докладѣ, отчетѣ, рѣчи министра г.г. Шингаревы ищутъ лишь одно: къ чему бы имъ придраться!.. Все это для нихъ—лишь поводъ къ критической рѣчи. Это критика—только для критики. Психологію этой критики удачно освѣтилъ и заклеймилъ великій Крыловъ знаменитымъ изреченіемъ: „знать, Моська—она сильна, что лаетъ на слона“... Это ставка только на простодушіе обывателя, на то простодушіе, на которомъ зиждется такъ называемое общественное мнѣніе. Долженъ покаяться въ своемъ невѣжествѣ: за все это знаменитое общественное мнѣніе я и гроша мѣднаго не дамъ. Внѣ сомнѣнія, что и знаменитый крыловскій знатокъ музыки былъ убѣжденъ, что послѣ его глубокомысленной критики соловьинаго пѣнія—его обязательно произведутъ въ профессоры пѣнія. Увы! Внѣ сомнѣнія, если дѣло зависѣло бы только отъ общественнаго мнѣнія, оно обязательно потребовало бы, чтобы осла произвели въ профессоры консерваторіи. Какъ же: вѣдь, самого соловья критикуетъ, вѣдь, лаетъ на слона!.. О, великій Крыловъ своимъ здравымъ смысломъ глубоко вникъ въ психологію общественнаго мнѣнія, и ему достаточно было нѣсколько словъ, чтобы на вѣки-вѣчные его заклеймить и заодно заклеймить господъ Шингаревыхъ въ прошломъ, настоящемъ и будущемъ. Побольше бы читали басни Крылова, поменьше слушали бы рѣчи Шингарева. Внѣ сомнѣнія, и каждый изъ Шингаревыхъ убѣжденъ, что послѣ его рѣчи—его произведутъ на отвѣтственный постъ министра. А развѣ общественное мнѣніе страны этого не требуетъ? Какъ же! Критикуетъ министра!..

А вѣдь, всѣ эти рѣчи—на одинъ манеръ: на манеръ рѣчи, образецъ которой я далъ, именно—рѣчи домовладѣльца о пожарахъ. Понятно, что существуетъ весьма естественное опасеніе, что къ такимъ рѣчамъ даже общественное мнѣніе остается равнодушнымъ и дастъ имъ надлежащую оцѣнку. Вотъ тогда-то и наступаетъ очередь газетъ,—этихъ знатоковъ, выразителей и создателей общественнаго мнѣнія. Выступаютъ онѣ во имя знаменитой „тактики партіи“, и во всѣ концы, на всѣ лады трубятъ: „сегодня депутатъ произнесъ двухчасовую исчерпывающую рѣчь; эта обстоятельная рѣчь была гвоздемъ сегодняш-

няго засѣданія; въ своей рѣчи депутатъ подвергъ безпощадной критикѣ вѣдомство; вся Дума слушала его съ захватывающимъ вниманіемъ; даже на скамьяхъ правыхъ эта замѣчательная рѣчь произвела огромное впечатлѣніе...“ и. т. д. въ томъ же родѣ. Несчастье крыловскаго осла въ томъ, что въ его время не было газетъ, которыя и его рѣчи дали бы точь-въ-точь такую же аттестацію; внѣ сомнѣнія, что даже крыловскій оселъ послѣ такой аттестаціи обязательно попалъ бы въ профессоры Народной консерваторіи (Отдѣленіе Народнаго Университета) или консерваторіи Шанявскаго (Отдѣленіе Университета Шанявскаго). Надо отдать справедливость газетамъ: онѣ вѣрны тактикѣ до самозабвенія,—вѣрнѣе, до забвенія всѣхъ правилъ приличія и требованій правды. Про рѣчь Пуришкевича или Маркова вся эта безпартійно-прогрессивная,—вѣрнѣе безпардонно-прогрессивная, а еще правильнѣе, безпардонно-лживая печать пишетъ коротко: „сегодня съ обычной сумбурной и ругательной рѣчью выступилъ Марковъ II; залъ засѣданія былъ пустъ, тѣмъ не менѣе, раздались жидкіе апплодисменты, конечно, на крайнихъ правыхъ скамьяхъ“. Поневолѣ подумаешь: не хорошо быть Марковымъ, хорошо быть осломъ, т.-е. природнымъ критикомъ. Но только, ради Бога, не ищите въ этой газетной тактикѣ ни искренности, ни правды, это—просто лакейская манера фанатичныхъ демократовъ. То они, по-лакейски, широко раскрываютъ двери газеты и почти на цѣломъ листѣ докладываютъ: „Его Сіятельство, князь отъ демократической партіи, ея слава и гордость, великій государственный дѣятель—и т. д., и т. д. — Петръ Николаевичъ Милюковъ“, а то грубо втискиваютъ, черезъ еле открытую, всего на 2—3 строчки, дверь какого-то господина, и говорятъ коротко: „Марковъ II“. Нигдѣ такъ не развита страсть къ титуламъ, чинамъ, званіямъ, какъ среди демократовъ, нигдѣ такъ не развито лакейское угодничанье передъ сильными міра, передъ титулованными особами, какъ среди тѣхъ же демократовъ. Но титулы, чины, званія носятъ особыя клички: „лидеръ партіи“, „популярный общественный дѣятель“, „блестящій ораторъ“, „испытанный борецъ за народныя права“, „предсѣдатель того или иного общества“, „лекторъ народнаго университета“, „депутатъ Думы“, „прогрессивный гласный“ и т. д., и т. д. Въ ушахъ демократа, это—звучитъ одинаково, какъ графъ, князь, тайный совѣтникъ, генералъ и т. п. Но демократъ своего чина или титула не промѣняетъ на обыкновенный титулъ или чинъ, даже на постъ министра. Спросите депутата Маклакова, развѣ онъ промѣняетъ свой почетный демократическій титулъ на жалкое мѣсто своего брата-министра? Вѣдь, демократическіе титулы и чины даются отъ лица и отъ имени общественнаго мнѣнія,—того учрежденія, которое, по мѣткому выраженію дѣдушки-Крылова, руководится мудрымъ правиломъ: „знать, Моська—она сильна, что лаетъ на слона“, того учрежденія, которое создано руками и трудами миріадовъ великихъ мудрецовъ и критиковъ, достойно прославленныхъ въ баснѣ „Оселъ и соловей“. Само собой разумѣется, что нельзя дорожить такимъ учрежденіемъ и не быть ему преданнымъ: во-первыхъ, чины и титулы достаются очень легко, такъ какъ общественное мнѣніе щедро и безъ разбору раз-

даетъ ихъ направо и налѣво; во-вторыхъ, общественное мнѣніе въ близкомъ родствѣ съ тѣмъ могучимъ учрежденіемъ, которое зовется седьмой великой державой, т.-е. съ прессой, и каждый демократическій титулъ и чинъ получаетъ народное и даже міровое значеніе, а главное—каждый такой титулъ или чинъ даютъ всенародный и даже міровой почетъ и уваженіе. Кто знаетъ того или иного графа, кто имъ интересуется! Близкій кругъ лицъ. А графа отъ демократіи знаетъ, имъ интересуется весь народъ. Пріѣдетъ въ Самару министръ Маклаковъ; его встрѣтитъ официальная Самара. Какая тусклая встрѣча! А пріѣдетъ депутатъ Маклаковъ, его встрѣтитъ вся Самара... Зачѣмъ же быть министромъ Маклаковымъ, когда выгоднѣе, пріятнѣй, почетнѣй быть депутатомъ Маклаковымъ, тѣмъ болѣе, что званіе министра требуетъ труда, а званіе депутата—только водянистыхъ рѣчей; доля министра - черная, грязная работа; доля депутата—сплошной рядъ тріумфовъ и чествованій. Вопіющая и наглая клевета, когда говорятъ о терніяхъ на пути демократа и о розахъ на пути консерваторовъ. Наоборотъ, надо имѣть много гражданскаго мужества, чтобы быть министромъ, правымъ профессоромъ, правымъ депутатомъ, правымъ публицистомъ и т. п.,—другими словами, чтобы плыть противъ теченія; а быть лѣвымъ депутатомъ, профессоромъ или публицистомъ—одно удовольствіе, на которое способно только ничтожество. Надо только отдать справедливость тому умѣнью, съ которымъ демократы прикрываются жертвами и агнцами. Вотъ въ чемъ шантажъ, вотъ гдѣ нужно искусство ловкаго аферіста. Вѣдь, титулы, званія важны не сами по себѣ, а по тому уваженію, которое они несутъ съ собой. Какіе же титулы, какія званія сравнятся съ тѣмъ почетомъ, который несутъ съ собой демократическіе чины и титулы? Немудрено, что многіе, даже родовитые князья и графы, не прочь промѣнять свои, ставшіе не модными, гербы на какой-нибудь почетный и модный демократическій титулъ лидера партіи или члена комитета и т. п. И всѣ эти партіи, программы, рѣчи, выборы, общества, комитеты,—словомъ, вся эта избирательная комедія—одна сплошная погоня за почетными демократическими титулами и чинами отъ седьмой великой державы—общественнаго мнѣнія. Немудрено, что всѣ демократы кричатъ о всесословности учрежденій, объ упраздненіи титуловъ, чиновъ. Они знаютъ, что есть и будутъ сословія, чины и титулы, но новаго демократическаго пошиба; подъ фиговымъ листкомъ упраздненія чиновъ и титуловъ они сами стремятся къ чинамъ и титуламъ. Кому же нужно избирательное право: народу, обывателю? О, нѣтъ! Оно нужно только кучкѣ шантажистовъ, которымъ оно прокладываетъ дорогу къ разнымъ демократическимъ чинамъ и титуламъ!.. Такъ развѣ не ясно, что все избирательное право—одна только афера, одно издѣвательство надъ простодушіемъ обывателя, котораго аферисты, подъ кличкой безпартійныхъ прогрессистовъ, заставляютъ все время таскать для себя каштаны изъ огня.

О вы, князья и примасы демократической церкви! Не нашлась еще та сила, которая сорвала бы съ васъ маски, густымъ слоемъ

покрывшія ваши лица, ваши души, вашу совѣсть! Боюсь, что у меня не хватитъ этой силы: слишкомъ плотны, густы маски, ужъ очень ловко онѣ прилажены, а, главное, слишкомъ слѣпъ еще простодушный обыватель... Нуженъ какой-то особый, рентгеновскій аппаратъ, чтобы, черезъ густыя демократическія наслоенія, снять и показать на фотографическомъ снимкѣ все гнилое и тухлое демократическое содержимое. Негативъ-то у меня имѣется, и мнѣ-то видно, какъ подъ благородной осанкой князя отъ демократіи, какъ подъ гордымъ и побѣдоноснымъ видомъ борца за блага народа, какъ подъ мечтательной шевелюрой—спеціалиста по всѣмъ отраслямъ,—скрывается или просто-воръ народныхъ цѣнностей, или Азефъ, родоначальникъ Азефовъ, или аферистъ и шантажистъ, или лакей, или тотъ извѣстный знатокъ музыки, который пѣніе соловья оцѣнилъ исторической фразой: „а жаль, что не знакомъ ты съ нашимъ пѣтухомъ!“... Немало у меня фотографій каждой категоріи, но каждый демократъ—обязательно мастеръ на всѣ руки, потому что каждый демократъ страдаетъ языкочесаніемъ и безудержу говоритъ и говоритъ. Что стоитъ Шингареву сказать рѣчь по любому поводу и по любому вопросу! Вѣдь, всѣ эти рѣчи—по одному шаблону: плохи русскіе финансы, школы, дороги, земства,—все плохо, потому что нѣтъ конституціи, нѣтъ свободъ; уничтожьте законъ 3 іюня, введите всеобщее избирательное право, свободы, чтобы всѣ демократы свободно, безъ стѣсненій двигались по пути къ славѣ, къ почестямъ, подъ защитой общественнаго мнѣнія толкая свободный народъ въ бездну; назначьте въ министры Милюкова съ Шингаревымъ, дайте имъ въ товарищи Чхеидзе съ Керенскимъ—и потекутъ русскія рѣчи млекомъ и медомъ. Сказалъ же мой пріятель прекрасную демократическую рѣчь о пожарахъ и, какъ дважды-два-четыре, доказалъ, что безъ свободы слова нельзя тушить пожаровъ. Хотите, онъ вамъ отборную демократическую рѣчь скажетъ по любому поводу и по любому вопросу: по поводу дѣла Бейлиса или Биспинга, по поводу паденія Габеръ-Влынскаго или наводненія на Волгѣ и т. п. Только закажите! Демократы готовятъ рѣчи, какъ поваръ блюда. Читаютъ же проповѣди на ту или другую тему; лечатъ же аферсты отъ всѣхъ болѣзней невской водой или мазью „Радикаль“. Почему же не лечить всѣхъ по такому вѣрному способу: „ѣшь и пей?“ А тѣмъ болѣе народные недуги, въ которыхъ никто ни аза не смыслитъ! Кто смѣетъ утверждать, что не надо ѣсть и пить! Кто смѣетъ критиковать такую универсальную и вѣрную истину! Ура! Да здравствуетъ великое цѣлебное демократическое искусство! Остается только закончить нравоученіемъ: „Избави насъ Богъ отъ этакихъ... врачей!“

Прибавлю только, что, быть можетъ, рѣчи правыхъ не совсѣмъ складны по формѣ, но онѣ не составлены по одному шаблону. Каждая мысль оригинальна, продумана и представляетъ безыскусственное, быть можетъ, и ошибочное, но отъ души идущее слово.

Вотъ что представляетъ изъ себя пресловутое избирательное право,—съ внѣшней, такъ сказать, формальной стороны. Но что

оно даетъ обывателю, народу? Нужно ли оно имъ? Оно безусловно нужно тѣмъ, которые страдаютъ языкочесаніемъ, и избирательное право дастъ имъ возможность залить страну фонтанами краснорѣчія, ослѣпить обывателя фейерверками громкихъ и блестящихъ словъ; пустить пыль въ глаза своимъ поддѣльнымъ благородствомъ и безкорыстіемъ. Иной, въ самомъ дѣлѣ, безкорыстенъ потому, что у него языкъ чешется, и онъ счастливъ только оттого, что ему удается почесать языкъ. Собственно говоря, и это даже не безкорыстіе, потому что дать человѣку возможность почесать языкъ, разъ онъ у него чешется,—все равно, что дать голодному кусокъ хлѣба. Но и это безкорыстіе весьма сомнительнаго свойства, потому что, какъ я уже выше сказалъ, оно прокладываетъ путь ко всевозможнымъ демократическимъ чинамъ и титуламъ. Вѣдь, за титулъ „популярнаго общественнаго дѣятеля“ иной готовъ въ огонь и въ воду пойти. И это не парадоксъ; вѣдь, въ каждой области—свои чины и титулы; что іеромонаху чинъ статскаго совѣтника, или статскому—чинъ поручика! Иной въ восторгѣ отъ Георгія, а другой—отъ значка чемпіона міра. Въ коммерческомъ, военномъ, въ ученомъ, духовномъ мірѣ и въ каждомъ изъ другихъ міровъ—свои чины и титулы. И безкорыстіе г.г. демократовъ, ихъ презрѣніе къ чинамъ и титуламъ весьма сомнительнаго свойства. Но помимо корысти, такъ сказать, платонической, нельзя отрицать и корысти болѣе низкаго, матеріальнаго свойства; внѣ сомнѣнія, тотъ или иной демократическій титулъ, то или иное значеніе нерѣдко оплачивается, а еще чаще—даетъ возможность выгодно устроиться, пріобрѣсти связи и т. п. Но о доходности и выгодахъ демократическаго рвенія—въ другомъ мѣстѣ. Избирательное же право открываетъ, конечно, широкое поприще для всѣхъ этихъ демократическихъ талантовъ и ко всѣмъ теплымъ демократическимъ мѣстамъ. Простодушный же обыватель волнуется, кипятится; онъ убѣжденъ, что безъ избирательнаго права онъ жить не можетъ; его уговорили, что онъ творитъ великое дѣло, что, избирая, онъ только и производитъ истинную, полезную для него, для родины, для всего міра работу; а, между тѣмъ, онъ только... таскаетъ каштаны для тѣхъ, которые страдаютъ языкочесаніемъ. А что оно даетъ обывателю!? Развѣ избирательное право кормитъ, даетъ кусокъ хлѣба? Развѣ оно дѣлаетъ кого-либо богаче, счастливѣе, умнѣе, сознательнѣе? Развѣ оно гдѣ-либо, въ чемъ-либо и когда-либо измѣнило въ ту или другую сторону чью-либо жизнь? Какъ былъ человѣкъ чиновникомъ или купцомъ, такъ и продолжаетъ быть. Отошелъ избиратель отъ урны,—все равно, что папиросу выкурилъ или билетъ въ театръ взялъ, а жизнь и до того, и послѣ того текла и течетъ своимъ чередомъ. И уму непостижимо, изъ-за чего люди бьются, ломаютъ копья. Я говорю о многомилліонномъ обывателѣ, о народѣ, а не о тѣхъ десяткахъ или сотняхъ счастливцевъ, которые на этой аферѣ наживаются. Обыватель смотритъ на все—и, между прочимъ, на избирательное право—чисто по-обывательски: онъ убѣжденъ, что избирательное право дастъ ему то, чего ему недостаетъ, избавитъ его отъ всѣхъ бѣдъ. Да и какъ ему

думать иначе, когда уже годами, десятилѣтіями всѣ и вездѣ и на улицахъ, и въ домахъ, и на собраніяхъ, и въ газетахъ—кричатъ, что безъ избирательнаго права всѣ народы и каждый обыватель несчастны и бѣдствуютъ, и что только избирательное право можетъ ихъ спасти. Поневолѣ обыватель теряетъ сообразительность и забываетъ ту истину, что каждый—кузнецъ своего счастья, что каждый народъ создаетъ свою жизнь, и что счастье или несчастье народа зависятъ отъ его характера, возраста, темперамента и т. п. Иной живетъ хорошо съ избирательнымъ правомъ, а другой—еще лучше безъ него. А если народъ боленъ, и ему суждено погибнуть, то онъ все равно умретъ,—есть ли у него избирательное право или нѣтъ его. И простодушный обыватель идетъ къ урнѣ чисто по-обывательски: онъ увѣренъ, что стоитъ ему опустить записку въ урну, и къ нему прямо въ ротъ полетятъ галушки; каждый убѣжденъ, что немедленно исполнятся всѣ его затаенныя мечты. Приказчикъ убѣжденъ, что завтра же выгонятъ хозяина изъ магазина, отдадутъ ему магазинъ, и будетъ онъ хозяинъ, а хозяинъ будетъ у него приказчикомъ. Крестьянинъ—что у помѣщика отберутъ землю и отдадутъ ему, и станетъ онъ помѣщикомъ, а помѣщикъ крестьяниномъ. Рабочій и мастеровой—что онъ будетъ цѣлый годъ бастовать, за исключеніемъ праздниковъ, относительно которыхъ онъ возьметъ на себя добровольно трудъ обязательно ихъ праздновать, а жалованье ему будетъ за это время своимъ порядкомъ итти, и жалованья онъ будетъ получать въ мѣсяцъ столько, сколько директоры двѣнадцати фабрикъ вмѣстѣ получаютъ въ годъ. Мелкій чиновникъ,—что его произведутъ завтра же въ статскіе совѣтники, а все начальство разжалуютъ, и будетъ онъ начальствомъ, и будетъ получать генеральское жалованье, а всѣ бывшіе статскіе совѣтники будутъ у него мелкими чиновниками. А земскіе служащіе,—начиная отъ швейцаровъ и машинистокъ на пишущихъ машинахъ и кончая регистраторшами, губернскими агрономами и секретарями,—увѣрены, что управѣ и собранію пришелъ конецъ, что теперь каждаго изъ нихъ назначатъ: кого гласнымъ, кого предсѣдателемъ, кого членомъ управы, а гласные и члены управы будутъ регистраторами и писцами. Бездѣтные увѣрены, что у нихъ дѣти пойдутъ дюжинами; больные, что они выздоровѣютъ; слѣпые, что они прозрѣютъ; воры и мошенники, что теперь честныхъ людей будутъ сажать въ тюрьмы, а ворамъ и мошенникамъ будетъ почетъ и уваженіе и т. д., и т. д.

И обыватель, со своей точки зрѣнія, вполнѣ правъ: вѣдь, каждый знаетъ только свои бѣды, свое горе; а разъ всѣ умные люди, всѣ интеллигенты и популярные общественные дѣятели, и даже газеты, кричатъ, что всѣ бѣды и несчастья оттого, что нѣтъ избирательнаго права,—то онъ понимаетъ и можетъ понимать только въ томъ смыслѣ, что найденъ теперь виновникъ его бѣдъ и напастей. Такъ говоритъ обывателю его сознаніе, и только въ этомъ заключается та сознательность, о которой демократы звонятъ во всѣ колокола. Они хотятъ увѣрить, что выборная агитація, митинги,

газеты, внѣшкольное образованіе и т. п. демократическія блюда вызываютъ сознательность. Смѣю ихъ увѣрить, что все это только затемняетъ сознаніе и дальше вышеупомянутой сознательности обыватель не пойдетъ,—а прививать такую сознательность не большая честь. И вотъ на этой обывательской сознательности, которой—грошъ цѣна, и растутъ такія партіи, какъ соціалъ-демократическая, трудовая, крестьянская, рабочая и т. п. У обывателя нѣтъ истинной сознательности, которая заключается въ сознаніи той отвѣтственности, которую онъ несетъ передъ родиной, народомъ и человѣчествомъ. Да этой сознательности, этого сознанія отвѣтственности у него и не можетъ быть, иначе онъ разбилъ бы избирательныя урны, какъ то сказочное кольцо, которое приносило обладателю одно только несчастье; онъ отшатнулся бы съ ужасомъ отъ своихъ самозванныхъ благодѣтелей и разнесъ бы всѣ митинги, предвыборныя собранія, а всѣхъ ораторовъ, членовъ всякихъ обществъ, всѣхъ газетчиковъ, всѣхъ кандидатовъ въ депутаты отдалъ бы въ починку къ психіатрамъ и невропатологамъ.

Можно, конечно, возмутиться и заявить, что каждый избиратель сознаетъ свою отвѣтственность, но это будутъ только жалкія слова. Прежде всего, для того, чтобы отвѣтственность не была пустой фразой, необходимы реальныя основы для нея: необходима отвѣтственность передъ опредѣленнымъ лицомъ, передъ опредѣленнымъ учрежденіемъ; необходима отвѣтственность реальная: матеріальная, судебная и т. п. Но передъ кѣмъ и какъ отвѣтственъ избиратель, бросая свою записку въ урну? Повѣримъ демократамъ, что онъ отвѣтственъ передъ своей совѣстью, передъ своимъ сознаніемъ. Правда, демократы преподносятъ обывателю чинъ „сознательнаго избирателя“, какъ эсдеки преподносятъ рабочимъ чинъ „сознательнаго рабочаго“. Это, такъ сказать, чинъ въ награду и поощреніе, и невѣжественные рабочіе и простодушные обыватели млѣютъ отъ восторга и стараются во-всю проявить свою сознательность, т.-е. выбираютъ эсдековъ и демократовъ. Но именно, вся избирательная процедура, все внутреннее содержаніе избирательнаго права вопіютъ противъ такой „сознательности“.

Идеальное, истинное избирательное право требуетъ, чтобы человѣкъ отрѣшился отъ всѣхъ своихъ личныхъ, семейныхъ, сословныхъ, мѣстныхъ, партійныхъ интересовъ, чтобы, идя къ урнѣ, онъ священнодѣйствовалъ, совершая величайшее дѣло въ своей жизни,—дѣло государственное, дѣло народное. Передъ его совѣстью, передъ его сознаніемъ должны стоять одни только народно-государственные интересы. И депутата онъ избираетъ не для защиты интересовъ избирателя или интересовъ сословныхъ, партійныхъ интересовъ, а только для защиты народно-государственныхъ интересовъ, только для того, чтобы творить народное дѣло. Для такого сознанія нужна колоссальная работа мысли и воли. На то, чтобы стать выше своихъ мелкихъ повседневныхъ интересовъ,—хотя бы даже партійныхъ или сословныхъ,—способны единицы изъ тысячъ и десятковъ тысячъ. Но требуется еще болѣе колоссальная работа:

стать выше и внѣ господствующаго общественнаго мнѣнія. Каждое время, каждый моментъ, каждый вѣкъ имѣютъ свое заблужденіе. Это господствующее заблужденіе и зовется общественнымъ мнѣніемъ. Каждое общественное мнѣніе любого момента, несомнѣнно, заблужденіе, иначе оно осталось бы неизмѣннымъ, между тѣмъ человѣчество мѣняетъ свое общественное мнѣніе чаще, чѣмъ дама изъ общества—перчатки, или актриса—платья. Вступивъ въ новую эру своего существованія, общественное мнѣніе само же называетъ предшествовавшую эру заблужденіемъ. А на то, чтобы итти къ урнѣ, отрѣшившись совершенно отъ заблужденій вѣка, отъ господствующаго общественнаго мнѣнія, способны единицы только изъ сотенъ тысячъ и даже милліоновъ. Вѣдь, то, что демократы называютъ „сознательностью“ избирателя, представляетъ только признаніе общихъ, азбучныхъ истинъ и идеаловъ, вродѣ того, что надо пить и ѣсть, или что нужна свобода. Для такой сознательности никакой работы ума и воли не требуется. Вотъ почему демократы такъ щедро раздаютъ чины „сознательныхъ“, и вотъ почему обыватель такъ увѣренъ, что онъ достоинъ этого чина. Истинная же сознательность требуетъ, чтобы человѣкъ мыслилъ собственнымъ, индивидуальнымъ мышленіемъ, руководясь только своимъ здравымъ смысломъ, чтобы онъ руководился не общими ходячими истинами, а сосредоточилъ бы свои мысли лишь на томъ, что, по его мнѣнію, необходимо въ данный моментъ, что вызывается реальными требованіями времени, мѣста и момента. Для этого нужны и извѣстныя знанія, и извѣстная эрудиція, и житейскій опытъ; а главное—необходима уравновѣшенная натура, сильная незаурядная индивидуальность, высокія моральныя качества и, что всего важнѣе, нуженъ государственный умъ, нуженъ талантъ, пророческій даръ, способность проникать въ народную душу, нащупывать путь, по которому идетъ народъ,—словомъ, надо быть истиннымъ воплощеніемъ, сыномъ своего народа. Едва ли найдется много такихъ избирателей даже въ Англіи, но у насъ ихъ безусловно по пальцамъ можно перечесть. Такъ развѣ неправда, что всякій добросовѣстный и сознательный избиратель долженъ бѣжать отъ своего ужаснаго права, отъ этого дьявольскаго подарка, потому что только дьяволъ по своему коварству могъ сдѣлать человѣку этотъ даръ на несчастье и гибель человѣческаго рода. И то, что обыватель валомъ валитъ къ избирательнымъ урнамъ, говоритъ о его недобросовѣстности, о его полной безсознательности. Это та сознательность въ кавычкахъ, которая такъ на руку избираемымъ, а отнюдь не обывателю, отнюдь не русскому народу. При выборахъ руководятся исключительно своими личными мѣстными интересами. Рабочій выбираетъ рабочаго, или человѣка, который обѣщаетъ защищать его интересы. Онъ видитъ въ немъ своего защитника, онъ обращается къ нему съ просьбами, съ требованіями. Развѣ все это не профанація избирательнаго права! Также поступаетъ каждый избиратель. Но когда опытъ убѣждаетъ избирателя, что избирательное право не кормитъ его манной небесной, то вся избирательная процедура представляетъ только легкую забаву, вноситъ из-

вѣстное разнообразіе въ его монотонную жизнь. Такого рода отношеніе избирателя къ своему праву (а другимъ оно не можетъ быть) есть уже профанація права. Помимо того, избирателю приходится высказаться не по опредѣленному реальному вопросу государственной жизни,—что, во всякомъ случаѣ, обязываетъ хоть къ какому-нибудь индивидуальному мышленію, и что имѣетъ мѣсто въ Англіи,—а приходится принять ту или иную программу, состоящую изъ набора общихъ мѣстъ, пышныхъ фразъ и заманчивыхъ обѣщаній. Для мышленія вообще, и для индивидуальнаго мышленія въ частности, остается еще меньше основаній. Выбираютъ программу, какъ выбираютъ ситецъ или шолкъ въ магазинѣ; выбираютъ по красотѣ, по внѣшнимъ эфектамъ, наконецъ, по тому, какая программа моднѣе, т.-е. пользуется почетомъ у того загадочнаго хамелеона, который зовется общественнымъ мнѣніемъ.

Вопросъ только нѣсколько осложняется тѣмъ, что приходится выбирать не только программу, но и лицо, которое проводило бы программу. Добросовѣстный, сознательный избиратель хоть тутъ остановился бы въ нерѣшительности, а, подумавъ немного, махнулъ бы рукой на все это: будь оно проклято, избирательное право! Поговорка гласитъ, что надо съѣсть съ человѣкомъ пудъ соли, чтобы узнать его. Избирателю же, изъ тысячъ невѣдомыхъ ему лицъ, приходится остановиться на комъ-либо, хотя онъ съ нимъ и щепотки соли не съѣлъ. Чему отдать предпочтеніе: уму, благородству, житейскому опыту, хозяйственнымъ способностямъ, ораторскому таланту, или только готовности проводить программу? Избирателю умѣстно здѣсь, конечно, подумать, что вопросъ идетъ о благѣ народа, о судьбѣ родины; но его уговорили, что судьба родины зависитъ только отъ программы, отъ ея осуществленія полностью. И его мысль можетъ вращаться только вокругъ программы; онъ выбираетъ, конечно, то лицо, которое обѣщаетъ проводить программу. Внѣ сомнѣнія, многимъ хочется попасть въ депутаты, многіе выражаютъ готовность проводить программу, но кому можно довѣриться, какъ разобраться въ вопросѣ; преданъ ли кандидатъ искренне программѣ, или только принялъ ее для того, чтобы попасть въ депутаты? И если обыватель, тѣмъ не менѣе, идетъ къ урнѣ, то, очевидно, ему, по существу, въ высокой степени наплевать и на свое избирательное право, и на то, кто будетъ депутатомъ; отзвонилъ и съ колокольни прочь,—вотъ къ чему сводится то избирательное право, за которое ломается столько копій. Для многихъ выборы просто превращаются въ спортъ: чья возьметъ. У избирателя-спортсмена появляется своего рода избирательный азартъ, можетъ быть, дождемся даже избирательнаго тотализатора. Такъ развѣ это не издѣвательство надъ Манифестомъ 17 Октября?..

Но пусть и избиратель, и избранникъ вѣрны и преданы программѣ. Что же представляетъ изъ себя человѣкъ, преданный программѣ, что такое человѣкъ съ программой? Современный Донъ-Кихотъ, фарисей, типичный бюрократъ. Подъ бюрократизмомъ мы понимаемъ отвлеченіе отъ жизни; чиновникомъ, бюрократомъ мы на-

зываемъ человѣка, который мыслитъ и работаетъ внѣ жизни, внѣ ея требованій; онъ творитъ по бумагамъ и среди бумагъ, на основаніи безжизненныхъ и безпочвенныхъ теорій, отнюдь не считаясь съ жизнью. Можно быть министромъ, губернаторомъ, вообще служить въ любомъ правительственномъ учрежденіи, но не быть бюрократомъ, т.-е. творить реальное, живое дѣло, считаясь съ жизнью, руководясь ея требованіями. Можно, наоборотъ, быть интеллигентомъ, либераломъ, демократомъ, человѣкомъ свободной профессіи, но быть форменнымъ бюрократомъ, живя и работая согласно программѣ, не отступая отъ традицій. Гдѣ программа,—тамъ нѣтъ жизни, тамъ бюрократизмъ. Это — аксіома, противъ которой никто не будетъ спорить; а если мы взглянемъ на все происходящее въ Россіи съ точки зрѣнія этой аксіомы,—мы съ ужасомъ должны будемъ признать,—что мною давно уже признано,—что бюрократично отнюдь не правительство, отнюдь не правые элементы страны, а бюрократизмомъ заражено, пропитано все наше интеллигентное общество, вся либеральная, демократическая Россія; что истинный прогресъ, истинную свободу несутъ народу его правящіе круги и правые элементы, а тѣ, что называютъ себя прогрессистами, либералами, трудовиками, эсдеками — форменные реакціонеры, типичные Донъ-Кихоты. Все несчастье Донъ-Кихота заключается въ томъ, что онъ самъ себя произвелъ въ рыцари, и всѣ непріятности, приключавшіяся съ нимъ, зависѣли оттого, что онъ по-чиновничьи, пунктуально слѣдовалъ программѣ—рыцарскому кодексу. Кому навязана программа, тотъ можетъ еще оставаться живымъ, индивидуально мыслящимъ человѣкомъ. Но кто самъ себя назначаетъ на какой-либо постъ, согласно той или иной программѣ, тому или иному кодексу, тотъ уже природный, неизлечимый бюрократъ и фарисей. Политическія партіи—тѣ же рыцарскіе ордены. Рыцарь, слѣпо подчинявшійся кодексу, по существу, былъ бюрократомъ; но званіе рыцаря надо было заслужить: оно добывалось, иногда, трудами и лишеніями всей жизни, и если оно кому-нибудь доставалось за подвиги, можно было еще надѣяться, что онъ не будетъ бюрократомъ, не будетъ слѣпо слѣдовать каждой буквѣ своего мертваго кодекса. Но Донъ-Кихотъ самъ себя назначилъ рыцаремъ; онъ, очевидно, былъ природнымъ бюрократомъ; онъ, по своей природѣ, могъ жить только по программѣ, только слѣдуя каждой буквѣ кодекса. А какіе подвиги нужны, чтобы попасть въ либералы, прогрессисты, демократы? Развѣ въ это званіе посвящаютъ? Каждый самъ выбираетъ себѣ программу, и безъ труда посвящаетъ себя или въ либералы, или въ демократы, попросту говоря, примыкаетъ къ той или иной партіи. Очевидно, каждый прогрессистъ, каждый демократъ—природный неизлечимый бюрократъ. Всѣ они, по программѣ, поютъ про свободу, про равенство, про свою преданность интересамъ крестьянъ и рабочихъ, но не ждите отъ нихъ ни свободной мысли, ни свободнаго, индивидуальнаго мнѣнія, ни терпимости и уваженія къ чужому мнѣнію; не ждите отъ нихъ дѣйствительной преданности интересамъ рабочихъ и крестьянъ; они преданы только своей программѣ, и по всѣмъ правиламъ послѣдней, въ любой моментъ, предадутъ и рабочихъ, и

крестьянъ, какъ тотъ библейскій фарисей, который не спасъ утопающаго, потому что былъ субботній день. Думая, что онъ служитъ Богу, фарисей предалъ Бога, и только потому, что онъ былъ бюрократомъ, строго слѣдуя каждой буквѣ закона, совершенно не считаясь съ жизнью, съ духомъ закона. Такъ вѣренъ прогрессистъ и демократъ буквѣ своей безжизненной, мертвой программы,—мертвой потому, что она состоитъ изъ однихъ общихъ, никѣмъ не оспариваемыхъ, положеній, вродѣ положенія: „надо пить и ѣсть". Онъ вѣренъ потому, что эта программа не требуетъ ни малѣйшаго напряженія ума и мысли. Вѣренъ потому, что ее можно примѣнять по любому поводу, къ любому случаю, какъ Донъ-Кихотъ примѣнялъ свою программу къ вѣтрянымъ мельницамъ, а нашъ домовладѣлецъ—къ пожарамъ. Онъ вѣренъ потому, что она сулитъ покой и почетъ, потому, что она принята общественнымъ мнѣніемъ, потому, что послѣднее всецѣло на ея сторонѣ, и не приходится плыть противъ теченія. Онъ вѣренъ потому, что программа эта состоитъ изъ банальныхъ мыслей и благихъ пожеланій, легко доступныхъ общему пониманію и не менѣе легко пріобрѣтающихъ всеобщее сочувствіе. Спросите любого мальчишку, и онъ вамъ съ апломбомъ скажетъ, что онъ стоитъ за свободу... гулять и за право... ложиться спать, когда ему вздумается; гимназистъ стоитъ за свободу преподаванія, за гимназическую автономію, приказчикъ—за право приказчиковъ торговать, когда будетъ угодно приказчикамъ; рабочій—за свободу забастовокъ; и тотъ, и другой—за свободное пользованіе хозяйскимъ добромъ и т. д., и т. д.

Долженъ признаться, что и въ моей жизни былъ періодъ, когда я свободно склонялъ по всѣмъ падежамъ одно слово: „свобода". Программа Кизеветтера казалась мнѣ тогда вѣнцомъ мірозданія,—той почвой, на которой только и можетъ пышно расцвѣсть древо познанія и добра. Анализируя это время, я прихожу къ обидному заключенію, что это былъ періодъ полной прострації мысли, абсолютной мозговой бездѣятельности. И какъ легко жилось, какъ легко дышалось, ни малѣйшаго утомленія центровъ мышленія; способенъ былъ по любому поводу и на любую тему произнести рѣчь, почище твоего домовладѣльца о пожарахъ. И какъ свободно лились рѣчи о свободахъ. Какъ вообще свободно и плавно льются рѣчи, когда мыслительная функція бездѣйствуетъ. И при всемъ томъ, при этой полной умственной праздности, при этомъ жалкомъ умственномъ багажѣ, состоящемъ изъ программы Кизеветтера, какое самомнѣніе, какое самодовольство! Шутка ли: прогрессистъ, кадетъ! Свободу не то что склонять, спрягать согласенъ былъ. Одно слово: герой, „лыцарь". Такимъ же героемъ чувствовалъ себя и Донъ-Кихотъ, идя на атаку противъ вѣтряныхъ мельницъ. И какое презрѣніе къ этимъ ничтожествамъ, къ этимъ рептиліямъ, къ этимъ реакціонерамъ и черносотенцамъ, которые не понимаютъ величія и благородства программы Кизеветтера! Конечно, это—невѣжественные, черствые и подлые людишки, потому что только интеллигентный и притомъ благородный человѣкъ, только рыцарь въ полномъ смыслѣ

этого слова можетъ проникнуться программой Кизеветтера. Внѣ сомнѣнія, такъ же свысока смотрѣлъ Донъ-Кихотъ на всѣхъ мирныхъ обывателей, которые въ вѣтряныхъ мельницахъ отказывались признавать похитителей Дульцинеи. Онъ былъ притомъ увѣренъ, что всѣ они подкуплены его врагомъ. А развѣ прогрессистамъ не то же мерещится? Программа Кизеветтера кажется имъ такимъ идеаломъ, такимъ совершенствомъ, что не признавать ее можетъ или полный невѣжда, или продажный человѣкъ, готовый за копейку продать чорту свою душу. Правда, и тогда во мнѣ жила своя „свобода", какъ уваженіе къ чужому свободному же мнѣнію, какъ свободное пользованіе только правдивымъ словомъ; но, откровенно каюсь, и я не могъ устоять противъ общаго теченія, и я былъ увѣренъ, что всѣ правые элементы, всѣ правящіе круги, всѣ Пуришкевичи, Марковы, Дубровины—только продажные души съ черствыми сердцами, звѣрскими инстинктами.

Съ отвращеніемъ, съ болью и съ обидой въ сердцѣ вспоминаю я о томъ времени. Правда, и тогда было тяжело у меня на душѣ, отъ той демократической атмосферы, которая носилась въ воздухѣ, отъ тѣхъ демократическихъ свободъ, которыя шли вразрѣзъ съ истинной свободой, которыя глумились надъ жизнью, надъ здравымъ смысломъ, надъ правдой. Я стоялъ въ недоумѣніи передъ этими революціонными эксцессами, какъ ихъ весьма нѣжно окрестилъ галантный депутатъ Маклаковъ; я не понималъ, въ чемъ дѣло. Я теперь только понялъ, что это былъ тяжелый кошмаръ, который давилъ и угнеталъ меня. Вѣдь, мысль моя дремала, какъ дремало и дремлетъ все во всемъ мірѣ и въ Россіи. Сонное царство, о которомъ говорится въ сказкѣ, это—царство демократіи, когда мысль дремлетъ, мозгъ отдыхаетъ, а человѣкъ сладко спитъ, убаюкиваемый демократическими программами, и сквозь сонъ бормочетъ: „Въ странѣ свободы". Но когда, благодаря тремъ демократамъ: врачебному инспектору, д-ру Канскому, члену первой Государственной Думы, д-ру Крылову, и просто д-ру Козлову, мнѣ пришлось на себѣ самомъ испытать всю прелесть этихъ дьявольскихъ демократическихъ свободъ,—я проснулся и вернулся къ жизни, къ дѣйствительности, мысль моя стала работать и работать свободно и нормально, и мнѣ сразу стало ясно, что все предыдущее было кошмаромъ, тяжелымъ гипнотическимъ сномъ. И что за тяжелый трудъ—свободное индивидуальное мышленіе: приходится мыслить не по программѣ, жить не по рецепту „ѣшь и пей", а каждый разъ вдумчиво и свободно выяснять, какая діэта нужна въ данномъ случаѣ, при данныхъ условіяхъ времени и мѣста. Актъ рожденія свободной мысли такъ же мучителенъ, какъ актъ рожденія ребенка; свободная мысль имѣетъ и свой родовой каналъ, на пути по которому ей приходится проходить много препятствій: и гипнотизирующее вліяніе общественнаго мнѣнія, и вѣковыя заблужденія, и установившіеся предразсудки общества, и его природную ортодоксальность, природный же бюрократизмъ,—другими словами донъ-кихотство, и голоса сиренъ, зовущихъ къ праздной, полной наслажденій жизни по программамъ, по

общимъ, банальнымъ и ходячимъ истинамъ, и, наконецъ, ту вражду, ненависть и даже презрѣніе, которые встрѣчаетъ свободная мысль со стороны общества, и только потому, что она свободно родилась внѣ программъ, общественнаго мнѣнія и вѣковыхъ, и даже міровыхъ заблужденій. Но вотъ, послѣ мучительнаго акта родовъ, появилась на свѣтъ свободная мысль; сколько труда и возни съ ней. Она твоя, собственная мысль, но она для тебя самого новость; она тебѣ дорога и близка,—отдать ее на посмѣшище и растерзаніе нельзя; надо ее предварительно внимательно обдумать, надо ее со всѣхъ сторонъ повернуть, поставить ее во всевозможныя комбинаціи, и когда она выдержитъ всѣ пробы и испытанія—тогда только выпустить въ свѣтъ. Съ каждой свободной мыслью больше возни, чѣмъ съ ребенкомъ, и бѣда, если мысль родится за мыслью. Зато, какъ легко на душѣ, какъ ясно сознаніе, какъ спокойна совѣсть; вѣдь, ты чувствуешь, что проснулся, что все тяжелое, ужасное было лишь кошмаромъ, и что ты вернулся къ живой дѣятельности подъ сѣнью только одной *жизненной правды*—этого солнца для мысли, для души.

Своимъ назойливымъ жужжаніемъ демократическіе комары разбудили меня; внезапное пробужденіе, правда, встряхнуло всю мою нервную систему,—такъ тяжелъ былъ кошмаръ, вѣрнѣе гипнозъ,—но демократическому тріо я очень признателенъ. Правда, они, быть можетъ, разбудили льва, который въ нихъ же вцѣпится когтями и ихъ же начнетъ бить своимъ могучимъ хвостомъ, но такъ уже судьбой и Богомъ предназначено: комары для того и созданы, чтобы жужжать и будить спящихъ львовъ; гдѣ дремлетъ левъ, тамъ обязательно назойливо жужжитъ комаръ и будитъ его. И все время жужжатъ вокругъ меня комары и не даютъ мнѣ дремать. И я рычу и буду рычать, самъ никому не дамъ спать,—на то и левъ въ пустынѣ, чтобы человѣкъ не дремалъ.

О, я далекъ отъ самомнѣнія, отъ самохвальства, отъ какого-либо сравненія съ царемъ пустыни! Для меня левъ—самый скромный символъ, для меня важно его свойство рычать. Вѣдь, рыканіе льва—не лай собаки. Собака лаетъ, вѣтеръ носитъ. Лай собаки легко и безустали льется; онъ безпрерывно раздается изъ подворотней и на улицахъ; человѣкъ не обращаетъ на него вниманія и спитъ. Лай собаки безцѣленъ и безсодержателенъ, и... вѣтеръ его носитъ; говорятъ даже, что собака „брешетъ“. Такъ легко и плавно льются демократическія рѣчи, такъ легко и плавно пишутся демократическія статьи, читаются демократическія лекціи. Рыканіе же льва раздается одиноко и лишь въ пустынѣ при полной тишинѣ; каждое рыканіе льва—гуломъ отдается въ пустынѣ, и будитъ все живое. Левъ рычитъ только по серьезному поводу; его рыканіе индивидуальное и дѣловое, а потому оно рѣдко, но мѣтко. Когда собака лаетъ, вся улица лаетъ; а когда левъ рычитъ, вся пустыня приходитъ въ трепетъ. Левъ не позируетъ, онъ далекъ отъ мысли бить на эфектъ. Рыканіе льва глухое, изъ глубины души идущее; это не трескучій, звучный и поверхностный лай собаки. Моя бесѣда—не рѣчь оратора,

потому что тамъ, гдѣ родится индивидуально свободная мысль, гдѣ она родится въ родовыхъ мукахъ, нѣтъ мѣста ораторскому искусству. Одно изъ двухъ: или человѣкъ мыслитъ свободно, работаетъ надъ каждой мыслью, или онъ не мыслитъ, а только говоритъ. Какъ же въ состояніи ораторствовать, „брехать" тотъ человѣкъ, для котораго каждая мысль—плодъ колоссальной работы, тяжелаго труда! Когда человѣкъ занятъ, когда онъ работаетъ мозгомъ, онъ не въ состояніи говорить; а если онъ говоритъ, то онъ только болтаетъ, только „брешетъ". Ораторское искусство, демократическіе таланты, демократическое рыцарство — все это только симптомы народной болѣзни „morbus Gordoni"; оно, это ораторское искусство не будитъ мысли, дѣйствуетъ не на умъ, и даже не на сердце, потому что сердечныя движенія, сердечность, будутъ только тогда полезны и желательны, когда они разумны, покоятся всецѣло на сознательности и подсказаны умомъ. Демократическое же ораторское искусство дѣйствуетъ только на воображеніе, на инстинкты. Ему вполнѣ обезпеченъ успѣхъ и оно пользуется успѣхомъ по той же причинѣ, по которой „когда одна собака лаетъ, вся улица лаетъ". И вотъ, для того, чтобы убить въ избирателѣ какой-либо проблескъ сознательности, самостоятельнаго мышленія, какой-либо укоръ гражданской совѣсти,—въ технику выборовъ вводится элементъ такъ называемой выборной агитаціи. Выборное время превращается въ сплошной избирательный праздникъ. Цѣлый рядъ театральныхъ представленій подъ названіемъ „предвыборныхъ собраній"; газеты продолжаютъ, правда, носить названіе газетъ, но на самомъ дѣлѣ это сплошныя избирательныя афиши. Каждая передовица—реклама, каждый фельетонъ—реклама, что ни корреспонденція или стихотвореніе, то реклама. Ругань, подпольная агитація, ложь, клевета, пасквиль, шантажъ—густымъ туманомъ нависли надъ избирательной атмосферой. Самъ избиратель стоитъ, какъ андалузскій быкъ, передъ которымъ на аренѣ цирка машутъ красными мантіями, и который недоумѣваетъ, на кого бы изъ матадоровъ броситься. Но вотъ кто-то изъ послѣднихъ и почему-то особенно раздразнилъ быка, и онъ стремительно бросается на виновника. Почему? Несомнѣнно, быкъ ни себѣ, ни другому отчета въ этомъ не можетъ отдать; просто потому, что красная мантія оказалась болѣе яркаго цвѣта. Не отдастъ вамъ и избиратель отчета, почему онъ выбралъ въ депутаты того или иного супостата. Можно только со стороны догадаться, что выбралъ онъ потому, что больно этотъ самый депутатъ мастеръ ругать министровъ и начальство. А, какъ извѣстно, ругать министровъ, это—амплуа г.г. Шингаревыхъ; не менѣе того извѣстно, что обыватель вообще любитель скандаловъ, но ругань начальства—самый занятный для него скандалъ, любимѣйшій обывательскій романсъ. Онъ этотъ романсъ предпочитаетъ всѣмъ аріямъ, операмъ и театральнымъ представленіямъ. Вотъ почему обыватель идетъ на предвыборныя собранія, охотно читаетъ газеты, охотно выбираетъ Шингаревыхъ и съ восторгомъ прислушивается къ ихъ ругательнымъ аріямъ въ Думѣ. Все это всѣмъ извѣстно, но далеко не всѣмъ понятно,—почему у обывателя такая страсть къ ругани начальства.

Секретъ этотъ очень простъ, и ларчикъ,—какъ и всякій ларчикъ,—очень просто открывается; но тѣмъ не менѣе секретъ этотъ имѣетъ важное принципіальное значеніе и является, быть можетъ, причиной многихъ причинъ и явленій. Секретъ въ томъ, что обыватель вездѣ и всюду,—а особенно въ Россіи—врагъ порядка и законности, врагъ всякихъ стѣсненій; каждый обыватель—въ душѣ анархистъ; въ той или другой степени его девизъ: „не препятствуй моему ндраву". Вотъ гдѣ корень вражды къ начальству, того недопустимаго дѣленія на „мы" и на „вы", о которомъ говорилъ въ Кіевѣ Кривошеинъ. Англійскій обыватель, это—вошедшій въ поговорку любитель порядка; вотъ почему въ Англіи, отчасти въ Германіи, нѣтъ розни между властью и обывателемъ; вотъ почему въ англійскомъ парламентѣ занимаются дѣломъ, а не руганью министровъ. Каждый итальянецъ—по природѣ анархистъ; вотъ почему тамъ народъ дѣлится на два враждующихъ лагеря: на „мы" и на „вы".

Русскому обывателю до существа программъ и дѣла нѣтъ; ему незачѣмъ въ нихъ разбираться; да правду сказать, разобраться въ программахъ, это—адскій, нечеловѣческій трудъ. Избирателю поэтому только важно выяснять, въ какой программѣ больше ругательныхъ элементовъ, какая программа больше всего гарантируетъ ругань всякаго начальства. Чѣмъ больше такой гарантіи, тѣмъ программа лѣвѣе; чѣмъ болѣе широкій кругъ лицъ можетъ сходить за начальство (для рабочаго и старшій мастеръ уже начальство), тѣмъ программа краснѣе. Вотъ въ чемъ, собственно говоря, секретъ дѣленія на правыхъ, лѣвыхъ, крайнихъ лѣвыхъ, и каждый обыватель выбираетъ себѣ программу по степени развитія въ немъ любви къ порядку и вражды къ начальству,—подобно тому, какъ андалузскій быкъ выбираетъ себѣ жертву по степени яркости красной мантіи. Но душѣ избирателя нѣтъ покоя: онъ опасается, какъ бы ему не попасть въ просакъ и не выбрать программу съ малыми гарантіями на ругань начальства. И избиратель съ жадностью бѣжитъ на всѣ предвыборныя собранія, на всѣ митинги, засѣданія; съ жадностью слушаетъ рѣчи; онъ весь—слухъ и вниманіе, но до корней онъ не добирается,—онъ въ нихъ все равно ни аза не смыслитъ; онъ занятъ однимъ тревожнымъ вопросомъ: а кто хлестче и скандальнѣй ругаетъ начальство? Онъ хочетъ, такъ сказать, на практикѣ убѣдиться, какая программа лѣвѣй,—другими словами, скандальнѣй И судитъ онъ о программѣ по оратору, по тому, какъ онъ пробираетъ начальство. И если ораторъ доставилъ обывателю полное художественное и душевное удовлетвореніе, т.-е. хлестко и остроумно выругалъ начальство и тѣхъ, кто за начальство,—судьба того или иного кандидата рѣшена.

Это не парадоксъ, это—простая, но святая истина. Какой другой критерій можетъ быть у избирателя о достоинствахъ программъ или кандидатовъ, какъ не ругательныя способности оратора? Боже! Какая длительная и тяжелая работа ума и мысли нужна, чтобы уяснить себѣ тотъ или иной вопросъ житейскаго обихода! Человѣкъ иногда, послѣ десятилѣтнихъ размышленій и на основаніи опыта всей своей жизни, приходитъ къ какой-нибудь мысли, о

которой онъ раньше и понятія не имѣлъ. Разсудительный человѣкъ очень остороженъ въ своемъ дѣлѣ: размышляетъ иногда годами, прежде чѣмъ рѣшиться на какое-нибудь предпріятіе, прежде чѣмъ предпринять то или иное рѣшеніе,—а въ чужомъ дѣлѣ эта осторожность должна быть во сто кратъ сильнѣе. Немудрено, что даже умный, опытный, даровитый человѣкъ, если только онъ относится съ уваженіемъ къ своему мнѣнію, если онъ цѣнитъ свое достоинство и принадлежитъ къ числу добросовѣстныхъ людей, затруднится дать кому-либо совѣтъ даже по самому мелкому поводу. Что же сказать объ избирателѣ, который, пробывъ часъ-другой на предвыборномъ собраніи, наскоро начитавшись избирательныхъ программъ и афишъ, считаетъ себя уже компетентнымъ въ разрѣшеніи самыхъ сложныхъ государственныхъ вопросовъ и храбро идетъ къ урнѣ? Это—верхъ недобросовѣстности, это—рекордъ безсознательности и невѣжества, это—вопіющее преступленіе противъ правды, народности, государства. Вѣдь, у избирателя сохранилось и могло сохраниться только воспоминаніе о ругательствахъ, потому что предвыборныя собранія и рѣчи—вся эта предвыборная агитація—основаны только на умѣньи хлестко, остроумно, а подчасъ—и грубо ругать начальство. Выругайте фабриканта, рабочіе будутъ въ восторгѣ; выругайте купца, приказчики отъ удовольствія заржутъ; выругайте городскихъ гласныхъ, горожане будутъ млѣть отъ восторга; выругайте земцевъ, съ третьимъ элементомъ начнется пляска св. Витта; выругайте министра, всѣ начнутъ неистовствовать отъ удовольствія.

Вотъ, во что претворяется въ жизни эта „коренная и насущная“ реформа, передъ которой великая реформа землеустройства является „вермишелью“. О правда, о логика, о здравый смыслъ! Гдѣ вы?

Вспомните, съ какимъ восторгомъ толпа слушаетъ куплеты на злободневныя темы. Всѣ эти куплеты—на одинъ манеръ: „прохватываютъ“ врачей, адвокатовъ, городскую управу, полицію и т. п. Толпа млѣетъ отъ восторга, оставаясь при этомъ совершенно добродушной; куплеты ее развлекаютъ и только; какихъ-либо серьезныхъ слѣдовъ они не оставляютъ. Выборная агитація, это—сплошной куплетъ на злободневныя темы; она только развлекаетъ обывателя съ той разницей, что театральная публика награждаетъ куплетиста апплодисментами, а избирательная публика—званіемъ депутата. Очевидно, для подготовки къ званію депутата надо посѣщать миніатюры, оперетты и всѣ куплеты на злободневныя темы. Это развиваетъ умъ, обогащаетъ сердце и превращаетъ любого раешника въ кандидаты на званіе депутата. До какой степени умственнаго затменія надо дойти, чтобы видѣть въ такомъ избирательномъ фарсѣ—спасеніе Россіи, чтобы тратить на его постановку столько средствъ и силъ, а, главное, столько бумаги, потому что всѣ прогрессивныя газеты только для того и издаются, чтобы требовать всеобщаго, равнаго, тайнаго и прямого избирательнаго права! Ясно, что избирательное право, помимо депутатовъ, нужно еще ора-

торамъ, у которыхъ языкъ чешется, нужно еще газетчикамъ, но русскому народу... Ему оно для чего нужно? Оно нужно той части общества, которая охотно посѣщаетъ театры, слушаетъ куплетистовъ; но для чего оно нужно истиннымъ патріотамъ, уважающимъ свое достоинство и достоинство своего народа,—Аллахъ вѣдаетъ...

XI.

Мы подошли вплотную къ одной изъ демократическихъ свободъ: къ свободѣ выборовъ. Но развѣ вся эта предвыборная агитація не есть глумленіе надъ какой-либо свободой, развѣ она не представляетъ форменнаго насилія надъ свободой выборовъ? Вѣдь, свобода выборовъ—означаетъ истинную сознательность, всестороннее и полное знакомство съ вопросомъ, высокій моральный уровень избирателя, его отрѣшеніе отъ всякихъ личныхъ интересовъ, отъ всякихъ вліяній, наконецъ, личное и долгое знакомство съ кандидатомъ, знаніе всѣхъ его достоинствъ и недостатковъ и т. д. Словомъ, свободу выборовъ избиратель несетъ въ себѣ самомъ, никто ему ее не можетъ дать, никто не можетъ ее отнять. Если бы у избирателя была эта истинная свобода, онъ, несомнѣнно, отказался бы отъ права, которое ему не по силамъ. Но то, что въ жизни называется свободой выборовъ,—это только свобода класть въ урну записку; такая свобода лежитъ внѣ человѣка, представляется чисто-механической; это не истинная, а поддѣльная, фальшивая свобода. Если человѣкъ что-либо лично дѣлаетъ, это не значитъ, что онъ дѣлаетъ это свободно. Если человѣкъ лично отдаетъ деньги грабителю, съ крикомъ: „руки вверхъ!“ приставившему ему револьверъ къ груди, то развѣ онъ отдаетъ свободно деньги,—развѣ кто-нибудь назоветъ это благотворительностью? Или если кто-либо, подъ вліяніемъ гипноза, совершаетъ какой-либо поступокъ,—хотя бы кладетъ въ урну, согласно внушенію, ту или иную записку,—развѣ кто-нибудь рѣшится говорить о свободномъ поступкѣ? Всякому ясно, что это только *свобода бросанія записокъ*. А развѣ все то, что слыветъ подъ именемъ агитаціи, не есть замаскированный гипнотическій сеансъ? А развѣ вся дѣятельность газетъ въ остальное время, всѣ собранія, общества, рѣчи депутатовъ и лекціи народныхъ лекторовъ,—словомъ, вся такъ называемая общественная дѣятельность,—не такой же гипнотическій сеансъ?

Одно изъ двухъ: или избиратель истинно сознателенъ, дорось до избирательнаго права, и тогда онъ въ себѣ и съ собой несетъ свободу выборовъ, и обработка избирателя совершенно безполезна; или избиратель безсознателенъ, требуетъ обработки и воздѣйствія, и тогда никакой свободы выборовъ не можетъ быть, потому что ея нѣтъ въ избирателѣ, потому что онъ не дорось до избирательнаго права. И то, что слыветъ подъ именемъ давленія „правительства на свободу выборовъ“, есть, наоборотъ, стремленіе оградить избирателя отъ насилія, отъ давленія на выборы,—это есть только благородное стремленіе предоставить избирателю истинную свободу выборовъ. Увы, тщетны усилія правительства, всѣхъ здравомыслящихъ

и добросовѣстныхъ людей! Не можетъ быть свободы выборовъ, разъ ея нѣтъ у самого избирателя, который весь во власти окружающей атмосферы, окружающей обстановки; а послѣдняя заражена аферой и въ ней безпрерывно идетъ агитація, обработка общественнаго мнѣнія со стороны аферистовъ, сплошной стѣной окружившихъ избирателя. Истинной свободы выборовъ нѣтъ даже въ Англіи, а въ другихъ странахъ—и въ Россіи—ея нѣтъ и подавно, и то, что парламентаріи зовутъ свободой выборовъ, есть только фальшивая ассигнація. Каждая газета—фальшивая ассигнація, каждое предвыборное собраніе—то же, каждое прогрессивное общество, каждая демократическая лекція, демократическая рѣчь—все фальшивыя ассигнаціи и все избирательное право и всѣ выборы—только фальшивая ассигнація. А въ борьбѣ съ фальшивомонетчиками правительство безсильно, пока общество, пока народъ самъ не вступитъ въ борьбу съ ними.

Все это станетъ намъ яснѣй и понятнѣй, если мы познакомимся съ техникой выборовъ,—а въ особенности, если дадимъ себѣ трудъ уразумѣть, что представляетъ каждый изъ элементовъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права. Если бы была истинная свобода выборовъ, если бы существовало довѣріе къ сознательности избирателя, то каждый свободно писалъ бы имя кандидата, и тогда, само собой, обнаружился бы крахъ избирательнаго права, потому что или всѣ записки оказались бы пустыми, или было бы столько кандидатовъ, сколько подано записокъ. При истинной свободѣ выборовъ, при истинной сознательности избирателя иначе быть не можетъ. Впрочемъ, сознательный избиратель потребовалъ бы самъ полнаго невмѣшательства въ свободу выборовъ, а скорѣе всего, онъ заблаговременно и добровольно отказался бы отъ этого дьявольскаго права, именуемаго избирательнымъ. И вотъ, чтобы замаскировать этотъ неминуемый крахъ, чтобы избѣжать его, прибѣгли къ остроумному методу, напоминающему методъ страуса, который въ минуту опасности прячетъ голову и думаетъ, что врага нѣтъ, разъ онъ его не видитъ. При методѣ, изобрѣтенномъ парламентаріями, крахъ избирательнаго права несомнѣненъ,—при немъ царитъ одно сплошное насиліе, а безсознательность избирателя выступаетъ наглядно и рѣзко: врагъ, такъ сказать на виду у страуса, но избирателю предоставлено право лично, своими руками писать и класть записку въ урну. Честь спасена, свобода выборовъ олицетворена, врагъ поверженъ въ прахъ,—другими словами, страусъ спряталъ голову. Вся эта видимость свободы выборовъ достигается тѣмъ, что нѣсколько человѣкъ собираются и составляютъ партію, для чего составляютъ программу. На составленіе послѣдней уходитъ нѣсколько дней, а иногда 1—2 часа. Да и какой трудъ—составить программу по рецепту: ѣшь и пей? Собирается весь арсеналъ демократическихъ препаратовъ: всѣхъ видовъ свободы, законность, рабочее законодательство, аграрный вопросъ, неприкосновенность личности, всякихъ сортовъ реформы, избирательное право, отвѣтственность министровъ и т. п.; надо разложить ихъ по мастямъ и затѣмъ отсыпать каждаго ингредіента большую или меньшую дозу,

что въ партійной рецептурѣ называется окраской партіи и даетъ ей право занять то или иное мѣсто въ партійномъ мѣстничествѣ; затѣмъ всю эту смѣсь разбавляютъ водой,—что называется редакціей программы,—и въ такомъ видѣ преподносятъ избирателю.

Пусть каждый изъ насъ вспомнитъ, какъ осторожно онъ затѣваетъ какое-нибудь дѣло, какъ всесторонне его обсуждаетъ; дни, мѣсяцы, иногда годы проходятъ, прежде чѣмъ мы рѣшимся сдѣлать тотъ или иной шагъ въ своей жизни, принять то или иное рѣшеніе. Но, посмотрите, какъ тотъ же человѣкъ рѣшителенъ, быстро принимаетъ рѣшенія, составляетъ программы, когда вопросъ идетъ о цѣломъ народѣ, о государствѣ, раскинувшемся на неизмѣримое пространство. Для него все ясно, все тогда, какъ на ладони.

Небось, кто-либо изъ насъ заболѣетъ, къ доктору побѣжитъ: „осмотрите, молъ, внимательно и лекарство хорошее пропишите". Чѣмъ больше его докторъ выслушиваетъ и выстукиваетъ, тѣмъ паціентъ довольнѣй.—„Очень внимательный докторъ"!—А вѣдь, для того, чтобы изучить болѣзнь народа, а тѣмъ болѣе, для того, чтобы найти подходящее лекарство, надо прослѣдить цѣлый рядъ поколѣній, надо мыслить годы, десятки лѣтъ, нуженъ огромный житейскій опытъ, колоссальная наблюдательность, но и этого всего недостаточно; надо обладать государственнымъ умомъ, особымъ Божественнымъ даромъ воплощать въ себѣ нормальный темпъ народной жизни. Это – удѣлъ немногихъ избранныхъ. Но, посмотрите, съ какимъ легкимъ сердцемъ берется любой изъ насъ быть народнымъ знахаремъ, и въ одинъ присѣстъ, и однимъ росчеркомъ пера онъ составляетъ программу для исцѣленія цѣлаго народа. И обиднѣе всего, что противъ программы возражать нечего; кто будетъ отрицать, что не должно быть законности, свободъ и т. п.; кто будетъ утверждать, что не надо ѣсть и пить.

Какъ такой рецептъ по плечу любому профану, такъ такая программа по плечу самому невѣжественному, самому безсознательному обывателю. Если бы на медицинскихъ факультетахъ стали преподавать, что надо лечить всѣ болѣзни по одному рецепту „ѣшь и пей", то, конечно, изученіе медицины было бы до максимума облегчено; всѣ въ одинъ моментъ превратились бы во врачей; закрылись бы всѣ медицинскіе факультеты; были бы врачи,—весь міръ превратился бы во врачей,— но не стало бы науки, не было бы свободнаго, сознательнаго леченія. Точно также, если обывателю преподносятъ универсальную программу, годную для всякаго народа и въ любой моментъ, если эти общія, безсодержательныя положенія называютъ коренными реформами, несущими любому народу спасеніе, то трудъ избирателя въ высшей степени облегчается; онъ тутъ же начинаетъ чувствовать, что онъ призванъ нести народу спасеніе, что онъ коренной реформаторъ и природный государственный умъ; всѣ сразу превращаются въ сознательныхъ избирателей, бѣгутъ, сломя голову, къ урнамъ, но избирательнаго-то права и

нѣтъ, оно-то и приказало долго жить; нѣтъ ни свободы, ни сознательности выборовъ.

Но, какъ извѣстно, есть дѣтскіе врачи, есть и дѣтская медицина, но есть и дѣтскія лекарства; дѣтямъ, конечно, важно, чтобы лекарство не было горькимъ или кислымъ, чтобы оно было сладкимъ,—словомъ, пріятнымъ. Есть дѣтская хина; обычно каждое лекарство для дѣтей сдабривается или сахаромъ, или сиропомъ. Очевидно, что обыватель, какъ избиратель, еще далеко не вышелъ изъ дѣтскаго возраста; онъ даже универсальной, но сухой программой не удовлетворяется, онъ требуетъ, чтобы ему сдобрили программу какимъ-нибудъ дѣтскимъ сиропомъ; есть разные сиропы: рабочій, крестьянскій, почтово-телеграфный (изобрѣтеніе знаменитаго знахаря Гладыша) и т. п. Отсюда и пошли программы эсдековъ, эсеровъ, трудовиковъ. Кадетская программа старается всѣмъ угодить,—это, такъ сказать, программа для всѣхъ возрастовъ; надо, однако, откровенно признаться, что рѣдко-рѣдко кто изъ избирателей перешагнулъ за трехлѣтній возрастъ, не говоря о „сознательныхъ“ пролетаріяхъ, которыхъ не грѣшно еще пеленать или держать въ конвертахъ.

Разъ существуетъ одно только лекарство „ѣшь и пей“, нѣтъ надобности въ спеціалистахъ-врачахъ; любой обыватель можетъ быть врачомъ. Казалось бы, что нѣтъ надобности и въ выборахъ депутатовъ; разъ имѣется опредѣленная и универсальная программа, она доступна любому обывателю, и любой избиратель съ равнымъ успѣхомъ можетъ ее проводить; казалось бы, что для выбора депутата достаточно просто бросить жребій между избирателями. Но избирательная комедія нужна парламентаріямъ, это—ихъ афера, ихъ мутная вода, въ которой они удятъ рыбу; они и прибѣгаютъ къ остроумному методу, предлагая „сознательнымъ“ и „свободнымъ“ избирателямъ кандидата. Работа избирателя еще болѣе облегчается, а для свободныхъ и сознательныхъ выборовъ остается еще менѣе мѣста. Все это осуществляется очень просто: собираются нѣсколько человѣкъ и образуютъ комитетъ; членовъ комитета можетъ быть не больше трехъ,—какъ намъ повѣдалъ домовладѣлецъ. Выбираютъ они изъ своей среды кандидата; составляютъ объ этомъ афишу, газеты рекламируютъ,—и готовъ депутатъ. Чѣмъ руководились при выборахъ кандидата? Иной говорливъ и въ карманъ за словомъ не полѣзетъ; иной—членъ всѣхъ обществъ, „общественный“ дѣятель; иной—имѣетъ просто много пріятелей, среди членовъ комитета; иному—дѣваться некуда, сидитъ безъ дѣла, надо же его по-пріятельски устроить и т. п. Не отрицаю, многіе въ глубинѣ души увѣрены, что это будетъ хорошій депутатъ, но не потому, что онъ обладаетъ задатками государственнаго дѣятеля, а потому, что онъ будетъ вѣренъ программѣ, будетъ какъ попугай повторять: „ѣшь и пей“. Но не скрою и того, что такой программѣ, такимъ общимъ положеніямъ,—годнымъ какъ дезидераты, для всякаго народа и въ любое время, но непригоднымъ для жизни,—всякій можетъ съ равнымъ успѣхомъ быть вѣрнымъ, всякій можетъ ихъ съ одинаковымъ успѣхомъ защищать.

Но не въ томъ дѣло; гдѣ же тутъ свобода, сознательность выборовъ, гдѣ тутъ собственное, свободно-индивидуальное мнѣніе, а, главное, гдѣ же то *всеобщее* избирательное право, о которомъ такъ прожужжали умы!? Вѣдь, избиратель только собственноручно написалъ избирательную записку, онъ только расписался, какъ расписываются за неграмотнаго, а выбрали депутата нѣсколько лицъ, кучка экспропріаторовъ, самовольно и дерзко присвоившихъ себѣ избирательное право. Собственно, не избиратель расписался за неграмотнаго, а онъ только бросилъ записку, а расписались-то за него другіе. Такъ развѣ это не афера, не шантажъ? Собирается въ каждомъ государствѣ, въ каждой губерніи, въ каждомъ городѣ, селѣ шайка аферистовъ; составляетъ партію, общества, комитеты; издаетъ газеты, собираетъ митинги, устраиваетъ предвыборныя собранія; божатся, клянутся, что они хотятъ облагодѣтельствовать народъ и каждаго обывателя, что они просто хотятъ раздавать богатство бѣднякамъ, сдѣлать всѣхъ богатыми. По ихъ словамъ, у нихъ много всевозможныхъ ассигнацій, и первымъ дѣломъ они раздаютъ всѣмъ новенькую—только что изъ станка—ассигнацію, на которой вмѣсто цѣны напечатано жирнымъ шрифтомъ: *всеобщее избирательное право.* Обыватель въ восторгѣ: вѣдь, такая ассигнація дороже золота. Но,—увы!—это одна только фальшивая ассигнація. Оказалось, что это сплошная мистификація; что аферисты обобрали всю публику, роздали обывателямъ фальшивую ассигнацію, а взамѣнъ получили настоящую. Оказалось, что избирательное право за ними и осталось; они-то и выбрали депутата, они выбрали Думу, и выбрали изъ своей же среды. Въ рукахъ у обывателя осталась одна только фальшивая ассигнація, одна только надпись: всеобщее избирательное право,—а все остальное—партіи, программы, общества, газеты, лекціи и вся эта выборная агитація—только шантажные пріемы, чтобы заговорить, задурманить, околпачить обывателя.

Помнится, съ Думской трибуны не то Милюковъ, не то Родичевъ крикнулъ, что онъ представитель народа, представитель десятковъ тысячъ избирателей, а не представитель кучки лицъ (по адресу правыхъ)... Прошу прощенія у господъ, которые избрали Милюковыхъ, Шингаревыхъ, Маклаковыхъ, Чхеидзе, Керенскихъ и имъ подобныхъ, но я долженъ признаться, что я предпочитаю быть избранникомъ отъ одного десятка умныхъ людей, чѣмъ быть представителемъ отъ милліоновъ тѣхъ знатоковъ музыки, для которыхъ пѣніе пѣтуха понятнѣй пѣнія соловья. А развѣ люди, которые довольствуются готовой программой, которые не въ состояніи уразумѣть, что подъ масками демократическихъ газетчиковъ и популярныхъ общественныхъ дѣятелей скрываются одни только аферисты, мистификаторы; развѣ люди, которые „сознательность“ пріобрѣтаютъ на предвыборныхъ собраніяхъ, которые подписываютъ готовые бюллетени,—развѣ это вмѣняемые люди, развѣ имъ доступно и понятно пѣніе соловья? А развѣ не аферисты тѣ люди, которые кричатъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ, прекрасно сознавая, что это—звукъ пустой, что этимъ правомъ воспользуется только

кучка лицъ, а всѣ остальные будутъ таскать для нихъ каштаны изъ огня!

Развѣ можетъ быть *равное* избирательное право, когда на одного хитреца, приходятся тысячи простодушныхъ, довѣрчивыхъ обывателей. „Равное избирательное право", это—только громкая, красивая фраза, вся же предвыборная агитація существуетъ для того, чтобы уничтожить какое-либо равенство права. Несомнѣнно справедливо, чтобы у каждаго было не больше одного голоса, чтобы по одному голосу было и у бѣдняка, и у богача, имѣющаго нѣсколько имѣній въ разныхъ губерніяхъ и уѣздахъ, или нѣсколько домовъ въ разныхъ частяхъ города. Конечно, если возможна была бы истинная свобода выборовъ, то возможно было бы и равное избирательное право, и оно было бы весьма цѣннымъ вкладомъ въ свободу и сознательность выборовъ. Но если избиратель избираетъ по готовой программѣ, если онъ подписываетъ готовый бюллетень, то, очевидно, у него своего собственнаго индивидуальнаго голоса нѣтъ,—очевидно, что его голосъ кто-то экспропріировалъ; въ результатѣ, истинный сознательный обыватель подаетъ только одинъ голосъ, аферисты же подаютъ по нѣсколько сотъ, по нѣсколько тысячъ голосовъ, путемъ экспропріаціи ихъ у простодушныхъ, безсознательныхъ обывателей. Надо только вдуматься въ то, что происходитъ, и намъ станетъ ясно, что и „равное избирательное право"—такая же фальшивая ассигнація.

Въ самомъ дѣлѣ: вѣдь, обыватель въ избирательномъ правѣ, по существу, нисколько не заинтересованъ. Ему, правда, внушили, что парламентъ—и только парламентъ—дастъ ему счастье, пошлетъ ему манну небесную; онъ, такъ сказать, косвенно заинтересованъ въ выборахъ, чисто-платонически, какъ въ олицетвореніи идеи парламента, но прямо, непосредственно, онъ нисколько не заинтересованъ; отсюда—естественная апатія къ судьбѣ своего голоса, и онъ далекъ отъ сознанія, что его голосъ нуженъ только другимъ, которые имъ съ большой выгодой для себя воспользуются, потому что тѣ, другіе *прямо* заинтересованы въ исходѣ выборовъ. Съ одной стороны, апатичный и простодушно-довѣрчивый избиратель, съ другой—кучка аферистовъ, прямо, а многіе—кровно, матеріально заинтересованныхъ въ исходѣ выборовъ. Такъ неужели не ясно, что всѣ эти безпартійно-прогрессивныя газеты, всѣ лекціи народнаго университета, всѣ эти общества, комитеты, партіи—вообще вся такъ называемая общественность, вся эта предвыборная агитація и всѣ т.-п. демократическіе трюки и фокусы—ничто иное, какъ сплошной организованный походъ противъ равнаго избирательнаго права, это залѣзаніе въ карманы избирателя для кражи, для экспропріаціи избирательныхъ голосовъ. Голоса-то достаются аферистамъ, у обывателя же остается въ рукахъ ассигнація съ надписью: „равное избирательное право". Гдѣ афера, гдѣ экспропріація,—тамъ не брезгаютъ никакими средствами; неудивительно, что въ предвыборную агитацію вносится система лжи, инсинуацій, доносовъ, провокаціи, шантажа. Это—система медленнаго хроническаго гипноза, и агитація продолжается безпрерывно, потому

что она неразрывно связана съ газетами, обществами, партіями. Она гипнотизируетъ простодушнаго обывателя, какъ Донъ-Кихотъ гипнотизировалъ простодушнаго Санхо-Панчо, и послѣдній увѣровалъ, что его господинъ дѣйствительно призванъ спасти міръ отъ разбойниковъ и похитителей рыцарскихъ дамъ. Правда, простодушному обывателю предоставляется право самому опустить бюллетень въ урну, но его голосъ уже экспропріированъ, и опусканіе бюллетеня въ урну —чистая формальность. Каждый экспропріаторъ,—будь то газетчикъ, ораторъ или просто-демократъ,—собралъ уже эти голоса и, собственно, онъ-то и баллотируетъ кандидата. Каждый изъ нихъ идетъ къ урнѣ, имѣя за собою „по довѣренности“ нѣсколько десятковъ, сотенъ и даже тысячъ голосовъ. Каждый изъ нихъ могъ бы совершенно избавить простодушнаго избирателя отъ простой формальности, и, собравъ всѣ бюллетени, опустить ихъ въ урну, собравъ въ одну пачку и написавъ на обложкѣ имя кандидата. Эту аферу, это издѣвательство надъ равенствомъ на воровскомъ жаргонѣ фальшивомонетчиковъ называютъ „равнымъ избирательнымъ правомъ“, какъ издѣвательство надъ свободой называютъ на томъ же жаргонѣ „свободой“. Экспропріація, это—свобода пользованія чужимъ добромъ, пощечина—свобода рукъ, трехъ-этажное ругательство—свобода слова, хулиганство—свобода дѣйствій т. п. Что угодно можно валить на свободу; немудрено, что самое наглое издѣвательство надъ свободой выборовъ, называется именно свободой выборовъ. Когда же правительство ограничиваетъ это безпримѣрное надругательство надъ истинной свободой, когда оно закрываетъ митингъ или тянетъ за фалды зарвавшагося газетчика, то этотъ естественный актъ борьбы съ шантажемъ на воровскомъ жаргонѣ зовется давленіемъ на выборы. Боже, какой скрежетъ зубовный начинается, какой визгъ и вой раздаются и въ газетахъ, и въ лѣвой половинѣ Думы. „Караулъ! Грабятъ народъ, отнимаютъ у него свободу выборовъ! Граждане! Спасайте вашу свободу!..“ И простодушный обыватель вѣритъ, что его, дѣйствительно, грабятъ, и что аферисты, прикрывшіеся кличкой „демократовъ“, его спасаютъ. Онъ подобенъ тому хозяину, который, услыхавъ ночью лай собакъ, выбѣжалъ на дворъ, думая, что собаки лаютъ на воровъ. Никого нѣтъ; хозяинъ въ восторгѣ отъ собакъ; онъ рѣшилъ, что онѣ прогнали воровъ. Только наутро хозяинъ убѣждается, что собаки лаяли потому, что грызлись изъ-за его же хозяйскаго мяса. Оказалось, что и воровъ не было и мясо изчезло.

Когда же настанетъ это утро и для русскаго обывателя? Когда же онъ, наконецъ, протретъ глаза и узритъ, какой сплошной демократическій туманъ лжи и аферы окружаетъ его!.. Проснись, голубчикъ!..

А что это за фальшивая ассигнація—тайное избирательное право! Въ этой таинственности сказался весь шантажный характеръ современной демократіи. Безъ таинственности демократія немыслима; гдѣ демократія,—тамъ и таинственность, а въ газетномъ мирѣ даже бравируютъ и гордятся таинственностью, но облекли ее въ благородное и замысловатое, но зато иностранное прозвище „псевдонимъ“. Не желая забѣгать далеко впередъ, я долженъ, однако, сказать, что

таинственность беретъ свое начало въ довольно миломъ средневѣковомъ учрежденіи—въ іезуитствѣ. Современный газетный псевдонимъ, подпольный агитаторъ, это—заново воскресшій и возродившійся къ новой жизни тотъ же таинственный и никому невѣдомый членъ ордена іезуитовъ. Въ основѣ всякой таинственности лежитъ боязнь свѣта и гласности. Но правда, истинная правда,—та правда, которая основана на глубокомъ убѣжденіи и вытекаетъ изъ правдивыхъ, чистыхъ побужденій,—не боится свѣта. Таинственность—вотумъ недовѣрія къ себѣ же, къ своей же правдѣ. Таинственность—удѣлъ и орудіе аферистовъ и любителей чужой собственности, она—на руку только тѣмъ, у кого совѣсть нечиста. Убѣжденный, правдивый человѣкъ всегда высказываетъ открыто свое мнѣніе; но демократы свою таинственность оправдываютъ тѣмъ, что правительство преслѣдуетъ правду. Это — неправда, гнусная клевета. Истинно-правдивыхъ людей правительство не преслѣдуетъ и не можетъ преслѣдовать. Вѣдь, истинная правда не въ голой правдѣ, какъ истинная свобода не въ голой свободѣ. Для истинной правды—мало одной правды; надо, чтобы правда вытекала изъ правдивыхъ и чистыхъ побужденій; но и этого мало: надо, чтобы правда не приносила вреда, чтобы она была тактична, умѣстна, чтобы она была жизненной правдой. Развѣ тактично со стороны врача докладывать безъ особой нужды больному, что его дни сочтены; или если у кого стряслось несчастье, то развѣ тактично безъ особой нужды сообщать объ этомъ; или развѣ въ присутствіи дѣтей не требуется особая осторожность въ разговорѣ, хотя бы объектомъ разговора была одна правда. И если преслѣдуется демократія, то потому, что истинной правды у нея и въ поминѣ нѣтъ; наоборотъ, она—воплощеніе лжи и обмана, иначе, зачѣмъ ей всюду и вездѣ понадобилась бы таинственность. Въ лицѣ демократіи преслѣдуется только ложь и обманъ. Въ Россіи правительство состоитъ изъ правдивыхъ убѣжденныхъ людей; оно не можетъ быть инымъ, потому что оно назначается царской властью, носительницей истинной народной правды. А такое правительство никогда не преслѣдуетъ правды,—истинной житейской правды.

Конечно, нельзя представить себѣ всѣхъ случаевъ въ жизни; конечно, возможны случаи, когда таинственность необходима въ интересахъ правды и въ защиту ея, но такіе случаи единичны и рѣдки. Но съ какой бы стороны не подходить къ таинственности, совершенно непонятно, зачѣмъ нужна тайна при избраніи депутатовъ. Наоборотъ, требованіе тайны при избраніи и доказываетъ, что нѣтъ нигдѣ въ мірѣ ни свободы, ни сознательности выборовъ,—что нѣтъ, словомъ, никакого избирательнаго права: избиратели только бросаютъ записки въ урны и отнюдь не избираютъ,—т.-е. не избираютъ по своему индивидуальному, глубокому, свободному, внутреннему убѣжденію,—другими словами, по убѣжденію, независимому отъ постороннихъ вліяній, свободному отъ давленія общественнаго мнѣнія, руководимому только здравымъ смысломъ и жизненной правдой. Еще разъ считаю умѣстнымъ подчеркнуть, что будь такая сознательность у избирателя, онъ бы безъ колебаній

отказался и отъ своего избирательнаго права, и отъ всякихъ парламентовъ. Вотъ эту-то истину надо всегда и вѣчно имѣть передъ глазами. И тайна при выборахъ въ числѣ другихъ служитъ наглядным подтвержденіемъ того, что нѣтъ сознательнаго избирателя, нѣтъ истинно-свободныхъ выборовъ. Вѣдь, вопросъ идетъ о выборахъ въ парламентъ, въ Государственную Думу; вѣдь, здѣсь, собственно, не выбираютъ, а священнодѣйствуютъ, такъ какъ избраннику ввѣряютъ судьбу народа, государства; ни личные, ни мѣстные, никакіе мелкіе повседневные интересы при этихъ выборахъ не затронуты, или, по крайней мѣрѣ, не должны быть затронуты. Затронуты самые возвышенные интересы, интересы народные, государственные. О какой тайнѣ можетъ итти рѣчь? При выборахъ нѣтъ ни дворянъ, ни крестьянъ, ни рабочихъ, ни фабрикантовъ,—есть только граждане одного государства, сыны одного народа. Ни какихъ мелкихъ личныхъ выгодъ отъ выборовъ никто не можетъ ждать. Здѣсь нѣтъ ни правыхъ, ни виноватыхъ; никто не выбираетъ себѣ защитника или ходатая; для этого существуетъ судъ; не выбираютъ себѣ также опору для борьбы съ обидчикомъ; не для этого создана Дума,—для этого также существуютъ другія учрежденія: судъ, полиція и т. п. Словомъ, никто лично не заинтересованъ въ исходѣ выборовъ, никого лично выборы не могутъ затронуть, никакихъ обидъ они не могутъ вызвать, ничьего самолюбія не могутъ задѣть; наоборотъ, насколько личные интересы косвенно задѣваются государственными, каждый долженъ требовать въ своихъ же личныхъ интересахъ полной свободы, полной сознательности; каждый долженъ этого желать. Причемъ же тутъ тайна? Для чего и кому она нужна? А тайна нужна потому, что нѣтъ сознательности, нѣтъ свободы; потому что высокое значеніе Государственной Думы недоступно пониманію избирателя, потому что высокій смыслъ выборовъ скрытъ отъ его сознанія. А тайна нужна потому, что каждый выбираетъ защитника, ходатая по своимъ личнымъ дѣламъ, а отнюдь не члена Государственной Думы, не депутата парламента. А если бы было иначе, развѣ кто-нибудь обращался бы къ тому или иному депутату съ мелкими просьбами и жалобами. Всѣ эти обращенія къ депутатамъ, со стороны отдѣльныхъ избирателей или цѣлой ихъ группы, это—позоръ для Думы, позоръ для избирателей, позоръ для народа. Они унижаютъ Думу, низводятъ ее на степень камеры мирового судьи или земскаго начальника, а депутатовъ превращаютъ въ ходатаевъ по мелкимъ дѣламъ избирателя; они позорны для избирателя, потому что говорятъ о его полной безсознательности, о его полномъ невѣжествѣ; они позорны для народа, потому что говорятъ о полномъ недовѣріи къ суду, къ администраціи, къ правительственной власти; а, вѣдь, и то, и другое, и третье—созданіе народа, неотдѣлимы отъ него, и недовѣріе къ этимъ элементамъ со стороны самого народа—величайшій позоръ для народа. А тайна нужна потому, что каждый выбираетъ не члена Государственной Думы, а опору въ борьбѣ со своими обидчиками, воображаемыми или мнимыми: рабочій ищетъ себѣ помощи въ борьбѣ съ фабрикантами, крестьянинъ—въ борьбѣ съ землевладѣльцами, бѣднякъ—въ борьбѣ съ состоятельными людь-

ми, приказчикъ—съ купцами, лакей—съ гостями, квартиранты—съ домовладѣльцами, дворники—съ квартирантами, фельдшера—съ врачами, всѣ вообще—въ борьбѣ съ властью, какъ съ носительницей идей порядка и законности. Вотъ откуда беретъ свое начало такъ называемая политическая партійность. Въ тайнѣ избирательнаго права секретъ партійности, вѣрнѣе—партійность, и только она требуетъ таинственности, въ ней секретъ тайнаго избирательнаго права. И наравнѣ съ всеобщимъ и равнымъ избирательнымъ правомъ, политическая партійность служитъ указаніемъ на полную безсознательность избирателя, на полное невѣжество обывателя; она подрывается подъ самое зданіе парламента, подъ основы парламентаризма. Гдѣ партійность, тамъ нѣтъ свободы, нѣтъ конституціи, нѣтъ парламента, нѣтъ никакого народнаго сознанія, потому что нѣтъ никакого единаго народа. О партійности рѣчь будетъ въ другомъ мѣстѣ, но не могу не высказать теперь же, что партій—политическихъ партій—не можетъ и не должно быть, что партійность—симптомъ народной болѣзни, что истинный народъ лишь тамъ, гдѣ не признаютъ ни партій, ни парламента,—другими словами, среди истинныхъ правыхъ элементовъ. Борьба съ парламентаризмомъ—борьба за жизнь, за выздоровленіе народа: это—борьба здоровыхъ, нормальныхъ элементовъ съ больными.

Но и теперь ясно, что тайны при истинномъ, свободномъ избирательномъ правѣ не можетъ и не должно быть. Если бы рабочій и фабрикантъ, крестьянинъ и помѣщикъ, и вообще обыватель выбирали только государственнаго дѣятеля, только человѣка съ широкимъ государственнымъ умомъ, такъ сказать, спеціалиста въ народно-государственномъ дѣлѣ, то кого и что имъ пришлось бы дѣлить, для чего имъ нужна была бы тайна; наоборотъ, они мирно сошлись бы для открытыхъ и дѣловыхъ собесѣдованій, и одно изъ двухъ: или рѣшили бы, что это не ихъ ума дѣло,—что въ этомъ вопросѣ они не компетентны,—или остановились бы на одномъ лицѣ, которое проявило себя уже на государственномъ поприщѣ. Конечно, первое рѣшеніе было бы самымъ благоразумнымъ. Во всякомъ случаѣ, ни для раздоровъ, ни для тайнъ мѣста не было бы. Но когда рабочій выбираетъ депутата для того, чтобы онъ отобралъ фабрику въ пользу рабочаго; крестьянинъ – для того, чтобы онъ отобралъ землю и скотъ и отдалъ крестьянину; обыватель—для того, чтобы депутатъ ругалъ министровъ, администрацію, вообще воевалъ бы съ властью, съ полиціей, чтобы никто не препятствовалъ обывательскому нраву, когда, наоборотъ, здравомыслящему обывателю и сознательному избирателю приходится выбирать депутата для защиты отъ экспропріаторскихъ наклонностей демократовъ и загипнотизированныхъ послѣдними простодушныхъ обывателей изъ породы Санхо-Панчо,—то, конечно, при выборахъ нужна тайна. Тамъ, гдѣ афера, шантажъ, гдѣ подготовляется форменный грабежъ и экспропріація,—обязательно нужна тайна. Наоборотъ, гдѣ тайное избирательное право,—тамъ дѣло нечистое, грязное, тамъ царитъ шантажъ, тамъ подготовляется экспропріація. Демократы говорятъ, что тайна избирательнаго права нужна

въ интересахъ свободы и независимости голосованія. Это—наглая ложь, это—уловка аферіста для обезпеченія успѣха аферѣ, это—хитрость экспропріатора, замышляющаго грабежъ. Развѣ тайна при избраніи нужна народу, принесетъ ему какую-либо пользу? Она нужна и полезна только аферистамъ, подготовляющимъ экспропріацію у народа. Они экспропріируютъ у обывателя изъ породы Санхо-Панчо здравый смыслъ, совѣсть, малѣйшій проблескъ свободнаго сознанія, для того, чтобы вѣрнѣе экспропріировать власть, богатство у народа, для того, чтобы въ мутной водѣ рыбу ловить. Они медленно прочищаютъ себѣ черезъ затуманенныя головы обывателей путь къ власти, экспропріируя въ свою пользу голоса; путь къ богатству имъ открытъ, въ рукахъ же у избирателя, у всего народа—остается одна фальшивая ассигнація съ надписью: „тайное избирательное право".

Но если фальшивая ассигнація всеобщаго, равнаго и тайнаго избирательнаго права довольно искусно и тонко поддѣлана, то ассигнація прямого избирательнаго права представляетъ самую грубую поддѣлку сознательности и свободы выборовъ. Если человѣку приходится выбирать изъ сотни лично извѣстныхъ ему лицъ, то есть еще гарантія, что его выборъ падетъ на здравомыслящаго, дѣлового человѣка; когда эти выборщики соберутся въ числѣ 100 человѣкъ, то, познакомившись, узнавъ другъ-друга, возможно, что имъ и удастся выбрать нѣсколько человѣкъ толковыхъ, дѣловыхъ депутатовъ. Но какъ можетъ избиратель выбрать изъ десятковъ и даже сотенъ тысячъ избирателей? Добросовѣстный избиратель махнулъ бы рукой на эту дьявольскую махинацію, которая зовется прямымъ избирательнымъ правомъ и которая представляется издѣвательствомъ надъ свободой выборовъ; если же писать имя кандидата, то остается только себя писать, потому что себя-то каждый, во всякомъ случаѣ, знаетъ и, право, въ этомъ никакого преступленія не было бы, потому что каждый съ равнымъ успѣхомъ можетъ быть депутатомъ. Съ одинаковымъ успѣхомъ несутъ тяготу парламентскаго законодательства: и безграмотный крестьянинъ, взятый отъ сохи, и интеллигентнѣйшій профессоръ Милюковъ. Ясно, что прямое избирательное право—одна афера. Но аферисты такъ ловко втираютъ очки простодушному обывателю изъ породы Санхо-Панчо, что послѣдній благимъ матомъ кричитъ: „подавай мнѣ прямое избирательное право; другого права мнѣ не надо!" Между тѣмъ, именно въ этомъ правѣ избиратель болѣе всего безпомощенъ и жалокъ. Стоитъ, скажемъ, на рѣкѣ хорошій, прочный желѣзный мостъ, а человѣка убѣдили, что мостъ изъ папиросной бумаги прочнѣе, и онъ ни за что не хочетъ пойти по желѣзному мосту, подавай ему мостъ изъ папиросной бумаги. Въ общежитіи такого субъекта назовутъ сумасшедшимъ и тутъ же, долго не раздумывая, отправятъ въ психіатрическую лечебницу; но такъ бывало въ доброе-старое время, теперь же такого господина зовутъ прогрессистомъ, демократомъ, а въ послѣднее время—и лѣвымъ октябристомъ, и не только не отправляютъ его въ психіатрическую лечебницу, но выбираютъ еще депутатомъ въ Думу, или предсѣдателемъ

какого-либо общества, или приглашаютъ въ завѣдывающіе санитарнымъ бюро или другимъ отдѣломъ въ земствахъ и городскихъ самоуправленіяхъ и т. п.

Но въ такомъ положеніи одураченнаго прогрессиста или демократа оказывается только простодушный обыватель изъ породы Санхо-Панчо. Тѣ же аферисты, которые только зовутъ себя прогрессистами,—тѣ совсѣмъ не глупы и прекрасно знаютъ, для чего имъ нужно прямое избирательное право. Они-то этимъ правомъ и пользуются, а избирателю остается только фальшивая ассигнація; вѣдь, осуществляется это право такимъ путемъ, что нѣсколько человѣкъ собирается и изъ своей среды выбираетъ кандидата; такихъ аферистовъ можетъ быть 1—2 десятка, а можетъ быть всего и 2—3 человѣка. Правда, они-то выбираютъ *прямымъ* путемъ, но только изъ своей же шайки; остальной же стотысячный избиратель получаетъ уже готоваго депутата отъ этой шайки, и только расписывается въ полученіи; получаетъ онъ своего депутата съ завязанными глазами, на манеръ того, какъ библейскій Іаковъ получилъ свою жену подъ покрываломъ, а дорогой тестюшка ему вмѣсто Рахили да Лію подсунулъ. Какъ извѣстно, Іакову послѣ того пришлось семь лѣтъ маяться, а обывателю—русскому народу—не семь лѣтъ, а всю жизнь придется маяться со своими Ліями. Вотъ это называется прямымъ избирательнымъ правомъ, но, по существу, это тѣ же косвенные выборы, потому что сначала выбираютъ одного среди небольшой группы лицъ, а потомъ его уже баллотируютъ остальные; но правильнѣе сказать, что выбираетъ—и выбираетъ *прямо*—только первая небольшая кучка лицъ, у остальныхъ же остается въ рукахъ только фальшивая ассигнація съ надписью: „прямое избирательное право".

XII.

Я старался объективно и безпристрастно, въ интересахъ одной жизненной правды, проанализировать всѣ элементы пресловутаго избирательнаго права, которое представляетъ азбуку демократической науки и любой прогрессивной программы. Отъ этой азбуки демократъ исходитъ, къ ней онъ возвращается при первой же возможности. А, между тѣмъ, все оказалось фальшивыми ассигнаціями, а г.г. демократы—фальшивомонетчиками. Такого же отборнаго качества и всѣ остальныя демократическія цѣнности, что, послѣ тщательнаго анализа, мною будетъ въ дальнѣйшемъ постепенно выясняться. Въ этой тяжелой атмосферѣ, среди кучки политическихъ аферистовъ и многомилліонныхъ жертвъ, тяжело приходится уравновѣшенному, здравомыслящему обывателю. Его на удочку эфектныхъ программъ, блестящихъ обѣщаній и радужныхъ надеждъ не поймаешь; онъ не Санхо-Панчо, котораго Донъ-Кихотъ соблазнилъ блестящимъ шлемомъ и рыцарской осанкой. Онъ сознаетъ, что передъ нимъ шайка политическихъ аферистовъ, стремящихся черезъ головы околпаченныхъ обывателей къ славѣ, къ почету, къ власти; онъ понимаетъ, что всѣ эти собранія, агитація газетъ, засѣданія разныхъ обществъ,

лекціи народныхъ университетовъ, дни разныхъ цвѣтковъ, вообще вся эта кипучая общественность—только политическіе трюки, только ловкіе фокусы, которыми аферисты дурманятъ, туманятъ сознаніе простодушнаго обывателя; ему ясно все умственное убожество аферистовъ и очень подозрителенъ ихъ моральный багажъ; онъ насквозь видитъ всю эту компактную массу одураченныхъ обывателей. Онъ добрался и до багажа, раскрылъ чемоданъ и въ ужасѣ отшатнулся: передъ нимъ лежали однѣ только фальшивыя ассигнаціи разныхъ достоинствъ, но одной демократической марки; на одной значилось: „свобода слова“, на другой: „неприкосновенность личности“, на третьей: „долой смертную казнь“, на четвертой: „всеобщее избирательное право“ и т. п. Онъ понялъ тогда, что эти аферисты принадлежатъ къ благородной корпораціи политическихъ фальшивомонетчиковъ; что каждая партія, каждая газета, каждое общество,—словомъ, каждое безпартійно-прогрессивное учрежденіе, это—фабрика фальшивыхъ ассигнацій. Особенно тяжело тому обывателю, которому когда-то подсунули нѣсколько такихъ ассигнацій, а онъ былъ еще довѣрчивъ и неопытенъ,—встрѣча съ вышеупомянутымъ демократическимъ тріо еще не раскрыла ему глазъ,—и онъ фальшивыя ассигнаціи не только принялъ за чистую монету, но и распространилъ даже нѣсколько ихъ штукъ. Но зато, когда онъ узналъ, какой благодарный товаръ онъ распространяетъ, съ нимъ чуть нервный ударъ не сдѣлался; онъ въ ужасѣ заметался и началъ безсвязно кричать и звать на помощь. Этотъ крикъ ужаса и былъ его брошюрой „Донъ-Кихоты и фарисеи нашихъ дней“. У него до сихъ поръ пальцы горятъ при воспоминаніи, какой товаръ проходилъ черезъ его руки.

Что же дѣлать обывателю, которому стало ясно, что передъ нимъ организованная шайка аферистовъ-шантажистовъ? Иной—такихъ большинство—пугливо отходитъ въ сторону, подальше отъ грѣха; онъ не понимаетъ, какой вредъ онъ приноситъ родинѣ своимъ индифферентизмомъ, какой ущербъ наноситъ святой правдѣ. Другой—а такихъ по пальцамъ перечтешь—смѣло и открыто борется съ аферой. Но положеніе его истинно-трагическое.

Каждый изъ насъ бывалъ на сеансахъ разныхъ фокусниковъ, хотя бы и знаменитаго Роберта Ленца; каждый видалъ, какъ фокусникъ изъ пустой шляпы вытаскиваетъ цѣлую гору яицъ, или море разноцвѣтныхъ лентъ, или даже цѣлый десятокъ живыхъ голубей. Каждый понимаетъ, что это—фокусъ, ловкость рукъ. Но когда такой фокусникъ зовется не Робертомъ Ленцемъ, а Милюковымъ, или Чхеидзе, то публика убѣждена, что это не фокусъ, и что изъ пустой шляпы можно вытащить десятокъ живыхъ голубей или гору лентъ. Въ самомъ дѣлѣ: стоитъ ли демократъ на ораторской трибунѣ или на думской каѳедрѣ, сидитъ ли за столомъ редактора или газетнаго сотрудника, засѣдаетъ ли въ какомъ-либо комитетѣ или обществѣ, читаетъ ли лекціи народнаго университета или служитъ земскимъ санитарнымъ врачомъ,—онъ все время показываетъ одинъ и тотъ же фокусъ, совершенно сходный съ фокусомъ выта-

скиванія живыхъ голубей изъ пустой шляпы. Называется этотъ демократическій фокусъ „осуществленіемъ Манифеста 17 Октября", и простодушному обывателю онъ такъ нравится, что онъ каждый разъ требуетъ его повторенія. Стоитъ такой Робертъ Ленцъ изъ породы демократовъ на трибунѣ и держитъ въ рукахъ Манифестъ, и читаетъ его. Прочитавши, говоритъ: „Какъ видите, великій Манифестъ 17 Октября даетъ народу великія блага: и свободу слова, и свободу печати, и неприкосновенность личности, и всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право и т. д.,—громадный рогъ изобилія, полный такихъ благъ. Тѣмъ не менѣе, Манифестъ до сихъ поръ остается звукомъ пустымъ: нѣтъ у насъ никакихъ благъ, никакихъ конституціонныхъ гарантій, потому что правящая бюрократія и всѣ правые элементы — словомъ, всѣ зубры и черносотенцы — противятся осуществленію Манифеста. А, между тѣмъ, осуществить Манифестъ и дать народу всѣ блага нѣтъ ничего легче". И тутъ же изъ Манифеста начинаетъ вынимать одну ассигнацію за другой, цѣлую гору новенькихъ ассигнацій; раздаетъ народу и приговариваетъ: „вотъ вамъ свобода слова, вотъ — свобода печати, вотъ — всеобщее избирательное право!.. Публика съ остервенѣніемъ бросается на ассигнаціи и немилосердно проситъ еще разъ и еще разъ осуществленія Манифеста 17 Октября.

Подымается здравомыслящій и честный обыватель и кричитъ: „Не вѣрьте, это фокусъ! Развѣ можно изъ пустой шляпы вытаскивать живыхъ голубей? Развѣ можетъ Манифестъ дать свободы, избирательное право и всѣ остальныя конституціонныя гарантіи? Вѣдь, ихъ никто не можетъ дать, никто не можетъ взять! Развѣ можно дать свободу слова? Вѣдь, свобода слова ни на землѣ не валяется, ни въ воздухѣ не летаетъ; она заложена внутри человѣка, она всегда при немъ и съ нимъ, и человѣкъ ее съ собой приноситъ. Есть свобода слова въ каждомъ человѣкѣ, и есть она въ народѣ, а нѣтъ ея въ людяхъ, — нѣтъ ея въ народѣ, и никто ее не можетъ послѣднему дать. Вѣдь, свобода слова заключается только въ томъ, что человѣкъ уважаетъ и цѣнитъ *свое* слово. А для того, чтобы уважать свое слово, оно должно быть истинно-правдивымъ и глубоко продуманнымъ. А если каждый будетъ уважать свое мнѣніе, свое слово, — онъ будетъ уважать и чужое слово, потому что каждое слово будетъ правдивое, и только тогда — и само собой — наступитъ эра истинной, подлинной свободы слова. Такъ развѣ кто-либо, и даже Манифестъ 17 Октября, можетъ дать человѣку *уваженіе* къ своему слову, какъ первоисточникъ и основу свободы слова? И если у англичанъ есть истинная свобода слова, то, очевидно, только потому, что каждый англичанинъ родится со свободой слова, потому что онъ съ дѣтства привыкъ цѣнить и уважать свое и чужое слово. Свобода слова есть часть человѣческой души, то же и всѣ остальныя конституціонныя блага; и какъ нельзя раздавать душу человѣческую, такъ нельзя давать и свободу слова. И развѣ можетъ быть равное избирательное право — и вообще какое-либо истинное избирательное право — тамъ, гдѣ на одного

хитреца и афериста приходится тысяча довѣрчивыхъ обывателей, у которыхъ аферистъ просто-напросто экспропріируетъ голоса? Давши Манифестъ 17 Октября, Царская власть отнюдь не дала и не могла дать народу свободъ и конституціонныхъ гарантій. Царская власть своимъ манифестомъ хотѣла только довести до свѣдѣнія народа, что Она нисколько не противится осуществленію свободъ и другихъ благъ, что Она будетъ счастлива, когда народъ дорастетъ до свободъ. Манифестъ 17 Октября, — это, такъ сказать, подарокъ авансомъ, нѣчто вродѣ того, какъ любящій отецъ кладетъ въ банкъ на имя своего новорожденнаго сына чекъ на извѣстную сумму. Развѣ новорожденный можетъ взять или ему можно дать въ руки чекъ; вѣдь, для ребенка это игрушка, которую онъ тутъ же изорветъ въ клочки. Но отецъ доказываетъ свою любовь: онъ хочетъ обезпечить сына; кладя чекъ въ банкъ, онъ хочетъ показать, что онъ отнюдь не будетъ противиться тому, чтобы деньги достались сыну, когда наступитъ время, и сынъ выйдетъ изъ дѣтскаго возраста.

Здравомыслящій обыватель продолжаетъ: „А то, что Робертъ Ленцъ... виноватъ... Павелъ Милюковъ называетъ осуществленіемъ Манифеста 17 Октября—только фокусъ, ассигнаціи же, которыя раздаютъ кадеты,—фальшивыя. Развѣ это—подлинная, истинная, свобода слова или избирательное право? Развѣ настоящее, неподдѣльное, всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право такое бываетъ? И развѣ такова истинная свобода слова? Вотъ подлинная ассигнація!..“ И тутъ же показываетъ и разъясняетъ, какое должно быть неподдѣльное избирательное право или истинная свобода слова. Но, развѣ одураченный обыватель ему повѣритъ, когда во всемъ мірѣ — и въ Россіи—въ ходу однѣ только фальшивыя демократическія цѣнности, когда подлинныхъ ассигнацій никто еще не видалъ и понятія о нихъ не имѣетъ; когда аферисты и фальшивомонетчики сплошной стѣной окружили народъ, покрыли весь міръ фабриками фальшивыхъ демократическихъ ассигнацій, назвавъ ихъ газетами, обществами, союзами, массонскими ложами и т. п.; когда на всѣхъ перекресткахъ открылись аукціоны, на которыхъ открыто занимаются продажей этихъ подозрительныхъ демократическихъ цѣнностей, и когда, наконецъ, вся эта купля-продажа фальшивыхъ ассигнацій зовется общественнымъ мнѣніемъ?.. Начали эти аукціоны и фабрики распространяться и въ Россіи, и правительство безсильно бороться съ этимъ зломъ. Закроетъ одно общество, на его мѣсто родится десять; закроетъ одну газету, а ихъ уже выросла сотня; какая-то многоголовая гидра обществъ и газетъ! И заполонили весь міръ—и Россію—фальшивыми ассигнаціями; извратили ими и развратили общественное мнѣніе. Настоящихъ ассигнацій никто не признаетъ, никто ихъ и брать не хочетъ. Такъ, развѣ положеніе уравновѣшеннаго обывателя не трагическое? Стоитъ онъ среди одураченной публики и держитъ въ рукахъ подлинную ассигнацію, а всѣ кричатъ, что это поддѣльная, и что у нихъ въ рукахъ настоящая ассигнація. Аферисты же и фальшивомонетчики стараются всячески

дискредитировать своего обличителя: высмѣиваютъ, поносятъ, его же называютъ фальшивомонетчикомъ или, по-своему, на воровскомъ жаргонѣ, черносотенцемъ, реакціонеромъ. Говорятъ, что добро торжествуетъ. Неправда! Въ наше время торжествуетъ зло,—торжествуютъ аферисты, фальшивомонетчики, а честные, благородные люди въ загонѣ.

Посмотрите, во что превратили умнаго, даровитаго, образованнаго и прямодушнаго Пуришкевича? Въ шута, въ клоуна. Издѣваются надъ нимъ въ газетахъ, издѣваются въ театрахъ, кинематографахъ, издѣваются въ стихахъ и въ прозѣ. А за что? А за то, что Пуришкевичъ благимъ матомъ кричитъ, что демократы распространяютъ фальшивыя ассигнаціи. Его непосредственность называютъ невоспитанностью, его остроуміе—шутовствомъ, его правдивость и прямоту объясняютъ подлаживаніемъ къ начальству. Пуришкевичъ просто нервничаетъ, да и какъ не нервничать, когда видишь насквозь аферистовъ современной формаціи и море одураченныхъ ими головъ. Вѣдь, тутъ на стѣну полѣзешь, начнешь кричать: „караулъ!“ Надо, наоборотъ, удивляться только относительному спокойствію Пуришкевича. Такъ оплевываютъ, поносятъ г. г. демократы все честное, все здравомыслящее, все благородное, и подъ шумокъ распространяютъ фальшивыя ассигнаціи. Долой правду, долой искренность, долой здравый смыслъ! Да здравствуютъ аферисты, шантажисты и фальшивомонетчики!

Но правда всегда торжествуетъ, потому что у нея есть вѣрный и преданный защитникъ—Судъ исторіи. Сколько людей, бывшихъ великими для современниковъ, и даже для цѣлаго ряда поколѣній, переведены исторіей въ разрядъ жалкихъ ничтожествъ. Сколько, наоборотъ, людей, бывшихъ для современниковъ мишенью для издѣвательствъ, пытокъ и казней, казавшихся преступными и сумасбродными, возведено исторіей въ разрядъ благородныхъ и даже великихъ людей. Да иначе и быть не можетъ, потому что современники чтятъ тѣхъ, кто поетъ въ унисонъ общественнаго мнѣнія, кто не въ состояніи сбросить съ себя гипнозъ послѣдняго, и въ пору, напримѣръ, сплошной аферы, наибольшимъ почетомъ будетъ пользоваться самый ловкій, природный аферистъ. Назначеніе власти—бороться съ аферой и шантажемъ. Въ обычное и нормальное время, каждый привѣтствуетъ и поддерживаетъ власть въ борьбѣ съ аферистами. Въ борьбѣ съ послѣдними зачастую приходится прибѣгать къ сыску, и даже къ притворному сбыту фальшивыхъ ассигнацій, для того, чтобы раскрыть преступную шайку. И эти мѣры одобряются и даже поддерживаются обществомъ; вѣдь, аферистъ—врагъ общества. Но тяжела, необычайно тяжела задача власти въ пору сплошного шантажа, сплошной аферы. Въ борьбѣ съ послѣдней власть встрѣчаетъ противодѣйствіе со стороны общества, интересы котораго она призвана защищать и защищаетъ. Немногіе администраторы могутъ устоять противъ этой атмосферы лжи, инсинуацій, издѣвательства, которая ихъ встрѣчаетъ, если они объявляютъ открытую войну аферистамъ; многіе поневолѣ начинаютъ смотрѣть сквозь пальцы на

мелкія продѣлки аферистовъ. Но тѣмъ хуже приходится тѣмъ, которые до конца твердо и неуклонно несутъ свою тяжелую, но благородную миссію. Въ этомъ отношеніи красочно и твердо, какъ гранитный утесъ, стоитъ фигура Кассо, какъ символъ власти, друга порядка и врага аферы; эти строки глубокаго уваженія я посвящаю памяти министра, нынѣ уже покойнаго. Или, припомните, какими мелкими, грязными инсинуаціями старались очернить личность благороднаго Хвостова, вся вина котораго заключалась въ довольно странныхъ, для нашего времени, понятіяхъ. По его мнѣнію, власть должна бороться съ аферистами, а не потворствовать имъ. Развѣ можетъ общественное мнѣніе, находящееся во власти аферистовъ, мириться съ такимъ страннымъ понятіемъ о власти? Само собой разумѣется, побѣда осталась за всемогущими современными аферистами, и Хвостовъ ушелъ, но у него хватило гражданскаго мужества, чтобы промѣнять губернаторское кресло на убогое рубище праваго депутата; вѣдь, на то, чтобы промѣнять любое званіе, любой титулъ, любое положеніе на пышную и величественную мантію лѣваго депутата,—у всякаго хватитъ мужества.*)

Правда, выведенные изъ себя, не находя другихъ законныхъ способовъ борьбы съ аферистами современной формаціи, многіе обыватели избираютъ крайнее средство—самосудъ, т.-е. берутся за дубье и за резину. Пусть даже власть потворствуетъ этому средству; она достойна оправданія, потому что это средство—крикъ отчаянія обывателей, крикъ безсилія власти въ борьбѣ съ организованными шайками аферистовъ, потому что власть сильна только тогда, когда она встрѣчаетъ поддержку общества, идетъ рука-объ-руку съ нимъ. Какой же поддержки можно ждать отъ общества, всецѣло находящагося во власти аферистовъ. Но самосудъ—средство невѣрное, и даже въ минуты отчаянія надо его избѣгать. Самосудъ бьетъ рѣдко виноватаго, а чаще праваго, а, главное, онъ бьетъ не по аферистамъ, а только по ихъ одураченнымъ жертвамъ; аферисты же отъ суда и отъ самосуда умѣло ускользаютъ. Борьба можетъ быть успѣшна только тогда, когда возьмутся за корень зла—за фабрики фальшивыхъ ассигнацій; когда закроютъ всѣ газеты, общества и т. п. учрежденія. Самосудъ плохъ и тѣмъ, что онъ устремляется въ сторону наименьшаго сопротивленія и обычно бьетъ только по еврейскому народу. Правда, слишкомъ много политическихъ аферистовъ среди евреевъ. Почему? Объ этомъ я побесѣдую въ брошюрѣ, спеціально посвященной еврейскому вопросу; но причемъ тутъ еврейскій народъ, причемъ тутъ всѣ евреи? Вѣдь, Богъ устами Авраама обѣщалъ сохранить даже Содомъ и Гоморру, если тамъ окажется хоть одинъ праведный; Богъ училъ, чтобы человѣкъ лучше пощадилъ тысячи виновныхъ, чѣмъ наказалъ одного невиннаго. Несчастье же еврейскаго народа и безъ того неизмѣримо велико. Что можетъ быть трагичнѣе для еврейскаго народа, какъ превращеніе потомка праотцевъ, потомка Моисея и пророковъ въ демократа, въ аферіста со-

*) Писано еще въ 1914 г., когда А. Н. Хвостовъ былъ только депутатомъ.

временной формаціи. Надо знать, что такое еврейскій народъ, творецъ Библіи и носитель ветхозавѣтныхъ идеаловъ, чтобы понять, какой это великій трагизмъ, подобія которому нѣтъ и не будетъ. И если, сидя на рѣкахъ Вавилонскихъ, Еремія лилъ потоки слезъ, то теперь, сидя на рѣкахъ всего міра, онъ своими слезами превратилъ бы сушу въ сплошное море.

Самосудъ нехорошъ и тѣмъ, что онъ не разборчивъ въ средствахъ воздѣйствія, и зачастую выбираетъ совсѣмъ неподходящее орудіе. Зачѣмъ дубье и резина? Они служатъ не для суда, не для излеченія, а только для расправы. Самосудъ же допустимъ только тогда, когда онъ слѣдуетъ по стопамъ суда. Судъ же, разобравшись въ обстоятельствахъ дѣла, скажетъ, что конституціонный демократизмъ — только психическая болѣзнь подъ названіемъ „аферомания“, какъ соціалъ-демократизмъ относится къ разряду „клептоманіи“. И то, и другое — симптомъ вновь открытой народной болѣзни, „morbus Gordoni“. Есть въ медицинѣ Брайтова болѣзнь, Адиссонова болѣзнь, пусть же въ народной медицинѣ будетъ и Гордонова болѣзнь. Судъ же безпристрастно и нелицепріятно вынесетъ больнымъ мягкій, но справедливый и жестокій приговоръ: дать имъ отборную порцію холоднаго душа, для чего бить въ набатъ, собрать всю пожарную команду и окачивать ихъ водой изъ пожарной трубы. Вода — лучшее средство противъ нервныхъ и психическихъ разстройствъ.

О, я знаю, что меня всячески старались превратить въ сумасшедшаго, когда вышла моя брошюра „Донъ-Кихоты и фарисеи“. Я знаю, что настоящая брошюра вызоветъ еще большій скрежетъ зубовный; я убѣжденъ, что я стану мишенью издѣвательствъ, дешоваго балагурства и пасквилей, вплоть до признанія меня же психически ненормальнымъ. Пусть! Защитникъ правды — судъ исторіи скажетъ, кто изъ насъ психически нормаленъ и кто ненормаленъ.

Афера къ добру не приводитъ, и надо сказать правду, и избирательные же фрукты получаются на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и даже тайнаго избирательнаго права. Взять хотя бы депутатовъ отъ г. Самары: первой Думы — Крылова и четвертой — Гладыша. Я не касаюсь личности того и другого, я говорю о нихъ, только какъ объ избранникахъ народныхъ; каждый изъ нихъ для меня только типъ, только собирательное имя, — словомъ, англійскій избирательный продуктъ, пересаженный на русскую почву. Имя имъ — легіонъ. Гдѣ-то, кто-то намѣтилъ того и другого кандидатами. Сколько человѣкъ намѣтило, почему намѣтило? Это покрыто мракомъ неизвѣстности; на то оно и тайное избирательное право. Но оказывается, что это тайна только для избирателя, для всей Самары, которая невѣдомо для себя самой послала въ Думу и Крылова, и Гладыша. Вотъ когда мы, наконецъ, толкомъ разобрались въ этой фальшивой ассигнаціи — тайномъ избирательномъ правѣ, которое таинственно и непонятно для самого же избирателя

и только для него. Положимъ, Крыловъ — докторъ, и извѣстенъ какъ спеціалистъ по изготовленію лечебныхъ сыворотокъ; можетъ быть, это дало поводъ думать, что онъ окажется спеціалистомъ и по изготовленію государственныхъ законопроектовъ. Впрочемъ, у демократовъ едва ли умъ настолько за разумъ зашелъ, чтобы они смѣшали сыворотки съ законопроектами. Такъ или иначе весьма странно, почему изготовленіе сыворотокъ дало поводъ думать, что д-ръ Крыловъ только одинъ изъ всѣхъ гражданъ Самары способенъ разрѣшать всѣ сложныя и разнообразныя государственныя проблемы и со спокойной совѣстью, и яснымъ сознаніемъ подавать свой голосъ по вопросамъ финансовымъ, экономическимъ, военнымъ, морскимъ, желѣзно-дорожнымъ, сельско-хозяйственнымъ и т. п. Все-таки — такихъ универсаловъ, какъ Шингаревъ, еле-еле на десятки, даже на сотни милліоновъ насчитаешь одного-двухъ. Или, можетъ быть, д-ра Крылова выбрали именно, какъ врача и какъ спеціалиста для разрѣшенія вопросовъ по его спеціальности. Тогда — зачѣмъ нужна Дума? Достаточно, по мѣрѣ надобности, созывать свѣдущихъ людей, экспертовъ, и такой способъ будетъ гораздо цѣлесообразнѣй и полезнѣй, потому что будетъ гарантія, что врачъ будетъ разрѣшать только вопросы медицинскіе, инженеръ — вопросы путейскіе, военный — вопросы обороны и т. п. Каждый по своей спеціальности, а не такъ, какъ вездѣ и во всѣхъ парламентахъ: каждый депутатъ — спеціалистъ по всѣмъ отраслямъ. Я такъ и терялся бы въ догадкахъ, почему д-ръ Крыловъ былъ намѣченъ кандидатомъ, если бы не вспомнилъ, что онъ состоитъ также врачомъ при винномъ складѣ. Винные же склады — созданіе Витте; Витте же — извѣстный государственный умъ. Очевидно, только на этой аналогіи и построенъ былъ весь разсчетъ избирателя. Вѣдь, въ душу обывателя изъ породы демократовъ не влѣзешь, а отъ психики его всего можно ожидать. Хотя противъ такой психики можно привести одно весьма вѣское возраженіе; вѣдь, по аналогіи можно и каждаго сторожа виннаго склада считать достойнымъ кандидатомъ въ депутаты; можно тогда всякіе выборы упразднять, а просто сторожей всѣхъ винныхъ складовъ назначать депутатами. Нисколько не желая обижать д-ра Крылова, и исключительно по существу и въ интересахъ дѣла, позволяю себѣ высказать свое глубокое убѣжденіе, что отъ такого состава всей лѣвой половины Думы, послѣдняя нисколько не потеряла бы, хотя, конечно, не рѣшаюсь утверждать, что она выиграла бы. Вѣдь, въ вопросахъ финансовыхъ, военныхъ, желѣзно-дорожныхъ и т. п., каждый сторожъ смыслитъ столько же, сколько врачъ, юристъ, рабочій. И, смѣю думать, мое заявленіе — совсѣмъ не парадоксъ. Неужели же, напр., по вопросу Амурской желѣзной дороги д-ръ Крыловъ имѣетъ больше право голосовать, чѣмъ, скажемъ, тотъ же сторожъ при винномъ складѣ? Наоборотъ, сторожъ, можетъ быть, по совѣсти воздержался бы отъ голосованія, а д-ръ Крыловъ все-таки голосовалъ бы, и своимъ голосомъ, конечно, кромѣ вреда, ничего не принесъ бы родинѣ и государству.

Такимъ же путемъ былъ намѣченъ и выбранъ въ депутаты Гладышъ. Лично и близко знало его, какъ и Крылова, человѣкъ де-

сять, были знакомы человѣкъ двадцать, изъ остальныхъ нѣсколько знало его въ лицо, нѣсколько только слыхало про него; громадное же большинство избирателей и понятія о немъ не имѣло. Кто же его намѣтилъ въ кандидаты, кто подсунулъ эту Лію г. Самарѣ? Да небольшая группа такъ называемыхъ общественниковъ. Такая группа имѣется въ каждомъ городѣ, въ каждой губерніи, въ каждомъ уѣздѣ. Въ каждомъ городѣ ихъ человѣкъ 10—20—50 и больше, смотря по размѣрамъ города; на каждую губернію ихъ человѣкъ 100—200. И вотъ эта небольшая кучка лицъ вершитъ всѣми дѣлами въ каждомъ государствѣ,—а послѣднее десятилѣтіе и въ Россіи,—и вершитъ этими дѣлами самымъ явнымъ экспропріаторскимъ способомъ. Заплатилъ кто-либо рубль въ Общество Народныхъ Университетовъ, сталъ членомъ этого Общества—и превратился въ общественника. Отсюда ему прямой путь въ любое общество, а если онъ еще посѣщаетъ всѣ засѣданія,—а въ особенности, если еще способенъ говорить безудержу и безумолку,—то ему открывается широкая дорога въ члены правленія, въ члены разныхъ комитетовъ; ему ничего не стоитъ стать членомъ кадетскаго комитета, а отсюда ужъ недалеко и до депутатскаго кресла. За одинъ рубль человѣкъ добрался до вершины власти; это или будущій депутатъ, или лицо, отъ котораго зависитъ выборъ депутата, и въ которомъ надо заискивать. Вотъ, кто руководитъ общественной жизнью въ Россіи, кто пользуется избирательнымъ правомъ, кому оно нужно. За какія же заслуги выбрали Гладыша? Если потому, что двадцать—или около того—лѣтъ онъ состоялъ чиновникомъ какого-то, кажется, акцизнаго управленія, если потому, что онъ, такъ сказать, состоялъ на государственной службѣ, то едва ли это даетъ основаніе думать, что онъ самой судьбой, такъ сказать, призванъ къ государственной дѣятельности, что вопросы военной обороны, мѣстнаго самоуправленія, народнаго образованія, желѣзно-дорожнаго хозяйства и т. п. для него сущіе пустяки, или что разрѣшеніе международныхъ конфликтовъ, это, можно сказать, его родная стихія. Да, наконецъ, тогда каждый чиновникъ, каждый писецъ, каждый швейцаръ, состоящій на государственной службѣ, представляетъ, такъ сказать, природный элементъ для депутатскаго кресла. Онъ (Гладышъ) былъ еще членомъ разныхъ обществъ; объ этой крупной заслугѣ я поговорю въ отдѣлѣ объ обществахъ. Но, очевидно, не здѣсь зарыта собака, иначе желающихъ за рублевый членскій взносъ стать кандидатомъ на депутатское мѣсто были бы милліоны. Конечно, этотъ предварительный стажъ необходимо пройти, но нужны еще какія-либо заслуги въ нѣдрахъ самаго общества. Такая грандіозная заслуга за Гладышемъ имѣется: онъ отъ Общества Народныхъ Университетовъ создалъ и устроилъ библіотеку въ нѣсколько сотъ пожертвованныхъ книгъ. Согласитесь, что это природный архитекторъ; что стоитъ ему построить такой пустякъ, какъ грандіозное зданіе обновленнаго русскаго строя! Само собой еще разумѣется, и Гладышъ, и Крыловъ называли себя кадетами, и охотно допускаю, что они были вѣрны кадетской программѣ. А что это за фруктъ—человѣкъ съ программой, должно быть уже ясно для всѣхъ;

изъ какихъ же фруктовъ, изъ какихъ фальшивыхъ цѣнностей состоитъ кадетская программа, нѣсколько выяснилось изъ предыдущаго, а въ дальнѣйшемъ я постараюсь это еще болѣе уяснить. Словомъ, русскій народъ долженъ быть благодаренъ Самарѣ за то, что она разыскала и выкопала такія двѣ жемчужины. Впрочемъ, такими жемчужинами можетъ похвалиться любой городъ. И, что удивительнѣе всего, не было въ Россіи избирательнаго права, и не было въ ней жемчужинъ, а какъ пошло въ ходъ это всеобщее, прямое избирательное право, такъ оказалось, что Русская земля представляется обильнымъ мѣсторожденіемъ жемчуга—самаго лучшаго демократическаго сорта.

XIII.

Само собой разумѣется, что не только у избирателей, но и у такъ называемыхъ „народныхъ“ избранниковъ, никакого сомнѣнія не является въ ихъ подготовкѣ вершить государственными дѣлами. И, что удивительнѣе всего, каждый депутатъ оказывается совершенно на мѣстѣ, какъ будто онъ отъ роду рожденъ былъ депутатомъ и заниматься государственными дѣлами. Это наблюдается въ каждомъ парламентѣ, это имѣло мѣсто и въ каждой изъ четырехъ думъ. Странно: на какую бы маленькую должность ни поступалъ человѣкъ, хотя бы и даровитый и талантливый, онъ долженъ все-таки прослужить болѣе или менѣе продолжительное время, прежде чѣмъ получитъ опытъ. Въ каждомъ дѣлѣ, на каждой службѣ нуженъ опытъ, навыкъ. Тотъ же Гладышъ, который такъ храбро взялся устраивать библіотеку Народныхъ Университетовъ, вѣроятно, долго раздумывалъ бы и знакомился бы предварительно съ дѣломъ, если бы ему пришлось устраивать библіотеку, какъ собственное предпріятіе. Даже ремесленникъ, приказчикъ должны пройти цѣлый рядъ ступеней, въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ; чтобы стать врачомъ, инженеромъ, надо не только кончить высшее учебное заведеніе, но необходима еще практика, въ теченіе извѣстнаго времени. А сколько труда, сколько времени надо потратить, чтобы достигнуть званія профессора, или стать директоромъ банка или директоромъ завода, или управлять отдѣломъ въ какомъ-либо государственномъ учрежденіи. Нужны годы труда и опыта именно въ этомъ дѣлѣ, въ этомъ учрежденіи. Или какой опытъ, сколько времени требуется, чтобы добиться чина полковника, или генерала. Но всего этого мало, надо имѣть призваніе, талантъ къ тому или иному дѣлу, къ тому или иному роду занятій. Для того же, чтобы стать, и даже хорошимъ, даровитымъ депутатомъ, надо быть только избраннымъ, но обязательно отъ какой-либо изъ лѣвыхъ партій, не правѣе лѣвыхъ октябристовъ. Избраніе даетъ и званіе депутата, и призваніе депутата, и патентъ на многолѣтній опытъ въ веденіи государственнаго хозяйства такого народа, какъ русскій, который раскинулся на пространство почти половины міра. И стоитъ депутату вступить на порогъ Думы, какъ онъ сейчасъ же вступаетъ въ роль опытнаго депутата и даровитаго государственнаго дѣятеля. Вотъ, передъ вами Керенскій. Почти мальчикъ, —

можно сказать, молоко на губахъ не обсохло. А прыти-то сколько! Вошелъ въ Думу и началъ говорить; говоритъ, не переставая, говоритъ по любому вопросу,—въ каждомъ вопросѣ онъ собаку съѣлъ! —и переспоритъ любого министра. А самомнѣнія, важности сколько! Да и какъ не быть, когда о немъ газеты каждый разъ докладываютъ: „Его Сіятельство, князь отъ трудовой партіи", и. т. д. И все это не сказка изъ тысячи и одной ночи, все это быль изъ русской и, пожалуй, изъ міровой дѣйствительности. И такъ во всемъ; внесите рубль въ Общество Народныхъ Университетовъ,—вы становитесь его членомъ и сразу же компетентнымъ въ вопросахъ народнаго образованія; какъ членъ общества охраненія народнаго здравія, вы компетентны въ вопросахъ общественной медицины и т. п.

Все это, конечно, нуль, по сравненію съ той отвѣтственностью, съ тѣми обязанностями, которыя возлагаются на депутата любого парламента. Мое глубокое убѣжденіе, что нормальный человѣкъ—изъ плоти и крови—ни въ одномъ парламентѣ не въ состояніи быть депутатомъ. Нужно какое-то повальное ослѣпленіе всего міра, чтобы не видѣть этого; нужно быть сверхъ-человѣкомъ—попросту говоря, аферистомъ, шантажистомъ, мистификаторомъ—для того, чтобы, не задумываясь, пойти въ депутаты. Стоитъ только ясно представить себѣ обстановку, чтобы согласиться, что въ моихъ словахъ нѣтъ никакого парадокса. Вопросъ идетъ не болѣе, не менѣе, какъ о государственномъ хозяйствѣ, раскинувшемся на громадное пространство, о хозяйствѣ, въ которомъ десятки и сотни однихъ только крупныхъ предпріятій, для которыхъ создано нѣсколько министерствъ съ массой отдѣловъ и подъ-отдѣловъ; а сколько болѣе мелкихъ отраслей и предпріятій! Въ каждой отрасли, въ каждомъ предпріятіи свои работники, свои спеціалисты; а спеціальностей—сотни, тысячи, и есть спеціальности, которыхъ ни въ одномъ университетѣ не изучишь; знанія по этой спеціальности даются только работой—и долголѣтней—на томъ или иномъ поприщѣ, въ томъ или иномъ учрежденіи. А быть депутатомъ, значитъ ежедневно сталкиваться съ тысячью самыхъ разнообразныхъ вопросовъ; на каждый изъ этихъ вопросовъ надо дать отвѣтъ, по каждому—надо голосовать, по каждому—надо высказать свое мнѣніе. Любой депутатъ безсиленъ, будь то профессоръ, инженеръ, генералъ, врачъ, купецъ, землевладѣлецъ, фабрикантъ, крестьянинъ отъ сохи или рабочій отъ станка. Въ Думѣ могутъ быть столько разныхъ спеціалистовъ, сколько депутатовъ, но по каждому вопросу со спокойной совѣстью могутъ голосовать 1—2, максимумъ—10—20 человѣкъ, остальные, по совѣсти, должны воздержаться отъ голосованія. Но, вѣдь, голосовать, еще не значитъ правильно разрѣшать вопросъ. Я откровенно признаюсь, что, будучи депутатомъ Думы, я отъ голосованія методически воздерживался бы, за исключеніемъ двухъ вопросовъ: одного по своей спеціальности—медицинѣ, и то въ узкой ея области—по борьбѣ съ эпидеміями, и даже только по земской борьбѣ съ эпидеміями,—т.-е. по вопросу, въ которомъ я работалъ почти 10 лѣтъ, надъ которымъ мнѣ долго и много приходилось размышлять. Дру-

гой вопросъ, который я со спокойной совѣстью голосовалъ бы и клалъ бы постоянно шаръ только налѣво, это вопросъ: нужна ли Государственная Дума?..

Какъ могутъ депутаты голосовать какой-либо другой вопросъ, для меня положительно непостижимо. Взять, къ примѣру, любой вопросъ внѣшней политики. Вѣдь, для того, чтобы стать министромъ иностранныхъ дѣлъ, надо послужить во многихъ посольствахъ, побывать посломъ во многихъ странахъ, лично и на мѣстѣ познакомиться съ положеніемъ дѣла въ разныхъ государствахъ; необходимы при посольствахъ всевозможные спеціалисты, всякаго рода агенты. Тѣмъ не менѣе, министръ можетъ быть въ курсѣ дѣла только при условіи усидчивой работы, постояннаго сношенія съ послами и своими агентами. Трудно даже представить себѣ, какой колоссальный трудъ, какой разносторонній и своеобразно-спеціальный опытъ, какія спеціальныя знанія нужны для разрѣшенія того или иного вопроса внѣшней политики. Я даже умышленно умалчиваю о томъ, что надо обладать особымъ даромъ, особымъ талантомъ для этого. Можно увѣренно сказать, что едва ли среди депутатовъ найдется одинъ-два человѣка, которые могли бы взять на себя смѣлость высказаться по такимъ вопросамъ или голосовать по нимъ. Допускаю, что Милюковъ вполнѣ оріентируется въ вопросахъ внѣшней политики; допускаю, что онъ каждый разъ произноситъ дѣльную и основательную рѣчь; допускаю, что онъ непогрѣшимъ въ своихъ выводахъ и положеніяхъ. Но остальная масса депутатовъ, которая не въ состояніи критически относиться къ рѣчи Милюкова, голосуетъ, вѣдь, только по указанію Милюкова. Вѣдь, это та же экспропріація голосовъ, на которой зиждется весь парламентаризмъ. Вѣдь, тотъ же результатъ получился бы, если пригласили бы одного Милюкова, какъ свѣдущаго человѣка, потому что вся остальная масса играла только роль статистовъ. Представьте себѣ, что сидитъ въ залѣ 500 человѣкъ; назовите эту группу, какъ угодно: предвыборнымъ собраніемъ, митингомъ, парламентомъ или академіей ученыхъ, безразлично. Представимъ себѣ, что въ залъ приносятъ книгу на тарабарскомъ нарѣчіи, и предлагаютъ группѣ перевести книгу на русскій языкъ. Но въ группѣ, кромѣ Милюкова, никто тарабарскаго нарѣчія не знаетъ. Милюковъ переводитъ, а остальные съ его словъ только пишутъ. Такъ развѣ кто-нибудь скажетъ, что перевела книгу вся группа; ясно, что перевелъ только Милюковъ, и переводъ нисколько не пострадалъ бы, если бы остальныхъ 499 переводчиковъ и не было. Но если кому-либо, почему-либо нужно пустить въ обращеніе молву, что переводъ сдѣлала вся группа, то ясно, что остальные 499 голосовъ были простонапросто экспропріированы. И говоритъ ли ораторъ рѣчь въ предвыборномъ собраніи или въ Думѣ, читаетъ ли лекціи въ народномъ университетѣ, идутъ ли выборы депутата*) или голосованіе

*) Эта экспропріація голосовъ при выборахъ называется равнымъ избирательнымъ правомъ, о чемъ я уже выше говорилъ.

вопроса въ Думѣ,—каждый разъ производится экспропріація голосовъ. Вездѣ и всюду вся масса участвующихъ лицъ играетъ роль статистовъ, роль маріонетокъ въ рукахъ опытнаго дирижора. Хорошо, если дирижоръ дирижируетъ правильно! А если онъ все время фальшивитъ, если онъ съ самаго начала взялъ фальшивый тонъ, если онъ взялся переводить, самъ не зная тарабарскаго нарѣчія? Да, собственно говоря, это и происходитъ въ жизни, въ дѣйствительности, и такой переводъ со словъ мистификатора-переводчика и составляетъ основу парламента. Каждая резолюція на митингѣ или предвыборномъ собраніи, каждый протоколъ какого-либо „культурнаго общества", каждый выборъ депутата, каждое голосованіе парламента есть ничто иное, какъ переводъ съ тарабарскаго, никому непонятнаго, нарѣчія, со словъ авериста-переводчика. Каждый избиратель, каждый читатель газетъ, каждый членъ „культурнаго" общества, каждый членъ парламента, это—переводчикъ съ тарабарскаго нарѣчія. Мнѣ кажется, что для человѣка, у котораго умъ не затуманенъ, и мысль работаетъ нормально, это такъ ясно, такъ понятно, что только диву даешься, откуда пошло это всемірное ослѣпленіе; разводишь только руками: неужели это еще нужно доказывать, приводить примѣры, аналогіи, когда это простая истина, когда это такъ же вѣрно, какъ днемъ свѣтло, а ночью темно.

И какого бы вопроса мы ни коснулись, въ каждомъ вопросѣ надо быть спеціалистомъ, надо быть опытнымъ, свѣдущимъ, надо имѣть къ нему призваніе. А быть опытнымъ спеціалистомъ, это значитъ—надо потратить годы, десятки лѣтъ, исключительно занимаясь однимъ дѣломъ. Но, повторяю, для каждаго государственнаго вопроса и этого мало; надо имѣть природное дарованіе, природный талантъ къ государственной дѣятельности. Казалось бы, вопросъ объ Амурской ж. д. очень простъ, однако, не только обыкновенный смертный, но даже талантливый, опытный инженеръ не рѣшится отвѣтить на вопросъ: стоитъ или не стоитъ строить эту дорогу? Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, ему надо сдѣлать изысканія, поработать на мѣстѣ будущей постройки нѣсколько лѣтъ. Но инженеръ рѣшитъ только чисто-техническіе вопросы. А принесетъ ли эта дорога пользу мѣстному населенію, какое значеніе она будетъ имѣть для мѣстныхъ нуждъ? Для этого уже надо обратиться къ мѣстнымъ людямъ, къ мѣстной администраціи; на этотъ вопросъ депутатъ отъ Амура отвѣтитъ основательнѣе любого инженера. Такимъ образомъ, наиболѣе свѣдущими людьми въ Думѣ, какъ оказывается, будутъ только депутаты отъ Амура, т.-е. 1—2 человѣка. Но дорога имѣетъ еще стратегическое значеніе; этотъ вопросъ и для мѣстныхъ депутатовъ можетъ быть тарабарскимъ нарѣчіемъ. Для правильнаго разрѣшенія этого вопроса надо быть въ курсѣ многихъ вопросовъ: и сухопутной и морской обороны, распредѣленія и военныхъ, и морскихъ силъ, стратегическаго значенія другихъ дорогъ; надо знать положеніе дѣлъ въ другихъ странахъ, взаимоотношеніе между правительствами и т. п. Словомъ, тутъ затрагивается столько вопросовъ, необходима такая масса знаній, свѣдѣній, необходимъ такой государственный опытъ, такой особый даръ, что, положа руку на сердце,

ни одинъ депутатъ ни въ одномъ парламентѣ не могъ бы и не долженъ бы голосовать не только въ этомъ, но и въ любомъ другомъ вопросѣ, потому что каждый вопросъ государственной жизни, на видъ самый мелкій, представляется крайне сложнымъ и запутаннымъ, и по плечу только избраннымъ. И будутъ выступать по любому вопросу одинъ-два и даже десять ораторовъ. Кто ихъ знаетъ, дѣло ли они говорятъ или только переводятъ съ тарабарскаго нарѣчія, непонятнаго ни имъ, ни никому изъ депутатовъ. Начинается голосованіе,—другими словами, депутаты начинаютъ расписываться подъ тѣмъ или инымъ переводомъ, и это называется законодательной дѣятельностью Государственной Думы, это называется—обновленнымъ русскимъ строемъ.

Не ясно ли, что весь парламентаризмъ—карточный домикъ; что одно прикосновеніе правды и здраваго смысла, это—крахъ парламента. Парламентъ въ себѣ самомъ, въ своемъ существѣ несетъ ядъ разрушенія; тѣмъ не менѣе, онъ вездѣ функціонируетъ и—по виду—даже успѣшно. Въ чемъ причина этого феномена? Почему каждый таитъ въ себѣ геніальные задатки и способности государственнаго дѣятеля, почему они дремлютъ до тѣхъ поръ, пока онъ не попадетъ въ члены парламента, какъ дремлютъ таланты знатока по народному образованію, пока онъ не внесетъ рубль въ Общество Народныхъ Университетовъ? Въ чемъ секретъ такого магическаго превращенія, такой универсальности? Секретъ въ системѣ; парламентаризмъ—цѣлая сложная и замысловатая система; но сложность системы только кажущаяся, а на дѣлѣ все сводится къ самому простому механизму—къ системѣ, такъ сказать, „бѣлки въ колесѣ“: шуму, бѣготни, суеты—много, а толку—никакого. Я сужу, конечно, по русскому парламенту, по Государственной Думѣ, но думаю, что въ той или иной степени, въ томъ или иномъ видѣ этотъ механизмъ составляетъ основу каждаго парламента.

Первое звено этого механизма—партійность; о политическихъ партіяхъ, по существу, я еще буду говорить, но пока для насъ важно то, что въ основѣ каждой парламентской партіи лежитъ та или иная программа. Какъ избирателю въ выборахъ, такъ и депутату программа значительно облегчаетъ тяготы законодательства, и онъ получаетъ возможность тащить съ собой въ Думу весьма убогій—до убожества убогій—умственный багажъ. Для депутата программа, что для студента конспектъ любимыхъ вопросовъ профессора. Вызубрилъ студентъ отвѣты на эти вопросы, и изъ всего обширнаго предмета только и знаетъ эти безсвязныя, отрывочныя мысли,, собственно, никакого отношенія къ наукѣ не имѣющія. Получаетъ этотъ студентъ отмѣтку „весьма“, а другой, основательно и вдумчиво выучившій предметъ, нерѣдко проваливается на экзаменѣ. И депутату ни основательныхъ знаній, ни вдумчиваго, всесторонняго отношенія къ дѣлу не надо,—ему необходимо лишь основательное знаніе программы. На этотъ трудъ достаточно потратить нѣсколько минутъ; обыкновенно эти знанія пріобрѣтаются во время предвыборной кампаніи. Собственная голова на плечахъ, оригинальная мысль, личная иниціати-

ва—все это только лишнее бремя для депутата, когда у него есть программа, которая годится на всякій случай, которая отвѣчаетъ на всякій вопросъ. Въ программѣ, напримѣръ, какъ непреложная и святая истина, сказано, что необходима гарантія полной свободы слова. И будетъ ли пожаръ, голодъ, землетрясеніе; идетъ ли вопросъ о земствѣ, рабочихъ, о землеустройствѣ,—надо каждый разъ доказывать, что все устроится къ лучшему только при свободѣ слова, надо каждый разъ требовать свободы слова и другихъ конституціонныхъ гарантій. Рѣчь домовладѣльца о пожарѣ—типичный образчикъ рѣчей прогрессивнаго депутата.

Второе звено въ механизмѣ—система большинства. Что можетъ быть нелѣпѣй, неправильнѣй этой системы при рѣшеніи общихъ государственно-народныхъ вопросовъ. Эта система вполнѣ примѣнима въ какомъ-либо акціонерномъ обществѣ, въ кассѣ взаимопомощи,—словомъ, тамъ, гдѣ каждый лично и матеріально заинтересованъ, гдѣ приходится поневолѣ считаться съ мнѣніемъ и желаніями большинства, и интересамъ послѣдняго отдавать въ жертву интересы меньшинства, потому что каждый голосуетъ съ точки зрѣнія своихъ личныхъ матеріальныхъ интересовъ. Но когда рѣшается какой-либо вопросъ общаго характера, когда его рѣшаютъ лица, непосредственно и лично въ немъ незаинтересованные, то причемъ тутъ мнѣніе большинства? Даже спеціалисты, эксперты расходятся во мнѣніяхъ, по вопросамъ ихъ же спеціальности, и даже въ такихъ случаяхъ—нерѣдко—правда бываетъ на сторонѣ меньшинства. И жутко приходится тому, кому приходится на своей шкурѣ испытывать систему большинства,—скажемъ, больному, у постели котораго мнѣнія врачей разошлись, а въ меньшинствѣ находится тотъ врачъ, которому больной больше всего довѣряетъ. Тѣмъ не менѣе, во многихъ случаяхъ, когда голосуютъ лица, такъ или иначе заинтересованныя, или же лица, спеціально знакомыя съ предметомъ, приходится прибѣгать къ системѣ большинства, т.-е. изъ двухъ золъ выбирать меньшее. Но эта шаткая, въ основѣ своей несправедливая, система совершенно не выдерживаетъ критики, когда она касается общихъ вопросовъ, а въ особенности,—въ широкомъ масштабѣ, именно вопросовъ государственно-народныхъ. Скажу прямо: если бы вопросъ шелъ о какомъ-либо насущномъ интересѣ русской жизни, и въ голосованіи участвовали бы 500 поляковъ, евреевъ, нѣмцевъ, финновъ, татаръ и всего одинъ русскій,—я бы отдалъ предпочтеніе мнѣнію русскаго противъ сотенъ остальныхъ голосовъ. Или, если бы въ Думѣ—или даже среди всего народа—дебатировали вопросъ спеціально медицинскій,—я отдалъ бы предпочтеніе мнѣнію 10 врачей противъ мнѣнія сотенъ и даже милліоновъ профановъ. То же и по другимъ спеціальнымъ вопросамъ.

Эта нелѣпая система большинства, въ корнѣ неправильная, идущая вразрѣзъ со здравымъ смысломъ и противорѣчащая элементарнымъ требованіямъ справедливости, введена въ избирательную систему. Можно себѣ представить, какіе дикіе, нелѣпые плоды она дастъ! Достаточно указать на любого представителя трудовой или

эсдековской партіи, хотя бы на того же Керенскаго. Но еще нелѣпѣе вводить ее въ парламентскій обиходъ, для разрѣшенія государственныхъ вопросовъ, для несенія функцій законодательныхъ, когда по каждому вопросу освѣдомлены максимумъ 10—20 депутатовъ, въ большинствѣ случаевъ—1—2 человѣка, да и освѣдомленность ихъ весьма подозрительнаго свойства, когда каждое голосованіе парламента, есть ничто иное, какъ переводъ съ тарабарскаго, никому невѣдомаго нарѣчія. Я откровенно признаюсь, что я мнѣнію министра, мнѣнію освѣдомленнаго чиновника того или иного вѣдомства отдаю предпочтеніе передъ мнѣніемъ всѣхъ депутатовъ всѣхъ парламентовъ вмѣстѣ взятыхъ. Пусть меня казнятъ всѣми лютыми демократическими казнями,—я отъ своего мнѣнія не отступлюсь. Мнѣніе министра можетъ быть ошибочно, какъ и мнѣніе каждаго человѣка; но тѣмъ не менѣе это мнѣніе знатока, мнѣніе спеціалиста; въ основѣ такого мнѣнія лежитъ система, планомѣрность; оно основано на научныхъ данныхъ, на данныхъ спеціальнаго опыта и спеціальнаго, всесторонняго изученія вопроса. Но что такое мнѣніе большинства парламента, большинства народа? Что такое общественное мнѣніе? Это листъ, оторванный отъ дерева и брошенный на волю вѣтра... Кто будетъ искать смысла, системы въ его движеніяхъ? Общественное мнѣніе, это—переводъ съ тарабарскаго нарѣчія. Я тарабарскаго языка не знаю, а потому съ общественнымъ мнѣніемъ не считаюсь, живу своимъ мнѣніемъ, а переводы читаю только на извѣстномъ мнѣ языкѣ; я лишенъ возможности сказать на „родномъ своемъ языкѣ“, потому что—увы!—родного своего языка я не знаю. Пусть каждый живетъ только своимъ умомъ, пусть вѣритъ только своимъ глазамъ и своимъ ушамъ; пусть занимается только своимъ дѣломъ, пусть не дѣлаетъ только переводовъ съ тарабарскаго нарѣчія и не вѣритъ такимъ переводамъ,—другими словами, пусть не берется за дѣло, въ которомъ ни аза не смыслитъ, и въ которомъ смотритъ въ ротъ оратору, лектору, газетѣ, вообще любому демократу,—пусть только каждый такъ поступаетъ, и сразу рухнутъ всѣ парламенты, потому что никто не захочетъ выбирать, никто не пойдетъ въ депутаты.

Да, по существу, кто же работаетъ, кто дѣлаетъ истинное дѣло, кто ведетъ всю эту спеціальную, многостороннюю и кропотливую государственную работу? Да та же такъ называемая бюрократія, тѣ же вѣдомства. И вотъ эта-то—самая настоящая, спеціальная, требующая громадныхъ усилій и усидчивости, спеціальныхъ знаній, колоссальнаго опыта и большой эрудиціи работа и зовется „вермишелью“. Вотъ такіе законопроекты, подъ презрительной кличкой „вермишель“, сотнями въ одинъ день принимаются парламентомъ. Каждый членъ парламента чувствуетъ въ нихъ свое безсиліе и называетъ ихъ со злости „вермишелью“. Для него они—тарабарская грамота. И эта вермишель—настоящая, спокойная государственная работа. И какъ было это средостѣніе, такъ и осталось оно; потому что средостѣніе, это та сложная государственная машина, которая безпрерывно работаетъ, пыхтитъ, и безъ которой нельзя обойтись ни въ монархіи, ни въ республикѣ, и которой не устранитъ ни одна

конституція. „Вермишель“ была, есть и будетъ, но въ Англіи къ ней относятся съ уваженіемъ; тамъ цѣнятъ работу министерствъ и вѣдомствъ. Да и что могутъ возразить сотни профановъ,—хотя бы они носили кличку „депутатовъ парламента“,—противъ проекта одного спеціалиста и знатока дѣла, хотя бы этотъ спеціалистъ и назывался министромъ? А у насъ труда, дѣла, „вермишели“ не любятъ, потому что это для каждаго тарабарская грамота; у насъ любятъ „большіе думскіе дни“. Тогда работаютъ не министры, тогда работаютъ депутаты,—вѣрнѣе, работаютъ депутатскіе языки. Впрочемъ, даже и тогда не всѣ депутатскіе языки работаютъ; остальные только подписываются подъ переводомъ. Но и изъ ораторовъ рѣдко-рѣдко кто спеціально знакомъ съ вопросомъ, кто надъ нимъ долго работалъ, имѣетъ въ немъ опытъ и эрудицію. Да развѣ ораторъ подымается и безумолку говоритъ по вопросу, для вопроса и въ интересахъ вопроса? „Не въ шитьѣ тутъ было дѣло“, какъ говорится у Некрасова. Знаніе вопроса—лишній багажъ для депутата; ему необходимо знать программу своей партіи; онъ и говоритъ о программѣ, по программѣ и для программы. Каждый депутатъ принадлежитъ къ числу особой породы жвачныхъ животныхъ, жующихъ и пережевывающихъ довольно своеобразный предметъ—программу своей партіи. Вышеприведенная рѣчь прогрессиста служитъ весьма типичнымъ конспектомъ такой рѣчи. Заранѣе можно сказать, что по такому-то вопросу скажутъ Родичевъ, Маклаковъ, Керенскій, Чхеидзе! Каждый говоритъ не въ интересахъ вопроса, не въ интересахъ государства, не въ интересахъ народа,— а только въ интересахъ своей партіи. Эта цѣль доступна всякому депутату, потому что программу своей партіи каждый знаетъ, а для того, чтобы получить возможность плодотворно работать въ интересахъ государства, надо кропотливо работать надъ какимъ-либо спеціальнымъ, прозаическимъ дѣломъ годы и десятки лѣтъ. Эти рѣчи по программѣ и о программныхъ вопросахъ, наоборотъ, доступны всякому депутату. Вотъ почему депутаты не любятъ „вермишели“, а любятъ „большіе“ парламентскіе дни! Чтобы сказать, напримѣръ, дѣйствительно дѣльную, основательную рѣчь о пожарахъ въ странѣ, надо по этому вопросу работать цѣлые годы, изучать этотъ вопросъ на мѣстѣ, собирать свѣдѣнія съ мѣстъ, провѣрять ихъ достовѣрность и т. п. Ну, кому до этого охота? Дѣдушка-Крыловъ спеціально для такихъ случаевъ пустилъ въ обращеніе знаменитую фразу лисицы: „зеленъ виноградъ; ягодки нѣтъ спѣлой“. Депутаты же говорятъ, а за ними избиратели и весь народъ говоритъ: „стоитъ ли этимъ заниматься; вѣдь, это „вермишель“; развѣ для нея создали парламентъ?“ О, нѣтъ,—скажу я,—вы не доросли еще до этой вермишели,—вотъ почему вы ею гнушаетесь. Конечно, гораздо легче и для всѣхъ пріятнѣй о пожарахъ сказать, что ихъ нельзя тушить безъ свободы слова. Вѣдь, это всякій можетъ сказать, и всякій это пойметъ, если въ программѣ его партіи имѣется пунктъ, требующій свободы слова. И ораторъ жуетъ и пережевываетъ то ту или иную свободу, то неприкосновенность личности, то избирательное право, то автономію третьяго земскаго элемента и т. п. Ему важно только торжество

партійной программы, только побѣда его партіи. Всѣ средства для этого пригодны, потому что давнымъ-давно уже сказано, что „цѣль оправдываетъ средства". Но это выраженіе люди раскусили уже, и боятся его, а потому для успокоенія такихъ пугливыхъ людей и для самообмана, — для большихъ парламентскихъ дней и вообще для всѣхъ рѣчей, для демократическихъ выступленій и поступковъ придумано особое словечко: „*тактика* партіи".

Въ чемъ же парламентская работа, — та работа, которая представляетъ якорь спасенія для каждаго народа, которая призвана и въ Россіи обновить строй жизни? Вездѣ и всюду работаетъ тотъ же государственный механизмъ, который зовется бюрократіей; вездѣ и всюду министерства вырабатываютъ и преподносятъ парламенту „вермишель"; вездѣ и всюду эта „вермишель"—продуктъ мало показной, но кропотливой, усидчивой работы; вездѣ и всюду эта „вермишель"—тарабарская грамота для депутатовъ; вездѣ и всюду она проходитъ большинствомъ голосовъ, потому что депутаты вынуждены подписываться подъ переводомъ съ тарабарскаго нарѣчія; но, подписываясь въ своей безграмотности, они приговариваютъ: „пфюй! вермишель одна; ягодки нѣтъ спѣлой". Вездѣ и всюду по каждому отдѣльному вопросу бываютъ въ курсѣ дѣла только единичныя лица изъ депутатовъ; вездѣ и всюду рѣчи министровъ, рѣчи свѣдущихъ лицъ изъ числа депутатовъ—та же тарабарская грамота для парламента, и вездѣ и всюду депутаты съ закрытыми глазами подписываются подъ переводомъ. И вездѣ и всюду вся истинная и безспорная работа парламента заключается въ „большихъ" парламентскихъ дняхъ, когда ораторы изъ депутатовъ говорятъ о программѣ, по программѣ и для программы. Въ этой работѣ принимаетъ участіе весь парламентъ, потому что программа—конекъ каждаго депутата. Но эта работа—только шумиха пустой бочки, переливаніе изъ пустого въ порожнее; это—работа „бѣлки въ колесѣ". Надо еще имѣть въ виду, что программа не пріурочена къ опредѣленному случаю, къ опредѣленному вопросу (а это требуетъ основательнаго его изученія), а каждая программа состоитъ изъ общихъ положеній, банальныхъ фразъ, трескучихъ, ни гроша никому не стоющихъ, обѣщаній. Каждая программа универсальна и представляетъ традиціонный знахарскій рецептъ: „надо пить и ѣсть". Такая программа по плечу любому депутату, и подъ такой программой каждый себя чувствуетъ, какъ у Христа за пазухой, каждый себя чувствуетъ на своемъ мѣстѣ, какъ будто онъ отъ роду призванъ быть депутатомъ.

Въ чемъ же работа каждаго депутата? Въ томъ, что онъ голосуетъ,—другими словами, подписывается подъ переводомъ съ тарабарскаго нарѣчія. Депутатъ можетъ тридцать лѣтъ и три года сиднемъ-просидѣть въ парламентѣ, ни одного звука не произнести, ни разу не пошевелить мозгами, а только каждый разъ, по мановенію дирижорской палочки, подавать свой голосъ за или противъ, и тѣмъ не менѣе онъ будетъ на мѣстѣ, будетъ, по силѣ своего разумѣнія, исполнять депутатскія обязанности; мало того, совѣсть его, какъ депутата, будетъ совершенно чиста и спокойна, потому что онъ

укрывается не только подъ программой, но и подъ системой большинства. Эта система годится для каждой бездарности; въ ней каждое ничтожество чувствуетъ себя, какъ рыба въ водѣ. Подалъ свой голосъ, отзвонилъ и—съ колокольни прочь. И голосовалъ ли кто въ большинствѣ или въ меньшинствѣ, онъ можетъ быть спокоенъ: онъ свое дѣло сдѣлалъ. Избранъ „большинствомъ" голосовъ; парламентъ принялъ законопроектъ „большинствомъ" голосовъ; общественное мнѣніе страны высказывается, требуетъ и т. п.,—все звукъ пустой. Въ этой системѣ даровитый, предпріимчивый, оригинальный умъ рѣдко-рѣдко найдетъ себѣ мѣсто, еще рѣже—примѣненіе; въ ней мѣста нѣтъ Столыпинымъ, Кассо, Пуришкевичамъ; здѣсь царство Керенскихъ, Чхеидзе, Милюковыхъ; здѣсь не признаютъ министра Маклакова, здѣсь знаютъ только депутата Маклакова. Эта система—отрыжка соціальной республики; она также убиваетъ предпріимчивость, иниціативу; здѣсь нѣтъ мѣста добросовѣстному, кропотливому и честному труду; здѣсь мѣсто аферѣ, ораторскому искусству, умѣнію пускать пыль въ глаза. Здѣсь царитъ принципъ: „знать, Моська—она сильна, что лаетъ на слона". Здѣсь полный просторъ мистификаторамъ и шантажистамъ; полнымъ и неизмѣннымъ успѣхомъ всегда будетъ при этой системѣ пользоваться тотъ, кто обладаетъ однимъ даромъ: безъ запинки и, не моргнувъ ни однимъ глазомъ, съ самымъ серьезнымъ видомъ переводить съ тарабарскаго нарѣчія, въ которомъ ни онъ, ни кто другой ни аза не смыслитъ.

Слѣдующее звено депутатской работы—критика. Критика—критикѣ рознь. Можно критиковать по существу, основательно, притомъ, съ точки зрѣнія здраваго смысла и жизненной правды, наконецъ, въ интересахъ одной правды. Но для такой критики необходимо основательное знаніе предмета, необходимъ усидчивый трудъ, опытъ, вдумчивое и добросовѣстное отношеніе. Охота демократу изводить себя такой критикой; да такая критика фактически для него невозможна. Взять хотя бы знаменитаго Шингарева. По спеціальности—врачъ; дожилъ почти до старости и депутатскаго кресла на посту земскаго врача. А какъ сталъ депутатомъ, началъ съ эрудиціей и удивительнымъ апломбомъ критиковать министровъ; ему нипочемъ раскритиковать вдребезги и министра финансовъ, и министра народнаго просвѣщенія, и министра торговли и промышленности, и морского министра. Коковцевъ всю жизнь работалъ въ одномъ дѣлѣ; финансовое дѣло—его призваніе, онъ на немъ выросъ, проявилъ въ немъ способность, даровитость, мало того, спеціализировался въ немъ. Его дѣятельность, можетъ быть, ошибочна по существу, но она планомѣрна и систематична. Откуда же эта дерзость, это, можно сказать, озорство, молодечество Шингарева. Такъ развѣ въ жизни любая базарная торговка не критикуетъ врача, инженера, самого министра. Для критики нуженъ только языкъ. Нѣтъ ничего легче, какъ заняться критикой. Дѣдушка-Крыловъ давно это замѣтилъ,—заставилъ даже осла критиковать пѣнье соловья. Это самый легкій низкопробный родъ критики. Есть критика—столь же легковѣсная,

но другого сорта,—которую можно охарактеризовать изреченіемъ: „знать, Моська—она сильна, что лаетъ на слона". Но есть критика —столь же легкая, столь же глубокомысленная, но болѣе тонкая, болѣе высокаго полета. Къ этой области относится критика Шингаревыхъ, а имя имъ легіонъ. Какія знанія могутъ быть у Шингарева? Самыя поверхностныя, всякіе верхи, всякій хламъ изъ газетныхъ вырѣзокъ, книжныхъ отрывковъ, предвыборнаго остроумія, обрывковъ изъ разговоровъ, рѣчей и т. п.; это то же богатство, которое накапливается къ концу жизни старой дѣвы: всякія воспоминанія, сувениры, мечты минувшихъ дней. Старая дѣва любви не знала, но ей только мерещилась любовь; о любви она знаетъ только по опыту другихъ, и ей кажется, что и она любила и любитъ. Есть и у Шингарева такой опытъ, это—критика такихъ же Шингаревыхъ въ другихъ парламентахъ, и тамъ эта критика сходила за первый сортъ и доставляла критикамъ славу и почетъ. Но для этой критики нуженъ особый даръ, особое искусство, которое замѣнило бы критику, какъ старой дѣвѣ для замѣны любви приходится, вѣроятно, прибѣгать къ особому искусству. Это искусство въ сферѣ любви носитъ спеціальное названіе; въ парламентскихъ, судебныхъ и т. подобныхъ сферахъ оно слыветъ подъ именемъ ораторскаго искусства. Его назначеніе—скрыть скудость мысли, недостатокъ знаній, конфликтъ со здравымъ смысломъ. Въ числѣ другихъ язвъ, это искусство досталось Европѣ отъ разлагавшагося Рима. Всякій разлагающійся трупъ распространяетъ вокругъ себя зловоніе и отравляетъ атмосферу. И народъ, разлагаясь, отравляетъ міровую атмосферу всякими ядовитыми испареніями, противъ которыхъ нѣтъ ни дезинфецирующихъ средствъ, ни дезодоратовъ. Ораторъ скользитъ по поверхности, ему до сути, до корней и дѣла нѣтъ; онъ придирается къ отдѣльнымъ буквамъ, словамъ, выраженіямъ; онъ отвлечетъ васъ въ сторону, ничего общаго съ предметомъ не имѣющую; блеснетъ остроумнымъ сопоставленіемъ, удачнымъ оборотомъ рѣчи; гдѣ прикраситъ, гдѣ просто привретъ; но всегда и вездѣ онъ будетъ стоять на почвѣ громкихъ фразъ, общихъ высокопарныхъ тенденцій и высокихъ эфектныхъ и безжизненныхъ идеаловъ. Ораторское искусство рѣдко бываетъ талантомъ, природнымъ даромъ; это именно искусство, которое можно въ себѣ развить, какъ въ древности его развивалъ Демосѳенъ. Ораторское искусство замѣняетъ трудъ, усидчивость, знанія и здравый смыслъ. Это—фальсификація правды, это—суррогатъ дѣятельности. Ораторъ замѣнилъ чиновника, замѣнилъ спеціалиста и добросовѣстнаго работника. Парламентъ состоитъ изъ ораторовъ, держится на ораторахъ. На мѣсто средостѣнія, изъ кропотливой добросовѣстной работы, выросло средостѣніе эфектнаго пустозвонства, фальшивыхъ цѣнностей. Парламентъ и ораторское пустозвонство, парламентарій и ораторъ—синонимы. Оба они намъ достались отъ Рима; пора отъ нихъ избавиться, пора ихъ выкурить изъ всѣхъ сферъ, изъ всѣхъ угловъ государственной и общественной жизни, иначе они любой народъ, любое государство приведутъ къ той же безславной смерти, къ тому же прижизненному разложенію, которыя такъ характерны для древняго Рима.

Въ чемъ же вся эта парламентская дѣятельность въ стѣнахъ парламента и внѣ его стѣнъ? Въ работѣ языковъ, въ словесной борьбѣ. Здравый смыслъ, правда, интересы народа, государства отступаютъ на задній планъ. Идутъ словесные турниры, ораторъ идетъ на оратора; каждый жаждетъ побѣды, торжества, но не правдѣ, а своему ораторскому искусству, своимъ ораторскимъ пріемамъ; это—борьба въ интересахъ партіи, а не въ интересахъ народа; какъ въ средніе вѣка рыцари бились не за правду, не за идею, а для рыцарской славы, для торжества своего ордена. Идеи для рыцаря были только предлогомъ, какъ и для современнаго оратора идеалы только предлогъ. Какой толкъ, какая польза были отъ рыцарскихъ турнировъ, такая же польза отъ современныхъ турнировъ, которые слывутъ подъ именемъ „большихъ парламентскихъ дней". Какъ когда-то право, честь, славу, носили на кончикѣ меча, такъ теперь все это носятъ на кончикѣ языка. Развѣ, если поле битвы осталось за ораторомъ, если онъ умѣло пользуется словомъ, мѣтко обрываетъ противника, умѣло парируетъ удары, — словомъ, владѣетъ языкомъ, какъ рыцарь мечомъ, — то и право, и справедливость за ораторомъ? Когда-то, въ средніе вѣка, подозрѣваемаго въ преступленіи заставляли проходить по раскаленному желѣзу. Не пройдетъ — виновенъ, пройдетъ — не виновенъ. Право, мы недалеко ушли отъ средневѣковья; хорошій ораторъ, пріятно, красиво говоритъ—и партія его хороша, и ораторъ годится въ депутаты, годится вершить государево дѣло; и правда, и умъ, и таланты за нимъ. Да, вѣдь, вся-то сила въ томъ, что добросовѣстность, трудъ, истинныя знанія скромны, не бьютъ на эфектъ и не бросаются въ глаза. Пустая бочка гремитъ на всю округу, подымаетъ пыль, что поневолѣ каждому попадаетъ въ глаза. А простодушному обывателю достаточно пустить пыль въ глаза, и онъ сейчасъ же замѣтитъ ѣзду пустой бочки, а на ѣзду наполненной и вниманія не обратитъ. И вся „плодотворная" и „спасительная" парламентская жизнь, въ которую входятъ и общества, и газеты, и союзы, и выборы, и партіи, и „большіе" парламентскіе дни, — вся она покоится на трехъ китахъ: на кончикѣ демократическаго языка, на пусканіи пыли въ глаза и на простодушіи обывателя. Стыдно за человѣка, стыдно за человѣчество, обидно за правду, за здравый смыслъ. Современный интеллигентъ-демократъ считаетъ себя вѣнцомъ міросданія, воплощеніемъ ума, благородства, величія; носителемъ передовыхъ идей, величайшихъ идеаловъ послѣдняго, такъ сказать, выпуска. О, какое самомнѣніе, какое заблужденіе! Онъ совсѣмъ недалеко ушелъ отъ дикарей, которые готовы преклониться передъ блестящимъ браслетомъ, передъ разноцвѣтной бусой. Повторяю, быть можетъ, англійскій народъ, съ присущей ему уравновѣшенностью, нашелъ въ себѣ противоядіе противъ самодовлѣющей язвы парламентаризма, хотя являются уже зловѣщіе признаки надвигающейся и въ Англіи грозы; укажу на появленіе въ парламентѣ партій соціалистовъ, рабочихъ, на агитацію суфражистокъ. Но я говорю о русскомъ парламентѣ, о русскихъ ораторахъ и парламентаріяхъ; а ихъ то я насквозь вижу и знаю.

Однако, критика представляетъ работу отрицательную. Всякій понимаетъ, что критиковать легко, и что критикой ничего положительнаго не создашь. Грозитъ опасность, что даже довѣрчивый русскій обыватель и простодушный русскій „интеллигентъ“ прозрѣютъ и разочаруются въ своемъ парламентѣ и его представителяхъ. И надо признаться, что парламентаріи изъ кожи лѣзутъ, изъ силъ выбиваются, чтобы только проявить созидательную, положительную дѣятельность. Энергіи, суеты, шуму—бездна. Но долженъ тутъ же сказать, что эта дѣятельность напоминаетъ суету, бѣготню того рыжаго клоуна, который на аренѣ цирка изъ силъ выбивается, чтобы помочь рабочимъ, но дѣла не дѣлаетъ, а только мѣшаетъ всѣмъ работать.

Однимъ звеномъ этого созидательнаго механизма является цѣлая сложная и разнообразная серія поступковъ, которую я назвалъ бы „общеніемъ съ избирателемъ“. Все политическое недомысліе, вся дѣтская безсознательность и избирателей, и ихъ избранника въ этомъ общеніи и проявляется. Для избирателя его избранникъ не государственный дѣятель, стоящій выше толпы и надъ толпой, вдали отъ земной юдоли и мелочей жизни, призванный вершить государственными дѣлами; для него, это—ходатай по его дѣламъ, его защитникъ отъ всякихъ мнимыхъ или дѣйствительныхъ притѣсненій, наконецъ, его благодѣтель, призванный дать ему манну небесную, надѣлить его тѣми благами жизни, которыхъ избирателю недостаетъ или которыхъ онъ почему-либо жаждетъ. Гимназисты увѣрены, что имъ разрѣшатъ открыто курить и гулять въ саду съ гимназистками, по крайней мѣрѣ, до 10 час. вечера; старыя дѣвы ждутъ отъ избранника жениховъ, каждой по ея вкусу; бездѣтныя и жаждущія дѣтей жены ждутъ отъ него дѣтей; притомъ онѣ почему-то увѣрены, что дѣтей онѣ дождутся только отъ лѣваго депутата и умоляютъ своихъ мужей подать голосъ обязательно за демократа; рабочіе ждутъ фабрикъ, крестьяне—помѣстья помѣщика и т. п. Для избранника званіе депутата не тяжелый крестъ, не призывъ къ скромной, тихой, кропотливой и усидчивой работѣ, къ дѣятельности, на пути которой встрѣчаются одни терніи и шипы; для него, это—почетное званіе, путь къ рыцарской славѣ и побѣдамъ на ораторскихъ турнирахъ, сплошное праздное тріумфальное и пріятное шествіе по пути, усѣянному однѣми только розами. Для избранника избиратель, это—лицо, которому онъ обязанъ своимъ избраніемъ, своимъ постомъ, своей привольной, пріятной жизнью. Избранникъ поэтому считаетъ своей обязанностью изъ кожи лѣзть, чтобы только угодить своему избирателю, и такимъ путемъ общеніе со стороны избранника превращается въ „угожденіе“. На этой почвѣ избранникъ всегда милъ, любезенъ, ласковъ; на лицѣ у него всегда привѣтливая улыбка, онъ жметъ крѣпко руку каждому обывателю, пріятно ему улыбается и обязательно спрашиваетъ: „какъ дѣла?“ Обыватель въ восторгѣ, благодаритъ и тутъ же докладываетъ о своихъ горестяхъ; у кого жена сбѣжала, у кого сынокъ-гимназистъ на экзаменѣ провалился; у кого корова отелилась и теленокъ издохъ

и т. п. Избранникъ огорчается, обѣщаетъ свое содѣйствіе, но проситъ ему для памяти написать, и вообще проситъ всѣхъ обывателей, всѣхъ избирателей писать ему о своихъ нуждахъ и бѣдахъ. И обыватели пишутъ депутатамъ, а депутатъ въ восторгѣ; онъ чувствуетъ, что онъ кому-то нуженъ, у него какъ будто дѣло есть, и онъ какъ будто дѣло дѣлаетъ, пожимая руку и улыбаясь избирателю, ведя съ нимъ переписку. Въ интересахъ того же общенія съ избирателемъ, депутатъ корреспондируетъ въ мѣстную газету. Для депутата все возможно, и ему не только разрѣшается не скрываться подъ псевдонимомъ, но подъ каждой корреспонденціей обязательно появляется подпись: „членъ Государственной Думы—имя рекъ". Избиратель захлебывается отъ восторга, читая корреспонденцію своего собственнаго депутата, котораго онъ же избралъ, котораго онъ же можетъ разжаловать. А корреспонденціямъ этимъ, хотя подъ ними и красуется подпись члена Государственной Думы, грошъ цѣна. Это все мелкія сплетни изъ мелкой мѣщанской жизни, въ которую превратилась Думская работа и Думская жизнь. Присутствовали ли вы когда-либо при ругани торговокъ на базарѣ? Крикъ, шумъ, возмущенныя лица, негодующіе взоры, угрожающіе жесты... Вы увѣрены, что случилось убійство или весь базаръ провалился; вы спрашиваете: въ чемъ дѣло?—и каждая, съ пафосомъ, возбужденно и съ увлеченіемъ охотно начнетъ вамъ разсказывать; будетъ разсказывать часъ и два; ея разсказа хватитъ ровно на одну корреспонденцію, а, между тѣмъ, оказывается, что весь сыръ-боръ загорѣлся изъ-за выѣденнаго яйца. То же и „большой думскій день", о которомъ повѣствуется въ корреспонденціи; поднялся, молъ, лѣвый депутатъ и два часа говорилъ о выѣденномъ яйцѣ; поднялся правый депутатъ и началъ говорить, что это выѣденное яйцо, о которомъ не стоитъ говорить, а пора дѣло дѣлать; оппозиція устроила очередной скандалъ, за который двухъ депутатовъ вывели; тогда поднялся другой лѣвый депутатъ и сталъ остроумно въ своей „замѣчательной" рѣчи доказывать, что это хотя и выѣденное яйцо, но оно необходимо и весьма полезно для народа и для каждаго обывателя, и если правые этого не понимаютъ, то потому, что у нихъ пустыя головы—во-первыхъ, и они заботятся только о своихъ выгодахъ и пользахъ, а до обывателя имъ и дѣла нѣтъ—во-вторыхъ; тогда очередной скандалъ подняли правые и опять вывели двухъ депутатовъ и т. д. безъ конца. Все сплетни и только; да ничего другого депутатъ не можетъ и сообщить, потому что изъ мелкихъ мѣщанскихъ эпизодовъ состоитъ вся думская жизнь. Собственно, вся жизнь человѣка состоитъ изъ однѣхъ мелочей; но обыкновенному человѣку онѣ такими и кажутся; онъ проходитъ мимо нихъ; мѣщанину же въ дворянствѣ каждая такая мелочь кажется великимъ событіемъ; онъ только на эти мелочи и обращаетъ вниманіе. А парламентъ въ дѣловой государственной жизни, это—ничто иное, какъ мѣщанство въ дворянствѣ. Да и чего ждать другого, когда купецъ, приказчикъ прямо отъ прилавка, крестьянинъ отъ сохи, врачъ отъ постели больного, мелкій чиновникъ отъ своего стола, рабочій отъ станка призваны къ государственной дѣятельности, въ качествѣ ли избирателя или депутата.

Работали газеты, работали ораторы, работали избиратели, бѣгая изъ одного предвыборнаго собранія въ другое,—избранъ, наконецъ, депутатъ. Проходитъ мѣсяцъ, другой, проходитъ годъ, все время работаетъ парламентъ, работаетъ собственный депутатъ... И что за притча? Обѣщанной „манны небесной“ и въ поминѣ нѣтъ. Приказчикъ за прилавкомъ, рабочій за станкомъ, старыя дѣвы остались старыми дѣвами, а бездѣтнымъ женамъ и демократы не помогли. Обывателя беретъ раздумье; ему по-обывательски извѣстно, что если онъ поѣстъ, то онъ сытъ, если истопитъ печку, то ему тепло,—а отъ этой самой свободы, да отъ парламента ему ни тепло, ни холодно, ровно ихъ и не было. Вотъ если бы обывателя чаще раздумье брало бы, то, можетъ быть, и этой конституціи, и этого парламента не было бы, и обыватель, находящійся въ здравомъ умѣ и сознаніи, нисколько по нихъ не тосковалъ бы; съ ними не густо и безъ нихъ не пусто. Этого обывательскаго раздумья демократы какъ огня боятся; для того-то и создаются всякія газеты, общества, собранія,—всякія, словомъ, демократическія празднества и поминки,—чтобы отвлечь обывателя отъ обывательскаго раздумья, отъ котораго не сдобровать ни депутатамъ, ни парламенту; чтобы не допустить его до такого раздумья. Для этого создается особый видъ общенія: отчеты депутата передъ избирателями. Эти отчеты—копіи депутатскихъ корреспонденцій въ мѣстныхъ газетахъ; все тѣ же мелочи, все тѣ же сплетни, все тѣ же возбужденные разсказы про выѣденное яйцо и про всѣ эпизоды, происшедшіе съ этимъ яйцомъ... Это все то же мѣщанство въ дворянствѣ. Но эти отчеты и бесѣды съ избирателями имѣютъ и свои сокровенныя цѣли.

Прежде всего, это—работа, трудъ. Нѣкоторые считаютъ это даже единственной задачей и настоящей работой депутатовъ; это, конечно, господа изъ породы соціалъ-демократовъ; послѣднихъ, какъ извѣстно, даже война не отрезвила, и они продолжали свою преступную провокаторскую агитацію среди войскъ, предавая народъ и рабочихъ во власть врагу. На послѣднемъ процессѣ этихъ „друзей народа“ одинъ изъ обвиняемыхъ, депутатъ Шаговъ, нагло и цинично заявилъ, что онъ „совсѣмъ не намѣренъ былъ просиживать депутатское кресло, а ѣздилъ, чтобы на мѣстахъ ознакомиться съ настроеніемъ рабочихъ“. Оказывается, что исполнять долгъ и обязанность депутата на языкѣ эсдековъ означаетъ: „просиживать кресло“, а бесѣды съ рабочими—дѣло, трудъ. Зачѣмъ же тогда избирали Шагова, зачѣмъ онъ избирался? Притомъ, какъ оказывается, Шагову для законодательствованія важно не собственное мышленіе, а настроеніе рабочихъ; какъ будто законодательство, государственное строительство зависитъ отъ настроенія нѣсколькихъ невѣжественныхъ—умственныхъ и моральныхъ—недорослей. Или, какъ будто настроеніе „сознательныхъ“ рабочихъ неизвѣстно заранѣе? Развѣ оно мѣняется? Вѣдь, мѣняется настроеніе у людей, которые мыслятъ; а „сознательные“ рабочіе, это—тѣ, которые дошли уже до апогея мысли и на этомъ апогеѣ застыли. Наконецъ, еще большой вопросъ: вліяетъ ли на Шагова „настроеніе“ рабочихъ или, наоборотъ, Шаговъ вліяетъ на „настроеніе“ рабочихъ. Все это, конечно, относится къ чис-

лу истерическихъ эсдековскихъ возгласовъ, которые давно пріѣлись, и которые надо бы вывести изъ обихода общими усиліями всѣхъ здравомыслящихъ людей. Вообще же для человѣка дѣла—да такого еще большого, отвѣтственнаго дѣла - праздныя бесѣды съ обывателями—только безплодно-потерянное время.

Но бесѣды эти имѣютъ и другую, болѣе основательную цѣль: воочію показать преимущества конституціоннаго строя. Депутатъ парламента, молъ, не какой-нибудь министръ или бюрократъ, коптящій за своимъ дѣломъ и никому, кромѣ своего начальства, отчета не отдающій. Депутатъ признаетъ своимъ начальствомъ только избирателя, и только ему отдаетъ отчетъ. Понятно, что у обывателя такое пріятное ощущеніе, какъ будто его кто медомъ по губамъ помазалъ; онъ начинаетъ понимать, что это за удовольствіе—собственный депутатъ. У обывателя такое настроеніе, какъ будто онъ начальство, и подъ его началомъ—и собственный депутатъ, и весь парламентъ, да и все начальство. Только что стоялъ за прилавкомъ, и хозяинъ даже на него покрикивалъ, а пришелъ на собраніе и сразу сталъ большимъ начальствомъ. Поневолѣ забудешь тутъ и про обѣщанную манну небесную, и про другія дутыя обѣщанія; поневолѣ будешь гнать отъ себя это противное и непріятное „обывательское раздумье", и у тебя останется ощущеніе, какъ будто ты сытъ и сытъ именно отъ манны небесной. И отъ души, отъ полноты сердца и отъ полноты набитаго манной небесной желудка, обыватель кричитъ: „Ура! Да здравствуетъ конституція! Да здравствуетъ Дума! Да здравствуетъ депутатъ!"

Обывателю отъ всей конституціи и отъ всего парламента только этотъ отчетъ и достался; не успѣлъ онъ выйти изъ зала, и этотъ отчетъ вывѣтрился; но, однако, у него сохранилось пріятное ощущеніе полноты желудка и меда на губахъ, и онъ, съ сознаніемъ завѣщаннаго ему свыше долга, торжественно пойдетъ еще разъ къ урнѣ, и каждый разъ пойдетъ слушать докладъ своего собственнаго депутата. Обиднѣе всего то, что это не отчетъ и не докладъ, а просто восторженное сообщеніе о скандальной парламентской хроникѣ. Но этимъ сообщеніемъ достигается и другая цѣль. Начинается оно съ признанія, что въ жизни государства, общества и каждаго обывателя никакихъ перемѣнъ не произошло, и что обѣщанной обывателю манны небесной парламентъ ему не далъ, но въ этомъ отнюдь не виноватъ парламентъ, а меньше всего собственный депутатъ. Каждый разъ лѣвая половина Думы предлагала то тотъ, то другой законопроектъ. Въ каждомъ законопроектѣ была какая-нибудь насущная реформа: то объ отмѣнѣ смертной казни, то о гарантіи безусловныхъ свободъ, то о полной земской автономіи, то объ упраздненіи министерства народнаго просвѣщенія и о предоставленіи права вести преподаваніе въ университетахъ, гимназіяхъ и школахъ всякому, кто только вѣруетъ не въ Бога, а въ Чхеидзе и Милюкова, то о всеобщемъ, равномъ, прямомъ и тайномъ избирательномъ правѣ и т. п. Но правые неизмѣнно высмѣивали эти насущныя реформы, неизмѣнно называли ихъ выѣденнымъ яйцомъ, а нѣкоторые даже

осмѣливались утверждать, что онѣ и выѣденнаго яйца не стоятъ; того же мнѣнія держалась бюрократія. Между тѣмъ безъ этихъ насущныхъ реформъ никакой парламентъ, ни одинъ депутатъ не можетъ дать обывателю обѣщанной манны небесной. Пусть же этотъ отчетъ избранника передъ его избирателями будетъ пока той небольшой крупицей, которую могъ доставить своимъ избирателямъ депутатъ изъ всей обѣщанной манны небесной.

Такимъ образомъ, отчетъ передъ избирателями преслѣдуетъ тройную цѣль: онъ льститъ обывателю, мажетъ его, такъ сказать, медомъ по губамъ, затѣмъ — служитъ оправданіемъ депутату и объясненіемъ, почему каждый обыватель остался у своего стараго разбитаго корыта, и, наконецъ, это ловкій подвохъ противъ правыхъ и правительства, которые оказываются одни виноватыми въ томъ, что у обывателя вмѣсто роскошныхъ дворцовъ осталось только прежнее разбитое корыто. Обывателю и невдомекъ, что парламентъ, со всѣми „насущными реформами", призванными нести обывателю всѣ блага земныя, это — только повтореніе сказки „о рыбакѣ и золотой рыбкѣ". Эту сказку напѣваютъ ему демократы; подъ эту сказку обыватель пріятно засыпаетъ, и во снѣ — и только во снѣ! — видитъ эти роскошные дворцы, о которыхъ поютъ демократы. Естественно, что наяву у него, кромѣ корыта, ничего нѣтъ. Обыватель не понимаетъ, что только во снѣ демократическія реформы могутъ дать добро, счастье и нести правду; онъ далекъ отъ мысли, что это однѣ только фальшивыя ассигнаціи, и если онъ остался при своемъ корытѣ, то въ этомъ виноваты не правые элементы и отнюдь не правительство, а виноваты демократы, обѣщавшіе ему манну небесную, которой они и не могли ему дать. Прошли времена, когда ни за что, ни про что сыпалась съ неба манна; теперь манну небесную надо заслужить. А мораль сказки та, что надо взяться за работу самому, и починить корыто и опять работать; вотъ тогда и появится манна небесная. Надо только меньше слушать этихъ краснобаевъ-демократовъ, еще меньше имъ вѣрить, а ихъ „насущныхъ реформъ" — этихъ фальшивыхъ демократическихъ ассигнацій — и близко къ себѣ не подпускать, тогда и не придется обывателю оставаться при разбитомъ корытѣ и при отчетѣ избранника, отъ котораго ни тепло, ни холодно. Если обыватель перестанетъ грезить въ мірѣ сказокъ, то и не будетъ разбитаго корыта, потому что разбитое корыто только въ сказкахъ водится, — а водится оно въ сказкахъ потому, что только въ сказкахъ корыто можетъ превратиться сразу въ дворецъ. А всѣ пѣсни демократовъ, ихъ газетъ, ихъ обществъ, ихъ депутатовъ и парламентовъ, это — только однѣ сказки; а если обыватель имъ вѣритъ, то, само собой разумѣется, онъ всегда будетъ оставаться при разбитомъ корытѣ.

А что же представляетъ этотъ выпадъ въ отчетѣ депутата противъ правыхъ и противъ правительственной власти, какъ не форменный доносъ? Жандармы доносятъ по начальству, а демократы по своему начальству, т.-е. обывателямъ. Такими доносами — самаго низкаго, клеветническаго, шантажнаго характера — пестрятъ всѣ про-

грессивныя газеты; ими пропитаны рѣчи всѣхъ ораторовъ, ими живетъ и дышитъ вся лѣвая половина парламентовъ всего міра. Всѣ насущныя реформы ни отъ чьей власти не зависятъ, никто ихъ не можетъ дать, никто не можетъ взять; а если ихъ даютъ, то даютъ однѣ фальшивыя ассигнаціи. А если ихъ обѣщаютъ демократы, если они говорятъ, что отъ этихъ реформъ зависитъ благо и счастье народа, то они лгутъ, безсовѣстно лгутъ; они просто хотятъ распространить фальшивыя ассигнаціи своей фабрикаціи. Насчетъ нѣкоторыхъ реформъ я уже это доказалъ, насчетъ остальныхъ доказать нетрудно. Свое счастье каждый народъ самъ куетъ, и свое счастье каждый съ собой несетъ. Фальшивая же ассигнація остается всегда фальшивой ассигнаціей и добра не приноситъ; а если она попадетъ въ руки простодушнаго, довѣрчиваго обывателя, то она ему всегда приноситъ ущербъ, потому что взамѣнъ ея отданы подлинныя цѣнности. Но если аферистъ, распространившій фальшивыя цѣнности, будучи виновникомъ ущерба, старается обвинить въ этомъ другихъ — доноситъ на другихъ, ни въ чемъ неповинныхъ людей,—то, вѣдь, это доносъ самаго низкаго, провокаторскаго характера. А такъ какъ демократія все время распространяетъ фальшивыя ассигнаціи, и каждый разъ и всюду приноситъ ущербъ обывателю, оставляя его у разбитаго корыта, и такъ какъ въ этомъ ущербѣ каждый разъ демократъ винитъ ни въ чемъ неповинную правительственную власть и правые здравомыслящіе элементы страны, то понятія „демократія“, „провокація“ — синонимы. Демократическая пресса—сплошное море провокаціи. До сихъ поръ не могу не вспомнить безъ отвращенія отдѣлъ: „кого не надо выбирать“, появившійся въ „Русскомъ Словѣ“ въ послѣднюю предвыборную кампанію. Это былъ отдѣлъ сплошныхъ провокаторскихъ доносовъ, грязныхъ пасквилей, которыми чернили, поносили честныхъ людей, только потому, что они инако мыслили, только потому, что они фальшивыхъ ассигнацій не признавали и называли ихъ фальшивыми ассигнаціями. Всѣ общества, комитеты, лекціи народныхъ университетовъ—всѣ вообще демократическія учрежденія пропитаны провокаціей. Всѣ митинги, предвыборныя собранія, рѣчи ораторовъ—все дышитъ, живетъ одной провокаціей. А въ парламентахъ, гдѣ аферистамъ изъ демократовъ полный просторъ, провокація пробивается черезъ всѣ щели, черезъ всѣ отверстія и заражаетъ всю округу. И если жандармерія занимается сыскомъ, если ей приходится доносить на кого-либо, то это сыскъ, это доносъ—противъ аферіста; это—доносъ съ фактическими доказательствами противъ враговъ общества и только въ интересахъ послѣдняго. Обязанность жандармеріи тяжелая, но благородная,—она заслуживаетъ искренней благодарности отъ общества, и достойна полнаго уваженія. Этими словами я хочу загладить свою былую вину противъ жандармской полиціи, когда и я, какъ попугай, повторялъ, что мундиръ жандарма—мундиръ позора. Я,—увы!—только недавно сталъ питать къ нему уваженіе. И выражая свое уваженіе къ жандармскому мундиру, я такъ же искрененъ, какъ и тогда, когда выражалъ свое негодованіе, съ той разницей, что свое уваженіе я выражаю съ глубокимъ убѣжденіемъ, какъ результатъ мышленія, а не попугайства.

То же, что на демократическомъ жаргонѣ зовется критикой вѣдомства или министерскаго законопроекта, представляетъ также ничто иное, какъ самое утонченное доносительство.

Слѣдующее звено плодотворной депутатской дѣятельности выражается въ запросахъ, тѣсно связанныхъ съ системой общенія, такъ какъ запросы большей частью основываются на сообщеніяхъ съ мѣстъ. Запросы считаются однимъ изъ самыхъ существенныхъ парламентскихъ прерогативъ. Запросы составляютъ красу всѣхъ парламентовъ; обычно они-то создаютъ „большіе дни“. Само собой разумѣется, что думскіе демократы сугубо этимъ правомъ пользуются и запросами донимаютъ Думу. Правые умоляютъ за дѣло взяться, а лѣвые ихъ запросами. Неудивительно, что Пуришкевичъ такъ нервничаетъ: отъ однихъ запросовъ заболѣешь! Стоитъ только привести нѣсколько образчиковъ такихъ запросовъ.

Запросъ № 1,—прогрессистовъ: „Безъ гарантіи свободы ни одно современное общество ни жить, ни дышать не можетъ. Какъ воздухъ нуженъ человѣку, такъ свобода нужна обществу. Наконецъ, и русское общество вздохнуло свободно, получивъ долго-жданныя конституціонныя гарантіи, въ томъ числѣ гарантіи свободъ. Избиратели поняли эти гарантіи въ самомъ широкомъ смыслѣ, многіе вполнѣ основательно поняли ихъ въ томъ смыслѣ, что, между прочимъ, каждому дана свобода сжигать свое имущество, предварительно, конечно, застраховавъ его. Изъ уваженія къ высокому принципу свободы представители прогрессивной партіи держали своихъ избирателей въ этомъ, какъ оказалось, заблужденіи. Увы, много разочарованій уже выпало на долю несчастнаго русскаго обывателя,—многія изъ его гарантій пришлось причислить къ числу заблужденій. Изъ села Покровки нами получено сообщеніе, рисующее яркими красками безправіе русскаго гражданина въ конституціонномъ государствѣ. Одинъ изъ обывателей этого села именно и сжегъ свой домъ, предварительно застраховавъ его; онъ, оказывается, понялъ, что онъ имѣетъ полное право сжигать, по собственному желанію, свое же имущество, вслѣдствіе объявленной въ Россіи свободы. Ну, конечно, каждый подбираетъ для этого поджога наиболѣе подходящій и выгодный для себя моментъ. Правда, возникшій пожаръ уничтожилъ всѣ жилыя постройки въ селѣ. Но, какъ оказывается, и это побочное явленіе было плодомъ общаго предварительнаго и свободнаго соглашенія всѣхъ жителей села, причемъ, само собой разумѣется, каждый предварительно тоже застраховалъ свое имущество. Между тѣмъ, всѣ эти мирные обыватели, воспользовавшіеся только правомъ предоставленной имъ свободы, посажены въ тюрьму, и имъ предъявлено обвиненіе въ умышленномъ поджогѣ имущества съ цѣлью полученія страховой преміи. Можетъ быть, такая квалификація поступка имѣла мѣсто въ до-конституціонное время, когда реакція душила всякую свободу и старалась всякій свободный поступокъ подводить подъ преступное дѣяніе и статью закона. Но пора уже отмѣнить этотъ пережитокъ старины минувшей, пора дать свободѣ ея настоящее мѣсто въ конституціонной странѣ, пора вычеркнуть изъ обихода этотъ реакціонный, черносотенный терминъ „поджогъ“,

разъ онъ подходитъ подъ общее конституціонное понятіе „свободы дѣйствій“. Считая поэтому дѣйствія мѣстной администраціи незаконом'ърными, противорѣчащими основамъ Манифеста 17 Октября, мы запрашиваемъ, какія мѣры приняты министрами внутреннихъ дѣлъ и юстиціи для освобожденія изъ тюрьмы невинно-пострадавшихъ людей? Какія мѣры приняты для вознагражденія за нанесенный имъ ущербъ? Какія, наконецъ, мѣры приняты для охраненія и для гарантіи „свободы дѣйствій“ каждаго обывателя?‘

Запросъ признанъ спѣшнымъ; послѣ дебатовъ запросъ принятъ, дѣйствія власти признаны незаконом'ърными; слово „поджогъ“ постановлено исключить изъ лексикона.

Запросъ № 2,—кадетовъ: „Изъ села Ивановки во фракцію поступило сообщеніе, что недавно былъ тамъ пожаръ, истребившій половину села, между тѣмъ за недѣлю передъ тѣмъ начался пожаръ въ сосѣднемъ селѣ Козловкѣ, и несмотря на то, что былъ сильный вѣтеръ и все село было въ опасности, пожаръ, однако, тутъ же прекратился, благодаря тому, что пошелъ сильнѣйшій ливень. Фракція интересуется знать, обратило ли министерство вниманіе на бездѣйствіе власти, не принявшей никакихъ мѣръ, чтобы пожаръ и въ сел. Ивановкѣ начался также заблаговременно, передъ самымъ дождемъ, между тѣмъ въ Ивановкѣ дождь пошелъ уже тогда, когда пожаръ прекратился? Принимаетъ ли министерство вообще мѣры къ тому, чтобы пожары совпадали обязательно съ ливнями? Интересы избирателей, народнаго хозяйства и государственнаго блага вынуждаютъ насъ просить спѣшности для запроса“. Спѣшность принята. Министръ отвѣчаетъ, при одобреніи и смѣхѣ справа, что дожди зависятъ не отъ администраціи, а отъ Божественнаго Промысла, а потому въ совпаденіи дождей съ пожарами министерство вынуждено признать себя безсильнымъ. Дума признала большинствомъ голосовъ объясненія министра неудовлетворительными, а дѣйствія мѣстной администраціи незаконом'ърными.

Запросъ № 3,—трудовиковъ. Аналогичный случай, давшій поводъ къ запросу прогрессистамъ, т.-е. умышленный поджогъ далъ поводъ для запроса и трудовикамъ, но только по другимъ мотивамъ. По ихъ мнѣнію, поджогъ, прежде всего, трудъ и только трудъ, и, какъ признанные защитники трудового начала и трудящихся классовъ, трудовики внѣ себя отъ негодованія, что администрація посадила цѣлый рядъ трудящихся лицъ въ тюрьму вмѣсто того, чтобы выдать имъ причитающуюся страховую премію и, кромѣ того, въ поощреніе труда выстроить имъ новые дома. Помимо того, авторы запроса обращаютъ вниманіе на официальный терминъ, употребленный въ протоколѣ: „шайка поджигателей“. Такіе термины, какъ „шайка“, „банда“, оставшіеся отъ до-конституціоннаго времени, пора давно уничтожить. Буржуазное правительство того времени и цѣплявшіеся за него, какъ за якорь спасенія, буржуазно-хищническіе элементы страны, стремясь всѣми силами подавить творчество и свободу трудящихся классовъ, старались всякое свободное проявленіе тру-

дящагося пролетаріата дискредитировать и унизить, умышленно давая ему реакціонныя, черносотенныя названія, какъ „шайка", „банда" и т. п. Эти термины, скрывая истинное положеніе дѣлъ, давали администраціи поводъ принимать противъ несчастныхъ тружениковъ самыя жестокія репрессивныя мѣры, хотя для всѣхъ ясно, что то, что на устахъ реакціи звалось бандой или шайкой, на устахъ благородной демократіи зовется профессіональнымъ союзомъ. Профессіональные союзы, изъ какихъ бы трудящихся элементовъ они не состояли, представляютъ могучее и благородное оружіе въ рукахъ трудового пролетаріата, и передовая демократія выставила ихъ на своемъ знамени и поклялась защищать ихъ до послѣдней капли крови отъ подкоповъ реакціи. И въ данномъ случаѣ это былъ просто-профессіональный союзъ поджигателей; преслѣдованіе же несчастныхъ жертвъ идеи и долга со стороны власти вызвано просто походомъ противъ основъ Манифеста 17 Октября, противъ конституціонныхъ гарантій и правъ трудящихся классовъ. Трудовая группа проситъ вступиться за попранныя права трудящихся классовъ и выразить министерству недовѣріе.—Спѣшность отклонена. Запросъ переданъ въ комиссію.

Запросъ № 4,—эсдековъ: „Во фракцію поступило заявленіе, ярко рисующее порядки въ нашей псевдо-конституціонной странѣ. Во время бывшаго пожара въ одномъ изъ городовъ центральной Россіи искры полетѣли въ толпу мирно наблюдавшихъ зрѣлище лицъ, и изъ всей толпы выбрали себѣ жертвами двухъ пролетаріевъ, продѣлавъ довольно внушительнаго размѣра дыры на ихъ шапкахъ. Членъ партіи Шаговъ, чтобы не просиживать депутатскаго кресла, ѣздилъ на мѣсто со спеціальной миссіей отъ фракціи выяснить размѣры произведенныхъ на шапкахъ разрушеній. Депутатъ Шаговъ блестяще выполнилъ задачу, и результатъ его измѣреній изложенъ на прилагаемыхъ къ запросу 998 таблицахъ. Фракція запрашиваетъ, почему искры попали не на шапки буржуевъ, а именно на шапки пролетаріевъ? Фракція видитъ въ этомъ яркое проявленіе того угнетеннаго положенія, въ какомъ находится пролетаріатъ, тѣхъ преслѣдованій, которымъ онъ подвергался со стороны власти, находящейся на поводу у буржуевъ. Фракція запрашиваетъ, какія мѣры принимаетъ министерство для возстановленія попранныхъ правъ пролетаріата, и въ первую голову, какія мѣры оно принимаетъ, чтобы искры отъ пожарища падали на головы исключительно буржуевъ, а отнюдь не на головы близъ стоящихъ пролетаріевъ?—Министръ проситъ отклонить запросъ; по его мнѣнію, проще всего празднымъ пролетаріямъ стоять подальше отъ пожарища. Вообще, по его словамъ, кто шутитъ съ огнемъ, тотъ всегда обжигается. (Эсдеки приняли эти слова министра за какой-то намекъ, и подняли шумъ). Притомъ, продолжалъ министръ, согласно произведенному разслѣдованію, эти два пролетарія оказались: одинъ титулованнымъ княземъ, занимающимъ видное мѣсто въ одномъ изъ городскихъ учрежденій, другой—врачомъ съ обширной и богатой практикой; все ихъ пролетарство заключается въ томъ, что каждый изъ нихъ

заявляетъ, что онъ лѣвѣе кадетовъ; на языкѣ современныхъ демократовъ, говорящихъ языкомъ древней пифіи, это означаетъ, что и титулованному князю, и богатому врачу угодно причислять себя не то къ трудовикамъ, не то къ эсдекамъ. Это, конечно, право каждаго; вѣдь, и воръ можетъ самъ считать и называть себя честнымъ человѣкомъ,—язвительно закончилъ министръ.—Запросъ отклоненъ голосами правыхъ, націоналистовъ и октябристовъ противъ всей оппозиціи. Эсдеки встрѣтили этотъ вотумъ криками: „буржуи! кровопійцы!".. Рабочіе въ знакъ протеста забастовали. Начались сочувственныя забастовки среди студентовъ и курсистокъ. Всѣ прогрессивныя газеты вышли съ траурной каймой, а въ передовицахъ и на всѣхъ перекресткахъ газетнаго листа демократическіе борзописцы проливали крокодиловы слезы. Когда же, вскорѣ послѣ того, предсѣдатель Совѣта Министровъ выступилъ въ Думѣ съ декларацiей, эсдеки въ знакъ протеста устроили очередной скандалъ. Ихъ вывели. Рабочіе опять забастовали; опять забастовали студенты и курсистки; опять заплакали газетные крокодилы.

Образчики запросовъ мной не выдуманы, а взяты изъ жизни. Основами для всѣхъ думскихъ запросовъ служатъ все тѣ же мелкія жалобы избирателей, сплетни кумушекъ, всякія воображаемыя обиды, вродѣ того, что закрыли общество, разогнали съѣздъ, на которомъ занимались не дѣломъ, а пропагандой соціальныхъ идей; не разрѣшили митинга, или воспрепятствовали забастовкѣ. Особенно волнуются депутаты, когда имѣло мѣсто такъ называемое „давленіе на выборы". Изъ предыдущаго ясно, что все это фиктивные, выдуманные поводы и предлоги. Ни интересы народные, ни интересы государства здѣсь не затронуты. А если гдѣ-либо произошло правонарушеніе, то для этого существуетъ, слава Богу, въ Россіи законъ; есть судъ правый и скорый; есть всевозможныя инстанціи для жалобъ. Зачѣмъ же превращать Думу въ залъ судебныхъ засѣданій? Развѣ для этого она создана? Очевидно, запросы нужны для другихъ цѣлей. Они поддерживаютъ связь, общеніе избирателей съ депутатами. Эта связь основана на совершенно ложномъ представленіи о назначеніи и обязанностяхъ депутатовъ. Затѣмъ—запросы даютъ видимость кипучей дѣятельности, создаютъ порою „большіе думскіе дни", въ то же время они даютъ поводъ думать, что депутатъ заботится и близко принимаетъ къ сердцу интересы избирателей. Но главная цѣль—будировать общественное мнѣніе, натравливать общество на власть, на судъ, на администрацію. Каждый запросъ, это—доносъ, но со специфической демократической окраской, т.-е. доносъ на выдуманныхъ, фантастическихъ, шантажныхъ основаніяхъ, не имѣющій подъ собой никакой реальной почвы. Доносительство, это—лейтъ-мотивъ демократической дѣятельности. Но, чтобы скрыть, затушевать эту слабую и грязную сторону своей мелкой демократической душонки, демократы все время обвиняютъ другихъ въ доносительствѣ. „Чѣмъ кумушекъ считать трудиться, не лучше ли, кума, на себя оборотиться!"

И всѣ эти запросы сопровождаются фейерверками громкихъ фразъ, фонтанами рѣчей и сладкозвучными аріями изъ ругани и скан-

даловъ. Одно слово, весело и занятно; развлеченіе для публики, работа для газетъ. Оказывается, что Дума представляетъ только пріятный и хорошо оплачиваемый отдыхъ для избранной кучки демократовъ, вродѣ дарового кресла театральнаго рецензента; что она нужна публикѣ только для развлеченія; отчетъ же о думскихъ засѣданіяхъ замѣняетъ теперь чтеніе французскаго романа; что нужна она еще газетчикамъ, которымъ даетъ солидный заработокъ. А мы съ тобой, простодушный обыватель, вѣрили, что вся бѣда отъ бюрократіи, что Дума—только Дума – спасетъ Россію отъ бѣдъ и напастей. Такъ вотъ для чего мы съ тобой волновались, принимали участіе въ освободительномъ движеніи, радовались его успѣхамъ. Оказывается, намъ только втирали очки; не въ бюрократіи и не въ правительственной власти, а тѣмъ менѣе—не въ монархическомъ началѣ бѣда Россіи, и не въ Думѣ спасеніе ея; не освободительное то было движеніе, а разрушительное. Не правда ли: жутко дѣлается при мысли, какую роль простаковъ мы сыграли съ тобой, таская каштаны изъ огня для однихъ только шантажистовъ. Но, вѣдь, это бы еще полъ-бѣды; сколько вреда, сколько горя мы съ тобой принесли русскому народу!

Правда, я еврей; русскій народъ—не мой народъ. Но я не потомокъ Маркса и Лассаля, а этихъ потомковъ—ой, какъ много развелось среди евреевъ! Я потомокъ ветхозавѣтнаго Моисея и весь пропитанъ его традиціями. Мнѣ поэтому дорогъ и близокъ свой народъ, но мнѣ также дороги и близки интересы каждаго народа, — однако, интересы только реальные, только тѣ, что основаны на жизненной правдѣ и покоятся на здравомъ смыслѣ, притомъ интересы только нормально развивающагося народа. А таковымъ я считаю великій русскій народъ. И мнѣ, наравнѣ съ тобой, русскій обыватель, больно и обидно, что я поддался шантажу и, повѣривъ пѣнью сиренъ, внесъ свою лепту въ преступное и разрушительное движеніе, которое для приманки такихъ довѣрчивыхъ простаковъ, какъ мы съ тобой—окрестили освободительнымъ. Вѣдь, названіе—только вывѣска; можно повѣсить вывѣску: „чайная“, а продавать одну только водку.

Весьма много положительной энергіи и кипучей дѣятельности депутаты проявляютъ въ своеобразномъ пріемѣ, который зовется обструкціей. Это, такъ сказать, депутатская забастовка. Я достаточно выяснилъ всѣ отрицательныя стороны забастовки, чтобы тратить время на характеристику депутатской забастовки. Скажу только, что забастовка со стороны депутатовъ еще менѣе терпима, еще болѣе преступна, чѣмъ обычная забастовка. Пусть каждый потрудится расшифровать такую забастовку, и онъ согласится со мной. Я хотѣлъ бы поэтому подойти къ обструкціи—съ другой стороны. Что въ парламентѣ зовется обструкціей, то въ жизни зовется протестомъ, химической обструкціей, кошачьимъ концертомъ, бойкотомъ, террористическимъ актомъ, политической забастовкой и т. д. Все это явленія одного порядка, имъ всѣмъ присуще одно общее понятіе „протеста“. Это—протестъ возмущенной демократической души, это—перчатка, брошенная благороднымъ рыцаремъ современности, всту-

пившимся за честь демократическаго идеала, за якобы попранныя демократическія начала свободы, равенства и братства. Мнѣ хотѣлось бы поэтому выяснить только подоплеку, основу демократическаго протеста. Я самъ когда-то возмущался, протестовалъ; вотъ почему я въ состояніи ясно представить себѣ мотивы, руководящіе демократическимъ протестомъ. Мнѣ необходимо было только стряхнуть съ себя кошмаръ демократизма. Разбудило меня комариное жужжаніе, о которомъ я упоминалъ, и я очень благодаренъ тѣмъ комарамъ, которые шумомъ и булавочными уколами будили меня и проясняли мое сознаніе. Долженъ откровенно признаться, что я пришелъ въ ужасъ, когда моему сознанію стала ясна основа демократическаго протеста. Изъ многочисленныхъ случаевъ комариныхъ укусовъ я приведу два случая протеста, которые ярко освѣтятъ вопросъ. Эти случаи изъ жизни; при одномъ я присутствовалъ въ качествѣ зрителя, въ другомъ я лично игралъ страдательную роль. Я прошу прощенія за отступленіе, но я считаю, что жизнь суровая, безъ прикрасъ, проза жизни—лучшій менторъ, самый безпристрастный учитель.

XIV.

Есть въ Самарѣ Общество врачей, и есть у него предсѣдатель, д-ръ Гавриловъ. Есть въ Самарѣ газета „Волжское Слово“, и есть у газеты репортеръ съ типичной бритой физіономіей іезуита и, конечно, тоже псевдонимъ. Все одна теплая компанія. Врачи читаютъ доклады; репортеръ, который въ докладахъ ни аза не смыслитъ, который въ былое время дальше писца полицейскаго управленія не пошелъ бы и который, присвоивъ себѣ англійскій псевдонимъ „Вильямъ“, считаетъ себя, очевидно, на вершинѣ европейскаго образованія,—хвалитъ доклады и Общество врачей. Врачи довольны, читаютъ „Волжское Слово“, называютъ газету прогрессивнымъ органомъ, а репортера величаютъ сотрудникомъ газеты. Вообще, газеты безъ обществъ зачахли бы; а общества безъ газетъ—все равно, что закуска безъ водки: овчинка, не стоющая выдѣлки. По части составленія докладовъ особенно отличается д-ръ Гавриловъ: печетъ ихъ, какъ блины. Какъ извѣстно, для докладовъ нужны мысли, идеи, но далеко не всѣмъ извѣстно, что каждый предметъ имѣетъ въ природѣ свое опредѣленное мѣсто. Мысли, напр., у заурядныхъ обывателей изъ породы черносотенцевъ помѣщаются въ шкафу, который, съ своей стороны, помѣщается на обывательскихъ плечахъ и носитъ довольно вульгарное и старинное прозвище: „Голова“. Станетъ послѣ этого демократъ помѣщать свои мысли въ такомъ реакціонномъ и черносотенномъ помѣщеніи! Ждите! Боится, какъ бы его еще за консерватора не приняли. У демократовъ поэтому мысли обрѣтаются, гдѣ угодно: въ поселкахъ, въ облакахъ, на небѣ, на планетѣ Марсъ, но только не въ головѣ. Отправился и д-ръ Гавриловъ искать по бѣлу-свѣту мыслей для доклада. Идетъ онъ по городу Самарѣ, и видитъ небольшое пустопорожнее мѣсто. Оказывается, демократъ не можетъ равнодушно видѣть пустое мѣсто. Нѣтъ при Самарской Губернской Управѣ са-

нитарнаго бюро, и депутатъ первой Думы, д-ръ Крыловъ, пользуется сейчасъ же случаемъ, и, по его выраженію, онъ все время бьется объ это пустое мѣсто. И бьются всѣ демократы о тѣ мѣста, которыя имъ кажутся пустыми. Нерѣдко бываетъ, что ударится головой, а звучитъ, какъ барабанный бой.

Увидѣлъ д-ръ Гавриловъ пустопорожнее мѣсто и ахнулъ отъ восторга. Постоялъ онъ около этого мѣста не часъ и не два,—а сколько, не знаю,—но знаю, что по поводу этого мѣста онъ составилъ докладъ для общества врачей; а знаю это потому, что самъ слушалъ этотъ докладъ, когда его читалъ д-ръ Гавриловъ. Это былъ во всѣхъ отношеніяхъ *оригинальный* и полный *оригинальныхъ* *) мыслей—докладъ. Дословно я его не помню, но приблизительно и весьма близко къ истинѣ его содержаніе слѣдующее: „Какъ извѣстно, человѣкъ не только пьетъ, ѣстъ и спитъ, но и дышитъ. Однако, не всякому извѣстно (не надо забывать, что читается докладъ въ обществѣ врачей), что человѣкъ дышитъ воздухомъ (бритый іезуитъ на репортерской эстрадѣ съ азартомъ записалъ это новое для него научное открытіе). Опытами многихъ великихъ ученыхъ врачей доказано, что безъ воздуха человѣкъ не можетъ обойтись, какъ безъ пищи и питья (репортеръ съ упоеніемъ смотрѣлъ на докладчика такихъ оригинальныхъ истинъ и даже отъ восторга забылъ внести это изреченіе въ отчетъ). Долгое время этотъ вопросъ былъ тайной для человѣчества, пока похожденія одного разбойника, подъ названіемъ „Джекъ-Удушитель“, не послужили одному великому врачу путеводной звѣздой къ разрѣшенію этого вопроса. Окончательно убѣдили въ этомъ ученаго опыты удушенія, которые нѣкоторыя лица производили на себѣ самихъ, вѣшаясь на потолкѣ или бросаясь въ рѣку. Выяснилось тогда, что и въ водѣ погибаютъ люди отъ недостатка воздуха. И тогда-то передъ умственными взорами изумленнаго человѣчества всталъ мучительный вопросъ, который потребовалъ для своего разрѣшенія работы цѣлаго ряда поколѣній великихъ ученыхъ. Дѣло въ томъ, что человѣкъ проводитъ часть времени на открытомъ воздухѣ, гдѣ ему, конечно, полный просторъ для питанія этимъ чуднымъ продуктомъ; но, вѣдь, значительную часть своей жизни человѣкъ проводитъ въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, въ такъ называемыхъ домахъ. И многихъ врачей долгое время занималъ вопросъ, чѣмъ объясняется такая живучесть человѣка; однако, этотъ вопросъ оставался темнымъ до тѣхъ поръ, пока одинъ великій профессоръ (мнѣ показалось, что докладчикъ упомянулъ имя Заболотнаго) не открылъ секрета человѣческой выносливости; онъ доказалъ, что воздухъ содержится въ каждомъ жиломъ и нежиломъ помѣщеніи, между прочимъ, и въ домахъ, и даже въ каждой комнатѣ въ отдѣльности. И вотъ недавно,—продолжалъ докладчикъ,—мнѣ блеснула блестящая и

---

*) Оригинальность д-ръ Гавриловъ понимаетъ весьма „оригинально“. По его мнѣнію, это то же, что спорность; онъ полагаетъ, что существуютъ какіе-то отъ природы „оригинальные“ умы, которые пишутъ доклады обязательно со спорными положеніями. О д-рѣ Гавриловѣ и объ „оригинальности“ у меня будетъ рѣчь въ другомъ мѣстѣ, поэтому ограничиваюсь этой краткой замѣткой.

оригинальная мысль, способная вверхъ дномъ перевернуть весь укладъ человѣческой жизни (репортеръ превратился весь въ слухъ и восторженное вниманіе; мнѣ уши его показались очень знакомыми по зоологическимъ примѣтамъ, составленнымъ дѣдушкой-Крыловымъ). Эта мысль слѣдующая: „чѣмъ комната больше по своимъ размѣрамъ, тѣмъ больше въ ней воздуха; чѣмъ, наоборотъ, она меньше, тѣмъ меньше въ ней воздуха".

По мѣрѣ того, какъ д-ръ Гавриловъ излагалъ свои изумительныя по богатству содержанія и по оригинальной спорности мысли, всѣ обычные посѣтители общества врачей: и Марковъ, и Городецкій, и Ивановъ, и Каменецкій, и два Крылова—два Аякса, и знаменитый по брошюрѣ „Донъ-Кихоты и Фарисеи"—д-ръ Лавровъ, и другіе млѣли отъ восторга. По ихъ лицамъ можно было сразу догадаться, что это весьма занимательный для врачей докладъ, и именно по необыкновенной сочности, свѣжести и новизнѣ мыслей. Зато, когда читаетъ свой докладъ Марковъ или Городецкій, или вообще кто-либо изъ членовъ общества врачей, — докладъ съ такими же сочными, свѣжими и оригинальными мыслями, также млѣютъ отъ восторга всѣ остальные, млѣетъ отъ восторга самъ д-ръ Гавриловъ. Когда же Гавриловъ высказалъ свою новую истину, то всѣ отъ упоенія даже рты разинули, а въ отчетѣ британо іезуита изъ „Волжскаго Слова" было даже написано (я лично этого не слыхалъ), будто кто-то вслухъ прошепталъ, что докладчикъ такъ же великъ для Самары, какъ профессоръ Заболотный для Россіи.

„Найденная мною истина", — продолжалъ д-ръ Гавриловъ, — приводитъ ко многимъ неожиданнымъ и изумительнымъ выводамъ; становится, напримѣръ, яснымъ, что помѣщенія, вообще—комнаты тѣмъ полезнѣе для здоровья, тѣмъ желательнѣй, чѣмъ они больше по размѣрамъ. Къ сожалѣнію, многіе въ Самарѣ (въ голосѣ докладчика при этомъ дрожали незримыя крокодиловы слезы, и одна изъ нихъ, по затаенной мысли докладчика, должна была упасть на докладъ) живутъ въ тѣсныхъ, грязныхъ каморкахъ. О, вы представить себѣ не можете, какъ мнѣ жаль всѣхъ этихъ несчастныхъ и бѣдныхъ обывателей! О, я понимаю ихъ страданія! И какъ мнѣ ихъ не понимать, когда я самъ живу въ хорошей, просторной квартирѣ и научился цѣнить удобства и прелести квартиры доктора, имѣющаго хорошую практику въ городѣ. Но я вынужденъ, конечно, принести въ жертву свои демократическіе принципы интересамъ и удобствамъ своихъ многочисленныхъ и несчастныхъ больныхъ. Если бы не заботы объ интересахъ больныхъ, я, конечно, съ восторгомъ помѣнялся бы квартирами съ любымъ бѣднякомъ; далъ бы ему свою, а самъ помѣстился бы въ его квартирѣ. И единственно, что я въ состояніи сдѣлать на пользу бездомныхъ бѣдняковъ, это — составить оригинальный докладъ. Правда, изъ доклада квартиры не построишь, но, вѣдь, я читаю докладъ въ обществѣ врачей, которое можетъ принять постановленіе и внести его въ протоколъ. Правда, и изъ протокола квартиры ни одному бѣдняку не построишь. Но, вѣдь, существуютъ газеты (дружескій жестъ и сладкая улыбка въ сторону

бритаго іезуита), которыя разнесутъ по бѣлу-свѣту наши оригинальныя мысли и возвышенно-благородные протоколы и, создавъ намъ славу гуманнѣйшихъ людей, превратятъ наши протоколы въ протестъ, а изъ протеста, можетъ быть, кто-либо и ухитрится состряпать хотя бы одну комнату. Надо все-таки думать, что болѣе реальные и осязательные результаты получились бы, если бы какой-либо богачъ пожертвовалъ средства на постройку дома для бездомныхъ бѣдняковъ. Но, очевидно, богачамъ еще неизвѣстно новое мое открытіе, что въ квартирахъ тѣмъ больше воздуха, чѣмъ онѣ больше по размѣрамъ. Поэтому намъ необходимо протестовать противъ индиферентизма богачей и, въ особенности, городского самоуправленія. Я знаю, что городъ въ лицѣ своей Думы скажетъ, что у него нѣтъ средствъ на эту новую затѣю, и что если онъ закроетъ освѣщеніе города, мостовыя, прикроетъ медицину, трамвай и всѣ вообще городскія учрежденія и предпріятія, а начнетъ только строить квартиры для бѣдняковъ, то и города не станетъ, и никакихъ доходовъ у него не будетъ, и не будетъ электричества, мостовыхъ, трамвая, но и бѣдняки тоже будутъ безъ квартиръ. Можетъ быть, эти разсужденія городскихъ заправилъ и правильны, но намъ до правильности или неправильности и дѣла нѣтъ; вѣдь, мы должны высказать свое мнѣніе съ точки зрѣнія науки и вновь открытой истины. Я поэтому предлагаю принять и распространить въ мѣстныхъ газетахъ слѣдующее положеніе: „чѣмъ больше по размѣрамъ помѣщеніе, тѣмъ больше въ немъ воздуха, тѣмъ оно полезнѣй для здоровья; поэтому всѣ богачи, кромѣ врачей, — которымъ просторныя и хорошія квартиры нужны исключительно въ интересахъ бѣдныхъ паціентовъ, — должны отдать бѣднякамъ свои квартиры, а поселиться въ квартирахъ бѣдняковъ; для остальныхъ же бѣдняковъ, которые не размѣстятся въ квартирахъ богачей, городское самоуправленіе должно отвести всѣ городскіе дома, а въ случаѣ надобности, построить новые дома".

Положеніе единогласно принято. Да и какъ его не принять, когда оно всецѣло проникнуто демократическими началами, покоится на демократическихъ принципахъ и всемѣрно гармонируетъ съ демократическими идеалами. Наоборотъ, оно вызвало всеобщій восторгъ, давая возможность обществу врачей проявить свои демократическія чувства и такъ ярко и образно подчеркивая демократическую заботу общества врачей объ униженныхъ и оскорбленныхъ, хотя эта забота никому и гроша мѣднаго не стоила, за исключеніемъ нѣсколькихъ жалкихъ словъ. А, какъ извѣстно, жалкія слова достаются человѣку даромъ такъ же, какъ даромъ достается ему его языкъ; но человѣчество этого никакъ понять не можетъ, оно цѣнитъ только жалкія слова, судитъ о человѣкѣ не по дѣламъ его, а только по языку и произносимымъ имъ жалкимъ словамъ. Впрочемъ, я хотѣлъ бы посмотрѣть на смѣльчака, который въ демократическомъ обществѣ осмѣлился бы возразить противъ демократическаго положенія! Это вызвало бы всеобщій демократическій протестъ, а демократическій протестъ выливается въ обструкцію, или въ кошачій концертъ и даже въ бойкотъ.

„Но въ заботахъ о здоровьѣ обывателей", — продолжалъ докладчикъ, — врачъ и, въ особенности, общество врачей должны быть неутомимы. Какъ ни хороши просторные дома, но кто же будетъ возражать противъ той оригинальной мысли, что каждый домъ уменьшаетъ количество открытаго воздуха, между тѣмъ какъ каждое дерево, уменьшая количество углерода и увеличивая количество кислорода, наоборотъ, приноситъ огромную пользу обывателямъ. Эта мысль блеснула мнѣ, подобно Ньютону, совершенно случайно, когда я неожиданно наткнулся на пустопорожнее мѣсто на углу Предтеченской и Николаевской улицъ. И тутъ же, по оригинальной ассоціаціи идей, я пришелъ къ изумительному заключенію, что на пустопорожнихъ мѣстахъ въ городахъ надо садить деревья, а не строить дома. Поэтому основное положеніе моего доклада, которое я прошу принять, внести въ протоколъ и опубликовать въ газетахъ, слѣдующее: „предложить городскому самоуправленію, вообще—владѣльцу, уступить пустопорожнее мѣсто на углу Предтеченской и Николаевской подъ народный садъ".

Начались пренія. Д-ръ Ивановъ глубокомысленно замѣтилъ, что общество врачей не перестаетъ дѣлать постановленія, вносить ихъ въ протоколы, но никакого отъ этой работы результата не получается; остаются одни протоколы, а протоколовъ, дѣйствительно, много накопилось (кто-то изъ присутствующихъ вслухъ подумалъ: „не проще ли тогда докладовъ не читать и постановленій не дѣлать?"). Д-ръ Гринбергъ имѣлъ неосторожность заявить: „вѣдь, на томъ пустопорожнемъ мѣстѣ, о которомъ говоритъ докладчикъ, можно посадить всего три дерева и то съ большимъ трудомъ; между тѣмъ это мѣсто—въ центрѣ города и цѣнится оно въ *сто* тысячъ рублей. А за 100000 можно на окраинѣ пріобрѣсти большой кусокъ земли и развести на немъ, дѣйствительно, хорошій садъ". Вотъ тутъ-то и вскипѣла негодованіемъ благородная демократическая душа д-ра Гаврилова; тутъ-то и вылился тотъ демократическій протестъ, о которомъ я говорилъ. Докладчикъ возбужденно воскликнулъ: „я протестую! разъ вопросъ идетъ о здоровьѣ населенія, обязанность врача поддерживать каждое предложеніе, клонящееся къ поднятію народнаго здравія; стыдно врачу, даже недостойно врача интересы народнаго здравія приносить въ жертву матеріальнымъ разсчетамъ!" Само собой разумѣется, что послѣ такого демократическаго внушенія оппонентъ смущенно замолчалъ, а всѣ присутствующіе укоризненно посмотрѣли на него; чувствовалось, что дѣло можетъ кончиться химической обструкціей, кошачьимъ концертомъ или даже бойкотомъ. Шутка ли сказать: совершить такое преступленіе противъ демократическаго идеала! И хотя шло только словопреніе, хотя д-ръ Гавриловъ своими словами сада не развелъ, а д-ръ Гринбергъ его не уничтожилъ, тѣмъ не менѣе, я убѣжденъ, каждый читатель-демократъ въ душѣ также возмущенъ и также готовъ подвергнуть д-ра Гринберга химической обструкціи.

Но стоитъ только расшифровать этотъ благородный демократическій протестъ, и станетъ ясно, что подъ нимъ скрывается одно

демократическое ханжество, одно схоластическое, фарисейское бездушіе демократовъ. Въ самомъ дѣлѣ: вѣдь, д-ръ Гавриловъ высказалъ мнѣніе только изъ 100 словъ, а д-ръ Гринбергъ высказалъ тоже только мнѣніе изъ 100 словъ. Почему же протестуетъ д-ръ Гавриловъ? Вѣдь, каждый—хозяинъ своего мнѣнія, а отъ мнѣнія никому ни холодно, ни тепло, ни полезно, ни вредно. Вотъ, если бы докторъ Гавриловъ вмѣсто 100 словъ далъ на покупку мѣста 100000 рублей, онъ былъ бы не только хозяиномъ мнѣнія, но и хозяиномъ мѣста, и тогда, конечно, могъ бы протестовать противъ вмѣшательства въ его хозяйскія права. А разъ онъ этихъ денегъ не далъ, то его протестъ, напротивъ, представляетъ вмѣшательство въ хозяйскія права д-ра Гринберга. Д-ра Гавриловъ и Гринбергъ, къ примѣру, два сосѣда, и каждый выстроилъ себѣ по дому, на своей землѣ, по своему стилю и вкусу. Какое же право имѣетъ д-ръ Гавриловъ протестовать противъ стиля сосѣдняго дома и требовать его измѣненія. Онъ можетъ ему не нравиться, какъ д-ру Гринбергу можетъ не нравиться стиль гавриловскаго дома, но протестовать онъ не имѣетъ права; онъ можетъ откупить домъ и мѣсто у сосѣда, и выстроить домъ по своему вкусу.

Почему же протестуетъ д-ръ Гавриловъ? Да потому, что онъ свои 100 словъ цѣнитъ въ 100000 рублей; каждое слово онъ цѣнитъ на вѣсъ золота; сказалъ, что рублемъ подарилъ; *а чужое мнѣніе онъ и въ грошъ не ставитъ.* Вотъ это на демократическомъ языкѣ и называется *свободой мнѣній*. Это та хваленая свобода мнѣній, которую демократы ждутъ отъ Манифеста 17 Октября; та свобода мнѣній, которую они обѣщаютъ народу,—словомъ, это та фальшивая ассигнація, которую въ-розницу и оптомъ распространяютъ демократы.

Развѣ истинную, неподдѣльную свободу мнѣній можно дать кому-либо? Вѣдь, только фокусники изъ пустой шляпы вытаскиваютъ живыхъ голубей. Во Франціи, еще въ XVIII вѣкѣ, возвѣстили свободу, равенство и братство, а развѣ есть тамъ намекъ на всѣ эти блага? Вѣдь, неподдѣльная свобода мнѣній живетъ въ человѣкѣ, неразрывно связана съ нимъ, составляетъ часть его души. Демократы понимаютъ свободу слова, свободу мнѣній, какъ свободу высказыванія, произнесенія словъ, мнѣній. Но до тѣхъ поръ, пока у человѣка есть языкъ, никто такой свободы не можетъ отнять у человѣка, какъ не можетъ отнять у него свободы слушать, пока у него есть ухо. Но развѣ можно дозволить человѣку прикладывать ухо къ каждой замочной скважинѣ? Истинная свобода мнѣній, какъ и истинная свобода слова, въ основѣ своей имѣетъ только уваженіе къ своему мнѣнію, только правдивое мнѣніе—свободное мнѣніе, потому что уважать можно свое мнѣніе, когда оно продумано и правдиво. Разъ человѣкъ уважаетъ свое мнѣніе, т.-е. высказываетъ только правдивое, продуманное мнѣніе, онъ не можетъ не уважать чужого мнѣнія. Честный человѣкъ—всегда довѣрчивый человѣкъ; онъ уважаетъ себя, вѣритъ себѣ и вѣритъ другому. Демократическая свобода мнѣній—на кончикѣ языка; ее понимаютъ, какъ безудержное словоговореніе, какъ вы-

сказываніе всего, что любому обывателю взбредетъ въ голову; оно необходимо только больнымъ, одержимымъ языкочесаніемъ. Наоборотъ, въ истинно-свободной странѣ, при истинной свободѣ мнѣній, человѣкъ иногда годами не будетъ высказывать своего мнѣнія. Онъ цѣнитъ свое мнѣніе тамъ на вѣсъ золота; но онъ цѣнитъ и уважаетъ и чужое мнѣніе. Вотъ въ чемъ разница между истинной и „демократической“ свободой мнѣнія. А происходитъ она вотъ почему; истинно-свободный человѣкъ цѣнитъ свое мнѣніе потому только, что оно правдивое и продуманное, а потому онъ цѣнитъ и уважаетъ и чужое мнѣніе; демократъ же цѣнитъ свое мнѣніе только потому, что оно его мнѣніе, — мнѣніе демократа и мнѣніе демократическое, а потому чужого мнѣнія онъ нисколько не уважаетъ. Потому-то демократъ не критикуетъ, а ругаетъ, не доказываетъ, а только протестуетъ. Зачѣмъ ему критиковать, доказывать, возражать, когда онъ—демократъ; когда одно званіе демократа дѣлаетъ человѣка благороднымъ, дѣлаетъ вора—честнымъ, дурака—умнымъ, невѣжду—образованнымъ, хулигана—воспитаннымъ, профана—ученымъ, каждую бездарность—сотрудникомъ газеты и т. п. Каждое мнѣніе демократа безспорно, потому что оно благородно, возвышенно и только потому, что высказывается демократомъ. Цѣнится не человѣкъ, не личность, а званіе, которое человѣкъ самъ же себѣ присвоилъ. Цѣнится не свободное мнѣніе благороднаго, умнаго, правдиваго человѣка, а мнѣніе дурака, хулигана, невѣжды, объявившаго себя демократомъ и высказывающаго мнѣнія въ демократическомъ стилѣ, по готовой демократической программѣ. Зачѣмъ демократу мысли въ головѣ, когда у него программа въ рукѣ? Зачѣмъ ему приносить жертвы, зачѣмъ ему раздавать бѣднякамъ свое богатство и лишатъ себя удобствъ жизни, когда отъ однѣхъ его рѣчей богатѣетъ Россія, благоденствуетъ народъ!

Потому и протестуетъ д-ръ Гавриловъ, что онъ „своего“ мнѣнія нисколько не уважаетъ, онъ цѣнитъ его не потому, что это „его“ продуманное, правдивое мнѣніе, а потому, что оно составлено по демократическому шаблону. Въ демократической программѣ, въ демократической морали есть шаблонъ, свойство, которые весьма легко превращаютъ каждаго въ демократа, дѣлаютъ весьма легкимъ демократическое бремя, и послѣднее съ одинаковымъ успѣхомъ несутъ и хулиганъ, и полный невѣжда, и оселъ, и воръ, и аферистъ. Этотъ шаблонъ заключается *въ раздачѣ чужихъ богатствъ, чужого добра*. Вотъ то свойство, которое составляетъ основу демократизма, которое превращаетъ хулигана въ благороднаго человѣка, осла — въ умницу, безграмотную бездарность — въ газетчика, ничтожество — въ члена Думы и т. п. Это свойство быстро воспринимается и въ одинъ день превращаетъ человѣка въ демократа, члена и профессора народныхъ университетовъ; въ кандидата въ члены думы отъ демократической партіи и въ министра демократическаго министерства. Мой пріятель-домовладѣлецъ только и прославился тѣмъ, что онъ потребовалъ страхованія за счетъ государ-

ства. Хотите, я сейчасъ отдамъ богатства всѣхъ богачей, обѣщаю всѣмъ безплатныя квартиры, потребую, чтобы государство на свой счетъ поило, кормило всѣхъ желающихъ? Вы, можетъ быть, этого хотите, но я не хочу, потому что ко мнѣ вернулось мое сознаніе, моя совѣсть; я пересталъ дарить чужое добро, жить чужимъ умомъ, жаждать дешовой популярности демократа. Мнѣ приходится теперь работать, напрягать всю силу моего ума, но каждая мысль — моя собственная, продуманная, исходитъ изъ глубины души. Это — истинно-свободная мысль, потому что она для меня правдивая мысль. Я никогда не протестую, я всегда возражаю и доказываю, и возражаю только тогда, когда я глубоко продумалъ что-либо. Я поэтому не говорю, не ораторствую, а пишу; и пишу только то, что я глубоко и всесторонне продумалъ. Иногда часами, днями думаю надъ одной мыслью и не рѣшаюсь ее изложить, пока я ее не поставлю во всякія положенія, пока я не признаю, что она правильная, что она вѣрна сама по себѣ, а не потому, что она красива, очаруетъ всѣхъ, или подсказана только личными мотивами. Эта мысль, можетъ быть, ошибочная, но она для меня *правдивая*, она плодъ моей души, моей работы, моего сознанія; не ищите въ моихъ мысляхъ шаблона, а потому-то онѣ многимъ покажутся парадоксальными. Докторъ же Гавриловъ своего мнѣнія не продумалъ, самъ его не уважалъ и не могъ уважать, потому что его мнѣніе составлено по демократическому шаблону. Онъ только ставитъ его высоко, считаетъ его благороднымъ и неоспоримымъ и только потому, что оно — демократическое мнѣніе, потому что оно раздаетъ чужое добро. Поэтому, по его понятіямъ, всякій, кто только возражаетъ противъ такого мнѣнія, — дуракъ, хулиганъ и невѣжда. Вотъ почему д-ръ Гавриловъ протестуетъ; вотъ почему протестуютъ демократы, почему они обструкціонируютъ, устраиваютъ кошачьи концерты, бойкотируютъ. Вѣдь, шутка ли сказать: они дѣлаютъ безплатные подарки, легко и свободно раздаютъ чужое богатство, чужое добро! Ну, конечно, только черствый и низкій человѣкъ можетъ возражать противъ этого. Поэтому всякій, кто только полагаетъ, что каждый имѣетъ право раздавать лишь свое добро, — клеймится кличкой черносотенца и реакціонера.

Впрочемъ, чтобы быть демократомъ, нѣтъ надобности даже въ томъ, чтобы раздавать чужое добро, — другими словами, плодъ чужихъ трудовъ. Достаточно только на словахъ обѣщать чужое добро. Весь демократизмъ — только на кончикѣ языка. Все, что слыветъ подъ именемъ борьбы партій — только безцѣльное, безсмысленное словопреніе; мотивъ этого словопренія: кто больше обѣщаетъ чужого добра, кто кого перещеголяетъ въ обѣщаніяхъ чужого добра? Чѣмъ кто садится лѣвѣе,—тотъ, слѣдовательно, безцеремоннѣе, тотъ меньше стѣсняется съ чужимъ добромъ, но тотъ и меньше стѣсняется въ дутыхъ обѣщаніяхъ. И нужно все непостижимое ослѣпленіе общества, чтобы придавать какую-либо цѣну и вѣру демократическимъ словамъ, программамъ, партіямъ, обществамъ, газетамъ. Это повальное ослѣпленіе! Повальный гипнозъ! Когда Клемансо, Бріанъ

и много другихъ были обыкновенными бѣдняками, они были демократами и надавали массу дутыхъ обѣщаній; но когда они стали министрами, когда они стали отвѣтственными за чужое добро, когда оно стало какъ бы ихъ добромъ, — потому что они по натурѣ честные люди, — они сразу прозрѣли, перестали давать дутыя обѣщанія и раздавать добро, не имъ принадлежащее, и сразу превратились въ реакціонеровъ. Вотъ откуда беретъ свое начало процессъ превращенія синдикалиста Бріана въ консерватора. Но во Франціи честнымъ, правдивымъ людямъ не мѣсто. Тамъ—царство Жоресовъ.

Увы! Съ тѣхъ поръ, какъ я прозрѣлъ и понялъ, что демократизмъ только въ дутыхъ обѣщаніяхъ чужого добра, съ тѣхъ поръ, какъ я пересталъ упражняться въ этомъ спортѣ, пересталъ высказывать мысли избитаго, демократическаго шаблона,—я не разъ и не два подвергался демократическимъ протестамъ. О нѣкоторыхъ я разсказалъ въ своей брошюрѣ „Донъ-Кихоты и Фарисеи"; нѣтъ возможности всего пересказать, потому что, живя въ сплошномъ демократическомъ угарѣ среди сплошного демократическаго одурѣнія, ежесекундно въ томъ или иномъ видѣ, въ той или иной степени подвергаешься этому протесту, разъ только ты не способенъ давать дутыя обѣщанія чужого добра. Я чувствую, что еще долго и много буду подвергаться протесту. Можетъ быть, дойдетъ до химической обструкціи, кошачьяго концерта, бойкота и т. п... Пусть!.. Что такое протестъ, бойкотъ, по существу,— я разскажу въ другомъ мѣстѣ, и тогда жутко станетъ всѣмъ демократамъ, и тѣмъ, которые сочувствуютъ демократизму. Но объ одномъ протестѣ я, кстати, разскажу теперь, потому что исходитъ онъ отъ того же д-ра Гаврилова.

Пришла мнѣ въ голову блажь прочитать въ Обществѣ самарскихъ врачей докладъ о чумѣ. Можетъ показаться страннымъ, какъ это я рѣшился прочитать докладъ въ Обществѣ. Долженъ правду сказать, что постановленіямъ Общества, его протоколамъ я не придавалъ никакого значенія. Спеціальный докладъ о чумѣ я прочиталъ Губернской Управѣ, прочиталъ въ Совѣщаніи Земскихъ врачей. Для земскаго дѣла я другой инстанціи не признаю, и другихъ инстанцій мнѣ не нужно; тѣмъ болѣе, что совѣщаніемъ, на основаніи доклада, былъ выработанъ планъ мѣропріятій по чумѣ для представленія въ Земское Собраніе. Словомъ, съ точки зрѣнія интересовъ дѣла, постановленія Общества врачей ни для меня, ни для дѣла не имѣли никакого значенія, какъ они вообще не имѣютъ никакого значенія. Это, впрочемъ, и было подмѣчено однимъ изъ видныхъ и дѣятельныхъ членовъ общества—д-ромъ Ивановымъ. Жаль только, что, сдѣлавъ одинъ вѣрный выводъ, д-ръ Ивановъ запнулся и логически не пришелъ къ другимъ, само собой вытекающимъ заключеніямъ. Думаю, что для врачей этотъ докладъ имѣлъ значеніе, такъ какъ я излагалъ только свои выводы и заключенія на основаніи личныхъ впечатлѣній въ пораженныхъ чумой мѣстахъ Астраханской губ. и Донской области. Я же лично обращался не къ обществу врачей, которое въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ—предста-

вляетъ чистѣйшій абсурдъ; я обращался просто къ товарищамъ по Университету, обращался къ людямъ, которымъ должно быть дорого земское дѣло, обращался за совѣтомъ, хотѣлъ только узнать ихъ мнѣніе по одному, интересующему меня, весьма важному и существенному вопросу,—именно: кто долженъ вѣдать борьбу съ эпидеміями и, въ частности, съ чумой, какъ цѣлесообразнѣй ее вести и какъ цѣлесообразнѣй тратить на нее средства? Борьба съ эпидеміями ежегодно поглощаетъ милліоны земскихъ средствъ; ежегодно отпускаются на борьбу съ чумой и холерой милліоны рублей отъ казны. Мнѣ и основы земской борьбы съ эпидеміями представляются неправильными, а способъ борьбы съ эпидеміями и траты милліонныхъ средствъ кажутся нецѣлесообразными. Ясно, что это большой и насущной важности вопросъ, и я имѣлъ въ виду только подѣлиться потоварищески своими взглядами и узнать мнѣніе товарищей-врачей. Правда, въ этомъ вопросѣ я расходился во мнѣніяхъ со всей врачебной корпораціей; правда, это не былъ обычный и шаблонный докладъ съ раздачей чужого добра; правда, я высказывалъ только свои собственныя, продуманныя и для меня во всѣхъ отношеніяхъ правдивыя мысли. Правда никогда не бываетъ пріятной, потому что она не раздаетъ чужого добра. Чѣмъ же я виноватъ, что, высказывая одну правду, я высказалъ много горькихъ истинъ. Я никого не хотѣлъ обижать и никого никогда не обижаю; я слишкомъ цѣню свое достоинство, чтобы не уважать чужое достоинство. Правда, я иногда бью по чужому достоинству, но лишь постольку, поскольку по этому достоинству бьетъ правдивое слово; правдивое же слово бьетъ только по достоинству такого лица, которое само не уважаетъ и не цѣнитъ своего достоинства. Вѣдь, человѣкъ вмѣсто полезнаго труда занимающійся аферами, сбытомъ фальшивыхъ ассигнацій, самъ не цѣнитъ своего достоинства, самъ бьетъ по своему достоинству, и правда, одна только голая правда, вытекающая притомъ изъ однихъ правдивыхъ побужденій, поневолѣ и всегда будетъ бить по достоинству такого лица. Такъ развѣ виновата правда? Развѣ виновато правдивое слово или развѣ виноватъ человѣкъ, на долю котораго выпало несчастье высказать ту или иную правду?

Сознаюсь, что я вцѣпляюсь когтями и зубами въ того, кто меня кусаетъ или жужжитъ вокругъ моего уха; но я вступаюсь тогда, когда въ моемъ лицѣ и, вообще, обижена правда; я вступаюсь только за правду, потому что я противлюсь и всегда буду противиться злу насиліемъ; но я никогда не трону того, кто не затрогиваетъ правды; мало того, какъ бы я ни вступался за правду, я никого никогда не ругаю и не оскорбляю. Я вынужденъ это заявить, потому что меня не разъ обвиняли въ томъ, что я употребляю бранныя выраженія. Правда, я называю вещи своими именами; но тотъ, кто броситъ или бросилъ мнѣ обвиненіе въ употребленіи ругательныхъ выраженій, очевидно, не понимаетъ значенія слова „ругань“ и не сознаетъ, насколько я далекъ отъ такихъ пріемовъ. Скажу прямо: я слишкомъ уважаю себя, свое достоинство и каж-

дое свое слово, для того, чтобы позволить себѣ ругань. Вѣдь, ругань—употребленіе обидныхъ, ни на чемъ не основанныхъ и бездоказательныхъ эпитетовъ. Назвать ни съ того, ни съ сего человѣка воромъ—ругань, но назвать человѣка воромъ, когда онъ пойманъ на мѣстѣ преступленія,—не ругань; назвать человѣка осломъ—ругань, но назвать осла осломъ—не ругань. Неужели, надпись: „оселъ"—подъ фотографіей осла—ругань? И чѣмъ виноватъ фотографъ, если на негативѣ аппарата получилось изображеніе осла; очевидно, попалъ въ поле зрѣнія оселъ. Чѣмъ я виноватъ, если путемъ ясныхъ, послѣдовательныхъ и строго-правдивыхъ размышленій у меня въ мозгу—и, слѣдовательно, и подъ моимъ перомъ—получается ясное изображеніе осла, аферисга или вора. Это равносильно тому, что поймать преступника на мѣстѣ преступленія. Когда демократъ протестуетъ, обструкціонируетъ, или бойкотируетъ, онъ именно оскорбляетъ, ругаетъ, поноситъ человѣка, потому что онъ дѣйствуетъ безъ основаній, не размышляя и не напрягая своей мысли. Я же позволяю себѣ то или другое выраженіе, когда преступникъ пойманъ у меня на мѣстѣ преступленія. Чѣмъ я виноватъ, когда я какъ будто въ рукахъ держу тѣ фальшивыя ассигнаціи, которыя демократы распространяютъ подъ видомъ избирательнаго права, свободъ, отвѣтственнаго министерства,—словомъ, того, что они называютъ осуществленіемъ Манифеста 17 Октября? Когда я ясно вижу передъ собой тѣ ослиныя уши, которыя въ упоеніи слушаютъ фальшивыя ноты современныхъ пѣтуховъ; когда я, какъ на ладони, вижу тѣ восторженные бычачьи и коровьи глаза, которые, въ упоеніи, взора не сводятъ съ красныхъ лоскутовъ, которыми машутъ передъ ними торреадоры современности; когда, наконецъ, я вижу воронъ, вижу сыръ, который онѣ держатъ во рту, вижу и лисъ, обѣщающихъ имъ золотыя горы, вижу и слышу, какъ вороны каркнули во все воронье горло, вижу и лисицъ, во всѣ лопатки улепетывающихъ съ сыромъ во всякіе парламенты, комитеты и т. п. учрежденія? Чѣмъ я виноватъ, когда я всѣхъ поймалъ на мѣстѣ преступленія, когда, основательно и всесторонне взвѣсивъ всѣ обстоятельства дѣла, я пришелъ къ непоколебимому убѣжденію, что тотъ—воръ, тотъ—аферистъ, тотъ—оселъ, а та, красивая и изящная стриженая дама или дѣвица, участница всѣхъ обществъ и даже королева какого-либо демократическаго бала, совсѣмъ недалеко ушла отъ самой заурядной коровы; помашешь передъ ней краснымъ флагомъ или красной гвоздикой, и она растаяла. Развѣ нашъ общій любимецъ, дѣдушка-Крыловъ, ругалъ кого-нибудь, оскорблялъ? Онъ только вдумчиво и правдиво иллюстрировалъ одни только житейскіе случаи, одну только житейскую быль. Вотъ, если бы я, подобно демократамъ, принималъ на вѣру только чужія мысли, чужія ученія; если бы я смотрѣлъ только въ зубы всякимъ дутымъ авторитетамъ, хотя бы они даже носили имя Маркса, или Толстого, или Пирогова; если бы я говорилъ съ чужихъ словъ, протестовалъ съ чужого голоса, бойкотировалъ по чужой указкѣ,—то это была бы именно ругань,—хотя бы даже безъ бранныхъ выраженій,—это было бы тонкое, но самое злое и жесто-

кое демократическое оскорбленіе, это было бы самое преступное издѣвательство надъ чужимъ достоинствомъ. Это и позволяютъ себѣ демократы,—на то они и демократы!

Я же сбросилъ съ себя гипнозъ ученій, авторитетовъ, книжныхъ истинъ и общественнаго мнѣнія. Я далъ колоссальную, тяжелую работу только своей собственной мысли, я живу только плодами этой работы, и вѣрю только тому, что преподнесла въ тяжкихъ, болѣзненныхъ родахъ моя мысль, что видятъ мои умственные глаза, слышатъ мои мысленныя уши. Всѣ эти новые и неожиданные для меня самого картины и звуки я объективно и правдиво излагаю, послѣ самаго всесторонняго и детальнаго ихъ анализа. Такъ развѣ это ругань, развѣ это оскорбленіе чьего-либо достоинства? Развѣ способенъ оскорбить чье-либо достоинство человѣкъ, весь поглощенный поисками правды и въ интересахъ правды? Я не только не способенъ на это, но я, наоборотъ, плачу—порой горько плачу (это не фраза!!!),—когда я вижу это море человѣческихъ головъ и среди нихъ такое обиліеословъ; когда я не вижу людей, а вижу только воронъ и лисицъ; когда, наконецъ, я натыкаюсь на небольшую, затерявшуюся кучку людей, съ душой и образомъ человѣческими, о существованіи которой я и не подозрѣвалъ, и вижу этихъ-то людей, созданныхъ по образу и подобію Божьему, оплеванныхъ, униженныхъ, оскорбленныхъ, забрызганныхъ демократической грязью, залитыхъ клеветой, пасквилемъ, ложью демократической фабрикаціи. Развѣ я могу не плакать за человѣка, развѣ я могу не возмущаться дьяволомъ, поселившемся въ человѣкѣ подъ видомъ интеллигента, демократа, эсдека, суфражистки и тому-подобныхъ дьявольскихъ прозвищъ и кличекъ. И чѣмъ же я виноватъ, если, соскобливъ демократическую грязь, которой ихъ забрызгали демократы,—я узналъ въ вышеупомянутыхъ истинныхъ людяхъ, созданныхъ по образу и подобію Божьему,—Столыпиныхъ, Кассо, Пуришкевичей, Марковыхъ, Шубинскихъ, Муратовыхъ, Левашовыхъ, Кошуро-Масальскихъ. О томъ же, что я узналъ своей собственной мыслью, что я увидѣлъ своими собственными глазами, я и докладываю въ своей брошюрѣ. Величайшей для меня гордостью было бы, если бы и мое имя присоединили къ именамъ другихъ, оплеванныхъ грязной демократической мыслью, забрызганныхъ грязными демократическими руками, хотя, конечно, не могу не признать, что это было бы слишкомъ много чести для меня.

Однако, во избѣжаніе какихъ-либо недоразумѣній, долженъ сказать, что я употребляю выраженія: „оселъ“, „аферистъ“ и т. п. отнюдь не въ прямомъ, дословномъ смыслѣ этого слова. Я прекрасно понимаю, что громадное большинство „интеллигентовъ“, „прогрессистовъ“, „демократовъ“—и умные, и честные, и глубоко убѣжденные люди, но они не вѣдаютъ, что творятъ. Вѣдь, я откровенно признался, что я самъ былъ этимъ осломъ, фальшивомонетчикомъ, но я былъ искрененъ по своему и былъ глубоко убѣжденъ, что спасеніе Россіи—въ парламентѣ и свободахъ. Я все это пережилъ, и чувствую, что это—особая болѣзнь вѣка, даже міровая болѣзнь. Я теперь выздоровѣлъ, и ясно сознаю, что у меня въ рукахъ были

фальшивыя ассигнаціи, и что я,—увы!—даже занимался ихъ распространеніемъ. Вѣдь, можно быть очень умнымъ человѣкомъ, но имѣть какой-либо пунктъ помѣшательства и въ этомъ именно пунктѣ быть осломъ, помѣшаннымъ. Можно быть очень честнымъ, очень благороднымъ человѣкомъ, но страдать особой психической болѣзнью—клептоманіей, т.-е. склонностью къ воровству. Вотъ въ такомъ смыслѣ особаго психическаго и повальнаго состоянія надо понимать мои эпитеты; въ смыслѣ повальнаго мірового психоза. Прошу вспомнить, что я съ самаго начала и все время говорю о больныхъ людяхъ, находящихся въ состояніи особаго мірового гипноза. Я самъ перенесъ эту болѣзнь, и потому она мнѣ такъ хорошо извѣстна. Я намѣренно даю такія простыя и понятныя опредѣленія, чтобы всѣмъ и каждому стала яснѣе моя мысль, чтобы каждый сразу понялъ, въ чемъ дѣло, и ужаснулся. Ясно, что мои эпитеты—только особый методъ леченія, только спасительный бальзамъ, только то лекарство, которое въ состояніи многихъ излечить отъ болѣзни. Я знаю, что это лекарство многимъ покажется непріятнымъ и горькимъ. Но развѣ лекарства бываютъ пріятныя?

Я, собственно, охотно не говорилъ бы о личностяхъ, а только о симптомахъ. Но, вѣдь, это народная болѣзнь, каждый человѣкъ только атомъ, клѣтка, и симптомы болѣзни не отдѣлимы отъ личности. Когда, съ моей легкой руки, встанетъ на очередь вопросъ о народныхъ болѣзняхъ, когда изученіе народныхъ болѣзней станетъ на научную почву,—все-таки новая медицина будетъ считаться только съ личностями, такъ какъ въ народныхъ болѣзняхъ о симптомахъ можно судить только по личностямъ. И если я касаюсь личностей, привожу жизненные факты, то лишь постольку, поскольку въ нихъ проявляется тотъ или иной симптомъ болѣзни. Я думалъ, что членъ первой Думы П. П. Крыловъ—тоже символъ, выраженіе общей болѣзни,—такъ сказать, невольная жертва общаго приступа болѣзни. Но я имѣлъ поводъ убѣдиться, что онъ ни къ какимъ идеямъ, идеаламъ не причастенъ, что онъ просто по натурѣ злой, жестокій и неискренній человѣкъ, завѣдомо и сознательно употребляющій недопустимые пріемы противъ своихъ политическихъ противниковъ. Не знаю, ясна ли моя мысль. Поясню ее примѣромъ, который является только примѣромъ и никакого отношенія къ д-ру Крылову не имѣетъ. Я могу уважать больного клептомана, могу съ нимъ считаться, но, конечно, буду игнорировать завѣдомаго вора-профессіонала; послѣдній для меня, для моей брошюры является жалкимъ ничтожествомъ, мимо котораго я пройду, не замѣтивъ его. Словомъ,—я хочу сказать, что къ описываемой болѣзни д-ръ Крыловъ никакого отношенія не имѣетъ, и я очень жалѣю, что я ему столько строкъ удѣлилъ въ своей брошюрѣ „Донъ-Кихоты“. Скажу прямо: д-ра Гаврилова я, наоборотъ, считаю честнымъ, порядочнымъ и даже убѣжденнымъ человѣкомъ, но крайне одностороннимъ, несомнѣнно, зараженнымъ morbus Gordoni; онъ поэтому и клептоманъ, и аферомань, вообще обладаетъ всѣми свойствами демократа, какъ и я ими обладалъ, когда вѣровалъ въ программу Кизеветтера. Отъ души желаю и

ему излечиться. Но, заговоривъ опять о morbus Gordoni, долженъ сказать, что ошибается тотъ, кто подумаетъ, что это новая болѣзнь, такъ сказать, болѣзнь вѣка. О, нѣтъ! Это очень, очень древняя болѣзнь, но отъ кого и какъ она пошла, я скажу въ другой спеціальной брошюрѣ. Надо постепенно подготовить къ этому направленіе общественной мысли, такъ какъ та брошюра будетъ моей лебединой пѣснью,—а я еще хочу пѣть соловьемъ и рыкать львомъ.

И вотъ нелегкая толкнула меня прочитать докладъ въ обществѣ врачей,—самому, такъ сказать, полѣзть въ пасть волка; оказалось, что я, дѣйствительно, попалъ къ волкамъ, и что для самарскихъ врачей правдивое слово, которое не даетъ дутыхъ обѣщаній чужого добра, все равно, что для волковъ пѣнье соловья. Волкамъ пріятенъ и понятенъ только вой волковъ; когда же поетъ соловей, они думаютъ только объ одномъ: вкусное ли у пѣвца мясо? Они жаждутъ только одного: слопать пѣвца, и съ жиромъ, и съ костями. О! я сознавалъ, что иду въ пасть волковъ, но развѣ крыловскій соловей не сознавалъ, что онъ будетъ показывать свое искусство передъ осломъ? Но онъ пѣлъ, потому что вѣрилъ въ чарующее дѣйствіе своего пѣнья. Такъ вѣрилъ и я, что чарующая сила правдиваго, продуманнаго слова окажетъ дѣйствіе и на волковъ въ образѣ самарскихъ врачей. Увы, и крыловскій соловей, и я, мы оба жестоко ошиблись! Самарскимъ врачамъ понятны и доступны только доклады д-ра Гаврилова,—правда, полные такихъ же новыхъ и оригинальныхъ мыслей, но взятые напрокатъ откуда угодно: изъ заоблачныхъ сферъ, изъ газетныхъ лужъ, изъ библіотеки, устроенной Гладышемъ, изъ туманныхъ ученій, изъ поселковъ и т. п., но только не изъ собственной кладовой, которая извѣстна подъ именемъ человѣческой головы.

Какъ рѣчь домовладѣльца можетъ служить образцомъ прогрессивныхъ рѣчей, такъ оригинальный докладъ д-ра Гаврилова представляетъ типичный образчикъ докладовъ, которые читаются на всѣхъ съѣздахъ, во всѣхъ обществахъ, которые готовятъ къ земскому собранію представители третьяго элемента: секретари, агрономы, санитарные врачи. Отъ этихъ своихъ сослуживцевъ по Самарскому Губернскому Земству я по поводу своихъ докладовъ не разъ слыхалъ варіацію романса: „а жаль, что не знакомъ ты съ д-ромъ Гавриловымъ, Тезяковымъ, профессоромъ Заболотнымъ“, и т. д. О, все мое горе, что они мнѣ хорошо знакомы, и я ихъ насквозь вижу! Я даже знаю, въ чемъ мое горе! А въ томъ, что я имѣлъ глупость превратиться въ человѣка, такъ сказать, правыхъ убѣжденій; сталъ уважать преданія старины минувшей и дорожу наслѣдствомъ, доставшимся мнѣ отъ предковъ. А предки мои, какъ извѣстно, мысли свои извлекали изъ музыкальнаго инструмента, расположеннаго на ихъ же плечахъ, и только изъ этого инструмента они извлекли такое чудное произведеніе, какъ библія. И слѣдуя завѣту предковъ, я до сихъ поръ пускаю въ ходъ только свою голову въ тѣхъ случаяхъ, когда мнѣ нужно излагать свои мысли. И разница между правыми и лѣвыми, между реакціонерами и демократами,—словомъ,

между консерваторами и прогрессистами,—лишь въ томъ, что пѣрвые, по своимъ консервативнымъ взглядамъ и привычкамъ, ищутъ мыслей въ такомъ старинномъ и консервативномъ учрежденіи, какъ голова, а прогрессисты—въ разныхъ навозныхъ кучахъ, хотя бы такая куча и была „Капиталомъ“ Маркса. Увы! въ навозной кучѣ пѣтуху только одинъ разъ посчастливилось найти жемчужное зерно; да и этотъ случай разсказанъ въ баснѣ.

Пѣлъ и я свою соловьиную пѣсню въ обществѣ врачей, а врачи только и ждали конца моей пѣсни, чтобы меня растерзать. Развѣ имъ нуженъ былъ мой докладъ, развѣ они понимали и въ состояніи были его понять? Они терзали и рвали на куски только мое тѣло, только меня! Они самымъ низкимъ, провокаторскимъ путемъ скрутили мнѣ руки, заткнули мнѣ ротъ, чтобы я не въ состояніи былъ защищаться; дѣло въ томъ, что я соглашался читать свой докладъ только при условіи, если мнѣ разрѣшатъ дать оппонентамъ возраженія въ письменной формѣ въ слѣдующемъ засѣданіи; вѣдь, я зналъ, что меня ждетъ демократическій протестъ, и этому протесту я собирался дать достойную оцѣнку; условіе мое было принято, а потомъ мнѣ предательски было отказано въ данномъ обѣщаніи. Такъ развѣ это не форменная провокація?

А что творилось въ залѣ? Стонъ стоялъ отъ оскорбленій и утонченныхъ пытокъ современной демократической формаціи. Началась сплошная ругань, и гулъ въ воздухѣ стоялъ отъ этой ругани, площадной, истинно-демократической, ни на чемъ не основанной и грубо-обидной ругани.*) Другъ-друга старались перещеголять: маленькій Крыловъ — большого, Марковъ — обоихъ, Лавровъ — Маркова, а Гавриловъ — ихъ всѣхъ. Это была пляска демократическихъ вѣдьмъ, это былъ пиръ сатаны, а Вельзевулъ въ образѣ газетнаго іезуита стоялъ рядомъ и торжествовалъ. Да и какъ дьяволу не торжествовать, когда человѣкъ — настоящій человѣкъ— спустился въ преисподнюю и имѣлъ дерзость къ обитателямъ ада обратиться съ простой человѣческой рѣчью. Увы, я поздно самъ догадался, что попалъ въ адъ; а что подъ землей зовется адомъ, то на землѣ когда-то звалось инквизиціей, а теперь зовется демократіей. Дьяволу ненавистна простая человѣческая душа; онъ готовъ

*) Попытку критики, по существу, дѣлалъ одинъ П. П. Крыловъ. Но что это была за критика? Это было извращеніе моихъ словъ, передержка моихъ положеній; это были завѣдомо-невѣрныя, якобы научныя истины. Достаточно указать, что когда тотъ же Крыловъ, въ качествѣ члена комиссіи, редактировалъ положенія земскаго собранія, принятыя на основаніи моего доклада и положеній совѣщанія земскихъ врачей,—то онъ подписался подъ всѣми положеніями. Да, вообще, долженъ сказать, что въ вопросахъ практической борьбы съ чумой почтенный П. П. Крыловъ является полнымъ профаномъ, и не къ лицу ему было выступать съ критикой. Но, вѣдь, важно было дискредитировать мой докладъ; важно было, чтобы въ газетахъ было напечатано, что общество врачей, въ томъ числѣ и такіе научные авторитеты, какъ П. П. Крыловъ, жестоко раздѣлали докладъ д-ра Гордона. А для простодушнаго обывателя этого совершенно достаточно. Ему и невдомекъ, что, кромѣ личной злобы, лжи и провокаціи, ничего не было въ томъ засѣданіи, въ которомъ раздѣлывали докладъ д-ра Гордона.

ее растерзать и въ прахъ превратить, и имѣй онъ власть, онъ давно бы ее растерзалъ и уничтожилъ, и свободно тогда разгуливали бы по землѣ одни только волки и шакалы въ образѣ человѣческомъ. Но кто посмѣетъ тронуть Богомъ данную человѣческую душу? Не родился еще тотъ дьяволъ, который осмѣлился бы даже только коснуться этой величайшей благодати Божіей — человѣческой души. Увы, она только теперь не въ цѣнѣ, — теперь цѣнятся только фальшивыя демократическія ассигнаціи! И срываетъ свою безсильную злобу дьяволъ не на душѣ, а на человѣкѣ, и съ ожесточеніемъ рветъ и терзаетъ только человѣка,—только то, что зовется земной тѣлесной оболочкой человѣка. О, души моей, данной мнѣ Богомъ,— истинной человѣческой души, которую я всю цѣликомъ вложилъ въ докладъ, ни одинъ дьяволъ въ обществѣ врачей не смѣлъ коснуться! Зато жестоко и варварски терзали, и пытали они меня, рвали на куски мое тѣло. Благородный д-ръ Марковъ, членъ какой-то изъ первыхъ двухъ Думъ, привелъ какую-то грубую, глупую и злую притчу. Онъ еще ее заранѣе, дома, приготовилъ, — прежде чѣмъ онъ и понятіе имѣлъ о томъ, что я буду читать, — потому что эта притча была простой руганью, а такую притчу можно примѣнить къ каждому докладу, было бы только желаніе не критиковать, а выругать докладчика. Такъ инквизиторы заранѣе, до суда, готовили свои смертные приговоры, потому что имъ до оправданія, до души жертвы и дѣла не было.

Когда же я, съ чистой, но неповрежденной душой—и только съ истерзаннымъ тѣломъ—вырвался изъ когтей инквизиторовъ, то меня толкнули еще въ особое отдѣленіе преисподней, съ вывѣской: „Волжское Слово“, гдѣ газетный псевдонимъ,—а, слѣдовательно, и проходимецъ,—подъ кличкой „Вильямъ“, пытался доканать меня пытками изъ лжи, клеветы, провокаціи особаго газетнаго производства. О, не разъ я еще побывалъ въ этомъ отдѣленіи преисподней, которое сплошь покрыто вывѣсками: „Волжскій Край“, „Рѣчь“, „Русскія Вѣдомости“, „Русское Слово“ и т. д.,—въ томъ отдѣленіи, которое зовется безпартійно-прогрессивной и демократической печатью. Но мало того: когда я еле-живой вырвался изъ преисподней, то дьяволъ спустилъ еще собаку, привязанную на цѣпи у воротъ ада, и натравилъ ее на меня съ крикомъ: „Варіусъ! *) Бери его!“ Ну, что собака, хотя бы и цѣпная, и адская? Отъ чертей вырвался,— что уже можетъ мнѣ собака сдѣлать?! Успѣла вырвать кусокъ сукна изъ моего пальто—и только. Зато, когда залаялъ Варіусъ, залаяла вся улица, и получился не „Волжскій Край“, а собачій лай. Всѣ уличные мальчишки и хулиганы собрались и ржали отъ удовольствія, когда Варіусъ рвалъ мое пальто. Обыватели же, услышавъ на улицѣ лай, видя, какъ собаки рвутъ человѣка, а толпа демократовъ хохочетъ, врачи же in corpore стоятъ и молчаливо сочувствуютъ, а д-ръ Гавриловъ изъ дверей преисподней „Волжскаго Слова“ даже науськиваетъ собаку,—обыватели рѣшили, что это какой-то прохо-

*) Псевдонимъ борзописца при „Волжскомъ Словѣ“, на амплуа фельетониста.

димецъ, аферистъ, и мирно разошлись по домамъ, на покой; а на вопросъ домашнихъ: „что случилось на улицѣ?“—они, безъ сомнѣнія, отвѣчали: „поймали въ обществѣ врачей какого-то Гордона, должно-быть вора, и въ полицію отвели“...

Вотъ правдивая исторія и точная копія того, что происходило въ засѣданіи, въ которомъ я читалъ докладъ. Я читалъ свой докладъ, а врачи, газеты и демократы ждали только этого момента, чтобы разсчитаться со мной за мою брошюру „Донъ-Кихоты“; а въ брошюрѣ и въ докладѣ вся моя вина была лишь въ томъ, что я не раздавалъ чужого добра. Я многаго не разсказалъ; были такіе булавочные уколы, что мнѣ стыдно становилось за то, что я врачъ; напримѣръ, на другой день въ газетѣ „Голосъ Самары“, въ отчетѣ, было сказано, что общество врачей мой докладъ признало ненаучнымъ, нелѣпымъ и т. п.; когда я спросилъ репортера, какъ онъ рѣшился написать такую завѣдомую ложь, когда никакого постановленія не было,—да и какое право имѣло бы общество дѣлать такія постановленія,—это совершенно не его компетенція: тотъ или иной членъ можетъ не соглашаться съ докладомъ, но даже общество, при своей брезгливости къ правдѣ, и оно не рѣшилось дѣлать такихъ постановленій,—сотрудникъ мнѣ признался, что онъ самъ не былъ на засѣданіи, но написалъ онъ эту клевету со словъ одного изъ врачей, спеціально передавшаго ему эту версію по телефону. Негодяй не задумался вызвать къ телефону въ 12 часовъ ночи человѣка со спеціальной цѣлью оклеветать, дискредитировать другого. Сотрудникъ собирался мнѣ назвать имя этого члена общества врачей, но мнѣ было такъ противно, что, изъ уваженія къ званію врача, я отказался отъ этого. Что мнѣ въ имени твоемъ? Тѣмъ нападкамъ, той позорной клеветѣ, той казни,—словомъ, той же участи подвергся бы всякій, кто вздумалъ бы въ обществѣ воровъ проповѣдывать, что воровство—преступленіе, что воровъ надо удалять изъ общества, надо ихъ лишать возможности пользоваться чужимъ добромъ и т. п. Да это не вора поймали въ обществѣ, а это воры, аферисты били, травили честнаго человѣка, который въ ихъ компанію явился съ правдивымъ словомъ и имѣлъ смѣлость громко его высказывать. А общество обывателей,—сплошь состоящее изъ одураченныхъ демократами и газетами жертвъ,—радовалось, что бьютъ кого-то на газетной улицѣ. Эти глупцы съ ослиными ушами, съ бычачьими рогами не подозрѣвали, что бьютъ честнаго человѣка, и бьютъ воры, и бьютъ за то, что онъ поймалъ воровъ на мѣстѣ преступленія, когда они собирались у этихъ же обывателей произвести кражу.

О, если бы я зналъ, что мой голосъ будетъ услышанъ, я крикнулъ бы на весь міръ: „о, русскій обыватель! о, гражданинъ всего міра! Не вѣрь демократамъ, не вѣрь ихъ газетамъ, обществамъ, лекторамъ! Если демократы ругаютъ, поносятъ кого-либо, то знай, что это поносятъ, травятъ не вора, не аферista, а только человѣка. Это не люди травятъ волка; это волки, въ овечьей шкурѣ, накинувъ на ягненка волчью шкуру, травятъ и рвутъ на части ягненка. Это—инквизиторы, со слащавой рѣчью, ласковой улыбкой и съ именемъ

Христа и милосердія на устахъ, пытаютъ, жгутъ, ломаютъ дряблое человѣческое тѣло, которое имѣетъ мужество свято оберегать Богомъ данный ему даръ—душу человѣческую. Пожми руку Пуришкевичу, пожми руку Маркову, пожми руку многимъ другимъ, которыхъ передъ тобой невинно оклеветали, вернись въ ряды трезвыхъ правдивыхъ людей, которыхъ во всѣхъ странахъ современные инквизиторы клеймятъ кличками реакціонеровъ, черносотенцевъ, а средневѣковые называли—еретиками. Эти консерваторы охраняютъ только то, что дорого и свято, безъ чего народъ не можетъ существовать, и охраняютъ отъ экспропріаторовъ, которые, подъ видомъ демократовъ, подбираются къ этому добру. Правда, къ консерваторамъ пристраиваются порой и негодные элементы, но я говорю не о личностяхъ, а о сущности консерватизма и демократизма!

XV.

И когда я слышу въ Думѣ или въ обществахъ, когда читаю въ газетахъ негодующій протестъ: „долой смертную казнь!"—я теперь понимаю, что этотъ крикъ протеста исходитъ отъ тѣхъ, которые сами бьютъ смертнымъ боемъ, казнятъ лютой казнью каждаго, имъ неугоднаго, каждаго инакомыслящаго. Демократическій вопль: „долой смертную казнь!", это—та же фальшивая ассигнація, которую демократы распространяютъ подъ флагомъ осуществленія Манифеста 17 Октября, и которую они, на своемъ воровскомъ жаргонѣ, зовутъ коренной реформой.

Я отсюда вижу удивленіе, величайшее изумленіе на лицѣ довѣрчиваго демократа; вижу, какъ сжимается въ кулакъ нѣжная ручка юной демократки; слышу, какъ злыя губы какой-либо стриженой королевы демократическаго бала процѣживаютъ: „о, продажный варваръ!" Но я не только не отступаю отъ своихъ словъ, но я берусь ихъ доказать, и даже сдѣлаю нѣкоторую остановку для того, чтобы расшифровать и эту фальшивую демократическую ассигнацію. Мало того: когда я слышу этотъ крикъ, я каждый разъ вспоминаю то время, когда люди, съ улыбкой на лицѣ, съ лаской въ голосѣ, съ именемъ Бога на устахъ, проповѣдывали любовь и милосердіе, и тѣ же люди въ какихъ-то тайникахъ жгли, пытали, казнили людей самыми жестокими казнями; и казнили не за то, что жертвы не вѣровали въ Бога или были злы, жестоки,—а только за то, что онѣ бѣлое называли бѣлымъ, черное чернымъ. Я подошелъ вплотную, и вынужденъ громко сказать то слово, которое повергнетъ въ ужасъ всѣхъ сторонниковъ демократіи,—то слово, которое составляетъ только шифрованный переводъ слова „демократія". Это слово... *инквизиція*. Протестъ, бойкотъ, забастовка, кошачій концертъ, терроръ, газетная и общественная травля и т. п.—все это пытки современной инквизиціи, которыя по злобѣ, кровожадности и утонченности не уступаютъ пыткамъ средневѣковой инквизиціи.

И іезуиты современной формаціи, съ лаской въ голосѣ, съ именемъ свободы и братства на устахъ, афишируютъ и проповѣдуютъ любовь

и милосердіе, но, уединившись въ казематы своей инквизиціи,—которые зовутся газетами, обществами, комитетами, съѣздами,—подвергаютъ людей самымъ утонченнымъ пыткамъ и казнямъ. Развѣ клевета, поношеніе, издѣвательство — не пытка? Развѣ травля собаками, варіусами изъ породы газетныхъ борзописцевъ—не то же подыманіе на дыбы? Развѣ демократическое клеймо, протестъ, бойкотъ и т. п. не хуже, не злѣй самой лютой казни? И пытаютъ демократы людей всѣми пытками инквизиціи не потому, что ихъ жертвы злы, желаютъ зла народу, не потому, что онѣ не признаютъ правды, свободъ, законности и другихъ народныхъ благъ, а только потому, что онѣ отказываются признавать подлинными тѣ фальшивыя ассигнаціи, которыя демократы пускаютъ въ оборотъ, подъ видомъ свободъ, законности и т. п.

Смертная казнь существуетъ въ Россіи, но она существуетъ во всѣхъ странахъ, за рѣдкими исключеніями. Я, впрочемъ, этихъ исключеній не знаю; да это не важно; достаточно и того, что смертная казнь существуетъ во Франціи, въ Англіи, въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Но самое важное то, что именно въ демократической Америкѣ она существуетъ не только въ законахъ, но она узаконена, какъ самосудъ, подъ именемъ закона Линча. Въ Россіи же смертная казнь примѣняется въ опредѣленныхъ, строго указанныхъ закономъ, случаяхъ,—примѣняется только по суду. Конечно, и по суду возможны ошибки, но онѣ рѣдки, а самосудъ въ большинствѣ случаевъ ошибоченъ. Почему же не кричатъ въ первую голову: „Долой американскій законъ Линча!“ А потому, что законъ Линча не уничтожишь, и не уничтожишь потому, что пока существуетъ въ мірѣ человѣкъ, есть и преступленіе; а пока есть преступленіе, есть и наказаніе.

Легко сказать: не воруй, не убивай... Эти заповѣди были даны почти съ сотворенія міра; съ тѣхъ поръ прошли тысячелѣтія, а люди и крадутъ, и убиваютъ, и совершаютъ всякія другія преступленія. А желанія, стремленія, усилій искоренить преступленія было масса: издавали законы, плохіе законы замѣняли лучшими; строили тюрьмы, смирительные дома, исправительныя учрежденія; создавали высоконравственныя ученія, учили, проповѣдывали, вводили конституціи, монархіи замѣняли республиками,—а преступленія не уменьшились ни въ силѣ, ни въ характерѣ, ни въ числѣ. Хотя, несомнѣнно, бываютъ преступники наслѣдственные; однако, нельзя сказать, что преступленіе родится съ человѣкомъ, но, тѣмъ не менѣе, искоренить преступленіе не въ силахъ человѣческихъ; надо для этого уничтожить потребность въ ѣдѣ и питьѣ, т.-е. чувство голода и жажды, ощущеніе холода и тепла; надо уничтожить неравенство талантовъ, призваній, а, слѣдовательно, и состояній; надо искоренить зависть, тщеславіе, ревность, половое чувство,—словомъ, надо уничтожить человѣка, человѣчество, для того, чтобы искоренить преступленіе. Такъ развѣ это дѣло рукъ человѣческихъ? Скажу прямо: можетъ быть, останется человѣчество, а преступленіе исчезнетъ; но это будетъ только тогда, когда угодно будетъ Богу, будетъ такъ,

какъ угодно Богу, и совершится это способомъ, который внѣ и выше человѣческаго пониманія и сознанія.

Еще легче сказать: не противься злу насиліемъ. Но этими словами не прекратишь присущаго человѣку возмездія за преступленіе, не остановишь естественной и благородной вражды ко всему злому. А разъ что-нибудь внушаетъ человѣку ненависть и отвращеніе, то онъ даже рефлекторно, инстинктивно будетъ отмахиваться отъ предмета, вызвавшаго въ немъ отвращеніе. Человѣкъ можетъ не противиться злу отвлеченному, и въ теоріи, на словахъ, но разъ зло имъ сознано, разъ оно коснулось человѣка, онъ всегда будетъ ему противиться. Не мѣсто и не время детально разбирать этотъ нашумѣвшій призывъ Толстого; мнѣ придется о немъ подробно говорить въ другомъ мѣстѣ; пока скажу только, что онъ осуществимъ лишь тамъ, гдѣ исчезнетъ зло. А какое это широкое понятіе „зло", и какая осторожность нужна въ прызывахъ и воззваніяхъ! Вѣдь, гніющая и зараженная бациллами рана—зло; вѣдь, червь въ тѣлѣ человѣка—зло. Неужели же жалѣть червей и бациллъ, а не жалѣть человѣка? Неужели жалѣть сусликовъ, истребляющихъ хлѣбъ, а не жалѣть людей, которые останутся и умрутъ голодной смертью безъ хлѣба.

Такъ или иначе, возмездіе за преступленіе, борьба со зломъ сохранились во всей силѣ въ современномъ обществѣ; мѣстами сохранилась даже древняя жестокая и безпощадная вендетта, противъ которой, въ свое время, Моисей выставилъ принципъ справедливости,—принципъ: „око за око". И до сихъ поръ ни одинъ человѣкъ не можетъ оставаться спокойнымъ въ то время, какъ грабятъ, убиваютъ его близкаго и, вообще, человѣка. Если онъ не въ силахъ самъ защищать жертву, онъ будетъ звать, кричать на помощь. Мало того: до сихъ поръ въ современномъ обществѣ сохранилась смертная казнь. Что такое самосудъ надъ конокрадами, какъ не смертная казнь? И судъ присяжныхъ, судъ общественной совѣсти всегда оправдываетъ самосудъ надъ конокрадами. А что такое убійство—въ припадкѣ ревности, изъ мести, за поруганную честь и т. п.,—какъ не смертная казнь? И судъ присяжныхъ, судъ общественной совѣсти очень часто оправдываетъ убійцъ. Виды, формы и степени смертной казни чрезвычайно разнообразны. Развѣ, увольняя служащаго за пьянство, нерадѣніе или неспособность, мы порой не произносимъ смертный приговоръ? Развѣ, описывая за долги домъ, предпріятіе, мы не произносимъ порой смертнаго приговора? Смертнымъ приговоромъ для ученика можетъ быть иногда простая двойка на экзаменѣ.

Можно привести милліонъ примѣровъ, но достаточно и упомянутыхъ, чтобы понять, что принципъ: „око за око"—принципъ жизненный; онъ не только не исчезъ, но онъ положенъ въ основу гражданскаго и уголовнаго уложенія о наказаніяхъ. Это уложеніе есть только отраженіе того, что происходитъ въ обществѣ въ области преступленій и наказаній; наоборотъ, наказаніе по закону,

по суду справедливѣй, мягче, чѣмъ въ жизни; законъ предусматриваетъ притомъ различныя степени наказанія; въ жизни же порой жестоко караютъ за самый мелкій, ничтожный проступокъ. А развѣ забастовка не есть самосудъ, не превращается порой въ смертную казнь? Но что можетъ быть безсмысленнѣй—политической забастовки, которая караетъ, казнитъ за чьи-то грѣхи совершенно неповинныхъ людей? Во всякомъ случаѣ, террористическій актъ—форменный смертный приговоръ безъ суда и слѣдствія,—приговоръ, который караетъ не за преступленіе, а за величайшую добродѣтель: за вѣрность долгу службы и присяги. Развѣ народный самосудъ надъ конокрадами или террористическій актъ сплошного вандализма можетъ итти даже на сравненіе съ обдуманнымъ, провѣреннымъ и объективнымъ судебнымъ приговоромъ, который караетъ смертью только въ опредѣленныхъ случаяхъ и за опредѣленныя преступленія. Судебные уставы являются только отраженіемъ существующихъ въ жизни и въ обществѣ преступленій; судебные же приговоры мягче, справедливѣй и объективнѣй практикуемыхъ въ обществѣ наказаній.

Всѣ виды судебныхъ приговоровъ, въ томъ числѣ и смертная казнь, быть можетъ, со временемъ и смягчатся, но это можетъ происходить постепенно и лишь въ связи съ соотвѣтствующей эволюціей въ обществѣ преступности и наказуемости... Какъ же можно изъять изъ законовъ принципъ наказуемости,—принципъ справедливаго возмездія за преступленія,—когда въ обществѣ существуетъ преступность, когда въ немъ во всей силѣ царитъ принципъ: „око за око". Вѣдь, наказаніе по закону, по принципу справедливаго судебнаго возмездія—служитъ единственнымъ и могучимъ сдерживающимъ факторомъ для безпощадныхъ и жестокихъ проявленій самосуда или, еще хуже, вендетты, присущихъ человѣку и, быть можетъ, не искоренимыхъ въ немъ. Отнимите наказаніе по закону, и самосудъ, законъ Линча, въ самой жестокой формѣ, начнетъ царить въ обществѣ. Общество безпощадно, и, быть можетъ, исчезнутъ тогда всѣ виды наказанія, и за каждое преступленіе общество будетъ расправляться смертной казнью. Словомъ, исчезнетъ смертная казнь въ судебныхъ уставахъ, она усилится въ обществѣ, и можетъ исчезнуть она только тогда, когда исчезнетъ въ понятіяхъ и наклонностяхъ общества. Не къ законодателю, всячески смягчившему и сократившему примѣненіе смертной казни, надо обращаться,—а къ обществу. И всѣ эти петиціи объ отмѣнѣ смертной казни, всѣ эти протесты, въ одиночку и скопомъ,—одно только ханжество и лицемѣріе.

Но къ этимъ протестамъ надо подойти—съ другой стороны, и тогда вся демократическая фальшь выплыветъ наружу. Вѣдь, если раздается крикъ: „долой какія-либо наказанія для воровъ и мошенниковъ!"—то всякій пойметъ, что этотъ крикъ исходитъ только отъ воровъ и мошенниковъ. Я, откровенно признаюсь, не только не требую отмѣны смертной казни, но и никому не совѣтую требовать этого. Мало того: я громко и во всеуслышаніе заявляю, что, Богомъ данной мнѣ властью, я отнынѣ отмѣняю смертную казнь... для себя. И отмѣняю только потому, что я никогда не буду красть лошадей,

или убивать людей, или, вообще, совершать,—тѣ преступленія, которыя караются по закону смертной казнью. Эта власть дана Богомъ каждому человѣческому существу, и, вмѣсто нелѣпыхъ протестовъ, пусть каждый въ отдѣльности, пусть человѣчество въ цѣломъ воспользуется своей властью, и, само собой, исчезнетъ смертная казнь,—и это будетъ истинная, подлинная ассигнація.

Если воръ, прикрываясь благородствомъ и состраданіемъ къ ближнему, требуетъ отмѣны наказанія для воровъ, всякій скажетъ, что это—фальшивая ассигнація; если же воръ станетъ честнымъ человѣкомъ и перестанетъ красть, то всякій скажетъ, что онъ изобрѣлъ единственный способъ не подвергаться наказанію за воровство,—онъ, такъ сказать, преподнесъ подлинную ассигнацію.

Скажите на милость, зачѣмъ мнѣ стоять за или противъ отмѣны смертной казни, когда я совершенно не интересуюсь этимъ вопросомъ? Да и зачѣмъ мнѣ интересоваться, когда я нисколько не собираюсь, скажемъ, красть лошадей. Этимъ вопросомъ интересуются, очевидно, только тѣ, для которыхъ видъ чужой лошади невыносимъ, которые не могутъ успокоиться, пока эта лошадь не перестанетъ быть для нихъ чужой. Ясно, что за отмѣну смертной казни могутъ стоять: или конокрады, или только тѣ, которые увѣрены въ томъ, что имъ на роду написано украсть лошадей или, вообще, совершить одно изъ тѣхъ преступленій, которое обществомъ или по закону карается смертной казнью. Зачѣмъ мнѣ преподносить обществу такую фальшивую ассигнацію, когда я могу обойтись однѣми подлинными ассигнаціями,—стоитъ только не считать себя и не желать быть кандидатомъ въ конокрады.

Если на воротахъ какого-либо дома будетъ прибито предупрежденіе: „во дворѣ злыя цѣпныя собаки; кому есть надобность по дѣлу, просятъ позвонить къ дворнику...“—то какое мнѣ дѣло до этого предупрежденія? Я не собираюсь никакой кражи произвести въ домѣ; да и нѣтъ у меня никакой надобности заходить во дворъ; если же у меня появится надобность, то я, конечно, позвоню къ дворнику. Положительно, я къ этому предупрежденію равнодушенъ. Но я останусь къ нему равнодушенъ и въ томъ случаѣ, если кто-нибудь заберется во дворъ для воровства или только изъ хулиганства, или просто по глупости, и если собаки его изорвутъ. Неужели же кто-нибудь начнетъ протестовать и требовать, чтобы во дворахъ не было собакъ, даже на цѣпи, и даже тогда, когда объ этомъ на воротахъ предупрежденіе. Вѣдь, такого протестанта каждый назоветъ осломъ; его назоветъ осломъ и тотъ, кто протестуетъ противъ смертной казни, не подозрѣвая, что онъ находится въ такомъ же точно положеніи. Вѣдь, законъ, карающій смертной казнью, это—предупрежденіе для каждаго на воротахъ: злая собака на цѣпи—смертная казнь; цѣпная собака рветъ только тѣхъ, кто, вопреки предупрежденію, входитъ во дворъ; и законъ караетъ только преступниковъ. Разъ есть предупрежденіе, а собака въ собственномъ дворѣ на цѣпи,—нѣтъ поводовъ къ протесту, и каждый протестъ будетъ нелѣпымъ. И законъ—только законъ; онъ не можетъ быть преступнымъ, и нѣтъ поводовъ къ протесту. Плохо, если бы не было законовъ, и судьи на-

значали смертные приговоры по своему усмотрѣнію; это соотвѣтствовало бы тому, когда злая собака свободно бѣгала бы по улицѣ и кусала всѣхъ проходящихъ. Но разъ въ благоустроенномъ государствѣ есть законъ, есть судъ праведный, то судья—только исполнитель закона, и протестъ противъ закона и его примѣненія—нелѣпъ.

Во время послѣднихъ выборовъ въ Самарскую городскую Думу я встрѣтилъ на улицѣ мужчину съ дамой, ведшихъ очень оживленную бесѣду. Особенно оживленно и громко вела разговоръ дама; она, очевидно, подобно д-ру Гаврилову, была увѣрена, что высказываетъ новыя и оригинальныя мысли, которыя не мѣшаетъ послушать всѣмъ обывателямъ. Проходя мимо, мнѣ поэтому невольно пришлось изъ устъ дамы услышать фразу: „какой же онъ октябристъ, когда онъ за смертную казнь?“ Дама, очевидно, агитировала противъ чьей-то кандидатуры въ гласные или въ городскіе головы. Невольно оглянувъ даму съ ногъ до головы, я въ изумленіи спросилъ себя: „неужели эта полная, хорошо упитанная, кокетливо и даже богато одѣтая и, какъ говорятъ, интеллигентнаго типа дама—собирается красть лошадей?“ Иначе, какое ей дѣло до смертной казни? Но я пересталъ удивляться, когда узналъ, что это—драматическая артистка Славянова. Я скептически, вообще, отношусь къ театру. Въ жизни крайне мало трагизма, и онъ очень рѣдокъ, и далеко не то, что намъ кажется трагичнымъ, трагично. Тѣмъ болѣе искусственъ, фальшивъ трагизмъ на сценѣ; но, внѣ сомнѣнія, неестественны и фальшивы всѣ переживанія трагиковъ; въ трагикѣ все поддѣльно, и надо имѣть извращенный вкусъ, чтобы находить удовольствіе въ фальшивыхъ переживаніяхъ и кривляніяхъ трагиковъ. Трагедіи и драмы, театральное искусство и тяготѣніе къ театру – симптомы той же morbus Gordoni. Свой фальшивый пафосъ на сценѣ трагики, естественно, переносятъ въ жизнь, и кому же, какъ не имъ, подхватить возгласъ: „долой смертную казнь!“

И еще я спросилъ себя: неужели критеріемъ достоинствъ гласнаго или городского головы, ихъ честности, хозяйственности можетъ служить то или иное отношеніе къ смертной казни? Въ моихъ ушахъ это звучитъ такъ же, какъ если бы кто сказалъ: „Ну, какой же Н. Гучковъ городской голова въ Москвѣ: въ немъ ни ума, ни честности, ни благородства, ни хозяйственныхъ способностей! Вѣдь, онъ разоритъ Москву до-тла!“ Почему? „Да потому, что, по его мнѣнію, домовладѣльцы имѣютъ право держать отъ воровъ у себя во дворѣ злыхъ собакъ на цѣпи“... И выбрали въ Москвѣ Челнокова только потому, что, по его мнѣнію, ворамъ долженъ быть облегченъ входъ во дворъ, и домовладѣльцы, съ этой цѣлью, должны быть лишены права держать во дворѣ цѣпныхъ собакъ. Вѣдь, это же повальное ослѣпленіе, безуміе!.. Вотъ, гдѣ истинный трагизмъ жизни, котораго человѣчество не замѣчаетъ, питаясь фальшивымъ трагизмомъ театра... И хозяйственному, дѣльному Гучкову Москва предпочла Челнокова только потому, что послѣдній называетъ себя прогрессистомъ и протестуетъ противъ смертной казни... Правда! Здравый смыслъ! Гдѣ вы?

Эсдеки кричатъ: „отмѣните смертную казнь для забастовщиковъ!“ Не проще ли имъ крикнуть рабочимъ и студентамъ: „отмѣните забастовки!“ Эсеры, трудовики кричатъ: „отмѣните смертную казнь для конокрадовъ, разбойниковъ и бомбистовъ!“ Не проще ли имъ крикнуть бомбистамъ: „бросьте бросать бомбы!“ Существуетъ законъ, карающій за участіе въ забастовкѣ, за бомбометаніе—смертной казнью; и я себя всемѣрно оберегаю отъ смертной казни. Какое мнѣ, какое всякому здравомыслящему человѣку дѣло до остальныхъ? Наоборотъ, только такимъ путемъ я способствую уменьшенію преступности и приношу несомнѣнную и безспорную пользу обществу.

Я предвижу одно возраженіе. Мнѣ могутъ сказать: „но, вѣдь, законы русскіе жестоки; вѣдь, судъ русскій неправеденъ и несправедливъ“. Тотъ, кто такъ говоритъ, не сознаетъ, какой жестокій упрекъ онъ посылаетъ своему народу, какую позорную обиду онъ ему наноситъ. Развѣ законодательная власть, развѣ законы и судъ стоятъ внѣ жизни народа? Развѣ законы и судъ не созданы самимъ народомъ, развѣ они не плоть отъ его плоти, не кровь отъ его крови? Развѣ они не складывались параллельно съ жизнью народа? Развѣ они не переживали всю народную жизнь, всѣ ея тревоги, несчастья и эволюціи? Развѣ они не являются отраженіемъ народной души, народнаго характера, всего народнаго „я“? Жестокъ народъ, несправедливъ—жестоки, несправедливы его законы, неправедны, жестоки его судьи, потому что откуда же, какъ не изъ нѣдръ народа, выходятъ его судьи? И что же? Развѣ избѣгаетъ народъ своего русскаго суда? Развѣ боится жестокости закона? Развѣ не довѣряетъ суду, судьямъ, ихъ безпристрастію и полной объективности? Русскій обыватель, забудь, что на свѣтѣ есть демократы, которые ослѣпляютъ тебя блескомъ своихъ дьявольскихъ ученій! Уйди отъ нихъ на-время, уединись и наединѣ со своей совѣстью, со своимъ собственнымъ сознаніемъ спроси себя: развѣ ты боишься русскихъ законовъ? Развѣ они жестоки? Развѣ ты не питаешь полнаго довѣрія къ суду? Развѣ, когда тебя бьютъ, обижаютъ, грабятъ, ты не бѣжишь съ прошеніемъ въ судъ, и развѣ ты, хоть на іоту, сомнѣваешься, что судъ защититъ тебя по всей строгости, мягкости, но и справедливости законовъ?

Въ чемъ же дѣло? Почему вдругъ сталъ жестокъ русскій законъ? Почему вдругъ сталъ неправеденъ русскій судъ? Конечно, идеальныхъ законовъ нѣтъ, потому что и жизнь далека отъ совершенства; постепенно и въ связи съ новыми требованіями и укладомъ жизни измѣнятся, станутъ совершеннѣе законы. Однако, никакихъ основаній нѣтъ думать, чтобы въ народѣ измѣнились отношенія къ убійцамъ, къ конокрадамъ и тому-подобнымъ преступникамъ. Можно смѣло сказать, что весь народъ негодуетъ и требуетъ безпощаднаго возмездія для убійцъ, конокрадовъ; а если такой преступникъ попадется до суда въ руки народа, то ему не избѣжать жестокаго самосуда. Откуда же этотъ крикъ: „долой смертную казнь!“, почему его, какъ попугай, безсознательно, не отдавая себѣ

отчета, повторяетъ обыватель? Да потому, что появились новые преступники, появился особый видъ преступленій—такъ называемыя политическія преступленія. Эти преступники—забастовщики, бомбисты, анархисты и просто-прогрессисты. Каждый интеллигентъ, это кандидатъ на такого политическаго преступника. Такими же кандидатами являются: каждый газетчикъ, каждый членъ культурнаго Общества, каждый лекторъ, каждый либеральный профессоръ, каждый студентъ и сознательный рабочій, каждая стриженая дѣвица и каждый гимназистъ, отъ 8-го до приготовительнаго класса включительно. Каждый изъ нихъ одержимъ эпидемическимъ психозомъ, вызываемымъ bacillus Gordoni. Такіе психопаты, даже по теоріи Ломброзо, предрасположены къ преступности. Впрочемъ, я нѣсколько смягчилъ краски, назвавъ ихъ кандидатами въ преступники; каждый изъ нихъ несомнѣнный политическій преступникъ. „Интеллигенція"—вотъ собирательное имя этихъ преступниковъ. Сюда войдутъ всѣ виды и степени демократизма, соціализма, анархизма, общественности. Это—огромная, многоголовая гидра, покрывшая собой весь міръ. Каждая голова со змѣинымъ жаломъ, несущая ядъ и отраву міру; одна несетъ радикализмъ, другая—соціалъ-демократизмъ, третья—анархизмъ и т. д. Но всѣ головы принадлежатъ одному чудовищу, питаются одной кровью. Для всего чудовища и для всѣхъ его головъ имѣется одно общее кровавое знамя съ надписью: „забастовка". Эта забастовка не экономическая и не политическая, это—знамя моральной забастовки,—забастовки отъ всѣхъ тѣхъ моральныхъ цѣнностей, которыя пріобрѣтены человѣчествомъ вѣковыми трудами. Все пошло на смарку: и благородство, и честность, и правда, и вѣрность слову, и уваженіе къ чужому мнѣнію, и доброта, и отзывчивость. Въ модѣ и въ спросѣ только аферы, шантажъ, фальшивыя ассигнаціи, грабежи, разбои. Повальный психозъ преступности. И, какъ всѣ психопаты, одержимые этимъ психозомъ, обвѣшиваютъ себя разноцвѣтными флагами, цвѣтками, машутъ красными бумагами, которыя они зовутъ программами и т. п. Какъ всѣ психопаты, интеллигенты чрезвычайно хитры, и свои бредовыя идеи и преступные поступки они всячески скрываютъ, давая имъ всевозможныя замысловатыя названія: соціалъ-демократія, забастовка, терроръ, парламентъ, свобода слова, всеобщее, равное, тайное избирательное право и т. п. Я уже частью показалъ и не перестану показывать, что все это—афера, грабежъ, разбой и провокація во всевозможныхъ видахъ и степеняхъ; все это сбытъ фальшивыхъ ассигнацій. Все это только названія, клички—для отвода глазъ, для того, чтобы спрятать знамя „моральной забастовки".

Все это придумано хитрыми психопатами только для того, чтобы облагородить свои дикія, безсмысленныя преступленія. Съ этой цѣлью они и придумали названія: „политическое преступленіе", „политическій преступникъ". Всѣ эти клички все перепутали. Все, что прежде цѣнилось,—отошло въ область преданій; теперь возносится до небесъ только политическое преступленіе, теперь въ почетѣ только политическій преступникъ; онъ пользуется особыми превилегія-

ми, и его ни одно государство не выдаетъ другому. Словомъ, это не преступникъ, а рыцарь, благороднѣйшій человѣкъ. Но тамъ, гдѣ власть нормальна, гдѣ она не заражена „интеллигентнымъ психозомъ“,—тамъ политическое преступленіе карается, какъ обыкновенное преступленіе, карается зачастую и смертной казнью. Когда эпидемія „интеллигентнаго“ психоза перекинулась съ запада на русскую территорію, начались и у насъ политическія преступленія, начались и казни,—тогда-то неожиданно раздались истерическіе вопли: „Долой смертную казнь! Амнистія политическимъ заключеннымъ!“

Теперь понятно, кто такъ кричитъ, кому необходима отмѣна смертной казни? Она необходима только политическимъ преступникамъ, и только въ ихъ интересахъ—требовать отмѣны казни. Впрочемъ, этого и надо было заранѣе ожидать, потому что поощреніе преступленія неообходимо только преступникамъ, а простодушный русскій обыватель кричитъ: „долой смертную казнь!“, не подозрѣвая, что онъ таскаетъ каштаны изъ огня для преступниковъ, что онъ играетъ только на руку послѣднимъ.

Но скажутъ: политическое преступленіе—не преступленіе. Но развѣ забастовка—не форменный грабежъ самаго омерзительнаго, провокаторскаго характера? Развѣ соціалъ-демократъ—не атаманъ, не вдохновитель грабителей? И развѣ забастовка не хуже, не тлетворнѣй обыкновеннаго грабежа, потому что она наноситъ ущербъ не только жертвѣ, но она губитъ, развращаетъ психику массъ? А развѣ экспропріація, политическая забастовка—не тѣ же грабежи и разбои? А весь этотъ анархизмъ, соціализмъ—развѣ это не покушеніе противъ государственности, противъ личности, противъ собственности,—словомъ, противъ всѣхъ устоевъ, которыми держится общество? А развѣ интеллигентность, общественность, парламентаризмъ, демократизмъ—не афера, не шантажъ, не сбытъ фальшивыхъ ассигнацій? Мнѣ кажется, что, послѣ всего, выше мной изложеннаго, я уже имѣю право такъ категорически выражаться. Правда, это не тѣ фальшивыя ассигнаціи, не та афера, не тотъ грабежъ, къ которымъ мы привыкли, и подъ которыми мы понимаемъ опредѣленные поступки. Но политическая афера, сбытъ политическихъ фальшивыхъ ассигнацій во много-кратъ хуже, потому что идетъ грабежъ, расхищеніе народныхъ цѣнностей. Здѣсь жертвой является не личность, а народъ. Похищенное у человѣка золото можно найти, можно вновь пріобрѣсти его, но народное богатство состоитъ изъ однѣхъ духовныхъ цѣнностей; а народное богатство не возобновишь и не найдешь, если оно расхищено или растрачено. Политическое преступленія во сто-кратъ тяжелѣе, мучительнѣе, непоправимѣй и позорнѣй. Если простому грабителю полагается годъ тюрьмы, то политическому грабителю надо дать вѣчную каторгу. Гдѣ обыкновенному преступнику полагается день ареста,—тамъ политическому надо дать не менѣе года. И это будетъ еще мягкой оцѣнкой политической преступности, потому что народъ, въ которомъ политическое преступленіе перестанетъ считаться преступленіемъ и не будетъ наказуемо,—этотъ народъ погибнетъ. Политическое преступленіе—самый тяжелый

видъ преступленія, это—покушеніе на жизнь народа, это постепенное отравленіе народнаго организма, неминуемо ведущее народъ къ смерти. Каждый политическій преступникъ—поджигатель, грабитель, отравитель, аферистъ, шантажистъ, фальшивомонетчикъ, разбойникъ, клятвопреступникъ, но всѣ эти преступленія онъ совершаетъ противъ народа, и политическое преступленіе неизмѣримо тяжелѣе.

А типы политическихъ преступниковъ безконечны. Политическій преступникъ и забастовщикъ—и террористъ, и эсдекъ, и трудовикъ. Политическій преступникъ—и тотъ, что идетъ къ избирательной урнѣ, и тотъ, что идетъ въ Думу, и родитель, который идетъ въ родительскій комитетъ, и кто бѣжитъ на лекціи лектора изъ Народнаго Университета, а о лекторахъ—и говорить нечего. Политическій преступникъ—и профессоръ, требующій полной свободы преподаванія, и студентъ, который бастуетъ, и сознательный рабочій изъ профессіональнаго союза, и газетчикъ изъ современной прессы, и гимназистъ, жаждущій школьной автономіи, и членъ культурнаго общества, и сборщица какого-либо цвѣтка и т. д., и т. д. Все это—одна моральная забастовка, все это—купля-продажа фальшивыхъ ассигнацій. Въ моемъ сознаніи преступленіе каждаго изъ нихъ неизмѣримо велико, а, между тѣмъ, лишь очень незначительная часть подвергается наказанію. Но преступникамъ и этого мало: они хотятъ полной свободы, полнаго простора для своихъ преступныхъ дѣяній; отсюда и крики: „Долой смертную казнь! Амнистія политическимъ!“.

Правильнѣе было бы крикнуть: „долой политическія преступленія!“ Но и этотъ призывъ не былъ бы подлинной ассигнаціей, потому что крики, призывы ни къ чему не ведутъ, если они не находятъ отклика въ душѣ. Наказаніе зависитъ только отъ личности; преступленіе и наказаніе, какъ и свобода и другія блага жизни,—только часть человѣческой души. Душу никто не можетъ дать человѣку, и только отъ человѣка, какъ я выше указалъ, отъ самаго индивида зависитъ прекратить наказанія, дать амнистію политическимъ заключеннымъ. Но фальшивыя ассигнаціи такъ распространились, крикъ: „долой смертную казнь!“ считается такимъ подлиннымъ проявленіемъ благородства, хозяйственности и ума, что даже Москва—сердце Россіи—шлетъ въ Думу прогрессистовъ, выбираетъ въ головы прогрессиста. Когда же она образумится? Я же доподлинно знаю, что отмѣна смертной казни на руку только грабителямъ, разбойникамъ и бомбистамъ, и также доподлинно знаю, что требуютъ этой отмѣны тѣ, которые сами казнятъ самыми утонченными казнями, но казнятъ только честныхъ людей за то, что тѣ смѣютъ утверждать, что демократы распространяютъ фальшивыя ассигнаціи, и за то, что отъ распространенія такихъ цѣнностей они отказываются. Это ли не инквизиція? Протестъ, бойкотъ демократовъ и есть одна изъ формъ инквизиторскаго суда,—суда пресмыкающихся, суда ничтожествъ надъ свободной, правдивой мыслью. У іезуитовъ онѣ носили другое названіе: анаѳема, отлученіе отъ церкви и т. п.

XVI.

И то, что происходило въ засѣданіи Общества, когда я читалъ свой докладъ, было только инквизиторскимъ судомъ. Про одинъ изъ небольшихъ эпизодовъ этого суда—про протестъ д-ра Гаврилова—я и хочу разсказать. Повторяю, правда познается не по словамъ, не по красивымъ оборотамъ рѣчи и не по красивымъ позамъ, а только по жизни, по простымъ житейскимъ фактамъ и эпизодамъ. Надо только расшифровать, освѣтить каждый случай. Пусть такъ поступитъ каждый демократъ, пусть онъ, въ особенности, освѣтитъ свою душу, и я убѣжденъ, что онъ ужаснется и перестанетъ быть демократомъ.

Нѣсколько необходимыхъ предварительныхъ замѣчаній. При многихъ Губернскихъ Земствахъ существуютъ санитарныя бюро. По обязанностямъ моей службы при Самарскомъ Губернскомъ Земствѣ, мнѣ пришлось, прежде всего, столкнуться съ этимъ учрежденіемъ; тутъ-то и стали жужжать вокругъ меня комары, и, проснувшись, я тогда съ ужасомъ убѣдился, что санитарное бюро, въ его настоящемъ видѣ,—ничто иное, какъ фальшивая демократическая ассигнація; и тогда-то я впервые догадался, что демократы занимаются распространеніемъ фальшивыхъ ассигнацій. О, это было ужасное пробужденіе! Лучше не переживать демократическаго сна, чѣмъ переживать пробужденіе послѣ него. Плодомъ моего пробужденія и явился докладъ Совѣщанію земскихъ врачей и моя брошюра „Донъ-Кихоты“, —и тѣмъ, и другимъ я вызвалъ бурю негодованія среди врачей, и только потому, что я доказывалъ, что санитарное бюро—фальшивая ассигнація. Мнѣ придется еще обстоятельнѣй разобрать вопросъ о санитарныхъ бюро, и я тогда посвящу больше времени доказательству того, что бюро—фальшивая ассигнація; пока—прошу повѣрить мнѣ на слово.

Распространяетъ эту фальшивую ассигнацію особый сортъ демократовъ, извѣстный подъ именемъ санитарныхъ врачей; вѣдь, я уже выше говорилъ, что демократія, это—многоголовая гидра, и демократъ можетъ скрываться тамъ, гдѣ меньше всего подозрѣваешь его существованіе. Въ Саратовѣ завѣдывающимъ такой фабрикой фальшивыхъ санитарныхъ ассигнацій состоитъ д-ръ Тезяковъ. Какъ извѣстно, на фальшивыя деньги покупаешь всякую ненужную дрянь, даешь—сколько запросятъ, лишь бы сбыть, размѣнять ассигнацію. И достается Губернскимъ Земствамъ отъ ихъ санитарныхъ бюро одинъ только негодный хламъ,—а вѣдь, за этотъ хламъ земства расплачиваются настоящими деньгами, земской трудовой копейкой. Настоящаго живого земскаго дѣла у санитарныхъ врачей нѣтъ, они къ такому дѣлу не приспособлены и не въ состояніи его создать, и, вмѣсто земскаго дѣла, занимаются всякими суррогатами, и въ первую голову—санитарной статистикой и, такъ называемой, „борьбой съ эпидеміями“. О послѣдней я много говорилъ въ брошюрѣ „Донъ-Кихоты“, гдѣ доказалъ, что борьба съ эпидеміями — дѣло уѣздныхъ, а не губернскихъ земствъ, что это — дѣло участковыхъ, а не санитарныхъ врачей. Борьба съ эпидеміями, которую ведутъ

губернскія земства, — только фальшивая ассигнація, только безплодная и безцѣльная трата земскихъ средствъ. Санитарная же статистика, какъ и всякая статистика, должна быть живой, должна орудовать живыми, реальными цифрами; освѣщать эти цифры можетъ только тотъ, для котораго каждая цифра — живой, реальный предметъ. Всѣ цифры для санитарной статистики идутъ изъ участка, отъ участковаго врача; и санитарная статистика отнюдь не дѣло санитарныхъ врачей,—а только участковыхъ врачей. Для Губернской управы остается одна только механическая компилятивная работа, потому что въ распоряженіи санитарныхъ бюро однѣ только мертвыя цифры, и санитарная статистика представляетъ, по существу, только мертвый бухгалтерскій балансъ. И вотъ, подобной статистикой санитарные врачи хотятъ лечить, оздоровить Россію, подобно тому, какъ домовладѣлецъ мечталъ тушить пожары „свободой слова". Можно представить себѣ, что это за фальшивая ассигнація— санитарная статистика въ рукахъ санитарныхъ губернскихъ врачей, и какія фальшивыя кредитки выходятъ изъ-подъ станка такой санитарной статистики! Но все это—спеціальные вопросы, которыхъ я здѣсь касаться не буду.

Но дутыя предпріятія вызываютъ потребность въ другихъ дутыхъ предпріятіяхъ. Самимъ санитарнымъ врачамъ ясно, что они производятъ безцѣльную, безплодную работу, что они заполняютъ бочку Данаидъ; отсюда—стремленіе находить, создавать себѣ работу. Устраиваютъ санитарныя совѣщанія, съѣзды; не ждите отъ послѣднихъ дѣла живого, творческаго дѣла. Устраиваютъ передвижныя выставки; толкуютъ о самодѣятельности, о санитарныхъ попечительствахъ, лекціяхъ, чтеніяхъ и т. п. Само собой разумѣется, что такая дѣятельность, не вызываемая реальными земскими нуждами, приноситъ земству и деревнѣ одинъ сплошной вредъ.

Особой изобрѣтательностью по придумыванію себѣ и санитарнымъ врачамъ дѣла отличается папа санитарныхъ врачей, д-ръ Тезяковъ. Къ числу его выдумокъ принадлежатъ *земскіе продовольственные пункты.* Заключаются они въ томъ, что въ нѣсколькихъ единичныхъ пунктахъ губерніи, гдѣ лѣтомъ производится наемка на полевыя работы, земство устраиваетъ столовыя-чайныя, въ которыхъ за плату отпускаются обѣденныя и чайныя порціи. Завѣдуютъ столовыми спеціально приглашенные студенты. Функціонируютъ столовыя только въ дни наемокъ, т.-е. разъ въ недѣлю, разъ въ двѣ недѣли. Мотивъ пунктовъ — предоставитъ рабочимъ здоровую пищу.

Земскому Самоуправленію я посвящу отдѣльную главу. Пока скажу, что это, по существу, благотворительное учрежденіе, создавшееся на почвѣ полной безпомощности, полной инертности русскаго мужика. Оно необходимо для Россіи, оно такъ же естественно для нея, какъ необходимо было крѣпостное право, какъ необходимъ былъ институтъ земскихъ начальниковъ. Но когда завершится великая Столыпинская реформа землеустройства, когда скажутся ея плоды, и

наступитъ время для мелкой земской единицы,—тогда, возможно, современное земство, по крайней мѣрѣ въ его настоящемъ видѣ, станетъ даже излишнимъ.

Но если современное земство—благотворительное, опекающее учрежденіе, то съ этимъ зломъ приходится только мириться, его необходимо всячески ослаблять, но нельзя эту опеку доводить до геркулесовыхъ столбовъ; надо, наоборотъ, всячески, гдѣ возможно и какъ возможно, вызывать самодѣятельность населенія.

Затѣя продовольственныхъ пунктовъ—штучка дорогая; шутка ли сказать: вмѣсто половыхъ и горничныхъ—студенты и курсистки. Притомъ, какіе они хозяева, да еще въ чужомъ мѣстѣ; всѣ продукты, рабочія руки обходятся дорого. Все это, вмѣстѣ взятое, едва ли даетъ возможность конкурировать съ частными харчевнями, тѣмъ болѣе, что обѣдъ приходится готовить только разъ въ недѣлю и даже въ двѣ недѣли. А чѣмъ питается рабочій въ остальное время, какъ онъ питается во время работъ—никому до этого и дѣла нѣтъ. Не проще ли усилить санитарный надзоръ за частными харчевнями и на сельско-хозяйственныхъ экономіяхъ; или же устройство общественной столовой предоставить мѣстнымъ силамъ, хотя бы съ пособіемъ отъ земства. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, земству размѣниваться на такія мелочи. Почему же тогда не командировать студентовъ для метенія половъ и стилки постелей въ крестьянскихъ домахъ, съ цѣлью пріучить крестьянъ къ чистотѣ? Почему не посылать медичекъ мыть и купать по утрамъ крестьянскихъ дѣтей, а по вечерамъ расчесывать имъ волосы, да еще причесывать модными прическами? Я считаю поэтому, что эти пункты приносятъ земству не только матеріальный, но и моральный ущербъ, отвлекая его отъ прямыхъ его обязанностей. Населеніе же, несомнѣнно, развращаютъ, совершенно устраняя его отъ самодѣятельности; между тѣмъ, прямое назначеніе земства и истинныхъ земскихъ работниковъ—будить и вызывать самодѣятельность населенія реальными способами.

Во всей Саратовской губерніи всего четыре продовольственныхъ пункта. А шуму-то сколько! Какъ отъ пустой бочки! Какъ будто Римъ спасли! Между тѣмъ, съ легкой руки д-ра Тезякова, на всѣхъ съѣздахъ только и говорится о благодѣтельномъ значеніи продовольственныхъ пунктовъ, о необходимости вводить ихъ повсемѣстно. Можно думать, что д-ръ Тезяковъ не санитарный врачъ, а земскій шефъ-кулинаръ. И всячески рекламируетъ свою стряпню саратовскій шефъ-кулинаръ: составляетъ таблицы, считаетъ, сколько выдалъ обѣдовъ, чайныхъ порцій и т. п. Скажу прямо: всякому постороннему лицу даже изъ этихъ таблицъ видно, что продовольственные пункты—одинъ мыльный пузырь, который, даже по разсчету Тезякова, обходится земству въ нѣсколько тысячъ рублей. Но Тезяковъ краснорѣчиво умалчиваетъ еще объ одномъ крупномъ расходѣ: о стоимости санитарной организаціи, которая, собственно, и вѣдаетъ въ Саратовской губерніи только продовольственными пунктами. Вотъ, если прибавить этотъ расходикъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ, то

ясно будетъ, какое дорогое блюдо преподноситъ Тезяковъ земству, и тогда ясно станетъ, что продовольственные пункты продовольствуютъ только студентовъ, курсистокъ и... санитарныхъ врачей. Правда, это благое дѣло, но не для этого создано земство.

Но г.г. земскіе шефъ-кулинары не только не считаютъ своей кулинарной дѣятельности вредной для земства и Россіи, но гордятся ею и даже экспонируютъ свою стряпню на гигіеническія выставки. И ужасъ въ томъ, что выставочный комитетъ за земское кулинарное дѣло и за демонстрацію его даетъ награды. Ужасъ въ той психикѣ общества и высшей врачебной администраціи, которымъ кажется нормальной такая дѣятельность земствъ и ихъ санитарныхъ организацій. Боже, какой вздохъ сожалѣнія прошелъ по груди любого столичнаго ресторатора, который не догадался экспонировать на выставку плоды своихъ трудовъ! Знаменитый Ашингеръ въ Берлинѣ, вѣроятно, всю выставку заполнилъ бы своими таблицами и діаграммами. Но могу ихъ успокоить: не то что награды, и слова благодарности они не дождались бы отъ комитета. Дѣдушка-Крыловъ когда-то сказалъ, что „бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ, а сапоги тачать пирожникъ", а теперь кричатъ: слава сапожнику, который взялся печь пироги, слава всякому, кто берется не за свое дѣло. Поступилъ человѣкъ на службу земскимъ санитарнымъ врачомъ; не стало у него своего дѣла,—сталъ поваромъ, и открылъ въ губерніи четыре ресторана, впрочемъ, за чужой страхъ и рискъ. Сталъ продавать порціи—и нажилъ себѣ славу на этомъ дѣлѣ, на которомъ таланты милліоновъ спеціалистовъ втуне пропадаютъ. А потомъ догадался еще сосчитать, сколько обѣдовъ продалъ, сколько порцій чаю; сколько кусковъ сахара потратилъ, сколько въ ресторанахъ ложекъ, вилокъ, какой расходъ все это потребовало и т. п. Это еще одно продуктивное и важное дѣло. А потомъ составилъ таблицы и діаграммы и послалъ на выставку. Сколько дѣлъ! Сколько кипучей энергіи и дѣятельности!

Интересно: получило бы Самарское Губернское земство награду, если бы оно демонстрировало на выставкѣ упраздненіе своихъ пунктовъ, которыхъ одно время было открыто въ губерніи около двадцати? Но лавры Мильтіада не даютъ мнѣ покоя... Хочу быть Тезяковымъ и объявляю: если у меня не будетъ дѣла въ земствѣ, начну стрѣлять по воробьямъ изъ пушекъ; когда настрѣляю воробьевъ, начну считать, сколько я всего настрѣлялъ; когда и эту санитарно-статистическую работу кончу, начну считать, сколько у моихъ воробьевъ глазъ, ушей, ногъ и пальцевъ на ногахъ; когда и эту санитарно-статистическую работу кончу, начну щипать воробьевъ и считать, сколько у нихъ перьевъ и пушинокъ. Ну... этой работы мнѣ до конца дней моихъ хватитъ. Въ свободное отъ великихъ трудовъ время составлю таблицы, діаграммы и пошлю на гигіеническую выставку, и, если только живъ будетъ тотъ самый комитетъ, который раздавалъ награды въ 1913 г., обязательно получу золотую медаль...

Боже! Когда передъ моимъ сознаніемъ проходятъ такія картины, когда мое сознаніе по своему ихъ освѣщаетъ,—какой ужасъ, какая

оторопь меня берутъ? Неужели же моя психика ненормальна? Или неужели нормальна психика того многомилліоннаго общества, которое ни съ того, ни съ сего начинаетъ считать великимъ, благороднымъ и плодотворнымь дѣломъ—устройство ресторана. О, Боже! Что же это иное, какъ не стрѣльба изъ пушекъ по воробьямъ?

Но все бы ничего; устраиваетъ мѣстное самоуправленіе продовольственные пункты,—это его дѣло. Но зачѣмъ же стремится Тезяковъ связать эти пункты съ чумою? Вѣдь, продовольственные пункты и чума,—это все равно, что „въ Кіевѣ дядько, а въ огородѣ бузина“... Что общаго между ними? Очевидно, если человѣкъ стрѣляетъ по воробьямъ изъ пушекъ, то ему обидно, если этимъ великимъ спортомъ не занимаются другіе, а подъ флагомъ чумы можно втравить въ ресторанное дѣло и другія земства. Но, пожалуй, и не здѣсь зарыта собака. Преслѣдуется при этомъ цѣль, чтобы на пункты эти получить субсидію отъ правительства,—такъ сказать, втравить и казну въ ресторанное предпріятіе. Дѣло въ томъ, что на борьбу съ чумой земства и города получаютъ субсидіи отъ Противочумной Комиссіи. Эти пособія выдаются на тѣ или иныя противочумныя мѣропріятія. Понятно, что часть субсидіи пойдетъ на продовольственные пункты, разъ они будутъ признаны радикальной мѣрой противъ чумы; съѣлъ, молъ, человѣкъ порцію супа или выпилъ стаканъ чаю на такомъ пунктѣ, и онъ смѣло можетъ считать себя гарантированнымъ отъ чумы. Это самая вѣрная противочумная сыворотка, великое изобрѣтеніе великаго Тезякова... Я же проводилъ и провожу ту мысль, что успѣшность и цѣлесообразность борьбы съ эпидеміями зависитъ только отъ своевременности распознаванія перваго случая и своевременнаго принятія мѣръ; въ особенности и всемѣрно—это примѣнимо къ борьбѣ съ чумой. Другими словами, борьба съ эпидеміями, и въ частности съ чумой, требуетъ одного: достаточнаго числа врачей на мѣстахъ, идеальнаго развитія сѣти медицинскихъ участковъ. Это—единственная реальная, продуктивная мѣра и входитъ вполнѣ въ компетенцію и земства, и врачей. Быть можетъ, наука откроетъ другіе способы борьбы съ эпидеміями, но при современномъ состояніи науки и настоящихъ условіяхъ упомянутая мѣра незамѣнима.

Ежегодно Противочумной Комиссіей отпускаются земствамъ и городамъ на противоэпидемическія мѣры до полутора милліоновъ, если не ошибаюсь. Поэтому вопросъ о справедливомъ и цѣлесообразномъ распредѣленіи средствъ весьма важенъ, потому что, по весьма понятной психикѣ, чужія, легко достающіяся средства расходуются порой весьма нецѣлесообразно и непродуктивно. Способъ же распредѣленія правительственнаго пособія какъ будто спеціально созданъ для того, чтобы толкать мѣстныя учрежденія на непродуктивныя, непродуманныя траты правительственныхъ пособій. Именно, пособіе выдается лишь въ томъ случаѣ, если мѣстный органъ самоуправленія сдѣлаетъ, съ своей стороны, ассигновку на то или иное предпріятіе, и выдается оно въ размѣрѣ ассигновки, т.-е. въ половинномъ размѣрѣ всей смѣтной стоимости. Въ погонѣ за пособіемъ,

органы самоуправленія дѣлаютъ порой ассигновки на мѣропріятія, не вызываемыя ни требованіемъ момента, ни дѣйствительной нуждой, и неимѣющія никакого прямого отношенія къ борьбѣ съ чумой и холерой. Городъ Самара, напримѣръ, стремился получить пособіе на поливку улицъ нефтью, подъ флагомъ борьбы съ холерой. Саратовское земство, подъ флагомъ борьбы съ чумой, стремится получить пособіе на продовольственные пункты и т. п. Размѣръ получаемаго пособія зависитъ не отъ дѣйствительной нужды, а отъ умѣнія, отъ „тактики" учрежденія и т. п. Помимо того, санитарныя организаціи и ихъ представители, а тѣмъ болѣе—папа санитарныхъ врачей, д-ръ Тезяковъ, пользуется большимъ довѣріемъ въ высшихъ медицинскихъ административныхъ сферахъ, и такимъ путемъ всякая дутая затѣя, исходящая изъ санитарныхъ организацій, пользуется довѣріемъ у стоящей у власти медицины и получаетъ поощреніе на выставкахъ. Вотъ, когда начинается ужасъ жизни! Когда демократическія бредни проникаютъ въ правительственныя сферы, когда и послѣднія теряютъ способность отдѣлять подлинное отъ фальшиваго, истинное отъ ложнаго!

Внѣ сомнѣнія, цѣлесообразнѣй назначать каждому учрежденію опредѣленное ежегодное пособіе на борьбу съ эпидеміями; размѣръ пособія справедливѣе всего установить на совѣщаніяхъ представителей земствъ и городовъ. Такое строго-фиксированное пособіе должно выдаваться съ тѣмъ условіемъ, чтобы учрежденіе вело борьбу съ эпидеміями и холерой на свой счетъ и подъ своей отвѣтственностью. Для губерній, угрожаемыхъ по чумѣ, установить особое фиксированное, на тѣхъ же условіяхъ, пособіе. Такимъ путемъ пособіе перестанетъ быть чужимъ и случайнымъ, а превратится въ часть земской приходной смѣты и, внѣ сомнѣнія, пойдетъ на реальныя нужды земства и въ первую голову — на расширеніе сѣти медицинскихъ участковъ.

Вотъ эту мысль я проводилъ въ своемъ докладѣ Обществу самарскихъ врачей, вполнѣ основательно надѣясь встрѣтить поддержку, потому что каждая правительственная копейка, какъ и каждая земская, — трудовая обывательская копейка. Привожу дословно отрывокъ изъ моего доклада:

„Между прочимъ, уполномоченный Противочумной Комиссіи на совѣщаніи въ г. Царицынѣ высказался за возобновленіе и зимой дѣятельности существующаго лѣтомъ въ Царицынѣ врачебно-продовольственнаго пункта въ качествѣ противочумной мѣры. Я думаю, пора, наконецъ, признать, что врачебно-продовольственные пункты далеко не имѣютъ того значенія, какое имъ приписываютъ,—а противочумнаго тѣмъ болѣе. Въ смыслѣ врачебной помощи въ мѣстахъ скопленія рабочихъ, очевидно, необходимъ постоянный врачебный участокъ, если имѣющаяся амбулаторія не удовлетворяетъ потребности. Въ смыслѣ же продовольственнаго пункта, я полагаю, не дѣло земства заниматься платнымъ отпускомъ порцій чаю и обѣдовъ, хотя бы и доброкачественныхъ, не дѣло земства открывать деревенскіе рестораны; земство должно ограничиться только надзоромъ за доброкачественностью пищи въ харчевняхъ, во всякомъ случаѣ, мѣстному обществу ближе знать,—есть ли надобность въ такой общественной харчевнѣ, и оно можетъ устроить ее и лучше и выгоднѣй.

Такъ или иначе, превратить продовольственные пункты въ какую-то противочумную мѣру и пользоваться для этого даже пособіемъ противочумной комиссіи изъ суммъ, ассигнованныхъ законодательными учрежденіями на противочумныя мѣропріятія, недопустимо. Между тѣмъ, такая тенденція существуетъ въ Саратовскомъ земствѣ, и къ ней Противочумная Комиссія, какъ видно изъ заявленія ея уполномоченнаго, относится благожелательно. Лишній поводъ отмѣтить, какъ непроизводительно тратятся получаемыя пособія, и какъ важно превратить эти временныя, не поддающіяся учету пособія въ постоянный ресурсъ земскихъ и городскихъ учрежденій".

Словомъ, я высказалъ мнѣніе въ 100 словъ, но мнѣніе продуманное, строго-объективное и, смѣю увѣрить, чисто-дѣловое. Заподозрить меня въ меркантильныхъ разсчетахъ, въ черносотенномъ стремленіи къ личной выгодѣ,—какъ этого требуетъ демократическая тактика по отношенію къ неугоднымъ мнѣніямъ и лицамъ,—д-ръ Гавриловъ не имѣлъ основаній, потому что ресторанным дѣломъ въ Саратовской губ. я не занимался, и ресторановъ не предполагаю открывать по деревнямъ, и, слѣдовательно, никакой конкуренціи отъ саратовскихъ земскихъ ресторановъ не испытываю; словомъ, никакихъ убытковъ не терплю отъ нихъ, никакихъ выгодъ не пріобрѣту, если ихъ закроютъ. Это мнѣніе могло быть ошибочнымъ, можно было съ нимъ не соглашаться, доказывать его ошибочность, но протестовать не было никакихъ основаній. Между тѣмъ, раздался негодующій демократическій,—другими словами, оскорбительный протестъ д-ра Гаврилова: „я протестую противъ сравненія земскихъ продовольственныхъ пунктовъ съ ресторанами; это — недостойно врача; стыдно святое дѣло питанія рабочихъ называть земскимъ ресторанномъ; только на устахъ земскихъ зубровъ можно слышать такое сравненіе"... Я не помню точно выраженій д-ра Гаврилова; но долженъ сказать, что я, вѣроятно, ихъ весьма смягчилъ, потому что, помню, и тонъ, и рѣзкость выраженій меня глубоко оскорбили. Надо быть на моемъ мѣстѣ, т.-е. уважать свое мнѣніе, высказывать по этому только то, что продумано и кажется правдивымъ, относиться поэтому съ уваженіемъ къ чужому мнѣнію,—надо быть на моемъ мѣстѣ, чтобы понять, какой ударъ нанесли моей правдѣ, моему человѣческому достоинству, моему уваженію къ личности, къ каждому мнѣнію—тѣ дикія сцены, которыя имѣли мѣсто въ памятномъ для меня засѣданіи Общества врачей, тѣ возмутительные пріемы и оскорбленія, которыми другъ передъ другомъ щеголяли самарскіе рыцари-врачи. Мое негодованіе было такъ велико, въ моей душѣ происходилъ такой хаосъ, что я потерялъ способность слышать. Каждое оскорбленіе больно отзывалось въ моей душѣ; эта боль была только за оскорбителя, за человѣка, за правду; но запоминать выраженія я не давалъ себѣ труда, они только скользили по моей душѣ. Вотъ, почему я не ручаюсь за точность приведенныхъ выраженій,—но ручаюсь за ихъ общій смыслъ, ручаюсь, что подлинныя выраженія д-ра Гаврилова были еще рѣзче и оскорбительнѣй, какъ это и полагается для демократическаго протеста. Долженъ только прибавить, что этотъ протестъ былъ самымъ невиннымъ и самымъ мягкимъ среди тѣхъ оскорбленій, которыми меня осыпали д-ръ Гавриловъ и его милые и благородные соратники. Они не сознавали, что они ос-

корбляли себя, въ моемъ лицѣ они оскорбляли только человѣка только правду.

Почему же протестуетъ д-ръ Гавриловъ? Какое право онъ имѣетъ для протеста, и такого оскорбительнаго протеста? Быть можетъ, онъ тратитъ на содержаніе пунктовъ свои личныя средства, и считаетъ мое мнѣніе вмѣшательствомъ въ его личныя дѣла? Но, насколько мнѣ извѣстно, на это благое дѣло кормленія голодныхъ онъ и гроша мѣднаго не далъ. Зачѣмъ ему тратить средства, когда онъ кормитъ всѣхъ натурой, кормитъ своими безчисленными докладами, отъ которыхъ всѣ бѣдняки и голодные должны быть сытыми и жирѣть. Отъ этихъ докладовъ общество врачей обогащается протоколами и, въ свою очередь, кормитъ послѣдними всѣхъ бѣдняковъ. Словомъ, зачѣмъ ему тратить свои средства на земскіе продовольственные пункты, когда, по мнѣнію д-ра Гаврилова, Общество врачей—неисчерпаемый продовольственный складъ. Очевидно, только поэтому протестовалъ д ръ Гавриловъ, такъ какъ другого права или основанія протестовать онъ не имѣлъ.

Зачѣмъ ему критиковать,—другими словами, тратить мозговую энергію, когда у него цѣлый арсеналъ оригинальныхъ блестящихъ мыслей. Зачѣмъ ему мыслить и трудиться надъ разрѣшеніемъ вопроса: въ чемъ реальныя нужды земства, каковы реальныя нужды даннаго момента, когда онъ безъ всякаго усилія ума и даже фантазіи можетъ наговорить въ одинъ часъ цѣлый коробъ готовыхъ, красивыхъ и эфектныхъ сентенцій,—другими словами, демократическихъ сентенцій. А что ни демократическое слово, то обѣдъ для голоднаго, что ни демократическая сентенція, то цѣлая земская столовая-чайная. Понятно, что всякое другое слово—индивидуальное, правдивое, продуманное и родившееся въ потѣ лица твоего,—только камень за пазухой для голоднаго. Понятно, что противъ такихъ мыслей надо протестовать; автора ихъ клеймить, поносить, казнить, бойкотировать. Вотъ она настоящая инквизиція; вотъ она эта хваленая демократическая свобода мнѣній, знакомая намъ уже фальшивая ассиганція.

Но развѣ чистыя, благородно-рыцарскія души демократовъ способны на такую жестокую несправедливость: клеймить, поносить, травить невиннаго? Развѣ общество прониклось бы такимъ уваженіемъ къ нимъ, такъ преклонялось бы передъ кличкой „демократъ“? И когда я глубже вникъ въ мотивы благороднаго Гавриловскаго протеста, я постигъ весь ихъ скрытый благородный смыслъ, я проникся сознаніемъ своей вины, своего преступленія противъ демократизма, противъ великихъ демократическихъ началъ. Каяться никогда не поздно,—а я каюсь въ своемъ великомъ грѣхѣ: я не раздавалъ... чужого богатства, я не благотворительствовалъ изъ... земскаго кармана; я не искалъ демократической популярности и славы на дутыхъ обѣщаніяхъ чужого добра! Моя вина въ томъ, что я считаю земство великимъ учрежденіемъ, имѣющимъ опредѣленное назначеніе: удовлетворять мѣстныя реальныя нужды и потребности деревни; притомъ—учрежденіемъ вынужденнымъ и временнымъ, призваннымъ

къ жизни на почвѣ инертности и некультурности деревни,—словомъ, бонной, приглашенной къ ребенку, который еще не твердо стоитъ на ногахъ. Я постигъ тогда, какую великую отвѣтственность несетъ земство; важно не только удовлетворять нужды деревни, но удовлетворять ихъ такъ, чтобы не вносить разладъ, не извращать нѣжную, хрупкую, дѣтскую душу деревни. Бонна можетъ любить ребенка, заботиться о немъ, но такъ неразумно опекать его, что онъ навсегда потеряетъ способность самостоятельно ходить и мыслить. И отвѣтственная задача земства заключается въ томъ, чтобы, опекая деревню, удовлетворяя ея нужды, удовлетворять ихъ такъ, чтобы будить истинную и реальную самодѣятельность населенія. Вотъ въ чемъ все величіе, вся трудность и отвѣтственность земской работы. Когда же я очутился въ центрѣ земской работы, когда мнѣ пришлось столкнуться съ медицинскими нуждами такой обширной по размѣрамъ и количеству населенія деревни, какъ Самарская губернія,—я увидѣлъ, какъ велики однѣ только насущныя, реальныя нужды деревни, какъ мало еще въ этомъ отношеніи сдѣлано, и какъ много еще нужно сдѣлать. Въ то же время я увидѣлъ, что Земская Россія не только не удовлетворяетъ насущныя, реальныя нужды деревни, но размѣнивается на мелочи, тратитъ силы, энергію и средства на предпріятія излишнія, эфемерныя для деревни и даже всемѣрно вредныя для нея. И вотъ тогда-то я постигъ, что назначеніе истиннаго земскаго работника—не искать дешовыхъ лавровъ и мало завидной демократической популярности путемъ щедрой раздачи и траты чужой для него, трудовой земской копейки,—а только въ томъ, чтобы отдѣлять сорную траву отъ злаковъ и давать деревнѣ одни только злаки. О, это тяжелая, великая, но прозаическая черная работа; ее оцѣнитъ небольшая кучка трезвыхъ, здравомыслящихъ, правдивыхъ людей, истинно преданныхъ интересамъ народа. Но кому нужны восторгъ и апплодисменты толпы, кому нужно, чтобы сантиментальныя дѣвицы и экзальтированные юноши устилали розами ихъ шествіе,—тому не мѣсто въ земствѣ, потому что тотъ за чужой счетъ, за трудовую земскую копейку внесетъ въ деревню одинъ только развратъ, разладъ, хотя и прослыветъ „популярнымъ общественнымъ дѣятелемъ“ среди того отборнаго круга лицъ, среди котораго пѣтухъ въ свое время прослылъ великимъ пѣвцомъ.

И первыя сорныя травы, которыя мнѣ встрѣтились на первыхъ шагахъ моей земской работы, и были продовольственные пункты, въ большомъ количествѣ оставшіеся въ наслѣдство отъ блаженной памяти Самарскаго Санитарнаго бюро. Я сразу постигъ и инстинктомъ, и сознаніемъ, что это—дутое, вредное предпріятіе. Обходилось оно земству ежегодно около двадцати тысячъ. На эти деньги можно было содержать въ губерніи, по меньшей мѣрѣ, пять постоянныхъ амбулаторныхъ участковъ. А сколько шума было вокругъ этихъ пунктовъ! Сколько людей работало для нихъ въ канцеляріи управы! Сколько докладовъ писалось, отчетовъ! Сколько тратилось времени на таблицы и діаграммы, на подсчетъ тарелокъ, ложекъ! Сколько одной бумаги тратилось! О, если бы въ земствахъ воздѣлывали одни злаки,

то трудно себѣ даже представить, какую массу служащихъ, занятыхъ только культурой сорныхъ травъ, пришлось бы освободить отъ обязанностей! Какая масса средствъ освободилась бы и отъ упраздненія должностей и отъ закрытія сорныхъ предпріятій! Какая масса насущныхъ, реальныхъ нуждъ земства была бы удовлетворена! Въ то же время—сколько разврата, сколько гибельнаго разлада было бы искоренено изъ деревни, изъ земской жизни! Я лично ставлю себѣ въ большую заслугу, что, благодаря моему докладу Управѣ, на основаніи впечатлѣній отъ объѣзда пунктовъ, они были упразднены въ Самарской губерніи. Правда, рѣдко кто оцѣнитъ такой „анти-общественный" подвигъ; толпа, подъ музыку Гавриловыхъ, будетъ его клеймить, но зато она будетъ засыпать цвѣтами Тезяковыхъ и всѣхъ ему подобныхъ „популярныхъ общественныхъ дѣятелей".

XVII.

Вотъ она гдѣ инквизиція! Мысли, молись по догматамъ демократической религіи, иначе тебя будутъ пытать, казнить всѣми пытками и казнями, какія только имѣются въ распоряженіи современнаго демократическаго инквизиторскаго суда.

О, русскій обыватель! Неужели ты не видишь, что̀ вокругъ тебя творится! Вѣдь, тебѣ досталось по наслѣдству великое духовное богатство, огромный духовный маіоратъ, подобія которому нѣтъ въ мірѣ, потому что этотъ маіоратъ созданъ по̀томъ, кровью и слезами твоихъ предковъ, потому что въ этомъ маіоратѣ вся твоя народная, чисто-русская душа. Но твое богатство не даетъ покоя ворамъ и аферистамъ. Какъ стая вороновъ, слетѣлись они во всеоружіи современныхъ воровскихъ орудій заграничнаго производства. Этими орудіями они туманятъ твой взоръ, втираютъ очки, усыпляютъ твой умъ, и ты въ какомъ-то чаду не замѣчаешь, какъ началось расхищеніе твоего великаго наслѣдія. Кругомъ тебя одна фальшь, одна демократическая ложь. Всѣ эти демократическія цѣнности, всякіе свободы, парламенты, соціальныя бредни, это—одинъ только дьявольскій демократическій опіумъ. Тебѣ его въ изобиліи преподносятъ, ты закуриваешся имъ изъ великолѣпнаго демократическаго кальяна; какъ самый обыкновенный курильщикъ опія, ты засыпаешь, видишь пріятные сны, тебѣ рисуются плѣнительныя и фантастическія картины демократической свободы, равенства и братства,—а въ это время тебя грабятъ и расхищаютъ у тебя все, что у тебя есть цѣннаго и дорогого, все, что у тебя есть фамильнаго и родового.

Вѣрь мнѣ: тебѣ говоритъ правдивый, искренній человѣкъ, уста котораго раскрываются только для того, чтобы говорить правду, глубоко-продуманную правду,—но правду не демократическую, фальшивую, а простую житейскую правду, основанную на здравомъ смыслѣ, на правдѣ жизни. Вѣрь мнѣ: то, что зовется демократіей, это—многоголовая гидра, это—злой наростъ, который впился въ твое тѣло. Растопчи эту гидру, вырви съ корнемъ этотъ наростъ! И, прежде всего, начни съ Государственной Думы, насильно, помимо

твоей воли и сознанія, навязанной тебѣ этой гидрой. Откажись отъ нея! Вѣрь мнѣ: Дума, парламентъ тебѣ не нужны; едва ли они нужны, вообще, какому-либо народу. Во всякомъ случаѣ, ты еще не доросъ до Думы. Но если, со временемъ, когда ты выростешь, у тебя окажется реальная потребность въ парламентѣ, то сама собой создастся тогда Государственная Дума,—но доморощенная, истинно-русская, народная, твоей волей, твоимъ умомъ, твоимъ разумомъ и правдивымъ сознаніемъ, русскій народъ, взрощенная Дума! Вотъ тогда это будетъ твой истинно-русскій парламентъ, который похожъ будетъ только на себя, и которому подобія въ мірѣ не будетъ. Это будетъ подлинная цѣнность, а до тѣхъ поръ это только фальшивая ассигнація, скопированная по заграничнымъ образцамъ и приносящая тебѣ не пользу, а сплошной непоправимый вредъ. Вотъ та мысль, которую я провожу въ своей брошюрѣ, и которую я хотѣлъ бы сдѣлать такъ же ясной для сознанія каждаго, какъ она ясна для моего сознанія.

Эту мысль я всячески постараюсь развить въ дальнѣйшемъ; но мнѣ кажется, что въ извѣстной степени, она должна стать ясной изъ всего мною выше изложеннаго. Въ самомъ дѣлѣ: вѣдь, Дума—учрежденіе выборное. Одного этого достаточно, чтобы отнестись къ ней отрицательно. А вѣдь, это—великое, отвѣтственное учрежденіе, которое призвано законодательствовать, творить великое Государево и народное дѣло. Другими словами,—творить это великое дѣло призванъ каждый избиратель, который и шлетъ въ Думу законодателя. Такъ развѣ есть у избирателя сознаніе его великой отвѣтственности? Никакого... Есть ли у него, вообще, какое-либо сознаніе? Будь у него таковое, онъ сказалъ бы: „мнѣ навязали дѣло, обязанности, которыхъ я совершенно не въ состояніи нести, потому что они не моего ума дѣло. Развѣ я знаю, какія достоинства нужны для того, чтобы быть законодателемъ, государственнымъ дѣятелемъ? Развѣ я знаю тѣхъ лицъ, изъ среды которыхъ я долженъ выбирать, развѣ я знаю даже того, за кого я подалъ голосъ? Я убѣжденъ, что у самихъ законодателей нѣтъ никакого сознанія, иначе они не пошли бы въ Думу. Да и я то хорошъ: выбираю лицъ не по ихъ государственнымъ талантамъ, а по ихъ программамъ,—а о программѣ я сужу по тому—пріятна она мнѣ или нѣтъ; много ли въ ней красивыхъ выраженій, звучныхъ фразъ, радужныхъ надеждъ и заманчивыхъ обѣщаній. И я доволенъ, я въ восторгѣ отъ такой пріятной программы. Но развѣ программа должна быть пріятной? Наоборотъ, программа должна бить избирателя, а не гладить его по головкѣ; она должна его терзать, рвать на части его сердце, его душу. Она должна дать его мысли адскую колоссальную работу. Послѣ всего этого она должна ему откровенно сказать, что къ обязанностямъ ни избирателя, ни законодателя онъ не приспособленъ“. Впрочемъ, послѣ такой программы, послѣ такой работы избиратель самъ придетъ къ такому сознанію.

Хотя бы о пресловутой свободѣ слова, свободѣ мнѣній. Начертать въ программѣ, что свобода слова необходима каждому обывате-

лю — и самому легко, и избирателю пріятно. Откровенно говоря, нѣтъ ничего легче и пріятнѣй. Что стоитъ при этомъ погладить еще по головкѣ избирателя и прибавить: „а какой ты уже большой, да умный, да паинька! Тебѣ давно пора дать свободу слова. Выбери меня только въ депутаты, и свобода слова — все равно, что у тебя въ карманѣ.“ Но совсѣмъ другое дѣло сказать избирателю:

„Свобода слова — великое благо, великое богатство, великій даръ. Но это не даръ человѣческій, а даръ Божій. Человѣкъ даритъ человѣку готовый кусокъ хлѣба, а Богъ даритъ хлѣбъ иначе. Онъ говоритъ: „Въ потѣ лица своего будешь ты добывать свой хлѣбъ!“ И все, что ни даритъ Богъ, — Онъ даритъ только такимъ путемъ. Онъ далъ человѣку душу, но въ потѣ лица своего долженъ работать человѣкъ, чтобы превратить свою душу въ человѣческую. Свобода слова совсѣмъ не пріятная игрушка, какъ ее изображаютъ въ программахъ; это — не право, не наградныя къ празднику. Это — Божій даръ, который надо добыть въ потѣ лица своего. Это — тяжелый трудъ, великая обязанность, это — то райское яблоко, которое растетъ только въ саду Кощея-Безсмертнаго. Надо, подобно Ивану-Царевичу, потратить годы тяжелаго труда, преодолѣть сотни самыхъ неимовѣрныхъ препятствій, убить тысячу разныхъ чудовищъ, и только черезъ трупъ Кощея добраться до райскаго яблока, которое зовется свободой слова. А этотъ садъ — душа человѣческая, и Кощей-разбойникъ сидитъ далеко и глубоко въ этой душѣ. Надо годами, вѣками работать надъ собой, надъ душой человѣческой, прочищать въ ней путь къ Кощею и убить его для того, чтобы стать достойнымъ свободы слова, потому что свободное слово — мужественное, но глубоко-правдивое слово. Мужественное слово можетъ быть — и лживымъ, и фальшивымъ, и несправедливымъ. Правдивое же слово — будетъ и мужественнымъ. Только глупцы, лишенные довольно симпатичнаго дара Божьяго — ума, думаютъ, что воровство, казнокрадство и другія преступленія зависятъ отъ того, что нѣтъ свободы слова, а что при свободѣ слова они исчезнутъ. Прежде всего, воровство, взяточничество, казнокрадство можетъ быть широко развито лишь тамъ, гдѣ оно встрѣчаетъ попустительство со стороны общества; это зло общественное, и стѣсненіе свободы слова здѣсь непричемъ. Свобода не спасла Францію отъ панамы и другихъ исторій; нѣмецкая честность и аккуратность вошли въ поговорку, хотя едва ли можно говорить о свободѣ слова въ Германіи. Но допустимъ даже, что свобода слова будетъ бороться съ казнокрадствомъ, взяточничествомъ и тому-подобными преступленіями, — то смѣло можно сказать, что она ничего не достигнетъ, если только всѣ эти преступленія присущи обществу или народу; всякое дѣйствіе встрѣчаетъ противодѣйствіе, и преступникъ приспособится къ новымъ условіямъ; можно смѣло и на основаніи фактовъ утверждать, что и въ Америкѣ, и во Франціи, и въ Италіи всѣ упомянутыя преступленія развиты въ гораздо большей степени, чѣмъ въ Россіи. А развѣ въ Россіи преступленія должностныхъ лицъ не караются? Развѣ обиды обывателей не нахо-

дятъ удовлетворенія себѣ въ судѣ? Развѣ интендантскіе процессы возможны были въ другой странѣ въ такомъ объемѣ и въ такомъ масштабѣ? Стоитъ только вспомнить дѣло Дрейфуса, чтобы понять, что свобода слова еще не значитъ, что наступила эра справедливаго, праваго и скораго суда. Но если противъ этихъ положеній можно еще возражать, то есть положеніе, которое всемѣрно и ясно говоритъ противъ абсолютно-благодѣтельнаго вліянія свободы слова. Именно: гдѣ гарантія, что свободой слова не воспользуются въ своихъ же интересахъ тѣ же казнокрады, взяточники? Наоборотъ, можно съ несомнѣнностью и безошибочно утверждать, что ею, этой хваленой свободой слова, только въ очень рѣдкихъ случаяхъ воспользуется честный человѣкъ, и что, наоборотъ, она послужитъ весьма цѣннымъ оружіемъ въ рукахъ именно аферистовъ и казнокрадовъ; наоборотъ, ясно, какъ Божій день, что отъ этой проклятой свободы слова будутъ страдать только честные, прямые, правдивые люди; что послѣднихъ будутъ свободно *поносить*, клеймить всѣ аферисты, шантажисты, а, подъ шумокъ, подберутся къ теплымъ мѣстамъ, къ общественному пирогу. И если въ печати или на митингѣ будутъ поносить кого-либо, называть казнокрадомъ, то гдѣ гарантія, что поносятъ казнокрада, а не казнокрадъ сваливаетъ съ больной головы на здоровую? Мало-мальски разсудительному, трезвому человѣку ясно и понятно, что свобода слова на руку только аферистамъ, взяточникамъ и казнокрадамъ. Измѣнилось развѣ что-либо во Франціи? Тѣ же министры, тѣ же чиновники, судьи; та же продажа мѣстъ, орденовъ, та же протекція и т. п.; стало только меньше честныхъ и правдивыхъ людей, потому что при свободѣ слова правдой, усердіемъ не пробьешься въ люди. Кто больше вретъ, больше рѣчистъ, больше направо и налѣво раздаетъ чужого добра, тотъ и проползетъ впередъ. И пока нѣтъ правды въ насъ самихъ, пока правда жизни въ загонѣ, нѣтъ и не можетъ быть свободы слова, а будетъ одна только разнузданность слова, на руку только хулиганамъ слова и души. Истинно же свободное слово, — другими словами, правдивое слово — составляетъ часть человѣческой души, и вретъ, безсовѣстно вретъ тотъ демократъ, тотъ шантажистъ, который обѣщаетъ его дать. Правдивое слово позволитъ себѣ обвинять человѣка, только имѣя фактическія основанія,—только тогда, когда онъ пойманъ на мѣстѣ преступленія. Поймать вора на мѣстѣ преступленія можно такъ же, какъ я поймалъ д-ра Гаврилова, и какъ я все время ловлю демократовъ, т.-е. путемъ послѣдовательныхъ, ясныхъ и реальныхъ выводовъ. И только тогда, когда я, такимъ образомъ, поймалъ вора, — я кричу: „вотъ воръ!“ Но поймать вора, казнокрада не значитъ еще, что надо тащить его въ участокъ. Правдивое слово далеко отъ такихъ опрометчивыхъ и хулиганскихъ поступковъ. Оно начнетъ анализировать; быть можетъ, преступленіе присуще всему обществу, быть можетъ, преступникъ является жертвой повальной преступности. Виноватъ взяточникъ, но еще болѣе виноваты тѣ, которые поощряли это преступленіе. Правдивое слово и полагаетъ, что, заклеймивъ взяточника, оно не искоренитъ взяточничества, и оно не

имѣетъ права клеймить одного, разъ оно не клеймитъ другихъ. Правдивое слово обсудитъ и тотъ вопросъ: не превыситъ ли предполагаемое возмездіе вину преступника? Помимо того, правдивое слово выступитъ только въ интересахъ правды; для него не существуетъ ни личныхъ, ни партійныхъ, ни даже родственныхъ и тому подобныхъ интересовъ; надъ всѣми господствуютъ интересы правды, и правдивое слово замолкнетъ, будетъ нѣмо, какъ рыба, при малѣйшемъ подозрѣніи, что имъ руководитъ не правда, а стремленіе на чужомъ несчастьи создать свое или чье-нибудь счастье. Но пусть преступникъ пойманъ на мѣстѣ преступленія, пусть преступленіе его индивидуально велико, пусть оно заслуживаетъ наказанія въ интересахъ правды и справедливости,—то и тогда правдивое слово запроситъ правду жизни, здравый смыслъ жизни: не принесетъ ли разоблаченіе больше вреда, чѣмъ пользы реальнымъ интересамъ жизни, т.-е. даннаго момента, данныхъ условій, данныхъ обстоятельствъ. Вѣдь, каждое преступленіе преступно только само по себѣ, взятое внѣ жизни. Убійство—преступленіе, но убійство во время самообороны—не преступленіе. Лишеніе свободы—преступленіе, но лишеніе свободы буйно-помѣшаннаго—не преступленіе. Если бы всякое преступленіе каралось, зачѣмъ тогда нуженъ былъ бы судъ? Если даровитый государственный дѣятель и, вообще, полезный работникъ имѣетъ какой-либо недостатокъ, какую-либо слабость, вредъ отъ которыхъ значительно меньше приносимой ими пользы, то правдивое слово въ интересахъ жизненной правды, т.-е. здраваго смысла, умолчитъ объ этой слабости. Вообще, трудно перечислить ту массу случаевъ, когда здравый смыслъ наложитъ узду на правдивое слово. Я позволю себѣ дать одинъ примѣръ, который сдѣлаетъ понятной мою мысль, и что́ я понимаю подъ правдой жизни. Канатный плясунъ производитъ свои опасныя упражненія на канатѣ; въ это время въ его квартирѣ или уборной произошелъ пожаръ, или другое несчастье; допустимъ даже, что присутствіе плясуна необходимо, но неужели здравый смыслъ не подскажетъ всякому, что надо скрыть правду отъ акробата, такъ какъ онъ можетъ упасть и убиться насмерть? Вообще, трудно представить всю ту массу комбинацій и требованій, которыя предъявляются къ свободному, правдивому слову. Изъ представленнаго мной краткаго и сжатаго очерка видно, какая кропотливая и отвѣтственная работа мысли и души нужна для свободнаго, правдиваго слова, какая моральная отвѣтственность лежитъ на свободномъ словѣ. И свободное слово будетъ только тогда правдивымъ, когда человѣкъ питаетъ уваженіе къ своему слову. Вотъ это уваженіе къ своему слову и есть часть человѣческой души, которой никакими программами, никакими конституціями не дашь человѣку. Уважать же чужое мнѣніе можетъ только тотъ, кто уважаетъ свое мнѣніе. А ты, русскій избиратель,—кто бы ты ни былъ: рабочій изъ типографіи или интеллигентъ изъ какого-либо „культурнаго общества“,—ты не только еще не доросъ до свободы слова, но тебѣ и издали еще ее нельзя показать. Тебѣ только можно сказать: „истинная свобода слова живетъ далеко: за морями, за горами, за сыпучими песками, въ саду Кощея-Безсмертнаго; иди, доберись до

сада—и черезъ трупъ Кощея-разбойника добудешь свободу слова!"

Такъ развѣ понравятся такія рѣчи простодушному обывателю, который еще со временъ Рима привыкъ къ даровымъ и пріятнымъ зрѣлищамъ? Онъ даже вознегодуетъ и обзоветъ оратора Пуришкевичемъ, черносотенцемъ.

Зато, какъ пріятно читать обывателю въ программѣ: „Развѣ кто-либо, кромѣ народа, можетъ знать нужды народныя? Кто, кромѣ народа, можетъ издавать полезные народу же законы? И въ управленіи, и въ законодательствѣ долженъ участвовать народъ,—другими словами, каждый обыватель. Эта власть олицетворяется въ избирательномъ правѣ. Избирая, обыватель и законодательствуетъ, и управляетъ черезъ своихъ выборныхъ. Избирательное право—неотъемлемое право каждаго обывателя. Воля большинства—воля народа, а гласъ народа—гласъ Божій".

А попробуйте-ка сказать обывателю: „Избирательное право для обывателя, для народа—пустой звукъ. Избиратель только избираетъ, т.-е. бросаетъ записку, а законодательствуетъ небольшая кучка лицъ, а отнюдь не народъ. Избирательное право нужно только для небольшой кучки лицъ, которая такимъ путемъ пробирается къ славѣ, почету, власти. Избиратель не законодательствуетъ, а только таскаетъ каштаны изъ огня. И хотя къ народнымъ пословицамъ я отношусь съ уваженіемъ, но единственная пословица, которая составляетъ исключеніе, это—пословица: „гласъ народа—гласъ Божій!" Эту пословицу выдумалъ не народъ, а интеллигенція, потому что безсмысленнѣй этой пословицы трудно себѣ что-либо представить. Есть другая поговорка, діаметрально противоположная ей: „нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ". Богъ говоритъ именно черезъ отдѣльныхъ лицъ, черезъ пророковъ, и этотъ голосъ Бога никогда не признается народомъ, вѣрнѣе—большинствомъ его. Гласъ Божій—не гласъ народа. Сколько истинно-великихъ людей, устами которыхъ, быть можетъ, говорилъ Богъ, погибли отъ рукъ народа же; сколько бездарностей было, есть и будетъ въ почетѣ у современниковъ! Развѣ Рафаэлей, Бетховеновъ, Дарвиныхъ много на свѣтѣ? Если одинъ Рафаэль написалъ хорошо картину, то это не значитъ, что тѣмъ болѣе два-три милліона бездарностей напишутъ такъ же или даже еще лучше. Тысяча врачей посовѣтуютъ больному одно, а больной пойдетъ къ знаменитому профессору и сдѣлаетъ такъ, какъ ему профессоръ скажетъ. Наоборотъ, если одинъ оселъ сказалъ, что: „жаль, что не знакомъ ты съ нашимъ пѣтухомъ"—то можно быть увѣреннымъ, что и тысячи, и милліоны ословъ сказали бы то же самое. Законодательство, управленіе—такой же даръ, такой же талантъ, какъ и талантъ художника, пѣвца, и, какъ всякій талантъ, даръ законодательства, управленія олицетворяется въ отдѣльныхъ личностяхъ. Великіе государственные умы такъ же рѣдки, какъ великіе художники, музыканты; и какъ милліоны людей не создадутъ аріи Бетховена,—какъ бы дружно они ни работали,—такъ милліоны не создадутъ того, что создастъ одинъ истинный государственный умъ.

При избирательномъ правѣ выдвинутся только ничтожества, выдвинутся только языкомъ, только тѣмъ, что способны пускать пыль въ глаза и всячески потворствовать капризнымъ требованіямъ толпы. Великій умъ, который призванъ прокладывать новые пути, который идетъ своей дорогой, внѣ и выше толпы, не будетъ признанъ послѣдней и потонетъ въ морѣ ничтожествъ. И при избирательномъ правѣ, какъ и безъ него, властвуютъ нѣсколько лицъ, но къ власти подбираются не правдивые, даровитые люди, а только аферисты, умѣющіе угодить толпѣ. А угодить толпѣ легко: стоитъ пообѣщать ей всякаго чужого добра. Избирательное право, это—тотъ усыпительный порошокъ, которымъ экспропріаторы иногда усыпляютъ свои жертвы и затѣмъ обкрадываютъ ихъ до-чиста. Если свобода слова составляетъ часть человѣческой души и спрятана гдѣ-то въ тайникахъ Кощея-Безсмертнаго, то избирательное право лежитъ даже внѣ души, внѣ возможностей человѣческихъ; истинное избирательное право едва ли осуществимо на землѣ; для его осуществленія требуется, чтобы исчезли въ человѣчествѣ зависть, честолюбіе, жажда власти, богатства, легкаго труда и всякія мелкія низменныя человѣческія свойства; требуется, чтобы все это поголовно исчезло въ народѣ, чтобы весь народъ поголовно состоялъ изъ истинно-правдивыхъ людей. Надо, чтобы на одного дурака приходилось 100 умныхъ, а на одного осла—тысяча людей, а на одного вора и аферисга—милліоны честныхъ людей. А пока этого нѣтъ,—бѣги, обыватель, отъ этого проклятаго права, какъ отъ искушенія сатаны!“

Такъ говорятъ правые, такъ говоритъ Пуришкевичъ; а его ругаютъ, и надъ нимъ смѣются, потому что правда рѣдко бываетъ пріятной,—а всегда горькой, и правды не любятъ. Человѣчеству, народамъ прійдется еще долго, долго работать надъ собой для того, чтобы полюбить правду. Пройдутъ вѣка, тысячелѣтія... Въ потѣ лица своего надо человѣку добывать себѣ не только хлѣбъ насущный, но и правду, свободу слова, избирательное право. Все это составляетъ часть человѣческой души, потому что Богъ далъ человѣку только душу, а чтобы сдѣлать человѣческой, приблизить ее къ Богу—человѣку надо въ потѣ лица своего работать и работать тысячелѣтіями...

И правдивый обыватель продолжалъ бы: „Такъ развѣ я въ состояніи разобраться въ программахъ? Я о программѣ сужу по оратору на предвыборныхъ собраніяхъ; пріятно мнѣ слушать оратора—программа хорошая, непріятно—плохая. И все время забавляютъ меня ораторы, по головкѣ гладятъ, подарки обѣщаютъ, паинькой зовутъ, умницей, подъ шумокъ фальшивыя ассигнаціи раздаютъ,—врутъ, словомъ, во-всю Ивановскую, потому: пріятное слово—фальшивое слово. А правительство, администрацію, министровъ—какъ ругаютъ! А, какъ извѣстно, обывателю кушать не давай, только начальство ругай. А для чего, вообще, нужны программы? Въ Думу надо носить не чужую программу, а собственную голову. Программа убиваетъ мысль, душу, чувство, превращаетъ человѣка въ сухую мумію, въ чиновника, бюрократа. Донъ-Кихотъ, по программѣ, бросился на вѣтряныя мельницы, а члены Думы, по программѣ, бросают-

ся на министровъ. Въ министерствахъ сидятъ живые люди, дѣлаютъ живое отвѣтственное дѣло, а бюрократы сидятъ въ Государственной Думѣ, въ парламентахъ. Вотъ когда получилось средостѣніе; его не было, пока не было Думы. Потому что въ Думѣ не русскій народъ, не люди со здравымъ смысломъ русскаго народа, несущіе на плечахъ наслѣдство, доставшееся отъ предковъ; потому что въ Думу попадаютъ только странныя существа, безпомощно болтающіяся въ заоблачныхъ туманахъ, съ программами за спиной вмѣсто головы на плечахъ. Въ Думѣ много народу; тамъ сидятъ Марксы, Лассали, Бебели и Гладстоны, Жоресы и Клемансо; нѣтъ только русскаго народа, нѣтъ только русскихъ людей! Тамъ капиталъ Маркса, книги Бернштейна, рѣчи Бебеля и Гладстона, нѣтъ только здраваго смысла русскаго народа, а если съ правыхъ скамей уныло и пугливо высовываетъ даже только кончикъ своего носа здравый смыслъ русскаго народа, то его на смѣхъ подымаютъ.

Охъ, читатель, если бы ты зналъ, какъ мнѣ обидно за русскій народъ, какъ мнѣ жаль его, какъ я плачу за него горькими слезами! Воспитанный на истинныхъ и вѣковѣчныхъ традиціяхъ Моисея и пророковъ, я проливаю слезы за всякій народъ, который находится въ такомъ же положеніи, какъ и русскій. Вѣдь, русскому народу нельзя и носа показать на улицу у себя же дома, въ Россіи; а о здравомъ смыслѣ русскаго народа и говорить нечего: сейчасъ же на смѣхъ подымутъ, по всѣмъ газетамъ, обществамъ, комитетамъ разнесутъ, всѣ косточки перемоютъ и казнятъ здравый смыслъ народа лютой казнью. Знай, читатель, что здравый смыслъ русскаго народа—въ союзѣ русскаго народа, на скамьяхъ тѣхъ, которыхъ зовутъ консерваторами. Вѣдь, прогрессъ—понятіе растяжимое, и каждый по своему понимаетъ прогрессъ. Во всякомъ случаѣ, прогрессъ внѣ жизни, вопреки правдѣ жизни—безуміе. Можно итти впередъ и наткнуться на бурный потокъ; консерваторъ станетъ, обдумаетъ положеніе и приступитъ къ постройкѣ моста, или же обойдетъ стороной потокъ; прогрессистъ же, подобно Донъ-Кихоту, повинуясь программѣ, по зову послѣдней: „впередъ!"—бросится въ потокъ, потонетъ и другихъ потопитъ. И, очутившись на той сторонѣ потока, пойдетъ дальше консерваторъ, прогрессистъ же останется на днѣ его. Знай, читатель, что на лѣвыхъ скамьяхъ никакого здраваго смысла нѣтъ; тамъ въ ходу только фальшивыя ассигнаціи заграничнаго производства. Увы,—на нѣкоторыхъ ассигнаціяхъ имѣется и еврейская печать! Я плачу за русскій народъ, но если бы кто захотѣлъ заглянуть въ мою душу и посмотрѣть, какими слезами я плачу за еврейскій народъ, онъ захлебнулся бы въ этомъ потокѣ слезъ. За русскій народъ много плакальщиковъ, а за еврейскій народъ плакалъ и будетъ плакать одинъ Еремія. Сколько же слезъ ему надо и хватитъ ли у него слезъ?

XVIII.

Возвращаясь къ предмету своей бесѣды, я бы, однако, согрѣшилъ противъ истины, если бы не указалъ на положительную сторону парламентскаго режима: на законодательную дѣятельность де-

путатовъ. Эта дѣятельность, такъ сказать, довершаетъ всю упомянутую выше кипучую работу парламентовъ всѣхъ странъ. Въ русскомъ парламентѣ эта работа идетъ въ двухъ направленіяхъ: въ собственной депутатской законодательной дѣятельности и въ разсматриваніи законопроектовъ, представляемыхъ министрами. Законопроекты, представляемые депутатами, называются „насущными реформами", а законопроекты, представляемые министрами, называются „вермишелью". Депутатскіе законопроекты имѣютъ цѣлью обновить всю Россію, перестроить ее на швейцарско-французско-англійскихъ началахъ. Это все законопроекты о разныхъ свободахъ, объ избирательномъ правѣ, объ отмѣнѣ смертной казни, о неприкосновенности личности, о всякихъ автономіяхъ: школьной, университетской, земской, городской, объ отвѣтственномъ министерствѣ и т. п. Все имѣетъ цѣлью осчастливить Россію и русскій народъ. Часть этихъ демократическихъ даровъ я уже разобралъ, до остальныхъ доберусь. Одна свобода слова чего стоитъ! Она тушитъ пожары, страхуетъ имущества, дураковъ превратитъ въ умныхъ,ословъ—въ людей, безобразныхъ—въ красивыхъ, горбатыхъ—въ прямыхъ, старымъ дѣвамъ дастъ жениховъ, старикамъ вернетъ молодость. Она сдѣлаетъ больше: она убьетъ правду слова, вытравитъ правду жизни, здравый смыслъ. А, вѣдь, правда, здравый смыслъ—единственныя препятствія на пути осуществленія депутатскихъ законопроектовъ.

Само собой разумѣется, что эта положительная дѣятельность депутатовъ приноситъ обильные плоды, главнымъ образомъ, потому, что ни одинъ изъ проектовъ до сихъ поръ въ Думѣ, слава Богу, не прошелъ. Я думаю, даже самимъ великимъ авторамъ того или иного законопроекта ясно, какія несчастья несетъ народу ихъ законопроектъ. Тѣ, которые въ тайникахъ своей души желаютъ, дѣйствительно, блага народу, рады-радешеньки, что ихъ законопроектъ не прошелъ. Для многихъ, вѣроятно, принятіе ихъ законопроекта было бы тяжелымъ и неожиданнымъ несчастьемъ. Они и составляютъ и вносятъ законопроекты, только въ увѣренности, что послѣдніе не будутъ приняты. Зато, что можетъ сравниться съ выгодами той тактической позиціи, когда губительный законопроектъ не принятъ. Въ общежитіи такая позиція выражается поговоркой: „и волки сыты, и овцы цѣлы!" Обыватель въ восторгѣ отъ своего трудолюбиваго и вѣрнаго демократической программѣ депутата. Депутатъ не менѣе въ восторгѣ, что его труды погибли втуне; кто его знаетъ, счастье или несчастье они принесли бы народу? Но зато онъ имѣетъ возможность теперь всѣ бѣды, всѣ несчастья валить на отклоненіе его законопроекта,—другими словами, на власть, на администрацію, на правыхъ; случится ли голодъ, пожаръ, землетрясеніе; крушеніе ли поѣзда или сходъ трамвайнаго вагона,—простодушному и недалекому обывателю, даже безъ словъ, понятно, что виной—отклоненіе депутатскаго законопроекта. На случай же, если попадается обыватель, не вполнѣ простодушный, у котораго умъ еще не совсѣмъ за разумъ зашелъ, то къ услугамъ депутатовъ—газеты, общества, комитеты, собранія, лекціи народнаго университета. Все это создано, все это

существуетъ только для того, чтобы отбить у обывателя остатки сообразительности и здраваго смысла. Увы,—чѣмъ дальше, тѣмъ все больше газетъ, обществъ; тѣмъ все больше они вытѣсняютъ здравый смыслъ, тѣмъ все меньше здраваго смысла, все меньше здравомыслящихъ людей. Страшно, жутко дѣлается при мысли, какая медленная хроническая отрава вливается въ душу, сердце и мысль русскаго народа,—того народа, который до послѣдняго времени шелъ своимъ путемъ, своимъ нормальнымъ развитіемъ, не поддаваясь соблазну заграничныхъ сиренъ! Неужели этой отравѣ, этому иноземному нашествію не будетъ положенъ предѣлъ? Неужели великому русскому народу грозитъ участь Рима и Франціи,—та участь, которая грозитъ уже многимъ народамъ?

Вотъ она—тактика партіи, основанная на знаменитомъ іезуитскомъ правилѣ: „цѣль оправдываетъ средства". Люди работаютъ, составляютъ законопроекты, защищаютъ ихъ, говорятъ безумолку, будучи заранѣе увѣрены, что они производятъ безплодную сизифову работу. И людямъ не жалко ни рукъ, ни языка. Очевидно, лѣвые депутаты преслѣдуютъ какую-то побочную, скрытую цѣль. И цѣль эта, несомнѣнно, велика, разъ на нее тратится столько благородныхъ демократическихъ силъ. Хитрые прогрессисты и кадеты дѣлаютъ видъ, что они всерьезъ представляютъ законопроекты; но наивные трудовики и эсдеки выдаютъ и себя, и ихъ съ головой. Они прямо заявляютъ, что говорятъ только „черезъ голову Думы". Вотъ она—великая цѣль, которая оправдываетъ всѣ средства. Это—игра на простодушіе, это—ставка на довѣрчивость обывателя; и правду сказать: надо быть самаго невысокаго мнѣнія о русскомъ обывателѣ, надо низко оцѣнивать его достоинство и здравый смыслъ и въ высокой степени презирать его, чтобы позволить себѣ такое выраженіе и такую тактику. Да и что сказать, что думать объ обывателѣ, котораго не только не возмущаетъ ни тактика депутатовъ, ни упомянутое наглое выраженіе, но, наоборотъ, приводитъ въ восторгъ, доставляетъ ему полное удовлетвореніе, какъ будто депутатъ совершилъ все, что отъ него требовалось. Вѣдь, въ переводѣ на обыкновенный языкъ, выраженіе: „черезъ голову Думы"—означаетъ, что депутатамъ на свои депутатскія обязанности въ высокой степени наплевать. Какое имъ дѣло до законодательства, до государственнаго строительства, до дѣла, ради котораго создана Дума, ради котораго они-то и призваны. Ихъ дѣло—только угодить толпѣ, наговорить любезностей обывателю. Да развѣ они способны на что-либо другое? Развѣ они обучались тому дѣлу, на которое они пошли? Развѣ они имѣютъ въ немъ какой-либо опытъ или имѣютъ къ нему призваніе? Всякій понимаетъ, а каждый депутатъ это тѣмъ болѣе чувствуетъ, что избранники народные совершенно безпомощны въ своемъ дѣлѣ; для депутата законодательствовать, это—каторжный, непосильный трудъ, все равно, что требовать отъ мужчинъ, чтобы они рожали дѣтей. Онъ этого законодательства боится, какъ огня, и ему не остается другого исхода, какъ говорить „черезъ голову Думы",—какъ лисицѣ оставался одинъ исходъ: утверждать, что „зеленъ виноградъ, и ягодки нѣтъ зрѣлой".

Если депутатъ говоритъ черезъ голову Думы, т.-е. только для толпы, для обывателя, и если обывателя это заявленіе удовлетворяетъ, то, очевидно, и избранники, и ихъ избиратели совершенно не созданы для Думы,—ея назначеніе имъ чуждо и непонятно; очевидно, что Дума, это—по замыслу—великое законодательное и государственное учрежденіе, и для депутата и для обывателя представляетъ одну только забаву, одно только развлеченіе. Депутату нужно только одобреніе толпы; онъ только угождаетъ толпѣ, и ищетъ и добивается у нея дешовой популярности и мишурной славы. Толпа ждетъ отъ депутата пріятныхъ рѣчей, любезностей по своему адресу, внимательности къ ея самымъ мелкимъ, большей частью—фиктивнымъ, воображаемымъ нуждамъ,—словомъ, чтобы депутатъ говорилъ именно „черезъ голову Думы", т.-е. только для нея, для толпы. Говорить для толпы, только для одобренія толпы—и легко, и пріятно; слушать пріятныя рѣчи—и легко, и пріятно. Ни депутатъ, ни избиратель не сознаютъ, какую непосильную задачу они добровольно взвалили на себя, какое великое и отвѣтственное призваніе требуется для законодательства, какъ это призваніе рѣдко, и какой это тяжелый, каторжный, а, главное, неблагодарный трудъ. То, что происходитъ въ парламентахъ, не работа, не трудъ; это—подпись подъ переводомъ съ тарабарскаго нарѣчія. Законодательство же по программѣ такъ же далеко отъ истиннаго законодательства, какъ разсказы заученныхъ анекдотовъ отъ истиннаго остроумія. Но мало того: законодательство, истинная государственная дѣятельность, по самому своему существу, доставляетъ обывателю одни огорченія, однѣ непріятности; вѣдь, они ставятъ и должны ставить предѣлы обывательскому произволу, невоздержности, зависти, мстительности и тому-подобнымъ безчисленнымъ, природнымъ обывательскимъ свойствамъ. *Государственная дѣятельность и обывательская психика—два несовмѣстимыхъ и противоположныхъ понятія.* Истинный законодатель и обыватель, это—два естественныхъ, непримиримыхъ врага. Какъ же можно допустить, чтобы обыватель избиралъ себѣ законодателя? И то, что происходитъ въ парламентахъ, не носитъ и слѣда законодательства; тамъ только лакейское угодничанье, тамъ въ ходу одни только пикантные анекдоты. Если бы обыватель цѣнилъ истиннаго государственнаго дѣятеля, настоящаго природнаго законодателя, онъ не требовалъ бы парламента. Парламентъ явился только на почвѣ обывательской страсти къ анекдотамъ и, вообще, къ пріятному времяпрепровожденію. Парламентъ для обывателя — то же, что для древнихъ королей придворные шуты.

И, когда волей-неволей приходится вникать въ смыслъ событій и жизненныхъ фактовъ, все больше убѣждаешься, какая это удивительно мѣткая и вѣрная поговорка: „нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ". Въ самомъ дѣлѣ: вѣдь, пророкъ призванъ „глаголомъ жечь сердца людей". Я прибавилъ бы только слово „правдивымъ", потому что жечь можно только правдой. Правдивый глаголъ пророка жжетъ, терзаетъ, мучительно бьетъ по тупымъ и черствымъ людскимъ сердцамъ. Кто же любитъ, кому пріятно, чтобы его терзали, мучили, били? Развѣ такой пророкъ будетъ популяренъ? Что пророкъ творитъ

глаголомъ, то истинный законодатель, государственный умъ творитъ дѣломъ. Каждый правдивый законодательный или государственный актъ—актъ болѣзненный; онъ болѣзненно отзывается на многихъ; онъ также жжетъ, терзаетъ, бьетъ по черствымъ человѣческимъ сердцамъ; такимъ актомъ или удаляется гнилой зубъ изъ народнаго организма, или вскрывается нарывъ, вырѣзается злокачественный наростъ и т. п. Развѣ могутъ нравиться современникамъ такіе государственные дѣятели? Какъ и пророки, они въ загонѣ. Людямъ нравятся, имъ пріятны... „популярные общественные дѣятели". Вотъ кого они чествуютъ, кому—еще при жизни—курятъ фиміамъ, кого они выбираютъ въ депутаты, въ законодатели и государственные дѣятели. Пророковъ и истинныхъ государственныхъ дѣятелей также выбираютъ, но выбираетъ... Богъ; пророкомъ и государственнымъ дѣятелемъ родятся, потому что и то, и другое—даръ Божій. Люди же выбираютъ „популярныхъ общественныхъ дѣятелей", а популярными общественными дѣятелями не родятся, а—дѣлаются.

А сдѣлаться популярнымъ общественнымъ дѣятелемъ всякій можетъ, было бы только желаніе. О, если бы люди знали, какъ легко казаться добрымъ, будучи злымъ, черствымъ, какъ легко расточать направо и налѣво ласковыя улыбки, тая въ душѣ злобу и ядъ; какъ легко, со змѣинымъ жаломъ, говорить пріятныя рѣчи. О, если бы люди это знали,—они поняли бы, какъ легко стать популярнымъ общественнымъ дѣятелемъ! Всегда имъ станетъ тотъ, кому популярность, поклоненіе толпы, общественное мнѣніе дороже правды. Несчастье пророковъ, несчастье великихъ государственныхъ дѣятелей, что они дорожатъ величайшимъ даромъ Божьимъ—правдой. Что несчастье для пророковъ, то счастье для народовъ и человѣчества. Увы, обыватели—толпа—любятъ только пріятныя рѣчи, ласковыя слова, мелкія услуги! Пусть все это фальшь, ложь, ехидство! Что до этого тому глупому ничтожеству, которое зовется человѣкомъ? Лишь бы ему было пріятно.

И депутаты изъ числа „популярныхъ общественныхъ дѣятелей" стремятся только къ тому, чтобы угодить избирателю, доставить ему удовольствіе. Въ парламентахъ нѣтъ законодательства,—тамъ царитъ одно только лакейское угодничанье. Выраженіе: „черезъ голову Думы"—чисто-лакейское. Но оно говоритъ еще о томъ, что цѣль депутата не только угодить толпѣ, его цѣль—агитировать черезъ Думу, пользуясь депутатской неприкосновенностью. Вотъ, въ чемъ коренное зло Думы, о которомъ я буду еще имѣть случай подробно поговорить.

Столь же плодотворна, столь же благодарна дѣятельность депутата, когда онъ разсматриваетъ министерскіе законопроекты. Здѣсь царство критики, здѣсь—царство Шингаревыхъ. Передъ изумленнымъ взоромъ здравомыслящей Россіи проходятъ, на депутатской трибунѣ, всѣ герои крыловскихъ басенъ; тутъ и моськи, лающія на слоновъ, и ослы, критикующіе пѣнье соловья; тутъ и лисы съ медоточивыми рѣчами, и вороны, каркающія во все воронье горло; тутъ

цѣлыя серіи ословъ, козловъ, мартышекъ и косолапыхъ мишекъ, не знающихъ, гдѣ и какъ имъ сѣсть и даже въ какія двери—налѣво, или направо—имъ выйти; тутъ и услужливые медвѣди съ булыжниками въ лапахъ, взявшіе на себя миссію охранять и защищать интересы рабочихъ и крестьянъ; тутъ и волки въ овечьей шкурѣ и т. д., и т. д. Все двинулось походомъ на министровъ, братъ идетъ на брата, Маклаковъ на Маклакова. О критикѣ этой я уже говорилъ, и здѣсь повторяться не буду. Ждутъ депутаты министерскихъ законопроектовъ, какъ манны небесной; открывается перспектива всякихъ возможностей. Депутаты, конечно, заранѣе увѣрены, что министерскій законопроектъ будетъ принятъ. Тѣмъ яростнѣе они критикуютъ законопроектъ, но... они были бы крайне озадачены, если бы почему-либо законопроектъ провалился, какъ они были бы озадачены, если бы ихъ собственный законопроектъ, наоборотъ, былъ принятъ. По той же причинѣ, по которой они боятся принятія своего, они, какъ огня, боятся провала министерскаго законопроекта. И въ томъ и въ другомъ случаѣ они получаютъ возможность во всѣхъ бѣдахъ и напастяхъ винить министровъ и правыхъ: „занимаются, молъ, вермишелью, принимаютъ всякія вермишельные и вредные законопроекты, несмотря на жестокую и справедливую критику благородныхъ и единственныхъ друзей народа—прогрессистовъ и кадетовъ; наоборотъ, въ коренныхъ и насущныхъ реформахъ, которыхъ требуютъ защитники народныхъ интересовъ изъ того же лагеря, правящія партіи отказываютъ. Можно развѣ при такихъ условіяхъ ожидать народнаго благоустройства и благополучія?..

Скажите на милость: есть ли на свѣтѣ хоть одинъ человѣкъ, который былъ бы доволенъ своей судьбой, который не считалъ бы себя обиженнымъ? Всѣ эти обывательскія бѣды и нужды, конечно, обычныя, мелкія, самаго заурядnаго типа, но каждому обывателю онѣ кажутся необыкновенно-серьезными и важными; по его мнѣнію, отъ нихъ зависятъ судьбы народа и человѣчества. Конечно, во всѣхъ этихъ бѣдахъ и нуждахъ обывательскихъ, виноватъ самъ обыватель; вѣдь, каждый—кузнецъ своего счастья; о воображаемыхъ же бѣдахъ и говорить нечего. Вотъ съ этимъ именно ни одинъ обыватель не можетъ помириться; во всякой его бѣдѣ, во всякомъ его горѣ—кто-нибудь виноватъ, но только не онъ; вѣдь, извѣстно, что даже умираетъ человѣкъ только по винѣ докторовъ. И ничѣмъ такъ не угодишь обывателю, какъ сочувствіемъ къ его бѣдамъ: онъ каждое слово сочувствія принимаетъ за чистую монету; но еще больше угодишь ему, когда признаешь, что самъ обыватель нисколько не повиненъ въ своемъ горѣ; но что можетъ сравниться съ тѣмъ обывательскимъ восторгомъ, когда еще укажешь ему виновника его бѣдъ и напастей? Обыватель такъ жаждетъ свалить на кого-нибудь вину, такъ жаждетъ найти виновника, что его можно натравить на кого угодно; въ особенности, онъ повѣритъ тому, кто ему еще сочувствіе высказываетъ и увѣряетъ его, что онъ его единственный и лучшій другъ. Особенно легко такимъ путемъ натравить обывателя на власть; еще легче тѣмъ же путемъ пріобрѣсти „довѣріе“. Удивительно глупъ и наивенъ человѣкъ: скажешь вору, пьяницѣ или лежебоку, что каждый изъ нихъ самъ виноватъ въ

своемъ порокѣ, и что отъ нихъ зависитъ, быть ли пьяницей или воромъ, и этимъ пріобрѣтешь на вѣки-вѣчные врага. Выскажешь тому же пьяницѣ притворное сочувствіе, скажешь, что человѣкъ въ своихъ слабостяхъ не виноватъ, и пріобрѣтешь самаго преданнаго друга, потому что охотнѣе всего онъ вѣритъ такимъ заявленіямъ; только такимъ путемъ можно пріобрѣсти довѣріе любого обывателя. Послѣ этого онъ будетъ вѣрить каждому твоему слову; твой врагъ будетъ его врагомъ, твой другъ станетъ его другомъ.

Между тѣмъ, есть у человѣка истинное горе, а не воображаемое; это горе, дѣйствительно, крупное, оно имѣетъ огромное общечеловѣческое значеніе; между тѣмъ, этого горя никто не замѣчаетъ, никто ему не сочувствуетъ, хотя оно приноситъ человѣку несчастье за несчастьемъ. Это горе человѣка—его правда. Правдой не проживешь, правдой только враговъ наживешь. Если правда, истинная, жизненная правда живетъ въ человѣкѣ, нѣтъ ему больше несчастья въ мірѣ. Правда и дѣйствительность—сплошной трагизмъ. Развѣ болѣзнь, смерть, нищета, голодъ, пожаръ—это несчастья? Это все мелко, кажется несчастьемъ только человѣку, все это только мелкіе и обычные жизненные эпизоды. Но вотъ несчастье, когда попираютъ твою правду, когда бьютъ не по человѣку, а по его правдѣ, когда терзаютъ не тѣло, а душу. Вотъ, когда настоящее великое горе, когда страдаетъ не тѣло, а душа человѣческая. Истинная душа человѣческая въ одной только правдѣ. Кому дорога, кому близка правда, тотъ меня пойметъ. Много ли людей меня пойметъ?

Умѣстно при этомъ припомнить одну изъ чудныхъ басенокъ Крылова, про дворового пса Барбоса и комнатную болонку Жужу. Что Барбосъ терпѣлъ и холодъ, и голодъ, это—въ порядкѣ вещей; такова ужъ собачья доля; разъ собакѣ, какъ и человѣку, сужденъ сдинъ конецъ бреннаго существованія, то что это, какъ не мелочи, въ сравненіи съ вѣчностью? И если собаки считаютъ такіе мелкіе эпизоды своей земной юдоли большими событіями, крупными несчастіями, то онѣ такъ же ничтожны, какъ и люди. Что Жужу жилось беззаботно, въ холѣ и въ роскоши—тоже въ порядкѣ вещей, и если у Барбоса появилось бы чувство зависти, то это указывало бы только, что и собаки такъ же мелочны, жалки и ничтожны, какъ и люди. Но душа Барбоса болѣла и имѣла поводъ болѣть, потому что страдали интересы правды, потому что правда, святая вѣковѣчная правда была, въ его понятіяхъ, втоптана въ грязь Вѣдь, всѣ эти земныя блага достались Жужу только потому, что она мастерица „на заднихъ лапкахъ ходить.“ Вѣдь, правда вѣковѣчна, и интересы правды дѣйствительно велики. Вотъ въ чемъ трагизмъ басни,—тотъ трагизмъ, который весьма нерѣдокъ и въ жизни человѣческой, и мимо котораго человѣкъ зачастую проходитъ, не замѣчая его, весь поглощенный заботами о своихъ мелкихъ бѣдахъ, которыя, наоборотъ, кажутся ему великими и грандіозными. Вѣдь, хожденіемъ на заднихъ лапкахъ можно угодить только людскимъ глупости и невѣжеству, только присущей человѣку несправедливой оцѣнкѣ труда,—словомъ, только тѣмъ людямъ, которымъ чувство правды чуждо и непонятно.

А развѣ всѣ эти бесѣды „черезъ голову Думы“, всѣ рѣчи и вся критика Думскихъ прогрессистовъ и демократовъ, всѣ пышныя программы партій, обѣщающія обывателю всѣ блага міра, эти громкіе титулы „трудовиковъ“, „соціалъ-демократовъ“,—другими словами, друзей рабочаго и крестьянина,—вся, словомъ, популярная общественная дѣятельность, развѣ не одно сплошное хожденіе на заднихъ лапкахъ? И безпартійно-прогрессивный газетчикъ, и литераторъ типа Толстого, играющій на струнѣ величайшихъ, недосягаемыхъ и безжизненныхъ идеаловъ, и либеральный профессоръ, которому популярность среди студентовъ дороже правды, и государственный дѣятель, стремящійся къ дешовой популярности, и ораторы на собраніяхъ и митингахъ, и думскіе прогрессисты, и всѣ такъ называемые „популярные общественные дѣятели“,—все занято однимъ благороднымъ дѣломъ: хожденіемъ на заднихъ лапкахъ. Всѣ мечтаютъ лишь объ одномъ: угодить тому капризному хозяину, который зовется общественнымъ мнѣніемъ. Что для болонки турецкіе диваны, на которыхъ она рѣзвится, то для общественнаго дѣятеля—популярность. Общественное мнѣніе создается мнѣніемъ каждаго отдѣльнаго обывателя. А развѣ хожденіемъ на заднихъ лапкахъ угодишь умному, серьезному, а, главное, правдивому обывателю. И если хожденіе на заднихъ лапкахъ,—другими словами, „популярная общественная дѣятельность“ всѣхъ степеней и ранговъ, угождаетъ обывателю, общественному мнѣнію страны, даетъ, словомъ, популярность, то остается только съ грустью, съ обидой въ душѣ за правду, за здравый смыслъ процитировать слова Некрасова: „дураковъ не убавишь въ Россіи, а на умныхъ тоску наведешь!“

Вотъ два брата Маклаковыхъ: министръ и депутатъ. Крыловъ, какъ будто, спеціально для нихъ писалъ свою басенку. У депутата тысячные гонорары, слава, почетъ, популярность. А за что, почему? Да потому, что въ мірѣ—миріады дураковъ, которымъ нравится хожденіе на заднихъ лапкахъ. Что для болонки заднія лапки, то для депутата языкъ. Ораторское искусство никогда не бываетъ даромъ Божіимъ. На кончикѣ человѣческаго языка всегда сидитъ дьяволъ и ворочаетъ имъ безустали. Ораторское искусство досталось намъ отъ Греко-Римской цивилизаціи и было однимъ изъ симптомовъ разложенія древняго Рима. Ораторское искусство и святой даръ Божій, правда, несовмѣстимы. Ораторское искусство несовмѣстимо и съ правдивой, вѣчной заповѣдью Божіей: „въ потѣ лица своего добывай свой хлѣбъ“. Черезъ языкъ человѣческій дьяволъ несетъ міру свои дьявольскіе дары: ложь, фальшь, бредовыя идеи. Когда человѣкъ говоритъ, онъ не трудится, онъ не мыслитъ; за него трудится дьяволъ, работая безустали его языкомъ! Ораторское искусство—самое легкое, самое пріятное занятіе; это—полный отдыхъ мыслительной дѣятельности, это—забастовка мысли и совѣсти, прародительница всѣхъ забастовокъ. Ораторское искусство и крикъ: „Хлѣба и зрѣлищъ!“ были двумя родными сестрами, созданіями разлагающагося Рима. Ораторское искусство—то же тунеядство, что и хожденіе на заднихъ лапкахъ. Оно также несетъ человѣку бархатные ковры въ видѣ сла-

вы, почета, популярности, не говоря уже о матеріальныхъ выгодахъ. Въ основѣ ораторскаго искусства, въ основѣ „общественной популярности“ лежитъ самое низкое занятіе: лакейское угодничанье пошлой, глупой части человѣчества,—той части, которая зовется общественнымъ мнѣніемъ, глупой—потому, что никто въ этой многомилліонной массѣ не имѣетъ своего мнѣнія, всякій, безъ малѣйшаго напряженія ума и мысли, живетъ мнѣніемъ своего близкаго. Подкупить такое мнѣніе очень легко; стоитъ только быть въ конфликтѣ съ правдой и со своей совѣстью Общественное мнѣніе любитъ рѣчи пріятныя, и угодить ему легко,—пожалуй, еще легче, чѣмъ угождать глупцу хожденіемъ на заднихъ лапкахъ. Сказалъ развѣ депутатъ Маклаковъ хоть одну новую, оригинальную мысль,—другими словами, мысль творческую, которая считается съ жизненной правдой, съ условіями мѣста и времени? Каждая его мысль—общее, ходячее положеніе; что онъ говоритъ,—думаетъ и говоритъ каждый обыватель, причисляющій себя къ прогрессистамъ. Вы заранѣе знаете, что скажетъ депутатъ Маклаковъ, хотя бы онъ говорилъ и не часъ, и не два, хотя бы говорилъ экспромптомъ, и въ особенности, когда онъ говоритъ экспромптомъ. Зато ему и слава, и популярность. Не то достается на долю министра Маклакова, который не говоритъ, а дѣло дѣлаетъ, который въ тиши своего кабинета работаетъ въ потѣ лица своего, для котораго, очевидно, дороже всего на свѣтѣ то, чѣмъ совсѣмъ не дорожитъ депутатъ Маклаковъ—правда и трудъ. И когда министръ сказалъ, что онъ и его вѣдомство работаютъ напролетъ дни и ночи, то его подняли на смѣхъ всѣ газеты, всѣ депутаты изъ лѣвыхъ, вся интеллигентная Россія,—словомъ, всѣ тѣ, кому пріятна, кому понятна одна только дьявольская работа языка, однѣ только пріятныя рѣчи „черезъ голову Думы.“

Вотъ, гдѣ обида. Вѣдь, это обида за правду, за здравый смыслъ! И когда я теперь читаю въ газетахъ или слышу въ собраніяхъ, какъ поносятъ, какъ ругаютъ кого-либо, когда Григорій Петровъ не подаетъ руки Меньшикову, когда въ Думѣ раздается ругань и критика министровъ, когда братъ идетъ на брата, депутатъ на министра,—я знаю, что это походъ лжи на правду, бездарности на даръ Божій, тунеядства на святой трудъ, лакейства на человѣческое достоинство, ничтожества на человѣка, что это—походъ дьявола на величайшее твореніе Божіе—на человѣческую душу.

И если кто думаетъ, что депутатамъ въ Думѣ только и дѣла, что ругать министровъ и „черезъ голову Думы“ будировать, развращать общественное мнѣніе,—то онъ горько ошибается. Къ чести депутатовъ надо признаться, что у нихъ есть еще большое и отвѣтственное дѣло: ругань между собой. Для этого и созданы партіи съ ихъ программами, какъ въ старину созданы были рыцарскіе ордена. Каждый думскій день ничто иное, какъ парламентскій турниръ. Русская земля плачетъ; русскій народъ стонетъ, послалъ онъ въ Думу выборныхъ осушить его слезы, утишить его боль, а выборные разбились на военные лагери, окопались и пошли походомъ другъ противъ друга. Эсдекъ на трудовика, оба на кадетовъ,

кадетъ на прогрессистовъ, тѣ на октябристовъ, а всѣ, взявшись за руки, составивъ какую-то оппозицію, пошли походомъ на правыхъ, пошли походомъ на русскій народъ, пославшій ихъ творить народное дѣло. Подоплека партійной борьбы та же, что и подоплека рыцарскихъ турнировъ, борьбы рыцарскихъ орденовъ между собой. Эти турниры на той же высотѣ, что и средневѣковые схоластическіе и богословскіе споры. Ничто не ново подъ луной, и ничто такъ не старо, какъ человѣкъ, который сохранился цѣликомъ со всѣми своими слабостями и недостатками. Могутъ измѣниться внѣшнія условія жизни; человѣкъ строитъ небоскребы, работаетъ при электричествѣ, говоритъ черезъ телефоны, катитъ на чугункѣ, летаетъ на аэропланахъ, но самъ-то человѣкъ не измѣнился и остался тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ и сто и тысячу лѣтъ тому назадъ; онъ также нуждается и въ пищѣ и въ питьѣ, въ немъ также развиты и зависть, и скупость, и жадность и тому-подобные пороки; онъ также всецѣло во власти законовъ, управляющихъ человѣческой жизнью; мало того: тѣ же причины, тѣ же побудительные мотивы, которые вызывали ту или иную реакцію у человѣка, вызывали его на тѣ или иные поступки,—тысячу лѣтъ тому назадъ, тѣ же мотивы вызываютъ совершенно аналогичную реакцію у человѣка въ настоящее время. И по своимъ основамъ, по своимъ мотивамъ, рыцарскіе турниры, споры схоластиковъ ничѣмъ не отличаются отъ парламентскихъ большихъ дней, отъ преній адвокатовъ въ уголовномъ процессѣ, отъ словесной дуэли ораторовъ на митингахъ и т. п. И юный эсдекъ, яростно нападающій на митингѣ на своего юнаго оппонента изъ эсеровъ, нисколько не подозрѣваетъ, что онъ—точная копія такого же юнаго средневѣковаго рыцаря, закованнаго въ сталь и въ броню, бившагося не на жизнь, а на смерть съ такимъ же юнымъ рыцаремъ другого ордена. Не подозрѣваютъ и Маклаковъ и Чхеидзе, что ни по складу своихъ мыслей, ни по мотивамъ ихъ дѣятельности они ничѣмъ не отличаются отъ какого-нибудь рыцаря Конрада Гогенштауфенскаго, жившаго ровно тысячу лѣтъ назадъ.

Вѣдь, если у человѣка нѣтъ живого, реальнаго дѣла или живое, реальное дѣло его не интересуетъ, не заполняетъ его жизнь, онъ обычно цѣликомъ уходитъ въ житейскія мелочи жизни; каждая мелочь вырастаетъ въ его глазахъ въ крупное событіе. На этой почвѣ пышно цвѣтутъ деревенскія и городскія сплетни, на этой почвѣ возникаютъ ссоры Ивановичей съ Никифоровичами. Если же человѣкъ вообще не способенъ къ живому, реальному дѣлу, къ прозаичному, но полезному труду, онъ придумываетъ себѣ всевозможные фантастическіе интересы, ищетъ и находитъ себѣ дѣло, работу на почвѣ безпочвенныхъ, безжизненныхъ идеаловъ; жизнь, реальная жизнь даетъ будничную, прозаичную обстановку работы; дѣятельность на почвѣ фантастическихъ, отвлеченныхъ идеаловъ всегда красочна, эфектна. Вотъ почему отвлеченіе отъ жизни, пареніе въ облакахъ такъ привлекательно; вотъ почему человѣкъ такъ склоненъ къ отвлеченіямъ во всѣ времена и во всѣ періоды жизни человѣческой. На этой почвѣ создалось и окрѣпло средневѣковое рыцарство, на этой почвѣ

пышно расцвѣла въ наше время демократія, подъ разными кличками: парламентаризмъ, интеллигенція, общественность, соціализмъ и т. п.

Само собой понятно, что работа, не связанная съ жизнью, питающаяся безсодержательными идеалами, можетъ быть только привлекательной; она можетъ дать популярность, возвести человѣка на самую высокую ступень славы и почета, но такая работа не только не будетъ продуманной, полезной, но, наоборотъ, вредной, отвлекая другихъ отъ живого дѣла, вовлекая ихъ въ то же красивое, эфектное бездѣлье, хотя, при этомъ, можно проявлять море энергіи, океанъ дѣятельности.

Но важно то, что тамъ, гдѣ нѣтъ реальнаго, живого труда, гдѣ царятъ фантастическіе идеалы,—тамъ всегда споры, раздоры, тамъ турниры, тамъ ордена, партіи. Почему? Да по очень простой и ясной причинѣ: гдѣ дѣло живое, гдѣ оно вызвано жизнью и реальными, жизненными интересами работающихъ,—тамъ не можетъ быть споровъ, раздоровъ, потому, что жизнь сама подскажетъ, сама укажетъ, по какому пути, какого направленія держаться. Иначе быть не можетъ, если люди идутъ за жизнью, стоятъ на почвѣ жизненныхъ интересовъ и требованій момента. Зачѣмъ имъ спорить, когда они сами ждутъ указаній отъ жизни, когда они сами сегодня не знаютъ, что они сдѣлаютъ завтра,—другими словами, чего отъ нихъ потребуетъ жизненная коньюнктура завтрашняго дня. У нихъ не можетъ быть ни программъ, ни кодексовъ; вѣрнѣе, у нихъ одна только программа: слѣдовать велѣнію здраваго смысла, считаясь съ правдой жизни. Словомъ, самая простая программа жизни: сегодня дождь—захватить зонтъ, завтра солнце, тепло—одѣться по-лѣтнему, а если послѣ-завтра будетъ снѣгъ, морозъ — обязательно вытащить шубу. Зачѣмъ людямъ спорить и разбиваться на партіи, когда у нихъ въ дѣлѣ живые, реальные интересы? Разъ дѣло общее, разъ всѣ въ немъ одинаково заинтересованы, то всѣ стремятся, всѣ должны работать сообща, дружно; каждому понятно, что раздоры только повредятъ дѣлу и интересамъ каждаго. Конечно, въ общемъ дѣлѣ могутъ быть и разныя мнѣнія; но это будутъ именно мнѣнія, т.-е. дѣловыя, правдивыя, подсказанныя только интересами дѣла, мысли, а не программы, партіи. Тутъ не будетъ мѣста раздорамъ, а начнется дѣловой обмѣнъ мнѣній; никто не позволитъ себѣ необоснованнаго мнѣнія только для словопренія или черезъ чью-то голову; каждое мнѣніе будетъ продумано, будетъ имѣть свои реальныя основанія, потому что каждый реально, матеріально заинтересованъ въ дѣлѣ, каждый будетъ считаться съ мнѣніемъ другого, потому что ему ясно, что другой такъ же реально заинтересованъ въ дѣлѣ, какъ и онъ, и говоритъ поэтому продуманно, правдиво, только въ интересахъ дѣла. Если же будетъ принято то или иное мнѣніе, и начнется работа въ извѣстномъ направленіи, то работа будетъ общая, дружная; дѣловой разговоръ кончился, и надо взяться за дѣло; нѣтъ мѣста больше спорамъ, потому что споры больше повредятъ дѣлу, чѣмъ даже неправильно взятое направленіе. Это сознательно и

инстинктивно понимаетъ каждый участникъ, разъ онъ реально заинтересованъ въ дѣлѣ. Лучшимъ примѣромъ можетъ намъ послужить военный совѣтъ на полѣ битвы. Какія могутъ тутъ быть партіи, программы, раздоры. Тутъ только положеніе дѣла укажетъ способъ дѣйствій; здѣсь, несомнѣнно, будетъ одинъ только дѣловой обмѣнъ мнѣній, и если будетъ принятъ тотъ или иной планъ дѣйствій, то всѣ дружно возьмутся за его исполненіе. Вѣдь, предстоитъ реальное, живое дѣло; вѣдь, каждый въ немъ близко и кровно заинтересованъ.

Но когда люди живутъ внѣ жизни, въ области безпочвенныхъ утопій и расплывчатыхъ программъ, когда жизнь, правда и здравый смыслъ ея не служатъ имъ путеводной звѣздой, — тогда не можетъ быть живого, общаго дѣла, не можетъ быть дружной работы, потому что каждый заинтересованъ только въ защитѣ своей программы, своихъ утопій; вотъ тутъ мѣсто спорамъ, раздорамъ, партійнымъ передрягамъ, стоящимъ на той же высотѣ, какъ и ссора Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ. Милюковъ и Чхеидзе, споря изъ-за достоинствъ своихъ программъ и партій, совсѣмъ не подозрѣваютъ, что Милюковъ копируетъ Ивана Ивановича, а Чхеидзе — Ивана Никифоровича, что они также спорятъ изъ-за выѣденнаго яйца. Люди, живущіе въ области готовыхъ программъ и общечеловѣческихъ универсальныхъ идеаловъ, подобны заблудившимся въ дремучемъ лѣсу или въ безбрежной степи. Когда толпа людей идетъ, имѣя какую-либо путеводную звѣзду, будетъ ли то дорога или вехи по дорогѣ,—нѣтъ мѣста спорамъ изъ-за дороги; каждый занятъ дѣломъ, и если дѣло общее, то ведется разговоръ или, вообще, житейскіе разговоры, но какъ только люди заблудились, потеряли дорогу, такъ всѣ реальныя дѣла забываются; начинаются споры: по какой дорогѣ итти? Никакой путеводной звѣзды, никакихъ реальныхъ основаній для споровъ нѣтъ; одни находятъ, что надо итти на сѣверъ, по программѣ другихъ—надо итти на юго-востокъ и т. п. Ну, конечно, раздѣляются на партіи, и каждая партія идетъ своей дорогой, держится своей программы. А всѣ эти споры никакого смысла не имѣли, потому что всякій, по своей программѣ, попадалъ къ чорту на кулички,—а только не туда, куда ему надо; и только тому, кто предусмотрительно дѣлалъ себѣ помѣтки на дорогѣ, нѣтъ смысла въ этихъ теоретическихъ спорахъ; ему нужны реальныя основанія, ему нужны указанія жизни, онъ ихъ найдетъ, разъ онъ дѣлалъ себѣ реальныя помѣтки, и, по ихъ указаніямъ, придетъ къ мѣсту назначенія.

Жизнь человѣческая — та же безбрежная степь, на которой узенькими ленточками тянутся нѣсколько дорогъ; для каждаго народа— своя дорожка. Куда она приведетъ: къ райскому саду добра и правды, или къ огненному, всепожирающему потоку? Это вѣдомо одному Богу; народу суждено только итти по этому пути, куда бы онъ ни привелъ его. Я позволю себѣ только высказать свое личное, глубокое убѣжденіе, свою глубокую вѣру, что разъ Богъ назначилъ наро-

ду путь, и разъ Онъ ведетъ его по этому пути, то этотъ путь ведетъ только къ добру и правдѣ. Это моя личная вѣра, которую я не пытаюсь даже доказывать. Но человѣку невтерпежъ: ему обязательно и скорѣе хочется къ райскому саду. Сада этого никто не видѣлъ, никто не знаетъ, каковъ онъ есть и долженъ быть. Понятно, что каждый по своему представляетъ себѣ этотъ садъ; тутъ полный просторъ фантазіи; кто говоритъ, что тамъ растутъ деревья анархизма, кто - соціализма, кто—какого-то трудового начала, кто—конституціонализма и парламентаризма, кто—октябризма, кто—просто-прогрессизма. Всѣ эти нетерпѣливые люди носятъ общее названіе интеллигентовъ. Понятно, никто не знаетъ, гдѣ находится его садъ, и каждый тянетъ въ свою сторону: кто—по анархистскому, кто—по октябристскому, кто—по эсдековскому направленію,—одно слово: наобумъ. Если бы люди шли за народомъ, по той дорогѣ, по которой Богъ своей десницей ведетъ народъ, то они бы пришли къ тому саду, который имъ Богъ уготовалъ. Но эта дорога трудная, дальняя, скучная; она требуетъ упорнаго, реальнаго труда, а такой трудъ многимъ не по вкусу; они любятъ пріятныя, поэтическія экскурсіи. Вотъ они тянутъ народъ съ его пути на эти экскурсіи, каждый къ своему воображаемому саду, каждый—по направленію, придуманному его фантазіей. Вотъ тутъ и начинаются споры, и получается такая картина: народъ движется по своему пути, а по сторонамъ собрались интеллигенты и ведутъ нескончаемые споры. Сада своего никто не видѣлъ, дороги къ нему никто не знаетъ, а стоятъ всѣ на мѣстѣ, разбились на партіи и только спорятъ, и спорятъ о томъ, чего никто не знаетъ. Такіе споры—всегда горячіе и нескончаемые, какъ ссора гоголевскихъ пріятелей; тутъ мѣсто митингамъ, парламентамъ, турнирамъ; тутъ царитъ ораторское искусство; тутъ ораторы, какъ въ старину рыцари, блещутъ красивыми словами, величественными позами, грандіозными идеями. И стоятъ въ сторонѣ отъ дороги интеллигенты, разбились на кучки, на партіи и спорятъ, спорятъ о томъ, чей садъ лучше, и каждый тянетъ къ своему саду; а сада своего никто не видѣлъ, никто къ нему дороги не знаетъ. Какой же это реальный, дѣловой разговоръ? Какое это реальное дѣло? Правда, спорщики волнуются, жестикулируютъ, издаютъ газеты, устраиваютъ общества, ораторствуютъ на митингахъ, съѣздахъ, собраніяхъ, но они толкутся на одномъ мѣстѣ, потому что спорятъ они изъ-за выѣденнаго яйца. Когда люди спорятъ изъ-за отвлеченныхъ идеаловъ, хотя бы самыхъ возвышенныхъ, но далекихъ отъ жизни, они про жизнь забываютъ. Спорятъ интеллигенты какъ будто въ интересахъ народа, но про народъ-то они и забыли; имъ до народа и дѣла нѣтъ,—каждому хочется только доказать, что его садъ лучше и каждый приглашаетъ въ свой садъ, котораго онъ и въ глаза не видѣлъ. Ну, понятно, врутъ вовсю Ивановскую, пускаются на всевозможные фокусы, аферы, чтобы только переманить публику къ себѣ. Имъ до народа, до его интересовъ и дѣла нѣтъ; они хотятъ только переспорить другъ-друга, побольше наивной публики перетянуть на свою сторону. Да иначе и не можетъ быть, потому что садъ каждаго—продуктъ его фантазіи, дороги къ нему онъ не знаетъ. Это именно тотъ случай, когда лебедь,

щука и ракъ берутся везти возъ. Спорятъ интеллигенты, а возъ ихъ все стоитъ на мѣстѣ, а въ это время жизнь идетъ своимъ чередомъ, мимо нихъ. Хорошо, если и народъ идетъ своимъ путемъ, мимо его интеллигентовъ; тогда наступитъ моментъ, когда послѣдніе спохватятся, и увидятъ, что они въ пылу глупаго спора не замѣтили, что народа нѣтъ уже, его и слѣдъ простылъ, а они остались въ сторонѣ со своими бредовыми идеями и идіотскими спорами.

Партійные споры и раздоры напоминаютъ мнѣ разсказъ изъ дѣтской хрестоматіи. Точно я его не помню, но смыслъ его тотъ, что русскій, нѣмецъ и татаринъ гдѣ-то встрѣтились; сѣли ужинать; русскій сразу сообразилъ, что ужина этого хватитъ только на одного; онъ ухитрился задать нѣмцу и татарину какую-то мудреную загадку; тѣ увлеклись споромъ такъ, что не замѣтили, какъ русскій въ это время съѣлъ весь ужинъ. Вотъ въ такомъ положеніи суждено очутиться тѣмъ, которые проводятъ жизнь въ борьбѣ, въ раздорахъ, въ поединкахъ изъ-за пустяковъ, потому что все, что не жизненно, не реально, хотя бы было высоко идеально,—все это для жизни пустякъ, мелочь, однимъ словомъ, выѣденное яйцо, такой же поводъ къ спору, какъ и у гоголевскихъ героевъ, и у городскихъ сплетницъ. Такъ прозѣвали, проспорили на поединкахъ свою жизнь средневѣковые рыцари, пока не явился великій Сервантесъ и не показалъ, какъ на ладони, всю безсмысленность, всю смѣхотворность ихъ кипучей дѣятельности, основанной на поклоненіи фантастическимъ идеаламъ, воображаемымъ дамамъ сердца въ кругу рыцарскихъ кодексовъ, убивающихъ въ человѣкѣ жизнь, душу.. Средневѣковый рыцарь цѣликомъ претворился въ интеллигента современности. То же поклоненіе передъ безпочвенными утопіями, передъ безжизненными идеалами, тѣ же рыцарскіе ордена подъ названіемъ партій, тѣ же безконечные поединки на митингахъ, въ парламентахъ, на собраніяхъ, въ газетахъ; тѣ же гроссмейстеры подъ названіемъ лидеровъ, популярныхъ общественныхъ дѣятелей, тѣ же рыцарскіе кодексы подъ названіемъ программъ, тѣ же рыцарскіе романы, но подъ другими соусами, именно—въ видѣ философскихъ утопій Толстого, фельетоновъ Григорія Петрова, Баяна и имъ подобныхъ, въ видѣ газетныхъ передовицъ, публичныхъ и непубличныхъ лекцій, и т. п. Увы! Нѣтъ только великаго Сервантеса, который пригвоздилъ бы, въ чьемъ-либо образѣ, къ позорному столбу современное рыцарство, какъ, въ свое время, онъ пригвоздилъ—средневѣковое.

Если въ народѣ достаточно здраваго смысла и духовной уравновѣшенности, онъ пройдетъ мимо своего рыцарства, способнаго только на безполезные и безсмысленные партійные споры, и тогда это рыцарство, хотя бы оно носило названіе интеллигенціи, популярныхъ общественныхъ дѣятелей, останется въ жалкомъ одиночествѣ, позади народа, ушедшаго далеко впередъ по пути, назначенному ему Богомъ. Но бѣда, если голоса безпочвенныхъ фантазеровъ, ихъ праздная, привольная жизнь, въ кругу блестящихъ идей, величественныхъ идеаловъ,—очаруютъ простодушнаго обывателя, подобно тому, какъ Донъ-Кихотъ очаровалъ Санхо-Панчо. Бѣда, если народу чужда

трудовая народная жизнь, если ему чужды реальные народные интересы, если его прельщаетъ веселая экскурсія къ райскому саду, дороги къ которому никто не знаетъ. Народъ тогда тоже разобьется на партіи, втянется въ эти безконечные и безсмысленные споры о томъ, чей садъ лучше и по какому направленію итти. Незамѣтно, въ увлеченіи споромъ, народъ сойдетъ въ сторону отъ своего пути, якобы для экскурсіи къ райскому саду. Но какая же можетъ быть экскурсія, когда дороги къ саду никто не знаетъ? И будетъ народъ стоять, топтаться на мѣстѣ, разобьется на партіи и будетъ вести нескончаемые споры о томъ, чей садъ лучше и какъ пробраться къ саду. Со стороны посмотрѣть, позавидуешь кипучей дѣятельности народа: все движется, волнуется; газетъ, обществъ, лекцій—бездна; фейерверки громкихъ фразъ, каскады разноцвѣтныхъ программъ, фонтаны величественныхъ образовъ и блестящихъ идеаловъ. Но... все одна бутафорія, все безтолково и безполезно; безполезно для народа, безполезно для человѣчества; для послѣдняго даже вредно, потому что въ эту безсмысленную экскурсію могутъ быть вовлечены и другіе народы, склонные къ такимъ путешествіямъ. Въ концѣ концовъ, спорщики, такъ и не добравшись до сада, изъ-за сада передерутся и перебьютъ другъ-друга, или же, заблудившись въ безбрежной степи, разобьются на партіи, и каждая пойдетъ искать свой садъ, и каждая вмѣсто сада найдетъ только мѣсто своего вѣчнаго упокоенія. Такъ погибло много народовъ древности, такъ погибаютъ, на нашихъ глазахъ, многіе народы, втянувшись въ омутъ парламентаризма.

Вотъ что лежитъ въ основѣ партійности, это споры—изъ-за шкуры еще не убитаго медвѣдя. Такіе споры бываютъ самые страстные, вызываютъ самую ярую взаимную вражду, чаще всего ведутъ къ кровопролитіямъ и взаимному истребленію. Въ мірѣ все старо, все однообразно; тѣ же причины, которыя вызывали войны между рыцарскими орденами, вызвали и Варѳоломеевскую ночь, и безумныя французскія революціи, и русское освободительное движеніе. Въ основѣ всего праздность, тунеядство, тотъ же преступный крикъ: „хлѣба и зрѣлищъ“, который погубилъ древній Римъ. Реальная жизнь тускла, прозаична, тяжела; жизнь въ области фантастическихъ идеаловъ, безсмысленныхъ утопій и разукрашенныхъ всѣми цвѣтами радуги программъ—легка, пріятна, эфектна, состоитъ изъ вѣчныхъ праздниковъ и однѣхъ веселыхъ, занимательныхъ экскурсій къ собственному райскому саду. Кто откажется отъ такой забавной, пріятной жизни, несущей, къ тому же, славу и почетъ? Только здравомыслящій, вѣрующій человѣкъ, только народъ, сознающій, что призывъ: „въ потѣ лица своего добывай свой хлѣбъ“ приведетъ народъ къ тому саду, который предназначенъ ему Богомъ,—только такой человѣкъ и такой народъ останутся глухи къ чарующему пѣнью сиренъ, которыя сохранились и по наше время подъ кличкой интеллигентовъ, демократовъ, общественныхъ дѣятелей и т. п.

И если бы я зналъ, что мой голосъ будетъ услышанъ, я заоралъ бы, что есть мочи: „О, великій русскій народъ! о, всѣ остальные народы! о, дорогой мой еврейскій народъ! Заткните уши ватой, крѣпко

привяжите себя къ бортамъ своихъ народныхъ кораблей, какъ когда-то привязали умнаго Одиссея! Будьте глухи къ завываніямъ современныхъ сиренъ! Вырвите съ корнемъ, растопчите ногами всѣ эти ядовитые грибы, которые успѣли уже мѣстами пышно взойти на народныхъ нивахъ и которые зовутся парламентаризмомъ, прессой, соціализмомъ, анархизмомъ и т. п!"

Я крикнулъ бы, если бы я вѣрилъ въ спасительность проповѣди, морали. Я знаю, что все въ мірѣ, въ человѣчествѣ, въ каждой народной жизни идетъ и пойдетъ такъ, какъ это уготовано Богомъ, въ связи съ характеромъ, душой, мыслью каждаго индивида и съ окружающими его внѣшними условіями. Нѣтъ ничего глупѣе проповѣди, моральнаго ученія; нѣтъ ничего преступнѣй желанія учить, поучать другихъ. Я далекъ отъ этого. Я только бытописую, я только излагаю фактическую сторону дѣла такъ, какъ она претворилась въ моемъ сознаніи. О, это не легкая проповѣдь готовыхъ моральныхъ сентенцій, это—адскій колоссальный трудъ, потому что каждую мысль мнѣ приходилось извлекать изъ собственной головы путемъ тяжелаго, длительнаго процесса логическихъ построеній и душевныхъ переживаній. Надъ нѣкоторыми мыслями, которыя теперь кажутся мнѣ простыми—и такими, быть можетъ, покажутся многимъ,—мнѣ приходилось часами, даже днями работать, прежде, чѣмъ они становились ясными и безспорными для моего сознанія. Мое писаніе есть только точная фотографія того умственнаго и душевнаго процесса, который я переживалъ, когда составлялъ брошюру. Моя работа была тѣмъ тяжелѣе, что мнѣ приходилось затыкать себѣ самому уши ватой и паклей, приходилось надѣвать повязку на глаза и привязывать себя особыми веревками къ бортамъ моей утлой житейской ладьи, чтобы оставаться глухимъ и слѣпымъ къ окружающей жизни и отрѣшиться отъ завываній и чарующаго пѣнья современныхъ сиренъ. Вотъ почему я только совѣтую каждому произвести надъ собой эту операцію; я ее самъ испыталъ, и результатами въ высшей степени доволенъ. Я знаю, что каждый здравомыслящій и вѣрующій человѣкъ самъ придетъ къ этимъ мыслямъ, если онъ произведетъ надъ собой эту операцію; я знаю, что никакія убѣжденія, никакія доказательства, какъ бы они ни были ясны, логичны, очевидны, не подѣйствуютъ на тѣхъ, кому понятны только даровой хлѣбъ и даровыя зрѣлища. По отношенію къ такимъ господамъ, остается только преклониться передъ словами Некрасова, пригодными для каждаго народа: „дураковъ не убавишь въ народѣ, а на умныхъ тоску наведешь!" И если въ народѣ много такихъ дураковъ, если въ немъ здравомыслящихъ людей по пальцамъ можно перечесть, то писать для такого народа то, что я пишу, лишняя трата времени. Такой народъ неуклонно и безудержу пойдетъ по пути къ своей безславной гибели, въ безбрежной пустынѣ, въ поискахъ райскаго сада. Райскій садъ существуетъ, быть можетъ, въ дѣйствительности, но онъ лежитъ на концѣ реальнаго, уготованнаго Богомъ народнаго пути. Путь этотъ тяжелый, онъ ведетъ черезъ массу препятствій: черезъ гранитныя скалы, глубокіе, бездонные овраги, черезъ сыпучіе пески, топкія

болота, черезъ бурные потоки, черезъ громады горъ, океаны водъ. Всѣ эти препятствія надо преодолѣть. Легкая же и пріятная экскурсія въ заоблачныхъ сферахъ, на аэропланахъ, сотканныхъ изъ программъ и кодексовъ, изъ эфектныхъ позъ и рыцарскаго снаряженія, изъ трескучихъ фразъ, красивыхъ идей и привлекательныхъ утопій къ саду не приведутъ, а только заведутъ народъ въ тупикъ, изъ котораго ни тпру, ни ну. Да и садъ-то уготованъ Богомъ, и никому не вѣдомо, что онъ изъ себя представляетъ. Да это и внѣ человѣческой досягаемости.

Я не поучаю,—я только говорю о томъ, что стало ясно моему сознанію, о томъ, что я теперь знаю. А знаю я, что русскій народъ поучать и не надо, что въ немъ достаточно здраваго смысла и уравновѣшенности, чтобы итти своей дорогой мимо всѣхъ его демократическихъ и интеллигентныхъ кликушъ. Народъ, который, въ пору своего младенчества, отвернулся отъ одного изъ видовъ демократическаго кликушества—отъ католицизма; народъ, у котораго хватило достаточно прямоты и здраваго смысла, чтобы признаться въ своихъ недостаткахъ и призвать царскую власть,—такой народъ, вышедшій уже изъ дѣтскаго возраста, не можетъ даться въ обманъ; онъ волка чуетъ подъ всякими шкурами—и даже въ овечьей. А демократизмъ то же отвлеченіе отъ жизни, то же буквоѣдство, что и католицизмъ, рыцарство и іезуитство. Одно то, что сохранилась во всей силѣ Самодержавная Царская Власть, служитъ гарантіей того, что во всякое время демократическому и интеллигентному кликушеству можетъ быть положенъ предѣлъ. И я знаю, что не разъ уже здравый русскій смыслъ торжествовалъ, не разъ русскій съѣдалъ обѣды, пока нѣмецъ съ татариномъ, Милюковъ съ Чхеидзе вели нескончаемые споры. Здравый смыслъ народа воплотился въ лицѣ Столыпина, давшаго народу великую реформу землеустройства, которая призвана вывести его на реальный и истинный народный путь, провести мимо всѣхъ сциллъ и харибдъ, мимо всѣхъ кликушествующихъ сиренъ, мимо Чхеидзе и Милюкова, мимо самого Маклакова и оставить ихъ далеко позади. Здравый русскій смыслъ сказался и въ законѣ 3-го іюня; и тогда русскій плотно пообѣдалъ, пока Милюковъ и Чхеидзе, пока Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ вели нескончаемые споры. А въ статьѣ 87-й и въ мудрости Государственнаго Совѣта—залогъ того, что здравый смыслъ русскаго народа дастъ ему возможность каждый разъ плотно пообѣдать, пока Милюковы и Керенскіе будутъ спорить. Вотъ что я знаю про русскій народъ, и знаю я еще, что наступитъ пора—и выкуритъ народъ изъ земли русской Милюковыхъ и Керенскихъ, и останется при одномъ здравомъ смыслѣ, и знаю я, что не только ущерба никакого не будетъ для земли русской, но будетъ отъ этого великая польза всему народу русскому. А что я знаю про еврейскій народъ, то я скажу въ особой брошюрѣ.

Такъ развѣ дѣленіе на партіи не преступленіе, не измѣна народу? Къ чему партіи, зачѣмъ они? Развѣ русскій народъ не одинъ? Развѣ онъ состоитъ изъ многихъ народовъ? Неужели опять началось дѣленіе на племена? Начались ужасы временъ удѣльной Руси? Увы!

Повидимому, да! Стоило только Самодержавной Царской власти слегка отпустить вожжи, какъ славянская разнузданность, страсть славянъ къ раздорамъ сказались во всей силѣ, и опять началось смутное время, пошло дѣленіе на племена; но каждое племя дало себѣ другое названіе, и назвались они не племенами, а партіями. Вѣдь, междоусобицы удѣльной Руси—та же ссора гоголевскихъ героевъ; то же отсутствіе какихъ-либо государственныхъ интересовъ, то же отсутствіе общихъ народныхъ интересовъ; вообще—отсутствіе какой-либо сознательности, какого-либо реальнаго труда. Какія могутъ быть въ Государственной Думѣ интересы исключительно крестьянскіе, рабочіе, торговые и т. п.? Чтобы оправдать свое дѣленіе на партіи, эти измѣнники общему народному дѣлу кричатъ, что на правыхъ скамьяхъ сидятъ дворяне, для защиты дворянскихъ интересовъ. Неправда! На правыхъ скамьяхъ сидитъ только русскій народъ, только истинный здравый смыслъ народа; тамъ защитники реальныхъ государственныхъ и народныхъ интересовъ. Тамъ никакихъ партій, тамъ весь народъ. И развѣ въ трудовой партіи—крестьяне? Въ эсдековской—рабочіе? Это тѣ же интеллигенты, но только лицемѣры. Всякому понятно, что интересы подсудимаго гораздо ближе и дороже отцу, роднымъ его, чѣмъ адвокату, взявшемуся защищать ихъ. Мое сознаніе мнѣ ясно говоритъ, что интересы рабочихъ, крестьянъ гораздо дороже тѣмъ, кому дороги и близки интересы всего народа, т.-е. правымъ, чѣмъ присяжнымъ адвокатамъ, притомъ такимъ адвокатамъ, которые только говорятъ, что они защитники и друзья рабочихъ или крестьянъ. Но, вѣдь, называть себя другомъ крестьянъ или рабочихъ мало; надо это доказать не на словахъ, а на дѣлѣ. А изъ предыдущаго ясно, что вся дѣятельность трудовиковъ и эсдековъ—сплошной шантажъ, сплошная провокація и приноситъ крестьянамъ и рабочимъ одинъ только вредъ. А какой вредъ, какое разложеніе они несутъ государству, народу!

Въ Государственной Думѣ могутъ быть интересы только государственные, и каждый вопросъ долженъ разсматриваться только съ государственной точки зрѣнія, безразлично—касается ли онъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ, сословій, классовъ и т. п. Интересы, напр., Самарской губ. каждый депутатъ, будь то самарецъ или симбирецъ, долженъ разсматривать съ точки зрѣнія государственныхъ нуждъ, а не мѣстной колокольни. И если, къ примѣру, постройка желѣзной дороги выгодна Самарской губерніи, то самарецъ все-таки, по долгу своей народной совѣсти и своей отвѣтственности передъ родиной, долженъ высказаться за дорогу, которая менѣе выгодна для интересовъ Самарской губерніи, но зато принесетъ больше пользы всему государству. Вѣдь, каждый законъ требуетъ извѣстныхъ расходовъ, а траты государственныя, это—траты общенародной копейки. Какое же право имѣетъ депутатъ на общенародныя деньги пріобрѣтать выгоды для своей губерніи или своего города? И развѣ для рѣшенія этого вопроса нужны программы? Что здѣсь помогутъ „Капиталъ“ Маркса или катехизисъ Кизеветтера? Развѣ этотъ вопросъ можетъ правильно разрѣшить прогрессистъ или кадетъ, вѣрнѣе, человѣкъ, прицѣпившій къ своему сюртуку значокъ прогрессиста или кадета? Здѣсь

нуженъ только здравый смыслъ, спеціальныя знанія, громадная эрудиція въ вопросахъ желѣзно-дорожнаго строительства, большой житейскій опытъ, знаніе мѣстныхъ условій и государственныхъ нуждъ. А самое главное—сознаніе отвѣтственности передъ народомъ и преклоненіе передъ его государственными интересами. О, будь то и другое, не было бы Думы; развѣ хоть одинъ сознательный обыватель дерзнулъ бы близко подойти къ избирательной урнѣ? Развѣ хоть одинъ сознательный избранникъ дерзнулъ бы переступить черезъ порогъ того храма, въ которомъ рѣшаются дѣла всего государства, отъ котораго зависятъ интересы всего народа? И отъ всѣхъ непреодолимыхъ затрудненій, отъ жесточайшихъ укоровъ совѣсти спасаютъ и избирателя, и депутата программы, партіи. Программы, это—спасательный маякъ; партіи, это—фиговый листокъ, подъ которымъ удобно скроется всякая бездарность, всякое ничтожество. По партійной программѣ, любой вопросъ, и вопросъ о постройкѣ желѣзной дороги, легко и быстро разрѣшается. Даже тупоумный эсдекъ, до поѣздки въ Петроградъ никогда и не видавшій желѣзной дороги, и тотъ, не задумываясь, скажетъ часовую рѣчь, въ которой заявитъ, что онъ, по всѣмъ правиламъ и требованіямъ партійной программы, подастъ голосъ только за ту дорогу, которая ведетъ къ соціальной республикѣ, а за желѣзную дорогу, которая строится въ буржуазномъ государствѣ, которая идетъ отъ одного буржуазнаго города къ другому, онъ и его партія голоса не подадутъ. Не менѣе богато одаренный умомъ трудовикъ, безъ запинки, скажетъ даже двухчасовую рѣчь, въ которой отъ имени трудовой партіи заявитъ, что онъ согласенъ на желѣзную дорогу только въ томъ случаѣ, если трудовой народъ будетъ свободно и безплатно, по удостовѣреніямъ Керенскаго или Жилкина, разъѣзжать по ней, а оплачивать стоимость проѣзда по жел.-дор. билетамъ будутъ одни буржуи. Эти заявленія вызовутъ бурныя одобренія всей оппозиціи и будутъ подхвачены всей безпартійно-прогрессивной печатью. Въ газетныхъ отчетахъ будетъ сказано, что гвоздемъ сегодняшняго засѣданія были содержательныя и исчерпывающія рѣчи лидеровъ эсдековской и трудовой партій—Чхеидзе и Керенскаго; можно сказать, они освѣтили вопросъ съ особой, высокоидеальной точки зрѣнія и поставили его на недосягаемую высоту интересовъ широкихъ народныхъ массъ и т. д. Всѣ фельетонисты и борзописцы, и Баянъ, и Яблоновскій, и Григорій Петровъ и другіе, по поводу этихъ историческихъ рѣчей напишутъ по нѣсколько сочувственныхъ фельетоновъ; нѣтъ только дѣдушки-Крылова, который въ какой-либо баснѣ такъ же остроумно и мѣтко охарактеризовалъ бы эти рѣчи, какъ онъ когда-то охарактеризовалъ критику осла. О восторгѣ же, въ какой придутъ отъ этихъ рѣчей всѣ любители дарового проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ, и говорить нечего. Всѣ обыватели превратятся въ „сознательныхъ“ пролетаріевъ, потому что въ данномъ случаѣ пролетарская сознательность, очевидно, заключается лишь въ сознаніи тѣхъ преимуществъ, какія имѣетъ безплатный проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ. Можно смѣло утверждать, что на тысячу избирателей едва ли окажется меньше 999 „сознательныхъ пролетаріевъ“, и, можетъ быть, найдется одинъ только, кото-

рый будетъ упрямо отказываться отъ этой сознательности. Ну, понятно, это будетъ черносотенецъ изъ союза русскаго народа. А что послѣ этого творится на матушкѣ-Руси, ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. Весь этотъ сознательный пролетаріатъ, весь трудовой народъ,—другими словами, всѣ тѣ, кому трудъ противенъ, кому мало праздниковъ въ году, кому недостаточно и спеціально для лѣнтяевъ придуманнаго праздника 1-го мая, всѣ пользуются случаемъ и бастуютъ. Кто – въ честь Керенскаго и Чхеидзе; кто—въ видѣ протеста противъ платнаго проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ. Не все ли равно, почему бастовать, лишь бы бастовать. Чхеидзе и Керенскій получаютъ массу благодарственныхъ писемъ, массу сочувственныхъ заявленій. Ихъ портреты выставлены во всѣхъ витринахъ; красуются во всѣхъ иллюстрированныхъ приложеніяхъ, въ отдѣлѣ: „современные благодѣтели человѣчества“, или: „современные популярные общественные дѣятели“. Собираются митинги, собранія, сходки рабочихъ и сходы крестьянскіе; вездѣ и всюду не безъ тайнаго, подпольнаго участія „сознательныхъ“ интеллигентовъ. Одинъ за другимъ взлетаютъ на трибуны лихіе ораторы,—кто съ открытымъ забраломъ, а кто и подъ рыцарской маской, какъ и подобаетъ современнымъ рыцарямъ-псевдонимамъ и подпольнымъ агитаторамъ. Турниръ во всемъ разгарѣ; словесные поединки слѣдуютъ одинъ за другимъ; безъ устали, въ потѣ лица своего, работаютъ языки. Наконецъ, побѣда остается за добромъ и правдой; всѣ зрители турнира преклонились передъ побѣдителями и превратились въ сознательныхъ пролетаріевъ. Надо правду сказать; побѣда была трудная, и не легко досталась ораторамъ и псевдонимамъ; шутка ли сказать: превратить рабочаго или крестьянина въ сознательнаго, т.-е. внушить ему сознаніе, что ему выгоднѣе ѣздить безплатно по желѣзнымъ дорогамъ, по удостовѣреніямъ Керенскаго или Жилкина или другого пролетарскаго лидера, чѣмъ оплачивать стоимость желѣзно-дорожныхъ билетовъ. Побѣда настолько полная, что тутъ же выносится резолюція, заранѣе приготовленная однимъ изъ сознательныхъ псевдонимовъ:

„Сходъ выражаетъ сочувствіе благороднымъ борцамъ за народное дѣло и права пролетаріата — Чхеидзе и Керенскому и шлетъ имъ привѣтствіе. Онъ вполнѣ присоединяется къ мнѣнію этихъ благородныхъ депутатовъ, что желѣзнодорожное хозяйство и пассажирское движеніе терпятъ ущербъ вслѣдствіе тѣхъ преступныхъ и недопустимо-буржуазныхъ порядковъ, которыя царятъ на желѣзныхъ дорогахъ. Мы полагаемъ, что только предоставленіе безплатнаго проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ всѣмъ предъявителямъ удостовѣреній Жилкина или Керенскаго спасетъ Россію отъ гибели и разложенія, а желѣзныя дороги превратитъ въ истинно-народное, пролетарское учрежденіе. Сходъ проситъ Чхеидзе и Керенскаго огласить эту резолюцію въ засѣданіи Государственной Думы, а всѣ демократическія и рабочія газеты напечатать ее на ихъ уважаемыхъ столбцахъ“...

А что творится въ кадетскомъ и баспартійно-прогрессивномъ лагеряхъ! Всѣ общества приходятъ въ движеніе; безразлично, будетъ ли то общество врачей въ Самарѣ или общество юристовъ въ Петро-

градѣ. Мобилизуются всѣ ораторскія силы, экстренно созываются засѣданія. Повсемѣстно открываются современные рыцарскіе турниры, на которыхъ одинъ за другимъ вскакиваютъ на трибуны лихіе наѣздники языка, и льются рѣчи, вода льется потоками. Наконецъ, подъ звуки побѣдныхъ апплодисментовъ принимается резолюція, образчикъ которой я далъ, и которая окончательно повергаетъ въ прахъ воображаемаго врага. Въ то же время спѣшно выѣзжаютъ во всѣ концы Россіи испытанные лекторы Народнаго Университета. Тутъ же Обществу Самарскихъ врачей, имѣющему, по уставу, право открывать секціи, приходитъ въ голову блестящая мысль открыть секцію борьбы съ болѣзнями на почвѣ буржуазно-эксплоататорскаго веденія желѣзно-дорожнаго хозяйства. Эта блестящая идея находитъ благодарную почву и многочисленныхъ подражателей. Общество вырастаетъ за обществомъ: то подъ названіемъ „общества поощренія пассажирскаго движенія на желѣзныхъ дорогахъ“, то „борьбы съ движеніемъ на земскихъ лошадяхъ“ и т. п. Всѣ эти общества группируются въ одинъ профессіональный союзъ обществъ „безплатнаго проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ“, такъ какъ у всѣхъ обществъ одинъ однообразный уставъ, главный пунктъ котораго требуетъ безплатнаго проѣзда по удостовѣреніямъ отъ кого-либо изъ лидеровъ пролетарскихъ партій. Въ довершеніе всего, какой-то бактеріологъ (только не Заболотный) нашелъ, что на почвѣ вынужденнаго платежа за проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ, появилась эпидемія, и найденъ спеціальный желѣзнодорожный коккъ. Настала эра съѣздовъ; пошли совѣщанія земскихъ и городскихъ врачей; начались съѣзды санитарныхъ врачей. Съѣзжались со всѣхъ сторонъ испытанные въ словесныхъ бояхъ санитарные рыцари; богатырь къ богатырю, языкъ къ языку. Три дня бились рыцари, три дня лились рѣчи. Въ результатѣ, выработанъ планъ борьбы съ эпидеміями; причемъ у рыцарей хватило совѣсти признаться, что этотъ планъ ни къ чему не приведетъ, пока не будетъ введенъ безплатный проѣздъ по удостовѣреніямъ Керенскаго. Тутъ же, при нескончаемыхъ апплодисментахъ, было принято предложеніе Тезякова: „впредь до введенія безплатнаго проѣзда, учредить, какъ предупредительную мѣру, врачебно-питательные пункты для всѣхъ пассажировъ, вынужденныхъ преступнымъ желѣзнодорожнымъ режимомъ платить за проѣздъ и заражаться жел.-дор. коккомъ. Ходатайствовать передъ Противочумной Комиссіей о субсидіи въ размѣрѣ одного милліона рублей“. Принято также предложеніе созвать Пироговскій Съѣздъ и поставить этотъ вопросъ во главѣ очередныхъ и наиболѣе боевыхъ. Наконецъ, вся желѣзно-дорожная эпопея закончилась учрежденіемъ дня желѣзнодорожнаго цвѣтка; эмблемой былъ выбранъ подсолнухъ. Начались дни подсолнуха; появились дамскія шляпки подсолнухъ, ботинки подсолнухъ, прически подсолнухъ; всѣ суфражистки стали демонстративно грызть сѣмечки; на балахъ, вмѣсто конфетти, тоже стали употреблять сѣмечки. Самарскія общественницы, Сахарова, Славянова и другія, устроили дамское общество подсолнуха; то же въ другихъ городахъ. Настали, наконецъ, великіе, торжественные дни подсолнуха. Что творилось на нихъ, не стану разсказывать; потому что

дней этихъ было уже много въ Россіи, и одинъ день похожъ на другой. Собраны были вездѣ большія деньги, потому что „дураковъ не убавишь въ Россіи". На собранныя деньги были устроены типографіи для печатанія удостовѣреній на тотъ случай, когда желѣзно-дорожные билеты будутъ, наконецъ, изъяты изъ обращенія; устроены были знаменитые „Тезяковскіе питательные пункты", чѣмъ достойно увѣковѣчено было имя великаго санитарнаго врача и популярнаго общественнаго дѣятеля. Мѣстами на собранныя деньги была устроена весьма интересная и полезная передвижная выставка „Подсолнухъ", на которой демонстрировалась желѣзно-дорожная бактерія, вызываемыя ею заболѣванія, типы желѣзно-дорожныхъ пассажировъ, образцы желѣзно-дорожныхъ билетовъ и предполагаемыхъ удостовѣреній Керенскаго; типъ будущаго здороваго безплатнаго пассажира и т. п. Тутъ же масса таблицъ, діаграммъ. Тутъ же читались популярныя лекціи „подсолнуха". Лекторомъ приглашенъ былъ знаменитый рыцарь языка, д-ръ Тарасенко. Словомъ, деньги были израсходованы продуктивно, принесли огромную пользу, уничтоживъ почти всѣ бациллы. Увы! Двѣ бациллы не поддаются никакому воздѣйствію, и противъ нихъ человѣкъ безсиленъ. Это—бацилла людской глупости и бацилла morbus Gordoni.

Когда же въ Думѣ заходитъ вопросъ о новой желѣзной дорогѣ, то кадеты, по своей программѣ, соглашаются на ея постройку только при условіи пассажирскаго самоуправленія и полной свободы движенія. Они требуютъ, чтобы правленіе избиралось изъ среды пассажировъ, на основѣ всеобщаго, равнаго, тайнаго и прямого избирательнаго права, чтобы правленіе и каждый желѣзно-дорожный служащій были отвѣтственны передъ всѣми пассажирами дороги, и передъ каждымъ пассажиромъ; чтобы каждый пассажиръ имѣлъ право въ любой моментъ контролировать любое учрежденіе дороги; чтобы не было станцій, стрѣлокъ и тому-подобныхъ препятствій движенію и желаніямъ пассажировъ; чтобы поѣзда останавливались, гдѣ заблагоразсудится пассажирамъ; чтобы поѣзда, по желанію пассажировъ, шли по любому направленію и сворачивали въ сторону, подобно обыкновенному экипажу и автомобилю,—словомъ, чтобы была введена полная свобода движенія и направленій.

Прогрессисты въ Думѣ подаютъ голосъ за постройку дороги, но, согласно своей программѣ, выражаютъ пожеланіе, чтобы были отмѣнены исключительныя положенія и даны конституціонныя гарантіи; чтобы каждый желѣзно-дорожный служащій снималъ фуражку передъ Его Благородіемъ—пассажиромъ и на каждое ругательство пассажира отвѣчалъ однимъ словомъ: „спасибо"; чтобы желѣзно-дорожный жандармъ, видя, какъ пассажиръ несетъ бомбу, вѣжливо сторонился, прикладывалъ руку къ козырьку и терпѣливо ждалъ, пока пассажиръ броситъ бомбу и убьетъ какого-то бюрократа, а съ нимъ вмѣстѣ и учительницу, съ двумя дѣтьми, возвращавшуюся послѣ вакатовъ въ свое село; врача и фельдшерицу, ѣхавшихъ отъ паціента, трехъ торговокъ, продававшихъ у вокзала хлѣбъ и яблоки,

и еще десять ни въ чемъ неповинныхъ людей. Все время жандармъ долженъ быть конституціонно-спокойнымъ, потому что это не злодѣй, не разбойникъ, а политическій преступникъ, и только тогда, когда операція благополучно кончится для бомбиста, подойти къ нему, вѣжливо поздравить его съ успѣхомъ и, по всѣмъ правиламъ конституціонной галантности, спросить: не угодно ли ему будетъ подождать, пока онъ сбѣгаетъ за прокуроромъ, разыщетъ судебнаго слѣдователя съ цѣлью передать дѣло въ руки судебной власти, такъ какъ есть большія основанія думать, что благороднаго и доблестнаго бомбиста придется привлечь къ суду. Это называется неприкосновенностью личности. *)

---

*) Кстати сказать: тоже фальшивая ассигнація, если ждать неприкосновенности своей личности отъ кого-либо другого, хотя бы отъ Манифеста 17-го Октября, если не понимать, что неприкосновенность личности связана неразрывно съ человѣкомъ, съ его душой; что она составляетъ неотъемлемую часть послѣдней. Зачѣмъ просить милостыню, когда каждый можетъ честно своимъ трудомъ заработать себѣ кусокъ хлѣба? Зачѣмъ требовать, ждать отъ другихъ неприкосновенности своей личности, когда каждый своей властью можетъ сдѣлать свою личность неприкосновенной, стоитъ ему только не фабриковать фальшивыхъ ассигнацій, не заниматься изготовленіемъ и бросаніемъ бомбъ, печатаніемъ преступныхъ воззваній къ забастовкамъ, грабежамъ, вообще—не заниматься преступной и уголовной дѣятельностью. Развѣ кто-либо въ Россіи, который честно занимается реальнымъ, полезнымъ дѣломъ, который работаетъ въ своемъ дѣлѣ для добыванія себѣ средствъ къ существованію,—хоть на секунду и въ чемъ-либо чувствуетъ, что его личность прикосновенна? Конечно, могутъ быть ложные доносы, преступные навѣты, но это случайность, отъ которой никто и нигдѣ не гарантированъ, какъ никто не гарантированъ отъ того, что на него нападутъ и ограбятъ. Дѣло въ томъ, что неприкосновенность личности существуетъ въ Англіи,—подавай ее, значитъ, и въ Россіи. Но неприкосновенность личности введена была въ Англіи тогда, когда послѣдняя далеко не была правовымъ государствомъ, когда она раздиралась борьбой партій, когда она кишмя-кишѣла партійными грабежами, партійными убійствами, когда личность дѣйствительно не была гарантирована отъ разбоевъ, совершаемыхъ на почвѣ партійныхъ раздоровъ,—другими словами, когда грабители и разбойники врывались въ квартиры подъ флагомъ партійныхъ противниковъ. Словомъ, это былъ законъ противъ разбойниковъ и грабителей. Онъ имѣлъ чисто-мѣстное, англійское значеніе и въ свое время; онъ давно уже и въ Англіи потерялъ значеніе. Зачѣмъ же требовать неприкосновенности личности въ Россіи, когда она представляетъ вполнѣ правовое государство, неизмѣримо выше стоящее не только Англіи, въ пору изданія этого закона „habeas corpus“, но и многихъ современныхъ республикъ и конституціонныхъ государствъ; когда въ Россіи законъ вполнѣ ограждаетъ обывателя отъ покушеній на его собственность и жизнь, когда весь строй государственной жизни ограждаетъ его отъ этихъ покушеній; когда въ Россіи судъ правый и скорый, когда и полиція и администрація подчинены закону и контролю. Требованіе неприкосновенности личности могло бы поэтому показаться нелѣпымъ абсурдомъ, парадоксомъ, если бы въ немъ не было затаенной цѣли. Разъ неприкосновенность личности мирнаго, честнаго обывателя въ Россіи гарантирована всѣми существующими законами, и требуется ни съ того, ни съ сего какой-то спеціальный законъ о неприкосновенности личности, то очевидно, что этотъ законъ нуженъ не мирному обывателю, а именно аферистамъ, фальшивомонетчикамъ, хулиганамъ, разбойникамъ, бомбистамъ, забастовщикамъ,—словомъ, всѣмъ тѣмъ преступнымъ элементамъ, которые скрываются подъ кличкой эсдековъ, трудовиковъ, кадетовъ, прогрессистовъ и лѣвыхъ октябристовъ. Кому, какъ не преступникамъ, будетъ на руку этотъ сверхъ-законъ, законъ надъ всѣми законами? Вотъ, въ чемъ эта фальшивая демократическая ассигнація, которая замѣчательна тѣмъ, что она стремится вытѣснить находящуюся уже давно въ Россіи, въ обращеніи, настоящую ассигнацію. И легкомыслie

Что касается октябристовъ, то, пока живъ былъ Столыпинъ, они твердо стояли на ногахъ, и здравый смыслъ былъ у нихъ въ почетѣ и въ цѣнѣ; а теперь октябризмъ, это—флюгеръ, качаемый изъ стороны въ сторону. Иногда его еще, по старой памяти, тянетъ въ сторону здраваго смысла, но Гучковъ тогда тихонько дергаетъ за фалды и тянетъ въ сторону общественнаго мнѣнія. Больно сталъ Гучковъ бояться общественнаго мнѣнія, которое ополчилось противъ октябризма. А общественное мнѣніе—ничто иное, какъ истерическіе вопли больныхъ людей, одержимыхъ языкочесаніемъ, психозомъ демократизма.

Само собой разумѣется, что правые голосуютъ за министерскій законопроектъ, да иначе они не могутъ голосовать. И для нихъ громадное большинство вопросовъ — тарабарская грамота; имъ ясно, что и весь парламентъ—одна тарабарщина, одно сплошное недоразумѣніе; они вынуждены были пойти въ Думу, какъ бросаются въ воду, чтобы спасти утопающаго, или идутъ въ горящее зданіе, чтобы хоть что-нибудь спасти изъ имущества. Но, бросаясь въ огонь, идутъ всегда за пожарными, которые во время пожара представляются единственными компетентными людьми, дѣйствующими сознательно и планомѣрно. И для правыхъ, конечно, ясно, что министръ, это — единственно и, во всякомъ случаѣ, наиболѣе компетентный спеціалистъ въ трактуемомъ вопросѣ. Въ то же время они сознаютъ, что работа министра была основательная, добросовѣстная и, несомнѣнно, объективная, въ интересахъ одного только дѣла, потому что министръ несетъ реальную отвѣтственность передъ исконной русской Самодержавной Царской властью, а не передъ такой прелестью, какъ разноцвѣтныя программы той или иной партіи. Цар-

---

обывателя такъ велико, что онъ охотно готовъ промѣнять свою настоящую ассигнацію, свою фактическую неприкосновенность личности—на фальшивую. Если же въ Англіи установилась дѣйствительная неприкосновенность личности, то произошло это постепенно, помимо упомянутаго стариннаго закона, и въ силу только присущаго англичанамъ здравомыслія и другихъ природныхъ свойствъ ихъ характера. Неприкосновенность личности основана только на уваженіи къ своему достоинству, къ своей личности. Кто уважаетъ, цѣнитъ свое человѣческое достоинство, тотъ сдѣлаетъ свою личность неприкосновенной. Очевидно, въ Англіи нѣтъ ни Милюковыхъ, ни Шингаревыхъ, нѣтъ ни Керенскихъ съ Чхеидзе. Что неприкосновенность личности имѣетъ такое относительное значеніе даже въ Англіи, видно изъ тѣхъ крутыхъ мѣръ, которыя тамъ пришлось принять по отношенію къ русскимъ бомбистамъ, встрѣтившимъ выстрѣлами безоружныхъ полисменовъ; главнымъ образомъ, видно изъ того, что неприкосновенность личности была отмѣнена по отношенію къ суфражисткамъ, этимъ бѣснующимся тварямъ, потерявшимъ всякое достоинство человѣческое и весьма напоминающимъ нашихъ интеллигентовъ и интеллигентокъ. Вообще, фактическая неприкосновенность личности, фактическія и истинныя свободы, а тѣмъ болѣе избирательное и законодательное право требуютъ такихъ высокихъ моральныхъ, интелектуальныхъ и духовныхъ свойствъ индивида, до которыхъ далеко, еще очень далеко даже англичанину. Нужны еще тысячелѣтія культурной жизни человѣчества, работы надъ самимъ собой, для того, чтобы человѣкъ сталъ достоинъ конституціонныхъ благъ. Въ настоящее время онъ такъ же далекъ отъ этого, какъ онъ далекъ еще отъ переписки съ обитателями Марса. Сознаніе, здравый смыслъ мнѣ говорятъ, что парламентаризмъ вообще немыслимъ, что онъ представляетъ логическій абсурдъ, безусловный парадоксъ, что онъ представляетъ уродливое, болѣзненное народное состояніе. Я убѣжденъ, что рано ли, поздно ли наступитъ крахъ парламентаризма даже въ Англіи. Но если допустимъ даже, что

ская власть въ Россіи — реальный символъ народа и Государства, и, неся отвѣтственность передъ Царской властью, каждый министръ въ то же время несетъ реальную и страшную отвѣтственность передъ всѣмъ народомъ, передъ всей землей русской. Отвѣтственность передъ Андреевскимъ флагомъ,—это не отвѣтственность передъ краснымъ флагомъ невѣжественнаго дикаря изъ эсдековъ. Но хотя и для правыхъ парламентаризмъ ничто иное, какъ тарабарская грамота, а каждое голосованіе — переводъ съ тарабарскаго нарѣчія, но они нисколько не грѣшатъ ни передъ своей совѣстью, ни передъ народомъ и родиной, голосуя за министерскіе законопроекты.

Министерскіе законопроекты, вообще работа министровъ, это — кропотливая, прозаичная, но добросовѣстная, реальная и полезная работа; это—реальная, полезная и тяжелая работа, хотя бы крыловскаго пса Барбоса. Работа депутата —одни разговоры „черезъ голову Думы“, одно лакейское угодничанье, одно хожденіе на заднихъ лапкахъ болонки Жужу. А работу министровъ зовутъ вермишелью, на нее валятъ всѣ бѣды, всѣ несчастья; министровъ, всѣхъ правыхъ, здравомыслящихъ людей — поносятъ, проклинаютъ, а работу депутатовъ зовутъ плодотворной общественной дѣятельностью, величаютъ депутатовъ великими ораторами, мудрыми людьми, популярными общественными дѣятелями. Вотъ гдѣ трагизмъ,—реальный и истинный трагизмъ жизни, котораго никто не замѣчаетъ, вотъ гдѣ и когда топчутъ правду ногами. И какъ болѣла за правду душа Барбоса, какъ болѣла за правду душа Крылова, когда онъ писалъ свою басенку, такъ болѣетъ за правду моя душа, когда я вижу тяжелый, тернистый путь министра Маклакова и легкій, усѣянный розами—путь депутата Маклакова,—когда я вижу, какъ послѣдній катается на бархатныхъ

неприкосновенность личности, свободы, парламентская жизнь въ извѣстной степени осуществились въ Англіи, и англійскій народъ, благодаря какимъ-то, недоступнымъ нашему пониманію, своимъ свойствамъ даже приспособился къ нимъ (повторяю, я этому не вѣрю, это—одна внѣшность, одна румяная поверхность яблока, сердцевина котораго вся сгнила), то какое основаніе думать, что эти роскошныя бездѣлушки, взрощенныя на англійской нивѣ, тучно удобренной англійскимъ здравымъ смысломъ, примутся и на русской почвѣ, что они также умѣстны и полезны и русскому народу? И еще сто лѣтъ тому назадъ великій дѣдушка земли русской, Крыловъ, со своимъ истинно-русскимъ здравымъ смысломъ, предвидѣлъ это и на этотъ вопросъ далъ отвѣтъ, приготовивъ одну изъ своихъ чудныхъ басенокъ: „Мартышка и очки!“ И Милюковъ съ К⁰ рѣшили, что зло русское не столь большой руки, лишь стоитъ завести англійскую конституцію. Достали конституцію, и то „ее на хвостъ нанижутъ, то ее понюхаютъ, то ее полижутъ,—конституція не дѣйствуетъ никакъ“... И у Милюкова съ К⁰ виновными оказались правые и правительство, а не ихъ неумѣстное и неумѣлое перениманіе. О, если бы люди побольше читали, побольше изучали басни Крылова, а забросили бы въ печку всякіе „Капиталы“ Маркса, утопіи Толстого, бредни Григорія Петрова и другихъ подголосковъ Толстого и Маркса, поменьше увлекались политической и экономической литературой, еще меньше—газетами, кромѣ отдѣла новостей; не заглядывали бы въ театры и кинематографы, гдѣ одна фальшь и сантиментальность (я говорю о драмахъ и трагедіяхъ),—словомъ, если бы люди искали мыслей въ собственной головѣ, а не жили бы готовыми книжными сентенціями и формулами, а тѣмъ менѣе—общественнымъ мнѣніемъ! Вѣдь, хорошихъ, полезныхъ книгъ во всемъ мірѣ—одна-двѣ-три, ну, одинъ-два-три десятка—не больше; ихъ по пальцамъ перечесть. Въ нихъ простой житейскій опытъ, въ нихъ реальный здравый смыслъ, въ нихъ истинная и простая жизненная правда. Онъ—отъ Бога.

коврахъ славы, почета, популярности, тысячныхъ гонораровъ, и когда я понимаю, что всѣ эти блага достаются депутату Маклакову, достаются многимъ, многимъ другимъ за то только, что они отмѣнно ходятъ на заднихъ лапкахъ.

Басня „Двѣ собаки" — одна изъ величайшихъ басенокъ Крылова, одно изъ величайшихъ міровыхъ твореній. Въ этой баснѣ— вся міровая трагедія; въ ней борьба двухъ міровыхъ началъ: реальнаго, полезнаго труда и празднаго тунеядства. Вся моя брошюра посвящена этой баснѣ и представляетъ только развитіе ея, только комментаріи къ ней изъ современной жизни.

Конечно, есть вопросы, въ которыхъ тотъ или иной депутатъ могутъ быть вполнѣ компетентными (такихъ депутатовъ во всякомъ парламентѣ по пальцамъ перечесть); несомнѣнно, правые прислушиваются къ мнѣнію такихъ депутатовъ; назовемъ хотя бы проф. Алексѣенко. Они относятся съ уваженіемъ къ эрудиціи и опыту Алексѣенко въ финансовыхъ вопросахъ, хотя онъ и октябристъ, и цѣнятъ его доклады въ той части, гдѣ Алексѣенко стоитъ на чисто-научной, добросовѣстной и спеціальной оцѣнкѣ финансовыхъ вопросовъ. Передъ эрудиціей и знаніями Алексѣенко вынуждены преклониться и всѣ оппозиціонные (такъ и запахло англійскимъ духомъ, и, пожалуй, за это выраженіе еще попаду въ милость къ Милюкову) депутаты, но они дѣлаютъ видъ, что докладъ Алексѣенко нравится имъ только по тѣмъ мѣстамъ, въ которыхъ проглядываетъ критика министра или неудовольствіе по поводу существующаго положенія. Депутаты и газеты, захлебываясь отъ восторга, только такія выраженія Алексѣенко цитируютъ въ своихъ рѣчахъ и отчетахъ. Понятно, что Алексѣенко, какъ истый октябристъ, старается доставить лѣвымъ депутатамъ и всѣмъ безпартійно-прогрессивнымъ газетамъ это удовольствіе; вѣдь, марка октябризма, да еще земскаго, въ послѣднее время очень пала въ глазахъ здраваго смысла.

Чего же требовать, чего ждать послѣ всего этого отъ простодушнаго обывателя, изъ которыхъ любой, это—типичный Санхо-Панчо? Онъ такъ же вѣритъ своему депутату, какъ когда-то Санхо-Панчо вѣ-

---

Въ другихъ—фальшь, отвлеченіе отъ жизни, красивыя, блестящія перспективы, дьявольское искушеніе. Онѣ—отъ дьявола. Сочиненія Дарвина отъ Бога, „Капиталъ" Маркса—отъ дьявола. Басни Крылова отъ Бога, сочиненія Толстого—отъ дьявола. Донъ-Кихотъ Сервантеса—отъ Бога. Я конечно, не говорю о спеціально-научныхъ книгахъ. Изъ всей остальной массы романовъ, драмъ, повѣстей, стиховъ, публицистическихъ статей, фельетоновъ, книгъ и журналовъ для народа и дѣтей, книгъ для самообразованія, соціальныхъ, экономическихъ, политическихъ сочиненій и т. п. на тысячи едва ли найдется одна книга, которая представляется оригинальной, самобытной, независимой отъ ходячихъ, книжныхъ истинъ и общественнаго мнѣнія, основанной только на вѣрѣ собственному здравому смыслу, своимъ глазамъ, своимъ ушамъ и своей душѣ. Если бы люди съ такой точки зрѣнія подходили къ книгамъ, къ ораторамъ, газетчикамъ, общественнымъ дѣятелямъ,—сколько кумировъ было бы повергнуто въ прахъ, сколько книгъ сожжено! Есть еще одна великая книга,—несомнѣнно, отъ Бога,—которая у людей въ загонѣ; о ней я скажу въ другомъ мѣстѣ.

рилъ Донъ-Кихоту; онъ также его обожаетъ и приходитъ въ такой же, телячій, санхо-панчовскій восторгъ, который такъ понятенъ каждому, кто только слѣдилъ за похожденіями Донъ-Кихота и его великолѣпнаго оруженосца. Доживи Санхо-Панчо до нашего времени, онъ, какъ и каждый изъ современныхъ избирателей, былъ бы весьма пригоднымъ элементомъ для боя быковъ въ Мадридѣ, но, конечно, не въ качествѣ торреадора. Да, собственно говоря, грѣшно, даже преступно было бы человѣку, у котораго, какъ говорится, царя въ головѣ нѣтъ, не приходить въ восторгъ отъ перспективы безплатнаго проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ. Или какой Санхо-Панчо устоитъ отъ искушенія, за рублевый желѣзно-дорожный билетъ, дающій званіе пассажира, участвовать въ тысячныхъ и даже милліонныхъ доходахъ ж. дорогъ? А развѣ не пріятно чувствовать себя начальствомъ? Прицѣпишь къ груди вмѣсто медали желѣзно-дорожный билетъ, и каждый служащій, каждый желѣзно-дорожный чиновникъ обязанъ тебѣ честь отдавать. А развѣ Санхо-Панчо не былъ въ восторгѣ, когда его, шутки ради, произвели въ губернаторы. О, я глубоко убѣжденъ, что каждый избиратель чувствуетъ себя такимъ же губернаторомъ, когда онъ направляется къ избирательной урнѣ. День выборовъ, это—великій, такъ сказать, губернаторскій день въ жизни каждаго избирателя,—день, когда ему кажется, что онъ правитъ всей Россіей, что командуетъ всѣми губернаторами, всѣми министрами. Правда, губернаторство его продолжается одну секунду,—ровно столько времени, сколько требуется, чтобы избирательная записка совершила свое путешествіе въ урнѣ. Калифъ на мигъ! А много ли нужно обывателю? Вѣдь, въ какомъ-то романсѣ какой-то поэтъ за мигъ блаженства всю жизнь готовъ былъ отдать. Чего же требовать отъ современнаго Санхо-Панчо? Правда, отъ всего парламента, отъ всѣхъ этихъ свободъ, отъ всѣхъ этихъ конституцій избирателю только этотъ мигъ блаженства и достается; все остальное достается тѣмъ, невѣдомымъ совершенно для избирателя, людямъ, которые за мигъ блаженства купили у него депутатское кресло. А развѣ въ этомъ можно убѣдить Санхо-Панчо; на то онъ былъ, есть и будетъ Санхо-Панчо, тѣмъ болѣе, что онъ не разъ еще чувствуетъ себя губернаторомъ. А чувствуетъ онъ себя губернаторомъ каждый разъ, когда его депутатъ пріятно ему улыбается, или крѣпко жметъ ему руки, причемъ обязательно интересуется знать, какъ его здоровье или какъ его дѣла? Подумайте,—депутатъ все время министровъ ругаетъ! Для каждаго депутата министръ все равно, что для именитаго купца—приказчикъ; а съ обывателемъ онъ тише воды, ниже травы; здоровьемъ его интересуется... Да въ это время всякій Санхо-Панчо, не то что губернаторомъ, выше министра долженъ себя чувствовать. Но на верху сверхъ-начальническаго, сверхъ-министерскаго блаженства чувствуетъ себя избиратель тогда, кога депутатъ даетъ своимъ избирателямъ отчетъ въ публичномъ собраніи...

Да, много такихъ блаженныхъ мгновеній въ жизни обывателя. Какъ же ему не стоять за парламентъ, за конституцію! Много ли

ему нужно? Вѣдь, это—типичный Санхо-Панчо, годный только для мадридскаго цирка въ качествѣ племеннаго андалузскаго быка.

А кого не соблазнитъ возможность по своему желанію подъѣзжать поѣздомъ къ своему родному селу, и—прямо къ собственной хатѣ. Сядешь въ вагонъ и велишь кондуктору распорядиться, чтобы поѣздъ свернулъ къ селу Листопадову и остановился противъ твоего дома... Вѣдь, это же одно удовольствіе. Что и говорить; хорошо бы, очень хорошо. Не нашелся, однако, еще такой инженеръ, который изобрѣлъ бы такой способъ. Но что до этого обывателю; ему важно, чтобы рѣчь была пріятная. А, какъ извѣстно, пріятныя рѣчи пріятно и слушать. И, помимо мгновеній губернаторскаго блаженства, обывателю отъ всего парламента достаются еще такія пріятности отъ пріятныхъ рѣчей. А обыватель въ восторгѣ. Онъ продолжаетъ во всѣхъ конституціонныхъ странахъ по-прежнему платить за проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ, ведетъ ту же будничную трудовую жизнь, слышитъ у прилавка или станка ту же ругань хозяина. Словомъ, въ его жизнь парламентъ не внесъ никакихъ измѣненій. А, между тѣмъ, онъ въ восторгѣ. Много ли ему нужно? Ровно столько, сколько нужно старой дѣвѣ, мимо окна которой проѣхалъ гусаръ съ красивыми усами. Она только подошла къ окошку, а онъ уже проѣхалъ, и слѣдъ его простылъ. Это былъ мигъ блаженства, который понятенъ только старой дѣвѣ, но весьма мало доступенъ пониманію молодой дѣвицы. Но зато старая дѣва продолжаетъ послѣ того всю жизнь напѣвать: „Ахъ, усы, его усы! поразили такъ меня, что въ него влюбилась я!“ А, между тѣмъ, дѣвственная жизнь старой дѣвы отъ того, что она подошла къ окошку и увидѣла гусара, измѣнилась, и ея дѣвственность пострадала отъ усовъ гусара ровно настолько, насколкс измѣнилась жизнь обывателя отъ того, что онъ бросилъ записку въ избирательную урну. Для обывателя парламентъ—то же, что для старой дѣвы—усы проѣзжаго гусара.

Понятно, что со стороны такихъ избирателей депутатъ-самарецъ вызоветъ нареканія, если онъ изъ государственныхъ соображеній выскажется за дорогу, которая пройдетъ не черезъ Самарскую, а, скажемъ, черезъ Симбирскую губернію. Но пусть читатель успокоится; ни одинъ лѣвый депутатъ не позволитъ себѣ отступленія отъ программы, и самарскій депутатъ Гладышъ выскажется только за Самарскую желѣзную дорогу, притомъ на условіяхъ осуществленія на ней полной свободы движенія, парламентскаго режима и пассажирскаго самоуправленія. Онъ органически, онъ фактически, онъ ни съ какой точки зрѣнія не можетъ высказаться иначе, потому что для всесторонняго и правильнаго разрѣшенія любого вопроса съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ—надо поработать головой, пошевелить мозгами; надо начать съ азбуки вопроса, изучать годами вопросъ по спеціальнымъ источникамъ, послужить нѣсколько лѣтъ въ вѣдомствѣ, набраться опыта, спеціальнаго и житейскаго, и т. п. А сколько такихъ разныхъ вопросовъ возбуждается въ Думѣ, сколько спеціальностей надо знать, сколько вѣдомствъ надо прохо-

дить!.. Просто волосы дыбомъ встаютъ,—какая это сверхъ-человѣческая обязанность депутата. Развѣ она подъ-силу нормальному человѣку, который идетъ на службу для труда, для работы по своей спеціальности, по своему призванію? Она подъ-силу только сверхъ-человѣкамъ, только титанамъ, у которыхъ хватаетъ наглости итти въ Думу для того, чтобы лечить всѣ народные недуги по одной однообразной программѣ, однимъ универсальнымъ средствомъ—*свободой*. Пожары тушить свободой слова, желѣзнодорожное хозяйство улучшать—свободой направленій и т. п. Понятно, что при такихъ условіяхъ обязанности депутата чрезвычайно упрощаются и превращаются въ одну дѣтскую забаву. Смѣло можно всѣ депутатскія кресла замѣнить люльками, а депутатовъ—новорожденными младенцами, и послѣдніе съ такимъ же успѣхомъ будутъ исполнять обязанности депутатовъ и столько же пользы принесутъ государству, родинѣ и народу. Развѣ трудно, даже ребенку, превратиться во врача, если всѣхъ лечить по одному рецепту: „ѣшь и пей“. Если было бы иначе, то развѣ хоть одинъ избранникъ дерзнулъ бы переступить порогъ парламента?..

И вся эта партійность — одна дѣтская забава; это — дѣтская игра для взрослыхъ. Партіи понятны и умѣстны во время игры въ винтъ, въ крокетъ и тому-подобныхъ спортивныхъ развлеченій, такъ присущихъ англійскому духу. Изобрѣтательный на всякія спортсменскія игры, знаменитый виртоузъ въ боксѣ, англичанинъ въ лицѣ парламента устроилъ себѣ политическій боксъ, политическую спортсменскую игру. Но у англичанина боксъ боксомъ, а дѣло дѣломъ. Повидимому, и на свой парламентъ, и на свои партіи, англичанинъ смотритъ именно, какъ на спортсменство, какъ на развлеченіе во время серьезныхъ государственныхъ работъ,—какъ онъ развлекается играми во время самаго серьезнаго занятія. Если было бы иначе, Англія не только не достигла бы такого расцвѣта, но давно была бы уже на краю гибели. Во Франціи же, въ Россіи и въ другихъ странахъ то, что для англичанъ было только игрой, однимъ изъ ихъ любимыхъ спортивныхъ развлеченій, приняли за ихъ настоящее дѣло, за парламентъ, и всерьезъ разбились на партіи. Вотъ что значитъ, „то понюхать очки, то ихъ на хвостъ нанизать“. Развѣ въ серьезномъ государственномъ дѣлѣ можно разбиться на партіи? Если это игра, развлеченіе, то это партіи; а если это серьезъ, то это враждебные лагери, это—удѣльная Русь, это—время феодаловъ. Какъ можетъ серьезный, здравомыслящій человѣкъ, которому дороги интересы дѣла, да еще народнаго государственнаго дѣла, примкнуть къ какой-либо партіи, серьезно втянуться въ партійную борьбу. И въ маленькомъ дѣлѣ могутъ быть разныя отрасли и сферы дѣятельности, могутъ встрѣтиться масса разнообразныхъ вопросовъ, требующихъ то одного, то другого разрѣшенія. А какая же масса отраслей, какая масса вопросовъ могутъ встрѣтиться въ великомъ государственномъ дѣлѣ? Какой же здравомыслящій, добросовѣстный человѣкъ, если онъ искренно, реально заинтересованъ въ дѣлѣ, составитъ себѣ, заранѣе опредѣлитъ себѣ—программу дѣйствій. Всякій

понимаетъ, что это абсурдъ, безсмыслица. Если дѣло живое, если въ немъ участвуютъ живые люди, то они только слѣдятъ за дѣломъ, и поступаютъ по указаніямъ дѣла, по указаніямъ жизни. Если въ дѣлѣ заинтересованы, если въ немъ участвуетъ хотя бы 5—10 человѣкъ, то всякое дѣло потерпитъ крахъ, если участники разобьются на партіи. Очевидно, интересы дѣла отошли на задній планъ, потому что на партіи могли разбиться только изъ-за мелкихъ, личныхъ поводовъ и интересовъ, изъ-за того же выѣденнаго яйца, изъ-за котораго поссорились гоголевскіе герои. Тѣ же мелкіе, личные интересы раздирали Русь и въ удѣльный, и въ смутный періоды. Тутъ о примиреніи интересовъ, о взаимномъ уваженіи не можетъ быть и рѣчи, когда это не расхожденіе мнѣній, когда это—мелкая, личная, но зато и непримиримая вражда Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича. Наоборотъ, тутъ интересы дѣла, интересы Россіи, народа, государства принесутъ въ жертву партійнымъ интересамъ, личному, мелкому самолюбію, торжеству партіи и т. п. Начались у гоголевскихъ героевъ ссоры изъ-за выѣденнаго яйца, а вѣдь, они ради этого пустяка готовы были ставить на карту интересы всего своего хозяйства, свое состояніе, свою свободу, честь, жизнь. Имъ важно было одно—наказать, унизить соперника. Гурко въ послѣднемъ засѣданіи Государственнаго Совѣта взывалъ къ взаимному уваженію партій. Призывъ очень благородный, но онъ останется гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, какъ тщетны были всѣ попытки помирить Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ. И въ удѣльный, и въ смутный періоды русской исторіи раздавались призывы къ единенію, къ взаимному уваженію, но они не давали никакого результата, пока не началось и не закончилось собираніе земли русской въ одинъ народный и государственный организмъ, подъ эгидой самодержавной царской власти. И не о взаимномъ уваженіи можетъ итти рѣчь; если это уваженіе замѣчается въ Англіи, то это просто одинъ изъ элементовъ, одна изъ деталей ихъ спортивной, парламентской игры.

Представимъ себѣ, что взрослые люди затѣяли какую-либо игру. Для нихъ это развлеченіе между дѣломъ; они къ игрѣ какъ будто относятся серьезно, но для нихъ это только игра; они разбились на партіи, но не враждуютъ, не спорятъ, а только играютъ; всякіе споры кончаются миролюбиво, не доходятъ до ссоръ, потому что не станутъ же серьезные взрослые люди ссориться изъ-за пустяковъ, разъ они только играютъ, только развлекаются; и до, и во время, и послѣ игры они будутъ относиться другъ къ другу съ тѣмъ же уваженіемъ. Здѣсь не понадобятся, какъ и въ Англіи, никакіе призывы къ взаимному уваженію. Но если ту же игру затѣятъ дѣти, сейчасъ же начнутся ссоры и драки, потому что для нихъ это не игра, для нихъ это и есть самое серьезное дѣло; для нихъ все важно, все серьезно; всякая мелочь, всякій пустякъ, всякое выѣденное яйцо. Для дѣтей игра не развлеченіе, а насущный важный вопросъ,—вопросъ чуть ли не жизни и смерти,—и какъ только они для игры разбились на партіи, то это не партіи, а враждебные лагери, и начинается не игра, а борьба не на жизнь, а на смерть. Понятно, что дѣло очень

быстро доходитъ до ссоръ и до дракъ. Какой же здравомыслящій родитель обратится къ дѣтямъ съ призывомъ къ взаимному уваженію? Онъ просто прекратитъ игру, разниметъ дерущихся, какъ ссору Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича прекратила одна смерть, какъ смуты на землѣ русской прекратились только тогда, когда прекратились удѣлы.

И въ Россіи ссоры и раздоры прекратятся только тогда, когда прекратится игра въ парламентъ. А пора ее прекратить, потому что въ Россіи получились не англійскія партіи, а началось смутное время, начались ужасы удѣльной Руси, потому что получились не партіи, а враждебные лагери, племена удѣльной Руси, потому что враждуютъ изъ-за личныхъ мелкихъ партійныхъ интересовъ, потому что интересы народные, интересы государственные въ русской парламентской жизни никакой роли не играютъ, потому что, какъ дѣти во время игры, принимаютъ свои мелкіе партійные интересы за самыя великія насущныя государственныя нужды. Да и эти партійные интересы—плодъ фантазіи, воображенія, на высотѣ того выѣденнаго яйца, которое рассорило гоголевскихъ героевъ. Въ Англіи дѣло дѣлаютъ, а въ свободное время играютъ въ парламентъ; а въ Россіи дѣла не дѣлаютъ, а все время играютъ въ парламентъ, притомъ, какъ дѣти, ссорятся и дерутся во время игры, потому что каждая мелочь этой игры кажется важнымъ государственнымъ дѣломъ.

Вотъ, въ чемъ разгадка англійскаго парламента. Вотъ, въ чемъ разгадка нормальной, здоровой англійской государственной жизни, несмотря на то, что у нихъ парламентъ и у нихъ партіи. Казалось бы, парламентъ, это—отрицаніе всякой государственной жизни, какого-либо серьезнаго большого дѣла. И если парламентъ уживается въ Англіи съ англійскимъ здравомысліемъ и съ высоко-развитой англійской государственной жизнью, то только потому, что и въ Англіи дѣло дѣлаютъ назначаемые короной министры, а народъ и депутаты только играютъ въ парламентъ, только развлекаются въ свободное время парламентскимъ спортомъ. Жизнь, государственная, дѣловая жизнь течетъ мимо парламента и внѣ партій; министерства мѣняются, но весь темпъ государственной жизни нисколько не страдаетъ отъ этого и ни на іоту не мѣняется. Парламентъ парламентомъ, партіи партіями, спортъ спортомъ, а дѣло дѣломъ. Министръ-либералъ продолжаетъ дѣло министра-консерватора и—наоборотъ; а въ это время народъ и депутаты продолжаютъ развлекаться парламентскимъ спортомъ. Словомъ, въ государственной, въ дѣловой жизни у англичанъ нѣтъ партій; а партіи ихъ одна видимость, одна игра; и, внѣ сомнѣнія, въ душѣ серьезный, здравомыслящій англичанинъ относится къ своему парламенту, къ своимъ партіямъ—только какъ къ спортивному развлеченію, прекрасно сознавая, что въ настоящее дѣло, въ государственный механизмъ этотъ спортъ не вторгается, и англичанинъ одинаково спокоенъ за судьбу своего народа, своего государства, безразлично, находится ли власть въ рукахъ консервативнаго, или либеральнаго министерства. Онъ знаетъ, что министры только въ парламентѣ—тори или виги, а въ министерствахъ,

это—англійскіе министры, назначаемые англійскимъ королемъ, для несенія государственной службы. И англичанинъ знаетъ, что министръ будетъ нести свои обязанности, руководствуясь только государственными интересами, только велѣніями своего долга и совѣсти. Онъ понимаетъ, что для англійскаго министра парламентъ, это—спортивный клубъ, куда министръ удаляется въ свободное время для спорта. Въ парламентѣ онъ играетъ въ футболъ, и принадлежитъ къ партіи виговъ или тори, и всячески старается одержать побѣду надъ противникомъ. Игра кончилась, противники опять превратились въ членовъ клуба, быть можетъ, даже въ друзей; разошлись по домамъ, министры по министерствамъ; а въ министерствахъ царитъ одно дѣловое настроеніе,—тамъ не до игры,—и вчерашніе противники по футболу, по парламенту превратились въ единомышленниковъ, въ сослуживцевъ, потому что всѣ министры, всѣ англичане служатъ въ одномъ учрежденіи, которое зовется англійскимъ государствомъ, англійскимъ народомъ. У нихъ у всѣхъ общее, реальное дѣло, а въ такомъ дѣлѣ—партіямъ не мѣсто; англичане позволяютъ себѣ дѣлиться на партіи только при играхъ, при спортивныхъ развлеченіяхъ. На то онъ англичанинъ, на то у него страсть ко всякаго рода спортсменскимъупражненіямъ, къ числу которыхъ относится и англійскій парламентъ. А остальные народы этого не поняли, и давай вводить у себя парламентъ, какъ настоящее—реальное дѣло, какъ основу государственной жизни. Все равно, какъ мартышка вздумала завести очки, не понимая ихъ назначенія, не зная, какъ съ ними обращаться; ну, понятно, она „то ихъ понюхаетъ, то ихъ полижетъ".

То, что у англичанъ было развлеченіемъ, стало для другихъ самымъ настоящимъ дѣломъ; парламентъ хотятъ превратить въ средоточіе государственной жизни, парламентскія рѣчи—въ основу государственной дѣятельности, а свои партійныя дрязги, всякія мелкія дѣла отдѣльныхъ лицъ или группъ—принимаютъ за великія государственныя дѣла, за насущныя народныя нужды. Точь-въ-точь, какъ дѣти во время игры. Понятно, почему на мѣсто серьезной государственной работы, кропотливаго изученія каждаго вопроса ставятъ готовыя формулы, готовыя программы; понятно, почему стремятся выкраивать жизнь по программамъ вмѣсто того, чтобы создавать программы примѣнительно къ жизни. Да потому, что никакого дѣла нѣтъ, нѣтъ никакой плодотворной реальной дѣятельности, потому что за дѣло приняли то, что у другихъ представляется только игрой, только спортивной забавой. Партійность, какъ элементъ спортивный, допустима и понятна, но партійность въ серьезномъ, отвѣтственномъ дѣлѣ—преступленіе, партійность же въ государственномъ дѣлѣ—государственное преступленіе, измѣна родинѣ и народу. Вѣдь, народное, государственное дѣло—общее и всѣмъ одинаково дорогое дѣло. Такое дѣло можно вершить только общими, дружными усиліями, руководясь только тѣми указаніями, которыя даетъ само дѣло. Конечно, тутъ программъ не можетъ быть, потому что живое дѣло нельзя втиснуть въ программу; наоборотъ, самое дѣло, его постановка и внѣшнія жизненныя условія подчи-

нятъ себѣ волю человѣка и будутъ диктовать программы, которыя могутъ мѣняться ежеминутно, ежечасно, какъ на биржѣ мѣняются цѣны. Тотъ или иной участникъ предпріятія можетъ не соглашаться съ постановкой дѣла, но въ интересахъ дѣла онъ будетъ, наравнѣ съ другими, работать сообща, на общую пользу. Когда же въ такое общее дѣло участникъ его вноситъ партійность, то это доказываетъ, что онъ нисколько не заинтересованъ въ общемъ дѣлѣ, что онъ преслѣдуетъ только свои личные мелкіе интересы; что онъ готовъ погубить все дѣло, лишь бы его личные или партійные интересы восторжествовали. Понятно, разъ это дѣло государственное, разъ вопросъ идетъ объ интересахъ народа, государства, то такого рода партійность—форменная измѣна народу.

Въ самомъ дѣлѣ: откуда это партіи—рабочая, крестьянская, торгово-промышленная и другія? Что это за депутаты, которые являются въ парламентъ защищать какіе-то интересы крестьянъ, рабочихъ, промышленниковъ. Я не знаю такихъ интересовъ; моему сознанію понятны только интересы государства, народа. Могутъ возникнуть и потребовать разрѣшенія вопросы: крестьянскій, рабочій, вопросы землеустройства, торговли, промышленности, и поскольку каждый такой вопросъ имѣетъ обще-государственное значеніе, онъ и рѣшается съ точки зрѣнія интересовъ государства и народа, а отнюдь не съ точки зрѣнія интересовъ отдѣльныхъ лицъ, группъ, сословій и т. п. То или иное разрѣшеніе вопроса можетъ даже *быть* по интересамъ той или иной группы, даже по интересамъ всего народа, т.-е. по личнымъ интересамъ каждаго обывателя, и тѣмъ не менѣе депутаты, по своей государственной и народной совѣсти, должны разсматривать и разрѣшать вопросы только съ точки зрѣнія народныхъ и государственныхъ интересовъ. Скажемъ, начинается война; неужели же крестьянская партія откажется воевать, потому что начались полевыя работы, и интересы крестьянъ пострадаютъ больше всего; или откажутся воевать окраинные жители, которые больше всего пострадаютъ отъ войны, или откажутъ въ кредитахъ прогрессисты и кадеты, потому что къ довершенію всѣхъ бѣдъ они еще пацифисты? Вспыхнувшая міровая война и показала, что это за дутое, фальшивое предпріятіе—парламентъ съ его партіями. Война вызвала къ жизни реальные, насущные интересы народа и государства, и сразу не стало партій, сразу во всемъ мірѣ исчезла пацифистская пропаганда демократическихъ партій; сразу потерпѣлъ крахъ международный призывъ соціализма, составляющій чуть ли не основу соціалистическихъ программъ. Сразу стало ясно, что партіи, съ ихъ программами, это—только мелкія, личныя провинціальныя сплетни и дрязги отъ бездѣйствія, отъ отсутствія реальнаго дѣла. Когда же въ томъ же провинціальномъ городѣ начался пожаръ, всѣ забыли свои мелкіе споры и дружно взялись тушить пожаръ, и вчерашніе враги сообща и мирно стали спасать имущество ихъ общаго врага. Такъ на той же провинціальной тинѣ бездѣлья, отсутствія реальныхъ, жизненныхъ интересовъ, отсутствія какой-либо государственной, истинной сознательности пышно растутъ партіи, газеты, какъ выра-

женіе пошлыхъ, ложныхъ провинціальныхъ сплетенъ и дрязгъ, въ основѣ которыхъ лежитъ выѣденное яйцо, какъ въ ссорѣ гоголевскихъ героевъ. Повторяю, прототипъ всѣхъ парламентовъ, это—ссора Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича. Гоголь, по своему реализму, по своему глубокому здравомыслію, наравнѣ съ дѣдушкой-Крыловымъ, дѣлаетъ великую честь русскому здравому смыслу. Какъ это, можетъ быть, ни обидно для сознанія величественныхъ рыцарей современности, но долженъ сказать, что всѣ эти Милюковы, Жоресы, Либкнехты, Шингаревы, Маклаковы, Керенскіе, Чхеидзе—ничто иное, какъ гоголевскіе Иваны Ивановичи и Иваны Никифоровичи. Всѣ эти депутаты, газетчики, члены всѣхъ культурныхъ обществъ, сборщики и сборщицы, лекторы народнаго университета, либеральничающіе профессоры, ихъ ученики, учащаяся молодежь—краса и надежда народа, часами спорящая о высокихъ матеріяхъ, устраивающая забастовки и бойкотирующая неугодныхъ имъ профессоровъ и товарищей,—всѣ, словомъ, популярные общественные дѣятели и писатели—ничто иное, какъ провинціальные сплетники и краснобаи. То, что они принимаютъ за дѣло, чему многіе отдаютъ всѣ свои силы, здоровье и даже жизнь, только миражъ, фикція, выѣденное яйцо. А развѣ провинціальные сплетники и сплетницы не принимаютъ за настоящее, серьезное дѣло свои сплетни и пересуды? Развѣ они не отдаются имъ всей своей душой? И на сплетняхъ и пересудахъ они одинаково рискуютъ своимъ здоровьемъ, состояніемъ и даже жизнью, какъ дѣти во время игры, готовы вцѣпиться другъ въ друга по какому-нибудь чисто-дѣтскому поводу. Но дѣтямъ все кажется серьезнымъ, важнымъ, имѣющимъ государственное значеніе. Взрослому же всѣ эти дѣтскія ссоры кажутся смѣшными и нелѣпыми. Такъ кажется здравомыслящему человѣку смѣшными, нелѣпыми—парламенты, съ ихъ партіями и со всѣми привходящими элементами: газетами, обществами, съѣздами, выборами и т. п.

Но когда началась война, тогда смѣло можно было бы вездѣ и всюду созывать парламенты, потому что передъ реальнымъ народнымъ дѣломъ сразу исчезли депутаты, не стало партій, всѣ превратились въ гражданъ своего отечества. Тогда, собственно, не стало парламентовъ, потому что результатъ получился бы вездѣ одинъ и тотъ же, если бы собрали первыхъ попавшихся на улицѣ обывателей и объявили это собраніе парламентомъ, какъ во время пожара полиція тащитъ къ насосу перваго попавшагося обывателя.

И почему это прогрессисты, кадеты, вообще демократы называютъ себя единственными и настоящими друзьями народа—вообще, и крестьянства, рабочихъ—въ частности? Вѣдь, свою дружбу, какъ и всякое заявленіе, надо доказать. На словахъ у всякаго много друзей и пріятелей, а истинный другъ познается только въ несчастьи. И вотъ, когда началась война, когда началось общее народное бѣдствіе. тогда и оказалось, что всѣ одинаково преданы народу, и правые и лѣвые, и дворяне и крестьяне, и купцы, и рабочіе; всѣ одинаково и охотно проливали свою кровь, несли всѣ жертвы на алтарь отечества и народа. И если все вышеизложенное осталось для многихъ

не яснымъ, то, быть можетъ, примѣръ великой войны сдѣлаетъ имъ яснымъ, что борьба лѣвыхъ и правыхъ, буржуевъ и пролетаріевъ, консерваторовъ и прогрессистовъ— плодъ одного сплошного недоразумѣнія, что, съ точки зрѣнія реальныхъ нуждъ и интересовъ государства и народа, правый и дворянинъ будутъ одинаково защищать интересы лѣваго и крестьянина, какъ крестьянинъ и лѣвый, и—наоборотъ. Быть можетъ, станетъ яснымъ, что такъ называемые интересы крестьянъ, рабочихъ, требованія прогрессистовъ, кадетовъ, трудовиковъ представляютъ только личные, мелкіе интересы, притомъ воображаемые, фиктивные,—то, что зовется выѣденнымъ яйцомъ. Кому дороги реальные интересы его народа, тому одинаково дороги всѣ интересы народные и интересы каждаго его соотечественника, и, въ особенности, ему дорога народная солидарность: его лозунгъ— народное единеніе, на началахъ трезваго здраваго отношенія къ реальнымъ, дѣйствительнымъ нуждамъ народнымъ. Кто же утверждаетъ, что онъ другъ народа, и въ тоже время защищаетъ чьи-то отдѣльные интересы, хотя бы даже „сѣятеля нашего и хранителя“— пахаря, кто такимъ путемъ вноситъ раздоръ и партійность,—тотъ говоритъ неправду, тотъ фальшивитъ, тотъ самый ярый врагъ народа, тотъ принесетъ одинъ только вредъ тому же крестьянству, а если онъ ему окажетъ пріятельскую услугу, то лишь такую, какую оказалъ знаменитый крыловскій медвѣдь своему пріятелю-пустыннику. Тотъ, кто образуетъ какую-либо политическую партію, кто къ ней примыкаетъ,—тотъ защищаетъ только свои личные или партійные интересы, тотъ въ великое народное дѣло вноситъ элементъ раздора, тотъ измѣнникъ народу. А если онъ, по своей партійной программѣ, защищаетъ интересы крестьянъ, рабочихъ или вообще народа, то онъ, простите за выраженіе, безбожно вретъ. Это интересы фиктивные, выдуманные, фантастическіе,—ничего реальнаго въ нихъ нѣтъ. Для того же, чтобы прельстить простодушнаго обывателя, приходится прибѣгать къ аферѣ, къ шантажу, приходится будить самые низменные, хищническіе инстинкты обывателя. Повторяю, я говорю не объ англійскихъ партіяхъ, которыя представляютъ одну спортивную забаву, и внѣ которыхъ у англичанъ одно только общее государственное и народное дѣло, одни только общіе реальные интересы народа.

Какіе же другіе интересы, кромѣ хищническихъ, могутъ защищать партіи? Какіе другіе инстинкты, кромѣ хищническихъ, могутъ будить партіи въ обывателѣ? Вѣдь, для защиты личныхъ, сословныхъ, матеріальныхъ и, вообще, правовыхъ интересовъ обывателя и создано государство, съ его многообразными органами. Вѣдь, всѣ законы, весь строй государственной правовой жизни оберегаютъ, охраняютъ обывателя; оберегаютъ его трудъ, его предпріятіе, его жизнь, свободу, его сонъ. Подъ охраной законовъ, суда, администраціи обыватель можетъ спокойно жить, трудиться, работать, отдыхать, путешествовать и т. п. Для болѣе совершенной охраны его интересовъ, для болѣе быстраго и близкаго ихъ удовлетворенія созданы органы земскаго и городского самоуправленія. Позволительно спросить, какого еще рожна ему, этому обывателю, нужно? Если не всѣ запросы

обывателя удовлетворены, если многаго ему недостаетъ, то незачѣмъ огуломъ обвинять правительство, государственный строй жизни. Для удовлетворенія многообразныхъ государственныхъ нуждъ необходимы огромныя средства, которыхъ можетъ не быть у государства; а нѣтъ ихъ у государства потому, что населеніе само небогато, а небогато оно потому, что нѣтъ у него предпріимчивости, потому что оно инертно, лѣниво. Дать же обывателю предпріимчивость, вдохнуть въ него энергію ни одно правительство не въ состояніи. И невольно вспомнишь слова Крылова: „чѣмъ кумушекъ считать трудиться, не лучше ли на себя кума оборотиться?“... Умѣстно здѣсь и изреченіе: „каждый народъ достоинъ своего правительства“, а я прибавлю: „достоинъ всего, что у него есть“. Критика вообще обоюдоострое оружіе, и съ критикой ой, ой, какъ осторожно надо обращаться. Скажу откровенно: одного языка, который имѣется у каждаго человѣка, и одной глупости человѣка (а этого добра ой, ой, какъ много у людей) мало для критики. Съ такими природными задатками любой оселъ попадетъ въ критики,—скажу больше: одного ума очень, очень мало для критики. Наоборотъ, съ умомъ критика получится еще хуже, еще злѣе, если только человѣкъ критикуетъ по злобѣ, изъ-за личныхъ, мелкихъ интересовъ, будь то собственные, или партійные интересы; въ особенности опасна критика на почвѣ жизненныхъ своихъ неудачъ. А таково ужъ свойство человѣческой натуры: во всѣхъ своихъ жизненныхъ неудачахъ искать виновниковъ на сторонѣ, винить другихъ. Есть родъ критики, котораго всѣ избѣгаютъ, это—критика въ интересахъ одной правды. Хотя многіе божатся и клянутся, что они пишутъ, говорятъ, критикуютъ въ интересахъ правды, но это съ ихъ стороны наглая ложь. Критика въ интересахъ правды бьетъ столько же критика, сколько и его жертву; она бьетъ всѣхъ, потому что бьетъ не критика, а бьетъ сама правда. А кто захочетъ себя бить? Правдивой критики избѣгаютъ еще потому, что она требуетъ колоссальной работы, огромныхъ трудовъ. Необходимъ многолѣтній самоанализъ, необходима болѣзненная операція вскрытія собственной души, необходимъ многолѣтній и объективный анализъ какъ собственной души, такъ и всей окружающей обстановки, въ сознаніи полнаго своего ничтожества, въ сознаніи, что ты—пѣшка въ рукахъ Провидѣнія и жизни, и что жизнь человѣка, ея обстановка, удачи или неудачи—зависятъ, главнымъ образомъ, отъ природныхъ, врожденныхъ свойствъ человѣка, и въ меньшей степени отъ внѣшнихъ условій. Во всякомъ случаѣ, внѣшнія условія претворяются въ природныхъ свойствахъ человѣка, хотя, въ исключительныхъ случаяхъ, внѣшнія условія могутъ сыграть и выдающуюся роль. И не только человѣкъ, но и народъ, все человѣчество—лишь пѣшка въ рукахъ Провидѣнія, жизни и внѣшнихъ условій. Правдивая критика поэтому никого не винитъ, не ищетъ виноватыхъ. Для нея нѣтъ виновныхъ ни среди людей, ни среди правительства, ни среди народовъ. Она въ тонкомъ, глубокомъ и всестороннемъ анализѣ и самоанализѣ ищетъ причинъ явленія, и задается вопросомъ: устранимы ли онѣ, и въ силахъ ли человѣческихъ ихъ устранить? Правдивой критикѣ, правдѣ вообще—противны партіи, она далека отъ личныхъ,

мелкихъ интересовъ и дрязгъ изъ-за выѣденнаго яйца, она отнюдь не будитъ хищническихъ, звѣрскихъ инстинктовъ человѣка. Вѣдь, правдѣ важны только интересы дѣла, вѣдь, правда работаетъ не языкомъ, а въ потѣ лица своего; она никого не винитъ, никого не хочетъ и не можетъ винить, а только добросовѣстно и въ интересахъ дѣла ищетъ причинъ; она ихъ ищетъ не въ злой, сознательной волѣ отдѣльныхъ лицъ, а въ общечеловѣческихъ свойствахъ,—въ природныхъ свойствахъ того или иного народа. Такъ мыслимо развѣ, чтобы правдивой критикой, чтобы правдой руководили злоба, мелкія партійныя дрязги и разсчетъ, разъ она имѣетъ дѣло съ причинами и явленіями общечеловѣческаго, общенароднаго характера, лежащими внѣ воли и сознанія человѣческихъ. Правда и партійность поэтому два антагониста, лежатъ на двухъ діаметрально противоположныхъ полюсахъ. Правда не можетъ будить хищническихъ, звѣрскихъ инстинктовъ, потому что она не ищетъ виновниковъ, не указываетъ на другихъ, какъ на виновниковъ несчастья, а указываетъ на причины, находящіяся въ самомъ человѣкѣ. Она не говоритъ человѣку: „ты бѣденъ, а сосѣдъ твой богатъ, потому что онъ отнялъ у тебя богатство! Устрой свою партію и отними у него богатство!“ Она говоритъ: „ты бѣденъ, а твой сосѣдъ богатъ, потому что Богъ надѣлилъ его способностями, энергіей, трудолюбіемъ. Ты же лѣнивъ, не предпріимчивъ, малоподвиженъ. Знай, что богатство пріобрѣтается трудомъ, знаніями, энергіей и т. п.“ Правдивая критика, правда, не поучаетъ, не читаетъ проповѣдей, она только путемъ всесторонняго, длительнаго, вдумчиваго анализа,—путемъ особаго Божественнаго дара,—изучаетъ явленія, находитъ тѣ или иныя причины и на основаніи послѣднихъ дѣлаетъ свои предсказанія, или, какъ они назывались въ библейскія времена, пророчества. Она, наоборотъ, взываетъ къ общей дружной работѣ, для устраненія явленій, ихъ причинъ и ихъ послѣдствій. На партіи же дѣлятся не для общей, дружной работы, а только для нападенія на другихъ, только для экспропріаторскихъ похожденій. Борьба партій, это — борьба за власть, за богатство, за почетъ, за славу и т.-подобные мелкіе и ничтожные интересы,—мелкіе и ничтожные, если разсматривать ихъ съ точки зрѣнія интересовъ народныхъ, интересовъ государственныхъ. Это тѣ мелкіе интересы, которые служатъ поводомъ для провинціальныхъ сплетенъ, для борьбы партій провинціальнаго мѣщанства. Позорно и преступно вносить партійную борьбу въ государственную жизнь. Парламентъ, съ его партіями, это — народное бѣдствіе; они несутъ странѣ раздоры, распри, междоусобицы и рано ли, поздно ли приведутъ народъ къ гибели, если онъ не найдетъ въ себѣ силы и здраваго смысла освободиться отъ нихъ или ввести ихъ въ нормальныя, терпимыя рамки. Не въ интересахъ общаго, народнаго дѣла идутъ въ ту или иную партію, а только въ партійныхъ интересахъ, на гибель и несчастье народа.

Интересы каждаго индивида можно разсматривать съ двухъ точекъ зрѣнія: государственной и личной. Это двѣ діаметрально противоположныя точки зрѣнія. Взять, къ примѣру, воровъ. Государ-

ственные интересы требуютъ, чтобы ворамъ были поставлены преграды на пути ихъ дѣятельности; личные же интересы воровъ требуютъ, чтобы ихъ дѣятельность пользовалась полной свободой и поощреніемъ. И если воры составятъ партію, то только для защиты своихъ личныхъ интересовъ; и каждая парламентская партія защищаетъ только свои личные,—другими словами, анти-государственные, анти-народные интересы. Защищать государственно-народные интересы можетъ только сила, стоящая внѣ партій,—сила, для которой личные интересы заключаются въ государственности, въ народности.

Гдѣ парламентъ, тамъ партіи; гдѣ партіи, тамъ одни хищническіе, экспропріаторскіе интересы, тамъ отрицаніе всякой государственности, всякой народности. Я признаю только партію, отрицающую всякія партіи. Это не партія, это—легіонъ добровольцевъ, ставшихъ грудью для защиты государства, для защиты народа. Что Гарибальди для Италіи, то Пуришкевичъ для Россіи.

Неужели же, въ самомъ дѣлѣ, государственные вопросы народнаго образованія должны быть ввѣрены только школьникамъ изъ приходскихъ училищъ или изъ гимназій? Или вопросы воспитанія—дѣтямъ до 3-хъ лѣтняго возраста, какъ элементу, наиболѣе заинтересованному? Не ясно ли, что для рѣшенія любого вопроса, съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ, нужны люди, меньше всего лично въ этомъ вопросѣ заинтересованные, необходимы только люди съ широкимъ государственнымъ кругозоромъ, преданные народу, живущіе его душой, его мыслью, его здравымъ смысломъ. Вѣдь, если исходить изъ того, что въ парламентѣ каждый долженъ имѣть защитника своихъ интересовъ, то логически надо желать созданія партій воровъ, экспропріаторовъ. Да, по существу, каждая парламентская партія обязательно несетъ въ себѣ экспропріаторскіе элементы. Депутаты для защиты дѣтскихъ интересовъ будутъ защищать принципы: побольше сластей, побольше гулять, ложиться спать, когда угодно и т. п. Что могутъ защищать депутаты для защиты интересовъ рабочихъ, какъ не принципъ: поменьше работать, побольше бастовать; мало трудиться, много получать? Рабочіе и тѣ, которые преслѣдуютъ свои личные или партійные интересы, охотно пошлютъ депутатовъ, обѣщающихъ имъ блага за чужой счетъ, но и тѣ, что посылаютъ такихъ депутатовъ въ Думу, и тѣ, что идутъ, совершаютъ государственное преступленіе. Охотно пошлетъ крестьянинъ въ Думу депутатовъ, которые обѣщаютъ ему землю за счетъ помѣщичьей земли. Крестьянинъ не понимаетъ, что такое обѣщаніе—анти-государственное, анти-общественное; онъ не понимаетъ, что можно съ успѣхомъ жить въ довольствѣ на одной десятинѣ, и голодать на 50 десятинахъ; онъ далекъ отъ сознанія, что голодовки зависятъ отъ него же, что для ихъ устраненія нужны другіе пути, и что эти пути должны быть въ строгомъ соотвѣтствіи со всей реальной, государственно-народной жизнью. Но парламентскія партіи развиваютъ и будятъ только хищническіе, экспропріаторскіе инстинкты рабочихъ и крестьянъ, вообще—обывателей; въ этомъ сила этихъ партій, но въ этомъ и ихъ преступленіе.

Есть и можетъ быть только Богомъ данная борьба за существованіе и та борьба, которую я назвалъ борьбой за народное существованіе. Нѣтъ и не можетъ быть другой борьбы,—классовой, сословной, партійной и т. п. Такая борьба—выдумка человѣка, выдумка аферистовъ, экспропріаторовъ и тому-подобныхъ элементовъ; выдумка тѣхъ, кто нападаетъ самъ съ цѣлью грабежа и который стремится хоть чѣмъ-нибудь оправдать свое нападеніе, свой грабежъ. Чтобы напасть на богатыхъ и грабить ихъ, эсдеки придумали классовую борьбу; чтобы грабить землевладѣльцевъ, трудовики придумали борьбу за трудовой народъ и т. п. И, какъ въ старину, разбили русскій народъ на племена, начались смуты и раздоры, начались опять ужасы удѣльной Руси и смутнаго времени, опять двинулся походомъ на Русь ляхъ и всякій супостатъ... Только не видать Ивана Сусанина, не слыхать про Минина и Пожарскаго...

XIX.

И легка депутату его великая и тяжелая отвѣтственность, какъ легка избирателю его великая отвѣтственность, какъ легка мертвецу земля, хотя бы ея были горы. И депутатъ съ программами въ рукахъ, и избиратель съ готовыми бюллетенями (а другихъ у него не можетъ быть)—живые мертвецы. Нѣтъ лица, нѣтъ учрежденія, передъ которыми бы и тотъ, и другой несли бы отвѣтственность, реальную, фактическую отвѣтственность. Въ концѣ концовъ, всякій намекъ на отвѣтственность теряется въ системѣ большинства. Вся задача, вся отвѣтственность сводится къ подачѣ своего голоса. Это задача, посильная любому младенцу. И въ этой полной своей фактической бездѣятельности депутаты проявляютъ кипучую дѣятельность, подобно бѣлкѣ, безпрерывно двигающейся въ колесѣ и остающейся на мѣстѣ. И кипитъ въ думскомъ колесѣ великая думская работа, и легка думская земля депутатамъ. Каждый депутатъ имѣетъ свое амплуа, свою спеціальность. У кого амплуа молчанія, и надо правду сказать, что депутаты, наложившіе на себя обѣтъ молчанія, самые сознательные депутаты, подобно рыцарямъ, наложившимъ на себя обѣтъ молчанія вмѣсто того, чтобы болтать одинъ рыцарскій вздоръ. А что рыцари когда-то болтали одинъ вздоръ, намъ теперь стало ясно. Не менѣе ясно будетъ со временемъ, что депутаты и, вообще, демократы все время болтали одинъ вздоръ. Скоро ли наступитъ это время? У другихъ амплуа говорить, говорить безудержу. Кто спеціализуется на ругани, кто на критикѣ; кто мастеръ говорить съ мѣста, кто къ порядку дня, кто по личнымъ вопросамъ. Кто составляетъ наказъ для думскаго колеса, кто мастеръ по запросамъ, кто по обструкціи; кто стряпаетъ законопроекты и т. п. Каждый работаетъ, не покладая рукъ своихъ, уткнувшись носомъ въ программу. Есть тяжелая солдатская жизнь, и тяжелая солдатская доля, но есть и дѣтская игра въ солдаты. А сколько жизни, сколько энергіи, сколько души вкладываютъ дѣти въ свою игру! Пожалуй, ни одинъ парламентъ за ними не угонится.

Парламентская жизнь—та же будничная тусклая жизнь провинціальныхъ кумушекъ, которая разнообразится, кипитъ и бурлитъ въ области сплетенъ и скандаловъ. Не вѣрите? Прочитайте любой думскій отчетъ или любую корреспонденцію хотя бы самарскаго депутата Гладыша. Что, кромѣ сплетенъ и скандаловъ, найдете вы и въ отчетахъ, и въ корреспонденціяхъ? Въ Думѣ война; но война не за интересы народные, или государственные, а война за торжество программъ. Въ корреспонденціяхъ Гладыша только и читаешь: правые затѣяли какую-то каверзу; умные кадеты ихъ раскусили; эсдеки вначалѣ не поняли маневра, но трудовики открыли имъ глаза; общими усиліями убѣдили прогрессистовъ и, конечно, лѣвыхъ октябристовъ съ земцами-октябристами, и правые потерпѣли пораженіе. Выгадали ли отъ этого интересы Россіи, интересы русскаго народа—объ этомъ исторія умалчиваетъ. И отъ чего теперь только не зависитъ судьба Россіи, судьба русскаго народа? Отъ насморка Чхеидзе, отъ желудочнаго несваренія у Керенскаго, отъ обычнаго преступленія какого-либо бакинскаго милліонера, который пригласилъ въ защитники Маклакова и этимъ отвлекъ депутата изъ Думы; отъ того, что Шаговъ, чтобы не просиживать депутатскаго кресла, гдѣ-нибудь засидѣлся на мѣстахъ; отъ того, наконецъ, что Гладышъ, угощая пріѣзжаго изъ Самары пріятеля, засидѣлся за обѣдомъ. Отъ 2-3 голосовъ депутатскихъ зависитъ судьба Россіи. Такъ развѣ это не нелѣпость, не повальное безуміе, не повальное ослѣпленіе? Развѣ это не сплошная рыцарская борьба съ вѣтряными мельницами?

Припоминаю такой случай изъ были англійскаго парламента: началось обсужденіе какого-то вопроса. Министерская партія подсчитала голоса и успокоилась, такъ какъ оказалось, что оппозиція—въ меньшинствѣ. Но это было ловкимъ маневромъ; нѣсколько десятковъ депутатовъ изъ оппозиціонной партіи спрятались въ ближайшемъ не то ресторанѣ, не то кабачкѣ и къ концу дебатовъ неожиданно, густой толпой ввалились въ парламентъ. Началось смятеніе; провалъ вопроса вызывалъ паденіе министерства, перемѣну политики и такъ или иначе отражался на судьбѣ всего народа, всего государства. Положеніе министерства было спасено чрезвычайно милымъ государственно-парламентскимъ пріемомъ: одинъ за другимъ выступали депутаты и говорили нескончаемо-длинныя и безконечныя рѣчи, пока не собрали со всѣхъ концовъ Лондона достаточное число министерскихъ депутатовъ. Здѣсь все характерно: и игра въ прятки, и безконечныя рѣчи, и созывъ депутатовъ, и эти случайныя мелочи, отъ которыхъ зависятъ важные народные вопросы,—можетъ быть, даже вопросы жизни или гибели народа. Неужели можетъ протекать нормально жизнь народа при парламентскомъ режимѣ? Неужели же можно назвать нормальнымъ, здравомыслящимъ тотъ народъ, который завелъ у себя парламентскіе порядки?!.. Думаю, что не только государственное, но всякое мелкое предпріятіе потерпитъ крахъ и быстро пойдетъ ко дну при такихъ порядкахъ. И если это имѣетъ мѣсто въ англійскомъ парламентѣ, то можно представить себѣ, что же творится въ другихъ парламентахъ и за ихъ кули-

сами! И если парламентъ, съ его милыми обычаями, со всѣмъ его гнилымъ содержаніемъ и развращающей обстановкой, уживается со здравымъ смысломъ англійскаго народа, съ его уравновѣшенностью и, повидимому, съ нормальнымъ историческимъ темпомъ его жизни,— то я нахожу единственное объясненіе лишь въ томъ, что парламентъ—только спортивный элементъ въ политической англійской жизни, только политическій всенародный клубъ, въ которомъ черезъ своихъ выборныхъ развлекается англійскій народъ въ минуты отдыха. Повторяю: эти спортивныя развлеченія нисколько не препятствуютъ, повидимому, чисто-дѣловой государственной и общественной жизни англійскаго народа. Не то, далеко не то въ другихъ странахъ. Можетъ быть, далеко неладно обстоитъ дѣло и въ Англіи; издалека объ этомъ не берусь судить, хотя я уже вижу грозные симптомы разложенія и въ Англіи. Я вижу тамъ новую,—правда, немногочисленную,—рабочую партію, вижу тамъ даже нѣсколько соціалистовъ, откуда-то изъ парламентскаго ада выползли вѣдьмы, въ образѣ суфражистокъ, требующихъ себѣ избирательнаго права. Но самый грозный для меня симптомъ—сокращеніе до минимума палаты лордовъ. Я вижу и источникъ происхожденія этихъ грозныхъ явленій: явились они на почвѣ распространенія въ Англіи той ереси, той поддѣлки, которая выросла на материкѣ при пересадкѣ тамъ англійскаго парламента. Это—черная неблагодарность, которой ученики платятъ учителямъ. Обидно за здравый смыслъ англійскаго народа, но, можно думать, англійскій народъ выйдетъ здравымъ и невредимымъ изъ этого испытанія.

И все, что ни творится въ другихъ парламентахъ, представляетъ грубую аляповатую поддѣлку англійскаго парламента; такая поддѣлка можетъ быть только смѣшной, можетъ служить темой только для комическаго фарса. Все это было бы смѣшно, если бы не было такъ грустно, если вопросъ не шелъ бы о государствѣ, о народѣ, если бы на парламентъ и на присущій ему элементъ кричащей общественности не тратилось масса силъ и энергіи, масса средствъ, которыя съ успѣхомъ и плодотворно можно было бы употребить на реальныя и назрѣвшія государственныя нужды и потребности.

Разбились на партіи, но это не добродушныя и невинныя партіи, не партіи, на которыя разбиваются при игрѣ въ крокетъ или футболъ. Это—военные лагери, это враждующія рати, готовыя наброситься и уничтожить другъ-друга, не брезгая никакими средствами, никакими способами. Каждая партія борется яко бы во имя интересовъ народа, государства, но каждая во всякое время продастъ и народъ, и государство, потому что она отождествляетъ интересы государства съ интересами партіи и борется только въ интересахъ партіи,—другими словами, въ погонѣ за своими мелкими, личными партійными интересами никто и въ грошъ не ставитъ интересовъ государства. Надъ всѣми духовными и моральными пріобрѣтеніями человѣчества превалируетъ великій принципъ партійной тактики,—другими словами, ложь, шантажъ, провокація. Припомню

хотя бы нашумѣвшую исторію со Степановкой,—исторія, которая, съ легкой руки „Русскаго Слова“, долго не сходила со столбцовъ всѣхъ россійскихъ газетъ и послужила даже поводомъ къ запросамъ въ „русскомъ парламентѣ.“ Эта исторія еще у всѣхъ на памяти. Выселили нѣсколько семействъ изъ сел. Степановки, Самарской губ.,—выселили согласно судебному приговору, послѣ процесса, на основаніи иска со стороны крестьянскаго банка; выселили, правда, зимой, но ихъ предварительно долгое время упрашивали добровольно выселиться, пока рѣшились прибѣгнуть къ силѣ для того, чтобы привести въ исполненіе судебный приговоръ.

Боже, какой вопль поднялся во всей лѣвой печати, поднялся въ Думѣ! Но посмотримъ на этотъ вопросъ съ обычной государственной точки зрѣнія, на которую сталъ и долженъ былъ стать Хрипуновъ, и воздадимъ послѣднему должное. Состоялся, вѣдь, приговоръ суда на точномъ основаніи существующихъ законовъ. Къ судебному приговору каждый долженъ относиться съ полнымъ уваженіемъ. Можетъ быть, степановцы явились жертвой недоразумѣнія, собственной неопытности или даже обмана со стороны какихъ-либо личностей, но искъ банка былъ правильный, и приговоръ суда былъ справедливый. Могутъ быть еще судебныя ошибки въ уголовныхъ процессахъ, но въ гражданскихъ дѣлахъ судъ рѣшаетъ на основаніи только документовъ, рѣшаетъ въ высокой степени объективно, придерживаясь только закона, и подчиненіе приговору, это—святая обязанность каждаго гражданина. Гдѣ нѣтъ уваженія къ закону, тамъ не можетъ быть и законности,—тамъ подрываются подъ всѣ основы государственности, подъ всѣ блага общественности, которыя добыты были вѣковыми трудами цѣлаго ряда поколѣній. Совершили преступленіе противъ законности, противъ государственности только степановцы, отказавшись выселиться. Что оставалось дѣлать Хрипунову? Потворствовать беззаконію? Прикрыть походъ противъ законности? Другими словами, совершить преступленіе? Это было бы преступленіемъ по существу, принципіально, но и непосредственно повело бы къ великому соблазну: станутъ иные, прочіе занимать чужія мѣста, а потомъ ихъ оттуда и дымомъ не выкуришь; однимъ сдѣлана поблажка, почему же не сдѣлать другимъ, третьимъ. И Хрипунову оставалось одно изъ двухъ: или слѣдовать своему долгу, своему государственному пониманію государственности и, скрѣпя сердце, выселить степановцевъ, или же махнуть рукой на всякую законность и сквозь пальцы смотрѣть на беззаконіе. Государственные, высокопонимаемые интересы народа побѣдили, и степановцы были выселены. Никакихъ основаній потворствовать беззаконію ни у газетъ, ни у зачинщицы—у „Русскаго Слова“, ни у общества не было.

Ежедневно по судебнымъ приговорамъ описываютъ имущество, выселяютъ. Правда, по-человѣчеству, жалко этихъ несчастныхъ и порою—жертвъ обмана. Жалко было и степановцевъ; несомнѣнно, по-человѣчеству, жалко было ихъ и самому Хрипунову; онъ, быть можетъ, помогъ бы имъ изъ своихъ личныхъ средствъ, но предпо-

честь интересы отдѣльныхъ лицъ интересамъ государства онъ не могъ и былъ не въ-правѣ. Всякій истинно-сознательный гражданинъ долженъ былъ только поставить въ заслугу Хрипунову такое отношеніе къ своему долгу. Но жалко было степановцевъ корреспонденту „Русскаго Слова", жалко ихъ было газетчикамъ, обществу, депутатамъ Государственной Думы,—такъ зачѣмъ же негодовать, возмущаться, запросы дѣлать въ Думѣ? Не проще ли открыть подписку въ пользу степановцевъ, самимъ развязать свои кошельки отъ полноты сердобольныхъ сердецъ и собрать нужную сумму. Я убѣжденъ, что Хрипуновъ охотно бы присоединилъ къ такому сбору и свою лепту.

Представимъ себѣ, что судъ приговорилъ убійцу къ каторгѣ. Осталась безъ средствъ ни въ чемъ неповинная семья. Что же? Поднять шумъ, крикъ, запросы дѣлать, негодовать, требовать, чтобы во имя интересовъ семьи помиловать преступника? Не проще ли дать средства къ существованію семьѣ? Если изъ жалости къ семьѣ миловать преступниковъ, если вообще изъ жалости никакихъ судебныхъ приговоровъ не приводить въ исполненіе, то можно представить себѣ, какой развалъ, какая анархія наступитъ въ обществѣ, въ государственной жизни. Въ Англіи ни одинъ гражданинъ не позволитъ себѣ не повиноваться закону; тамъ каждый—отъ пахаря до короля—подчиняется судебному приговору и только потому, что въ самомъ народѣ велико уваженіе къ закону, къ законности. Какъ и свободу слова, законность нельзя дать народу однимъ росчеркомъ пера; на законности надо воспитываться, надо ею жить. Въ Англіи, наоборотъ, всѣ обрушились бы на степановцевъ, какъ на нарушителей порядка и закона; никто ни одного слова укора не послалъ бы по адресу Хрипунова. Тамъ степановцы, и вопросъ о степановцахъ немыслимы; тамъ существуетъ уваженіе къ закону, тамъ высоко развито пониманіе законности, тамъ великое сознаніе государственныхъ интересовъ. У насъ же доросли только до пониманія партійныхъ интересовъ, и эти мелкіе, пошленькіе интересы, стоящіе на высотѣ интересовъ провинціальныхъ сплетницъ, ставятъ выше законности, выше любыхъ государственныхъ интересовъ. О газетныхъ корреспондентахъ, сотрудникахъ, фельетонистахъ и всякихъ борзописцахъ—и говорить нечего: ихъ хлѣбомъ не корми, только подавай имъ степановцевъ, которые не признаютъ закона. Впрочемъ, для нихъ такіе степановцы—настоящій кусокъ хлѣба: они ихъ ищутъ, и изъ-подъ земли выкапываютъ. Но степановцы—великая и желанная находка для всѣхъ депутатовъ и парламентаріевъ, для всѣхъ популярныхъ общественныхъ дѣятелей; для всѣхъ вообще ораторовъ и интеллигентовъ; для всѣхъ критиковъ изъ породы мосекъ, лающихъ на слоновъ, и изъ породыословъ, критикующихъ пѣнье соловья. Да и какъ не воспользоваться такимъ случаемъ; тутъ полный просторъ для проявленія гражданскихъ чувствъ и заботъ о меньшемъ братѣ, а, главное, для удали языка; тутъ только и подставляй лоханки и бочки для крокодиловыхъ слезъ; а какое раздолье для проявленія рыцарскихъ чувствъ, доброты, участія, сердечности, для

вздоховъ и оховъ и всякихъ жалкихъ словъ! Благо, все это, какъ и крокодиловы слезы, ни гроша ломанаго не стоитъ,—наоборотъ, кое-кому даетъ солидный заработокъ, кому—почетъ, славу, кому—всеобщее уваженіе, популярность. Немудрено, что степановцы превратились въ героевъ дня, во всеобщихъ любимцевъ. Хотите заслужить благодарность, участіе и популярность у провинціальныхъ кумушекъ и сплетницъ? Устройте скандалъ, выбѣжите на улицу и крикните, что васъ обидѣли. Какое счастье, какая пища для сплетенъ! Въ особенности вамъ будутъ благодарны, если можно напакостить кому-либо, если можно при этомъ опорочить чье-либо доброе имя, чью-либо репутацію.

Вотъ, такой именно случай дали степановцы въ руки политическимъ сплетникамъ, носящимъ названіе парламентскихъ дѣятелей и популярныхъ общественныхъ дѣятелей. Какъ же не воспользоваться такимъ случаемъ! Началась травля Хрипунова, вообще правительства, министровъ. Началось издѣвательство; каждый считалъ своимъ долгомъ негодовать, возмущаться, бранить порядки, другъ передъ другомъ соперничали въ дешовомъ остроуміи, балагурствѣ; любой степановецъ превратился въ друга дома, въ закадычнаго пріятеля для каждаго русскаго обывателя. Можно было думать, что каждый степановецъ—кроткій агнецъ, олицетвореніе всѣхъ земныхъ добродѣтелей, что каждый чиновникъ, каждое правительственное лицо въ Россіи—злой демонъ, сказочный драконъ. Можно было думать, что въ Россіи нѣтъ закона, отсутствуетъ судъ, царятъ произволъ и порядки, какъ въ самыхъ дикихъ азіатскихъ странахъ. Можно было думать, что въ Россіи правительственные чиновники всѣхъ ранговъ и чиновъ устраиваютъ экспропріаторскіе набѣги на мирныхъ обывателей, сносятъ дома, выселяютъ изъ помѣщеній, грабятъ, жгутъ, насилуютъ и т. п.

Вся эта ложь, агитація, всѣ эти омерзительные пріемы, вплоть до провокаціи, нужны были только для того, чтобы возбуждать, будировать общественное мнѣніе, вызывать ненависть, озлобленіе къ правительственной власти, къ государственнымъ учрежденіямъ. Все это необходимо для того, чтобы убѣдить простодушнаго обывателя, что только прогрессисты и демократы—истинные друзья народа, что будь на мѣстѣ Хрипунова демократъ, онъ не только не выгналъ бы степановцевъ съ чужого мѣста, но отвелъ бы имъ еще двадцать чужихъ мѣстъ и каждому выстроилъ бы на чужой счетъ по барскимъ хоромамъ. А развѣ трудно убѣдить, въ чемъ угодно, довѣрчиваго, простодушнаго обывателя? И вся эта омерзительная кампанія велась въ интересахъ партійной тактики, этого проклятаго наслѣдства, оставшагося отъ іезуитовъ, отъ ихъ дьявольской тактики: „цѣль оправдываетъ средства.“ Надо было возвеличить партію, надо было унизить правительство и правыхъ. Эта іезуитская цѣль была достигнута, но она была куплена дорогой цѣною: подрывомъ уваженія къ закону, къ русскому суду, презрѣніемъ къ законности и ко всѣмъ устоямъ государственной жизни. Какой развратъ, какой раз-

ладъ вносится такими пріемами въ психику и мораль общества, легко себѣ представить.

Такъ пользуются прогрессисты и демократы всякимъ случаемъ, чтобы разжечь страсти, сѣять смуты, извратить понятія общества, вообще—взбаламутить житейское море, чтобы въ мутной водицѣ рыбу удить. Что этимъ газетчикамъ, интеллигентамъ, популярнымъ общественнымъ дѣятелямъ и, вообще, всякимъ общественнымъ дѣятелямъ до интересовъ государства, до будущаго, до души народа? Имъ важно добиться какихъ-либо результатовъ лишь въ мелкихъ, пошлыхъ партійныхъ интересахъ, лишь въ интересахъ ихъ подленькаго тщеславія и самолюбія. Интересы же партіи сводятся въ программамъ, къ отдѣльнымъ буквамъ изъ программъ. Та же средневѣковая схоластика, то же буквоѣдство, та же безжизненность, та же мертвечина, тотъ же формализмъ! Вотъ, гдѣ царитъ истинный бюрократизмъ, вотъ, гдѣ форменное донъ-кихотство, стрѣльба по воробьямъ изъ пушекъ! И надъ всѣмъ этимъ царитъ проклятое, дьявольское іезуитское правило: „цѣль оправдываетъ средства“,—правило, которое, для отвода глазъ, назвали „партійной тактикой“.

Собственно говоря, положеніе: „цѣль оправдываетъ средства“—далеко не такое преступное и не заслуживаетъ совершенно презрѣнія. Въ жизни очень часто приходится прибѣгать къ пріемамъ, которые оправдываются только цѣлью, для которой они примѣнялись. Скажемъ, во время пожара приходится иногда прибѣгать къ разрушенію сосѣдняго зданія, для того, чтобы спасти остальныя; врачу приходится примѣнять оперативные пріемы, причинять боль для спасенія жизни паціента и т. п. Не положеніе преступно,—а преступно, когда человѣкъ дѣлаетъ себѣ это положеніе правиломъ своей жизни. Жизнь не признаетъ никакихъ правилъ, она руководится только своей правдой; каждый жизненный моментъ имѣетъ свою правду. Ничего преступнаго нѣтъ и не можетъ быть въ томъ, когда человѣкъ, по требованію жизненнаго момента, въ полномъ соотвѣтствіи съ жизненной правдой, въ реальныхъ, конкретныхъ случаяхъ прибѣгаетъ къ тѣмъ или инымъ пріемамъ. Къ такимъ пріемамъ человѣкъ прибѣгаетъ инстинктивно, механически, помимо своей воли, именно по требованію момента; вчера человѣкъ не зналъ, какъ онъ сегодня поступитъ въ томъ или иномъ случаѣ. Преступнымъ это правило становится тогда, когда оно превращается въ правило жизни не по требованіямъ и не во имя жизни и ея правды,—а во имя предвзятыхъ фантастическихъ цѣлей, покоящихся на безжизненныхъ ученіяхъ. Вотъ, въ чемъ преступленіе іезуитовъ и демократовъ. Это преступленіе—общее для всѣхъ буквоѣдовъ, для всѣхъ фарисеевъ, для всѣхъ тѣхъ, для которыхъ программа, каждая буква программы и есть жизнь. Въ рукахъ буквоѣдовъ это правило потому именно и превращается въ преступленіе, что оно примѣняется не въ реальныхъ, исключительныхъ случаяхъ, не въ интересахъ жизненной правды,—а только въ интересахъ безпочвенныхъ иллюзій, въ интересахъ буквы. Вотъ, что сближаетъ, соединяетъ іезуитовъ съ демократами, вотъ, что дѣлаетъ демократовъ преемниками и послѣдователями

іезуитовъ. Разница, вѣдь: убьетъ ли человѣкъ другого во время самообороны, изъ мести или для грабежа; разница, вѣдь: будутъ судить и наказывать человѣка каждый разъ сообразно его преступленію и указаніямъ закона, или же будутъ судить и казнить каждаго, кто только не вѣритъ въ непогрѣшимость папы, потому что эта непогрѣшимость стоитъ въ программѣ іезуитовъ. Весьма понятна также разница: разрушу ли я домъ во время пожара, для спасенія остальныхъ зданій, или разрушу домъ фабриканта или помѣщика, потому что они буржуи, потому что, это—аграрное движеніе или забастовка, и потому что все это представляетъ альфу и омегу демократической программы и требуется партійной тактикой, такъ какъ это—въ интересахъ партіи и пролетаріата и т. п.

Ничто не ново подъ луной; и партійная тактика, которая считается верхомъ демократическаго благородства и послѣднимъ крикомъ демократической моды,—ничто иное, какъ фальшивая іезуитская ассигнація, доставшаяся по наслѣдству преемникамъ іезуитовъ—демократамъ. Демократъ XX вѣка такъ же старъ, какъ и библейскій фарисей, который, слѣдуя буквѣ закона, не спасъ утопающаго. Демократъ же, слѣдуя буквѣ программы, способенъ потопить въ лужахъ демократической грязи—и народъ, и государство, и всѣ моральныя пріобрѣтенія человѣчества. Какъ ясно изъ исторіи съ степановцами, законность, напримѣръ, демократы понимаютъ не какъ уваженіе къ закону, отнюдь не какъ подчиненіе закону, а понимаютъ весьма своеобразно, какъ подчиненіе капризамъ демократовъ, ихъ утопіямъ, ихъ безсмысленнымъ и безжизненнымъ программамъ. Такая законность—еще одна изъ безчисленныхъ фальшивыхъ демократическихъ ассигнацій. Истинная законность демократамъ непонятна и чужда; она служитъ имъ только поводомъ къ истерическимъ крикамъ и сантиментальнымъ причитаніямъ. Истинная законность даетъ только демократамъ поводъ будировать общественное мнѣніе, будить въ обывателяхъ изъ породы барановъ не уваженіе,—а презрѣніе къ законности.

XX.

До смерти надоѣли мнѣ эти фальшивыя демократическія ассигнаціи, и тѣмъ не менѣе мнѣ приходится предъявить еще одну; она слыветъ подъ именемъ отвѣтственнаго министерства.

Моя задача значительно облегчилась, потому что изъ всего вышеизложеннаго ясно стало, въ какой дикій цвѣтокъ превратилась англійская роза, пересаженная на материкъ и, въ частности, въ Россію. И надо удивляться дерзости, съ которой демократы требуютъ, чтобы передъ такимъ дикимъ и безотвѣтственнымъ учрежденіемъ, какъ парламентъ, были отвѣтственны министры. Мнѣ отъ души жалко министровъ даже тогда, когда имъ только приходится отвѣчать на разные нелѣпые запросы, образчикъ которыхъ я выше далъ. Трудно даже представить себѣ, какъ жутко, какъ тяжело—скромному, правдивому труженику, всецѣло поглощенному своимъ многослож-

нымъ дѣломъ, сознающему свою великую отвѣтственность передъ родиной и Царемъ и вынужденному выступать съ трезвымъ, правдивымъ словомъ передъ сонмомъ бѣснующихся демократовъ. Что же можетъ быть обиднѣе, какъ отрываться отъ труда, отъ дѣла—и такого отвѣтственнаго дѣла—для того только, чтобы дать отвѣтъ на эти безсмысленныя, нелѣпыя, въ лучшемъ случаѣ, мелкія, провинціальныя сплетни, которыя, въ подражаніе англичанамъ, называютъ запросами. Или какая обида, какое униженіе для правды, для человѣческаго достоинства отвѣчать въ комиссіяхъ на нелѣпые вопросы какого-либо товарища изъ „сознательныхъ" рабочихъ, всю жизнь проведшаго за станкомъ на фабрикѣ, и набравшагося ума-разума на митингахъ и на чтеніи летучихъ листковъ и рабочихъ газетокъ. Вѣдь, сознательность всѣхъ сознательныхъ интеллигентовъ и рабочихъ лишь въ сознаніи, что весьма выгодно и пріятно пользоваться плодами чужихъ трудовъ, какъ сознательность вора, мошенника заключается въ сознаніи, что онъ въ-правѣ пользоваться тѣмъ, что плохо лежитъ. И если министръ сознаетъ свою отвѣтственность передъ Царемъ и отечествомъ, если онъ преданъ дѣлу, и ему дороги интересы народа и государства, если онъ работаетъ не за страхъ, а за совѣсть, если онъ руководится требованіями здраваго смысла и жизненной правды, а отнюдь не общественнымъ мнѣніемъ и перспективами дешовой популярности,—то онъ долженъ чувствовать себя въ парламентѣ, какъ въ земномъ аду. Передъ нимъ—только пляска вѣдьмъ, только пиръ сатаны.

О, это чувство мнѣ знакомо,—я его не разъ испытывалъ!

Что же сказать объ отвѣтственности министровъ передъ парламентомъ, который, по своей природѣ, логикой жизни превратился въ музей, въ которомъ нѣтъ живыхъ людей, а только манекены съ программами; въ которомъ однѣ египетскія муміи, изъ которыхъ каждая застыла на послѣднемъ словѣ своей программы. Онѣ говорятъ программами, ругаются программами, дерутся программами. Это кунсткамера, въ которой собраны всевозможные герои изъ крыловскихъ басенъ, трудно примѣтить только слона—русскій народъ; послѣдній угрюмо прижался гдѣ-то на задворкахъ, въ правомъ углу. До закона 3 іюня, русскаго народа совсѣмъ и не было въ русской Государственной Думѣ. И царитъ въ Думѣ и въ странѣ смутное время; насильно разъединили народъ, раздѣлили его на классы, на партіи. Идетъ въ Думѣ форменная война. Другъ-друга поносятъ, бранятъ, обвиняютъ въ измѣнѣ; другъ-другу не вѣрятъ; другъ-друга казнятъ,—казнятъ въ Думѣ, въ газетахъ, въ обществахъ. Даже въ городскія думы, во всякое общественное учрежденіе выбираютъ не по уму-разуму,—а по программѣ. Такъ развѣ это не смутное время? Вѣдь, это современный ляхъ-супостатъ опять пошелъ походомъ на Русь, разбилъ народъ на враждующія племена, это—второе нашествіе двадцати двухъ языковъ. Это Лже-Димитрій опять пошелъ походомъ на Русь, и, требуя, чтобы министерство было отвѣтственнымъ передъ Думой, просто-напросто хочетъ отдать Русь въ руки современнаго злѣйшаго врага человѣчества—демократіи. И требованіе министер-

ства, отвѣтственнаго передъ народомъ, представляетъ фальшивую демократическую ассигнацію именно потому, что въ парламентѣ, въ Государственной Думѣ, народа-то и нѣтъ; что тамъ только Лже-Димитріи, стремящіеся потопить народъ въ морѣ раздоровъ, мелкихъ дрязгъ и партійныхъ интригъ; только супостаты, поставившіе себѣ цѣлью пустымъ словопреніемъ, фонтанами жалкихъ словъ и безпочвенныхъ утопій, фейерверками дутыхъ аферъ и заманчивыхъ обѣщаній—отвлечь народъ отъ его историческаго пути, отъ жизни и ея требованій, убить въ народѣ творчество, активную, реальную самодѣятельность, вытравить въ немъ Божью правду и пониманіе правды жизни.

Но этого мало, если только дать себѣ трудъ вникнуть въ вопросъ,—какъ фактически осуществляется отвѣтственность министерства передъ парламентомъ. Вѣдь, по каждому вопросу, крупному или мелкому, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, единственнымъ знатокомъ, спеціалистомъ, единственнымъ лицомъ, находящимся въ курсѣ дѣла, является только... министръ. Для всѣхъ остальныхъ, за рѣдкими и небольшими исключеніями, каждый вопросъ представляетъ или китайскую грамоту, или тарабарское нарѣчіе. Передъ кѣмъ же отвѣтственно министерство? Передъ большинствомъ такихъ переводчиковъ съ китайскаго языка или тарабарскаго нарѣчія... Не все ли равно, будутъ ихъ десятки, сотни или милліоны. Не все ли равно, будетъ ли цѣнить пѣнье соловья одинъ оселъ, или ихъ будетъ милліарды. Толкъ и въ томъ, и въ другомъ случаѣ получится одинъ и тотъ же: „а жаль, что не знакомъ ты съ нашимъ пѣтухомъ!“ Потому что у каждаго осла своя программа, предусматривающая всѣ случаи жизни. Относительно пѣнья эта программа гласитъ, что величайшій въ мірѣ пѣвецъ, это—пѣтухъ. Что же вы съ нимъ подѣлаете? Соберите ему цѣлый оркестръ изъ соловьевъ, сыграйте передъ нимъ оперу съ участіемъ однихъ Шаляпиныхъ и Патти, онъ все равно вынесетъ вотумъ недовѣрія и будетъ твердить свое: „а жаль, что не знакомъ ты съ нашимъ пѣтухомъ!“

Вотъ она, какъ на ладони, эта пресловутая отвѣтственность министерства,—эта фальшивая демократическая ассигнація!.. Требовать отвѣтственнаго передъ парламентомъ министерства равносильно требованію, чтобы ослы цѣнили пѣнье соловья. А вопросъ идетъ не о пѣньи соловья, а объ интересахъ государства, и это равносильно желанію отдать народъ на растерзаніе, разбросать по вѣтру всѣ духовныя богатства народа на пищу шакаламъ и воронамъ. Въ парламентѣ только манекены съ программами, только муміи, застывшія на послѣднемъ словѣ программы. Такъ развѣ мѣсто въ парламентахъ жизни, правдѣ жизни, живому человѣку? Тамъ имъ дѣлать нечего,—тамъ царство мертвецовъ; тамъ питаются мертвечиной, потому что говорятъ, отвѣчаютъ, живутъ только программами; тамъ здравый смыслъ, правда жизни—въ загонѣ; тамъ царитъ программа; тамъ на запросы жизни, на требованія момента, на живое, правдивое слово отвѣчаютъ по программѣ, стереотипной фразой: „а жаль, что не знакомъ ты съ нашимъ пѣтухомъ!“ Другими словами,—жаль, что не признаешь нашей программы. Быть отвѣтственнымъ передъ парламентомъ означаетъ отвѣтственность передъ мертвыми

программами, передъ мертвыми буквами. Вотъ, гдѣ форменное буквоѣдство, истинный бюрократизмъ. Вотъ, гдѣ и когда появляется это средостѣніе, которымъ пугали русскій народъ, которымъ пугаютъ всѣ народы. И это пугало, это фарисейское, бюрократическое средостѣніе цѣликомъ и только тамъ, гдѣ его меньше всего ожидаетъ простодушный загипнотизированный обыватель,—именно въ парламентѣ съ его отвѣтственнымъ министерствомъ. Вотъ, въ чемъ зловредность одной изъ самыхъ ходкихъ фальшивыхъ ассигнацій, которую—оптомъ и въ-розницу—распространяютъ демократы.

Быть министромъ въ отвѣтственномъ передъ парламентомъ министерствѣ можетъ только буквоѣдъ, преклоняющійся передъ программами, не считающійся съ правдой жизни,—только тотъ, кто лишенъ пророческаго глагола въ груди, кто поклоняется не здравому смыслу, а безсмысленнымъ программамъ, кому чуждъ реальный, истинный трудъ, отъ кого живая творческая государственная дѣятельность такъ же далека, какъ небо отъ земли, для кого интересы народа, государства — звукъ пустой, для кого, словомъ, государственная дѣятельность—легкая, пріятная экскурсія по протоптанной дорожкѣ готовыхъ программъ; цѣль экскурсіи — угодить толпѣ, угодить большинству, твердо слѣдуя буквѣ программы; средства—парламентскія интриги, умѣнье лавировать межъ партій. Въ отвѣтственномъ министерствѣ нѣтъ мѣста живымъ людямъ, нѣтъ мѣста правдивымъ людямъ, нѣтъ мѣста истиннымъ патріотамъ, нѣтъ мѣста и истиннымъ друзьямъ человѣчества, геніямъ, талантамъ. Тамъ — царство мертвецовъ, буквоѣдовъ, бездарностей, тунеядцевъ, способныхъ жить только въ сферѣ дутой аферы и шантажа.

Франція, въ которой парламентаризмъ достигъ наибольшаго развитія и вполнѣ, повидимому, пришелся по-сердцу французскому народу, даетъ намъ много примѣровъ парламентскихъ безсмыслицъ. Укажу хотя бы на Рибо, который считается однимъ изъ талантливѣйшихъ и лучшихъ французскихъ финансистовъ. Это знали, это сознавали всѣ французы, но, къ своему горю и къ несчастью Франціи, Рибо не манкировалъ правдой и дорожилъ здравымъ смысломъ, т.-е. принадлежалъ къ числу умѣренныхъ. Быть умѣреннымъ во Франціи, это значитъ: быть анархистомъ въ Англіи, и тѣмъ не менѣе Рибо, въ послѣдніе 10-20 лѣтъ, не ввѣрялись французскіе финансы, которые довѣрялись разнымъ бездарностямъ только потому, что тѣ причисляли себя къ радикаламъ или радикалъ-соціалистамъ,—другими словами, истово махали и били себя въ грудь программами радикаловъ и соціалистовъ. Еще красочнѣй фигура Бріана. Честолюбивый, снѣдаемый жаждой власти и популярности, онъ быстро достигъ того и другого. Во Франціи и власть, и популярность даются очень легко; стоитъ только, сломя голову, скакать на какомъ-нибудь демократическомъ конькѣ. Бріанъ избралъ конекъ синдикализма и быстро доскакалъ до кресла министра-президента. Тутъ-то и начался трагизмъ. Очутившись у власти, проникшись своей великой отвѣтственностью, Бріанъ нашелъ, что коньки, программы служатъ только помѣхой дѣлу, и принялъ рѣшеніе быть

живымъ человѣкомъ, т.-е. итти на собственныхъ ногахъ, мыслить собственной головой и слѣдовать велѣніямъ здраваго смысла. Ну, понятно, не ко двору живой человѣкъ парламенту,—тамъ царство Жоресовъ. Отъ популярности Бріана осталась одна тѣнь, и онъ быстро сошелъ со сцены. Пикантнѣе всего то, что, когда началась война, когда на рукахъ у народа очутилось живое, реальное дѣло, когда не мѣсто стало мелкимъ дрязгамъ и спорамъ, когда стали на очередь насущные, реальные интересы,—тогда призваны были къ власти именно Рибо и Бріанъ.

Да, отвѣтственными министрами при парламентахъ могутъ быть только тѣ, которые имѣютъ склонность и призваніе править возомъ, въ который впряглись лебедь, щука и ракъ.

XXI.

Остается сказать словами Коковцева: „у насъ еще, слава Богу, нѣтъ парламента!“ Правда, нѣтъ парламента,—вѣрнѣе, нѣтъ послѣдняго парламентскаго звена: отвѣтственнаго министерства,—но зато есть много всякихъ парламентскихъ прелестей, много демократическихъ ассигнацій, о которыхъ я вдоволь наговорился и, быть можетъ, набилъ ими оскомину читателю. Впрочемъ, я объ этомъ нисколько не жалѣю; не все же современному читателю питаться демократическими сластями, надо поѣсть, и именно до оскомины, кисленькаго,—того кисленькаго, которое несутъ съ собой правда и здравый смыслъ. Но если, слава Богу, нѣтъ еще у насъ парламента, зато есть Государственная Дума, которая представляетъ величайшій парадоксъ въ міровой жизни и, въ частности, въ русской государственной и общественной жизни. Этотъ странный, невѣроятный парадоксъ русской жизни зовется свободой депутатскаго слова и неприкосновенностью депутатской личности. Недаромъ, когда близорукіе эсдеки вздумали бойкотировать Думу, хитрые прогрессисты и кадеты и сами пошли въ Думу, и эсдековъ потащили за собой. Они сразу поняли, какія удобства, какія преимущества представляетъ для нихъ Государственная Дума. Вѣдь, каждый фальшивомонетчикъ знаетъ, что самое безопасное устроить свою фабрику фальшивыхъ ассигнацій въ зданіи, гдѣ помѣщается полиція и даже рядомъ съ квартирой начальника сыскного отдѣленія. Неприкосновенность депутатской личности и даетъ демократамъ возможность фабриковать свои фальшивыя цѣнности открыто, на виду у правительства, и выпускать ихъ, даже въ обращеніе, чуть ли не подъ правительственнымъ клеймомъ, подъ названіемъ: „отчеты о засѣданіяхъ Государственной Думы.“ Демократы широко и пользуются Думой для фабрикаціи и распространенія своихъ фальшивыхъ ассигнацій. Понятно теперь выраженіе: „черезъ голову Думы.“ Въ переводѣ съ демократическаго жаргона это милое выраженіе означаетъ: „выпускъ въ обращеніе фальшивыхъ демократическихъ ассигнацій черезъ посредство и подъ охраной Государственной Думы“.

Въ самомъ дѣлѣ: разъ въ народѣ нѣтъ свободы слова, т.-е. нѣтъ уваженія къ своему слову, къ своему мнѣнію,—другими словами, разъ обыватель не доросъ до свободы слова, разъ онъ не доросъ также до сознанія, что онъ—и только онъ—властенъ надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать свою личность неприкосновенной; другими словами, разъ онъ не доросъ до сознанія и пониманія обязанностей и долга гражданина,—то дать такому народу свободу слова и неприкосновенность личности можно только въ видѣ фальшивыхъ демократическихъ ассигнацій. Получится только разнузданность слова и хулиганство дѣйствій. Представимъ себѣ страну, въ которой честность жителей въ высокой степени развита,—развита настолько, что можно свободно и спокойно обходиться днемъ и ночью безъ замковъ и запоровъ, въ полной увѣренности, что даже пылинка надъ пачкой открыто лежащихъ ассигнацій не будетъ тронута. Назовемъ эту свободу—свободой открытыхъ дверей. Это будетъ естественная, истинная свобода, она имѣетъ основы въ душѣ, такъ какъ всецѣло основана на людской честности, на людскомъ уваженіи къ чужому добру. Развѣ такую свободу можно дать извнѣ, развѣ ее можно дать манифестомъ? И если кто обѣщаетъ такую свободу, если кто проповѣдуетъ, что надо требовать такую свободу,—то развѣ это не шантажистъ, не аферистъ? Вѣдь, дать такую свободу, раскрыть всѣ двери у насъ и въ любой странѣ, и можно быть увѣреннымъ, что завтра же все богатство, все достояніе гражданъ будетъ расхищено.

Вотъ такъ надо понимать пресловутую свободу слова. Если нѣтъ свободы слова въ душѣ народа, въ душѣ обывателя,—то дать ее ему никакимъ манифестовъ нельзя; а если дать ему свободу слова, то рискуешь, что завтра же будутъ расхищены всѣ народныя богатства, все его духовное достояніе. Кому можетъ быть выгодна свобода открытыхъ дверей? Только ворамъ и мошенникамъ. Кому можетъ быть выгодна свобода слова? Только хулиганамъ и аферистамъ слова. И разъ правительственныя власти, разъ русскіе государственные умы и всѣ здравомыслящіе люди пришли къ заключенію, что народъ не только не доросъ до свободы слова, но послѣдней и въ поминѣ еще нѣтъ въ народѣ,—разъ эту свободу естественно ограничиваютъ и стѣсняютъ, какъ естественно и законно ограничиваютъ и стѣсняютъ дѣятельность воровъ,—то одинаково надо стѣснять свободу депутатскаго слова и ограничивать неприкосновенность депутатской личности. Надо быть послѣдовательнымъ и никого не надѣлять гарантіями, которыхъ народъ не достоинъ, до которыхъ онъ еще не доросъ. Наоборотъ, можно быть увѣреннымъ, что, благодаря свободѣ предвыборной агитаціи и разнымъ демократическимъ ухищреніямъ, въ депутаты пролѣзутъ самые отъявленные мошенники пера и хулиганы слова.

Что же получается въ результатѣ? И правительственная власть, и всѣ здравомыслящіе русскіе люди всячески оберегаютъ народъ и простодушнаго обывателя отъ разнузданности и безшабашности слова и дѣла,—а въ то же время у себя же, подъ бокомъ, терпятъ учрежденіе, которое, благодаря свободѣ депутатскаго слова и непри-

косновенности депутатской личности, занимается форменнымъ развращеніемъ народа, открыто афишируетъ хулиганство слова и черезъ голову Думы фабрикуетъ, распространяетъ фальшивыя демократическія ассигнаціи. И свободно разгуливаетъ по Руси демократическое слово, какъ смѣсь лжи, клеветы, фальшивыхъ цѣнностей, какъ полное презрѣніе къ свободному, правдивому мнѣнію.

Зачѣмъ Милюкову и Родичеву издавать за границей журналъ „Освобожденіе", зачѣмъ имъ контрабандой провозить его и контрабандой распространять фальшивыя демократическія цѣнности, когда каждая рѣчь прогрессивнаго депутата, это — номера журнала „Освобожденіе" за цѣлый годъ? А такія рѣчи произносятся десятками, сотнями, тысячами. Зачѣмъ прогрессистамъ-депутатамъ безпокоиться о популяризаціи рѣчей, когда тучи безпартійно-прогрессивныхъ газетъ разносятъ эти номера „Освобожденія" по всему необъятному пространству матушки-Руси, по всѣмъ медвѣжьимъ угламъ. А, вѣдь, статьи „Освобожденія"—невинный дѣтскій лепетъ по сравненію съ рѣчью какого-либо зарвавшагося депутата изъ кадетовъ. Напечатай газеты отъ себя тѣ великія мысли, которыя составляютъ содержаніе депутатской рѣчи и которыя заключаются въ шантажныхъ обѣщаніяхъ чужого добра и въ куплѣ-продажѣ фальшивыхъ цѣнностей, то каждая нормальная государственная власть, стоящая на стражѣ истинныхъ интересовъ народа, и реальныхъ его нуждъ, немедленно закрыла бы газету, а редактора, какъ аферіста и шантажиста, со всѣми его сотрудниками-псевдонимами предала бы суду, который праведно и скоро не преминулъ бы всѣхъ ихъ отправить туда, куда Макаръ и телятъ не загонялъ.

И парадоксъ въ томъ, что подъ флагомъ депутатскихъ свободы и неприкосновенности, — другими словами, думскихъ отчетовъ, — газеты свободно распространяютъ самыя пошлыя, тлетворныя демократическія идеи и отравляютъ ими всю великую округу русскаго народа. Отравляютъ именно тѣми идеями, отъ которыхъ власть и здравомыслящая, правдивая часть общества всячески стараются оградить народъ. Мало того: разъ въ газетѣ появился думскій отчетъ, —какъ можно запретить въ газетѣ такого же рода отсебятину, какъ можно карать за оригинальныя статьи такого же сорта и характера?! Какъ можно запретить послѣ этого отчеты депутатовъ передъ избирателями, съѣзды, митинги, собранія, общества, какъ можно запретить на нихъ всякія рѣчи, резолюціи все того же пошлаго демократическаго пошиба?! Такимъ образомъ, подъ флагомъ своей неприкосновенности, депутаты изъ кадетовъ фактически отмѣнили всякую цензуру, фактически ввели полную свободу слова и печати,—другими словами, разнузданность и хулиганство слова, потому что свободноправдиваго слова еще нѣтъ въ душѣ русскаго обывателя.

Зачѣмъ теперь Керенскому и Чхеидзе устраивать тайную „домашнюю" типографію для печатанія прокламацій, когда типографія Государственной Думы весьма охотно печатаетъ и распространяетъ прокламаціи подъ названіемъ: „отчеты думскихъ засѣданій." Зачѣмъ

имъ подпольная агитація, разбрасываніе прокламацій, когда всѣ газеты подхватываютъ ихъ рѣчи и разносятъ ихъ по всѣмъ медвѣжьимъ угламъ обширнаго русскаго государства, когда каждая безпартійно-прогрессивная газета, это — сплошная подпольная прокламація? Зачѣмъ Чхеидзе, Керенскому и имъ подобнымъ подпольно агитировать среди крестьянъ, рабочихъ и, вообще, среди темнаго, безсознательнаго народа, призывать ихъ къ забастовкамъ, къ грабежу, къ экспропріаціямъ и тому-подобнымъ возмутительнѣйшимъ преступленіямъ,—когда каждая ихъ рѣчь и представляетъ именно такой призывъ? Когда каждая газета — сплошная прокламація, одна преступная агитація? И что же мы видимъ? За простую кражу законъ жестоко караетъ; караетъ законъ и за кражу, грабежъ, которые прикрываются воровскими терминами: „экспропріація," „забастовка," караетъ законъ и за призывъ къ забастовкамъ, къ экспропріаціямъ, къ соціальной республикѣ, ко всѣмъ этимъ преступнымъ попыткамъ насильственно уничтожить существующій строй, подкопаться подъ всѣ устои и основы государственности, законности и порядка. А въ это время, подъ шумокъ депутатской свободы слова, широко и свободно, а, главное, безнаказанно распространяются всѣ эти возмутительные призывы черезъ отчеты о думскихъ засѣданіяхъ, да еще въ шантажной передачѣ безпартійно-прогрессивныхъ газетъ. Такъ развѣ это не парадоксъ? Развѣ это не полнѣйшій абсурдъ жизни?

Сразу исчезли эсдеки, эсеры; нѣтъ тайныхъ типографій, сошли со сцены бомбы, вы не рискуете больше наткнуться на прокламацію или получить по почтѣ совершенно для васъ неожиданно экземпляръ „Освобожденія." Наступило, какъ утверждаютъ безпартійные прогрессисты, успокоеніе... „Пора,—кричатъ они,—дать обѣщанныя реформы!.." О, лицемѣры о, злодѣи, притаившіеся за кустомъ, за фиговымъ листкомъ Государственной Думы! Это не успокоеніе, это—засада, это — демократическая мина, заложенная подъ прикрытіемъ Государственной Думы. Когда-то шли въ открытую, бросали бомбы, разбрасывали прокламаціи, шли въ народъ, на фабрики. Теперь все это оказалось лишнимъ, теперь изъ Государственной Думы автоматически выбрасываются тысячи бомбъ, милліарды прокламацій. Бѣснующихся эсдековъ и безумныхъ эсеровъ стало видимо-невидимо; какъ туча саранчи, покрыли они всю Россію. Но ихъ дѣло пока маленькое, ихъ дѣло пока платоническое сочувствіе и невинныя на видъ занятія: сотрудничество въ газетахъ, репортерство, участіе въ обществахъ, сборы во время цвѣтковъ, посѣщеніе лекцій Народнаго Университета и т. п. Всѣ они укрываются подъ туманной кличкой „лѣвѣе кадетовъ." Но смуты и ужасы, которые несло съ собой „освободительное" движеніе, не заглохли; они, наоборотъ, пріобрѣли методичность, увѣренность, развились въ глубь и въ ширь, а, главное, пріобрѣли безопасность въ стѣнахъ крѣпости, которая зовется Государственной Думой. Вся сила эсеровства, эсдековства и другихъ „интеллигентныхъ" безумствъ собрана въ Думѣ; здѣсь удобно и безопасно заложены всѣ демократическіе фугасы и мины. Отсюда черезъ голову Думы, пере-

кидным огнемъ летятъ бомбы разрушительныхъ идей, отсюда идетъ теперь широчайшая волна революціонныхъ, соціальныхъ и просто-демократическихъ изувѣрныхъ ученій: отсюда выбрасываются въ народъ горы, кипы моральныхъ опіатовъ, отравляющихъ душу и мысль народныя. Понятно, что подъ прикрытіемъ такихъ крѣпостныхъ орудій, всѣ отравители, бомбисты, аферисты могли, какъ говорится, перейти къ „мирнымъ интеллигентнымъ" занятіямъ. Это и называется успокоеніемъ. Успокоеніе подъ грохотъ крѣпостныхъ пушекъ, когда внутри крѣпости кипитъ интенсивнѣйшая работа, строятся подземныя бетонныя сооруженія, закладываются мины, кипитъ бой, ужасный бой, орудія гремятъ, не жалѣя снарядовъ, развивая, какъ говорится, ураганный огонь; а въ это время мирные жители привлечены къ мирнымъ работамъ: роютъ канавы, строятъ проволочныя загражденія, втираютъ непріятелю очки и т. п. Эти мирныя работы называютъ успокоеніемъ и стараются увѣрить простодушнаго обывателя, что никакой крѣпости нѣтъ, что никакихъ орудій въ крѣпости, никто и ничѣмъ оттуда не стрѣляетъ, а что мирные жители совсѣмъ не строятъ проволочныхъ заграждeній, совсѣмъ не роютъ канавъ, а мирно обрабатываютъ землю. Увѣряютъ поэтому правительство, увѣряютъ всѣхъ здравомыслящихъ людей, что нѣтъ никакихъ крѣпостей и засадъ, что можно всѣмъ итти спокойно спать.

И Государственная Дума, съ ея эсдеками, трудовиками и кадетами, съ ея безконечными рѣчами, съ ея запросами, обструкціей, наказомъ, со всѣми ея аксессуарами, а, главное, съ ея депутатскими вольностями, это—величайшій парадоксъ русской жизни. Это Дума принесла странѣ успокоеніе, которое во сто разъ лютѣй, злѣй ужасовъ освободительнаго движенія. Крѣпость служитъ прикрытіемъ, цитаделью для мирныхъ жителей, а Государственная Дума оказалась крѣпостью только для прикрытія преступниковъ и ихъ преступленій. Безпартійные прогрессисты превратили Думу въ фабрику фальшивыхъ ассигнацій, а эсдеки и трудовики въ притонъ грабителей и экспропріаторовъ. И свободно гуляетъ по Руси ученіе демократовъ, свободно и широко проповѣдуютъ свою вѣру трудовики и эсдеки. А ихъ вѣра—въ двухъ словахъ: „хлѣба и зрѣлищъ!" Этотъ крикъ погубилъ древній Римъ, онъ погубитъ всякій народъ, который не остановитъ его побѣдоноснаго шествія. И когда я вижу побѣду соціализма во Франціи или Италіи, я незримо пускаю слезу, какъ мать плачетъ надъ умирающимъ ребенкомъ; когда я вижу, какъ соціализмъ заполонилъ Германію, я пытливо вглядываюсь въ будущее и думаю: случайное ли это, преходящее явленіе, или уравновѣшенный нѣмецкій народъ заболѣлъ неизлечимымъ недугомъ? Когда же я вижу, что творится въ Россіи, вижу, какъ Лже-Димитрій съ супостатами проникли въ самую глубь и ширь, въ самое сердце народа, — я съ нетерпѣніемъ жду, когда же Царская власть и здравый смыслъ русскаго народа крикнутъ: „осади!"

Гдѣ вы, Иваны Сусанины! Почему не слышно васъ, Пожарскіе и Минины?

XXI.

Признаюсь: когда я, руководствуясь одной только правдой жизни, произвелъ строгій и объективный анализъ всѣхъ парламентскихъ цѣнностей,—того, что зовется парламентомъ, и когда послѣдній всталъ передъ моимъ сознаніемъ во всей своей ужасающей наготѣ, во всемъ своемъ дьявольскомъ ничтожествѣ, во всей своей пошлости, подлости, во всей своей мелкотѣ и безсмыслицѣ и, въ то же время, во всей своей вопіющей зловредности, — я ужаснулся. Я пришелъ въ ужасъ отъ этого повальнаго ослѣпленія, отъ этого сплошного недоразумѣнія, которое зовется общественнымъ мнѣніемъ и которое властвуетъ надъ мыслями и душой человѣчества. Я ужаснулся при мысли, какое это жалкое ничтожество—человѣкъ и даже весь тотъ огромный муравейникъ, который зовется человѣчествомъ. И жалко, ничтожно человѣчество не только въ мірозданіи и передъ мірозданіемъ; оно ничтожно въ кругу своей повседневной обывательской жизни, въ кругу своихъ обычныхъ, самыхъ заурядныхъ мыслей, взглядовъ, понятій; въ каждой мелочи, и въ каждомъ крупномъ событіи своей жизни, живя годами, вѣками и даже тысячелѣтіями въ сплошномъ вихрѣ заблужденій, въ заколдованномъ кругу навязчивыхъ идей и дикихъ нелѣпыхъ представленій, не имѣя ни силъ, ни возможности выйти изъ этого круга. Про одно заблужденіе—парламентъ, со всѣми его элементами, я и говорю въ этой брошюрѣ, про другое величайшее заблужденіе человѣчества—мнѣ придется говорить въ другой спеціальной брошюрѣ. О заблужденіи парламентаризмомъ я говорю на основаніи личнаго опыта, личныхъ переживаній. Было время, когда и мнѣ парламентъ казался кумиромъ, способнымъ осчастливить, облагодѣтельствовать каждый народъ, когда свободы, эти пошлыя демократическія свободы, казались мнѣ самыми желанными благами жизни, а соціализмъ—величайшимъ идеаломъ человѣчества. Было время, когда и я, въ своемъ преступномъ ослѣпленіи, считалъ забастовки и всѣ другія мерзости демократизма — благороднѣйшими и законными орудіями для достиженія великой цѣли: блага и счастья человѣчества. Когда же неожиданно лучъ божественнаго свѣта освѣтилъ, озарилъ мое сознаніе, когда передъ моимъ сознаніемъ ярко встали всѣ ужасы демократической жизни, мнѣ понятно стало, что бредовыя идеи демократизма и парламентаризма пышно цвѣтутъ только на почвѣ полной безсознательности, полной бездѣятельности ума и прострації души. Передо мной всталъ тогда мучительный и тревожный вопросъ: не представляется ли плодомъ собственнаго безумія, собственнаго ослѣпленія мое отрицаніе тѣхъ кумировъ, тѣхъ боговъ, которымъ поклоняется человѣчество, которымъ поклонялся я. Нѣтъ ничего тяжелѣе отрицанія для человѣка, которому непонятно одно отрицаніе, для котораго отрицаніе ради отрицанія такъ же кажется преступнымъ, какъ критика ради критики. Для человѣка, которому дорога правда, и именно—правда жизни, отрицаніе, какъ борьба съ жизненной ложью, представляется вынужденнымъ и крайне тяжелымъ дѣломъ. Человѣкъ, живущій правдой жизни,—назовите его, какъ хотите: реакціонеромъ, монархистомъ,

буржуемъ, консерваторомъ или черносотенцемъ—представляется человѣкомъ уравновѣшеннымъ, положительнымъ; его не только не удовлетворяетъ вынужденное отрицаніе, но ему нужна правда жизни, т.-е. положительныя указанія жизни. И если парламентъ, какъ народовластіе, представляется величайшимъ міровымъ заблужденіемъ, величайшимъ міровымъ парадоксомъ; если демократизмъ, соціализмъ и тому-подобные измы представляются величайшими міровыми преступленіями; если конституція, какъ единеніе Царской власти съ народомъ, представляется величайшей міровой безсмыслицей,—то правда жизни твердитъ сознанію, что Царская власть не можетъ оставаться изолированной отъ народа, стоящей какъ бы внѣ народа. Сознаніе съ своей стороны неустанно твердитъ, что Царская власть потому и представляется истинной, святой, божественной, что она не изолирована, не стоитъ внѣ народа, что она, наоборотъ, представляетъ часть народной души, часть народной жизни. Сознанію становится тогда яснымъ, что конституція есть, была и будетъ, что она должна быть; что безъ нея невозможна нормальная жизнь народа, потому что конституція наравнѣ съ Царской властью, религіей народа составляетъ часть народной души. Становится яснымъ, что конституція—тотъ же святой, божественный даръ, и, какъ всякій даръ Божій, конституцію можно заслужить, только работая въ потѣ лица своего, какъ это разъ-навсегда уже было сказано Богомъ черезъ Моисея. Конституцію, какъ и свободы, какъ и душу человѣческую, никто не можетъ дать народу; послѣдній долженъ добыть ее путемъ вѣковыхъ, тысячелѣтнихъ трудовъ. А разъ народъ ее въ потѣ лица своего добылъ, никто не можетъ ее у него отнять. Становится яснымъ, что святое, божественное понятіе конституціи, какъ и другія понятія, другіе дары Божьи, люди изгадили, извратили своимъ ядовитымъ дыханіемъ.

Конституція, какъ единеніе Царской власти съ народомъ,—нонсенсъ, абсурдъ и приводитъ къ нелѣпостямъ. Это опредѣленіе, однако, подкупаетъ всѣхъ простодушныхъ обывателей, всѣхъ тунеядцевъ, всѣхъ любителей легкой наживы именно потому, что въ такомъ видѣ конституція легко и безъ труда достижима; въ самомъ дѣлѣ: она представляется какъ бы лежащей у ногъ Царской власти, и отъ послѣдней какъ будто зависитъ—дать ли конституцію народу или нѣтъ. Вотъ въ этомъ демократическомъ опредѣленіи конституціи —все зло, все несчастье. Тутъ та же дьявольская игра, то же наваждение сатаны. Дьяволъ, чтобы прельстить, соблазнить человѣка, рисуетъ ему радужныя картины блестящей, легкой жизни. Эту дьявольскую демократическую игру легко раскрыть, стоитъ только дать конституціи ея настоящее опредѣленіе. Вотъ оно: *конституція, это —единеніе Царской власти со здравымъ смысломъ народа.*

Разница въ словахъ небольшая, но какая дистанція огромнаго размѣра по существу, по смыслу. Non multum, — какъ говорили римляне, — sed multa*). Теперь понятно, почему царская власть

*) „Не многое, но много".

въ Англіи, оставаясь самодержавной, составляя символъ единаго англійскаго государства, единится со всѣмъ народомъ? Потому что великъ здравый смыслъ англійскаго народа, потому что въ Англіи единеніе съ народомъ—равносильно единенію со здравымъ смысломъ народа. И если оглянуться назадъ, то ясно станетъ, что и въ Россіи Царская власть не только единится, но никогда не переставала единиться со здравымъ смысломъ народа; ясно станетъ, что въ Россіи все время была, есть и будетъ конституція. Правда, парламентъ, съ его избирательнымъ правомъ, отвѣтственнымъ министерствомъ, надо признать наименѣе совершенной, наиболѣе безсмысленной и вредной формой единенія; сравнительную безвредность парламента въ Англіи можно объяснить только его исключительно спортивнымъ смысломъ, а, главное, тѣмъ громоотводомъ, который имѣлся въ лицѣ палаты лордовъ. Во всякомъ случаѣ, единеніе царской власти со здравымъ смысломъ народа можетъ принять всевозможныя формы, предугадать которыя невозможно, но необходимо, чтобы это единеніе происходило нормально въ связи съ жизнью народа, въ полномъ соотвѣтствіи съ его душой, а отнюдь не путемъ копированія чужихъ образцовъ.

То крылатое слово, которое въ свое время употребилъ князь Святополкъ-Мірскій, — слово *„довѣріе“* и составляетъ сущность конституціи. Конституція зиждется на довѣріи Царской власти къ здравому смыслу народа. Пока мало здраваго смысла въ народѣ, невелико и довѣріе царской власти къ здравому смыслу, мало замѣтно и единеніе, — другими словами, невелики и мало замѣтны размѣры конституціи. Словомъ, чѣмъ меньше здраваго смысла у народа, тѣмъ меньше къ нему довѣрія; и если у народа мало конституціонныхъ правъ, если у него только зачатки конституціи, пусть пеняетъ на себя. Я говорю о нормально и въ нормальныхъ условіяхъ развивающемся народѣ. Мнѣ представляется яснымъ, что народъ, — какъ и каждый человѣкъ, — проходитъ строго опредѣленные періоды младенчества, дѣтства, отрочества, юности, возмужалости и зрѣлости. Нормальный народъ, нормально развиваясь, долженъ обязательно и постепенно проходить черезъ всѣ эти періоды. Такіе періоды для народа тянутся вѣками, а нѣкоторые періоды и для нѣкоторыхъ народовъ, быть можетъ, и тысячелѣтіями. Для каждаго періода необходимы соотвѣтственныя обстановка и условія существованія. Народъ приходится и пеленать и кормить съ рукъ; приходится его и на рукахъ носить, и за руку держать, когда онъ начинаетъ ходить; къ нему необходимо приставлять и нянекъ, и боннъ, и воспитателей. Нельзя, по своему желанію, переходить изъ одного періода въ другой, или создавать себѣ обстановку, несоотвѣтствующую возрасту. Сколько разъ дѣти, нетвердо еще стоящіе на ногахъ и съ дѣтскимъ еще разумомъ, падали и расшибались и даже изъ оконъ вылетали, разбиваясь на-смерть! Сколько народовъ такъ расшибалось и на-смерть разбивалось! И, какъ и у отдѣльнаго индивида, разумъ и умъ народные такъ же малы въ первые періоды жизни народа и такъ же постепенно разви-

ваются по мѣрѣ роста и такъ же усиливаются по мѣрѣ накопленія жизненнаго опыта. Только въ пору полной зрѣлости, почти на закатѣ своей жизни, человѣкъ убѣждается, какъ мало опытенъ онъ былъ, какъ мало зналъ онъ жизнь, какъ мало понималъ онъ происходившее вокругъ него даже въ пору возмужалости. То же сознаніе должно быть и у народа, и такое сознаніе, въ каждый моментъ жизни, весьма полезно и благодѣтельно для человѣка; такое сознаніе далеко не лишнее для народа. Какъ у человѣка, такъ и у народа слишкомъ быстрое, не по возрасту, развитіе является результатомъ болѣзненнаго состоянія, и такое развитіе никогда не бываетъ нормальнымъ. Быстро развивающіяся дѣти обыкновенно оказываются неудачниками въ жизни и отсталыми по сравненію со сверстниками. Дѣти-народы въ этомъ отношеніи не представляютъ исключенія. Смѣшно и забавно, когда дѣти начинаютъ копировать взрослыхъ; когда дѣвочка одѣнетъ мамину юбку, а пятилѣтній мальчишка-папинъ цилиндръ и сюртукъ. Все это занятно, пока оно не переходитъ рамокъ игры. Нѣсколько серьезнѣй обстоитъ дѣло, когда ребенокъ, еще нетвердо стоящій на ногахъ, обязательно хочетъ ходить безъ помощи няньки, но весь комизмъ пропадаетъ, когда ребенокъ начинаетъ подражать взрослымъ въ куреніи табаку, игрѣ въ карты, злоупотребленіи спиртными напитками и т. п. Это пахнетъ уже трагедіей и въ одинаковой степени примѣнимо и къ народу, приводя и тутъ, и тамъ къ одинаково плачевному результату. Но при всѣхъ условіяхъ и во всякое время каждый родитель, каждый воспитатель долженъ твердо помнить, что нѣтъ никакихъ программъ, никакихъ опредѣленныхъ методовъ воспитанія; что нельзя воспитывать всѣхъ дѣтей по одному шаблону, что надо слѣдить, надо изучать характеръ ребенка, его наклонности, его недостатки и слабости и, сообразно имъ, въ каждомъ случаѣ видоизмѣнять методъ воспитанія и воздѣйствія. Но ничего насильственнаго! Воздѣйствіе только въ предѣлахъ правды жизни и требованій момента и обстановки. Воспитаніе ребенка на основаніи отвлеченныхъ идей, искусственно созданныхъ теорій и программъ будетъ насильственнымъ, вреднымъ,—другими словами, демократическимъ. Правильнымъ воспитаніе ребенка будетъ тогда, когда въ основѣ его лежитъ свобода воспитываемаго,—но свобода истинная, какъ уваженіе къ чужой личности, къ образу мыслей, къ складу характера чужого „я“. Такая свобода ничего общаго не имѣетъ съ демократическими свободами, потому что она требуетъ колоссальнаго труда по изученію и познаванію объекта воспитанія для воздѣйствія въ реальныхъ правдиво-сознанныхъ условіяхъ; помимо того, она требуетъ не менѣе колоссальной работы надъ своимъ собственнымъ „я“ для того, чтобы органически впитать въ себя уваженіе къ человѣческой личности, для того, чтобы это уваженіе, безъ котораго воспитаніе не можетъ быть истиннымъ, правильнымъ, стало частью души воспитателя. На такое воспитаніе изъ милліоновъ, милліардовъ способны только единицы. Между тѣмъ, съ истинною демократической спесью каждый считаетъ себя способнымъ на роль воспитателя, многіе охотно принимаютъ на себя эту роль. Вотъ ужъ истинно-демо-

кратическая черта характера! Повидимому, демократизмъ, какъ самомнѣніе, какъ всезнайство и знахарство, какъ насиліе надъ личностью, неуваженіе къ ней,—свойственъ человѣчеству, неотдѣлимъ отъ человѣка, составляетъ природное свойство человѣческой натуры, которое необходимо вытравить трудами многихъ поколѣній и вѣковыхъ тысячелѣтнихъ усилій. Какъ оказывается, мы пришли къ поразительному выводу, что на пути къ осуществленію истинныхъ свободъ и правды на землѣ стоитъ демократизмъ, какъ природное свойство человѣка, враждебное истинной свободѣ и правдѣ. Признаюсь, что этотъ выводъ и для меня новъ, но, будучи логично построенъ на реальныхъ фактахъ и живой дѣйствительности, онъ для меня ясенъ и правдивъ. Вѣдь, „демократизмъ, демократъ"—только пышная, безсодержательная кличка, вывѣска, значокъ, только кокарда, которая ничего не говоритъ ни уму, ни сердцу. Можно внести членскій взносъ въ какое-либо благотворительное общество и получить званіе члена-благотворителя, за болѣе значительный взносъ—на вѣки-вѣчные закрѣпить за собой званіе благотворителя. Но что общаго имѣетъ это званіе съ истинной благотворительностью? И люди, дѣйствительно, добрые, съ отзывчивой душой, много добра приносившіе людямъ,—словомъ, истинные благотворители, ни въ какихъ кличкахъ не нуждаются и никогда кличкой благотворителя не чествуются. Всякія пышныя клички получаютъ лишь тѣ, которые гонятся за кличками. А клички „демократъ, прогрессистъ, трудовикъ, соціалистъ" и т. п. тѣмъ позорнѣй, что эти клички сами себѣ преподносятъ. Такъ велика въ людяхъ жажда къ кличкамъ, званіямъ, чинамъ и значкамъ. И эта жажда особенно велика у демократовъ, прогрессистовъ, соціалистовъ, отрицающихъ всякіе титулы и чины,—разъ они сами себѣ даютъ разныя званія, и именно потому, что они сами себѣ даютъ всевозможныя званія. Они, очевидно, отрицаютъ тѣ чины, тѣ званія, которые даются другими, которые надо заслужить,—другими словами, для достиженія которыхъ требуется вложить извѣстный трудъ; а признаютъ только чины и званія, которыя достаются легко, потому что человѣкъ самъ себѣ ихъ даетъ, какъ Донъ-Кихотъ далъ себѣ званіе рыцаря. Какъ мало говоритъ званіе члена-благотворителя объ истинной добротѣ, объ истинныхъ высокихъ качествахъ души и сердца, такъ мало говоритъ званіе демократа, прогрессиста объ истинной любви къ народу, объ истинныхъ заботахъ о немъ, о дѣйствительномъ стремленіи къ прогрессу, а еще того меньше—о пониманіи дѣйствительныхъ народныхъ нуждъ, о сознаніи дѣйствительныхъ задачъ и требованій прогресса. Но званіе члена-благотворителя надо заслужить, оно дается другими, и для полученія его требуется извѣстная жертва въ видѣ взноса. Можно поэтому предположить, что во многихъ случаяхъ человѣку важна не кличка, а имъ руководитъ только желаніе путемъ взноса сдѣлать доброе дѣло. Но что сказать о званіяхъ демократа, прогрессиста, соціалиста и тому-подобныхъ, которыя каждый присваиваетъ себѣ по собственному желанію и въ той степени, какъ ему угодно? Ясно, что это одна сплошная погоня за почетными званіями со стороны любителей легкой наживы; ясно, что это одна афера, одинъ шантажъ, которые прикрываются

только именемъ народа, именемъ прогресса и которые приносятъ непоправимый вредъ интересамъ народа и задачамъ прогресса. Истинный другъ народа—истинный прогрессистъ не нуждается въ кличкахъ; онъ слишкомъ правдивъ и честенъ, чтобы гнаться за модными и пышными кличками, которыя въ почетѣ у современниковъ; онъ просто работаетъ, работаетъ скромно, дѣловито, но работаетъ именно на пользу народа и въ интересахъ прогресса. Такіе истинные прогрессисты и демократы клеймятся кличкой черносотенцевъ, реакціонеровъ, а почетное званіе демократовъ получаютъ тѣ, которые только мѣшаютъ дѣловой работѣ истинныхъ друзей народа, которые, подобно мухѣ на рогахъ вола, трубятъ по всему свѣту: „мы пахали". Демократическимъ мухамъ удается даже протрубить и всѣмъ внушить, что онѣ-то и пахали, а всѣ остальные, истинные пахари, занимались „вермишелью". Долго ли продлится это повальное ослѣпленіе міра, не знаю, но я предвижу то время, когда клички: „демократъ", „прогрессистъ", „соціалистъ", „интеллигентъ", „популярный общественный дѣятель" станутъ бранными словами,—подобно тому, какъ почетная когда-то кличка: „іезуитъ" стала теперь браннымъ словомъ. О, Боже! Когда, наконецъ, мы освободимся отъ власти кличекъ, модныхъ званій, звучныхъ фразъ, красивыхъ позъ, эфектныхъ жестовъ! Когда, наконецъ, мы начнемъ судить о людяхъ только по ихъ дѣламъ и поступкамъ, по побудительнымъ мотивамъ послѣднихъ, по реальности, полезности и здравомыслію поступковъ, т.-е. по тому, сколько правды, реальнаго тяжелаго труда и здраваго смысла вложено въ тотъ или иной поступокъ, насколько послѣдній покоится на правдѣ жизни. А въ человѣкѣ, самовольно присвоившемъ себѣ кличку демократа, несомнѣнно, бездна самомнѣнія и самомнѣнія болѣзненнаго, шантажнаго, ни на чемъ не основаннаго. А такое самомнѣніе фатально ведетъ къ насилію, къ деспотизму. Демократизмъ и деспотизмъ—родные братья, одного поля ягоды.

Изъ предыдущаго должно, мнѣ кажется, стать яснымъ, какой отвѣтственный, великій и тяжелый трудъ—воспитаніе ребенка. И если на этотъ подвигъ способны единицы изъ милліоновъ, то что же сказать о воспитаніи народа, психика, характеръ и наклонности котораго еще менѣе поддаются изученію, и если во много-кратъ труднѣе найти правильный и соотвѣтственный характеру народа методъ его воспитанія? Очевидно, даръ воспитанія народа, даръ государственнаго управленія, это—удѣлъ немногихъ, избранныхъ, число которыхъ на протяженіи вѣковъ и поколѣній считается единицами? А что такое всеобщее избирательное право, какъ не патентъ на всеобщее менторство, какъ не признаніе за каждымъ обывателемъ таланта народнаго воспитателя, таланта государственнаго дѣятеля? Такъ развѣ не лишенъ здраваго смысла каждый обыватель, признающій себя природнымъ государственнымъ дѣятелемъ и требующій для себя избирательнаго права? Такъ развѣ можно питать довѣріе къ здравому смыслу народа, признающаго избирательное право своимъ естественнымъ природнымъ правомъ? Слово „интеллигентъ" въ переводѣ на общепонятный языкъ и означаетъ: народный менторъ, природный государственный умъ. Немудрено, что каждый охотно присваиваетъ

себѣ званіе „интеллигента“, дающее такой высокій и почетный патентъ, стоящій выше любого университетскаго диплома. И интеллигенція, съ помощью ходулей витающая въ облакахъ, проводящая время въ безпочвенныхъ и безсмысленныхъ схоластическихъ спорахъ о преимуществахъ того или иного ученія, той или иной теоріи, старающаяся другъ передъ другомъ блеснуть красотой и высотой своего неземного и безжизненнаго идеала, перекраивающая своей болѣзненной фантазіей строй каждаго народа и всего человѣчества,— считаетъ себя солью земли, призванной повести народъ и человѣчество по новымъ, созданнымъ фантазіей интеллигентовъ путямъ. И эта соль земли, на самомъ дѣлѣ, лишенная какого-либо здраваго смысла, требуетъ довѣрія къ своему здравому смыслу. Изъ обывателей же, требующихъ избирательнаго права, ни одинъ не сознаетъ, что онъ требуетъ передачи власти, судьбы и будущаго своего народа въ руки интеллигенціи, — этой безпочвенной, тунеядческой, умственно и психически ненормальной части народа. Потому что при системѣ избирательнаго права *власть фатально переходитъ къ рыцарямъ языка*, мечтателямъ и больнымъ фантазерамъ,— другими словами, *къ интеллигентамъ*.

И если я, въ предисловіи, упомянулъ, что интеллигентность— особый симптомъ психической болѣзни, особый видъ маніи величія, я и имѣлъ въ виду эти бредовыя представленія о своемъ особомъ призваніи, о своемъ природномъ талантѣ народнаго ментора, государственнаго дѣятеля, знатока и цѣлителя нуждъ и язвъ народныхъ. Стóитъ только человѣку признать въ себѣ великіе таланты, задатки великаго государственнаго дѣятеля, универсальность и авторитетность по любому вопросу народной и государственной жизни— и готовъ новоиспеченный интеллигентъ—маніакъ и Донъ-Кихотъ современности. А эта универсальность и авторитетность легко пріобрѣтаются принятіемъ какой-либо политической программы. Вся эрудиція, весь умственный кругозоръ интеллигента вращаются, какъ бѣлка въ колесѣ, вокругъ программы съ ея элементами: парламентомъ, избирательнымъ правомъ, свободой слова, печати, забастовокъ, соціальной республикой и т. п. Я уже имѣлъ поводъ говорить, что все это на высотѣ какого-либо универсальнаго знахарскаго средства, нѣчто вродѣ Невской воды, мази „Радикаль“ или рецепта: „ѣшь и пей“. Все это легко пріобрѣтается и быстро воспринимается, а въ этой легкости—ключъ къ интеллигентной маніи величія. Вѣдь, званіе, даже китайскаго императора, или, какъ у Гоголя, испанскаго короля достается легко любому маніаку, стоитъ ему прицѣпить какую-либо металлическую бляху. Такъ легко достается званіе интеллигента,—званіе универсальнаго знатока по всѣмъ вопросамъ государственной жизни, стоитъ только къ своей пустой головѣ прилѣпить какую-либо программу. А разъ человѣкъ обладаетъ такими колоссальными познаніями, такими великими талантами, которые способны облагородить, поднять на недосягаемую высоту ихъ обладателя, то прямое назначеніе такого лица, его прямая миссія: учить, проповѣдывать, сдѣлать всѣхъ обладателями такихъ же грандіозныхъ

знаній и великихъ талантовъ, а eo ipso—и такими же благородными людьми. Потому что, какъ и подобаетъ всякому маніаку, и интеллигенту мерещится, что его бредовыя идеи несутъ ему благородство и величіе. На почвѣ упомянутой миссіи и выросло народничество, хожденіе въ народъ; интеллигентность и народничество другъ безъ друга немыслимы; народничество, естественно, вытекаетъ изъ маніи интеллигентности, изъ маніи универсальнаго всезнайства. Народничество принимаетъ, конечно, всевозможныя формы. Развѣ подпольная агитація—вся эта омерзительная подпольная литература—не то же народничество, не то же стремленіе учить, проповѣдывать, превращать весь народъ въ одну благородную семью интеллигентовъ, всю Россію превратить въ одинъ домъ сумасшедшихъ? А развѣ терроръ, бомбометаніе не то же народничество, не то же стремленіе поучать? Избранъ только особый способъ поученія: бомбы, крушеніе поѣздовъ, убійства и т. п. А развѣ забастовки—не то же народничество? Не словами, такъ бомбами; не мытьемъ, такъ катаньемъ. А развѣ всѣ остальные, болѣе утонченные парламентарные пріемы—не народничество? И изданіе газетъ, и сотрудничество, и хожденіе къ избирательной урнѣ, и хожденіе въ Думу, и ораторство на митингахъ, собраніяхъ, въ Государственной Думѣ, и рѣчи „черезъ голову Думы"—то же народничество. Народникъ—и каждый членъ какого-либо „культурнаго общества", и лекторъ и слушатель народнаго университета, и популярный профессоръ, и сочувствующіе всѣмъ демократическимъ ученіямъ юноша-студентъ и мальчикъ-гимназистъ, и каждый устроитель какого-либо „дня демократическаго цвѣтка", и каждый сборщикъ, каждая сборщица, и санитарные врачи, и весь третій элементъ, сидящій по управамъ и т. д., и т. д. Все это основано на болѣзненномъ самомнѣніи, на маніи величія, на навязчивыхъ идеяхъ о грандіозности доставшихся интеллигенту изъ книгъ, брошюръ,—а то просто изъ программъ,—знаній, о высокомъ назначеніи, великомъ призваніи интеллигента—облагородить и спасти человѣчество путемъ передачи послѣднему всѣхъ возвышенныхъ идеаловъ и демократическихъ лозунговъ. Чѣмъ легче достаются знанія, чѣмъ меньше труда и работы собственнаго ума тратитъ человѣкъ на пріобрѣтеніе знаній,—тѣмъ эти знанія пріятнѣй, цѣннѣй для человѣка, тѣмъ грандіознѣе и универсальнѣе они кажутся ему, и тѣмъ энергичнѣй онъ стремится ихъ передать окружающимъ, всему міру. Стремится всевозможными способами,—кто во что гораздъ: кто—бомбами, кто—рѣчами, кто—сборомъ на улицахъ въ пользу какого-либо „краснаго цвѣтка". И изящная дама, съ кружкой въ рукахъ, прикалывающая кому-либо цвѣтокъ, совсѣмъ не подозрѣваетъ, что она творитъ то же дѣло, что и террористъ, убивающій кого-либо бомбой или изъ браунинга. Она нисколько не подозрѣваетъ, что въ основѣ бомбометанія, политической забастовки, цвѣточнаго сбора на улицахъ—лежатъ тѣ же мотивы, тѣ же побудительныя причины, тѣ же цѣли. Все это выражается однимъ словомъ: народничество. И сборщица, и любитель на благотворительномъ спектаклѣ, и бомбометатель, и забастовщикъ—родственные типы, одного поля ягоды,

Но въ основѣ народничества, пропаганды лежитъ еще другая черта, другой элементъ,—именно элементъ насилія. Выше, говоря о воспитаніи дѣтей, я уже имѣлъ случай указать, что въ основѣ воспитанія долженъ лежать принципъ свободы, но свободы истинной, какъ уваженія къ личности, къ характеру ребенка, къ его человѣческому достоинству. Я указалъ, что элементъ насилія, принужденія чуждъ элементарнымъ требованіямъ истиннаго воспитанія. Насилія, въ какой бы то ни было формѣ, хотя бы въ видѣ поученія, проповѣди! Гдѣ проповѣдь, поученіе—тамъ всегда насиліе, потому что въ основѣ поученія лежитъ стремленіе подогнать жизнь подъ свои безжизненные, недосягаемые идеалы. Поученіе не признаетъ жизни, не считается съ правдой жизни, не питаетъ никакого уваженія къ чужой личности, къ чужому „я“. Оно признаетъ только готовыя сентенціи, избитыя нравоученія, сверхъ-человѣческіе идеалы. Отъ поученія одинъ шагъ къ розгамъ, къ линейкамъ, къ кулачной расправѣ. Все имѣетъ цѣлью насильно вогнать въ ребенка идеалы, которые воспитателю кажутся величественными. Что поученіе въ воспитаніи дѣтей, то пропаганда, народничество въ жизни народовъ. То же насиліе, то же грубое принужденіе, то же полное неуваженіе къ народу, его характеру, то же стремленіе насильно навязать ему готовые, но созданные болѣзненной фантазіей демократическіе идеалы. И понятно: если воспитаніе ребенка требуетъ колоссальныхъ трудовъ и колоссальной работы надъ самимъ собой, то что же сказать о работѣ для народа и въ его интересахъ? Надо изучить характеръ народа, постигнуть его историческія задачи; надо впитать, развить въ себѣ уваженіе къ народному „я“, къ каждому элементу народной жизни; надо постигнуть, познать задачи и требованія момента, и свою работу, свою дѣятельность подогнать къ этимъ требованіямъ момента, къ правдѣ жизни. Многіе ли на это способны? Гораздо легче подгонять жизнь къ готовымъ, легко доставшимся идеаламъ и сентенціямъ. Гдѣ не вложенъ собственный трудъ, гдѣ орудуютъ чужими цѣнностями, хотя бы демократическими идеалами,—тамъ эти цѣнности легко расточаются; а гдѣ ихъ не берутъ, тамъ ихъ насильно навязываютъ. И отъ пропаганды, отъ цвѣточнаго сбора на улицахъ—одинъ шагъ къ бомбамъ и браунингамъ, какъ отъ поученія дѣтей—одинъ шагъ къ розгамъ и линейкамъ, отъ іезуитской проповѣди—одинъ шагъ къ инквизиторскимъ пыткамъ.

Фатально и логикой вещей самое возвышенное ученіе, сплошь состоящее изъ красивыхъ благородныхъ идеаловъ, но безжизненныхъ, противныхъ правдѣ жизни, несетъ міру и человѣчеству одни только элементы насилія, потоки крови и слезъ. Такъ, католицизмъ, съ его идеями любви и милосердія, на почвѣ папской непогрѣшимости и универсальности, —залилъ міръ потоками крови и опозорилъ пытками инквизиціи. Такъ, демократизмъ, ставшій на смѣну католицизма, со своими идеалами свободы, равенства и братства,—принесъ міру одно только насиліе, одни только раздоры и тираннію безчинствующей интеллигенціи. Ложь и шантажъ,—какими бы кличками они ни прикрывались, въ какія бы пышныя тоги они ни драпировались,—

къ добру не ведутъ, и рано ли, поздно ли правдой жизни разоблачаются.

Если въ воспитаніи дѣтей необходима самая педантичная осторожность, если въ основу воспитанія долженъ быть вложенъ принципъ истинной свободы, какъ уваженія къ личности и характеру ребенка, если въ государственномъ управленіи надо отнестись съ сугубымъ уваженіемъ къ характеру народа, его вѣрованіямъ, обычаямъ, традиціямъ, образу жизни и т. п.,—то не менѣе осторожно, съ неменьшимъ уваженіемъ надо относиться къ призванію ребенка и народа. Какъ человѣкъ имѣетъ свое призваніе въ жизни,—безразлично, есть ли это результатъ природной конституціи человѣка, или особый даръ Божій, особый талантъ,—такъ и народъ имѣетъ свое призваніе. Безъ сомнѣнія, разныя есть призванія; у одного талантъ художника, а у другого—сапожника; у одного—ветеринара, у другого—кулинара. Конечно, талантъ художника красивъ, изященъ, даетъ славу, почетъ, богатство; талантъ сапожника прозаиченъ и менѣе выгоденъ, но изъ этого не слѣдуетъ, что всѣ должны превратиться въ художниковъ. Не говоря уже о томъ, что, быть можетъ, призваніе сапожника, повара полезнѣй, необходимѣй для человѣчества, чѣмъ призваніе художника,—нѣтъ ничего преступнѣй насилія надъ наклонностями, призваніемъ человѣка. Это такое же преступленіе, какъ заставить рыбу жить на сушѣ, птицу въ клѣткѣ. Лишить человѣка его природнаго призванія, заставить его трудиться, работать на другомъ поприщѣ, это—значитъ сдѣлать человѣка несчастнымъ на всю жизнь. Сапожникъ, превратившись въ художника, будетъ испытывать постоянное неудовлетвореніе, будетъ чувствовать себя глубоко несчастнымъ и, въ тоже время, будетъ никуда негоднымъ художникомъ. Лучше, вѣдь, быть хорошимъ сапожникомъ, чѣмъ плохимъ художникомъ. Но мало того: и въ художествѣ сапожникъ останется сапожникомъ. Сдѣлайте природнаго повара санитарнымъ врачомъ, онъ все равно останется поваромъ, и вмѣсто своего прямого дѣла будетъ заниматься поварскимъ, ресторанным дѣломъ. Какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ смотритъ.

На разнообразіи человѣческихъ наклонностей, призваній и зиждется прогрессъ народа, его культура, цивилизація. Необходимо поэтому тщательно изучить наклонности ребенка, его призваніе и дать имъ полную свободу, если, конечно, воспитатель способенъ относиться съ уваженіемъ къ чужому „я“. (Между прочимъ, о какой бы свободѣ ни зашла рѣчь, оказывается, что ее никто не можетъ дать, никто не можетъ взять; что каждая свобода есть часть души, требуетъ времени и трудовъ для своего осуществленія).

И у каждаго народа есть свое призваніе; культура, цивилизація, религія, образъ правленія и т. п. представляютъ призваніе народа, его вкладъ въ общечеловѣческую цивилизацію. На разнообразіи цивилизацій зиждется всесторонность и многообразіе общечеловѣческой цивилизаціи. Чѣмъ больше народовъ, чѣмъ каждый народъ самобытнѣй, оригинальнѣй, чѣмъ болѣе стремится итти своимъ пу-

темъ, жить своимъ призваніемъ, тѣмъ шире, полнѣе, тѣмъ выше, плодотворнѣй общечеловѣческая цивилизація. Величайшее преступленіе противъ человѣчества совершаетъ народъ, который норовитъ итти по чужимъ путямъ, по чужимъ образцамъ, которому нравится только чужое призваніе и который насилуетъ свою природу, свое „я“ только для того, чтобы копировать чужіе образцы, создавать свою жизнь по готовымъ универсальнымъ трафаретамъ. Изучить, опредѣлить призваніе народа неизмѣримо труднѣе; и къ призванію народа, къ его историческимъ задачамъ, исторической миссіи надо относиться не только съ осторожностью, но съ благоговѣніемъ. Едва ли кому-либо доступно познаніе исторической миссіи народа, лишь немногимъ доступно познаніе ближайшихъ цѣлей, ближайшихъ задачъ. Но отъ истиннаго государственнаго дѣятеля требуется бережно охранять лишь то, что стало доступно его сознанію, и лишь всячески содѣйствовать тому, чтобы государственный корабль неуклонно шелъ по историческому руслу народа.

Быть можетъ, путь народа тернистъ, тяжелъ, прозаиченъ, идетъ по безводнымъ пустынямъ и унылымъ степямъ; быть можетъ, путь другого народа красивъ, эфектенъ, осыпанъ и усѣянъ букетами и гирляндами изъ пышныхъ словъ, величественныхъ идеаловъ; но величайшее преступленіе противъ своего народа, противъ человѣчества совершитъ тотъ, кто захочетъ повернуть свой народъ по пышному пути гирляндъ и букетовъ; кто захочетъ тяжелую, но благородную миссію своего народа-труженика промѣнять на эфектное, но безславное призваніе демократическаго болтуна и фразера. Не скрою: жизнь народа въ парламентскомъ угарѣ легка, пріятна, забавна; не скрою: парламентъ, съ его рѣчами, борьбой партій, запросами, большими днями, интригами и всѣми другими прелестями, — эфектенъ и привлекателенъ; не скрою: общественная жизнь, съ ея прессой, газетными сенсаціями и сплетнями, съ митингами, рѣчами, обществами, комитетами, передвижными выставками, лекціями, цвѣточными сборами,—со всѣмъ калейдоскопомъ смѣняющихся идеаловъ демократизма, соціализма, анархизма, футуризма и тому-подобныхъ измовъ,—красочна, заполняетъ жизнь, облагораживая и подымая человѣка на недосягаемую высоту. Но весь эфектъ, всѣ прелести только для людей ненормальныхъ, находящихся въ особомъ состояніи. Я бы это состояніе сравнилъ съ состояніемъ опьянѣнія отъ алкоголя или одурѣнія отъ опіума. То же пріятное состояніе, тѣ же эфектныя картины и сновидѣнія, то же возбужденіе, та же кипучая дѣятельность, но та же прострація мысли, та же безцѣльность работы и тѣ же безсмысленные жесты, движенія, та же безсвязная рѣчь. Для нормальнаго человѣка такъ называемый „интеллигентъ“—то же, что для трезваго человѣка—видъ человѣка, находящагося въ полномъ опьянѣніи. Стряхнувъ съ своихъ ногъ пыль демократизма, я въ настоящее время положительно испытываю то же, что испытываетъ человѣкъ на другой день послѣ изрядной выпивки, когда передъ его отрезвѣвшимъ взоромъ проносятся, какъ въ туманѣ, фантастическія картины и невѣроятные образы его опьянен-

наго мозга; когда онъ, съ отвращеніемъ, смутно вспоминаетъ о своихъ безсмысленныхъ поступкахъ, дикихъ, недостойныхъ человѣка, выходкахъ и безсвязныхъ словесныхъ изліяніяхъ.

Интеллигентность—состояніе особаго опьянѣнія, опьянѣнія общественнаго, народнаго, а порой—и мірового. Это опьянѣніе величественными, но безпочвенными идеалами; пышными, но фантастическими ученіями. Интеллигентность—опьянѣніе демократизмомъ. Мы переживаемъ время демократическаго угара, какъ, въ свое время, переживали папскій угаръ, рыцарскій угаръ, іезуитскій угаръ и тому-подобные угары. Все—явленія одного и того же порядка. Жизнь, исторія человѣчества, это—переходъ отъ одного опьянѣнія къ другому, отъ одного угара къ другому, съ краткими, ясными промежутками временнаго отрезвленія. Объ отрезвленіи можно говорить по отношенію къ отдѣльнымъ видамъ угара, но стремленіе, любовь къ красивымъ, эфектнымъ, но безжизненнымъ и безсодержательнымъ идеаламъ всегда присущи человѣку. Это, такъ сказать, вѣчный и неизмѣнный общечеловѣческій порокъ. Въ настоящее время царитъ повальный угаръ парламентаризма, съ его фальшивыми демократическими цѣнностями. Дай Богъ ему скорѣе прекратиться и человѣчеству отрезвиться! Но гдѣ угаръ достигъ высшей степени, гдѣ опьянѣніе приняло хроническую форму,—форму своего рода бѣлой горячки, народной горячки парламентаризма,—тамъ нѣтъ спасенія народу, тамъ организмъ народный рушится и рушится такъ же медленно, но вѣрно, какъ рушится организмъ человѣка, страдающаго запоемъ или морфиноманіей.

Я уже говорилъ неоднократно, повторяю и готовъ, не переставая, твердить, — если такимъ путемъ я могъ бы каждому передать сознаніе, что парламентъ, съ его избирательнымъ правомъ, отвѣтственнымъ министерствомъ и т. п., — самая нелѣпая, фактически невыполнимая форма единенія царской власти со здравомыслящей частью народа. Эта форма внушена бредомъ ненормальнаго воображенія, она можетъ родиться только въ демократическомъ, сродномъ съ пьянымъ, угарѣ. Парламентъ возникъ въ Англіи въ силу особыхъ историческихъ причинъ, и если онъ тамъ не играетъ роли только веселаго, забавнаго эпизода, какого-то спортивнаго элемента, то къ добру не приведетъ. Вообще же единеніе царской власти со здравымъ смысломъ народа естественно и неизбѣжно, оно диктуется какъ правдой жизни, ея реальными требованіями, такъ и интересами не только народа, но и царской власти, равно какъ и государственными соображеніями. Но формы, размѣръ и характеръ единенія отнюдь не могутъ быть универсальными и подходящими для нуждъ, строя жизни и характера каждаго народа. Въ этомъ отношеніи у каждаго народа свое призваніе, своя форма единенія. И будь даже парламентъ въ Англіи весьма удачнымъ, блестящимъ и выгоднымъ призваніемъ, своего рода даромъ художника въ житейскомъ обиходѣ, —то изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что всѣ народы должны принять эту форму единенія, должны заняться парламентарнымъ дѣломъ. Надо тщательно изу-

чить призваніе, наклонности народа, жертвуя этому занятію колоссальную работу ума и души, надо при этомъ обладать особымъ даромъ государственнаго дѣятеля, т.-е. умѣніемъ уловить призваніе народа, степень его развитія и требованія момента. Это — особый пророческій даръ, который составляетъ удѣлъ единицъ среди вѣковъ и поколѣній. Смѣшно и забавно, когда каждое ничтожество, каждый червь земной, — словомъ, каждый интеллигентъ считаетъ себя природнымъ государственнымъ дѣятелемъ, божественнымъ пророкомъ въ своемъ отечествѣ. Было бы смѣшно, если не было бы такъ грустно. Такіе пророки ведутъ и способны вести свой народъ по чужимъ готовымъ образцамъ, по универсальнымъ путямъ, созданнымъ болѣзненной фантазіей и пьянымъ угаромъ. Имя имъ легіонъ. Это — Милюковы, Шингаревы, Жилкины, Григоріи Петровы, Жоресы, Бебели, Гладстоны и имъ подобные пророки.

Царская власть, истинно-народная, вышедшая изъ нѣдръ народа, неразрывно связанная съ жизнью, исторіей, религіей, со всѣми элементами народной жизни и съ каждымъ моментомъ послѣдней, все равно, что родитель, опекунъ для ребенка; народъ, что ребенокъ. Тяжела и отвѣтственна роль родителя, опекуна; еще тяжелѣе и отвѣтственнѣй роль царской власти. Кому, какъ не родителю, могутъ быть ближе, дороже интересы ребенка; кому, какъ не ему же, могутъ быть понятнѣй, доступнѣй наклонности, характеръ и призваніе ребенка, плоти отъ его плоти, растущаго и вырастающаго на его глазахъ. Истинная любовь и исключаетъ всякую сантиментальность, и любящій родитель, чувствующій свою отвѣтственность за жизнь, за будущее дорогого ему дитяти, будетъ далекъ отъ такой сантиментальности; онъ не будетъ пичкать ребенка сластями, не будетъ потворствовать его прихотямъ и капризамъ, не вызываемымъ реальными потребностями, не будетъ воспитывать его въ мірѣ сказокъ и фантастическихъ образовъ, внѣ живой дѣйствительности, не будетъ его прельщать перспективами праздной и полной однихъ легкихъ наслажденій жизни, а, наоборотъ, будетъ всячески пріучать его къ трудовой, разумной жизни, соотвѣтственно наклонностямъ и призванію ребенка. Можетъ развѣ любящій родитель отвлеченнымъ и безпочвеннымъ идеаламъ свободы принести въ жертву интересы своего ребенка, его жизнь, здоровье и, вообще, будущее? Только безуміе можетъ внушить родителю мысль, что ребенку надо разрѣшать наѣдаться, чѣмъ и сколько вздумается, брать въ ротъ, что попадетъ на глаза и ползать по полу, когда, гдѣ и куда вздумается. Потому, молъ, что личность свободна и неприкосновенна. А, право, въ каждомъ народѣ, въ смыслѣ народно-государственной сознательности, многіе, убѣленные сѣдинами, отцы и матери семействъ, цѣлые милліоны не далеко ушли отъ того возраста, когда еще ползаютъ по полу. И я говорю не о некультурныхъ крестьянахъ, а именно о нашихъ интеллигентахъ, отъ сельскаго учителя до профессора включительно, о всѣхъ газетчикахъ и ихъ читателяхъ, о всѣхъ лекторахъ и ихъ слушателяхъ. У любого крестьянина природнаго здраваго смысла больше, чѣмъ у десятка лѣвыхъ профессо-

ровъ, у сотни бойкотирующихъ студентовъ и у тысячи „сознательныхъ“ рабочихъ.

И все время любящій родитель слѣдитъ, направляетъ и руководитъ воспитаніемъ своего ребенка. Сообразно возрасту, выбираетъ ему воспитателя,—то няньку, то бонну, то гувернера. Но выбираетъ лицъ здравомыслящихъ, уравновѣшенныхъ, преданныхъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ, ребенку,—выбираетъ словомъ, лицъ, которымъ онъ довѣряетъ, здравому смыслу которыхъ онъ смѣло можетъ ввѣрить интересы ребенка. Какъ онъ ни любитъ послѣдняго, онъ отнюдь не приглашаетъ воспитателей по его выбору и указаніямъ. Вѣдь, ребенка легко подкупить притворной лаской и какой-нибудь сластью. Постепенно, по мѣрѣ роста ребенка, по мѣрѣ того, какъ крѣпнетъ его здравый смыслъ, онъ начинаетъ пользоваться все большей и большей свободой въ предѣлахъ, имъ заслуженныхъ. Мечта родителя—сдѣлать своего сына участникомъ своего дѣла, дождаться того счастливаго момента, когда здравому смыслу его чада можно будетъ ввѣрить дѣло, дать ему, такъ сказать, конституцію. И если сынокъ расточителенъ, ведетъ праздную жизнь, не достоинъ довѣрія, то въ этомъ его собственная вина,—пусть пеняетъ на себя. Да и, вообще, для каждаго родителя вопросъ весьма большой важности, въ какихъ размѣрахъ и въ какой формѣ можно дать сыну конституцію, принимая во вниманіе его развитіе, здравомыслiе, характеръ, наклонности и т. п. Что касается народа, то пользуюсь случаемъ, чтобы подтвердить еще разъ, что, по моему глубокому убѣжденію, въ какой бы то ни было періодъ народной жизни и для какого бы то ни было народа, парламентъ не можетъ служить разумной и допустимой формой довѣрія.

Боже! Какія простыя, дѣтскія, чисто-ребяческія мысли. Какъ будто пишешь для ребятъ трехлѣтняго возраста! Вѣдь, все это такъ ясно, такъ понятно, что жутко дѣлается при мысли, какъ велико демократическое опьянѣніе человѣчества, насколько оно помутило умъ, сознаніе человѣка и, какъ всякое опьянѣніе, ввергло его въ состояніе дѣтскаго отупѣнія.

О, русскій народъ! Тебѣ льстецы курятъ фиміамъ, говорятъ тебѣ, что ты уже великовозрастенъ, уменъ и сознателенъ; сулятъ тебѣ златыя горы; внушаютъ, что ты не только твердо стоишь на ногахъ, но вполнѣ достоинъ уже взять въ свои руки отвѣтственное государственное дѣло. Увѣрили тебя, что стоитъ только протянуть руки, чтобы взять конституцію со всѣми ея богатствами и дарами, которые дѣлаютъ каждый народъ великимъ и счастливымъ. По ихъ словамъ, тебя только предательски сковали по рукамъ и ногамъ, и ты, въ мукахъ Прометея, видишь конституцію, но безсиленъ ее достать... Не вѣрь льстецамъ и лицемѣрамъ! Ихъ устами говоритъ только пьяный демократическій угаръ, потому что то, что они говорятъ, это—богохульство, а человѣкъ въ трезвомъ состояніи не можетъ богохульствовать. Нѣтъ великихъ народовъ, какъ нѣтъ великихъ людей. Великъ одинъ Богъ. Все остальное—отъ ма-

ленькой козявки до человѣка, вплоть до необъятной громады мірозданія включительно—все только ничтожество, потому что все это только твореніе Божье, потому что оно само создано волей Бога.

Богъ не въ силѣ,—а въ правдѣ. Счастье, сила народа не въ богатствѣ, не во внѣшнемъ могуществѣ, не въ громадѣ арміи и флота. Его сила въ разумной, трудовой жизни, согласно своему призванію. Назначеніе народа, какъ и назначеніе человѣка,—работать въ потѣ лица своего. Поступая такъ, народъ идетъ по своему народному пути,—по пути, уготованному ему Богомъ. Но не всякая работа будетъ работой въ потѣ лица своего,—той работой, о которой говорилъ Богъ. Только работа полезная, оригинальная, вполнѣ соотвѣтствующая призванію и реальнымъ наклонностямъ народа, всецѣло связанная съ характеромъ и душой народа,—только работа, подсказанная здравымъ смысломъ, покоящаяся на правдѣ жизни,—будетъ работой, угодной Богу, работой въ потѣ лица своего. Народъ, проявляющій кипучую дѣятельность, но въ области безпочвенныхъ идеаловъ и фантастическихъ затѣй,—равносиленъ жуиру, проводящему свою жизнь въ кутежахъ и попойкахъ. Трудовая, угодная Богу, жизнь народа проста, естественна, не блещетъ эфектами, полна и горя, и заботъ, и страданій, не лишена и своихъ радостей и наслажденій. Все отъ Бога, все надо переносить, не какъ наказаніе или какъ даръ, а только какъ неизбѣжное, фатальное, уготованное Промысломъ Божьимъ. Примѣръ многострадальнаго Іова долженъ быть настольнымъ примѣромъ каждому народу, каждому человѣку.

Величіе русскаго народа—именно въ его простотѣ и безыскусственности; именно въ томъ, что онъ шелъ на своихъ собственныхъ ногахъ, жилъ своимъ простымъ, самобытнымъ, здравымъ смысломъ. Онъ до послѣдняго времени шелъ по своему народному пути,—шелъ медленно, но все впередъ и впередъ, проводя время въ трудѣ, работая именно въ потѣ лица своего и не имѣя времени и охоты развлекаться всякими парламентами и другими праздными развлеченіями. Такъ проводитъ свою жизнь труженикъ, добросовѣстно и охотно работая въ любимомъ своемъ трудѣ, и такъ проходитъ онъ весь свой жизненный путь, не замѣчая, какъ идутъ часы, дни и годы, и не понимая, какъ могутъ люди проводить время въ праздности и попойкахъ. Конецъ одинъ у всѣхъ,—но одинъ плодотворно работалъ въ потѣ лица своего, а другой—преступно безпутничалъ въ потѣ лица своего. Парламентъ—одно безпутство.

Безъ власти ни одинъ народъ не можетъ существовать; народъ безъ власти немыслимъ, какъ немыслимъ ребенокъ безъ родителей. Не было еще, нѣтъ и не будетъ примѣра анархическаго государства. Народъ стремится къ власти надъ собой, какъ ребенокъ тянется къ груди матери. Въ Царской власти народъ русскій нашелъ родного отца, а страна—мудраго хозяина. Это—истинно народная власть, вышедшая изъ нѣдръ народа, слившаяся съ душой, мыслью

и жизнью народными. Исторія царской власти—исторія Россіи. Плохо жилось народу безъ хозяина; и свои, и чужіе терзали его и покоя не давали. А какъ далъ Богъ народу хозяина,—и прожилъ онъ сотни лѣтъ въ теплѣ и въ покоѣ, окрѣпъ, раздобрѣлъ. Могущество, развитіе, прогрессъ совсѣмъ не зависятъ отъ образа правленія, и дай Богъ всѣмъ республиканскимъ народамъ достигнуть такого развитія, какого достигъ англійскій народъ. Сила въ самомъ народѣ, и если народъ немощенъ, болѣзненъ, то его не спасетъ республика, какъ крѣпкій, здоровый народъ не погубитъ монархія. Вообще нормальной, присущей нормальнымъ народамъ властью—надо признать Царскую власть. Республика, по самому существу своему, несетъ съ собой однѣ только фальшивыя цѣнности парламентаризма и демократизма.

Но когда я вижу двѣ монархіи, англійскую и русскую, и вижу, кромѣ того, въ первой парламентъ,—я совсѣмъ не говорю, что и второй—нуженъ парламентъ, а тѣмъ болѣе преступно насильно навязывать какому-либо народу такой парламентъ. Вѣдь, англичане не копировали свой парламентъ, а создали его сами. Зачѣмъ же русскому народу копировать англичанъ? И дорого обошлась и обойдется русскому народу попытка устроить у себя подобіе англійскаго парламента.

Наоборотъ, если я вижу парламентъ у англичанъ, а не вижу его у русскихъ,—я совсѣмъ не говорю, что у первыхъ конституція, а у вторыхъ—ея нѣтъ. Парламентъ совсѣмъ не есть выраженіе конституціи. Конституція, какъ единеніе, можетъ выражаться въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Я много времени и мѣста удѣлилъ выясненію того, что парламентъ—самая неудачная форма единенія. Но я обхожу даже этотъ щекотливый вопросъ, и констатирую лишь фактъ, что у англичанъ исторія сложилась такъ, что они создали себѣ парламентъ, а русскіе исторически могли обойтись безъ него. Разъ оба народа развиваются нормально, разъ и тутъ, и тамъ я вижу царскую власть,—я не отдаю и не имѣю права отдавать преимущества той или иной формѣ, въ какую вылились взаимоотношенія царской власти съ народомъ. Я понимаю, что эти взаимоотношенія сложились фатально-исторически въ связи съ условіями жизни и всѣмъ складомъ характера народа. Я только стараюсь объяснить себѣ, почему въ Англіи создался парламентъ, а въ Россіи его нѣтъ. Я вижу эти причины въ условіяхъ развитія каждаго народа, и долженъ сказать, что эти условія сложились благопріятнѣе для русскаго народа, и онъ получилъ возможность до послѣдняго времени не знать этой разъѣдающей народный организмъ язвы, которая зовется парламентомъ. Вѣдь, принявъ православіе, русскій народъ сразу зажилъ нормальной національной жизнью, сразу пошелъ по своему естественному народному пути; англійскій же народъ принялъ католицизмъ—и очутился въ объятіяхъ чуждой ему папской власти, сковавшей духъ и тѣло народные. Когда же въ немъ окрѣпло національное самосознаніе настолько, что онъ сталъ вырываться изъ цѣпей католицизма и холодныхъ, мертвящихъ объ-

ятій папства, когда онъ началъ борьбу за свое національное самоопредѣленіе, то короли англійскіе явились борцами за католицизмъ,—другими словами противодѣйствовали національному самоопредѣленію народа, и защиту противъ папства, борца за свои права англичане нашли не въ короляхъ, а въ парламентѣ, который они вынуждены были создать. Англичане шагъ за шагомъ отвоевали себѣ въ борьбѣ съ папствомъ право на національное самоопредѣленіе, и эту борьбу трагически связали съ борьбой за парламентъ противъ королевской власти. Вотъ откуда взялся парламентъ у англичанъ.

Русскіе же цари, наоборотъ, все время охраняли православіе, какъ національную русскую религію, все время защищали его (православіе) отъ вражескаго натиска, все время стояли на стражѣ національнаго самоопредѣленія народа, все время были вѣрными стражами его вѣры, его традицій, его души. Вся исторія народа связана съ царской властью, шедшей съ нимъ рука-объ-руку. Русскому народу не нуженъ былъ парламентъ раньше; я думаю, что онъ ему никогда и не нуженъ будетъ. Потому—кому же такое добро нужно? Во всякомъ случаѣ, теперь онъ ему еще не нуженъ, а когда появится надобность въ парламентѣ, то послѣдній появится естественно и въ своемъ русскомъ національномъ видѣ. А то, что зовется конституціей, есть въ Англіи, есть и давно уже было въ Россіи, съ той разницей, что англійскій народъ постепенно самъ отвоевывалъ себѣ права, насильно требовалъ себѣ довѣріе, русскому же народу постепенно, по мѣрѣ надобности и реальныхъ потребностей, Царская власть сама даетъ эти права, сама даритъ народу довѣріе. Наоборотъ, Царская власть никогда не только не отказываетъ въ реальныхъ потребностяхъ народу, но даетъ ихъ съ избыткомъ, потому что Государственная Дума, которую дала Царская власть, это—такой подарокъ, до котораго народъ не доросъ, съ которымъ не умѣетъ еще обращаться, и который поскорѣй надо отобрать и спрятать, какъ отнимаютъ у дѣтей игрушку, съ которой они не умѣютъ обращаться.

Такимъ образомъ, вся разница между англійской и русской Монархіями, между англійской и русской конституціями лишь въ томъ, что въ Россіи увеличеніе правъ народа, возрастаніе къ нему довѣрія шло сверху, а въ Англіи—снизу. И я долженъ сказать, что предпочитаю первый способъ, такъ какъ второй слишкомъ субъективенъ; когда берешь самъ,—берешь больше, чѣмъ нужно, и больше, чѣмъ можешь донести. Англичане—подобны дѣтямъ, оставшимся безъ призора и родительской власти и вынужденнымъ самимъ устраивать свою жизнь; русскій же народъ все время жилъ и развивался въ семейномъ кругу, среди ласкъ и заботъ родительскихъ. Правда, его укладывали спать рано, кормили его во́-время и не пичкали всякими сластями, не давали гулять до переутомленія, въ сырую погоду не выпускали его босикомъ и безъ пальто, зато онъ и не перекармливался, не простуживался и не нажилъ себѣ той болѣзни, которая зовется парламентомъ. И жалко стало русскому народу, что онъ живетъ въ родительскомъ домѣ, среди ласкъ и заботъ, что

онъ нормально развивается и крѣпнетъ, позавидовалъ онъ участи безпризорныхъ дѣтей и захотѣлъ бѣжать изъ родительскаго дома на улицу, въ объятія англійскаго парламента, отъ котораго у англичанъ появился ихъ историческій сплинъ. Вотъ ужъ воистину—захочетъ кого Богъ наказать, Онъ у него разумъ отниметъ. И не добромъ помянетъ русскій народъ своихъ благодѣтелей,—отъ большого Милюкова вплоть до маленькаго Гладыша,—посовѣтовавшихъ ему бѣжать на улицу, на свободу, на опасные еще для дѣтей соблазны улицы. Не добромъ помянетъ онъ Витте, за его недальновидность и переоцѣнку событій, и за его коварный совѣтъ, возродившій въ Россіи смутное время и ужасы удѣльной Руси.

И послѣ Іоанна, бывшаго для современниковъ Грознымъ, началась въ Россіи конституція. Да и какъ ей не быть, когда Царская власть ищетъ, должна искать опоры въ здравомъ смыслѣ народа, когда только единеніе съ народнымъ здравымъ смысломъ снимаетъ съ Царской власти бремя и отвѣтственность власти. Царская власть ищетъ довѣренныхъ лицъ, она готова направо и налѣво расточать довѣріе, какъ родитель жаждетъ, чтобы сыновья его скорѣе возмужали, стали на ноги, чтобы онъ могъ имъ ввѣрить часть своихъ обширныхъ дѣлъ, общихъ и одинаково близкихъ имъ всѣмъ. Но если кого изъ сыновей Богъ обидѣлъ разумомъ или создалъ его распутнымъ, то пусть пеняетъ на себя, если родитель лишитъ его довѣрія. Но вынужденное недовѣріе со стороны родителя будетъ послѣднему гораздо тяжелѣе и обиднѣе, чѣмъ сыну. Народная царская власть стоитъ, вѣдь, выше и внѣ славы, популярности, чиновъ, орденовъ и другихъ обывательскихъ слабостей. Она руководится и, по существу, можетъ руководиться только жизненными народными интересами, только правдой жизни и реальными требованіями момента. Она ищетъ поэтому въ окружающихъ только здравый смыслъ и ту же преданность реальнымъ народнымъ интересамъ. Черезъ здравомыслящихъ и преданныхъ реальнымъ народнымъ интересамъ лицъ, она и единится со здравымъ смысломъ народа. Вся прежняя служба, дѣятельность того или иного лица на спеціальномъ поприщѣ, отзывы извѣстныхъ здравомыслящихъ и преданныхъ царю и народу лицъ служатъ порукой, что лицо это оправдаетъ оказанное ему довѣріе. Критерій для выбора довѣренныхъ лицъ у царской власти вполнѣ объективный, обоснованный и правильный, не то, что у несчастнаго избирателя, съ растерянным и недоумѣвающимъ видомъ бросающаго записку, не зная, за кого, не зная, для чего, не зная, почему и совершенно не отдавая себѣ отчета, что̀ изъ этого получится. Конечно, въ такомъ обширномъ дѣлѣ возможны случаи, что то или иное довѣренное лицо не оправдаетъ довѣрія царской власти. Но по самому существу своему, по пріемамъ и характеру довѣрія, такіе случаи могутъ быть очень рѣдки и, во всякомъ случаѣ, такіе поступки никогда не поощряются царской властью, и несутъ заслуженное наказаніе по суду. Но оправдать довѣріе Царской власти, это—значитъ служить вѣрой и правдой реальнымъ интересамъ народа. Оправдать же довѣріе растерянаго избирателя, это—значитъ не-

уклонно слѣдовать буквѣ своей безсмысленной и безжизненой программы.

И передавала ли Царская власть въ Россіи часть власти—министрамъ, губернаторамъ, учреждала ли Сенатъ, Государственный Совѣтъ, Синодъ, созывала ли Совѣщанія свѣдущихъ лицъ,—она каждый разъ обращалась къ здравому смыслу народа, она каждый разъ единилась съ нимъ и неустанно и широко расточала свое довѣріе. И все время Царская власть имѣла въ виду лишь интересы народа, и все время не имѣла повода разочароваться въ здравомъ смыслѣ тѣхъ лицъ и учрежденій, коимъ она отдавала часть своей власти, въ ихъ любви къ народу и въ стремленіи къ охранѣ его интересовъ. Несомнѣнно, въ такомъ обширномъ дѣлѣ возможны и даже неизбѣжны ошибки со стороны самыхъ добросовѣстныхъ и свѣдущихъ лицъ. Правильно утверждаетъ поговорка, что не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Но ошибки довѣренныхъ лицъ Царской власти, это—добросовѣстныя неизбѣжныя ошибки добросовѣстныхъ и опытныхъ спеціалистовъ. Ошибки же безотвѣтственныхъ народныхъ депутатовъ и отвѣтственныхъ передъ парламентомъ министровъ, это—ошибки неучей и профановъ. Вѣдь, у самаго опытнаго, добросовѣстнаго повара то или иное блюдо можетъ выйти неудачнымъ; самый добросовѣстный и опытный врачъ можетъ поставить невѣрный діагнозъ, но повару, который взялся бы быть санитарнымъ врачомъ или, наоборотъ, самой судьбой суждено терпѣть неудачу за неудачей. Впрочемъ, насчетъ депутатовъ, парламентовъ съ отвѣтственными министерствами—дѣдушка-Крыловъ давно уже сказалъ: „бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ“. . .

XXII.

И жилъ русскій народъ нормальной, здоровой жизнью, крѣпчалъ духомъ и тѣломъ. Правда, не блисталъ онъ внѣшнимъ блескомъ, той красивой на видъ культурой, которую создала Западная Европа; нѣтъ у него тѣхъ городовъ, той громады фабрикъ, той промышленности, тѣхъ дорогъ и, вообще, тѣхъ культурныхъ удобствъ, что въ Европѣ, но въ этомъ не вина образа правленія и тѣмъ менѣе—Царской власти, въ этомъ вина условій. Широко, привольно раскинулся русскій народъ; ширь и приволье степей не заставляютъ биться за кусокъ хлѣба, какъ въ тѣснинахъ Западной Европы, гдѣ даже воздуха не хватаетъ для народовъ. Эта нужда западныхъ народовъ въ воздухѣ и хлѣбѣ вызвала тамъ такой подъемъ предпріимчивости и такую высокую степень культуры. Русскій же народъ можетъ понѣжиться въ своемъ богатомъ домѣ среди приволья степей. На то онъ и богатъ.

Да и отъ природы въ русскомъ народѣ есть черта лѣни, нерѣшительности, слабоволія, которыя Гончаровъ такъ удачно подмѣтилъ и изобразилъ въ своемъ Обломовѣ. И правду сказать, любитъ всхрапнуть и зачастую дремлетъ русскій богатырь. Причемъ же

тутъ образъ правленія, причемъ тутъ бюрократія? Нѣтъ врача, который вдохнулъ бы въ умирающаго жизнь; нѣтъ власти, которая могла бы дать народу то, чего ему отъ природы недостаетъ. Каждый —кузнецъ своего счастья, и во всѣхъ бѣдахъ и радостяхъ народныхъ виноватъ самъ народъ, и незачѣмъ ему искать виновныхъ. Давно уже по этому поводу дѣдушка-Крыловъ сказалъ: „чѣмъ кумушекъ считать трудиться, не лучше ли, кума, на себя оборотиться".

Но надо правду сказать; пока великанъ—могучій русскій богатырь одинъ палецъ подыметъ, и то годы пройдутъ. Сколько же ему надо времени, чтобы подняться и за работу взяться? Послѣ изгнанія французовъ и двунадесяти языковъ, послѣ, такъ сказать, трудовъ праведныхъ, всхрапнулъ немного русскій богатырь. Тутъ-то его въ Севастополѣ и укусилъ комаръ. Право, нѣтъ полезнѣй насѣкомаго, какъ комаръ. Иной бы, пожалуй, всю жизнь спалъ, если бы не комаръ.

Въ жизни каждаго народа неудачныя войны играютъ роль будильниковъ, роль комаровъ. Война вскрываетъ всѣ язвы, всѣ недочеты народной жизни. И если народъ жизнеспособный, если онъ склоненъ къ самопознаванію, то, проснувшись, онъ энергично берется за работу. Крупнѣйшую ошибку, народное преступленіе творитъ народъ, если онъ ищетъ причинъ внѣ себя, внѣ своего „я", если онъ неудачи, несчастье вымѣщаетъ на отдѣльныхъ личностяхъ. Не менѣе крупную ошибку творитъ народъ, если онъ не въ состояніи опредѣлить реальныя и непосредственныя причины своихъ бѣдъ и неудачъ, находитъ воображаемыя и фиктивныя обстоятельства и на нихъ обращаетъ все вниманіе. Важно, чтобы въ это время народъ взялся за настоящее дѣло, а не придумывалъ себѣ занятія, вродѣ тезяковской стрѣльбы по воробьямъ.

Послѣ Крымской кампаніи началась въ Россіи такъ называемая эра великихъ реформъ. Всѣ эти реформы даны были Царской властью, всѣ онѣ вызывались требованіями момента. О крѣпостномъ правѣ я уже имѣлъ поводъ говорить; что касается судебной реформы и земскаго самоуправленія, то даже скептики, сомнѣвающіеся въ томъ, что учрежденіе Сената или Синода есть конституціонный актъ, должны признать, что великія реформы средины прошлаго столѣтія, въ особенности же—введеніе мѣстнаго самоуправленія, представляютъ безспорную конституцію. Эта конституція дана была сверху, что дѣлаетъ ее еще болѣе цѣнной. Въ основѣ ея лежало именно довѣріе къ мѣстнымъ силамъ, обращеніе къ здравому смыслу народа. Одновременная отмѣна крѣпостного права затуманила этотъ смыслъ историческаго момента, который, быть можетъ, умышленно назвали эпохой великихъ реформъ для того, чтобы избѣгнуть страшнаго слова: „конституція". Вѣдь, конституція не есть нѣчто математически-опредѣленное, и размѣры и степень ея весьма различны, какъ вода, всегда вода—будетъ ли она въ стаканѣ, въ бочкѣ или въ рѣкѣ. Никто не будетъ отрицать, что въ Германіи—конституція, но всѣмъ ясно, что она отличается и по характеру и по степени отъ англій-

ской конституціи, тѣмъ не менѣе изъ-за этого никто не станетъ отрицать конституціи въ Германіи.

Несомнѣнно, и въ Англіи нѣтъ полной конституціи, да ее не можетъ быть нигдѣ и никогда въ полной степени, потому что иначе надо допустить необходимость довѣрія даже къ новорожденному ребенку. Наоборотъ, можетъ быть передовѣріе, избытокъ конституціи, что фактически проявляется въ парламентѣ. Но и помимо того, можно питать больше довѣрія къ здравому смыслу народа, чѣмъ онъ того заслуживаетъ; можно, наоборотъ, недооцѣнивать здраваго смысла народа. Такъ или иначе въ нормальныхъ условіяхъ размѣры конституціи зависятъ лишь отъ здраваго смысла народа. Человѣкъ пьетъ, ѣстъ во всякое время своей жизни, хотя ребенокъ съѣдаетъ маленькій сухарикъ, а взрослый человѣкъ—цѣлый хлѣбъ. И конституцію каждый народъ употребляетъ по своему возрасту. Несомнѣнно, судъ присяжныхъ, мѣстное самоуправленіе съ любой точки зрѣнія должны быть признаны конституціей. Однако, никому и въ голову не приходило утверждать, что со времени великихъ реформъ въ Россіи Самодержавіе ограничено. Да и какъ его ограничивать, когда оно неразрывно связано съ царской властью, когда оно—символъ единаго народа, единаго государства. Сколько бы Царская власть ни отдавала своего довѣрія здравому смыслу народа, она всегда останется Самодержавной, какъ хозяинъ всегда остается, и фирма будетъ существовать, сколько бы довѣренныхъ лицъ не создавалось.

Быть можетъ, никто не станетъ, послѣ всего выше изложеннаго, оспаривать мое утвержденіе, что конституція въ Россіи существуетъ давно, еще съ тѣхъ поръ, какъ въ ней прочно утвердилась Самодержавная Царская власть, и съ тѣхъ поръ, какъ Цари стали обращаться къ здравому смыслу народа, учреждая въ странѣ довѣренныхъ лицъ и довѣренныя учрежденія. Если этого довѣрія было мало,—другими словами, если у народа было мало конституціонныхъ благъ, то въ этомъ меньше всего виновата Царская власть. Наоборотъ, въ Царской власти замѣчается ненасытное стремленіе къ единенію со здравымъ смысломъ народа, къ передачѣ ему довѣрія. Можно поэтому говорить лишь о переизбыткѣ конституціи въ Россіи, о слишкомъ большой довѣрчивости Царской власти. Многимъ, вѣдь, стало теперь ясно, что Манифестъ 17 Октября, созданіе Государственной Думы—были именно переизбыткомъ довѣрія, переизбыткомъ конституціи.

Такимъ же переизбыткомъ довѣрія является земское самоуправленіе, которое играетъ въ Россіи столь крупную роль, что заслуживаетъ того, чтобы ему удѣлено было особое вниманіе. Положеніемъ 1864 г. земству ввѣрена была огромная отрасль реальныхъ нуждъ и потребностей мѣстнаго населенія. Для земства открывалась очень обширная перспектива плодотворной дѣятельности, такъ какъ къ тому времени Россія представлялась огромной, почти нетронутой цѣлиной, на которой пышно можно было воздѣлывать

культурные злаки, но при нерадѣніи еще пышнѣе могли бы произрастать сорныя травы. Помимо того, въ силу инертности, индифферентизма населенія къ своимъ нуждамъ, въ силу полнаго отсутствія въ немъ самодѣятельности, русское земство приняло особыя формы, отличныя отъ мѣстнаго самоуправленія въ Западной Европѣ. Принято гордиться русскимъ земствомъ, а по моему глубокому убѣжденію, гордиться нечѣмъ, такъ какъ земство приняло ненормальныя, уродливыя формы. Внѣ сомнѣнія, земство весьма много сдѣлало для населенія: покрыло Россію сѣтью больницъ, школъ, улучшило пути сообщенія и т. п. Но гордиться можно было бы лишь въ томъ случаѣ, если бы это было плодомъ самодѣятельности населенія. Въ Западной Европѣ имѣются и больницы, и школы, и дороги, но въ этомъ участвуетъ каждое село, каждый поселокъ, хуторъ; все это вызывалось сознательностью, трудами населенія. Въ Россіи же земство проявило кипучую дѣятельность, внесло массу огромной работы,—но въ условіяхъ опекающей благотворительности, на правахъ опекающаго учрежденія. Нельзя отрицать значеніе земства, но нельзя и преувеличивать его значеніе, а надо признать, наоборотъ, что оно необходимое зло на фонѣ крестьянскихъ некультурности и индифферентизма. Самодѣятельность населенія могла бы проявиться лишь въ волостномъ земствѣ, но до созданія мелкой земской единицы крестьянство, въ тискахъ общины, еще не доросло.

Этотъ опекающій характеръ земства совершенно извратилъ основы мѣстнаго самоуправленія, возложивъ на земство особыя задачи и огромную отвѣтственность. Свои личныя дѣла каждый устраиваетъ, руководясь реальными потребностями, которыя онъ ясно сознаетъ; и можно быть увѣреннымъ, что каждый удовлетворяетъ свои назрѣвшія и дѣйствительныя потребности,—когда, къ примѣру, онъ хочетъ пить, онъ будетъ пить, а не ѣсть. Роль же опекуна, по весьма понятнымъ причинамъ, весьма тяжелая и отвѣтственная, и далеко не всѣмъ подъ-силу; вѣдь, надо обладать способностью сознавать реальныя нужды и потребности опекаемыхъ и, помимо того, особымъ даромъ—удовлетворять именно эти потребности, отрѣшившись отъ субъективныхъ ощущеній и личныхъ потребностей. Вотъ почему роль опекуна такая почетная, и довѣріе, оказываемое опекуну, весьма велико. Ясно, что и земскому самоуправленію Царской властью было оказано самое широкое и высокое довѣріе. Къ сожалѣнію, земство не оправдало этого довѣрія.

Какъ извѣстно, ужасы французской революціи прикрывались блестящимъ и эфектнымъ девизомъ „свободы, равенства и братства.“ Такъ все, что исходитъ отъ дьявола, что не освѣщено божественной правдой жизни, — эфектно, блестяще, манитъ къ себѣ простодушныхъ людей своей дьявольской, но безжизненной красотой, но зато все это приноситъ человѣчеству одно только горе и несчастье, одни только ужасы. Всѣ отвлеченныя, лишенныя божественной правды ученія и представляютъ такого рода дьявольскія козни, несущія міру горе и ужасы. А развѣ ужасы Варѳоломеевской ночи не прикрывались идеалами милосердія и любви, олицетворяемыми въ видѣ папской непогрѣшимости. Вѣдь, папа былъ намѣстникомъ Петра, —

другими словами, олицетвореніемъ милосердія; гугеноты же не признавали папы, были еретиками, — другими словами, не признавали католическихъ идеаловъ любви и милосердія, и поэтому, во имя этихъ идеаловъ, ихъ и казнили лютой смертью. Варѳоломеевская ночь—яркій образчикъ того, какъ претворяются въ жизни самые высокіе и блестящіе идеалы. Да будетъ же всѣмъ извѣстно, что Варѳоломеевская ночь и французская революція — одного поля ягоды, одного происхожденія, — другими словами, двѣ родныя сестры.

Демократическіе идеалы свободы, равенства и братства и принесли Франціи тѣ ужасы, которые зовутся французской революціей и которые, какъ говорятъ, составляютъ гордость французскаго народа. Говорятъ, говорятъ, мало ль что говорятъ! Странно только, почему не говорятъ, что и ужасы Варѳоломеевской ночи составляютъ гордость и красу французскаго народа. Впрочемъ, правовѣрные католики не только говорятъ, но, внѣ сомнѣнія, даже увѣрены, что эта ночь — краса и гордость народа и стоитъ тысячелѣтій жизни человѣчества. Такъ или иначе дьявольски-привлекательные, хотя и ложные и безсодержательные идеалы и лозунги французской революціи распространились далеко за предѣлы Франціи, отравивъ всю міровую атмосферу. Благодаря своей отвлеченности, универсальности и безжизненности, идеалы эти были доступны сознанію любого обывателя, въ какомъ бы возрастѣ, въ какой бы стадіи развитія онъ ни находился. Поэтому, эти идеалы быстро прививались и еще быстрѣе распространялись. Само собой разумѣется, что эти идеалы скорѣе прививались къ тѣмъ, которые были къ нимъ воспріимчивы, а воспріимчивость къ нимъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе сознателенъ, чѣмъ болѣе простодушенъ, чѣмъ слабѣе умственно развитъ и чѣмъ моложе обыватель. Конечно, всего этого мало для воспріимчивости, — нужна еще особая способность, требуется особое свойство души увлекаться такого рода общими, безсодержательными идеалами.

Не миновали эти идеалы и русскаго народа, и въ его спокойную, нормальную и уравновѣшенную жизнь внесли разладъ и соблазнъ. Всѣ элементы, которымъ по особому свойству ихъ натуры внѣшняя красота слова, образа или идеала дороже его содержательности и внутренней правды, явились пропагандистами такъ называемыхъ западно-европейскихъ идеаловъ. Такимъ свойствомъ вначалѣ обладали немногіе; въ исторію они вошли съ именемъ декабристовъ. Упомянутое свойство человѣческой души имѣетъ большое значеніе для жизни народа, несетъ народу разрушеніе и гибель, и человѣкъ, носитель его, представляетъ ту отрицательно-народную клѣтку, о которой я говорилъ выше. Если это свойство является случайнымъ, привитымъ со стороны, противнымъ характеру и душѣ народа, то отъ него можно излечиться, но если оно составляетъ природное свойство народа, то горе послѣднему: онъ неизлечимъ. И въ Россіи съ теченіемъ времени число болѣзненныхъ элементовъ, отрицательно-народныхъ клѣтокъ, все увеличивалось, съ жадностью набрасываясь на все, что было далеко отъ правды, отъ жизни. Въ

числѣ другихъ красивыхъ, привлекательныхъ, но ложныхъ и пагубныхъ ученій, и бредни Маркса были благодарной пищей для этихъ слабовольныхъ, бездѣльныхъ и болѣзненныхъ натуръ. Ко времени введенія земскихъ учрежденій число такихъ элементовъ было очень велико среди тѣхъ, которымъ суждена была роль земскихъ дѣятелей; но ихъ число, сила и значеніе все увеличивались, подъ вліяніемъ интеллигентовъ, проникшихъ въ земство, въ лицѣ третьяго элемента. Ни для кого уже не тайна, что эти отрицательно-народные элементы, несущіе народу разрушеніе и смерть—и носятъ кличку интеллигентовъ; и интеллигенты изъ числа земскихъ дѣятелей и сплошной интеллигентъ, подъ названіемъ третьяго элемента, совершенно извратили значеніе и роль земства, въ корнѣ подорвавъ то высокое довѣріе, которое было оказано мѣстнымъ людямъ. Въ свою практическую, чисто-дѣловую дѣятельность, ограниченную притомъ узкой сферой исключительно мѣстныхъ интересовъ, земцы внесли кричащую общественность, на почвѣ поклоненія высоченнымъ или, какъ ихъ называютъ, общечеловѣческимъ идеаламъ французской революціи. Что́ г.г. интеллигентамъ изъ земцевъ и всему интеллигентному третьему элементу прозаическая, тусклая работа въ деревнѣ и для деревни, когда они—интеллигенты, когда они—всезнайки, когда у нихъ универсальное средство для леченія народныхъ недуговъ, доставшееся имъ по наслѣдству отъ благородныхъ дѣятелей французской революціи, когда они—рождены для величественныхъ и благородныхъ подвиговъ парламентарныхъ, для рѣчей, для митинговъ, для партійной борьбы, для кричащей и эфектной общественной дѣятельности? Что́ можетъ принести господамъ Петрункевичамъ и Родичевымъ скромная роль мѣстныхъ работниковъ по насажденію медицины, опытной агрономіи, по улучшенію путей сообщенія и, вообще, по удовлетворенію реальныхъ потребностей деревни, когда они могутъ пріобрѣсти всероссійскую славу печальниковъ народныхъ, государственныхъ дѣятелей и благородныхъ рыцарей? Эту славу пріобрѣсти такъ же легко, какъ легко пѣтухъ прослылъ великимъ музыкантомъ. Вся бѣда въ томъ, что на тысячи прославленныхъ Крыловымъ знатоковъ музыки едва-едва найдется одинъ профанъ, который не въ состояніи постигнуть прелесть музыкальныхъ нотъ шантеклеровъ изъ породы Родичевыхъ. Такого профана въ жизни зовутъ реакціонеромъ, черносотенцемъ.

И превратили земцы земство—въ парламентъ, въ сплошной рядъ митинговъ и стали перекиднымъ огнемъ, черезъ голову земскихъ учрежденій, отравлять Россію безпочвенными утопіями, взятыми напрокатъ у безумцевъ отъ французской революціи. Чѣмъ меньше занимались дѣломъ, чѣмъ больше говорили, чѣмъ болѣе страстные дебаты велись на собраніяхъ, чѣмъ больше пышныхъ словъ пускали въ оборотъ, чѣмъ больше давали заманчивыхъ обѣщаній чужого добра,—тѣмъ собранія были интереснѣй, тѣмъ болѣе интеллигенты, во главѣ съ третьимъ элементомъ, захлебывались отъ восторга, тѣмъ земство считалось демократичнѣй, прогрессивнѣй. И каждый земецъ, каждое земство наперерывъ другъ передъ другомъ стремились

заслужить титулъ „прогрессивнаго". Эта аттестація давалась третьимъ элементомъ, интеллигентами, газетами, и эта аттестація была дороже земствамъ, чѣмъ Георгій на войнѣ солдату. Въ переводѣ на обыкновенный языкъ эта аттестація означала „пустозвонъ", но въ представленіяхъ крыловскихъ знатоковъ музыки дѣльнѣе, полезнѣе такого земства и такого земца трудно даже подыскать, и если какое-либо земство пыталось заниматься дѣломъ, то ему весь третій элементъ, всѣ передовые земцы, и всѣ газеты и всякіе интеллигенты неустанно твердили: „а жаль, что не знакомъ ты съ дѣятельностью такого-то земства. Вотъ бы съ кого примѣръ брать".

И разбились въ земствахъ на партіи, и пошла та же дичь, та же ересь, что въ парламентахъ; выбирали не по уму-разуму, а по партійности, по той или иной лѣвой окраскѣ; выбирали не по дѣламъ, а по языкамъ. Работали не для дѣла, не для земства, не для деревни и русскаго мужика, а работали для партіи, въ партійныхъ интересахъ. Старались не для дѣла, а для популярности; заботились не о реальныхъ интересахъ мужика и деревни, а старались угодить стороннимъ знатокамъ земскихъ нуждъ пусканіемъ пыли въ глаза и всякими дутыми предпріятіями. И, разбившись на партіи, повторивъ ужасы парламентаризма и смутнаго времени, показавъ свою неспособность отдаться реальной работѣ на пользу русской деревни,—земская Россія, со своимъ третьимъ элементомъ, наглядно доказала, что она не доросла даже до мѣстнаго самоуправленія, ставши проводникомъ безжизненныхъ и тлетворныхъ ученій. Довѣріе было подорвано, и пришлось ограничить права земства положеніемъ 1890 года.

Совершенно бездѣльничать въ земствѣ нельзя было. Слишкомъ велики были реальныя нужды деревни, чтобы можно было проходить мимо нихъ, не откликаясь на нихъ. Надо правду сказать: земства покрыли Россію сѣтью больницъ и школъ, настроили мостовъ; улучшили дороги и т. п. Но на-ряду съ дѣломъ развлекались всякими мелочами, всякими нелѣпыми и дутыми предпріятіями, совершенно излишними для деревни и приносившими ей одинъ только вредъ. Устраивали книжные склады, библіотеки, создавали санитарныя бюро, статистическія бюро, отдѣлы народнаго образованія, росли и расширялись зданія уѣздныхъ и губернскихъ управъ, увеличивались ряды канцелярскаго элемента, изводились горы бумаги, смѣта земства принимала грандіозные размѣры, но изъ огромной, трудовой земской копейки въ деревню на ея реальныя нужды вливались крохи. О двухъ такихъ крупныхъ затѣяхъ—о внѣшкольномъ образованіи и о санитарныхъ организаціяхъ я буду имѣть еще поводъ говорить. Объ одной такой затѣѣ, именно о врачебно-продовольственныхъ пунктахъ, я уже говорилъ. Земства совершенно не поняли, что ихъ опекающая роль—лишь неизбѣжное зло на фонѣ крестьянской безпомощности, что вредное вліяніе опекающаго фактора надо всячески ослаблять, будя реальную, активную самодѣятельность населенія. Только удовлетворяя реальныя, насущныя нужды деревни, въ то же время вносятъ элементы, которые будятъ актив-

ную самодѣятельность населенія. Каждый врачебный участокъ, къ примѣру, и есть такой элементъ; удовлетворяя потребность населенія въ лечебной помощи, постепенно такой участокъ пріучаетъ населеніе къ леченію, постепенно вноситъ въ деревню понятія гигіены и охраненія своего здоровья, и, такимъ образомъ, постепенно вызываетъ и будитъ самодѣятельность населенія въ этомъ направленіи, конечно, при томъ непремѣнномъ условіи, если медицинскій персоналъ будетъ занятъ только своимъ дѣломъ,—будетъ лечить, лечить и лечить. Отъ него больше ничего не требуется. Если же онъ свои усилія направитъ въ другую сторону,—будетъ другими путями будить сознательность населенія,—то, кромѣ вреда, ничего не принесетъ деревнѣ.

На примѣрѣ врачебно-питательныхъ пунктовъ мы видѣли, на какія мелочи размѣнивались и размѣниваются земства, до какихъ геркулесовыхъ столбовъ они доводятъ свою опекающую работу, и какой вредъ приносятъ деревнѣ, какой разладъ вносятъ въ психику населенія. Но, конечно, все это капля въ морѣ передъ тѣмъ вредомъ, который приносится деревнѣ во время такъ называемыхъ голодовокъ. Что газеты и популярные общественные дѣятели раздуваютъ голодовки,—это, кажется, стало уже ходячей истиной. Что въ голодовкахъ, помимо стихійныхъ причинъ, виноватъ самъ крестьянинъ, его повальное пьянство, инертность, бездѣятельность и т. п.—это не менѣе ясно для всякаго, кому только удалось ближе познакомиться съ деревенской жизнью. Но, повидимому, тотъ видъ благотворительной помощи, который вносится въ деревню, спеціально созданъ былъ для того, чтобы еще больше усилить всѣ эти деревенскіе недуги, внести полный развратъ и разладъ въ психику и сознаніе деревни, насильно привить мужику римскій ядъ: „хлѣба и зрѣлищъ!“ И всѣ общества, всѣ учрежденія, которыя, наперерывъ другъ передъ другомъ, открывали столовыя,—не сознавали, какое преступленіе они совершаютъ, какую отраву они несутъ деревнѣ. Развѣ былъ, развѣ можетъ быть какой-нибудь критерій для рѣшенія вопроса: кто голодаетъ, кому надо оказать помощь? И, въ погонѣ за славой, за популярностью, кормятъ „благотворители“ всѣхъ деревенскихъ пропойцъ, нищихъ, тунеядцевъ,—а въ психику хозяйственнаго мужика, деревенскаго труженика вносятъ разладъ и смуту. Конечно, передъ перспективой такой демократической и популярной дѣятельности, земства, руководимыя благороднымъ третьимъ элементомъ, не могли устоять и, наперерывъ другъ передъ другомъ, за чужой счетъ, развращали деревню. Впрочемъ, устоять, при всемъ желаніи, не удалось бы ни одному земству, и если бы такой грѣхъ случился съ какимъ-либо земствомъ, то ему житья не стало бы отъ всѣхъ газетъ, отъ третьяго элемента, отъ всѣхъ этихъ господъ Тезяковыхъ, Клафтоновъ, которые не переставали бы твердить: „а жаль, что не знакомъ ты и т. д.“ Надо каждому земскому дѣятелю обладать колоссальнымъ гражданскимъ мужествомъ, чтобы устоять передъ такой всероссійской травлей.

Правда, ужасы освободительнаго движенія,—этой русской Варѳоломеевской ночи,—отрезвили громадное большинство земскихъ дѣятелей, но началось успокоеніе. То успокоеніе, которое заключается въ отравленномъ и отравляющемъ, но притаившемся общественномъ мнѣніи. А притаилось общественное мнѣніе потому, что ему пока дѣлать нечего и надо ждать у моря погоды, потому что въ это время изъ крѣпостныхъ орудій Государственной Думы, подъ прикрытіемъ депутатской неприкосновенности, идетъ обстрѣлъ ураганнымъ огнемъ и забрасываніе Россіи тучей отравленныхъ бомбъ, ядовитыхъ газовъ и прокламацій. Впрочемъ, прокламаціи теперь зовутся органами безпартійно-прогрессивной печати. Велика сила общественнаго мнѣнія, и, подъ его вліяніемъ, земское отрезвленіе постепенно проходитъ, постепенно земцы теряютъ подъ ногами земскую почву и, подъ вліяніемъ демократическихъ сиренъ, постепенно удаляются отъ земли и божественной правды на аэропланахъ лживой, кричащей общественности, въ погонѣ за дешовой популярностью. О, Боже! Когда же, наконецъ, придутъ къ заключенію, что демократической популярности—грошъ цѣна. А, между тѣмъ, сколько зла народамъ, человѣчеству творила и творитъ эта погоня за грошовой популярностью.

Не удивительно, что земское положеніе 1890 года, ставящее предѣлы воздушнымъ полетамъ, стоитъ поперекъ горла всѣмъ жаждущимъ кричащей общественности и лавровъ дешовой популярности. Реформа земскаго и городского самоуправленія считается поэтому, въ противоположность министерской вермишели, одной изъ великихъ демократическихъ реформъ и, конечно, представляетъ ту же фальшивую демократическую ассигнацію.

Я положительно не понимаю, что́ реформировать и для чего реформировать. Вѣдь, принципъ земства: „служеніе реальнымъ интересамъ деревни, на почвѣ опекающей благотворительности.“ Основа земства: „мѣстный культурный человѣкъ,—прикрѣпленный къ землѣ и матеріально участвующій въ земскомъ обложеніи.“ Развѣ въ этихъ двухъ положеніяхъ что-нибудь можно измѣнить или реформировать? Развѣ мѣстное самоуправленіе не должно вѣдать исключительно мѣстными нуждами? Развѣ оно имѣетъ право и основаніе вторгаться въ общегосударственные вопросы, которые представляютъ для него тарабарскую грамоту? Развѣ можно отнять отъ земства опекающій характеръ, когда деревня еще дѣтски-безпомощна и такъ сильно нуждается въ помощи взрослыхъ и здравомыслящихъ людей, преданныхъ ея интересамъ и способныхъ въ нихъ разбираться? Этими двумя положеніями и создается общій и однообразный типъ, единая физіономія земства. Опекающій характеръ земства исчезнетъ лишь тогда, когда крестьянство дорастетъ до состоянія культурнаго здравомыслящаго элемента. Культурнымъ-то легко еще сдѣлать человѣка, но чтобы эта культура была истинной,—надо, чтобы человѣкъ былъ здравомыслящимъ, уравновѣшеннымъ, чтобы онъ сознавалъ именно свои насущныя и реальныя культурныя нужды. Такая сознательность далека отъ пролетарской и интеллигентской „созна-

тельности," которая заключается въ сознаніи выгодъ отъ пользованія чужимъ добромъ и плодами чужихъ трудовъ.

Для истинной земской сознательности требуется нѣсколько условій. Надо быть мѣстнымъ человѣкомъ, связаннымъ съ мѣстностью всей своей жизнью, своими воспоминаніями, своими традиціями, исторіей предковъ и т. п.,—словомъ, надо быть патріотомъ мѣстности, беззавѣтно преданнымъ ея интересамъ. Затѣмъ, надо жить на землѣ и отъ земли. Городскіе интеллигенты, которые не видятъ ничего, кромѣ тусклаго клочка неба и дыма отъ фабричныхъ трубъ, далеки отъ земли, отъ природы и отъ Бога,—имъ остается летать только на аэропланахъ... изъ нелѣпыхъ мечтаній и безжизненныхъ утопій. Только человѣкъ, живущій отъ земли, въ состояніи познать величіе Бога и ничтожество человѣка. Онъ добываетъ свой хлѣбъ отъ земли; его хлѣбъ — непосредственный и реальный результатъ его труда; онъ сознаетъ значеніе труда, но онъ понимаетъ и цѣнитъ только реальный трудъ, приносящій непосредственную и реальную пользу. Но онъ видитъ и нѣчто другое; онъ видитъ, что не только человѣкъ жалокъ и ничтоженъ, но что безъ помощи и благословенія Божьихъ всякій трудъ человѣка безрезультатенъ и зря пропадаетъ. Человѣкъ бросаетъ зерно, поливаетъ, полетъ, а все остальное производится силами природы, ея божественными законами. Человѣкъ еще сильнѣе чувствуетъ свое ничтожество. Онъ сознаетъ, что ему, съ подрѣзанными крыльями, незачѣмъ парить въ облакахъ, а суждено ходить по землѣ. Человѣкъ, живущій отъ земли, — человѣкъ дѣла и реальнаго труда, а не словъ. Онъ—врагъ словесныхъ изліяній, звучныхъ фразъ, пышныхъ идеаловъ, всякихъ утопій,—словомъ, всего того, что далеко отъ жизни и отъ ея правды. Онъ видитъ жизнь, природу на просторѣ полей, онъ видитъ ихъ, какъ созданіе Божье, и онъ не можетъ не преклониться передъ величіемъ Бога. Все, отъ былинки до сладкаго большого плода, отъ ничтожной козявки до стройной лошади,—одно сплошное чудо. Каждый мигъ, каждый атомъ мірозданія—чудо. Что передъ этимъ телефонъ, телеграфъ, трамвай, аэропланы и всѣ другія чуда современности! Въ любомъ комарѣ—и телефонъ, и телеграфъ, и автомобиль и всѣ настоящія и будущія открытія и изобрѣтенія человѣчества. И человѣкъ, который близко находится къ природѣ, ежеминутно, ежечасно видитъ, сознаетъ Божьи чудеса; человѣкъ, который живетъ, кормится отъ земли, существованіе котораго зависитъ только отъ размѣра вложеннаго реальнаго непосредственнаго труда, отъ природы, ея стихійныхъ капризовъ и отъ Божественнаго промысла — такой человѣкъ не можетъ не быть вѣрующимъ,—онъ сознаетъ свое ничтожество, онъ сознаетъ, что у человѣка подрѣзаны крылья и ему суждено вѣчное безсиліе,—но зато такому человѣку понятно значеніе и сила реальнаго труда, ему понятны только реальныя, назрѣвшія потребности. Ему понятно, что значитъ въ потѣ лица своего добывать хлѣбъ, и онъ понимаетъ, что въ жизни ничто не дается даромъ, что все надо добывать въ потѣ лица своего. Ему чуждъ, противенъ принципъ Рима: „хлѣба и зрѣлищъ!" и всѣ ученія, всѣ утопіи, всѣ по-

ступки и мысли, родственные этому принципу. Отъ всего этого далекъ интеллигентъ, живущій языкомъ, живущій перомъ, механически работающій во тьмѣ фабрикъ и заводовъ, или прозябающій въ тюрьмахъ, которыя зовутся городами.

Но всего этого мало; надо обладать собственностью, все равно, будетъ ли этотъ клочокъ земли плодомъ своихъ трудовъ, или плодомъ трудовъ предковъ. Собственность—великій двигатель прогресса. Собственность—залогъ культурныхъ пріобрѣтеній и поступательнаго хода цивилизаціи. Собственность—основа государственности, законности, порядка. Собственность—носитель и хранитель здраваго смысла. Собственность стоитъ на стражѣ правды жизни. Собственникъ — природный и естественный врагъ аферы, шантажа, легкой наживы и всякихъ рискованныхъ и дутыхъ предпріятій. Собственникъ, это—трезвый, практичный, здравомыслящій, трудолюбивый и предпріимчивый реалистъ въ противоположность интеллигентнымъ мечтателямъ, вся собственность которыхъ заключается въ большой шевелюрѣ на головѣ,—если только можно назвать головой тотъ органъ, который болтается на плечахъ интеллигентовъ. Все это такъ просто и ясно, что, мнѣ кажется, должно быть доступнымъ пониманію даже дѣтей, и только диву даешься, почему всѣ интеллигенты изъ породы мечтательныхъ поэтовъ сочиняютъ стихи въ честь любви, свободы, рыцарской доблести, пролетарскихъ подвиговъ и тому-подобныхъ глупостей, а никто не додумался воспѣть въ стихахъ собственность,—этотъ истинный даръ Божій, несущій міру столько реальныхъ благъ! Удастся ли мнѣ моимъ слабымъ перомъ вернуть собственности заслуженный ею престижъ? Удастся ли мнѣ моя главная цѣль: вернуть людей къ Богу, къ природѣ, къ простой жизненной правдѣ, къ житейскому здравому смыслу? Я далекъ отъ мысли, подобно Толстому, отрицать пріобрѣтенія культуры и цивилизаціи и мечтать о возвратѣ людей въ первобытное состояніе. Ученіе Толстого перефразъ ученія соціализма, анархизма, демократизма, которые, по существу, представляютъ реакціонное теченіе, какъ возвратъ къ первобытнымъ временамъ коллективизма, когда индивидуальности, личной и народной, не было мѣста. Моя мечта вернуть людей не къ первобытной, а къ реальной жизни, отвлечь отъ дьявола и вернуть къ Богу,—другими словами, указать, что современность состоитъ изъ однихъ только дьявольскихъ ученій, безжизненныхъ утопій, изъ красивыхъ, но безпочвенныхъ, изъ величественныхъ, но ложныхъ и вредныхъ идеаловъ.

И если Царской властью было оказано довѣріе, то только здравому смыслу земца-собственника. И въ основѣ земскаго самоуправленія всегда будетъ лежать принципъ культурнаго собственника-землевладѣльца — крупнаго и мелкаго. Вотъ этого принципа ни одна истинно-народная власть не коснется, на этотъ принципъ не посягнетъ ни одинъ здравомыслящій человѣкъ, ни одинъ патріотъ, сознательно преданный реальнымъ интересамъ народа. Реформа означаетъ коренное измѣненіе принципа. О какой же реформѣ земскаго самоуправленія можетъ итти

рѣчь, когда въ основу его положенъ истинный и правдивый принципъ? Другими словами,—чего хотятъ отъ земства демократы и, вообще, интеллигенты, о какой реформѣ они мечтаютъ?

Если рѣчь идетъ о расширеніи источниковъ земской доходности и земскаго обложенія,—другими словами, объ увеличеніи земскихъ средствъ, то вѣдь, это не реформа. Увеличатся реальныя земскія потребности, увеличатся и средства. Но средства можно увеличивать до безконечности и безъ толку, если они тратятся непроизводительно на всякія эфемерныя предпріятія. Что толку отъ земскаго достатка, если онъ идетъ на ростъ управскихъ зданій, если растутъ только тучи секретарей, завѣдывающихъ, бухгалтеровъ, статистиковъ, счетоводовъ, дѣлопроизводителей, машинистовъ и машинистокъ, писцовъ и писцихъ, если средства идутъ не на реальныя нужды деревни, а на всякія дутыя предпріятія, которыя кормятъ только цѣлыя арміи никуда негоднаго, къ реальному труду неприспособленнаго, тунеядческаго интеллигентнаго элемента, подъ замысловатой кличкой: „третьяго элемента". И прежде, чѣмъ перейти къ увеличенію земскихъ доходовъ, надо приступить къ уменьшенію земскихъ расходовъ, къ ликвидаціи дутыхъ, вредныхъ для деревни предпріятій, къ сокращенію штата интеллигентскаго элемента, воспитаннаго на традиціи римскаго пролетаріата: „хлѣба и зрѣлищъ!" Послѣ такой операціи, во многихъ земствахъ, быть можетъ, окажется даже избытокъ средствъ. Такъ или иначе увеличеніе земскихъ средствъ — не реформа, это — вопросъ довѣрія, которое необходимо заслужить. Учрежденіемъ земства было оказано довѣріе, и постепенный, естественный ростъ этого довѣрія, выражающійся, между прочимъ, въ расширеніи источниковъ земскихъ доходовъ, отнюдь не представляетъ, само собой разумѣется, какой-либо реформы,—а самое естественное явленіе, въ естественныхъ, реальныхъ условіяхъ земской дѣятельности.

Несомнѣнно, устарѣло и отжило свое время господство въ земствѣ дворянскаго элемента,—какъ потому, что съ ликвидаціей дворянскаго землевладѣнія значительно сократился дворянскій элементъ, такъ и потому, что выросъ цѣлый классъ землевладѣльцевъ изъ другихъ сословій. Вѣдь, ко времени учрежденія земства, дворянинъ-помѣщикъ былъ единственнымъ культурнымъ собственникомъ въ губерніи, и, естественно, онъ одинъ отвѣчалъ принципу учрежденія земства, онъ одинъ заслуживалъ высокаго царскаго довѣрія. Но если ряды дворянъ-собственниковъ порѣдѣли и, вообще, если появились ряды новыхъ культурныхъ землевладѣльцевъ,—то, само собой, напрашивается привлечь и послѣднихъ къ земскому хозяйству. Тутъ и намека на реформу не будетъ,—тутъ будетъ только неизбѣжное и логичное развитіе принципа, на которомъ покоится учрежденіе земства. Вѣдь, культурный собственникъ, связанный старинными традиціями съ мѣстностью, заслуживаетъ довѣрія, къ какому бы сословію онъ ни принадлежалъ. Требуется лишь извѣстная продолжительность владѣнія землей въ губерніи. Словомъ,—то, что назрѣло, что составляетъ реальную потребность и находится въ строгомъ согласіи съ

принципомъ земства, то отнюдь не представляетъ реформы, хотя — рано ли, поздно ли—обязательно будетъ введено въ жизнь.

Или, быть можетъ, видѣть реформу въ усиленіи крестьянскаго элемента въ земскомъ самоуправленіи, притомъ, въ интересахъ справедливости, требовать участія крестьянъ въ относительномъ размѣрѣ площади земли, которой они владѣютъ? Справедливость—справедливостью, но справедливость,—какъ общее положеніе,—не подкрѣпленная правдой жизни, не подсказанная здравымъ смысломъ, можетъ оказаться вопіющей несправедливостью и крайне вредной въ интересахъ тѣхъ, за которыхъ она ратуетъ. Прежде всего, упомянутое требованіе—вотумъ недовѣрія къ дворянству, которое вынесло на плечахъ своихъ всю тяжесть созданія и развитія земскихъ учрежденій. Принято гордиться русскимъ земствомъ, принято ставить его въ примѣръ западно-европейскимъ учрежденіямъ, а, между тѣмъ, честь созданія современнаго земства принадлежитъ именно дворянству,—тѣмъ зубрамъ, которыхъ теперь всячески поносятъ и клеймятъ. И дворянамъ, которые вложили въ земство массу труда, энергіи, свою преданность крестьянству и народу,—порой всю жизнь, весь свой досугъ, всѣ свои средства отдавали земскому дѣлу,—этимъ дворянамъ-помѣщикамъ отказываютъ въ довѣріи—невѣдомые, откуда-то вынырнувшіе благодѣтели крестьянства, имѣющіе наглость утверждать, что дворяне служатъ только интересамъ дворянъ. Эта клевета, которой противорѣчитъ все прошлое и настоящее земства, создаетъ, однако, клеветникамъ реноме друзей и благодѣтелей крестьянства, даетъ имъ популярность и всѣ блага, проистекающія отъ послѣдней. Такъ всегда бываетъ въ жизни; къ простотѣ и довѣрчивости легко втереться въ дружбу, стóитъ только поносить кого-либо, всякія на него небылицы возводить, въ козняхъ обвинять. Этимъ свойствомъ простодушнаго обывателя пользуются хитрые и неразборчивые въ средствахъ люди и—увы!—всегда и навѣрняка достигаютъ своей цѣли. Много въ мірѣ воронъ, немало въ немъ и лисицъ.

Но, вѣдь, дѣятельность земства—чисто-культурная, его назначеніе—удовлетворять реальныя и, главнымъ образомъ, культурныя нужды деревни. Ясно, что въ первую голову земскій дѣятель долженъ быть культурнымъ человѣкомъ. Такъ развѣ можно даже заикаться о какой-либо культурности крестьянина, о какой-либо доступности его сознанію реальныхъ, культурныхъ потребностей деревни. Или, быть можетъ, считать культурными крестьянами всѣхъ этихъ интеллигентовъ, вродѣ Кондурушкина, Аникина и другихъ, оторванныхъ отъ земли, ничего общаго не имѣющихъ съ трудовой жизнью мѣстнаго крестьянина и у которыхъ отъ всего крестьянства осталась только отмѣтка въ паспортѣ, въ рубрикѣ сословія: „крестьянинъ“,—подобно тому, какъ у допившагося до Хитрова рынка аристократа отъ всего былого остался одинъ княжескій титулъ. И на своемъ званіи крестьянина эти интеллигенты стремятся отыграться, какъ, порою, обѣднѣвшій князь стремится отыграться на своемъ княжескомъ титулѣ путемъ всевозможныхъ сдѣлокъ и комбинацій.

Ясно, что для городского интеллигента изъ крестьянъ возможность пристроиться къ земскому хозяйству представляетъ весьма выгодную комбинацію, суля и популярность, и почетъ, и широкую арену „интеллигентной“ дѣятельности, не говоря уже о матеріальныхъ приманкахъ. Внѣ сомнѣнія, что на почвѣ крестьянской безсознательности, подъ флагомъ крестьянскихъ выборовъ, въ крестьянское земство попадутъ одни только вышеупомянутые горе-крестьяне, торгующіе своимъ крестьянскимъ званіемъ, подобно тому, какъ нѣкоторые опустившіеся графы и бароны торгуютъ своими титулами. Впрочемъ, это положеніе блестяще подтвердилось на опытѣ, при выборахъ въ Первую Государственную Думу, когда Виттовская ставка на здравый смыслъ мужика потерпѣла полный крахъ, и въ Думу, подъ флагомъ крестьянъ, проникъ одинъ только интеллигентный сбродъ. Проникъ этотъ сбродъ въ Думу подъ обычнымъ демократическимъ соусомъ: на почвѣ шантажныхъ обѣщаній чужого добра, съ лозунгомъ земли для крестьянъ и тому-подобными заманчивыми посулами. Все это — на манеръ безплатнаго страхованія имущества или дарового проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ. Все это разсчитано на простодушіе, довѣрчивость и жадность обывателя, подобно извѣстному промыслу аферистовъ-подкидчиковъ. И на почвѣ такихъ посуловъ проникнетъ сплошной горе-крестьянинъ въ земство и будетъ проявлять кипучую дѣятельность, но не реально-культурную, а именно интеллигентную, т.-е. будетъ устраивать тезяковскіе питательные пункты, будетъ кормить всѣхъ пьяницъ и деревенскихъ нищихъ, будетъ снабжать деревню книжками, назначеніе которыхъ— будить сознательность, ту сознательность, которую такъ отмѣнно когда-то проявилъ римскій пролетаріатъ, до хрипоты кричавшій: „хлѣба и зрѣлищъ!“ и т. п.,—будетъ, словомъ, всячески развращать и губить деревню.

Но есть, вѣдь, еще одно необходимое и существенное условіе для участія въ земскомъ хозяйствѣ, это—земельная собственность болѣе или менѣе давняго происхожденія. Во всѣхъ конституціонныхъ странахъ крестьянинъ-собственникъ является оплотомъ государственности, олицетвореніемъ здраваго смысла и хранителемъ жизненной правды. Во многихъ странахъ парламентаризмъ давно бы потерпѣлъ крахъ, если бы крестьянство не прикрывало его гнилое содержаніе и мишурную внѣшность. Казалось бы, что этому условію вполнѣ удовлетворяетъ и русскій крестьянинъ-собственникъ. И это „казалось бы“ ввело въ заблужденіе графа Витте и принесло крахъ его выборной системѣ, которая, въ подражаніе западноевропейскимъ образцамъ, базировалась на здравомъ смыслѣ и сознательности крестьянина. Здраваго смысла и въ поминѣ не оказалось, а сознательности оказалось уйма,—но той преступной, знакомой намъ уже изъ предыдущаго, сознательности, которую легко привить даже ребенку, которая существовала еще на зарѣ цивилизаціи и нашла себѣ весьма образное изображеніе въ крикѣ римскаго пролетаріата: „хлѣба и зрѣлищъ!“ Это—та сознательность, которая имѣется у каждаго „сознательнаго“ рабочаго, какъ весьма туманно,

льстиво и лаконически выражаются соціалъ-демократы. Все это оказалось неожиданнымъ и непонятнымъ для такого лже-пророка, какъ Витте, но зато оказалось яснымъ и понятнымъ для истиннаго русскаго пророка—Столыпина, который своимъ яснымъ пророческимъ взоромъ постигъ, что все зло—въ русской общинѣ. Собственникомъ является не крестьянинъ, а отвлеченное, расплывчатое понятіе—община. Нѣтъ у крестьянина-общинника существа, основы для собственности, именно нѣтъ у него сознанія, что онъ—собственникъ, что онъ въ правѣ, по своему желанію, распоряжаться тѣмъ, что ему яко-бы принадлежитъ. Нѣтъ у него этого сознанія, и нѣтъ у него ни энергіи, ни предпріимчивости собственника. Нѣтъ у него сознанія, что собственность только плодъ трудовъ, что она покоится на трудолюбіи, предпріимчивости, знаніяхъ, способностяхъ; вѣдь, онъ все время чувствуетъ себя подъ опекой; въ свое время опекалъ его помѣщикъ, теперь опекаетъ община, опекаетъ земство,—въ случаѣ надобности, будутъ его кормить, устраивать ему питательные пункты, по мановенію дирижорской и магической палочки господъ Тезяковыхъ; будутъ ему рыть колодцы, устраивать дороги; придумаютъ для него всякія развлеченія, митинги, рѣчи, чтенія, концерты, выставки и т. п. Словомъ, хошь—работай, а не хошь—ложись подъ деревомъ и лежи, и будутъ тебѣ въ ротъ летѣть галушки. Нѣтъ поэтому у общинника уваженія къ труду, къ трезвой, трудовой жизни; нѣтъ у него уваженія къ собственности, какъ къ дару Божьему, основанному на божественномъ изреченіи: „въ потѣ лица своего будешь ты добывать свой хлѣбъ!" Нѣтъ у него сознанія, что собственность надо уважать, беречь и хранить. Само собой разумѣется, что не можетъ быть у него сознанія, что государственность, законъ, судъ,—словомъ, всѣ государственыя учрежденія служатъ для охраны собственности, для охраны правъ и свободной безопасной дѣятельности собственника, для охраны труда, жизни и здоровья обывателя, для простора личной иниціативѣ, энергіи, талантамъ. Откуда же можетъ быть у него уваженіе къ государственности, къ закону, ко всѣмъ основамъ государственной и общественной жизни? Откуда же можетъ быть у него здравый смыслъ, разсудительность, осмысленность и осторожность собственника? Онъ такъ же далекъ отъ реальной, жизненной правды, отъ пониманія реальныхъ нуждъ и потребностей, какъ и „сознательный" распропагандированный рабочій и безшабашный владѣлецъ тѣхъ обширныхъ маіоратныхъ богатствъ, которыя заключаются только въ богатой растительности на головѣ и которыя даютъ его обладателю званіе интеллигента. Вотъ почему крестьянинъ-общинникъ неожиданно оказался не стражемъ, а палачомъ государственности и всѣхъ нормальныхъ устоевъ жизни, вотъ почему у него, къ величайшему удивленію Витте, не оказалось даже уваженія къ чужой собственности, что поставило русскаго крестьянина на одну доску со всѣми экспропріаторами, аферистами, шантажистами,—словомъ, со всѣми общественными подонками изъ безпартійно-прогрессивной, трудовой и соціалъ-демократической партій. Потому что уваженіе къ чужой собственно-

сти можетъ быть только у собственника и у человѣка, который дорожитъ трудомъ и цѣнитъ трудъ.

Въ общинѣ крестьянинъ не чувствуетъ себя собственникомъ, и у него не оказалось ни одного изъ тѣхъ достоинствъ, которыя такъ характерны для западно-европейскаго крестьянина-собственника. Въ общинѣ крестьянинъ оказался лишеннымъ какого-либо общественнаго сознанія; ему не только были чужды общественныя культурныя нужды, но онъ за понюшку табаку, а тѣмъ болѣе—за чарку водки способенъ былъ продать все общество, подписать любой приговоръ, любую резолюцію. Поэтому такъ велика реформа Столыпина, такъ благодѣтельно его стремленіе раскрѣпостить общину и крестьянство; рано ли, поздно ли—плоды этой реформы скажутся и внесутъ огромную и благодѣтельную перемѣну въ психику и сознаніе крестьянства. Пока этого нѣтъ, нельзя вводить крестьянство въ земское хозяйство, потому что, на почвѣ крестьянской безсознательности, подъ видомъ крестьянъ, ворвется въ земство необузданная и безшабашная ватага лже-крестьянъ, горе-крестьянъ, сирѣчь—интеллигентовъ, и подъ тяжелыми ударами этихъ современныхъ вандаловъ рухнетъ величественное зданіе земской Россіи, предано будетъ огню и мечу, будетъ расхищено и разсѣяно по вѣтру все духовное богатство народа, скопленное вѣковыми трудами длиннаго ряда поколѣній.

И даже тогда, когда крестьянинъ превратится въ культурнаго собственника, со всѣми здоровыми задатками собственника, когда наступитъ время и возможность ввѣрить ему земское хозяйство, и даже тогда, когда, постепенно вытѣсняя другіе элементы, крестьянство цѣликомъ войдетъ въ земство,—никакой реформы земской не получится. Вѣдь, въ основѣ земства останется тотъ же культурный собственникъ. Мало того: и физіономія, и дѣятельность земства не потерпятъ ни малѣйшаго измѣненія. Въ земскихъ собраніяхъ будутъ сидѣть тѣ же 30—40—50 мѣстныхъ культурныхъ землевладѣльцевъ и будутъ рѣшать дѣла съ точки зрѣнія мѣстныхъ культурныхъ нуждъ. Вся ихъ дѣятельность сведется къ тому же удовлетворенію реальныхъ нуждъ деревни; будутъ строить больницы, школы, проводить дороги и т. п. Конечно, къ тому времени могутъ назрѣть свои реальныя нужды; эти нужды могутъ мѣняться сообразно мѣстнымъ условіямъ; но суть отъ этого не измѣнится. Такая разнообразная, по мѣстнымъ условіямъ, дѣятельность земствъ имѣется и теперь, нисколько не разъединяя ихъ, нисколько не возвеличивая одно земство передъ другимъ. И въ крестьянскомъ земствѣ Собраніе будетъ хозяиномъ, Управа—довѣреннымъ учрежденіемъ, которому будетъ подчиняться служилый элементъ. И понятно,—вѣдь, въ земскомъ собраніи нѣтъ дворянъ или крестьянъ, а есть только гласные, культурные мѣстные люди, которымъ дороги интересы мѣстнаго населенія и дороги съ точки зрѣнія мѣстныхъ и государственныхъ нуждъ. Вся суть не въ сословіяхъ, не въ системѣ выборовъ, не въ кличкахъ, а только въ личностяхъ, въ принципѣ. Разъ принципъ правильный, и пока онъ остается неизмѣннымъ, личность земца не терпитъ никакихъ измѣненій, и никакой реформы

не будетъ. Конечно, великая Столыпинская реформа создастъ со временемъ въ деревнѣ кадры культурныхъ крестьянъ-собственниковъ, и тогда наступитъ эра волостного земства, мелкой земской единицы. Часть функцій губернскаго и уѣзднаго земствъ перейдетъ къ волостному земству; возможно, что значительно сократится и съузится ихъ дѣятельность, но личность земца, физіономія земства, земская дѣятельность никакихъ измѣненій не потерпятъ.

Усиленіе крестьянскаго элемента въ земствѣ наши интеллигенты зовутъ „демократизаціей" земства, а крестьянское земство зовутъ „демократическимъ" земствомъ. Какія громкія, красивыя, но безсодержательныя словечки! Боже, сколько такихъ громкихъ, безсодержательныхъ словечекъ въ обращеніи и какъ ими на каждомъ шагу злоупотребляютъ! Сколько мы уже расшифровали красивыхъ словъ, и каждый разъ имѣли поводъ убѣдиться въ пустотѣ и гнили ихъ содержанія. Какъ бы мнѣ хотѣлось убѣдить всѣхъ въ безсодержательности словъ: „прогрессъ", „демократизмъ". Я не могу не воспользоваться представившимся случаемъ и не сдѣлать еще одну попытку въ этомъ направленіи. Нельзя же подъ „демократизаціей учрежденія" понимать введеніе въ него низшихъ, некультурныхъ элементовъ населенія, иначе пришлось бы признать „демократическими" учрежденіями и ярмарочные балаганы, и простонародныя бани и тому-подобныя учрежденія. Если же подъ „демократическимъ учрежденіемъ" понимать: истинно-народное учрежденіе,—то всѣ учрежденія, созданныя народомъ, несомнѣнно, демократическія: и государственный Совѣтъ, и Сенатъ, и университеты, и современное земство и т. п. Очевидно, подъ „демократизаціей" надо понимать нѣчто другое, именно: облагораживаніе учрежденія, пропитываніе его идеалами демократизма. А демократизмъ—то же, что любовь къ народу, стремленіе дать народу всѣ блага свободы, равенства и братства.

Несомнѣнно, идеальное учрежденіе именно то, которое всецѣло воодушевлено желаніемъ принести пользу народу, работать исключительно въ интересахъ народа. Вотъ все, что требуется отъ каждаго учрежденія. Но для такого учрежденія совсѣмъ не требуются какіе-либо клички, титулы, не требуется даже титулъ: „демократическое". Еще болѣе странно, почему только одни крестьяне способны работать на пользу народа, почему только они преданы народу? Очевидно, для „демократизаціи" учрежденія, по понятіямъ интеллигентовъ, мало одного искренняго желанія работать на пользу и въ интересахъ народа,—требуется нѣчто другое. Очевидно, требуется, чтобы оно работало не по своему уму-разуму, а по указкѣ тѣхъ, которые называютъ себя демократами,—другими словами, по демократической программѣ, т.-е. говорили бы рѣчи, превращали бы учрежденіе въ сплошной митингъ, путемъ съѣздовъ, собраній, лекцій, безпрерывно бы склоняли по всѣмъ падежамъ свободу, равенство и братство, изумляли бы міръ разными новинками въ области демократическихъ идеаловъ; не переставая, давали обѣщанія чужого добра и безустали развлекали бы публику даровыми обѣдами, вы-

ставками, цвѣточными сборами и тому-подобной стрѣльбой по воробьямъ изъ пушекъ. Словомъ, „демократизація“ означаетъ внесеніе того насилія, о которомъ я выше говорилъ, и которое зовется демократизмомъ, являясь полнѣйшимъ отрицаніемъ истинной свободы, истиннаго братства, истиннаго равенства. Насиліе, самое грубое, самое варварское насиліе и есть основа демократизма, все равно, проявляется ли оно въ метаніи бомбъ, въ забастовкѣ, въ лекціи или въ цвѣточномъ сборѣ. Вѣдь, земство работаетъ полъ-вѣка, работаетъ не за страхъ, а за совѣсть, принесло громадную пользу населенію, и гдѣ нужно, гдѣ это умѣстно, гдѣ, словомъ, мѣсто не тактикѣ партіи, а святой правдѣ,—тамъ сами демократы признаютъ заслуги земства, называютъ его гордостью Россіи. Но грубый варварскій вандализмъ, деспотизмъ такъ присущи демократизму, что онъ готовъ рушить любое учрежденіе, какъ бы оно ни было полезно, готовъ уничтожить все, что создано руками поколѣній и тысячелѣтій,—лишь бы подогнать все подъ свою демократическую программу, которая составляетъ созданіе болѣзненной фантазіи, ничего общаго не имѣющее съ жизнью.

Демократизація, въ переводѣ на обыкновенный языкъ, означаетъ подчиненіе всего и всѣхъ демократической программѣ, азбукѣ демократическихъ идеаловъ,—другими словами, требованіе признать непогрѣшимость демократизма, вѣрнѣе, непогрѣшимость демократической маніи. Демократизація—самое грубое насиліе, полное неуваженіе къ чужому мнѣнію, къ чужому „я“. Демократизмъ—сплошное буквоѣдство, преступная тираннія, омерзительный деспотизмъ, полное отрицаніе правды жизни, глумленіе надъ здравымъ смысломъ, презрѣніе къ истинной свободѣ. И всѣ эти прелести свойственны не только демократизму, но всему тому, что̀ присвоило себѣ произвольно ту или иную модную кличку, что̀ на своемъ знамени ставитъ громкіе девизы и лозунги и во-всю афишируетъ самыми величественными идеалами. А развѣ іезуитство, насилуя душу, пытая тѣло, ведя на эшафотъ тысячи ни въ чемъ неповинныхъ людей, не несло на своемъ знамени идеи любви и милосердія, не называло себя слугами Христа? А развѣ званіе члена-благотворителя говоритъ объ истинной добротѣ души, или званіе сестры милосердія объ истинномъ милосердіи? Но если членъ-благотворитель и сестра милосердія могутъ быть, дѣйствительно, добрыми и жалостливыми, то несомнѣнно, что тотъ, кто, въ погонѣ за кличками, присваиваетъ себѣ произвольно кличку демократа, или преемника Христа, который самъ себя называетъ другомъ народа или хранителемъ любви и т. п., не обладаетъ ни атомомъ любви къ народу и какой бы то ни было любви. Это—сплошной насильникъ, потому что тѣ или иные идеалы не воплощены въ его личности, не составляютъ части его души, а олицетворяются въ той или иной программѣ, въ томъ или иномъ уставѣ. И, фанатично слѣдуя буквѣ своей программы, устава, кодекса, такой фанатикъ-буквоѣдъ будетъ пытками, казнями, бомбами, экспропріаціями вгонять въ міръ любовь, милосердіе, свободу, или что-нибудь другое въ этомъ родѣ, смотря по тому, что̀ написано на его знамени, изъ какихъ буквъ состоитъ его девизъ.

Или почему это другъ народа только тотъ, кто зоветъ себя другомъ народа,—другими словами, демократомъ? Наоборотъ, всякому здравомыслящему человѣку афишированіе своего демократизма будетъ казаться весьма и весьма подозрительнымъ. Но пусть тотъ, кто зоветъ себя демократомъ, дѣйствительно,—другъ народа, искренне желаетъ ему всѣхъ благъ. Такъ почему же только тотъ другъ, кто признаетъ демократическую программу, кто причисляетъ себя къ демократической партіи? Почему только парламентъ, со всѣми его демократическими цѣнностями, принесетъ пользу, почему только тотъ другъ народа, кто стоитъ за парламентъ, признаетъ непогрѣшимость парламента? Развѣ это не на высотѣ папской непогрѣшимости, которой мѣрили вѣру въ Бога, любовь, милосердіе и другія христіанскія добродѣтели? Развѣ только та мать любитъ, предана своему ребенку, которая поступаетъ по какимъ-то программамъ материнской любви? И какъ для материнской любви, такъ и для демократизма нѣтъ и не можетъ быть программъ, лозунговъ, идеаловъ. Любящая мать просто, безъ афишированія приноситъ себя въ жертву своему ребенку. Точно также каждый патріотъ, каждый истинный демократъ просто, безъ кличекъ работаетъ на пользу народа. Онъ не нуждается въ патентѣ народолюбца. Есть одно святое чувство, которое до сихъ поръ оставалось непатентованнымъ. Это—материнская любовь. Все остальное—патентовано. Есть патентованная благотворительность, патентованное религіозное чувство, патентованное народолюбіе, подъ фирмой „демократизмъ“. Для патентованной религіозности есть крылатое и мѣткое словечко: „ханжество“. Демократизмъ—тоже ханжество, каждый демократъ—самый пошлый, типичный Тартюфъ. И истинно-демократическое сердце можетъ биться подъ царственной грудью, истинный демократъ можетъ сидѣть на креслѣ министра, сенатора, губернатора, судьи, полицеймейстера, исправника; подъ кокардой любого чиновника, любого полицейскаго чина, можно быть демократомъ; истинный демократъ можетъ сидѣть и на скамьѣ праваго депутата, и за прилавкомъ купца-стародумца, и въ хоромахъ титулованнаго дворянина и праваго земца, и въ роскошной квартирѣ именитаго купца, промышленника, фабриканта,—только не изъ породы князей Долгоруковыхъ и купцовъ Шаховыхъ. Все равно, какъ можно быть добрымъ человѣкомъ и творить добро, не записываясь членомъ-благотворителемъ какого-либо общества. И меньше всего можно ожидать истинной любви къ народу у патентованныхъ демократовъ,—у тѣхъ, что сами себя называютъ демократами, причисляютъ себя къ какой-либо лѣвой демократической партіи. И истинное демократическое сердце бьется подъ грудью того судьи, который присуждаетъ патентованнаго демократа, лже-демократа,—попросту говоря, супостата,—къ тюрьмѣ, къ висѣлицѣ. Истинно-демократическое сердце бьется въ груди того жандарма, который врывается въ квартиру демократа-бомбиста, забастовщика или просто газетчика и тащитъ его въ тюрьму. Истинно-демократическое сердце можетъ биться и въ груди того палача, которому предстоитъ тяжелая участь вздернуть на висѣлицу демократа-супостата. А развѣ Иванъ Сусанинъ не былъ па-

лачомъ для тѣхъ супостатовъ, которыхъ онъ, по своему разумѣнію и по силѣ своей возможности, казнилъ казнью лютой? И полнымъ выздоровленіемъ отъ демократической маніи можно будетъ считать то время, когда казнь каждаго патентованнаго демократа (конечно, въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ закономъ) будетъ считаться патріотическимъ подвигомъ, если только демократизмъ нашихъ „демократовъ“ будетъ по закону караться казнью, какъ карается измѣна родинѣ и т. п. Потому что демократъ, это—современный ляхъ-супостатъ, отравляющій народную душу, подрывающійся подъ все зданіе государственнаго строя, подъ всѣ основы народной жизни. Вѣдь, секретъ патентованнаго, самозваннаго,—другими словами, „великаго и благороднаго“ демократизма очень простъ. Демократическое земство, демократическое государство, вообще всякое демократическое учрежденіе, это—учрежденіе, которое кормитъ интеллигентовъ, доставляетъ имъ работу по душѣ, т.-е. работу легкую, забавную, пріятную и хорошо оплачиваемую; которое даетъ имъ наравнѣ съ болонкой Жужу возможность жить въ праздномъ довольствѣ и, кромѣ того, въ праздномъ угарѣ современныхъ рыцарскихъ турнировъ: митинговъ, лекцій, съѣздовъ, парламентскихъ дней, цвѣточныхъ сборовъ, лотерей-аллегри, и т.-подобныхъ развлеченій,—пріобрѣтать славу, почетъ, популярность, богатство и власть. „Демократизировать учрежденіе“—значитъ: дать полный просторъ безцѣльнымъ донъ-кихотскимъ предпріятіямъ и широко открыть двери бездарностямъ и ничтожествамъ изъ породы интеллигентовъ. Вотъ дословный переводъ этого эфектнаго слова. Въ другомъ мѣстѣ мнѣ придется полнѣе и шире освѣтить весь ужасный смыслъ слова: „демократизація“ и одноименныхъ съ нимъ выраженій: „прогрессъ“, „общественность“, „общественныя начала“ и т. п.

Или что сказать о красивомъ словечкѣ: „прогрессъ“ и о миломъ и симпатичномъ: „прогрессистѣ?“ Кто не знаетъ этого словечка: „прогрессъ,“ кто его не употребляетъ? Но кто его понимаетъ? А, между тѣмъ, каждый увѣренъ, что это такъ просто, такъ понятно: впередъ и впередъ, какъ можно скорѣе, какъ можно быстрѣе, не оглядываясь по сторонамъ, а въ особенности назадъ. Не мѣшалобы, однако, каждому прогрессисту обратиться къ простому здравому народному смыслу, который много мудрыхъ поговорокъ придумалъ. Въ любой народной поговоркѣ больше мудрости, чѣмъ во всѣхъ сочиненіяхъ Маркса, Толстого, Бернштейна и во всѣхъ прогрессивныхъ головахъ. Эта одна изъ мудрѣйшихъ поговорокъ народныхъ гласитъ: „тише ѣдешь, дальше будешь.“ Она спеціально для прогресса и прогрессистовъ сложена народомъ. Даже, когда ѣдешь по протоптанной и извѣстной тебѣ дорогѣ, не всегда разумно ѣхать, сломя голову; можно бѣшеной ѣздой сломать ось, потерять колеса, и попадешь домой на нѣсколько часовъ позже. Но эта мудрая народная поговорка имѣетъ въ виду тотъ случай, когда приходится ѣхать по совершенно незнакомой дорогѣ, когда рискуешь каждую минуту попасть то въ ухабъ, то на прогнившій мостикъ, то въ оврагъ. Но, въ особенности, эту поговорку надо зарубить себѣ на носу всѣмъ прогрессистамъ, которые взяли на себя роль народныхъ лоцма-

новъ, народныхъ проводниковъ по народному пути,— по тому пути, который не только никому не знакомъ, но который совершенно не проѣзженъ, который представляетъ одну безбрежную степь, покрытую сплошной травой, или одинъ сплошной дремучій лѣсъ. Ни дороги, ни даже тропочки, ни малѣйшаго указанія на то направленіе, котораго надо держаться. Есть такой народный компасъ; онъ зовется даромъ пророчества, даромъ государственнаго дѣятеля. Но такой компасъ представляетъ даръ Божій и составляетъ удѣлъ немногихъ. Вотъ и скачи по такой степи, сломя голову и все впередъ! И будешь попадать въ трясины, въ болота, къ бурнымъ потокамъ, отвѣснымъ скаламъ; и будешь вязнуть въ грязи, тонуть въ водѣ, скатываться со скалъ. Едва ли сохранишь жизнь при такихъ условіяхъ, и, въ лучшемъ случаѣ, израненный, изломанный, еле живой куда-нибудь доберешься,—но не къ мѣсту назначенія, а къ чорту на кулички. Мало того,—окажется, что ты шелъ не впередъ, а все время, какъ ракъ, двигался назадъ, и думая, что ты прогрессистъ, ты на самомъ дѣлѣ былъ истиннымъ реакціонеромъ. Вѣдь, компаса нѣтъ, и кому же вѣдомо, въ какую сторону надо итти, чобы двигаться впередъ. И считая демократизмъ и парламентъ послѣднимъ крикомъ прогресса, нашъ прогрессистъ и не подозрѣваетъ, что демократизмъ—самое реакціонное теченіе, что оно существовало на зарѣ жизни, что оно только носило разныя клички: римскій пролетаріатъ, рыцарство, іезуитство и т. п. Онъ не подозрѣваетъ, что парламентъ—возвратъ къ первобытнымъ временамъ коллéктивизма, что это—только забавная игра для дѣтскаго возраста.

Ясно, что, идя по народному пути впередъ, приходится итти ощупью, медленно, всемѣрно памятуя поговорку: „тише ѣдешь, дальше будешь.“ Надо зачастую останавливаться и подолгу соображать, идешь ли по вѣрному пути, дѣйствительно ли то, что тебѣ кажется прогрессомъ, есть прогрессъ. Если по дорогѣ встрѣтится препятствіе, будь то бурный потокъ или топкое болото, или отвѣсная скала, надо останавливаться, обдумать положеніе, и вмѣсто того, чтобы по чьимъ-то программамъ безумно двигаться впередъ и безцѣльно сложить свою буйную головушку, надо обойти это препятствіе стороной, хотя бы на это обходное движеніе пришлось потратить тысячелѣтія и вѣка народной жизни. Надо слушаться при этомъ людей съ компасомъ, съ особымъ даромъ Божьимъ; отнюдь не надо слушаться тѣхъ, которые болтаютъ зря и только потому, что у нихъ языки чешутся. Богъ даетъ свои подарки только избраннымъ, и людей съ компасомъ, Столыпиныхъ, единицы; а Милюковыхъ, Шингаревыхъ, Толстыхъ, Петровыхъ—милліоны, милліарды. Раскрѣпощеніемъ общины обходится большое препятствіе на пути къ поступательному движенію русскаго народа; на обходъ придется потратить, быть можетъ, вѣка народной жизни, но зато оно выведетъ народъ на вѣрный путь. Мой совѣтъ,—совѣтъ искренній, задушевный,—тебѣ, русскій обыватель: ищи человѣка съ компасомъ. А если не умѣешь находить, то занимайся своимъ дѣломъ, а не ходи къ избирательной урнѣ, близко не подходи къ парламенту, не выходи на улицу для

сбора, одѣтый какъ шутъ гороховый, и гони отъ себя всѣхъ шутовъ гороховыхъ, за 5 верстъ обходи лектора народнаго университета, популярнаго общественнаго дѣятеля, газетчика и всякаго интеллигента. А самое лучшее: одѣнь имъ на голову дурацкіе колпаки, напяль на нихъ горячечныя рубашки и лечи ихъ холодными душами. Это—больные люди.

И, идя по народному пути, не разъ приходится убѣждаться, что народъ взялъ невѣрное направленіе, что послушался онъ безумцевъ изъ породы интеллигентовъ, и попалъ вмѣсто прогресса или въ тупикъ или къ чорту на кулички. Въ самомъ дѣлѣ: вѣдь, недостаточно называть себя прогрессистомъ,—надо ясно отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что́ такое про́грессъ; мало того, надо осторожно, вдумчиво разбираться въ вопросѣ, что составляетъ прогрессъ для даннаго народа, въ данный моментъ, при данныхъ историческихъ обстоятельствахъ и т. п. И, убѣдившись въ томъ, что ты попалъ на невѣрный путь, надо безъ колебаній пойти назадъ. Надо помнить, что: „тише ѣдешь, дальше будешь". И, вернувшись назадъ, попавъ на вѣрную дорогу, вѣрнѣе и скорѣе достигнешь цѣли, чѣмъ если упрямо будешь итти все впередъ и впередъ. Убѣдись же, русскій народъ, что, вступивъ на путь парламентаризма, ты вступилъ на ложный путь. Отбрось же ложный стыдъ и вернись назадъ; вѣдь, не кто иной, какъ русскій же народъ сказалъ: „тише ѣдешь, дальше будешь".

И какъ имя христіанина нисколько не говоритъ о христіанскихъ добродѣтеляхъ, какъ званіе сестры милосердія нисколько не говоритъ о высокихъ качествахъ души, такъ званіе прогрессиста ничего не говоритъ уму и сердцу, тѣмъ болѣе, что нѣтъ понятія безсодержательнѣе понятія „прогрессъ", въ особенности, когда прогрессъ представляется въ видѣ опредѣленныхъ универсальныхъ положеній. И люди позволяютъ себѣ устанавливать опредѣленныя программы для поступательнаго шествія народовъ и человѣчества, когда направленіе этого пути скрыто отъ нихъ, когда для каждаго народа имѣется свой путь, когда каждый моментъ можетъ потребовать измѣненія направленія, когда для того, чтобы попасть на вѣрный путь и пойти впередъ, приходится иногда итти назадъ. Не ясно ли, что́ за безсодержательное слово: „прогрессъ", и что́ это за аферисты—господа прогрессисты!.. Вся бѣда въ томъ, что прогрессъ—понятіе общее, которое ни въ какія жизненныя рамки и программы не укладывается; то, что представляется прогрессомъ для одного народа, въ тотъ или иной моментъ его жизни, при тѣхъ или иныхъ обстоятельствахъ его жизни, то для другого народа, при другомъ моментѣ и другихъ обстоятельствахъ, можетъ быть реакціоннымъ, вреднымъ движеніемъ. Точно также и демократизмъ, какъ народолюбіе, нельзя втиснуть въ программу; вѣдь, любя, можно иной разъ приласкать, иной разъ боль причинить, вынимая, напримѣръ, занозу. Программа даетъ возможность каждому, какъ по заказу, причислять себя къ прогрессистамъ или къ демократамъ, но каждый изъ такихъ прогрессистовъ можетъ быть форменнымъ реакціоне-

ромъ,— а любой демократъ ярымъ врагомъ народа. Пониманіе прогресса, какъ и демократизма диктуется самой жизнью, каждымъ ея моментомъ, поэтому и прогрессъ, и демократизмъ представляются въ чрезвычайно разнообразныхъ формахъ и мѣняются такъ же быстро и рѣзко, какъ быстро и незамѣтно одинъ жизненный моментъ смѣняетъ другой. Нельзя жизни диктовать условія и формы прогресса, демократизма, когда жизнь сама ихъ диктуетъ, и что вчера слыло и было реакціоннымъ, можетъ сегодня оказаться прогрессивнымъ и—наоборотъ. Ясно, что готовыя, универсальныя формулы прогресса и демократизма годны только для буквоѣдовъ, жаждущихъ самымъ легкимъ путемъ получить почетное званіе прогрессиста или демократа. Нѣтъ ничего легче и пріятнѣй буквоѣдства; самый легкій въ мірѣ трудъ, это—работа по готовымъ программамъ и трафаретамъ. Буквоѣдство такъ же старо, какъ міръ, и прогрессисты и демократы по заказу, на основаніи опредѣленныхъ формулъ—форменные реакціонеры; и по существу они другими быть не могутъ. Служеніе же истинному прогрессу, истинный демократизмъ требуютъ огромной колоссальной работы ума и души; помимо труда, въ потѣ лица своего,— нуженъ особый даръ вдумываться въ жизнь, понимать жизнь; нужны особыя свойства души запрашивать жизнь, ожидать отъ жизни отвѣтовъ на томительные жгучіе вопросы: что въ данный моментъ составляетъ жизненную реальную народную потребность? Необходимо, наконецъ, огромное мужество и сознаніе гражданскаго долга для того, чтобы въ точности слѣдовать указаніямъ жизни, къ какимъ бы послѣдствіямъ они ни приводили. Истиннаго прогрессиста при жизни клеймятъ, истиннаго демократа ненавидятъ. Такъ великій собиратель земли русской, положившій основаніе Самодержавной царской власти и единой Руси, до сихъ поръ слыветъ „Грознымъ". Такъ долго не признавали во Франціи заслугъ великаго Ришелье. Еще долго не признаютъ заслугъ великаго Столыпина. Между тѣмъ и Іоаннъ Грозный, и Ришелье, и Столыпинъ были истинными прогрессистами и безспорными демократами.

О, если бы люди знали, какъ легко присвоить себѣ званіе прогрессиста или демократа, какъ легко купить и пріобрѣсти званіе популярнаго общественнаго дѣятеля, великаго писателя, благороднаго патріота или друга человѣчества и т. п.! Вѣдь, для этого надо подкупить общественное мнѣніе своихъ же современниковъ. Право, это гораздо легче, чѣмъ купить любовь ребенка какой-нибудь лаской или сластью. И опять приходится признать вѣчную божественную истину, что ничто не дается легко, что все, даже званіе прогрессиста или демократа, надо пріобрѣтать въ потѣ лица своего. Что легко дается, то представляетъ одинъ миражъ и быстро рушится и исчезаетъ, какъ миражъ. Померкла слава рыцарей, іезуитовъ, та же участь ждетъ и славу современныхъ демократовъ и парламентаріевъ.

Если современный, такъ сказать, оффиціальный демократизмъ— сплошной шантажъ, то что же понимаютъ демократы подъ „демократизаціей" земства, подъ коренной земской реформой? А понимаютъ они „широкое участіе въ земскомъ самоуправленіи всѣхъ

общественныхъ элементовъ". Другими словами,—они желаютъ, чтобы земское хозяйство перешло въ руки разночинца-интеллигента, будь то интеллигентъ изъ бывшихъ крестьянъ, или изъ третьяго элемента, или вообще всякій мѣстный или пришлый интеллигентъ, который дастъ себѣ трудъ объявить себя демократомъ. Въ чаяніи такого завиднаго будущаго, они требуютъ полнаго довѣрія къ органамъ мѣстнаго самоуправленія, полной свободы дѣйствій для нихъ. Они требуютъ полной земской автономіи на основахъ всеобщаго, равнаго, тайнаго и прямого избирательнаго права,—другими словами, превращенія земскихъ учрежденій въ рядъ парламентовъ, съ безконечными рѣчами, съѣздами, игрой въ выборы и въ другія общественныя развлеченія, съ безплатной раздачей чужого добра и т. п. Покрыли бы всю земскую Россію сѣтью продовольственныхъ пунктовъ и устроили бы поголовное кормленіе. Что ни день, то открывали бы при управахъ новые отдѣлы. Вѣдь, интеллигентамъ мерещится, что само по себѣ открытіе общества или отдѣла обладаетъ магической силой; стоитъ, напр., открыть общество разумныхъ развлеченій—и всѣ поголовно начинаютъ разумно развлекаться; стоитъ открыть общество борьбы съ дѣтской смертностью—и смертность среди дѣтей прекращается. Увѣрены интеллигенты, что и съ открытіемъ въ земствѣ отдѣла народнаго здравія, прекращаются болѣзни; что достаточно открыть отдѣлъ внѣшкольнаго образованія, чтобы широкой волной и въ школахъ, и внѣ школъ разлилось образованіе. Можно себѣ представить, сколько отдѣловъ открыли бы въ земствахъ; цѣлые города и пригороды земскіе выросли бы на почвѣ отдѣловъ. Какихъ бы только отдѣловъ ни открывали! И отдѣлъ народнаго галантнаго обращенія, и отдѣлъ народной мудрости, и отдѣлъ народной прессы, и отдѣлъ народной геніальности и т. п. Стоило бы только открыть отдѣлъ народной геніальности, пригласить за приличный окладъ завѣдывающаго, 2-3 его помощниковъ, дѣлопроизводителя съ нѣсколькими помощниками, бухгалтера и десятокъ счетоводовъ, 2-3 машинистокъ, десятка два писцовъ и цѣлый штатъ канцелярскихъ барышень, да еще такіе отдѣлы по уѣзднымъ управамъ завести, да снабдить всѣ отдѣлы достаточнымъ количествомъ канцелярскихъ принадлежностей—и широкой волной разольется геніальность по всѣмъ селамъ и хуторамъ. Немедленно же, послѣ открытія на такихъ же основаніяхъ отдѣла народнаго галантнаго обращенія,—какъ въ Лету канетъ знаменитое трехъ-этажное ругательство; всѣ крестьянки начнутъ дѣлать книксены, и крестьяне изъясняться на изысканномъ французскомъ діалектѣ. Словомъ, никакое богатство фантазіи не въ состояніи воспроизвести того богатства земскихъ отдѣловъ, которое можетъ быть создано фантазіей интеллигентовъ. Всѣ отдѣлы создаются только въ земскихъ интересахъ, на благо, яко-бы, крестьянъ, народа, но всѣ они исполняютъ единственную и фатальную миссію: кормятъ только интеллигентовъ изъ породы третьяго элемента. Потому—гдѣ дѣло живое, реальное, тамъ одинъ-два работника; гдѣ дѣло мертвое, фиктивное, вздутое, гдѣ оно не вызвано реальными потребностями, тамъ шума, треска, звона—цѣлая колокольня, звонарей цѣлая армія, – а дѣла никакого.

Конечно, всѣ упомянутыя земскія реформы, имѣющія цѣлью замѣнить цензъ собственника-землевладѣльца цензомъ богатой шевелюры на праздной головѣ интеллигента и такимъ путемъ предоставить интеллигенціи широкое и активное участіе въ земствѣ, приблизили бы только земство къ типу демократическаго; для полной же демократизаціи земства, о которой, собственно, и мечтаютъ интеллигенты, требуется предоставленіе третьему элементу полныхъ правъ въ земствѣ, наравнѣ съ выборными земскими лицами; передача третьему элементу рѣшающаго голоса во всѣхъ земскихъ вопросахъ. Вотъ, о какомъ ужасѣ жизни мечтаютъ интеллигенты. Они желаютъ, чтобы всякій авантюристъ, подъ флагомъ третьяго элемента, распоряжался земскимъ хозяйствомъ и распоряжался совершенно безконтрольно. Это ужъ не земскій парламентъ, это ужъ земская соціальная республика. Правда, земское хозяйство—общественное хозяйство. Но тѣмъ болѣе необходимы здѣсь осторожность, вдумчивость. Интересы собственнаго хозяйства гарантируютъ собственника отъ эксцессовъ, отъ рискованныхъ, дутыхъ предпріятій. И для довѣренныхъ лицъ Хозяина земли русской, для правительственной власти, нужны гарантіи, что земское хозяйство будетъ вестись трезво, осторожно, что матеріальная заинтересованность и принципъ мѣстнаго землевладѣнія внесутъ здравомысліе и замѣнятъ то хозяйское око, которое одно въ состояніи гарантировать земское хозяйство отъ эфемерныхъ предпріятій и, наоборотъ, направить всѣ стремленія земскихъ дѣятелей лишь на удовлетвореніе назрѣвшихъ, реальныхъ нуждъ деревни. Словомъ, именно какъ общественное, земское хозяйство еще въ большей степени носитъ въ себѣ всѣ элементы собственнаго хозяйства, и говорить о домогательствахъ третьяго элемента на активность и рѣшающій голосъ въ земствѣ, значитъ—повторить все то, что мною было выше сказано о безуміи и преступности соціальныхъ утопій, забастовокъ и тому-подобныхъ соціальныхъ прелестей! Конечно, можно пріобрѣсти полное довѣріе хозяина, но это довѣріе надо пріобрѣсти, а не требовать его. Для участія въ земскихъ выборахъ необходимо заслужить довѣріе довѣренныхъ лицъ державнаго хозяина земли русской,—довѣріе правительственной власти; для активнаго участія въ земскихъ дѣлахъ надо заслужить довѣріе земскихъ дѣятелей. А заслужили ли довѣріе вы, г.г. интеллигенты, желающіе, подъ видомъ земскихъ выборщиковъ и третьяго элемента, руководить земскимъ дѣломъ? Этотъ вопросъ тѣмъ болѣе умѣстенъ, что далеко не лишнее, обратиться ко многимъ земскимъ дѣятелямъ съ вопросомъ: а заслужили ли довѣріе вы, г.г. земцы, желающіе уйти изъ-подъ правительственнаго контроля? А ну-ка, *предъявите-ка* свой здравый смыслъ,—какъ говоритъ Григорій Петровъ. *)

*) Какъ извѣстно, бывшій священникъ Григорій Петровъ, сбросивъ священническую рясу, подъ видомъ лектора Народнаго Университета, совершилъ артистическое турнэ по Россіи. Ну, конечно, его поѣздки были сплошнымъ тріумфомъ, который всегда обезпеченъ громкимъ фразамъ, великимъ идеаламъ, благороднымъ ученіямъ... въ кругу интеллигентовъ, т.-е. въ кругу лицъ, восторженно опьяняющихся такими спиртуозными продуктами. Для такихъ общественныхъ пьяницъ—лекція Петрова все равно, что бокалъ шампанскаго. Я дорожу своимъ здравымъ человѣ-

О, я знаю, что здраваго смысла, природнаго здраваго смысла, громадному большинству земскихъ дѣятелей, и даже многимъ интеллигентамъ, не занимать—стать. Я же говорю о здравомъ смыслѣ, покоящемся на правдѣ жизни; о томъ здравомъ смыслѣ, который, какъ всякій даръ Божій, приходится добывать въ потѣ лица своего. Надо для этого, въ адскихъ мукахъ, освободиться отъ оковъ и цѣпей общественнаго мнѣнія, надо стать выше ходячихъ, вѣковыхъ заблужденій, которыя засасываютъ какъ тина, давятъ какъ прессъ. Надо уйти отъ соблазна веселой, праздной, пьяной жизни въ парламентскомъ угарѣ, въ вихрѣ отвлеченныхъ бредней, красочныхъ утопій. Все это манитъ, все это зоветъ къ себѣ, сулитъ массу земныхъ благъ. Общества, комитеты, митинги, собранія, рѣчи, бой звучныхъ словъ, фейерверки величественныхъ идеаловъ, выборы, популярность, лекціи, цвѣточные сборы, спектакли,—словомъ, вся эта пьяная, угарная общественность такъ же заманчива, какъ пѣнье сиренъ и такъ же туманитъ здравый смыслъ, какъ и оно. У кого, какъ не у мудраго, здравомыслящаго Одиссея была бездна этого природнаго здраваго смысла. Однако, даже онъ не положился на свой здравый смыслъ,—а приказалъ крѣпко-накрѣпко привязать себя къ бортамъ корабля. Какую же силу воли надо выработать, какую адскую работу надо развить, какой любовью къ труду надо обладать, какъ высоко надо ставить человѣка, его индивидуальность, оригинальное, индивидуальное его мышленіе, — словомъ, какой массой моральныхъ и душевныхъ свойствъ надо обладать, чтобы подчинить свой здравый смыслъ правдѣ жизни, ея реальнымъ запросамъ и требованіямъ, не нуждаясь въ томъ, чтобы тебя привязали къ бортамъ твоей утлой ладьи среди этого соблазна и несмѣтнаго сонма современныхъ сиренъ, поющихъ на всѣ тоны, на всѣ лады.

Что касается земцевъ, то, подъ вліяніемъ Петрункевичей, Родичевыхъ и третьяго элемента, они, съ затуманеннымъ здравымъ смысломъ, окончательно подпали подъ власть демократическихъ идей и парламентнаго бреда. Земское положеніе 1890 года было имъ отвѣтомъ. Событія 1905 года были холоднымъ душемъ, протрезвившимъ земскихъ дѣятелей, прояснившимъ ихъ здравый смыслъ. Но силенъ дьяволъ, изобрѣвшій сиренъ и ихъ пѣнье! Въ образѣ интеллигента проникъ онъ во всѣ углы общественной жизни и отравилъ всю общественную атмосферу, назвавъ ее общественнымъ мнѣніемъ. Умѣло пользуясь орудіемъ повальнаго общественнаго гипноза, интеллигентъ-дьяволъ, подъ видомъ третьяго элемента, проникъ еще въ самое сердце и земскихъ, и городскихъ учрежденій,

---

ческимъ смысломъ и избѣгаю всего, что туманитъ его, — главнымъ образомъ, избѣгаю спиртныхъ напитковъ и даже шампанскаго, хотя бы оно преподносилось подъ видомъ лекціи Петрова. Не былъ я поэтому на лекціи Петрова, но отъ восторженныхъ его поклонницъ слыхалъ, будто онъ, между прочимъ, разсказывалъ, что получаетъ много писемъ. Въ письмахъ его спрашиваютъ, зачѣмъ онъ читаетъ свои лекціи, въ которыхъ не говоритъ ничего новаго, а говоритъ истины всѣмъ извѣстныя. Григорій Петровъ, будто, отвѣчаетъ корреспондентамъ: „что дѣлать, вы знаете; но что вы сами дѣлаете, что вы имѣете предъявить?“ На мѣстѣ слушателей я спросилъ бы Петрова: „а вы что имѣете *предъявить*?“. Вѣдь, ваша лекція только проповѣдь рецепта: „надо пить и ѣсть“.

гдѣ своимъ сладкорѣчивымъ пѣньемъ демократическія сирены медленно, но вѣрно обвораживаютъ и гипнотизируютъ земцевъ, капля за каплей туманятъ ихъ здравый смыслъ. Увы! Трудно здравому смыслу, даже мѣстныхъ замлевладѣльцевъ-дворянъ, устоять подъ перекрестнымъ пѣньемъ сиренъ, атакующихъ его со всѣхъ сторонъ. Постепенно у многихъ, даже у очень многихъ, искренне преданныхъ деревнѣ земскихъ дѣятелей, теряется представленіе о реальномъ и туманномъ, о правдивомъ и ложномъ, о насущномъ и излишнемъ, о разумномъ и безсмысленномъ. И устраиваютъ въ земствахъ продовольственные пункты, внѣшкольное образованіе; подъ команду третьяго элемента, газетъ и рѣчей черезъ голову, земскихъ собраній и городскихъ думъ стрѣляютъ по воробьямъ. Какъ же обойтись безъ контроля администраціи? Увы! Администраторъ тотъ же человѣкъ, изъ плоти и крови; успѣли затуманить, загипнотизировать здравый смыслъ многихъ администраторовъ, такъ что контроль ихъ фиктивный, и такую, примѣрно, безцѣльную мѣру, какъ продовольственные пункты при чумѣ, одобряетъ даже Главное Врачебное Управленіе. Увы! Демократъ, этотъ современный ляхъ-супостатъ, успѣлъ всюду отравить атмосферу: и въ земствахъ, и въ административныхъ сферахъ,—въ этихъ двухъ оплотахъ Царской власти и здраваго смысла. О, Пожарскіе и Минины! Гдѣ вы? Откликнитесь!..

Что же станется съ земствомъ, если передать власть и руководство земскимъ дѣломъ въ руки безшабашныхъ интеллигентовъ, подъ видомъ ли свободныхъ выборщиковъ, или подъ флагомъ третьяго элемента? Они мигомъ превратятъ земство въ сплошное демократическое празднество. Съѣзды за съѣздами, совѣщанія за совѣщаніями, выставки за выставками! Всюду откроютъ библіотеки имени Карла Маркса; продовольственные пункты получатъ ихъ настоящее назначеніе—„крестьянскихъ банкетовъ съ закусками, чаемъ и рѣчами черезъ голову банкетовъ“. Крестьянкамъ будутъ дѣлать подушки изъ воробьиныхъ перьевъ; кстати, статистику заведутъ,—сколько перьевъ нащипали; введутъ въ земство общество народныхъ Университетовъ и всякія другія общества, — а, какъ извѣстно, каждое общество, это—самодовлѣющее твореніе; достаточно открыть общество, дать ему названіе, какъ одно только учрежденіе общества оказываетъ магическое дѣйствіе, и девизъ общества претворяется въ жизнь; пригласятъ нашего знакомаго прогрессиста-домовладѣльца и другихъ извѣстныхъ прогрессистовъ и поручатъ имъ составлять исторію земства съ точки зрѣнія Манифеста 17 Октября и по программѣ знаменитой рѣчи о пожарахъ,—словомъ, увеличится во много разъ число лошадей у земскихъ ямщиковъ, будутъ расти зданія и бюджеты городскихъ, губернскихъ и уѣздныхъ управъ, не хватитъ бумаги въ Россіи для земскихъ трудениковъ, работа будетъ въ канцеляріяхъ кипѣть, а въ деревнѣ... хоть шаромъ покати. Для деревни ничего...

Какъ возмущаются демократы, почему, молъ, закрытъ свободный доступъ въ деревню, въ земство всѣмъ желающимъ, вообще, почему дѣлятъ людей на благонадежныхъ и на неблагонадежныхъ?

Но дайте слову: „благонадежный“ его настоящій смыслъ: „здравомыслящій“—и ханжество демократовъ выступитъ ясно наружу; станетъ ясно, что нельзя посылать людей, лишенныхъ здраваго смысла, на великое дѣло служенія деревнѣ. Интеллигенты, со своимъ обычнымъ безстыдствомъ, увѣряютъ, что правительственные и буржуазные круги стараются держать народъ въ невѣжествѣ и во тьмѣ, дабы успѣшнѣе его эксплоатировать, чтобы вѣрнѣе сохранить власть, силу и богатство въ своихъ рукахъ. Они хотятъ подчеркнуть, что любовь, преданность народу только въ рядахъ тѣхъ, что зовутъ себя демократами; потому-то они такъ охотно присваиваютъ себѣ эту кличку. Какъ будто, вся сила, все благородство въ кличкахъ. . . Конечно, такимъ путемъ можно подкупить только дѣтей, — все это изъ области сказокъ для дѣтей. Увы! Милліоны великовозрастныхъ, бородатыхъ, и даже убѣленныхъ сѣдинами людей прислушиваются къ этимъ сказкамъ и охотно внимаютъ имъ.

Какъ будто, интеллигенты сами не стремятся къ власти, къ силѣ? Но власть, сила, получаемыя изъ рукъ державнаго Хозяина земли русской, покоятся на хозяйскомъ довѣріи, на хозяйской, такъ сказать, оцѣнкѣ достоинствъ и заслугъ того или иного лица. Это даетъ гарантію трудолюбія, здравомыслія довѣренныхъ лицъ, именно ихъ преданности народу, ихъ патріотизма. Господамъ же интеллигентамъ, по самому существу вещей, приходится добиваться власти только окольными путями, путемъ подкупа общественнаго мнѣнія,—другими словами, путемъ шантажа, аферы, широкой раздачи чужого добра; путемъ клеветы, пасквилей, хулы на довѣренныхъ царскихъ слугъ и на всѣхъ здравомыслящихъ, трудящихся въ потѣ лица своего лицъ.

И благополучіе крестьянъ и рабочихъ, и интересы сельскаго хозяйства, промышленности, торговли, народной обороны, и прогрессъ народа, народное образованіе, широкая плодотворная дѣятельность земства,—словомъ, всѣ элементы народной культуры, цивилизаціи и мощи, во всякомъ случаѣ, если не въ большей, то въ равной степени дороги каждому министру, губернатору, каждому правительственному учрежденію, каждому административному лицу, какъ и каждому обывателю, какъ и всякому интеллигенту, на какую бы высокую ступень демократизма послѣдній себя ни ставилъ, какъ бы высоко ни цѣнилъ и благородство своихъ идеаловъ, и величіе своей души, и полетъ своей фантазіи. И понятно; вѣдь, всѣ эти идеалы, программы, самомнѣніе, величіе,— все это накипь, политура, нѣчто внѣшнее, между прочимъ. Человѣкъ остается человѣкомъ со всѣми его слабостями и недостатками, со всѣми его природными свойствами и инстинктами, и, прежде всего, онъ остается сыномъ своего народа, гражданиномъ своего отечества. И величественный интеллигентъ вынужденъ утолять голодъ и жажду наравнѣ съ какимъ-либо „ничтожнымъ“ паріемъ изъ союза русскаго народа или съ „презрѣннымъ“ чинушей въ полицейскомъ и жандармскомъ мундирѣ. Идеалы идеалами, но каждый интеллигентъ, по злой ироніи судьбы, вынужденъ искать службу, работать на томъ или иномъ поприщѣ только

для того, чтобы, подобно какому-либо двадцатнику, прокормить себя и семью. Правда, г.г. интеллигенты прикрываются высокими идеалами, благороднымъ призваніемъ; они увѣряютъ, что работаютъ только въ интересахъ человѣчества, народа; профессоръ работаетъ въ интересахъ науки и молодежи, врачъ весь поглощенъ любовью и жалостью къ страждущему человѣчеству; третій элементъ, сидящій въ канцеляріяхъ, работаетъ только изъ платонической любви къ земству и т. п. Врутъ, безсовѣстно врутъ! Всѣ работаютъ для дѣла, которое дало бы кусокъ хлѣба, работаютъ для куска хлѣба. А развѣ трудъ полицейскаго или жандарма, оберегающій покой, собственность и жизнь горожанъ, не столь же благороденъ и тяжелъ, какъ и трудъ врача, и не во много разъ благороднѣе труда юриста, за часовую рѣчь, дающую славу, популярность, получающаго еще тысячные гонорары? А развѣ не столь же благороденъ трудъ пахаря, добывающаго хлѣбъ насущный не только для себя, но и для народа, человѣчества? Съ такимъ же правомъ и сапожникъ можетъ сказать, что онъ работаетъ только въ интересахъ человѣчества, только для того, чтобы обувать несчастнаго царя природы, лишеннаго естественнаго прикрытія ногъ во время холода, ненастья и т. п.; что онъ работаетъ только для спасенія человѣчества отъ болѣзней и ранъ. Тоже и портной, столяръ, кузнецъ и другіе. Всѣ работаютъ на пользу человѣчества, и для того, чтобы работать на пользу народа и человѣчества, совсѣмъ не надо называть и считать себя демократомъ или прогрессистомъ, потому что пользу приноситъ человѣкъ только въ томъ дѣлѣ, въ которомъ онъ работаетъ, которымъ онъ добываетъ кусокъ хлѣба. Внѣ сомнѣнія, можетъ быть врачъ, искренне преданный больнымъ, земскій работникъ, преданный интересамъ деревни и т. п., но это зависитъ не отъ профессіи, не отъ интеллигентности, а отъ природныхъ свойствъ души того или иного лица. Хорошіе, благородные люди попадаются въ каждой профессіи, въ каждомъ дѣлѣ. Есть благородные портные, сапожники, чиновники, полицейскіе, какъ и благородные врачи, профессора и т. п. Но это благородство природное; кличка: „демократъ“ здѣсь ни причемъ. Наоборотъ, усиленно афиширующій свой демократизмъ—вызываетъ только подозрѣніе въ своей искренности. А изъ всего мною выше сказаннаго ясно, что это подозрѣніе весьма и весьма основательное.

Мало того: всѣ эти благородные интеллигенты,—профессора, врачи, юристы, писатели, газетчики, всѣ эти земскіе секретари, агрономы, санитарные врачи, статистики—всѣ они не только работаютъ для хлѣба насущнаго, какъ и самые обыкновенные смертные, но всѣ они, на видъ такіе простоватые, добродушные, наивные,—совсѣмъ не дураки и весьма толковы насчетъ жизненнаго комфорта. Они прекрасно понимаютъ, что хорошая, свѣтлая, просторная, теплая квартира лучше темной, тѣсной, холодной; что хорошій поварской столъ не дурная вещь; что лучше и пріятнѣй разъѣзжать на собственныхъ автомобиляхъ и даже пролеткахъ, чѣмъ путешествовать по образу пѣшаго хожденія; предпочитаютъ они купэ

перваго класса скамьѣ третьяго класса; ищутъ комфортабельныхъ и дорогихъ гостиницъ; одѣваются изъ дорогого англійскаго матеріала; не скупятся на наряды женъ и дѣтей; разъѣзжаютъ по заграничнымъ курортамъ,—словомъ, не только толкъ понимаютъ, но и стремятся къ удобствамъ, къ комфорту жизни.

Я отнюдь не ставлю этого въ укоръ или въ минусъ кому бы то ни было. Не только необходимость добиваться куска насущнаго хлѣба, но и стремленіе къ удобству и культурному комфорту жизни присущи каждому индивиду, какъ присуще птичкѣ стремленіе съ комфортомъ устраивать себѣ свое гнѣздышко. Наоборотъ, надо привѣтствовать это природное свойство человѣка, если, конечно, оно осуществляется путемъ упорнаго, разумнаго и полезнаго труда. Въ этомъ свойствѣ разгадка борьбы за существованіе, въ немъ—залогъ разумнаго труда и уваженія ко всякому полезному труду, въ немъ—основа собственности и всѣхъ благъ, которыя несетъ собственность: государственности, законности, порядка и гражданственности. Оно толкаетъ человѣчество на путь прогресса, на путь постепеннаго улучшенія формъ жизни, оно же является причиной всѣхъ тѣхъ культурныхъ и научныхъ пріобрѣтеній, частица которыхъ осуществилась на нашихъ глазахъ. Какъ же его не привѣтствовать! Оно говоритъ о томъ, что будущее принадлежитъ реальному труду и правдѣ, что бездѣлью, тунеядству нѣтъ мѣста въ мірѣ. Борьба въ мірѣ идетъ не между буржуями и пролетаріями, а между реальнымъ трудомъ и тунеядствомъ, какъ бы послѣднее ни называлось: демократизмомъ, анархизмомъ, интеллигенціей, сознательнымъ пролетаріатомъ, забастовочнымъ движеніемъ и т. п. Борьба эта идетъ съ сотворенія міра,—борьба длительная, жестокая и кровавая. Побѣдитъ тотъ, кто держится библейскаго завѣта: „въ потѣ лица своего добывай свой хлѣбъ!“ Ничто даромъ не дается; даже талантъ, геніальность надо добыть въ потѣ лица своего. Что легко достается, то малоцѣнно и безслѣдно теряется, будь то голосъ пѣвицы или даръ оратора. Правда, въ жизни много неправды, много реальнаго зла; иной труженикъ бѣдствуетъ, другой путемъ протекціи, хожденія на заднихъ лапкахъ, путемъ шантажа политическаго и простого—благодушествуетъ, катается на бархатныхъ коврахъ. Но законъ борьбы за существованіе неумолимъ и всецѣло на сторонѣ правды; а гдѣ реальный трудъ, гдѣ уваженіе къ такому труду, тамъ и правда. Будущее принадлежитъ труженикамъ-барбосамъ, изнѣженныя же болонки обречены на вымираніе и на гибель. Величайшая побѣда добра и правды наступитъ тогда, когда лозунгъ: „пролетаріи всѣхъ странъ, объединяйтесь!“ и всякіе другіе тунеядческіе лозунги замѣнитъ библейскій завѣтъ: „въ потѣ лица своего добывай свой хлѣбъ!“; когда на мѣсто поклоненія передъ словами, кличками, вывѣсками, передъ красивыми, эфектными и величественными, но безсодержательными, безжизненными и гнилыми идеалами—въ мірѣ воцарится поклоненіе только передъ реальнымъ, разумнымъ трудомъ. Я подчеркиваю слово: „реальный“, потому что далеко не все представляетъ реальный трудъ, и кипучая дѣятельность и участіе въ обществахъ, митингахъ,

забастовкахъ, цвѣточныхъ сборахъ, парламентахъ, газетахъ, въ земствахъ съ общественной жилкой—представляетъ самое пошлое, зловредное тунеядство; это ничто иное, какъ безтолковая бѣготня и суетливость рыжаго клоуна на аренѣ цирка. Это сознаніе и уваженіе къ реальному труду должно глубоко проникнуть въ душу человѣческую, должно стать частью этой души,—тогда оно коснется всѣхъ сторонъ человѣческаго общежитія, въ томъ числѣ и конституціонныхъ гарантій и даже пресловутыхъ свободъ. Перестанутъ тогда требовать, протестовать, а начнутъ трудиться, работать реальнымъ трудомъ и добывать себѣ блага жизни именно въ потѣ лица своего.

Повторяю, стремленіе къ удобствамъ жизни путемъ разумнаго полезнаго труда надо только привѣтствовать. Но зачѣмъ же это ханжество? Зачѣмъ прикрываться красивыми идеалами и высокими ученіями? Зачѣмъ афишировать свой наружный, фиктивный, самозванный демократизмъ, въ которомъ ни на іоту истиннаго демократизма? Если, примѣрно, кто преданъ своему народу и желаетъ ему принести реальную пользу, если къ тому же онъ чувствуетъ въ себѣ даръ и призваніе государственнаго дѣятеля, если онъ, словомъ, истинный демократъ и патріотъ, то онъ начнетъ реально работать въ потѣ лица своего, а не прибѣгать къ легкому тунеядческому, а, слѣдовательно, тлетворному, анти-народному способу. А послѣдній способъ и есть парламентарный; заключается же онъ въ томъ, что будущій государственный тунеядецъ записывается членомъ всѣхъ существующихъ обществъ, усердно посѣщаетъ всѣ митинги, собранія, лекціи; старается при случаѣ сказать 2-3 слова, а иногда и цѣлую безсвязную рѣчь; такимъ путемъ попадаетъ на какую-либо выборную должность и заводитъ знакомства и связи въ общественныхъ кругахъ; принимаетъ горячее участіе во всякихъ сборахъ, спектакляхъ, лекціяхъ; при случаѣ устраиваетъ какую-нибудь библіотечку или кинематографъ; понемногу начинаетъ говорить все больше и больше и каждый разъ широко пользуется правомъ демократа и прогрессиста: надавать всякихъ дутыхъ обѣщаній чужого добра; обязательно заводитъ знакомства съ безпартійно-прогрессивными газетчиками; связь съ прессой укрѣпляетъ путемъ статеекъ, писемъ въ редакцію и т. п., которыя требуютъ такого же напряженія ума, какъ переписка входящихъ и исходящихъ. Словомъ, нашъ пострѣлъ вездѣ поспѣлъ,—а на этомъ и держится популярность общественнаго дѣятеля и будущаго кандидата въ депутаты, министры и государственные дѣятели. Подготовка, какъ видите, блестящая и планомѣрная, но—увы!—далекая отъ реальности и отъ работы въ потѣ лица своего. Это именно работа рыжаго клоуна въ циркѣ. А, какъ извѣстно, у дѣтей и на верхахъ рыжій клоунъ пользуется большой популярностью; на той же высотѣ популярность общественныхъ дѣятелей,—будущихъ депутатовъ, должностныхъ лицъ, министровъ въ парламентскихъ странахъ, а въ особенности—республикахъ.

Человѣкъ же просто-преданный своему народу и чувствующій въ себѣ даръ и призваніе государственнаго дѣятеля, поступаетъ на

службу по тому или иному вѣдомству. Постепенно двигаясь по іерархической лѣстницѣ, онъ постепенно, всесторонне знакомится съ дѣломъ; кочуя съ мѣста на мѣсто, въ той или иной должности, онъ практически знакомится съ мѣстными нуждами, изучаетъ практически Россію. Его движеніе по службѣ — результатъ его трудолюбія, знаній, способностей, его преданности царю и народу. Я говорю только о схемѣ, но каждому дается возможность нарисовать себѣ картину того длительнаго служенія, тѣхъ мытарствъ, того упорнаго труда, которые лежатъ въ основѣ государственнаго опыта. Мало одного дара, необходимъ трудъ, опытъ, и именно всесторонній житейскій опытъ, лежащій въ основѣ государственнаго опыта. Словомъ, необходимы склонность и призваніе къ реальному, прозаическому и упорному труду. Я пользуюсь случаемъ и еще разъ подчеркиваю, что бюрократизмъ—совсѣмъ не въ государственной службѣ. Чиновникъ и бюрократъ—совсѣмъ не синонимы. Бюрократизмъ, это — канцеляризмъ, донкихотство, демократизмъ, интеллигентность,—словомъ, отвлеченіе отъ жизни, буквоѣдство, безжизненность. Бюрократъ—и чиновникъ, для котораго нѣтъ жизни внѣ исходящихъ и входящихъ, и секретарь земской управы, живущій только въ кругу бумагъ, и кадетъ, для котораго весь міръ въ катехизисѣ Кизеветтера, и эсдекъ, застывшій на пѣсенкахъ: „Вы жертвою пали", „Въ странѣ свободы". И если какое-либо сословіе, учрежденіе, какая-либо корпорація пропитаны бюрократизмомъ, буквоѣдствомъ, то незачѣмъ обвинять отдѣльныхъ лицъ; очевидно, отвлеченіе отъ жизни, идеализмъ — природное свойство всего народа, и то или иное учрежденіе, та или иная физіономія чиновничества—естественный продуктъ народа, его свойствъ, его характера. Развѣ съ введеніемъ республики исчезъ бюрократическій духъ во французскомъ чиновничествѣ? Наоборотъ, à priori можно сказать, что французскіе министры типичные бюрократы, весь свой государственный опытъ черпающіе въ своихъ программахъ и въ борьбѣ партій. Если государственный механизмъ республики, тѣмъ не менѣе, продолжаетъ функціонировать, то лишь благодаря чиновникамъ, безсмѣнно сидящимъ въ министерствахъ. Вотъ эти чиновники, не взирая на смѣну министерствъ, безпрерывно управляютъ государственнымъ кораблемъ Франціи. Это — тѣ чиновники, изъ которыхъ въ Россіи, въ Германіи, вообще въ странахъ, гдѣ нѣтъ парламента, формируются министры. И во Франціи они, по существу, являются министрами; тѣ же, что тамъ оффиціально носятъ званіе министровъ, только представительствуютъ, ихъ амплуа—лишь говорить рѣчи въ палатѣ.

Словомъ, „чиновникъ" отнюдь не значитъ—„бюрократъ." Наоборотъ, общественность далеко не всегда—бюрократизмъ, и я былъ бы очень огорченъ, если бы кто-либо пришелъ къ заключенію, что я врагъ общественности. Правда, я врагъ, но врагъ нашей кричащей, фальшивой, безжизненной общественности. Но я горячо сочувствую реальной, жизненной общественности, живущей насущными требованіями жизни, покоящейся на правдѣ жизни. Такая общественность трудолюбива, дѣятельна, но тиха, скромна, незамѣтна, погло-

щенная только трудомъ. Да такую общественность и не цѣнятъ; такого общественника зовутъ зубромъ, правымъ земцемъ, черносотенцемъ; надъ нимъ издѣваются, какъ надъ Марковымъ и Пуришкевичемъ. Каждый реальный, полезный правительственный чиновникъ также несомнѣнный и истинный общественный дѣятель.

Я, собственно, хотѣлъ сказать, что вся суть не въ учрежденіи, не въ сословіяхъ, не въ званіяхъ или кличкахъ, а только въ личностяхъ; и на посту министра можно быть демократомъ и патріотомъ, и на посту земца можно быть фразеромъ и болтуномъ. Мало развѣ господъ Родичевыхъ среди земцевъ!... Вотъ ужъ воистину: не мѣсто краситъ человѣка, а человѣкъ мѣсто. Я бы только къ этой мудрой поговоркѣ прибавилъ: а вывѣска, ярлыкъ, кличка, которые человѣкъ самъ себѣ навѣшиваетъ или даетъ, только позорятъ и мѣсто, и человѣка.

И любя свой народъ, будучи горячо преданнымъ его интересамъ, при случаѣ не щадя для него ни живота, ни состоянія, принимая близко къ сердцу государственные интересы страны, кого бы они не касались,—никто, ни министръ, ни чиновникъ, ни земскій работникъ, не перестаетъ быть человѣкомъ. У каждаго въ полной силѣ сохраняются его общечеловѣческія и животныя потребности. Каждый вынужденъ поэтому прилагать всѣ усилія, чтобы добывать себѣ и семьѣ насущный кусокъ хлѣба. Каждый, вполнѣ естественно и нормально, стремится доставить себѣ и близкимъ всѣ удобства и комфортъ жизни, стремится къ независимому положенію и т. п. Человѣкъ не виноватъ, если онъ отъ природы надѣленъ тѣми или иными свойствами. Ни убить природу въ человѣкѣ, ни искоренить въ немъ тѣ или иныя свойства нельзя, важно только, чтобы эти свойства не были направлены въ дурную, вредную, т.-е. въ анти-народную или анти-общественную сторону. Наоборотъ, повторяю, упомянутыя свойства лежатъ въ основѣ борьбы за существованіе и являются залогомъ прогресса, добра и правды въ мірѣ; необходимо одно, чтобы человѣкъ стремился къ удобствамъ жизни только путемъ разумнаго, полезнаго труда. Вся сила въ томъ, что надо цѣнить и уважать трудъ, но трудъ реальный, полезный. Собственно, всякій трудъ реаленъ, полезенъ, но человѣкъ можетъ опошлить каждый трудъ, изгадить, превратить его въ буквоѣдство, въ тезяковскую стрѣльбу по воробьямъ изъ пушекъ. Не мѣсто краситъ человѣка, а человѣкъ мѣсто.

Всѣ дороги ведутъ въ Римъ. О чемъ бы мы ни затѣяли разговоръ, мы фатально приходимъ къ личности, къ индивидууму, къ человѣческому „я“; къ тому, что зовется индивидуальной человѣческой душой. Прогрессъ человѣчества, мировая правда не въ общественныхъ идеалахъ, не въ величественныхъ лозунгахъ, не въ лигахъ и конференціяхъ мира, не въ поученіи и проповѣдяхъ, не въ красивыхъ ученіяхъ, не въ образованіи и общественной сутолокѣ, не въ парламентахъ и соціальныхъ бредняхъ,—словомъ, не во внѣшнихъ условіяхъ и явленіяхъ,—а только въ человѣкѣ, притомъ въ человѣкѣ со всѣми его природными недостатками и слабостями. До тѣхъ поръ, пока въ человѣкѣ вмѣсто простой человѣческой души

сидитъ Кощей-разбойникъ, не будетъ въ мірѣ ни добра, ни правды,— а будутъ только красивыя, раззолоченныя вывѣски: „свободы, равенства и братства", будутъ красивыя знамена съ величественными лозунгами, но подъ вывѣсками и знаменами будутъ одни суррогаты и фальшивыя цѣнности. Важнѣе всего—правда; а правда должна жить въ человѣкѣ, въ его душѣ. А для того, чтобы человѣкъ проникся правдой, надо ему убить, уничтожить своего Кощея. Это требуетъ длительнаго, упорнаго труда. Съ сотворенія міра человѣкъ ведетъ борьбу съ Кощеемъ, глубоко засѣвшимъ въ его душѣ, и до сихъ поръ цѣлъ и невредимъ Кощей. Сколько же вѣковъ и тысячелѣтій, сколько смѣнъ поколѣній еще нужно, чтобы въ человѣческой душѣ вмѣсто Кощея воцарилась правда? Это вѣдомо одному Богу, и будетъ тогда, когда угодно Богу. А когда въ душѣ человѣческой воцарится правда,—тогда, само собой, наступитъ миръ на землѣ, будетъ и свобода, и равенство, и братство; но все это будетъ въ такомъ видѣ, въ такихъ формахъ и въ такихъ размѣрахъ, которыхъ ни предвидѣть, ни предсказать мы не можемъ.

Трудъ, честный, реальный, полезный трудъ—основа міровой правды, и только отъ человѣка зависитъ, чтобы его трудъ сталъ реальнымъ, полезнымъ. И трудъ министра, чиновника, губернатора, полицейскаго, жандарма, какъ и всякій трудъ, самъ по себѣ реаленъ и полезенъ, и таковымъ онъ можетъ быть и обычно бываетъ въ монархическомъ государствѣ; и, наоборотъ, министры, чиновники въ конституціонной странѣ и даже въ республикѣ могутъ внести въ свой трудъ буквоѣдство, мертвечину—и обычно такъ оно и бываетъ. Повторяю, ко всякому труду надо относиться съ уваженіемъ; огульно же поносить, дискредитировать какой-либо трудъ—преступно и грѣшно. Къ такому именно недостойному пріему прибѣгаютъ интеллигенты, всячески стараясь дискредитировать, унизить государственныхъ дѣятелей, правительственныхъ чиновниковъ, правыхъ земцевъ и тому-подобныхъ лицъ, огульно обвиняя ихъ въ бюрократизмѣ, въ эгоизмѣ, въ погонѣ за чинами, орденами,—въ томъ, что интересы народа, крестьянства имъ чужды, приписывая имъ всѣ бѣды и напасти родины и даже обвиняя ихъ въ томъ, что они намѣренно держатъ народъ въ невѣжествѣ. И трудъ всѣхъ этихъ тружениковъ они огульно хулятъ только потому, что въ Россіи нѣтъ отвѣтственныхъ министровъ, нѣтъ парламента, при которомъ достаточно только языка не на привязи, чтобы попасть въ государственные дѣятели и даже министры. Это не дѣлаетъ чести нашимъ демократамъ, прогрессистамъ, парламентаріямъ, вообще, интеллигентамъ. Это пріемъ гнусный, неблагородный; это пріемъ шантажный, провокаторскій, потому что въ основѣ этой гнусной клеветы лежитъ затаенное стремленіе къ власти, къ замѣщенію всѣхъ „теплыхъ" мѣстъ интеллигентами, успѣвшими пріобрѣсти уже званіе „общественныхъ дѣятелей". А какъ легко и быстро достается это званіе,— думаю, всѣмъ стало уже ясно.

И провокаторское стремленіе опорочить тѣхъ, что стоятъ имъ поперекъ пути, это—великій, но не единственный грѣхъ интелли-

гентныхъ демократовъ. При этомъ я отнюдь не имѣю въ виду ставить имъ въ вину ихъ стремленіе къ власти, къ удобствамъ, комфорту жизни; надо, наоборотъ, всячески поощрять это природное человѣческое свойство, если оно направлено въ нормальную, полезную сторону. И если я и ставлю что въ вину интеллигентамъ, то только ихъ демократическій форсъ, ихъ афишированіе своего демократизма. Вотъ это демократическое ханжество—самое противное, самое отталкивающее свойство интеллигенціи. Передъ вами самый обыкновенный смертный, со всѣми человѣческими слабостями и недостатками,—а корчитъ изъ себя святошу, человѣка не отъ міра сего... Что можетъ быть противнѣе такого ханжи. Точь-въ-точь, какъ, въ свое время, при папскомъ дворѣ и въ жизни католическаго духовенства, на-ряду съ проповѣдью благочестія и отреченія отъ всѣхъ земныхъ благъ — великій соблазнъ для мірянъ, роскошь, развратъ, буйныя оргіи и т. п. Вѣдь, демократизмъ—патентъ на безкорыстіе и всякія добродѣтели, на высокія качества души, вплоть до полнаго самозабвенія, до полнаго отреченія отъ всѣхъ земныхъ благъ и слабостей человѣческихъ. Вотъ стоитъ на трибунѣ депутатъ или просто-ораторъ, или поучаетъ лекторъ народнаго университета. Бранитъ ложь, продажность правительства, администраціи; увѣряютъ, что они всецѣло поглощены вопросомъ собственнаго питанія и удобствъ; увѣряютъ, что они желаютъ одного зла народу и поглощены одной мыслью, какъ бы ему принести зло; а что зло для народа, то добро для правительства, черносотенцевъ, зубровъ. Послѣднимъ только подавай чины, ордена, награды, а до народа имъ и дѣла нѣтъ. Ну, конечно, всякій понимаетъ, что демократы и интеллигенты для народа все отдаютъ, не жалѣютъ ни себя, ни женъ, ни дѣтей. Взять, къ примѣру, свободу слова; вѣдь, будь она, народъ богатѣлъ бы, каждый имѣлъ бы по трехъ-этажному дому, да земли десятинъ по тысячѣ; каждый жилъ бы не менѣе ста лѣтъ; на желѣзной дорогѣ осталось бы нѣсколько вагоновъ 3-го класса для министровъ, губернаторовъ и для всякихъ черносотенцевъ, а весь остальной народъ разъѣзжалъ бы только въ купэ 1-го класса. И не хотятъ поэтому дать свободу слова, а нѣтъ ея—и все идетъ наоборотъ: у министровъ и черносотенцевъ дома, земли, автомобили, почетъ и слава, а у народа, у всѣхъ насъ (въ голосѣ печаль, въ глазахъ—нѣсколько крокодиловыхъ слезъ) только тюрьмы, нищета и собственный кусокъ земли—только на мѣстѣ вѣчнаго успокоенія. Ну, всякій понимаетъ, что будь министромъ этотъ самый ораторъ или лекторъ-демократъ,—назовемъ его Григоріемъ Петровымъ, Маклаковымъ или хотя бы самимъ Шингаревымъ,—то первымъ долгомъ далъ бы онъ свободу слова; и сталъ бы весь народъ сразу богатымъ и счастливымъ; всѣ старухи стали бы молодыми, безобразныя—красивыми, дураки—умными; стали бы всѣ разъѣзжать въ собственныхъ автомобиляхъ, жить въ хоромахъ, ѣздить въ купэ 1-го класса и кататься по за-границамъ; а министры—эти самые Григоріи Петровы, Маклаковы, Шингаревы,—какъ были бѣдняками, по трое сутокъ ради народа не ѣли, какъ были Діогенами, такъ и остались; живутъ всѣ министры, всѣ чи-

новники-демократы въ бочкахъ, въ грязи, ѣдятъ только шелуху отъ сѣмячекъ, а весь народъ кругомъ нихъ, раззолоченный, расфранченный, ходитъ да посмѣивается. Не министры командуютъ народомъ, а народъ командуетъ министрами-демократами; министры, что лакеи: на побѣгушкахъ у народа, у каждаго обывателя.

Ну, конечно, весь народъ на митингѣ или на лекціи таетъ отъ удовольствія при мысли, какъ при парламентѣ, да отвѣтственномъ демократическомъ министерствѣ министры будутъ чистить сапоги обывателямъ и на званныхъ обѣдахъ подавать къ столу. Да, я увѣренъ, ни одинъ обыватель иначе себѣ не представляетъ парламента съ отвѣтственнымъ министерствомъ. Трудно развѣ напустить тумана на людей! И увѣренъ онъ, что эта самая свобода слова—какая-то чародѣйка, добрая фея, которая кормитъ, одѣваетъ, обуваетъ, тушитъ пожары, молодитъ, золотитъ обывателя и т. п., а для министровъ, дворянъ, правыхъ земцевъ и всѣхъ членовъ союза русскаго народа эта самая свобода слова—какая-то Баба-яга, которая всѣхъ ихъ бьетъ помеломъ, а повернется къ обывателю—и опять фея-феей.

Да и какъ же иначе? Вѣдь, кромѣ парламента, отвѣтственнаго министерства, всякихъ свободъ, ораторъ или лекторъ ничего другого не обѣщаетъ публикѣ, но всякій понимаетъ, что разъ такой благодѣтель человѣчества,—другими словами, демократъ, извѣстный на всю Россію, который такъ хорошо и красиво говоритъ,—разъ онъ что обѣщаетъ, то, очевидно, это должно облагодѣтельствовать всѣхъ и каждаго. Каждый понимаетъ, что ничего другого для счастья народа и не нужно, но каждый также ясно сознаетъ, что ничего другого ораторъ или лекторъ не можетъ дать. Вѣдь, каждый демократъ ничто иное, какъ современный Діогенъ. А, какъ извѣстно, у Діогена, кромѣ бочки, и то развалившейся, ничего не было и ему ничего больше не надо было. У современныхъ же Діогеновъ все богатство—въ богатой шевелюрѣ на головѣ, да и то у нѣкоторыхъ одна лысина осталась. Не можетъ же человѣкъ отдать послѣднюю, такъ сказать, лысину съ головы,—да и кому она нужна?

И вотъ, видитъ какой-нибудь затуманенный обыватель, у котораго, дѣйствительно, кромѣ шевелюры на головѣ, никакого другого умственнаго и матеріальнаго богатства нѣтъ,—видитъ онъ, какъ будущіе министры и губернаторы, эти самые лекторы и ораторы, сидятъ, по своему обыкновенію, въ бочкахъ, а онъ, Діогенъ съ шевелюрой, сидитъ и благодушествуетъ въ министерскихъ и губернаторскихъ домахъ. Ну, конечно, таетъ отъ удовольствія и ничего не въ состояніи видѣть,—а то онъ увидѣлъ бы многое и многое услыхалъ бы, не будь онъ слѣпъ и глухъ,—другими словами, загипнотизированъ. Услыхалъ бы онъ на подъѣздѣ крикъ: „Эй, карету Діогену въ бочкѣ, носящему названіе Григорія Петрова!“ Или: „Автомобиль Діогену въ бочкѣ, подъ названіемъ Маклакова!“ Увидалъ бы онъ, какъ въ лучшей въ городѣ гостиницѣ накрытъ

столъ, какъ туда подъѣхали наши Діогены, и много другихъ Діогеновъ, и стали всѣ закусывать и попивать въ свое удовольствіе. Услыхалъ бы онъ изъ разговоровъ, что Діогенъ-Маклаковъ только что вернулся изъ Баку, откуда вывезъ нѣсколько десятковъ тысячъ. Услыхалъ бы, что тотъ Діогенъ собирается въ свою дачу или имѣніе, другой несчастный Діогенъ собирается купить домъ въ Петроградѣ, третій съ семьей ѣдетъ за-границу. Онъ понялъ бы, что совсѣмъ не безвыгодно было Григорію Петрову смѣнять рясу на сюртукъ странствующаго лектора; онъ развелъ бы руками: почему же этотъ самый Григорій Петровъ когда-то не подалъ руки Меньшикову? Почему, наоборотъ, Меньшиковъ подалъ ему руку?

Онъ бы, можетъ быть, прозрѣлъ и задалъ бы себѣ вопросъ: „какіе же это Діогены?“ Почему это мы считаемъ благороднымъ Діогеномъ всякаго, кто назвалъ себя демократомъ? Вѣдь, всѣ они—самые обыкновенные смертные и ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ, кого они унижаютъ и поносятъ, называя ихъ врагами народа. Каждый изъ нихъ, вѣдь, себѣ на умѣ и себя не забываетъ.

Если бы обыватель сталъ думать больше, и больше онъ хлопнулъ бы себя по лбу и, съ проясненнымъ взоромъ, воскликнулъ бы: „Эхъ-ма! да не то ли происходило въ средніе вѣка, когда католики жгли, пытали, поносили всѣхъ тѣхъ, которые не называли себя католиками? И были католики такіе же смертные, какъ и тѣ, что пошли за Лютеромъ. Были у нихъ тѣ же самые человѣческіе слабости и недостатки, но только потому, что одни называли себя католиками и вѣрили въ непогрѣшимость папы, они считали себя святыми, угодными Богу и полезными человѣчеству. А всѣ остальные были еретики, враги общества, враги рода человѣческаго. Между тѣмъ прошли столѣтія; на-ряду съ католиками выросли протестанты, живутъ бокъ-о-бокъ, и никому въ голову не придетъ сказать, что протестантъ—извергъ, врагъ народа и рода человѣческаго, только потому, что онъ протестантъ и не вѣритъ въ папу. Очевидно, разница между протестантами и католиками была только въ словахъ, въ буквахъ, ничего не только существеннаго въ ней не было, но прямо обидно, какъ могли люди биться и бить, кровь проливать изъ-за такихъ пустяковъ!“

Дальше—больше! Все больше проясняется обывательскій взоръ, и даже Діогены съ шевелюрой начинаютъ соображать: „люди могутъ быть добрыми и злыми; умными и глупыми; честными и ворами; воспитанными и хулиганами; тружениками и тунеядцами; энергичными и нерѣшительными, но непонятно, какъ это люди могутъ быть прогрессистами, демократами, реакціонерами. Вѣдь, всѣ они изъ одного человѣческаго тѣста скроены, какъ изъ того же тѣста скроены лютеране и католики; а какъ могутъ быть честные, умные католики, какъ могутъ и честные, умные протестанты, точно также могутъ быть честные, умные прогрессисты, реакціонеры и т. п. Одни вѣрятъ въ неприкосновенность прогресса, другіе — парламента, третьи—соціальной республики, а другіе ни въ то, ни въ

другое, ни въ третье не вѣрятъ. Кто изъ нихъ правъ, вѣдомо одному Богу, но это значитъ, что никто изъ нихъ въ Бога не вѣритъ, потому что если вѣрили бы въ Бога, то не спорили бы изъ-за того, чего никто не знаетъ,—а что вѣдомо одному Богу. И споры-то, очевидно, изъ-за пустяка, изъ-за выѣденнаго яйца. Все равно, какъ если бы люди назвали себя прогрессистами потому, что они считаютъ по новому стилю, а тѣхъ, что живутъ по старому стилю, назвали бы реакціонерами, черносотенцами. Или, если въ Петроградѣ время на полчаса позади противъ Москвы, то назвать москвичей прогрессистами, а петроградцевъ—реакціонерами! Право, это такая же разница, какъ между октябристомъ и кадетомъ. Какъ бы ни думали, ни судили люди, время идетъ помимо нихъ, и жизнь также течетъ помимо людей. Жизнь можетъ оставить позади себя и реакціонера и прогрессиста, наоборотъ,—можетъ поставить впереди реакціонера, а прогрессистъ со своимъ „прогрессомъ“ можетъ остаться позади. Развѣ жизнь можетъ итти и идетъ по той программѣ прогресса, которую составили себѣ прогрессисты?

Въ самомъ дѣлѣ: казалось бы, чего проще, какъ дѣлить людей по естественнымъ, природнымъ ихъ свойствамъ,—на добрыхъ и злыхъ, умныхъ и глупыхъ, на честныхъ и безчестныхъ и т. п. Это было бы ясно, понятно, реально и жизненно. Но этого именно люди избѣгаютъ, и съ сотворенія міра они придумываютъ себѣ всевозможные знаки для отличія другъ отъ друга, и по этимъ фантастическимъ признакамъ бьются, дерутся между собой. Дѣлятся на алыхъ и бѣлыхъ, на красныхъ и черныхъ и т. п. Стоитъ человѣкъ; всѣ знаютъ, что онъ честный, добрый, умный, никому зла не сдѣлалъ, ведетъ хорошую трудовую жизнь, а, между тѣмъ, его бьютъ и избиваютъ смертнымъ боемъ; одни бьютъ потому, что онъ не признаетъ алой розы, другіе—за то, что онъ не увѣренъ въ непогрѣшимости папы, третьи —потому, что онъ сомнѣвается, чтобы программа прогрессистовъ или кадетовъ принесла пользу Россіи и т. п. Я удивляюсь, почему до сихъ поръ москвичи не бьютъ петроградцевъ за то, что у нихъ время на полчаса позади. Если знакомятся два человѣка, то никто не интересуется знать: уменъ ли, благороденъ, честенъ ли новый знакомый,— а въ средніе вѣка интересовались знать: еретикъ ли онъ или нѣтъ; а теперь интересуются знать: кадетъ ли онъ или нѣтъ. И если кому нуженъ приказчикъ, то онъ охотнѣе возьметъ вора-прогрессиста, чѣмъ честнаго реакціонера. Сколько прогрессистовъ попали, такимъ образомъ, въ городскіе головы, гласные, депутаты только потому, что они прогрессисты, и только потому, что никто не интересовался знать: дѣльные ли они, хозяйственные люди, годятся ли для дѣла, на которое ихъ избираютъ.

Объясняется такое странное свойство людей очень просто. Вѣдь, узнать человѣка очень трудно; надо, какъ говорится, пудъ соли съѣсть. Да можно и вѣкъ прожить съ человѣкомъ и не узнать его. Въ душу человѣческую не влѣзешь; а душа человѣческая—потемки. Вотъ и придумываетъ себѣ человѣкъ искусственные знаки и отличія. — „Въ папу вѣруешь?“ — „Вѣрую.“ —Значитъ умный, добрый

и дѣльный человѣкъ; на всѣ руки мастеръ, во всякомъ дѣлѣ пригодится! А не вѣруетъ, значитъ—воръ, мошенникъ, дуракъ, никакого дѣла ему поручить нельзя. Или:—„Въ парламентъ вѣруешь?“ —„Вѣрую“.—Ну, значитъ, умный, добрый, честный человѣкъ и на всякое дѣло способный. А если кто въ парламентъ не вѣруетъ, значитъ —дуракъ, мошенникъ, никуда негодный черносотенецъ.

Вѣдь, изъ исторіи человѣчества извѣстно, что когда-то судьи поступали такъ: заставляютъ подсудимаго проходить по раскаленному желѣзу; пройдетъ—невиненъ, не пройдетъ—виновенъ. Нельзя, конечно, сказать, чтобы это былъ вѣрный и правдивый способъ, но онъ значительно облегчалъ правосудіе. Не было надобности ни въ опросѣ свидѣтелей, ни въ какомъ-либо разборѣ дѣла, и совѣсть судей была спокойна; какъ-никакъ, при самомъ тщательномъ разборѣ, могутъ быть ошибки,—а тутъ, понятно, никакихъ ошибокъ не можетъ быть; вѣдь, каждый можетъ судить: прошелъ ли подсудимый по раскаленной плитѣ, или нѣтъ. Все зависитъ отъ условія.

Такъ легко судить о человѣкѣ по тому, прогрессистъ ли онъ или нѣтъ; вѣдь, самъ себя прогрессистомъ называетъ, и не только называетъ, но и стоитъ за парламентъ и всякія свободы. А разъ существуетъ условіе,—безмолвное, такъ сказать, соглашеніе, что всякій прогрессистъ и демократъ—умный, честный, дѣльный человѣкъ,— то и совѣсть у всѣхъ спокойна.

Или не то же бывало во времена рыцарства? Въѣзжаетъ рыцарь подъ маской и кричитъ: „Заявляю, что такая-то дама—само благородство и неземная красота. Кто не вѣритъ, выходи на бой!“ И будетъ дама благородной и красивой, смотря по тому, кто побѣдитъ. И всѣ будутъ считать ее благородной и красивой, потому что такое условіе существуетъ. Все зависитъ отъ условія. Если рыцарь силенъ, если руки его крѣпки, то дама его, слѣдовательно, благородна и красива.

Мы смѣемся надъ обычаями рыцарства, понимаемъ, что это было какое-то умственное затменіе,—а развѣ не то же происходитъ у насъ. Вѣдь, парламенты, митинги, собранія, судебные разборы— тѣ же турниры. Выходитъ одинъ и кричитъ: „Я за англійскій парламентъ. Кто противъ, выходи на бой!“ Другой кричитъ, что онъ за соціальную республику, третій—за прогрессъ и т. п. И начинается бой, но судьбу современной дамы сердца рѣшаетъ не крѣпость мышцъ, а пошлость и безстыдство рыцарскаго языка. Если, къ примѣру, ораторъ, на шлемѣ котораго выгравировано, что онъ принадлежитъ къ ордену соціальной республики, обладаетъ способностью говорить безумолку и безудержу, если правда для него—звукъ пустой, а выше всего—интересы ордена, и онъ не брезгаетъ никакими средствами, чтобы опорочить, поносить своихъ противниковъ, заклеймить ихъ остроумнымъ словомъ, во́-время и ловко выругать, передернуть чужія слова, фразы, какъ шулера во время игры передергиваютъ карты, если онъ, подобно любому шантажисту, способенъ наговорить любезностей, которыя ему и гроша мѣднаго не стоятъ, нада-

вать обѣщаній, которыя ему еще меньше стоятъ, потому что это все обѣщанія чужого добра и за шереметьевскій счетъ,—если, словомъ, ораторъ въ состояніи напускать пыли въ глаза и тумана въ головы, то побѣда за нимъ и его орденомъ, и всѣ зрители, типичные Санхо-Панчо, неистово начинаютъ кричать: „Да здравствуетъ соціалъ-демократъ!"—а потомъ идутъ всѣ къ урнѣ и подаютъ голосъ за соціалъ-демократа,—и готовъ новоиспеченный депутатъ, геніальный государственный дѣятель. Пожалуй, все это происходитъ скорѣе и легче, чѣмъ въ сказкѣ. Такъ развѣ вся эта современность не просится подъ перо Сервантеса? Обыватель негодуетъ! Какъ? Парламентъ, выборы, митинги, рѣчи, общества, газеты, комитеты, лекціи, цвѣточные сборы... Вѣдь, все это такъ занимательно, такъ эфектно, вѣдь это послѣдній крикъ моды, который зовется общественностью, единеніемъ правительства съ обществомъ, мобилизаціей общественныхъ силъ!.. А развѣ,—спрошу я,—рыцарямъ, до Сервантеса, ихъ рыцарство, рыцарскіе затѣи, турниры, кодексы не казались тѣмъ же крикомъ моды, той же занимательной эфектной общественностью. То была рыцарская общественность, а теперь интеллигентская общественность. Одного поля ягоды; одна уже дождалась своего Сервантеса, другая дождется.

Вѣдь, это же какая-то дьявольщина, какое-то дьявольское наважденіе. Откровенно говоря, дьявола до сихъ поръ я и въ глаза не видалъ, и до послѣдняго времени даже не вѣрилъ въ его существованіе. Если же мнѣ неоднократно приходилось слышать, что женщина, это—и есть дьяволъ, то я принималъ это за милую шутку, или просто за субъективное ощущеніе нѣкоторыхъ женатыхъ людей. Я могъ бы также пошутить и сказать, что интеллигентъ, это—самъ дьяволъ, но, право, мнѣ не до шутокъ. Но безъ шутокъ, я въ послѣднее время начинаю думать, что дьяволъ обязательно есть. Да и какъ же думать иначе? Сотворилъ Богъ міръ и землю со всей ея чудной и разнообразной природой, создалъ человѣка, по образу и подобію своему, надѣлилъ его душой и опредѣленными природными свойствами, заповѣдалъ Онъ ему въ потѣ лица своего добывать свой хлѣбъ, и далъ ему еще 10 заповѣдей, по которымъ человѣкъ можетъ стать угоднымъ Богу. Человѣкъ же все представляетъ себѣ шиворотъ-навыворотъ: занимается какими-то странными, безполезными дѣлами, производитъ какія-то безсмысленныя движенія, видитъ и слышитъ совсѣмъ не то, что есть въ дѣйствительности, и не одинъ человѣкъ, а цѣлыя поколѣнія, и подъ-рядъ въ теченіе вѣковъ, тысячелѣтій. Какъ не подумать, что дьяволъ попуталъ, что дѣло безъ какой-то нечистой, враждебной Богу, силы не обошлось.

Къ примѣру, всякому ясно, что воръ тотъ, кто укралъ. Если же цѣлыя поколѣнія вѣками признавали воромъ того, кто не въ состояніи пройти по раскаленной желѣзной плитѣ, если такъ считали самые обыкновенные обыватели, въ томъ числѣ и очень умные, и разсудительные,—то развѣ безъ дьявола тутъ обошлось дѣло?

Или приходитъ къ хозяину рабочій и шумъ подымаетъ, и не то проситъ, не то требуетъ прибавки жалованья. Хозяинъ задаетъ вопл-

нѣ логичный вопросъ:—„А есть у тебя аттестація мастера, что ты своимъ трудолюбіемъ, способностями, своей пользой дѣлу заслужилъ прибавку?“—„Мнѣ никакой аттестаціи не надо; я—забастовщикъ, и это самая лучшая и вѣрная рекомендація.“—„Простите, милый,—говоритъ хозяинъ,—для меня важнѣе всего аттестація мастера; онъ очень знающій, опытный мастеръ и преданный мнѣ и дѣлу служащій.“—„Намъ такихъ мастеровъ не надо, и мы его сейчасъ на тачкѣ вывезли; мы же себѣ намѣтили уже другого мастера.“—„Я строилъ фабрику для себя, считаю себя хозяиномъ, и жалованье буду прибавлять, и мастеровъ буду держать по своему усмотрѣнію.“—„Ну, нѣтъ, шалишь! Твое дѣло только построить фабрику, а хозяйничать въ ней будемъ мы; на то у насъ и забастовка!“—„Зовите, какъ хотите, а просто, по-человѣчески, по заповѣдямъ Божьимъ, это грабежъ среди бѣла дня и только.“—„Да ты, видно, господинъ фабрикантъ, жилъ во времена, когда люди еще безъ галошъ ходили, не говоря уже о прочихъ принадлежностяхъ туалета. Почитай-ка газету: „Въ городѣ объявлена общая забастовка; забастовали рабочіе въ булочныхъ, на трамваѣ, на электрической станціи и въ другихъ предпріятіяхъ. Предъявлены экономическія требованія. Городъ во мракѣ, обыватели во тьмѣ ломаютъ себѣ ноги; сидятъ безъ хлѣба и другихъ продуктовъ; грозитъ голодъ. Между тѣмъ, предприниматели не желаютъ удовлетворять справедливыя требованія тружениковъ, хотя администрація принимаетъ мѣры къ тому, чтобы побудить предпринимателей пойти на уступки. Среди обывателей возбужденіе противъ предпринимателей. Въ Городской Думѣ былъ запросъ; избрана депутація къ губернатору съ просьбой повліять на предпринимателей“... Черезъ нѣсколько номеровъ: „Забастовка кончилась; всѣ требованія рабочихъ удовлетворены; много предпринимателей разорилось; нѣкоторые закрыли предпріятія; замѣчается стремленіе повысить цѣны на предметы первой необходимости“... Такъ развѣ это грабежъ, развѣ про грабежъ тамъ пишутъ? Согласитесь, что это благородная экономическая забастовка.—„Пусть газеты пишутъ, депутаты въ Думѣ распинаются, а мнѣ, какъ хозяину, какъ фабриканту и предпринимателю, лучше знать и чувствовать, что́ такое забастовка? И я авторитетно заявляю, что каждый забастовщикъ—воръ и грабитель.“—„Какъ ты смѣешь такъ выражаться! Вотъ я тебѣ покажу, какой я воръ и грабитель! Эй, господа интеллигенты, сюда!“—И, откуда ни возьмись, слетѣлось видимо-невидимо интеллигентовъ; тутъ и знаменитые профессора, и инженеры всякіе, и агрономы, и юристы, и врачи, и всякіе другіе спеціалисты; тутъ и писатели, и редакторы, и сотрудники всѣхъ безпартійно-прогрессивныхъ газетъ, тутъ и лекторы всякіе, и учителя, и весь третій элементъ; тутъ же важно разгуливаютъ либеральные земцы, тамъ бесѣдуютъ депутаты со своими интеллигентными избирателями и поклонниками; не обошлось дѣло и безъ общественныхъ дамъ и „сознательныхъ“ рабочихъ,—а студентовъ и курсистокъ, гимназистовъ и гимназистокъ, и всякихъ школьниковъ, собралось—тьма кромѣшная. Какъ собрались, посмотрѣли,—сразу поняли, что передъ ними забастовщикъ. Лица у всѣхъ просіяли, и началось тутъ столпотвореніе вавилонское. Кто кричитъ:

„ура забастовщику!“, кто лѣзетъ цѣловаться, кто руку жметъ, приговаривая: „счастливъ пожать вашу благородную руку!“; корпорація санитарныхъ врачей и бактеріологовъ, во главѣ съ знаменитымъ профессоромъ, даже адресъ преподнесла. Студенты и гимназисты, по своему обыкновенію, качать стали. Стоитъ нашъ забастовщикъ, блаженно улыбается и каждый разъ выговариваетъ фабриканту: „Будешь теперь забастовщика воромъ да грабителемъ называть?“ Тутъ, какъ на грѣхъ, еще карета, богатая, вся раззолоченная, подъѣхала, изъ нея два важныхъ господина, кругомъ въ орденахъ, вышли, и, узнавъ, что передъ ними забастовщикъ, сняли шапки, низко-низко поклонились, а подойдя къ забастовщику, крѣпко пожали ему руки и представились французскими министрами; одинъ оказался Вивіани, а другой—Мильеранъ.—„Что, видалъ-миндалъ?!“—крикнулъ забастовщикъ.—А фабрикантъ стоитъ, протираетъ глаза, то ущипнетъ себя за руку, то за какую-нибудь другую часть тѣла, и глазамъ, и ушамъ своимъ не вѣритъ. Особенно обидно ему стало, когда цѣлая депутація именитыхъ купцовъ, фабрикантовъ, во главѣ съ предсѣдателемъ какого-то комитета, не то биржевого, не то ярмарочнаго, поднесла еще забастовщику цѣнный подарокъ.

Фабрикантъ чуть не заплакалъ,—а я васъ спрашиваю, господа, такъ развѣ это не шутки и штуки дьявола?

Или, слышу крикъ, вижу: у воротъ фабрики бьютъ человѣка. Спрашиваю: за что бьютъ?—„Да это штрейкбрехеръ.“—„Что же это значитъ? Воръ, грабитель, убійца?“—Меня осмотрѣли съ ногъ до головы, какъ будто я съ другой планеты явился.—„Да нѣтъ, это человѣкъ, который пришелъ на фабрику и хочетъ стать на работу.“

Я смущенно отошелъ; какъ же это я упустилъ изъ виду, что фабрики открываются теперь только для того, чтобы на нихъ бастовали, а не работали; но все-таки я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи и этотъ случай свалить на врага рода человѣческаго.

Или, прохожу мимо одного дома, слышу: шумъ; вдругъ широко раскрываются двери и оттуда выбѣгаютъ нѣсколько студентовъ, а за ними вылетаетъ другая толпа студентовъ и всячески бранитъ и поноситъ первыхъ. Спрашиваю, въ чемъ дѣло?—„Да это—академисты!“—Опять недоумѣваю: что же это, экспропріаторы или разбойники изъ студентовъ? Раздался гомерическій хохотъ:—„Да нѣтъ; понимаете ли, они пришли въ этотъ домъ учиться.“—Я сообразилъ, въ чемъ дѣло, и тоже сталъ надрываться отъ смѣха; кричу: „понимаю, понимаю,—тутъ, оказывается, кафе-шантанъ, а они пришли сюда учиться; вмѣсто университета въ кафе-шантанъ попали.“—„Да нѣтъ же; это и есть университетъ“...

Опять дьяволъ надо мной пошутилъ. Я продолжалъ думать, что государство тратитъ огромныя суммы и создаетъ университеты для ученія, для накопленія такъ нужныхъ странѣ и народу знаній, и опять упустилъ изъ виду, что эти учрежденія созданы только для развлеченія студентовъ; для ихъ митинговъ, собраній, рѣчей, спо-

ровъ; съ этой цѣлью студенты копируютъ всякія политическія партіи; главное же развлеченіе заключается, конечно, въ забастовкахъ. Я извинился и смущенно отошелъ.

Одинъ разъ, въ томъ же домѣ, который я принялъ за кафе-шантанъ, слышу опять шумъ. Вбѣгаю. Вижу, толпа студентовъ окружила какого-то прилично одѣтаго, симпатичнаго на видъ, почтеннаго господина, съ окладистой бородой и въ золотыхъ очкахъ. Галдитъ, свиститъ и кричитъ:—„Вонъ!“—Я уже не строилъ никакихъ гипотезъ, а просто спросилъ: „Кто это?“—„Профессоръ, ставленникъ Кассо!“—Меня уже дьяволъ въ достаточной степени попуталъ, и я догадался, что это, очевидно, негодяй, имѣющій дерзость думать, что университетъ—чистый храмъ науки, въ которомъ профессора должны учить, а студенты—только учиться. Тутъ, какъ на грѣхъ, прошелъ другой, прилично-одѣтый, симпатичный на видъ, почтенный господинъ, съ окладистой бородой и въ золотыхъ очкахъ. Толпа вѣжливо разступилась и каждый съ привѣтливой улыбкой кланялся вновь пришедшему. Оказалось, что это—популярный, любимый профессоръ,—а популяренъ онъ потому, что сказки все разсказываетъ студентамъ, а вся наука, которую онъ преподаетъ, заключается въ томъ, что какъ государства созданы для парламента, такъ университеты созданы не для науки, а для автономіи. Скажите на милость, какъ же ему не быть популярнымъ среди тѣхъ, которыхъ смутилъ и смущаетъ врагъ рода человѣческаго?

Попалъ я въ Москву и вижу: на улицѣ толпа людей съ краснымъ знаменемъ. Я уже имѣлъ поводъ уяснить себѣ, что существа, идущія толпой, со знаменемъ въ рукахъ, составляютъ особую породу, повидимому—тоже изъ человѣческаго племени, носящую особое названіе: манифестанты. Отъ одного изъ манифестантовъ я узналъ, что сегодня въ Москвѣ торжество: выбрали въ городскіе головы прогрессиста и демократа Челнокова.—„Провалили, значитъ, Гучкова“,—съ торжествомъ прибавилъ манифестантъ:—„теперь обоихъ братьевъ провалили: одного—въ Государственную, а другого—въ городскую Думу; теперь Москва однихъ прогрессистовъ даетъ.“—„Такъ имъ, Гучковымъ, и надо, говорю; должно быть, темные дураки?“—Какое! Очень умные люди; почитай, во всей Россіи немного такихъ умныхъ людей найдешь.“—„Что же, мужики какіе-нибудь неграмотные?“—Что вы! Люди съ университетскимъ образованіемъ!—Я улыбнулся во весь ротъ: „Понимаю“,—и тутъ же съ хитрой улыбкой щелкнулъ себя особымъ образомъ: „закладываютъ, молъ?“—„О, нѣтъ,—трезвые, разсудительные люди; изъ старообрядцевъ, насчетъ вина очень строги.“—Я не унимался и ударилъ себя по карманамъ: „насчетъ общественнаго добра, молъ, неразборчивы; вмѣсто чужого, въ свой карманъ перекладываютъ?“—„Бросьте это; самые что ни на есть честные люди; не то, что чужія взять, своихъ денегъ не пожалѣютъ на общее благо.“—„Ага,“—смекнулъ я,—„мастера только на языкъ, а чуть дѣло коснется, то и на попятный; словомъ, лѣнтяи несусвѣтные; только числятся при дѣлѣ, а дѣла не дѣлаютъ, и всякое дѣло при нихъ по швамъ трещитъ?“—„И отъ этого далеки; на-

до правду сказать, работящіе, трудолюбивые братья; и минуты зря не посидятъ, все за дѣломъ."

Хотя я начиналъ терять почву подъ ногами, однако, храбро продолжалъ: „Съ однимъ трудолюбіемъ далеко не уѣдешь; можно безъ толку работать въ потѣ лица своего, какъ медвѣдь въ баснѣ; вѣроятно, у нихъ ни способностей къ дѣлу, ни опыта никакого не было?" —„О, нѣтъ, наоборотъ, руки золотыя: за что ни возьмутся, работа у нихъ такъ и кипитъ; а Н. И. Гучковъ у насъ ужъ сколько лѣтъ головой, и опытъ большой имѣетъ, и почетомъ большимъ пользуется; если бы только за этимъ дѣло стало, то лучшаго намъ головы и не надо". — Мнѣ поневолѣ пришлось спустить тонъ. — „Можетъ быть," — говорю, — „все для богатыхъ однихъ старался?" — „Представьте себѣ, и этого нельзя сказать; былъ человѣкъ дѣла и правды; работалъ для дѣла, для Москвы; за его время Москва много впередъ пошла; и насчетъ школъ и больницъ, и насчетъ чистоты и порядка; вообще, насчетъ всего городского благоустройства, да и хозяйство городское все въ порядкѣ и на счету; да что грѣха таить, съ хозяйской точки зрѣнія, лучшаго намъ городского головы и желать не приходится".—Я пересталъ что-либо понимать и въ состояніи былъ только прошептать: „Такъ, можетъ быть, нѣмцамъ предались, врагамъ родину продали?" — „Что вы, что вы! Самые искренніе патріоты, любятъ Россію, преданы народу, жизнь, здоровье, состояніе готовы за него отдать; всю жизнь работали только на пользу родины, работали не за страхъ, а за совѣсть, и по силѣ своего разумѣнія"...

Я развелъ руками: „Такъ почему же вы радуетесь, что выбрали прогрессиста Челнокова?" — „Да какъ же, вѣдь, мы всѣ тоже прогрессисты".—Я недоумѣвалъ: вѣдь, выбирали не прогрессиста, а городского голову; или прогрессисты такой сортъ людей, которымъ не нужны умные, хозяйственные головы, не нужны честные, преданные родинѣ люди?

Получились самые разнообразные и, правду сказать, самые безтолковые отвѣты. По мнѣнію однихъ, разъ кто прогрессистъ, значитъ—онъ и умный, и честный, и благородный человѣкъ, и гдѣ ни сядетъ, будетъ на своемъ мѣстѣ. Я пытался возражать: „Но, вѣдь, прогрессистами не гордятся; можно родиться умнымъ или дуракомъ, а прогрессистъ—просто кличка, прогрессистомъ каждый, по своему желанію, можетъ стать; неужели же каждый дуракъ, который запишется въ прогрессисты, станетъ умнымъ, каждый воръ—честнымъ".— На это я получилъ отвѣтъ, достойный крыловскаго знатока музыки: „Ни одинъ дуракъ, ни одинъ воръ не запишется въ прогрессисты".— Я догадался, что тутъ дѣло нечисто, пахнетъ дьяволомъ, и ушелъ подальше отъ грѣха.

По убѣжденію другихъ, каждый человѣкъ долженъ принадлежать къ какой-либо партіи, хотя бы къ партіи безпартійныхъ, и долженъ всячески содѣйствовать успѣху своей партіи и радоваться ея торжеству.—„Вотъ мы и торжествуемъ, потому что наша взя-

ла".—„Ваша-то взяла, но что взяла Москва, что взяла Россія? Вѣдь, выбирали же городского голову, а не прогрессиста. Вѣдь, для этого нужны умные, хозяйственные, опытные люди, нужны именно Гучковы. Интересы Москвы, интересы Россіи требуютъ Гучковыхъ, а выбираете прогрессистовъ, потому что считаете себя прогрессистами, и зачислились въ ихъ партію. Вамъ важны не интересы Россіи, не интересы народа, а только интересы партіи. Вы готовы предать не только Москву, но и всю Россію, лишь бы торжествовала ваша партія. Ваши увѣренія, что вамъ дороги интересы народа—однѣ фразы, одно ханжество! Это тѣмъ болѣе обидно, что въ партійныхъ интересахъ ничего реальнаго, все выдумано, фиктивно. Реальные интересы—семейные, родственные, племенные, національные, просто-человѣческіе. А то выдумали какую-то программу, составили партію, и за клочки этихъ бумажныхъ, зачастую совершенно безсмысленныхъ, программъ бьются, дерутся; изъ-за клочковъ этой бумаги забываютъ истинные, реальные интересы какъ индивида, такъ и народа. Изъ-за деревьевъ—лѣса не видятъ. Вѣдь, это же какое-то дьявольское навожденіе!"—Отвѣтъ поставилъ меня втупикъ.—„Партій много, и партійныхъ программъ много. Мы выбрали программу прогрессистовъ потому, что, по нашему мнѣнію, она принесетъ Россіи одно благо и спасетъ народъ отъ всякихъ бѣдъ. Такъ, впрочемъ, думаетъ всякій про свою партію и про свою программу. Торжество партіи поэтому означаетъ торжество программы, а наша программа—несетъ спасеніе Россіи и благо Москвѣ".

Я много говорилъ уже о томъ, что такое программа, какъ безсмысленно, преступно подгонять жизнь, притомъ жизнь народа, къ программамъ, тѣмъ болѣе къ программамъ, взятымъ напрокатъ отъ другихъ народовъ и составленнымъ по образцамъ жизни того или иного народа. На мѣсто жизни, на мѣсто живыхъ людей, живого народа—ставятъ программы, буквы. Пусть будетъ человѣкъ геніальнымъ, способнымъ спасти свой народъ, онъ будетъ выброшенъ за бортъ, если онъ не признаетъ программы, если онъ не признаетъ партіи. Пусть спасеніе народа требуетъ одного, программа же говоритъ совершенно другое, такъ пусть лучше тогда погибнетъ народъ, чѣмъ допустить измѣну программѣ, хотя бы одной ея буквѣ! Такъ развѣ торжество программы, торжество партіи—не торжество дьявола?

Третьи даже возмутились, подозрительно оглянули меня,—не съ планеты ли какой я свалился на землю; какъ, молъ, не торжествовать, когда избранъ прогрессистъ, неземное, сверхъ-человѣческое существо, стоящее за парламентъ, за свободы и за всякія другія конституціонныя блага.

Я не принадлежалъ къ числу неземныхъ существъ и не въ состояніи былъ постигнуть это торжество. Вѣдь, всѣ матеріальныя и другія блага, которыя даетъ кресло городского головы, достались только Челнокову и его ближайшимъ друзьямъ. Причемъ же тутъ вся остальная торжествующая Россія? Для общаго торжества нуж-

ны общіе, реальные интересы. Если, примѣрно, идетъ война, то побѣда арміи составляетъ общее торжество, потому что всѣ реально, матеріально заинтересованы въ побѣдѣ. Челноковъ мнѣ ни сватъ, ни братъ, и торжествовать мнѣ нѣтъ никакихъ основаній; и хотя вся Россія волновалась изъ-за выборовъ Челнокова, но это были все продѣлки дьявола, потому что отъ выборовъ Челнокова—всей, такъ называемой, прогрессивной Россіи ни жарко, ни холодно. Конечно, въ выборахъ заинтересованы всѣ домовладѣльцы, коренные жители Москвы; но они заинтересованы въ томъ, чтобы голова былъ разсчетливъ, экономенъ, тратилъ городскія средства только на полезныя, необходимыя предпріятія; чтобы онъ былъ, словомъ, честнымъ, дѣльнымъ головой. Но при избраніи Челнокова эти именно реальные, жизненные интересы горожанъ отошли на задній планъ; въ томъ, что избранъ прогрессистъ, они не сомнѣваются,—ихъ, наоборотъ, тревожитъ только вопросъ, какимъ этотъ прогрессистъ будетъ въ роли городского головы. Вѣдь, это все равно, какъ если бы въ ресторанъ на освободившееся мѣсто повара, изъ двухъ кандидатовъ предпочтеніе отдано было бы прогрессисту и именно потому, что онъ—прогрессистъ. Несомнѣнно, каждый подумалъ бы, что у хозяина ресторана не всѣ дома, не все ладно въ головѣ; каждый понялъ бы, что торжество прогрессивной Россіи по такому поводу наводитъ на грустныя мысли о ненормальной психикѣ общества. И только обычные посѣтители ресторана познали бы, что быть прогрессистомъ еще не значитъ—быть хорошимъ поваромъ, музыкантомъ, профессоромъ и даже—городскимъ головой. Такъ развѣ это не продѣлки дьявола?

Конечно, можно торжествовать и тогда, когда самъ ты матеріально не заинтересованъ, но только въ одномъ единственномъ случаѣ: когда торжествуетъ святая, божественная правда, т.-е. реальная, жизненная правда,—правда жизни. Но развѣ торжество Челнокова—торжество правды? Прежде всего, позволительно сомнѣваться, что Челноковъ, дѣйствительно, сторонникъ свободы, равенства и братства. Вѣдь, его же не произвели въ прогрессисты, а онъ самъ причислилъ себя къ прогрессистамъ; и всякому понятно, что называть себя прогрессистомъ и быть прогрессистомъ—дистанція огромнаго размѣра. Я, наоборотъ, категорически заявляю, что я съ полнымъ правомъ сомнѣваюсь въ чистотѣ и искренности прогрессивныхъ убѣжденій Челнокова именно потому, что онъ позволилъ себѣ итти въ городскіе головы, подъ флагомъ прогрессиста. Для всякаго дѣла, для всякаго занятія, ремесла есть свой критерій; въ повара, музыканты надо итти въ качествѣ повара или музыканта; итти же въ повара въ качествѣ прогрессиста—нечестно и неблагородно.

Но пусть даже торжество Челнокова—истинное торжество свободъ и конституціонныхъ благъ. Такъ вѣдь, это торжество такъ же далеко отъ торжества правды, какъ небо отъ земли. Развѣ торжествуетъ правда во Франціи, въ Италіи, развѣ тамъ исчезли ложь, насиліе? Развѣ свобода забастовокъ можетъ быть торжествомъ правды? Или свобода слова принесетъ развѣ правду міру, разъ не торжествуетъ правда въ душѣ человѣка? Наоборотъ, торжество свободъ

въ нашемъ мірѣ и въ наше время—только торжество насилія, лжи. А развѣ торжество парламента—не торжество бездарностей надъ талантами, тунеядцевъ надъ тружениками, аферистовъ надъ честными, правдивыми людьми? Развѣ это не торжество силы, чуждой божественной правдѣ? Богъ не въ силѣ, а въ правдѣ! Эта поговорка требуетъ поясненій. Все, что правда, то заложено въ душѣ человѣческой, то неотдѣлимо отъ души; истинная человѣческая душа—и есть сама правда. То же, что никакихъ корней въ душѣ человѣческой не имѣетъ, что стоитъ внѣ ея,—то сила, насиліе, то отъ дьявола, хотя бы оно носило самыя красивыя и завлекательныя клички: любовь, милосердіе, свобода, равенство и т. п. Богъ только въ истинной, правдивой человѣческой душѣ, а не въ свободахъ, парламентахъ, соціальной республикѣ и тому-подобныхъ дьявольскихъ измышленіяхъ, какія бы клички они ни носили. Торжество прогрессиста, торжество свободъ, парламента—торжество дьявола. Когда торжествуетъ прогрессистъ, тогда правдивая человѣческая душа облекается въ трауръ. Богъ создалъ человѣка, а дьяволъ создалъ прогрессистовъ, демократовъ, интеллигентовъ, популярныхъ общественныхъ дѣятелей, ораторовъ, газетчиковъ. Кого и что еще будетъ создавать дьяволъ на соблазнъ человѣку,—предсказать не берусь.

Я, однако, не удовлетворился вышеизложенными заявленіями и рѣшилъ анкетнымъ путемъ выяснить реальныя основанія торжества московскихъ обывателей. Мною были пущены въ ходъ двѣ анкеты; получилась масса отвѣтовъ, давшихъ положительный и исчерпывающій результатъ. Были отвѣты короткіе и сухіе, были пространные, съ исчерпывающей мотивировкой; нѣкоторые были написаны въ минорномъ, другіе—въ патетическомъ, даже въ негодующемъ тонѣ; были отвѣты въ видѣ стиховъ, элегій, поэмъ, въ видѣ драмъ, повѣстей, романовъ и даже въ видѣ цѣлыхъ философскихъ, соціальныхъ и политико-экономическихъ трактатовъ. Я потратилъ добрую часть своей жизни на разборку всѣхъ отвѣтовъ и приведеніе ихъ въ систему. И удивительно: оказалось, что во всѣхъ отвѣтахъ, явно и межъ строкъ, было нѣчто, что связывало, соединяло всѣхъ авторовъ въ одну человѣческую семью, что сводило всѣ отвѣты къ одному знаменателю, который въ общежитіи зовется обывательщиной. Вотъ эту обывательщину я извлекалъ изъ каждаго отвѣта и сжато излагалъ на поляхъ каждаго анкетнаго листка. Вотъ нѣсколько этихъ сжатыхъ, такъ сказать, квинтъ-эссенцій каждаго отвѣта я и приведу.

Анкета № 1. Какія непріятности, лишенія, несчастья принесло вамъ правленіе Гучкова,—другими словами, торжество реакціи?

Отвѣтъ универсальный, типичный: „Говорить о временахъ Гучкова, значитъ—говорить о временахъ Нерона, потому что торжество реакціи—сплошное несчастье, въ которомъ расплываются, передъ которымъ блекнутъ частныя бѣды, несчастья отдѣльныхъ лицъ. Повторять ли ту истину, что торжество реакцій—торжество тьмы, когда всякому ясно, что во времена Гучкова тьма царила надъ первопрестольной столицей. Гучковъ, можно сказать, превратилъ Москву въ уголокъ Лапландіи. Понятно, что тьма одинаково ца-

рила и въ ясный майскій день, и въ ненастный октябрьскій вечеръ, и въ лачугѣ бѣдняка, и въ хоромахъ богача, и въ будній и въ праздничный день, и во время похоронъ, и во время свадебнаго торжества. Никакое электричество, никакіе фонари не въ состояніи разсѣять реакціонной тьмы. Да что электричество, да что фонари! Безпомощными, безсильными оказываются всѣ просвѣтительныя учрежденія, всѣ просвѣтительныя общества. А не съ дѣтства ли намъ твердили, что ученье—свѣтъ? Оказывается, даже свѣтъ ученья меркнетъ передъ тьмой реакціи. Мало ли въ Москвѣ высшихъ учебныхъ заведеній, мало ли среднихъ, низшихъ; мало ли открылось при Гучковѣ; мало ли ихъ открылось стараніями Гучкова; даромъ, что реакціонеръ,—а, надо отдать ему справедливость, былъ онъ ревнителемъ просвѣщенія. Но велика сила реакціонной тьмы. И пусть бы вся Москва, стараніями Гучкова, превратилась въ сплошной разсадникъ просвѣщенія,—нѣтъ спасенія Москвѣ, и горе ея обывателямъ, вынужденнымъ прозябать во мракѣ до тѣхъ поръ, пока врагами свѣта будетъ избираться мракобѣсъ. Все, что не прогрессистъ, то мракобѣсъ. И тьма висѣла надъ Москвой, и мракъ,—ужасный мракъ терзалъ и угнеталъ сердца и души москвичей. Надо быть въ шкурѣ прогрессиста, чтобы понять, прочувствовать весь этотъ ужасъ, никто другой его понять не можетъ, потому что только прогрессистъ вѣритъ и сознаетъ, что реакція, это—тьма. Этой вѣры и достаточно, эта вѣра необходима для того, чтобы все стало мрачнымъ, чернымъ въ городахъ, гдѣ царитъ реакція. То-ли дѣло, когда попадешь хотя бы въ Самару съ ея прогрессивнымъ головой Пермяковымъ. На душѣ такъ легко и радостно, кругомъ все свѣтло, торжествуетъ и сіяетъ. Счастливая Самара, счастливая Аркадія! Въ Москвѣ во времена Гучкова университетъ и тотъ былъ разсадникомъ тьмы, а въ прогрессивной Самарѣ даже каждый кабакъ—разсадникъ свѣта. Вотъ что значитъ—тьма реакціи и свѣтъ прогресса! Повторяю, надо быть прогрессистомъ, чтобы во всей силѣ понять и даже прочувствовать это. Сказано бо въ прогрессивномъ писаніи, что гдѣ реакція, тамъ и тьма. Прогрессисту и темно тамъ, гдѣ реакція. Мудреная только штука опредѣлить, гдѣ и въ чемъ реакція? Само собой разумѣется, разъ въ прогрессивныхъ газетахъ написано, что Гучковъ—реакціонеръ, то вопросъ весьма упрощается, и всякому прогрессисту ясно, что во времена Гучкова Москва была погружена во мракъ. Но когда никакихъ такихъ реальныхъ указаній нѣтъ, и прогрессистъ предоставленъ, такъ сказать, теченію собственныхъ мыслей, то и въ этомъ случаѣ особыхъ затрудненій не встрѣчается, и сложную проблему,—что прогрессъ, что реакція,—даже самый обыкновенный прогрессистъ разрѣшаетъ простымъ, но мудрымъ пріемомъ: что прогрессисту не по нутру, то—реакція. Наѣлся прогрессистъ на здоровье и въ свое удовольствіе блиновъ—прогрессъ, заболѣлъ послѣ этого разстройствомъ желудка—реакція. Получилъ по службѣ награду—прогрессъ; получилъ выговоръ—реакція. Обязательно послѣ выговора прогрессистъ скажетъ: „имѣй послѣ этого дѣло съ черносотенцами!“ Если послѣ прогрессивнаго банкета, попалъ въ канаву и расшибъ себѣ носъ—реакція, если расшибъ носъ

другому и попалъ въ кутузку—реакція, если же послѣ банкета попалъ въ городскіе гласные отъ прогрессивнаго блока или въ депутаты Государственной Думы—прогрессъ. Словомъ, это—критерій обывательскій, но, несомнѣнно, весьма вѣрный и, во всякомъ случаѣ, весьма радикально и легко разрѣшаетъ задачу, почти неразрѣшимую для обыкновеннаго смертнаго: что прогрессъ и что реакція?

Понятно, что во времена Гучкова Москва была и могла быть только тюрьмой. Вѣдь, только въ тюрьмѣ люди лишены свободы. При той же тьмѣ, которая царила въ Москвѣ, первопрестольная была самой мрачной тюрьмой въ мірѣ. Надо было быть прогрессистомъ и смотрѣть на все прогрессивными глазами, и—Боже!—какими несчастными, жалкими страдальцами казались такому наблюдателю московскіе обыватели. Лица мрачныя, исхудалыя, землистаго цвѣта,—какія бываютъ у арестантовъ; въ глазахъ выраженіе забитости, запуганности. Люди двигаются такъ, какъ будто ноги и руки ихъ закованы въ кандалы; а у кого очень тонкій прогрессивный слухъ, тотъ явственно слышитъ даже лязгъ цѣпей. Обыватели идутъ, суетятся, летятъ въ пролеткахъ, автомобиляхъ, бѣгутъ на службу, шныряютъ по магазинамъ, биткомъ забиваютъ рестораны, кинематографы, театры; кричатъ, галдятъ, смѣются, веселятся, ходятъ другъ къ другу въ гости, бесѣдуютъ, орутъ, торгуютъ, покупаютъ, ѣдятъ, пьютъ,—словомъ, ведутъ себя такъ, какъ будто въ Москвѣ голова не Гучковъ, а самъ Милюковъ. Но прогрессистъ видитъ, сознаетъ, что все это ничто иное, какъ прогулка арестантовъ по тюремному двору, а дворъ этотъ зовется гучковской Москвой. Прогрессистъ видитъ, какъ несчастные гучковскіе арестанты,—которые воображаютъ себя московскими обывателями,—запуганные, забитые бродятъ, какъ тѣни, по своему тюремному двору; какъ они пугливо озираются по сторонамъ,—нѣтъ ли гдѣ поблизости реакціонера; но надо видѣть, какой ужасъ, какой смертельный страхъ появляется въ глазахъ обывателя, когда, внезапно или постепенно, передъ ними выростаетъ фигура полицейскаго. Вѣдь, полицейскій при Гучковѣ—то же, что опричникъ во времена Малюты Скуратова. Но что значитъ прогрессивность головы! Тотъ же полицейскій въ пермяковской Самарѣ, просто—душа-человѣкъ; не то толстовецъ, не то соціалъ-демократъ. Тамъ не кричатъ: „городовой!“ И иначе не обращаются къ полицейскому, какъ: „другъ сердешный.“ Дѣло полицейскаго только стоять; и стоитъ онъ такъ, какъ будто никого не видитъ, ничего не слышитъ, какъ будто и обывателей въ Самарѣ нѣтъ. А ужъ что съ нимъ только не продѣлываютъ обыватели; кто ни пройдетъ мимо, обязательно затронетъ: кто по спинѣ хлопнетъ, кто ущипнетъ, кто по носу щелкнетъ, а кто и лицо сажей вымажетъ. А полицейскій стоитъ, ничего не видитъ, не слышитъ, только пріятно улыбается и честь отдаетъ. Сразу видно, что тутъ голова—прогрессистъ.

И видитъ прогрессивный обыватель, какъ неслышно двигаются по Москвѣ мрачныя тѣни, скользятъ по улицамъ, какъ воры ночной порой. Всѣ перекидываются только рѣдкими, односложными словами; скажутъ слово—и оглядываются, а потомъ щупаютъ себя со всѣхъ

сторонъ,—не тащатъ ли ихъ гучковскіе опричники въ кутузку. Дома, на улицахъ, въ магазинахъ, театрахъ разговариваютъ шопотомъ, боятся слово лишнее проронить. Объясняются больше мимикой. Зайдутъ въ ресторанъ, и если меню писанное, низачто въ руки не возьмутъ, какъ бы за прокламацію не приняли. Многіе прямо изъ такихъ ресторановъ бѣгутъ. Изъ-за Гучкова Москва такъ на пищѣ св. Антонія и живетъ. Ничего толкомъ ни попить, ни поѣсть, ни купить, ни продать, ни повеселиться, ни съ пріятелемъ поболтать нельзя. Шутка ли сказать: городской голова—реакціонеръ! Браки почти исчезли въ Москвѣ; гдѣ тутъ до браковъ, когда боишься объясняться въ любви. Словомъ, протянись еще правленіе Гучкова,—Москва или перемерла бы съ голоду, или погибла бы естественнымъ путемъ, вслѣдствіе прекращенія браковъ и дѣторожденія. И все оттого, что нѣтъ свободъ, что городской голова—реакціонеръ.

А сколько бѣдъ надѣлала обывателямъ прикосновенность личности! Просыпается обыватель утромъ и первымъ дѣломъ старается убѣдиться, лежитъ ли онъ на своей постели, или на тюремныхъ нарахъ, лежитъ ли рядомъ съ нимъ жена, или какой-нибудь грязный арестантъ; тутъ же онъ озирается кругомъ,—находится ли онъ въ своей спальнѣ, или въ тюремной камерѣ,—вѣрнѣе, въ карцерѣ, потому что Москва и безъ того—одна тюрьма. И рѣдко-рѣдко кому въ гучковской Москвѣ приходилось просыпаться на своей постели и въ своей спальнѣ, потому что безъ неприкосновенности личности обывательская жизнь была не жизнью, а сплошной кандидатурой въ тюрьму. Каждый моментъ, каждое движеніе, каждый поступокъ давали только поводъ прятать обывателей въ тюрьму. Начнешь ли вставать и произведешь шумъ, умываешься ли, одѣваешься, заказываешь ли чай и пьешь кофе, начинаются ли приготовленія къ обѣду или къ завтраку, обѣдаешь ли, приходятъ къ тебѣ гости и т. п.,—все это грозило прикосновенному обывателю лишеніемъ свободы. А сколько опасностей грозило каждому на улицѣ; пожмешь кому-либо руку, снимешь шапку и поклонишься,—опричникъ тутъ какъ тутъ и тащитъ въ тюрьму. Сядешь ли въ трамвай, попросишь ли у кондуктора билетъ, крикнешь ли извозчика, зайдешь ли на почту, купишь ли газету, закуришь ли папироску и т. п.,—словомъ, каждый шагъ, каждое самое обыкновенное движеніе грозили обывателю лишеніемъ свободы. Рѣдко-рѣдко, кто возвращался домой. И каждый прогрессистъ все это заранѣе зналъ и предвидѣлъ, потому что нельзя ждать добра тамъ, гдѣ городской голова—реакціонеръ,—гдѣ нѣтъ, словомъ, неприкосновенности личности. То-ли дѣло въ пермяковской Самарѣ; тамъ каждый полицейскій, каждый жандармъ счастливъ, если онъ ночуетъ дома, такъ какъ тамъ вошло въ моду и даже въ привычку у обывателей, на ночь прятать въ тюрьму полицейскихъ, для того, чтобы, такъ сказать, демонстрировать неприкосновенность личности, чтобы всѣмъ наглядно показать преимущества прогрессивнаго городского головы.

О равенствѣ, братствѣ и соціальной республикѣ и говорить нечего. Жди ихъ отъ городского головы-реакціонера! И ужасъ леденитъ

душу, когда, закрывъ свои прегрессивные глаза, представляешь себѣ, что творилось въ Москвѣ во времена Гучкова. У кого пятачки въ карманѣ,—по трамваямъ разъѣзжаетъ; у кого двугривенники,—на пролеткахъ катитъ, у кого рубли—на автомобиляхъ, а у кого ни шиша въ карманѣ—пѣхтурой по всей Москвѣ разгуливаетъ. Гдѣ же тутъ равенство, гдѣ братство? Нѣтъ того, чтобы каждый обыватель чувствовалъ себя хозяиномъ Москвы. Выйдешь, молъ, утромъ, идетъ трамвай—садись; плетется пустой автомобиль—садись и кати, куда надо или куда вздумается. Проголодался—зайди въ любой ресторанъ, поѣшь себѣ вдоволь и ступай дальше. Усталъ—зайди въ любой домъ, тамъ уже тебѣ постель готова, отдохни или даже переночуй, какъ хошь. А тутъ—не угодно ли—какіе-то домовладѣльцы и собственники завелись. Хочешь жить въ Москвѣ, нанимай квартиру, плати деньги и будешь послѣ этого всего-навсего квартиронанимателемъ. За театръ плати, за трамвай плати, въ ресторанѣ плати, въ магазинахъ плати. Безъ денегъ—ни шагу. А насчетъ этихъ самыхъ денегъ никакого прогресса; какъ было сто лѣтъ, тысячу лѣтъ тому назадъ, такъ въ томъ же положеніи остался денежный вопросъ и при Гучковѣ: деньги ни на землѣ не валяются, никто ихъ и на улицахъ не раздаетъ, никакой надежды нѣтъ получить ихъ и даромъ изъ казначейства или изъ банковъ. Для отвода глазъ, при Гучковѣ даромъ раздавали только рекламныя объявленія, а чтобы открыть городскія кассы, изъ которыхъ каждый обыватель могъ бы получать, сколько ему надо на свои потребности,—обычныя, культурныя, прогрессивныя и ультрапрогрессивныя,—на это ума у Гучкова не хватило,—вѣрнѣе, у него хватило реакціонной хитрости на то, чтобы такія кассы не открывать. И, что обиднѣе всего, несчастные московскіе обыватели при Гучковѣ вынуждены были добывать себѣ деньги самымъ реакціоннымъ путемъ,—такъ, какъ ихъ добывали и сто и тысячу лѣтъ тому назадъ. И это въ Москвѣ двадцатаго столѣтія! И, какъ въ древней Іудеѣ или Элладѣ, или въ средневѣковой Германіи, или въ Москвѣ временъ Екатерины,—въ гучковской Москвѣ для добыванія денегъ приходилось примѣнять самый реакціонный способъ: *трудъ*. И работали несчастные обыватели въ потѣ лица своего,—а этому мракобѣсу Гучкову хоть бы что! Гдѣ же тутъ двадцатый вѣкъ, гдѣ же тутъ прогрессъ? Не былъ я въ Парижѣ, но воображаю, что творится въ этомъ центрѣ равенства, братства и соціальной республики, гдѣ городской голова наполовину радикалъ, наполовину соціалистъ, и зовется онъ радикалъ-соціалистъ. Какъ это онъ ухитрился себя на-двое раздѣлить,—издали трудно себѣ представить. Должно быть, одинъ глазъ у него соціальный, другой—радикальный; такую же операцію можно, пожалуй, продѣлать съ ушами, ногами, руками, почками, легкими. Однако, не понимаю, какъ ему удалось справиться съ языкомъ. Или въ Парижѣ языки раздвоились? Такъ далеко зашелъ тамъ прогрессъ! Впрочемъ, при прогрессивномъ головѣ всего можно ожидать. Но, зато, нашему брату, безпартійному прогрессисту, въ Парижѣ должно быть не житье, а масляница. Катайся, гуляй, ликуй, ѣшь, пей, веселись въ свое удовольствіе. Но тамъ для удобства каждый обыватель изъ прогрессистовъ зовется пролетаріемъ. И какъ тамъ проле-

таріи надъ реакціонерами, надъ буржуями потѣшаются! Просто чудеса разсказываютъ; нагулялся, навеселился пролетарій; вышелъ на улицу,—охота ему показаться,—а тутъ, какъ на грѣхъ, ни трамвая, ни извозчика, ни автомобиля. Но пролетарію, какъ съ гуся вода; запрегъ себѣ тройку буржуевъ, и на буржуяхъ по всему Парижу разгуливаетъ! Вотъ, гдѣ равенство и братство!

Да иначе и не стоило на весь міръ объявлять свободу, равенство и братство. Воображаю, что творится въ Римѣ,—въ этой резиденціи самого папы и намѣстника св. Петра! Люди, должно быть, только и дѣлаютъ тамъ, что цѣлуются, другъ-друга угощаютъ, другъ-другу подарки суютъ. Въ Римѣ, вѣрно, бѣда особаго рода; каждому охота въ Царство небесное попасть, и каждый боится стать богатымъ. Какъ заведется у кого копейка, такъ и норовитъ другому ее отдать, а никто этой копейки и брать не хочетъ; каждый, какъ огня, боится прослыть богатымъ. Стараются поэтому тайкомъ другому въ карманъ всунуть деньги. Да бѣда въ томъ, что ни у кого кармановъ нѣтъ; боятся заводить одежду или какую-нибудь домашнюю утварь. Далеко ли до грѣха: заведешь жилетку, да еще съ карманомъ, и, того и гляди, прослывешь богатымъ и прозѣваешь Царство небесное. Вотъ, и живетъ папа, какъ Діогенъ въ бочкѣ, а кругомъ—кардиналы въ бочкахъ, а кругомъ кардиналовъ—весь Римъ въ бочкахъ. Да иначе и не стоило себя на весь міръ намѣстникомъ св. Петра называть."

Вотъ эти выше приведенныя жалобы общаго характера, въ томъ или иномъ видѣ, заключались въ каждомъ отвѣтѣ и представлялись типичными, почему я ихъ и соединилъ въ одинъ отвѣтъ. Но, помимо того, въ каждомъ письмѣ заключались обвиненія частнаго, личнаго характера. У одного, напримѣръ, умерли отъ скарлатины двое дѣтей. „Единственнымъ утѣшеніемъ для бѣдняка среди этой реакціонной тьмы и крѣпостного режима являются дѣти, и это утѣшеніе отнято было у меня во времена Гучкова. Только благодаря попустительству реакціи распространяются всякія эпидеміи въ городахъ и даже столицахъ. Въ прогрессивной печати высказывается даже весьма основательное предположеніе, что на смертность дѣтей реакціонеры смотрятъ не только сквозь пальцы, но и съ явнымъ сочувствіемъ, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что дѣтскій и юношескій возрасты—самая надежная опора прогрессивныхъ и демократическихъ партій.

Этому предположенію нельзя отказать въ справедливости. Дѣтскія болѣзни и реакція неразрывно связаны, и реакція отняла у меня единственное утѣшеніе—моихъ дѣтей. Въ моемъ горѣ у меня даже не было того утѣшенія, что голова въ Москвѣ прогрессистъ. Какъ же мнѣ не торжествовать, когда, наконецъ, мечта всѣхъ прогрессистовъ воплотилась въ жизнь, и наступилъ высокоторжественный день воцаренія въ Москвѣ головы-прогрессиста. Вѣдь, повѣрите ли, дошло до того, что каждый московскій обыватель избѣгалъ рожденія дѣтей, зная, что дѣти заранѣе обречены на смерть. Рожденіе каждаго ребенка въ семьѣ было днемъ траура и горя. Статистика дѣторожденія въ Москвѣ даетъ поразительныя цифры,

какъ пало дѣторожденіе въ Москвѣ во времена Гучкова. Надо надѣяться, что съ воцареніемъ Челнокова, дѣторожденіе начнетъ увеличиваться, такъ какъ обыватели, естественно, постараются наверстать потерянное время. Да если и при Челноковѣ будутъ умирать дѣти, все-таки у каждаго, повторяю, будетъ весьма большое и незамѣнимое утѣшеніе, что голова—Челноковъ, а не Гучковъ".

Я понялъ этого обывателя и понялъ его психику. Разъ всѣ бѣды, всѣ несчастья отъ реакціи, отъ бюрократіи, отъ правыхъ, то, конечно, и смерть его дѣтей, и всякая бѣда, которая съ нимъ приключится, все отъ Гучкова. Вѣдь, ему, конечно, ближе и доступнѣй его собственныя бѣды. Но понялъ я также, что всю эту игру ведетъ никто иной, какъ дьяволъ. И вспомнилъ я свое дѣтство, вспомнилъ свои дѣтскіе капризы. Да и кто въ дѣтствѣ не капризничаетъ временами: кричитъ, надрывается, самъ не зная, почему и для чего. Всунутъ такому обывателю, смотря по возрасту, или соску въ ротъ, или какую-нибудь погремушку въ руки, и всѣ боли прошли, и капризный крикъ унялся. Московскому обывателю достаточно, повидимому, всунуть Челнокова, и онъ успокаивается. „О, дѣти, дѣти! Какъ опасны ваши лѣта!.." Эти слова сложены были для московскихъ обывателей и для всякихъ другихъ обывателей изъ породы прогрессистовъ, демократовъ и, вообще, парламентаріевъ.

И много подобнаго рода жалобъ поступило ко мнѣ; у кого кто ни умиралъ, все виноватъ былъ Гучковъ. И по существу, каждый изъ нихъ былъ правъ; реальныхъ бѣдъ каждому обывателю отъ реакціи или демократизма, отъ всей этой политики ровно столько, сколько Петрограду отъ запаздыванія его времени на полчаса передъ Москвой. Поэтому остается одно: всякую свою бѣду валить на Гучкова и на реакцію. Поэтому всѣ болѣзни, всѣ смерти валили на Гучкова. Онъ оказывался виноватымъ даже въ томъ случаѣ, когда у кого-либо теща выздоравливала, какъ будто реакція спеціально покровительствуетъ злымъ тещамъ. Длинную серію жалобъ составляли бѣгства женъ отъ мужей. Читая эти жалобы на Гучкова, я себѣ вступленіе новаго головы-прогрессиста въ должность представлялъ не иначе, какъ въ видѣ тріумфальнаго шествія въ кругу огромнаго числа женъ, бѣжавшихъ отъ мужей во времена реакціи и возвращающихся съ воцареніемъ прогресса къ своимъ благовѣрнымъ. Особенно злы были на Гучкова и реакцію всѣ старыя дѣвы, не вышедшія замужъ.

Очень многіе указывали на опредѣленный поводъ, превратившій ихъ изъ умѣренныхъ и индифферентныхъ во враговъ реакціи и Гучкова. Одинъ сталъ прогрессистомъ въ тотъ мигъ, когда кондукторъ на трамваѣ не далъ ему 3 коп. сдачи. Другой возненавидѣлъ реакцію тогда, когда поднятъ былъ акцизъ на табакъ; третій съ тѣхъ поръ, какъ послѣ двухъ часовъ ночи стали закрывать трактиры. Одному достаточнымъ поводомъ для прогрессивнаго теченія его мыслей было не вполнѣ корректное обращеніе управскаго швейцара, другому —надбавка на квартирную плату и т. п. Вотъ эти поводы весьма характерны для обывателя, склоннаго къ широкимъ

обобщеніямъ, готоваго каждую мелочь своей жизни превратить въ крупное міровое событіе. Для обывателя центромъ всего мірозданія, вокругъ котораго совершаются всѣ міровыя событія, является онъ самъ. Всякое міровое событіе имѣетъ для него значеніе лишь постольку, поскольку оно отражается на его интересахъ, матеріальныхъ и моральныхъ. Какъ извѣстно, въ средніе вѣка, во всѣхъ болѣзняхъ,—въ моровой язвѣ, въ голодѣ и тому-подобныхъ бѣдахъ,—обвиняли еретиковъ, евреевъ; во времена Рима обвиняли христіанъ. А разъ въ настоящее время міровое вниманіе обращено на борьбу партій, на идеалы общественности и парламентаризма, то вполнѣ естественно обывателю винить во всѣхъ своихъ бѣдахъ реакціонеровъ и по малѣйшему поводу превращаться въ прогрессиста.

Боже! Въ чемъ только не обвиняли Гучкова. У кого квартира дорогая, у кого сырая; у кого магазинъ плохо торгуетъ, у кого конкурентъ заказы отнялъ. Кому шумъ городской мѣшаетъ, кому на 5-мъ этажѣ приходится жить, кто жалованье небольшое получаетъ, кому не удается мѣста получить и т. д., и т. д. Я каждаго понималъ, каждому сочувствовалъ и, въ то же время, проклиналъ дьявола, который всюду суетъ свой носъ и туманитъ слабыя обывательскія головы.

Не менѣе поучительными оказались результаты и второй моей анкеты: „Какія реальныя надежды возлагаете вы на время Челнокова".

Боже! Какихъ только надеждъ, оказывается, не возлагали простодушные обыватели на Челнокова! Ну, первымъ дѣломъ, конечно, будетъ уничтоженъ этотъ противный реакціонный домовладѣльческій принципъ,—это глупое и совсѣмъ не прогрессивное дѣленіе на домовладѣльцевъ и квартиронанимателей, а въ особенности эта нелѣпая манера платить за квартиру. Понятно, Челноковъ не замедлитъ упразднить всѣ эти остатки древней старины, которые такъ тщательно оберегались при Гучковѣ. Такимъ образомъ, каждый квартирантъ станетъ полноправнымъ хозяиномъ занимаемой имъ квартиры. Понятно, что Челноковъ, по своимъ прогрессивнымъ традиціямъ, не отниметъ всѣхъ хозяйскихъ правъ у домовладѣльца и, по своей демократической добротѣ, сохранитъ за нимъ право производить за свой счетъ всякіе ремонты въ квартирѣ, очистку, ассенизацію, платить налоги, дворнику и т. п. Можно, понятно, ожидать,—особенно на первое время великаго переселенія обывателей,—пока каждый не облюбуетъ себѣ квартиру. Но обыватели увѣрены, что Челноковъ приметъ всѣ мѣры, чтобы облегчить имъ эту задачу: заведетъ спеціальныя городскія фуры для безплатной, конечно, перевозки мебели горожанъ, пригласитъ штатъ упаковщиковъ и носильщиковъ и т. п. Особенно приводитъ въ восторгъ матерей затѣя Челнокова—пригласить штатъ городскихъ нянекъ спеціально для ухода, въ спеціальныхъ ясляхъ-пріютахъ, за дѣтьми горожанъ во время переѣздовъ; не менѣе восхищались всѣ идеей—

устроить питательные тезяковскіе пункты для переселяющихся горожанъ. Ново, оригинально и, несомнѣнно, прогрессивно!

Ну, конечно, этимъ, по мнѣнію всѣхъ моихъ корреспондентовъ, не ограничатся коренныя и насущныя реформы Челнокова. Для удобства горожанъ послѣднимъ будутъ предоставлены квартиры преимущественно въ первыхъ этажахъ, а всѣхъ этихъ домовладѣльцевъ, фабрикантовъ, генераловъ и всякихъ богачей Челноковъ постарается загнать въ пятые этажи и того выше. Конечно, въ каждую квартиру душка-Челноковъ проведетъ телефонъ, дастъ безплатное электрическое освѣщеніе, купитъ каждому обстановку по его вкусу. Одинъ изъ корреспондентовъ даже опросный листъ на этотъ случай приготовилъ: „1) Въ какомъ стилѣ желаете вы имѣть мебель: ампиръ, рококо, Людовика XIV и т. п? 2) Какого цвѣта? 3) Желаете ли имѣть украшенія золотыя, бронзовыя, или другія?“ и т. п. Одинъ корреспондентъ даже категорически увѣрялъ, что каждому обывателю будетъ предоставлено въ безплатное пользованіе по автомобилю. По его словамъ, необходимое условіе прогресса—пользованіе всѣми культурными удобствами; автомобиль же представляетъ послѣдній крикъ культурныхъ удобствъ и является элементарнѣйшимъ залогомъ прогресса. Да, откровенно говоря, къ чему же былъ весь этотъ сыръ-боръ съ выборами головы-прогрессиста, если обывателямъ будетъ отказано въ такомъ культурномъ удобствѣ, какъ собственный автомобиль? Каждый, собственно, иначе и не представлялъ себѣ значенія выборовъ, и, подавая голосъ за Челнокова, онъ въ душѣ подавалъ голосъ за собственный автомобиль. А кто слѣдитъ за литературой,—а въ особенности за повременной печатью,—тому извѣстно, что въ демократическихъ странахъ съ парламентскимъ правленіемъ и въ городахъ съ прогрессивными мэрами, а въ особенности—въ республикахъ давно уже введенъ въ жизнь этотъ демократическій принципъ предоставленія каждому гражданину собственнаго автомобиля. Тамъ право ѣзды въ телѣгахъ или путешествія по образу пѣшаго хожденія сохранилось только за министрами, губернаторами, депутатами, лидерами партій и за всякими „популярными общественными дѣятелями“. Въ Парижѣ вошло уже даже въ привычку снимать почтительно шляпу передъ всякимъ пѣшеходомъ, потому что это обязательно или министръ или популярный общественный дѣятель. Если же кто не только пѣшкомъ идетъ, но одѣтъ еще по-діогеновски и по пути грызетъ сѣмечки, то ужъ тутъ никакихъ сомнѣній нѣтъ, что это министръ изъ соціалистовъ или, по крайней мѣрѣ, изъ радикалъ-соціалистовъ“.

Я, конечно, зналъ, что въ душѣ каждый прогрессистъ мечтаетъ объ этой коренной и насущной реформѣ, именно о выдачѣ каждому обывателю по автомобилю. Да по существу, въ противномъ случаѣ, и не стоило быть прогрессистомъ, да еще подавать голосъ за Челнокова. Но, откровенно говоря, я считалъ эту реформу нѣсколько рискованной и по нашему времени—ультра-прогрессивной. Однако, всѣ мои сомнѣнія разсѣялъ отвѣтъ другого корреспондента, по мнѣнію котораго, „если только Челноковъ искренній и убѣжденный прогрес-

систъ, если только его слово не звукъ пустой,—онъ обязательно долженъ провести каждому обывателю и установить въ его квартирѣ радіо-телеграфъ. Прямое назначеніе прогрессиста—дать каждому гражданину возможность пользоваться всѣми культурными удобствами. Но радіо-телеграфъ въ квартирѣ каждаго прогрессиста будетъ, помимо того, имѣть громадное значеніе для партіи. Каждое событіе станетъ общимъ достояніемъ; любая мысль, любая рѣчь или лекція извѣстнаго демократа получитъ быстрое распространеніе; наконецъ, международный обмѣнъ мнѣній между всѣми демократами, возможность изъ любого пункта земли побесѣдовать съ любымъ великимъ демократомъ, несомнѣнно, сыграютъ огромную роль въ міровомъ прогрессѣ и безусловно необходимы въ партійныхъ тактическихъ интересахъ."

Понятно, что послѣ такой „коренной и насущной" реформы, какъ радіо-телеграфная, автомобильная казалась мнѣ уже сущимъ пустякомъ.

Всѣ корреспонденты, между прочимъ, единогласно выражали ту мысль, что Челнокову предстоитъ огромная и тяжелая работа по переустройству Москвы и, вообще, на справедливыхъ и прогрессивныхъ началахъ. Какъ извѣстно, одна изъ вредныхъ и даже преступныхъ тенденцій городскихъ реакціонеровъ заключается въ тяготѣніи, такъ сказать, къ центру, въ ущербъ окраинамъ, которыя повсемѣстно, по сравненію съ центромъ, находятся у городскихъ реакціонеровъ въ загонѣ. И вотъ, Челнокову предстоитъ отвѣтственная задача по перенесенію центра въ окраины, а окраинъ—въ центръ. Но, зато, это будетъ, дѣйствительно, коренная и насущная реформа; ее почувствуетъ каждый окраинный обыватель и каждый житель центра. Всѣ фонари, всѣ телефонные столбы будутъ вырыты и перенесены на окраины; такимъ же путемъ будутъ перенесены тротуары, мостовыя, памятники. Всѣ центральныя учрежденія, оставаясь центральными, будутъ переведены тоже на окраины. Словомъ, полная перелицовка города въ интересахъ окраинныхъ, пролетарскихъ массъ; вся жизнь перейдетъ на окраины. Конечно, за жителями омертвѣвшаго центра будетъ сохранено благородное право и великая честь платить налоги въ прежнемъ размѣрѣ. Такимъ образомъ, платя высокіе городскіе налоги, жители центра будутъ пользоваться всѣми удобствами деревни, а жители окраинъ, платя прежніе деревенскіе налоги, будутъ пользоваться всѣми удобствами города. Вотъ гдѣ, можно сказать, великая коренная реформа въ духѣ демократической справедливости и ультра-прогрессивныхъ идеаловъ.

Само собой разумѣется, эпидеміи всякія и болѣзни прекратятся, какъ по мановенію волшебства; по крайней мѣрѣ, никто ихъ не будетъ замѣчать. А если кто и заболѣетъ, совсѣмъ другой коленкоръ получится. При Гучковѣ бывало и доктора не найдешь, а если придетъ, плати каждому за визитъ. Челноковъ же—свой братъ-прогрессистъ. Съ нимъ какія церемоніи? На то онъ и прогрессистъ и на то его и выбрали, что съ нимъ церемониться не приходится. Просто вызовешь его по телефону и скажешь: „голубчикъ Челноковъ, у меня

бѣда, заболѣла жена или сынокъ". Смотришь, черезъ нѣсколько минутъ докторовъ видимо-невидимо налетѣло; наперебой другъ передъ другомъ стараются, не то, что при Гучковѣ; и за визитъ не берутъ, а лечатъ все „за челноковскій счетъ",—выраженіе, которое пришло на смѣну выраженію „за шереметьевскій счетъ". Но этого мало; только доктора ушли, и Челноковъ явился; пришелъ провѣдать больного. Понятно, что и болѣть не страшно, да и болѣзни не замѣчаешь. Не безъ того, умирали и при Челноковѣ и, пожалуй, не меньше, чѣмъ при Гучковѣ. Но не-прогрессисту даже представить себѣ трудно, что́ за удовольствіе, что́ за блаженство умирать въ городѣ, гдѣ городской голова—прогрессистъ. На случай смерти и выбирали Челнокова. Нѣкоторые статистики обратили вниманіе, что послѣ выборовъ Челнокова начался съѣздъ изъ другихъ городовъ; оказалось, что это все изъ городовъ безъ прогрессивныхъ головъ, и какъ кому умирать, такъ ѣдетъ въ Москву.

Если даже смерть красна, то можно представить себѣ, что́ за жизнь въ челноковской Москвѣ. Идешь по Москвѣ, и Москвы не узнаешь. Всѣ лица веселыя, радостныя. Ходятъ по улицѣ, болтаютъ, перекликаются; увидитъ кто пріятеля, на всю улицу кричитъ: „доброе утро!", а городовой—хоть бы что! Каждый чувствуетъ, какъ будто Москва его стала; смотритъ по сторонамъ, какъ будто домъ себѣ по вкусу выбираетъ. Въ любой ресторанъ зайдетъ, наѣстся, напьется, и все „за челноковскій счетъ". За этотъ же счетъ по магазинамъ, что нужно и что не нужно, наберетъ. По трамваямъ, на автомобиляхъ за челноковскій счетъ катается. А чуть кто заупрямится, и денегъ потребуетъ—сейчасъ же по телефону къ Челнокову: „что у тебя, братъ, за реакціонеры завелись!" А съ реакціонерами теперь въ Москвѣ расправа короткая. Чуть кто изъ „бывшихъ" домовладѣльцевъ или фабрикантовъ считаетъ, что домъ или фабрика его собственность, сейчасъ же реакціонеромъ прослыветъ, и житья ему не станетъ въ Москвѣ. И каждый прогрессистъ сталъ теперь въ Москвѣ или домовладѣлецъ, или фабрикантъ; каждый приказчикъ—хозяинъ въ магазинѣ, каждая кухарка—хозяйка въ квартирѣ, а каждый дворникъ—что твой губернаторъ въ домѣ. Плохо только реакціонерамъ, т.-е. тѣмъ, кому домъ, магазинъ, или фабрика принадлежитъ дѣйствительно по купчей; они только числятся владѣльцами, и налоги платятъ, и всякія повинности, какъ полагается владѣльцамъ, несутъ, а владѣть-то—всѣмъ владѣютъ прогрессисты. Да и сталъ бы, скажемъ, приказчикъ выбирать прогрессиста въ головы, если бы онъ не зналъ, что при Челноковѣ онъ станетъ хозяиномъ, а хозяинъ—приказчикомъ. Въ магазинахъ—приказчики, на фабрикахъ и мастерскихъ—рабочіе, въ учрежденіяхъ—служащіе и чиновники и, вообще, всякій служилый народъ—дворники, кухарки,—только жалованье обязаны получать, а работать—когда и сколько вздумается. Зато сняли съ этихъ прогрессистовъ всякіе налоги и повинности, а наложили на фабрикантовъ, домовладѣльцевъ и всякихъ вообще хозяевъ. Кому послѣ этого интересъ быть фабрикантомъ или домовладѣльцемъ, когда выгоднѣе всего быть прогрессистомъ и выбирать въ городскіе головы прогрессиста.

Ура! да здравствуетъ Челноковъ!"...

Я добросовѣстно привелъ всѣ отвѣты, и каждый изъ московскихъ обывателей и, вообще, изъ прогрессистовъ, если только онъ глубже заглянетъ въ свою душу, согласится, что и онъ также понималъ выборы прогрессиста, и что онъ готовъ подписаться подъ каждымъ изъ отвѣтовъ моихъ корреспондентовъ. На меня же послѣ чтенія напало тяжелое раздумье. Что это—сонъ, сказка или же дѣйствительность, т.-е., попросту говоря, какая-то чертовщина? Конечно, роль городского головы большая и отвѣтственная, и городской голова можетъ городу и каждому обывателю принести вредъ или пользу, въ зависимости отъ того, честный ли онъ, дѣльный, хозяйственный человѣкъ. Но скажите, пожалуйста, какой толкъ городу отъ того, что Челноковъ кадетъ, т.-е. стоитъ за парламентъ, отчужденіе земли и т. п.? Конечно, самому Челнокову не безразлично, будетъ ли городскимъ головой Челноковъ или Гучковъ, но что обывателю, Москвѣ, всей Россіи отъ того, будетъ ли головой октябристъ или прогрессистъ? Ровно ничего или, вѣрнѣе,—ровно столько, сколько качество обѣда зависитъ отъ того, блондинъ ли поваръ или брюнетъ, носитъ ли ботинки или сапоги...

Правда, одинъ изъ моихъ корреспондентовъ признался, что онъ подалъ голосъ за Челнокова только въ видѣ протеста; онъ понимаетъ, что политическая окраска кандидата въ городскіе головы никакого значенія не имѣетъ; что, наоборотъ, внесеніе политики въ городскія дѣла приноситъ вообще только вредъ, къ тому же кандидатъ, именующій себя прогрессистомъ, можетъ оказаться никуда негоднымъ головой, и принести непосредственный ущербъ городскому хозяйству. Но выборами Челнокова онъ протестуетъ противъ реакціонной тьмы, нависшей надъ всей Россіей.

Какъ вамъ нравится эта манера протестовать? Человѣку хочется протестовать,—и онъ протестуетъ, но протестуетъ за чужой счетъ, изъ чужого кармана, чужими боками. Его протестъ приноситъ вредъ Москвѣ, городскому управленію, тысячамъ избирателей и сотнямъ тысячъ обывателей, а онъ себѣ протестуетъ, потому что ему протестъ и гроша ломанаго не стоитъ. И такого рода протесты, вплоть до забастовокъ протеста, вошли въ обиходъ, какъ нѣчто нормальное; что забастовка протеста, что визитъ къ пріятелю, что обѣдъ въ ресторанѣ—все одно и то же. Забастовки эти бьютъ хозяина, но еще больше бьютъ обывателя, а у этого самаго обывателя Господь-Богъ отнялъ разумъ; его бьютъ, а онъ стоитъ, ухмыляется и кричитъ: „протестуй, протестуй", т.-е. бей, бей еще. И обиднѣе всего, что всѣ эти мотивы протеста, вся эта реакціонная тьма, произволъ бюрократіи и т. п.,—все это выдумано, фиктивно, все—журавли въ небѣ. И обиднѣе всего, что отъ этихъ протестовъ никому никакой пользы; протестъ ради протеста, только потому, что есть люди, у которыхъ просто зудъ протеста. Покажется такому маніаку журавль въ небѣ, и давай бить и направо, и налѣво всякаго, кто попадется подъ руку. И лежатъ кругомъ избитые и израненые, ни въ чемъ не повинные люди, а журавля и слѣдъ простылъ; да, по правдѣ сказать, жу-

равля-то и не было; его выдумалъ маніакъ, чтобы имѣть поводъ къ протесту. Такъ развѣ это не ужасъ жизни? И мимо этого ужаса проходятъ, не замѣчая его. Такъ развѣ это не продѣлки дьявола? И, надо отдать ему справедливость,—тонко шельма работаетъ...

И получилъ городъ, получили горожане городского голову-прогрессиста. Но физіономія города никакихъ измѣненій не потерпѣла. Если была грязь, пыль, зловоніе, то такъ они и остались, потому что зависѣли не отъ тѣхъ или иныхъ политическихъ взглядовъ головы, а отъ мѣстныхъ условій и отъ самихъ обывателей,—отъ ихъ лѣни, бѣдности и т. п. Если же зависѣли отъ нерадѣнія головы, то, очевидно, надо было не прогрессивнаго, а толковаго голову. Если были зло и неправда, то они не исчезли оттого, что сталъ городской голова прогрессистъ. Добро и зло, правда и ложь заложены въ душѣ человѣческой. Внѣ души ихъ не бываетъ. Что же поможетъ голова-прогрессистъ, если души остались тѣ же. Да и прогрессъ-то у головы только на языкѣ, а что въ душѣ его творится, вѣдомо одному Богу. Развѣ въ душу человѣческую влѣзешь? Наоборотъ, если зло и ложь остались, какъ были, въ душахъ горожанъ, то на свободахъ они еще пышнѣе расцвѣтутъ на горе правдивымъ и честнымъ людямъ. И растутъ по городамъ, какъ грибы, прогрессивные головы, но не было еще случая, чтобы изъ-за этого гдѣ-либо закрылась тюрьма, или уменьшилось число арестантовъ. И если были въ городѣ богатство и бѣдность, были собственники и батраки, хозяева и служащіе, начальники и подчиненные, то и тутъ никакихъ ровно перемѣнъ не произошло. Перемѣну чувствовали только самъ голова да его жена; чувствовалась перемѣна въ городскихъ учрежденіяхъ, но только потому, что новый голова, а совсѣмъ не потому, что онъ прогрессистъ. Изъ всѣхъ свободъ давала себя чувствовать только свобода забастовокъ и только по тому, что послѣ нея житья на свѣтѣ не стало. Дороговизна такая пошла, что никто и не радъ прибавкѣ жалованья. Совсѣмъ плохо пришлось чиновнику или тѣмъ, кто нигдѣ не служитъ,—словомъ, среднему обывателю. Люди себѣ развлекаются, дурачатся,—словомъ бастуютъ, а другимъ отъ этого житья нѣтъ.

И были выборы, и была выборная агитація, и бились на выборахъ не на жизнь, а на смерть, и побѣда осталась за прогрессистами. И послѣ выборовъ головы-прогрессиста насталъ день, и настала ночь, и опять день и опять ночь, прошли недѣли, протекли мѣсяцы и годы, а обывателю, — какъ съ гуся вода. Какъ сидѣлъ кто за столомъ и писалъ, или за прилавкомъ приказчикомъ стоялъ, или работалъ за станкомъ,—такъ и сидятъ, стоятъ, работаютъ; какъ жили, — такъ и живутъ. Развѣ отмѣтить только перемѣну въ томъ, что шума по управѣ много пошло; полились рѣчи, выросли комиссіи, засѣданія, съѣзды. Но все это—видимость, одна шумиха; это—одна безтолковая работа рыжаго клоуна, и только черезъ нѣсколько лѣтъ или даже черезъ десятки лѣтъ городъ почувствуетъ,—во сколько ему обошлась эта безтолковщина. Но пока обыватель и этого не чувствуетъ. И къ обывателямъ всего міра я обращаюсь съ покорнѣй-

шей просьбой—указать мнѣ какую-либо реальную перемѣну въ ихъ жизни, которую можно было бы приписать исключительно тому, что городской голова—прогрессистъ. Конечно, голословныхъ утвержденій можетъ быть масса, но реальныхъ основаній никто не приведетъ. А удивительнѣе всего то, что обыватель чувствуетъ себя на седьмомъ небѣ. Прогрессивность городского головы отразилась на немъ ровно столько, сколько усы гусара, мимолетно проскакавшаго мимо окна старой дѣвы, отразились на дѣвственности послѣдней. И какъ дѣва всю жизнь твердитъ объ этихъ усахъ, такъ не перестаетъ захлебываться обыватель отъ восторга при мысли, что городской голова—прогрессистъ. И кажется ему, что онъ и губернаторъ, и владѣтельный князь города; что онъ и богатъ сталъ, и молодъ, и красивъ; и что жена у него красавица, и дѣти—геніальные прогрессисты,—словомъ, городъ сталъ земнымъ раемъ, и обыватель чувствуетъ себя, какъ въ земномъ раю.

Да что́ города, что́ городскіе головы! Цѣлыя страны, великіе народы вѣками живутъ въ парламентскомъ угарѣ, въ опьянѣніи разными высокими идеалами, не замѣчая, что все это—миражъ, дьявольская игра, что все только слова, пустыя, безсодержательныя слова,—все это никакихъ основъ въ жизни не имѣетъ и разсыпается въ прахъ при одномъ прикосновеніи здраваго смысла, какъ то золото, которое чортъ принесъ человѣку и которое оказалось негоднымъ мусоромъ. Уже свыше ста лѣтъ Франція пустила въ обращеніе лозунгъ свободы, равенства и братства. И что же? Измѣнилось развѣ съ того времени въ мірѣ или въ самой Франціи? Слова остаются словами, а люди остаются людьми. Слова, фразы, девизы, ученія человѣка не мѣняютъ, а пока человѣкъ не мѣняется, ничто не можетъ измѣниться въ человѣческихъ отношеніяхъ и, вообще, въ человѣческой жизни. И со времени Французской революціи ничто не измѣнилось въ мірѣ, ничто не измѣнилось въ самой Франціи; а если что и измѣнилось, то независимо отъ идеаловъ, а только въ связи съ жизнью и ея законами. Началась только дьявольская игра идеаловъ; другъ передъ другомъ стараются щегольнуть высокимъ идеаломъ, красивымъ ученіемъ. Все это такъ легко, такъ заманчиво... И чередуются ученія, вылетаютъ, какъ ракеты, идеалы, одинъ красивѣе другого, одинъ выше другого; но жизнь идетъ помимо нихъ, идетъ своимъ чередомъ, своей монотонной, унылой поступью.

Франція кичится идеалами своей революціи, называетъ себя носительницей самыхъ лучшихъ и передовыхъ идеаловъ. Каждый французъ на верху блаженства оттого, что онъ французъ и во Франціи была революція. Каждый французъ увѣренъ, что Франція была адомъ, а теперь стала раемъ. А развѣ измѣнилось что-либо въ жизни француза и развѣ онъ сталъ другимъ? Тѣ же повседневныя мелкія заботы о завтрашнемъ днѣ, то же неравенство, та же борьба за существованіе, та же зависть, злоба, ревность; тѣ же кражи, тѣ же панамы, убійства. И французъ-приказчикъ, рабочій, чиновникъ, купецъ, помѣщикъ живетъ тѣми же привычками, той же свободой, той же жизнью, что его предокъ до и послѣ революціи. И какъ на

почвѣ благочестія и милосердія благодушествовали во Франціи іезуиты и монахи, такъ на почвѣ свободы благодушествуютъ демократы, соціалисты и всякіе парламентаріи. Ничто не перемѣнилось во Франціи, и жизнь бѣдняка, жизнь среднихъ и богатыхъ элементовъ течетъ такъ же, какъ текла эта жизнь и сто, и двѣсти, и тысячу лѣтъ тому назадъ. А между тѣмъ, каждый французъ счастливъ, блаженствуетъ; каждому бѣдняку кажется, что онъ теперь живетъ въ богатыхъ чертогахъ, что онъ владѣтельный князь, что каждый французъ въ своемъ родѣ—король французскій, что онъ ѣстъ самыя изысканныя блюда, что онъ одѣтъ по-королевски, что къ его услугамъ масса слугъ въ богатыхъ ливреяхъ и т. п. Правда, такой случай произошелъ съ однимъ рыбакомъ, который заснулъ подлѣ своего разбитаго корыта. Онъ тоже превратился въ короля, а корыто—въ богатыя хоромы, а старуха его—въ молодую красавицу. Но этотъ случай имѣлъ мѣсто въ сказкѣ, и оказалось, что это былъ просто сонъ,—а когда рыбакъ проснулся, онъ очутился опять у своего разбитаго корыта.

А тѣ чудеса, о которыхъ я повѣствую, происходятъ въ жизни, наяву, но въ какомъ-то дьявольскомъ, очарованномъ снѣ. Когда же человѣчество сброситъ эти дьявольскія чары и, подобно рыбаку, увидитъ, что оно стоитъ у того же разбитаго корыта? Надо только повѣрить, что дьяволъ есть, но надо искать его не тамъ, гдѣ его ищутъ,—не на чердакахъ или подъ поломъ, не въ подземельяхъ или пустыряхъ,—а въ своей собственной душѣ, въ повседневной своей жизни.

Понятны теперь выраженія: „благонадежный“ и „неблагонадежный“. Понятно теперь, что нельзя довѣрять отвѣтственное дѣло людямъ неблагонадежнымъ,—другими словами, интеллигентамъ, въ душѣ которыхъ поселился дьяволъ и мыслями которыхъ онъ ворочаетъ. Понятно теперь, что далеко не всякое лицо можно безъ опаски допустить до великаго земскаго дѣла—до служенія деревнѣ. Неправда, что правительство, правые земцы и, вообще, такъ называемые правые элементы страны намѣренно держатъ народъ во тьмѣ и невѣжествѣ. Это—дьявольская клевета интеллигентовъ. Это ихъ великое преступленіе. Они стремятся такимъ путемъ, съ одной стороны, афишировать свою преданность народнымъ интересамъ, а съ другой стороны,—внушить всѣмъ, что истина на ихъ сторонѣ, что она всецѣло въ ихъ программахъ и ученіяхъ. Гдѣ афишированіе, тамъ нѣтъ души,—тамъ одно ханжество. А въ программахъ, въ ученіяхъ нѣтъ и не можетъ быть истины, нѣтъ здраваго смысла и правды жизни; тамъ одинъ интеллигентный бредъ, одинъ дьявольскій туманъ. Истина только въ жизни, въ божественной правдѣ жизни. И истину надо искать у тѣхъ и тамъ, гдѣ идутъ за жизнью, гдѣ руководятся правдой жизни,—другими словами, въ правыхъ элементахъ и среди государственныхъ дѣятелей, убѣленныхъ долголѣтнимъ опытомъ. Всѣ одинаково преданы народу, всѣ одинаково жаждутъ поступательнаго шествія народа впередъ и его всесторонняго развитія (я даже далекъ отъ желанія утверждать, что интеллигенты

не преданы народу и его интересамъ), и разница между правыми и лѣвыми лишь въ томъ, что правые дорожатъ своимъ природнымъ здравымъ смысломъ, руководятся правдой жизни и ждутъ указаній отъ послѣдней. Они понимаютъ, что они не въ состояніи измѣнить ни одного природнаго элемента народной жизни, ни одного природнаго недостатка народа; что надо изучать эти элементы и недостатки и приноравливаться къ нимъ. У лѣвыхъ же ихъ природный здравый смыслъ—въ загонѣ; для того, чтобы прислушиваться и внимать своему здравому смыслу, надо работать въ потѣ лица своего, а лѣвые, не въ примѣръ правымъ, природные лѣнтяи и тунеядцы; они стремятся къ легкой, безпечной жизни, за шереметьевскій или, какъ теперь говорятъ, за челноковскій счетъ; они стремятся обойтись готовыми программами, чужими образцами и лелѣютъ безумную, дьявольскую мечту подогнать жизнь, природу подъ свои безжизненныя утопіи.

Неправда, что бюрократическіе и правые элементы боятся свѣта и знаній. Это гнусная, провокаторская клевета. Они если не въ большей степени, то наравнѣ со всѣми жаждутъ свѣта и знаній для народа, желаютъ быть сынами культурнаго, просвѣщеннаго народа,—но народа вѣрующаго, трезваго и здравомыслящаго. И если они не пускаютъ въ земство, если держатъ вдали отъ невѣжественнаго рабочаго элемента и отъ крестьянъ многихъ, такъ называемыхъ, „неблагонадежныхъ" лицъ, то не изъ-за боязни свѣта и знаній, а, наоборотъ, изъ-за боязни тумана и дьявольскаго безумія,—изъ-за опасенія той преступной „сознательности", о которой мнѣ много пришлось говорить выше. Нѣтъ дѣла, которое само по себѣ могло бы принести вредъ и котораго слѣдовало бы опасаться. И великое земское дѣло, въ реальныхъ и разумныхъ предѣлахъ, приноситъ только великую пользу народу. Нѣтъ труда, нѣтъ работы, которые сами по себѣ были бы вредны и опасны, и всякій трудъ, если онъ реаленъ и покоится на правдѣ жизни, приноситъ только пользу. И служеніе земству можетъ заслужить только поощреніе со стороны тѣхъ, кому дороги интересы народа и всѣхъ его слоевъ, если это служеніе подсказано правдой жизни и производится въ разумныхъ предѣлахъ. Но вся бѣда въ томъ, что человѣкъ можетъ всякое дѣло сдѣлать опаснымъ, каждый трудъ сдѣлать вреднымъ. Всякому дорогъ свѣтъ знанія, но подъ видомъ знаній можно давать одну только пролетарскую сознательность, и опасаются, избѣгаютъ не земскаго дѣла, а тѣхъ людей, которые будутъ его вести. Вся суть въ лицахъ.

И всѣмъ государственнымъ, земскимъ и городскимъ дѣятелямъ, при всякомъ начинаніи, при всякомъ дѣлѣ, за которое они несутъ отвѣтственность, я отъ души пожелалъ бы ни на одну минуту не забывать мудрой русской поговорки: „семь разъ отмѣрь, одинъ разъ отрѣжь". Мѣрить надо и съ той точки зрѣнія,—реальное ли это дѣло, насущная ли потребность или тезяковская стрѣльба по воробьямъ изъ пушекъ. Мѣрить надо и съ той точки зрѣнія,—кто будетъ вести это дѣло, можно ли ему его поручить; вложитъ ли онъ въ него здравый смыслъ, или же демократическій шантажъ. Пойдите, поищите-ка здраваго смысла у интеллигента изъ третьяго элемента.

И душа тоскуетъ, и руки опускаются при мысли,—какое же дѣло можно у насъ предпринять, кому его поручить. Вотъ, въ этомъ заключается трагизмъ великихъ русскихъ государственныхъ людей, вродѣ Побѣдоносцева, и всѣхъ вообще здравомыслящихъ людей, которымъ дороги интересы народа. Развѣ Побѣдоносцевъ не былъ истиннымъ демократомъ и патріотомъ? Развѣ онъ не сознавалъ, что русскій народъ больше всего нуждается въ свѣтѣ знаній, что его коренные недостатки—отсутствіе предпріимчивости и личной иниціативы? Развѣ онъ не болѣлъ душой за народъ, развѣ онъ не жаждалъ видѣть свой народъ просвѣщеннымъ, предпріимчивымъ, съ широко развитой индивидуальной иниціативой? Развѣ онъ могъ не понимать значенія земства и не цѣнить его? Развѣ онъ не сознавалъ, что къ великому земскому дѣлу надо привлечь тысячи, сотни тысячъ работниковъ-спеціалистовъ, преданныхъ народу и здравомыслящихъ? Онъ, несомнѣнно, мечталъ о привлеченіи здравомыслящихъ работниковъ не только въ земство, но и въ университеты, гимназіи, школы, во всѣ правительственныя и общественныя учрежденія. И каждый разъ передъ нимъ вставалъ тревожный вопросъ русскаго государственнаго трагизма: гдѣ самобытный здравый смыслъ русскаго народа? Много ли людей въ Россіи, съ самобытнымъ русскимъ здравымъ смысломъ, которымъ можно было бы поручить любое государственное или общественное дѣло? И каждаго государственнаго дѣятеля терзало мучительное сознаніе, что такихъ людей мало,—по пальцамъ можно ихъ перечесть,—все остальное заражено интеллигентностью, т.-е. бездѣльемъ, полнымъ презрѣніемъ къ правдѣ жизни, къ реальнымъ, насущнымъ требованіямъ ея. И каждый государственный дѣятель ясно сознавалъ, что интеллигенція—ядовитый грибъ, злокачественный наростъ на тѣлѣ русскаго народа, что она способна только отравлять, портить, рушить каждое благое начинаніе, каждое насущное и полезное народное дѣло. Вотъ, въ чемъ великій трагизмъ истинныхъ русскихъ демократовъ и патріотовъ. Зачѣмъ же въ бурю, въ ураганъ пускать по морю корабль, когда на послѣднемъ—все, что тебѣ дорого и свято? Въ такихъ случаяхъ всегда *ждутъ у моря погоды*. А когда надъ Россіей бушуетъ ураганъ парламентскаго угара, демократическаго шантажа, интеллигентнаго безумія,—всякому истинному патріоту остается одно: ждать у моря погоды. Вотъ это невольное, естественное и благородное ожиданіе, составляющее трагизмъ каждаго здравомыслящаго русскаго человѣка, политическіе шантажисты окрестили боязнью свѣта, какой-то ненавистью къ народу и желаніемъ держать его во тьмѣ и невѣжествѣ. Такъ волки, въ сказкахъ, клевещутъ на родную мать для того, чтобы вселить въ дѣтяхъ недовѣріе къ ней, и, пользуясь ихъ довѣрчивостью, съѣсть ихъ, когда они выбѣгутъ на улицу.

XXIII.

Земскіе дѣятели несутъ великое отвѣтственное дѣло. Въ сознаніи своей отвѣтственности, они должны работать въ потѣ лица своего и во всеоружіи своего здраваго смысла. За исключеніемъ небольшой

части земцевъ, зараженныхъ интеллигентностью, громадное большинство сознаетъ свою отвѣтственность, цѣнитъ то великое довѣріе, которое имъ было оказано земству и готовы вложить въ земское дѣло весь свой могучій природный земскій здравый смыслъ. Вотъ тутъ-то на ихъ пути стоитъ большая вражья рать, которая извѣстна подъ именемъ третьяго земскаго элемента. Хорошо, когда земскій здравый смыслъ настолько великъ и силенъ, что онъ не только съ успѣхомъ обороняется противъ вражескаго натиска, но самъ подчиняетъ себѣ и своей земской правдѣ третій элементъ,—эту, по существу, слабовольную, безличную и сильную только въ массѣ величину. Плохо, когда пѣнье демократическихъ сиренъ убаюкиваетъ земскій здравый смыслъ; и когда отвѣтственное земское дѣло переходитъ фактически въ руки безотвѣтственнаго и безпочвеннаго третьяго элемента. Вотъ тогда-то надъ земскимъ полемъ, вмѣсто пѣсенъ косарей и лязга косъ, раздается пальба... отъ стрѣльбы по воробьямъ изъ тезяковскихъ пушекъ. Увы! Рѣдко, гдѣ надъ земской нивой не слышна эта пушечная стрѣльба; пушки Тезякова получили въ Россіи бо́льшее распространеніе, чѣмъ пушки Круппа во всемъ мірѣ, а тезяковскій милитаризмъ принесъ больше вреда Россіи, чѣмъ крупповскій—Германіи. Спѣшу только оговориться, что я совсѣмъ не желаю придавать такого значенія лично Тезякову. Самъ Тезяковъ—только́ мелкій и, пожалуй, жалкій продуктъ времени,—онъ, словомъ, типичный интеллигентъ. Имя Тезяковымъ—легіонъ, и только въ этомъ смыслѣ я говорю о тезяковскомъ милитаризмѣ.

И земскіе работники по найму, представители третьяго элемента, на-ряду съ земскими дѣятелями, несутъ великую отвѣтственность,—ту отвѣтственность, которая заключается въ самомъ понятіи: „земство“, „земское дѣло“. Но есть ли у нихъ сознаніе этой отвѣтственности? Есть ли у нихъ представленіе о томъ, что́ такое, по существу, представляетъ изъ себя земство или есть ли у нихъ сознаніе тѣхъ великихъ задачъ, которыя лежатъ на земствѣ?

Передо мною воззваніе къ третьему элементу въ видѣ письма въ редакцію, принадлежащаго перу виднаго представителя третьяго элемента, не менѣе виднаго общественнаго дѣятеля и журналиста, г. Клафтона, между прочимъ—учредителя и товарища предсѣдателя общества Народныхъ Университетовъ въ Самарѣ.

Привожу дословно его письмо, помѣщенное въ № 12 „Земскаго Дѣла“.

Редакціей получено съ просьбой напечатать на страницахъ „Земскаго Дѣла“ слѣдующее письмо отъ группы служащихъ Самарскаго губернскаго земства.

1-го января 1914 года исполнилось 50 лѣтъ со дня введенія земскихъ учрежденій. Весь культурно-общественный организмъ земства исторически сложился при непосредственномъ и активномъ участіи „третьяго элемента“—вольно-наемныхъ земскихъ работниковъ. Ясно, что и товарищеской средѣ земскихъ работниковъ необходимо также ознаменовать юбилей какимъ-либо общимъ дѣломъ, соотвѣтствующимъ духу и историческимъ завѣтамъ третьяго элемента.

Эта идея, многими сознаваемая, получила опредѣленное выраженіе въ группѣ служащихъ Самарскаго губернскаго земства, по мнѣнію которыхъ слѣдуетъ обсудить вопросъ объ изданіи на кооперативныхъ товарищескихъ началахъ „журнала третьяго элемента“.

Журналъ этотъ долженъ поставить своей задачей моральное и идейно-трудовое объединеніе земскихъ работниковъ по найму, опредѣленіе профессіональныхъ нуждъ и наилучшихъ способовъ ихъ удовлетворенія.

Въ этихъ цѣляхъ „Журналъ“ долженъ отражать земскую жизнь съ необходимой для поставленныхъ задачъ полнотой. Можно вполнѣ расчитывать на широкое и горячее сочувствіе земской Россіи идеѣ изданія совмѣстными силами „третьяго элемента“ періодическаго профессіональнаго органа, но вопросъ этотъ представляется необходимымъ подвергнуть всестороннему обсужденію на страницахъ повременной печати.

Другимъ достойнымъ памятникомъ прошлому та же группа считаетъ изданіе „Юбилейнаго сборника третьяго элемента“, также общими силами земскихъ работниковъ, разбросанныхъ по всей земской Россіи, полагая, что этотъ сборникъ послужитъ первымъ шагомъ къ выясненію современныхъ матеріальныхъ и правовыхъ нуждъ, а кромѣ того дастъ и нѣкоторую сумму на предварительные расходы по изданію „Журнала“.

Желательно, чтобы типъ „Сборника“ былъ юбилейно-историческій, чтобы въ немъ была представлена въ исторической перспективѣ земская жизнь каждой изъ профессіональныхъ группъ, желательно, чтобы въ „Сборникѣ“ приняло участіе возможно больше земскихъ работниковъ, по возможности изъ всѣхъ земскихъ губерній, желательно, наконецъ, безвозмездное представленіе литературныхъ матеріаловъ для сборника: статей, сводокъ, воспоминаній, бытовыхъ разсказовъ-миніатюръ, стихотвореній, рисунковъ, каррикатуръ, циркуляровъ, распоряженій, инструкцій и т. д., освѣщающихъ съ той или другой стороны жизнь и дѣятельность „третьяго элемента“.

Группа служащихъ Самарскаго губернскаго земства взяла на себя иниціативу по собиранію литературнаго матеріала и проситъ товарищей по возможности въ ближайшее время заявить о личномъ участіи въ осуществленіи этого изданія. Желательно заблаговременно выяснить, кто и что именно напишетъ для „Сборника“ и къ какому сроку, приблизительно, онъ это можетъ выполнить.

Запросы и матеріалы по „Сборнику“ просятъ адресовать: Самара, А. К. Клафтонъ.

Мы служимъ съ Клафтономъ въ одномъ учрежденіи, но я говорю о Клафтонѣ совершенно независимо отъ нашихъ отношеній и отъ его личныхъ достоинствъ или недостатковъ. Я говорю о немъ только, какъ о секретарѣ Губернской Земской Управы, какъ о типичномъ представителѣ третьяго элемента. И то, что я говорю о немъ, относится ко всему третьему элементу.

Прежде всего, я хотѣлъ бы обратить вниманіе, что, какъ видно изъ письма, Клафтонъ говоритъ отъ имени третьяго элемента Самарскаго Земства. Но я знаю многихъ земскихъ работниковъ, занятыхъ, дѣйствительно, дѣломъ, и для нихъ, какъ и для меня, это воззваніе объ изданіи газеты третьяго элемента было новостью. Въ этомъ обстоятельствѣ нельзя видѣть какихъ-либо экспропріаторскихъ наклонностей. Это просто общая маніакальная черта демократовъ,— демократическая, такъ сказать, манія величія. Каждый демократъ, это—доморощенный Тартаренъ изъ Тараскона. Соберутся нѣсколько человѣкъ, составятъ общество; обязательно это будетъ общество борьбы съ какимъ-либо чудовищемъ: туберкулезомъ, алкоголизмомъ и т. п. Ни знаній, ни умѣнья, ни средствъ, ни энергіи для этой борьбы нѣтъ; да для борьбы съ этимъ чудовищемъ нужны вѣка, нужна работа поколѣній. А развѣ Тартаренъ не заслужилъ славы охотника на львовъ, хотя онъ всего-навсего подстрѣлилъ не то теленка, не то цыпленка. Точно также въ своемъ жалкомъ обществѣ

несчастные маніаки готовы видѣть всю общественную жизнь города; они говорятъ о немъ, какъ объ общественномъ мнѣніи губерніи, а при случаѣ—и всей Россіи. Или сошлись 2—3 демократа съ коммерческой жилкой,—словомъ, интеллигенты себѣ на умѣ,—и рѣшили издавать газету; обязательно это будетъ или вся „Русь", или „Русское Слово" или весь „Волжскій Край" и т. п.

И газета третьяго элемента была бы всего-навсего газетой Клафтона и двухъ-трехъ его единомышленниковъ, главнымъ образомъ, изъ числа представителей третьяго отдѣленія третьяго элемента. Есть и такое отдѣленіе,—такъ сказать, квинтъ-эссенція третьяго элемента по интеллигентности,—вѣрнѣе, по интеллигентному недомыслію. Создалось это отдѣленіе слѣдующимъ путемъ; въ виду 50-лѣтія со дня открытія земскихъ учрежденій, возникла мысль составить и издать исторію земства, и во всѣхъ почти губернскихъ земствахъ кипитъ работа по составленію исторіи земства въ каждой губерніи; съ этой цѣлью приглашены особыя лица, которыя и составляютъ упомянутое третье отдѣленіе. Само собой разумѣется, идея о составленіи исторіи земства могла принадлежать только какому-нибудь архи-интеллигенту изъ породы третьяго элемента. Однако, эта идея быстро привилась и была принята громаднымъ большинствомъ земствъ. Лишній поводъ отмѣтить, какъ легко, даже здравомыслящіе земцы, поддаются очарованію современныхъ сиренъ, и какъ правъ былъ Одиссей, привязавъ себя къ бортамъ корабля. О, зачѣмъ не слѣдуютъ мудрому примѣру Одиссея? Понятно, что вся эта исторія земства превратилась въ тезяковскую стрѣльбу по воробьямъ. Вѣдь, земство представляетъ, по существу, прозаическое, чисто-дѣловое предпріятіе. Исторія земства, это—сводка годовыхъ бухгалтерскихъ балансовъ: сколько поступило доходовъ, сколько израсходовано и на что именно израсходовано. Послѣдняя деталь, самая важная, и превращаетъ исторію земства въ сухое изложеніе,—сколько въ такомъ-то земствѣ въ такомъ-то году создавалось больницъ, школъ, мостовъ, опытныхъ полей, колодцевъ и т. п.; сколько было врачей, фельдшеровъ, учителей, агрономовъ, ветеринаровъ и т. п.; сколько было больныхъ, оперативныхъ пособій, родовспоможеній; сколько учениковъ въ школахъ и т. п. Можно составить таблицы постепеннаго роста числа больницъ, врачей, агрономовъ, школъ, обращеній въ лечебницы, числа учениковъ и т. п. Можно составить сравнительныя таблицы роста земскихъ учрежденій по уѣздамъ и губерніямъ. Словомъ, вся исторія земства на виду, какъ на ладони; она вся въ деревнѣ, въ тѣхъ реальныхъ, необходимыхъ для деревни, и полезныхъ ей учрежденіяхъ. Не важно, сколько въ земскомъ собраніи сидитъ гласныхъ,—100, 50 или 40, а важно, сколько собраніе создало больницъ, школъ. Чѣмъ больше гласныхъ, тѣмъ только больше рѣчей, а отъ рѣчей деревнѣ толкъ малый. И если сто гласныхъ наговорили цѣлый коробъ всякихъ громкихъ словъ, то отъ этого деревнѣ толкъ небольшой, и гораздо полезнѣе были тѣ тридцать гласныхъ, которые вмѣсто рѣчей дали деревнѣ больницу или школу. Не важно, сколько разъ созывались собранія, сколько

было съѣздовъ, совѣщаній, выставокъ, а важно, сколько реальныхъ нуждъ деревни было удовлетворено. Не важно, какіе гласные собирались, кто и что говорилъ. Nomina sunt odiosa! Земство—собирательное понятіе, и въ немъ личности тонутъ. Не важно, сколько санитарныхъ врачей, агрономовъ, секретарей, дѣлопроизводителей, бухгалтеровъ, писцовъ было и работало при управахъ,—а важно, сколько врачей, фельдшеровъ, агрономовъ, учителей, инженеровъ работало въ деревнѣ. И для исторіи земства, для характеристики того или иного земскаго учрежденія весьма умѣстна была бы такая сравнительная таблица: съ одной стороны, расходъ на собранія, съѣзды, совѣщанія, выставки, продовольственные пункты, на всякія временныя, безслѣдно исчезающія предпріятія и т. п., затѣмъ расходъ на содержаніе управъ и всѣхъ ея отдѣленій, на содержаніе секретарей, дѣлопроизводителей, санитарныхъ врачей, губернскихъ агрономовъ, писцовъ,—словомъ, на содержаніе всѣхъ канцеляристовъ при управахъ и, съ другой стороны, расходы на содержаніе больницъ, школъ, опытныхъ полей и т. п. Вотъ такая сравнительная таблица дала бы намъ реальные признаки прогрессивности и демократичности земскихъ дѣятелей. Для меня, по крайней мѣрѣ, ясно, что земство и земцы тѣмъ прогрессивнѣй и демократичнѣй, чѣмъ меньше расходы по первой статьѣ, чѣмъ они больше по второй.

Но развѣ о такой исторіи земства мечтаютъ демократы, мечтаютъ интеллигенты? Для такой исторіи нужны два-три писца, и составить ее можно въ два-три дня, максимумъ въ двѣ-три недѣли. Что̀ интеллигенту такая исторія? Какъ рыцарю нужны были рыцарскіе романы, такъ ему, рыцарю современности, нужны исторіи, съ точки зрѣнія Манифеста 17-го Октября, вродѣ знаменитой рѣчи о пожарѣ въ Самарѣ, съ точки зрѣнія Манифеста 17-го Октября. Для интеллигента земство, это—своего рода соціальная республика; земское собраніе для него—парламентъ, земскіе гласные—депутаты по партіямъ, земская управа—отвѣтственное министерство изъ соціалистовъ или, по крайней мѣрѣ, изъ радикалъ-соціалистовъ. О достоинствѣ земскаго собранія они судятъ по числу гласныхъ въ собраніи. Что̀ это за парламентъ изъ 30-40 гласныхъ? Ихъ даже толкомъ не разобьешь на партіи. И они правы: изъ 30 гласныхъ трудно выкроить партіи крайнихъ, среднихъ и умѣренныхъ правыхъ, такихъ-же націоналистовъ, партіи центра, лѣвыхъ, правыхъ и земцевъ-октябристовъ, прогрессистовъ, лѣвыхъ, правыхъ и среднихъ кадетовъ, разныхъ оттѣнковъ трудовиковъ, эсдековъ и безпартійныхъ. То-ли дѣло 100-150 гласныхъ. Сколько партій, рѣчей, какая интересная и красивая борьба партій; какіе блестящіе проекты, какія оригинальныя предложенія! Потому что каждая партія старается щегольнуть какимъ-либо эфектнымъ проектомъ. На такомъ собраніи есть что̀ послушать, о такомъ собраніи есть что̀ написать въ газетѣ; при такомъ собраніи—интеллигентамъ обширное поле дѣятельности; къ такимъ земствамъ они стекаются, какъ вороны слетаются на поле сраженія, въ ожиданіи богатой добычи и кипучей работы. Сравненіе тѣмъ болѣе подходящее, что и тутъ, и тамъ питаются падалью. Интеллигенты, это—вороны и шакалы современно-

сти. Они не переваривают жизни, бѣгутъ отъ живого дѣла; они питаются падалью. Гдѣ больше гласныхъ и партій,—тамъ больше падали и мертвыхъ дѣлъ. Поэтому, исторія земства должна, между прочимъ, проводить ту мысль, что увеличеніе въ собраніяхъ числа гласныхъ, минимумъ до ста, представляетъ одну изъ коренныхъ и насущныхъ реформъ земскихъ учрежденій.

Но помимо числа гласныхъ, особенно интересуетъ демократа ихъ партійная окраска. Въ самомъ дѣлѣ: въ земствѣ, въ которомъ преобладаютъ правые элементы, и дѣлать нечего порядочному интеллигенту,—все равно, будь то газетчикъ или же жаждущій, по своимъ архи-интеллигентнымъ задаткамъ, пристроиться къ какому-либо прогрессивному земству, или просто-интеллигентный Діогенъ съ шевелюрой, любитель всякихъ прогрессивныхъ зрѣлищъ и даже скандаловъ. Для такихъ любителей—прогрессивное зрѣлище тамъ, гдѣ есть возможность послушать прогрессивную рѣчь; а гдѣ такія рѣчи льются рѣкой,—тамъ рай земной, не надо никакихъ театровъ и оперъ. Но, зато, и захлебывается любитель отъ восторга, когда разыгрывается прогрессивный скандалъ, т.-е, когда въ пренія вмѣшивается полиція; особенно занятно, когда оратора останавливаетъ предсѣдатель и въ залѣ начинается шумъ; не менѣе интересно, когда начинаются пререканія между разными партійными ораторами, и когда другъ-друга всячески стараются осрамить; но особенный восторгъ вызываетъ, конечно, раздѣлка, по всѣмъ правиламъ партійной іезуитской тактики, какого-либо праваго оратора, который имѣлъ неосторожность выступить среди этого сонма безумныхъ. Все это на прогрессивномъ жаргонѣ зовется очереднымъ скандаломъ. Ничего подобнаго нельзя ждать, конечно, въ правомъ земскомъ собраніи; правые земцы—народъ все серьезный, дѣловой; скупой на рѣчи, лишнее слово боится проронить и зря ни одного слова не скажетъ; если же и говоритъ, то все больше въ комиссіяхъ, гдѣ всѣ дѣла честь-честью и рѣшаютъ. Да если и говорятъ, то все о скучныхъ, сухихъ матеріяхъ; надо ли исправить дровяной сарай при такой-то школѣ, или прибавить ли дворнику при больницѣ рубль въ мѣсяцъ жалованья, или построить еще одну больницу въ уѣздѣ и гдѣ именно. Жди отъ такихъ земцевъ какихъ-либо широкихъ, грандіозныхъ проектовъ и плановъ, жди отъ нихъ выставокъ или продовольственныхъ пунктовъ, или проекта планомѣрныхъ санитарныхъ организацій, или плана внѣшкольнаго образованія въ широкомъ прогрессивномъ духѣ и тому-подобной стрѣльбы по воробьямъ изъ пушекъ.

Порядочному интеллигенту до тошноты обидно въ такихъ земствахъ и въ такихъ собраніяхъ. Дать бы ему ходу, онъ и настроилъ бы проектовъ и плановъ. Ему нужны проекты, чтобы весь міръ вверхъ дномъ перевернуть. Другихъ проектовъ онъ не признаетъ, и только такіе проекты ему по душѣ и по его нраву. Но если гдѣ-нибудь и какимъ-то чудомъ интеллигентамъ удалось бы вверхъ дномъ перевернуть весь міръ, то можно быть увѣреннымъ, что интеллигентъ продолжалъ бы мечтать опять-таки лишь о томъ, чтобы перевернуть вверхъ дномъ весь міръ, хотя бы это грозило вернуть міръ къ первобытному положенію. Вѣдь, каждая душевная болѣзнь

имѣетъ свою „идею фиксъ"; „идея фиксъ" интеллигентовъ и есть переворачиваніе вверхъ дномъ міра. Гдѣ-нибудь, что-нибудь перевернулось и виситъ вверхъ тормашками, и интеллигентъ въ восторгѣ: больше ему ничего не надо.

Исторія земства, съ точки зрѣнія Манифеста 17 Октября, и преслѣдуетъ поэтому ту цѣль, чтобы освѣтить, отмѣтить всѣ такіе планы и проекты, выяснить ихъ грандіозное значеніе для мірового прогресса. Попутно исторія должна воздавать должное,—другими словами, пѣть дифирамбы всѣмъ земскимъ прогрессивнымъ пустозвонамъ—виноватъ,—ораторамъ,—всѣмъ, словомъ, составителямъ проектовъ, переворачивающихъ вверхъ дномъ весь міръ, и всѣмъ знаменитымъ охотникамъ по воробьямъ изъ пушекъ. Исторія должна превозносить до небесъ проекты и планы, а составителей называть истинными земскими работниками, преданными земству и народу, понимающими земское дѣло и способными поднять земскую Россію и, вообще, Россію на недосягаемую высоту. Попутно должны быть повергнуты въ прахъ и втоптаны въ грязь всѣ правые земскіе элементы. Само собой разумѣется, что послѣ такой исторіи даже у крайнихъ правыхъ земцевъ пропадетъ охота заниматься дѣломъ, а всѣ превратятся въ составителей такихъ проектовъ, которые бы вверхъ дномъ перевернули весь міръ. А если это случится, то цѣль исторіи земства и будетъ достигнута.

Если же кто изъ гласныхъ, во время преній о томъ: построить ли въ уѣздѣ каменный или деревянный мостъ, неожиданно воскликнетъ: „долой смертную казнь!", или же кто по поводу вопроса о назначеніи пенсіи утратившей трудоспособность фельдшерицѣ скажетъ длинную страстную рѣчь о необходимости отвѣтственнаго министерства,—то эти земскіе подвиги отнюдь не слѣдуетъ замалчивать, а, наоборотъ, съ особымъ удовольствіемъ отмѣтить ихъ и воздать должное заслугамъ героевъ, совершившихъ подвиги, а также поставить такихъ героевъ на особый пьедесталъ; если возможно, приложить ихъ портреты съ надписью: земскіе дѣятели (рыцари), высоко державшіе земское знамя. Надо такимъ подвигамъ придать широкій, обобщающій характеръ, который еще больше поднялъ бы ихъ значеніе; съ этой цѣлью всѣ такіе подвиги вносятся въ особую рубрику: „борьба земства за расширеніе народныхъ правъ и за мѣстное самоуправленіе". Немудрено, что желающихъ получить званіе „земскихъ рыцарей",—окажется много; еще больше окажется земцевъ, готовыхъ совершить какіе угодно подвиги, лишь бы послѣдніе попали въ графу: „борьба земства за народныя права".

Весьма возможно, что въ результатѣ такой исторіи земства, всѣ земства забудутъ про земскія дѣла и начнутъ бороться за воображаемыя народныя права. Впрочемъ, въ этомъ и заключается цѣль изданія исторіи земства съ точки зрѣнія Манифеста 17 Октября. Поэтому, если предсѣдатель остановитъ земскихъ рыцарей и скажетъ имъ, что вопросъ о смертной казни никакого отношенія не имѣетъ къ постройкѣ моста, или что никакой логической связи

нѣтъ между пенсіей фельдшерицѣ и отвѣтственнымъ министерствомъ, а въ особенности, если предсѣдатель или какой-нибудь смѣльчакъ осмѣлится указать, что земство должно заботиться только о мѣстныхъ реальныхъ и хозяйственныхъ нуждахъ, что оно не только не въ правѣ, но что оно совершенно некомпетентно по вопросу о томъ, нужно ли перевернуть вверхъ дномъ Россію и какимъ способомъ произвести эту сказочную операцію,—то исторія земства должна, со всей силой интеллигентнаго злословія, обрушиться на такихъ земскихъ дѣятелей. Подъ портретами должна быть надпись: „правые земскіе дѣятели". Въ текстѣ же должно быть объяснено, что правые земцы, это—та часть земцевъ, которая преслѣдуетъ исключительно дворянскіе интересы, которая противится всякимъ прогрессивнымъ реформамъ и не прочь вернуть Россію къ временамъ крѣпостного права. Само собой понятно, что только свобода слова въ земствахъ можетъ дать возможность говорить въ собраніяхъ безъ конца и о чемъ угодно, а главнымъ образомъ, о способахъ и средствахъ—перевернуть міръ вверхъ дномъ. Въ исторіи земства все это должно быть подчеркнуто, выяснено и планомѣрно изложено. Для полной же казни земскихъ дѣятелей, всецѣло отдающихъ свои силы и трудъ только дѣловымъ, реальнымъ интересамъ земскаго хозяйства, не признающихъ ни здраваго смысла, ни искренности въ неумѣстныхъ и безразсудныхъ возгласахъ: „долой смертную казнь!" или: „да здравствуетъ отвѣтственное министерство!"—ввести въ исторію отдѣлъ, подъ заглавіемъ: „походъ земцевъ-дворянъ противъ земской автономіи и народныхъ правъ". Можно употребить, смотря по окраскѣ земства, болѣе туманное заглавіе: „сословно-дворянскія теченія въ земствѣ". Всѣ упомянутые выше случаи внести въ этотъ отдѣлъ — въ назиданіе земскому потомству.

Съ особой любовью и сугубымъ вниманіемъ исторія земства должна останавливаться на всѣхъ съѣздахъ, совѣщаніяхъ, комиссіяхъ. Важно отмѣтить роль третьяго элемента и дать понять, что онъ играетъ главную роль въ земствѣ, и справедливо было бы надѣлить его правами земскаго хозяина. Само собой разумѣется, съѣзды, совѣщанія, съ ихъ рѣчами и митинговымъ характеромъ, весьма близки сердцу интеллигента,—поэтому надо ихъ всячески афишировать и ввести особый отдѣлъ: „значеніе общественности (совѣщаній, съѣздовъ, земскихъ организацій) въ земской дѣятельности". При этомъ надо доказывать, что важны на съѣздахъ, главнымъ образомъ, рѣчи прогрессивныхъ членовъ,—а въ особенности всякіе демократическіе доклады съ проектами и планами переворачиванія вверхъ дномъ міра. Безумный же восторгъ составителя исторіи должны вызвать всякія резолюціи на съѣздахъ и собраніяхъ. Такіе съѣзды внести въ особую рубрику: „плодотворныхъ съѣздовъ". Со стороны—здоровый и нормальный человѣкъ даже не въ состояніи себѣ уяснить этой страсти интеллигентовъ ко всякимъ резолюціямъ. Между тѣмъ, для интеллигента нѣтъ ничего слаще резолюцій; его хлѣбомъ не корми, только дай ему возможность принять резолюцію; чѣмъ, резолюція безсвязнѣй, чѣмъ она безжизненнѣй, чѣмъ она недостижимѣй,—тѣмъ

она слаще и пріятнѣй. Но эта сладость и прелесть резолюцій доступна только интеллигенту; обыкновенному смертному ея не понять. А развѣ обыкновенный человѣкъ могъ бы понять ту сладость, которую Донъ-Кихотъ находилъ въ борьбѣ съ вѣтряными мельницами? Резолюція, это—самое яркое донъ-кихотское свойство интеллигентовъ, въ резолюціяхъ и сказывается страсть интеллигентовъ къ борьбѣ съ вѣтряными мельницами.

Всѣ резолюціи похожи одна на другую, какъ двѣ капли воды; всѣ онѣ состоятъ изъ дѣтскихъ истинъ и напоминаютъ нравоученія, составленныя для дѣтей: „Необходимо, чтобы была свобода слова для того, чтобы можно было открыто высказывать правду". Ну, кто можетъ возразить противъ такого нравоученія, которое зовется резолюціей? Но какъ узнать эту правду? Какія мѣры надо принять, чтобы воцарилась правда въ мірѣ? Можетъ развѣ свобода слова гарантировать правду? Объ этомъ резолюція умалчиваетъ, потому что объ этомъ никто не думаетъ, потому что для резолюціи думать, размышлять—лишняя трата энергіи и силъ; отъ резолюціи требуется только, чтобы она была принята. Казалось бы, что единственный способъ ввести въ міръ правду—самому говорить правду. Другого способа я не вижу, и если каждый начнетъ говорить правду—и будетъ въ мірѣ правда. Но такой именно путь къ правдѣ требуетъ труда, колоссальнаго труда. Гораздо легче принять резолюцію. А развѣ Донъ-Кихотъ не выступалъ на міровую арену для борьбы за правду? Но эта борьба требуетъ неимовѣрныхъ усилій, а Донъ-Кихотъ избралъ самый легкій способъ борьбы за правду, именно—борьбу съ вѣтряными мельницами.

Не менѣе важна и въ ходу у интеллигентовъ резолюція о необходимости всеобщаго образованія, о пользѣ отъ всеобщей грамотности. Подумаешь, Америку открыли! А развѣ эта резолюція не перефразъ стариннаго дѣтскаго нравоученія: „ученье свѣтъ, а неученье тьма". И взрослымъ людямъ не стыдно, какъ попугаямъ, повторять эту дѣтскую поговорку. Но разъ эту поговорку называютъ резолюціей—и стыдъ, и смѣхъ пропадаютъ. Но какъ сдѣлать всѣхъ сразу грамотными, откуда взять средства, учителей; въ какихъ размѣрахъ дать образованіе,—словомъ, какъ на дѣлѣ осуществить всеобщее образованіе? Развѣ мыслимо разрѣшить всѣ сложныя проблемы всеобщаго образованія? Гораздо легче вынести резолюцію. Казалось бы, чего проще; если кому-нибудь близки и дороги вопросы народнаго образованія, то у него имѣется великолѣпный способъ осуществить свою мечту: пойти въ учителя и учить крестьянъ грамотѣ, но именно — грамотѣ, а не всякимъ интеллигентнымъ бреднямъ. И если бы всѣ интеллигенты взялись такимъ путемъ за дѣло, то всеобщая грамотность вышла бы изъ области мечты. Но зачѣмъ интеллигенту этотъ тяжелый и длительный путь, когда есть легкій способъ: вынести резолюцію? Удивительнѣе всего то, что интеллигентъ увѣренъ; что своей резолюціей онъ вводитъ грамотность,—ему мерещится, что резолюція—самая дѣйствительная мѣра, и чѣмъ больше резолюцій,

тѣмъ больше будетъ правды и грамотности въ Россіи. Надо же дойти до такого ослѣпленія! Впрочемъ, и Донъ-Кихотъ былъ увѣренъ, что онъ тѣмъ скорѣе спасетъ Дульцинею, чѣмъ больше атакъ на вѣтряныя мельницы произведетъ.

Что стоитъ интеллигенту подписать резолюцію? Читаетъ въ газетѣ, что сегодня будетъ собраніе, и тутъ же рѣшаетъ, что надо пойти. Какъ же! Разъ собраніе, значитъ—будетъ резолюція. Почему же отказать себѣ въ удовольствіи подписаться подъ резолюціей. Все равно, какъ проходишь мимо ресторана и обязательно заходишь закусить и выпить рюмку водки. Да и почему отказать себѣ въ этомъ удовольствіи? Что рюмку водки выпить, что резолюцію подписать—интеллигенту все едино. У меня былъ одинъ пріятель, который былъ помѣшанъ на резолюціяхъ. Можно представить себѣ, какъ онъ былъ счастливъ въ 1905 году; не житье, а масляница. Мой пріятель только то и дѣлалъ, что переходилъ изъ одного собранія въ другое и вездѣ подписывался подъ резолюціями. Большей частью онъ попадалъ уже къ концу собранія, послѣ всѣхъ рѣчей, когда ставилась на голосованіе резолюція. Тѣмъ не менѣе, не зная, въ чемъ дѣло, не зная даже содержанія резолюціи, мой пріятель голосовалъ за нее. Удивительнѣе всего, что ни разу ему не приходилось раскаиваться; да и мудрено было попасть въ просакъ; вѣдь, каждая резолюція или за правду, или за свободу, или за грамотность, — словомъ, нѣчто вродѣ поговорки: „ученье свѣтъ, неученье тьма“. Гдѣ же тутъ попадешь въ просакъ?

Несмотря на это, къ резолюціямъ интеллигентъ относится донельзя серьезно, и, повторяю, ему мерещится, что каждая резолюція—великое, отвѣтственное дѣло. Трудно поэтому передать словами то самодовольство, ту самоудовлетворенность, какія испытываетъ интеллигентъ послѣ резолюціи. Можно развѣ только сравнить его самочувствіе съ самодовольствомъ полководца, одержавшаго, наконецъ, послѣ многодневнаго боя, побѣду надъ врагомъ, или съ самоудовлетвореніемъ врача, произведшаго трудную и сложную операцію и спасшаго жизнь паціенту, или съ радостью добраго и сердечнаго человѣка, оказавшаго услугу какому-либо несчастному бѣдняку. И нашъ интеллигентъ послѣ каждой резолюціи считаетъ себя героемъ, титаномъ, спасителемъ Россіи и всего міра... И ничѣмъ его не разубѣдишь, какъ невозможно было бы разубѣдить Донъ-Кихота, что онъ боролся не съ титаноми,—а съ крыльями вѣтряной мельницы.

Понятно, что дѣятельность такихъ интеллигентовъ—назовемъ ихъ резолюторами—наиболѣе зловредная и тунеядческая. А развѣ Донъ-Кихотъ мало бѣдъ натворилъ своей борьбой съ вѣтряными мельницами? Къ сожалѣнію, благодаря терпимости правительства, современнымъ Донъ-Кихотамъ ихъ борьба благополучно сходитъ съ рукъ, и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ такой резолюторъ несетъ кару. Такъ, недавно въ газетахъ промелькнуло извѣстіе, что изъ Самары высланъ въ Вятку князь Кугушевъ за то, что подъ его предсѣда-

тельствомъ областной съѣздъ по борьбѣ съ дороговизной вынесъ резолюцію объ отвѣтственномъ министерствѣ. Я достаточно говорилъ уже объ отвѣтственномъ министерствѣ, и, надѣюсь, каждому ясно стало, что́ это за преступное и безразсудное желаніе. Но, имѣй оно даже за собой какой-нибудь raison d'etre, развѣ время въ годину тяжкихъ испытаній, когда всѣ помыслы должны быть направлены къ благополучному окончанію войны, подымать вопросы о побочныхъ дѣлахъ и вызывать разъединеніе и борьбу партій вмѣсто столь необходимаго объединенія? Увы! Эти вопросы подняты и въ Думѣ, и это величайшее преступленіе, самая гнусная измѣна народу со стороны всѣхъ лѣвыхъ партій. И это величайшее преступленіе совершено только потому, что интересы партіи и программы у этихъ бездушныхъ іезуитовъ стоятъ выше всего, и, въ угоду буквѣ своей безжизненной программы, эти люди, имѣющіе наглость именовать себя демократами, готовы принести въ жертву весь народъ, всю страну. Но такъ или иначе, что́ общаго между дороговизной и отвѣтственнымъ министерствомъ? Причины дороговизны очень сложны и разнообразны; нѣкоторыя изъ нихъ, быть можетъ, и устранимы, но нѣкоторыя причины никто и ничто не можетъ устранить,—напримѣръ, паденіе курса рубля. Конечно, разобраться въ этихъ причинахъ, выяснить ихъ—очень трудно и, пожалуй, не подъ-силу никакому съѣзду, еще труднѣе намѣтить планъ мѣропріятій, еще труднѣе привести эти мѣропріятія въ исполненіе; гораздо легче поэтому принять резолюцію объ отвѣтственномъ министерствѣ. Очевидно, членамъ съѣзда до дороговизны, до интересовъ народа никакого дѣла не было, имъ важенъ былъ съѣздъ и его дикія, нелѣпыя резолюціи; все остальное, по ихъ мнѣнію, трынъ-трава. И такая резолюція спасаетъ этихъ безумныхъ тунеядцевъ; дороговизна и ея причины для нихъ—тарабарское нарѣчіе, а вотъ вынесли резолюцію объ отвѣтственномъ министерствѣ—и овцы цѣлы, и волки сыты. Умница Крыловъ на этотъ случай придумалъ великолѣпную басенку: „Лисица и виноградъ". Спасительная резолюція объ отвѣтственномъ министерствѣ, это—просто признаніе своего безсилія; „зеленъ, молъ, виноградъ, ягодки нѣтъ зрѣлой". Между тѣмъ, сидя въ Вяткѣ, кн. Кугушевъ воображаетъ, что онъ герой, что онъ пострадалъ за правду. А развѣ, когда Донъ-Кихотъ атаковалъ вѣтряную мельницу, онъ не былъ отброшенъ далеко-далеко, пожалуй, подальше Вятки, и развѣ, лежа на землѣ, въ пыли, израненный, рядомъ со своимъ Россинантомъ, онъ не воображалъ себя героемъ, пострадавшимъ за правду? И развѣ можно было бы его убѣдить, что онъ пострадалъ только по своей глупости, по своему безумію, только благодаря сумасбродной мысли—повести атаку противъ крыльевъ вѣтряныхъ мельницъ? Разница только въ томъ, что во времена Донъ-Кихота рыцарство потеряло свой престижъ, и продѣлки Донъ-Кихота вызывали неудержимый смѣхъ. Въ наше же время рыцарство, въ лицѣ демократической интеллигенціи, пользуется большимъ почетомъ, и продѣлки князей Кугушевыхъ вызываютъ неудержимый восторгъ. Не наступила еще, видно, пора Сервантеса,—но въ свое время онъ придетъ; это—несомнѣнно.

Увы! Въ каждомъ земствѣ, за 50 лѣтъ, достаточно накопилось рыцарскихъ подвиговъ и бездна донъ-кихотства. Сколько было собраній, съѣздовъ, совѣщаній; сколько рѣчей, преній, проектовъ, плановъ, сколько резолюцій—и все насчетъ сокрушенія міра! Словомъ, вмѣсто реальнаго земскаго дѣла, вмѣсто исключительнаго веденія мѣстнаго хозяйства—къ чему только и были призваны земскія учрежденія—послѣднія все время вели только борьбу съ вѣтряными мельницами. Затменіе же общества настолько велико, что эти донъ-кихотскіе подвиги и считаются настоящимъ дѣломъ. Понятно, что исторія земства будетъ не исторіей реальной земской дѣятельности, не исторіей прогрессивнаго роста земскаго хозяйства, а только исторіей донъ-кихотскихъ подвиговъ. Вѣдь, земская работа, по существу—тусклая, прозаическая работа экономнаго и хозяйственнаго человѣка; не ищите въ ней эфектовъ, занимательныхъ зрѣлищъ. Между тѣмъ, ее именно превратили въ рядъ рыцарскихъ турнировъ, превратили земство въ какой-то земскій рыцарскій орденъ. Словомъ, исторія земства будетъ исторіей какихъ-то небывалыхъ безсмысленныхъ подвиговъ ратныхъ, а отнюдь не исторіей служенія мѣстныхъ культурныхъ людей интересамъ русской деревни, русскаго крестьянина,—а, слѣдовательно, и интересамъ русскаго народа, русскаго государства. *Потому что каждый работаетъ на пользу государства, народа и человѣчества* только тогда, когда онъ работаетъ, не покладая рукъ, въ своей обыденной, реальной, прозаичной работѣ. И сапожникъ, и портной, и кузнецъ, и врачъ, и пахарь, и помѣщикъ, и управляющій имѣніемъ, и рабочій, и инженеръ, и директоръ на фабрикѣ, и полицейскій, и губернаторъ, и министръ,—всѣ они государственные работники, народные труженики, всѣ они общественные дѣятели и истинные демократы, если они заняты своимъ дѣломъ, если они реально, полезно работаютъ въ немъ, какъ бы эта работа ни была тусклой, прозаичной. *Каждый изъ нихъ—истинный народный герой; геройство—именно въ тусклой, безцвѣтной трудовой жизни, а отнюдь не въ блестящихъ подвигахъ, дающихъ лишь мишурную славу и популярность.*

Ясно, что обыкновенный, нормальный смертный не въ состояніи былъ бы составлять такую исторію; ясно, что для этого не приспособленъ даже обыкновенный средній интеллигентъ. Для великихъ подвиговъ нужны великіе люди, титаны,—словомъ, архи-интеллигенты. Вѣдь, и рыцарскіе романы, и исторію похожденій какого-либо Конрада фонъ-Гогенштауфена писали рыцари же, притомъ архи-рыцари, для которыхъ рыцарство было вѣнцомъ мірозданія. Исторія же земства, съ точки зрѣнія Манифеста 17 Октября, должна быть ничѣмъ инымъ, какъ современнымъ рыцарскимъ романомъ, описаніемъ похожденій Родичевыхъ, Петрункевичей и имъ подобныхъ, которые шли въ земство не для будничной земской работы, а для подвиговъ ратныхъ, для рѣчей, преній, резолюцій. Описывать ихъ похожденія могутъ люди, которымъ настоящій міръ кажется тусклымъ, для которыхъ нормальная, естественная жизнь представляется ненавистной прозой; которые живутъ въ мірѣ грезъ и ме-

чтаній о повтореніи потопа, о сокрушеніи міра, для которыхъ жизнь — какая-то дивная феерія рыцарской борьбы и рыцарскихъ турнировъ, сплошная борьба рѣчей, программъ, проектовъ, плановъ, резолюцій. Словомъ, составить такую исторію могли бы лишь тѣ, которые проводятъ жизнь въ какомъ-то архи-интеллигентскомъ угарѣ, въ представленіи которыхъ міръ состоитъ изъ титановъ; послѣдніе же проводятъ жизнь въ сплошной борьбѣ рѣчами, проектами, резолюціями, и только такими, назначеніе которыхъ — перевернуть вверхъ дномъ міръ. Чѣмъ рѣчь, программа, резолюція сокрушительнѣй,—тѣмъ выше титанъ, тѣмъ онъ непобѣдимѣй, тѣмъ турниръ интереснѣй. Для такихъ людей составленіе исторіи земства — одно блаженство, священный интеллигентный долгъ.

Какъ стая коршуновъ, слетѣлись со всѣхъ сторонъ въ земство историки; разные Кирьяковы, Цыцарины, Тапаевскіе, Сахаровы, — имя имъ легіонъ. Все люди безъ рода и племени,—вѣрнѣе, безъ опредѣленныхъ занятій, потому что реальный человѣческій трудъ — для нихъ каторжный трудъ; они не приспособлены, бѣгутъ даже отъ обыкновеннаго интеллигентнаго труда. Всѣ они большей частью недоучки, потому что не въ состояніи были даже осилить школьнаго труда. Когда-то они звались Митрофанушками, недоучками. Это все бывшіе писаря, учителя; а женщины все стриженыя, съ папиросками въ зубахъ, изъ породы русскихъ суфражистокъ. Долженъ признаться, что изъ всѣхъ породъ суфражистокъ русская разновидность самая противная. Но что когда-то звалось Митрофанушкой, что было неудачникомъ, что составляло горе родителей, то въ наше время является счастьемъ, удачей. Такіе люди образуютъ какую-то особую демократическую профессію, къ которой очень легко пристроиться. Первоначальныя познанія для этой профессіи пріобрѣтаются на митингахъ, сходкахъ. И занятно, и полезно. Дополняется это образованіе чтеніемъ летучихъ брошюръ, въ которыхъ доказывается, что величайшее благо жизни — избирательное право; оно превращаетъ всякаго Митрофанушку въ гражданина, даетъ ему власть и престижъ; въ книжкахъ объясняется, что̀ такое свобода, что при свободахъ можно клеймить неправду и зло. Въ книжкахъ только не объясняется, что̀ такое неправда и что зло; умалчивается и о томъ, что при свободахъ еще легче клеймить правду и добро, но каждому читателю это и безъ словъ понятно. Въ книжкахъ проводится та оригинальная, чисто-гавриловская мысль, что лучше быть богатымъ, чѣмъ бѣднымъ. Но чтобы быть богатымъ, не надо работать, а надо устраивать профессіональные союзы, забастовки и т. п. Словомъ, каждый Митрофанушка весьма быстро превращается въ сознательнаго интеллигента, — другими словами, въ кандидата въ „экспропріаторы,“ выражаясь языкомъ сознательныхъ интеллигентовъ. Для завершенія образованія требуется еще нѣкоторый тюремный стажъ, о которомъ рѣчь въ другомъ мѣстѣ. Но, зато, карьера Митрофанушки обезпечена. Онъ получаетъ возможность пристроиться къ любой прогрессивной газетѣ; вначалѣ въ качествѣ репортера, затѣмъ интервьюера, сотрудника, фельетониста, рифмоплета и т. п.

Изъ Митрофанушекъ и состоятъ редакціи газетъ. Легче написать прогрессивную статью, чѣмъ переписать исходящую бумагу. Помимо газетной профессіи, у Митрофанушекъ масса способовъ пристроиться. Имъ покровительствуютъ всѣ видные представителя третьяго элемента въ городскихъ и земскихъ управахъ, такъ какъ такое покровительство увеличиваетъ славу и престижъ покровителей въ прогрессивныхъ и газетныхъ кругахъ; по той же причинѣ Митрофанушки находятъ покровительство у всѣхъ видныхъ общественныхъ дѣятелей. Такимъ образомъ, управы, банки и даже правительственныя учрежденія полны Митрофанушками; въ случаѣ надобности, покровители выдумаютъ спеціальную работу, откроютъ новое отдѣленіе. Изъ Митрофанушекъ формируются библіотекари, лекторы Народнаго Университета, кассиры образовательнаго кинематографа и всякія должностныя лица при обществахъ, союзахъ, комитетахъ. Словомъ, не родись богатымъ, а родись Митрофанушкой.

Но есть высшій сортъ Митрофанушекъ; это люди даже съ нѣкоторымъ образованіемъ, но просто неспособные ни къ какому опредѣленному, постоянному труду. Это тоже все испытанные демократы, обязательно—сотрудники газетъ съ тюремнымъ стажемъ, но ихъ можно назвать чиновниками особыхъ демократическихъ порученій. Это все странствующіе корреспонденты, странствующіе лекторы народныхъ университетовъ, уполномоченные на передвижныхъ выставкахъ, они же и лекторы на этихъ выставкахъ, какъ и спеціально созданный классъ разъѣздныхъ, т.-е. странствующихъ земскихъ лекторовъ-врачей и т. п. Это, очевидно, люди того же типа и наклонностей, которые создали во времена рыцарства орденъ странствующихъ рыцарей. То были архи-рыцари, а наши современники, повидимому, архи-интеллигенты. Всѣ они обладаютъ однимъ свойствомъ: необыкновенной говорливостью, языкочесаніемъ—въ самой сильной стадіи развитія. Говорливость, ораторское искусство—не даръ Божій, это—болѣзнь; просто у несчастнаго на кончикѣ языка сидитъ дьяволъ и ворочаетъ его языкомъ. Электрическій звонокъ въ квартирѣ—вещь очень пріятная и полезная; но когда, по той или иной причинѣ, провода соединились, и начинается безпрерывный звонъ, то нѣтъ, кажется, ничего другого, что больше бы раздражало нервы и превращало жизнь въ каторгу. Должно быть, и у странствующихъ интеллигентовъ какіе-то провода соединились, и языкъ безустали звонитъ. Я думаю, что эта болѣзнь весьма тягостная для самихъ больныхъ, но для окружающихъ здоровыхъ людей—она невыносима. Къ счастью для больныхъ, болѣзнь приняла эпидемическое повальное теченіе, и здоровыхъ, нормальныхъ людей осталось очень мало на свѣтѣ.

Но, зато, эти господа незамѣнимы для всякаго рода архи-демократическихъ порученій. Нужно ли устраивать выставку, которая не только никакого смысла и никакого практическаго значенія не имѣетъ, но для которой нѣтъ никакихъ реальныхъ экспонатовъ; нужно ли составить статистическую работу, для которой нѣтъ никакихъ реальныхъ цифръ; нужно ли произвести изысканія для со-

вершенно ненужныхъ и даже неосуществимыхъ сооруженій; нужно ли составить исторію того, что никакой исторіи не имѣетъ или для чего никакихъ матеріаловъ не имѣется и т. п.,—языкъ нашихъ героевъ замѣнитъ и экспонаты, и цифры, и матеріалы. Увы! Языки эти способны затуманить головы самыхъ трезвыхъ и здравомыслящихъ людей настолько, что послѣдніе воочію начинаютъ различать эти самые фантастическіе экспонаты, цифры и всякіе матеріалы.

Вотъ такіе-то акробаты, какъ вороны на добычу, слетѣлись повсюду и отовсюду для составленія исторіи земства. И составили всего-навсего нѣчто вродѣ третьяго отдѣленія третьяго элемента. Понятно, что сумасбродная идея объ изданіи газеты третьяго элемента должна была у этихъ господъ встрѣтить полное сочувствіе. Вѣроятнѣе всего, что она и зародилась въ ихъ затуманенныхъ головахъ, а Клафтонъ явился только игрушкой въ ихъ рукахъ, потому что трудно себѣ представить, чтобы постоянный и старый земскій работникъ могъ быть иниціаторомъ такой идеи. Но, конечно, это не можетъ служить оправданіемъ для Клафтона, обобщившаго эту идею своего третьяго отдѣленія и присвоившаго ее ни въ чемъ неповинному третьему элементу.

Что касается исторіи земства, то, составленная по плану господъ Клафтоновъ, да еще третьимъ отдѣленіемъ, съ точки зрѣнія Манифеста 17 Октября, она имѣетъ очень мало значенія сама по себѣ, для деревни же ровно никакого значенія не имѣетъ и, съ точки зрѣнія земскихъ реальныхъ нуждъ, представляетъ форменную тезяковскую стрѣльбу изъ пушекъ по воробьямъ. Между тѣмъ, обходится она каждому земству минимумъ по нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, а всей земской Россіи—въ нѣсколько милліоновъ, кровныхъ земскихъ милліоновъ. Большей частью, какъ при всякой тезяковской пальбѣ, пошли эти средства на кормленіе упомянутыхъ выше алчныхъ странствующихъ воронов, слетающихся на всякую падаль. Подниметъ вся эта исторія съ исторіей земства престижъ господъ Клафтоновъ въ глазахъ всѣхъ интеллигентовъ, какъ потому, что имъ пришла въ голову такая архи-демократическая мысль, такъ и потому, что открылось новое отдѣленіе въ земствѣ, закипѣла работа и можно трубить о роли и кипучей дѣятельности земства, наконецъ, и потому, что эта затѣя дала возможность прокормиться цѣлой стаѣ странствующихъ интеллигентовъ, которые, по своей архи-интеллигентности, пользуются большимъ почетомъ въ интеллигентскихъ кругахъ. Что и говорить: кормленіе такихъ уважаемыхъ лицъ—благородное занятіе, но не для этого спорта были созданы земскія учрежденія. Не ясно ли, что прежде, чѣмъ поднять вопросъ объ увеличеніи земскихъ доходовъ и рессурсовъ, весьма своевременно поднять вопросъ о сокращеніи земскихъ расходовъ.

Что касается странствующихъ историковъ, то многіе изъ нихъ, во время странствованія, успѣваютъ застрять въ какомъ-либо земствѣ и настрѣлять тамъ изъ пушекъ изрядное количество воробьевъ. И когда, сидя въ крѣпости Кушка, я прочиталъ въ газетахъ, что одинъ изъ этихъ господъ, Кирьяковъ, прочиталъ въ Самарѣ на областномъ съѣздѣ по борьбѣ съ дороговизной докладъ,—

я пришелъ въ восторгъ и ужасъ: нашъ пострѣлъ вездѣ поспѣлъ. И газетчикъ, на амплуа какихъ-то фантастическихъ разсказовъ, въ подраженіе Гаршину, и историкъ несуществующихъ исторій, и статистикъ, смѣлый на всякіе фантастическіе выводы, и знатокъ земской медицины, въ которой смыслитъ не больше, чѣмъ въ апельсинахъ, и организаторъ земской выставки по всѣмъ отдѣламъ и, наконецъ, знатокъ промышленныхъ вопросовъ и всѣхъ сложныхъ финансовыхъ причинъ, вызывающихъ дороговизну. Изумительная универсальность, которая только покоится на языкѣ съ испорченными проводами. Откровенно говоря, я не ожидалъ добра отъ кирьяковскаго доклада; я былъ увѣренъ, что вопросъ сведется или къ свободѣ слова, или къ отвѣтственному министерству; но, сверхъ всякаго ожиданія, Кирьяковъ предложилъ мѣру, отличающуюся простотой, но геніально и радикально разрѣшающую вопросъ о дороговизнѣ. Для борьбы съ дороговизной квартиръ онъ предложилъ ни болѣе, ни менѣе, какъ предоставить выборныя городскія права всѣмъ квартиронанимателямъ,—другими словами, предоставить размѣръ квартирной платы усмотрѣнію квартиронанимателей. Что можетъ быть проще и геніальнѣй? Вопросъ о дороговизнѣ можно считать разрѣшеннымъ; остается—цѣны на хлѣбъ, мясо, яйца, птицу и всякіе продукты первой необходимости предоставить усмотрѣнію потребителей. Выбралъ себѣ на базарѣ пару самыхъ лучшихъ цыплятъ — и плати, сколько хочешь. Цѣны на товары въ магазинахъ, на заказы въ мастерскихъ и заводахъ—предоставить усмотрѣнію покупателей и т. п.

О, Боже! Неужели этимъ господамъ не жаль Россіи, истекающей кровью во время великой войны? Неужели же теперь время развлекаться съѣздами, которые всѣ на одинъ манеръ и которые вносятъ во время войны только смуты и раздоры въ нѣдрахъ Россіи. О, Минины и Пожарскіе! Закройте съѣзды, а съ Кирьяковыми поступите, какъ со всѣми измѣнниками Родинѣ и Царю.

Затѣмъ,—спрошу я Клафтона,—неужели онъ себя и свое третье отдѣленіе и себѣ и ему подобныхъ всерьезъ считаетъ третьимъ элементомъ? Я понимаю, что для третьяго земскаго элемента—это большая честь, но, къ сожалѣнію, отъ этой чести ему придется отказаться, такъ какъ она не по праву ему принадлежитъ. Вѣдь, назначеніе земства—служить деревнѣ, и только тотъ служитъ земству, кто служитъ деревнѣ. Сидѣніе же въ городѣ и писаніе бумагъ такъ же далеко отъ служенія деревнѣ и земству, какъ командовать, скажемъ, изъ Москвы побѣдоносной арміей гдѣ-нибудь въ Персіи. Земство создано для того, чтобы покрыть деревенскую Россію сѣтью больницъ, школъ, опытныхъ полей и т. п. И только тотъ, кто лечитъ, учитъ въ деревнѣ, строитъ мосты и тому-подобное—истинный *земскій* работникъ, а кто сидитъ въ управахъ и изводитъ бумагу,—будь то секретарь или писецъ, санитарный врачъ, статистикъ или агрономъ,—тотъ канцеляристъ и больше ничего, такой же канцеляристъ, какъ писцы въ банкахъ, конторахъ, магазинахъ. Да и странно, почему писецъ, написавшій исходящую бумагу въ земской

управѣ,—третій элементъ, а писецъ, такую же бумагу написавшій въ банкѣ,—только писецъ? Неужели, развѣ третій элементъ—врачъ Губернской земской больницы или завѣдывающій лабораторіей губернскаго земства, или даже врачъ уѣздной, городской земской больницы? Тогда почему же не третій элементъ—врачъ желѣзнодорожной или тюремной больницы?

Конечно, можно и служа при управѣ—быть истиннымъ земскимъ работникомъ, но только въ томъ случаѣ, если управскій столъ для такого лица—временное и неизбѣжное зло, а вся его работа въ деревнѣ, если вся его творческая дѣятельность, всѣ его проекты, выводы, основаны на знаніи жизни, на живыхъ наблюденіяхъ въ деревнѣ. Потому что земство—живое дѣло, потому что земское дѣло нельзя творить по готовымъ формуламъ и программамъ, потому что служа въ земствѣ, будучи живымъ работникомъ, надо всемѣрно подчиняться требованіямъ и запросамъ жизни и, скрѣпя сердце, рушить иногда сегодня то, что вчера только казалось полезнымъ и желательнымъ.

Секретарь же земской управы, знатокъ мертваго земскаго положенія, по самому существу узкій спеціалистъ канцелярскаго типа, какъ всякій бухгалтеръ, счетоводъ, или служащій въ банкѣ. Можно быть отъ рожденія, по своему природному характеру, буквоѣдомъ, фарисеемъ,—словомъ, форменнымъ бюрократомъ. Съ другой стороны, есть спеціальности, занятія, по самому существу своему—буквоѣдческія, бюрократическія, какъ бухгалтерія, счетоводство, статистика, секретарство при управахъ и т. п. Для природныхъ буквоѣдовъ такого рода спеціальности ихъ родная стихія; они къ нимъ льнутъ, какъ рыба къ водѣ. Поэтому, по роду нѣкоторыхъ занятій можно судить о человѣкѣ, и, къ примѣру, о секретарѣ земской управы можно à priori сказать, что онъ—природный бюрократъ,—другими словами, истинный реакціонеръ. Такіе же реакціонеры и бюрократы—всѣ эти историки изъ третьяго отдѣленія, которые пишутъ исторію земства по готовымъ планамъ и съ предвзятой точки зрѣнія. Такіе же реакціонеры и бюрократы всѣ тѣ, которые зовутъ себя прогрессистами, демократами, потому что они не способны быть живыми людьми, а могутъ быть лишь членами партій или вообще сторонниками программъ, наказовъ, уставовъ и т. п. Отсюда естественный и логичный выводъ, что бухгалтеры, статистики, счетоводы, писцы eo ipso и прогрессисты или демократы, словомъ, принадлежатъ къ какой-нибудь партіи и обязательно сочувствуютъ парламенту и отвѣтственному министерству. Это примѣнимо не только къ отдѣльнымъ личностямъ, но и къ цѣлымъ народамъ; если поэтому я вижу во Франціи такой расцвѣтъ всякихъ политическихъ партій, мнѣ становится яснымъ, что буквоѣдство, фарисейство, это—природная черта француза. Партійность убиваетъ живую силу народа, душитъ въ человѣкѣ живого человѣка.

Секретарь управы, не имѣя въ земствѣ живого дѣла, по роду своихъ занятій и по своимъ природнымъ свойствамъ,—словомъ, по

обычаю интеллигентовъ,—обязательно прогрессистъ и универсальный всезнайка. Онъ и знатокъ нуждъ и народнаго образованія, и статистики, и медицины, и агрономіи и т. п. И все это онъ прекрасно знаетъ, сидя безвыходно у себя въ кабинетѣ. Но все это сходитъ ему съ рукъ, потому что къ услугамъ его языкъ съ испорченными проводами, который поэтому безостановочно трещитъ. Я только къ примѣру говорю о секретарѣ; сюда могутъ быть причислены и врачъ при управѣ, и управскій агрономъ, и всѣ лица, черпающіе проекты и выводы по своей спеціальности внѣ жизни, внѣ работы въ деревнѣ. Все, что не жизненно, что представляетъ бредъ фантазіи, всегда дьявольски красиво и привлекательно. Въ этомъ сила демократизма, въ этомъ залогъ его успѣха вездѣ и всюду. Помимо того, простую жизненную правду скажешь въ двухъ словахъ, и никто не обратитъ на нее вниманія; ложь же, фантастическій бредъ будешь съ увлеченіемъ описывать часами и легко увлечешь даже уравновѣшенный, не склонный къ фантазіи умъ.

Все несчастье въ томъ, что демократъ-супостатъ, въ лицѣ многочисленныхъ управскихъ буквоѣдовъ, проникъ въ самое сердце земства и туманитъ ясный умъ не только земскихъ дѣятелей, но и земскихъ работниковъ на мѣстахъ,—этихъ истинныхъ представителей третьяго элемента. Собранія, съѣзды, совѣщанія,—эти естественные способы живого общенія земскихъ дѣятелей и живыхъ земскихъ работниковъ,—должны бы служить источникомъ для реальной плодотворной земской работы, какъ основанныя на мнѣніяхъ, заключеніяхъ и выводахъ людей жизни и живой работы на мѣстахъ. Но, благодаря участію лицъ изъ псевдо-третьяго элемента,—всѣхъ упомянутыхъ выше управскихъ буквоѣдовъ и всякихъ псевдо-земскихъ работниковъ,—всѣ живыя земскія орудія, какъ совѣщанія, съѣзды, превращаются въ очаги буквоѣдства и безжизненности; всѣ земскіе дѣятели,—весь живой третій элементъ,—теряютъ почву подъ ногами, и въ земской работѣ царитъ хаосъ отъ столкновенія живыхъ и мертвыхъ силъ; вмѣсто живой, цвѣтущей земской нивы — стоитъ мертвая земская пустыня.

Громадное большинство,—не менѣе 99% работающихъ при земскихъ управахъ лицъ,—чистѣйшей пробы канцеляристы, безъ всякаго живого земскаго дѣла, но, находясь въ центрѣ земской дѣятельности, имѣя наглость считать себя тоже земскими работниками, третьимъ элементомъ, они оказываютъ огромное, но мертвящее вліяніе на живое земское дѣло. Съ другой стороны, когда у кого-либо нѣтъ живого дѣла, когда онъ къ такому дѣлу не приспособленъ, а жизнь требуетъ отъ него работы, иниціативы,—тогда у такого лица работаетъ одна фантазія, и можно представить себѣ, какая уйма фантастической работы создается въ нѣдрахъ земствъ, при управахъ, сколько этой безцѣльной работы вносится оттуда въ деревню. Работы по горло, работа кипитъ, но это все стрѣльба изъ пушекъ по воробьямъ, а затѣмъ подсчетъ послѣднихъ, ощипываніе перьевъ, набивка подушекъ и т. п.—Создается одинъ фантастическій отдѣлъ за другимъ; число служащихъ растетъ не по днямъ, а по часамъ, не хватаетъ помѣщенія въ управѣ,

но не хватаетъ его для живыхъ земскихъ работниковъ,—для истиннаго третьяго элемента,—а къ услугамъ фантазеровъ, къ услугамъ земскихъ паразитовъ—и почетъ, и уваженіе, и генеральскіе оклады.

Когда я читалъ воззваніе Клафтона, когда я представилъ себѣ работу въ управахъ нашего, съ позволенія сказать, третьяго элемента, я невольно вспомнилъ поговорку: „гора родила мышь". Мнѣ всегда казалось загадочнымъ, какъ это гора можетъ родить мышь, но теперь я разгадалъ, что рѣчь идетъ о той бумажной горѣ, которая создается въ канцеляріяхъ канцелярскими крысами; отъ такой горы, понятно, могутъ родиться только мыши; пожалуй, даже не мыши, а еле замѣтные кончики мышиныхъ хвостиковъ. Еще полъ-бѣды, если дѣло ограничивалось бы мышиными хвостиками, но горе въ томъ, что живое дѣло стоитъ, что живое дѣло въ загонѣ. Мало того,—эта безтолковая пальба отвлекаетъ отъ дѣла работниковъ, заставляетъ многихъ принять участіе въ безтолковщинѣ, иногда же удачнымъ выстрѣломъ рушится живая работа цѣлыхъ поколѣній. Супостатъ, какъ червь, медленно, но вѣрно подтачиваетъ живое земское дѣло, живое творчество въ земствахъ. О, Минины и Пожарскіе! Загляните и въ земства, а, между прочимъ, сбросьте тогу земскихъ работниковъ, тогу третьяго элемента, въ которую драпируются всякіе супостаты изъ породы обыкновенныхъ канцелярскихъ крысъ.

Все сказанное до сихъ поръ—касалось внѣшней, формальной стороны воззванія Клафтона и К-о; гораздо серьезнѣе это воззваніе по существу, по своему предложенію объ изданіи газеты третьяго элемента. Не истинный земскій работникъ, преданный интересамъ земства, не третій элементъ могъ обнародовать такое письмо, а только фальсификаторъ этого элемента. Вѣдь, нѣтъ профессіи, нѣтъ спеціальности „третьяго элемента", которая могла бы оправдывать такую газету, какъ посвященную спеціальнымъ научнымъ или техническимъ вопросамъ. Разъ этого нѣтъ, то цѣль изданія газеты можетъ быть одна: защита чьихъ-нибудь интересовъ. Какіе же спеціальные интересы могутъ быть у третьяго элемента? Отъ кого его надо защищать? Очевидно, отъ земцевъ. Такъ, вѣдь, это то же дѣленіе на „мы" и „вы", то же искусственное раздуваніе классовой борьбы. Еще понятно, когда отдѣляютъ интересы предпринимателей и рабочихъ, но земцы и земскіе работники—оба служатъ одному и тому же великому земскому дѣлу. И если натравливаніе рабочихъ на фабрикантовъ, крестьянъ на помѣщиковъ—преступленіе, то натравливаніе третьяго элемента на земцевъ—позоръ, предательство. Развѣ истинный земскій работникъ, подлинный земскій элементъ, дѣлающій живое дѣло на мѣстахъ, дѣлающій его дружно и рука-объруку съ земцами, можетъ отдѣлить интересы земцевъ отъ своихъ. Наоборотъ, онъ чувствуетъ эту живую связь, онъ ищетъ опоры у земцевъ, какъ послѣдніе ищутъ поддержки у него. Только тѣ, которые никакого живого земскаго дѣла не дѣлаютъ, которые только отравляютъ земскую атмосферу бредовыми идеями и мыльными пузырями,—только они могутъ говорить объ интересахъ третьяго эле-

мента, независимо отъ интересовъ земства и земцевъ; только они могутъ говорить о необходимости защищаться отъ земцевъ, потому что ничего общаго съ земствомъ у нихъ нѣтъ. Они явились въ земство, чтобы въ нѣдрахъ его сѣять смуты и раздоры; они хотятъ разбить земство на два враждебныхъ лагеря: земцевъ и земскихъ работниковъ, самовольно объявивъ себя третьимъ элементомъ,—какъ эсдеки самовольно объявляютъ себя рабочими. Но и у земцевъ, и у земскихъ работниковъ одинъ общій врагъ: всѣ эти самозванные и непрошенные борцы и радѣтели за третій элементъ, ничего общаго съ третьимъ элементомъ не имѣющіе,—всѣ эти секретари, завѣдывающіе мертвыми земскими отдѣлами, всѣ эти санитарные врачи, составители исторій, устроители библіотекъ имени Карла Маркса и т. п. Имя имъ—легіонъ.

Изданіе газеты третьяго элемента—только первый шагъ къ профессіональному союзу,—вѣрнѣе, временная замѣна такого союза, такой организаціи третьяго элемента. Я, конечно, не противникъ организацій вообще, но я сторонникъ организацій только реальныхъ, покоящихся на правдѣ жизни и вызванныхъ реальными насущными потребностями. Мнѣ вполнѣ понятна, напримѣръ, организація тѣхъ или иныхъ рабочихъ, врачей, мастеровыхъ для взаимопомощи,—словомъ, общества или союзы взаимопомощи на случай старости, болѣзни, потери трудоспособности и т. п. Я вполнѣ сочувствовалъ бы обществу или союзу взаимопомощи земскихъ работниковъ, но для такого союза нѣтъ никакой надобности въ газетѣ. Воззваніе же Клафтона поэтому имѣетъ въ виду именно профессіональную организацію третьяго элемента,—то, что скрывается подъ замысловатымъ прозвищемъ: „профессіональный союзъ“.

Сколько только терминовъ и кличекъ не придумали на своемъ вѣку интеллигенты съ единственной цѣлью скрыть истинное положеніе дѣла, истинныя цѣли. И подъ благовиднымъ предлогомъ профессіональныхъ союзовъ скрываются организаціи для грабежа, экспропріацій, для забастовокъ. Никакихъ реальныхъ основаній для профессіональныхъ союзовъ нѣтъ, а создаются они во имя лозунга самозащиты. Для чего защищаться, отъ кого защищаться,—когда никто не нападаетъ, никто не собирается нападать? Портной, скажемъ, открывая мастерскую, имѣетъ въ виду добывать только средства къ своему существованію, и отнюдь не ищетъ такимъ путемъ способовъ угнетать, эксплоатировать, грабить мастеровыхъ. Взаимоотношенія и хозяина и мастерового прекрасно регулируются хозяйской психикой, о которой я говорилъ выше; хорошій мастеровой получаетъ хорошій окладъ, плохой—меньше; за малую плату хорошій мастеровой не пойдетъ работать, а плохой работникъ будетъ портить работу; хозяйскія выгоды поэтому заставятъ хозяина хорошему, трезвому, честному работнику платить хорошій окладъ въ ущербъ пьяницѣ, вору, неудачнику. Словомъ, въ отношеніяхъ предпринимателей и рабочихъ масса сложныхъ естественныхъ факторовъ, къ обоюдной выгодѣ регулирующихъ взаимоотношенія настолько, что къ искусственнымъ мѣрамъ нѣтъ никакого основанія прибѣгать. Для защиты же граж-

данскихъ и человѣческихъ правъ рабочаго существуетъ законъ, судъ, администрація, государство,—другими словами, государственность, имѣющая даже право и возможность обезпечить рабочаго, его старость, болѣзнь, потерю трудоспособности и т. п. Всякому здравомыслящему человѣку должно казаться подозрительнымъ,—зачѣмъ эта самозащита, когда врага нѣтъ, когда впереди только вѣтряная мельница. Такому лицу должно стать ясно, что самозащита только предлогъ, что эта организація грабительская,—только для того, чтобы заставить хозяина-портного платить одинаково хорошій окладъ и пьяницѣ, лежебоку, вору, способному только портить работу. Трудно передать словами, какой разладъ, какой развратъ вносится такими пріемами въ общественную мораль, въ основу государственности, въ народную психику. Положеніе же обывателя тяжелое, безвыходное; отъ обычныхъ грабительскихъ шаекъ онъ находитъ себѣ защиту подъ сѣнью государственности. У кого искать защиту отъ легализованныхъ профессіональныхъ союзовъ? Спасеніе отъ нашествія современныхъ бандитовъ можетъ быть только въ обывательской сознательности, но все несчастье, что обыватель глухъ и нѣмъ, что сознаніе его затуманено, загипнотизировано, и какъ бараны покорно идутъ въ хлѣвъ для стрижки, такъ и обыватель покорно подставляетъ свою выю подъ ярмо профессіональныхъ союзовъ.

Такого рода грабительскіе, экспропріаторскіе союзы, подъ благовиднымъ предлогомъ самозащиты, могутъ быть не только въ профессіональной, но и въ другихъ сферахъ, и даже въ народной. Что изъ себя представляетъ союзъ германскихъ народовъ? Годами, десятилѣтіями весь міръ находился въ пріятномъ самообманѣ, что это—союзъ исключительно въ интересахъ мира и самозащиты. Никто даже не давалъ себѣ труда уяснить, кто же собирается нападать на Германію? И только тогда, когда началась война, вызванная Германіей, всѣмъ стало ясно, что ни одна изъ націй не подготовлена даже къ самооборонѣ, что, очевидно, ни одна изъ нихъ не собиралась нападать, что все время готовила предательское нападеніе одна только Германія и готовила подъ прикрытіемъ заботъ о мирѣ и самозащитѣ; оказалось, словомъ, что это былъ хищническій грабительскій союзъ, причемъ грабительскіе инстинкты нѣмцевъ настолько велики, что они попирали и попираютъ ногами всѣ основы международнаго и человѣческаго права. Вѣрьте послѣ этого терминамъ, кличкамъ, клятвамъ и увѣреніямъ!..

Что же сказать о воззваніи Клафтона? О газетѣ третьяго элемента? Какіе интересы призвана она защищать? Тѣ же грабительскіе, экспропріаторскіе, что и всякій профессіональный союзъ, что и германскій союзъ. Да и какіе другіе общіе интересы могутъ быть у третьяго элемента, внѣ реальныхъ интересовъ взаимопомощи и интересовъ земскихъ, общихъ у нихъ съ земскими дѣятелями? Неужели земство создано для того, чтобы эксплоатировать, угнетать третій элементъ, для подготовки для него какихъ-то засадъ, для его сокрушенія? Противъ кого же надо защищаться? Не ясно ли, что эта газета только для нападенія на земскихъ дѣятелей, только для ихъ

травли. Быть-можетъ, незавидно матеріальное, моральное положеніе земскихъ работниковъ? Но для защиты третьяго элемента, именно съ этой стороны, имѣется естественный и надежный защитникъ: земская психика земскихъ хозяевъ. Земская психика не въ примѣръ выше и сильнѣе хозяйской психики, потому что земское дѣло—общественное дѣло, потому что ему одинаково преданы и служатъ—и земскій дѣятель и земскій работникъ. Земцу, которому дороги интересы земства, нужны работники, преданные тому же земству, знающіе мѣстныя нужды, мѣстныя условія. Въ интересахъ земцевъ поставить работниковъ въ такія условія, чтобы они были прикрѣплены къ мѣсту. И, за рѣдкими исключеніями, внимательность земцевъ къ своимъ работникамъ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія; оклады увеличиваются, почти повсюду приняты градаціонныя прибавки за трехъ или пятилѣтія съ единственной цѣлью удержать работниковъ на мѣстѣ. Почти всѣ земства прилагаютъ заботы къ улучшенію условій жизни въ деревнѣ; выбираютъ лучшее мѣсто для больницъ, строятъ квартиры со всѣми удобствами для персонала и т. п. Что касается моральнаго положенія, то съѣзды, совѣщанія, совѣты, устраиваемые по нѣсколько разъ въ годъ во всѣхъ земствахъ, наглядне всего доказываютъ, какъ чутко относятся земцы къ интересамъ земскаго дѣла, какъ они цѣнятъ земскихъ работниковъ, и какъ ясно они сознаютъ, что земское дѣло одинаково дорого и близко всѣмъ, и что къ мнѣніямъ и предложеніямъ земскихъ работниковъ надо относиться и съ уваженіемъ и со вниманіемъ. Словомъ, кто даетъ себѣ трудъ вникнуть въ суть дѣла, тотъ пойметъ, что не существуетъ интересовъ третьяго элемента, которые нуждались бы въ защитѣ газеты или какой-либо организаціи. Наоборотъ, одна мысль о созданіи газеты третьяго элемента должна нанести кровную обиду ни въ чемъ неповинному сознанію и совѣсти земскихъ дѣятелей. Газета третьяго элемента была бы пощечиной всей земской Россіи, всѣмъ земскимъ дѣятелямъ, всему земскому дѣлу.

Но одной обидой зло не ограничивается, самое страшное зло газеты и предполагаемой организаціи третьяго элемента—то покушеніе на собственность, которое лежитъ въ основѣ такой организаціи. Газета третьяго элемента несетъ грабежи, забастовки. Цѣль ея—демократизація земства, о которой я говорилъ выше,—другими словами, уничтоженіе собственности въ земствѣ, передача земскаго дѣла въ руки разудалыхъ интеллигентовъ изъ породы Діогеновъ съ шевелюрой, а затѣмъ водвореніе на земской территоріи третьяго элемента на правахъ хозяевъ.

Но во всѣхъ забастовкахъ, во всѣхъ покушеніяхъ съ негодными средствами—есть одна обида. Бастуютъ рабочіе и, даже при удачѣ, только жестоко во всѣхъ отношеніяхъ страдаютъ отъ забастовокъ; забастовка только на-руки ея творцамъ—эсдекамъ, и послѣ каждой забастовки лишь ехидно ухмыляется и торжествуетъ дьяволъ, изобрѣвшій эсдека и всякаго интеллигента. Къ чему же поведутъ забастовки третьяго элемента? Кому онѣ на-руку? Только псевдотретьему элементу,—всѣмъ этимъ Клафтонамъ, Кирьяковымъ, Тезя-

ковымъ; истиннымъ же земскимъ работникамъ онѣ принесутъ сплошной вредъ. Вырастутъ въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ цѣлые земскіе дворцы, земскій бюджетъ будетъ трещать подъ тяжестью окладовъ для всякихъ завѣдывающихъ,—для всѣхъ, словомъ, представителей псевдо-третьяго элемента,—въ деревнѣ, вмѣсто земскихъ реальныхъ предпріятій, настанетъ царство всякихъ дутыхъ предпріятій, постепенно исчезнетъ истинный земскій работникъ; скорбью отзовется такая „демократизація“ въ душѣ каждаго, кому дорого земское дѣло, и только дьяволъ, изобрѣвшій интеллигента, будетъ торжествовать, потому что пальба изъ пушекъ по воробьямъ самая пріятная, самая нѣжная музыка для дьявольскаго уха.

Мысль объ изданіи газеты третьяго элемента могла родиться только въ головахъ историковъ, пишущихъ исторіи о несуществующихъ исторіяхъ. Эти господа только аферой, шантажемъ, забастовками и живутъ; они явились въ земство для изданія газетъ, для того, чтобы сѣять въ немъ смуты и раздоры. Они—враги земства и подлиннаго третьяго элемента, потому что они враги всякаго живого дѣла; они, какъ шакалы, питаются только падалью. Они не только пишутъ исторіи; имъ ввѣрено дѣло народнаго, внѣшкольнаго образованія, дѣло народнаго здравія и т. п. Еще разъ и много разъ напоминаю пословицу: „семь разъ отмѣрь, одинъ разъ отрѣжь“.

Земское дѣло, въ условіяхъ русской дѣйствительности,—великое, отвѣтственное дѣло, это—великій конституціонный актъ,—актъ высокаго довѣрія Самодержавной Царской власти къ здравому смыслу русскаго народа, призывъ къ реальной работѣ на пользу русской деревни и на благо народа. Но не ясно ли, что даже до мѣстнаго самоуправленія русское общество еще не доросло. Виною тому, несомнѣнно, природныя національныя черты характера: довѣрчивость, нѣкоторая экспансивность, слабоволіе и т. п.; не безъ огромнаго вліянія общее міровое настроеніе, которому легко поддается славянская натура. Такъ или иначе, ясно, что о полной безконтрольной дѣятельности земства и рѣчи быть не можетъ до тѣхъ поръ, пока земскіе дѣятели и земскіе работники не станутъ на путь дѣловой, реальной дѣятельности, на путь удовлетворенія только насущныхъ, назрѣвшихъ потребностей и общими усиліями не очистятъ земство отъ авгіевыхъ конюшенъ интеллигентскаго тунеядства. Эта очистка потребуетъ еще огромныхъ трудовъ, и немало воды еще утечетъ, но до тѣхъ поръ всякій, кому дороги земскіе и народные интересы, долженъ желать, чтобы контроль администраціи надъ дѣятельностью земства не ослабѣвалъ, и чтобы всемѣрно преграждался доступъ въ земство всѣмъ, такъ называемымъ, „неблагонадежнымъ“ элементамъ. Но, конечно, усилія администраціи ни къ какимъ результатамъ не приведутъ, пока земства, пока общество не проникнутся тѣмъ же отрицательнымъ отношеніемъ къ такъ называемымъ „неблагонадежнымъ“ элементамъ и не окажутъ правительству поддержку въ его борьбѣ съ тунеядствомъ, покоящемся на римскомъ призывѣ: „хлѣба и зрѣлищъ!“

XXIV.

Земское самоуправленіе, какъ и другія реформы шестидесятыхъ годовъ, явилось результатомъ неудачной Крымской кампаніи. Неудачи Японской кампаніи вызвали къ жизни Государственную Думу. Я пишу эти строки въ періодъ послѣ оставленія Варшавы, а эти временныя неудачи вызвали почти полное обновленіе кабинета министровъ,—перемѣну, какъ говорятъ, курса внутренней политики и даже усиленное муссированіе лѣвыми элементами идеи отвѣтственнаго министерства.

Правда, и тогда, и теперь—и, быть-можетъ, еще много разъ—у русскаго народа будетъ поводъ убѣждаться, что онъ кейфуетъ, дремлетъ въ то время, какъ другіе народы работаютъ, не покладая рукъ, и поэтому онъ всегда оказывается отставшимъ, во многихъ отношеніяхъ, отъ другихъ народовъ. Но причемъ тутъ государственный строй? И правъ, тысячу разъ былъ правъ Марковъ 2-й, обратившій вниманіе, что неподготовленными оказались и республиканская Франція, и конституціонная Бельгія, и парламентская Англія, и Самодержавная Россія. Наоборотъ, подготовленной оказалась Германія съ ея почти неограниченнымъ монархическимъ строемъ. Казалось бы, эти непреложные факты, взятые только изъ жизни, должны бы образумить будирующіе интеллигентные элементы страны, но развѣ удержишь разошедшагося интеллигента? Тутъ нужны холодный душъ и горячечная рубашка. А отъ употребленія героическихъ лечебныхъ пріемовъ правительство воздерживается,—да, правду сказать, въ эту тяжелую годину ему не до этого.

Для кейфующаго народа неудачныя войны — то же, что комары, кусающіе во время сна. Но важно, чтобы, проснувшись, народъ взялся за реальное, живое дѣло, а не началъ съ просонокъ производить всякія безсмысленныя дѣйствія. Правда, и земство, и судебныя реформы были живымъ, реальнымъ дѣломъ,—они были существенно необходимы народу, но они не устраняли тѣхъ причинъ, которыя вызвали неудачи въ Крымскую войну. Главнымъ образомъ, необходимо выяснить корень зла, основную причину болѣзни и противъ нея именно направить всѣ способы леченія, всѣ реформы. Но въ томъ-то и несчастье, что нѣтъ еще науки распознаванія и леченія народныхъ болѣзней, нѣтъ ни научныхъ способовъ для этого, никакихъ инструментовъ. Есть особый даръ, который я назвалъ пророческимъ и который вдохновенно проникаетъ въ глубь событій и пророчески находитъ вѣрный путь къ разрѣшенію создавшагося кризиса. Но это — даръ Божій и удѣлъ немногихъ. Но и этого мало; въ большинствѣ случаевъ, причины военныхъ неудачъ лежатъ въ самой природѣ вещей или же въ общихъ мѣстныхъ условіяхъ, лежащихъ выше и внѣ человѣческой досягаемости, противъ которыхъ безсиленъ величайшій пророкъ своего вѣка и своего народа. О! Я не берусь указать этихъ причинъ; я откровенно признаюсь, что я въ этихъ вопросахъ не компетентенъ, и не компетентенъ столько же, сколько всѣ депутаты всѣхъ парламентовъ, и если бы у парламентаріевъ

хватило гражданскаго мужества сознаться въ своемъ государственномъ невѣжествѣ,—эра парламентаризма прекратила бы свое существованіе. Я знаю только то, что извѣстно многимъ, потому что все это доступно сознанію обывателя и даже пониманію профана. Я только расхожусь со многими въ оцѣнкѣ общеизвѣстныхъ причинъ.

Знаю я, что русскій народъ отсталъ отъ многихъ народовъ Запада, несмотря на то, что еще двѣсти лѣтъ тому назадъ Петръ Великій прорубилъ въ Европу окно; отсталъ въ знаніяхъ, отсталъ въ технической промышленности, въ торговлѣ и т. п. Но отсталъ не потому, что Богъ обдѣлилъ его природнымъ умомъ, талантами. Народъ, который раскинулся на такое огромное пространство, который спаялъ въ одно цѣлое такую массу народностей и племенъ, который проявилъ такую высокую степень государственности и гражданственности, конечно,—богато одаренный отъ природы народъ, съ блестящимъ и великимъ будущимъ. Если же, тѣмъ не менѣе, военныя неудачи за неудачей преслѣдуютъ русскій народъ, то только вслѣдствіе его культурной и технической отсталости. Все это извѣстно мнѣ, какъ и другимъ. Но въ чемъ причины этой отсталости?

Мнѣ ясно, что причины лежатъ только въ реальныхъ условіяхъ,—главнымъ образомъ, въ природныхъ свойствахъ народа и во внѣшнихъ природныхъ условіяхъ времени и мѣста. Такъ, внѣ сомнѣнія, думаетъ каждый обыватель, который мыслитъ по-обывательски, внѣ какихъ-либо вліяній, считаясь только съ жизнью и со своимъ здравымъ смысломъ. Я совсѣмъ не берусь рѣшить, каковы эти природныя свойства народа; можно въ этомъ отношеніи сдѣлать только извѣстныя гипотезы. Возможно, что народъ не способенъ къ быстрому развитію, и что онъ поэтому не вышелъ еще изъ дѣтскаго или даже юношескаго возраста. Людей мы такихъ встрѣчаемъ; возможно, что есть и такой народъ. Такое медленное, постепенное развитіе—вѣрнѣе, прочнѣе, а потому даже желательнѣй. Несомнѣнно, что громадныя пространства Россіи, обиліе незаселенныхъ мѣстъ играютъ большую роль въ отсталости Россіи; голь на выдумки хитра, и недостатокъ земли гонитъ нѣмца на фабрики, заводы, заставляетъ его изыскивать всякіе способы для добыванія средствъ къ жизни. Русскій же народъ богатъ и можетъ позволить себѣ кейфъ. Да и по условіямъ мѣста, должны пройти вѣка прежде, чѣмъ возможно будетъ превратить Россію въ культурный край. Не надо забывать, что Россія разноплеменна; есть еще много племенъ, находящихся на низшей стадіи развитія, и еще далеко не кончился процессъ формированія народа, процессъ поглощенія и ассимиляціи низшихъ расъ и племенъ. Все это ослабляетъ государство, и въ борьбѣ за существованіе,—въ той внѣшней борьбѣ, которая выражается въ военномъ счастьѣ или военныхъ неудачахъ,—играетъ, несомнѣнно, большую роль. Какое правительство въ состояніи бороться съ этими природными условіями? Какой образъ правленія въ состояніи, по мановенію волшебства, измѣнить эти условія?

Но то, что составляетъ слабость Россіи, составляетъ въ то же время ея силу. Суровыя зимы, снѣга, степи, дороги, необъятныя пространства закаляютъ народъ, дѣлаютъ его выносливымъ, нетребовательнымъ. Наоборотъ, эти же условія служатъ непреодолимымъ препятствіемъ въ войнѣ съ Россіей. Развѣ не эти условія дали побѣду Россіи въ войнѣ съ Наполеономъ? Тогда ея отсталость, неподготовленность, пожалуй, еще сильнѣе давали себя чувствовать. Незачѣмъ обманывать себя и къ чему этотъ народный самообманъ? Не русскій народъ побѣдилъ Наполеона, а Россія съ ея природой, чисто стихійныя силы нанесли пораженіе Наполеону; правильнѣе, самъ Наполеонъ неудержимо и стихійно шелъ къ своей гибели, благодаря той естественной заносчивости, которая все больше росла въ немъ, по мѣрѣ военныхъ удачъ. И къ чему этотъ самообманъ, когда сила народа, его мощь, его величіе совсѣмъ не на ратныхъ поляхъ, когда эта сила только въ духовной мощи; послѣдняя же меньше всего проявляется на поляхъ битвъ и меньше всего о ней можно судить по военнымъ удачамъ. И большой грѣхъ противъ народа творятъ всѣ эти Немировичи-Данченки, которые воспѣваютъ всѣ военные подвиги, раздуваютъ военные успѣхи и всячески стараются поддерживать въ народѣ воинскій духъ и воинскія традиціи. Сколько народовъ, достигшихъ славы, богатства и могущества именно на ратныхъ поляхъ, безславно исчезли, не оставивъ никакихъ слѣдовъ. И меньше всего говорятъ о духовныхъ богатствахъ народа, о его мощи, долголѣтіи—его военныя удачи или неудачи.

Воинскій духъ, это—духъ милитаризма, завоевательной тенденціи,—тенденціи къ порабощенію другихъ; милитаризмъ требуетъ военной подготовки, и если русскій народъ фатально и неизмѣнно оказывается неподготовленнымъ къ войнѣ, то не проще, не естественнѣй ли думать, что въ немъ нѣтъ именно того воинскаго духа, который воспѣваютъ Немировичи-Данченки, который они стараются навязать и привить народу. Быть-можетъ, это отсутствіе милитаристскихъ, чисто-разбойничьихъ инстинктовъ и является одной изъ причинъ фатальной плохой подготовки къ войнѣ русскаго народа, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это и одно изъ тѣхъ духовныхъ свойствъ, которыя даютъ народу крѣпость и величіе, хотя часто служатъ причиной его неудачъ на ратномъ полѣ. И странно только, что тѣ самые либералы и демократы, на знамени которыхъ красными буквами начертано: „свобода, равенство, братство, благородство, любовь“—упрекаютъ правительство именно въ томъ, что оно не подготовлено къ войнѣ, не подготовлено къ разбоямъ. Не правда ли, какая-то неразбериха? Ясно, что все это демократическое знамя и гроша ломанаго не стоитъ; ясно, что всѣ эти демократическіе упреки—одно ханжество, а демократическія слезы—крокодиловы слезы.

На неподготовленности къ войнѣ съ Германіей, т.-е. на недостаткѣ оружія и снарядовъ играютъ теперь всѣ лѣвые, будирующіе, —вѣрнѣе, всѣ анархистскіе элементы страны, найдя весьма благовидный предлогъ для подкопа подъ власть, подъ государственность. Пошли обычныя обвиненія отдѣльныхъ лицъ, всего строя, всѣхъ по-

рядковъ, требованія отвѣтственнаго министерства и т. п. Вѣдь, все это вноситъ разладъ, раздоры и именно въ то время, когда необходимо всеобщее единеніе, напряженіе всѣхъ народныхъ силъ, именно —всѣхъ объединенныхъ силъ. Все это идетъ подъ флагомъ народолюбія, защиты народныхъ интересовъ. Объ этой преступной критикѣ я уже много выше говорилъ. Я понимаю, что она все будетъ усиливаться, и страшно становится при мысли, до какихъ геркулесовыхъ столбовъ она дойдетъ, какую смуту внесетъ въ страну и къ какимъ ужаснымъ послѣдствіямъ для народа она можетъ привести. Но я хотѣлъ бы спросить господъ критиковъ, что́ они понимаютъ подъ неподготовленностью; отдаютъ ли они себѣ отчетъ, что́ такое подготовка къ войнѣ? Развѣ это понятіе абсолютное, математически установленное? Развѣ Россія не оказалась подготовленной не только къ войнѣ съ Турціей, но даже съ Австріей? Она оказалась неподготовленной къ войнѣ только съ Германіей, и только потому, что подготовка къ войнѣ самой Германіи оказалась колоссальной, какой никто ни въ Россіи, ни во Франціи, ни въ Англіи не ожидалъ. Ясно, что это понятіе относительное и чему же оно учитъ? А учитъ оно тому, что нѣтъ предѣловъ подготовкѣ къ войнѣ и что никогда ни одинъ народъ не можетъ считать себя подготовленнымъ къ войнѣ, а подготовленнымъ окажется только тотъ народъ, для котораго война —ремесло, какъ для разбойника—разбой,—тотъ народъ, который готовится къ войнѣ, какъ къ разбою, для захвата чужого добра, для порабощенія другого народа.

Создавшееся положеніе можно сравнить съ тѣмъ случаемъ, когда человѣкъ строитъ себѣ домъ. Онъ строитъ его прочнымъ, крѣпкимъ, вполнѣ приспособленнымъ для защиты отъ холода, ненастья, отъ бурь и даже урагановъ. Но все это не спасло домъ отъ землетрясенія, и онъ рухнулъ. Найдется развѣ кто-нибудь, кто будетъ обвинять хозяина въ непредусмотрительности? Или, если этотъ домъ строится не только прочно, но приняты всѣ мѣры ка защитѣ отъ воровъ и грабителей. Прочныя двери, секретные замки, крѣпкіе засовы, даже предупредительные электрическіе звонки и т. п. Но если, тѣмъ не менѣе, нашлась шайка грабителей, которая произвела подкопъ, взорвавъ домъ миной, и разграбила его,—неужели кто-нибудь дерзнетъ обвинить хозяина въ недостаточной защитѣ дома отъ грабителей? Вѣдь, человѣкъ строитъ домъ только для своихъ надобностей; онъ, собственно, предпочитаетъ, чтобы грабителей не было, и ему не было надобности принимать отъ нихъ мѣры. Но развѣ есть предѣлъ защитительнымъ средствамъ отъ грабителей? Но если найдется организованная шайка воровъ, не брезгующая никакими средствами, спеціально готовящаяся къ грабежу, то нѣтъ никакихъ способовъ уберечься, потому что шайка, спеціально готовящаяся къ нападенію, всегда будетъ подготовлена такъ основательно и такими средствами, что грабежъ ей всегда удастся. Ты ее ждешь въ окно, а она лѣзетъ черезъ потолокъ или полъ; ждешь ее съ одной стороны, а она идетъ съ другой; принимаешь мѣры на случай, если она вооружена ружьями, а она идетъ съ пулеметами, бомбами, пиками и

т. п. Развѣ можно быть подготовленнымъ, когда противъ тебя шайка грабителей спеціально готовитъ нападеніе.

Кто могъ думать, кто могъ ожидать, что, подъ фиговымъ листкомъ „вооруженнаго мира", Германія готовитъ разбойное нападеніе на весь міръ? А разъ кто противъ мирныхъ сосѣдей, исподтишка и предательски, готовитъ разбойное нападеніе, то отъ него можно ждать самыхъ неожиданныхъ сюрпризовъ, и никакая подготовка не въ состояніи предусмотрѣть всѣхъ возможностей и пріемовъ, на которые способенъ злой умъ, направленный на злыя цѣли. И во всѣхъ отношеніяхъ подготовка Германіи была колоссальная: и въ дѣлѣ шпіонажа, который носитъ особо планомѣрный и предательскій характеръ, и ослабленія сосѣдей путемъ внесенія въ нихъ смутъ и раздоровъ. Въ этомъ отношеніи роль Германіи требуетъ еще разслѣдованія; весьма возможно, что всѣ партійныя дрязги во всѣхъ странахъ, тревожный ростъ соціализма и другихъ видовъ интеллигентнаго тунеядства, забастовки—все дѣло рукъ Германіи. Въ особенности надо отмѣтить тотъ невѣроятный фактъ, что Германія готовилась къ войнѣ не только у себя дома, но и на территоріяхъ сосѣдей; высылала рати колонистовъ—будущихъ шпіоновъ, развѣдчиковъ и даже солдатъ; но все это нуль передъ такимъ неслыханнымъ еще предательствомъ, какъ подготовка наблюдательныхъ пунктовъ, радіо-телеграфовъ, фортовъ, платформъ для пушекъ и т. п. на территоріи сосѣдей въ мирное время. До такого предательства ни одинъ народъ въ мірѣ на памяти человѣчества еще не додумался. Можно представить себѣ, какова была эта подготовка внутри Германіи. Развѣ могла бы Россія угнаться за количествомъ нѣмецкихъ пушекъ и снарядовъ, если и Франція, и Англія далеко отстали отъ нея? И вся эта подготовка велась планомѣрно и спокойно, съ молчаливаго согласія и одобренія партій, потому что германская партійность и германскій соціализмъ были одной видимостью,—они нужны были только для того, чтобы втирать очки остальнымъ народамъ, будировать ихъ общественное мнѣніе и дать возможность парламентаризму и соціализму крѣпнуть и разъѣдать народные организмы; достаточно указать, что въ настоящее время, несомнѣнно, стараніями Германіи, даже въ Англіи появились благородные представители соціализма и какой-то рабочей партіи.

И въ то время, какъ въ Германіи шла такая подготовка, въ которой, можно сказать, принималъ участіе весь народъ, здѣсь въ Россіи и Государственная Дума, и пресса, и интеллигенція,—словомъ, все такъ называемое общественное мнѣніе,—всячески тормозили работу военнаго вѣдомства, всячески мѣшали широкимъ планамъ и начинаніямъ въ дѣлѣ военной подготовки. Постройка флота, сооруженіе стратегическихъ дорогъ,—все это встрѣчало противодѣйствіе, въ силу пацифистскихъ программъ, подъ предлогомъ безжизненныхъ доктринъ мира, международнаго единенія пролетаріата и т. п. Всѣ широкія начинанія и всякія подготовительныя работы производились правительствомъ вопреки общественному мнѣнію и, въ силу одного только противодѣйствія общества, не могли принять должнаго мас-

штаба. Помимо того, противодѣйствуя военной подготовкѣ, общественное мнѣніе требовало всякихъ непроизводительныхъ тратъ; укажу хотя бы на то, что сотни милліоновъ, почти милліарды, въ угоду этому безразсудному общественному мнѣнію, были истрачены на помощь яко-бы голодающимъ. Я работалъ въ деревнѣ въ двѣ голодовки, и со спокойной совѣстью заявляю, что голода не было, и что милліоны, которые выброшены были въ деревню, кормили пьяницъ и лѣнтяевъ и всемѣрно развращали деревню.

И въ то время, какъ русская интеллигенція развлекалась въ митингахъ, съѣздахъ, въ газетахъ, въ земскихъ собраніяхъ и думахъ, въ забастовкахъ, которыя особенно били по военной промышленности,—словомъ, въ то время, какъ общество въ Россіи вело привольную, праздную жизнь средневѣковаго рыцарства, германское общество работало и готовилось къ войнѣ. Характерно, что цвѣточные сборы на флотъ, на воздушный флотъ и т. п. производились украдкой и подъ какимъ-нибудь вымышленнымъ флагомъ, и интеллигенція и общество, которыя съ азартомъ собирали и бросали въ кружки въ дни какого-либо колоса ржи или ромашки, отворачивались съ презрѣніемъ отъ кружки на воздушный флотъ. Отворачивались потому, что такія кружки шли отъ правительственныхъ сферъ, а благородный русскій интеллигентъ долженъ, по своему благородному званію, третировать правительство и все, что исходитъ отъ него. Отворачивались и потому, что каждый интеллигентъ—поборникъ мира, онъ долженъ кричать по-зуттперовски: „Долой войну!“ Такъ развѣ можетъ онъ совершить преступленіе противъ всѣхъ доктринъ, противъ всѣхъ поборниковъ мира. А какія интеллигентныя свѣтила всего міра состоятъ въ лигѣ мира! Боже мой! Вѣдь, такого преступника заклеймитъ все общественное мнѣніе міра, вся земля задрожитъ отъ негодованія. Что интеллигенту до здраваго смысла, до жизни? Каждый интеллигентъ—типичный Фамусовъ и онъ въ вѣчномъ страхѣ: „... что станетъ говорить княгиня Марья Алексѣвна?“

И вотъ, всѣ эти лѣвые парламентаріи, всѣ газетчики, всѣ интеллигенты, которые все время мѣшали работѣ и военной подготовкѣ, нагло и предательски стараются свалить теперь свою вину за неподготовленность—на власть, на министерство, на тѣ элементы, которые готовились къ войнѣ, за собственный рискъ, вопреки желанію своихъ критиковъ. О коварство, о ханжество, о ложь! Когда, наконецъ, наступитъ предѣлъ вашему царству въ мірѣ? Вы питаетесь глупостью и простодушіемъ людскими. Когда же наступитъ царство здраваго смысла? Вотъ, гдѣ истинный трагизмъ жизни, мимо котораго, не замѣтивъ его, пройдутъ и великій драматургъ и не менѣе великій трагикъ. Какіе это трагики? Это—шуты гороховые. Вотъ, когда трагизмъ, когда — на виду у всѣхъ — страдаетъ правда; простая жизненная правда; когда торжествуютъ ложь и притворство; и происходитъ это только потому, что люди не въ состояніи различить, гдѣ правда, гдѣ ложь, и, стремясь къ правдѣ, они безсознательно, не замѣчая, сами же топчутъ правду ногами. Вотъ,

гдѣ величайшій трагизмъ жизни. И какъ больно, какъ обидно тому, кто видитъ и понимаетъ этотъ трагизмъ.

Несомнѣнно, слабая подготовленность зависѣла и отъ нѣмецкаго засилья,—того специфическаго засилья, котораго не знала ни одна страна, кромѣ Россіи. Помимо обычнаго засилья въ промышленности, торговлѣ, нѣмецкое засилье въ Россіи проникло въ придворныя, правительственныя, административныя, военныя, — словомъ, во всѣ сферы, благодаря тому, что цѣлый Прибалтійскій край представляетъ нѣмецкій край. Нѣмецкіе бароны въ Россіи были всесильны, естественное тяготѣніе нѣкоторыхъ къ фатерланду было несомнѣнное, а вліяніе ихъ на степень подготовки къ войнѣ именно съ Германіей не могло не быть отрицательнымъ. Обвиняютъ въ этомъ засильи то же правительство. Но, вѣдь, это засилье тянется вѣками, оно какъ бы сроднилось съ Россіей. Развѣ мыслимо, по мановенію волшебства, освободиться отъ него, когда въ Россіи оно носило характеръ какого-то порабощенія; раболѣпствовали передъ нѣмецкой культурой, наукой, нѣмецкими порядками, нѣмецкимъ соціализмомъ. Раболѣпствовали именно тѣ, которые теперь всѣ вины валятъ на власть, для которыхъ всякое несчастье Россіи превращается въ поводъ будировать, мутить, усиливать горе и несчастье съ одной единственной цѣлью—въ мутной водѣ рыбу удить. Что исходитъ отъ интеллигенціи,—то коварство, то возмутительная провокація. И всюду и во всемъ—этотъ великій русскій трагизмъ: топтаніе правды подъ ногами въ поискахъ именно правды.

Я помню, въ концѣ прошлаго столѣтія, международный съѣздъ врачей въ Москвѣ. Бурей апплодисментовъ встрѣчали каждое нѣмецкое свѣтило, на устахъ у всѣхъ только и слышны были имена Вирхова и другихъ нѣмецкихъ знаменитостей. Все и вся почтительно разступалось передъ нѣмцами, раболѣпствовало передъ ними. Это французовъ крайне возмущало и раздражало. Помню, въ первомъ торжественномъ собраніи я очутился въ ложѣ съ французами, и вотъ, когда, послѣ бурныхъ овацій по адресу нѣмцевъ, выступилъ французскій хирургъ Ланелонгъ, и когда раздались жидкіе апплодисменты,—удивленію моихъ французовъ не было конца. Они старались во-всю, хлопали и, обернувшись ко мнѣ, съ какимъ-то укоромъ и негодованіемъ кричали: „Ланелонгъ—французъ“... Я видѣлъ, что это равнодушіе ихъ обидѣло и огорчило, и мнѣ даже вчужѣ, какъ еврею, было такъ же, какъ и французамъ, обидно и досадно за русскихъ членовъ съѣзда, за ихъ равнодушіе къ насущнымъ интересамъ родины. Всякій въ душѣ сознавалъ и долженъ былъ сознавать, что нѣмецъ—врагъ, а французъ—другъ, но Марксъ, Лассаль, Вирховъ, Бебель, Либкнехтъ были кумирами русской интеллигенціи, и это мишурное, безпочвенное поклоненіе заслоняло всѣ насущные интересы народа. И вотъ, эти слѣпцы и глупцы сразу стали зрячими и умными и, по обычаю всѣхъ новоиспеченныхъ умниковъ, превратились въ немилосердныхъ критиковъ.

Подготовка же Германіи оказалась изумительной совершенно въ другомъ, неожиданномъ направленіи. Тотчасъ послѣ войны началась

мобилизація промышленности для военныхъ цѣлей. А, вѣдь, вся Германія представляетъ одну фабрику, и, благодаря мобилизаціи, Германія превратилась въ одинъ сплошной заводъ для приготовленія всѣхъ предметовъ военнаго снаряженія; вся страна превратилась въ одну сплошную армію; часть арміи-народа выдѣлывала орудія и снаряды, другая часть воевала этими самыми орудіями и снарядами. Вотъ тотъ невиданный, небывалый трюкъ, которымъ Германія поразила весь міръ, побивъ рекордъ подготовки къ войнѣ. Нельзя думать, что идея объ этой мобилизаціи явилась только въ связи съ объявленіемъ войны. И эта мобилизація, какъ и все остальное,—какъ бронированные автомобили, 42 сантиметровыя мортиры, цеппелины, бомбометы, машины для копанія траншей и т. п., — все было заранѣе предусмотрѣно, заранѣе подготовлено, и только потому, что Германія готовилась къ разбойному предательскому нападенію на мирныхъ, ничего не подозрѣвавшихъ сосѣдей. Готовилось не одно правительство,—готовился весь народъ, потому что нельзя, по мановенію волшебства, мобилизовать промышленность, если въ мирное время заводы и фабрики не строились именно такъ, чтобы во всякое время приспособить ихъ для военныхъ цѣлей; нужны для этого сознаніе, воля всего народа, направленныя къ одной, хотя бы и злой цѣли. Даже Франція и Англія, за годъ войны, не могутъ довести военную промышленность до той степени, до какой ее довела Германія, потому что такой, безпримѣрной въ исторіи, мобилизаціи никто не предвидѣлъ, никто къ ней не готовъ. И, несмотря на мобилизацію промышленности, несмотря на грандіозные заказы боевого снаряженія въ Америкѣ, несмотря на громадное превосходство силъ, благодаря переброскѣ войскъ почти цѣликомъ на восточный фронтъ, Англія и Франція не могутъ двинуть Германію съ мертвой точки до сей поры, за годъ войны.

Чего же можно требовать отъ Россіи съ ея мизерной сравнительно промышленностью,—тѣмъ болѣе, что самый значительный промышленный раіонъ находится въ рукахъ нѣмцевъ? Я боюсь быть пророкомъ, но думаю, что мобилизація русской промышленности или, какъ ее газеты, по своей привычкѣ къ преувеличеніямъ, называютъ: „мобилизаціей общественныхъ силъ“ очень мало усилитъ военную мощь Россіи,—конечно, по сравненію съ той мобилизаціей, на которую способна Германія. Я, однако, вѣрю въ побѣду Россіи и ея союзниковъ, но не въ побѣду русской техники, а въ побѣду обычныхъ союзниковъ Россіи: ея природы, необъятныхъ пространствъ, времени, громадныхъ рессурсовъ людьми и выносливости русскаго солдата. Эта война только на истощеніе, а насиліе, основанное на лжи, всегда скорѣе истощается.

Я убѣжденъ, что каждый изъ критиковъ сознаетъ, что надежды на мобилизацію русской промышленности явно преувеличены и эфемерны; тѣмъ не менѣе, онъ обвиняетъ правительство и увѣряетъ, что будь промышленность мобилизована съ начала войны, Германія была бы уже побѣждена; онъ проливаетъ при этомъ даже крокодиловы слезы, но все это обычно демократическое ханжество съ цѣлью

посѣять смуты и раздоры и въ мутной водицѣ рыбы наудить. Не трудно понять, насколько такая критика, такая смута ослабляетъ сопротивленіе, рушитъ планомѣрность работы. Но что до этого демократамъ? Зато они пріобрѣтаютъ славу дальновидныхъ государственныхъ дѣятелей пекущихся о благѣ народа. Своимъ личнымъ, партійнымъ интересамъ они, по своей интеллигентной привычкѣ, приносятъ въ жертву интересы народа. государства и страны Но цѣли они своей достигаютъ, такъ какъ критика всегда даетъ славу и популярность среди простодушныхъ обывателей. Критика крыловскаго осла безусловно, среди ословъ, дала ему популярность и славу отмѣннаго знатока музыки.

Не надо забывать, что всѣ силы нѣмецкія сразу обрушились на Францію и частью на Англію, такъ что эти двѣ страны сразу почувствовали силу германской подготовки и преимущество ея вооруженія. Россіи же пришлось имѣть дѣло, главнымъ образомъ, съ Австріей и лишь частью съ Германіей, и она безостановочно шла отъ побѣды къ побѣдѣ, и, такимъ образомъ, ни у правительства, ни у народа не было повода къ особымъ опасеніямъ и въ надлежащей оцѣнкѣ германской подготовки. Вѣдь, на театрѣ военныхъ дѣйствій была масса уполномоченныхъ земскаго и городского союзовъ, было много членовъ Думы; послѣдняя дважды созывалась, тѣмъ не менѣе, ни въ прессѣ, ни въ Думѣ никто не заикался о необходимости мобилизаціи промышленности. А теперь всѣ думскіе ораторы оказались умниками и всячески стараются съ себя и съ Думы снять отвѣтственность.

Заднимъ числомъ стать умникомъ и дальновиднымъ очень легко, но я глубоко убѣжденъ, что выскажись кто-нибудь раньше въ Думѣ или на какомъ-нибудь съѣздѣ за необходимость мобилизовать русскую промышленность, его бы подняли на смѣхъ. Вѣдь, благодаря своимъ необъятнымъ пространствамъ, Россія непосредственно совершенно не чувствовала тягостей и ужасовъ войны; послѣдняя велась гдѣ-то на окраинахъ, въ Галиціи и далекой Польшѣ. То-ли дѣло во Франціи; нѣмецъ былъ всего въ 10-15 верстахъ отъ Парижа; да и вся Франція немногимъ больше Польши. Тамъ сразу весь народъ затрепеталъ, а кто же будетъ отрицать, что реальную дѣятельность могутъ вызывать только реальныя причины. Несомнѣнно, въ первое время призывы къ мобилизаціи промышленности въ Россіи казались бы смѣшными и никакого воздѣйствія не произвели бы. Наоборотъ, можно быть увѣреннымъ, что это вызвало бы недоумѣніе, сомнѣніе и даже упреки по адресу правительства; прежде всего, въ виду именно мирнаго настроенія русскаго населенія, которое неспособно было бы, безъ видимыхъ причинъ, перейти отъ мирныхъ занятій къ воинственнымъ; населеніе привыкло и вправѣ думать, что его обязанность — только забота о раненыхъ; и всѣ земства, города, вся интеллигенція, весь народъ, во главѣ съ Думой, отдались съ увлеченіемъ своимъ обычнымъ обязанностямъ во время войны. А театръ войны былъ далекъ, армія же шла отъ побѣды къ побѣдѣ и ни одно правительство не въ силахъ бы побудить на-

селеніе взяться за воинственныя занятія, не въ силахъ было бы вызвать тотъ патріотическій подъемъ, который для этого необходимъ. Да еще при той пацифистской пропагандѣ, которая безпрерывно велась среди населенія,—при той безпочвенной, безжизненной пропагандѣ, которая покоится на однихъ доктринахъ и поученіяхъ; вызвать въ народѣ воинственное настроеніе, когда его учили, что армія, это—зло, что надо сокращать расходы на армію и флотъ, что нужна только народная милиція, что надо тратить средства только на культурныя и мирныя предпріятія, на борьбу съ туберкулезомъ, голодомъ, пьянствомъ и т. п., что бросить въ кружку для усиленія флота, это—величайшій позоръ и т. п. Учила-то интеллигенція, учила на всѣхъ народныхъ лекціяхъ, учила въ газетахъ, въ Государственной Думѣ. А отъ правительства требуютъ, чтобы оно подняло весь народъ на воинственныя занятія; ясно, что при создавшемся положеніи и народныхъ настроеніяхъ ни одно правительство не было бы въ состояніи и не рискнуло бы даже сдѣлать такое предложеніе. И чѣмъ кумушекъ считать трудиться, всей интеллигенціи, всей нашей демократіи умѣстно вспомнить слова Крылова: „что посѣялъ, то и пожни!“ Конечно, гораздо легче, гораздо удобнѣе свалить съ больной головы на здоровую.

И какъ у пьянаго, во время опасности, сразу вылетаетъ изъ головы весь хмѣль, такъ и у народа русскаго вылетѣлъ изъ головы весь, навѣянный ему, демократическій и пацифистскій угаръ, когда военныя неудачи и исходъ изъ Галиціи раскрыли передъ нимъ ужасы и опасность тевтонскаго нашествія. Народъ сразу оживился, вернулся къ реальной жизни, сталъ отдавать себѣ отчетъ въ требованіяхъ жизни и момента и, конечно, охотно взялся за то реальное дѣло, котораго требовала реальная опасность и реальные народные интересы, хотя это шло въ-разрѣзъ со всѣми демократическими и пацифистскими программами. Народъ, словомъ, именно въ это время и такимъ путемъ порвалъ со своей Думой, со своей интеллигенціей, со своей прессой, вернулся къ прозаической дѣйствительности. И нужно все коварство интеллигентовъ, необходимъ весь ихъ демократическій макіавелизмъ, чтобы выйти сухими изъ воды, чтобы свалить все на правительство и усѣсться на рогахъ быка съ торжественнымъ возгласомъ: „мы пахали“. А что такое всѣ эти истерическіе крики о мобилизаціи общественныхъ силъ, о довѣріи къ общественнымъ силамъ, о томъ, что Дума призвана спасти Россію и т. п., какъ не знаменитое крыловское: „мы пахали!“ Общественность, — не реальная общественность, а та кричащая „общественность“, которая выражается въ митингахъ, парламентскихъ дняхъ, обществахъ, потѣшныхъ цвѣточныхъ дняхъ, — способна только мутить, будировать, стрѣлять изъ пушекъ по воробьямъ. Если же въ Россіи началась реальная работа, если всѣ дружно взялись за работу, — то это просто народное движеніе передъ реальной опасностью нашествія нѣмцевъ, выросшее, вопреки и на зло этой безтолковой общественности. Или, что можетъ сдѣлать Дума, что она

въ состояніи спасать? Она только говоритъ. А если она афишируетъ единеніе, то помимо своей воли, вопреки и на зло всей тлетворной работѣ Думскихъ партій,—опять-таки общая опасность всѣхъ объединила. Теперь въ Думу можно, какъ я уже выше говорилъ, послать первыхъ попавшихся прохожихъ, и будетъ то же единодушіе, а единственное назначеніе Думы — меньше говорить, совсѣмъ не критиковать, а призывать къ общей дружной, реальной работѣ и афишировать единодушіе. Положеніе русскаго народа то же, что во время наводненія или пожара въ американскихъ преріяхъ, когда, передъ грозной опасностью, въ одномъ мирномъ обществѣ спасаются — и ягненокъ, и волкъ, и быкъ, и тигръ. Пройдетъ опасность, и отъ временнаго единенія и слѣда не останется. Но нѣтъ никакого основанія, — какъ это дѣлаютъ наши газеты, интеллигенты, парламентаріи, — ставить себѣ это временное и невольное единеніе въ заслугу. А что вы, господа, до войны дѣлали, что вы дѣлали въ мирное время, что вы будете дѣлать послѣ войны? Вы и теперь уже, какъ хищники, дѣлите будущую добычу, надѣясь въ сумятицѣ урвать жирные кусочки. Не вливаютъ новое вино въ старые мѣха, и тѣ, что повинны въ сѣяніи раздоровъ и смутъ, — тѣ, коихъ амплуа—партійные дрязги и партійная борьба, — будутъ сѣять смуты, сѣютъ ихъ и теперь, хотя на устахъ предательски зовутъ къ единенію. И все, что творится въ Россіи, — все народное движеніе, все народное единеніе въ дружной реальной работѣ, — идетъ независимо отъ общественности, независимо отъ Думы и парламентаризма, оно идетъ вопреки тому и другому; только въ силу грозной опасности, вызвавшей всѣ народныя реальныя силы, все природное духовное богатство народа, несмотря на то, что и печать, и Дума, и вся интеллигентная общественность не только не прекратили свою преступную будирующую и мутящую дѣятельность, но еще болѣе усилили ее, пользуясь тяжелымъ положеніемъ страны и критикуя власть, стремясь свалить все на нее. Но, вѣдь, есть уже въ Россіи долгожданная Дума, дважды за время войны ее созывали. Нѣтъ, какъ будто, поводовъ къ нареканіямъ на власть, на бюрократическое средостѣніе. „Но что можетъ Дума сдѣлать, когда министерство безотвѣтственно. О, будь отвѣтственное министерство!...“ А развѣ въ Англіи и Франціи положеніе лучше, чѣмъ въ Россіи; развѣ тамъ не дѣлались ошибки? А главное — развѣ тамъ не обвиняютъ также министровъ въ неудачахъ и непорядкахъ? Не въ отвѣтственности дѣло, а въ людяхъ. Надо правду сказать, что безотвѣтственные германскіе министры оказались работоспособнѣе и дальновиднѣй отвѣтственныхъ французскихъ министровъ.

Военныя неудачи представляютъ фатальное стихійное бѣдствіе; ни предсказать, ни предотвратить ихъ никто не въ состояніи, онѣ заложены во всей обстановкѣ войны, включая сюда и мотивы войны, и предшествовавшія событія, и характеръ народа, и всѣ природныя условія и т. п. Эти неудачи, зачастую только временныя, составляютъ одинаково горе и несчастье правительства, военныхъ властей, народа,—какъ пожаръ, какъ наводненіе обрушившіеся на

весь народъ. Въ такихъ случаяхъ не ищутъ виноватаго, никто никого не упрекаетъ; стараются объ одномъ: забыть всѣ мелкія дрязги и сплотиться для дружной работы и дружнаго отпора врагу. У насъ же всѣ съѣзды, вся пресса и, наконецъ, Дума,—словомъ, вся кричащая общественная Россія,—въ эту пору тяжелыхъ испытаній, обрушились на правительство съ упреками, еще болѣе усиливая тяжесть бѣдствія, ослабляя народъ въ дружной работѣ и уменьшая шансы на успѣшный отпоръ врагу. Но величайшій трагизмъ русской государственной жизни въ томъ и заключается, что правительство вынуждено смотрѣть сквозь пальцы на преступную дѣятельность прессы, вынуждено собирать съѣзды, созывать Думу,—прекрасно зная, что и пресса, и Дума, и всякіе съѣзды обрушатся на правительство же, подрывая всѣ основы государственной жизни. Я уже выше говорилъ о величайшемъ трагизмѣ русской народной жизни, заключающемся въ томъ, что народъ, высоко цѣня правду, всемѣрно къ ней стремясь,—но, въ своемъ ослѣпленіи, не замѣчая ея, не различая правды отъ лжи,—правду же топчетъ у себя подъ ногами. Правда топчется въ прессѣ, въ обществахъ, въ Думѣ, на съѣздахъ, въ земствахъ,—словомъ, во всѣхъ проявленіяхъ общественной жизни,—и всѣмъ этимъ ужасамъ остальной народъ сочувствуетъ и аплодируетъ, не замѣчая, что ему, подъ видомъ правды, преподносятъ одну ложь, однѣ аферы... Государственная и правительственная власть чуютъ правду,—онѣ знаютъ, гдѣ правда и въ чемъ правда, онѣ прекрасно видятъ, какъ эту правду топчутъ подъ ногами, онѣ всемѣрно скорбятъ, но безсильны бороться съ этой разъѣдающей общественностью, наоборотъ, вынуждены итти ей навстрѣчу, потому что эта преступная общественность сплошной язвой покрыла народный организмъ и въѣлась въ него, потому что раздражать эту язву нельзя: она начинаетъ вызывать боли и волненія во всемъ организмѣ, а теперь именно необходимо спокойствіе, потому что народу предстоитъ тяжелая работа, для которой необходимо напряженіе всѣхъ силъ. Если въ человѣческомъ организмѣ бываетъ такая язва, если необходимо дать организму покой, прибѣгаютъ къ впрыскиваніямъ морфія. Теперь становится яснымъ то сравненіе, которое я далъ выше: парламента и всѣхъ демократическихъ бредней съ опіатами. И созывая съѣзды, Думу, призывая къ жизни земскій и городской союзы, всячески ублажая прессу, государственная власть все время впрыскиваетъ народу морфій, прекрасно сознавая его вредное дѣйствіе. Власть вынуждена прибѣгать къ опіатамъ, потому что спокойствіе, уравновѣшенность организма—необходимое условіе въ борьбѣ съ врагомъ. Отставка министровъ, вся вина которыхъ лишь въ томъ, что они твердо стояли на сторожѣ правды,—то же впрыскиваніе опія.

И назначеніе Верховной комиссіи, для разслѣдованія причинъ недостаточнаго снабженія арміи, встрѣченное общими апплодисментами Думы,—тоже впрыскиваніе морфія. Власть знала, что въ этой великой войнѣ и въ ея неудачахъ нѣтъ виновниковъ, что для отдѣльныхъ, мелкихъ злоупотребленій не стоило назначать комиссію,

но что отдѣльной злой воли въ неподготовленности арміи не было; очевидно, назначеніе комиссіи—найти какого-либо козла отпущенія, сдѣлать его виновникомъ за общіе грѣхи, возложить на него отвѣтственность за причины общаго, стихійнаго, неустранимаго характера. И ко всѣмъ вышеупомянутымъ пріемамъ вынуждена прибѣгнуть государственная власть только для того, чтобы успокоить боли и волненія, вызываемыя злокачественной язвой русской народной и государственной жизни, имя которой: парламентаризмъ, демократизмъ,—интеллигентское тунеядство то жъ. И трагизмъ въ томъ, что, прибѣгая къ этимъ пріемамъ, государственная власть знаетъ, что они несутъ разрушеніе государству, разложеніе народному организму, подобно морфію, медленно разрушающему организмъ человѣка. Обидно за правду,—за святую, божественную правду, которая приносится въ жертву шакаламъ и гіенамъ современности.

Несомнѣнно, помимо всѣхъ вышеизложенныхъ внѣшнихъ причинъ русской экономической, технической отсталости и военныхъ неудачъ, имѣются причины общаго, внутренняго характера. Я, конечно, не дерзаю указать эти причины, мало доступныя сознанію и еще меньше поддающіяся изложенію. Сюда войдутъ всѣ общеизвѣстныя черты русскаго народнаго характера: русская халатность, такъ образно выражающаяся въ русскихъ: „небось“ и „авось“; русская неторопливость, мѣшковатость, также образно выраженныя въ поговоркѣ: „громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится“; русская страсть къ бездѣлью, которая нашла себѣ выраженіе въ этомъ обиліи праздниковъ и въ томъ успѣхѣ, который выпалъ на долю забастовокъ; жажда надъ собой опеки, страхъ передъ самостоятельностью, нашедшія себѣ высшее проявленіе въ крѣпостномъ правѣ и общинѣ. Ко всѣмъ этимъ свойствамъ я присоединилъ бы еще одно общее, извѣстное: чрезвычайно развитое чувство стадности, презрѣніе къ индивидуализму; это свойство характеризуется выраженіями: „за компанію“, „компанейскій человѣкъ“ и т. п. Цѣнится не индивидуальная воля, не самостоятельный разумный поступокъ, а безвольная, безсмысленная стадность,—на человѣка смотрятъ съ недовѣріемъ, съ презрѣніемъ, если онъ откажется принять участіе въ общей попойкѣ, въ кутежѣ, въ забастовкѣ и т. п.,—словомъ, если человѣкъ проявляетъ индивидуальность, силу воли, хочетъ жить своимъ умомъ, подчиняться своему здравому смыслу.*)

Эти свойства русскаго характера общеизвѣстны; сыграли ли они какую-либо роль въ военныхъ неудачахъ, и въ какой степени можно приписать имъ эти неудачи—я не берусь рѣшать. Возможно, что эту роль сыграли другія, тонкія и неподдающіяся познаванію, черты народнаго русскаго характера На одну такую черту характера я и хотѣлъ бы обратить вниманіе; это, возможно, присущій русской натурѣ бюрократизмъ,—въ томъ смыслѣ, какъ я понимаю это выраженіе. А въ моемъ представленіи бюрократизмъ, это—стрѣльба

*) См. примѣчаніе въ концѣ книги.

изъ пушекъ по воробьямъ, борьба съ вѣтряными мельницами,— словомъ, донъ-кихотство. Я понятіе „бюрократъ“ понимаю шире, чѣмъ это обыкновенно принято, и, можетъ быть, понимаю иначе. Каждый чиновникъ, каждый человѣкъ съ кокардой—для меня далеко еще не бюрократъ, если онъ считается съ жизнью, ищетъ въ жизни указаній для своей работы, для своей дѣятельности. Наоборотъ, интеллигентъ, человѣкъ вольной профессіи—можетъ быть бюрократомъ, если онъ избѣгаетъ живого, реальнаго дѣла, т.-е. дѣла, вызываемаго насущными, реальными требованіями жизни и момента; если онъ бѣжитъ отъ жизни, считается не съ ней, а только съ программами, инструкціями, уставами, если онъ ищетъ руководящихъ указаній въ ученіяхъ, поученіяхъ, въ теоріяхъ и гипотезахъ, въ безпочвенныхъ идеалахъ и ходячихъ истинахъ. Словомъ, бюрократъ, это—мечтатель, живущій внѣ жизни, внѣ ея реальныхъ запросовъ и указаній. Понятно, что работа такого мечтателя— форменная стрѣльба по воробьямъ. Бюрократизмъ—свойство, покоящееся на природной лѣни, природномъ тунеядствѣ, такъ какъ самая легкая работа. требующая наименьшаго напряженія ума и воли, это—работа бюрократическая. Взять, къ примѣру, Тезякова и Гаврилова; по ихъ понятіямъ, накормить человѣка—великое, святое дѣло Такъ говоритъ любое книжное нравоученіе, такъ требуетъ любой идеалъ. Они и готовы кормить налѣво и направо, тѣмъ болѣе—за чужой счетъ и изъ чужого кармана. И легко и благородно; и дѣла, какъ будто, по горло, и дѣла, какъ будто никакого,— одна борьба съ вѣтряными мельницами А какой почетъ сулитъ такая работа! Сколько славы, популярности! А сколько самомнѣнія, рыцарской надменности!

А кормя безъ разбору, да еще за чужой счетъ,—кормятъ и пьяницъ, и лѣнтяевъ, и лежебоковъ, и воровъ, поощряютъ тунеядство, пьянство, всѣ пороки и слабости человѣческіе, вносятъ развратъ и разладъ въ психику, вызываютъ злобу, зависть и т. п. Словомъ, приносятъ человѣку и человѣчеству сплошной вредъ и только потому, что избѣгаютъ труда, не хотятъ дать себѣ труда выяснить, въ какихъ случаяхъ надо кормить, не хотятъ выяснить причину недоѣданій, боятся задумываться надъ вопросомъ: нельзя ли найти другіе способы къ тому, чтобы тотъ же человѣкъ былъ сытъ,—но способы реальные и полезные,—боятся задумываться надъ другими вопросами. Понятно, что разумное и правдивое—внѣ идеаловъ, а только, по указаніямъ жизни, разрѣшеніе этого вопроса требуетъ труда и труда, а труда-то бюрократы и избѣгаютъ. А если имѣется человѣкъ, которому ненавистенъ шаблонъ, который дорожитъ правдой жизни и ея указаніями, которому чуждо, непонятно стремленіе къ славѣ, къ популярности путемъ благотворительности изъ чужого кармана, который разбирается въ каждомъ случаѣ, и который, скажемъ, огульное кормленіе, въ томъ или иномъ случаѣ, считаетъ преступленіемъ, и если у такого лица хватитъ гражданскаго мужества высказать открыто свое мнѣніе, то всѣ эти благородные господа, Тезяковы, Гавриловы, въ своемъ бюрократическомъ самомнѣніи и

демократическомъ чванствѣ, начнутъ такого смѣльчака клеймить, поносить, позорить, травить, бойкотировать. Въ прежнія времена такихъ смѣльчаковъ били, пытали, казнили, сжигали. И только потому, что идеалъ красивъ и благороденъ. Но, вѣдь, носитель этого идеала можетъ быть безобразенъ и подлъ и можетъ превратить идеалъ въ ужасъ и мерзость жизни. До этого никому дѣла нѣтъ, съ этимъ никто не считается. Идеалъ, это — внѣшность, это все равно, что красивое платье, прекрасная роза. Они красивы, пріятны сами по себѣ, но платье должно быть къ лицу, и никакое платье не сдѣлаетъ безобразное лицо красивымъ; надо платье одѣвать умѣстно, а въ дождь и въ грязь или у неряхи красивое платье станетъ безобразнымъ и грязнымъ. И какъ о красотѣ человѣка мы судимъ не по платью, такъ и о благородствѣ, о полезной работѣ и правдѣ человѣка мы должны судить не по идеаламъ, а по человѣку, по его дѣламъ. Важны не идеалы, а правда жизни, какъ бы послѣдняя ни была прозаичной и неказистой. Ищите людей съ душой, а не манекеновъ съ идеалами.

Вотъ это свойство, — мечтательность, поклоненіе передъ идеалами, работа внѣ жизни, въ сферѣ идеаловъ, — словомъ, бюрократизмъ, въ извѣстной степени, мнѣ кажется, присуще русскому народу. Быть-можетъ, оно явилось на фонѣ природной русской безпечности, — быть можетъ, наоборотъ. Впрочемъ, это и не важно; мало того, — я даже не настаиваю на безспорности приведенныхъ мною чертъ русскаго народнаго характера. Я только настаиваю на томъ, что у каждаго народа есть свои типичныя и неизмѣнныя черты характера. Послѣдній сказывается и въ религіи народа, въ его образѣ правленій, во всей его жизни, во всей его исторіи, — онъ отражается и на правительственной власти, и на судѣ, и въ законахъ, и на чиновничествѣ, и на арміи, на солдатахъ и на командномъ составѣ, и на военномъ строѣ и военныхъ традиціяхъ, и на наукѣ, промышленности, — словомъ, на всей культурѣ и цивилизаціи народа. Каждый народъ поэтому достоинъ своего образа правленія, своего правительства, своей полиціи, своего суда, своихъ законовъ, своей арміи и т. п. Я настаиваю на томъ, что каждая война идетъ не между правительствами, не между министрами, не между генералами, солдатами, арміями, а между народами. Я настаиваю на томъ, что побѣждаетъ не тотъ или иной образъ правленія, не правительство съ его законодательными, судебными, административными и другими учрежденіями, не армія съ ея генералами, офицерами и солдатами, пушками и пулеметами, — а побѣждаетъ или терпитъ пораженіе тотъ или другой народъ — и только народъ. Незачѣмъ поэтому въ военныхъ неудачахъ искать виновниковъ, незачѣмъ критиковать и, безъ всякой пользы для дѣла, разговоры-разговаривать въ Думѣ, на съѣздахъ, въ обществахъ, въ газетахъ, а надо взяться за дѣло, — какъ во время пожара надо, прежде всего, тушить пожаръ. Между тѣмъ, — увы! — идутъ даже разговоры о длительной Думской сессіи.

Вся эта критика, всѣ эти разговоры весьма характерны для переживаемаго момента и для характеристики народа. Вмѣсто того,

чтобы помеломъ гнать всѣхъ этихъ критиковъ: Чхеидзе, Керенскихъ, Милюковыхъ, Коноваловыхъ, Кугушевыхъ, — къ нимъ прислушиваются, имъ сочувствуютъ. А этимъ критикамъ важно одно — свалить съ себя, съ Думы, съ общества, съ народа отвѣтственность, имъ важно сдѣлать отвѣтственной ни въ чемъ неповинную власть или повинную, во всякомъ случаѣ, не больше ихъ самихъ. Но, помяните мои слова, въ случаѣ конечной военной удачи, — въ которой я не сомнѣваюсь,—они весьма умѣло перемѣнятъ фронтъ и начнутъ доказывать, что въ этой удачѣ повинны только они,—повинны Дума и общество. Это обычный пріемъ недобросовѣстныхъ людей, для которыхъ правда—звукъ пустой: неудачи сваливать на другихъ, удачи приписывать себѣ. Этотъ пріемъ нетрудно раскусить; какъ велико должно быть ослѣпленіе народа, какъ мало еще онъ ушелъ въ своемъ развитіи, если такіе пріемы находятъ себѣ примѣненіе, мало того —благополучно сходятъ съ рукъ. Понятно, эта критика будируетъ, нервируетъ, озлобляетъ, вноситъ разладъ, ослабляетъ сопротивленіе и только гибельно отражается на конечныхъ результатахъ великой борьбы. Но что до этого критикамъ? Имъ важно дискредитировать власть, имъ важно усилить къ ней недовѣріе, имъ необходимо отвѣтственное министерство, которое сулитъ имъ власть, почетъ, славу. А ты, добродушный и легковѣрный русскій народъ, таскай для нихъ каштаны изъ огня!.. Но зато отвѣтственный министръ никогда не будетъ виноватъ, а всегда будетъ правъ, и только потому, что онъ отвѣтственный; другими словами,—несетъ миражъ отвѣтственности, скрывается подъ фиговымъ листкомъ отвѣтственности; и только потому, что при немъ легко живется тунеядцамъ, Митрофанушкамъ и аферистамъ, изъ среды которыхъ выходитъ, передъ которымъ и несетъ отвѣтственность отвѣтственный министръ; работы онъ никакой не дѣлаетъ, потому что у него ни опыта, ни знаній, потому что у него только языкъ, который привелъ его къ министерскому креслу; работу дѣлаютъ за него тѣ, которые называются членами совѣта, директорами департамента и т. п. Министръ только отвѣтственъ, но эта отвѣтственность самая легкая въ мірѣ, потому что онъ отвѣтственъ передъ собраніемъ таковыхъ же неучей и профановъ, и потому, что онъ отвѣтственъ только передъ программами и по программамъ.

Понятно теперь, что каждая неудачная война, каждая неудача на войнѣ, это—поучительный урокъ, который жизнь даетъ народу. Но важно изъ этого урока извлечь пользу; для этого необходимъ не анализъ внѣшнихъ и не относящихся къ дѣлу событій, а необходимъ самоанализъ; необходима не критика, не сваливаніе вины на другихъ, а необходимо самобичеваніе. Только самоанализъ и самобичеваніе могутъ принести пользу, указавъ истинныя причины неудачъ и мѣры къ ихъ устраненію. Что толку въ томъ, что послѣ Крымской кампаніи создали земство? Вѣдь, это земство фатально проникло бюрократизмомъ и занято, за рѣдкими исключеніями, стрѣльбой по воробьямъ. Потому что изъ всѣхъ перечисленныхъ выше и возможныхъ народныхъ русскихъ чертъ я считаю наиболѣе

близкой къ дѣйствительности, почти несомнѣнно присущей русскому народу, ту черту характера, которую я назвалъ бюрократизмомъ. Есть немало живыхъ и здравомыслящихъ земцевъ, но они безсильны устоять противъ тѣхъ бюрократическихъ сиренъ, которыя окружили ихъ со всѣхъ сторонъ и зовутъ къ борьбѣ съ вѣтряными мельницами. Эти сирены поютъ и на земскихъ собраніяхъ, и въ обществахъ, и во всей прессѣ, и даже стройными хорами и цѣлыми симфоническими концертами проникли въ самое сердце земства, подъ флагомъ якобы третьяго элемента.

Такъ развѣ воспользовался русскій народъ урокомъ, который ему дала Крымская война? Ввели земство, судебныя и другія реформы; онѣ были существенно необходимы, принесли громадную пользу народу, но народъ не измѣнился,—остался тѣмъ, чѣмъ онъ былъ. Если мастеровой или купецъ плохо знаютъ свое дѣло, плохо ведутъ его, и неудача за неудачей преслѣдуетъ ихъ, то что имъ поможетъ, если они переложатъ печь или исправятъ крышу въ своемъ домѣ. И то и другое имъ необходимо, потому что, во время дождя, крыша протекала, а вслѣдствіе неисправности печи зимою было холодно, но что это имъ поможетъ въ дѣлѣ, если мастеровой остался пьяницей, а купецъ проводитъ время по трактирамъ? Земство и другія реформы имѣли значеніе такой починки крыши или печки, но народъ остался тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ, и все время послѣ Крымской кампаніи жилъ и продолжаетъ жить подъ сѣнью трехъ доминирующихъ и переплетающихся между собой основныхъ чертъ характера: сонливой безпечности, бюрократизма и слабо развитаго индивидуализма, т.-е. личной иниціативы. Наоборотъ, на почвѣ этихъ свойствъ и въ связи съ жизнью и событіями въ Западной Европѣ, еще до такъ называемаго освободительнаго движенія на народномъ тѣлѣ выросъ болѣзненный и злокачественный нарость, — то интеллигентное тунеядство, о которомъ я говорилъ выше. Носило оно тогда разныя клички: народниковъ, освобожденцевъ, соціалистовъ, террористовъ, просто-интеллигентовъ и т. п.

Началась русско-японская война. Кто виновникъ этой войны и есть ли виновникъ? Россія фатально и неудержимо шла впередъ и только въ сознаніи своей силы и безнаказанности. Она двигалась стихійно въ силу инерціи, какъ стихійно она покорила Туркестанъ. А развѣ кто винитъ генерала Черняева? Все сводится лишь къ тому, что побѣдителей не судятъ, и дѣло въ томъ, что Японская экспедиція оказалась неудачной. Но причемъ тутъ строй государственной жизни? Неудачныя экспедиціи были и въ республикахъ, и въ конституціонныхъ странахъ. Вспомнимъ Тонкинскую экспедицію. А развѣ исходъ англо-бурской войны не висѣлъ на волоскѣ? И развѣ эта война была справедливой по своимъ мотивамъ? А развѣ въ Россіи кто-нибудь не сочувствовалъ войнѣ съ Японіей? Вспомнимъ энтузіазмъ, который охватилъ все общество въ началѣ войны, и только потому, что всѣ были увѣрены въ разгромѣ Японіи,— „шапками закидаемъ“. Правда, Россія оказалась неподготовленной даже къ войнѣ съ Японіей, но въ этомъ, помимо всѣхъ перечислен-

ныхъ выше причинъ, виновата была общая увѣренность въ силѣ и безнаказанности Россіи; царила увѣренность, что Японія не отважится на войну съ Россіей, и дерзость Японіи казалась изумительной и непонятной. Конечно, когда грянулъ громъ, а въ особенности, когда начались неудачи на войнѣ, всѣ стали умниками и пророками, всѣ стали давать совѣты, всѣ стали критиковать. Эта дѣтская черта малодушія и увиливанія отъ отвѣтственности, — увы! — еще въ значительной степени свойственна русскому народу. Русскій народъ строго придерживается изреченія: побѣдителей не судятъ. Побѣда за Россіей — и народъ въ восторгѣ, и генералы всѣ герои. Побѣда за врагомъ, и народъ въ отчаяніи, и виноваты всѣ министры, всѣ генералы. Онъ судитъ только по результатамъ. Это доказываетъ, что и въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ совсѣмъ не размышляетъ, что въ немъ еще нѣтъ истинной сознательности.

Повторяю, неудачныя войны были во всѣхъ странахъ, въ разныя времена и при всякихъ режимахъ; но каждый разъ необходимо при неудачахъ сплачиваться и дружно браться за работу, за исправленіе ближайшихъ и реальныхъ недостатковъ, послужившихъ причиной неудачъ Чѣмъ народъ возмужалѣй, чѣмъ онъ сознательнѣй, чѣмъ онъ энергичнѣй и чѣмъ менѣе, наоборотъ, въ немъ чертъ бюрократизма, тѣмъ крѣпче онъ сплачивается во время народныхъ невзгодъ, тѣмъ дружнѣе и энергичнѣй онъ берется за реальную и насущную работу. И все, что творилось въ Россіи во время и послѣ Японской войны, — все это, съ позволенія сказать, освободительное движеніе воочію показываетъ, какъ мало сознателенъ еще русскій народъ, какъ мало еще онъ выросъ въ политическомъ смыслѣ, какъ онъ легковѣренъ, какъ падокъ на внѣшніе, красивые эфекты, — именно на бюрократическіе подвиги, вплоть до борьбы съ вѣтряными мельницами, — а главное, какъ легко въ немъ, даже въ самое тяжелое для родины время, сѣять смуты и раздоры. То, что слываетъ подъ именемъ освободительнаго движенія, было вакханаліей интеллигентнаго тунеядства. Всѣ хищническіе, экспропріаторскіе инстинкты этого тунеядства сказались въ упомянутомъ движеніи. Урвать все, что можно, пользуясь тяжелымъ положеніемъ власти, родины и народа, не останавливаясь ни передъ какими средствами, ни передъ какими пріемами. Сѣять смуты и раздоры, будить хищническіе инстинкты народа, чтобы въ чаду пожаровъ, грабежей и убійствъ добраться до власти,—до праздной привольной жизни парламентаризма. Всѣ основы послѣдняго — и избирательное право, и свободы, и самъ парламентъ — нужны этимъ господамъ, какъ рыбѣ вода. Парламентаризмъ легко, свободно даетъ славу, почетъ, популярность; парламентаризмъ удовлетворяетъ потребность этихъ господъ въ пріятной жизни болонокъ, катающихся только на бархатныхъ коврахъ; такую пріятную праздность и представляютъ всѣ эти митинги, съѣзды, совѣщанія, выборы, общества, борьба партій, думскія рѣчи и т. п. Весело, безпечно, занятно и пріятно. Въ то же время и полезно. Стрѣляй себѣ изъ пушекъ по воробьямъ, проводи всю жизнь только въ такой охотѣ, получай

хорошіе оклады, да еще слыви демократомъ, популярнымъ общественнымъ дѣятелемъ, государственнымъ дѣятелемъ, другомъ народа, защитникомъ и представителемъ его интересовъ и, пожалуй, еще единственной его опорой и надеждой. Парламентаризмъ—точная копія праздной рыцарской жизни. Рыцари среднихъ вѣковъ и современные парламентаріи—типичныя болонки Жужу. Но зачѣмъ же, русскій народъ, тебѣ разводить болонокъ? Что толку въ нихъ? Зачѣмъ же тебѣ парламентъ? Парламентъ нуженъ только болонкамъ; въ парламентахъ дѣла не дѣлаютъ; тамъ только ходятъ на заднихъ лапкахъ и развлекаются охотой по воробьямъ изъ пушекъ. А ты этотъ трудъ оплачиваешь, русскій народъ. Но это полъ-бѣды; горе въ томъ, что ты самъ отстаешь отъ дѣла, отъ труда, и все время только то и дѣлаешь, что слѣдишь за этой глупой и безразсудной охотой.

О, пусть каждый интеллигентъ, каждый демократъ, каждый парламентарій сброситъ только съ себя гипнозъ современности, пусть заглянетъ поглубже въ свою душу, и если только въ немъ сохранились слѣды простой житейской правды и остатки совѣсти,—онъ поймeтъ, что парламентъ, со всѣми его элементами, для него только праздная и пріятная забава, что эта забава даетъ ему и славу, и почетъ, и власть, и средства къ жизни,—точь-въ-точь, какъ болонка каталась на бархатныхъ коврахъ только потому, что забавляла и забавлялась хожденіемъ на заднихъ лапкахъ.

Много ли интеллигентовъ захочетъ заглянуть въ свою душу?

Мнѣ кажется, я имѣю право такъ рѣзко выразиться послѣ того, какъ я показалъ, что всѣ свободы и другія конституціонныя гарантіи ничто иное, какъ фальшивыя демократическія ассигнаціи, что парламентъ ничто иное, какъ собраніе манекеновъ, занимающихся переводомъ съ непонятнаго имъ китайскаго языка на еще менѣе понятное имъ тарабарское нарѣчіе, что отвѣтственность отвѣтственнаго министерства - одна мистификація, что парламентаризмъ—одна афера, одинъ шантажъ, что парламентскія партіи—преступный возвратъ къ смутному періоду, что интеллигентское всезнайство—одно знахарство, демократическое безкорыстіе—одно ханжество, что благородство популярныхъ общественныхъ дѣятелей—только ничего нестоящая раздача чужого добра, что соціалъ-демократическое величіе—замаскированный грабежъ и разбой, а все освободительное движеніе, съ его парламентомъ и всѣми элементами послѣдняго, со всей прессой, интеллигенціей, обществами, союзами,—со всей, словомъ, преступной общественностью,—ничто иное, какъ забастовка, а забастовка ничто иное, какъ возстановленіе стариннаго римскаго крика: „хлѣба и зрѣлищъ!“,—того крика, который явился на почвѣ нравственнаго распада римскаго общества, и который, въ свою очередь, привелъ Римъ къ гибели. Забастовка—самое возмутительное преступленіе; она подкапывается подъ собственность, подъ государственность, подъ свободу, жизнь и права обывателей; она подрывается подъ всѣ культурныя и моральныя пріобрѣтенія человѣчества; подъ ту крупицу правды, которая добыта трудами, потомъ и кровью тысячъ поколѣній, она несетъ гибель человѣчеству и человѣчности. И

къ обывателямъ всѣхъ странъ я обращаюсь съ призывомъ отчаянія: „обыватель, сплотись, соединись для борьбы съ забастовками!“ *) Но, помимо явныхъ экономическихъ и политическихъ забастовокъ, есть забастовки и замаскированныя. Каждая газета, каждая статья въ газетѣ, каждое слово въ газетной статьѣ—забастовка, сродни съ забастовкой, пахнетъ забастовкой. Каждая рѣчь демократа, каждая лекція народнаго университета—пахнетъ забастовкой. Отъ каждаго интеллигента, отъ каждаго члена такъ называемаго культурнаго общества, члена профессіональнаго союза, отъ каждаго цвѣточнаго сборщика, отъ каждаго историка земства, отъ каждаго популярнаго общественнаго дѣятеля несетъ забастовкой. Все это на разные тоны, на разные лады твердитъ одно: „хлѣба и зрѣлищъ!“ Со своимъ призывомъ я обращаюсь къ обывателю, которому дороги основы порядка, законности, государственности; который дорожитъ своей свободой, своей жизнью, своей собственностью; который цѣнитъ трудъ и въ собственности видитъ только залогъ труда, который цѣнитъ всѣ культурныя пріобрѣтенія человѣчества и который жаждетъ, чтобы человѣчество шло впередъ по пути къ правдѣ и добру. Среди обывателей же, которые играютъ на руку дьяволу и готовы вести человѣчество къ безславной гибели, мой призывъ не найдетъ сочувствія, потому что забастовка—изобрѣтеніе дьявола.

Но если учрежденіе земства было починкой крыши, т.-е. принесло все-таки пользу, хотя никакого отношенія не имѣло къ основнымъ причинамъ, повлекшимъ жизненныя неудачи русскаго народа,—то освободительное движеніе, принесшее Россіи Государственную Думу и другія парламентскія удобства, было преступленіемъ, потому что парламентъ, съ его удобствами, ничто иное, какъ народный одурманивающій алколоидъ, это—народный опій или морфій. Народъ привыкаетъ къ парламенту, какъ человѣкъ къ морфію, и парламентъ, съ его удобствами, такъ же медленно, но вѣрно разрушаетъ народный организмъ, какъ морфій разрушаетъ организмъ человѣка. Какъ морфій нуженъ только больнымъ клѣткамъ организма, которыя онъ одурманиваетъ, такъ парламентскія удобства нужны только больнымъ клѣткамъ народнаго организма,—его интеллигенціи, которую они одурманиваютъ и которая захлебывается и млѣетъ въ парламентскомъ угарѣ. Интеллигенція—та часть народа, которая страдаетъ болѣзнью языкочесанія, morbus Gordoni; парламентъ представляетъ родную стихію для этого порока; онъ даетъ больнымъ всѣ преимущества, всѣ удобства для языкочесанія. И въ парламентскомъ угарѣ волнуется, бурлитъ, кипитъ интеллигентное тунеядство; отъ митинга къ митингу, отъ союза къ союзу, отъ лекціи къ лекціи, отъ цвѣточнаго дня къ другому, отъ общества къ обществу, широкой волной переливается оно по всѣмъ газетнымъ столбцамъ;

*) Я не взываю къ устройству партіи или союза. Достаточно, чтобы каждый здравомыслящій обыватель позналъ, что такое забастовка, и проникся сознаніемъ, что забастовка—орудіе тунеядцевъ и несетъ крахъ всѣмъ культурнымъ, моральнымъ и духовнымъ пріобрѣтеніямъ человѣчества. Будетъ это сознаніе, и забастовкамъ не будетъ мѣста, и онѣ исчезнутъ сами собой.

затихаетъ, замираетъ на большихъ парламентскихъ дняхъ, какъ замираетъ публика въ театрахъ при исполненіи какой-нибудь чудной аріи. Парламентъ отдаетъ всѣ свои удобства только небольшой кучкѣ интеллигентныхъ тунеядцевъ, страдающихъ жилкой общественности,—попросту говоря, языкочесаніемъ. Но что онъ даетъ народу, что онъ даетъ остальной массѣ нормальныхъ, здравомыслящихъ людей? Ничего. Правда, многимъ простодушнымъ и одураченнымъ обывателямъ онъ даетъ ощущеніе, какъ будто ихъ чѣмъ-то пріятнымъ помазали по губамъ. Объ этихъ пріятныхъ ощущеніяхъ обывателя я уже выше говорилъ. Это тѣ же ощущенія, которыя испытала старая дѣвственница, когда мимо ея окна проѣхалъ гусаръ. Вотъ, что достается обывателю изъ всѣхъ парламентскихъ удобствъ. Если обыватель дошелъ до состоянія старой дѣвственницы, если онъ способенъ удовлетвориться усами мимо проскакавшаго гусара, то пусть ходитъ къ избирательной урнѣ, посѣщаетъ собранія, читаетъ газеты и слѣдитъ за словопреніемъ въ Думѣ. Недостаетъ только поэта, который сочинилъ бы для такого обывателя пѣсенку, вродѣ знаменитой: „ахъ, усы его, усы!..“

Парламентъ—созданіе англичанъ. Я же выше высказался, что, въ силу исторически сложившихся условій, англійскій народъ вынужденъ былъ прибѣгнуть къ услугамъ парламента въ интересахъ защиты народной самобытности. Но, будучи естественнымъ и оригинальнымъ продуктомъ народнаго творчества, англійскій парламентъ существенно отличается отъ своихъ подражаній на континентѣ. Въ немъ,—по крайней мѣрѣ, до послѣдняго времени,—было всего двѣ партіи. Не менѣе важно, что у партій не было универсальныхъ программъ, и борьба между ними происходила на почвѣ опредѣленныхъ, злободневныхъ и выдвинутыхъ жизнью же вопросовъ. Затѣмъ—власть переходила отъ одной партіи къ другой, что указываетъ на то, что англичанинъ не былъ сторонникомъ программы и ея буквы; онъ, очевидно, былъ живымъ человѣкомъ и сознательно относился къ выборамъ, мѣняя свои взгляды въ зависимости отъ жизни и ея требованій. Но, внося такіе коррективы въ парламентскій режимъ, уравновѣшенный Джонъ Булль, тѣмъ не менѣе, ясно сознавалъ всѣ недостатки парламента даже въ такомъ, исправленномъ видѣ. Считая, повидимому, парламентъ неизбѣжнымъ зломъ своей жизни, и стремясь хоть сколько-нибудь реально ослабить его недостатки, англійскій народъ внесъ въ свой парламентскій обиходъ такой существенный коррективъ, какъ *палата лордовъ*.

Говорятъ о двухпалатной системѣ парламента. Такая система, быть можетъ, существуетъ во Франціи, но англійская палата лордовъ ничего общаго съ парламентомъ не имѣетъ,—она, наоборотъ, сводила на нѣтъ значеніе парламента, т.-е. значеніе нижней палаты и, главнымъ образомъ, потому, что ей было чуждо выборное начало. Она составляется или изъ наслѣдственныхъ пэровъ, или изъ лицъ, назначаемыхъ короной,—она, словомъ, состоитъ изъ землевладѣльцевъ, другихъ собственниковъ и лицъ, занимающихъ опредѣленное положеніе въ той или иной сферѣ,—другими словами, изъ лицъ уравновѣшенныхъ, здравомыслящихъ, не склонныхъ къ

авантюрамъ. Дѣятельность верхней палаты красной нитью, сдерживающей и благодѣтельной, проходитъ черезъ всю исторію Англіи. Палатѣ лордовъ—и только ей—Англія обязана своимъ расцвѣтомъ и обязана тѣмъ, что парламентъ не внесъ разлада и разврата въ психику массъ, не развилъ въ народѣ преступный и гибельный лозунгъ: „хлѣба и зрѣлищъ!“ Со времени Гладстона, жизнь англійскаго народа переживаетъ сильныя пертурбаціи, но наиболѣе тревожнымъ симптомомъ я считаю отнятіе правъ у палаты лордовъ. Отнынѣ въ Англіи, дѣйствительно, парламентъ—со всѣми его недостатками. Къ чему это приведетъ Англію—вѣдомо одному Богу.

Парламентъ—наркотическое, одурманивающее народное средство, это—народный морфій. Какъ извѣстно, морфій въ малыхъ, лечебныхъ дозахъ, примѣняемый осторожно и умѣстно, можетъ принести пользу въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ. Несомнѣнно, такую роль—умѣстнаго и употребленнаго въ осторожныхъ и лечебныхъ дозахъ цѣлебнаго средства сыгралъ парламентъ, въ свое время, въ Англіи, сохранивъ народному организму жизнь и самобытность. Тѣмъ болѣе, что англійскій народъ, благодаря своей уравновѣшенности и здравомыслію, въ лицѣ палаты лордовъ, изобрѣлъ прекрасное противоядіе противъ разрушительнаго дѣйствія парламентскихъ удобствъ. Парламентъ же необходимъ былъ англійскому народу потому, что короли, въ союзѣ съ папствомъ, угрожали народной самобытности. Но зачѣмъ нуженъ былъ парламентъ, зачѣмъ нужна была Государственная Дума русскому народу? Развѣ что грозило его существованію, его самобытности? Вѣдь, парламентъ—актъ недовѣрія къ Царской Власти. Такъ развѣ царская власть грозила самобытности народа? Наоборотъ, именно въ Россіи царская власть была самобытной, связанной съ религіей, жизнью, вѣрованіями, исторіей народа, со всѣми его традиціями. Нигдѣ царская власть не была такой опорой народной самобытности, какъ именно въ Россіи. Никакой надобности, никакой абсолютно потребности, даже временной, не было въ парламентѣ въ Россіи. Русскій парламентъ ничто иное, какъ преступный капризъ русской интеллигенціи. Но не надо забывать, что парламентъ, какъ и всякій наркотикъ, принимаемый безъ всякой надобности и въ большихъ дозахъ, производитъ разрушительное дѣйствіе на организмъ. А разъ нѣтъ надобности, нѣтъ и осторожности, нѣтъ того противоядія, которое заключалось въ уравновѣшенности англійской натуры. О какой же осторожности можетъ быть рѣчь въ Русской Думѣ при этой безумной погонѣ за партійностью? Одно появленіе на трибунѣ Керенскаго или Чхеидзе чего стоитъ? И дорого обойдется русскому народу капризъ его интеллигенціи; одно только десятилѣтіе парламентскаго угара и пользованія всѣми парламентскими удобствами внесло разруху въ жизнь, исковеркало, извратило, отняло много моральныхъ и духовныхъ народныхъ реликвій и цѣнностей; развратило народную психику. Все поправимо, и я вѣрю, что народъ русскій вернется къ своей прежней нормальной, трудовой жизни, иначе всему его духовному богатству грозитъ опасность и неминуемое расхищеніе.

А что реальнаго принесъ парламентъ русскому народу, русскому обывателю? Парламентъ, это—пиръ сатаны, на которомъ бываютъ и народы и обыватели,—медъ, пиво пьютъ, по усамъ течетъ, а въ ротъ не попадаетъ. Вотъ, про этотъ самый парламентъ и разсказываетъ народная сказка. На парламентскомъ пиршествѣ пьютъ до одурѣнія интеллигенты, а у обывателя только по усамъ течетъ капля какой-то тошнотворной парламентской бурды. Говорятъ, Дума нужна была потому, что она несетъ голосъ съ мѣстъ. Но развѣ манекены съ универсальными программами, развѣ партійные буквоѣды—мѣстные люди? Развѣ отъ нихъ услышишь голосъ съ мѣстъ? Развѣ въ Думѣ узнаешь правду, развѣ тамъ слышны голоса человѣческіе? Тамъ слышны только военные марши и трубные звуки, тамъ идетъ только война; вѣдь тамъ только нѣсколько десятковъ вооруженныхъ и воюющихъ лагерей; тамъ нѣтъ мѣстныхъ людей, тамъ только фарисеи, бездушные буквоѣды, только рыцари, вмѣсто мечей вооруженные программами. Наоборотъ, тотъ правительственный механизмъ, который существовалъ и существуетъ, совсѣмъ не бюрократиченъ. Вѣдь, развѣтвленіе этого механизма идетъ отъ центра къ периферіи, и въ лицѣ мѣстныхъ учрежденій, правительственныхъ и общественныхъ (земскихъ и городскихъ), око министра можетъ проникать въ самые глухіе углы. Конечно, можно быть бюрократомъ и не считаться съ мѣстными нуждами, и съ мнѣніями мѣстныхъ административныхъ лицъ; можно и на мѣстахъ быть бюрократомъ, а не живымъ администраторомъ, но это особенность того или иного лица. Самъ же по себѣ правительственный механизмъ, вся административная система исключаютъ всякій бюрократизмъ, даютъ полную возможность всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, вплоть до Министровъ, быть живыми администраторами, прислушиваться къ голосу мѣстныхъ лицъ, присматриваться къ мѣстнымъ особенностямъ, и работать сообразно указаніямъ и требованіямъ момента и жизни. Если же правительственный механизмъ пропитанъ бюрократизмомъ, то это—фатальное народное горе; въ этомъ надо винить народъ, у котораго бюрократическія наклонности представляютъ основную черту характера. А если гдѣ царитъ сплошной бюрократизмъ, сплошное фарисейство, то это именно въ парламентахъ, гдѣ говорятъ, мыслятъ, работаютъ, живутъ по указаніямъ безжизненныхъ программъ, гдѣ подчиняются только буквѣ программы, гдѣ признаютъ только партійную тактику. Бюрократизмъ—фатальный и неизмѣнный спутникъ каждаго парламента; если же это съ особой силой сказалось въ Русской Государственной Думѣ, то въ значительной степени это зависитъ отъ природныхъ бюрократическихъ свойствъ народа; таково уже фатальное горе народа—всюду и вездѣ вносить бюрократизмъ. Пусть только народъ излечится отъ этого недуга, и онъ первымъ дѣломъ отшатнется отъ своей Думы, потому что жизнь, правда, реальный, полезный трудъ несовмѣстимы и не могутъ ужиться съ парламентомъ и его элементами. Парламентъ—и фатальный продуктъ, и фатальный творецъ бюрократизма.

Да если власти полезно иногда и необходимо услышать голосъ съ мѣстъ, узнать мнѣніе мѣстныхъ людей, то развѣ нѣтъ для этого,

помимо учрежденія Думы, другого способа, и болѣе надежнаго и болѣе правильнаго? Можно созвать съѣзды, совѣщанія изъ мѣстныхъ лицъ; по каждому вопросу изъ особыхъ спеціалистовъ, какъ говорится, изъ свѣдущихъ лицъ. Такія лица будутъ назначаться администраціей изъ опытныхъ, дѣльныхъ спеціалистовъ, они будутъ делегироваться земскими и городскими учрежденіями, и другими солидными и заслуживающими довѣрія учрежденіями. Само собой понятно, что на такіе съѣзды не попадутъ всякіе Керенскіе и Чхеидзе, потому что эти господа выплываютъ только на гнилой тинѣ выборнаго начала. На каждомъ совѣщаніи будетъ разсматриваться спеціальный вопросъ, и именно спеціалистами; такъ что не будетъ тарабарщины и никому не придется дѣлать переводы съ тарабарскаго нарѣчія. Къ этому способу правительство прибѣгало, прибѣгаетъ и теперь; отсюда ясно, что Государственная Дума ни въ коемъ случаѣ не является голосомъ съ мѣстъ. Съѣзды же, совѣщанія, комиссіи изъ свѣдущихъ лицъ, какъ и земскія совѣщанія, могли бы, при нормальныхъ условіяхъ народной жизни и нормальномъ развитіи народа, служить единственнымъ, весьма желательнымъ и даже необходимымъ орудіемъ въ рукахъ правительства для выясненія мѣстныхъ нуждъ, для принятія на мѣстахъ мѣръ, и даже для выясненія какой-либо общей причины, какого-либо общаго реальнаго недуга; мало того,—для внесенія какого-либо общаго принципа, единаго плана въ разрозненную дѣятельность мѣстныхъ учрежденій. Но,—увы!—и правительственныя, какъ и земскія, совѣщанія, преслѣдуетъ одна и та же судьба: вмѣсто полезныхъ, созидательныхъ орудій, они превращаются въ орудія разрушенія; вмѣсто выясненія вопроса, они только затемняютъ его; вмѣсто внесенія реальныхъ, жизненныхъ принциповъ и планомѣрности, они вносятъ въ каждый вопросъ только смуту, разладъ и путаницу. А происходитъ это потому, что на эти съѣзды, какъ коршуны на добычу, слетаются со всѣхъ сторонъ вороны и шакалы современности, интеллигенты то жъ. Интеллигенты же,—другими словами, демократы всѣхъ ранговъ и степеней, по своему обычаю, несутъ на съѣзды не здравый смыслъ, не жизненную правду, не реальный, полезный трудъ, а несутъ программы, тунеядство, занимаются куплей-продажей всякихъ демократическихъ цѣнностей. На съѣздахъ царитъ сплошной интеллигентскій бюрократизмъ, одна пальба по воробьямъ изъ пушекъ. Такъ фатально каждое живое начинаніе пропитывается бюрократизмомъ, отдаетъ падалью, потому что интеллигенты, какъ шакалы, питаются только падалью; они и убиваютъ все живое, душатъ его въ своихъ мертвящихъ объятіяхъ. Гдѣ жизнь, гдѣ свѣтъ, гдѣ правда, гдѣ реальный трудъ—тамъ шакаламъ дѣлать нечего. На этихъ съѣздахъ топчутъ правду подъ ногами, на нихъ идетъ форменный грабежъ, расхищеніе народныхъ цѣнностей, обмѣнъ послѣднихъ на фальшивыя демократическія ассигнаціи. А когда на этихъ съѣздахъ топчутъ правду подъ ногами, весь остальной народъ ухмыляется и торжествуетъ. А, вѣдь, этотъ остальной народъ любитъ правду, жаждетъ правды; онъ бы самъ, своими руками, растерзалъ насильниковъ правды,—святой, божественной правды,—но,—увы! онъ слѣпъ и глухъ, онъ не видитъ и не чуетъ прав-

ды, онъ далекъ отъ мысли и сознанія, что эту самую правду топчутъ передъ его глазами. Вотъ, въ чемъ трагизмъ русскаго народа. И развѣ это не трагизмъ? Рядомъ съ этимъ трагизмомъ выростаетъ трагизмъ власти—русскій государственный трагизмъ. Власть стремится къ единенію со здравымъ смысломъ народа; она жаждетъ этого единенія, потому что она—плоть отъ плоти народа, кровь отъ его крови, потому что внѣ такого единенія теряетъ смыслъ власть! Но каждый разъ, вмѣсто народа, власть натыкается на ощетинившіеся языки какихъ-то невѣдомыхъ людей, сирѣчь—интеллигентовъ. И куда бы ни повернулась власть, передъ ней все торчатъ эти языки; а къ народу ей никакъ не добраться, и народа ей не видать, какъ народу ея не видать, потому что оттѣснили его интеллигенты, устроили средостѣніе, не пускаютъ власть къ народу, не пускаютъ народъ къ власти, пугаютъ народъ этой самой властью, какъ мать пугаетъ ребенка: „не ходи, тамъ медвѣдь!“ И разобщила интеллигенція народъ съ властью, сама же устраиваетъ сатанинскіе пиры, на которыхъ идетъ купля-продажа фальшивыхъ ассигнацій, ихъ обмѣнъ на народныя цѣнности, тутъ же топчутъ правду подъ ногами. Но когда интеллигенція топчетъ правду, она подымаетъ шумъ и гвалтъ, какъ будто она не правду топчетъ, а дерется съ разбойниками и супостатами, съ врагами народа, съ этой самой властью. И сбитый съ толку, обманутый народъ радуется и счастливъ, когда его грабятъ, когда поносятъ Богомъ данную ему власть, его истинныхъ друзей и защитниковъ. Да, великъ русскій народный трагизмъ, но не менѣе великъ и трагизмъ русской государственной власти. О, Минины и Пожарскіе! Гдѣ вы?! Почему васъ не слыхать на съѣздахъ, почему вы не выкуриваете изъ нихъ демократа-супостата? И когда вы его выкурите?

Говорятъ еще, что Дума нужна была потому, что между Царской властью и народомъ стояло средостѣніе въ лицѣ бюрократіи, что необходимо было устранить это средостѣніе и дать возможность Царской власти единиться съ народомъ, что достигалось путемъ созданія Государственной Думы. Я уже говорилъ выше, что правительственный механизмъ исключаетъ бюрократизмъ; онъ даетъ полную возможность и средства къ живой работѣ и къ живому общенію власти съ мѣстными государственными и общественными учрежденіями. Если же въ правительственномъ механизмѣ царятъ бюрократизмъ, формализмъ,—словомъ, одна бумажная, безжизненная канцелярская работа,—то въ этомъ виноваты люди, а отнюдь не механизмъ, не система; люди, очевидно, пропитаны бюрократическимъ духомъ. А эти люди, эти чиновники, отъ высшаго до низшаго, плоть отъ плоти народа, кровь отъ его крови. И если правительственный механизмъ страдаетъ бюрократизмомъ, то это—фатальное, неизбѣжное зло, въ которомъ повиненъ весь народъ; тутъ умѣстно только самобичеваніе, необходимо искать средствъ для самоизлеченія, и надо всячески избѣгать народу тратить время и силы на поиски виновныхъ и на замѣну механизма, потому что виноватъ механикъ, а не механизмъ; но и механикъ не виноватъ, а виновата та школа, которая выпускаетъ такихъ механиковъ. Я

думаю, что русскій правительственный механизмъ далеко не былъ бюрократичнымъ, думаю, что въ немъ было и есть много живыхъ и дѣльныхъ чиновниковъ, но для меня—внѣ сомнѣнія, что въ лицѣ Государственной Думы русскій народъ пріобрѣлъ сплошное бюрократическое учрежденіе, котораго у него раньше не было, потому что Думскій механизмъ не можетъ быть инымъ, какъ только бюрократичнымъ, безжизненнымъ; механики же сами собой позаботились, чтобы сдѣлать это учрежденіе форменнымъ средостѣніемъ. Не было средостѣнія у русскаго народа, а что правительственный механизмъ представляетъ средостѣніе—это выдумали только интеллигенты; вмѣсто же несуществующаго средостѣнія, они создали настоящее, подлинное средостѣніе: разобщили Царскую власть съ народомъ,—другими словами, подсунули народу фальшивую ассигнацію. Вотъ, что значитъ топтать правду подъ ногами; народу же интеллигенты втираютъ очки, будто они не правду топчутъ, а воюютъ, бьются за правду съ врагами народа,—этими самыми чиновниками, бьются за то, что чиновники, будто бы, хотятъ разъединить Царскую власть съ народомъ. Словомъ, въ Государственной Думѣ происходитъ, въ широкомъ размѣрѣ, то же, что происходитъ на каждомъ съѣздѣ.

Каждый парламентъ, по самой природѣ, по логикѣ вещей, бюрократиченъ и другимъ не можетъ быть, потому что онъ состоитъ не изъ людей свѣдущихъ, а изъ универсальныхъ всезнаекъ, изъ универсальныхъ спеціалистовъ, которые берутся разрѣшать любой вопросъ, хотя каждый вопросъ для нихъ—китайская грамота, и которые легко и свободно разрѣшаютъ каждый вопросъ, потому что они разрѣшаютъ его только по буквѣ своей программы; всѣ эти господа слывутъ великими государственными дѣятелями только потому, что, не неся никакой абсолютно отвѣтственности, они, однако, участвуютъ въ разрѣшеніи крупныхъ вопросовъ государственнаго и мірового значенія, весьма простымъ способомъ: поднятіемъ руки за или противъ. При этой системѣ безрукіе инвалиды лишены возможности стать великими государственными людьми; безногіе, а въ особенности, безголовые инвалиды вполнѣ для этого пригодны. Понятно, что такое учрежденіе способно только палить изъ тезяковскихъ пушекъ по воробьямъ, способно только бороться съ вѣтряными мельницами, подъ шумъ военныхъ маршей и подъ фиговымъ листкомъ океаннаго словоизліянія. Что же это, какъ не сплошной бюрократизмъ, не одна канцелярская отписка.

Зовутъ себя эти странныя существа, состоящія изъ однѣхъ рукъ, иногда съ придачей языка, но безъ ногъ, головы и остального туловища,—словомъ, безъ образа и подобія человѣческаго,—народными представителями. А по какой-то каббалистической ариѳметикѣ выходитъ, что собраніе такихъ представителей и есть народъ. Такимъ-то путемъ, по этой же ариѳметикѣ, совершается непосредственное единеніе власти съ народомъ, само собой рушится средостѣніе. Но, вѣдь, народнымъ представителемъ надо родиться, народное представительство—даръ Божій, потому что оно означаетъ воплощеніе

мыслей, чаяній, души народа; оно означаетъ пророческій даръ—угадывать, знать истинное направленіе реальнаго народнаго пути. Что же это за народное представительство, которое пріобрѣтается на выборахъ? Мы уже видѣли, что это за дутая афера—все это выборное начало, все это избирательное право. Мы знаемъ уже, что на выборахъ царитъ сплошной шантажъ, идетъ открытая, среди бѣла дня и на виду у всѣхъ, экспропріація голосовъ, производится купля голосовъ въ обмѣнъ на фальшивыя демократическія ассигнаціи, идетъ подкупъ и грабежъ голосовъ путемъ шантажныхъ обѣщаній чужого добра; избиратель, правда, бросаетъ въ урну записку, но каждый избранникъ, всѣ въ совокупности, весь парламентъ является представителемъ небольшой, скрупулезной по размѣрамъ, кучки интеллигентныхъ тунеядцевъ,—попросту говоря, политическихъ аферистовъ, укрывшихся во всякихъ подземельяхъ и разбойничьихъ притонахъ. Зовутся послѣдніе—газетами, обществами, комитетами, съѣздами, союзами. Вся эта преступная организація, прикрывающаяся кличкой общественности, пошла походомъ на здравый смыслъ народа, на всѣ его духовныя богатства; она подкапывается подъ государственность и гражданственность, подъ всѣ культурныя и духовныя пріобрѣтенія человѣчества. Ея сфера—взбаламученное море, въ которомъ она удитъ себѣ власть, славу, популярность. Подъ прикрытіемъ газетъ, обществъ, союзовъ и тому-подобныхъ притоновъ, она устраиваетъ засады, откуда и мутитъ обывательское житейское море. Но все это—временныя и ненадежныя убѣжища. Преступной организаціи нужна надежная крѣпость, въ которой члены ея чувствовали бы себя въ полной безопасности и изъ-за которой могли бы, въ крупномъ маштабѣ, совершать вылазки противъ моральнаго богатства, пріобрѣтеннаго человѣчествомъ путемъ тысячелѣтнихъ трудовъ и работы многихъ сотенъ и даже тысячъ поколѣній. Организація эта и изобрѣла такую крѣпость, давъ ей своеобразное названіе: „народнаго представительства“. Что можетъ быть крѣпче, надежнѣй „народнаго представительства“? Между тѣмъ, въ составъ такъ называемаго народнаго представительства входятъ, за рѣдкими исключеніями, лишь представители упомянутой организаціи интеллигентнаго тунеядства и политическаго шантажа. Для того же, чтобы такой подмѣнъ могъ осуществиться безнаказанно и на виду у всѣхъ, для того, чтобы представители какой-то экспропріаторской организаціи могли сойти за народныхъ представителей, въ парламентскій обиходъ и вводится элементъ избирательнаго права. Благодаря послѣднему, загипнотизированнаго и околпаченнаго обывателя ведутъ къ урнѣ, черезъ посредство которой и происходитъ преступный подмѣнъ. Такъ околпачивали когда-то моего праотца Іакова, подсунувъ ему вмѣсто Рахили да Лію. Для того же, чтобы сдѣлать крѣпость совершенно неприступной и гарантировать ее отъ подкоповъ и всякихъ неожиданностей, изобрѣли особый цементъ, особый желѣзо-бетонъ, который назвали *неприкосновенностью депутатской личности.*

Подъ прикрытіемъ такихъ крѣпостныхъ бастіоновъ, горе-народные представители получили возможность безопасно и въ любомъ

размѣрѣ обстрѣливать народъ же перекиднымъ огнемъ, выпускать на него массу отравленныхъ стрѣлъ и отравлять его демократическими удушливыми газами. Когда же власть является въ крѣпость, которая официально зовется „народнымъ представительнымъ учрежденіемъ", а по парламентской географіи и по демократической статистикѣ представляетъ резиденцію всего народа,— власть же является для единенія съ этимъ народомъ,—то оказывается, что народа этого самаго нѣтъ и въ поминѣ, что тамъ какіе-то манекены, какія-то странныя безголовыя существа съ ощетинившимися противъ власти языками, и куда бы ни повернулась власть, она всюду натыкается на эти злобные, дышащіе ядомъ и отравой, языки. Вотъ что встрѣчала, вмѣсто народа, власть, жаждавшая единенія съ народомъ, а вмѣсто голосовъ съ мѣстъ, раздавался одинъ дьявольскій, душу-раздирающій концертъ. Народъ же, одурманенный ядовитыми газами, совершенно не въ состояніи отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что происходитъ вокругъ него, и стоитъ этотъ народъ гдѣ-то позади, гдѣ-то вдали, и, слыша отдаленный трескъ и грохотъ орудій, вопли и дикіе крики своихъ горе-представителей, воображаетъ, что послѣдніе борятся за народъ, за правду, что они расчищаютъ народу путь къ единенію съ властью, что они уничтожаютъ то бюрократическое средостѣніе, которое стоитъ между народомъ и властью. Ослѣпленный, народъ не видитъ, что никакого средостѣнія не было и нѣтъ, что средостѣніе образовалось только тогда, когда появилось народное представительство, и что, по горькой ироніи судьбы, народное представительство и есть то средостѣніе, которое разъединяетъ Царскую власть отъ народа. Зовется это бюрократическое средостѣніе, вездѣ и всюду, парламентомъ, а въ Россіи—Государственной Думой.

Вотъ они—ядовитые плоды такъ называемаго освободительнаго, а по существу, разрушительнаго движенія, вотъ за что ломались копья, лилась кровь, вотъ за что поносили, издѣвались, бойкотировали, за что поносятъ, бойкотируютъ всѣхъ тѣхъ, которые имѣли несчастье раскусить всю эту преступную аферу, которые имѣли мужество поднять свой голосъ въ защиту народныхъ правъ и народнаго здраваго смысла, которые имѣли дерзость предостерегать простодушнаго и довѣрчиваго обывателя отъ демократическихъ козней и капкановъ.

Къ счастью, власть сама нашла противоядіе, создала громоотводъ, назначеніе котораго—усмирять разбушевавшееся демократическое море, ослаблять удары, наносимые народу такъ называемымъ народнымъ представительствомъ. Этотъ громоотводъ носитъ названіе Государственнаго Совѣта. Но когда и послѣдній оказался не въ состояніи усмирить, смягчить разбушевавшіяся демократическія страсти, и когда народу сталъ грозить демократическій потопъ разрушенія, изданъ былъ благодѣтельный и спасительный законъ 3-го іюня. Само собой разумѣется, что и законъ 3-го іюня, и Государственный Совѣтъ являются бѣльмомъ на глазу у всѣхъ демократовъ. Они, конечно, лицемѣрно кричатъ, что Государственный Совѣтъ стоитъ на пути къ народному благосостоянію, что онъ препятствуетъ Думѣ въ ея стремленіи устроить народную жизнь на бла-

годѣтельныхъ демократическихъ началахъ. О, сплошное лицемѣріе! О, демократическое фарисейство! Они только умалчиваютъ, что демократическія начала благодѣтельны лишь для кучки шантажистовъ, что эти начала подкапываются подъ правду, законность, подъ всѣ устои общежитія, что они основаны только на тунеядствѣ, на эксплоатаціи труда, энергіи, предпріимчивости.

Правда, Государственный Совѣтъ превращаетъ законодательную дѣятельность Думы въ фикцію; правда, по существу законодательствуетъ только Совѣтъ, но въ этомъ—спасеніе народа. Вѣдь, въ Совѣтѣ большинство членовъ назначается Царской властью изъ числа лицъ, умудренныхъ опытомъ, здравомыслiе, знанія, прямодушіе которыхъ не подлежитъ сомнѣнію. Хотя и имѣется выборный элементъ, но въ меньшемъ числѣ, притомъ недостатки выборнаго начала значительно смягчаются, такъ какъ это скорѣе не выборныя лица, а только представители отъ земства, духовенства, отъ дворянства. Напрасно сохраненъ, конечно, выборный элементъ изъ среды профессоровъ, да откровенно говоря, физіономія Государственнаго Совѣта значительно выиграла бы, если бы и представители даже отъ земства, дворянства, духовенства, а тѣмъ болѣе отъ профессуры, назначались Царской властью. Выборное начало—плохой регуляторъ и указатель здравомыслія.

Само собой разумѣется, что Государственный Совѣтъ стоитъ поперекъ горла интеллигентскому тунеядству, стоя несокрушимой стѣной на пути побѣдоноснаго шествія бездѣлья и аферы къ власти, къ широкому и свободному захвату всѣхъ духовныхъ богатствъ народа. Понятно, что врагъ здраваго смысла и реальнаго труда, разночинецъ-интеллигентъ всячески старается дискредитировать Совѣтъ, умалить его значеніе. Травить, поносить Совѣтъ вошло въ привычку у газетныхъ борзописцевъ изъ породы фельетонистовъ, вродѣ Дорошевича и ему подобныхъ. Главный козырь въ ихъ рукахъ—старческій возрастъ членовъ Государственнаго Совѣта и ихъ бюрократизмъ. Послѣднее свойство, по ихъ мнѣнію, нераздѣльно со сплошной чиновничьей карьерой членовъ Совѣта. По этому поводу я ограничусь повтореніемъ того, что мною выше было изложено, именно, что чиновничья кокарда вполнѣ уживается со здравымъ смысломъ, патріотизмомъ, истиннымъ демократизмомъ, а главное—съ живой, реальной и полезной работой; наоборотъ, бюрократизмъ не только совмѣстимъ, но даже неразлученъ съ богатой шевелюрой любого интеллигентнаго Діогена, даже изъ породы Дорошевичей.

XXV.

Нѣсколько словъ въ защиту старости. Я говорю о старости нормальной, бодрой, которая характеризуется постепенной утратой физическихъ силъ, но при сохраненіи всѣхъ умственныхъ и духовныхъ силъ до извѣстнаго предѣла, когда и послѣднія начинаютъ теряться. Этотъ предѣлъ наступаетъ въ самой глубокой старости, обычно рѣдко кто доживаетъ до него; онъ зовется старческимъ слабо-

умѣемъ и представляетъ уже болѣзненное явленіе. Я говорю не о старческомъ слабоуміи, а именно о старости, о нормальномъ физіологическомъ состояніи человѣка, которое характеризуется только годами. Впрочемъ, нападая на старцевъ Государственнаго Совѣта, интеллигенты и ихъ борзописцы далеки отъ мысли признать въ нихъ старческое слабоуміе; да и кто позволитъ себѣ такое заявленіе, когда это входитъ исключительно въ компетенцію врачей-психіатровъ. И для критиковъ Государственнаго Совѣта старческій возрастъ его членовъ служитъ мишенью для нападокъ только потому, что старость, по общему мнѣнію, реакціонна и противится всякимъ нововведеніямъ. По увѣренію интеллигентовъ, старость—живое и естественное препятствіе прогрессу. Вотъ, съ этой точки зрѣнія я и разсмотрю вопросъ о старости.

Скажу прямо: я вполнѣ соглашаюсь, что съ точки зрѣнія интеллигентовъ, старость должна быть реакціонной, какъ юношескій, а въ особенности, дѣтскій возрастъ, обязательно должны быть прогрессивными. Дѣти—оплотъ прогресса и демократизма, а всѣ эти Дорошевичи—дѣтскіе писатели, они пишутъ для дѣтей. Развѣ серьезный, взрослый человѣкъ станетъ ихъ читать? Но возмужалость, серьезность совсѣмъ не зависятъ отъ возраста, и дѣти, читатели Дорошевичей, могутъ быть въ возрастѣ отъ пяти до пятидесяти лѣтъ и выше.

Я совсѣмъ не собираюсь пѣть панегирики старости, потому что признано, что въ извѣстномъ возрастѣ умственное развитіе человѣка прекращается, пріостанавливается, но изъ этого не слѣдуетъ, что старость теряетъ то, что ею пріобрѣтено. Человѣкъ—чрезвычайно ненасытная и неблагодарная тварь. Онъ не перестаетъ роптать на судьбу, и ропщетъ за то, что рѣдко-рѣдко кому удается накопить къ старости какой-нибудь достатокъ на черный день. Онъ ропщетъ на свою матеріальную бѣдность, не замѣчая, что онъ съ каждымъ днемъ богатѣетъ... житейскимъ опытомъ, знаніемъ жизни, разсудительностью и тому-подобными богатствами. *Чѣмъ человѣкъ старше, тѣмъ онъ богаче.* Старость—самый счастливый возрастъ. Съ каждымъ годомъ, каждымъ днемъ человѣкъ все богатѣетъ. Старость—само богатство; каждый старикъ—природный и обязательный богачъ. Развѣ дома, фабрики, заводы—это богатство? Все это временно и тлѣнно. Но то естественное человѣческое богатство, которое пріобрѣтается неизмѣнно и постепенно съ каждымъ днемъ, съ каждымъ годомъ,—прочно и несокрушимо; его не отнимутъ ни пожаръ, ни ураганъ, ни наводненіе, ни даже забастовка или такое стихійное бѣдствіе, какъ рѣчи въ Думѣ Керенскаго, Чхеидзе или Милюкова. О, Боже! Какое счастье дожить до старости и пріобрѣсти то богатство, которое по праву принадлежитъ старости! Подлинный маіоратъ, заповѣдное имѣніе только у старости. А человѣкъ жалуется на судьбу, на Бога за то, что онъ созданъ смертнымъ, что онъ идетъ отъ дѣтства къ старости. Человѣкъ не понимаетъ, что онъ не старѣется, а богатѣетъ, что жизнь человѣческая, постепенные переходы отъ одного возраста къ другому—это счастье человѣка, которое ему уготовало, въ сво-

емъ милосердіи, Божественное Провидѣніе, это—постепенный переходъ отъ бѣдности къ богатству. Богъ создалъ, далъ человѣку жизнь только для того, чтобы онъ съ каждымъ днемъ богатѣлъ. Жить—значитъ богатѣть. Чѣмъ человѣкъ старше, тѣмъ онъ, до извѣстнаго предѣла, богаче. Богъ совсѣмъ не противъ богатства, иначе онъ не создалъ бы человѣка и не далъ бы ему жизни и старости, умудренной *богатымъ* жизненнымъ опытомъ.

Не въ старости бѣда и горе человѣка,—въ старости его счастье. Есть у человѣка другое горе, а человѣкъ настолько поглощенъ всякими мелочами, своими воображаемыми несчастьями, что этого горя онъ и не замѣчаетъ. А горе человѣка въ томъ, что до старости рѣдко-рѣдко кто доживаетъ,—горе его въ томъ, что человѣкъ, за рѣдкими исключеніями, никакъ не можетъ выйти изъ дѣтскаго состоянія, переступить за пятилѣтній возрастъ. Живетъ человѣкъ, доживаетъ до пятидесяти лѣтъ и выше, доживаетъ до сѣдыхъ волосъ, а дитя-дитятей, больше пяти лѣтъ ему не дашь. Одно слово: бѣднякъ-бѣднякомъ. И сколько такихъ бѣдняковъ, сколько дѣтей, убѣленныхъ сѣдинами, шатается по бѣлу-свѣту. Создалъ Богъ человѣка, заповѣдалъ ему: живи, работай въ потѣ лица своего и богатѣй. А человѣкъ только живетъ, но работать лѣнивъ, бережетъ почему-то свой здравый смыслъ, свой умъ, живетъ все чужимъ умомъ, чужими трудами и до конца дней своихъ остается бѣднякъ-бѣднякомъ. Съ чѣмъ родился, съ тѣмъ и умираетъ; умираетъ, словомъ, какъ мать его родила. И вотъ, всѣ эти интеллигенты, демократы, всѣ эти борзописцы изъ породы Дорошевичей какъ были, такъ и остались дѣтьми. И пишутъ Дорошевичи по-дѣтски и для дѣтей. Вотъ, гдѣ горе! Получаетъ человѣкъ тысячные гонорары, а живетъ и умираетъ, въ чемъ мать его родила.

Если же весь интеллигентный и демократическій міръ, если всѣ эти Дорошевичи и публицисты всего міра,—словомъ, всѣ тѣ несчастные бѣдняки, которые никакъ не могутъ переступить за пятилѣтній возрастъ,—живутъ въ самообольщеніи, что дѣтство, молодость—оплотъ прогресса, а старость—оплотъ реакціи, то такое заблужденіе основано на своеобразномъ толкованіи интеллигентами понятія „прогрессъ“ и „реакція“.

Я готовъ отдать половину своей жизни тому, кто мнѣ разскажетъ, въ чемъ прогрессъ, гдѣ прогрессъ, что́ прогрессъ? Я уже прожилъ большую часть своей жизни и не знаю этого. До меня милліарды умирали въ глубокой старости и до конца дней своихъ такъ и не могли разрѣшить вопроса, что такое прогрессъ? Послѣ меня милліарды будутъ жить и умирать, и не будутъ этого знать. Да что люди! Народы, все человѣчество, насчитывающее уже тысячелѣтія своей жизни, не въ состояніи пока разрѣшить этотъ вопросъ. И за то только, что я не знаю, что такое прогрессъ,—меня назовутъ реакціонеромъ, скажутъ, что я—оплотъ реакціи. Но удивительнѣе всего, что всякій малышъ, у котораго, какъ говорится, еще молоко на губахъ не обсохло, доподлинно знаетъ, что́ прогрессъ и въ чемъ

прогрессъ. Всякій скажетъ, что этотъ малышъ—прогрессистъ и подлинный оплотъ прогресса, а больше всѣхъ увѣренъ въ этомъ онъ самъ. Я не преувеличиваю, а только бытописую изъ жизни, изъ дѣйствительности.

Въ чемъ же разгадка этого изумительнаго феномена, который давно уже занимаетъ умы вдумчивыхъ людей, но до сихъ поръ не нашелъ себѣ вѣрнаго объясненія, именно, почему всѣ малыши—прогрессисты и доподлинно знаютъ, въ чемъ прогрессъ? Объясняется онъ обычно большой экспансивностью дѣтскаго, юношескаго возраста, его большей впечатлительностью къ правдѣ, къ добру. Это нелѣпость, ясная изъ всего мною выше изложеннаго, потому что нѣтъ правды и добра во всякихъ дьявольски-красивыхъ, но преступныхъ идеалахъ и ученіяхъ. Между тѣмъ, ларчикъ,—какъ и всякій ларчикъ,—просто открывается, если только подойти къ нему по-обывательски, съ точки зрѣнія простой жизненной правды. *Дѣти любятъ сласти!* Вотъ, въ чемъ вся разгадка этого феномена, всѣхъ нападокъ Дорошевичей и всякихъ другихъ борзописцевъ на старость, на Государственный Совѣтъ и на такъ называемую реакцію.

Эта страсть дѣтей къ сластямъ общеизвѣстна; быть-можетъ, условія роста и развитія дѣтскаго организма требуютъ усиленнаго питанія сластями. Такъ или иначе сласти очень пріятны ребенку. Но тутъ же у ребенка инстинктивно складывается обратное представленіе: что пріятно, то обязательно сладко и вкусно, то съѣдобно. Всякая красивая игрушка, всякій блестящій предметъ, привлекшій вниманіе ребенка, сейчасъ же летитъ въ ротъ. Та же участь грозитъ всякой погремушкѣ, которая гудитъ, звенитъ и развлекаетъ ребенка; стоитъ ей очутиться въ рукахъ ребенка, какъ она тутъ же летитъ въ ротъ; отъ всякой такой погремушки, когда она гремитъ, у ребенка слюнки текутъ; онъ воображаетъ, что она должна обладать необыкновенной сладостью. Особенно сладкимъ и вкуснымъ ему, несомнѣнно, кажется материнское молоко, которое онъ сосетъ изъ груди; но и тутъ дѣло кончается дѣтскимъ недоразумѣніемъ: ребенку кажется, что сладко не молоко, а сладокъ процессъ сосанія. Этимъ дѣтскимъ неразумѣніемъ пользуются матери, суя въ ротъ ребенку пустую соску, которую тотъ часами сосетъ, испытывая, повидимому, сладость и вкусъ молока, потому что онъ не выпускаетъ соски изо рта и молчитъ. Какую массу разочарованій приходится испытывать ребенку прежде, чѣмъ онъ приходитъ къ сознанію, что не все то съѣдобно, что блеститъ и пріятно; постепенно онъ убѣждается, что не все то, что съѣдобно, сладко; не все, что красиво—вкусно, не все, что съѣдобно и вкусно—полезно. Но эти знанія и опытъ стоятъ работы мысли и наблюдательности и покупаются нерѣдко путемъ болѣзненныхъ разстройствъ желудка и даже вообще здоровья. Въ годы дѣтства каждая новинка, каждый невиданный предметъ,—уже по одному тому, что это невиданная новинка,—обязательно привлекаетъ вниманіе ребенка и неминуемо попадаетъ въ ротъ. А съ возрастомъ, наоборотъ, именно новинка болѣе всего подозрительна, и къ такой именно новинкѣ человѣкъ не дотронется, пока онъ не узнаетъ названія ея и не убѣ-

дится, что она съѣдобна и не ядовита. Съ теченіемъ времени человѣкъ безошибочно уже узнаетъ, что съѣдобно, что нѣтъ, что вкусно, что полезно. Мало того, онъ знаетъ, что ему вредно, въ какомъ размѣрѣ надо употреблять тотъ или иной продуктъ, онъ заставляетъ себя соблюдать ту или иную діэту и воздерживается даже отъ своихъ любимыхъ блюдъ. Всѣ эти знанія, весь этотъ чисто-житейскій опытъ даетъ ему многолѣтняя наблюдательность, постоянная работа мысли. Неужели же дѣтское неразуміе, несеніе въ ротъ всякой погремушки кто-либо объяснитъ дѣтской склонностью къ правдѣ, а осторожность и разсудительность старческаго опыта—боязнью правды? Неужели, благодаря своему неразумію, дѣтскій возрастъ будетъ считаться оплотомъ прогресса, а старческій, благодаря своей разсудительности,—оплотомъ реакціи?

Что же иное происходитъ въ жизни, чѣмъ инымъ объясняются ходячія понятія прогресса и реакціи? Разъ всѣ стремятся къ прогрессу, всѣ жаждутъ прогресса, то для всего дѣтскаго населенія ясно, что прогрессъ, это—сласть, но сласть не съѣдобная, а какая-то особая сласть,—назовемъ ее—*сладостью жизни*. Несомнѣнно, сладость жизни можетъ быть только пріятной. Другого представленія о прогрессѣ у дѣтскаго возраста не можетъ быть. Отсюда, по упомянутому уже инстинктивному умозаключенію, вырабатывается образное положеніе: *что пріятно, то прогрессъ*. Вотъ то своеобразное, чисто-дѣтское толкованіе прогресса, которое существуетъ въ обществѣ. Другого критерія у человѣка не можетъ быть, потому что не изобрѣтенъ еще компасъ, который указывалъ бы направленіе народнаго пути. Это дѣтское толкованіе остается на всю жизнь, потому что прогресса нельзя пробовать, нельзя его ко рту подносить, нельзя въ немъ разочаровываться. Это толкованіе непогрѣшимо, потому что оно основано на субъективныхъ ощущеніяхъ, а разъ человѣкъ чувствуетъ, что то или иное прогрессивно,—потому что оно ему пріятно,—то кто же сможетъ его разубѣдить въ прогрессивности того или иного событія, явленія, мнѣнія? Мало того,—кто посмѣетъ отрицать прогрессивность того, что мнѣ кажется прогрессивнымъ, разъ оно прогрессивно потому, что оно мнѣ пріятно, и разъ я ясно ощущаю и сознаю, что оно мнѣ пріятно? Очевидно, отрицать можетъ только форменный идіотъ, который не разбирается въ самыхъ простыхъ вещахъ, что сладко, что пріятно. Развѣ не идіотъ, въ моихъ глазахъ, будетъ тотъ, кому шоколадная конфетка не кажется пріятной, разъ мнѣ она доставляетъ большое удовольствіе. Но, если онъ находитъ, что конфетка можетъ мнѣ принести вредъ, то и онъ даже мнѣ въ ней отказываетъ; онъ не только идіотъ,—онъ злой, противный человѣкъ; онъ хочетъ лишить меня удовольствія испытать пріятное. Онъ, словомъ, реакціонеръ, извергъ рода человѣческаго; онъ мой заклятый врагъ,—такого господина надо остерегаться, надо его бить, травить, поносить, бойкотировать. Такимъ образомъ, „реакція“ получаетъ своеобразное, но только относительное толкованіе. Реакція не поддается никакому опредѣленному толкованію; сама по себѣ она звукъ пустой, существо безъ плоти и безъ крови,—вѣрнѣе, она сопутст-

вуетъ только прогрессу; гдѣ прогрессъ, тамъ обязательно является реакція, потому что на вкусъ и цвѣтъ товарищей нѣтъ, и если одному что кажется пріятнымъ, то другому оно можетъ показаться непріятнымъ. Прогрессъ самъ по себѣ существуетъ, а реакція—нѣтъ, потому что реакціи нельзя дать противоположное толкованіе: что непріятно, то реакція. Но если что кому пріятно, а другой не признаетъ или не чувствуетъ этой пріятности, вотъ тогда-то получается реакція. Понятно, что прогрессъ—самостоятельное явленіе и всегда предшествуетъ реакціи.

Если, къ примѣру, сидитъ компанія молодыхъ людей, то тутъ еще ни прогресса, ни реакціи нѣтъ. Но если компанія рѣшаетъ покататься на лодкѣ, находя это большимъ удовольствіемъ, то въ ея глазахъ катанье на лодкѣ—міровой прогрессъ. Но если въ компаніи найдется хоть одинъ, который откажется кататься, а въ особенности, если онъ заявитъ, что не находитъ удовольствія въ катаніи на лодкѣ, то это уже будетъ реакція, а этотъ самый протестантъ,—будь онъ умницей, олицетвореніемъ благородства, будь онъ хоть семи пядей во лбу,—окажется реакціонеромъ, *) и его начнутъ бойкотировать.

Подъ понятіе „прогрессъ", естественно, подойдетъ масса самыхъ разнообразныхъ явленій; мало ли что можетъ показаться пріятнымъ въ дѣтскомъ возрастѣ. Все, что блеститъ, что красиво, эфектно, что гудитъ, трещитъ, звонитъ, въ особенности то, что ново для ребенка,—все ему пріятно, все сойдетъ за прогрессъ. Что только развлекаетъ, доставляетъ удовольствіе, что льститъ самолюбію, что сулитъ какую бы-то ни было выгоду,—все пріятно, все сойдетъ за прогрессъ. Все это дѣйствуетъ на дѣтское воображеніе, все манитъ къ прогрессу. Подобно тому, какъ на дѣтское воображеніе дѣйствуютъ романы Купера или Майнъ-Рида, съ описаніемъ привольной, полной приключеній, жизни въ американскихъ преріяхъ. И если, начитавшись такихъ разсказовъ, мальчикъ бѣжитъ изъ родительскаго дома, то развѣ въ немъ говоритъ дѣтское стремленіе къ добру, къ правдѣ? Просто говоритъ страсть къ развлеченіямъ, къ приключеніямъ. Эта же страсть къ развлеченіямъ, къ удовольствіямъ, стоящая на высотѣ страсти къ сластямъ, гонитъ дѣтей, въ возрастѣ отъ 5—50 и свыше лѣтъ, въ лагерь прогрессистовъ, демократовъ, ко всему, что отдаетъ прогрессомъ, что сулитъ пріятное. Прогрессисты, либералы, демократы, вообще—интеллигенты, это—тѣ, что никакъ не могутъ перешагнуть за 5-ти и даже 3-хъ лѣтній возрастъ.

Развѣ парламентъ не дѣтская игрушка, не одно развлеченіе? Одни предвыборныя собранія чего стоятъ! Не надо и въ театръ или въ кинематографъ ходить. Просиживаютъ же днями на какомъ-нибудь интересномъ судебномъ процессѣ. А тутъ куда интереснѣе, да ты самъ активную какую-то роль играешь; можешь даже самъ рѣчь держать. А рѣчей-то сколько, да какихъ рѣчей! Другъ-другу косточки

*) См. примѣчаніе въ концѣ книги.

моютъ, ругаютъ, поносятъ, а начальству всякому какъ достается. А тамъ, смотришь, и скандальчикъ интересный наклюнулся. Одно удовольствіе! И все время въ тебѣ заискиваютъ, избирателемъ зовутъ; а избиратель—чинъ повыше министра,—самъ министръ въ избирателѣ заискиваетъ. Тутъ же выбирай кандидата, голосуй за какую-нибудь резолюцію. Что тебѣ стоитъ выбирать или голосовать? А потомъ эти выборы депутатовъ... Вѣдь, это праздникъ; всякую работу, всякую службу оставляй, и иди, отправляй свои обязанности на общественной службѣ. Но это не служба, не работа за прилавкомъ или въ канцеляріи. Это—одно райское наслажденіе. Ходишь по улицѣ и чувствуешь себя губернаторомъ города, министромъ государства, президентомъ всего міра. Всѣ стѣны, всѣ окна домовъ, всѣ навозныя кучи, вся уличная пыль, вся улица какъ будто кричитъ: „шапки долой! руки по швамъ! вотъ идетъ великій государственный дѣятель, отъ котораго зависитъ судьба народа, государства, судьба всего міра!“ Весь же трудъ, за который получаешь такой громкій титулъ, заключается лишь въ томъ, что бросаешь записку въ урну. А сколько развлеченій даетъ парламентъ съ его рѣчами, запросами, вопросами, скандалами. А тутъ пріѣдетъ депутатъ отчетъ давать. Опять чувствуешь себя губернаторомъ; опять собранія, рѣчи, запросы, вопросы депутату. Словомъ, широкая парламентская масляница, и надо правду сказать, парламентскіе блины очень вкусные. Одна бѣда съ ними: все вокругъ да около обывательскаго рта разгуливаютъ, а въ ротъ не попадаютъ.

А вдругъ, да еще въ депутаты попадешь! Чѣмъ чортъ не шутитъ; плохъ тотъ солдатъ, который не мечтаетъ быть генераломъ. Выиграть 200 тысячъ еще меньше шансовъ, а люди не теряютъ надежды на выигрышъ, волнуются, страхуютъ билеты. Почему же не попасть въ депутаты? Ни билета покупать, ни тратиться на страхованіе, надо только записаться въ прогрессисты,—стоять, такъ сказать, горой за парламентъ, увѣрять и быть увѣреннымъ, что парламентъ —это и есть самый прогрессъ. Да и какъ не вѣрить, когда онъ сулитъ такія высокія и пріятныя наслажденія. Зачѣмъ же дѣло стало, господа? Ура, да здравствуетъ парламентъ!

Или, какъ это отказываться отъ отвѣтственнаго министерства; числишься какъ будто приказчикомъ галантерейнаго магазина, а на самомъ дѣлѣ у тебя министры въ приказчикахъ состоятъ. Вѣдь, это уже не прогрессъ даже, это—одно удовольствіе, одинъ восторгъ! Если какой-нибудь министръ пройдетъ, и тебѣ чести не отдастъ, ты сейчасъ сочиняешь своему собственному депутату письмо-жалобу: *) „убери, пожалуйста, министра Иванова; мнѣ такихъ министровъ не надо; а не уберешь, тебя уберу!“ Ну, само собой разумѣется, что такой министръ не подходитъ къ программѣ депутата и вынужденъ бу-

*) Если такое письмо профессоръ напишетъ министру Кассо, то это зовется доносомъ, но все, что пишутъ обыватели прогрессивнымъ депутатамъ, все, что пишется въ прогрессивныхъ газетахъ, зовется жалобами, письмами, донесеніями, хотя это именно—форменные доносы.

детъ подать въ отставку. Такъ развѣ не ясно, что надо быть, какъ говорится, набитымъ дуракомъ, чтобы отказаться отъ такого добра, отъ такой хохлацкой галушки,—которая сама въ ротъ летитъ,—отъ такого, словомъ, прогресса. Ура, да здравствуетъ отвѣтственное министерство! Да здравствуетъ прогрессъ! Да здравствуетъ демократія! Да здравствуютъ всѣ благодѣтели человѣчества, которые изобрѣли прогрессъ и демократію!

А сколько удовольствій, сколько неземной радости сулитъ крикъ: „пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“ Цѣлая дѣтская феерія, сплошной дѣтскій праздникъ! Непрерывный рядъ увеселительныхъ дѣтскихъ экскурсій! Тутъ и союзы, и общества, и сходки, и митинги, и демонстраціи съ флагами и пѣснями, и развеселые цвѣточные дни, и первомайскіе праздники, тутъ и забастовки,—словомъ, настоящая дѣтская игра въ разбойники. Разнообразно, весело, занятно и даже... выгодно. Зачѣмъ работать, надрываться? Устроилъ союзъ, забастовку —и работай, сколько вздумается, и получай сколько хочешь, а понемногу, можетъ-быть, и всѣ фабрики, и все богатство всякихъ собственниковъ перейдетъ къ тебѣ. А въ перспективѣ еще возможно и почетное президентство въ соціальной республикѣ. Игра—игрой, а подъ шумокъ грабежъ—грабежомъ, а за все это удовольствіе получаешь титулъ благороднаго борца за права обездоленныхъ пролетаріевъ. Такъ развѣ это не прогрессъ,—другими словами, не одно удовольствіе? Что удовольствіе, то обязательно прогрессъ. Да здравствуетъ соціалъ-демократія и ея творецъ Карлъ Марксъ!

А что за пріятность—всякія автономіи, хотя бы университетская! Вѣдь, эти реакціонеры Кассо хотятъ превратить университетъ въ храмъ... скуки. Ну, кто пойдетъ въ такой храмъ учить и учиться? Вѣдь, ходятъ въ университетъ развлекаться, веселиться, а, между прочимъ, учиться. То-ли дѣло сходки, рѣчи, резолюціи, общества, союзы, землячества, столовыя, кассы... Не университетъ, а студенческій, можно сказать, клубъ. Или что это за манера назначать профессоровъ? Какіе это профессора по назначенію? Съ ними одна тоска, они только и твердятъ: „учитесь, учитесь, не болтайте глупостей, не занимайтесь глупостями; государство тратитъ огромныя средства на васъ только для того, чтобы вы учились, а не развлекались, а насчетъ студенческихъ забастовокъ надо сказать, что это самая омерзительная изъ забастовокъ, потому что это ударъ не по предпринимателю, а по благодѣтелю; это бьютъ люди, которые ничего не даютъ, а только получаютъ, и бьютъ тѣхъ, отъ кого получаютъ.“ Развѣ при выборной системѣ такіе профессора науки и скуки попадутъ въ университетъ? Ихъ мигомъ профильтруютъ. Студентамъ нужны профессора популярные, прогрессивные,—другими словами, веселые, разудалые, которые и сами любятъ веселиться, развлекаться, и студентамъ рады доставлять развлеченія, на сходкахъ рѣчи говорить, вмѣсто лекцій анекдоты про парламентъ, свободы и всякую ерунду разсказывать. Студентамъ нужны, собственно, не профессора, а старшины клуба; пусть зовутся даже профессорами, но пусть знаютъ, что ихъ дѣло—доставлять посѣтителямъ клуба-университета развлеченія.

Вотъ, это университетъ! Не ясно ли, что университетская автономія —одно удовольствіе, одно слово—прогрессъ... Развѣ при автономіи, такъ сказать, при прогрессѣ попадетъ въ университетъ серьезный, солидный, взрослый профессоръ,—другими словами, правый, реакціонеръ? Мигомъ черезъ выборы профильтруютъ, какъ когда-то всесильныя нѣмецкія группы профессоровъ въ русскихъ университетахъ фильтровали русскихъ же профессоровъ. Гдѣ выборы, тамъ не ищите здраваго смысла, справедливости, дѣлового отношенія; тамъ царятъ мелкіе, личные, партійные интересы, тамъ интриги, заискиванія, тамъ господство хитрости, лукавства, тамъ популярность покупается притворной добротой, лаской, игрой на слабыхъ стрункахъ молодежи. Но если случайно трезвый, правый профессоръ пройдетъ черезъ фильтръ выборовъ, то развѣ онъ удержится? Развеселые коллеги будутъ его травить, бойкотировать, а студенты устроятъ ему забастовку. Кто изъ насъ не помнитъ своего дѣтства, той поры своей жизни, которую зовутъ чудной, потому что она состояла изъ однихъ грезъ, дѣтскихъ игръ и развлеченій? Кто не помнитъ, какъ обидно ему бывало, когда, въ самый разгаръ игры, мама начнетъ укладывать его спать или зоветъ въ комнаты, потому что на дворѣ прохладно стало, или не разрѣшаетъ съѣсть яблоко, а предлагаетъ выпить свою порцію молока? Начинается капризный, нестерпимый плачъ; цѣль этого плача—отомстить матери; тонъ его монотонный, раздражающій: „не хочу спать, не хочу раздѣваться, не хочу молока!“ и т. п. Такъ и просится добавить: „бастую.“ Въ мое дѣтское время этого слова не знали; быть-можетъ, теперь, при капризахъ, дѣти только и кричатъ: „бастую!“ Студенческая же забастовка—капризный плачъ дѣтей, которымъ не дали сластей. Развѣ къ университетамъ подходятъ такіе министры, какъ Кассо? Университетской дѣтворѣ, иначе говоря, студентамъ, нужны министры, нужны профессора, которые кормили бы ихъ сластями и превратили бы университеты въ кондитерскія для безплатной раздачи лакомствъ. Кондитерская, вмѣсто университета,—вотъ это такъ прогрессъ! Въ такомъ университетѣ бастовать не будешь. Какой же толковый ребенокъ будетъ противъ прогресса, противъ сластей,—словомъ, противъ университетской и всякихъ другихъ автономій.

Или кто устоитъ передъ такимъ прогрессомъ, такимъ удовольствіемъ, какъ родительскіе комитеты? Былъ мясникомъ, дворникомъ или сапожникомъ — и сразу становишься великимъ человѣкомъ, знатокомъ всѣхъ сложныхъ проблемъ образованія и воспитанія. Кто останется равнодушнымъ передъ такой перспективой, кого не прельститъ эта заморская прогрессивная новинка? А для упомянутаго званія не только никакого труда не требуется, но надо произвести только такую несложную и даже пріятную операцію, какъ стать родителемъ. Этотъ спортъ извѣстенъ уже съ сотворенія міра, не требовалъ никакихъ особыхъ талантовъ, познаній или изученія въ спеціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и во времена, такъ сказать, реакціи никакими особыми пріемами не поощрялся. Правда, женитьба давала человѣку кандидатуру въ рогоносцы, но это званіе не пользо-

валось особымъ почетомъ даже въ реакціонныхъ кругахъ, а потому можно его совершенно игнорировать. И вдругъ такая прелесть, какъ родительскіе комитеты, которые даютъ, такъ сказать, кандидатуру въ министры народнаго просвѣщенія! Изъ кого же вербовать министровъ, какъ не изъ знатоковъ просвѣщенія? А гдѣ же искать этихъ знатоковъ, какъ не среди членовъ родительскаго комитета? Жаль только, что эта премія дается независимо отъ числа, такъ сказать, выработанныхъ дѣтскихъ экземпляровъ. Если введены были бы такія поштучныя поощрительныя родительскія преміи, то можно было бы ожидать небывалаго перепроизводства дѣтей, которое такъ необходимо въ эту міровую войну. Но, помимо даже упомянутой преміи, мало развѣ развлеченій даютъ родительскіе комитеты, собранія, комиссіи, выборы, рѣчи, разговоры; и сидишь не въ качествѣ зрителя, а самъ, можно сказать, въ артистахъ состоишь, получаешь право любого учителя и даже самого директора разносить. Согласитесь, что это громадное преимущество, несомнѣнный прогрессивный трюкъ, чистѣйшей воды прогрессивный алмазъ. Надо вспомнить, какой страхъ наводили въ реакціонное время эти самые учителя и директора на родителей. А теперь, съ введеніемъ этой насущной и прогрессивной реформы, каждый родитель получаетъ возможность наводить страхъ на министровъ, директоровъ и учителей. Тутъ, такъ сказать, и родительское самолюбіе поощряется, но и вообще человѣческое достоинство подымается: у себя дома состоишь дворникомъ или швейцаромъ, а сталъ родителемъ— и начальствуешь надъ начальствомъ. Но, несомнѣнно, въ этомъ нововведеніи есть и выгоды для родителей и учащихся. Жаль только, что родительскимъ комитетамъ не дано еще права сажать въ карцеръ учителей. Надо думать, что эта прогрессивная мѣра не долго заставитъ себя ждать, и тогда какой же учитель осмѣлится поставить ученика въ уголъ или поставить ему двойку? Кто же, послѣ всей этой чести, удовольствій и выгодъ, устоитъ передъ соблазномъ родительскихъ комитетовъ? Кто ихъ не назоветъ прогрессивной и насущной реформой? Кто за нихъ не будетъ ратовать? Одни только реакціонеры, сторонники кассовскихъ тенденцій... А въ особенности необходима эта реформа тѣмъ интеллигентамъ, для которыхъ собранія, рѣчи, ругань — родная стихія, которые имѣютъ вполнѣ основательную надежду попасть въ предсѣдатели комитета и другія выборныя должности. Вотъ такіе родители, конечно, горой стоятъ за реформу, предоставляя остальнымъ роль статистовъ, роль таскателей каштановъ.

Или что за удовольствіе служить въ земствѣ, въ которомъ преобладаютъ серьезные, солидные земцы? Ни рѣчей, ни скандаловъ на собраніяхъ. Одна тоска царитъ. Съѣздовъ всякихъ, совѣщаній мало, да и съѣзды-то солидные, дѣловые. То-ли дѣло настоящіе, прогрессивные съѣзды! Первымъ дѣломъ, развеселая товарищеская встрѣча; поцѣлуи, объятья, выпивка, разговоры. Тутъ же ты съ удивленіемъ видишь, что товарищеская встрѣча только предлогъ, что на самомъ дѣлѣ это встрѣча заговорщиковъ. Намѣчаются тутъ же почетныя выборныя лица, планъ дѣйствій, что́ говорить, кому

говорить, подготовляются резолюціи. Словомъ, чувствуется, что предстоитъ не съѣздъ земскихъ работниковъ, а бой, смертный бой. И дѣйствительно, все то, что зовется съѣздомъ, оказывается веселымъ, занятнымъ турниромъ, а дѣла, реальнаго земскаго дѣла ровно столько, сколько на турнирѣ, а толку отъ съѣзда ровно столько, сколько отъ турнира. Зато весело, занятно, интересно! Такихъ бы съѣздовъ хоть каждый день, вотъ тогда бы прогрессъ. Или, что за интересъ, служа въ земствѣ, заниматься будничнымъ, прозаичнымъ дѣломъ: лечить въ деревнѣ, или учить въ школѣ: „буки азъ“, или строить мосты и т. п. Гораздо интереснѣй устраивать чтенія, бесѣды съ туманными картинами, или библіотеки Карла Маркса, при нихъ концерты, спектакли, или же пустить по губерніи въ ходъ передвижную выставку. Занятно устроителямъ, весело публикѣ, развлеченіе всей деревенской интеллигенціи. Публика валомъ валитъ. Успѣхъ Самарской передвижной выставки былъ, по словамъ газетъ, изумительный и исчислялся тысячами посѣтителей. А по мнѣ хоть бы ихъ милліоны были, толкъ-то какой? Вѣдь, и въ балаганахъ, и въ пивныхъ, и въ кинематографахъ посѣтители исчисляются милліонами, а толкъ-то какой? Почему же отъ скуки и удовольствія ради не пойти на выставку, да еще безплатную; да еще на выставкѣ лекцію читаютъ, и читаетъ ихъ такой виртуозъ, какъ д-ръ Тарасенко. Вотъ, доложу я вамъ, феноменъ; послушать его, никакихъ водевилей не надо. Представьте себѣ изумительный человѣческій экземпляръ, по внѣшнему виду совсѣмъ похожій на человѣка изъ породы „homo sapiens“, съ конечностями и тремя полостями, черепной, грудной и брюшной, но безъ внутреннихъ органовъ, т.-е. безъ обычнаго содержимаго этихъ полостей. Вмѣсто же мозга, сердца и т. п. органовъ, имѣется одинъ, безпрерывно болтающійся и звонкій языкъ. Конечно, это только мое предположеніе, убѣдиться въ этомъ можно лишь при вскрытіи, на анатомическомъ столѣ. Я никому не навязываю своего мнѣнія, всякій можетъ остаться при своемъ мнѣніи. Это только личное впечатлѣніе отъ знакомства съ д-ромъ Тарасенко, и я свое мнѣніе выдаю лишь, какъ личное впечатлѣніе, такъ какъ я имѣлъ честь знать и слышать рѣчи д-ра Тарасенко. И вотъ, представьте,—ни слова не понималъ изъ тѣхъ звуковъ, которые издаетъ его феноменальный языкъ. Говоритъ какъ будто по-русски, а выходитъ по-тарабарски. Но хоть я и черносотенецъ и даже реакціонеръ, но все-таки, какъ говорится, человѣкъ съ высшимъ образованіемъ; что же могли понять эти тысячи посѣтителей выставки? А если даже что и поняли, какой толкъ? Развѣ игрой, развлеченіями можно какихъ-либо знаній добиться, и могутъ ли полученныя даже такимъ путемъ знанія быть прочными и полезными? Что легко дается, то безслѣдно исчезаетъ. Если же я упомянулъ о д-рѣ Тарасенко, то только потому, что такихъ феноменовъ я много, очень много встрѣчалъ. И среди санитарныхъ врачей, и просто-врачей, среди газетчиковъ, третьяго элемента, разныхъ общественныхъ дѣятелей, гласныхъ, депутатовъ. Имя имъ—легіонъ, собирательное имя имъ—интеллигентъ. Отличительное свойство ихъ то, что изъ всѣхъ человѣческихъ органовъ у нихъ, неизмѣнно, сохранился лишь языкъ,

принявшій необыкновенно большіе размѣры; что касается потери или сохраненія остальныхъ органовъ, то здѣсь существуетъ, вѣроятно, разнообразіе, но соединяетъ всѣхъ интеллигентовъ въ одну феноменальную группу неизмѣнное и постоянное отсутствіе того органа, который обычно заполняетъ черепную полость. Что касается языка, то хоть онъ одинъ, но безпрерывно чешется. Можно представить себѣ, что получается отъ такого сочетанія, когда непомѣрно-длинный языкъ безпрерывно чешется, и имѣется дефектъ нѣкоторыхъ важныхъ органовъ. Ближе интересующимся этимъ вопросомъ рекомендую: „Руководство по народной медицинѣ", отдѣлъ нервно-психическихъ заболѣваній, на любой страницѣ, подъ рубрикой: „morbus Gordoni". Могу только одно сказать, что если бы мнѣ предложили устроить выставку по своему выбору, то я, вмѣсто всякихъ экспонатовъ, собралъ бы такую коллекцію феноменовъ и демонстрировалъ бы ихъ публикѣ. Увѣренъ, что успѣхъ былъ бы грандіозный. Это была бы выставка прогрессистовъ, потому что всѣ эти феномены обязательно прогрессисты, а прогрессисты они потому, что вездѣ и въ земствахъ ищутъ однихъ развлеченій, и сами развлекаются, и публику развлекаютъ. А что развлеченіе, что пріятно—то прогрессъ.

А о разныхъ свободахъ и говорить нечего; кромѣ удовольствія, онѣ ничего не доставляютъ, потому что каждый понимаетъ свободу по-своему, понимаетъ такъ, какъ она ему пріятна, можетъ доставить удовольствіе, выгоду. Универсальная свобода, это—свобода забастовокъ, которая доступна для всѣхъ и всѣмъ можетъ принести пользу и самымъ пріятнымъ, изумительно пріятнымъ способомъ путемъ отдыха, кейфа. Проводи жизнь въ бездѣльѣ, устрой себѣ вѣчный праздникъ, танцуй, веселись, и въ этомъ заключается твой способъ добыванія себѣ средствъ къ жизни и всякихъ благъ, какія тебѣ нужны. У каждаго, конечно, свои потребности, для каждаго—свои блага. Такъ развѣ это не прогрессъ? Или—свобода печати... Впрочемъ, о ней въ другомъ мѣстѣ.

Я бы могъ до безконечности, на живыхъ примѣрахъ, доказывать, что прогрессъ—понятіе относительное и своеобразное, что въ основѣ его лежитъ дѣтская страсть къ сластямъ, удовольствіямъ, развлеченіямъ. Все, что удовлетворяетъ, что идетъ навстрѣчу этой страсти—прогрессъ. Но, какъ извѣстно, съ возрастомъ, по мѣрѣ того, какъ человѣкъ становится опытнѣй, серьезнѣй, солиднѣй, онъ становится сдержаннѣй въ пищѣ, почти не употребляетъ сластей и начинаетъ сознавать, что жизнь дана не для игръ и дѣтскихъ развлеченій, а для работы, для труда. Очевидно, однако, что у многихъ эта страсть не пропадаетъ, многіе, такъ сказать, никакъ не могутъ выйти изъ состоянія дѣтскаго возраста, они все время жаждутъ: „хлѣба и зрѣлищъ!", но конфекты и игра въ бабки имъ не къ лицу. Вотъ, для такихъ-то людей и придумана лазейка: „прогрессъ", просто-напросто—дѣтская сласть, дѣтская игра для взрослыхъ". Такимъ образомъ, то, что зовется прогрессомъ, по существу, представляется—атавизмомъ, отсталостью, остановкой развитія. А

А, какъ извѣстно, что не движется впередъ, то остается позади. Такъ развѣ это не изумительная иронія судьбы? Не смѣшная трагедія человѣчества?

Но вотъ бѣда: есть люди, которые, дѣйствительно, растутъ, развиваются съ возрастомъ, становятся истинно-взрослыми. Такіе люди серьезны и смотрятъ на жизнь серьезно; для нихъ жизнь не рядъ развлеченій и зрѣлищъ, а путь труда,—серьезнаго, реальнаго, полезнаго труда. Они понимаютъ, что человѣку, народу, всему человѣчеству надо итти впередъ, прогрессировать. Но гдѣ лежитъ народный путь, гдѣ заложенъ путь человѣчества? Кто знаетъ направленіе, по которому идутъ народы и человѣчество? Можетъ развѣ быть однообразная формула для прогресса, когда въ мірѣ столько народовъ, когда они такъ сильно разнятся другъ отъ друга по характеру, степени развитія, профессіи? Что для одного прогрессъ, то для другихъ отсталость. Если, къ примѣру, кто начинаетъ учиться писать, то для него это прогрессъ, но для гимназиста шестого класса, это было бы регрессомъ. И вотъ такіе серьезные, разсудительные люди понимаютъ, что человѣчество движется впередъ, но мимо и независимо отъ воли человѣка; разъ послѣдній не знаетъ направленія пути, онъ безсиленъ оказать на него вліяніе. Они сознаютъ, что человѣкъ способствуетъ прогрессу своего народа и всего человѣчества только путемъ разумнаго, полезнаго труда, по своему призванію и въ потѣ лица своего. Они знаютъ, что одни народы двигаются по направленію пути человѣчества,—одни впередъ, другіе отстали, нѣкоторые пошли стороной, а нѣкоторые, быть-можетъ, пятятся назадъ. Но кто идетъ впередъ, кто сбился съ пути, кто идетъ назадъ? Это покрыто мракомъ неизвѣстности, потому что нѣтъ у человѣка компаса, нѣтъ никакихъ вѣшекъ, по которымъ онъ могъ бы судить о направленіи народнаго пути. Если въ Швейцаріи и во Франціи республики, то развѣ это значитъ, что республика—прогрессъ, или что обѣ націи движутся впередъ; быть-можетъ, для Швейцаріи это прогрессъ, а для Франціи регрессъ, или—наоборотъ. Республики бывали на зарѣ человѣчества и исчезали, а монархія, какъ напримѣръ, Китайская до сихъ поръ сохранилась. Вѣдь, образъ правленія, какъ и другія стороны народной жизни: промышленность, торговля и т. п.—только внѣшность, только костюмъ; вся сила, вся мощь народа въ его внутреннихъ, духовныхъ свойствахъ; одному къ лицу одинъ костюмъ, другому—другой. Словомъ, взрослые и вдумчивые люди понимаютъ, что нѣтъ и не можетъ быть никакихъ формулъ прогресса, что путь человѣчества, его поступательное шествіе впередъ, это—тайна, неразрѣшимая загадка для человѣка, и послѣднему незачѣмъ тратить время и силы на разрѣшеніе такихъ пустыхъ и неразрѣшимыхъ задачъ. Они понимаютъ, что человѣку, въ тѣхъ рамкахъ, въ которыя онъ поставленъ Божественнымъ Провидѣніемъ, остается одно: работать, трудиться во всѣхъ сферахъ своей жизни—личной, общественной, народной, міровой, но работать въ потѣ лица своего, но выполняя только реальный, полезный трудъ, согласно своему призванію, своимъ наклонностямъ. Я уже много говорилъ о такомъ трудѣ и, мнѣ кажется, моя мысль долж-

на стать ясной. Такой трудъ необходимъ и возможенъ въ любой сферѣ, даже въ сферѣ свободъ. Есть свобода, и есть свобода. Свобода можетъ быть развлеченіемъ, удовольствіемъ, и можетъ быть реальнымъ трудомъ. Родитель можетъ дать свободу своему сыну-гимназисту; одинъ будетъ злоупотреблять свободой, а другой заслужилъ эту свободу своей сознательностью и разсудительностью; онъ будетъ гулять ровно столько, сколько нужно, и безъ малѣйшаго ущерба для занятій. Но эта сознательность стоила ему реальнаго труда надъ самимъ собой. Или, если въ Финляндіи, говорятъ, двери въ домахъ стоятъ *свободно* открытыми, то финляндцы такую свободу заслужили своей честностью; а послѣдняя явилась въ результатѣ упорнаго труда цѣлаго ряда поколѣній. А попробуйте-ка держать открытыми двери у себя, въ своей городской квартирѣ? Испытайте у себя эту *свободу* открытыхъ дверей.

Понятно, что истинно-взрослымъ людямъ должна показаться нелѣпой, дикой эта дѣтская игра въ прогрессъ. Могутъ развѣ взрослые люди принять серьезное участіе въ дѣтскихъ шалостяхъ и играхъ? И все несчастье этихъ людей, что они живутъ въ сплошной дѣтской средѣ, а дѣти-то все бородатыя и даже убѣленныя сѣдинами, а дѣти-то все хотятъ играть и играть, и выдумали особую игру *въ прогрессъ*, а главное—заставляютъ всѣхъ взрослыхъ, занятыхъ дѣломъ людей играть съ ними въ этотъ прогрессъ, насильно даже отрываютъ ихъ отъ дѣла. Можетъ развѣ серьезный, привыкшій къ труду человѣкъ проводить время и жизнь въ дѣтскихъ шалостяхъ? Понятно, такіе люди предпочитаютъ заниматься дѣломъ и не принимаютъ участія въ дѣтской игрѣ въ „прогрессъ.“ Казалось бы, что въ этомъ ничего преступнаго. Но надо видѣть озлобленіе бородатыхъ и сѣдыхъ дѣтей; они, какъ капризныя дѣти, хотятъ, чтобы всѣ съ ними играли и развлекались. Они трубятъ про свободу, но для нихъ свобода только игра, потому что они требуютъ участія всѣхъ въ своей игрѣ, хотятъ насильно всѣхъ втянуть въ нее. Но кто, по своему возрасту и серьезному отношенію къ жизни, переросъ уже дѣтскую пору игръ,—тотъ клеймится реакціонеромъ, черносотенцемъ, врагомъ народа. Реакція —только неумѣніе, только нежеланіе принимать участіе въ дѣтскихъ играхъ и забавахъ, въ игрѣ въ „прогрессъ“. Да реакція сама по себѣ немыслима, потому что человѣкъ не идетъ ни впередъ, ни назадъ, онъ просто живетъ, трудится или прозябаетъ. Развѣ онъ знаетъ, гдѣ передъ, гдѣ задъ, когда онъ не видитъ дороги, когда нѣтъ дороги? Но ни съ того, ни съ сего люди выдумали какую-то дѣтскую игру въ прогрессъ и увлеклись ею, и реакція не есть нѣчто самодовлѣющее, не есть тяготѣніе назадъ, а есть просто *реакція* противъ дѣтскихъ шалостей и игръ. Это тотъ случай, когда мать прекращаетъ сокрушительную игру дѣтей въ разбойники, или не даетъ ребенку до отвала наѣдаться сластями. Въ глазахъ дѣтей такія матери также слывутъ реакціонерками, черносотенками.

Казалось бы, то, что слыветъ реакціей, должно бы вызвать уваженіе къ себѣ, почтеніе со стороны рѣзвящихся дѣтей? Откуда же эта несправедливая и неумѣстная ругань, откуда это озлобленіе,

безпричинная вражда и ненависть? Вся бѣда въ томъ, что играютъ, развлекаются дѣти, такъ сказать, въ возрастѣ, съ бородами и даже съ сѣдиной. Когда мальчики играютъ совмѣстно съ дѣвочками, я спокоенъ; я знаю, что это невинная игра для игры, что отъ этой игры никакихъ дурныхъ послѣдствій не будетъ. Но когда большіе бородатые мальчики затѣваютъ дѣтскую игру со взрослыми дѣвицами, — моя душа неспокойна; мнѣ жалко дѣвицъ, играющихъ съ огнемъ. Не въ игрѣ тутъ было дѣло! Я неспокоенъ потому, что знаю, что бородатые люди не затѣваютъ дѣтской игры ради игры, а что они преслѣдуютъ какую-то затаенную цѣль, и если вы вздумаете разстроить ихъ игру съ дѣвицами, то вызовете тѣ же насмѣшки, то же озлобленіе, ту же ругань.

Мнѣ подозрительна, и не безъ основанія, эта дѣтская игра въ прогрессъ, въ парламентъ, въ соціальную республику, забастовки и т. п. Я знаю, что для громаднаго большинства простодушныхъ людей все это только развлеченіе, но я знаю и то, чего не знаютъ эти простодушные люди, а именно, что многіе преслѣдуютъ свою затаенную цѣль, свою личную выгоду. Мнѣ жаль этихъ простодушныхъ людей, какъ мнѣ жаль дѣвицъ, играющихъ съ огнемъ. На фонѣ этихъ игръ подготовляется экспропріація власти, славы, богатства; кто заглядываетъ въ министерскіе портфели, кто въ карманы обывателей; кого прельщаетъ чужая фабрика, кого чужое имѣніе, кого кресло городского головы или завѣдывающаго какимъ-либо отдѣломъ. Вотъ, откуда озлобленіе противъ тѣхъ, кто раскусилъ эту игру, кто не поддается на удочку шантажа и кому жалко простодушныхъ людей. Но простодушіе послѣднихъ такъ велико, что они наравнѣ съ аферистами издѣваются надъ тѣми, которые желаютъ имъ одного добра. Я же не могу иначе думать и говорить, когда мнѣ ясна вся фальшь демократовъ, когда я какъ будто въ рукахъ держу всѣ ихъ фальшивыя демократическія ассигнаціи.

Есть простодушные демократы и есть демократы себѣ на умѣ. Послѣдніе живутъ, дышутъ демократизмомъ, наживаются на немъ; первые же таскаютъ каштаны изъ огня для демократовъ себѣ на умѣ. Первыхъ милліоны, даже сотни милліоновъ, вторыхъ—тысячи. Все несчастье членовъ Государственнаго Совѣта въ томъ, что они не желаютъ играть роль простодушныхъ барановъ, не желаютъ, чтобы ихъ всякіе демократическіе аферисты стригли, какъ барановъ; они любятъ свой народъ, они истинные патріоты и демократы и не желаютъ также, чтобы аферисты расхищали народное богатство, несли смуты, раздоры и гибель народу. Причемъ же тутъ возрастъ, надъ которымъ въ безсильной злобѣ издѣваются демократическіе борзописцы? Развѣ только старцы отказываются участвовать въ дѣтскихъ играхъ? Всякій согласится, что нужно быть только взрослымъ человѣкомъ, при томъ серьезнымъ, уважающимъ трудъ,—въ особенности, реальный, полезный трудъ. Развѣ это сознаніе, это уваженіе къ труду теряется съ годами? Развѣ теряются съ годами патріотизмъ, честность, благородство, правдивость и всѣ другія природныя достоинства человѣка? Теряются развѣ природный умъ, на-

блюдательность? Какимъ человѣкъ родился, какимъ въ особенности онъ сформировался въ годы возмужалости, такимъ онъ остается и на старости. Наоборотъ, съ годами, на старости становишься только богаче житейскимъ опытомъ, умѣньемъ отличать и разгадывать людей; и если отъ природы ты не склоненъ къ аферамъ, то эта склонность остается и на старости, но получаешь только, благодаря накопившемуся опыту, возможность лучше отличать аферу и узнавать афериста. Словомъ, природныя свойства души, характера человѣка сохраняются до глубокой старости. Разница же между правымъ и лѣвымъ, именно, въ природныхъ свойствахъ души, въ особомъ міросозерцаніи, которое вытекаетъ изъ этихъ свойствъ. Ни умъ, ни таланты, ни профессія, ни образованіе, ни геніальность не дѣлаютъ человѣка правымъ или лѣвымъ. Какъ человѣкъ родится съ задатками честности, лжи, правды, шантажа, хитрости, лѣни, трудолюбія и т. п., такъ онъ родится съ задатками праваго или лѣваго міросозерцанія. Можно быть правымъ въ 20 лѣтъ, а лѣвымъ — 80-ти лѣтъ отъ роду. Это прекрасно понимаютъ всѣ борзописцы, высмѣивающіе возрастъ правыхъ членовъ Государственнаго Совѣта. Все это однѣ іезуитскіе интриги, одно демократическое ханжество. Это ясно изъ отношенія къ лѣвымъ старцамъ; если старецъ, подобно Гладстону или Толстому, въ глубокой старости продолжаетъ играть на-руку демократамъ, то онъ не только не числится выживающимъ изъ ума, но оказывается и „великимъ старцемъ!“ Всѣ эти Жоресы, Чхеидзе, Керенскіе, Милюковы могутъ дожить до Маѳусаилова вѣка и всѣ они будутъ „великими старцами“, если сохранятъ преданность демократизму, будутъ играть на стрункахъ прогресса. Такъ развѣ не ясно, что вся эта игра на старости членовъ Совѣта—одна демократическая интрига, одинъ шантажъ,—словомъ, сплошное ханжество. Просто—люди промышляютъ демократизмомъ, а нашлись люди, которые въ этомъ промыслѣ имъ не желаютъ помогать и даже стараются открыть міру глаза на ихъ промыселъ; вотъ и стараются всячески объявить ихъ выжившими изъ ума. Ларчикъ просто открывается.

Дѣти готовы играть, развлекаться до безконечности; „еще и еще“—одна только мысль въ головѣ играющихъ дѣтей. Вотъ, откуда идутъ разговоры о длительности Думской Сессіи, даже въ разгаръ войны. Простодушные демократы хотятъ больше развлекаться, а демократы себѣ на умѣ—побольше будировать, мутить общественное мнѣніе; благо, моментъ удачный,—нѣмцы въ Варшавѣ и даже за Варшавой; можно всѣ неудачи валить на власть, на режимъ; правительство же, всѣ истинные патріоты заняты только мыслью объ отраженіи врага,—имъ не до пустыхъ разговоровъ и словопреній съ депутатами. Какъ же не воспользоваться такимъ моментомъ? Вѣдь, кой-кому можно и до министерскаго портфеля добраться. Словомъ, упустить такой моментъ, съ точки зрѣнія партійной тактики, было бы преступно для демократовъ. Начались разговоры о необходимости длительной сессіи. Кому нужна была эта сессія? Что можетъ сдѣлать Дума во время войны и для войны? Только одно: составить

Думскую дружину, во главѣ съ предсѣдателемъ Думы, и пойти на фронтъ противъ врага, или превратить Думу въ заводъ для приготовленія снарядовъ. А Дума, по обыкновенію, разговариваетъ. Кому нужны эти разговоры, что толку въ нихъ? Германія Россію пушками и снарядами, а тутъ—на помощь Россіи—Чхеидзе и давай бить Германію профессіональными сеюзами. Кричитъ: „одно спасеніе въ союзахъ". Германія Россію опять бомбами и пушками, а Керенскій Германію кооперативами, Собралась Германія съ силами и опять Россію пушками и минами, а Милюковъ съ Шингаревымъ Германію да земской, да городской реформой, да земствомъ на окраинахъ. Ну, гдѣ же тутъ Германіи выдержать, гдѣ ей устоять? Обязательно у Чхеидзе мира попроситъ. Но неужели, читатель, русскій гражданинъ, у тебя не болитъ душа, когда ты читаешь Думскіе отчеты? Вѣдь, въ Думѣ бьютъ не по Германіи, а бьютъ только по Россіи, сѣютъ въ ней смуты, отвлекаютъ отъ работы. Германія воюетъ съ Россіей, а въ это время Лже-Димитрій проникъ въ сердце Россіи и пошелъ, съ своей стороны, походомъ на Русь. Устоитъ ли Россія? Вотъ, когда нужны Минины и Пожарскіе. А развѣ ихъ нѣтъ? Ихъ много, очень много. Много ихъ именно въ Государственномъ Совѣтѣ. Но когда Минины и Пожарскіе хотятъ, какъ въ былыя времена, встатв грудью за родину, за Русь, когда они хотятъ дать отпоръ современному супостату-демократу, когда они высоко подымаютъ знамя русскаго народа, то подъ это знамя никто не идетъ, потому что теперь призывъ Мининыхъ и Пожарскихъ зовутъ чернымъ блокомъ а Мининыхъ и Пожарскихъ зовутъ реакціонерами, врагами народа. И подъ знамя Мининыхъ никто не идетъ, а подъ знамя Лже-Димитрія идетъ видимо-невидимо народа, и среди послѣдняго много истинно-преданныхъ народу людей, которые, въ глубинѣ души, увѣрены, что они борятся за интересы Руси, за интересы народа? Откуда же такое народное затменіе? Почему его не было во время Минина и Пожарскаго? Да потому, что современный Лже-Димитрій изобрѣлъ особое орудіе, цѣлое чудовище, страшную гидру, которая зовется *печатью*.

XXVI.

Свобода печати, это—свобода надъ всѣми свободами, это—особаго рода несчастье. Не будь этой печати, да еще ея свободы, развѣ можно было бы довести до такого ослѣпленія человѣчество, чтобы оно могло принимать за благо парламентъ, отвѣтственное министерство, забастовки, родительскіе комитеты и тому-подобныя бѣды и напасти человѣческія. Я уже удѣлилъ печати особую главу, и послѣ того, какъ мною расцѣнены были выше всѣ прогрессивныя и демократическія цѣнности, становится понятнымъ тотъ жестокій приговоръ, каторый я вынесъ прогрессивно-демократической печати. Для публики печать—только развлеченіе, удобство, способъ узнавать мѣстныя и міровыя новости. Съ понятіемъ печати для читающей публики связано еще понятіе о величайшемъ прогрессѣ; именно—черезъ печать она будетъ узнавать правду; въ ея глазахъ, печать—носитель-

ница правды. Вѣдь, я уже не разъ отмѣчалъ, что широкая публика, даже демократическая, любитъ правду, жаждетъ правды, ищетъ правду, она ею очень дорожитъ, но она ищетъ правду не тамъ, гдѣ надо, она видитъ правду не тамъ, гдѣ она есть,—она поэтому зачастую топчетъ правду подъ ногами. Развѣ можно искать правду въ печати, когда для газетчиковъ печать представляетъ средство къ существованію, служитъ орудіемъ славы, почета, популярности,—когда, словомъ, правда въ печати—предметъ купли-продажи. Я понятіе „купля-продажа“ понимаю широко, не только въ узкомъ смыслѣ матеріальной выгоды; но понятно, что пріятнѣе выпускать на рынокъ ходкій, эфектный товаръ; въ ходу, нравится публикѣ парламентъ—выпускай въ обращеніе парламентъ; если человѣкъ ищетъ популярности, зачѣмъ же ему пускать въ обращеніе вещи старомодныя, вышедшія изъ обращенія? Если хотятъ заслужить расположеніе дѣтей, всегда кормятъ ихъ сластями. О какой же правдѣ можетъ итти рѣчь?

Но, если кто возьметъ на себя трудъ отрѣшиться отъ вліянія печати и ходячихъ мнѣній, и глубже вникнуть въ суть вещей, онъ пойметъ, что правды нѣтъ и не можетъ быть въ печати, потому что послѣдняя ничто иное, какъ торгово-промышленное предпріятіе, притомъ—предпріятіе очень подозрительнаго характера. Каждый печатный органъ, прежде всего, поставщикъ новостей,—другими словами, промышляетъ новостями. Понятно, что, въ погонѣ за новостями, забываютъ всякую мѣру осторожности; правда, добросовѣстность, приличія, уваженіе къ чужому достоинству, къ чужимъ тайнамъ, личнымъ, семейнымъ, служебнымъ—все въ загонѣ, все приносится въ жертву самому мелкому, самому низкопробному человѣческому любопытству, все имѣетъ въ виду удовлетворить человѣческую страсть къ сплетнямъ, къ сенсаціямъ. Вмѣсто того, чтобы тушить, ослаблять эту страсть, печать ее только раздуваетъ и всячески удовлетворяетъ. Рѣдко-рѣдко удается какому-либо органу оставаться на высотѣ положенія печатнаго органа. Гдѣ новости составляютъ промыселъ, гдѣ промышляютъ на мелкомъ человѣческомъ любопытствѣ и другихъ мелочныхъ человѣческихъ слабостяхъ, тамъ добра не можетъ быть, тамъ правду топчутъ подъ ногами, тамъ удовлетворяютъ самые низменные инстинкты человѣка. И редактору, и издателю, и сотрудникамъ важно одно: добиться успѣха, обезпечить и увеличивать тиражъ газеты. Они и добиваются этой цѣли,—быть-можетъ, даже незамѣтно для своего же сознанія,—самыми неблаговидными способами.

Но есть еще другая сторона дѣятельности газеты, другой ея промыселъ,—болѣе серьезный по своимъ вреднымъ послѣдствіямъ. Вѣдь, каждая газета—обязательно прогрессивный органъ,—другими словами, промышляетъ прогрессомъ и всякими демократическими цѣнностями. Это—товаръ модный и въ большомъ ходу; съ какой же стати газетѣ торговать всякимъ старьемъ: правдой, благородствомъ, здравымъ смысломъ и т. п.? Теперь каждый рабочій, каждый дворникъ, каждый сапожникъ, каждый деревенскій мужикъ—и тѣ требуютъ прогресса. Нѣтъ поэтому во всемъ мірѣ газетъ, которыя не торговали бы прогрессомъ. Какъ извѣстно, прогрессивный товаръ—самый разнообразный, на всѣ вкусы, на самыя разнообразныя потребности. Есть

и ситцы и парча. Каждый газетчикъ, что твой коробейникъ. Пресса, это—мастерская для изготовленія прогрессивныхъ алмазовъ, топазовъ, брилліантовъ и, въ то же время, ювелирный магазинъ, гдѣ идетъ бойкая торговля демократической марки драгоцѣнными камнями, оптомъ и въ-розницу, за наличныя и въ кредитъ. Если имѣется вывѣска: „галантерейный магазинъ," то, очевидно, торгуютъ галантереей, а если есть вывѣска: „прогрессивный органъ" (читай: магазинъ), то, очевидно, торгуютъ прогрессомъ. А развѣ торговцы заботятся объ интересахъ покупателей,—они стараются только угодить вкусамъ обывателей, въ ущербъ ихъ интересамъ. Все это, мнѣ кажется, должно быть ясно даже для дѣтскаго ума. Не менѣе ясно, что газеты должны изъ кожи лѣзть, чтобы только доставить прогрессъ и раздавать его покупателямъ-подписчикамъ. Вѣдь, обыватель подписался на прогрессивную газету, ему нуженъ прогрессъ и онъ требуетъ прогресса. И газетѣ остается одно: хоть изъ-подъ земли выкапывать, но доставать и раздавать прогрессъ. На этомъ основана вся конкуренція газетъ; кто больше дастъ обывателямъ прогресса, кто больше разнообразія внесетъ въ торговлю прогрессомъ, кто больше удовлетворитъ покупателей, любителей и знатоковъ прогресса, тотъ популярнѣй.

Что прессѣ до правды, до интересовъ народа, до реальныхъ государственныхъ нуждъ? Ей нужна бойкая торговля; ради реномэ прогрессивнаго органа, газета пойдетъ на всѣ сдѣлки съ совѣстью. Все основано на популярности, а на популярности основанъ тиражъ. Популярность и тиражъ—вотъ тѣ киты, на которыхъ держится пресса. А чѣмъ больше въ газетѣ прогрессивныхъ сластей, чѣмъ больше обѣщаній чужого добра, чѣмъ болѣе широкій кругъ публики изъ породы 3—5 лѣтнихъ дѣтей захватываютъ эти обѣщанія, тѣмъ газета прогрессивнѣй, тѣмъ она популярнѣй, тѣмъ тиражъ ея выше, тѣмъ выгоднѣе писать и работать въ такой газетѣ. Чѣмъ конкуренція сильнѣе, тѣмъ выше поднимается прогрессивность. А спросъ на прогрессъ все растетъ и растетъ.

Завела одна газета собственнаго корреспондента, другая сейчасъ же заводитъ двухъ, третья—сразу пять, а у иной собственные корреспонденты сотнями и тысячами считаются. Пишется: „провинціальный отдѣлъ," а читается: „пикантный отдѣлъ." Пишетъ корреспондентъ, скажемъ, изъ Бугуруслана корреспонденцію и, прогрессивности ради, прохватываетъ мѣстныхъ торговцевъ. Этотъ прогрессъ очень по вкусу приказчикамъ, и тиражъ газеты подымается на 10 подписчиковъ. Лавры Мильтіада не даютъ покоя другому корреспонденту изъ другой газеты, и онъ тутъ же строчитъ корреспонденцію о тяжеломъ положеніи бугурусланскихъ подмастерьевъ—у портныхъ, сапожниковъ; стоитъ,—пишетъ онъ,—какому-либо мастеру загулять на недѣльку, и хозяинъ не только отказываетъ въ работѣ, но и не платитъ за прогульные дни,—мало того, не предупреждаетъ такого мастера хотя бы за годъ до увольненія; необходимо,—заканчиваетъ онъ,—устроить въ Бугурусланѣ профессіональные союзы, чтобы хозяева платили за всѣ прогульные дни, и предупреждали бы мастеровъ, по

крайней мѣрѣ, за десять лѣтъ до увольненія. Этотъ прогрессивный трюкъ вызываетъ бурный восторгъ среди всѣхъ подмастерьевъ Бугуруслана, эхомъ перекатывается по всѣмъ ближайшимъ городамъ, путемъ перепечатокъ разносится по всему міру; число подписчиковъ, читателей, популярность газеты растутъ не по днямъ, а по часамъ. Третій требуетъ, чтобы городской голова въ Бугурусланѣ избирался всенароднымъ голосованіемъ, и чтобы онъ былъ отвѣтственъ передъ каждымъ обывателемъ въ возрастѣ отъ 12-ти лѣтъ (съ тѣхъ поръ, какъ появились десятилѣтніе добровольцы, гражданскій возрастъ значительно понизился). Четвертый пользуется промахомъ третьяго и требуетъ участія въ выборахъ всѣхъ женщинъ, начиная съ 8-ми лѣтняго возраста. Я послѣ того не встрѣчалъ ни одной женщины, которая читала бы другую газету. Но нашелся пятый корреспондентъ, который перещеголялъ всѣхъ и потребовалъ поголовнаго участія всѣхъ мужчинъ и женщинъ во всенародныхъ выборахъ городского головы, независимо отъ возраста, участія даже новорожденныхъ. Казалось бы, что рекордъ прогрессивности побитъ и дальше итти некуда. Газета торжествовала, тиражъ ея непомѣрно увеличивался. Но неожиданно оказалось, что и этотъ рекордъ побитъ; выискался шестой корреспондентъ, который потребовалъ, чтобы беременныя женщины имѣли два голоса: за себя и за младенца; если женщина представитъ медицинское свидѣтельство, что она беременна двойнями, то она должна имѣть три голоса.

Не знаю, какъ для другихъ, но для моего сознанія ясно, что и выборное начало, и интересы города и государства нисколько бы не пострадали, если даже былъ бы принятъ проектъ поголовнаго выборнаго права съ предоставленіемъ голоса и утробнымъ младенцамъ. Вѣдь, поголовное избирательное право—такая же фальшивая ассигнація, какъ и всеобщее; не все ли равно, дадутъ ли вамъ фальшивую трехрублевку, или сторублевку, или даже пачку фальшивыхъ сторублевокъ—и тѣмъ, и другимъ грошъ цѣна. По мнѣ, если ужъ давать всеобщее избирательное право, то давать хоть и утробнымъ младенцамъ.

Вотъ такими-то цѣнностями, прогрессивными и демократическими, оптомъ и въ-розницу, распивочно и на-вынось, торгуетъ каждый магазинъ прогрессивныхъ товаровъ. А весь этотъ родъ торговли зовется прессой. Увы! Камни-то только не настоящіе, а все поддѣльные и фальшивые. А торговля повсемѣстно идетъ бойко и съ каждымъ годомъ расширяется. Чѣмъ же объяснить это ослѣпленіе человѣчества, всего міра, изо-дня въ день получающаго фальшивый товаръ и увѣреннаго, что у него въ рукахъ брилліанты чистѣйшей воды и изумительно-прогрессивной игры? Объясняется это тѣмъ преступнымъ, организованнымъ походомъ, который ведется противъ всѣхъ духовныхъ, моральныхъ и матеріальныхъ богатствъ человѣчества. Этотъ походъ ведется международной организаціей, такъ называемой, интеллигенціи. Сюда войдутъ и пролетаріи, и сознательные рабочіе и крестьяне, и всѣ, такъ называемые, общественники,—словомъ, прямые потомки римскаго пролетаріата, представители современнаго тунеядства. Это все люди, которымъ чуждъ реальный

трудъ, которымъ противенъ библейскій призывъ: „въ потѣ лица своего добывай свой хлѣбъ!“,—люди, которыхъ мечта—праздное тунеядство, жизнь болонокъ Жужу, которые, подобно средневѣковымъ рыцарямъ, жаждутъ красивой, веселой, привольной жизни черезъ праздники, турниры, сплошные тріумфы. Такіе-то люди съорганизовались, образовали прогрессивно-демократическій блокъ. Ясно, что цѣль этого блока—самая преступная, экспропріаторская: самымъ легкимъ путемъ добраться до славы, богатства, почета. Кто тянется къ креслу министра, кто къ креслу депутата, кто хочетъ пристроиться къ земству, кто къ обществу, кто къ газетѣ, кто просто ищетъ славы, кого прельщаетъ титулъ великаго писателя, кому нравится кличка популярнаго общественнаго дѣятеля, кто мѣтитъ на чужую фабрику, кто не прочь завладѣть чужимъ имѣніемъ, кому нравится не платить за квартиру,—словомъ, всякій тянется къ тому, что плохо лежитъ. Это настоящій черный блокъ, который стремится подкопаться подъ величайшее пріобрѣтеніе человѣчества—подъ государственность, а, вѣдь, послѣдняя несетъ человѣчеству, каждому обывателю спокойствіе, законность, мирный трудъ, собственность, какъ плодъ реальнаго, полезнаго труда и т. п. Главнымъ орудіемъ подкопа служитъ парламентаризмъ. Государственность и парламентаризмъ не совмѣстимы, эти два антипода, двѣ враждебныхъ стихіи. Очевидно, нужна какая-то дьявольская сила, чтобы толкать обывателя въ объятья парламентаризма, въ объятья его злѣйшаго врага, врага человѣчества. Ратуя за парламентъ, за свободы и тому-подобныя демократическія цѣнности, обыватель самъ идетъ въ волчью пасть. Эта дьявольская сила и есть прогрессивно-демократическая печать (а другой печати и въ мірѣ нѣтъ),—то, что зовется прессой, седьмой великой державой.

По существу, число демократовъ себѣ на умѣ,—число тѣхъ, для которыхъ кричащая, будирующая общественность составляетъ ремесло, профессію,—очень ограничено; въ каждомъ городѣ, въ каждой губерніи ихъ по пальцамъ перечтешь,—словомъ, среди милліоновъ ихъ единицы, максимумъ—десятки.*) Сами по себѣ, они—такая мизерная величина, что съ нею считаться не стоило бы, они такъ и потонули бы безслѣдно въ обывательскомъ морѣ, если бы не эта язва современности, которая зовется прессой. Какъ полиція, армія даютъ силу и крѣпость народно-государственному механизму, такъ пресса даетъ силу и крѣпость прогрессивно-демократическому организму,—она превращаетъ ничтожную кучку общественниковъ въ грозную силу, съ которой приходится считаться. Въ этомъ главное назначеніе печати. Вотъ почему въ каждомъ городѣ, въ каждой губерніи небольшая по числу группа интеллигентныхъ тунеядцевъ, сирѣчь—общественниковъ, вынуждена еще выдѣлять и выдѣляетъ часть своихъ силъ на газетное дѣло. Собственно, число газетчиковъ еще болѣе ограничено; это—армія міровой прогрессивно-демократической монархіи, куда меньше даже арміи Черногорскаго королевства; она также насчитываетъ единицы среди милліоновъ; между

*) См. ниже главу объ общественности.

тѣмъ, эта армія покорила прогрессивно-демократической монархіи весь міръ. Правда, каждая газета носитъ какое-либо громкое имя! Голосъ Москвы, Голосъ Самары, Волжскій Край и т. п.,—но каждому ясно, что это слово 1—2—3 лицъ. Откуда же эта сила? Да потому, что у каждой газеты тысячи и даже десятки, а у нѣкоторыхъ и сотни тысячъ—кліентовъ, которые зовутся подписчиками. Вербуются они изъ числа тѣхъ барановъ, которые зовутся обывателями, и которые охотно даютъ себя стричь всякому, у кого есть ножницы и охота. Развѣ мало мы знаемъ громкихъ, нашумѣвшихъ предпріятій, которыя ихъ иниціаторы затѣяли безъ гроша въ карманѣ, въ надеждѣ на довѣрчивость и простодушіе публики, которая зовется вкладчиками. Капиталъ вкладчиковъ только и составлялъ капиталъ предпріятія, которое росло, гремѣло на весь міръ. Правда, каждому такому дутому предпріятію грозилъ ежеминутный крахъ,—стоило только вкладчикамъ потерять довѣріе и потребовать обратно свои вклады. Что вкладчики для дутыхъ, шантажныхъ предпріятій, то подписчики для газетъ. Стоитъ только обывателямъ проснуться и потерять довѣріе къ прессѣ,—то довѣріе, которымъ послѣдняя ни въ малѣйшей степени никогда и не должна бы пользоваться,—и вся величественная прогрессивно-демократическая монархія, со всѣми ея обществами, союзами, газетами, рухнетъ, какъ карточный домикъ. Но пока этого нѣтъ, сила прессы огромна и, благодаря этому, велика, огромна власть и сила будирующей общественности.

Значеніе прессы проявляется въ разныхъ направленіяхъ. Прежде всего, каждая мѣстная газета даетъ престижъ мѣстнымъ общественно-тунеядческимъ силамъ, всячески рекламируетъ общественниковъ и малѣйшее проявленіе будирующей общественности. Если какой-нибудь общественникъ чихнетъ, сейчасъ же въ газетѣ сообщается: „извѣстный общественный дѣятель Иксъ чихнулъ," или: „изъ достовѣрныхъ источниковъ намъ передаютъ, что извѣстный общественный дѣятель Игрекъ выѣзжаетъ завтра на дачу..." или: „мы уполномочены сообщить, что на-дняхъ состоится благотворительный спектакль, устраиваемый популярнымъ общественнымъ дѣятелемъ Зетъ" и т. под. Устраивается ли общество, предполагается ли собраніе, митингъ, намѣчается ли благотворительный концертъ, цвѣточный день, лекція народныхъ Университетовъ, какая-либо передвижная выставка или тому-подобное проявленіе безполезной, будирующей общественности,—и въ газетѣ, еще задолго до великаго событія, начинается трезвонъ во всѣхъ газетныхъ колоколахъ: и въ передовомъ колоколѣ, и въ фельетонномъ, и въ стихотворномъ, и въ провинціальномъ, и въ колоколѣ мѣстной хроники,—словомъ, по всей газетной колокольнѣ. Трезвонъ идетъ такой, что можно оглушить быка, не то, что простодушнаго барана изъ породы обывателей.—„Наконецъ-то въ нашемъ мертвомъ городѣ,"—трезвонитъ передовикъ,—„начинаетъ пробуждаться жизнь. Давно пора! Иначе можно думать, что мы живемъ не въ двадцатомъ столѣтіи, а за сто лѣтъ до французской революціи, великія начала которой понемногу начинаютъ оживлять даже мертвыя мусульманскія деспотіи. Казалось бы, что эти начала способны пробудить къ жизни даже пустынныя пространства Сахары;

однако, они, повидимому, даже не успѣли дойти до сознанія нашихъ Китъ-Китычей. Нашъ городъ продолжаетъ безмятежно спать, въ то время, какъ отовсюду несутся вѣсти объ оживившейся общественной дѣятельности; всюду создаются культурныя общества, устраиваются банкеты за банкетами, на каждомъ банкетѣ выносятся животрепещущія, одухотворенныя великими началами великой революціи, резолюціи. И вся эта общественная буря проносилась мимо нашего города, не задѣвая его, не проникая въ стальныя, забронированныя сердца нашихъ горожанъ. Повидимому, этому сну наступилъ конецъ. Можемъ съ радостью, изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ, сообщить, что на-дняхъ, въ квартирѣ уважаемаго общественнаго дѣятеля Омега, состоялось собраніе многихъ уважаемыхъ мѣстныхъ дѣятелей; на собраніи встрѣтила полное сочувствіе мысль учредить въ городѣ общество народныхъ университетовъ и т. п."—О каждомъ собраніи,—будь то хоть собраніе парикмахерскихъ подмастерьевъ,—сообщается въ такихъ высокопарныхъ, торжественныхъ и, въ то же время, трогательныхъ выраженіяхъ, что каждый поневолѣ подумаетъ, что рѣчь идетъ о собраніи, имѣющемъ міровое значеніе, и въ которомъ кровно заинтересованы всѣ обыватели всей области. Государственные совѣты всѣхъ странъ передъ этимъ собраніемъ просто мелкая сошка. И только тотъ, кому пришлось бывать на собраніяхъ, знаетъ, что тамъ, кромѣ 2—3 общественныхъ пустозвоновъ, одного-двухъ десятковъ мѣстныхъ Митрофанушекъ и пяти мѣстныхъ стриженыхъ суффражистокъ, никого не было.

На каждое собраніе посылается репортеръ, и о каждомъ собраніи печатается пространный и восторженный отчетъ, хотя каждому доподлинно извѣстно, что на этихъ собраніяхъ—ни одного живого слова; вѣдь, тамъ важно только говорить; достаточно открыть ротъ, чтобы уже прослыть ораторомъ и попасть въ выборныя должности; если же у кого рѣчь никакъ не налаживается, то ему достаточно просто крикнуть: „да здравствуетъ пролетаріатъ!", для того, чтобы сойти за отмѣннаго оратора и великаго демократа. Если кто въ состояніи, вмѣсто рѣчей, произносить такіе тосты,—ему и рѣчей никакихъ не надо; этотъ тостъ дастъ ему славу и доведетъ, пожалуй, до кресла депутата отъ эсдековской партіи. Словомъ, на этихъ собраніяхъ легко, быстро и пріятно пріобрѣтается слава, извѣстность, популярность. Толку отъ этихъ собраній, какъ отъ козла молока, хотя резолюціи принимаются такія убійственныя, что, казалось бы, этими резолюціями и быка доить можно. Скажите, пожалуйста, кого, кромѣ Митрофанушекъ, потянетъ на эти собранія? Кому нужна эта грошовая слава оратора на собраніяхъ, или слава общественнаго дѣятеля и члена всякихъ обществъ? Только Митрофанушкамъ, которые способны лишь на то, чтобы на собраніяхъ кричать: „да здравствуетъ пролетаріатъ!" Зато въ газетномъ отчетѣ приводится имя каждаго оратора, его рѣчь, восторженный отзывъ о ней и т. п. Да и какъ газетѣ не восторгаться; вѣдь, въ ней сидятъ и пишутъ тѣ же Митрофанушки, что говорятъ въ собраніяхъ. Что рѣчь прогрессивную сказать, что статью прогрессивную написать—одна цѣна; и то, и

другое подъ-силу даже Митрофанушкамъ. И сидятъ въ редакціяхъ, толкутся въ обществахъ одни Митрофанушки; это все одна компанія, способная только легкимъ, тунеядческимъ способомъ добиваться положенія и имени. Вся эта компанія завлекаетъ публику шантажными обѣщаніями чужого добра, а подъ шумокъ распространяетъ фальшивыя демократическія ассигнаціи. Какъ же имъ не поддерживать другъ-друга? Собранія собраніями, рѣчи рѣчами, но газета престижемъ печатнаго слова даетъ этимъ собраніямъ силу и вѣскость, а славу рыцарей языка разноситъ далеко и широко за предѣлы того зала, въ которомъ этотъ языкъ заплетался. „Рука руку моетъ“, „кукушка хвалитъ пѣтуха затѣмъ, что хвалитъ онъ кукушку“—вотъ принципы, положенные въ основу единенія всѣхъ прогрессивно-демократическихъ элементовъ и органовъ. Сила бездарностей, Митрофанушекъ, только во взаимномъ единеніи и во взаимной поддержкѣ. Въ этомъ единеніи, въ этой спайкѣ силъ—огромная, доминирующая роль по праву принадлежитъ печати. Только печать сплочиваетъ всѣ общественные элементы въ одинъ мощный организмъ, въ одну прогрессивно-демократическую монархію, представляющую единственное въ своемъ родѣ государство, въ которомъ Митрофанушка на Митрофанушкѣ ѣдетъ, Митрофанушкой погоняетъ.

Само собой разумѣется, что этотъ газетный трезвонъ объ обществахъ, союзахъ, лекціяхъ, рѣчахъ и обо всѣхъ ораторахъ, лекторахъ, учредителяхъ обществъ, устроителяхъ спектаклей, лотерей и тому-подобныхъ „просвѣтительныхъ учрежденій“, не даетъ покоя мѣстнымъ и окрестнымъ Митрофанушкамъ, которые также человѣки, и ничто человѣческое имъ не чуждо. Не чужды имъ и такія человѣческія слабости, какъ жажда славы, почета, положенія. Все это требуетъ упорнаго, прозаическаго, но реальнаго труда. Увы! Для такого труда нехватаетъ силъ и способностей у несчастныхъ, обиженныхъ судьбой недорослей; и они вынуждены были тоскливо и въ дремотѣ прозябать, пока газетный трезвонъ не раскрывалъ имъ глазъ и не прояснялъ имъ сознанія въ томъ направленіи, что въ тунеядческой общественности они могутъ, наконецъ, найти примѣненіе и своимъ худосочнымъ силамъ. И, въ погонѣ за легкой добычей, выползаютъ изъ всѣхъ норъ Митрофанушки; растутъ, какъ грибы, общества, наживаются желѣзныя дороги на всякихъ разъѣздныхъ лекторахъ, передвижныхъ выставкахъ, шумятъ витіи, распространяется, и въ ширь и въ глубь, территорія прогрессивно-демократической монархіи, все это крѣпко спаивается мѣстной газетой, тиражъ которой и вліяніе все растутъ и растутъ. Митрофанушки счастливы и довольны, что, наконецъ, нашли достойное примѣненіе своимъ кахектическимъ способностямъ.

Но, не дай Богъ, если какой-нибудь случайный посѣтитель собранія захочетъ выступить съ живымъ, трезвымъ, правдивымъ словомъ,—не ради слова, не ради славы, а въ интересахъ правды... Нѣтъ силъ передать негодованіе собранія. Одинъ за другимъ взлетаютъ на трибуны Митрофанушки и, подъ громъ апплодисментовъ и дикое улюлюканье публики, ругаютъ, поносятъ, издѣваются надъ смѣльча-

комъ. Начинается вакханалія, въ которой несчастный правдолюбецъ, —забитый, оплеванный,—сидитъ растерянный, не понимая ни причины негодованія, ни того, чѣмъ онъ вызвалъ эту ругань, а главное —совершенно безсильный что-либо возразить, потому что его бьютъ съ той стороны, откуда онъ совсѣмъ не ждалъ, и бьютъ орудіемъ, которое онъ не въ состояніи отражать. Откуда же это негодованіе? Въ чемъ сила Митрофанушекъ, въ чемъ безсиліе правдолюбца? Я думаю, многіе не разъ находились въ такомъ положеніи, и до сихъ поръ, возможно, не могутъ отдать себѣ отчета въ той вакханаліи, которая поднялась вокругъ ихъ правдиваго слова; человѣкъ, вѣдь, просто хотѣлъ высказать свое мнѣніе,—свое правдивое, отъ души идущее мнѣніе, и вдругъ, совершенно для себя неожиданно, очутился въ положеніи звѣря, котораго травятъ со всѣхъ сторонъ. Я думаю, такимъ людямъ весьма интересно было бы выяснить эту загадку. Такъ какъ я уже былъ въ такихъ передѣлкахъ, и мнѣ пришлось вдумываться въ это явленіе, то мнѣ удалось, кажется, разрѣшить эту загадку. Вся бѣда въ *правдѣ*; правдѣ чуждо тунеядство, правда не раздаетъ чужого добра. А, вѣдь, въ собраніи люди, къ труду неспособные, а главное—тамъ тунеядцы, жаждущіе именно чужого добра. Они спеціально пришли въ собраніе за чужимъ добромъ; кто жаждетъ дома, въ которомъ онъ снимаетъ квартиру, кто фабрики, гдѣ онъ работаетъ, кто имѣнія своего сосѣда-помѣщика, кто мѣста предсѣдателя земской управы, въ которой онъ служитъ писцомъ или швейцаромъ, кто мѣста губернатора при отвѣтственномъ министерствѣ и т. п. И вдругъ явился какой-то черносотенецъ, проходимецъ и имѣлъ дерзость не только никому не давать чужого добра, но даже отказывается дать обѣщаніе такого добра! Какъ же тутъ не негодовать? А сила Митрофанушекъ въ томъ, что, понося, ругая, глумясь, они задѣваютъ слабыя струнки собравшихся, бьютъ по хищническимъ инстинктамъ этихъ тунеядцевъ, по ихъ жаждѣ чужого добра. Они кричатъ: „это буржуй, зубръ; онъ защищаетъ интересы помѣщиковъ, дворянъ; онъ подосланъ сюда фабрикантами и домовладѣльцами; онъ на службѣ у правительства, которое обѣщало ему чины и награды! Не слушайте его! Мы должны добиваться улучшенія положенія пролетаріата и народа. Намъ нужно отвѣтственное министерство, которое гарантируетъ намъ соціальный строй и развалъ капиталистическаго строя! Это—врагъ народа, пролетаріевъ, крестьянъ и всѣхъ трудящихся массъ! Мы протестуемъ! Какъ ему не стыдно! Удивляюсь, какъ онъ не краснѣетъ! Позорно слышать такія рѣчи!“ и т. п. въ этомъ родѣ. Конечно, восторгу собравшихся нѣтъ предѣла. Но что можетъ возразить несчастный правдолюбецъ, когда онъ ни о какихъ помѣщикахъ, фабрикантахъ не думалъ, а высказалъ только свое правдивое мнѣніе, а главное—не въ состояніи раздавать чужого добра, будить хищническіе инстинкты толпы,—и за это неожиданно оказался мошенникомъ, шпіономъ, грабителемъ, предателемъ и просто-извергомъ. Вся сила въ той же психикѣ, въ той же человѣческой слабости, по которой правда, добро, благородство тамъ, гдѣ выгода человѣка.

Но этого мало,—за столомъ для печати сидитъ еще газетный Митрофанушка, истый слуга Вельзевула, и злобно ухмыляется. Развѣ этотъ, съ позволенія сказать, представитель печати, какъ и всѣ члены собранія, понялъ хоть одно слово, хоть одну мысль изъ того, что говорилъ правдолюбецъ? Вѣдь, Митрофанушкамъ языкъ правды чуждъ, психологія реальнаго труда имъ непонятна; имъ понятенъ только демократическій языкъ, призывающій къ тунеядству, торгующій тунеядствомъ, поощряющій тунеядство и возводящій его въ принципъ. Всякая правдивая мысль приводитъ ихъ поэтому въ состояніе бѣшенства и дикой злобы. Правдолюбецъ еще вѣритъ печати, считаетъ ее носительницей правды и, полный вѣры, раскрываетъ на другой день газету. Увы! Кромѣ дикой злобы, изрыгающей ложь, клевету, извращающей слова правдолюбца и то, что происходило на собраніи, —въ газетѣ ничего нѣтъ. Начинается газетный походъ противъ правдолюбца; то въ фельетонѣ, то въ стихахъ, то въ мѣстной хроникѣ; и въ газетѣ то же, что въ собраніи: глумленіе, издѣвательство, ругань, клевета. Проходитъ немного времени, и правдолюбецъ становится мѣстнымъ, а потомъ—и всенароднымъ посмѣшищемъ. Кто же послѣ этого пойдетъ съ правдивымъ словомъ въ общества, собранія, газеты? Кромѣ Митрофанушекъ, которымъ одно спасеніе въ тунеядческой общественности, никто туда и не заглядываетъ; всякій за сто верстъ обходитъ эти дьявольскія учрежденія. А если кто и заходитъ, то притворяется Митрофанушкой, демократомъ, раздаетъ тоже чужое добро.

Вотъ такъ газеты превратили во всенародное посмѣшище Пуришкевича, Маркова, Муратова и другихъ. Велика сила печатнаго слова, велико гипнотизирующее вліяніе печати. Было время, когда я вѣрилъ печати. Повторяю, это было время полной прострації души и бездѣятельности ума и воли. Въ это время и я былъ увѣренъ, что Пуришкевичъ, Марковъ, дѣйствительно, какіе-то клоуны, какіе-то ненормальные, смѣшные, злые люди; что они торгуютъ своей совѣстью, своимъ словомъ, своей душой. Но я сталъ работать мыслью, вывелъ изъ прострації свою душу—и сталъ прозрѣвать. Окончательно же я прозрѣлъ послѣ своего доклада въ обществѣ Самарскихъ врачей. Я тогда понялъ, что я читалъ въ обществѣ Митрофанушекъ, въ обществѣ моральныхъ недорослей и душевныхъ простратовъ. Я тоже растерялся и весь скорбѣлъ душой за правду, когда неожиданно услыхалъ одну площадную ругань, протестъ, возмущеніе. Я не понималъ, въ чемъ дѣло; вѣдь, я высказалъ только свое мнѣніе,—глубоко продуманное мнѣніе,—высказалъ только для дѣла, въ интересахъ правды. Быть-можетъ, я ошибался, какъ, быть-можетъ, представляется ошибочнымъ все, что изложено въ настоящей брошюрѣ. Но для меня, для моего сознанія оно правдиво и я высказываю только то, что думаю и считаю правдой. Можно возражать, критиковать, но зачѣмъ же возмущаться, негодовать, протестовать. Каждый ораторъ превращается въ судью и произноситъ только приговоръ; были такіе курьезы: иной вставалъ и заявлялъ, что онъ присоединяется къ мнѣнію предыдущаго оратора. Чѣмъ не представитель инквизи-

ціоннаго суда? Но курьезъ въ томъ, что мнѣніе предыдущаго оратора было или руганью, или глупѣйшей притчей, достойной умственнаго недоросля и понятной только недорослямъ. И только впослѣдствіи я понялъ, что я виноватъ лишь тѣмъ, что говорилъ свою правду и не раздавалъ чужого добра.

Но я понялъ тогда и нѣчто другое, а именно,—какая тѣсная, крѣпкая связь существуетъ между печатью и всѣми обществами, собраніями, съѣздами и тому-подобными общественными организаціями и учрежденіями, какое тѣсное, интимное содружество существуетъ между всѣми газетчиками и общественными дѣятелями. Мнѣ стало ясно, что это—одна компанія, связанная общими интересами, общими цѣлями. Въ то же время мнѣ стало ясно, что это не компанія, не содружество, а преступная организація съ преступными цѣлями,—нѣчто вродѣ той организаціи, которую создалъ іезуитскій орденъ. Я далекъ отъ мысли утверждать, что это—организація сознательно преступная, или даже, что въ ней существуетъ сознательная организованность. Возможно, и даже вѣрнѣе, что эта организація создалась инстинктивно, въ силу общихъ интересовъ, какъ инстинктивно дѣти жмутся къ матери. Несомнѣнно, со стороны нѣкоторыхъ можно ожидать сознательную злую волю, но я даже эту возможность игнорирую и понимаю, что ихъ всѣхъ *инстинктивно* связываютъ общіе интересы, общіе идеалы, одинаковыя наклонности и т. п. Въ самомъ дѣлѣ: всѣ они торгуютъ прогрессомъ и демократическими цѣнностями; это, такъ сказать, одна міровая фирма торговли прогрессивными товарами; въ каждомъ государствѣ отдѣленіе этой фирмы; каждая газета, каждое общество, это—магазинъ фирмы, а каждый газетчикъ, каждый популярный общественный дѣятель ничто иное, какъ приказчикъ ея. Пріемы фирмы—чисто-торгашескіе, граничащіе съ аферой и шантажемъ, потому что фирма не брезгуетъ фальшивыми цѣнностями и сплошь и рядомъ продаетъ чужое добро, даетъ шантажныя обѣщанія такого добра, не прочь даже его дарить. Она играетъ на низменныхъ струнахъ человѣческаго сердца, на его хищническихъ инстинктахъ; число покупателей растетъ въ колоссальной степени, дѣла фирмы блестящи, но товаръ ея хуже, вреднѣй алкоголя, и трудно представить себѣ, какой развратъ въ мораль, въ психику народовъ вноситъ этотъ прогрессивный товаръ, какъ онъ расшатываетъ народный организмъ. А связываетъ всѣхъ членовъ фирмы въ общую дружную и солидарную семью то, что всѣ они братья по крови, всѣ они происходятъ отъ знаменитаго фонъ-визиновскаго Митрофанушки, всѣ они моральные, умственные и душевные недоросли, и наклонность у нихъ у всѣхъ одна: *къ тунеядству*. Фирма даетъ полный просторъ этой наклонности, а торговля прогрессивнымъ мелочнымъ товаромъ подъ-силу даже Митрофанушкамъ. Стоитъ только публикѣ раскусить всю эту аферу, стоитъ ей уразумѣть, что за реакціонный, залежавшійся, гнилой товаръ ей продаютъ подъ видомъ прогрессивныхъ новинокъ,—и фирма рухнетъ. А провалъ фирмы грозитъ Митрофанушкамъ полнымъ банкротствомъ, возвратомъ въ первобытное состояніе, въ ту же беззвѣстность, въ

ту же пропасть умственнаго и духовнаго прозябанія. Ну, какая охота какому-нибудь извѣстному и популярному общественному дѣятелю или редактору бойкой и распространенной газеты, облеченному общественнымъ довѣріемъ, пойти въ писцы полицейскаго управленія или нотаріальной конторы, къ каковой дѣятельности они самой природой и съ самаго рожденія намѣчены и приспособлены? Митрофанушки и сознаютъ, что фирма—ихъ якорь спасенія, что она... ихъ кормитъ и поитъ, что безъ нея—каждый изъ нихъ ноль, недоросль временъ Фонъ-Визина. Они инстинктивно сознаютъ, что они всѣми силами должны поддерживать благосостояніе фирмы, они ясно отдаютъ себѣ отчетъ въ томъ, что каждый, работающій въ интересахъ фирмы, работаетъ въ интересахъ всѣхъ остальныхъ работниковъ и въ интересахъ каждаго работника въ отдѣльности,—другими словами, въ своихъ же собственныхъ интересахъ. Это, такъ сказать, круговая порука, основанная на взаимной поддержкѣ, на принципѣ: рука руку моетъ. Рыбакъ рыбака видитъ издали, а Митрофанушка Митрофанушку, прогрессистъ прогрессиста чуютъ за тысячи верстъ, и вблизи, и вдали они готовы другъ-другу помочь, другъ-друга поддержать. У нихъ общіе друзья, общіе враги; „мой врагъ—твой врагъ; твой врагъ—мой врагъ"—вотъ ихъ девизъ, потому что они кровно, матеріально, морально заинтересованы въ общей поддержкѣ, которая существенно необходима для неприкосновенности и цѣлости фирмы,—ихъ общей спасительницы. Поэтому, если одна прогрессивная собака залаяла, то вся прогрессивная улица лаетъ. У прогрессистовъ, сирѣчь—демократовъ воистину какой-то собачій принципъ солидарности, т.-е. солидарности безсознательной, неразборчивой, солидарности во что бы то ни стало, хотя бы въ ущербъ правдѣ и здравому смыслу. Возникаетъ у прогрессиста споръ съ кѣмъ-нибудь, и сейчасъ же вся прогрессивная улица принимаетъ сторону прогрессиста; со всѣхъ подворотней высовываютъ свои морды всякіе Варіусы и лаютъ, протестуютъ, ругаютъ, бойкотируютъ несчастнаго, который почему-то сталъ поперекъ дороги какому-то прогрессисту. А если кто дерзнетъ печатно, въ Думѣ, или въ обществѣ смѣло и открыто высказывать правду, то на прогрессивной улицѣ такой лай начинается, что оглохнуть можно отъ непривычки, а человѣку опасно проходить по ней. А улица прогрессивная растянулась на весь міръ, она все ширится и ширится; близится время, когда человѣку и шагу нельзя будетъ сдѣлать по землѣ, какъ въ то далекое время, когда міръ былъ полонъ хищными звѣрями. Смѣю, по собственному опыту, доложить: злѣе, хищнѣе звѣря нѣтъ, чѣмъ прогрессистъ или демократъ. Чѣмъ лѣвѣе, тѣмъ хищнѣе. Да и принципъ демократизма—тѣ же хищническіе, звѣрскіе инстинкты, а прогрессивная солидарность покоится на хищнической, кровной заинтересованности. По всей вѣроятности, и собачья улица имѣетъ свои общіе, кровные, матеріальные интересы; этимъ и объясняется всѣмъ извѣстная собачья солидарность, мѣтко выраженная въ поговоркѣ: „одна собака залаяла, вся улица лаетъ".

Въ этой преступной всемірной организаціи каждая единица, каждый мелкій органъ, каждая отдѣльная организація имѣетъ свою роль и свое значеніе. Силу этой организаціи даютъ вкладчики, такъ какъ, кромѣ чужого добра и дутыхъ фальшивыхъ цѣнностей, у фирмы никакихъ капиталовъ нѣтъ. Вкладчиками состоятъ: всѣ подписчики газетъ, члены всякихъ обществъ, слушатели лекцій народнаго Университета, посѣтители благотворительныхъ концертовъ и спектаклей, сборщики и сборщицы на улицахъ, участники предвыборныхъ собраній, избиратели членовъ Государственной Думы,—словомъ, простодушные обыватели,—попросту говоря, тѣ благородныя животныя, которыхъ стригутъ всѣ, въ рукахъ которыхъ имѣются ножницы. По числу этихъ вкладчиковъ доминирующую роль играютъ газеты. Но и вообще пресса является душой всей организаціи. Она, какъ мы видѣли, даетъ силу, престижъ всѣмъ общественнымъ учрежденіямъ и лицамъ,—она ихъ рекламируетъ, она ихъ афишируетъ; она будитъ, вызываетъ къ жизни, расширяетъ общественность. Подъ ея вліяніемъ каждый Митрофанушка превращается въ героя дня, въ ума палату, въ государственный талантъ; каждая политическая афера, каждый шантажъ —въ благородное предпріятіе; каждая борьба съ вѣтряными мельницами—въ геройскій подвигъ, каждое дутое предпріятіе, каждая стрѣльба изъ пушекъ по воробьямъ—въ великое, государственной важности и мірового значенія событіе; каждое народное несчастье, каждая народная неудача приписывается реакціонерамъ, правымъ, съ тѣмъ, чтобы при первой же удачѣ перемѣнить фронтъ и приписать удачу общественности, общественнымъ силамъ, дѣятелямъ, облеченнымъ довѣріемъ общества (кто ихъ облекъ довѣріемъ, почему ихъ облекли довѣріемъ, когда и какъ ихъ облекли довѣріемъ, это—секретъ Полишинеля). Пресса же связываетъ, цементируетъ всѣ разрозненные тунеядческіе элементы въ одну стройную, крѣпкую организацію, которой она же даетъ колоссальную силу и могущество, превращаетъ ее въ страшное чудовище, въ многоголовую гидру, въ чудовищнаго паука, который своей паутиной опуталъ, захватилъ въ свои сѣти весь міръ.

Каждая газета носитъ громкое названіе, говоритъ отъ имени города, губерніи или области, выражаетъ, яко-бы, ихъ общественное мнѣніе и такимъ путемъ пріобрѣтаетъ огромный престижъ, и вся пресса пріобрѣтаетъ силу, власть общественнаго мнѣнія цѣлой страны, народа. Эта власть пріобрѣтается благодаря молчаливому попустительству тѣхъ вкладчиковъ, которые зовутся читателями, подписчиками газеты. Отъ ихъ имени говоритъ газета, ихъ именемъ она пользуется, ихъ, яко-бы, мнѣніе она выражаетъ. А въ этомъ мнѣніи общество ни душой, ни тѣломъ не повинно. Каждый членъ общества, все общество молчитъ, дрожитъ, трепещетъ передъ печатью; это достигается той системой сплошного лая, который безпрерывно стоитъ на прогрессивной улицѣ. Этотъ лай гонитъ въ дома всѣхъ обывателей, сохранившихъ образъ и подобіе человѣческіе. Обыватель видитъ, какъ прогрессивные хищные звѣри рвутъ на улицѣ его знакомаго, или уважаемаго въ городѣ человѣка; и обыватель стонетъ, льетъ

слезы и молчитъ,—онъ знаетъ, что стоитъ ему высунуть голову или показать носъ,—и его также начнутъ рвать на части. И прячутся въ такихъ случаяхъ обыватели по своимъ погребамъ, подземельямъ, бываютъ рады-радешеньки, когда эта прогрессивная буря пронесется мимо нихъ, не задѣвъ ихъ, рады, что кончилось одной-двумя жертвами и, въ тайникахъ своей души и совѣсти, оплакиваютъ эти жертвы, и вотъ отъ имени этихъ обывателей говоритъ газета, отъ ихъ имени она докладываетъ, что на прогрессивной улицѣ пойманъ воръ и понесъ должное наказаніе. Вѣдь, это же какой-то ужасъ жизни, какой-то шабашъ вѣдьмъ! Вѣдь, это то же крѣпостное иго!

Я бытописую лишь горькую дѣйствительность, на основаніи личныхъ переживаній и на основаніи анализа всего мною видѣннаго, слышаннаго,—того, что происходитъ вокругъ меня и въ мірѣ. Пусть каждый дастъ себѣ трудъ такого строго-объективнаго анализа, и онъ пойметъ, что я въ этой дѣйствительности ничего не прикрасилъ, ничего не убавилъ. Для моего, по крайней мѣрѣ, сознанія ясно, что все то, что зовется прессой и общественностью—есть ничто иное, какъ организація мелкихъ, ничтожныхъ элементовъ человѣчества, нарицательное имя которымъ *Митрофанушки*; духовныя богатства, духовныя силы этихъ элементовъ отличаются большимъ убожествомъ; они неспособны къ тяжелому, скучному, реальному труду, а склонны только къ легкому, веселому труду,—къ труду, словомъ, болонокъ Жужу. Всѣ эти элементы въ отдѣльности—мелки, слабы, ничтожны. Сила ихъ только въ солидарности. Послѣдняя же сильна и крѣпка именно потому, что покоится на общности интересовъ, т.-е. на общемъ стремленіи къ легкой, пріятной жизни, а, главное, на сознаніи, что внѣ организаціи, внѣ солидарности каждый членъ организаціи—полное ничтожество, форменный недоросль. Но всѣ эти элементы, лишенные образа и подобія человѣческаго, лишенные души человѣческой, обладаютъ, однако, всѣми человѣческими слабостями, особенно—страстью къ власти, почету, популярности, богатству и т. п. Разъ у человѣка есть страсть къ богатству, а нѣтъ способностей и охоты къ труду, а, наоборотъ, превалируетъ желаніе добиться богатства легкимъ способомъ,—то, естественно, такому человѣку остается одинъ исходъ: красть, экспропріировать, разбойничать. А развѣ Митрофанушки не сознаютъ, что честнымъ, реальнымъ трудомъ они не могутъ добиться такъ страстно желанныхъ почета и славы? Если же такіе, обиженные судьбой, элементы создаютъ организацію, то для меня ясно, что эта организація преступная и съ преступными цѣлями, что она можетъ стремиться лишь къ тому, чтобы легкимъ, пріятнымъ способомъ добиваться власти, почета, богатства,—т.-е. путемъ аферъ, шантажа, экспропріаціи и т. п. И если кто изъ общественныхъ дѣятелей, положа руку на сердце, клятвенно заявитъ, что ему совершенно чуждо желаніе славы, популярности, почета, власти, богатства или хотя бы одного изъ этихъ элементовъ, то я... беру свои слова назадъ. Но я спокоенъ: мнѣ не придется взять своихъ словъ назадъ, потому, что я высказалъ свое мнѣніе на основаніи глубокаго убѣжденія и знанія тѣхъ людей, о которыхъ повѣствую.

Вѣдь, я иду къ такому убѣжденію и путемъ обратнаго, и математически вѣрнаго силлогизма: каждому человѣку, въ той или иной степени, присуще желаніе славы, почета, власти, богатства; человѣкъ добивается всего этого честнымъ, полезнымъ, реальнымъ трудомъ; добивающійся же этого легкимъ, быстрымъ, пріятнымъ способомъ—ничто иное, какъ аферистъ. Ergo: всѣ прогрессисты, демократы, члены всякихъ прогрессивныхъ партій, всѣ редакторы, издатели, сотрудники газетъ, всѣ избиратели и парламентаріи, всѣ члены всякихъ обществъ, устроители концертовъ, выставокъ, библіотекъ, сборщики на улицахъ и всякіе интеллигенты—аферисты. Отказаться отъ своего заключенія я могъ бы только въ томъ случаѣ, если бы мнѣ было, какъ дважды-два, доказано, что торговля прогрессивнымъ и демократическимъ мелочнымъ товаромъ не есть афера. Но я доподлинно, какъ дважды-два четыре, знаю, что это—афера; я это знаю своимъ умомъ, своимъ сознаніемъ, всей своей душой, всей той правдой, которая живетъ во мнѣ; я это знаю потому, что до этого сознанія я дошелъ длительнымъ, мучительнымъ путемъ,—путемъ сильныхъ душевныхъ переживаній,—а, главное, путемъ упорнаго, реальнаго и тяжелаго труда моей мысли, воли, души—всего моего „я“. Я знаю поэтому то, чего многіе не знаютъ, и я совершенно спокоенъ: никто мнѣ не докажетъ, что я ошибаюсь, потому что тотъ, кто будетъ доказывать, будетъ только болтать языкомъ, потому что въ его доказательствахъ не участвуетъ работа ни ума, ни души,—та работа, которая цѣликомъ вложена въ мои положенія, выводы и заключенія.

Представляется только страннымъ,—какимъ образомъ можетъ существовать годами, даже вѣками, почти повсемѣстно такая афера, такое дутое предпріятіе, живущее только вкладами вкладчиковъ. Представляется страннымъ, непонятнымъ на первый взглядъ, какъ это до сихъ поръ не раскрылись глаза человѣчества, хотя съ самаго возникновенія предпріятія и все время раздаются голоса, всячески старающіеся раскрыть глаза міру. А предпріятіе растетъ, арена его дѣйствій все распространяется, сфера его дѣятельности все расширяется. Конечно, всѣхъ вышеупомянутыхъ элементовъ недостаточно для объясненія этого феномена. Не помогли бы политическимъ аферистамъ ни система тунеядческаго содружества, основаннаго на общей наклонности къ легкой наживѣ; ни система собачьей солидарности, покоящейся на общихъ хищническихъ инстинктахъ къ тому, что плохо лежитъ; ни система круговой поруки, девизъ которой: „твой врагъ—мой врагъ!“; ни система взаимной поддержки, въ которой ни тѣни правды и здраваго смысла; ни система широкой рекламы своихъ и хулы, опорочиванія чужихъ, принимающая характеръ похода на всякаго здравомыслящаго, правдиваго человѣка, на все человѣчество; ни система застращиванія, запугиванія, оставляющая широкую улицу въ полномъ распоряженіи аферистовъ и т. п. Казалось бы, хоть такое простое и печальное явленіе должно бы обратить на себя вниманіе человѣчества: въ прежнее время слава, извѣстность, положеніе пріобрѣтались, и вполнѣ естественно, на склонѣ лѣтъ; теперь же легко добиваются положенія и извѣстности юнцы, передъ которыми даже Керенскій кажется взрослымъ мужчиной. Чѣмъ же

объяснить это ослѣпленіе человѣчества, всего міра? Только той *системой гипноза,* о которой я говорилъ въ предисловіи.

Имѣетъ ли печать сознательную цѣль гипнотизаціи, стремится ли она къ этому умышленно? Думаю, что да. Вѣдь, ея назначеніе—пропагандировать, агитировать, проповѣдывать, а цѣль пропаганды, агитаціи — внушать, — другими словами, гипнотизировать. Собственно, человѣкъ живетъ въ постоянной сферѣ гипноза. Тѣ природныя свойства характера и души, съ которыми человѣкъ родится, остаются у него на всю жизнь, но его поступки, мысли, жизнь, дѣятельность—все подчинено чужой волѣ,—все, въ той или иной степени, подвержено дѣйствію гипноза. Что слыветъ подъ именемъ окружающей среды, обстановки, семейной обстановки, семейныхъ традицій,—вообще народныхъ вѣрованій, традицій, обычаевъ, преданій,—все это входитъ въ область гипнотизаціи. То, что извѣстно подъ именемъ стадности, стадныхъ движеній, основано на гипнозѣ. Чѣмъ инымъ, какъ не гипнозомъ, можно объяснить случай повальнаго кликушества, повальнаго психоза. Наблюдающійся какъ-разъ въ этотъ моментъ повальный психозъ размѣна на мелкую монету, по моему мнѣнію, несомнѣнно, гипнотическаго характера. Особенно поддаются гипнозу женщины, и женскія моды—результатъ этой податливости. Мало ли, по исторіи человѣчества, проходитъ передъ нами необыкновенныхъ войнъ, нашествій, движеній, событій, которыя легко объясняются состояніемъ общаго гипноза. Упомяну хоть о крестовыхъ походахъ и о великомъ переселеніи народовъ. Я убѣжденъ, что если бы ко многимъ историческимъ событіямъ подойти съ точки зрѣнія гипноза, можно было бы сдѣлать много интересныхъ открытій, и многое стало бы намъ ясно. А что сказать про то теченіе мыслей,—такъ называемое общественное мнѣніе,—которое присуще каждому моменту, каждому поколѣнію, каждому вѣку, и которое мѣняется съ каждымъ моментомъ, съ каждымъ вѣкомъ. Это не прогрессъ мнѣній, это именно смѣна, и что вчера казалось святымъ, то сегодня кажется смѣшнымъ. Человѣчество просто переходитъ отъ одного заблужденія къ другому, и этотъ переходъ объясняется просто смѣной гипнотическихъ сеансовъ. Общественное мнѣніе представляетъ именно заблужденіе, продуктъ какого-то посторонняго вліянія, внушенія; будь оно плодомъ живой, упорной работы ума и души, внѣ постороннихъ вліяній,—оно не мѣнялось бы. То, что является плодомъ реальной, мыслительной работы, что основано на реальной жизни, что руководится правдой жизни—то истина, то вѣчно и неизмѣнно. Дарвиновскій законъ борьбы за существованіе, къ примѣру, пройдетъ черезъ всѣ горнила, черезъ всѣ испытанія и останется вѣчной истиной, хотя этотъ законъ жестокъ, прозаиченъ, непривлекателенъ. И пусть на смѣну его человѣчество изобрѣтаетъ одни демократическіе, отвлеченные идеалы за другими, все выше и выше,—всѣ идеалы рухнутъ и потонутъ, всякое создаваемое ими общественное мнѣніе безслѣдно исчезнетъ въ потокѣ временъ, а истина, открытая Дарвиномъ, останется нерушимой. Развѣ не ясно, что въ ученіяхъ, въ идеалахъ нѣтъ истины, что каждое ученіе, каждый идеалъ несетъ міру новое заблужденіе?

Вотъ это общественное мнѣніе,— вѣрнѣе, заблужденіе даннаго времени, даннаго поколѣнія,—встрѣчаетъ человѣка съ момента его рожденія, провожаетъ его всю жизнь. Эта общественная атмосфера такъ же незамѣтно окружаетъ, давитъ на человѣка, какъ и воздушная. Эта безсознательная, такъ сказать, фатальная гипнотизація поддерживается той сознательной гипнотизаціей, которая зовется воспитаніемъ, и даже той, которая зовется образованіемъ юношества. Каждый урокъ воспитанія—гипнотическій сеансъ, каждая система воспитанія—рядъ сеансовъ; объектъ внушенія фатально вращается въ кругу ходячихъ мнѣній, общественныхъ теченій и общественнаго мнѣнія даннаго момента. То же значеніе имѣетъ дѣтская литература, дѣтскіе журналы и т. п. Все пропитано господствующимъ общественнымъ мнѣніемъ, все передаетъ, внушаетъ ребенку это мнѣніе. Да никто и не скрываетъ цѣли воспитанія—поучать, внушать.

Я уже имѣлъ поводъ отмѣтить, что каждое поученіе несетъ въ себѣ элементъ насилія, стремясь передать, внушить готовыя, универсальныя истины и сентенціи, вродѣ того, что „ученье свѣтъ, неученье—тьма.“ Это стремленіе создаетъ нравоучительную литературу, нравоучительную систему воспитанія, и я не представляю себѣ ничего безсмысленнѣй этой системы, потому что безжизненныя, какъ всѣ универсальныя истины, нравоученія эти отвлекаютъ юношество отъ жизни, дѣлаютъ для него на всю жизнь чуждыми правду жизни и тѣ тяжелыя требованія, которыя предъявляетъ къ человѣку жизнь. Такимъ образомъ, эта система приноситъ огромный вредъ, съ дѣтства впитывая въ человѣка ядъ интеллигентнаго тунеядства,—другими сovами, бюрократизма, который, за рѣдкими исключеніями, не оставляетъ человѣка до конца дней его. Это явленіе,—этотъ, такъ сказать, недугъ присущъ почти всему человѣчеству и находится онъ въ причинной связи съ другимъ колоссальнымъ міровымъ заблужденіемъ. Къ сожалѣнію, заблужденіе это—совершенно изъ другой области; изложеніе, выясненіе его отвлекло бы меня далеко въ сторону отъ главной задачи моей настоящей брошюры, поэтому заблужденію этому я, въ свое время, посвящу особую, спеціальную бесѣду, и тогда, можетъ-быть, станетъ понятнымъ то, что осталось неяснымъ для нѣкоторыхъ въ настоящей бесѣдѣ.

А школьная, гимназическая или университетская обстановка развѣ не находится во власти общественнаго мнѣнія, развѣ, со своей стороны, она не гипнотизируетъ, въ извѣстномъ направленіи, умъ, волю, сознаніе не только учащихся, но и учащихъ? То, что зовется университетской автономіей—есть, по существу, подчиненіе окружающему гипнозу, и каждая автономія фатально подчиняется гипнотизирующимъ силамъ, со всѣхъ сторонъ дѣйствующимъ на нее. Въ школьной автономіи нѣтъ мѣста индивидуализму; тамъ мѣсто слабовольнымъ натурамъ, плывущимъ по теченію, подчиняющимся требованіямъ стадности и третирующимъ, бойкотирующимъ всякое проявленіе оригинальной индивидуальности, сильной воли. На этой почвѣ произошла нашумѣвшая недавно исторія въ Харьковскомъ университетѣ со студентомъ-академистомъ,—кажется, Арутиньянцемъ,—

или убійство студентомъ-академистомъ другого студента. Вина обоихъ академистовъ заключалась въ томъ, что они не желали подчиняться требованіямъ безразсуднаго большинства, состоявшаго изъ безвольныхъ, загипнотизированныхъ ничтожествъ. Я теперь издали понимаю состояніе души всѣхъ этихъ академистовъ, просто—нормальныхъ, реальныхъ, правдивыхъ людей среди этого сонма бѣснующихся, фанатичныхъ, загипнотизированныхъ, невѣдомо что творящихъ, больныхъ людей, которые зовутся учащейся молодежью, цвѣтомъ и надеждой народа.

И въ дальнѣйшей жизни человѣка и во всей его жизни, на какую бы службу онъ ни поступилъ, въ какихъ бы условіяхъ ни очутился, всюду и вездѣ преслѣдуетъ его, слѣдуетъ за нимъ по пятамъ гипнотизирующая сила традицій, отношеній, составляющихъ, со своей стороны, продуктъ, результатъ всевозможныхъ гипнотическихъ сеансовъ. Не дай Богъ итти противъ традицій, будь то традиціи студенческія, традиціи земства, традиціи военныя и т. п. Прослывешь еще черносотенцемъ и реакціонеромъ. Развѣ все это не какая-то сатанинская путаница понятій? Человѣкъ хочетъ быть истиннымъ человѣкомъ, имѣть свою собственную волю, свою собственную душу, хочетъ жить не по традиціямъ, а по правдѣ,—по истинной, жизненной правдѣ,—и его ругаютъ реакціонеромъ, черносотенцемъ, поносятъ, бойкотируютъ. Такъ и хочется крикнуть: „правда, здравый мыслъ! Гдѣ же вы?“

Не знаю, удалось ли мнѣ сдѣлать яснымъ для сознанія другихъ то, что ясно для моего сознанія: что міровая правда и здравый смыслъ находятся подъ большимъ сомнѣніемъ, потому что весь міръ фатально находится подъ гипнозомъ. Можно представить себѣ, какъ велико гипнотизирующее вліяніе печати, поставившей себѣ цѣлью направлять общественное мнѣніе въ томъ направленіи, которое стоитъ на знамени газеты. Разъ газета обѣщала прогрессивно-демократическій товаръ,—она должна его давать, она должна пріучать къ нему публику, она должна будить вкусъ къ этому товару, она должна, наконецъ, вызывать къ нему потребность, послѣднюю все усиливать и доводить до бѣлаго каленія. Это такъ просто, что, мнѣ кажется, доступно пониманію даже пятилѣтняго ребенка. Я не имѣю при этомъ въ виду стремленія газеты привлекать подписчиковъ какими-нибудь извѣстными именами, бойкими, хлесткими фельетонами, статьями какого-либо члена Думы, богатствомъ провинціальнаго отдѣла, быстротой и новизной доставляемыхъ свѣдѣній и т. п. Все это относится къ области коммерческихъ талантовъ, такъ какъ, не надо забывать, каждая газета, по существу, коммерческое предпріятіе; къ сожалѣнію, это именно забываютъ, потому что, если бы это постоянно помнили, никакого довѣрія не питали бы къ газетамъ. Я не имѣю даже при этомъ въ виду неизбѣжные элементы каждой газетной торговли, каждаго газетнаго органа,—тѣ элементы, которые присущи каждой торговлѣ, и которые выражаются мѣткой поговоркой: „не обманешь, не продашь!“ Я игнорирую поэтому всю ту ложь, которой, естественно, пропитана газета; вѣдь, надо показать товаръ

лицомъ,—поэтому всѣ дыры, всѣ изъяны „прогресса“ тщательно скрываются, затушевываются, еще тщательнѣе скрывается оборотная сторона медали; съ конкурентами не стѣсняются, еще менѣе стѣсняются съ тѣми, которые хотятъ раскрыть глаза обществу и показать ему, что газетные торговцы, подъ видомъ прогресса,—котораго, собственно, въ обращеніи нѣтъ и не можетъ быть,—преподносятъ всякую заваль, грубыя поддѣлки и просто гниль; я игнорирую всю ту ложь, клевету, которыя выливаются на такого несчастнаго изъ зловонныхъ газетныхъ лужъ, всѣ тѣ провокаторскіе пріемы, къ которымъ прибѣгаютъ газетные торгаши. Хотя считаю долгомъ напомнить то, что мною сказано было въ предисловіи,—именно, что всѣ эти провокаторскіе, чисто-іезуитскіе пріемы даютъ газетѣ полную безнаказанность, и это сознаніе, въ связи съ той силой, тѣмъ значеніемъ, которыя пріобрѣла газета въ наше время, превращаетъ ее въ диктатора не только по отношенію къ обывателямъ, но даже къ административнымъ лицамъ. Возраженія, письма въ редакцію дѣлу не помогутъ, и только повредятъ пишущему; объ этомъ уже постарается редакція; рѣдко-рѣдко кому охота обращаться къ суду; да и не всегда поможетъ судъ; газетные іезуиты чисто обдѣлываютъ свои дѣла; они казнятъ, но такъ казнятъ, что жертва не въ состояніи пискнуть. Остается одинъ исходъ, къ которому я и прибѣгаю: изданіе брошюры. Но не всякій въ состояніи издавать брошюру, не у всякаго охота есть, не всякій захочетъ потратить на брошюру свои послѣднія сбереженія, потому что такая брошюра ни выгодъ, ни почета не даетъ. Нужно поэтому только представить себѣ комбинацію силы и власти, съ полной безнаказанностью, для того, чтобы представить себѣ всю омерзительность пріемовъ, къ которымъ могутъ прибѣгать и прибѣгаютъ газеты. Моя мысль станетъ понятна, если я напомню о средневѣковыхъ всесильныхъ феодалахъ. Какой-нибудь баронъ устраивалъ себѣ неприступный замокъ въ горахъ, и оттуда грабилъ, убивалъ, насиловалъ, издѣвался надъ мирными жителями или путниками; а скрывшись со своей бандой за рвами, валами и мостами своей крѣпости, чувствовалъ себя въ полной безопасности. Газета—та же крѣпость, изъ-за которой редакторъ-издатель со своей бандой псевдонимовъ дѣлаетъ вылазки на администрацію, на земскихъ, городскихъ дѣятелей и, вообще, на обывателей, мучитъ, терзаетъ, издѣвается, позоритъ, а затѣмъ, укрывшись за газетными окопами, чувствуетъ себя въ полной безопасности, и такимъ путемъ держитъ всю округу въ страхѣ и въ трепетѣ. Чѣмъ не средневѣковый баронъ? А, вѣдь, каждый баронъ—былъ крѣпостникомъ. Такъ не ясно ли, что каждый редакторъ или сотрудникъ газеты — форменный крѣпостникъ; каждая газета — крѣпость крѣпостника, а вся пресса — крѣпостное иго? И каждому газетчику, каждому интеллигенту,—которые, въ сознаніи своего интеллигентнаго, своего баронскаго благородства, называютъ дворянъ зубрами, крѣпостниками,—я посовѣтовалъ бы вспомнить нравоученіе: „чѣмъ кумушекъ считать трудиться, не лучше ли, кума, на себя оборотиться?“ Отъ себя лично я это особенно совѣтую г.г. Еланчичу и Куд-

рявцеву,—редактору и секретарю „Волжскаго Края", „Собачьяго Лая" то жъ.

Повторяю, я игнорирую всѣ эти милые торгашескіе пріемы, хотя они имѣютъ въ виду вызвать извѣстное настроеніе и, несомнѣнно, создаютъ извѣстное настроеніе въ читающей публикѣ. Я имѣю, главнымъ образомъ, въ виду эту систематическую монотонность, это однообразное прогрессивное тиканье газеты изо-дня въ день. Монотонность эта, несомнѣнно, сознательная,—она возведена въ принципъ, въ систему, быстро передается отъ одной газеты въ другую, и получается заунывно-однообразный прогрессивно-демократическій звонъ, —тотъ газетный концертъ, который рѣжетъ всякое непривычное ухо, но который такъ пріятенъ и необходимъ уху привычнаго читателя газетъ. Вотъ эта монотонность,—вѣрнѣе, система монотонности,— гипнотизируетъ читателя, окончательно убиваетъ въ немъ волю и мысль. Что такое реклама, какъ не гипнозъ, и секретъ этого гипноза именно въ монотонности этой рекламы, въ ея систематическомъ повтореніи изо-дня въ день.

У каждаго—своя любимая газета, и каждый, несомнѣнно, убѣжденъ, что онъ сознательно выбралъ себѣ газету по своему вкусу и потребностямъ. Но у каждаго и свой любимый чай, и свой любимый табакъ и т. п. Во всѣхъ этихъ случаяхъ на-лицо одна простая и безсознательная привычка. Газета пріучила къ себѣ читателя, постепенно овладѣла его сознаніемъ, волей, вкусами и привычками. Читатель ждетъ отъ газеты того-то, и заранѣе знаетъ, что газета ему это именно дастъ. Словомъ, газета загипнотизировала читателя, направила его мысли, желанія, привычки въ извѣстное русло, и читатель ничего другого не въ состояніи видѣть и сознавать. Была и у меня любимая газета—„Русскія Вѣдомости". Воспитывался я на ней еще съ гимназической скамьи, на студенческой—не разставался. Началось съ того, что кто-то сказалъ, что всякому порядочному человѣку обязательно надо читать „Русскія Вѣдомости". Кому же не хочется быть порядочнымъ человѣкомъ? Благо, когда для этого притомъ существуетъ легкій способъ. И я тутъ же задѣлался читателемъ „Рус. Вѣд." и „порядочнымъ" человѣкомъ, а потомъ мнѣ и самому стало казаться, что кто не читаетъ этой газеты, тотъ, значитъ, непорядочный человѣкъ, невѣжда, идіотъ, которому не доступно ничто благородное, высокое, ergo—прогрессивное. Читать „Русскія Вѣдомости" —значитъ раздѣлять взгляды и мысли этой газеты, а мысли все такія благородныя, идеалы все такіе высокіе: о конституціи, свободахъ, равенствѣ. Съ какимъ презрѣніемъ, бывало, посмотришь на газеты, на обложкѣ которыхъ напечатано: „Новое Время" или: „Московскія Вѣдомости", съ какимъ сожалѣніемъ смотришь, бывало, на несчастныхъ читателей этихъ газетъ; представляешь себѣ, что это человѣкъ, лишенный ума, лишенный пониманія прекраснаго, благороднаго. А самому себѣ ты казался просто титаномъ, хранилищемъ этого самаго прекраснаго и благороднаго, и только потому, что, наравнѣ съ „Русскими Вѣдомостями", вѣрилъ, что необходима конституція,

отвѣтственное министерство, всякія свободы, соціальное и другое равенства. Я теперь понимаю, что все это мнѣ представлялось чрезвычайно заманчивой и интересной игрушкой, а обладатель этой игрушки представлялся счастливымъ и благороднымъ рыцаремъ—точь-въ-точь, какъ дѣти, которыя о благородствѣ, умѣ, богатствѣ человѣка судятъ по игрушкѣ, находящейся у него въ рукахъ. Все это, несомнѣнно, рисовало мнѣ,—какъ я убѣжденъ,—и другимъ всякія веселыя, радужныя картины, все это весьма пріятно щекотало воображеніе; начнутся, молъ, выборы, собранія, рѣчи; ты становишься гражданиномъ, фигурой, отъ которой будетъ зависѣть ходъ и темпъ государственной жизни; будетъ весело, пріятно; наступитъ миръ, всѣ будутъ богаты, всѣ будутъ счастливы; каждый превратится въ Цинцинната; сегодня пастухъ, а завтра—министръ, а черезъ день—опять пастухъ. Я теперь ясно представляю себѣ свои ощущенія, и мнѣ стыдно за эти дѣтскія переживанія, отъ которыхъ, къ счастью, я освободился, и отъ которыхъ многіе, къ своему несчастью, не могутъ освободиться. Но я понимаю, что во мнѣ, очевидно, жила страстная жажда именно правды. Я убѣжденъ, что эта жажда правды живетъ во многихъ убѣжденныхъ прогрессистахъ. Но какъ далека эта правда отъ всѣхъ этихъ прогрессивныхъ идеаловъ, — вѣрнѣе, какъ далеки идеалы отъ правды. Вотъ, въ чемъ я успѣлъ убѣдиться, и въ чемъ до сихъ поръ многіе не удосужились убѣдиться. Боже, какая смертная тоска и уныніе, какая душевная пустота мучили, терзали меня послѣ событій 1905 года, когда, наконецъ,—какъ мнѣ казалось,—дана была конституція, и когда, на мѣсто жданыхъ мира и правды, воцарились ложь, неправда, шантажъ,—когда началось какое-то вавилонское столпотвореніе, и когда я понялъ, что идетъ просто борьба хищныхъ звѣрей изъ-за лакомаго куска дичи! Я оцѣпенѣлъ отъ ужаса и отъ горя, и долгое время находился въ состояніи оцѣпенѣнія, тѣмъ болѣе тягостнаго, что я не понималъ, не въ состояніи былъ уяснить себѣ причины этого ужаса, всѣхъ этихъ цвѣточковъ конституціи; въ то же время я понималъ, что ягодки еще впереди. Въ такомъ состояніи оцѣпенѣнія я началъ свою работу въ земствѣ. Повидимому, отъ природы моей душѣ присущъ реальный индивидуализмъ, и эту черту характера я внесъ въ свою земскую работу. Эта черта характера—полная противоположность интеллигентному тунеядству; послѣднее же, въ лицѣ псевдо-третьяго элемента, глубоко въѣлось въ земскій организмъ. Назрѣвалъ у меня естественный конфликтъ, и начались личныя переживанія, частью изложенныя мною въ брошюрѣ „Донъ-Кихоты и фарисеи нашихъ дней“. Мнѣ пришлось на себѣ самомъ испытать всю ложь, злобу, дикое насиліе,—словомъ, всѣ прелести демократическаго кликушества; мнѣ пришлось выйти изъ своего оцѣпенѣнія и задать колоссальную работу своему уму и своей душѣ. Тогда-то я постепенно постигъ то, что я излагаю въ своей бесѣдѣ,—именно, что и я, какъ и весь міръ, находился въ состояніи полной прострації ума и воли; что всѣ эти свободы такъ же далеки отъ правды, какъ небо отъ земли; узналъ я также, что передъ моими глазами идетъ не борьба хищныхъ звѣрей изъ-за куска мяса, а идетъ борьба шакаловъ и воро-

новъ изъ-за падали, потому что всѣ эти начала великой Французской революціи, всѣ эти парламентскія ягоды, соціальныя лакомства,—всѣ, словомъ, дьявольскія, красивыя, привлекательныя новинки и игрушки,—ничто иное, какъ мертветчина, безжизненная, протухшая гниль. Постигъ я также, что нѣтъ и не должно быть отвлеченной правды,—правды самой по себѣ,—что даже правда должна быть жизненной и что правда только въ жизни, въ ея вѣковѣчныхъ законахъ, и что правда только въ той человѣческой душѣ, которая считается съ жизнью и ея законами.

Понялъ я, что всякое ученіе, всякая философская система—просто игрушка, пріятная новинка для тѣхъ милліардовъ людей, которые никакъ не могутъ выйти изъ дѣтскаго возраста. Чѣмъ идеалъ выше, безжизненнѣй, несбыточнѣй, тѣмъ новинка красивѣй, эфектнѣй, заманчивѣй. Понялъ я, что всѣ эти ученые, всѣ философы, моралисты—ничто иное, какъ изобрѣтатели дѣтскихъ игрушекъ; а такъ какъ нѣтъ ничего легче, какъ доставить удовольствіе и угодить дѣтямъ, то на этомъ поприщѣ изобрѣтатели легко и быстро пріобрѣтаютъ славу и популярность. И если бы меня прельщала такая слава, то трудно развѣ изобрѣсти игрушку, передъ которой померкнетъ даже слава толстовства. Нате, дѣтки, получайте:

„Ученіе Толстого гласитъ: „не противься злу насиліемъ!“ Вотъ такое-то ученіе современники признали великимъ, и надо только удивляться низкому состоянію моральныхъ цѣнностей и низкой ихъ оцѣнкѣ современниками, если такое черствое, сухое ученіе могло сойти за великое. Вѣдь, оно предполагаетъ, что человѣкъ долженъ противиться злу, но только не насиліемъ; вѣдь, это ученіе ничего не говоритъ также о назначеніи человѣчества, оно поражаетъ своей туманностью и не даетъ никакихъ реальныхъ указаній, какъ ученіе это воплотить въ жизни. На мѣсто этого черстваго и туманнаго лозунга я ставлю лозунгъ: „иди навстрѣчу, земно кланяйся злу и насилію!“ Это лозунгъ говоритъ о томъ, что человѣкъ рожденъ только для самопожертвованія, только для однѣхъ жертвъ. Наконецъ, благодаря этому ученію, человѣкъ можетъ найти реальныя основы для своего идеала, для своего самопожертвованія. Какъ извѣстно, существуетъ много звѣрей, рыбъ, всякихъ морскихъ и земныхъ гадовъ, которые не только не брезгуютъ человѣческимъ мясомъ, но которымъ оно приходится очень по вкусу. Назначеніе человѣка—приносить себя въ жертву, отдавать себя на съѣденіе всѣмъ этимъ гадамъ, предварительно, конечно, подкормивъ себя такъ, какъ, въ былое время дикихъ человѣческихъ нравовъ, подкармливали свиней, гусей, утокъ, и какъ, вѣроятно, не разъ подкармливали ихъ для Льва Толстого. Человѣкъ, съ перваго же дня рожденія, долженъ готовить себя къ этой святой своей обязанности,—долженъ всѣ мысли, всѣ старанія, заботы направлять къ одной высокой цѣли, къ тому великому акту, который долженъ служить вѣнцомъ человѣческой жизни и дать послѣдней и великій смыслъ, и великую цѣль. Никакихъ заботъ, никакихъ волненій, никакихъ человѣческихъ страстей! Одни удовольствія, полное спокойствіе, ѣда и

питье вдоволь, лишь бы полнѣть, толстѣть и жирѣть, чтобы всѣмъ этимъ гадамъ, любителямъ человѣческаго мяса, было что поѣсть и о чемъ вспоминать. Когда же человѣкъ станетъ похожъ на хорошо откормленную іоркширскую свинью, тогда онъ совершаетъ послѣдній великій актъ своей жизни, ради котораго онъ родился на свѣтъ: бросается въ море на съѣденіе акуламъ и другимъ морскимъ гадамъ, или отправляется въ лѣса, въ пустыни, джунгли,—словомъ, въ тѣ мѣста, гдѣ водятся львы, тигры, крокодилы, змѣи и т. п. твари, и съ радостью и съ восторгомъ отдаетъ свое жирное тѣло на питаніе, и, какъ говорится, на здоровье всѣмъ этимъ милымъ созданіямъ. Въ заключеніе, скажу только, что я, творецъ этого ученія, самъ бы отправился немедленно въ Индію и отдалъ бы безропотно свое тѣло первому же тигру, но такъ какъ мнѣ необходимо проповѣдывать и пропагандировать мое ученіе, то мнѣ придется отказаться отъ этого счастья слышать, какъ трещатъ мои кости въ зубахъ бенгальскаго тигра. Надо сказать, что это самые пріятные и музыкальные звуки, какія только раздавались въ мірѣ. И ради только успѣховъ моему ученію, мнѣ придется отказаться отъ счастья принимать участіе въ этомъ пріятнѣйшемъ и единственномъ въ мірѣ концертѣ."

Чѣмъ моя игрушка не занятнѣй той игрушки, которую придумалъ Толстой. Но если мое ученіе обречено на безвѣстность и погибнетъ втуне, то только потому, что я его представилъ въ смѣшномъ видѣ, и только потому, что я не торгую и совсѣмъ не намѣренъ торговать дѣтскими игрушками. Но если бы нашелся такой любитель, то это ученіе для него сущій кладъ. Надо быть только любителемъ, увлекаться этимъ спортомъ и увлечься какой-либо идеей. Надо, конечно стать фанатикомъ этой идеи; остальное дѣлается само собой. Пишется исповѣдь,— все въ красивой формѣ, въ изящномъ изложеніи, красивымъ слогомъ. Гдѣ фанатизмъ, тамъ пылъ, горячность, тамъ вѣра, а гдѣ то, и другое, и третье, тамъ много гипнотическаго внушенія, много послѣдователей,—другими словами, лицъ, легко поддающихся внушенію,—и готова партія, секта, орденъ и т. п. Въ числѣ ученій было не мало безумныхъ, безсмысленныхъ, дикихъ, и, тѣмъ не менѣе, каждое находило послѣдователей. То ученіе, которое я предложилъ, выгодно отличается отъ другихъ безумствъ своимъ реализмомъ, и если какой-либо торговецъ дѣтскими игрушками ищетъ ходкій товаръ, то я рекомендую свою игрушку; ей предстоитъ большое будущее, и она быстро дастъ славу и популярность.

Я ясно помню, съ какой вѣрой принималось каждое слово моей „любимой" газеты. Ни малѣйшихъ колебаній, ни малѣйшихъ сомнѣній; полное душевное спокойствіе и только потому, что собственная мысль дремала, собственная природная душа была какъ-бы закована, и все проходило мимо нихъ, не задѣвая. Я теперь ясно понимаю, что это былъ гипнозъ, потому что когда мои собственная мысль и душа очнулись и заговорили, то онѣ заговорили совсѣмъ по иному,—заговорили такъ, какъ я ихъ разговоръ излагаю въ брошюрѣ. И я понимаю, что загипнотизировало меня, гипнотизируетъ другихъ, это—изо-дня въ день

повторяющееся прогрессивное тиканье. Выплываетъ какой-нибудь вопросъ; начинаетъ его, согласно прогрессивнымъ традиціямъ, жевать одинъ писака, завтра—другой, потомъ—третій и т. д.,—жуютъ въ стихахъ и въ прозѣ; затѣмъ идутъ перепечатки изъ другихъ газетъ,—словомъ, получается однообразный и безпрерывный звукъ,—какъ извѣстно, для гипноза весьма необходимое условіе. Или вспоминаю эту магическую букву I. (Іоллосъ). Эти чудныя, дивныя письма изъ Германіи. Говорятъ, на нихъ воспитывалась интеллигентная Россія того времени. Это совершенно вѣрно, если слово „воспитаніе“ замѣнить словомъ „гипнозъ“. Возьмешь, бывало, газету въ руки и первымъ дѣломъ смотришь, есть ли буква „I“. Если находишь, то твоей радости нѣтъ предѣла; лучшаго праздника не надо, и лучшаго не бывало. Письма эти, написанныя красивымъ, задушевнымъ и увлекательнымъ слогомъ, рисовали далекую, прекрасную и райскую страну, въ которой жилось, какъ въ раю. Въ странѣ—рейхстагъ, а въ рейхстагѣ—народные представители; и все такіе милые, славные; Вирховы, Рихтеры, Бебели; а какъ хорошо, симпатично говорятъ; не говорятъ, а поютъ, что̀ твой соловей; не читаешь ихъ рѣчи, а заслушиваешься; и все за народъ, за правду заступаются; министровъ ни въ грошъ не ставятъ; такую проборку даютъ, что мое почтеніе; а то просто запросы дѣлаютъ; министръ, самъ Бисмаркъ, какую-нибудь ерунду скажетъ, глупость сморозитъ,—а Рихтеръ ему умнѣйшую рѣчь скажетъ; эти рѣчи я теперь скопировалъ для рѣчи о пожарахъ; послѣ Рихтера встаетъ консерваторъ и тоже говоритъ, но злую и глупую рѣчь; просто удивительно, какъ это его выбрали въ парламентъ и слушаютъ его; но зато послѣ консерватора встаетъ самъ Бебель, и такую умную, преумную рѣчь говоритъ, что только слюнки глотаетъ; достается этому консерватору и всѣмъ министрамъ такъ, что будь я министромъ, со стыда и носа въ рейхстагъ не показалъ бы; а министръ этотъ самый послѣ Бебеля встаетъ и опять какую-то ерунду говоритъ; и достается ему послѣ этого отъ Вирхова и т. д., и т. д. Читаешь эти письма изъ Германіи и зачитываешься; вотъ бы хорошо, думаешь, если бы у насъ такую музыку завести. Увы! Теперь я понимаю, что это были только мелкія, бабьи парламентскія сплетни; что это былъ разсказъ пятилѣтней дѣвочки своимъ подругамъ о какой-то интересной игрѣ, которую она видѣла или въ которой даже сама участвовала. О, Боже! Какой стыдъ, какой позоръ! Одни взрослые люди забавляются, рѣзвятся въ парламентахъ, другіе забавляются, играя въ выборы; а, рѣзвясь и играя, выбираютъ первыхъ; третьи рѣзвятся, бездѣльничаютъ въ обществахъ, союзахъ, митингахъ, цвѣточныхъ дняхъ, выставкахъ; четвертые бездѣльничаютъ въ газетахъ, а всѣ остальные—читаютъ и отравляются этимъ газетнымъ бездѣльемъ. Однѣ дѣтскія игры съ раздачей призовъ изъ дѣтскихъ игрушекъ и сластей. Какъ стыдно за себя, за свое человѣческое достоинство, какъ обидно за потерянное въ бездѣльѣ время! Какъ обидно за человѣчество, за весь міръ, который въ этомъ проклятомъ очарованномъ снѣ продолжаетъ рѣзвиться, развлекаться и все больше и больше забываетъ мудрый завѣтъ Бога: „въ потѣ лица своего добывай свой хлѣбъ!“ И если ка-

кой-нибудь членъ парламента, газетчикъ или писатель, членъ какого-либо общества, — вообще — популярный общественный дѣятель,— положа руку на сердце, скажетъ и докажетъ, что вся его общественная дѣятельность не доставляетъ ему однихъ развлеченій, сплошного удовольствія, что она требуетъ отъ него реальнаго труда и причиняетъ ему реальное горе, реальныя страданія, — то я беру свои слова назадъ. Прошу только глубоко заглянуть въ свою душу и правдиво проанализировать все, происходящее въ душѣ, всѣ свои душевныя переживанія.

Что зовется „любимой газетой", что зовется направленіемъ газеты, то и представляетъ гипнотизирующую монотонность газеты,— другими словами, газета является не выразительницей, а создательницей общественнаго мнѣнія. Мнѣ кажется, трудно отрицать правильность этого положенія; дѣйствительность даетъ слишкомъ много фактовъ въ подтвержденіе его. Для меня внѣ сомнѣнія, что эта монотонность основана на упомянутыхъ выше общности и солидарности интересовъ. Сознательная ли эта солидарность или инстинктивная,—это, по существу, безразлично; важно признать, что солидарность—логическій неизбѣжный продуктъ интеллигентскаго тунеядства; послѣднее же лежитъ въ основѣ всемірной прогрессивно-демократической профессіи. Отсюда понятно, что гипнотизирующая монотонность пропитываетъ весь прогрессивно-демократическій организмъ со всѣми его развѣтвленіями, со всѣми его отдѣлами,—т.-е. всю печать, всѣ общества, союзы, собранія, съѣзды, — словомъ, всю ту организацію, которую я назвалъ выше прогрессивно-демократической монархіей. И нѣтъ никакой разницы между безпартійно-прогрессивной газетой въ Кіевѣ, Костромѣ, Владивостокѣ. Изъ Самары можете очутиться въ Одессѣ, Калугѣ или Ташкентѣ, и вездѣ за вами, по пятамъ, будетъ слѣдовать ваша „любимая газета", хотя она и будетъ носить разныя названія. Или — побывали вы въ обществѣ охраненія народнаго здоровья въ Самарѣ, въ обществѣ врачей въ Костромѣ, въ обществѣ народныхъ Университетовъ въ Томскѣ, въ обществѣ юристовъ въ Петроградѣ — и диву даешься, какъ тотъ французикъ изъ Бордо, который „ни звука русскаго, ни русскаго лица не встрѣтилъ". И вамъ кажется, что будто вы изъ Самары и не выѣзжали, и какъ будто всѣ эти Кугушевы, Кряжимскіе, Клафтоны, Кудрявцевы, Цодиковы, Городецкіе, Гавриловы путешествуютъ вмѣстѣ съ вами по городамъ и весямъ и устраиваютъ общества, собираются, рѣчи говорятъ. Такъ все монотонно, однообразно, уныло и постыло, такъ все дѣтски-безсмысленно. Жизнь какъ будто застыла, замерла. И нуженъ же такой траги-комизмъ, чтобы эту мертвечину, гниль выдавать за прогрессъ.

А что дѣлаютъ и говорятъ въ обществахъ, то дѣлаютъ и говорятъ въ Государственной Думѣ, а что дѣлаютъ и говорятъ въ Думѣ, о томъ пишутъ въ газетахъ, о томъ говорятъ въ обществахъ, а что пишутъ въ газетахъ, о томъ говорятъ въ обществахъ и въ Думѣ. Какой-то кругооборотъ монотонности и унынія. А траги-комизмъ въ томъ, что этотъ кругооборотъ монотонности, это сплошное мертвое

царство зовутъ общественностью, мобилизаціей общественныхъ силъ и т. п. А что говорили, какъ говорили въ Думѣ десять лѣтъ назадъ, то говорятъ и такъ говорятъ въ теченіе уже десяти лѣтъ, и такъ будутъ говорить десятки и сотни лѣтъ, если только это стихійное бѣдствіе, эта ниспосланная народу русскому египетская кара волей Божьей и Самодержавнаго Русскаго царя не будетъ ликвидирована.

Словно электрическимъ токомъ перекатывается монотонная и заунывная прогрессивно-демократическая пѣсенка отъ газеты къ газетѣ, отъ газеты къ обществу, отъ общества къ обществу, отъ общества къ газетѣ. Ни слѣда творчества, иниціативы, ни живой работы мысли и души. Создается заунывнѣйшій въ мірѣ концертъ, который усыпляетъ мысль, волю. А развѣ дѣтскія игры не отличаются монотонностью и однообразіемъ. Какъ играли дѣтки „въ папу и маму", „въ солдаты", такъ и играютъ. Сами по себѣ дѣтскія игры не прогрессируютъ и не разнообразятся, а мѣняются они сообразно измѣнившимся условіямъ жизни; когда-то дѣти играли въ лошадокъ, а теперь больше въ желѣзную дорогу. Но есть другая особенность дѣтскихъ игръ; начали въ дѣтской играть въ желѣзную дорогу; все, что только передвигается, будетъ пущено въ оборотъ, если дать только дѣтямъ свободу; пойдутъ въ ходъ кровати, подушки, стулья, тюфяки, ящики изъ комодовъ и т. п. Стоитъ только ослабить надзоръ,—выразить, такъ сказать, передовѣріе дѣтскому здравомыслію, — и желѣзная дорога переѣдетъ изъ дѣтской въ столовую, составъ вагоновъ увеличится столовыми стульями, столикомъ изъ-подъ самовара и другой мебелью, при этомъ произойдетъ нѣсколько крушеній всякой посуды, что, конечно, нисколько не смутитъ малышей, такъ какъ до состава ихъ поѣзда особаго отношенія не имѣетъ, а составъ поѣзда—ихъ главная цѣль. Дальше—больше; все больше разгораются аппетиты, дѣти входятъ въ большій азартъ. Для дѣтей „нужны приказанія, а не циркуляры", какъ весьма мѣтко, по другому весьма подходящему случаю, выразился въ Государственномъ Совѣтѣ Дурново, одинъ изъ „старцевъ", въ мизинцѣ котораго больше житейскаго опыта, знанія жизни, государственной мудрости, чѣмъ у всѣхъ борзописцевъ изъ породы Дорошевичей, у всѣхъ прогрессистовъ и демократовъ, вмѣстѣ взятыхъ. На дѣтей умѣстно даже время отъ времени прикрикнуть, потому что чѣмъ больше довѣрія къ дѣтскому здравому смыслу, тѣмъ, оказывается, меньше здраваго смысла у дѣтей; чѣмъ больше свободы и конституціи у нихъ, тѣмъ менѣе и слабѣе функціонируютъ сдерживающіе центры. Если не остановить дѣтей, то желѣзная дорога перекочуетъ изъ столовой въ гостиную, тамъ совершитъ нѣсколько крушеній и увеличитъ весьма замѣтно составъ поѣзда. Черезъ нѣкоторое время на мѣсто квартиры получится сплошная желѣзная дорога, что на разговорномъ языкѣ называется: „вверхъ дномъ перевернуть домъ", но зато дѣти постепенно доберутся и до папинаго кабинета и начнутъ играть въ кабинетъ министровъ. Маленькій Милюковъ сядетъ на папино кресло, надѣнетъ большіе очки и объявитъ себя предсѣдателемъ, маленькій Шингаревъ объявитъ себя министромъ финансовъ, маленькій Чхеидзе

—министромъ военнымъ, а Керенскій—морскимъ; словомъ, разберутъ всѣ портфели, и игра въ желѣзную дорогу кончится игрой въ кабинетъ министровъ. А шуму, стуку, гвалту сколько во время этой дѣтской игры! Подумаешь, что въ домѣ карнавалъ, на который собрались всѣ жители города и всѣхъ окрестныхъ городовъ и селъ. А играютъ-то всего пять дѣтокъ. А достаточно появленія папы или мамы, какъ весь этотъ крикъ моментально стихаетъ. Дѣти, какъ дѣти; для дѣтей дѣйствительны приказанія, а не циркуляры; надо иногда и прикрикнуть и строгость примѣнить. Свобода, довѣріе—все это хорошо и красиво въ теоріи, но если, въ интересахъ отвлеченнаго идеала свободы, оказать довѣріе здравому смыслу ребенка, то можно такой вредъ принести ребенку, не говоря о возможности всевозможныхъ другихъ бѣдъ, что ничѣмъ уже дѣла не поправишь. И въ дѣтской игрѣ, хотя бы въ желѣзную дорогу, надо во-время удержать дѣтей, иначе не успѣешь оглянуться, а уже домъ вверхъ дномъ перевернутъ.

Но, вѣдь, дѣтскія игры дѣтей, по существу, невинны и рѣдко ведутъ къ печальнымъ послѣдствіямъ. Но что же сказать объ игрѣ бородатыхъ и даже сѣдыхъ дѣтей въ дѣтскія игры „прогрессъ“, „парламентъ“, „соціализмъ“, „демократизмъ“ и т. п.? Вѣдь, домъ, въ которомъ играютъ и развлекаются эти странныя дѣти, представляетъ цѣлое государство; а перевернуть такой домъ вверхъ дномъ—это означаетъ колоссальное по размѣрамъ и непоправимое народное бѣдствіе. Какъ игра дѣтей въ желѣзную дорогу начинается скромно, сдвиганіемъ двухъ стульевъ, такъ игра взрослыхъ дѣтей въ парламентъ, забастовки начинается такъ же скромно и осторожно. Въ какой-нибудь газетѣ, какъ бы невзначай и осторожно, промелькнуло слово „конституція“. Сошло благополучно, и начинаются перепечатки, и перекатывается это слово изъ одной газеты въ другую, докатывается до обществъ, жуется и пережевывается на всѣхъ собраніяхъ, на лекціяхъ народныхъ и анти-народныхъ университетовъ; гудитъ, шумитъ дѣтвора. Тутъ бы во-время прикрикнуть, и дѣлу конецъ, а то дальше—больше. Гдѣ-нибудь, подъ шумокъ, устроился банкетъ. Сошло благополучно, и начинается эра банкетовъ. Бывалъ я на этихъ банкетахъ, и скажу откровенно: лучшаго развлеченія и не надо; сидишь за столикомъ, пьешь чай, закусываешь и слушаешь рѣчи ораторовъ, кричишь: „браво!“, а если ротъ полонъ, то просто хлопаешь руками; все равно, какъ въ кафе-шантанахъ; сидишь, закусываешь и слушаешь пѣнье шансонетокъ; на банкетахъ даже, пожалуй, приличнѣе и благороднѣй, потому что какъ-никакъ „ораторъ“ звучитъ благороднѣй „шансонетки“. О вкусахъ, конечно, не спорятъ, но что меня касается, то я особой разницы между шансонеткой и ораторомъ изъ демократовъ не вижу; оба торгуютъ, одинъ—шансонетнымъ, а другой—прогрессивнымъ товаромъ. И вотъ закусываешь, развлекаешься на банкетахъ, резолюціи принимаешь, а въ это время, вѣдь, вверхъ дномъ весь домъ,—попросту говоря, всю Россію переворачиваешь. Вѣдь, такихъ проказниковъ высѣчь бы хорошенько, если бы каждый лѣтъ на 30, 40, 50, а то и 60 и

больше былъ бы моложе. Въ противномъ случаѣ, дальше — больше. Митинги, рѣчи, резолюціи, демонстраціи съ музыкой, флагами, забастовки, революціонныя пѣсни, бомбы...

Впрочемъ, зачѣмъ мнѣ тратить время на описаніе того, что всѣмъ извѣстно, что еще у всѣхъ свѣжо на памяти? Всякій догадывается, что я говорю объ освободительномъ движеніи, и всякому должно быть ясно, что все это движеніе—одна дѣтская забава, притомъ забава очень пріятная. Одни банкеты чего стоили! Скажу откровенно: изъ-за однихъ банкетовъ стоитъ стать прогрессистомъ и даже демократомъ; иной не прочь „банкетиться“ каждый день,—находятся же любители, которые ежедневно посѣщаютъ кафе-шантаны. Чѣмъ же банкеты хуже шантановъ? Да ужъ если правду сказать, то и митинги, собранія, резолюціи, забастовки ничего, кромѣ удовольствія, не доставляютъ. Никакихъ тратъ матеріальныхъ, никакой затраты труда, никакой абсолютно отвѣтственности! Побылъ человѣкъ на собраніи, послушалъ въ удовольствіе рѣчей, или въ свое удовольствіе наговорилъ съ три короба, кричалъ: „ура!“, свисталъ, когда ему хотѣлось, пѣлъ: „Вы жертвою пали!“, выбиралъ, голосовалъ, принималъ резолюціи,—словомъ, провелъ въ свое удовольствіе 2-3 часа и вернулся домой, какъ возвращаются изъ гостей, изъ театра. И послѣ всего этого чувствуешь себя еще героемъ, государственнымъ дѣятелемъ, универсальнымъ знатокомъ народныхъ нуждъ. То, чего люди достигаютъ на склонѣ лѣтъ,—служа, работая, трудясь, въ потѣ лица своего и по отдѣльной только спеціальности,—достается легко еще неоперившимся юнцамъ въ теченіе часа. Забытъ, безпощадно забытъ, потонулъ въ демократической зловонной тинѣ божественный призывъ: „въ потѣ лица своего добывай свой хлѣбъ“!

Но, развлекаясь, играя, доставляя себѣ удовольствія, переворачивая вверхъ дномъ весь домъ, прогрессивно-демократическая дѣтвора нисколько не сознаетъ, сколько вреда она приноситъ своему же народу, своей же родинѣ. Шума-то на весь домъ, на всю Россію, а играетъ-то всего нѣсколько дѣтокъ, потому что какое значеніе имѣютъ въ Россіи тысячи и даже десятки тысячъ голосовъ. Прикрикнуть только—и все стихнетъ; а дать разойтись—долго ли перевернуть весь домъ вверхъ дномъ! Вотъ ужъ воистину: кошкѣ игрушки, а мышкѣ слезы. Демократическія кошки играютъ, а въ умы, въ души вносятъ смуты, разладъ и хаосъ. Для кошекъ—это игра въ прогрессъ, въ парламентъ,—и игра весьма и весьма пріятная,—а для народа она превращается въ игру въ разбойники, потому что во время игры успѣваютъ похитить,—виноватъ,—экспропріировать у народа всѣ его моральныя цѣнности и духовныя богатства. Исчезаетъ уваженіе къ труду; правда—простая, но святая правда—въ загонѣ; благородство, честность теряютъ всякій кредитъ; въ цѣнѣ только пустота, лицемѣріе, всезнайство, самохвальство, краснобайство. Незачѣмъ быть честнымъ, правдивымъ человѣкомъ, достаточно назвать себя демократомъ. Въ довершеніе всего, будятъ самые низменные, хищ-

ническіе инстинкты человѣка; воровство, шантажъ, экспропріацію превращаютъ въ принципъ жизни; не признаютъ собственности, какъ основы труда, энергіи, природныхъ дарованій, какъ основы государственности, законности, порядка; на мѣсто правъ и основъ труда—ставятъ право грубой силы; на мѣсто личности и ея правъ—призываютъ къ жизни стадность, всякіе союзы и кооперативы, подъ сѣнью которыхъ тонетъ и гибнетъ крупная индивидуальность, ничтожества же чувствуютъ себя какъ рыба въ водѣ,—словомъ, зовутъ къ тунеядству, къ бездѣлью, къ возврату омерзительнаго римскаго принципа,—вѣрнѣе, принципа временъ упадка Рима: „хлѣба и зрѣлищъ!“

Но есть одна типичная и общеизвѣстная особенность дѣтскаго возраста и дѣтскихъ игръ; дѣти инстинктивно чувствуютъ, когда родителямъ и, вообще, старшимъ не до нихъ, и вотъ, когда въ домѣ стряслась бѣда, когда родители въ горѣ, озабочены чѣмъ-нибудь, тогда-то дѣти, вмѣсто помощи, утѣшенія родителямъ въ ихъ горѣ или хотя бы вмѣсто соблюденія необходимой тишины, больше всего шалятъ, галдятъ, кричатъ; въ это именно время они затѣваютъ самыя сокрушительныя игры и во-всю переворачиваютъ вверхъ дномъ весь домъ, а родителей только больше огорчаютъ и разстраиваютъ. Но что требовать отъ дѣтей? На то они и неразумны, и лѣта ихъ опасны. Я же говорю о дѣтяхъ великовозрастныхъ, въ возрастѣ не менѣе 30 и даже больше 50 лѣтъ,—о тѣхъ дѣтяхъ, которыя сидятъ въ городскихъ думахъ и зовутся гласными, которыя сидятъ въ Государственной Думѣ и зовутся депутатами, которыя сидятъ въ биржевыхъ комитетахъ, и въ разныхъ комитетахъ, съѣздахъ и зовутся общественными дѣятелями, и которыя, несмотря на свой возрастъ, сохранили полностью упомянутую чисто-дѣтскую и неразумную черту дѣтскаго характера. Какъ только надъ родиной стряслась бѣда, именно тогда, когда народу выпали на долю тяжелыя испытанія, и вниманіе Царской власти и правительства отвлечено тяжелыми государственными заботами,—вотъ тогда-то эти дѣти, въ возрастѣ до 50 лѣтъ и выше, затѣваютъ самую безсмысленную, но шумную и наиболѣе разрушительную игру въ разбойники, въ составъ которой входитъ игра въ парламентъ, въ отвѣтственное министерство, въ забастовки и т. п.

Именно, во время войны, когда страна несетъ колоссальныя жертвы, когда требуется напряженіе всѣхъ силъ, полное спокойствіе въ странѣ, самое крѣпкое и всеобщее объединеніе, — въ это именно время интеллигенты или, какъ они себя называютъ, общественные дѣятели, какъ пятилѣтнія дѣти, затѣваютъ свою любимую игру въ разбойники, пользуясь тѣмъ, что Царская власть, правительство и всѣ, кому дороги реальные интересы народа, отвлечены тяжелыми заботами и всецѣло поглощены только дѣловой работой, имѣющей непосредственное отношеніе къ войнѣ и къ побѣдѣ надъ врагомъ. Для кошки только игрушки, а для мышки—слезы. Вѣдь, забавляясь, играя, интеллигенты вносятъ смуту и разладъ въ умы, вмѣсто

объединенія вносятъ полное разъединеніе, а главное — отвлекаютъ вниманіе отъ насущныхъ, реальныхъ вопросовъ, вызываемыхъ реальными нуждами грядущей побѣды, и, наоборотъ, увлекаютъ вниманіе народа въ русло, никакого отношенія къ войнѣ и къ побѣдѣ не имѣющее; все это, само собой разумѣется, вноситъ путаницу и смятеніе въ работу лицъ, непосредственно несущихъ отвѣтственность за успѣшное окончаніе войны. Такимъ путемъ создается тормазъ какой бы то ни было работѣ, и уменьшаются шансы на побѣду, — другими словами, наносится непоправимый ущербъ только народу, за интересы котораго, яко-бы,—ратуютъ демократы.

Это имѣло мѣсто въ русско-японскую войну, то же самое начинаетъ наблюдаться и въ настоящую міровую войну, когда на карту поставлено много весьма важныхъ и существенныхъ народныхъ, государственныхъ и даже міровыхъ интересовъ. А для побѣды, я говорю, необходимо полное спокойствіе, покоящееся на сосредоточенной, дружной работѣ, отвѣчающей только запросамъ момента, т.-е. непосредственно удовлетворяющей военныя нужды въ интересахъ одной только побѣды. Это положеніе, казалось бы, должно бы стать азбучной истиной для каждаго, кто только заинтересованъ въ побѣдѣ русскаго оружія. Что толку отъ рѣчей, съѣздовъ и резолюцій, которыя теперь сыплются, какъ изъ рога изобилія? Всѣ эти резолюціи неумѣстны, безсмысленны, похожи другъ на друга, какъ двѣ капли воды, и, перекатываясь отъ города къ городу, отъ общества къ обществу, изъ газеты въ газету, онѣ своей монотонностью и системой однообразнаго тиканія гипнотизируютъ народъ и отвлекаютъ отъ реальнаго дѣла всѣхъ истинныхъ тружениковъ на пользу родины и царя. Думаю, что для моего пріятеля, любителя резолюцій, опять масляница настала; должно-быть, во всѣхъ резолюціяхъ участвуетъ и подписывается подъ ними, не читая и не зная, въ чемъ дѣло. Каждая эра имѣетъ свой циклъ резолюцій. Въ настоящее время преобладающій мотивъ резолюцій: *довѣріе* власти къ общественнымъ силамъ и необходимость призвать къ власти лицъ, облеченныхъ общественнымъ довѣріемъ. Для каждаго ясно, что у дѣтей началась игра въ кабинетъ министровъ; шума, трезвона на всю Россію, такъ что положительно не даютъ никому заниматься дѣломъ. А соберешь всѣхъ ихъ,—на одной ладони помѣстить можно. Они давно ужъ добирались до папинаго кабинета, чтобы тамъ затѣять эту игру; во-время на нихъ прикрикнуть бы — и ни игры этой, ни шуму, крику этого не было бы; а если разойдутся дѣтки, то развѣ на нихъ крикомъ подѣйствуешь; поневолѣ придется къ розгамъ перейти. Но если одни дѣтки только играютъ, развлекаются, то другія дѣти,— такъ сказать, демократы себѣ на умѣ, — всерьезъ подбираются къ портфелямъ и мечтаютъ расположиться въ папиномъ кабинетѣ.

XXVII.

Нѣсколько словъ о довѣріи. Нельзя требовать къ себѣ довѣрія, довѣріе надо заслужить. Власть рада дать народу довѣріе; она

жаждетъ дать ему довѣріе, потому что это въ ея же интересахъ. И въ Россіи власть особенно давала массу яркихъ примѣровъ своего довѣрія къ обществу и жажды такого довѣрія.*) Одно земство, судъ присяжныхъ чего стоятъ! Но я уже имѣлъ поводъ указать, что общество ни въ какой степени не оправдало этого довѣрія, потому что нѣтъ у него истинной, государственной сознательности. На всѣ съѣзды, собранія, въ Думы, въ земство каждый приноситъ свою мелкую, личную, хищническую сознательность,—ту сознательность, которую эсдеки прививаютъ „сознательнымъ“ рабочимъ. За небольшими исключеніями, мало кто въ состояніи подняться на высоту государственныхъ интересовъ, каждый знаетъ только свои, — личные ли, партійные, сословные, родственные ли, — интересы. Государственная Дума съ ея безчисленными партіями служитъ яркимъ доказательствомъ полной безсознательности, типичной анти-государственности. Созовите, къ примѣру, съѣздъ промышленниковъ. Развѣ можно не только въ Россіи, но въ любой странѣ питать довѣріе къ ихъ резолюціямъ, когда всякому ясно, что они защищали не государственные интересы промышленности, а свои личные, не интересы государства, а интересы промышленниковъ, хотя бы даже въ ущербъ интересамъ государства. Созовите дворянъ, крестьянъ, рабочихъ, профессоровъ, студентовъ — та же картина. Вообще, интеллигенты, демократы то жъ,—какую бы кличку они ни носили,—защищаютъ на съѣздахъ только свои личные интересы, интересы своихъ кровныхъ, т.-е. интересы тунеядства, интересы тунеядцевъ, — попросту говоря, интересы обиженныхъ судьбой Митрофанушекъ. Повторяю, въ интересахъ самой же власти—оказать полное довѣріе различнымъ слоямъ общества; надо разъ-навсегда уяснить себѣ, что въ странѣ съ широко и правильно развитой государственностью, власть жаждетъ, готова въ любой моментъ оказать довѣріе обществу, какъ каждый родитель съ нетерпѣніемъ ждетъ того момента, чтобы сынъ оказался достойнымъ довѣрія и могъ бы принять участіе въ дѣлахъ, облегчить отцу бремя отвѣтственности. Но это довѣріе надо заслужить, и надо опять-таки разъ-навсегда себѣ уяснить, что разъ власть не оказываетъ обществу довѣрія, то только потому, что оно, общество, этого довѣрія не заслужило. Для моего сознанія эти два положенія представляются ясными, логичными, чисто-азбучными истинами. Требовать же къ себѣ довѣрія отъ правительства—преступно, безтактно, неумѣстно и, да простятъ мнѣ это выраженіе, просто-напросто глупо. Всѣ эти резолюціи съ требованіемъ довѣрія къ обществу говорятъ о дѣтской безсознательности общества, о полномъ его государственномъ недомысліи. И когда я пишу, не разъ передъ моимъ сознаніемъ проносятся крылатыя, святыя слова Дурново: „въ Россіи нужны приказанія, а не циркуляры!“

---

*) Я очень радъ, что могу не быть голословнымъ. Въ № 136 „Русск. Слова“ за 1914 годъ, въ статьѣ „Интересная годовщина“, цитируются подлинныя слова АЛЕКСАНДРА II. „Я охотно далъ бы какую угодно конституцію, если бы не боялся, что Россія послѣ этого распадется на куски.“

Развѣ это въ то же время не пророческія слова?

Наоборотъ, правительственная власть вправѣ требовать себѣ довѣрія отъ общества. Какъ-разъ сегодня я пробѣжалъ въ номерѣ „Русскаго Слова“, за 30 августа 1915 года, статью Баяна о довѣріи. Баянъ старается писать очень умныя статьи и въ духѣ, который зависитъ отъ газеты, въ которой онъ пишетъ. Для псевдонима все возможно; псевдонимъ можетъ быть и многоликимъ Янусомъ. Конечно, одного желанія писать умныя статьи очень мало для того, чтобы статья вышла умной. Баянъ говоритъ, что своими успѣхами въ этой войнѣ нѣмцы обязаны довѣріемъ народа къ власти. Казалось бы, что для умнаго псевдонима выводъ одинъ: надо питать довѣріе къ власти. Но какое дѣло Баяну до логики? Онъ пишетъ въ прогрессивной газетѣ,—слѣдовательно, ему надо писать только съ точки зрѣнія Манифеста 17 Октября; онъ тутъ же дѣлаетъ неимовѣрный скачокъ въ сторону и неожиданно заявляетъ, что въ Россіи недовѣріе народа къ власти существуетъ благодаря режиму недовѣрія власти къ народу, т.-е. отсутствію народовластія. Самъ же онъ выше называетъ нѣмцевъ народомъ-автоматомъ, признаетъ, что они не склонились къ западному народовластію, цѣнитъ въ нихъ даже „политическую воздержанность“, — казалось бы, что заслуга нѣмцевъ именно въ режимѣ довѣрія къ власти. Мнѣ, наоборотъ, ясно, что довѣріе къ власти составляетъ основу здороваго, нормальнаго развитія народа, что оно есть симптомъ, цѣнный указатель такого развитія, потому что довѣріе къ власти естественно и неизбѣжно. Говорить о недовѣріи народа къ власти равносильно тому, чтобы говорить о недовѣріи человѣческаго организма къ головѣ. Какъ голова неразрывно связана съ тѣломъ, такъ и власть неразрывно связана съ народомъ; она плоть отъ его плоти, кровь отъ его крови. Народъ, который не питаетъ довѣрія къ власти, не питаетъ довѣрія къ себѣ; это — народъ немощный, больной. In corpore sano et mens sana; въ здоровомъ тѣлѣ и духъ здоровый; въ здоровомъ народѣ и власть здоровая.

Вообще, для моего сознанія такъ же непонятно выраженіе о довѣріи къ власти, какъ непонятно выраженіе о довѣріи къ головѣ. И власть, какъ и голова, представляетъ особый природный и естественный органъ, потому что власть вырабатывалась вѣками въ связи съ исторіей, характеромъ и душой народа. Власть останется неизмѣнной, будетъ ли республика, или монархія, на низшей стадіи культуры народа или на высшей,—словомъ, при всѣхъ переживаніяхъ народа, какъ человѣкъ всюду несетъ свою голову, и голова у него все та же на плечахъ,—и дома, и за-границей, и въ богатствѣ, и въ бѣдности. Организмъ человѣка, по отношенію къ головѣ, и представляетъ изъ себя автоматъ,—тотъ автоматъ, который представляетъ изъ себя народъ по отношенію къ власти. Да иначе и быть не можетъ. Народъ-автоматъ, это—идеалъ нормально развивающагося народа, потому что власть, —это особый органъ, имѣющій опредѣленныя функціи и исполняющій свои функціи такъ, какъ это ему судьбой и Богомъ предназначено; какъ народъ не можетъ мѣнять своего характера, своей души, такъ онъ не можетъ мѣнять своей власти. Онъ не можетъ питать къ

власти ни довѣрія, ни недовѣрія, онъ долженъ фатально мириться съ ней, какъ онъ фатально мирится со своей судьбой. Власть то же, что религія, что законы, обычаи народные, что голова для человѣка. Причемъ тутъ довѣріе или недовѣріе, когда все это естественно и неизбѣжно, когда все это инымъ не можетъ быть. Недовѣріе къ власти, это—ненормальный, болѣзненный симптомъ; оно говоритъ о народной разрухѣ, о народномъ разложеніи. Къ счастью, въ русскомъ народѣ нѣтъ и никогда не было недовѣрія къ власти. Если же это недовѣріе искусственно раздуваютъ газеты, разные Баяны, Дорошевичи, разные Милюковы, Керенскіе и т. п., то это говоритъ только о томъ, что на тѣлѣ русскаго народа выросъ злокачественный наростъ, который зовется интеллигенціей, и который необходимо возможно скорѣе вырѣзать или вырвать съ корнемъ.

Для меня несомнѣнно, что каждый народный организмъ состоитъ изъ органовъ. Я не берусь опредѣлять, что составляетъ народный органъ, сколько такихъ органовъ, но власть,—то, что называютъ правительственнымъ органомъ, механизмомъ,—несетъ въ народѣ функціи человѣческаго мозга, т.-е. функціи сознанія вообще—функціи высшаго порядка. Человѣкъ своимъ сознаніемъ можетъ судить о томъ,—годится ли рука или нога у него, но чтобы рука судила о томъ,—годится ли сознаніе у человѣка, это—невозможно. Человѣкъ можетъ сознавать, что у него сознаніе недостаточно, мало, но измѣнить своего сознанія онъ не можетъ. Можно, конечно, питать недовѣріе къ тому или иному правительственному лицу, на основаніи опредѣленныхъ, реальныхъ мотивовъ, но питать недовѣріе къ власти потому только, что она его власть, что она власть вообще, народъ не можетъ, потому что она иной быть не можетъ. Питать недовѣріе къ власти—равносильно тому, чтобы питать недовѣріе къ своему народу, къ живымъ источникамъ послѣдняго. И если разобрать этотъ вопросъ по существу, мы поймемъ, что недовѣріе къ власти—пустой звукъ, одно недоразумѣніе.

Въ самомъ дѣлѣ: о какой системѣ довѣрія или недовѣрія къ власти можетъ итти рѣчь, когда правительственный механизмъ представляетъ колоссальный аппаратъ, пронизывающій съ верху до низу весь народный организмъ, подобно тому, какъ нервно-мозговой аппаратъ пронизываетъ весь человѣческій организмъ. Не ясно ли, что власть спаяна, срощена съ народомъ, что она питается народными соками, пропитана народнымъ духомъ, его мыслью и, съ своей стороны, реагируетъ на народныя потребности, отдаетъ народу тѣ жизненные элементы, которые представляютъ функцію власти. Ясно теперь выраженіе: „каждый народъ достоинъ своего правительства“. Не надо забывать, что власть руководится, особенно въ странѣ, достигшей той или иной степени гражданственности, опредѣленными законами, установившимися обычаями, нравами и вѣковыми традиціями. Правительственный механизмъ, существовавшій въ королевской Франціи, цѣликомъ сохранился въ республиканской Франціи; останется онъ неприкосновеннымъ и въ томъ случаѣ, если опять

воцарится во Франціи монархія. У каждаго народа можетъ быть только та власть, которая у него есть. Можетъ развѣ власть быть ненародной, анти-патріотичной, когда она неотдѣлима отъ народа? Можно развѣ изъ-за такихъ мотивовъ имѣть недовѣріе къ власти? Конечно, могутъ быть отдѣльные случаи преступнаго и умышленнаго вреда народнымъ интересамъ, но такіе единичные представители правительственной власти подлежатъ дѣйствію закона, и одинаково жестоко караются правительственной властью, какъ только ихъ преступность будетъ обнаружена. Наоборотъ, именно у власти есть сознаніе народныхъ интересовъ и необходимости служенія имъ, потому что эти *интересы ввѣрены власти.* Вотъ въ этомъ смыслѣ власть исполняетъ функцію сознательнаго органа, — тѣ функціи, которыя выполняетъ мозгъ у человѣка. И это вполнѣ понятно. Разъ власти ввѣрены интересы народа, государства, то эта отрасль представляетъ, такъ сказать, профессію, спеціальность правительственной власти и всецѣло входитъ въ ея компетенцію. Власть—и только она—несетъ отвѣтственность за эти интересы, поэтому она поневолѣ и исключительно занята вопросомъ объ истинныхъ народныхъ интересахъ, о нуждахъ и потребностяхъ народа, она ихъ изучаетъ, она ихъ удовлетворяетъ, поэтому она — и только она — ближе всего ихъ понимаетъ, только она ихъ ясно сознаетъ и представляетъ себѣ. Если же власть вышла изъ народа, спаяна съ народомъ вѣковыми традиціями, — словомъ, если эта власть истинно-народная, то она представляетъ органъ, сознательно пекущійся о нуждахъ обще-народныхъ, а остальной народъ представляетъ въ этомъ отношеніи тотъ автоматъ, о которомъ говорилъ Баянъ. То же происходитъ въ жизни; если человѣкъ выбралъ себѣ профессію, скажемъ, врача, то вопросъ здоровья всецѣло входитъ въ его компетенцію; онъ вполнѣ сознателенъ въ этихъ вопросахъ, и, приглашая врача къ постели больного, приглашаютъ именно органъ сознательный въ этихъ вопросахъ, больной же и окружающіе превращаются въ автоматовъ, безпрекословно исполняющихъ совѣты врача. То же имѣетъ мѣсто, если приглашаютъ юриста, архитектора или вообще какого-либо спеціалиста. Въ каждомъ спеціальномъ вопросѣ профаны являются автоматами, спеціалистъ же—сознательнымъ органомъ, подобно тому, какъ мозгъ въ человѣческомъ организмѣ, какъ власть въ народномъ организмѣ. Въ житейскомъ обиходѣ еще можетъ быть рѣчь о довѣріи или недовѣріи къ врачу, юристу и т. п., но въ такомъ колоссальномъ, стоящемъ внѣ обывательской досягаемости, вопросѣ, какъ народно-государственные интересы, такого разговора не можетъ быть; тутъ именно необходима и неизбѣжна полная автоматичность безотвѣтственныхъ лицъ и всего, словомъ, остального народа.

Ясно, что огульное обвиненіе чисто-народной правительственной власти въ умышленной измѣнѣ народнымъ интересамъ или въ соблюденіи чужихъ интересовъ,—словомъ, въ непатріотичности, представляетъ простое недомысліе, чтобы не сказать больше. Говорить о возможности недовѣрія народа къ власти безсмысленно, потому что народъ совершенно не въ состояніи оцѣнивать событія, не мо-

жетъ судить о мотивахъ и поступкахъ власти, когда онъ совершеннѣйшій профанъ въ этихъ вопросахъ и его обязанность—безусловная автоматичность. Онъ долженъ вѣрить власти, онъ не можетъ ей не вѣрить, потому что это его, народная власть, потому что она призвана соблюдать его интересы, потому что она *сознательно* ихъ соблюдаетъ; она не можетъ ихъ не соблюдать и не защищать, потому что каждый ударъ по интересамъ народа или даже части его наноситъ ударъ власти; власть чувствуетъ самую ничтожную боль въ организмѣ народномъ, какъ мозгъ ощущаетъ малѣйшую боль въ организмѣ человѣка; мозгъ человѣческій, которому ввѣрены сознательные интересы организма, въ своихъ же интересахъ, защищаетъ послѣдній отъ ушибовъ, раненія, вообще отъ боли; точно также власть, въ своихъ же интересахъ, охраняетъ неразрывно связанный съ ней народный организмъ отъ болей и потрясеній. Мнѣ кажется, стоитъ только вдуматься въ этотъ вопросъ, и это положеніе станетъ аксіомой.

Повторяю, я говорю не объ отдѣльныхъ лицахъ, а о власти вообще; правда, послѣдняя можетъ оказаться нерадивой, мало-энергичной и, вообще, обладать тѣми или иными недостатками, но тутъ вина не власти, такъ какъ власти присущи только тѣ недостатки, которые присущи всему народу. Тутъ смѣна лицъ ни къ чему не поведетъ, тутъ необходимо самобичеваніе, и, какъ его продуктъ, самоисправленіе. Вѣдь, и человѣкъ бываетъ отъ рожденія нерадивымъ, неспособнымъ и т. п.; несомнѣнно, виною—устройство его мозга; не станетъ же онъ поэтому снимать себѣ голову. Правительственный механизмъ можетъ быть, къ примѣру, весь пропитанъ взяточничествомъ; не ясно ли, что столько же виноваты тѣ, что даютъ, какъ и тѣ, что берутъ; тутъ круговая порука, и позоръ сильно развитаго взяточничества падаетъ на весь народъ, а отнюдь не на отдѣльныхъ лицъ. Словомъ, при всѣхъ случаяхъ необходимо имѣть передъ глазами положеніе, что всякій народъ достоинъ своего правительства, что безпрекословное довѣріе къ своему правительству—основа и залогъ нормальной, здоровой жизни народа и его поступательнаго шествія впередъ, что недовѣріе къ правительству означаетъ недовѣріе къ себѣ, къ своимъ силамъ, что это болѣзненное явленіе—результатъ растерянности, какого-то состоянія народной меланхоліи. Если же народъ довѣряетъ своимъ силамъ, вѣритъ въ свое будущее, и въ немъ искусственно вызываютъ недовѣріе къ власти, то это—преступное измѣнническое движеніе, это—движеніе не на страхъ, а на радость врагамъ.

Да и какой критерій у обывателя судить о достоинствахъ или недостаткахъ власти. Развѣ въ прокатившейся у насъ волнѣ недовѣрія у общества имѣются какія-либо реальныя основанія? Никто, конечно, не имѣетъ ни основаній, ни права обвинять власть въ непатріотичности, въ забвеніи интересовъ народа; никто не посмѣетъ бросить правительству обвиненіе въ подкупности, въ продажности, въ расхищеніи казеннаго добра и т. п. Общество не имѣетъ ни-

какихъ данныхъ судить объ этомъ, да если бы такой преступный единичный случай и имѣлъ мѣсто, то властью же и законами онъ былъ бы пресѣченъ въ корнѣ, съ преданіемъ суду. Впрочемъ, въ выраженіяхъ недовѣрія нѣтъ и намека на такіе мотивы.

Да если оглянуться назадъ, нѣтъ никакихъ мотивовъ для недовѣрія къ власти, даже съ точки зрѣнія интеллигентно-демократическаго тунеядства. Создано было, въ угоду этому тунеядству, представительное правленіе съ двумя палатами; власть—и центральная и мѣстная—всюду шла навстрѣчу пріемлемымъ желаніямъ общества; мѣстное самоуправленіе было въ почетѣ, созывались съѣзды, совѣщанія, печать получила значительную свободу, а черезъ думскіе отчеты эта свобода была даже чрезмѣрной, потому что дальше рѣчей Керенскаго и Чхеидзе нельзя итти въ свободѣ,—вѣрнѣе, въ разгулѣ,—слова. Власть шла навстрѣчу всякимъ общественнымъ начинаніямъ, всякой общественной иниціативѣ; общества, выставки росли, какъ грибы. Наконецъ, въ Думѣ правительство, рука-объ-руку съ умѣренными партіями, проявляло творческую дѣятельность,—конечно, реальную, а не въ духѣ интеллигентнаго тунеядства: не жалѣло средствъ на народное образованіе, народное здравіе и на другія культурныя учрежденія. Словомъ, правительство выказывало чрезмѣрную и, съ моей точки зрѣнія, даже излишнюю уступчивость общественному мнѣнію, и у общества ровно никакихъ поводовъ къ недовѣрію не было, если не считать одного универсальнаго и избитаго повода, именно—бюрократизма правящихъ сферъ. Я уже достаточно говорилъ объ этомъ бюрократизмѣ, и еще разъ повторяю, что власть можетъ проявлять и, по моему, проявляла у насъ самое живое творчество. Наоборотъ, интеллигенція цѣликомъ пропитана бюрократизмомъ, и всему демократическому обществу стыдно упрекать власть въ бюрократизмѣ: „чѣмъ кумушекъ считать трудиться, не лучше ли, кума, на себя оборотиться".

Ко всему сказанному надо имѣть въ виду то, что мною выше было отмѣчено,—именно, что правительственная работа, что государственная дѣятельность представляетъ особую профессію, особую миссію, въ которой остальная часть народа совершенно не компетентна; ни мотивы, ни основанія того или иного правительственнаго мѣропріятія, ни обстановка, въ которой принималась и проводилась та или иная мѣра, обществу непонятны и недоступны. Какое же право имѣетъ общество или тотъ или иной членъ общества,—будь то даже депутатъ парламента,—выражать недовѣріе власти, когда каждый членъ общества и все общество въ совокупности, будучи совершенно безотвѣтственнымъ, въ то же время, въ области государствовѣдѣнія, представляется полнѣйшимъ профаномъ. Ясно, что недовѣріе къ власти преступно, въ лучшемъ случаѣ, неумѣстно и безтактно. И надо правду сказать, во всѣхъ резолюціяхъ, во всѣхъ рѣчахъ, во всѣхъ газетныхъ статьяхъ,—вродѣ вышеприведенной статьи Баяна,—никакихъ реальныхъ основаній къ громко выраженному недовѣрію нѣтъ. Всюду недовѣріе сводится къ одному знаменателю, къ которому оно свелось въ статьѣ Баяна,—*къ режиму*.

Получается какая-то неразбериха: общество выражаетъ недовѣріе власти за режимъ недовѣрія власти къ обществу, — собственно, за режимъ неполнаго довѣрія къ обществу, потому что земское самоуправленіе есть уже результатъ значительнаго довѣрія власти къ обществу, а что касается Государственной Думы, то я со спокойной совѣстью, съ яснымъ сознаніемъ и съ глубокимъ убѣжденіемъ утверждаю, что она представляетъ невѣроятный переизбытокъ довѣрія. Но пусть такъ, пусть это будетъ режимъ недовѣрія къ обществу. Такъ, вѣдь, на почвѣ недовѣрія къ обществу и создалась власть, выросла государственность. Не будь недовѣрія къ обществу, не было бы и власти. Если исчезнутъ убійства, грабежи, воровство, шантажъ, афера, если каждый будетъ заниматься реальнымъ, полезнымъ трудомъ, если въ сердцахъ людскихъ воцарится правда,— истинная божественная правда, — тогда наступитъ полное довѣріе къ обществу, тогда никакой власти не нужно будетъ. Улита ѣдетъ, скоро ли будетъ. Но пока этого нѣтъ, пока общество не доросло до „довѣрія", власть стоитъ и должна стоять на-стражѣ правды и здраваго смысла; она для этого создана. Гдѣ государственность, какъ въ Россіи, достигла высокой и нормальной степени развитія, тамъ власть вполнѣ сознательно выражаетъ къ обществу ту или иную степень довѣрія; она же опредѣляетъ эту степень довѣрія, и ея компетенціи не только можно, но необходимо довѣрять, потому что—въ интересахъ власти выражать какъ можно больше довѣрія обществу, какъ можно больше отвѣтственности снимать съ себя. И если власть выражаетъ мало довѣрія обществу, то только скрѣпя сердце и только потому, что ей ввѣрены интересы государства; власть поэтому воздерживается отъ излишняго выраженія довѣрія исключительно въ интересахъ государства и народа. Но какимъ образомъ общество можетъ само опредѣлить степень заслуженнаго имъ довѣрія? Еще менѣе понятно, какъ общество само можетъ требовать къ себѣ довѣрія. Оно должно заслужить довѣріе, оно должно показать, что оно заслужило его. Одно можно сказать съ увѣренностью, что власть дастъ во всякое время обществу ту степень довѣрія, которая имъ заслужена, и какъ только оно эту степень заслужитъ. Требованіе же со стороны общества себѣ довѣрія противно логикѣ, здравому смыслу и правдѣ.

Представимъ себѣ, что родитель пригласилъ къ своему мальчику гувернера-воспитателя. Онъ пригласилъ его именно потому, что онъ не довѣряетъ здравому смыслу своего мальчугана. Гувернеръ же — опытный, дѣльный, прекрасно себя зарекомендовавшій и извѣстный родителю какъ вполнѣ надежный, которому можно довѣрить воспитаніе ребенка. Вотъ такого гувернера я и сравниваю съ истинно-народной государственной властью. Гувернеръ можетъ и долженъ, и будетъ выражать довѣріе мальчику только въ той степени, въ какой онъ его заслужилъ. Какой же отзывъ мы дадимъ о мальчикѣ, который выразитъ недовѣріе своему гувернеру и потребуетъ его удаленія только потому, что гувернеръ не выражаетъ полнаго довѣрія своему воспитаннику, имѣя на то, очевидно, полное

основаніе и исполняя свои прямыя и святыя обязанности исключительно въ интересахъ мальчика. Каждый изъ насъ, несомнѣнно, назоветъ такой поступокъ мальчика дѣтски-неразумнымъ и безсмысленнымъ. На томъ же основаніи и съ твердымъ убѣжденіемъ я вполнѣ сознательно объясняю всѣ эти резолюціи о довѣріи къ обществу,—всю эту агитацію, которая поднята въ обществахъ, газетахъ, общественныхъ учрежденіяхъ,—*дѣтски-безсмысленными*. А, вѣдь, вся эта агитація, не сходя со столбцовъ газетъ, туманитъ и гипнотизируетъ сознаніе обывателей.

Все же недовѣріе къ режиму основано на постигшихъ Россію тяжелыхъ испытаніяхъ, на ея временныхъ неудачахъ на войнѣ. Я выше старался подробно разобрать этотъ вопросъ, и добросовѣстно изложилъ то, что ясно моему сознанію, именно, что режимъ, политическій строй никакого отношенія не имѣютъ къ военнымъ неудачамъ. Война идетъ между народами, между природными духовными и матеріальными силами народовъ, т.-е. между тѣми силами, отъ которыхъ, въ свою очередь, зависитъ и режимъ, и строй. Несомнѣнно, побѣда зависитъ и отъ тѣхъ богатствъ, которыя накопилъ народъ до войны въ видѣ промышленности, техники, и отъ тѣхъ качествъ, которыя онъ проявляетъ на войнѣ. Я имѣю въ виду не храбрость, которую, почти въ одинаковой степени, проявляютъ всѣ воюющіе народы, а другія природныя качества: осторожность, обдуманность, медлительность, нервозность и тому-подобныя черты характера, которыя могутъ склонить чашку вѣсовъ въ ту или иную сторону. Всегда имѣетъ больше шансовъ тотъ, кто подготовлялъ нападеніе, кто готовился къ нему. Наконецъ, военныя неудачи или удачи не представляютъ чего-либо постояннаго; побѣда можетъ смѣниться пораженіемъ, пораженіе побѣдой въ теченіе одной и той же кампаніи. Да и конечная побѣда можетъ быть случайной, а черезъ извѣстное число лѣтъ побѣдители могутъ превратиться въ побѣжденныхъ, хотя режимъ и строй у каждаго народа остались тѣ же. При всемъ томъ надо сказать, что войны ведутся скорѣе на почвѣ внѣшнихъ, физическихъ и матеріальныхъ, чѣмъ на почвѣ духовныхъ и моральныхъ силъ; физически крѣпкій, въ смыслѣ именно внѣшней, показной культуры или съорганизованности, можетъ оказаться случайнымъ побѣдителемъ въ борьбѣ съ духовно-стойкимъ и крѣпкимъ народомъ. Татарское иго—весьма яркій примѣръ. Татары оказались весьма нестойкимъ и немощнымъ народомъ, однако, благодаря своей собственной сплоченности и раздорамъ среди русскихъ племенъ, они очутились въ роли побѣдителей; также турки на Балканахъ. Весьма показательно и то, что гордый и могущественный римскій народъ исчезъ, а покоренный имъ еврейскій народъ сохранился до сихъ поръ; мало того,—сохранилъ свои крупныя духовныя богатства и, несомнѣнно, въ жизни народовъ и въ цивилизаціи человѣчества ему предстоитъ еще крупная роль и блестящая будущность. Вѣдь, необходимо, въ довершеніе всего, быть и фаталистомъ, просто-вѣрующимъ человѣкомъ, и вѣрить, что все отъ Бога и черезъ Бога. Несомнѣнно, во всемъ этомъ хаосѣ человѣческихъ и

народныхъ событій и переживаній есть какая-то цѣлесообразность, остающаяся невидимой и недоступной человѣческому сознанію.

Такъ или иначе, режимъ, строй—лишь пассивный продуктъ, результатъ тѣхъ же причинъ, которыя сами по себѣ несутъ народу военныя неудачи или удачи. Но что служитъ залогомъ побѣды, это—полное довѣріе къ власти какъ во время удачъ, такъ и во время неудачъ,—другими словами, полное объединеніе всѣхъ элементовъ страны. Татарское иго и смутное время должны бы служить своего рода memento для каждаго русскаго патріота. Никакихъ колебаній, никакихъ сомнѣній, никакого недовѣрія! Тотъ, кто будитъ недовѣріе, тотъ сѣетъ смуты, раздоры, тотъ играетъ на-руку врагамъ, того исторія заклеймитъ именемъ измѣнника, хотя бы онъ прикрывался кличками демократа, прогрессиста и хотя бы мутилъ и будировалъ, прикрываясь девизомъ объединенія. Все ложь, коварство, все отдаетъ Лже-Димитріемъ.

Казалось бы, что военныя неудачи должны бы служить поводомъ къ тому, чтобы крѣпче сплотиться вокругъ власти, чтобы объединиться вокругъ нея, забывъ всякія мелкія дрязги и недоразумѣнія. Откуда же этотъ походъ на власть, откуда этотъ тревожный предвозвѣстникъ грядущихъ смутъ и раздоровъ. Все это казалось бы непонятнымъ и дѣтски-безсмысленнымъ, если бы, на-ряду съ недовѣріемъ къ режиму, не мелькало и въ резолюціяхъ, и въ печати требованіе привлечь къ власти „лицъ, облеченныхъ общественнымъ довѣріемъ“. Вотъ, въ чемъ разгадка того, что происходитъ въ Россіи.

Силенъ дьяволъ и мастеръ изобрѣтать всякіе эфекты, пускать пыль въ глаза, когда онъ хочетъ соблазнить человѣка. Кого не соблазнишь такимъ красивымъ оборотомъ словъ: „облеченный общественнымъ довѣріемъ“. Скажешь: „отвѣтственное министерство“—и звучитъ холодно и безстрастно; а скажешь: „власть, облеченная общественнымъ довѣріемъ“—и всѣмъ доступно, и всѣмъ пріятно. Вѣдь, каждый считаетъ себя обществомъ, и каждому мерещится, что это онъ лично далъ довѣріе министру, что онъ даже назначилъ, скажемъ, Милюкова или Шингарева на постъ министра. Какъ же не гордиться, какъ же не желать и не требовать власти изъ лицъ, облеченныхъ общественнымъ довѣріемъ. И, какъ психозъ размѣна денегъ, механически и стихійно перекатывается по Руси резолюція съ упомянутымъ требованіемъ. Никто и не подозрѣваетъ, что тутъ все тѣ же продѣлки дьявола, о которыхъ я уже имѣлъ поводъ говорить. Кто ихъ облекъ довѣріемъ, когда, гдѣ, почему ихъ облекли довѣріемъ? Это область таинственнаго и загадочнаго, въ которой никто себѣ не отдаетъ отчета, какъ всѣ говорятъ о чортѣ,—говорятъ категорически и опредѣленно,—какъ о чемъ-то конкретномъ; но спросите каждаго, видалъ ли онъ чорта, гдѣ, что чортъ—и вы получите изумительный отвѣтъ: „говорятъ“.

И какъ въ чортѣ, такъ и въ этомъ дьявольскомъ довѣріи никто не отдаетъ себѣ отчета, и на ваши вопросы каждый вамъ скажетъ одно: „говорятъ, пишутъ". Страна, изволите ли видѣть, облекла довѣріемъ Милюкова или Шингарева, а въ этой странѣ изъ 20 человѣкъ едва ли одинъ слыхалъ про то, что существуетъ Милюковъ или Шингаревъ, а изъ тысячъ, слыхавшихъ, едва ли одинъ видалъ ихъ въ лицо,—словомъ, близко знаютъ того или другого нѣсколько десятковъ человѣкъ. Осталъные знаютъ только, что они депутаты, что они кадеты, знаютъ ихъ по ихъ рѣчамъ. Но умѣнье говорить еще не означаетъ умѣнья дѣлать; можно хорошо говорить, но быть безнравственнымъ, глупымъ, бездѣльнымъ человѣкомъ. Наконецъ, человѣкъ можетъ постепенно тренироваться въ ораторскомъ искусствѣ, какъ тренируются въ боксѣ, во французской борьбѣ. Демосѳенъ служитъ историческимъ примѣромъ такой тренировки. Правда, Милюковъ и Шингаревъ очень ловко и мастерски критикуютъ министровъ. Но, вѣдь, критиковать министра и быть министромъ—дистанція огромнаго размѣра; и оселъ критиковалъ пѣнье соловья, но изъ этого не слѣдуетъ, что его можно посадить на мѣсто соловья. Да и кто можетъ судитъ объ этой критикѣ? Критиковать легко. Кто и кого только у насъ не критикуетъ. Можно критиковать три часа подрядъ, въ красивой остроумной рѣчи, но ни одного дѣльнаго слова и по существу вопроса не сказать. Нѣтъ ни у кого данныхъ для сужденія о честности, патріотизмѣ, даже демократизмѣ Милюкова или Шингарева. Но допустимъ, что все это у нихъ есть, такъ развѣ кто знаетъ или думаетъ, что этихъ достоинствъ нѣтъ у министровъ. Наоборотъ, за министрами долголѣтняя служба, ихъ назначеніе вызвано сознательнымъ выборомъ на основаніи ихъ служебной дѣятельности, наконецъ, они облечены довѣріемъ Царской власти. Но пусть Милюковъ, Шингаревъ честны, умны, хорошіе ораторы. Но для поста министра, для государственнаго дѣятеля всего этого мало; надо быть дѣльнымъ, опытнымъ въ этой спеціальности, надо имѣть призваніе, способности къ государственной дѣятельности. Есть ли у кого изъ обывателей критерій къ этому, имѣетъ ли онъ какія-либо основанія для сужденія? Откуда же это довѣріе обывателя къ Шингареву или Милюкову, въ которое онъ самъ вѣритъ, какъ въ дьявола и чорта? Да изъ того же источника: говорятъ, пишутъ... Довѣріе это искусственно создали газеты, и довѣріе къ „облеченнымъ довѣріемъ лицамъ" питаютъ только читатели газетъ. Для того, чтобы пріобрѣсти довѣріе отъ той громады барановъ, которые зовутся общественнымъ мнѣніемъ, надо только пріобрѣсти извѣстность, имя. Надо только говорить, выступать, будировать, мелькать въ газетахъ,—и готово имя, готово довѣріе. Не даромъ Геростратъ сжегъ храмъ Діаны для того только, чтобы пріобрѣсти извѣстность; въ наше время онъ былъ бы почтенъ постомъ лидера, предсѣдателя общества, парламента, а то и президента любой изъ республикъ.

Правда, извѣстностью пользуются и Марковъ 2-й, и Пуришкевичъ, однако, ихъ не причисляютъ къ числу лицъ, облеченныхъ до-

вѣріемъ. Въ чемъ же секретъ довѣрія къ Милюкову, а недовѣрія къ Маркову? Да въ популярности. И Марковъ, и Пуришкевичъ говорятъ рѣчи, но они не принадлежатъ къ числу популярныхъ общественныхъ дѣятелей. Въ популярности разгадка довѣрія, а секретъ популярности,—а, слѣдовательно, и довѣрія,—намъ извѣстенъ. Мы знаемъ уже, что для популярности мало одного ораторскаго искусства, и совсѣмъ не требуется, чтобы рѣчь была дѣльной, основательной, продуманной, результатомъ напряженной работы мысли, а нужно только, чтобы рѣчь была... пріятной. Мы неумолимо пришли къ тому выводу, который, собственно говоря, самъ собой напрашивался на основаніи всего вышеизложеннаго. А для того, чтобы быть пріятной, рѣчь должна, какъ огня, избѣгать одного: *правды*. Правда глаза колетъ, правда никогда не будетъ пріятной. Довѣріе, какъ и популярность, покупается лестью, обѣщаніями чужого добра, притворнымъ участіемъ. Ужъ сколько разъ твердили міру, что лесть гнусна, вредна; и еще вѣка, и тысячелѣтія, а можетъ быть, всю жизнь человѣчеству придется это твердить. Довѣріе, о которомъ трубятъ газеты и всякія резолюціи, было куплено господами, облеченными довѣріемъ общества, но оно было куплено самымъ недобросовѣстнымъ путемъ,—путемъ взятокъ. Вѣдь, и лесть, и обѣщанія чужого добра и тому-подобные пріемы относятся къ области взятокъ. Взяточничество—основа популярности, общественнаго довѣрія. Взяточничество —основной порокъ прогрессивно-демократической монархіи; этотъ порокъ сверху до низу проѣлъ монархію; одни демократы даютъ, а другіе берутъ взятки. Гдѣ же тутъ добросовѣстность, гдѣ честность, гдѣ правда? Люди добрые, развѣ не слышите? Вѣдь, это правду, святую правду топчутъ подъ ногами у васъ на глазахъ? А вы не только молчите, а еще поддерживаете этихъ насильниковъ.

Не правда ли, какое разочарованіе, какой трагизмъ? Мы мирились съ тѣмъ, что у лицъ, облеченныхъ нашимъ довѣріемъ, нѣтъ опыта, нѣтъ призванія и даже способностей къ государственной дѣятельности, но мы вѣрили въ ихъ честность, добросовѣстность; а при тщательномъ анализѣ оказывается, что и эти достоинства весьма сомнительнаго свойства. Оказывается, что общественное довѣріе представляетъ подложный аттестатъ; оно пріобрѣтается не по заслугамъ, а подкупомъ общественнаго мнѣнія. А какъ легко подкупить дѣтей сластями, такъ легко подкупить общественное мнѣніе пріятными рѣчами, ласковымъ словомъ, а главное—обѣщаніемъ чужого добра.

Съ какой стороны ни разсматривать вопросъ, нельзя не притти къ тому неоспоримому и логичному заключенію, что смѣшно и нелѣпо требовать, чтобы власть состояла изъ общественныхъ дѣятелей, облеченныхъ общественнымъ довѣріемъ, какъ смѣшно и нелѣпо было бы требовать, чтобы дѣти сами себѣ выбирали гувернеровъ. Вѣдь, такимъ путемъ въ гувернеры попадутъ одни лакеи съ лакейской душой, лишь за то, что они будутъ угождать прихотямъ дѣтскимъ, будутъ смотрѣть сквозь пальцы на ихъ шалости и проказы. Для обще-

ства власть—тотъ же гувернеръ: власть призвана соблюдать реальные интересы народа; она не должна считаться съ желаніями, прихотями и симпатіями общества, она должна считаться только съ народно-государственными интересами, хотя бы и вопреки капризамъ общества. Отсюда—прямой и правдивый выводъ: власть должна назначаться помимо общества и отнюдь не изъ общественныхъ дѣятелей, облеченныхъ притомъ довѣріемъ общества. Отъ „общественной" же власти добра не будетъ. Если же ввести въ жизнь такой принципъ, то получится нѣчто траги-комическое. Одинъ изъ кандидатовъ въ министры общественнаго кабинета суетъ обществу фунтъ конфектъ, другой обѣщаетъ цѣлый пудъ; одинъ приноситъ куклу, другой медвѣжонка, третій цѣлаго медвѣдя, а четвертый тащитъ обществу въ подарокъ настоящій автомобиль. Кто больше дастъ, кто больше угодитъ обществу, тотъ и попадетъ въ министры. Пфюй! Тошнитъ отъ этого выраженія: „облеченный общественнымъ довѣріемъ!"... О правда, правда! Какъ тяжело тебѣ, вѣрно, жить на этомъ свѣтѣ, гдѣ тебя немилосердно бьютъ, терзаютъ, гдѣ преклоняются только передъ ложью, продажностью, лакействомъ, лестью!

Когда начались наши военныя неудачи въ Галиціи, когда необходимость общаго сплоченія, забвенія какихъ-либо партійныхъ дрязгъ и мелочей и объединенія именно вокругъ власти становилось все яснѣе и яснѣе, началось вдругъ монотонное, гипнотизирующее завываніе, направленное противъ власти, на той прогрессивно-демократической улицѣ, которая зовется печатью. Я убѣжденъ, что въ пору военныхъ неудачъ, когда опасность приближается къ сердцу Россіи, когда эта опасность грозитъ каждому обывателю, то естественное чувство, которое охватываетъ каждаго обывателя, — къ какой бы партіи, вѣрѣ, націи онъ ни принадлежалъ, — можетъ быть только одно: сплотиться, объединиться вокругъ власти для того, чтобы общими усиліями отразить надвигающуюся опасность. Именно въ этихъ случаяхъ общество, народъ жмется къ власти, какъ ребенокъ къ матери. Я убѣжденъ, что таково было первоначальное чувство каждаго обывателя, таково было первоначальное настроеніе общественнаго мнѣнія въ Россіи. Инымъ оно не могло быть; если, допустимъ, были злоумышленныя злоупотребленія властью со стороны одного или даже нѣсколькихъ лицъ, то каждый понималъ, что режимъ, строй тутъ ни причемъ, что злоупотребленія возможны при всякомъ режимѣ, — они имѣли мѣсто и во Франціи и въ Италіи; но всякій сознавалъ, что теперь время разсчетовъ только съ врагомъ, что власть сама позаботится о томъ, чтобы злоумышленники понесли должное наказаніе. Мало того,—я убѣжденъ, что вначалѣ каждый сознавалъ, что неудачи въ такой грандіозной міровой войнѣ нельзя объяснять внѣшними причинами, каждый сознавалъ, что эти причины заложены глубоко въ нѣдрахъ народной души, народнаго характера, народной жизни; всякій, безъ сомнѣнія, сознавалъ, что и партійные дрязги сыграли немаловажную роль въ неудачахъ, и гораздо болѣе крупную, чѣмъ такая мелкая деталь, какъ возможныя злоупотребленія одного или нѣсколькихъ лицъ. Я глубоко убѣж-

денъ, что съ самаго начала войны и въ первое время неудачъ каждый себѣ ясно представлялъ, что партійные передряги принесутъ только колоссальный вредъ, что они на-руку только врагу; каждый чувствовалъ себя только гражданиномъ земли русской и ничѣмъ инымъ и не желалъ быть. Пусть каждый вспомнитъ тѣ чувства, которыми онъ жилъ все время, и онъ пойметъ, что онъ въ то время самъ назвалъ бы измѣнникомъ всякаго, кто заговорилъ бы о режимѣ, о строѣ, о власти, кто началъ бы будить партійность и вызывать раздоры. И чѣмъ же инымъ, какъ не гипнотизирующимъ вліяніемъ печати можно объяснить эту перемѣну настроенія, этотъ потокъ резолюцій, которыя даютъ право печати говорить отъ имени общественнаго мнѣнія? И печать имѣетъ на это право, потому что и въ душѣ каждый обыватель ни съ того, ни съ сего пришелъ къ непоколебимому убѣжденію, что министры только изъ числа „общественныхъ дѣятелей, облеченныхъ общественнымъ довѣріемъ“, обладаютъ какой-то магической силой, способной сокрушить Германію.

Увы! Для привычнаго уха это глухое завываніе печати было зловѣщимъ симптомомъ грядущаго нашествія темныхъ силъ на цѣлостность настроенія русскаго обывателя и русскаго общества. Въ воздухѣ запахло освободительно-разрушительнымъ движеніемъ недавняго прошлаго. На Россію, на народъ, на власть пошелъ походомъ черный блокъ, двинулся съ ратью современный Лже-Димитрій, подъ туманнымъ и экспропріаторскимъ прозвищемъ прогрессивно-демократическаго блока. Россія пережила уже смутное время, и тогда на Россію пошелъ походомъ Лже-Димитрій; но тогда Лже-Димитрій былъ для всѣхъ Лже-Димитріемъ, а Минины и Пожарскіе, поднявшіеся противъ Лже-Димитрія, назывались истинными патріотами, истинными сынами родины. А теперь Лже-Димитрій принялъ имя лже-демократа, и онъ въ почетѣ, а Минины и Пожарскіе зовутся чернымъ блокомъ. Развѣ то, что зовется чернымъ блокомъ, что печать окрестила такимъ именемъ—идетъ походомъ противъ Россіи, противъ власти, противъ народа? Развѣ этотъ блокъ проявлялъ какую-либо активность до тѣхъ поръ, пока не начался наборъ на власть, на будущее Россіи со стороны Лже-Демократа? И, какъ въ былое смутное время, Минины и Пожарскіе образовали и теперь не черный блокъ, а выступили только въ защиту народа отъ чернаго блока. Вѣдь, люди добрые, поймите, злоумышляетъ тотъ, кто нападаетъ. А кто же является нападающей стороной, какъ не печать, не прогрессивно-демократическій блокъ, — этотъ истинно-черный блокъ. Печать — и только она — превратила естественную попытку всѣхъ истинныхъ патріотовъ къ отпору и только отпору недругамъ и супостатамъ народнымъ — въ какое-то разбойное нападеніе, въ черный блокъ. И, подъ вліяніемъ печати, общество ослѣпло; оно не видитъ того ужаса, который происходитъ вокругъ него; оно не замѣчаетъ того, какъ передъ его же глазами топчутъ правду подъ ногами, клеймятъ, поносятъ истинныхъ друзей народа, вся вина которыхъ лишь въ томъ, что они взываютъ къ единенію, что они оберегаютъ власть отъ подкоповъ подъ нее, со-

знавая, что сплоченіе вокругъ власти — и только оно — принесетъ Россіи побѣду. Поймите же, люди добрые, вѣдь, не было же „чернаго“ блока, пока не было „демократическаго“ блока. Кто же нападаетъ, кто истинно-черный блокъ? Настоящее положеніе напоминаетъ тотъ случай, когда толпа гонится за воромъ, а самъ-то воръ бѣжитъ впереди и кричитъ: „держите вора!“ Кто бѣжитъ впереди и самъ же кричитъ: „держите вора!“ —тотъ и есть воръ. Все, что творится въ Россіи, искусственно создано; народъ въ этомъ не повиненъ. Все это настроеніе создано искусственно, оно создано будирующей печатью, постепенно загипнотизировавшей сознаніе обывателя настолько, что онъ, дѣйствительно, вѣритъ въ существованіе зловѣщаго чернаго блока. Этотъ зловѣщій черный блокъ есть, но онъ скрывается подъ туманнымъ и расплывчатымъ прозвищемъ: прогрессивно-демократическій блокъ. Такъ развѣ я не правъ былъ, утверждая въ предисловіи, что печать способна заставить обывателя бѣлое называть чернымъ, а черное — бѣлымъ. Вотъ, гдѣ она, эта преступная, гипнотизирующая власть печати, которая создаетъ общественное мнѣніе, которая ворочаетъ этимъ мнѣніемъ, какъ вѣтеръ пухомъ, которая друзей народа превращаетъ въ враговъ и, наоборотъ, честныхъ людей въ воровъ, умныхъ въ дураковъ, правдивыхъ — въ клоуновъ и шутовъ и, наоборотъ, которая, словомъ, на глазахъ у ослѣпленныхъ, загипнотизированныхъ правдолюбцевъ, топчетъ правду же ногами.

Когда началось глухое завываніе печати, то вначалѣ трудно было уловить въ немъ какіе-либо членораздѣльные звуки; чувствовалось только, что кучка газетчиковъ и общественныхъ дѣятелей пытается устроить фальсификацію общественнаго мнѣнія. Но когда, наконецъ, пошли резолюціи и опредѣленные разговоры о власти, облеченной довѣріемъ,—тогда ясно стало, что господа общественные дѣятели потянулись просто за министерскими портфелями. Для простодушнаго обывателя—это просто забава, игра въ кабинетъ министровъ, а для демократовъ себѣ на умѣ—это ихъ цѣль, мечта ихъ жизни. Вѣдь, весь демократизмъ сводится къ парламенту, къ отвѣтственному министерству,—словомъ, къ захвату власти,—какъ весь соціализмъ сводится къ захвату чужого богатства, чужого добра. Назначеніе простодушнаго обывателя—таскать каштаны изъ огня для всякаго рода дѣльцовъ изъ прогрессивно-демократическаго міра. Въ такихъ случаяхъ уступки, поблажки только разжигаютъ бездонные аппетиты охотниковъ до чужого добра, прикрывающихся именемъ общественнаго мнѣнія. Какъ дѣти, почуявъ горе въ домѣ, пользуются случаемъ для того, чтобы затѣять самыя шумныя, самыя разбойничьи игры, такъ общественники воспользовались несчастьемъ родины для того, чтобы въ это время попытаться сдѣлать брешь въ правительственной твердынѣ и пробраться къ власти. Можно думать, что они ждали военныхъ неудачъ, какъ манны небесной. Что имъ до горя родины, до несчастья народа? Имъ нужно только отвѣтственное министерство; это мечта ихъ жизни; имъ важно осуществить свою мечту хотя бы на развалинахъ родной страны; они сами готовы спо-

собствовать развалу страны, лишь бы на ея обломкахъ водрузить знамя отвѣтственнаго министерства.

Одинъ изъ демократическихъ борзописцевъ высказалъ недавно такую сентенцію: „русское правительство всегда опаздываетъ съ своими уступками общественному мнѣнію; оно цѣпко держится за Горемыкина въ то время, когда можно было бы удовлетворить общественное мнѣніе только Кривошеинымъ; оно даетъ Кривошеина тогда, когда уже надо Гучкова, а Гучкова тогда, когда надо Милюкова, а Милюкова тогда, когда надо Керенскаго". Хотѣлъ ли борзописецъ попугать власть или просто высказать умную сентенцію, не знаю; но знаю, что онъ сказалъ безсмыслицу. Почему это сегодня нужно Кривошеина, а завтра онъ не годится, а нуженъ Гучковъ? Эта сентенція изъ области: „баба ѣхала верхомъ въ раскидной каретѣ". Но въ этой сентенціи есть и доля правды, а правда ея въ томъ, что уступки капризамъ демократовъ безполезны и вредны; дашь Кривошеина, они требуютъ Гучкова; дашь Гучкова, они требуютъ Милюкова; Милюкова имъ также мало будетъ, подавай Керенскаго; но и эта прелесть имъ быстро надоѣстъ—подавай Чхеидзе! Какого рожна, какого чорта имъ на мѣсто Чхеидзе надо будетъ—и предсказать трудно.

Популярные общественные дѣятели подбираются къ власти. Они проливаютъ крокодиловы слезы по поводу неудачъ на войнѣ. Но это именно крокодиловы слезы, это только предлогъ для захвата власти. Базируются они на неподготовленности Россіи къ войнѣ. Казалось бы, наоборотъ, что эта военная неподготовленность должна бы вызвать восторгъ демократовъ, должна бы быть ими поставлена въ крупную заслугу правительству. Вѣдь, всѣ они сторонники мира, противники вооруженій, они требовали сокращенія арміи и расходовъ на военныя надобности. Вѣдь, еще за два мѣсяца до войны, по остроумному и мѣткому выраженію Маркова 2-го, „предсѣдатель военно-морской комиссіи Шингаревъ заявилъ: ни одного солдата правительству, ни одного рубля на военныя надобности". Я совсѣмъ не ставлю пацифизма въ упрекъ демократамъ, хотя считаю это ученіе отвлеченнымъ и безжизненнымъ. Но быть пацифистомъ—такъ ужъ быть имъ до конца и быть послѣдовательнымъ. Я даже игнорирую тотъ несомнѣнный фактъ, что своей пацифистской политикой демократы много способствовали нашей неподготовленности. Но я спрашиваю, разъ кто демократъ, разъ онъ пацифистъ, разъ онъ противникъ войны, и ему не нужны военныя удачи, то какое ему дѣло до военныхъ неудачъ? Что ему Гекуба, что онъ ей? Казалось бы, что весь прогрессивно-демократическій кагалъ долженъ бы играть роль пассивнаго зрителя и стоять въ сторонѣ. А вотъ, подите; для того, чтобы стать министромъ—любой популярный общественный дѣятель изъ демократовъ готовъ даже управлять военнымъ министерствомъ и воевать, воевать и воевать. Такъ развѣ не ясно, что и пацифизмъ демократовъ, и ихъ вопли по поводу неудачъ—все ложь, фальшь, притворство. Все только крокодиловы

слезы, только предлогъ для захвата власти. Вотъ, для чего созданъ былъ демократическій блокъ,—этотъ, воистину, черный блокъ. И уже послѣ того, какъ созданъ былъ этотъ блокъ, правдивые, здравомыслящіе люди, которымъ ясна была лживая, шантажная основа блока, естественно и исключительно, въ интересахъ правды и народа, постарались оказать противодѣйствіе преступнымъ замысламъ блока, и вотъ этихъ-то людей окрестили чернымъ блокомъ.

Вотъ, въ двухъ словахъ, правдивая исторія того, что зовется демократическимъ блокомъ и чернымъ блокомъ. И если общество ослѣплено, если оно эту исторію знаетъ и представляетъ себѣ въ превратномъ видѣ, то въ этомъ вина только печати, занимающейся исключительно преступнымъ гипнозомъ и фальсификаціей общественнаго мнѣнія. Въ мірѣ происходитъ борьба съ сотворенія міра; борьба труженіковъ съ тунеядцами, съ любителями легкой наживы. Такой тунеядецъ когда-то носилъ незамысловатое прозвище *вора*. Но съ развитіемъ государственности, гражданственности, воровская профессія потеряла всякую прелесть, и давнымъ-давно тунеядство прибѣгаетъ ко всевозможнымъ уловкамъ и даже аферамъ для того, чтобы жить легкой, пріятной жизнью, жизнью болонокъ Жужу; скрывается поэтому тунеядство подъ разными кличками. Современное тунеядство приняло кличку демократизма, интеллигенція тожъ. И пошло современное тунеядство походомъ противъ труда, энергіи, предпріимчивости, противъ личной иниціативы, противъ собственности, какъ результата, плода вышеперечисленныхъ моральныхъ преимуществъ, какъ основы порядка, законности и права, противъ власти, стоящей на-стражѣ собственности и всѣхъ культурныхъ благъ. И тысячелѣтіями тянется борьба между тунеядствомъ и реальнымъ трудомъ; и первымъ всегда выступаетъ походомъ тунеядство, оно является зачинщикомъ этого похода; оно же всегда является нападающей стороной, каждый разъ, подобно Хамелеону, мѣняя свой внѣшній видъ и обликъ, и каждый разъ побѣда неизмѣнно оставалась на сторонѣ труда, на сторонѣ жизненной правды. Но борьба съ современнымъ тунеядствомъ стала гораздо труднѣе, потому что тунеядство прибѣгло къ особому преступному пріему: къ повальному общественному *гипнозу*. Орудіемъ, средствомъ этого пріема и служитъ *печать*. Печать создана тунеядствомъ, держится тунеядствомъ, существуетъ тунеядствомъ, служитъ тунеядству. Ея арена—взбаламученное житейское море, мутная водица, ея орудія — афера, ложь, провокація, ея жертва — простодушный обыватель. Для *правды* совсѣмъ не нужна печать, *правдѣ* она служить не можетъ. Назначеніе печати—дать силу, вѣсъ тунеядству, поносить, позорить правду, клеймить трудъ, и черезъ трупы правды, честнаго, полезнаго труда, провести ожирѣвшее тунеядство къ всемірному господству, и на развалинахъ государственности, за которую человѣчество тысячелѣтіями проливаетъ кровь, водрузить безумное и преступное знамя: „хлѣба и зрѣлищъ!“

Вотъ, что представляетъ изъ себя печать и вотъ, что представляетъ изъ себя свобода печати, эта самая гибельная изъ всѣхъ

свободъ. Для чего нужна эта свобода и кому она нужна, ясно само собой. Какой ироніей послѣ всего этого звучитъ газетное сообщеніе о томъ, что представители печати подали докладную записку о тяжеломъ положеніи печати.

А, вѣдь, какъ и всякую свободу, и свободу печати называютъ прогрессомъ. Свобода еще не есть правда и совсѣмъ не представляетъ реальной необходимости. Объявите свободу открытыхъ дверей въ квартирахъ. Кому нужна эта свобода, какой толкъ отъ нея честнымъ людямъ? А вотъ ворамъ, грабителямъ, она безусловно нужна, имъ она пригодится, для нихъ она будетъ прогрессомъ. Кому нужна свобода печати? Развѣ ею воспользуется честный, правдивый труженикъ. Она нужна только тунеядцамъ, аферистамъ, для которыхъ правда — излишній балластъ, для которыхъ афера — ихъ родная стихія. Для правды много другихъ путей, и для правды каждое слово на вѣсъ золота; вѣдь, правда должна покоиться на правдѣ жизни и побужденія ея должны быть чисты и правдивы. Какъ-разъ сегодня я прочиталъ въ „Русскомъ Словѣ“ обращеніе московскаго городского головы, призывающее рабочихъ къ спокойствію. Обращеніе въ связи съ роспускомъ Государственной Думы 3-го сентября (1915 г.) Казалось бы, письмо подсказано самыми благородными намѣреніями. Но тутъ же рядомъ, въ передовой статьѣ, говорится, что роспускъ Думы—большой ударъ для народа; тутъ же рядомъ, на одинъ столбецъ выше, имѣется интервью того же Челнокова, гдѣ онъ говоритъ, что роспускъ Думы, это—ошибка. Къ чему же сводится призывъ Челнокова? Къ нолю, конечно. Я не говорю о томъ, что каждая статья той же газеты плачетъ по поводу роспуска Думы, каждое сообщеніе негодуетъ по этому поводу, — словомъ, каждый номеръ газеты способенъ вызвать безпорядки, забастовки, волненія, а призывъ Челнокова является полнымъ диссонансомъ. Да самое письмо Челнокова написано въ такомъ духѣ, что оно не успокаиваетъ, а разстраиваетъ; оно напоминаетъ обращеніе къ дѣтямъ: „дѣти, будьте спокойны, не плачьте; большое горе случилось у васъ: умерла ваша мать; теперь вы будете одиноки, несчастны, некому васъ кормить, одѣвать; придется вамъ терпѣть и холодъ, и голодъ, и всякія обиды, но ради Бога... (рыданія прерываютъ слова оратора) не плачьте, будьте спокойны!“ Дѣти даже не знали, что мать умерла, они даже не понимали значенія смерти, они были совершенно спокойны, и только послѣ успокоительной рѣчи оратора они разрыдались на весь домъ. Такого же сорта и успокоительное воззваніе Московскаго Городского Головы. Не надо никогда забывать, что въ позолоченной пилюлѣ можно подать и горечь, и противное слабительное, и даже ядъ. Свобода печати далека отъ правды печати, хотя бы каждое слово облекалось въ красивую форму, хотя бы каждая мысль дышала внѣшнимъ благородствомъ, лаской, подкупала своей кажущейся правдой. Все это — то же, что красивое, румяное яблочко, сердцевина котораго сгнила. Къ свободной печати присасываются только пьявки. Тамъ царство шантажа, лжи, обмана. Тамъ мутятъ воду только для того, чтобы въ мутной водѣ рыбу удить. Изъ при-

веденнаго уже примѣра видно, что совсѣмъ нѣтъ надобности кричать: „бастуйте, устраивайте революцію, экспропріируйте!“ Можно взывать къ спокойствію, и вызывать именно забастовки и смуты, какъ можно успокаивать дѣтей и вызывать у нихъ именно слезы.

Боже мой! Все это такъ ясно, такъ понятно. Роль печати можетъ быть только зловѣщей, только гибельной; она несетъ міру ядъ и отраву. Взывая о свободѣ печати, человѣчество, въ безумномъ ослѣпленіи, не сознаетъ, что оно отогрѣваетъ на своей груди чудовище, ядовитѣй самой ядовитой змѣи, коварство которой не имѣетъ границъ и предѣловъ. Гипнотизируя, усыпляя человѣчество, чудовище это подбирается къ тому, что дорого, что свято человѣчеству,— къ тому крошечному богатству, которое человѣчество успѣло скопить тысячелѣтіями упорнаго труда; оно подбирается къ той крупицѣ правды, которую человѣчеству удалось сберечь и сохранить на протяженіи его тысячелѣтняго странствованія, полнаго бурь и невзгодъ. О, Боже! Такъ и хочется крикнуть: „человѣкъ, розиня, проснись, очнись! вѣдь, ты пригрѣлъ змѣю на своей груди; вѣдь, она коварна и пробирается къ твоей душѣ и хочетъ похитить ту жалкую частичку правды, которая скрыта въ человѣчествѣ. Скорѣе же! время не ждетъ. Скорѣе же! оттолкни отъ себя змѣю,—это чудовище, которое зовется печатью. Держи ее за семью замками въ желѣзо-бетонной башнѣ, на желѣзныхъ цѣпяхъ, если ты не въ состояніи совсѣмъ съ ней покончить!“

А на-стражѣ правды, на пути коварныхъ и преступныхъ замысловъ печати и всего чернаго демократическаго блока—и стоятъ убѣленные житейскимъ опытомъ и государственной мудростью *старцы Государственнаго Совѣта*. Понятно, почему на прогрессивно-демократической улицѣ стремятся всячески дискредитировать Совѣтъ; членовъ совѣта зовутъ выжившими изъ ума стариками, оплотомъ тьмы и реакціи, а отпоръ преступнымъ замысламъ чернаго демократическаго блока зовутъ... чернымъ блокомъ. Я уже имѣлъ поводъ отмѣтить, что отношеніе къ лѣвымъ старцамъ совсѣмъ иное; ихъ зовутъ „великими старцами“. Но важно не это; важенъ тотъ переломъ, который происходитъ въ понятіяхъ человѣчества, та переоцѣнка всѣхъ цѣнностей, которая, несомнѣнно, наблюдается въ современномъ обществѣ и которая, несомнѣнно, обязана тому подкопу подъ установившіяся вѣками нравственныя представленія, который изо-дня въ день ведется и демократической печатью, и литературой. Въ понятіяхъ общества царитъ ужасающая и тревожная неразбериха; я уже имѣлъ поводъ указать, что умъ, здравый смыслъ, честность, благородство, прямота, трудолюбіе, способности—не въ цѣнѣ или, какъ принято теперь выражаться, „не облечены довѣріемъ общества“. Стоитъ только вспомнить упомянутое выше обращеніе Московскаго Городского Головы. Это обращеніе изумительно по своей безтактности, неумѣстности, по своему непониманію момента. Оно не только не вызоветъ успокоенія, но оно способно вызывать именно смуты и волненія. У меня нѣтъ ни малѣйшаго желанія

задерживаться на оцѣнкѣ такого пустяка, но я совѣтую каждому внимательно прочитать это обращеніе и вникнуть въ его смыслъ, и онъ придетъ въ ужасъ. Между тѣмъ, Челноковъ принадлежитъ именно къ стаѣ славныхъ, облеченныхъ общественнымъ довѣріемъ; онъ имѣетъ за собой довѣріе милліонной Москвы. А къ числу такихъ же старыхъ, забытыхъ, потерявшихъ довѣріе добродѣтелей относится и *уваженіе къ старости*. Въ старину, въ доброе, старое „реакціонное" время старика уважали, цѣнили; въ старости уважали и весьма основательно житейскій опытъ, мудрость, которые пріобрѣтаются только годами; къ словамъ старика прислушивались, совѣтамъ его внимали; вѣрили старику и потому, что, стоя на порогѣ смерти, оставивъ уже позади всякія мечты о счастьѣ, блаженствѣ, славѣ, чинахъ,—словомъ, всѣ мелкія человѣческія радости и вожделѣнія,—старость представлялась самымъ безпристрастнымъ и объективнымъ судьей. Уваженіе, довѣріе къ старости—самое естественное, благородное „реакціонное" чувство; потеря его говоритъ о томъ, что въ обществѣ идетъ нравственное разложеніе, что въ немъ происходитъ какой-то болѣзненный, тревожный духовный процессъ. А развѣ не это именно наблюдаемъ мы теперь. Теперь уважаютъ, теперь готовы слушать каждаго десятилѣтняго мальчишку, если онъ безсвязно лепечетъ о прогрессѣ, свободахъ, забастовкахъ, парламентахъ; о всякихъ же великовозрастныхъ юнцахъ, о всякихъ Керенскихъ и говорить нечего,—ихъ боготворятъ. Скажу прямо: въ мизинцѣ умудреннаго опытомъ, знаніемъ жизни Дурново *) или Щегловитаго неизмѣримо больше мудрости, больше правды, чѣмъ у всѣхъ Керенскихъ, вмѣстѣ взятыхъ. А, между тѣмъ, о Дурново говорятъ съ усмѣшкой, а Керенскихъ слушаютъ. Вѣдь, стоитъ сопоставить Дурново съ Керенскимъ, чтобы понять, что мы переживаемъ время какого-то умственнаго затменія, какого-то отупѣнія мысли, сознанія, какого-то ненормальнаго психическаго состоянія.

Всѣмъ вышеозначеннымъ я хотѣлъ бы высказать ту простую мысль,—вполнѣ ясную для моего сознанія,—что на мудрость Государственнаго Совѣта русскій народъ можетъ вполнѣ положиться, даже при сохраненіи тѣхъ выборныхъ элементовъ, которые въ немъ имѣются, а еще въ большей степени могъ бы усилиться престижъ Совѣта, если выборный принципъ былъ бы упраздненъ. Государственный Совѣтъ полностью олицетворялъ бы ту конституцію, которую въ данный моментъ народъ могъ бы, такъ сказать, переварить; Совѣтъ былъ бы и законодательнымъ, и контролирующимъ, и регулирующимъ, и направляющимъ учрежденіемъ. А то, что зовется народнымъ представителемъ или лицомъ, облеченнымъ довѣріемъ общества,—то мистификація, мишура. Это довѣріе, за круговой порукой, самое безсмысленное и самое вредное; оно остроумно и мѣтко выражено Крыловымъ въ изреченіи: „Кукушка хвалитъ пѣтуха за то, что хвалитъ онъ кукушку"; кучка газетчиковъ облекла довѣріемъ кучку общественниковъ за то, что общественники облекли довѣріемъ

*) Писано еще до смерти Дурново.

газетчиковъ. Это довѣріе навязываютъ ни въ чемъ неповинному простодушному обывателю; въ этомъ довѣріи кучка никому невѣдомыхъ газетныхъ псевдонимовъ расписывается за весь народъ, какъ расписываются за неграмотнаго, потому что грамота, въ лицѣ печати, въ рукахъ этихъ преступныхъ элементовъ. Печать, это — преступное сообщество, основанное для преступныхъ, шантажныхъ цѣлей. Надо изумляться, выражаясь мягко, простодушію обывателя, который жаждетъ свободы печати, не подозрѣвая, что онъ жаждетъ свободы для хищныхъ звѣрей, для ядовитыхъ змѣй, для политическихъ аферистовъ, и жаждетъ на свою же погибель. А въ основѣ довѣрія—подкупъ, лесть, взятки,—словомъ, одна афера.

XXVIII.

Я чувствую, что благородный и воспитанный на величественныхъ идеалахъ интеллигентъ не удовлетворенъ моими словами, ему нужно нѣчто другое, и онъ задаетъ мнѣ коварный вопросъ: „что же вы предлагаете на мѣсто того, что вы рушите? каковъ вашъ идеалъ государственной жизни? какія насущныя и неотложныя реформы нужны, по вашему мнѣнію, Россіи и русскому народу?“

Такъ, вѣдь, милый мой интеллигентъ; дорогой мой Діогенъ съ шевелюрой, я же не интеллигентъ, не всезнайка, я же порвалъ съ интеллигентствомъ и сталъ опять тѣмъ, чѣмъ Богъ меня создалъ, т.-е. человѣкомъ. Откуда же мнѣ знать то, чего я не могу знать? Я только о томъ и говорилъ, и твердилъ, кричалъ, что все несчастье отъ того, что люди не занимаются своимъ дѣломъ, что избѣгаютъ реальнаго труда, вмѣшиваются въ чужія дѣла, что норовятъ дѣлать то, чего они не могутъ дѣлать, говорить о томъ, чего они не могутъ знать, заниматься, словомъ, тѣмъ, что имъ совсѣмъ не подъ-силу. Напрасно, по моему, басни Крылова изучаютъ въ дѣтствѣ; они сходятъ за дѣтскую литературу; между тѣмъ, ихъ бы хорошо во всякомъ возрастѣ имѣть передъ глазами; много въ нихъ мудрости, много правды, и именно, простой, житейской, жизненной, а потому—и вѣчной! Вотъ я и помню всегда его милую, безподобную басенку: „щука и котъ“ и незабвенныя слова: „бѣда, коль сапоги“... Развѣ государствовѣдѣніе моего ума дѣло? Развѣ оно твоего ума дѣло, мой милый интеллигентъ? Вѣдь, это особаго рода спеціальность, профессія, особый даръ, особое призваніе. Вѣдь, для этого созданъ институтъ власти, который спеціально занимается этими вопросами, который за нихъ отвѣчаетъ, въ этомъ учрежденіи люди спеціально упражняются, воспитываются на вопросахъ государствовѣдѣнія; имъ и книги въ руки. Въ дѣлахъ государственныхъ, какъ и во всякомъ дѣлѣ, важны не ученая степень и не ученость, а именно опытъ, спеціализація. Развѣ трудно стать сапожникомъ? Но можно пройти пять факультетовъ, изучить всѣ ученія міра, вызубрить наизусть „Капиталъ“ Маркса, и быть все-таки полнѣйшимъ профаномъ и невѣждой въ сапожномъ искусствѣ. Или трудно развѣ стать врачомъ, инженеромъ? Но и сапожному, и врачебному, и

инженерному искусству надо учиться, надо въ немъ упражняться, ему отдаваться. Тутъ никакое ораторское искусство не поможетъ,— хотя, конечно, какой-нибудь Маклаковъ или Керенскій и о сапогахъ могутъ подрядъ битыхъ два часа говорить. Но говорить о сапогахъ или шить сапоги—не одно и то же, и всякій пойметъ, что отъ разговоровъ Керенскаго сапоговъ не получится, и что онъ о сапогахъ способенъ только ересь говорить. Точно также каждый будетъ скептически и съ большимъ недовѣріемъ относиться къ разсужденіямъ юристовъ Маклакова и Керенскаго о постройкѣ мостовъ, о сахарныхъ заводахъ и тому-подобныхъ спеціальныхъ вопросахъ. *) А вотъ

*) Не могу удержаться отъ вставки, примѣчанія, по поводу нашумѣвшаго какъразъ въ это время (въ то время, какъ брошюра уже печаталась) вопроса о крестьянскомъ равноправіи, служившаго предметомъ многодневныхъ преній въ Государственной Думѣ.

Откровенно говоря, я полный профанъ въ этомъ вопросѣ и по существу его не намѣренъ ни одного звука произнести, хотя каждый „интеллигентъ", несомнѣнно, считаетъ себя въ немъ докой, особенно послѣ того шума, который подняли и Государственная Дума, и пресса. Вѣдь, для интеллигента достаточно одного эфектнаго слова „равноправіе", чтобы онъ стоялъ за него горой; больше того,—чтобы онъ считалъ преступнымъ не только малѣйшее возраженіе, но даже простое желаніе—глубже и всесторонне разобраться въ вопросѣ. Такого преступника онъ заклеймитъ реакціонеромъ, черносотенцемъ, при случаѣ—устроитъ ему кошачій концертъ, подвергнетъ его протесту, бойкоту, демократической анаѳемѣ и тому-подобнымъ пыткамъ и казнямъ современной инквизиціи. Интеллигентъ не хочетъ понять, что надо годами, десятилѣтіями изучать даже вопросъ о крестьянскомъ равноправіи, чтобы смѣть о немъ сужденіе имѣть. Надо его изучать, живя бокъ-о-бокъ съ крестьяниномъ, входя съ нимъ въ тѣсное, дѣловое общеніе, въ качествѣ ли помѣщика или священника, земскаго ли начальника, вообще—правительственнаго чиновника или волостного старшины, или просто находясь въ шкурѣ крестьянина. Надо этотъ вопросъ разсматривать подъ разными углами зрѣнія, хотя бы: исторической, государственной, народной, сословной, сельско-хозяйственной, экономической, семейно-общественной, лично-индивидуальной, религіозной и т. п. Совсѣмъ недостаточно быть для этого даже крестьяниномъ, но надо и крестьяниномъ быть культурнымъ, истинно-сознательнымъ, здравомыслящимъ, съ широкимъ умственнымъ кругозоромъ. Главное же—надо быть трезвымъ реалистомъ, далекимъ отъ интеллигентныхъ бредней, выше всего ставить интересы жизненной правды и всемѣрно прислушиваться къ голосу послѣдней. Неужели интересы дѣтей призваны защищать только дѣти? Неужели эти интересы любому ребенку ближе, доступнѣй и понятнѣй? Каждому, безъ словъ, ясно, до какихъ абсурдовъ могутъ договориться дѣти, и до какихъ абсурдовъ можно договориться, идя въ этомъ демократическомъ направленіи.

Словомъ, я всю жизнь занимался своимъ дѣломъ, вопросу же о крестьянскомъ равноправіи на своемъ вѣку не только не удѣлилъ десятилѣтій и даже годовъ упорнаго, въ реальныхъ условіяхъ, труда, но удѣлилъ ему лишь столько времени, сколько всѣ депутаты, выступавшіе за него, сколько всѣ борзописцы, писавшіе о немъ, и сколько всѣ остальные интеллигенты, читавшіе о немъ въ газетахъ, — другими словами, удѣлилъ ему нѣсколько часовъ бездѣлья. И такъ какъ я знаю о немъ ровно столько, сколько всѣ вышеупомянутыя лица, т.-е. ровнымъ счетомъ ничего, то я о немъ, по существу, ровно ничего не скажу. Но я знаю нѣчто другое. А именно. Разъ этотъ вопросъ вызвалъ цѣлый рядъ большихъ парламентскихъ дней; разъ докладчикомъ выступалъ самъ Маклаковъ; разъ онъ посвятилъ этому вопросу нѣсколько «блестящихъ» рѣчей, проявивъ при этомъ высокую степень самопожертвованія, полнаго діогеновскаго презрѣнія къ интересамъ

подите-ка; въ самой сложной, въ самой отвѣтственной изъ всѣхъ спеціальностей—въ государствовѣдѣніи—всѣ знатоки, всѣ спеціалисты, и если врачъ Шингаревъ говоритъ о государственныхъ дѣлахъ битыхъ три часа, то никому и въ голову не приходитъ, что онъ въ этихъ дѣлахъ смыслитъ столько же, сколько въ сапогахъ или апельсинахъ. Есть, впрочемъ, одна спеціальность, въ которой каждый чувствуетъ себя знатокомъ, это—медицина; каждый готовъ лечить, давать совѣты, каждый своего рода знахарь. Но даже въ медицинѣ есть спеціалисты-врачи, и знахарство постепенно исчезаетъ. А государствовѣдѣніе ничто иное, какъ народная медицина,—вѣрнѣе, медицина для народа. И удивительно, въ этой спеціальности всѣ считаютъ себя знатоками, спеціалистами. Интеллигентность—всезнайство, парламентаризмъ—всенародное знахарство. Стать государственнымъ дѣятелемъ не легко; надо десятилѣтіями работать, спеціализироваться на службѣ; постепенно выдвигаться умомъ, трудолюбіемъ, знаніями, способностями и т. п. Иначе не пробѣрешься, потому что каждому начальнику нужны дѣльные люди, и на службѣ идетъ естественный подборъ дѣльныхъ, способныхъ, талантливыхъ людей.

Такимъ образомъ, государственный дѣятель постепенно двигается по іерархической лѣстницѣ, и только на склонѣ лѣтъ ему ввѣряется какой-либо отвѣтственный государственный постъ. Но зачѣмъ трудиться, спеціализироваться, когда можно стать знахаремъ, когда можно сказать рѣчь о сапогахъ и прослыть хорошимъ са-

---

собственной личности и не менѣе высокую степень невоздержной любви ко всему остальному человѣчеству; разъ онъ вступилъ въ рыцарскій бой,—въ кровавый, страшный, не только опасный, но даже словесный бой со всѣми противниками проекта и даже, подобно знаменитому рыцарю безъ страха и упрека, не моргнувъ, бросилъ перчатку самому... Керенскому и самому... Чхенкели,—этимъ знаменитымъ рыцарямъ «трудового» ордена,—другими словами, этимъ прогремѣвшимъ и неустрашимымъ борцамъ за право и интересы всего поголовно человѣчества, за исключеніемъ только тѣхъ людей, которые зовутся... Керенскимъ и Чхенкели (къ интересамъ послѣднихъ они относятся по-діогеновски, съ полнымъ презрѣніемъ); разъ этотъ вопросъ вызвалъ къ себѣ сугубое вниманіе этого самаго Керенскаго и этого самаго Чхенкели; разъ они съ неукротимымъ ревизорскимъ пыломъ распинались за него, бросая вызовъ все... направо и направо (лѣвѣе—некуда); разъ, въ защиту его, авторитетно выступали и голосовали за него такіе знатоки крестьянскаго вопроса и русскаго крестьянскаго быта, какъ мусульманинъ Тевкелевъ (быть-можетъ, я путаю фамиліи выступавшихъ, но, вѣдь, суть не въ фамиліяхъ), полякъ Гарусевичъ, грузинъ Чхеидзе, еврей Фридманъ, литовецъ Ичасъ и, вообще, представители всѣхъ инородцевъ; разъ этотъ вопросъ привлекъ интенсивное вниманіе всей прогрессивно-демократической печати, и всѣ борзописцы не только воспѣваютъ его въ стихахъ и въ прозѣ, но и проливаютъ за него рѣки и моря крокодиловыхъ слезъ; разъ ему въ „Русскомъ Словѣ“ посвятилъ цѣлую статью самъ... Веселовскій; разъ, читая рѣчи и статьи, млѣетъ отъ восторга вся интеллигентная Россія; разъ вся пресса поетъ хвалебные гимны безстрашному Діогену современности—Маклакову; разъ вся интеллигентная Россія молится на него, а крестьянскіе депутаты (не смѣшивать съ крестьянами!) преподносятъ адресъ Маклакову и устраиваютъ ему вкусный и развеселый банкетъ,—то я знаю, моей душѣ, моему сознанію доподлинно извѣстно, что этотъ нашумѣвшій вопросъ о крестьянскомъ равноправіи... и выѣденнаго яйца не стоитъ. Мнѣ ясно, что это одна интеллигентная болтовня, одна донъ-кихотская борьба, что не только реальные интересы государства или народа, но даже реальные интересы, личные и

пожникомъ, когда можно сказать рѣчь о любомъ вопросѣ государственной жизни и прослыть знатокомъ государственныхъ нуждъ, превратиться въ общественнаго дѣятеля, облеченнаго довѣріемъ,—другими словами, въ кандидата въ министры.

Такъ вотъ, милый мой интеллигентъ, я знахарствомъ не занимаюсь, знахарство презираю, занимаюсь только тѣмъ дѣломъ, къ которому призванъ, а поэтому не могу дать отвѣта на твой вопросъ. Я въ своей брошюрѣ выступилъ именно противъ знахарства, противъ того поголовнаго знахарства, которое слыветъ подъ именемъ парламентаризма. Я не поучаю и ничему не учу, не создаю никакого ученія, а говорю, высказываю только то, что вижу, и что знаю своимъ сознаніемъ, — высказываю только простыя житейскія мысли, основанныя на жизни, на изученіи жизни и только жизни. Я, напримѣръ, не учу, что не надо красть; если кому угодно красть, пусть крадетъ; каждый за себя, вѣдь, самъ отвѣчаетъ, но если я поймалъ вора на мѣстѣ преступленія, я кричу: вотъ воръ! Я не проповѣдую, что надо быть умнымъ и не высказываю такой глубокомысленной, оригинальной, чисто-гавриловской мысли, что пріятнѣе, полезнѣе быть умнымъ, чѣмъ осломъ или бараномъ. Кому на роду написано быть осломъ или бараномъ, тотъ имъ и будетъ. Но когда я вижу человѣка и явственно различаю у него ослиныя уши и нѣкоторые другіе ослиные признаки и привычки, я кричу: вотъ оселъ! Или, когда вижу человѣка, и вижу, какъ этотъ человѣкъ стоитъ

сословные, крестьянина-земледѣльца здѣсь нисколько не затронуты. Мнѣ ясно, что это такое же отвлеченное, общее и безсодержательное слово, какъ и пресловутая свобода слова и другія демократическія цѣнности; что внѣ жизни, внѣ ея реальныхъ интересовъ и ея правды, это слово такой же пустой звукъ, какъ и другія пышныя слова и выраженія. Къ примѣру, что реальнаго, существеннаго для крестьянъ въ правѣ—поступать въ пажескій корпусъ? А возможно, что изъ-за такихъ правъ весь сыръ-боръ загорѣлся...

Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ ни времени для мотивированнаго сужденія по существу, ни охоты къ этому; да, повторяю, для этого требуется длительное и кропотливое изученіе вопроса, но я глубоко убѣжденъ, что реальному и вдумчивому знатоку крестьянскихъ нуждъ достаточно было бы самаго поверхностнаго анализа для того, чтобы показать всю фальшь, безсмыслицу и даже преступность пышныхъ думскихъ рѣчей и столь же блестящихъ газетныхъ статей. Я сужу объ этомъ по близко и хорошо мнѣ извѣстному вопросу о еврейскомъ равноправіи. Я знаю, сколько фиктивнаго, несущественнаго въ этомъ вопросѣ, а главное — какой вредъ принесло и можетъ принести это пресловутое равноправіе реальнымъ и возвышеннымъ интересамъ еврейскаго народа; сколь много преступнаго въ жизни послѣдняго вносятъ борцы за его равноправіе. Этой сторонѣ вопроса я удѣлю особое мѣсто въ своей будущей спеціальной брошюрѣ и постараюсь мотивированно, именно съ упомянутой выше точки зрѣнія, его освѣтить.

Но я доподлинно знаю нѣчто другое. А именно. Если вопросъ о равноправіи покоится на выдуманныхъ, фиктивныхъ основаніяхъ, то ему, само собой разумѣется, грошъ цѣна. Вообще же равноправія нѣтъ и не можетъ быть въ жизни, потому что неравноправіе заложено въ природѣ, неразлучно съ жизнью и ея истинной, Божественной правдой. Если же фактическое, реальное неравноправіе покоится на реальныхъ, естественныхъ мотивахъ и основаніяхъ, то его никакими

какъ баранъ, и его стригутъ какъ барана, то что же остается мнѣ дѣлать, какъ не крикнуть: вотъ баранъ!

Развѣ мой любимецъ, дѣдушка-Крыловъ, былъ сапожникомъ или пирожникомъ? Онъ въ сапогахъ и въ пирогахъ ни аза не смыслилъ; но, да простятъ мнѣ Шингаревы, Керенскіе и имъ подобные, онъ былъ въ милліонъ разъ ихъ умнѣе и добросовѣстнѣе, и о сапогахъ, и о пирогахъ ничего въ своихъ басняхъ не писалъ, но когда онъ самъ своими глазами увидалъ, какъ сапожникъ сталъ печь пироги, и какой толкъ отъ этого получился, онъ и крикнулъ: „бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ!“ Это была простая житейская мысль, взятая изъ жизни, изъ житейской гущи.

А развѣ я въ своей брошюрѣ учу или проповѣдую, гдѣ прогрессъ, въ чемъ прогрессъ. Наоборотъ, я говорилъ, и подтверждаю еще разъ, что я этого совсѣмъ не знаю, т.-е. смыслю въ этомъ столько же, сколько Милюковъ, Чхеидзе, Шингаревъ и всѣ народные представители, сколько всѣ газеты и всѣ популярные общественные дѣятели и даже тѣ, которые облечены довѣріемъ общества. Какъ я могу говорить о прогрессѣ, о прогрессивныхъ реформахъ, когда я не вижу народнаго пути, когда я не знаю направленія этого пути, и не знаю, гдѣ передъ, гдѣ задъ, гдѣ правая, гдѣ лѣвая сторона этого пути. Но если я вдругъ передъ своими ногами увидалъ яму или глубокій оврагъ,—я кричу и имѣю право кричать: вотъ оврагъ!

циркулярами, никакими возвышенными проектами не искоренишь; такими способами реальнаго неравноправія не уничтожишь; оно въ томъ или иномъ видѣ, въ той или иной формѣ сохранится во всей силѣ. Дайте, къ примѣру, крестьянину право поступать въ пажескій корпусъ. Развѣ онъ имъ воспользуется? Несомнѣнно, это право останется только на бумагѣ. Или, развѣ съ уничтоженіемъ крѣпостного права уничтожено насиліе, исчезла рабская зависимость однихъ, крѣпостное засиліе другихъ? Если же уничтоженіе реальнаго неравноправія и возможно, то оно требуетъ неимовѣрныхъ трудовъ; тутъ нѣтъ мѣста ораторскимъ изліяніямъ и рыцарскимъ турнирамъ. Необходимо воздѣйствовать на основныя причины неравноправія, притомъ отнюдь не путемъ демократическихъ, или, какъ ихъ демократы нѣжно титулуютъ, „коренныхъ и насущныхъ“ реформъ, а путемъ силы, путемъ реформы, которая длительно бы работала въ природныхъ, реальныхъ условіяхъ и капля за каплей подтачивала бы корень, основу неравноправія. Для такой реформы меньше всего пригоденъ даръ народнаго представителя, даръ популярнаго общественнаго дѣятеля, т.-е. *человѣческій*, преподносимый людьми,—вѣрнѣе, людской глупостью, людскимъ простодушіемъ, и покоящійся на природныхъ экспропріаторскихъ, хищническихъ инстинктахъ человѣка; тутъ нуженъ даръ *Божій*; нужны геніи, пророки, которыхъ Богъ посылаетъ рѣдко-рѣдко, одного—на протяженіи вѣковъ и поколѣній. Невольно при этомъ мысль обращается къ Столыпину; его реформа землеустройства, его раскрѣпощеніе общины призвано, между прочимъ, оказать благодѣтельное вліяніе и на реальныя формы крестьянскаго равноправія, но для этого требуется работа вѣковъ и поколѣній, требуется упорная, реальная работа самихъ крестьянъ. Эта работа, какъ само собой ясно, будетъ происходить въ естественныхъ, природныхъ условіяхъ жизни крестьянъ. Если же равноправія хотятъ достигнуть путемъ пышныхъ докладовъ, возвышенныхъ проектовъ и блестящихъ рѣчей въ парламентахъ, то это равносильно тому, какъ когда-то рыцари пытались распространить идеалы христіанской любви путемъ занимательнаго единоборства на пышныхъ и великолѣпныхъ турнирахъ. И какъ рыцарямъ до иде-

Дѣло каждаго обойти оврагъ, проложить ли мостикъ, или броситься въ оврагъ. Я считалъ своей обязанностью предупредить о томъ, что я видѣлъ собственными глазами.

Я могу не видѣть народнаго пути, могу не знать, что́ нужно народу, по какому направленію ему итти, но я могу знать, что вообще полезно, что вредно народу. И если послѣ тщательнаго химическаго анализа парламента я пришелъ къ заключенію, что это — ядъ, народный морфій, я кричу: это ядъ! Врачъ знаетъ, что морфій —ядъ; онъ можетъ у постели больного не знать, чѣмъ боленъ больной, какое ему лекарство нужно, но онъ знаетъ, что морфій — ядъ, и это знаніе останется неизмѣннымъ при всѣхъ условіяхъ, потому что есть особая наука „токсикологія“,—наука о ядахъ, а опредѣленіе и леченіе болѣзней—особая наука. И я, въ своей брошюрѣ, бесѣдую только о народныхъ ядахъ. Правильное названіе моей брошюры: „народная токсикологія“. Какъ извѣстно, въ аптекахъ ядовитыя вещества имѣютъ особую этикетку, на которой нарисованъ человѣческій черепъ и написано: „ядъ!“ Вотъ я и завелъ у себя такую народную аптеку, и въ моей аптекѣ есть отдѣлъ ядовитыхъ сильнодѣйствующихъ народныхъ средствъ; для каждаго у меня этикетка съ головой мертвеца и надписью: „сильный ядъ; даже въ незначительной дозѣ способенъ убить, отравить любой народъ!“ А зовутся эти яды: „парламентаризмъ“, „пресса“, „прогрессивно-демократическій блокъ“, „соціалъ-демократія“, „общественность“, „забастовки“, „сво-

---

аловъ любви, такъ и нашимъ парламентаріямъ, газетчикамъ и общественникамъ до крестьянскаго равноправія и дѣла нѣтъ никакого. И тѣмъ, и другимъ важны только рыцарская слава и побѣдные лавры; кому нужна была побѣда мечомъ, а кому нужна—языкомъ.

По аналогіи съ рыцарствомъ, все это намъ стало ясно и понятно, но отсюда мы должны логично и ясно притти къ другимъ выводамъ. Если рыцарямъ важна была только рыцарская слава, или, какъ теперь выражаются, «популярность;» если до реальныхъ интересовъ любви имъ и дѣла не было, то ясно, что, въ погонѣ за славой, они должны были придумывать идеалы, лишь бы имѣть поводъ къ единоборству на турнирахъ и къ побѣднымъ лаврамъ. А, какъ намъ это исторически извѣстно, все вышеизложенное и имѣло мѣсто во времена рыцарства; всѣ идеалы рыцарей были выдуманы, фиктивны, воплотившись, въ концѣ-концовъ, въ домъ сердца. Дульцинеей Донъ-Кихота Сервантесъ на вѣки-вѣчные заклеймилъ всѣ такіе фиктивные, безсмысленные идеалы; ею же онъ заклеймилъ всѣхъ Донъ-Кихотовъ, которые, въ погонѣ за мишурной славой, придумываютъ себѣ фиктивные поводы и идеалы и бьются за нихъ,—бьются пылко, горячо, храбро... съ вѣтряными мельницами. Вотъ эта простая истина, исторически и глубоко вѣрная по отношенію къ средневѣковому рыцарству, всецѣло относится и къ рыцарямъ современности, къ Маклаковымъ современности,—другими словами, къ интеллигентамъ, какую бы кличку послѣдніе ни носили, на какомъ бы поприщѣ они ни подвизались. Интеллигентамъ, какъ и рыцарямъ, нужна слава, популярность; имъ нужны званія народнаго представителя, общественнаго дѣятеля, демократа, оратора, лектора, публициста. Развѣ можно добиться популярности на почвѣ реальнаго, тяжелаго труда и во имя реальныхъ нуждъ и потребностей? Такой популярности избѣгали средневѣковые рыцари, потому что такая популярность была не по плечу ихъ рыцарскому тунеядству,—вѣрнѣе, слава праздныхъ рыцарей была имъ милѣй безславія скромнаго труженика; они предпочитали поэтому добиваться славы на веселыхъ праздничныхъ турнирахъ во имя той или иной Дульцинеи, т.-е. во имя фиктивныхъ, вымышленныхъ идеаловъ. И если кто отлыниваетъ отъ реальнаго,

бода печати", „свобода забастовокъ", „неприкосновенность депутатской личности", „профессіональные союзы", „общество народныхъ университетовъ", „внѣшкольное образованіе" и т. д. Перечисленіе списка этихъ ядовъ заняло бы цѣлую брошюру. Помѣщены они у меня въ большомъ шкафу, на дверцѣ нарисованъ большой зловѣщій черепъ, а вмѣсто надписи „venena", т.-е. ядовитыя народныя средства, у меня выгравировано одно слово: „интеллигенція". Вотъ это заглавіе я далъ бы своей брошюрѣ, потому что понятіе о народныхъ ядахъ вполнѣ совпадаетъ съ понятіемъ „интеллигенція".

Помимо того, мой милый интеллигентъ, я лично даже не вправѣ говорить о томъ, чего недостаетъ русскому народу, и какія коренныя, насущныя реформы ему нужны. Я не вправѣ потому, что я еврей, инородецъ. Я не принадлежу къ числу тѣхъ инородцевъ, которые считаютъ возможнымъ вмѣшиваться въ чужую жизнь, въ чужія дѣла. Этимъ великимъ грѣхомъ страдаютъ и многіе, очень многіе евреи. Я же принадлежу къ числу евреевъ, всецѣло пропитанныхъ ветхозавѣтными традиціями,—традиціями еврейскаго народа. Я поэтому органически, отъ природы, не могу вмѣшиваться въ чужія дѣла, потому что я цѣню чужое достоинство, чужое „я", а внесеніе своихъ принциповъ, своихъ традицій въ жизнь другого народа я считаю величайшимъ насиліемъ, которое, кромѣ вреда, ничего не приноситъ народу. О, я далекъ отъ мысли считать и признавать еврейскій народъ вреднымъ. Скажу тутъ же, что я не знаю выше сча-

---

но скромнаго труда и ищетъ славы въ современныхъ веселыхъ и праздничныхъ турнирахъ.—въ парламентахъ, обществахъ, съѣздахъ, союзахъ, въ газетахъ, въ банкетахъ и даже... въ тюрьмахъ,— то отсюда ясно, прежде всего, что въ такихъ учрежденіяхъ изощряется одно тунеядство; а затѣмъ — не менѣе ясно и очевидно, что изощряется это интеллигентное тунеядство на почвѣ выдуманныхъ, фиктивныхъ нуждъ и интересовъ, во имя донъ-кихотскихъ идеаловъ; наконецъ, само собой напрашивается выводъ, что въ упомянутыхъ и имъ подобныхъ учрежденіяхъ идетъ сплошная борьба... съ вѣтряными мельницами. У каждаго своя Дульцинея, и во имя ея онъ борется,—попросту говоря, безудержу трещитъ, кто — перомъ, кто — языкомъ. Вѣдь, въ нашемъ мірѣ слава, популярность отнюдь не достаются реальнымъ труженикамъ, хотя бы изобрѣтателямъ вѣтряныхъ мельницъ, а тѣмъ менѣе— мукомоламъ на мельницахъ, а только — борцамъ съ вѣтряными мельницами. Такъ досталась популярность Маклакову, такъ досталась она ему и въ вопросѣ о крестьянскомъ равноправіи. Рыцарей-побѣдителей забрасывали розами, а Маклаковыхъ забрасываютъ адресами, чествтъ банкетами, ихъ встрѣчаютъ и провожаютъ овваціями. Такимъ образомъ, мы логично, послѣдовательно и ясно пришли къ тому выводу, къ той мысли, которую я апріорно высказалъ въ началѣ примѣчанія.

Но я знаю еще кое-что. А именно, что такая донъ-кихотская борьба за равноправіе нанесетъ преступный ущербъ только принципу равноправія, только идеалу равноправія. Я это позналъ на расцѣнкѣ многихъ демократическихъ цѣнностей, хотя бы на расцѣнкѣ пресловутой свободы слова. Въ доброе, старое время, когда не было въ Россіи демократической свободы слова, когда о послѣдней не было еще даже разговоровъ,— тогда-то именно была въ Россіи истинная свобода слова, и каждый обыватель въ полной мѣрѣ пользовался ею, конечно, въ своей реальной дѣятельности и въ реальныхъ, законныхъ предѣлахъ. Когда же, наконецъ, исполнилась мечта демократовъ,— когда появилась „свобода слова" вполнѣ по вкусу демократовъ и по ихъ рецепту,—то оказалось, что тогда-то и не стало свободы сло-

стья, не представляю себѣ болѣе высокой гордости, чѣмъ счастья и гордости родиться, жить и умереть евреемъ. Мнѣ не разъ,—и въ печати, и въ лицо,—бросалиобвин енія, что я выступаю противъ демократизма изъ-за какихъ-то личныхъ выгодъ; надѣюсь, что, по крайней мѣрѣ, въ данномъ случаѣ никто не заподозритъ меня въ стремленіи къ выгодамъ, потому что, насколько извѣстно, еврейское происхожденіе не сулитъ никакихъ матеріальныхъ выгодъ. Смѣю увѣрить моихъ критиковъ, что какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ другихъ случаяхъ мною руководитъ только правда. Я высказываю только то, что мною продумано, что стало не только яснымъ, но и правдивымъ для моего сознанія, и то, что я высказалъ на счетъ счастья родиться евреемъ, я высказалъ вполнѣ продуманно и сознательно, а въ брошюрѣ, которую я намѣренъ посвятить еврейскому народу и вообще національнализму, я постараюсь, съ Божьей помощью, сдѣлать это яснымъ и для другихъ.

Я далекъ поэтому отъ мысли вносить свою психику, свою мысль, свою душу въ жизнь русскаго народа; я поэтому не поучаю, а говорю только то, что знаю, что носитъ житейскій, общечеловѣческій характеръ. Знаю я, что военныя неудачи отнюдь не зависятъ отъ отдѣльныхъ личностей, а отъ самого народа. Народъ стремится искать виновниковъ, свалить на кого-либо вину за неудачи, но это недобросовѣстно и вредно. Знаю я это потому, что это общечеловѣческій, житейскій недугъ: искать причину своихъ неудачъ не въ себѣ

ва въ Россіи, что она была отнята,— ея не стало именно у того русскаго обывателя, который принадлежитъ къ числу истинно-правдивыхъ людей и реальныхъ тружениковъ. Оказалось, что эта свобода слова пошла на пользу только аферистамъ, шантажистамъ и хулиганамъ, что они только ею воспользовались. Вотъ къ чему приводитъ донъ-кихотская борьба во имя фантастическихъ Дульциней; она необходима и приноситъ пользу только праздному тунеядству. Такъ же обстоитъ дѣло и съ равноправіемъ крестьянъ. Смѣю увѣрить, что отъ этого маклаковскаго равноправія крестьянамъ ни на іоту не прибавится реальнаго, полезнаго равноправія, что отъ него крестьянамъ столько же толку, сколько отъ козла молока, а что всѣмъ этимъ интеллигентамъ и борцамъ за равноправіе крестьянъ до крестьянъ и дѣла нѣтъ никакого, что имъ, подобно рыцарямъ, дорогъ только возвышенный идеалъ фантастическаго и абстрактнаго равноправія, дорога только та популярность, которую несетъ имъ борьба за эту Дульцинею. А развѣ эта популярность не досталась Маклакову, не достается Маклаковымъ, вообще—всѣмъ общественникамъ? Къ числу ли послѣднихъ относятся всѣ парламентаріи и всякіе депутаты; „общественные“ гласные въ земствахъ, думахъ и другихъ выборныхъ учрежденіяхъ, всѣ поголовно газетчики, публицисты всѣхъ видовъ, члены всякихъ обществъ, комитетовъ, союзовъ, хотя бы даже земскаго и городского, народные лекторы, и ихъ слушатели, популярные профессора и ихъ ученики, участники всякихъ съѣздовъ, банкетовъ, цвѣточныхъ дней и другихъ благотворительныхъ карнаваловъ, весь „общественный“ третій элементъ типа Клафтона, Тезякова и т. п.,—словомъ, всѣ современные борцы съ вѣтряными мельницами. Но не надо забывать, что эта эфектная, занимательная и веселая борьба за равноправіе сулитъ общественникамъ не только славу и популярность; какъ и средневѣковымъ рыцарямъ, она открываетъ имъ дорогу къ власти, къ почету, къ богатству,—другими словами, *даетъ имъ огромныя права и преимущества передъ другими*, въ корнѣ подрывается подъ принципъ, идеалъ равноправія. На почвѣ уравненія сословій создается особое привилегированное сословіе современныхъ рыцарей-бароновъ,—сословіе Маклаковыхъ. Со-

самомъ, а внѣ себя. Я поэтому взываю къ самоанализу и къ самобичеванію. Это именно универсальный методъ, примѣнимый для отдѣльныхъ индивидовъ и для отдѣльныхъ народовъ. Здѣсь нѣтъ вмѣшательства въ чужую жизнь, нѣтъ насилія, именно потому, что отъ анализа и бичеванія я отказываюсь. Наоборотъ, дается полная свобода каждому притти къ любому выводу на почвѣ самоанализа, но только самоанализа.

Или, развѣ я дерзаю указывать русскому народу, какъ ему устраивать свою жизнь? Я только утверждаю, что царская власть, вышедшая изъ народа, связанная съ народомъ всей его жизнью,—самая нормальная, самая естественная. Это также универсальное положеніе, основанное на чисто-житейскихъ отношеніяхъ, на отношеніяхъ отца къ дѣтямъ. Это положеніе годится для всякаго народа. Власть такъ же необходима народу, какъ необходимы дѣтямъ заботы родителей. Во всемъ животномъ мірѣ я всюду встрѣчалъ материнскую любовь и попеченіе, и считаю это природнымъ и естественнымъ явленіемъ; власть несетъ народу тѣ же заботы и попеченіе. Но ни одинъ родитель не можетъ дать своему ребенку то, чего ему недостаетъ отъ природы. Если ребенокъ слѣпъ, глухъ отъ природы, или слабоуменъ, тупъ, лѣнивъ, то такимъ онъ останется на всю жизнь, и жизненныя его удачи или неудачи человѣка зависятъ не отъ родителя, а отъ природныхъ достоинствъ или недостатковъ каждаго индивида. Точно также власть не въ силахъ дать народу то,

---

здается и засиліе, и крѣпостное иго этихъ борцовъ современности. Точь-въ-точь, какъ въ средніе вѣка, которые слывутъ вѣками варварства. И какъ въ средніе вѣка въ тунеядческое сословіе рыцарей, такъ и теперь въ праздное сословіе рыцарей современности, сирѣчь—общественниковъ, никогда не попадутъ именно тѣ, которые заняты только своимъ дѣломъ, которые реально, правдиво трудятся по своему призванію, по своей профессіи, и стоятъ въ сторонѣ отъ праздныхъ забавъ современныхъ рыцарей-барановъ, сирѣчь—Маклаковыхъ. Вотъ это рыцарское засиліе, какъ и въ средніе вѣка, будетъ давить только всѣхъ реальныхъ, полезныхъ тружениковъ, какъ „свобода слова" въ кавычкахъ давитъ только правду, только правдивыхъ людей. Вотъ гдѣ обида! Если есть какое-либо реальное, природное неравноправіе крестьянъ, то его, вѣдь, рѣчами и проектами Маклакова не искоренишь; наоборотъ, мимо такого-то реальнаго неравноправія и пройдетъ Маклаковъ, пройдутъ Маклаковы: тутъ негдѣ, вѣдь, развернуться ораторскому искусству. Обида же въ томъ, что всякое природное неравноправіе зиждется на природныхъ преимуществахъ или недостаткахъ того или иного лица: на его умѣ, предпріимчивости, трудолюбіи и т. п.; реальныя привилегіи, словомъ, достаются въ жизни труду, труженикамъ. На почвѣ же кричащей, демократической общественности, на почвѣ современнаго рыцарства, привилегіи достаются праздности, тунеядству,—достаются болонкамъ изъ породы Жужу.

Невольно вспоминаешь опять дѣдушку-Крылова; его простую, но величественную по замыслу и глубинѣ содержанія, басенку: „Двѣ собаки",—и обидно, до горечи обидно за правду, за реальный трудъ, за Барбоса, за Барбосовъ. А имя послѣднимъ—легіонъ! Это—вся та милліонная, милліардная масса правдивыхъ тружениковъ, которые зовутся обывателями. Это—все человѣчество, это—безбрежное обывательское море, среди котораго то тутъ, то тамъ копошатся на бархатныхъ коврахъ паразиты, тунеядцы изъ породы Жужу, сирѣчь—общественники,—тѣ, что въ старину звались рыцарями.

чего ему отъ природы не дано. Власть не въ состояніи вдохнуть въ народъ энергію, иниціативу, жажду труда и т. п., а будущее народа,—его жизнь, его удачи или неудачи,—отъ этихъ только качествъ зависятъ. Но я слышу крики: „Въ Россіи деспотія, тираннія! Власть ставитъ тормазы иниціативѣ, предпріимчивости народа, — отсюда всѣ бѣды, всѣ напасти его!“ Я изумленъ, потому что въ моемъ сознаніи Царская власть не ставитъ и не можетъ ставить тормазовъ народу; она, подобно родительской власти, полна заботами о народѣ, она идетъ навстрѣчу реальному труду, реальной предпріимчивости, но она ставитъ тормазы и должна ставить ихъ аферѣ, шантажу, преступнымъ инстинктамъ. И въ самомъ дѣлѣ, когда я дѣлаю объективный анализъ той общественности, элементы которой, яко-бы, представляютъ элементы народной энергіи, предпріимчивости, труда, то я прихожу къ заключенію, что это одна афера, одинъ шантажъ, и что власть вправѣ, въ интересахъ народа, ставить имъ препятствія. Но я не вмѣшиваюсь въ отношенія власти и народа, какъ никогда не вмѣшиваюсь въ отношенія отца къ дѣтямъ. Если, напримѣръ, отецъ не разрѣшаетъ сыну знакомства съ какимъ-либо субъектомъ, считая, что послѣдній оказываетъ вредное вліяніе на сына, то это, конечно, право отца; но возможно, что родитель ошибается; когда же случайно въ моихъ рукахъ очутилось документальное, неоспоримое доказательство, что этотъ субъектъ, дѣйствительно, аферистъ, моя нравственная обязанность— представить этотъ документъ отцу и сыну. А какъ они отнесутся къ домументу, какъ они будутъ реагировать, это ихъ дѣло. Я свою обязанность выполнилъ, а дальнѣйшее мое вмѣшательство принесетъ только вредъ. Точно также я привелъ въ своей брошюрѣ русскому народу неоспоримое доказательство, что его пресса и общественность — только афера и шантажъ. Я свою обязанность выполнилъ, я бы радъ душой указать пути, какъ исцѣлиться отъ этого недуга, но для этого надо родиться русскимъ, имѣть русскую душу, мыслить и чувствовать по-русски, иначе принесешь больше вреда, чѣмъ пользы. Я потому только и считаю Столыпина истинно-русскимъ патріотомъ и демократомъ, что онъ душой, сердцемъ, мыслью постигъ, что нужно русскому народу въ данный моментъ.

О, я знаю, мой милый интеллигентъ, тебѣ скучно читать такую брошюру, какъ моя. Тебѣ нужны идеалы, ученія, я же базируюсь только на житейскихъ истинахъ, на жизни. Я всецѣло базируюсь на томъ положеніи, что человѣку надо въ потѣ лица своего добывать свой хлѣбъ, — другими словами, реально работать, трудиться. Это не ученіе, такъ говоритъ сама жизнь. Разъ у человѣка отъ природы глаза и уши, — значитъ, онъ долженъ смотрѣть и слушать. Разъ у человѣка желудокъ и его желудокъ требуетъ пищи для поддержанія жизни, — значитъ, человѣку надо ѣсть; а пищу надо добывать, она даромъ не дается, хлѣбъ надо сѣять, убирать, надо заводить огороды, сады; надо держать птицу, скотъ, для нихъ кормъ доставать, — словомъ, надо работать; и не только человѣкъ, каждая тварь должна добывать себѣ трудомъ средства къ существованію.

Это неминуемый и непреложный законъ природы. Понятіе „существованія“ можно расширить; сюда войдутъ удобства жизни, почетъ, слава, богатство, достатокъ. Всюду требуется трудъ и только трудъ. Представителемъ такого труда въ баснѣ Крылова и является песъ Барбосъ. Но есть люди, которые, подобно болонкѣ Жужу, стремятся добывать себѣ средства къ существованію легкимъ, пріятнымъ способомъ. Эти люди являются представителями другого начала—тунеядства, паразитства. По моему мнѣнію, борьба въ мірѣ идетъ между началами реальнаго труда и тунеядства. Это неоспоримое положеніе, съ которымъ всякій согласится; это не ученіе, а просто страничка изъ жизни, изъ тусклой житейской прозы. Но дѣло въ томъ, что жизнь осложнилась, трудъ принялъ самыя разнообразныя формы, понятіе: „средства къ существованію“ весьма расширилось, и трудно стало разобраться въ томъ, что̀ реальный трудъ, что̀ тунеядство. Вотъ въ этомъ жизненномъ вопросѣ пошла большая путаница, большая неразбериха. Когда же я сталъ разбираться въ жизни, сталъ анализировать нѣкоторыя жизненныя явленія, я совершенно логично, послѣдовательно пришелъ къ неожиданному для меня самого и ужасающему выводу, что парламенты, пресса, общественность, демократизмъ, рабочее движеніе, — словомъ, все то, чѣмъ живетъ, дышитъ современное общество, чѣмъ оно гордится,—ничто иное, какъ тунеядство, паразитство. Что̀ я позналъ, и весь ходъ мыслей, которымъ я это позналъ, я и излагаю въ моей бесѣдѣ. Мое дѣло маленькое; я всего-навсего тотъ пожарный, который стоитъ на каланчѣ и назначеніе котораго—бить въ набатъ, когда онъ видитъ пожаръ. Ему нѣтъ дѣла до того, какія мѣры люди принимаютъ тамъ внизу; онъ ударилъ въ набатъ—и выполнилъ свое назначеніе. И я только бью въ набатъ, бью на весь міръ. Я даже болѣе чѣмъ увѣренъ, что и люди, и народы останутся глухи къ моему трезвону. Это ихъ дѣло. Но я знаю и то, что пожаръ тунеядства смететъ, превратитъ въ прахъ и развѣетъ по вѣтру всякій народъ, который не приметъ мѣръ противъ тунеядства, скрывающагося подъ вышеперечисленными кличками, нарицательное имя которому—„интеллигентность“.

Что касается Манифеста 17 Октября и его осуществленія, то Манифестъ этотъ остается Манифестомъ, т.-е. величайшимъ актомъ Самодержавной Царской власти. Послѣ неудачной Японской кампаніи всѣ тунеядческіе элементы страны и тогда, какъ въ настоящую пору, воспользовались несчастьемъ народа для того, чтобы взбаламутить общественное житейское море и въ мутной водѣ рыбы поудить. Переполохъ во время какого-либо несчастья, горя, пожара или стихійнаго бѣдствія представляется преступнымъ элементамъ самымъ удобнымъ временемъ для кражъ, экспропріаціи. Пользоваться несчастьемъ, базироваться на стихійномъ бѣдствіи могутъ только преступные элементы, только тѣ, которымъ никакого дѣла нѣтъ до насущныхъ интересовъ лица или народа, охваченнаго несчастьемъ. Назначеніе каждаго истиннаго демократа и патріота въ годину тяжелыхъ испытаній родины можетъ быть только одно: молчаливое сплоченіе вокругъ власти для общей, дружной и сосредоточенной работы.

Все, что не руководится этимъ принципомъ, то преступно, то преслѣдуетъ свои какія-то личныя или партійныя преступныя цѣли, а не интересы народа и родины. И въ 1905 году, какъ и въ настоящую пору, у интеллигенціи русской хватило патріотизма, демократизма и здраваго смысла лишь для того, чтобы затѣять борьбу съ властью и взбаламутить всѣ элементы страны. Сознанію всякаго неослѣпленнаго, нормальнаго человѣка одно это обстоятельство ясно говоритъ, что будирующая интеллигенція,—носитъ ли она названіе прессы, общественности, демократическаго блока, аграрнаго или рабочаго движенія,—представляетъ преступное сообщество, основанное на тунеядствѣ, и въ которомъ тунеядство возведено въ принципъ, въ систему, а тунеядство фатально ведетъ къ грабежамъ, экспропріаціямъ. Цѣлью мобилизаціи общественно-преступныхъ силъ и въ 1905 году, какъ и въ настоящее время, является экспропріація власти путемъ подкопа подъ государственность и собственность. Не знаю, удастся ли преступный замыселъ въ настоящее время; быть-можетъ, поставленные на карту, реальные интересы государства въ эпоху столь грандіозной міровой войны образумятъ и отрезвятъ народъ. Но въ 1905 году интеллигенціи удалось вызвать пожаръ, такъ называемаго, освободительнаго движенія. Началась какая-то оргія, какая-то пляска вѣдьмъ; гулъ стоялъ въ воздухѣ отъ воя шакаловъ, блеянія барановъ и реваословъ. Словомъ, насталъ въ странѣ хаосъ.

И вотъ въ это-то время раздался мощный голосъ Царя,—изданъ былъ Манифестъ 17 Октября. Царская власть сказала этимъ манифестомъ, сказала въ манифестѣ то, что Она могла сказать, т.-е. одну правду. Она сказала, что Она не только не избѣгаетъ единенія со здравымъ смысломъ народа, но Она ищетъ, жаждетъ этого единенія. Она могла бы прибавить, что Она давно уже и все время единится со здравымъ смысломъ народа. Она зато сказала, что Ей дороги и близки реальные ингересы народа, и что Она отнюдь не противится никакимъ свободамъ и конституціоннымъ гарантіямъ народа. Манифестъ этотъ подобенъ завѣщанію родителя въ пользу малолѣтняго сына; согласно завѣщанію, сынъ вступаетъ во владѣніе имуществомъ лишь по наступленіи совершеннолѣтія; такое завѣщаніе говоритъ о любви отца, о его желаніи дать сыну богатство, когда онъ въ состояніи будетъ имъ пользоваться, но сынъ долженъ дожить до совершеннолѣтія, долженъ стать достойнымъ богатства.

Манифестъ остается Манифестомъ, т.-е. актомъ Самодержавной Царской власти,—выраженіемъ того, что Царская Власть жаждетъ видѣть народъ счастливымъ, пользующимся всѣми благами истинной свободы. Но ни одинъ манифестъ не можетъ дать этой свободы, потому что она не зависитъ отъ Царской Власти и отъ чьей-либо власти, потому что свобода заложена въ душѣ человѣка и народа. Манифестъ можетъ дать свободу арестанту, освободить его отъ оковъ тюремныхъ, но манифестъ не можетъ дать свободу душѣ, не можетъ освободить душу человѣка отъ оковъ и цѣпей злобы, лжи, тунеядства и

другихъ пороковъ, крѣпко сковавшихъ ее. А истинная свобода наступитъ только тогда, когда въ душѣ каждаго воцарится правда; правда — и только она — основа свободы и конституціи, но правда, заложенная въ душѣ человѣческой.

И когда я думаю о Манифестѣ 17 Октября, я невольно вспоминаю библейскую исторію. Я вспоминаю, какъ Богъ вывелъ евреевъ изъ Египта, какъ Онъ ихъ довелъ до обѣтованной земли и сказалъ имъ, что Онъ освободилъ ихъ отъ Египетскаго рабства, но народъ еще не освободился отъ своихъ рабскихъ привычекъ и наклонностей, отъ рабскаго духа, и недостоинъ еще вступить въ обѣтованную землю. Богъ обѣщалъ евреямъ обѣтованную землю. Это былъ манифестъ Бога, но народъ долженъ былъ предварительно странствовать 40 лѣтъ по пустынѣ для того, чтобы очистить свою душу и заслужить обѣтованную землю.

И манифестъ 17 Октября сулитъ русскому народу истинную свободу, сулитъ то райское яблоко, которое зовется конституціей и которое представляетъ для рускаго народа его обѣтованную землю. Но райское яблоко это находится за тридевять земель, въ саду, который стерегутъ и Кощей Безсмертный и Змѣй Горынычъ. Надо пройти черезъ всевозможныя препятствія, и только черезъ трупы Кощея и Змѣя можно добраться до яблока, до обѣтованной земли. Если же еврейскому народу пришлось странствовать 40 лѣтъ по пустынѣ, если этого времени оказалось недостаточно, чтобы заслужить обѣтованную землю, и народъ ея лишился, то русскому народу, быть-можетъ, вѣка еще придется итти къ своей обѣтованной землѣ. Манифестъ же 17 Октября служитъ ему порукой, что на этомъ пути со стороны Царской власти народъ препятствій не встрѣтитъ. Встрѣтитъ онъ препятствіе только со стороны Государственной Думы, которая является скороспѣлымъ извращеніемъ Манифеста 17 Октября. Это ошибка, переизбытокъ довѣрія. Но исправить ошибку никогда не поздно, и ее должно исправить, пока не поздно. Вѣдь, и Богъ когда-то переоцѣнилъ достоинства еврейскаго народа и слишкомъ рано отдалъ ему обѣтованную землю, но Онъ исправилъ свою ошибку, лишивъ евреевъ временно родной земли и заставивъ еще долго странствовать по пустынѣ. А Государственная Дума — какой-то парадоксъ русской жизни.

XXIX.

Война, это—стихійное бѣдствіе, это — пожаръ. Самое главное въ такихъ случаяхъ, не терять присутствія духа. Растерянность во время несчастья только усугубляетъ несчастье и приноситъ одинъ вредъ. Такой грѣхъ случился съ однимъ моимъ пріятелемъ во время ночного пожара. Онъ уже спалъ и, проснувшись, такъ растерялся, что схватилъ цилиндръ, одѣлъ его и выбѣжалъ на улицу. Съ цилиндромъ на головѣ и почти въ костюмѣ Адама, пріятель мой весьма важно разгуливалъ по пожарищу, воображая, что онъ совершилъ

геройскій подвигъ и спасъ то, что нужно, и все, что нужно. И послѣ Японской войны многіе выбѣжали на общественную улицу въ Адамовомъ костюмѣ, но съ великолѣпными цилиндрами на головахъ. Кто одѣлъ цилиндръ народнаго образованія, кто — парламента, кто —соціальной республики, а кто, какъ Самарскій депутатъ Гладышъ,— не въ состояніи былъ пойти дальше цилиндра почтово-телеграфнаго чиновника. Каждый былъ увѣренъ, что въ его цилиндрѣ все достояніе русскаго народа, что въ немъ спасеніе Россіи. Но особенно охотно каждый носился съ цилиндромъ народнаго образованія.

Народному образованію намѣренъ я посвятить нѣсколько строкъ.

Кто-то пустилъ въ обращеніе милую шутку, что германскій школьный учитель побѣдилъ Францію. Эта шутка была принята за серьезную житейскую истину и стала руководящимъ идеаломъ лозунговъ и программъ государственнаго строительства. Мнѣ хотѣлось бы разсѣять это заблужденіе, потому что это только заблужденіе, потому что побѣдилъ Францію нѣмецъ и только нѣмецъ. Вѣра въ спасительность народнаго образованія такое же заблужденіе, какъ вѣра въ спасительность парламента и свободъ. Даютъ побѣду тѣ или иныя природныя народныя свойства души и характера; народное же образованіе является внѣшнимъ элементомъ, который несетъ на себѣ всецѣло отпечатокъ тѣхъ же природныхъ свойствъ. Да и японецъ побѣдилъ Россію только благодаря природнымъ свойствамъ японца, ихъ преимуществу въ то время надъ природными свойствами русскаго человѣка.

Война, это—пожаръ незастрахованнаго отъ огня имущества. Надо спасать не бездѣлушки, не цилиндры, шляпы, игрушки, а надо спасать самое цѣнное, что необходимо для жизни, что необходимо для добыванія средствъ къ жизни. Музыкантъ долженъ спасать свою скрипку, швея – свою машину. Будутъ цѣлы у перваго—скрипка, а у второй—швейная машина, и будутъ у нихъ опять и цилиндры, и шляпы, и бездѣлушки. И народу во время войны надо спасать, надо сохранить только свое природное богатство; а у русскаго народа много богатствъ. Прежде всего, его строй жизни, сложившійся вѣками, въ видѣ Самодержавной Царской власти, представляющей для народа то же, что любящая, заботливая мать для ребенка. Она, какъ мать, держитъ ребенка на строгой, но питательной и раціональной діэтѣ, смотря по возрасту и состоянію здоровья ребенка. Другое богатство народа—его національная православная религія. Третье его богатство —тѣ неуловимыя природныя свойства его души, на почвѣ которыхъ создавалась его религія, выросла и окрѣпла его Царская Власть, сложился весь строй его жизни, на почвѣ которыхъ родилась русская народная сказка, русская пѣснь, и истинно-русская литература и т. п. Впрочемъ, пѣвцовъ и бардовъ много, но мало избранныхъ; къ истинно-русскимъ геніямъ, къ именамъ Крылова, Гоголя, Некрасова, Чехова, Грибоѣдова исторія причислитъ

не много именъ; исторія, это—сито, которое просѣиваетъ золотой песокъ, собранный и возвеличенный современниками; и какъ мало зеренъ золота остается на ситѣ!

Вотъ эти три элемента и составляютъ то, что образно зовется: самодержавіе, православіе и народность. Они неотдѣлимы другъ отъ друга. Возможно развѣ въ Россіи отдѣлить религію отъ государства? Если это отдѣленіе возможно было во Франціи, то только потому, что тамъ церковь подчиняется другому государю, потому что тамъ она представляетъ особое государство. На почвѣ этихъ трехъ элементовъ вырастаютъ и крѣпнутъ всѣ другіе элементы народной жизни,—и судъ, и администрація, и сельское хозяйство, и торговля, и промышленность и т. п. Все, что связано съ жизненными элементами народа, что покоится на нихъ, что вызвано ими, то представляетъ реальную потребность, то жизненно и крѣпко, то необходимо народу и принесетъ ему пользу. Каждый элементъ народной жизни, какъ и всякій предметъ, представляетъ обоюдоострое оружіе,—онъ можетъ принести или пользу, или вредъ, быть необходимостью или представлять излишній балластъ. Все въ мірѣ относительно, а въ особенности это примѣнимо къ такому серьезному и сложному элементу народной жизни, какъ образованіе.

Скажу прямо: по моему мнѣнію, образованіе есть ничто иное, какъ *накопленіе реальныхъ, необходимыхъ, а потому и полезныхъ индивиду знаній*. Это накопленіе можетъ относиться къ знаніямъ общаго, универсальнаго характера и слыветъ подъ именемъ общаго образованія, или же оно имѣетъ въ виду знанія спеціальнаго характера, имѣющія примѣненіе въ томъ или иномъ видѣ къ жизни,—другими словами, слыветъ подъ именемъ образованія спеціальнаго. Если говорятъ о школьномъ учителѣ и народномъ образованіи, то имѣютъ въ виду общее образованіе, и это именно образованіе въ глазахъ его адептовъ окружено какимъ-то необыкновеннымъ сіяніемъ, оно-то обладаетъ какой-то магической, неестественной силой, способной вдохнуть въ народъ крѣпость, мощь и дать ему даже побѣду надъ врагомъ. Но изъ даннаго мною опредѣленія образованія ясно, что даже спеціальное образованіе представляетъ чистовнѣшній элементъ, самъ по себѣ имѣющій то же значеніе для народа, что накопленіе богатствъ для индивида. Важно не накопленіе знаній и богатствъ, а важно ихъ примѣненіе къ жизни; и для всякаго ясно, что въ этомъ отношеніи главную и существенную роль играютъ тѣ же природныя свойства человѣка и народа, о которыхъ я говорилъ выше. Можетъ-быть, относительное число спеціальныхъ учебныхъ заведеній и разныхъ спеціалистовъ: инженеровъ, архитекторовъ, врачей, агрономовъ и меньше въ Россіи, чѣмъ въ Японіи, но абсолютно число это очень велико у насъ и, возможно, даже больше, чѣмъ въ Японіи. Если же Россія отстала въ культурномъ и въ другихъ отношеніяхъ отъ Японіи, то, несомнѣнно, въ силу природныхъ народныхъ свойствъ характера, души, и въ силу тѣхъ природныхъ условій, въ которыхъ приходится жить народу, и о которыхъ я выше

говорилъ. Я не берусь судить, какія это свойства, но я знаю, что есть люди богатые, которые свое богатство держатъ втуне, получая доходы отъ капитала и этимъ удовлетворяясь, и есть люди богатые, которые свои капиталы пускаютъ въ оборотъ, ведутъ обширныя дѣла и у себя дома, и въ другихъ городахъ, и даже за-границей. Точно также можно коптѣть надъ своими спеціальными знаніями и не давать имъ должнаго примѣненія. Сила, мощь народа въ немъ самомъ, въ его душѣ и характерѣ, которыми направляется и опредѣляется сила и значеніе каждаго элемента его жизни.

Несомнѣнно, строй внутренней жизни народа, его обычаи, традиціи, неуловимыя, тонкія свойства его характера могутъ способствовать развитію спеціальныхъ знаній и ихъ примѣненію, или, наоборотъ, могутъ служить тормазомъ, прессомъ для живого, широкаго ихъ развитія и примѣненія. Нѣкоторые недостатки такого образованія въ Россіи сами бросаются въ глаза. Укажу хотя бы на теоретичность преподаванія, на преобладаніе лекціоннаго метода надъ практическими занятіями. Насколько мнѣ извѣстно, въ Германіи обращается вниманіе, главнымъ образомъ, на практическія занятія. Эта жажда теоретическихъ знаній, въ противовѣсъ скучной практикѣ, быть-можетъ, присуща русской натурѣ. Но, на мой взглядъ, устарѣлъ и для Россіи совершенно не пригоденъ лекціонный методъ преподаванія. Изъ года въ годъ повторяютъ одно и то же, читаютъ то, что есть въ книгахъ и что можно прочитать; читаютъ по опредѣленнымъ конспектамъ и только затѣмъ, чтобы студенты, впослѣдствіи, къ экзамену зубрили по этимъ конспектамъ. Это совершенно лишняя трата времени. Слушаешь и не уловишь смысла сказаннаго; зазѣваешься, потеряешь нить, и вся лекція для тебя можетъ потеряться; пропустилъ одну лекцію, потерялъ нить, и остальныя пропадаютъ для тебя. Немудрено, что многіе студенты не посѣщаютъ мѣсяцами профессора; въ былое время студенты въ первый разъ видѣли профессора въ лицо только во время экзамена. Да смѣшно и нелѣпо посѣщать профессора, слушать его лекціи, когда то же можно прочитать на досугѣ у себя дома,—читать съ чувствомъ, съ разстановкой, обдумывать прочитанное, вникать въ него, и читать дальше только въ томъ случаѣ, когда предыдущее тебѣ понятно и ясно. Мнѣ кажется, для всякаго должно быть ясно, что чтеніе и слушаніе лекцій—одна лишняя трата времени. Университетскій курсъ представлялся какимъ-то водевилемъ; люди считались студентами университета, и являлись только къ экзаменамъ. Чтобы прекратить этотъ водевиль—ввели педелей, заставили записывать, кто посѣщаетъ лекціи, но отъ этого нелѣпость не уменьшалась, потому что заставляли людей безъ толку просиживать на лекціяхъ и безплодно терять дорогое время. Пріобрѣтаютъ знанія студенты только тогда, когда они готовятся къ экзаменамъ, и, въ результатѣ существующей системы преподаванія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, тратятся годы тамъ, гдѣ нужны только мѣсяцы, а такимъ путемъ университетскій курсъ превращается въ забаву, въ развлеченіе. Я съ глубокимъ убѣжденіемъ высказываю ту мысль, что надо

прекратить эту комедію, которая зовется высшимъ образованіемъ. Необходимо перейти къ чисто-практическимъ занятіямъ и къ методу школьнаго преподаванія съ заданіемъ уроковъ и требованіемъ отвѣтовъ.—словомъ, превратить курсъ ученія въ трудъ и только въ трудъ. Чисто же теоретическіе курсы, къ которымъ практическій методъ не примѣнимъ, правильнѣе всего прекратить и ограничиться только экзаменами по нимъ. Я думаю, что юридическій курсъ наукъ можно бы такимъ путемъ пройти въ годъ, максимумъ въ два года, а медицинскій сократить до трехъ лѣтъ. Иначе теряется представленіе о реальномъ трудѣ, его смыслѣ, значеніи, а нѣтъ ничего опаснѣе, какъ превратить накопленіе знаній, т.-е. образованіе,—въ забаву, въ развлеченіе, въ пріятное времяпрепровожденіе.

Какъ и всякое богатство, какъ и всякая собственность, накопленіе знаній должно быть результатомъ реальнаго, упорнаго труда. На почвѣ же присущаго человѣку стремленія къ тунеядству, образованіе превращается только въ забаву; полученныя же такимъ путемъ знанія малоцѣнны и легко расцѣниваются въ общежитіи. Все это, съ своей стороны, вноситъ развратъ въ психику и усиливаетъ стремленіе къ тунеядству, къ легкому труду, къ скороспѣлому накопленію знаній; на почвѣ этого извращенія реальнаго труда и истиннаго образованія, пышно цвѣтутъ народные университеты, отъ которыхъ толку столько же, сколько отъ козла молока.

Помимо того, лекціонный методъ преподаванія даетъ поводъ лекторамъ искать популярности у студентовъ и у широкихъ слоевъ общества. Знаніями, передачей реальныхъ знаній и требованіемъ реальныхъ знаній популярности не пріобрѣтешь. Природной бюрократической душѣ русскаго юношества, его склонности къ безпочвеннымъ словопреніямъ, къ громкимъ словамъ и пышнымъ идеаламъ,—импонируютъ не знанія, не правдивое, добросовѣстное, чисто-гражданское отношеніе профессора къ своимъ обязанностямъ. Развѣ такими качествами у русскаго студента пріобрѣтешь популярность? Ему нужны ораторское искусство, слащавая рѣчь, пышныя обѣщанія чужого добра, сказки о свободахъ, автономіяхъ и т. п. Онъ вѣритъ ласковымъ словамъ, ласковымъ улыбкамъ, притворной добротѣ и участію, а господа профессора щедро расточаютъ и то, и другое, и третье; имъ нужна популярность, и они ее пріобрѣтаютъ. И въ университетахъ правда такъ же не въ цѣнѣ и не въ почетѣ, какъ и въ остальной общественности; и въ университетахъ царитъ тотъ же фатальный трагизмъ русской жизни: на глазахъ у правдолюбиваго юношества топчутъ правду подъ ногами. Понятно, что въ стремленіи къ популярности, профессора окончательно уничтожаютъ ту крупицу реальнаго труда, которую несетъ лекція, и превращаютъ послѣднюю въ интересное театральное представленіе. Слушать лекціи нѣкоторыхъ профессоровъ—одно удовольствіе, одинъ восторгъ, читать такія лекціи—одно удовольствіе, одинъ восторгъ. А что пріятно, то прогрессъ. Пышнаго же расцвѣта такихъ удовольствій, сплошного наслажденія можно ожидать только при уни-

верситетской автономіи. Понятно, почему послѣдняя положена въ основу прогрессивно-демократическихъ требованій и программъ. Понятно, почему чтеніе лекцій положено въ основу народныхъ университетовъ; оно привлекаетъ публику наравнѣ съ театральными цирковыми представленіями. Въ этомъ—успѣхъ народныхъ университетовъ, но въ этомъ—и немощность, и безсиліе страны, которой образованіе не идетъ въ прокъ. Ясно, что въ такихъ плачевныхъ результатахъ надо винить только себя. Самоанализъ и самобичеваніе—вотъ къ чему я взываю, и взываю потому, что я знаю, что причина всѣхъ причинъ лежитъ только въ человѣкѣ, гдѣ оно касается человѣка, и въ народѣ, гдѣ оно касается народа.

Большое значеніе имѣетъ и, весьма возможно, приноситъ большое зло та система привилегій, система какого-то *поощренія*, которая положена у насъ въ основу образованія. Цѣнятся не знанія, не трудолюбіе, не энергія, отнюдь — не желаніе и умѣніе примѣнять свои знанія къ жизни, а только... *дипломъ*. Все зло русской народной и государственной жизни въ системѣ „поощренія", въ загонѣ живой индивидуальной иниціативы. Только и разговоровъ, что о поощреніи промышленности, сельскаго хозяйства, той или другой отрасли дѣятельности. Въ странѣ сильно развитаго индивидуализма — въ Англіи—правительство ищетъ поощренія въ народѣ, — у насъ, наоборотъ, полагаются только на правительство, надѣются только на него, сами сидятъ, сложа руки, и ограничиваются только тѣмъ, что свои же вины сваливаютъ на правительство. Крѣпостное право явилось на почвѣ такой духовной инертности, такого закрѣпощенія духа, и до тѣхъ поръ, пока духъ народа не свободенъ, пока онъ ищетъ опоры, пока онъ нуждается въ опекѣ, въ поощреніи, — народъ долженъ исключительно на себя пенять за тотъ укладъ жизни, который у него создался и за тѣ порою печальныя послѣдствія и бѣды, которыя несетъ съ собой этотъ укладъ.

Дипломъ даетъ массу привилегій, даетъ даже чины и открываетъ обладателю его двери въ любое правительственное и общественное учрежденіе. Легка университетская земля студенту, много радостей и удовольствій сулитъ она ему, а на концѣ этого пріятнаго пути онъ срываетъ чудное яблочко, которое зовется дипломомъ, и которое на всю жизнь дѣлаетъ жизнь его обладателя легкой, пріятной и лишенной тревогъ и заботъ. Отъ такого лица требуется лишь, чтобы онъ числился нѣсколько лѣтъ студентомъ. Борьба за существованіе для дипломированнаго счастливца весьма упрощается; отъ него не требуется ни труда, ни усовершенствованій, ни предпріимчивости и иниціативы, отъ него требуется только дипломъ, и громадное большинство такихъ счастливцевъ тотчасъ же съ университетской скамьи превращается въ чиновника, живущаго спокойно только двадцатымъ числомъ. Все основано на страсти къ бездѣлью, все это родитъ бездѣлье, тунеядство. Теряется государственная задача образованія: давать знанія только для нуждъ народа и государства. Образованіе благодѣтельствуетъ лишь отдѣльныхъ лицъ,

давая имъ средства къ легкой, привольной жизни. Нѣтъ сознанія, что образованіе представляетъ благодѣяніе со стороны государства, что оно дается на народныя деньги, что оно должно представлять своего рода тяжелую повинность какъ во время прохожденія курса, такъ и послѣ. Наоборотъ, на почвѣ такого поощренія, даже „заискиванія“ у студентовъ и вообще у всѣхъ благодѣтельствуемыхъ счастливцевъ, которымъ достались счастливые билеты на право полученія диплома, является представленіе, что они дѣлаютъ одолженіе правительству, государству и народу, учась и получая знанія. Нѣтъ сознанія, что имъ дана возможность богатѣть знаніями, нѣтъ сознанія, что имъ оказывается величайшее благодѣяніе, которое должно быть принято съ благодарностью, и которое требуетъ отплаты въ видѣ серьезнаго реальнаго труда, какъ во время ученія, такъ и послѣ. На почвѣ же упомянутаго самообмана, полной юношеской безсознательности и возникло такое изумительное и феноменальное явленіе, какъ студенческія забастовки. Можно развѣ представить себѣ забастовку приживальщиковъ и приживальщицъ, или забастовку призрѣваемыхъ въ богадѣльняхъ? А что иное, какъ не богадѣльни, представляютъ изъ себя университеты для студентовъ? Но идеалистически настроенной учащейся молодежи, которая вполнѣ мирится съ ролью призрѣваемыхъ, показалось мало того кейфа, тѣхъ забавъ и развлеченій, которые даются прохожденіемъ курса, тѣхъ бархатныхъ ковровъ и хохлацкихъ галушекъ, которые даются дипломомъ; ей хотѣлось превратить университетъ въ сплошной рядъ праздниковъ, которые ей сулила автономія. А пока этого праздника не было, будущая надежда народа, его учащаяся молодежь, благодѣтельствуемая на народныя копейки, устроила себѣ, въ своемъ преступномъ безуміи, воспитанномъ на тунеядствѣ, студенческій карнавалъ, который слыветъ подъ именемъ забастовки.

Профессора также видятъ въ профессурѣ только удовольствіе, только праздникъ; ихъ профессія — не трудъ, не государственная повинность, ихъ дѣло — только угождать студентамъ, добиваться у нихъ популярности; при университетской же автономіи другого отъ нихъ и не потребуется. А, какъ извѣстно, популярность пріобрѣтается, покупается взятками. Блестящая лекція съ массой пріятныхъ и слащавыхъ тенденцій о свободахъ, щедрыхъ обѣщаній чужого добра, льстиво-ласковое обращеніе со студентами, потворство ихъ дѣтскимъ капризамъ, создаютъ профессору популярность; его лекціи посѣщаются, его зовутъ популярнымъ профессоромъ, и вся его профессорская дѣятельность — сплошной рядъ празднествъ. Рѣдки люди, которые вкладываютъ въ профессуру дѣйствительно душу, умъ, трудъ, которые проникнуты сознаніемъ своей государственной отвѣтственности и своихъ великихъ обязанностей, и которые поэтому несутъ на лекціи только правду; рѣдки потому, что, подъ кличкой правыхъ профессоровъ, трудовая жизнь ихъ будетъ сплошнымъ адомъ въ стѣнахъ тѣхъ увеселительныхъ заведеній, которыя носятъ у насъ названіе высшихъ учебныхъ заведеній. Въ этихъ заведеніяхъ мѣсто бардамъ демократизма, проливающимъ только крокодиловы слезы о конституціи и поющимъ о свободахъ.

Надъ спеціальнымъ образованіемъ, играющимъ, дѣйствительно, огромную роль въ государственной жизни, какъ Дамокловъ мечъ, виситъ фатальная язва русской дѣйствительности, — назовите ее, какъ хотите: бюрократизмъ, интеллигентность, или просто бездѣлье, тунеядство. Эта язва проникаетъ въ каждую отрасль народной жизни и каждую изъ нихъ разъѣдаетъ, разрушаетъ. Противъ этой язвы, въ отрасли спеціальнаго образованія, выступилъ умный, благородный, правдивый Кассо, съ этой язвой онъ боролся все время, стремясь ввести въ высшія учебныя заведенія реальный трудъ, знанія, съ тѣмъ, чтобы эти знанія стали основой не привилегіи, а реальнаго же труда и борьбы за существованіе. Увы! Онъ умеръ, не выполнивъ своей задачи,—умеръ, оплеванный, осмѣянный современниками. Путь правды усѣянъ одними терніями и шипами; розы достаются въ удѣлъ лжи, притворству, лести, фальши — тому, словомъ, что зовется „популярностью, облеченной общественнымъ довѣріемъ".

Мнѣ кажется, ясно, что, само по себѣ, даже спеціальное образованіе, внѣ элементовъ народной души, никакой роли не играетъ. Это—элементъ внѣшній, и его назначеніе можетъ быть велико или незначительно, положительно или отрицательно лишь въ зависимости отъ того отпечатка, который кладетъ на него самъ народъ. Что же сказать объ общемъ образованіи, такъ сказать, о народномъ образованіи? Чего надо и чего можно отъ него ждать? Понятно, что ровнымъ счетомъ ничего. Само по себѣ, для народа общее образованіе представляетъ именно бездѣлушку. Оно важно, какъ предварительная ступень къ спеціальному образованію, но и послѣднее, само по себѣ, для народа безцѣнно, если оно остается втуне. Отдѣльному индивиду, возможно, общее образованіе полезно и пріятно. Надо, конечно, прежде всего, вычеркнуть изъ обихода понятіе „грамотность",—вѣрнѣе, совсѣмъ съ нимъ не считаться. Отъ одной грамотности даже индивиду—никакой пользы, кромѣ развѣ удобства подписыванія своей фамиліи или подписи за неграмотнаго; больше она ничего не говоритъ ни уму, ни сердцу. Но образованіе, какъ накопленіе общихъ знаній, никакого вліянія на душу человѣка, на его природныя качества, характеръ не оказываетъ. Знанія эти весьма интересны для индивида, съ интересомъ и удовольствіемъ имъ воспринимаются, они расширяютъ его умственный кругозоръ объясняютъ ему многія явленія жизни и природы; они даже нѣкоторымъ полезны, давая имъ средства къ существованію путемъ канцелярской службы въ разныхъ учрежденіяхъ и т. п. Но все это далеко, очень далеко отъ того магическаго вліянія, которое приписывается народному образованію; оно не дѣлаетъ человѣка ни умнѣй, ни добрѣй; ни трудоспособнѣй, ни предпріимчивѣй, ни нравственнѣй, ни честнѣй. Знанія—одно, душа, природныя свойства человѣка — другое. Не задѣвая души человѣка, образованіе безслѣдно проходитъ для культуры, цивилизаціи, для души народа. Какъ въ арміи важенъ духъ войска, такъ и въ народѣ, и для народа важна только его душа,—тѣ природныя свойства, которыя дѣлаютъ народъ крѣп-

кимъ и въ военное, и въ мирное время, которыя дѣлаютъ его культурнымъ, цивилизованнымъ.

И если бы подъ народнымъ образованіемъ понималось только накопленіе общихъ знаній, то совершенно непонятнымъ былъ бы тотъ шумъ, который поднятъ вокругъ этого вопроса, совершенно непонятно было бы,—почему образованію приписываютъ такое чудотворное вліяніе. Но чтобы понять, въ чемъ дѣло, послушаемъ адептовъ и поборниковъ этого образованія. Я читаю:

„Задачи народнаго образованія скрываются въ самомъ понятіи образованія. Подъ образованіемъ, руководствуясь этимологическимъ значеніемъ этого слова, нужно разумѣть, несомнѣнно, только одно: постепенное оформливаніе личности человѣка. Какъ ваятель, отбивая кусокъ за кускомъ отъ безформенной каменной глыбы, постепенно открываетъ для зрителя прекрасную форму, такъ и учитель, этотъ ваятель духа, постепенно освобождаетъ отъ грязныхъ наростовъ, тяжелыхъ путъ, *человѣчность* въ человѣкѣ.

Образованіе не есть только накопленіе знанія и умѣнія, въ видѣ ли математическихъ формулъ, законовъ физики, или даже въ видѣ спеціальнаго навыка разбираться въ историческихъ явленіяхъ, но усвоеніе знанія подобно усвоенію организмомъ пищи, которая перерабатывается имъ въ органы и потенціальную духовную силу.

Образованіе личности не можетъ быть самоцѣлью, потому что каждое явленіе цѣлесообразно только по отношенію къ другому.

Образованіе личности можетъ быть только средствомъ и въ свою очередь ставить высшую цѣль — обезпечить благо личности, общества и государства.

Образованіе—двигательная сила. Человѣчество идетъ впередъ только благодаря тому, что идея представляетъ собою двигательный импульсъ. Идея, подобно пару, приводитъ въ движеніе „міровыя колеса“. Отнимите у жизни идею, и настанетъ смерть. Слѣдовательно, идея — это жизненный центръ. Это вѣрно какъ по отношенію всего человѣчества, такъ и по отношенію небольшой группы людей и отдѣльнаго человѣка.

Образованіе есть сознаніе и достиженіе общечеловѣческаго идеала, и каждый человѣкъ, на какой бы ступени развитія и образованія онъ ни стоялъ, онъ долженъ имѣть это сознаніе, и онъ можетъ его имѣть.

Идеалъ можетъ и долженъ быть понятъ даже на первой ступени образованія, если онъ будетъ облеченъ въ доступную форму. Доступность же заключается въ томъ, что форма языка и логическое построеніе идеи должно соотвѣтствовать языку и способу построенія мысли слушателя. Даже неграмотный человѣкъ способенъ постигнуть величайшую идею, если она будетъ передана въ доступной формѣ.

Вотъ формула и сущность народнаго образованія:

Образованіе, это — всестороннее и безпрерывное духовно-нравственное воздѣйствіе на человѣка, начиная съ дѣтскихъ лѣтъ и кончая послѣдними годами активной общественной дѣятельности, направленное къ тому, чтобы человѣкъ стремился безпрерывно къ созданію лучшихъ условій жизни“.

Необыкновенный читатель, — читатель не отъ міра сего, — изумленъ и съ недоумѣніемъ спрашиваетъ, что это за белиберду

ему преподнесли; обыкновенный же читатель нисколько не изумленъ, потому что эта белиберда есть ничто иное, какъ нормальный продуктъ интеллигентно-демократическаго творчества. Какъ же можетъ изумиться обыкновенный читатель, когда онъ эту белиберду постоянно читаетъ и зачитывается ею въ газетахъ, въ изящной литературѣ, во всякихъ ученыхъ книгахъ. Когда онъ ею заслушивается на сценѣ, на лекціяхъ. Знаменитая лекція Гредескула объ интеллигенціи — точная копія или, наоборотъ, прототипъ той интеллигентской белиберды, которую я привелъ выше. Пишется, читается все складно, красиво, какъ и въ вышеприведенной цитатѣ. Тутъ и красивыя слова, тутъ говорится и о человѣчности, и объ общечеловѣческихъ идеалахъ. Какъ же интеллигенту не прійти въ восторгъ! Но разберитесь, и получится одинъ мыльный пузырь,—другими словами, интеллигентный бредъ.

Хотя бы эта интеллигентная манера определять понятіе по этимологическому значенію слова. Какое мнѣ дѣло до этимологическаго значенія? Мнѣ важно, какое значеніе то или иное слово имѣетъ въ жизни. Мало ли словъ, этимологическое значеніе которыхъ совершенно потерялось, и которыя имѣютъ свое собственное значеніе въ жизни. Но интеллигенту до жизни и дѣла нѣтъ, и, благодаря этой интеллигентной манерѣ, получилось такое несообразное, непонятное и просто-абсурдное опредѣленіе образованія, какъ: „постепенное оформливаніе личности человѣка". Образованный человѣкъ, это—человѣкъ, котораго ваятель духа постепенно оформливалъ, у котораго онъ постепенно освобождалъ человѣчность въ душѣ. Какой красивый, но безсодержательный и пустой наборъ словъ! Что такое человѣчность? Есть ли реальное опредѣленіе человѣчности? Объ этомъ ничего не говорится въ цитатѣ. А, прежде всего, надо было бы именно разъяснить, что такое человѣчность. Вѣдь, этакъ, пожалуй, и преступный идеалъ „не противься злу насиліемъ" у кого-либо сойдетъ за человѣчность. А развѣ инквизиторы, подымая на дыбы, подвергая жестокимъ пыткамъ еретика, не были увѣрены, что они въ немъ освобождаютъ человѣчность? Да и пытали они его—во имя любви, милосердія,—другими словами, человѣчности.

Непонятно также, какъ добраться до этого духа, который надо оформливать. Надо указать путь, надо указать способъ, а кто же въ состояніи указать и то, и другое? А, главное, судьи-то кто? Кто эти ваятели? Вѣдь, для того, чтобы освобождать въ человѣкѣ человѣчность, надо самому освободиться отъ грязныхъ наростовъ? Гдѣ же эти чистые, человѣчные ваятели духа? Какъ ихъ узнавать? Какіе признаки человѣчности? Какъ отличать грязный наростъ отъ человѣчности? Все это такъ тонко, такъ сложно, что нѣтъ никакихъ гарантій, что операція освобожденія въ человѣкѣ человѣчности не превратится въ операцію освобожденія человѣка отъ человѣчности? Историческій примѣръ инквизиціи тому порукой. И то, что предполагается въ цитатѣ, ничто иное, какъ инквизиція, т.-е. насиліе надъ личностью, во имя бездушной, программной человѣчности; это

ничто иное, какъ фарисейство. Мы уже держали въ рукахъ много фальшивыхъ демократическихъ ассигнацій; и то, что выдается за человѣчность, представляетъ еще одну такую ассигнацію. Поневолѣ остается воскликнуть: „О слова, слова, слова! Грошъ вамъ цѣна!“

Не мѣнѣе изумителенъ слѣдующій наборъ словъ: „образованіе личности не можетъ быть самоцѣлью, потому что каждое явленіе цѣлесообразно только по отношенію къ другому“. Побей меня Богъ, если я что-нибудь понимаю въ этомъ положеніи. Одно я понимаю, что это—универсальное положеніе, разъ есть союзъ „потому что“, и съ такимъ же правомъ можно, вмѣсто слова „образованіе“, поставить любое подходящее слово: „питаніе“, „прогулка“ и т. п.,—и мы узнаемъ удивительную вещь, что питаніе человѣка не есть самоцѣль, что человѣкъ ѣстъ совсѣмъ не потому, что онъ голоденъ, или онъ изучаетъ географію совсѣмъ не потому, что онъ хочетъ знать ее, а только потому, что „каждое явленіе цѣлесообразно по отношенію къ другому“. Но долженъ откровенно сознаться, что послѣдней фразы я совершенно себѣ не уясняю. Я былъ бы очень обязанъ тому, кто мнѣ ее разъяснилъ бы и на конкретныхъ примѣрахъ показалъ бы ея смыслъ и значеніе. Я не обращаюсь къ автору цитаты, потому что не имѣю основанія ждать отъ него какихъ-либо конкретныхъ и ясныхъ толкованій. Онъ, видно, способенъ только къ набору словъ, а бумага, какъ извѣстно, все терпитъ.

Еще одинъ шедевръ на выдержку: „образованіе есть сознаніе и достиженіе общечеловѣческаго идеала, и каждый человѣкъ, на какой бы ступени развитія и образованія онъ ни стоялъ, онъ долженъ имѣть это сознаніе, и онъ можетъ имѣть его“. Признаюсь, что и тутъ я ровно ничего не понялъ, да и трудно, пожалуй, даже интеллигенту что-либо понять здѣсь. А, вѣдь, интеллигенту понятна даже бесѣда ночныхъ свѣтилъ. Но расшифруемъ этотъ шедевръ. „Образованіе есть сознаніе, и на какой бы ступени образованія, т.-е. сознанія, человѣкъ ни стоялъ бы, онъ долженъ имѣть это сознаніе“. Интересно, какъ это человѣкъ на низшей ступени сознанія можетъ имѣть сознаніе? Не правда ли, приведенный шедевръ—цѣлая музыкальная арія изъ оперы: „баба ѣхала верхомъ въ раскидной каретѣ?“ Я утѣшаюсь тѣмъ, что это—какая-нибудь величайшая идея, недоступная пониманію обыкновеннаго смертнаго. Но авторъ тутъ же сообщаетъ, что „даже неграмотный человѣкъ способенъ постигнуть величайшую идею“, и такимъ путемъ отнимаетъ у меня послѣднее утѣшеніе. Я начинаю соображать, что мое горе въ томъ, что я не малограмотный человѣкъ, въ особенности въ томъ, что я человѣкъ даже съ высшимъ образованіемъ. Я начинаю думать, что авторъ цитаты совсѣмъ неграмотный человѣкъ, и онъ способенъ понимать все, что недоступно пониманію грамотныхъ, образованныхъ людей.

Я привелъ безъ особеннаго разбора нѣсколько выдержекъ, совсѣмъ не касаясь существа ихъ содержанія, а только, такъ сказать,

показалъ товаръ лицомъ, и каждому ясно, что это какой-то наборъ безсмысленныхъ словъ,—попросту говоря, какая-то чепуха. Между тѣмъ, эта цитата представляетъ начальную часть предисловія цѣлаго научно-общественнаго сочиненія, и я добросовѣстно привелъ все отъ начала до конца, во избѣжаніе обвиненія въ тенденціозныхъ выдержкахъ и передержкахъ. Книга, изъ которой я привелъ эту цитату, носитъ названіе: „Бюллетени справочнаго бюро отдѣла Народнаго образованія Самарской Губернской Земской Управы. Выпускъ 2-й. Воскресныя школы и народныя чтенія". На обложкѣ напечатано, что ее составилъ, по порученію Управы, П. Казанцевъ. А г. Казанцевъ ничто иное, какъ завѣдующій отдѣломъ народнаго образованія Самарскаго Губернскаго Земства, — другими словами, крупный и видный представитель третьяго элемента; ему ввѣрено народное образованіе огромной по размѣрамъ трехмилліонной губерніи. Его значеніе—равносильно значенію министра народнаго просвѣщенія въ 3-хъ милліонной Сербіи или Швейцаріи. Онъ—Шингаревъ № 2-й; Шингаревъ завѣдывалъ отдѣломъ народнаго здравія въ Воронежскомъ земствѣ, а Казанцевъ завѣдуетъ отдѣломъ народнаго образованія въ Самарскомъ земствѣ. Имя Казанцевымъ — легіонъ; изъ нихъ рекрутируется армія великой прогрессивно-демократической монархіи. Часть Казанцевыхъ идетъ на укомплектованіе арміи издателей, редакторовъ и сотрудниковъ газетъ. И пишутъ Казанцевы въ газетахъ и журналахъ такія же глубокомысленныя статьи, какъ вышеприведенная цитата Самарскаго Казанцева; а публика читаетъ эти статьи, совсѣмъ не подозрѣвая, какой музыкальный шедевръ изъ оперы: „баба ѣхала верхомъ" у ней въ рукахъ. Быть-можетъ, кое-кто начинаетъ вѣрить моему утвержденію, что написать прогрессивную статью легче, чѣмъ переписать исходящую бумагу. Я берусь расшифровать любую газетную статью и показать, что каждая прогрессивная статья такой же безсмысленный наборъ словъ, какъ и выдержка изъ статьи Самарскаго Казанцева. Пусть каждый не читаетъ, а шифруетъ газеты, и онъ скоро броситъ ихъ читать и поступитъ такъ, какъ я поступаю: будетъ читать только офиціальныя телеграммы съ театра военныхъ дѣйствій. Изъ Казанцевыхъ формируются всякія культурныя общества; они являются ихъ учредителями, они состоятъ членами комитета, они ораторствуютъ на собраніяхъ, они же устраиваютъ разные цвѣточные дни. Изъ нихъ же составляется славная рать странствующихъ лекторовъ Народнаго университета. Лекція Гредескула—точная копія предисловія Казанцева, а предисловіе Казанцева—родная сестра лекціи Гредескула; надо только слово „образованіе" замѣнить словомъ „интеллигенція". Изъ Казанцевыхъ составляются губернскіе и городскіе комитеты октябристовъ, прогрессистовъ, кадетовъ, трудовиковъ и т. п. Эти самые Казанцевы намѣчаютъ кандидатовъ въ депутаты, они ихъ выбираютъ, они ихъ афишируютъ въ газетахъ и собраніяхъ. Выбираютъ они кандидатовъ изъ своей же среды, и вотъ эти Казанцевы, подобно Шингареву, попадаютъ въ депутаты; они, словомъ, являются народными представителями, они выдаютъ себя за представителей отъ народа. Изъ Казанцевыхъ составляются всякія совѣщанія, съѣзды; они всюду—

и въ городскихъ думахъ, и въ земскихъ собраніяхъ. Они ѣдутъ на всѣ съѣзды, читаютъ тамъ доклады, такіе же глубокомысленные, какъ и вышеприведенное предисловіе Самарскаго Казанцева, они тамъ говорятъ рѣчи, предлагаютъ резолюціи, голосуютъ, вершатъ тамъ дѣла. Всѣ резолюціи послѣднихъ съѣздовъ о „министерствѣ, облеченномъ общественнымъ довѣріемъ", тоже дѣло рукъ Казанцевыхъ и всѣ эти резолюціи на высотѣ предисловія Самарскаго Казанцева. А всѣ эти популярные общественные дѣятели, облеченные общественнымъ довѣріемъ,—это все Казанцевы.

Откровенно говоря, я только воспользовался случаемъ, чтобы на двухъ-трехъ выдержкахъ, взятыхъ наудачу, показать всю пустоту и безсодержательность прогрессивно-демократической стряпни; я хотѣлъ только подтвердить наглядно свое положеніе, что эта стряпня подъ-силу даже Митрофанушкамъ, и что этой стряпней занимаются только Митрофанушки. Какъ же не воспользоваться этимъ случаемъ, когда имѣешь подъ руками цитату такого яркаго, виднаго и крупнаго общественника, какъ завѣдующій отдѣломъ народнаго образованія Губернскаго Земства, т.-е. цѣлой Губерніи, и когда эта цитата—яркій образчикъ безсмыслицы. А, вѣдь, эти личности, подъ кличкой: „облеченныхъ общественнымъ довѣріемъ", въ лицѣ Шингаревыхъ, Милюковыхъ, подбираются къ министерскимъ портфелямъ, собираются рѣшать судьбы Россіи, и имъ внимаютъ, ихъ слушаютъ. Такъ развѣ это не ужасъ жизни? Развѣ это не какая-то фантасмагорія, не дьявольское навожденіе?

Главная же цѣль, которую я преслѣдовалъ, это—выяснить, что понимаютъ подъ образованіемъ руководящіе демократическіе круги; въ этомъ отношеніи, конечно, весьма цѣнны и показательны взгляды поборниковъ и „знатоковъ" народнаго образованія; то, что думаетъ и высказываетъ Казанцевъ, проводится во всѣхъ земствахъ, на всѣхъ съѣздахъ по народному образованію, во всей литературѣ по этому вопросу. Если же я причислилъ Казанцева къ знатокамъ народнаго образованія, то только потому, что таковымъ онъ считается въ высшихъ сферахъ прогрессивно-демократической монархіи; я сужу объ этомъ потому, что онъ призванъ на высокій постъ завѣдующаго отдѣломъ народнаго образованія при Самарскомъ Губернскомъ Земствѣ. Вѣдь, въ прогрессивно-демократической монархіи,—будемъ ее, какъ это принято, писать для краткости—въ п.-д. монархіи, а называть для краткости—„падучей монархіи" (пожалуй, по аналогіи съ падучей болѣзнью, это названіе близко подойдетъ и къ ея содержанію),—такъ вотъ въ этой монархіи есть свои министерства, свои департаменты, свои чины, титулы, ордена. Какъ въ любой монархіи, въ любомъ государствѣ, и тамъ также двигаются впередъ по іерархической лѣстницѣ; и въ департаментѣ министерства народнаго образованія падучей монархіи постъ завѣдующаго народнымъ образованіемъ губернскаго земства представляется очень виднымъ; онъ не дается безъ разбора всякому желающему, и для того, чтобы попасть на этотъ постъ, надо прослыть знатокомъ этого образованія

и именно въ демократическомъ духѣ и направленіи. Любая губернская или городская управа, любое общественное учрежденіе,—а нерѣдко и правительственное,—приглашая служащаго, наивно увѣрено, что оно свободно въ выборѣ, что оно назначаетъ по своей волѣ, по своему выбору. Оно совершенно не сознаетъ, что этого служащаго ей подсунули, что его подсунуло то нелегальное и неофиціальное учрежденіе, которое я назвалъ падучей монархіей; что всѣ служащіе первоначально фабрикуются въ этой монархіи, что тамъ тѣ же отдѣлы, что и въ земствѣ, тѣ же министерства, что въ государствѣ; надо первоначально занять постъ знатока народнаго образованія въ министерствѣ падучей монархіи для того, чтобы считаться кандидатомъ на постъ завѣдующаго этимъ отдѣломъ въ земствѣ или министра въ будущемъ отвѣтственномъ министерствѣ и т. п. Ихъ подсовываютъ всѣмъ учрежденіямъ, какъ Іакову подсунули Лію. Въ этомъ порукой—круговая порука демократовъ. Приглашая какого-либо служащаго, учрежденіе наивно полагаетъ, что оно приглашаетъ знатока и спеціалиста по этому вопросу, оно не подозрѣваетъ, что оно приглашаетъ только чиновника изъ одноименнаго вѣдомства падучей монархіи, оно не подозрѣваетъ, что то или иное лицо попало въ спеціалисты и знатоки,—скажемъ, по народному образованію и на службу по этой спеціальности въ учрежденіе,—только потому, что оно прошло спеціальную школу народнаго образованія въ падучей монархіи. Тамъ школы по каждой спеціальности, но школы своеобразныя. Прохожденіе курса заключается въ тюремномъ стажѣ, т.-е. въ шатаніи по тюрьмамъ, въ шатаніи по митингамъ, собраніямъ, обществамъ, газетамъ, по лекціямъ народныхъ университетовъ, по сборамъ въ цвѣточные дни, по благотворительнымъ концертамъ, музыкально-литературно-вокальнымъ вечерамъ и т. п. Это, такъ сказать, средняя общая школа падучей монархіи. Высшая же спеціальная школа, это—съѣзды по тому или иному спеціальному отдѣлу. Званіе знатока, примѣрно, по народному образованію пріобрѣтается на съѣздахъ по народному образованію, и знанія эти дальше резолюцій такихъ съѣздовъ не идутъ, но они открываютъ счастливому обладателю ихъ двери въ отдѣлъ народнаго образованія любого земства, а стоитъ случиться ужаснѣйшей бѣдѣ,—стоитъ воплотить въ жизни идеалъ министерства изъ лицъ, облеченныхъ общественнымъ довѣріемъ, и эти знанія дадутъ этому счастливцу и портфель министра народнаго просвѣщенія. Я, собственно, занималъ также постъ завѣдующаго отдѣломъ народнаго здравія, но я попалъ на постъ, такъ сказать, фуксомъ: помимо падучаго департамента народнаго здравія, во главѣ котораго стоитъ Тезяковъ. И я теперь понимаю, что этого не могли мнѣ простить ни директоръ, ни чины этого департамента.

Министръ Маклаковъ... Я говорю не о глубокоуважаемомъ бывшемъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ Н. А. Маклаковѣ, а объ его братѣ В. А. Маклаковѣ,—о министрѣ изъ министерства падучей монархіи. Недавно этотъ самый Маклаковъ въ Думѣ издѣвался надъ министрами, надъ правительствомъ; что, молъ, правительство—цѣнитъ

людей не по дѣламъ ихъ, а по симпатіи, что получаютъ чины, подвигаются по іерархической лѣстницѣ не по заслугамъ, а по протекціи. Отсюда тонкій намекъ, что стоитъ отдать министерскіе портфели лицамъ, облеченнымъ общественнымъ довѣріемъ, какъ водворится въ правительствѣ и справедливость, и справедливая оцѣнка заслугъ. Видитъ Богъ, какая это неправда, какая это ложь. Нигдѣ такъ не господствуетъ это зло русской жизни, которое Грибоѣдовъ такъ образно выразилъ въ словахъ: „а какъ не порадѣть родному человѣчку!“—какъ именно во всѣхъ слояхъ, во всѣхъ отдѣлахъ падучей монархіи. Попробуйте попасть въ земское или городское учрежденіе,—въ Управу, въ больницу, въ университетъ и во многія правительственныя учрежденія, разъ у васъ нѣтъ клейма падучей болѣзни, разъ у васъ нѣтъ чиновничьей кокарды падучей монархіи, разъ у васъ нѣтъ, словомъ, „явки“ отъ какого-нибудь директора департамента или министра изъ той же падучей монархіи. Тотъ фанатизмъ, та нетерпимость, которые проявляютъ именно чины падучей монархіи, не имѣютъ предѣловъ. И понятно, всякая конкуренція дѣльныхъ, способныхъ людей Митрофанушкамъ не подъ-силу,—она для нихъ гибельна. Митрофанушки же другъ-другу—родные люди, и развѣ Шингаревъ, Маклаковъ не профильтруютъ вѣдомства и всѣ учрежденія? Но они выкурятъ именно дѣльныхъ людей, а оставятъ только родныхъ человѣчковъ, только Митрофанушекъ. Неужели же русскій обыватель, неужели же русскій народъ, всѣ народы міра, вамъ нужны Митрофанушки? Откуда же эти республики? Откуда эти парламенты? Зачѣмъ эти безумныя резолюціи объ отвѣтственномъ министерствѣ или о министерствѣ, облеченномъ общественнымъ довѣріемъ, что одно и то же? И еще разъ я взываю: о Мнины и Пожарскіе, гдѣ вы?

А развѣ безъ этой пресловутой „явки,“ безъ рекомендаціи отъ министровъ и директоровъ падучей монархіи можно попасть въ любое земское учрежденіе? Вѣдь, у порога каждаго учрежденія стоятъ вѣрные слуги прогрессивно-демократической монархіи,—вѣрные Аргусы и стражи въ лицѣ представителей третьяго элемента,—всѣ эти Клафтоны, Тейтели, Баскины, Казанцевы—имя имъ легіонъ. У всякаго учрежденія стоятъ Аргусы и, какъ вѣрные сторожевые псы, охраняютъ входъ. Ихъ назначеніе—обнюхивать каждаго входящаго, и только тотъ, отъ кого несетъ падучей монархіей, попадаетъ въ святая святыхъ. Собственно, человѣкъ,—человѣкъ вообще,—протежируетъ другому именно по симпатіи, которая такъ ненавистна депутату Маклакову. Каждый выбираетъ себѣ друзей, сотрудниковъ по своему вкусу, по своимъ наклонностямъ. Умный ищетъ умнаго, трудолюбивый—труженика, правдивый—правдиваго и т. п. Это и есть обычный человѣческій и ненавистный Маклакову принципъ „симпатіи.“ Есть другой принципъ, примѣняемый въ мірѣ собачьемъ,—принципъ *обнюхиванія*. Само собой разумѣется, способъ обнюхиванія не можетъ дать никакихъ указаній на умъ-разумъ, трудолюбіе и т. п. достоинства человѣка; собака выбираетъ, такъ сказать, не по уму-разуму, а по специфическому запаху; она опредѣляетъ, конечно, этотъ запахъ по своему, особымъ

собачьимъ жаргономъ, а до ума-разума, до моральныхъ качествъ человѣка ей и дѣла нѣтъ. Откровенно говоря, мнѣ всегда казались непонятными выраженія: лѣвый, правый, лѣвѣе, правѣе, крайній лѣвый, умѣренный правый и т. п. Какъ это человѣкъ можетъ быть лѣвымъ или лѣвѣе? Но теперь я догадался, что это—опредѣленіе по собачьему методу, по запаху; это, такъ сказать, изъ области собачьяго жаргона, а не человѣческой рѣчи. И величайшій прогрессъ современной жизни заключается въ томъ, что реакціонный способъ опредѣленія людей по *симпатіи*, т.-е. по оцѣнкѣ ихъ ума, честности, благородства, трудолюбія и т. п. отошелъ въ область преданій. Прогрессъ въ томъ, что на мѣсто способа симпатіи введенъ способъ обнюхиванія; цѣнятъ людей только по тому, несетъ ли отъ нихъ падучей болѣзнью, и насколько несетъ. Вотъ они откуда пошли эти дикіе, нечеловѣческіе, чисто-собачьи термины: лѣвый, лѣвѣе, крайній лѣвый. Министръ Н. А. Маклаковъ выбиралъ людей по симпатіи, а его братъ, тоже министръ, но изъ другого государства,—изъ прогрессивно-демократической монархіи,—обѣщаетъ выбирать людей по запаху. А ты, обыватель, выбирай тоже, какого тебѣ министра нужно, но выбирай, ради Бога, по симпатіи, а не по запаху!

Я, собственно, хотѣлъ сказать, что постъ завѣдывающаго отдѣломъ народнаго образованія губернскаго земства оцѣнивается демократами, какъ весьма видный и отвѣтственный, а на іерархической лѣстницѣ падучей монархіи котируется не ниже, чѣмъ постъ директора департамента,—это, такъ сказать, кандидатъ въ министры падучаго министерства. Понятно, что этотъ постъ можно занять только по протекціи, по рекомендаціи, послѣ того, какъ репутація и имя кандидата прочно установились въ сферахъ падучей монархіи. Само собой разумѣется, что на такой постъ въ земство никто не попадетъ, прежде, чѣмъ у входа его не обнюхаютъ со всѣхъ сторонъ, и не убѣдятся, что отъ новаго лица въ значительной степени несетъ падучей болѣзнью, и что оно достигло значительныхъ степеней въ соотвѣтственномъ департаментѣ п. д. монархіи. Учрежденіе наивно увѣрено, что оно получило дѣльнаго и опытнаго знатока народнаго образованія, народнаго здравія и т. п., что это лицо предано дѣлу и земству, что онъ будетъ реально работать въ интересахъ земства и народа; учрежденіе совершенно не подозрѣваетъ, что его новый слуга подвергся у входа предварительному обнюхиванію и попалъ на службу только по запаху, только потому, что отъ него несетъ прогрессивно-демократическими удушливыми газами. Такъ или иначе нельзя попасть въ завѣдующіе какимъ-либо земскимъ отдѣломъ, не будучи виднымъ и испытаннымъ демократомъ. Какъ выражается, какъ пишетъ Казанцевъ, такъ выражается, такъ пишетъ каждый демократъ, каждый интеллигентъ, такъ говорятъ Шингаревъ, Милюковъ, Маклаковъ и другіе министры падучей монархіи. Что думаетъ о народномъ образованіи, что пишетъ о немъ Казанцевъ, то думаетъ о немъ и пишетъ каждый демократъ и каждый министръ п.-д. монархіи. А, вѣдь, эта монархія—міровая; она покрыла весь міръ, она близка къ тому, чтобы заполонить весь міръ. И тѣ безсмыслицы,

которыя мы нашли въ творчествѣ Казанцева, представляютъ міровыя безсмыслицы; а то, что проповѣдуетъ Казанцевъ о народномъ образованіи, это—міровая проповѣдь, это—ученіе, исповѣдуемое всѣмъ міромъ. Вотъ что я хотѣлъ сказать прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію вышеприведенной цитаты по существу.

По существу же, Казанцевъ проводитъ ту мысль, что образованіе есть всего-навсего достиженіе общечеловѣческаго идеала, а такъ какъ идея, идеалъ двигаетъ міромъ, то образованіе—двигательная сила; безъ идеи, а, слѣдовательно, и безъ образованія наступитъ смерть. Всякому, конечно, становится понятнымъ, почему школьный учитель побѣдилъ Францію. Но всякій безусловно придетъ въ восторгъ отъ того истинно-демократическаго шедевра, что даже неграмотный человѣкъ можетъ постигнуть величайшую идею. Этотъ шедевръ излагается въ разныхъ видахъ и повторяется неоднократно: „на какой бы ступени развитія человѣкъ ни стоялъ, онъ можетъ имѣть сознаніе общечеловѣческаго идеала“, „идеалъ можетъ и долженъ быть понятъ на первой ступени образованія“. Оказывается, Францію совсѣмъ не трудно было побѣдить, но и Франціи не трудно побѣдить Германію и весь міръ, стоитъ каждому французу постигнуть общечеловѣческій идеалъ; а послѣднее, какъ утверждаетъ Казанцевъ, просто плевое дѣло; разъ-два—и готово.

Но этого мало. Позвольте процитировать еще одинъ шедевръ. Говоря о брошюрѣ Леонтьева „Народныя чтенія“ (изданіе Олонецкой Губернской Земской Управы), Казанцевъ буквально говоритъ слѣдующее:

> „Здѣсь народныя чтенія—литературно-музыкально-вокальные вечера; здѣсь народное чтеніе даетъ толчекъ, и дальнѣйшую культурную работу предоставляетъ народной библіотекѣ-читальнѣ, откуда слушатель, опредѣленно настроенный и заряженный опредѣленной идеей, требуетъ книгъ въ развитіи того, что вынесъ онъ съ литературнаго чтенія“.

Читатель, понюхайте; вѣдь пахнетъ демократизмомъ, вѣдь, отдаетъ Митрофанушкой. Оказывается, что для пріобрѣтенія идеи, этой основы и первоисточника образованія, никакого труда не требуется; она доступна, дѣйствительно, не только неграмотнымъ, но даже утробнымъ дѣтямъ и безсловеснымъ тварямъ. Идеей можно просто зарядить человѣка, какъ заряжаютъ пулеметъ и пушку. Понятно теперь, почему нѣмецъ побѣдилъ Францію; онъ просто стрѣлялъ демократическими идеями, которыми его зарядилъ школьный учитель. Мало того, процессъ заряженія идеями не только не представляетъ труда, но доставляетъ одно удовольствіе и производится въ очень пріятной обстановкѣ, между пѣніемъ, музыкой, танцами и, само собой разумѣется, веселымъ и легкимъ флиртомъ. Пой, играй, танцуй танго и флиртуй,—и ты незамѣтно зарядишься идеей, превратишься въ образованнаго человѣка и покорителя сего міра. Передъ этимъ меркнетъ даже слава болонки Жужу, и я убѣжденъ, что Жужу охотно промѣняла бы свои бархатные ковры на того образованнаго человѣка въ духѣ Казанцева. А духъ Казанцева, это—

духъ всего демократическаго міра, всѣхъ облеченныхъ общественнымъ довѣріемъ лицъ, всѣхъ кандидатовъ въ министры п. д. министерства.

Много еще шедевровъ разбросано въ разныхъ мѣстахъ у Казанцева, много еще великихъ открытій можно сдѣлать, если расшифровать эти шедевры, но, къ сожалѣнію, недостатокъ времени и мѣста лишаетъ меня и читателя этого удовольствія. Одно могу сказать, что такихъ шедевровъ много въ любомъ произведеніи, въ любой рѣчи демократа. А лекціи Гредескула, Петрова, которыя слушали, которымъ апплодировали тысячныя толпы „образованныхъ", т.-е. заряженыхъ идеями, людей,—на тотъ же манеръ. Все сводится къ идеямъ, къ общечеловѣческимъ идеаламъ. Въ стремленіи къ этимъ идеаламъ, въ ихъ сознаніи, достиженіи и заключается интеллигентность, демократизмъ.

Теперь мы узнаемъ новость, что въ этомъ же заключается и образованіе,—но для меня это не новость, для меня и раньше уже стало ясно, что все это—родныя сестры, все спаяно одной смазкой, однимъ цементомъ: тунеядствомъ. По утвержденію Казанцева, идея, подобно пару, приводитъ въ движеніе „міровыя колеса". Все это говорится авторитетно, какъ всякая „оригинальная" демократическая мысль, все это не подлежитъ возраженію, иначе это вызоветъ гавриловскій протестъ. Но гдѣ доказательства? Какія реальныя основанія для такого утвержденія? Я бы назвалъ Казанцева великимъ человѣкомъ, если бы онъ привелъ хоть одинъ жизненный примѣръ для подтвержденія этой мысли. Я знаю пока одно, что „міровыми колесами" двигаетъ не идея, а *законъ* борьбы за существованіе. Этотъ законъ ясенъ, разуменъ, онъ подтвержденъ на жизненныхъ примѣрахъ и жизнью, но онъ—внѣ человѣческой досягаемости, онъ не зависитъ отъ человѣка. Я знаю, что идея не можетъ двигать міромъ, потому что идея отъ человѣка. Какъ же можетъ двигать міромъ человѣкъ, когда міръ имъ двигаетъ? Все человѣчество безсильно двигать міровыми колесами. Какъ же можетъ двигать этими колесами идея, исходящая отъ человѣка? Идея, молъ, двигаетъ колесами, какъ паръ. Но паръ надо разводить; разводитъ его тотъ же человѣкъ; заводитъ котлы, достаетъ топливо; а для того, чтобы паръ дѣйствовалъ, нужна идея, — опредѣленная, реальная идея, исходящая отъ человѣка. Но для того, чтобы идея достигла цѣли, чтобы паръ сталъ приводить въ движеніе колеса, необходимо, чтобы человѣкъ воспользовался законами физики и химіи. Только потому, что человѣку извѣстны стали нѣкоторые законы физики, и онъ получилъ даже возможность ими пользоваться, онъ сталъ приводить въ движеніе колеса. Сами по себѣ не только идея, но даже паръ не могутъ ничего приводить въ движеніе; нужна живая сила, пользующаяся законами и только черезъ законы проводящая свою идею въ исполненіе. Несомнѣнно, въ движеніи „міровыхъ колесъ" есть идея, но приводитъ эти колеса въ движеніе сила, отъ которой исходитъ эта идея и которой извѣстны законы, упра-

вляющіе человѣческой и міровой жизнью, которая этими законами въ состояніи пользоваться,—словомъ, то, что мы зовемъ Божественнымъ Провидѣніемъ, Божественной Волей. А извѣстны ли вамъ, г. Казанцевъ, эти законы, въ состояніи ли вы ими управлять,—не только вы, но даже вся п. д. монархія въ цѣломъ. Найденъ одинъ законъ Дарвиномъ, но и этотъ законъ остается внѣ предѣловъ человѣческой досягаемости. Притомъ—идей много. На долю какой же идеи падаетъ великая честь приводить въ движеніе міровыя колеса?

Я остановился такъ долго на этомъ выраженіи, потому что оно представляетъ яркій образчикъ туманныхъ, расплывчатыхъ, въ корнѣ невѣрныхъ, демократическихъ сентенцій. Но разъ оно исходитъ отъ демократа, оно демократично, а, слѣдовательно, оно авторитетно и неопровержимо. Попробуйте въ собраніи, на митингѣ, или даже въ Государственной Думѣ возразить противъ него, и вы услышите негодующій гавриловскій голосъ протеста, почувствуете силу демократическаго бойкота. Еще полъ-бѣды, если выраженіе было бы только туманнымъ, но оно, вѣдь, представляетъ безсмыслицу, форменную демократическую безсмыслицу. Двигаетъ колесами идея только въ сказкахъ; явилась у Ивана Царевича идея — и за ночь выросъ дворецъ, или онъ очутился въ тридевятомъ царствѣ. Вотъ дословный переводъ на обыкновенный человѣческій языкъ выраженія: „идея приводитъ въ движеніе міровыя колеса". Но, согласитесь, безсмысленно, абсурдно, преступно сказочныя чудеса дѣлать основой жизни, основой демократической болтовни, а въ особенности, основой образованія. Но демократамъ все благополучно сходитъ съ рукъ; это видно изъ того, что на книгѣ имѣется даже штемпель: „Самарское Губернское Земство", — штемпель, достойный уваженія, и къ которому я привыкъ относиться съ уваженіемъ.

Но пусть эта мысль вѣрна, пусть идея двигаетъ колесами, но развѣ изъ этого слѣдуетъ, что „отнимите у жизни идею, и настанетъ смерть". Получается впечатлѣніе, что эта мысль—логическій выводъ изъ первой. Такой выводъ изъ области: „въ Кіевѣ дядька, а въ огородѣ бузина". Идея двигаетъ впередъ человѣчество, но можно жить и не двигаться, или двигаться назадъ. Я представлялъ себѣ жизнь въ разнообразныхъ видахъ, жизнь не только низшихъ животныхъ, или жизнь собакъ,ословъ, но даже жизнь людей и не находилъ въ ней никакой идеи, и, къ моему удивленію, оказывалось, что идея идеей, а жизнь жизнью; другъ безъ друга жить могутъ. А развѣ растеніе не живетъ? Какая же у него идея? Быть-можетъ, злаки, плодовыя деревья живутъ идеей, что они приносятъ пользу человѣчеству; но сорныя травы? Впрочемъ, и сорныя травы могутъ питать насѣкомыхъ, птицъ; но ядовитые грибы? Они какой идеей живутъ и живы? Я согласенъ, что въ мірозданіи, въ міровой жизни есть идея,—я въ это глубоко вѣрую. Но эта идея принадлежитъ не самой жизни, а находится внѣ ея,—въ рукахъ Божественнаго Промысла. Когда человѣкъ пускаетъ въ ходъ паровую машину, когда паръ шипитъ, колеса двигаются, шумятъ, то они живутъ. Жизнь

имъ далъ человѣкъ, но въ этой жизни пара, въ его жизненной энергіи, въ жизни каждой водяной частицы нѣтъ идеи, идея остается у творца машины—у человѣка. Та міровая жизнь, которую мы наблюдаемъ, которой мы сами живемъ, ничто иное какъ жизнь пара, какъ механическое движеніе колесъ. Идея жизни только въ рукахъ ея Творца,—въ рукахъ Творца Мірозданія. Наша жизнь не только мыслима безъ идеи, но она именно—безыдейна. Становится яснымъ то, что я постараюсь сдѣлать еще яснѣе, а именно, что всѣ эти разговоры объ идеяхъ, общечеловѣческихъ идеалахъ—одно пустословіе, одна сплошная демократическая болтовня.

Послѣ всего сказаннаго фраза: „слѣдовательно, идея, это—жизненный центръ"—представляетъ ничто иное, какъ шедевръ демократическаго безстыдства. Выставивъ два голословныхъ положенія, не попытавшись ихъ подкрѣпить, обосновать хотя бы однимъ словомъ, хотя бы какимъ-либо намекомъ межъ строкъ, въ то же время сдѣлать опредѣленный выводъ, исходя изъ этихъ именно положеній,—на это способно только безстыдство демократа, безстыдство интеллигента. Само же по себѣ выраженіе: „жизненный центръ" представляетъ шедевръ демократической безсмыслицы. Я представлялъ себѣ не только сложную человѣческую жизнь, или титаническую жизнь Казанцева, но жизнь обыкновеннаго осла, и не въ состояніи былъ нащупать въ ней этотъ самый центръ. Да и мудрено въ отвлеченномъ предметѣ находить центръ или отвлеченный предметъ считать центромъ. Плюнулъ я на это дѣло; брось и ты это занятіе, дорогой читатель. Пусть этимъ спортомъ занимаются въ лабораторіяхъ и кабинетахъ падучихъ департаментовъ. Нормальнымъ людямъ не пристойно заниматься этимъ спортомъ.

Неожиданный скачокъ въ сторону, и идея также неожиданно превращается въ общечеловѣческій идеалъ. Надо интеллигентамъ изъ п. д. монархіи отдать справедливость; они удивительные жонглеры и акробаты. Напрасно только они избираютъ ареной своей дѣятельности земства, думы и тому-подобныя учрежденія,—имъ прямой путь на арену цирка. Этотъ скачокъ нуженъ былъ для того, чтобы пояснить, что „образованіе есть сознаніе общечеловѣческаго идеала". Правда, говорится и о „достиженіи", но, очевидно, только для эффекта, потому что въ дальнѣйшемъ все сводится къ сознанію и, наконецъ, высказывается такой изумительный „жизненный центръ", что „даже неграмотный человѣкъ способенъ постигнуть величайшую идею, если она будетъ передана въ доступной формѣ".

Я думаю, каждому стала понятна идея, или по Казанцеву,—жизненный центръ всей этой галиматьи, которую я добросовѣстно цитировалъ. Это просто реклама-афиша новоприбывшаго магнетизера, престидижитатора, придворнаго артиста при дворѣ падучей монархіи, который, прибывши въ первый разъ проѣздомъ въ эти края, даетъ одинъ только сеансъ изумительнаго искусства древнихъ факировъ и феноменальныхъ превращеній подъ названіемъ: „какъ въ 5 минутъ

превратиться въ образованнаго человѣка?“ Дѣйствующія лица сеанса: 1) ваятель духа, назовемъ его что ли Цицаринымъ, и будемъ обозначать буквой Ц. 2) Обыватель Ивановъ, буква И. Начинается діалогъ: Ц. Скажи, Ивановъ, ты грамотный человѣкъ? – И. Совсѣмъ даже неграмотный, г. ваятель духа.—Ц. Тѣмъ лучше. А общечеловѣческій идеалъ знаешь? — И. Первый разъ слышу. — Ц. Общечеловѣческій идеалъ, — это идеалъ свободы, равенства и братства. Понялъ? — И. Ничего не понимаю, г. ваятель духа. Ц. Сейчасъ поймешь. Какъ птица летаетъ свободно по воздуху, щебечетъ, поетъ, такъ и человѣкъ долженъ свободно бѣгать по улицамъ, говорить, что хочетъ, ругать кого угодно и какъ угодно, кричать, какъ хочетъ, а чуть городовой пикнетъ, дать ему общественнаго пинка и посадить въ общественную кутузку. Какъ птица,—свободно, безъ труда и безъ заботъ,—достаетъ себѣ кормъ, такъ человѣкъ долженъ свободно гулять, бастовать, ходить по улицамъ и пѣсни распѣвать, а жалованье долженъ аккуратно получать. Понялъ теперь идеалъ свободы? — И. Очень хорошо понялъ. — Ц. Идеалъ равенства еще проще. Выдумали люди, что надо получать жалованье, что надо цѣнить людей по уму, способностямъ, образованію, трудолюбію. Это все буржуи придумали, чтобы побольше жалованья получать. Такъ развѣ это справедливо? Каждый долженъ жить въ свое удовольствіе, работать, какъ хочетъ и сколько хочетъ, а жалованье всѣ должны равное получать. Вотъ ты служишь на фабрикѣ; можешь пьянствовать, гулять по пивнымъ, можешь работать, — словомъ, такъ, что твоя работа и гроша ломанаго не стоитъ, а жалованье долженъ получать такое же, какъ директоръ фабрики и даже какъ старшій мастеръ. Понялъ идеалъ равенства? — И. Какъ не понять, г. ваятель духа. — Ц. А идеалъ братства еще проще. Всѣ должны по-братски дѣлиться: богатый съ бѣднымъ, а бѣдный съ богатымъ. Вотъ, скажемъ, у тебя сапоги дырявые, да и костюмъ весь истрепанный, да главное, уже вышелъ изъ моды, — словомъ, костюмъ, не то Адама, не то Діогена. Ты имѣешь полное, право, по-братски, отдать его первому встрѣчному богачу, и по-братски взять у него его костюмъ. Можешь заложить новый костюмъ въ пивной или просто пропить его, но идеалъ братства всегда тебя выручитъ. Мало развѣ богачей на свѣтѣ! Понялъ? — И. За мое почтеніе понялъ! — Ц. Имѣешь сознаніе общечеловѣческаго идеала? — И. Вполнѣ имѣю. — Ваятель духа поворачивается лицомъ къ публикѣ, производитъ какое-то движеніе магической палочкой, послѣ чего вытаскиваетъ бумажку, показываетъ ее публикѣ и громко восклицаетъ: „вотъ аттестатъ зрѣлости неграмотному обывателю Иванову!“ Послѣ этого торжественно вручаетъ аттестатъ Иванову со словами: „отнынѣ ты образованный обыватель, а если хочешь получить дипломъ высшаго образованія отъ общества народныхъ университетовъ, ты долженъ показать, что у тебя не только сознаніе, но и достиженіе общечеловѣческаго идеала“.—Объявляется антрактъ на одинъ часъ.

Послѣ антракта Ивановъ является совсѣмъ образованнымъ человѣкомъ: въ цилиндрѣ, который ему идетъ, какъ коровѣ сѣдло,

и въ костюмѣ англійскаго покроя, но сшитомъ, повидимому, на мальчика 15 лѣтъ, принимая во вниманіе внушительную комплекцію Иванова. Начался опять діалогъ между ваятелемъ духа и его ученикомъ, но на сей разъ діалогъ былъ очень кратокъ. Ц. Достигъ ты общечеловѣческаго идеала? — И. Такъ точно, достигъ. — Ц. Разскажи, какъ ты провелъ время? — И. Первымъ долгомъ забрался въ квартиру какого-то буржуя и, на основаніи идеала братства, великодушно оставилъ ему свой костюмъ, захвативъ, конечно, его костюмъ для того, чтобы не быть вынужденнымъ выйти на улицу одѣтымъ не по модѣ, т.-е. въ костюмѣ Адама. Послѣ того побилъ на улицѣ физіономіи двумъ буржуямъ, выругалъ трехъ, а городовому далъ общественную зуботычину. Слѣдовалъ при этомъ всемѣрно благородному идеалу свободы. Слѣдуя тому же идеалу, собралъ я изъ трактировъ и пивныхъ всѣхъ „сознательныхъ“ рабочихъ, которые уже были въ выучкѣ у ваятеля духа; сорвали мы съ какой-то женщины красный платокъ и устроили красный флагъ; и такъ шли по улицѣ; кто кричалъ, кто билъ въ барабанъ, кто пѣлъ, а кто просто оралъ. Потрепали нѣсколько буржуевъ и двухъ полицейскихъ. Пошли въ редакцію „рабочей газеты“ и просили напечатать, что мы объявили экономическую забастовку. Тутъ же каждый просилъ написать: кто про старшаго мастера, кто про младшаго—и ругательски ихъ выругать. Наврали при этомъ редактору въ три короба, а онъ еще отъ себя навралъ въ пять коробовъ, и здорово влетѣло мастерамъ. Да и стоитъ; требуютъ, представьте, чтобы рабочіе работали; идутъ, словомъ, походомъ противъ общечеловѣческаго идеала свободы, равенства и братства. Послѣ того пошли по другимъ п. д. газетамъ и тоже просили объявить, что у насъ началась экономическая забастовка. Въ газетахъ обрадовались, и обѣщали не только напечатать: но и поддержать. Послѣ того пошли на какую-то фабрику, вывезли на тачкѣ двухъ мастеровъ, а остальные разбѣжались. Послѣ того пошли въ контору, потребовали книги и справки,—сколько получаетъ директоръ. Мы потребовали себѣ, конечно, по всѣмъ правиламъ идеала равенства, директорскаго жалованья. Но когда намъ въ этомъ отказали, мы разбили несгораемую кассу и достигли идеала равенства. Послѣ этого я отправился закусывать въ ресторанъ. Расплатился я, конечно, по-братски, и по братски же обошелся со своимъ сосѣдомъ, отдавъ ему весь свой шишъ изъ кармана, и въ обмѣнъ экспропріировавъ его кошелекъ. Всю эту тираду И. произнесъ съ чувствомъ и достоинствомъ, а когда произнесъ слово „экспропріировалъ“, онъ побѣдоносно оглянулъ всю аудиторію, какъ будто говоря: „Куда вамъ до меня! Всѣ тонкости идеала постигъ!“ Финалъ всѣмъ, конечно, понятенъ. Ваятель духа, не говоря ни слова, махнулъ магической палочкой и преподнесъ Иванову дипломъ высшаго образованія отъ народныхъ Университетовъ. Разъ, два, три—и готово.

Немудрено, что можно, дѣйствительно, зарядить человѣка идеями, можно ими стрѣлять, какъ нѣмцы стрѣляютъ удушливыми газами, но несомнѣнно, что побѣдить ими нельзя. Ими можно подстрѣлить и ими подстрѣливаютъ только .. Митрофанушекъ. Мы

привыкли думать, что образованіе—только длительное, постепенное пріобрѣтеніе знаній и знаній реальныхъ, положительныхъ. Мы привыкли думать, что и передача знаній, и пріобрѣтеніе знаній представляетъ трудъ, притомъ тяжелый, скучный, прозаическій трудъ. Мало того, мы привыкли думать, что пріобрѣтаются знанія только для того, чтобы примѣнять ихъ въ жизни и примѣнять въ тяжеломъ, скучномъ, прозаическомъ трудѣ. Словомъ, образованіе, какъ и все въ мірѣ, сводится къ реальному труду. Такъ развѣ такое образованіе подъ-силу Митрофанушкамъ, развѣ они доросли до него? Вѣдь, потому-то ихъ и назвали и зовутъ недорослями. И вотъ тутъ-то, на выручку Митрофанушкамъ, явились благодѣтели,—тоже изъ породы Митрофанушекъ,—которые создали спеціально для нихъ ученіе объ образованіи; это ученіе объемлетъ образованіе вообще, внѣшкольное образованіе, родительскіе комитеты, общество Народныхъ Университетовъ и всякія культурныя, просвѣтительныя общества. Это тѣ самые благодѣтели, которые изобрѣли для Митрофанушекъ парламентаризмъ, соціализмъ, демократизмъ, интеллигенцію, прессу, популярную общественность, популярную профессуру и т. п. Они-то и изобрѣли систему образованія, дающую возможность въ пять минутъ постигнуть всю образовательную премудрость. Что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ, и я въ высшей степени удовлетворенъ, что на цитированномъ печатномъ, твореніи мы имѣли лишній поводъ убѣдиться, что тунеядство проѣло весь современный міръ, проникло всюду и вездѣ. Подъ сѣнь пятиминутнаго образованія пойдутъ всѣ, кому противенъ трудъ, кому по сердцу только жизнь и трудъ болонокъ Жужу. По системѣ пятиминутнаго образованія пріятно и учить, пріятно и учиться. Подъ звуки музыки и пѣнья, въ вихрѣ демократическаго танго поучать великимъ общечеловѣческимъ идеаламъ и слыть ваятелемъ духа, которое обнимаетъ понятія: демократъ, интеллигентъ, популярный дѣятель—развѣ это не восторгъ, не наслажденіе, не райская жизнь болонокъ, потому что за это удовольствіе, и именно удовольствіе, еще жалованье приличное даютъ? А о выгодѣ и удовольствіяхъ получать въ пять минутъ званіе образованнаго человѣка и такъ же подъ звуки музыки и пѣнья, въ вихрѣ танцевъ,—и говорить нечего. На удочку такого образованія, понятно, ловится все, что отдаетъ тунеядствомъ, что носитъ въ себѣ малѣйшій задатокъ Митрофанушки.

Чѣмъ больше тунеядства въ странѣ, тѣмъ болѣе шансовъ на успѣхъ имѣетъ эта система образованія. Приходится, конечно, мириться съ тѣмъ, что на свѣтѣ водится классъ калѣкъ, обиженныхъ судьбою людей, подъ названіемъ тунеядцы, интеллигенты то жъ. Приходится мириться съ тѣмъ, что для нихъ созданъ особый типъ школъ и особая система образованія. Но съ этимъ не хотятъ мириться сами тунеядцы. Они хотятъ сдѣлать свою систему универсальной, чтобы по этой системѣ училось, воспитывалось все человѣчество. Вѣдь, есть же школы и спеціальныя системы образованія для глухо-нѣмыхъ,—для этихъ обиженныхъ судьбою и природой людей. Неужели же по этой системѣ учить всѣхъ нормальныхъ и

здоровыхъ людей? Конечно, всѣмъ эта мысль покажется дикой, смѣшной и преступной. А система образованія Казанцева,—система всей міровой интеллигенціи, міровой демократіи,—развѣ не представляетъ ту же систему для глухо-нѣмыхъ, для несчастныхъ субъектовъ, въ душѣ которыхъ заглохла божественная правда и онѣмѣлъ божественный глаголъ? А чтобы прикрыть свое умственное и духовное убожество, несчастные простраты, принявъ титулъ интеллигентовъ, стремятся сдѣлать свою систему универсальной, хотятъ втянуть въ нее все человѣчество. Такъ развѣ это не дикая, смѣшная и преступная затѣя? Но,—увы!—эта затѣя и эта система, противъ которой все время боролся умный, благородный Кассо, начинаетъ входить въ обиходъ,—на ней уже имѣется клеймо почти всей земской Россіи, она постепенно проникаетъ во всѣ сферы государственной и общественной жизни. Ужасъ въ томъ, что ослѣпленіе, туманъ общества настолько велики, что никто и не подозрѣваетъ, что въ школы для глухо-нѣмыхъ гонятъ повально все человѣчество. И происходитъ это потому, что въ рукахъ у простратовъ,—демократовъ то жъ,—находится грозное, страшное оружіе, омерзительный удушливый ядъ, который туманитъ здравый смыслъ людей, усыпляетъ ихъ сознаніе. Этому чудовищу, этому отвратительному спруту я посвятилъ уже немало строкъ и немало слезъ. Всякій догадывается, что этотъ чудовищный спрутъ зовется... зовется... прессой. Ухъ! Наконецъ-то, выговорилъ. Долженъ признаться, что я съ ужасомъ и трепетомъ произношу теперь и пишу это страшное слово, какъ въ дѣтствѣ боялся произносить слово „чортъ", какъ бы еще не накликать на себя бѣду. Оружіе, которымъ дѣйствуетъ омерзительное современное чудовище, зовется *гипнозомъ*.

Когда я впервые употребилъ слово „гипнозъ," когда я заявилъ, что общественное мнѣніе находится подъ гипнозомъ, что жизнь человѣчества проходитъ въ гипнотическомъ снѣ, я убѣжденъ, каждый подумалъ, что это болтовня идіота или бредъ помѣшаннаго; никто не подозрѣвалъ, что его мнѣніе—плодъ загипнотизированной, затуманенной мысли. Наоборотъ, когда я привелъ цитату изъ творенія Казанцева, каждый подумалъ только: „какъ хорошо, какъ благородно, какъ идеально написано; какія вѣрныя, правильныя, возвышенныя мысли!" Да и какъ подумать иначе, когда эти мысли каждый ежедневно читаетъ въ газетахъ, слышитъ въ рѣчахъ депутатовъ, общественныхъ дѣятелей, находитъ ихъ во всѣхъ романахъ, стихахъ, популярныхъ изданіяхъ, —словомъ, во всей изящной, публицистической и научно-философской литературѣ. Я еще не закончилъ шифра этой цитаты, мы еще найдемъ въ ней изумительные перлы—и безсмыслицы и тунеядства, но и вышеизложеннаго шифра достаточно, чтобы раскрыть читателю глаза на весь ужасъ происходящаго передъ его глазами и дать вѣру моимъ словамъ и моимъ толкованіямъ. Вѣдь, мною уже доказано, какъ дважды два—четыре, что приведенная цитата, несмотря на кажущуюся красочность, представляетъ сплошную безсмыслицу, и, несмотря на видимое благородство и идеальность, заключаетъ въ себѣ преступную идею, несущую міру ядъ и отраву.

Такъ неужели тебѣ не ясно, читатель, что ты все время находишься въ гипнозѣ; неужели не сознаешь, что весь міръ находится въ гипнозѣ, въ какомъ-то дьявольскомъ, очарованномъ снѣ, что гипнотизируетъ всѣхъ преступная организація, связанная общимъ порокомъ тунеядства и общимъ сознаніемъ своего маразма, и что дѣйствуетъ эта организація, гипнотизируетъ тѣмъ ужаснымъ оружіемъ, которое зовется прессой. По сравненію со зловѣщимъ значеніемъ послѣдней, блекнутъ и блѣднѣютъ другіе способы и средства организацій: литература, общественность, театры, образованіе и т. п. Пресса—дѣйствительный жизненный центръ всей организаціи. Противъ прессы, читатель, надо тебѣ первымъ дѣломъ ополчиться. Ясно, что ея преступному вліянію надо положить предѣлъ,—надо положить предѣлъ тому яду, который зовется свободой печати и слова, свободой собраній, союзовъ и обществъ, свободой образованія и т. п. Все гипнозъ, все придумано для того, чтобы дать дорогу ничтожеству и тунеядству, чтобы дать ему завоевать міръ и на развалинахъ правды, труда, государственности, порядка, законности и всѣхъ моральныхъ, духовныхъ, культурныхъ пріобрѣтеній человѣчества водрузить знамя безшабашнаго хулиганства съ девизомъ: „хлѣба и зрѣлищъ!“ Все, что зовется свободой, все, что несетъ какое-либо громкое, привлекательное, чарующее названіе, должно быть въ подозрѣніи, должно быть подъ контролемъ. Истинная свобода, вообще — истина, правда неказиста, непривлекательна, прозаична, какъ сама жизнь, какъ все реальное въ жизни. Правительство одно безсильно бороться со зломъ, съ неправдой, если общество не окажетъ ему поддержки, и въ особенности тяжелое положеніе власти, если общество оказываетъ ей противодѣйствіе и, наоборотъ, подъ вліяніемъ гипноза оказываетъ поддержку своимъ злѣйшимъ и вѣковѣчнымъ врагамъ. Ложь, воровство, экспропріаціи, афера, шантажъ всегда вызывали противодѣйствіе общества, и правительство въ борьбѣ съ преступниками всегда встрѣчало содѣйствіе общества. Весь ужасъ въ томъ, что въ настоящее время, подъ вліяніемъ гипноза, общество оказываетъ поддержку преступнымъ элементамъ и идетъ рука-объ-руку съ ними. Вѣдь, на всѣхъ преступныхъ замыслахъ Казанцевыхъ, Тезяковыхъ, Клафтоновъ имѣется клеймо Земской Россіи, какъ на обложкѣ творчества Самарскаго Казанцева имѣется клеймо Самарскаго Земства. А что иное представляютъ собой резолюціи земствъ, городскихъ думъ, биржевыхъ комитетовъ и т. п., какъ не дружескую подачу руки всѣмъ ворамъ, грабителямъ, аферистамъ, всѣмъ хулиганамъ слова и дѣла!

Въ чемъ же секретъ того фокуса-покуса, который произвелъ Казанцевъ? Секретъ очень простой, далеко не новый, — попросту говоря, реакціонный, хотя имъ всемѣрно пользуются прогрессисты и демократы. Я уже не разъ имѣлъ поводъ отмѣчать, что всѣ способы и методы прогрессистовъ—реакціоннаго характера; прогрессисты брезгаютъ только однимъ реакціоннымъ предметомъ—собственной головой, и избѣгаютъ поэтому реакціоннаго метода мышленія головой. Въ этомъ весь ихъ прогрессизмъ и демократизмъ, а секретъ въ томъ, что объявляется о существованіи какого-то общече-

ловѣческаго идеала, проповѣдуется, что человѣчество, яко-бы, стремится къ этому идеалу; тѣмъ же, у кого нѣтъ сознанія и стремленія къ идеалу,—къ этой шантажной выдумкѣ фокусниковъ, — надо всячески вколачивать этотъ идеалъ. Рыцари, въ свое время, вколачивали идеалы рыцарства на турнирахъ и перекресткахъ дорогъ, идеалы любви и милосердія инквизиторы вколачивали пытками и казнями; тѣ же идеалы французы вколачивали ужасами Варѳоломеевской ночи, а впослѣдствіи вколачивали идеалы свободы, равенства и братства ужасами французской революціи, а теперь повсюду вколачиваютъ эти идеалы бомбами, убійствами, экспропріаціями, терроромъ, гипнозомъ, дѣйствуя послѣднимъ черезъ прессу, просвѣтительныя общества, казанцевскую систему образованія, черезъ внѣшкольное образованіе, лекціи Народнаго Университета, цвѣточные дни, благотворительные спектакли и лотереи, передвижныя выставки, родительскіе комитеты, и, наконецъ, черезъ резолюціи. Идеалы соціальной республики вколачиваютъ экспропріаціями, забастовками, избіеніемъ директоровъ, мастеровъ и тѣхъ рабочихъ, которые не признаютъ идеала соціальной республики и просто хотятъ работать.

Я имѣю счастье принадлежать къ роду человѣческому, когда-то также находился подъ вліяніемъ гипноза и вѣрилъ, что есть какіе-то общечеловѣческіе идеалы, но когда я обратился къ реакціонному методу мышленія собственной головой,—я убѣдился, что никакого общечеловѣческаго идеала нѣтъ и не можетъ быть. Между тѣмъ, съ давнихъ поръ морочатъ человѣчество всякими ученіями, жизненный центръ которыхъ заключается въ томъ, что въ жизни есть жизненный центръ, т.-е. какіе-то общечеловѣческіе идеалы. Разъ говорятъ о чемъ-то общечеловѣческомъ, то говорятъ, прежде всего, о томъ, что присуще всему человѣчеству, а затѣмъ о томъ, что присуще человѣку со дня его рожденія. Потребность въ ѣдѣ и питьѣ общечеловѣческая, потому что она присуща каждому человѣку, она проявляется съ перваго же дня его жизни; человѣку присуще быть добрымъ или злымъ, храбрымъ или трусомъ, трудолюбивымъ или лѣнтяемъ; словомъ, ему присущъ тотъ или иной природный характеръ, и послѣдній, т.-е. вообще—характеръ представляетъ общечеловѣческій элементъ, независимо отъ чертъ этого элемента. Добръ или золъ человѣкъ, въ какой степени онъ добръ или золъ,—не въ этомъ дѣло, но у каждаго человѣка есть характеръ, есть природныя свойства, съ которыми человѣкъ родится, которыя проявляются съ первыхъ же дней жизни ребенка, а въ особенности, съ первыхъ дней признаковъ сознанія у него, и которыя остаются у человѣка на всю жизнь. Какой же идеалъ жизни есть у ребенка, даже въ пору полнаго его сознанія? А разъ идеала нѣтъ у ребенка, разъ съ идеаломъ человѣкъ не родится, то нѣтъ и не можетъ быть общечеловѣческаго идеала. Если же говорятъ объ общечеловѣческомъ идеалѣ, то его просто выдумали, какъ выдумываютъ себѣ журавля въ небѣ. Съ такимъ же правомъ можно говорить объ общесобачьемъ, общеослиномъ идеалѣ. Можетъ-быть, нѣкоторые люди дойдутъ и до признанія общеослинаго идеала, но я прекрасно понимаю, что только ослы способны призна-

вать общечеловѣческій идеалъ, потому что самъ человѣкъ не въ состояніи сознать, постигнуть, что ему присущъ какой-то идеалъ. Я оглядываюсь на свой пройденный довольно длинный жизненный путь и не нахожу въ немъ никакого идеала; я всю жизнь поступалъ или только по влеченію сердца, или по движенію души,—въ силу тѣхъ или иныхъ природныхъ свойствъ своихъ. Пусть каждый оглянется на свою жизнь, и онъ пойметъ, что общечеловѣческій идеалъ—выдумка празднаго ума. Начинается трудовой день человѣка. Онъ первымъ дѣломъ совершаетъ свой туалетъ, моется, одѣвается; затѣмъ онъ интересуется знать,—готовъ ли самоваръ? Кто берется за чай, кто за кофе, кто закусываетъ, кто первымъ дѣломъ хватается за папироску, а кто за рюмку водки,—словомъ, каждый въ томъ или иномъ видѣ удовлетворяетъ свои потребности. Затѣмъ каждый отправляется на работу, нѣкоторые идутъ, предварительно помолившись Богу, многіе этого не дѣлаютъ. Сапожникъ, портной и всякій мастеровой идутъ въ мастерскую; врачъ отправляется по больнымъ, или въ амбулаторію, больницу; военные, чиновники, полицейскіе на службу, купецъ, приказчикъ въ магазинъ, школьникъ въ школу, студентъ на сходку, которая зовется лекціей любимаго популярнаго профессора, директоръ фабрики и рабочіе на фабрику, весь третій элементъ по своимъ отдѣленіямъ и т. д. Врачъ—я беру профессію, которую принято считать высокой, идеальной—совсѣмъ не лечитъ больныхъ потому, что его идеалъ оказывать помощь страждущимъ,—онъ лечитъ потому, что это его профессія, какъ сапожникъ дѣлаетъ сапоги совсѣмъ не для того, чтобы благодѣтельствовать человѣчество, чтобы спасать его отъ холода, отъ грязи и т. п. Врачъ всячески старается вылечить больного, потому что это его долгъ, обязанность, потому что онъ взялъ на себя отвѣтственность за здоровье и жизнь больного, какъ печникъ старается устроить хорошую печь, потому что онъ взялъ на себя отвѣтственность за теплоту въ квартирѣ. Когда хирургъ дѣлаетъ операцію, то въ немъ меньше всего говоритъ идеалъ спасенія человѣка; его волнуетъ вопросъ, будетъ ли удачна операція или нѣтъ, сдѣлана ли она по правиламъ; когда умираетъ оперированный, хирургъ жалѣетъ не больного, ему не жаль жизни человѣческой, а онъ въ отчаяніи только отъ неудачной операціи, отъ своей неловкости или фатальнаго стеченія обстоятельствъ, иной въ отчаяніи отъ той отвѣтственности судебной, которая можетъ ему грозить, но никто никогда не скорбитъ о крушеніи идеала, котораго у него нѣтъ. Вѣдь, можно быть популярнымъ, внимательнымъ врачомъ, но быть злымъ, черствымъ, неблагороднымъ и нечестнымъ человѣкомъ, какъ можно быть хорошимъ сапожникомъ, хорошимъ адвокатомъ, хорошимъ чиновникомъ, и тоже быть дурнымъ, злымъ человѣкомъ. Можно быть вѣжливымъ приказчикомъ, умѣющимъ „угодить“ публикѣ, но быть крутого, грубаго характера. Неужели же, когда на дверяхъ прибита карточка: „докторъ или присяжный повѣренный NN, принимаетъ отъ 10—12 утра,“ кто-нибудь подумаетъ, что тутъ поселился благодѣтель рода человѣческаго, идеалъ котораго спасать человѣка или отъ смерти, или отъ тюрьмы,—никто этого не подумаетъ даже въ томъ случаѣ, если есть прибавка: „бѣдныхъ—по пятницамъ, отъ 11—12 ночи, безплатно.“

А, вѣдь, эти самые доктора и юристы, это—тѣ самые студенты, которые бастовали, играли въ сходки, демократизмъ, а, пожалуй, и теперь объявляютъ себя демократами и выносятъ всякія резолюціи... Неужели же мастеровые, открывая мастерскую, купцы—лавку, фабрику, имѣютъ въ виду благодѣтельствовать заказчиковъ и покупателей. Каждый работаетъ по своей профессіи, каждый занятъ своимъ дѣломъ и работаетъ для дѣла, которое его кормитъ, поитъ и многимъ доставляетъ удовлетвореніе,—если они любятъ свое дѣло. Даже офицеръ, умирая на войнѣ, исполняетъ только свой профессіональный долгъ, потому что онъ взялъ на себя такую обязанность и несетъ отвѣтственность за жизнь гражданскаго населенія и цѣлость страны.

Или, если кто идетъ даже добровольцемъ на войну, то имъ развѣ говоритъ какой-либо идеалъ, развѣ онъ идетъ потому, что есть такой общечеловѣческій идеалъ—смерти за родину? Онъ идетъ по влеченію сердца, души, изъ патріотизма, наконецъ, изъ сознанія, что пораженіе несетъ лишенія, позоръ его близкимъ, роднымъ. Или—развѣ артистами, художниками руководитъ идеалъ служенія искусству? Есть у людей таланты, любовь къ тому или иному искусству и они отдаются своему природному призванію. Или—всѣ эти патентованные благотворители, всѣ эти любители на благотворительныхъ спектакляхъ, всѣ разукрашенные цвѣтами сборщики и сборщицы — развѣ воодушевлены какимъ-либо идеаломъ, кромѣ мечты о благотворительной славѣ? А развѣ благородный эсдекъ, отправляясь на пропаганду среди рабочихъ и принимая на себя роль ваятеля духа, воодушевленъ идеаломъ равенства или братства? Онъ просто никуда негоденъ, ни на что не способенъ, а тутъ ему улыбается перспектива въ 5 минутъ превратить неграмотнаго рабочаго въ „сознательнаго“ рабочаго и прослыть среди дикарей — образованнымъ человѣкомъ, среди дѣтей—взрослымъ, среди простыхъ, довѣрчивыхъ людей — ихъ благодѣтелемъ, или защитникомъ ихъ интересовъ.

Итакъ, каждый работаетъ по своимъ способностямъ, по своему призванію, по силѣ своего разумѣнія и по своей спеціальности; по своей профессіи. Кто приноситъ пользу, кто вредъ, но каждый работаетъ исключительно для себя. Въ работѣ, въ профессіи идеала нѣтъ. Во время работы начинаются мечты объ обѣдѣ; человѣкъ всегда занятъ вопросомъ, что сегодня на обѣдъ, или что ему заказать въ ресторанѣ. Послѣ обѣда отдыхъ, затѣмъ чай, ужинъ. У человѣка, однако, еще много свободнаго времени, и вся забота его заключается въ томъ, какъ убить это свободное время. Пожалуй, я еще готовъ согласиться, что есть общечеловѣческій идеалъ, если этимъ идеаломъ признавать: *убиваніе времени*. Убиваетъ человѣкъ время разными способами; кто за картами, кто за бутылкой водки; кто въ прогулкѣ, кто за чтеніемъ книгъ, кто въ театрѣ, кто въ ресторанѣ, кто въ кафе-шантанѣ; кто флиртуетъ, кто просто ротозѣйничаетъ, кто ходитъ по гостямъ. Словомъ, когда человѣкъ не работаетъ, не ѣстъ, не пьетъ, не спитъ, онъ только убиваетъ время. Онъ убиваетъ его и тогда, когда ведетъ бесѣды, ораторствуетъ объ

идеалахъ или учитъ, по системѣ Казанцева, всякимъ общечеловѣческимъ идеаламъ, потому что для всякаго ясно, что говорить объ идеалахъ, проповѣдывать идеалы — еще не значитъ имѣть идеалъ и жить имъ. Когда же, послѣ трудовъ праведныхъ, человѣкъ чисто по-разбойничьи убилъ свое свободное время, — тогда, наконецъ, у него является идеалъ: *постель*, и онъ засыпаетъ сномъ праведнымъ. И треть своей жизни человѣкъ проводитъ во снѣ, треть въ работѣ, а остальное время ѣстъ, пьетъ, убиваетъ время. Конечно, продолжительность каждаго періода разнообразится и не у всѣхъ одинаково; иной полжизни спитъ, а полжизни разбойничаетъ надъ своимъ временемъ; иной полжизни работаетъ и т. п., но схема человѣческой жизни остается въ общемъ неизмѣнной. Гдѣ тутъ идеалъ, въ чемъ идеалъ?

И если, оглядываясь на пройденный путь, въ любую пору своей жизни, человѣкъ захочетъ дать оцѣнку пройденной жизни, онъ скажетъ: я съѣлъ нѣсколько десятковъ быковъ, свиней, барановъ, телятъ, нѣсколько сотъ или тысячъ разныхъ птицъ, нѣсколько сотъ или тысячъ разныхъ рыбъ, вагона два хлѣба, вагона два овощей, иной прибавитъ еще цѣлый товарный поѣздъ водки, вина, пива; курильщикъ вспомнитъ, что выкурилъ нѣсколько десятинъ табаку и послѣ всего этого оставилъ міру въ наслѣдство, не говоря о всемъ прочемъ, нѣсколько незаконныхъ и законныхъ дѣтей, которымъ сужденъ тотъ же жалкій человѣческій жребій, что и ихъ отцу. Жизнь же ребенка типична для человѣка вообще, съ той разницей, что ребенокъ убиваетъ только свое время.

Назовите мнѣ, ради Бога, общечеловѣческій идеалъ жизни, докажите мнѣ, что это не плодъ фантазіи, а дѣйствительно идеалъ человѣческой жизни, какъ мы говоримъ объ общечеловѣческихъ потребностяхъ, свойствахъ, присущихъ каждому человѣку, присущихъ ему со дня рожденія. Я знаю, мнѣ назовутъ эти идеалы; кто скажетъ, что это идеалъ толстовства, идеалъ любви, образно выраженный въ изреченіи: „не противься злу насиліемъ“, кто скажетъ, что это идеалъ свободы, равенства и братства; иной скажетъ, что это идеалъ народовластія, другой, что идеалъ анархіи, третій, что идеалъ соціальной республики, или, вымазавъ лицо сажей и прицѣпивъ къ сюртуку деревянную ложку, будетъ отстаивать идеалъ футуризма и т. п. Много на этотъ предметъ было создано всякихъ ученій, и каждое ученіе придумывало свой общечеловѣческій идеалъ.

Я взялся за перо только для того, чтобы освѣтить смыслъ демократизма, парламентаризма и другихъ язвъ современности. Ученіе Толстого—родная сестра этимъ язвамъ; мнѣ придется объ этомъ ученіи говорить въ другой брошюрѣ и по другому поводу, и мнѣ не трудно будетъ, какъ дважды два—четыре, показать, что это ученіе преступный плодъ празднаго, тунеядческаго мышленія, и что оно по заслугамъ встрѣтило такой отпоръ со стороны православной Церкви, въ лицѣ ея іерарховъ. Я здѣсь ограничусь указаніемъ, что

это ученіе не можетъ стать общечеловѣческимъ идеаломъ, потому что оно противорѣчитъ тѣмъ свойствамъ, которыя присущи человѣку. Этотъ идеалъ такъ же безжизненен, неосуществимъ, какъ и остальные, перечисленные выше, идеалы. Согласитесь, вѣдь, нелѣпо же проповѣдывать человѣку: „живи, какъ рыба въ водѣ", разъ природой, Богомъ человѣкъ созданъ такъ, что онъ можетъ жить только на землѣ. Можно, конечно, создать такое ученіе, можно учить, что идеалъ человѣка, это—жить, какъ рыба въ водѣ, можно въ пять минутъ передать это сознаніе, этотъ жизненный центръ любому малограмотному человѣку; онъ, конечно, постигнетъ этотъ идеалъ по своему и начнетъ топить всѣхъ въ водѣ. Кому же охота самому лѣзть въ воду? Все это ученіе, конечно, всякій признаетъ дикимъ, безсмысленнымъ порожденіемъ больного, безумнаго ума. А развѣ не на той же высотѣ ученіе Толстого, Маркса и волна современной общественности. Пусть только пресса заинтересуется моимъ ученіемъ о жизни, какъ рыба въ водѣ, и начнетъ его пропагандировать, и я глубоко убѣжденъ, что черезъ два-три мѣсяца польются резолюціи о необходимости жить, какъ рыба въ водѣ. О, эта пресса! Я не злой человѣкъ, но если бы я зналъ, что ученіе о жизни, на манеръ рыбы въ водѣ, первымъ дѣломъ потопитъ въ водѣ прессу, всѣ станки, на которыхъ печатаются газетные листы, и ту бумагу, на которой печатается эта общечеловѣческая отрава,—я для спасенія человѣчества сталъ бы адептомъ этого ученія, хотя я врагъ всякихъ ученій.

Какъ же человѣку не противиться злу насиліемъ, когда вся жизнь человѣчества — сплошная борьба со зломъ. Развѣ холодъ не зло? А устраивая дома, отапливая квартиры, человѣкъ не борется со зломъ? Развѣ дерево не живетъ, и развѣ срубая лѣсъ для жилища и топлива, человѣкъ не совершаетъ насилія? Хотѣлъ бы я знать, какимъ путемъ, какъ не насиліемъ, человѣкъ могъ и можетъ бороться противъ хищныхъ звѣрей, пожирающихъ человѣка и его домашній скотъ? Развѣ борьба съ мухами не насиліе? Вѣдь, соблюденіе въ домѣ чистоты представляетъ уже насиліе, потому что чистота представляетъ лишеніе пищи всякихъ паразитовъ, бациллъ и т. п.; чистота, самая обыкновенная чистота, представляетъ насиліе надъ паразитами, бациллами. Представимъ себѣ самаго фанатичнаго толстовца, да еще вегетаріанца. Развѣ употребленіе въ пищу однѣхъ овощей не насиліе, потому что и овощи, и злаки, и плоды растутъ, живутъ, а разъ Богъ создалъ человѣка и далъ ему потребность въ пищѣ животной и растительной, то ясно, что человѣкъ отъ природы родится насильникомъ. Но оставимъ этотъ щекотливый вопросъ и представимъ себѣ толстовца, вегетаріанца, который развелъ для своего стола огородъ. Представимъ себѣ, что на огородныя овощи напалъ червячокъ и началъ ихъ пожирать и уничтожать. Что же долженъ дѣлать толстовецъ? Неужели обратиться къ червяку съ покорнѣйшей просьбой избрать себѣ для прогулокъ подальше закоулокъ? Впрочемъ, быть-можетъ, и такая просьба будетъ насиліемъ въ глазахъ толстовца; быть-можетъ, конечный

идеалъ толстовства требуетъ, чтобы человѣкъ и овощи сажалъ, и злаки сѣялъ только для кормленія червяковъ, жучковъ и птицъ, а самъ бы питался манной небесной или пищей св. Антонія. Идеалъ, несомнѣнно, высокій, но надо совершить только маленькій и пустячный переворотъ въ жизни человѣческой; устроить человѣка такъ, чтобы онъ могъ жить однимъ воздухомъ. Не ясно ли, что ученіе Толстого сводится къ ученію жить воздухомъ и стоитъ на высотѣ ученія—жить на манеръ рыбы въ водѣ. Надо только изумляться, какъ люди ухитрились признать ученіе Толстого великимъ и его самого превратить въ великаго философа. Счастье, что здравомыслящіе люди, и во главѣ ихъ православное духовенство, сразу раскусили всю фальшь этого ученія и осудили его. Любая басенка Крылова, любое его нравоученіе выше, цѣннѣй, дороже всѣхъ философскихъ твореній Толстого.

Какъ можно не противиться злу насиліемъ, когда на землѣ такъ много и зла, и насилія, и когда и то, и другое не является чѣмъ-то случайнымъ, искусственнымъ, а создано самой природой, заложено, такъ сказать, природой въ жизни, въ мірозданіи. Всюду зло и насиліе; травы, злаки созданы, чтобы ими питались насѣкомыя, птицы, звѣри, люди; насѣкомыя созданы, чтобы ими питались насѣкомыя же, птицы, звѣри; птицы для того, чтобы ими питались птицы же, люди и звѣри; хищные звѣри созданы такъ, что они могутъ питаться только мясомъ, а царь природы — человѣкъ — представляетъ всеядное животное; природой, наконецъ, созданы бактеріи, черви, исключительно поражающіе человѣка и живущіе на его счетъ. Какъ же не противиться злу насиліемъ. Вотъ, если бы кто доказалъ или въ состояніи былъ бы доказать, что зло въ мірѣ не естественное, природное, а случайное, созданное искусственно *только потому, что этому злу противятся,* тогда, понятно, ученіе непротивленія имѣло бы реальныя, жизненныя основанія, иначе это абсурдъ, безсмыслица, вродѣ ученія, что человѣку надо жить, какъ рыбѣ въ водѣ. Я не говорю о бациллахъ, о хищныхъ звѣряхъ, о разбойникахъ, но я беру простой житейскій случай: когда злой, лживый человѣкъ завѣдомо лжетъ, клевещетъ на близкаго человѣка или даже вообще на человѣка, то неужели можно удержаться, чтобы не сказать хотя бы, что это ложь, клевета? А, вѣдь, даже такое заявленіе есть насиліе. А развѣ Толстой не хотѣлъ бороться противъ зла, и развѣ его ученіе не есть насиліе; разъ человѣкъ учитъ, проповѣдуетъ, онъ всегда производитъ насиліе; если бы, скажемъ, Толстой соблюдалъ завѣтъ непротивленія, то онъ просто-напросто старался бы не производить насилія, но разъ онъ этотъ завѣтъ сталъ проповѣдывать, пропагандировать, онъ уже этимъ самымъ производитъ насиліе.

Допустимъ даже, что идеалъ непротивленія злу осуществимъ, желателенъ,—можно развѣ злого, жестокаго человѣка сдѣлать добрымъ,—вѣрнѣе, станетъ ли онъ добрымъ, если приметъ тотъ или иной идеалъ. Злой человѣкъ можетъ быть внимательнымъ докторомъ, оказывать пользу и благодѣтельствовать больныхъ людей, но онъ

останется злымъ; злой и жестокій человѣкъ можетъ быть благотворителемъ, можетъ знать всѣ высокіе идеалы, можетъ часами говорить о любви, можетъ даже стать послѣдователемъ Толстого, но онъ останется злымъ и жестокимъ человѣкомъ, подобно инквизиторамъ, во имя любви пытавшимъ людей. Доброму человѣку не нужно ученіе Толстого, а злого оно не исправитъ. Идеалъ Толстого, какъ говоритъ Казанцевъ, постигнетъ даже малограмотный человѣкъ, но онъ пойметъ его такъ, какъ понялъ выше ваятеля духа Ивановъ,—онъ пойметъ, что теперь можно безнаказанно творить зло, потому что никто не будетъ ему противиться. Вотъ къ чему приводятъ самыя красивыя, самыя привлекательныя на видъ ученія,—или, какъ выражается Казанцевъ, величайшія идеи,—если они безжизненны, безпочвенны. Правда, такія идеи быстро воспринимаются, они доступны даже ребенку, не то что неграмотному человѣку, но отъ ихъ воспріятія жутко и страшно дѣлается за человѣка, за тѣ микроскопическія моральныя пріобрѣтенія, которыя достигнуты человѣчествомъ.

На той же высотѣ—общечеловѣческіе идеалы свободы, равенства, братства. Я о нихъ уже достаточно говорилъ выше, всячески ихъ расшифровывалъ, и, мнѣ кажется, ясно стало, что это идеалы безжизненные, безпочвенные, что идеалъ внѣ души, внѣ природныхъ наклонностей человѣка вреденъ, преступенъ. Человѣкъ можетъ быть отъ природы добрымъ, благороднымъ, и онъ просто, безъ шума и общественности будетъ оказывать услуги людямъ, будетъ побратски дѣлиться съ другими, будетъ истинно-свободнымъ, т.-е. уважать свое и чужое мнѣніе, но онъ будетъ бороться со зломъ, а чужое лживое и вредное мнѣніе будетъ презирать и ставить ему предѣлъ, разъ онъ убѣдится, что оно преступное и вредное. Все это само собой будетъ дѣлаться въ жизни, все это и теперь имѣетъ мѣсто въ жизни, но все это просто, незатѣйливо, прозаично и тускло, какъ сама жизнь. Зачѣмъ доброму человѣку, если онъ душевно хочетъ дѣлать добро, записываться въ члены какого-либо общества; зачѣмъ благородному человѣку итти въ кадеты или эсдеки, когда онъ и такъ свободенъ, потому что онъ не занимается экспропріаціями, говоритъ только то, что онъ продумалъ, что, по его мнѣнію, никакого вреда жизненной правдѣ не можетъ принести,—что, словомъ, истинно-правдиво; занимается только своимъ дѣломъ, своей профессіей, которую онъ избралъ, которую онъ любитъ, и въ которой дѣйствительно понимаетъ толкъ. Онъ не боится никакой цензуры, никакой тюрьмы. Цензура страшна только хулиганамъ слова, разбойникамъ пера, а тюрьма—только хулиганамъ дѣла и просто разбойникамъ. Такой благородный человѣкъ истинно-добръ, истинно-благороденъ и онъ будетъ требовать исключительныхъ положеній, которыя страшны только экспропріаторамъ и хулиганамъ, онъ будетъ требовать самой строгой цензуры, чтобы цензорами были строгіе, но здравомыслящіе люди, потому что нѣтъ надобности писать: надо воровать, надо грабить и т. п. страшныя слова; можно писать такъ тонко, красиво и привлекательно, какъ писалъ Толстой, какъ пи-

шетъ въ обращеніяхъ Челноковъ, какъ пишетъ Казанцевъ, но вызывать одни грабежи и разбои. И для того, чтобы требовать цензуры или исключительныхъ положеній совсѣмъ не надо быть реакціонеромъ, какъ твердятъ демократы, а надо быть истиннымъ прогрессистомъ, истиннымъ демократомъ, просто-напросто благороднымъ человѣкомъ, который понимаетъ свободу, жаждетъ свободы, но который понимаетъ, что законъ, стоя на формальной сторонѣ, не можетъ зачастую карать ни явнаго хулиганства слова, ни еще менѣе очевиднаго хулиганства дѣла. Развѣ брошюру Казанцева какой-либо законъ можетъ карать? Вся книга полна разговорами о человѣчности и общечеловѣческихъ идеалахъ; между тѣмъ, я громко заявляю, что я эту книгу, какъ вредную и преступную, торжественно бы сжегъ на кострѣ тотчасъ же по ея выходѣ, а самого Казанцева и всѣхъ его сотрудниковъ близко не подпускалъ бы къ земскому дѣлу и къ учительской каѳедрѣ, конфисковалъ бы всѣ перья и бумагу, которыя могли бы соблазнить Казанцева къ дальнѣйшему писательству. Еще строже я поступилъ бы съ произведеніемъ Челнокова, и именно потому, что онъ занимаетъ такой высокій и видный постъ. Или устраиваютъ рабочіе профессіональный союзъ, къ которому примазываются врачи, юристы и всякіе Діогены съ шевелюрой. Какой законъ, какой судъ можетъ карать за это? Между тѣмъ, истинно-благородный человѣкъ,—именно, администраторъ, вродѣ Муратова, Хвостова, Кошуро-Масальскаго,—пойметъ, что это просто преступная экспропріаторская организація бездѣльниковъ и тунеядцевъ, и онъ, пользуясь правомъ исключительныхъ положеній, закроетъ такой союзъ, или такія безсмысленныя организаціи, какъ общество народныхъ университетовъ, общество охраненія народнаго здравія и т. п. Такому администратору всегда будетъ казаться подозрительнымъ, когда человѣкъ перестаетъ заниматься своимъ дѣломъ; когда врачъ начинаетъ ораторствовать на собраніяхъ, а сапожникъ перестаетъ шить сапоги, а лѣзетъ въ союзы, на сходки и т. п. Цензура и исключительныя положенія нужны только всѣмъ честнымъ людямъ, всѣмъ правдивымъ, благороднымъ людямъ, всѣмъ истиннымъ демократамъ, всѣмъ труженикамъ, всѣмъ истинно-трудящимся массамъ. Всякій, кому дороги правда, добро, истинная свобода и реальные интересы его родины, народа, долженъ привѣтствовать институтъ цензуры и исключительныхъ положеній. Конечно, необходимо, чтобы во главѣ этихъ учрежденій стояли правдивые, здравомыслящіе люди.

Нѣтъ и не можетъ быть идеаловъ свободы, братства, соціальнаго равенства и всякихъ другихъ общечеловѣческихъ идеаловъ. Это все выдумки празднаго, преступнаго и тунеядческаго ума, и выдумки только для тунеядцевъ, для преступныхъ элементовъ. Идеаловъ нѣтъ въ природѣ, нѣтъ въ мірозданіи, нѣтъ въ жизни человѣческой,—вѣрнѣе, эти идеалы существуютъ, но они скрыты отъ человѣка, они внѣ человѣческаго сознанія, потому что они извѣстны и могутъ быть извѣстны только Творцу мірозданія. А что касается не идеаловъ, а просто началъ добра, правды, свободы, братства и т. п., то

этихъ началъ внѣ души человѣческой нѣтъ,—они заложены только въ душѣ человѣческой и безъ души немыслимы. Эти начала родятся съ душой человѣка, они составляютъ его душу. Никакое спеціальное воспитаніе, никакое ученіе, никакія прокламаціи не могутъ дать этихъ началъ человѣку, не могутъ ихъ вогнать въ душу человѣческую, потому что они и составляютъ его душу. Помни, человѣкъ, что я скажу тебѣ и глубоко запомни это: *душа человѣка только даръ Божій*. Никто и ничто не въ состояніи дать человѣку душу, не въ состояніи ни одного атома измѣнить въ душѣ человѣка. Душа образуется, измѣняется, оформливается только по волѣ Творца мірозданія. *Ваятель духа только Онъ*. Всякое же ученіе, всякая система направленныя къ тому, чтобы оформливать душу человѣка, представляютъ только насиліе,—самое грубое, преступное насиліе, и, кромѣ вреда, ничего не принесутъ, потому что ихъ поймутъ такъ, какъ неграмотный Ивановъ понялъ ваятеля духа. Человѣкъ только долженъ помнить, что душа человѣка—даръ Божій, и, какъ всякій даръ, онъ долженъ хранить и лелѣять и этотъ даръ, и хранить именно такимъ, каковъ онъ есть. Обязанность человѣка избѣгать именно всего того, что носитъ характеръ оформливанія души человѣка, что совершенно не дѣло ума и рукъ человѣческихъ, что лежитъ внѣ человѣческой досягаемости. Почему одинъ родится злымъ, другой—добрымъ? На то лишь воля Бога, и смыслъ этого скрытъ отъ насъ.

Конечно, человѣкъ добрый, благородный по природѣ ловится на удочку этихъ общечеловѣческихъ идеаловъ; вѣдь, они сродни его душѣ, потому что они заложены въ его душѣ въ томъ или иномъ видѣ; онъ не нуждается въ этихъ идеалахъ, его незачѣмъ оформливать, потому что онъ отъ природы, волей Бога, уже оформленъ. И какъ бабочка на свѣтъ Божій, такъ летитъ такой благородный человѣкъ на заманчивый свѣтъ общечеловѣческихъ идеаловъ. Это тѣ, которыхъ я называю наивными, простодушными обывателями-правдолюбцами. Несчастный правдолюбецъ не подозрѣваетъ, что онъ только игрушка въ рукахъ тѣхъ, для которыхъ величайшія идеи, общечеловѣческіе идеалы лишь средство для аферы, для шантажа; онъ не подозрѣваетъ, что играетъ лишь роль одураченнаго вкладчика въ дутомъ предпріятіи, акціонерами котораго состоятъ преступные тунеядцы, поставившіе себѣ цѣлью шантажемъ, аферой покорить весь міръ, присвоить себѣ власть, богатство; съ именемъ правды, свободы на устахъ эти бездушные изверги попираютъ ногами правду, свободу, какъ въ средніе вѣка инквизиторы съ именемъ любви на устахъ попирали ногами любовь. Вѣдь, любовь, правда, истинная свобда—это и есть душа человѣка; а развѣ человѣкъ воленъ надъ своей душой или чужой душой, развѣ онъ можетъ дать другому душу? Душа человѣка, вѣдь, даръ Божій. Человѣкъ можетъ дарить другому богатство, можетъ передавать ему знанія, опытъ. Знанія, житейскій опытъ и тому-подобныя пріобрѣтенія заложены въ мозговыхъ центрахъ, связаны съ нервной системой и со временемъ увеличиваются или уменьшаются, такъ или иначе подлежатъ воздѣйствію человѣка.

Но правду, любовь, свободу,—словомъ, душу развѣ дашь человѣку? Развѣ злому, жестокому человѣку внушишь любовь? Развѣ лживому, преступному тунеядцу внушишь правду? Развѣ природному деспоту, крѣпостнику внушишь истинную свободу? Вѣдь, истинная свобода мнѣній, какъ я уже неоднократно говорилъ, представляетъ только уваженіе къ чужому мнѣнію, основанное на уваженіи къ своему слову, къ своему мнѣнію. Развѣ не ясно, что истинная свобода—часть души человѣческой, и что человѣкъ надъ ней не воленъ. Общечеловѣческіе идеалы, о которыхъ трактуетъ Казанцевъ, одна фантазія празднаго ума; подъ этими идеалами надо понимать просто-напросто душу человѣческую,—вѣрнѣе, элементы послѣдней: любовь, правду, свободу, равенство, братство и т. д. Такъ развѣ эти общечеловѣческіе идеалы,—какъ выражается Казанцевъ,—развѣ душу можно дать? *) Демократы осторожно обходятъ этотъ щекотливый вопросъ и говорятъ о сознаніи общечеловѣческихъ идеаловъ. Такъ, вѣдь, сознаніе—одно, а душа—другое. Сознаніе заложено въ мозгу, и его, дѣйствительно, можно дать, можно его имѣть, и даже передавать. Но какой толкъ отъ сознанія идеаловъ? Развѣ у алкоголика нѣтъ сознанія, что не надо пить, что водка вредна? Однако, онъ пьетъ. Развѣ нѣтъ сознанія у курильщика табаку, опія, что это яды,—однако, онъ куритъ. А съ общечеловѣческими идеалами дѣло обстоитъ еще хуже. У алкоголика сознаніе, что не надо пить водку, исходитъ отъ него, это плодъ его душевныхъ переживаній, какъ сознаніе правды у правдиваго человѣка—плодъ его душевныхъ переживаній. Но то сознаніе, о которомъ толкуютъ демократы, чисто внѣшнее, напускное, отъ него, кромѣ вреда, ничего не получится. Казанцевъ совершенно правъ: это сознаніе можно передать даже неграмотному человѣку, и, прибавлю я отъ себя, даже въ пять минутъ. Но результатъ отъ такого сознанія будетъ тотъ, который мы наблюдали въ діалогѣ между ваятелемъ духа и неграмотнымъ обывателемъ. Этотъ діалогъ—сценка изъ жизни, съ натуры. Что надо быть добрымъ, свободнымъ, правдивымъ,—да сознать это достаточно трехъ минутъ. Но если это сознаніе не исходитъ отъ души человѣка, не составляетъ собственный плодъ его личныхъ душев-

*) А что такое такъ называемая конституція, какъ не часть той же души человѣческой, души народной? Развѣ довѣріе къ себѣ можно требовать? Довѣріе естественно пріобрѣтается природными элементами души: честностью, прямотой, трудолюбіемъ, энергіей, благородствомъ и т. п. Не ясно ли, что у человѣка, у народа конституціи ровно столько, сколько можетъ вмѣстить ихъ душа. Это такъ же ясно, какъ то, что рюмка или стаканъ могутъ вмѣстить только рюмку или стаканъ жидкости. Что толку изъ того, если въ рюмку лить ведро или бочку воды? Можно цѣлое море вылить, а въ рюмкѣ больше рюмки не окажется. И тѣ, которые кричатъ объ общечеловѣческихъ идеалахъ, придумываютъ всевозможныя душеспасительныя ученія, бредятъ соціализмомъ или мечтаютъ о свободахъ, парламентахъ и всякихъ конституціяхъ,—не сознаютъ, что они хотятъ въ микроскопически-маленькую рюмку влить море жидкости, въ микроскопической человѣческой душонкѣ они хотятъ вмѣстить океанъ конституціи. Попробуйте въ рюмку влить ведро воды,—вы только опрокинете рюмку и потеряете то содержимое, которое было въ рюмкѣ. Попробуйте дать человѣку, народу конституціи больше, чѣмъ можетъ вмѣстить его душа,—вы только убьете въ нихъ ту крупицу добра и правды, которыя были заложены въ душѣ и пріобрѣтены вѣками тяжелыхъ усилій и работы цѣлаго ряда поколѣній.

ныхъ переживаній, то оно воплотится въ человѣкѣ самымъ своеобразнымъ образомъ, какъ мы видѣли въ вышеприведенномъ діалогѣ; „надо быть добрымъ“—онъ пойметъ только въ томъ смыслѣ, что каждый долженъ быть добрымъ къ нему и оказывать ему всякія благодѣянія; „надо быть правдивымъ“—онъ пойметъ не иначе, что правдиво то, что ему выгодно, приноситъ ему пользу, какъ прогрессистъ подъ прогрессомъ понимаетъ то, что ему пріятно, доставляетъ развлеченіе; свободу каждый, конечно, пойметъ по своему: хулиганъ—что настала свобода хулиганства, воръ—что можно свободно красть, газетчикъ—что можно теперь во-всю Ивановскую лгать, клеветать, поносить всѣхъ правдивыхъ людей; прогрессистъ и демократъ—что теперь можно свободно пускать въ обращеніе фальшивыя демократическія ассигнаціи; популярный общественный дѣятель—что нѣтъ препятствій къ тому, чтобы ему стать министромъ или губернаторомъ; рабочій—что можно теперь свободно пять лѣтъ подрядъ бастовать, а жалованье директорское получать; изъ соціалъ-демократовъ иной видитъ себя президентомъ, другой—министромъ соціальной республики, но каждый обязательно уже чувствуетъ себя фабрикантомъ и заводчикомъ тѣхъ фабрикъ и заводовъ, надъ которыми трудились, работали ихъ владѣльцы; родители видятъ, какъ они, собравшись родительскимъ комитетомъ, посадили въ карцеръ директора, инспектора и всѣхъ учителей, а сами пишутъ аттестаты зрѣлости своимъ десятилѣтнимъ сыновьямъ; за этимъ занятіемъ я ихъ и оставилъ; старыя дѣвы уже не поютъ: „ахъ усы, его усы!“, а просто тащатъ за усы всякаго гусара, который имѣлъ неосторожность проѣхать мимо ихъ окна, и свободно женятъ его на себѣ; студенты танцуютъ демократическое танго на сходкѣ отъ радости, что теперь пять лѣтъ гуляй, а дипломъ все-таки получай; а какъ понимаетъ свободу вообще обыватель, мы уже видѣли изъ анкеты, полученной по поводу Челнокова, къ которой я и отсылаю читателя; словомъ, свобода для каждаго—широкая, веселая и вѣчная масляница; что касается равенства и братства, то нельзя лучше и полнѣе ихъ понять, какъ ихъ понялъ г. Ивановъ, ученикъ ваятеля духа.

Если кому на-руку эти общечеловѣческіе идеалы, то только природнымъ тунеядцамъ, только обиженнымъ судьбою Митрофанушкамъ; имъ они сулятъ богатство, славу, почести, власть; для нихъ это неожиданный кладъ. При своей микроскопической душонкѣ и мизерномъ умѣ, они получаютъ возможность въ самое короткое время превратиться въ образованнаго человѣка, въ популярнаго дѣятеля, въ кандидата въ общественные министры, въ сотрудника газеты и даже въ великаго писателя, въ профессора народныхъ Университетовъ и любого университета,—словомъ, въ ваятеля духа, въ учителя; въ завѣдующаго земскимъ отдѣломъ, въ историка, въ народнаго представителя, въ великаго оратора, въ государственнаго дѣятеля и т. п. Не ясно ли, что всякое высокое ученіе, вродѣ ученія Маркса, Толстого—не только плодъ празднаго тунеядческаго ума, но создается только для тунеядцевъ и Митрофанушекъ, которые и являются адептами всякаго ученія, пропагандаторами общечеловѣческихъ

идеаловъ. Но зачѣмъ ты, простодушный, вѣрующій обыватель-правдолюбецъ, ловишься на удочку этихъ кощунственныхъ, преступныхъ ученій? Да потому, что умъ твой затуманенъ, мысль усыплена, воля ослаблена, а душа въ оковахъ, какъ у человѣка, одурманеннаго морфіемъ или хлороформомъ. И въ тебя изо-дня въ день вливается ядъ, бацилла Гордоновой болѣзни,—особой народной болѣзни, которая туманитъ умъ, насилуетъ волю и душу. Ядъ этотъ вливается черезъ ту гидру, черезъ то многоголовое чудовище, которое зовется прессой, печатью. Ядъ этотъ вливается черезъ другіе источники, но самая широкая и обширная клоака, черезъ которую вливается ядъ, это—пресса. Другія дыры не трудно законопатить, если только предварительно наглухо закрыть клоаку прессы.

Несомнѣнно, правдолюбецъ, вздыхая по общечеловѣческимъ идеаламъ, мечтаетъ объ установленіи правды и добра на землѣ. Но странно. Зачѣмъ ему искать идеаловъ внѣ жизни, внѣ себя? Зачѣмъ ему мечтать о томъ, что выше человѣческихъ силъ, что внѣ человѣческой досягаемости? Развѣ правда не такъ же дорога Творцу міровданія, если она только истинная, Божественная правда? Кто же, какъ не Творецъ всего міровданія далъ человѣку понятіе о правдѣ? Но имѣть о чемъ-либо понятіе еще очень далеко отъ возможности установить это понятіе въ жизни. Человѣкъ такъ же безсиленъ, безпомощенъ въ устройствѣ жизни человѣчества, какъ клѣточка человѣческаго организма безсильна въ устройствѣ жизни человѣка. Весь укладъ, весь строй жизни народовъ и человѣчества создается помимо человѣка, вопреки его воли, создается такъ, какъ это угодно Промыслу Божьему. Этотъ строй, правда, создается естественно, стихійно, какъ бы фатально, на основаніи природныхъ свойствъ человѣка и законовъ человѣческой жизни. Но кто же создалъ эти свойства и эти законы? Помимо того, я высказываю свою глубокую вѣру, что Промыселъ Божій можетъ и помимо вѣковѣчныхъ законовъ и не только черезъ ихъ посредство, но и непосредственно принять участіе въ укладѣ человѣческой жизни. Это—моя вѣра, моя личная вѣра, и я ее никому не навязываю. Но такъ или иначе, разъ Богъ далъ человѣку понятіе о правдѣ, разъ человѣкъ самъ по себѣ безсиленъ ввести правду въ жизнь, то ясно, что объ этомъ позаботится самъ Творецъ, если это входитъ въ Его планы и цѣли. Я имѣю основаніе такъ думать, потому что я вижу, что Богъ далъ человѣку желудокъ. Разъ человѣкъ такъ мудро устроенъ, что у него есть желудокъ, то у него большая надежда, что наступитъ когда-нибудь царство правды на землѣ. Незачѣмъ человѣку искать въ облакахъ, въ революціяхъ, въ книгахъ то, что заложено въ немъ. Смѣю увѣрить Казанцева, что желудокъ и есть жизненный центръ грядущей правды.

Въ самомъ дѣлѣ: разъ есть желудокъ, есть потребность въ ѣдѣ, въ хлѣбѣ. А намъ уже извѣстно, что хлѣбъ надо добывать въ потѣ лица своего. Это не ученіе, и Богъ черезъ Моисея не заповѣдалъ этой истины, Онъ не училъ, что *надо* въ потѣ лица своего добывать свой хлѣбъ. Онъ сказалъ: въ потѣ лица своего *будешь* ты добывать

свой хлѣбъ. Это просто непреложный законъ жизни, такой же законъ жизни, какъ и законъ борьбы за существованіе. Ясно, что реальный, полезный *трудъ*—великое послѣдствіе этого мудраго устройства человѣка. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ясно, что плодъ трудовъ человѣка представляетъ его собственность, его достояніе, его *капиталъ*. Разъ человѣкъ вырылъ яму, посадилъ яблоню, ухаживалъ за ней годами, поливалъ, обрѣзалъ, уничтожалъ паразитовъ, на зиму защищалъ отъ холода, все время оберегалъ отъ птицъ и животныхъ,—то кто, какъ не онъ, имѣетъ право пользоваться плодами отъ дерева. Какъ же не понять, что весь урожай отъ яблони представляетъ полную собственность владѣльца, его собственный капиталъ. Кто же можетъ утверждать, что трудъ и капиталъ антагонисты, враги, когда они родные братья, когда они даже тождественны; трудъ переходитъ въ капиталъ, а капиталъ въ трудъ. Гдѣ грань между ними? Какъ же отрицать, что ученіе Маркса не безсмыслица? Какъ же не понять, что нѣтъ представителей труда и представителей капитала? Гдѣ грань между ними? Гдѣ грань между буржуями и пролетаріями? Все это одна выдумка празднаго тунеядческаго ума. Есть представители труда и представители бездѣлья, тунеядства,—это несомнѣнно, это реальный, жизненный фактъ,—а представителями тунеядства будутъ, прежде всего, всѣ тѣ, которые зовутъ себя пролетаріями, сознательными рабочими, эсдеками. И доказать это не трудно. У меня сто яблонь, посаженныхъ, взрощенныхъ моими трудами. Я собралъ отъ нихъ урожай въ сто пудовъ; употребилъ въ пищу 10 пудовъ; изъ остальныхъ 90 пудовъ—40 пудовъ превратилъ въ капиталъ и обмѣнялъ на мясо, хлѣбъ, сапоги одежду и т. п.; ясно, вѣдь, что эти 90 пудовъ представляютъ мой оборотный капиталъ; оставшіеся 50 пудовъ обмѣнялъ на золото и превратилъ въ свой запасный капиталъ. Скажите, люди добрые, развѣ я не имѣю на это право? Развѣ это не прямая моя обязанность? Вѣдь, это мои яблони, плодъ моихъ трудовъ, мой капиталъ; но, вѣдь, я могу заболѣть,—какъ же мнѣ не сдѣлать запасъ про черный день? Я могу умереть, у меня старуха мать, маленькія дѣтки... Какъ же мнѣ не оставить имъ запасный капиталъ на случай моей смерти? Вѣдь, я могъ работать только 6 часовъ въ сутки, но я работалъ 15 часовъ,—работалъ, не покладая рукъ, именно потому, что у меня семья, и мнѣ надо обезпечить свою семью. О, забастовщики всего міра! Я обращаюсь не къ людямъ съ душой, съ сознаніемъ,—я обращаюсь именно къ вамъ и спрашиваю: развѣ я не имѣю полное право оставить своей семьѣ запасъ капитала, составляющаго плодъ моихъ трудовъ? Даже вы не сможете отрицать моего права. Я умеръ, семья на капиталъ наняла работника, который работалъ въ саду и собиралъ урожай. Такимъ образомъ, мой трудъ превратился въ капиталъ, а капиталъ въ трудъ. Но когда я былъ еще живъ и складывалъ запасъ моихъ трудовъ въ погребъ, ко мнѣ явилась орава забастовщиковъ изъ сознательныхъ рабочихъ и эсдековъ, во главѣ съ нѣсколькими интеллигентными Діогенами, и потребовала, чтобы я отдалъ всѣ свои запасы. Теперь, молъ, соціальная республика; капиталовъ, запасовъ больше не полагается имѣть; а надо всѣ запасы передавать въ общественный мага-

зинъ, на общее пользованіе. Я, было, огорчился, тѣмъ болѣе, что интеллигенты, забирая мои запасы, не переставали мнѣ внушать общечеловѣческіе идеалы, а въ особенности, они хвалили пролетаріевъ и тѣхъ, что много работаютъ. Забравъ мои запасы, интеллигенты ушли, высказавъ убѣжденіе, что я буду такъ же энергично работать и на будущее время. Но я совсѣмъ не былъ дуракомъ,—какъ казалось моимъ дорогимъ гостямъ,—и послѣ ихъ ухода тотчасъ сообразилъ, что мнѣ гораздо выгоднѣе отдыхать и жить на счетъ чужихъ запасовъ, чѣмъ кормить своими запасами, своимъ трудомъ другихъ. Я, такъ сказать, забастовалъ, и, я думаю, всякій согласится, что я былъ правъ. Не смотрѣлъ за садомъ, не ухаживалъ за нимъ; деревья частью посохли, частью ихъ поломали звѣри, плоды всѣ расхитили. Коротко говоря,—я остался безъ яблокъ; но я не унывалъ, въ надеждѣ на общественные запасы. Но оказалось, что насчетъ забастовки и тунеядства дураковъ нѣтъ; всѣ расчитывали на чужіе запасы, и въ общественномъ магазинѣ ни одного яблока не оказалось.

Не знаю, нужно ли еще болѣе яркое доказательство, что ученіе Маркса — плодъ празднаго ума, а соціалъ-демократизмъ, всякое пролетарство, всякія забастовки вызваны только тунеядствомъ, держатся только тунеядствомъ, ведутъ только къ тунеядству. Вѣдь, вышеприведенный примѣръ взятъ просто изъ жизни, изъ жизненной гущи, а реальная жизнь, любой реальный, жизненный случай способны убить самое великое и популярное ученіе, если оно безжизненное, безпочвенное, а, слѣдовательно, и преступное. Правда, справедливость, добро только въ самой жизни; что внѣ жизни, то преступно и ведетъ къ преступленію.

Но приведенный примѣръ говоритъ о томъ, что трудъ и капиталъ неотдѣлимы другъ отъ друга, что капиталъ, собственно, и есть трудъ; что капиталъ и трудъ естественны и неизбѣжны, какъ сама жизнь. Капиталистическій строй, это—строй, основанный на индивидуальной собственности. Отнимите у человѣка собственность, и вы отнимете у него предпріимчивость, энергію, иниціативу, жажду реальнаго труда. Съ другой стороны, понятно, что строй индивидуальной собственности, строй капиталистическій требуетъ напряженія всѣхъ моральныхъ, духовныхъ силъ человѣка. Нуженъ реальный трудъ, колоссальная энергія, незаурядная предпріимчивость, нужна иниціатива, а съ понятіемъ послѣдней связано понятіе объ отвагѣ, неустрашимости и т. п. Словомъ, это строй для натуръ сильныхъ, съ высоко развитыми духовными и моральными свойствами. Въ этомъ строѣ нѣтъ мѣста слабымъ, тунеядческимъ натурамъ; все слабое должно погибнуть въ этомъ строѣ,—таковъ непреложный законъ борьбы за существованіе,—какъ гибнутъ дикіе народы при встрѣчѣ съ сильнымъ цивилизованнымъ народомъ. Понятно, что противъ этого строя должны были ополчиться всѣ тунеядцы, всѣ недоросли. Всякое безжизненное, утопическое ученіе—продуктъ самосохраненія тунеядства, идетъ навстрѣчу тунеядству. Поэтому, не только эсдеки и соціальные рабочіе, но и всѣ парламентаріи, прогрессисты, кадеты,

всѣ правыя партіи, признающія парламентъ, всѣ интеллигенты—всѣ тунеядцы и Митрофанушки. Но только, къ ужасу всѣхъ тружениковъ и собственниковъ, тунеядческіе элементы изобрѣли страшное орудіе—прессу. Какъ когда-то Катонъ, я немолчно буду кричать: помните, что пресса должна быть поставлена въ нормальныя рамки, должна стать только правительственнымъ учрежденіемъ.

Такимъ образомъ, первымъ великимъ и благодѣтельнымъ послѣдствіемъ мудраго устройства человѣческаго организма является развитіе тѣхъ высокихъ моральныхъ и духовныхъ свойствъ человѣка, о которыхъ я говорилъ выше, и которымъ я далъ бы названіе *индивидуализма*. Индивидуализму предшествуютъ градаціи: желудокъ, трудъ, собственность. Дальше—больше. Разъ человѣкъ работаетъ, трудится въ потѣ лица своего, онъ знаетъ цѣну труду, и онъ цѣнитъ свой трудъ, а, слѣдовательно, цѣнитъ и уважаетъ чужой трудъ, поэтому онъ *относится съ уваженіемъ къ чужой собственности*, потому что собственность—результатъ труда, тотъ же трудъ. Это новое высокое моральное чувство носитъ названіе честности, это—то чувство, котораго чужды всѣ демократы, сознательные интеллигенты и рабочіе. всѣ Діогены, все богатство которыхъ заключается только въ шевелюрѣ.

Уваженіе вообще къ собственности чревато послѣдствіями. Является естественная потребность охранять собственность отъ тунеядцевъ, отъ любителей легкой наживы. На этой почвѣ вырастаетъ понятіе права, законность, создается институтъ суда, издаются законы, вырастаетъ институтъ полиціи, организуется армія, государственная власть, органы администраціи, законодательства; на все это требуются средства; создаются налоги, цѣлый классъ чиновъ и учрежденій для собиранія налоговъ,—словомъ, создаются государственность, гражданственность, несущія обывателю законность, порядокъ, миръ, личную и имущественную безопасность и т. д.,—другими словами, блага цивилизаціи и культуры. Растутъ и матеріальныя блага цивилизаціи; крупная собственность даетъ возможность создавать фабрики, заводы, вводить улучшенное хозяйство, улучшать условія жизни; изобрѣтенія, открытія, знанія—все обязано собственности.

Всѣ же общечеловѣческіе идеалы весьма удобно и полно воплощаются въ высоко развитомъ чувствѣ индивидуализма, какъ въ чувствѣ уваженія къ своей личности, къ своему „я“. Человѣкъ же, который реально трудится, работаетъ, который поглощенъ своимъ трудомъ, своимъ дѣломъ, который въ трудѣ видитъ назначеніе своей жизни,—питаетъ уваженіе къ своему труду, питаетъ уваженіе къ себѣ. Человѣкъ, занятый реальнымъ дѣломъ, занятый только своимъ дѣломъ, не вмѣшивается въ чужія дѣла, не занимается знахарствомъ, не для него написана басня Крылова „Щука и котъ“. А разъ человѣкъ не вмѣшивается въ чужія дѣла, онъ далекъ отъ сплетенъ, пересудовъ, лжи, аферъ, шантажа. Вѣдь, ему некогда этимъ заниматься,—реальный трудъ ослабляетъ, уничтожаетъ такіе пороки, и такой чело-

вѣкъ все больше и больше начинаетъ уважать себя. А какъ же можно уважать себя, если въ душѣ нѣтъ правды,—реальной, жизненной правды. А гдѣ реальный трудъ, тамъ всегда правда; реальный, полезный трудъ и ложь несовмѣстимы,—другими словами, правда—неизмѣнный спутникъ собственности, какъ результата личнаго, реальнаго труда. Правдивый человѣкъ цѣнитъ, уважаетъ правду въ другомъ, но правду жизненную, основанную на жизни, а не тѣ фальшивыя демократическія ассигнаціи, которыя выдаютъ за правду. Реальный труженикъ цѣнитъ свою иниціативу, онъ требуетъ для себя свободы иниціативы, онъ требуетъ этой свободы иниціативы для другихъ. Но онъ цѣнитъ реальную, полезную иниціативу; но онъ борется противъ той лживой, преступной иниціативы, о которой трубятъ газеты и общественники. Уважая себя, труженикъ уважаетъ свое слово, но онъ уважаетъ его не по-гавриловски, онъ не цѣнитъ его на вѣсъ золота. Д-ръ Гавриловъ, какъ и всѣ демократы, цѣнитъ свое слово на вѣсъ золота только потому, что оно демократическое слово; а всему этому демократизму—грошъ цѣна. Труженикъ же уважаетъ свое слово только потому, что оно правдивое; онъ имѣетъ право требовать свободы для своего слова, и онъ готовъ требовать свободы для всякаго правдиваго слова, а поэтому онъ требуетъ самой строгой цензуры для современной прессы, для союзовъ, обществъ, потому что тамъ правды столько же, сколько въ Торричеліевской пустотѣ воздуха. Человѣкъ, занятый только своимъ реальнымъ, полезнымъ дѣломъ, цѣнитъ въ себѣ именно человѣка, какъ полезнаго работника; онъ будетъ цѣнить всякаго полезнаго работника, онъ будетъ ему желать того же, что и себѣ желаетъ. На этой почвѣ вырастутъ элементы добра, братства, но элементы реальные, а отнюдь не элементы сантиментальности, которая, кромѣ вреда, ничего не приноситъ. Онъ не будетъ своего ближняго развращать продовольственными пунктами и безпорядочнымъ кормленіемъ; онъ будетъ помогать въ бѣдѣ своему ближнему, потому что въ бѣдѣ онъ тоже можетъ нуждаться въ помощи. Но онъ требуетъ для себя реальной помощи; онъ и ближнему будетъ оказывать реальную, полезную помощь, и, будучи правдивымъ, благороднымъ, сердечнымъ труженикомъ,—изъ той породы, которую туземцы клеймятъ, поносятъ именемъ правыхъ, реакціонеровъ, черносотенцевъ,—онъ, тѣмъ не менѣе, до глубины души будетъ презирать тезяковскую стрѣльбу по воробьямъ, общечеловѣческіе идеалы Казанцева и всю демократическую ложь и фальшь.

Я не учу, я не проповѣдую, что надо быть добрымъ, правдивымъ. Я далекъ, страшно далекъ отъ всякаго миссіонерства. Я говорю только о томъ, что есть, что будетъ и будетъ потому, что оно основано на жизни, на вѣчныхъ божественныхъ законахъ жизни. Я хотѣлъ только показать, что созданіе правды на землѣ не дѣло рукъ человѣческихъ, что это доступно только Промыслу Божьему, но пути Бога неисповѣдимы, и если только правда на землѣ входитъ въ планы Творца мірозданія, то эта правда воцарится помимо воли человѣческой. Въ томъ порукой мудрое устройство человѣ-

ческаго организма. Начала добра и правды заложены въ желудкѣ. Желудокъ—жизненный центръ человѣческой жизни.

Но почему же до сихъ поръ не воцарилась правда въ мірѣ? Да потому, что, на-ряду съ реальнымъ, полезнымъ трудомъ, въ мірѣ масса тунеядства, масса тезяковщины. Потребность въ ѣдѣ родитъ трудъ, но какъ только возникаетъ трудъ, такъ, на-ряду съ нимъ, возникаетъ тунеядство, которое стремится пользоваться плодами чужого труда. А гдѣ тунеядство,—тамъ ложь, тамъ зло, жестокость, тамъ развратъ, афера, провокація,—тамъ, словомъ, всѣ ягодки и цвѣтки демократизма. И съ сотворенія міра тунеядство, какъ пьявка, присасывается къ труду и мѣшаетъ воцаренію правды на землѣ. Вѣдь, все въ мірѣ надо добывать въ потѣ лица своего; трудомъ надо добиваться богатства, славы, популярности, удобствъ жизни, трудомъ надо добиваться общечеловѣческихъ идеаловъ, свободы, равенства, конституціи. Все дается только въ потѣ лица человѣческаго, точно такъ же и образованіе. И побѣда надъ врагомъ дается за праведные труды народа. Ни одно правительство, ни одна армія не дадутъ побѣды, если народъ самъ не работалъ реально, продуктивно надъ побѣдой. Тезяковская стрѣльба по воробьямъ, всякое донъ-кихотство идутъ не въ активъ, а въ пассивъ реальной работѣ. Но что подѣлаешь, если, на-ряду съ трудомъ, растетъ тунеядство, если каждаго труженика, какъ мухи, облѣпляетъ рой праздныхъ Митрофанушекъ, немощныхъ духомъ, стремящихся жить и благодушествовать насчетъ плода трудовъ труженіковъ. Что подѣлаешь, если на одного труженика находятся нѣсколько аферистовъ, стремящихся легкимъ путемъ добиться и богатства, и славы, и власти, и образованія, и тому-подобныхъ благъ. Этимъ аферистамъ удается даже здравомыслящихъ людей убѣдить въ томъ, что всего этого можно добиться въ 5 минутъ. Когда я прохожу и читаю вывѣску: „Электрическая моментальная фотографія, въ пять минутъ выпускаетъ готовые снимки“,—я жду, когда же появится вывѣска: „Заведеніе ваятеля духа Казанцева. Электрическое народное образованіе. Въ пять минутъ выпускаетъ образованнаго человѣка“. Я этого ожидалъ, потому что я съ ужасомъ замѣчалъ, что въ Россіи началось потворство тунеядству въ неожиданно-большой степени. Но сегодня для меня счастливый день; сегодня я прочиталъ о замѣнѣ Щербатова Хвостовымъ. Каждый воленъ думать объ этой замѣнѣ, какъ ему угодно. Въ моихъ глазахъ это равносильно стремленію положить предѣлъ тунеядству.

Какая же можетъ быть истинная свобода на землѣ, когда свободой тунеядцы воспользуются только для аферъ, шантажа, только для того, чтобы душить всякую свободу, только для того, чтобы эксплоатировать всякій истинный, реальный трудъ. Дать полную свободу человѣку легко, но въ мірѣ воцарится сплошная ложь, сплошная афера,—честному, правдивому труженику житья не станетъ на свѣтѣ. И образованіе по системѣ Казанцева легко дать, легко получить. Но какое это образованіе? Это не длительное, постепенное, въ потѣ лица своего, накопленіе знаній съ цѣлью превращенія ихъ

въ реальный трудъ. Накопленіе знаній только самоцѣль, представляетъ только работу, и служитъ средствомъ для реальной же работы. Образованіе же, какъ понимаютъ его интеллигенты, только искусственное заряженіе человѣка идеями. И когда я читаю у Казанцева, что образованіе по его системѣ имѣетъ цѣлью обезпечить благо личности, общества и государства,—я понимаю, что оно можетъ обезпечить благо однихъ тунеядцевъ, охотниковъ до легкой наживы. А когда я думаю о томъ, какое вліяніе оно можетъ оказать на благо личности, общества и государства,—я содрогаюсь. Вѣдь, на почвѣ такого электрическаго заряженія общечеловѣческими идеалами, намъ остались въ наслѣдство ужасы инквизиціи, Варѳоломеевской ночи, французскихъ и всякихъ другихъ революцій; на этой почвѣ родится терроръ, появились бомбы, стало возможнымъ самое преступное изъ злодѣйскихъ убійствъ—убійство 1-го марта; на этой почвѣ выросли ужасы освободительнаго движенія, провокаторская роль печати, сознательность рабочихъ, забастовки, хулиганство, грабежи и экспропріаціи; на этой же почвѣ выросло тунеядческое интеллигентство, подъ разными тунеядческими кличками: общественность, демократизмъ, парламентаризмъ; на этой почвѣ мы имѣемъ такіе ужасы, какъ дикія, возмутительныя рѣчи Керенскаго, Чхеидзе, Шингарева, Маклакова и друг. Наконецъ, сюда же надо отнести и прогрессивно-демократическій блокъ и волну однообразныхъ, безсодержательныхъ и безсмысленныхъ, а главное — преступныхъ резолюцій, потому что каждое отвлеченіе народнаго сознанія отъ прямыхъ его обязанностей во время войны—преступленіе, и самое ужасное преступленіе, потому что оно зовется измѣной родинѣ, измѣной народу, и оно есть ничто иное, какъ измѣна.

Обыватель-правдолюбецъ! Къ тебѣ я обращаюсь. Неужели, послѣ всего сказаннаго, ты не придешь въ трепетъ и содроганіе, когда читаешь у Казанцева такой шедевръ, что „образованіе—это духовно-нравственное воздѣйствіе, направленное къ тому, чтобы человѣкъ стремился безпрерывно къ созданію лучшихъ условій жизни.“ Повторяю, цитировать Казанцева—равносильно тому, чтобы цитировать любого писателя, любого газетчика, любого общественнаго дѣятеля и демократа. Теперь всякому ясно, что въ переводѣ на обыкновенный языкъ этотъ шедевръ означаетъ: „образованіе, это—моментальное заряженіе любого человѣка общечеловѣческими идеалами, направленное къ тому, чтобы недоросли и тунеядцы путемъ террора, забастовокъ, экспропріацій, тунеядческой общественности и преступнаго парламентаризма вели праздную, веселую жизнь въ вихрѣ пѣнья, танцевъ, выставочныхъ прогулокъ и тому-подобныхъ демократически-тунеядчески-общественныхъ развлеченій,—конечно, за счетъ плодовъ реальной работы тружениковъ,—другими словами, чтобы всѣ любители легкой наживы жили и катались на бархатныхъ коврахъ, подобно болонкамъ Жужу.“ Зачѣмъ теперь учиться воровскому искусству и слыть обыкновеннымъ воромъ, грабителемъ? Пфуй! Гораздо безопаснѣй и благороднѣй пойти на выучку къ ваятелю духа, превратиться моментально въ образованнаго интеллигента, въ сознательнаго рабочаго,

въ прогрессиста, демократа, а еще лучше—въ соціалъ-демократа и быть тѣмъ же... воромъ, грабителемъ, но заниматься своимъ искусствомъ въ полной безопасности, пользуясь уваженіемъ и почетомъ современниковъ. Это духовное воздѣйствіе когда-то велось хожденіемъ въ народъ, пропагандой, подпольными прокламаціями, подпольно велось въ университетахъ, школахъ, велось межъ строкъ въ газетахъ, книгахъ, а теперь широко и открыто ведется черезъ Государственную Думу, въ печати, въ литературѣ, въ театрахъ, въ кинематографахъ, во всѣхъ просвѣтительныхъ обществахъ, въ земствахъ, черезъ всякіе отдѣлы и стараніями третьяго элемента, во всякихъ союзахъ и на всѣхъ съѣздахъ. Вотъ какъ тебя со всѣхъ сторонъ опутали, обыватель-правдолюбецъ и труженикъ, вотъ какой походъ повели противъ правды, труда и собственности. Береги карманы, береги душу, обыватель,—интеллигентъ идетъ!

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ по поводу обвиненія власти, правительства въ томъ, что они умышленно держатъ народъ во тьмѣ и невѣжествѣ. Мнѣ кажется, вопросъ и для меня, и для читателя настолько выяснился, что я имѣю право сказать, что это обвиненіе—одна провокація демократовъ, сплошная клевета интеллигентовъ, шантажная продѣлка аферистовъ. Взять хотя бы внѣшнюю, фактическую сторону вопроса. Въ Россіи 150 милліоновъ; школьной молодежи, въ возрастѣ отъ 7 до 17 лѣтъ, надо считать не менѣе 20 милліоновъ, если не больше. Если же говорить объ истинномъ образованіи, т.-е. о накопленіи реальныхъ знаній, если имѣть въ виду полезное практическое образованіе, то, во-первыхъ, низшее образованіе, дающее одну грамотность, надо исключить, надо давать солидныя общія знанія въ размѣрѣ не меньше 6 классовъ, правильнѣе, въ размѣрѣ шестиклассnаго реальнаго училища; во-вторыхъ, образованіе обязательно должно быть спеціальнымъ. Такимъ образомъ, образованіе должно быть спеціальнымъ и двухъ типовъ низшаго (школы ремесленныя, агрономическія, техническія, медицинскія и т. п.) съ 6-7 лѣтнимъ курсомъ и двумя подготовительными классами, т.-е. съ обученіемъ не менѣе 8-9 лѣтъ, и высшаго. Считая въ низшей школѣ по 400 человѣкъ, надо создать 50000 школъ; считая же по одному учителю (только—не ваятелю духа) на 20 учениковъ, мы получаемъ колоссальную цифру въ одинъ милліонъ учителей. Исключительно для подготовки такого числа учителей надо создать, по меньшей мѣрѣ, 500 высшихъ учебныхъ заведеній; въ каждомъ уѣздномъ городѣ—по институту. Постройка зданій, тѣхъ и другихъ, обойдется въ нѣсколько милліардовъ, содержаніе ихъ обойдется ежегодно тоже въ нѣсколько милліардовъ, да если бы даже Россія была настолько богата, что могла бы мечтать о такомъ образованіи, то технически требуется нѣсколько десятилѣтій, почти столѣтіе для созданія такого грандіознаго института народнаго образованія, а при наличныхъ условіяхъ нужны для этого вѣка, цѣлый рядъ столѣтій. Легко обвинять, легко говорить, когда для этого достаточно имѣть только языкъ. А сколько рѣчей и краснорѣчія истратилъ хотя бы Шингаревъ на то, чтобы обвинить правительство въ томъ, что на-

родъ необразованъ, некультуренъ и т. п. Я бы хотѣлъ только одного, чтобы обыватели поняли, наконецъ, что всѣ эти рѣчи, дышащія благородствомъ, любовью къ народу и подсказанныя, яко-бы, одними народными интересами, представляютъ одну болтовню, такіе же шедевры безсмыслицы, которые съ избыткомъ дало намъ творчество Казанцева.

По существу же, передъ властью всегда стоялъ тревожный вопросъ русскаго трагизма: гдѣ же этотъ народный учитель, которому можно довѣрить образованіе народа? Я намѣренно такъ тщательно цитировалъ Казанцева, чтобы каждому сталъ ясенъ трагизмъ каждаго государственнаго дѣятеля, правдиво и искренно преданнаго народу. Что, кромѣ разврата, преступленія внесетъ въ народную психику, въ народную жизнь это моментальное заряженіе идеями, которое преподносится подъ фиговымъ листкомъ образованія? Вѣдь, это не образованіе, это просто—пропаганда, это—ставка только на невѣжество народа. Неправда, что власти нужно, что ей выгодно невѣжество народа; народное образованіе нужно, именно власти, оно—самая вѣрная опора власти. О, нѣтъ! Невѣжество народа нужно только интеллигентамъ,—только въ невѣжественной средѣ ученіе Казанцева найдетъ откликъ и будетъ быстро воспринято. Истинно же образованный человѣкъ помеломъ будетъ гнать ваятелей духа. Давая свое преступное толкованіе образованію, интеллигентное тунеядство стремится держать народъ въ невѣжествѣ. Развѣ это не ясно? И развѣ не ясно стало, что вся дѣятельность демократовъ, всѣ обвиненія ею власти въ невѣжествѣ народа носятъ провокаціонный характеръ, представляютъ сплошную провокацію. Что общаго имѣетъ образованіе съ моментальнымъ заряженіемъ идеалами? Оно ведетъ къ невѣжеству, вызываетъ невѣжество, держится только невѣжествомъ. Хулиганство, забастовки, экспропріаціи—пышные плоды такого образованія. Но этого мало. Это заряженіе идеями мѣшало правительству вводить истинное образованіе въ народъ. Во всѣ школы, университеты фатально проникало интеллигентное тунеядство, извращало смыслъ образованія и несло въ народъ преступную психику. Эта преступная психика,—этотъ развратъ тунеядства, который окрестили образованіемъ,—несется въ народъ черезъ газеты, литературу, черезъ общества, черезъ школы и черезъ всю деревенскую интеллигенцію. Знанія не дѣлаютъ человѣка умнѣе, нравственнѣй, предпріимчивѣй. Природныя свойства и природная душа человѣка важнѣе знаній. Нѣтъ особой бѣды безъ знаній. Конечно, они нужны, они крайне нужны, и борьба съ невѣжествомъ необходима. Но когда, вмѣсто знаній и на-ряду со знаніями, вносится преступная психика,—тогда встаетъ трагическій вопросъ: что лучше? Не лучше ли совсѣмъ безъ знаній, чѣмъ быть виновникомъ развращеній народа. И правительство, вмѣсто борьбы съ невѣжествомъ, должно было фатально бороться съ образованіемъ, т.-е. съ тѣмъ суррогатомъ, который преступно вносится подъ флагомъ образованія.

Нѣтъ, въ народномъ невѣжествѣ виновато не правительство. Тутъ вина фактическихъ условій, о которыхъ я говорилъ выше.

Если же образованія въ народѣ меньше, чѣмъ оно могло бы быть, то въ этомъ вина русской интеллигенціи, зловредныхъ элементовъ русскаго тунеядства, которое отвлекало правительство отъ его прямыхъ задачъ, превративъ борьбу съ невѣжествомъ въ борьбу съ преступной пропагандой. Въ невѣжествѣ народномъ власть отнюдь не виновата; эта вина всецѣло лежитъ на русской интеллигенціи; на послѣдней тяготѣетъ обвиненіе еще болѣе ужасное: она повинна въ развитіи хулиганства, въ развитіи тунеядства и преступной тунеядческой психики. Вотъ откуда пошли выраженія: „благонадежный“ и „неблагонадежный“. Не образованія боится правительство; кому болѣе ненавистно, вредно народное невѣжество, какъ не власти; власть боится, и вполнѣ основательно, казанцевскаго образованія,—той преступной психики, того хулиганства, которыя вносятся этимъ образованіемъ. И обществу не противодѣйствовать власти, а сплотиться надо вокругъ власти во имя борьбы съ интеллигентнымъ тунеядствомъ, подобно тому, какъ для этого сплотилось дворянство, создавъ общедворянскую организацію.

И если правительство не довѣряетъ земству въ дѣлѣ народнаго образованія и въ другихъ областяхъ, то только благодаря интеллигентному тунеядству, проникшему въ земство подъ видомъ третьяго элемента. Вѣдь, Казанцевъ—представитель этого элемента, и черезъ земства народное образованіе вносится Казанцевыми въ деревню. Какъ же правительству не ставить предѣловъ земской автономіи; какъ же можно ввѣрить земству безконтрольное народное образованіе. Пусть земскіе люди освободятся отъ интеллигентнаго тунеядства, пусть они сами начнутъ борьбу съ нимъ и сплотятся вокругъ власти въ этой борьбѣ, тогда вопросъ о довѣріи или недовѣріи къ земству отпадетъ самъ собой. Вина умнаго, благороднаго и правдиваго Кассо въ томъ и заключалась, что онъ велъ борьбу съ интеллигентнымъ тунеядствомъ въ школахъ, университетахъ и, между прочимъ, въ земствахъ. И съ чувствомъ глубокой обиды за память Кассо, прочиталъ я въ газетѣ „Русское Слово“, въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Циркуляръ о назначеніи народныхъ учителей:“ Сегодня министръ народнаго просвѣщенія гр. П. Н. Игнатьевъ издалъ слѣдующій циркуляръ, отмѣняющій распоряженіе покойнаго министра Кассо относительно назначенія народныхъ учителей и т. д.“

Прочитавъ этотъ циркуляръ, я съ грустью подумалъ: Кассо выкуривалъ Казанцевыхъ изъ земства, а теперь настало ихъ царство.

XXIX.

Но если даже земствамъ нельзя безконтрольно ввѣрить дѣло образованія, то что же сказать объ обществѣ Народныхъ Университетовъ. Какое пышное названіе! Кого оно не прельститъ? Кто не пойдетъ подъ сѣнь университетскихъ знаній? Между тѣмъ, это—сплошное донъ-кихотство, это—всего-навсего мелочная лавочка электрическаго моментальнаго образованія. Продажа только въ розницу. За одинъ

рубль членскаго взноса получай званіе студента, получай званіе профессора. Мы помнимъ, что дворникъ мечталъ читать лекціи. И это не утрировка. Иной заряжается университетскимъ образованіемъ въ пять минутъ, и дѣлается профессоромъ, а дворникъ какъ-никакъ нѣсколько лѣтъ подрядъ, по системѣ Казанцева, заряжался идеями, служа сторожемъ при правленіи общества. По моему, ему быть прямо ректоромъ народныхъ университетовъ. Я думаю, всякому ясно, какъ отвѣтственно, какъ тяжело по своей отвѣтственности званіе учителя, а тѣмъ болѣе—народнаго учителя; оно требуетъ подготовки, предварительнаго тяжелаго, упорнаго труда; оно требуетъ одного лишь труда по передачѣ знаній и только знаній. Необходимо пониманіе смысла образованія, необходимо сознаніе, что трудъ учителя высокъ, но тяжелъ, прозаиченъ, не блещетъ эфектами; надо сознавать, что танцами, пѣньемъ, разумными развлеченіями знаній не передашь, а только пріучишь къ тунеядству; надо сознавать, что учителю должно быть чуждо какое-либо духовное воздѣйствіе; его назначеніе только давать знанія и требовать знаній,—другими словами, поставить въ основу образованія реальный трудъ. А что лучше и благороднѣе дѣйствуетъ на душу, какъ не реальный трудъ? Что скорѣе всего очиститъ душу стъ всякихъ наростовъ, какъ не реальный же трудъ? Трудъ, реальный, прозаичный, но полезный трудъ,—вотъ тотъ способъ, которымъ Творецъ міросданія оформливаетъ человѣка. Ваятель духа на землѣ—только полезный, честный трудъ. Ваятель духа на небесахъ—только Творецъ міросданія, который предоставилъ ваятельство на землѣ труду, такъ мудро сотворивъ человѣка, что безъ труда онъ существовать не можетъ. Только тотъ полезный гражданинъ, только тотъ истинный человѣкъ и творитъ свою миссію человѣка, кто полезно и реально трудится, но исключительно занятъ своимъ дѣломъ и отнюдь не вмѣшивается въ дѣло, къ которому онъ не призванъ, котораго онъ не знаетъ. Учитель долженъ давать знанія; всякое другое дѣло должно быть ему чуждо; онъ не долженъ вмѣшиваться ни въ строй государственной жизни, ни въ религію народа, ни въ его душу; онъ долженъ, какъ огня, бояться и избѣгать казанцевскаго оформливанія души. Если у него нѣтъ такого сознанія невмѣшательства, если онъ не способенъ къ невмѣшательству, то ему не мѣсто быть учителемъ, хотя бы у него было много солидныхъ знаній, хотя бы по натурѣ онъ былъ и честенъ, добръ, благороденъ. Каждый долженъ быть занятъ только своимъ дѣломъ—это высшая реальная мораль жизни.

То же, что творится въ обществѣ Народныхъ Университетовъ, представляетъ одинъ развратъ, сплошной шантажъ. За одинъ рубль каждый дѣлается членомъ общества, превращается въ знатока нуждъ и системъ образованія; онъ назначаетъ учителей, онъ ихъ контролируетъ, онъ судитъ объ ихъ дѣятельности; стоитъ ему сказать на собраніи двѣ-три пышныхъ безсмыслицы, и онъ попадаетъ въ члены комитета, гдѣ онъ окончательно вершитъ дѣлами. Ни системы, ни плана; устраиваются сады, кинематографы, читаютъ, поютъ, играютъ,—словомъ, идетъ безпорядочное заряженіе самыми смертными демо-

кратическими газами. Одно сплошное тунеядство, на почвѣ котораго многіе добиваются высшихъ чиновъ и ранговъ въ департаментахъ падучей монархіи. И вотъ такое кафе-шантанное общество, съ позволенія сказать, народныхъ университетовъ въ лицѣ его Самарскаго отдѣленія имѣло дерзость обратиться къ Самарскому уѣздному земству съ просьбой о субсидіи. Земство вполнѣ резонно отказало въ субсидіи, не желая ввѣрить дѣло образованія какимъ-то невѣдомымъ педагогамъ, какому-то подозрительному образовательному учрежденію съ неопредѣленнымъ, мѣняющимся и безотвѣтственнымъ составомъ. Весьма любопытно, что Самарскій биржевой Комитетъ не только далъ пособіе обществу электрическаго образованія, но послалъ упрекъ Самарскому Земству за отказъ въ субсидіи. Поступокъ биржевого Комитета говоритъ весьма мало въ пользу здраваго смысла его членовъ и ихъ пониманія задачъ народнаго образованія, но, конечно, заслужитъ похвалу отъ всѣхъ демократическихъ кликушъ и Митрофанушекъ.

Но въ глазахъ демократовъ общество народныхъ университетовъ обладаетъ крупнымъ недостаткомъ; оно въ состояніи подвергать своему специфическому воздѣйствію только города; правительству удалось отстоять деревню отъ гибельнаго вліянія электрическаго образованія. Но,—увы!—хитроумныя демократическія сирены и тутъ нашлись: онѣ ввели общество народныхъ университетовъ въ деревню подъ флагомъ *земскаго внѣшкольнаго образованія*. Конечно, постарались объ этомъ демократы изъ числа третьяго элемента. Всѣ они или учредители, или члены комитета, или просто члены общества Народныхъ Университетовъ. Торговля электрическимъ образованіемъ имъ по-сердцу и знакома, и они, конечно, прилагали всѣ усилія, чтобы ввести эту торговлю въ деревню, да еще подъ фирмой земства. И что когда-то проповѣдывали въ деревнѣ тайкомъ, въ подвалахъ, въ грязныхъ прокламаціяхъ, то теперь открыто будутъ проповѣдывать въ деревнѣ подъ звуки разудалой музыки, хоровыхъ пѣсенъ и подъ танецъ танго. И еще разъ, и многократно приходится напоминать земствамъ мудрую поговорку: „семь разъ отмѣрь, одинъ разъ отрѣжь“. Образованіе должно находиться въ рукахъ государства; оно можетъ быть частью передано земствамъ и городамъ, но подъ бдительнымъ контролемъ государства до тѣхъ поръ, конечно, пока учрежденія мѣстнаго самоуправленія не заслужатъ полнаго довѣрія къ своему здравому смыслу.

Между тѣмъ, даже въ истинномъ образованіи, т.-е. въ передачѣ даже реальныхъ знаній нужна особая осторожность, нуженъ тактъ; здѣсь яснѣе всего сознается, что важна не правда сама по себѣ, а именно—жизненная правда, т.-е. уваженіе къ здравому смыслу жизни. Можно развѣ прямолинейно преподнести школьнику хотя бы такую истину, что человѣкъ происходитъ отъ обезьяны,—все равно, будь это даже школьникъ бородатый? Вѣдь, мы избѣгаемъ при дѣтяхъ вести совершенно непринужденно разговоры. Сообщеніе же о происхожденіи человѣка отъ обезьяны вверхъ дномъ

перевернетъ религіозныя представленія народа, внесетъ разладъ въ его нравственныя воззрѣнія и въ психику. Между тѣмъ, эта истина весьма сомнительнаго свойства, покоится на однѣхъ гипотезахъ и предположеніяхъ. Но пусть такъ; пусть это будетъ истина. Такъ развѣ это сообщеніе существенно необходимо народу, принесетъ ему какую-нибудь реальную пользу? Ни ума, ни силы, ни добра отъ этого народу не прибавится, а потеря вѣры приведетъ къ нигилизму, хотя, по существу, совершенно безразлично, былъ ли человѣкъ на первыхъ ступеняхъ своей исторической жизни дикаремъ или обезьяной. Мало того, ученіе библіи о томъ, что человѣкъ созданъ Богомъ—остается вѣрнымъ, каково бы ни было происхожденіе человѣка. Если дерево приноситъ плодъ, то развѣ плодъ—созданіе дерева, а не Бога? Все, что происходитъ въ мірозданіи, создано Богомъ именно потому, что онъ создалъ тѣ законы, которые управляютъ жизнью и образуютъ жизнь. Если мать родитъ ребенка, то развѣ это значитъ, что человѣкъ создается человѣкомъ, а не Богомъ? Если курица происходитъ отъ яйца, то развѣ это противорѣчитъ словамъ библіи, что Богъ создалъ птицъ. Человѣкъ существуетъ, значитъ—Богъ его создалъ. Вѣдь, между обезьяной и дикаремъ гораздо меньше разницы, чѣмъ между дикаремъ и современнымъ цивилизованнымъ европейцемъ; нужны были тысячелѣтія, чтобы черезъ вѣковѣчные законы жизни дикарь превратился въ европейца. Кто же посмѣетъ утверждать, что Богъ создалъ только дикаря, а превращеніе въ европейца произошло помимо воли и участія Божественнаго Промысла. И если въ библіи сказано, что Богъ создалъ человѣка, то это утвержденіе останется вѣчнымъ и неизмѣннымъ, каково бы ни было происхожденіе человѣка, потому что все — созданіе Божье. Я не представляю себѣ, что Богъ принимаетъ участіе въ ростѣ каждаго яблока,—вѣрнѣе, я этого не знаю, но я знаю, что тѣ вѣковѣчные законы, благодаря которымъ дерево приноситъ плодъ, созданы Богомъ, и я говорю: Богъ создалъ это яблоко. И положеніе о происхожденіи человѣка отъ обезьяны нисколько не противорѣчитъ ученію библіи, а сообщеніе о немъ не произведетъ никакихъ колебаній въ вѣрѣ и, слѣдовательно, не окажется вреднымъ, если оно будетъ передано разумно, въ полномъ соотвѣтствіи съ вѣрой. Важна жизненная правда, а не правда сама по себѣ. Если же бережно, осторожно надо преподносить народу даже научныя истины, то что же сказать объ идеалахъ, идеяхъ? Невѣжество—зло поправимое, а порча народной души бредовыми идеями и безпочвенными идеалами можетъ стать непоправимымъ зломъ, можетъ оказать этимъ народу только медвѣжью услугу.

То, что зовется общественностью, есть безтактное и преступное вмѣшательство въ чужія дѣла. Зачѣмъ нужно общество народныхъ университетовъ, когда это учрежденіе находится въ рукахъ государства? Зачѣмъ нужно общество охраненія народнаго здравія, или борьбы съ дѣтской смертностью, когда это сфера дѣятельности земскихъ и городскихъ учрежденій? Государство, обладая огромными средствами, не въ состояніи справиться съ грандіозной задачей на-

роднаго образованія, земства и города, при громадной затратѣ силъ и средствъ, не въ состояніи справиться съ колоссальной задачей охраненія народнаго здравія. Какую же роль тутъ играютъ всякія общества? Да роль тѣхъ рыжихъ клоуновъ въ циркѣ, которые бѣгаютъ по аренѣ, суетятся и не помогаютъ, а только мѣшаютъ работѣ. Надо только привѣтствовать правительственное распоряженіе, запрещающее открывать общества съ задачами, входящими въ сферу дѣятельности земствъ и городовъ.

Правда, каждое общество, каждый общественникъ производятъ шума, трезвона, какъ говорится, на всю губернію. Признаться, и я былъ введенъ въ заблужденіе. Я думаю, что и всякій на моемъ мѣстѣ былъ бы введенъ въ заблужденіе; многіе до сихъ поръ находятся въ пріятномъ заблужденіи насчетъ силы и значенія общественности. Взять хотя бы Самарскую общественность. Всякій, попавшій въ Самару, вѣроятно, находится въ полномъ недоумѣніи; онъ не вѣритъ своимъ глазамъ. Неужели въ Самарѣ настоящіе магазины, неподдѣльные банки? Неужели тамъ всякія Управы, правительственныя учрежденія? Неужели въ этихъ учрежденіяхъ сидятъ люди и работаютъ? Или взаправду тамъ врачи, больницы, амбулаторіи; судъ и юристы; мастера и мастерскія? Неужели тамъ магазины торгуютъ, врачи принимаютъ больныхъ или сапожники шьютъ сапоги? Неужели здѣсь люди ѣдятъ, пьютъ, гуляютъ, работаютъ, ведутъ повседневныя обывательскія бесѣды, вообще—говорятъ и живутъ по-человѣчески? Наоборотъ, со стороны должно казаться, что Самара только и живетъ, дышитъ общественностью. Сколько обществъ, союзовъ, газетъ! Сколько засѣданій, собраній, комитетовъ! Сколько спектаклей, концертовъ, цвѣточныхъ дней! Развѣ въ Самарѣ люди? Тамъ одни доблестные воины, одни благородные рыцари,—словомъ, интеллигенты, всѣ закованные въ броню и латы, вооруженные съ ногъ до головы самыми модными современными орудіями и неустанно ведущіе борьбу съ современными драконами и чудовищами: съ туберкулезомъ, алкоголизмомъ, дѣтской смертностью и т. п. А драконовъ—тьма-тьмущая. И всѣ они какіе-то живучіе; чѣмъ сильнѣе, чѣмъ яростнѣе, чѣмъ мужественнѣе съ ними борются, тѣмъ они все дѣлаются крѣпче, тѣмъ сильнѣе растутъ и — что обиднѣе всего—размножаются. Каждый драконъ въ любой моментъ родитъ десять совсѣмъ новенькихъ, какъ съ иголочки, драконятъ. Стоитъ драконъ страшный-престрашный, стоитъ и поводитъ глазами. Обступили его со всѣхъ сторонъ доблестные интеллигенты и бьютъ, немилосердно бьютъ его своимъ, самымъ убійственнымъ, оружіемъ—языкомъ. Ударятъ разъ, ударятъ другой,—а вмѣсто одного дракона, цѣлая дюжина драконятъ. А съ послѣдними никакого сладу; чѣмъ больше ихъ бьютъ, тѣмъ они все больше, крѣпче и страшнѣй дѣлаются. Поневолѣ приходится безустали съ драконами биться. Гдѣ же тутъ торговать, лечить, работать, служить? Гдѣ же тутъ гулять, развлекаться, веселиться? О чемъ иномъ можно думать, о чемъ иномъ можно бесѣдовать? Въ самомъ дѣлѣ: берешь газету и только и читаешь объ обществахъ, объ обществен-

ности. Тамъ собраніе, тамъ спектакль, тамъ цвѣточный день, тамъ выставка! Объ этомъ трубятъ газеты, трубятъ на всѣхъ перекресткахъ газеты. Общества же считаются десятками. Въ каждомъ обществѣ всякіе подъотдѣлы: библіотечный, выставочный, кинематографный, разумныхъ развлеченій и т. п. А въ каждомъ отдѣлѣ, въ каждомъ обществѣ—сотни членовъ. А подписчики газетъ, сборщики, сборщицы считаются тысячами. Вѣдь, это же стотысячная армія! Вѣдь, это же вся Самара! Такъ развѣ всѣ эти магазины, банки, учрежденія, фабрики, мастеровые, врачи, юристы, вообще—Самарскіе обыватели—не миражъ, не мистификація? А что Самара, то Оренбургъ, Кіевъ—любой городъ, городокъ общественной Россіи.

Я былъ въ такомъ пріятномъ заблужденіи, — мало того, въ восторгѣ,—отъ этой кипучей и плодотворной общественной дѣятельности. Я только не зналъ еще этой удивительной живучести драконовъ и ихъ способности къ феноменальному размноженію. Я поэтому въ первое время чрезвычайно осторожно шагалъ по Самарскимъ улицамъ, въ полной увѣренности, что на улицѣ грудами валяются трупы драконовъ, и что на каждомъ шагу можно наткнуться на такой трупъ. Я даже поинтересовался вопросомъ,—нѣтъ ли въ Самарѣ спеціальнаго кладбища драконовъ, и гдѣ оно находится? Никто не могъ дать мнѣ удовлетворительнаго отвѣта. Случайно, однако, я наткнулся на такое кладбище и не на одно, но оказалось только, что эти кладбища, на которыхъ бьютъ и тутъ же хоронятъ драконовъ, носятъ въ общежитіи совершенно другія названія.

Попадаю въ городъ и вижу рѣдкое зрѣлище. Дома украшены флагами, на улицахъ оживленіе, шумъ; радостно настроенныя лица; веселый говоръ, смѣхъ. Мимо меня проносится автомобиль, весь украшенный цвѣтами, флагами; на немъ выхоленная фигура сіятельнаго общественника. Автомобиль сталъ, толпа радостно и шумно окружила его. Щелкнулъ аппаратъ фотографа, и портретъ сіятельнаго благодѣтеля появится во всѣхъ мѣстныхъ и столичныхъ газетахъ, во всѣхъ витринахъ магазиновъ. Тутъ же провозятъ дѣтскую коляску, всю въ цвѣтахъ и флагахъ; на ней личики веселыхъ и смѣющихся дѣтей. Неожиданно натыкаюсь на парочку какихъ-то странныхъ субъектовъ,—мужчину и женщину. Какія-то рыцарскія перевязи черезъ плечо, обвѣшаны лентами, цвѣтами, съ какими-то амулетами въ рукахъ. Когда я увидалъ такую парочку, на смѣхъ разукрашенныхъ дикарей, я рѣшилъ, что это бѣглецы изъ психіатрической лечебницы. Но когда на каждомъ шагу мнѣ стали попадаться такія парочки, когда весь городъ оказался во власти этихъ, увѣшанныхъ цвѣтами и амулетами, рыцарей и дамъ, когда мимо меня пронеслись нѣсколько автомобилей, убранныхъ цвѣтами,—я рѣшилъ, что я неожиданно очутился не въ Самарѣ, а на карнавалѣ въ Ниццѣ. И на мой вопросъ, что это за праздникъ, что за карнавалъ,—я получилъ странный отвѣтъ: это—праздникъ голода, это торжество и веселье по поводу того, что русскій мужикъ голодаетъ. Оказалось послѣ, что много такихъ праздниковъ въ непраздничные

дни развелось на Руси. Есть праздники чахотки, пьянства и т. п. Но это не праздники, это—кладбища, на которыхъ убиваютъ безсмѣтное число драконовъ и тутъ же хоронятъ. А зовутся эти кладбища цвѣточными днями.

Прохожу по улицѣ и вижу большой освѣщенный домъ; у подъѣзда масса автомобилей, каретъ; слышу музыку, черезъ ярко освѣщенныя окна вижу кружащіяся, въ вихрѣ танцевъ, парочки; все залито электричествомъ, все утопаетъ въ цвѣтахъ и въ зелени; дамы блещутъ блескомъ брилліантовъ и красотой новыхъ костюмовъ. Вина, шампанское льются рѣкой. Рѣшаю, что это торжество по случаю свадьбы какого-нибудь американскаго архимилліонера, и неожиданно узнаю, что это праздникъ дѣтской смертности,—веселятся по случаю того, что много людей умираетъ въ дѣтскомъ возрастѣ. Веселье весельемъ, а на самомъ дѣлѣ тутъ тоже убиваютъ и хоронятъ драконовъ; и здѣсь—кладбище драконовъ, а зовутся эти кладбища—благотворительными вечерами, спектаклями, студенческими вечерами, лотереями-аллегри и т. п.

И если я теперь слышу музыку и топотъ танцующихъ паръ; вижу бой конфетти, слышу звукъ вылетающихъ пробокъ и взлетающихъ ракетъ, вижу радостныя, веселыя лица, праздничное настроеніе и нарядную толпу на улицахъ, въ садахъ, театрахъ, домахъ, —я знаю, что это радость и веселье по поводу чьего-либо горя, страданія или несчастья. Я знаю, что это, дѣйствительно, кладбища, но кладбища, на которыхъ хоронятъ не драконовъ, а правду, добро, истинную благотворительность. Вся такая общественность, вся общественная благотворительность—одна профанація благотворительности. Здѣсь ни капли чувства, ни на іоту сердечности; здѣсь не добро дѣлаютъ, не сочувствуютъ горю и несчастью, не хотятъ осушить слезы, унять боль, а ищутъ только поводовъ для развлеченія, только развлекаются. Развѣ въ вихрѣ танцевъ, подъ звуки музыки, дѣлаютъ добро, благотворительствуютъ? Истинная благотворительность тиха, скромна, а главное — требуетъ работы въ потѣ лица своего, она идетъ путемъ страданій, лишеній и упорнаго труда. Но мало того,—она отнюдь не руководится правиломъ, чтобы „правая рука не знала, что творитъ лѣвая“; наоборотъ, она требуетъ, чтобы не только обѣ руки, но чтобы душа, разумъ и здравый смыслъ всемѣрно участвовали въ дѣяніяхъ, чтобы послѣднія отнюдь не приносили вреда, не развращали благодѣтельствуемаго и не превращали благотворительность въ злотворительность. А для того, чтобы веселиться, танцовать, пить, флиртовать и пріобрѣсти еще славу и почетъ благотворителя,—не много храбрости и великодушія надо. Словомъ, даже сердечности и доброты не достаточно для истинной благотворительности; какъ и во всемъ, нуженъ здравый смыслъ, нуженъ разумъ, нуженъ упорный, реальный, тяжелый и даже горькій трудъ. Но, какъ и всюду, и въ область благотворительности проникло тунеядство, подъ фиговымъ листкомъ обще-

ственности, и превратило благотворительность въ забаву, въ развлеченіе, въ способъ легко, весело и пріятно пріобрѣсти славу и званіе благотворителя, общественнаго дѣятеля и т. п. Это та же электрическая, пятиминутная казанцевская благотворительность. Электричество всюду проникло, у насъ воистину вѣкъ электричества. Куда ни глянешь, вездѣ электричество. Электрическое образованіе, электрическая общественность, электрическая санитарія, электрическая популяризація, электрическая сознательность, самодѣятельность, электрическая геніальность. Почему же не быть электрической благотворительности?

Скажутъ, пожалуй,—да въ дѣйствительности и говорятъ,—что важны результаты; пусть развлекаются, веселятся, пьютъ, лишь бы была польза, лишь бы на ту или иную благотворительную цѣль перепадали извѣстныя суммы. Но это одно заблужденіе. Что, кромѣ вреда, можно ожидать отъ тунеядства? Вѣдь, тунеядство фатально ведетъ ко злу, къ аферѣ. Вѣдь, кричащая общественная благотворительность—та же фальшивая ассигнація, а каждая фальшивая ассигнація дается въ обмѣнъ на подлинную,—она только наноситъ ущербъ обществу. Взялъ человѣкъ билетъ на благотворительный спектакль, выпилъ въ буфетѣ бокалъ шампанскаго или дама на улицѣ приколола ему цвѣтокъ,—и человѣкъ спокоенъ; онъ совершилъ великое общественное дѣло, принесъ родинѣ величайшее благодѣяніе, заслужилъ славу благотворителя, и можетъ сидѣть, сложа руки. Или кривлялся кто на сценѣ, танцовалъ до упаду на вечерѣ, гулялъ ли по улицамъ и насильно прикалывалъ прохожимъ цвѣтки,—и онъ можетъ считать, что онъ совершилъ подвигъ, принесъ жертву обществу и заслужилъ званіе благодѣтеля и популярнаго общественнаго дѣятеля. Кому же послѣ этого охота тихо, скромно работать и трудиться въ потѣ лица своего на общественной нивѣ или на нивѣ благотворительности? Такъ развѣ не ясно, какую развращающую, тунеядческую психику вноситъ эта электрическая благотворительность въ душу и сознаніе общества. Тунеядство фатально ведетъ къ аферѣ. А развѣ не афера, въ вихрѣ удовольствій и развлеченій, заслужить славу и почетъ благотворителя? И всѣ эти благотворительные вечера, цвѣточные дни имѣютъ одно назначеніе—пріучать публику къ аферѣ, къ шантажу, къ тунеядству. Эта развращающая психика такъ въѣлась въ сознаніе общественнаго мнѣнія, что послѣднее лишено возможности судить о томъ, гдѣ афера, гдѣ трудъ, гдѣ добро, гдѣ зло, гдѣ правда, гдѣ ложь. Считайтесь послѣ этого съ общественнымъ мнѣніемъ?! А что обиднѣе всего, даже во время великой войны, пользуясь ея ужасами и несчастьями, веселились, танцовали, развлекались, яко-бы, въ пользу жертвъ войны, пріобрѣтая такимъ путемъ славу патріота, и наивно думая, что, развлекаясь на вечерахъ, спектакляхъ, цвѣточныхъ дняхъ, приносили великую жертву на алтарь отечеству и уподоблялись въ героизмѣ и страданіяхъ тѣмъ, что проливали свою кровь, теряли свое здоровье на позиціяхъ. Увы,—язва тунеядства проникаетъ всюду и принимаетъ самыя причудливыя формы. Но какъ жалко, какъ

ничтожно, какъ слѣпо общественное мнѣніе, если оно мирится съ тунеядствомъ и его проявленіями, если, наоборотъ, тунеядство въ почетѣ, если всѣ его проявленія вызываютъ восторгъ общества! Что можетъ быть позорнѣе публичной благодарности за участіе въ вечерѣ, въ цвѣточномъ днѣ, спектаклѣ? А такими благодарностями пестрятъ столбцы тѣхъ зданій тунеядства, которыя зовутся органами печати. Вѣдь, такимъ путемъ можно превратить любую великую страну въ одну сплошную богадѣльню для тунеядцевъ и бездѣльниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ общественныхъ дѣятелей, благотворителей, любителей-театраловъ, сборщицъ и т. п.

Съ великой радостью сообщаютъ: „послѣ спектакля, вечера или цвѣточнаго дня отчислилось въ пользу голодающихъ или общества Народн. Университетовъ — тысяча рублей". Правда, отчислилось тысяча, но во сколько эта тысяча обошлась обществу, объ этомъ исторія и отчеты умалчиваютъ. Во что обошлись вина, фрукты, цвѣты, чаи, извозчики, угощенія великихъ и благородныхъ артистовъ, сборщиковъ и сборщицъ? А главное — во что обошлись новыя платья, ботинки, туфли, шляпки, прически, спеціально приготовленныя для этихъ великихъ подвиговъ, извѣстныхъ подъ именемъ благотворительныхъ вечеровъ, спектаклей, цвѣточныхъ дней? Вѣдь, эти расходы во много разъ превышаютъ эту жалкую тысячу, доставшуюся голодающимъ или жертвамъ войны. А сколько слезъ, горя, зависти, ревности, злобы зачастую вносится во время такого „благотворительнаго" праздника!..

Все это общеизвѣстно, но я хотѣлъ бы обратить вниманіе на другую сторону вопроса, которая почему-то не бросается въ глаза. Вѣдь, на всю эту благотворительность тратится время, тратятся рабочіе дни. Ничто даромъ не дается. Разъ человѣкъ ѣстъ, пьетъ, одѣвается, живетъ въ теплой квартирѣ, онъ это добываетъ своимъ трудомъ,—тѣмъ реальнымъ, полезнымъ трудомъ, который составляетъ его профессію, его призваніе. Если онъ бездѣльничаетъ,—онъ живетъ за счетъ труда другихъ. Каждый день человѣка, это—рабочій день; инымъ онъ не можетъ быть, инымъ онъ не долженъ быть. Каждый день человѣка цѣнится на вѣсъ золота; реально трудясь и работая, человѣкъ какъ бы ежедневно возвращаетъ обществу, государству плату за свой хлѣбъ насущный и за удобство своей жизни. Трудъ человѣка, это—его долгъ обществу, народу. Тѣ же нѣсколько дней, которые благотворители проводятъ въ танцахъ, въ развлеченіяхъ, въ шатаньяхъ съ цвѣтами по улицамъ, пропадаютъ для общества; въ эти дни за нихъ работаютъ другіе. Какая же это благотворительность за чужой счетъ, чужими боками? Въ эти дни должники пользуются случаемъ, чтобы, подъ флагомъ благотворительности, не отдавать долговъ своимъ кредиторамъ. Это форменная афера, форменная экспропріація. Правда, г.г. благотворители и въ обычное время бездѣльничаютъ и, въ лучшемъ случаѣ, стрѣляютъ по воробьямъ изъ пушекъ, но отсюда само собой напрашивается выводъ, что лучшая и высшая форма благотворительности и общественной

дѣятельности, это—полезный, реальный трудъ. Современная же благотворительность ничто иное, какъ отлыниваніе отъ труда, въ ней сказывается обычная демократическая черта тунеядства: за чужой счетъ пріобрѣсти славу и почетъ. Такая благотворительность—одна тунеядческая праздность. Если же учесть уронъ, который терпитъ общество отъ благотворительности и потраченнаго на нее времени въ видѣ танцевъ и цвѣточныхъ дней, то мы ужаснемся при мысли, во что обходится обществу каждая тысяча благотворительныхъ суммъ. Это, такъ сказать, матеріальная потеря, а моральная потеря не поддается даже учету.

Но, въ довершеніе всего, и эта тысяча тратится на однѣ только донъ-кихотскія затѣи, на одни только мыльные пузыри. Деньги, доставшіяся легко и беззаботно, подъ звуки музыки и въ вихрѣ танго, тратятся такъ же легко и беззаботно. Благотворители берутъ на себя только трудъ обязательно истратить доставшіяся имъ тысячи. Это самый легкій трудъ въ мірѣ; нѣтъ человѣка, который не въ состояніи былъ бы выполнить эту тяжелую миссію: тратить деньги. И благотворителямъ, и обществу важно только, чтобы деньги не пошли въ карманы благотворителей, и чтобы былъ представленъ отчетъ объ израсходованныхъ суммахъ. Безкорыстіе благотворителей не подлежитъ сомнѣнію, потому что благотворительность даетъ имъ выгоды особаго рода, которыя не поддаются учету: почетъ, славу, кому удовольствія, развлеченія, кому популярность, почетныя или выгодныя должности и т. п. Надо отдать справедливость: деньги тратятся добросовѣстно, и въ громадномъ большинствѣ случаевъ представляются вполнѣ добросовѣстные отчеты. Но на что израсходованы деньги, принесли ли онѣ дѣйствительную пользу, оказали ли реальную помощь, попали ли въ руки истинно-нуждающихся? Этимъ вопросомъ никто не интересуется. Этими вопросами, само собой понятно, меньше всего интересуются благотворители. Имъ важно одно: добросовѣстно истратить деньги. Такимъ путемъ эта тысяча благотворительности постепенно и естественно превращается въ атомъ благотворительности. Но зато эта благотворительность, внося элементы тунеядства, развращаетъ благотворителей, развращаетъ тѣхъ, что даютъ, вообще—общество, развращаетъ тѣхъ, которымъ попадаютъ благотворительные рубли. Вредъ отъ такой благотворительности колоссальный.

Однако, эти тысячи сборщицъ и сборщиковъ, десятки всякихъ обществъ, это море общественной дѣятельности даже въ одной Самарѣ произвели на меня большое впечатлѣніе. Шутка ли сказать: десятки обществъ; въ каждомъ обществѣ по нѣсколько сотъ членовъ. Вѣдь, это десятки тысячъ. А судя по газетнымъ отчетамъ, по описаніямъ газетъ, это вся Самара. Но случай, такъ сказать, просвѣтилъ мое сознаніе. Общество Охраненія Народнаго Здравія собрало сотни тысячъ на помощь голодающимъ, добросовѣстно тратило ихъ на горе и несчастье крестьянъ и народа, на зло правдѣ и здравому смыслу. Но у общества остались остатки и довольно крупные.

Деньги жертвовались на голодающихъ; казалось бы, что общество не имѣетъ права распоряжаться этими остатками по своему усмотрѣнію, сохраняя ихъ на случай новаго неурожая. Но общество разсуждало иначе; ему необходима дѣятельность, а для этого ему необходимо потратить деньги,—и вотъ суммы, доставшіяся въ вихрѣ развлеченій, рѣшили потратить на развлеченіе: на выставку. Да и что ждать отъ общества, въ которомъ за рублевый взносъ всякій можетъ стать членомъ и вершать тамъ дѣла?

Попалъ я въ качествѣ зрителя на засѣданіе общества. Я удивился: сидѣло всего-навсего человѣкъ 15—20. Но въ газетѣ я читалъ, что нерѣдко дѣла,—другими словами, распредѣленіе сотенъ тысячъ,—вершились 7—10 членами, случайно являвшимися на засѣданіе. Но дѣло въ томъ, что и эти 20 человѣкъ оказались все старыми знакомыми; имена десяти пестрѣли въ каждомъ обществѣ, а въ газетахъ значились подъ рубрикой „популярныхъ общественныхъ дѣятелей", были 2—3 дамы изъ породы „Самарскихъ суффражистокъ", и, наконецъ, съ десятокъ какихъ-то невѣдомыхъ юнцовъ съ шевелюрой, кандидатовъ въ будущіе популярные дѣятели; они, такъ сказать, практически проходили курсъ превращенія въ общественные дѣятели. Иниціаторъ выставки заразныхъ болѣзней, одинъ изъ Самарскихъ Діогеновъ, д-ръ Кряжимскій, сидя въ костюмѣ Діогена, въ своей Діогеновой бочкѣ, предложилъ образовать выставочный комитетъ изъ состава членовъ всѣхъ существующихъ въ Самарѣ Обществъ. Мысль очень понравилась, и предсѣдатель выразилъ увѣренность, что ни одно общество не откажется делегировать члена въ комитетъ выставки, имѣя въ виду такое благое и благородное дѣло. Съ этимъ предложеніемъ обратились ко всѣмъ обществамъ; каждое созывало собраніе для обсужденія этого лестнаго предложенія. Созывались засѣданія поочередно и постепенно, и я имѣлъ возможность присутствовать на каждомъ изъ нихъ.

На слѣдующій же день я попалъ въ общество Народныхъ Университетовъ. Моему удивленію не было предѣла; я вначалѣ даже подумалъ, не попалъ ли я по ошибкѣ въ Общество Охран. Народ. Здр.,—тѣ же двадцать человѣкъ, въ томъ числѣ тѣ же десять популярныхъ дѣятелей, тѣ же три суффражистки, тотъ же десятокъ юныхъ Діогеновъ,—кандидатовъ въ популярные дѣятели. Разница была лишь въ томъ, что предсѣдатель Охр. Нар. Здр. оказался здѣсь секретаремъ, а библіотекарь оказался предсѣдателемъ; казначей оказался товарищемъ предсѣдателя, а секретарь оказался казначеемъ. Словомъ, вчерашніе охранители народнаго здравія помѣнялись мѣстами и превратились въ профессоровъ народнаго просвѣщенія.

Объявивъ засѣданіе открытымъ, предсѣдатель обратился къ собравшимся съ торжественной рѣчью. Прежде всего, онъ довелъ до свѣдѣнія слушателей, что въ Самарѣ уже нѣсколько лѣтъ существуетъ общество Охр. Нар. Здр. Всѣ состроили при этомъ удив-

ленныя лица; одинъ даже попросилъ повторить названіе этого общества; можно было думать, что онъ слышитъ его первый разъ въ жизни, между тѣмъ, это былъ не то товарищъ предсѣдателя, не то секретарь самаго этого общества Охр. Нар. Здр. Затѣмъ ораторъ сказалъ нѣсколько сочувственныхъ словъ по адресу общества; это, молъ, одно изъ уважаемыхъ обществъ; работаетъ давно, принесло и приноситъ колоссальную пользу губерніи и государству; комитетъ состоитъ изъ всероссійски-извѣстныхъ популярныхъ общественныхъ дѣятелей (хотя бы кто изъ присутствующихъ глазомъ моргнулъ!), а предсѣдатель и всѣ члены комитета пользуются общимъ уваженіемъ, и ихъ имя внушаетъ довѣріе къ обществу (всѣ молча слушали, какъ будто разговоръ шелъ не о нихъ, а объ Албаніи или далекой Персіи); и вотъ, молъ, получено увѣдомленіе, что общество устраиваетъ передвижную выставку по заразнымъ болѣзнямъ (фигура общаго изумленія, какъ въ заключительной сценѣ „Ревизоръ", а затѣмъ взрывъ апплодисментовъ). Затѣмъ ораторъ, въ сильномъ словѣ и въ патетическихъ выраженіямъ, изложилъ значеніе выставки; по мѣрѣ движенія выставки, она будетъ оставлять за собою кладбище современныхъ драконовъ, такъ называемыхъ бациллъ и бактерій; будутъ исчезать эпидеміи, и начнется благоденствіе на Руси, тѣмъ болѣе, что подъ вліяніемъ выставки населеніе станетъ сознательнымъ и самодѣятельнымъ и начнетъ упорную рыцарскую борьбу съ эпидеміями. Но, конечно,—мягко и туманно прибавилъ предсѣдатель,—условія русской дѣйствительности не таковы, чтобы свободно вести эту борьбу. Дѣло лектора будетъ тонко и дипломатично внушить посѣтителямъ, что только въ странѣ свободы возможна побѣдоносная борьба съ эпидеміями. Такія бесѣды вызовутъ самодѣятельность населенія, которое само начнетъ кричать о необходимости осуществленія Манифеста 17 Октября. Это будетъ несомнѣнная самодѣятельность, потому что каждый для этого воспользуется собственной глоткой и собственными легкими. Успѣхъ выставки обезпеченъ. Всякому ясно, что выставочные экспонаты обладаютъ чудодѣйственной силой; они будятъ сознаніе обывателя, оглушаютъ и разгоняютъ бациллы; стоитъ послѣднимъ показать экспонатъ, и онѣ безъ оглядки бѣгутъ отъ этого мѣста. Тифы, скарлатина, дифтеритъ, холера не переводятся въ городахъ и селеніяхъ; люди безпрерывно болѣютъ, страдаютъ, умираютъ отъ заразныхъ болѣзней, а обывателю, крестьянину хоть бы что; онъ остается безсознательнымъ и безпечнымъ. Уже десятки лѣтъ, сотни земскихъ врачей въ губерніи, тысячи по всей Россіи не перестаютъ поучать мужика уму-разуму насчетъ заразныхъ болѣзней, и именно тогда, когда отъ болѣзней этихъ болѣютъ и умираютъ, а мужику хоть бы что; глухъ, слѣпъ и безпеченъ. Но увидитъ экспонатъ, и сразу его сознаніе прояснится, сразу возьмется за борьбу съ бациллами. Десятки лѣтъ вся земская Россія, тысячи врачей борются съ эпидеміями, а бацилламъ хоть бы что; беззаботно разгуливаютъ себѣ по деревнямъ, по городамъ; но появится въ деревнѣ выставка, и тутъ же всѣмъ бацилламъ смерть. Гдѣ не поможетъ экспонатъ, тамъ выручитъ языкъ лектора, пользующійся извѣстностью далеко за предѣлами Россіи; слава о немъ гремитъ по всему свѣту,

въ подлунныхъ и надлунныхъ краяхъ, среди обывателей морей и среди дикихъ звѣрей (нѣкоторое рыцарское преувеличеніе всегда извинительно оратору и даже требуется въ агитаціонныхъ цѣляхъ). Это не выставка, это крестовый походъ противъ бациллъ и эпидемій. Собираясь же въ походъ. Общество Охр. Нар. Здр. предлагаетъ всѣмъ рыцарямъ, всѣмъ рыцарскимъ орденамъ, т.-е. всѣмъ культурнымъ обществамъ принять участіе въ походѣ,—другими словами, отъ каждаго общества избрать делегата въ выставочный комитетъ. Это предложеніе предсѣдатель и ставитъ на обсужденіе.

Трудно передать словами, какой эфектъ произвело это неожиданное, благородно-рыцарское предложеніе. Всѣ лица пришли въ восторженное состояніе, глаза засвѣтились благороднымъ огнемъ и жаждой рыцарскихъ подвиговъ; съ одной дамой, членомъ всѣхъ комитетовъ, сдѣлался истерическій припадокъ, и, наконецъ, все собраніе разразилось долго несмолкавшими апплодисментами. Не дай Богъ въ это время,—да и въ любое время,—подняться и заявить, что вся эта выставка со всѣми обществами—одна буффонада, одна стрѣльба по воробьямъ изъ пушекъ, одна донъ-кихотская борьба съ вѣтряными мельницами. Такой смѣльчакъ подвергся бы гавриловскому протесту, бойкоту и всѣмъ ужасамъ демократической инквизиціи.

Начались пренія, затянувшіяся далеко за полночь. Что это была за импозантная картина! Одинъ за другимъ поднимались рыцари со своихъ мѣстъ, и каждый, вооруженный своимъ языкомъ, храбро вызывалъ всѣхъ драконовъ, всѣхъ враговъ человѣческихъ на бой, на смертный бой. И бились рыцари не часъ и не два, а почти всю ночь напролетъ; меньше часа никто не говорилъ, и, что удивительнѣе всего, каждый доказывалъ, что дважды-два только четыре. Въ общемъ каждый признавалъ, что это предложеніе дѣлаетъ честь обществу, говорилъ о значеніи выставки, повторялъ то, что говорилъ предсѣдатель,—словомъ, то, что говорилъ предшествовавшій ораторъ, что говорили всѣ. Но выходило оригинально, потому что каждый считалъ нужнымъ выразить въ чемъ-либо сомнѣніе и, такимъ образомъ; по гавриловскому рецепту, превращалъ вопросъ въ спорный, но послѣ длительнаго анализа этого сомнѣнія приходилъ къ заключенію, что оно неосновательно и высказывался за принятіе предложенія. Слѣдующій ораторъ присоединялся къ мнѣнію предыдущаго насчетъ неосновательности его сомнѣнія, и, со своей стороны, высказывалъ тоже какое-нибудь сомнѣніе, но послѣ анализа такъ же приходилъ къ заключенію, что и его сомнѣніе неосновательно. Въ концѣ концовъ, всѣ ораторы высказались за принятіе предложенія, кто безъ оговорокъ, а кто, для гавриловской оригинальности, съ какой-либо спорной оговоркой.

Когда всѣ высказались, предсѣдатель поставилъ на обсужденіе вопросъ,—не признаетъ ли собраніе, большинствомъ голосовъ, что вопросъ въ достаточной степени выясненъ. Вообще, надо сказать, что нѣтъ ничего благороднѣе, корректнѣе, симпатичнѣй выборныхъ

демократическихъ предсѣдателей (за исключеніемъ того случая, когда въ собраніи оказывается реакціонеръ; тогда вся корректность и благородство пропадаютъ). Надо же чѣмъ-нибудь отличаться отъ предсѣдателей по назначенію, отъ этихъ чиновниковъ и консерваторовъ. Выборный предсѣдатель поэтому не только не пойдетъ наперекоръ собранію, но шагу безъ него не ступитъ. Если, къ примѣру, распахнется форточка или окно, и начнется въ залѣ сквознякъ, то предсѣдатель никогда не позволитъ себѣ черносотеннаго превышенія власти и не распорядится о закрытіи форточки, а встанетъ, низко,-низко поклонится собранію и вкрадчиво спроситъ: „какъ угодно будетъ собранію рѣшить: закрыть ли окно или оставить открытымъ?“ Ну, само собой разумѣется, сейчасъ же записывается не меньше дюжины ораторовъ, и начинаются пренія. Тянутся такія пренія, по демократическому обычаю, нѣсколько часовъ, и прекращаются только потому, что одинъ ораторъ проситъ слова „къ порядку дня“, и заявляетъ, что теперь всѣ уже въ достаточной степени успѣли простудиться, а потому вопросъ потерялъ всякую остроту.

Къ сожалѣнію, это утвержденіе оказывается неосновательнымъ,— на другой день всѣ живы и здоровехоньки являются на собраніе. Вообще, я пришелъ къ заключенію, что демократовъ сквозняками не проберешь; сквозняки, это—ихъ родная стихія, и какъ весталки поддерживали постоянный огонь въ храмѣ, такъ демократы поддерживаютъ постоянные сквозняки на своихъ чердакахъ.

Надо ли докладывать, что, въ концѣ концовъ, предложеніе общества Охр. Нар. Здр. принято единогласно, произведены выборы делегата въ выставочный комитетъ, а также принято предложеніе одного изъ членовъ (онъ же не то секретарь, не то библіотекарь Общ. Охр. Нар. Здр.) преподнести Обществу Охр. Нар. Здр. сочувственный адресъ, въ которомъ изложить заслуги общества передъ народомъ и демократіей, то колоссальное значеніе, которое будетъ имѣть выставка въ дѣлѣ санитарнаго благополучія государства, и этотъ адресъ обнародовать во всѣхъ мѣстныхъ и столичныхъ безпартійно-прогрессивныхъ газетахъ.

Когда же на слѣдующій день я пришелъ на собраніе общества борьбы съ алкоголизмомъ, я почти не удивился, когда увидѣлъ тотъ же десятокъ прогремѣвшихъ общественниковъ, тотъ же десятокъ юныхъ кандидатовъ и тѣхъ же трехъ суффражистокъ. Всѣ теперь усѣлись совсѣмъ по иному и составили алкогольный оркестръ. Началась та же процедура; рѣчь предсѣдателя, удивленіе, восторги, истерика дамы, тѣ же пренія, тѣ же сомнѣнія, тотъ же адресъ обществу, тѣ же выборы. То же повторилось на слѣдующій день въ обществѣ борьбы съ дѣтской смертностью и постепенно повторялось во всѣхъ остальныхъ обществахъ. Само собой разумѣется, что въ газетахъ помѣщались отчеты о засѣданіяхъ, печатались адреса, выражался восторгъ этому единенію и единодушію всѣхъ обществъ, всей колоссальной общественной Самары; высказывалась увѣ-

ренность, что, наконецъ-то, борьба съ заразными болѣзнями стала на твердую почву, и что теперь бациллам пришелъ конецъ, а безсознательность крестьянина канула въ лету забвенія. Шутка ли сказать! За борьбу съ эпидеміями взялись, наконецъ, общественныя силы, изъяли это дѣло изъ рукъ бюрократовъ,—всякихъ земцевъ, земскихъ врачей. Разъ началась мобилизація общественности, разъ образовалось общество, цѣлый комитетъ выставки, то, само собой разумѣется, эпидеміямъ пришелъ конецъ. Общество, комитетъ—самое радикальное, самое могучее средство для борьбы съ любымъ дракономъ. Драконы не выносятъ обществъ, какъ воробьи—пальбы изъ пушекъ, а крылья вѣтряной мельницы—рыцарскихъ атакъ. Образовалось общество, и вся русская интеллигенція, вся мировая демократія можетъ быть спокойна; несчастью пришелъ конецъ. Мало того,—есть вполнѣ реальный и безспорный критерій плодотворной и успѣшной дѣятельности обществъ: число членовъ, засѣданій, рѣчей, протоколовъ, отдѣловъ, комитетовъ и т. п. Но въ особенности это примѣнимо къ выставкѣ, которая даетъ такое ясное доказательство своей продуктивности, какъ число посѣтителей. Каждый посѣтитель несетъ гибель миріадамъ всякихъ драконовъ и разбойниковъ. Побольше посѣщеній! Посѣщайте выставку, читатели! Гоните всѣхъ на выставку!

Такъ рекламировали выставку газеты, такъ онѣ взывали къ своимъ подписчикамъ. Судя по газетнымъ отчетамъ, рекламамъ, воззваніямъ, можно было думать, что всѣ граждане Самары забросили свои дѣла и занялись вопросомъ о выставкѣ. Шутка ли сказать: сколько обществъ, сколько членовъ, сколько сочувствующихъ! Вѣдь, это вся Самара... Когда же, наконецъ, былъ выбранъ выставочный комитетъ, и я, наконецъ, попалъ на первое его засѣданіе,—моему удивленію не было конца; въ составъ комитета вошли тѣ же десять общественниковъ, тѣ же десять кандидатовъ и тѣ же три суффражистки. Точь-въ-точь, какъ знаменитое многочисленное воинство въ оперѣ „Вампука“, состоявшее изъ трехъ эѳіоповъ, симулировавшихъ цѣлую армію.

Все это смѣшно, комично, уморительно; все это не эпизодъ изъ сервантесовскаго Донъ-Кихота, не случай на планетѣ Марсъ или Сатурнъ, а живая, реальная дѣйствительность на землѣ. Если одинъ Донъ-Кихотъ прославился и надѣлалъ шума на весь міръ, то что же удивительнаго, что двадцать современныхъ Донъ-Кихотовъ шумятъ на всю губернію. А двадцать Донъ-Кихотовъ въ каждой губерніи найдется, и шумитъ кучка Донъ-Кихотовъ за всю Россію, за весь міръ, а этотъ шумъ и зовется общественнымъ мнѣніемъ. А зовутъ его общественнымъ мнѣніемъ нѣсколько Донъ-Кихотовъ, засѣвшихъ въ газетахъ... Вотъ въ чемъ секретъ силы, власти и успѣха современныхъ безумцевъ изъ породы Донъ-Кихотовъ, сирѣчь—интеллигентовъ. Одни шумятъ, галдятъ, бѣснуются, бьются съ крыльями вѣтряной мельницы на общественной улицѣ, а другіе заняли всю газетную улицу, тоже шумятъ, галдятъ и бѣшено аппло-

дируютъ общественнымъ Донъ-Кихотамъ. Всѣ остальные: члены обществъ, подписчики газетъ, сборщики, посѣтители благотворительныхъ вечеровъ, посѣтители выставокъ—все статисты, несчастные акціонеры дутыхъ предпріятій. На обывательской же улицѣ живого человѣка не видать,—она превратилась въ пустыню, все притаилось, боится и носъ показать, ушло въ себя, подальше отъ этого дикаго шума, адскаго трезвона, безумнаго улюлюканья современныхъ Донъ-Кихотовъ, кандидатовъ въ психіатрическія лечебницы. Улица во власти безумія... Здравый смыслъ въ загонѣ. Увы! Здравому смыслу, подъ кличкой реакціонера, черносотенца, нельзя и носа показать,—онъ притаился гдѣ-то, въ темномъ и далекомъ углу, и ждетъ, когда же, наконецъ, кончится это безуміе, которое несетъ міру вакханалію интеллигентнаго тунеядства. Когда же, наконецъ, наступитъ царство здраваго смысла?...

Цѣль всѣхъ обществъ—просвѣтительная, всѣ они въ томъ или иномъ видѣ стремятся къ духовному воздѣйствію,—другими словами, къ электрическому заряженію идеями, къ превращенію любого труда въ „разумныя развлеченія“. Для музыканта музыка—трудъ, тяжелый трудъ, а для дилетанта—развлеченіе, и никто не станетъ музыкантомъ, если музыка для него только развлеченіе. Трудъ самый тяжелый можетъ быть пріятенъ, если онъ доставляетъ удовлетвореніе. Но когда превращаютъ трудъ въ развлеченіе,—тамъ нѣтъ труда и тамъ никакого толку. Музыка музыкой, картины—картинами, но знанія, получаемыя подъ звуки музыки, съ помощью туманныхъ картинъ, на всякихъ выставкахъ, публичныхъ лекціяхъ—одна мистификація. Знанія нельзя переложить въ музыку и пѣніе, нельзя изобразить на рисункахъ,—ихъ надо пріобрѣтать долгимъ, упорнымъ трудомъ и собственнымъ тяжелымъ и длительнымъ мышленіемъ. Всякія общества, родительскіе комитеты, внѣшкольное образованіе—преступныя учрежденія, они отучаютъ отъ труда, они извращаютъ смыслъ знаній, ихъ дисциплинирующее значеніе. Каждый реальный трудъ облагораживаетъ, возвышаетъ человѣка, подымаетъ его самодѣятельность, его иниціативу, его индивидуализмъ. Въ этомъ великое значеніе и смыслъ истиннаго народнаго образованія, какъ накопленія знаній, какъ тяжелаго, реальнаго труда. Сила не въ школьномъ учителѣ, а въ народѣ, въ природныхъ свойствахъ послѣдняго. Надо имѣть природное стремленіе къ труду, и тогда будутъ, въ потѣ лица своего, работать только надъ пріобрѣтеніемъ реальныхъ знаній, и, со своей стороны, этотъ трудъ облагородитъ человѣка. Знанія не дѣлаютъ человѣка добрѣй и благороднѣй; внѣшнее же духовное воздѣйствіе, кромѣ вреда, ничего не приноситъ; духовное же воздѣйствіе образованія—внутреннее, самодовлѣющее; образованіе дѣйствуетъ только той силой труда, которая вкладывается въ образованіе. Народное образованіе сильно круговой порукой труда и знаній. Тѣ же знанія,—вѣрнѣе, тѣ величайшія идеи, которыя пріобрѣтаются на концертахъ, выставкахъ, въ душу раздирающихъ кинематографическихъ драмахъ, въ изящной литературѣ и въ громадномъ большинствѣ произведеній такъ называемыхъ классиковъ, дѣлаютъ человѣка санти-

ментальнымъ, отвлекаютъ его отъ жизни, вызываютъ въ немъ отвращеніе къ истинному труду и къ истинной, активной самодѣятельности.

Разумныя развлеченія, всякое воздѣйствіе въ доступной и пріятной формѣ, такъ называемая, популяризація знаній,—о которой, собственно говоря, и бредитъ Казанцевъ,—имѣетъ, яко-бы, цѣлью вызвать самодѣятельность общества, народа. Но какая это самодѣятельность? Развѣ такими пріемами можно вызвать самодѣятельность? Въ своемъ докладѣ обществу Самарскихъ врачей я, собственно, взывалъ къ реальному труду, къ активной самодѣятельности,—другими словами, къ индивидуализму. Во время чтенія доклада произошелъ инцидентъ. Присутствовавшій въ засѣданіи представитель отъ полиціи испугался часто повторяемаго слова „свобода“, и заявилъ протестъ. Предсѣдательствовавшій въ собраніи, д-ръ Марковъ, воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы сказать: „я понимаю мысль докладчика,—онъ говоритъ о самодѣятельности, но это для насъ всѣхъ понятно, и я просилъ бы сократить докладъ“. Д-ру Маркову я скажу нѣсколько теплыхъ словъ.

О, мой милый докторъ Марковъ! О, мой дорогой Діогенъ XX-го вѣка! Я преклоняюсь передъ твоимъ благородствомъ, а благородство твое въ томъ, что ты демократъ. Я самъ этого не знаю; демократическое благородство узнается по запаху, а я о благородствѣ человѣка сужу по старому, реакціонному способу, и поэтому въ этомъ вопросѣ совершенно не компетентенъ; но интеллигенты, которые обнюхали тебя, въ одинъ голосъ кричатъ, что ты демократъ. У нихъ на этотъ счетъ нюхъ хорошій, и я имъ вѣрю. И я знаю, что, какъ демократъ, ты противникъ, даже врагъ цензуры. Но я знаю, что ты противъ цензуры лживаго, демократическаго слова, ты противникъ насилія надъ демократическимъ хулиганствомъ и тунеядствомъ. На то ты и демократъ. Но я знаю и то, что ты прекрасный цензоръ правдиваго слова и форменный насильникъ надъ всякой истинно-свободной личностью, истинно-свободной мыслью. На то ты и демократъ. Я это знаю по вышеприведенному твоему заявленію, я это знаю потому, что ты запретилъ мнѣ критиковать положеніе санитарныхъ врачей,—положеніе, которое появилось въ печати, и которое я цитировалъ изъ печатныхъ трудовъ совѣщанія. И въ засѣданіи общества врачей произошло позорнѣйшее событіе: поставленъ былъ на голосованіе вопросъ,—имѣетъ ли право человѣкъ критиковать чье-либо мнѣніе, чье-либо печатное произведеніе, имѣетъ ли право судить о чемъ-нибудь; мало того,—имѣетъ ли онъ право защищаться, потому что упомянутое положеніе было направлено противъ меня. Это называется свободой слова, это зовется человѣческими правами. О, фарисеи! О, современные инквизиторы! Правда, большинствомъ голосовъ было рѣшено, что я имѣю право критики. Но почти половина врачей высказалась противъ этого права и въ томъ числѣ членъ первой Думы, д-ръ Крыловъ. Какой позоръ для врачей, какой позоръ для горе-народныхъ представителей!

Вѣдь, и д-ръ Марковъ—членъ второй Думы. Вся моя вина была въ томъ, что положеніе, которое я позволилъ себѣ критиковать, принадлежало такимъ же демократамъ, какъ д-ра Марковъ и Крыловъ, и я доказывалъ его пошлость и безсмысленность, и доказывалъ, смѣю увѣрить, логично и правдиво.

Хотя на эстрадѣ для репортеровъ сидѣлъ бритый іезуитъ изъ мѣстной безпартійно-прогрессивной газеты „Волжское Слово", но ты, милый д-ръ Марковъ, былъ спокоенъ и увѣренъ въ своей безнаказанности, и дѣйствительно: въ газетномъ отчетѣ не только не было высказано осужденія этому позорному насилію надъ словомъ и личностью, но весь инцидентъ былъ извращенъ до неузнаваемости, и репортеръ даже сосчиталъ, что большинство голосовъ было за предложеніе предсѣдателя—Маркова. Вотъ она гдѣ фарисействующая ложь газеты, вотъ она гдѣ диктатура печати! Вотъ когда передо мной воочію встала вся ложь, вся фальшь, все преступное тунеядство печати! Вотъ когда я почувствовалъ ея преступную силу и власть и понялъ какая тѣсная связь существуетъ между газетными и общественными Митрофанушками! А какой вой, какой лай, какой скрежетъ зубовный поднялся бы на всей п. д. улицѣ, если бы гдѣ-нибудь предсѣдатель остановилъ оратора за призывъ къ забастовкамъ, въ террору и вообще къ демократическому хулиганству!

О, я знаю, мой милый д-ръ Марковъ, что ты великій человѣкъ, и знаю это потому, что ты талантливый составитель глупѣйшихъ притчъ. Я говорю только о томъ, что знаю, а твой талантъ я узналъ на томъ же собраніи врачей, гдѣ ты разсказалъ какую-то притчу съ единственной цѣлью нанести мнѣ оскорбленіе. Въ составленіи такихъ притчъ ты, вѣроятно, усматриваешь самодѣятельность. У меня былъ бездѣтный пріятель, которому врачи предсказали, что онъ останется бездѣтнымъ. Онъ ужасно скорбѣлъ о своей бездѣятельности и, тоскуя по самодѣятельности, восклицалъ: „О, лучше сотворить глупѣйшаго человѣка, чѣмъ ничего не творить!" Повидимому, онъ былъ единомышленникомъ д-ра Гаврилова, который тоже большой знатокъ самодѣятельности и полагаетъ, что лучше натворить сотни безсмысленныхъ докладовъ, чѣмъ ничего не творить. И ты, вѣрно, въ погонѣ за самодѣятельностью, предпочитаешь творить глупѣйшія притчи, чѣмъ ничего не творить. Я держусь другого начала. Вѣдь, я ношу имя Давида, по имени моего предка, царя Давида. А, какъ извѣстно, библейскій Давидъ убилъ Голіаѳа пращей и только потому, что онъ попалъ не въ бровь, а въ глазъ. А что́ глупо, что оскорбительно, то не только не попадаетъ въ глазъ, но даже въ бровь не попадаетъ, а мимо брови попадаетъ въ самого составителя притчи, рикошетомъ оскорбляетъ только оскорбителя. Я поэтому предпочитаю ничего не творить, чѣмъ творить скороспѣлыя притчи, которыя только оскорбляютъ. А я не демократъ; я цѣню человѣческое достоинство и никого не хочу, и не могу оскорблять. Но зато, когда я творю, я работаю всѣми фибрами своей ду-

ши и мысли, стараюсь попадать только въ глазъ, а отнюдь не въ бровь, и всегда попадаю въ глазъ, а не въ бровь, потому что у меня праща, которая въ состояніи попадать только въ глазъ, и которая убиваетъ всякаго Голіаѳа. Зовется эта праща—правдой *).

---

*) Въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ", въ одномъ изъ послѣднихъ сентябрьскихъ номеровъ 1915 года, появилась небольшая притча, имѣющая много общаго съ притчами д-ра Маркова, подъ заглавіемъ: „Трагическое положеніе". Привожу притчу цѣликомъ:

„Развитіе техники создало это положеніе; въ такомъ остромъ видѣ его не могло быть прежде ни прямо, ни въ аллегоріи.

Вы несетесь на автомобилѣ по крутой и узкой дорогѣ; одинъ невѣрный шагъ,—и вы безвозвратно погибли. Въ автомобилѣ — близкіе люди, родная мать ваша.

И вдругъ вы видите, что вашъ шоферъ править не можетъ, потому ли, что онъ вообще не владѣетъ машиной на спускахъ, или онъ усталъ и уже не понимаетъ, что дѣлаетъ, но онъ ведетъ къ гибели и васъ, и себя, и если продолжать ѣхать, какъ онъ, передъ вами—неизбѣжная гибель.

Къ счастью, въ автомобилѣ есть люди, которые умѣютъ править машиной; имъ надо поскорѣе взяться за руль. Но задача пересѣсть на полномъ ходу не легка и опасна; одна секунда безъ управленія, — и автомобиль будетъ въ пропасти.

Однако, выбора нѣтъ,—вы идете на это.

Но самъ шоферъ не идетъ. Оттого ли, что онъ ослѣпъ и не видитъ, что онъ слабъ и не соображаетъ, изъ профессіональнаго самолюбія или упрямства, но онъ цѣпко ухватился за руль и никого не пускаетъ.

Что дѣлать въ такія минуты?

Заставить его насильно уступить свое мѣсто? Но это хорошо на мирной телѣгѣ или въ обычное время на тихомъ ходу, на равнинѣ, тогда это можетъ оказаться спасеніемъ. Но можно ли дѣлать это на бѣшенномъ спускѣ, по горной дорогѣ? Какъ бы вы ни были и ловки, и сильны, въ его рукахъ фактически руль, онъ машиной сейчасъ управляетъ, и одинъ невѣрный поворотъ, или неловкое движеніе этой руки,—и машина погибла. Вы знаете это, но и онъ тоже знаетъ. И онъ смѣется надъ вашей тревогой и вашимъ безсиліемъ: „Не посмѣете тронуть!".

Онъ правъ: вы не посмѣете тронуть; если бы даже страхъ или негодованіе васъ такъ охватили, что, забывъ объ опасности, забывъ о себѣ, вы рѣшились силой выхватить руль,—пусть оба погибнемъ,—вы остановитесь: рѣчь идетъ не только о васъ: вы везете съ собой свою мать; вѣдь, вы и ее погубите вмѣстѣ съ собой, сами погубите.

И вы себя сдержите; вы отложите счеты съ шоферомъ до того вожделѣннаго времени, когда минуетъ опасность, когда вы будете опять на равнинѣ; вы оставите руль у шоффера. Болѣе того,—вы постараетесь ему не мѣшать, будете даже помогать совѣтомъ, указаніемъ, дѣйствіемъ. Вы будете правы,—такъ и нужно сдѣлать. Но что будете вы испытывать при мысли, что ваша сдержанность можетъ все-таки не привести ни къ чему, что даже и съ вашей помощью шоферъ не управится, что будете вы переживать, если ваша мать при видѣ опасности будетъ просить васъ о помощи, и, не понимая вашего поведенія, обвинитъ васъ за бездѣйствіе и равнодушіе?"

Эта притча написана красивымъ языкомъ, изящна по внѣшности и на любого демократически настроеннаго интеллигента производитъ чарующее впечат-

А что за самодѣятельность безъ правды? А ты, мой милый д-ръ Марковъ, понимаешь самодѣятельность чисто по-дѣтски. Ты, видно, моя милая дѣтка, никакъ не можешь перешагнуть черезъ дѣтскій возрастъ, и я жду, не дождусь, когда тебѣ, наконецъ, стукнетъ пять пѣтъ. Не огорчайся только: не ты одинъ такой несчастный. Много на свѣтѣ сѣдыхъ и даже лысыхъ людей, которые никакъ не могутъ перешагнуть даже черезъ трехлѣтній возрастъ. Многіе такъ и умираютъ въ малолѣтнемъ возрастѣ, хотя оставляютъ и внуковъ и правнуковъ. И дѣти ужасно любятъ проявлять самодѣятельность и кричать: „самъ! самъ!“, а сидя на рукахъ, ребенокъ воображаетъ, что самъ ходитъ, только потому, что болтаетъ ножками. И хотя, мой милый д-ръ Марковъ, ты сказалъ, что понимаешь, о чемъ я говорю, но ты, очевидно, меня совершенно не понялъ, и, откровенно говоря, трудно еще въ твоемъ дѣтскомъ возрастѣ меня понимать. Увы! я поздно понялъ, что я читалъ о серьезныхъ предметахъ и преподносилъ правдивыя, т.-е. горькія истины дѣтямъ, которыя любятъ и понимаютъ только сласти; имъ подавай только конфеты да пирожныя. Вѣдь,

---

лѣніе. Для всѣхъ ясно, что шоферъ, это — русская власть, немощная, слѣпая, безумная, ведущая народъ къ гибели. Между тѣмъ, пассажиры, популярные общественные дѣятели, могутъ спасти народъ отъ гибели, но шоферъ въ безумномъ упрямствѣ не выпускаетъ руля изъ рукъ и цѣпко держится за власть. Эта притча напечатана въ газетѣ „Асхабадъ“, откуда ее и заимствую; вѣроятно, она теперь кочуетъ изъ одной демократической газеты въ другую, вездѣ вызывая телячій восторгъ. Я поэтому охотно ее перепечатываю, такъ какъ она содержитъ въ себѣ всѣ перлы демократической, чисто-казанцевской стряпни, и тѣмъ охотнѣе привожу ее, что она принадлежитъ перу самого... В. А. Маклакова. Какъ же не воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ развѣнчать великаго московскаго депутата и одного изъ кандидатовъ въ министры будущаго общественнаго министерства. Казанцевъ, Тезяковъ, Клафтонъ—это все мелкія рыбки, въ большинствѣ неизвѣстныя широкой публикѣ. А Маклаковъ, это—демократическое свѣтило первой величины.

Прежде всего, разъ притча имѣетъ въ виду опредѣленное лицо или учрежденіе, разъ въ ней есть всѣ внѣшніе признаки, не оставляющіе никакихъ сомнѣній, что притча относится именно къ данному лицу или учрежденію, то и внутренніе признаки, всѣ основанія и положенія притчи должны быть безспорны и относиться только къ данному случаю, къ данному лицу и не давать никакихъ сомнѣній въ своей справедливости и основательности. Въ противномъ случаѣ, данному лицу наносится незаслуженное оскорбленіе, а сама притча, какъ притча, какъ разсказъ, превращается въ безсмыслицу, потому что притча имѣетъ смыслъ не сама по себѣ, а только въ примѣненіи къ опредѣленному случаю. На русскую государственную власть въ притчѣ и черезъ притчу возведено тяжелое обвиненіе, — одно изъ самыхъ тяжелыхъ обвиненій, которое только можетъ тяготѣть на власти,—обвиненіе въ томъ, что она ведетъ и, повидимому, сознательно (шоферъ даже „смѣется“) къ гибели народъ. Какія же основанія для такого обвиненія?

Маклаковъ правъ только въ одномъ, что положеніе въ автомобилѣ дѣйствительно трагическое, но почему это положеніе и вообще весь случай относится къ русской власти? Вѣдь, въ каждой странѣ,—хотя бы даже въ Англіи,—есть люди недовольные, которымъ кажется, что власть ведетъ страну къ гибели, и что только они въ состояніи править автомобилемъ,—другими словами, спасти народъ отъ гибели. Но людямъ можетъ казаться, что угодно, а разъ они открыто бросаютъ кому-либо въ лицо обвиненіе,—они должны уже доказать свое обвиненіе, они должны дать неоспоримыя доказательства вины обвиняемаго ими. Повторяю, то, о

вы всѣ, мои Діогеники, любите только сласти и самодѣятельность понимаете только по-дѣтски: чтобы каждый самъ на своихъ ногахъ ходилъ по улицамъ для манифестацій, демонстрацій, самъ своей собственной глоткой кричалъ: „смерть буржуямъ!“, самъ распѣвалъ: „Вы жертвою пали!“, самъ махалъ краснымъ знаменемъ, носилъ красные галстухи и пристегивалъ красную гвоздику, самъ на своихъ ногахъ бѣгалъ на всѣ митинги, собранія, лекціи, хлопалъ своими руками; самъ свисталъ всякому реакціонеру; самъ подымалъ руку во время какихъ-либо голосованій; самъ своей рукой клалъ записку въ урну, самъ бѣгалъ сборщикомъ по улицамъ, самъ давалъ себѣ великій трудъ бастовать, самъ требовалъ себѣ директорскаго оклада и т. п.

Такъ развѣ это самодѣятельность, развѣ я позволилъ бы себѣ говорить о такой самодѣятельности? Быть-можетъ, наступитъ время, когда разговоры о самодѣятельности станутъ излишними и будутъ звучать такимъ же диссонансомъ, какъ и оригинальные доклады

чемъ повѣствуетъ Маклаковъ,—самый обычный эпизодъ изъ жизни любого государства; въ любой моментъ,—мало того, это—обычный эпизодъ изъ жизни любого учрежденія, любого лица. Въ каждомъ учрежденіи, въ каждомъ дѣлѣ есть люди, которымъ кажется, что руководители ведутъ предпріятіе къ гибили, а что они въ состояніи были бы его спасти. Больше—эта притча можетъ относиться, — а можетъ-быть, и относится,—къ самому Маклакову. Вѣдь, онъ ведетъ большія и чужія дѣла, и не разъ, вѣроятно, бывали случаи, что его довѣрителю казалось, что Маклаковъ плохо ведетъ дѣло и обязательно его проиграетъ. Что же это за притча? Развѣ притча, направленная противъ опредѣленнаго лица, можетъ быть универсальной, относиться къ любому народу, къ любому учрежденію, къ любому лицу, даже къ автору притчи? Если же она мѣтитъ въ опредѣленное лицо, то она нужна была только для того, чтобы оскорбить это лицо, въ такомъ случаѣ, она оскорбляетъ только составителя притчи, потому что относится и къ нему и потому, что для того, чтобы оскорбить кого-либо, незачѣмъ прибѣгать къ помощи притчъ, а можно просто выругать человѣка. Притча—орудіе благородное, и ею незачѣмъ пользоваться для грязныхъ цѣлей. Я уже имѣлъ поводъ это отмѣтить относительно притчи Маркова, тогда еще, когда я не читалъ притчи Маклакова.

Произошло же такое возмутительное злоупотребленіе притчей только потому, что Маклаковъ далъ одно расплывчатое общее положеніе и не привелъ никакихъ основаній, не далъ никакихъ точныхъ признаковъ, по которымъ можно было бы сказать, что притча относится именно къ русской власти. Притча его напоминаетъ мнѣ одинъ общеизвѣстный армянскій анекдотъ. Заключается онъ въ слѣдующемъ. Въ одномъ обществѣ армянину стали задавать загадки; онъ оказался на этотъ счетъ тупымъ и не въ состояніи былъ ни одной загадки разгадать. Онъ обидѣлся и, со своей стороны, предложилъ загадку: „Что это такое? Зеленое и виситъ въ гостиной?“ Думали-гадали, но пришлось обратиться къ армянину за разъясненіемъ. Тотъ торжественно и невозмутимо выпалилъ: „селедка“.—„Но почему же она зеленая?“— „Да выкрась ее въ зеленый цвѣтъ, и она станетъ зеленой“—„Но почему же она виситъ въ гостиной?—„Да повѣсь ее въ гостиной, и она будетъ висѣть“. Притча Маклакова нисколько не содержательнѣй загадки армянина. Онъ заявилъ: существуетъ трагическое положеніе автомобиля. И задаетъ вопросъ: кто виновникъ? Казалось бы, можно представить себѣ всевозможныя комбинаціи трагическихъ положеній, и дѣйствительныхъ, и кажущихся, можно представить себѣ всевозможныхъ виновниковъ и необыкновенное множество причинъ трагическаго положенія, но Маклаковъ, подобно армянину, непоколебимо изрекаетъ: „виновенъ шоффер!“.

д-ра Гаврилова о томъ, что воздухъ необходимъ человѣку. Но пока этого нѣтъ, пока человѣчество называетъ самодѣятельностью пальбу изъ пушекъ по воробьямъ, борьбу съ вѣтряными мельницами и всякія дѣтскія игры,—надо говорить о самодѣятельности. Я именно въ своемъ докладѣ ополчился противъ самодѣятельности марки Маркова, противъ футбольной, ребяческой самодѣятельности. И самодѣятельность марки Маркова представляетъ кипучую дѣятельность, проходитъ въ непрерывномъ трудѣ, но, какъ я уже неоднократно объяснялъ, это кипучая дѣятельность рыжаго клоуна на аренѣ цирка. Я же призывалъ въ докладѣ и призываю въ настоящей брошюрѣ къ реальному, полезному труду,—другими словами, къ активной, живой, цѣлесообразной самодѣятельности, къ той самодѣятельности, которую я назвалъ *индивидуализмомъ*. Трудолюбивый муравей и попрыгунья-стрекоза въ извѣстной баснѣ Крылова могутъ служить въ нѣкоторой степени образцами той и другой самодѣятельности. Можно всю жизнь распѣвать: „о дайте, дайте мнѣ свободу!“,—можно пѣть это въ стихахъ, на газетныхъ столбцахъ, на митингахъ, лек-

---

Повторяю, если бы притча Маклакова была невиннымъ разсказомъ, я сказалъ бы только, что его разсказъ не интересенъ и даже не годится для дѣтскаго чтенія; но разъ это притча, разъ она имѣетъ извѣстный общественный смыслъ и предъявляетъ опредѣленныя и тяжелыя обвиненія къ опредѣленному учрежденію или лицу, то требованія къ ней предъявляются совершенно другія. Думаю, что юристу Маклакову это въ особенности должно быть понятно. И къ извѣстному юристу придется мнѣ, профану, обратиться съ рядомъ вопросовъ, на которые можетъ получиться только стереотипный отвѣтъ армянина: „выкрась въ зеленую краску, и получится зеленый цвѣтъ“.

Но я малярнымъ дѣломъ не занимаюсь, никого не обнюхиваю, а сужу о людяхъ и событіяхъ не по ихъ запаху или по той окраскѣ, какое дало имъ мое воображеніе, а по извѣстнымъ реальнымъ и природнымъ признакамъ того или иного лица, того или иного явленія. Я спрашиваю, почему это шоферъ, — назовемъ его Горемыкинымъ, Щегловитовымъ или хотя бы Н. А. Маклаковымъ, — не умѣетъ управлять автомобилемъ? Какъ это случилось, что лицо, для котораго шоферство—его ремесло, которое спеціально изучало эту профессію, которое, повидимому, настолько опытно въ своемъ дѣлѣ, что владѣлецъ ввѣрилъ даже ему управленіе своимъ автомобилемъ,—какъ это случилось, что въ притчѣ Маклакова, это лицо вдругъ оказалось глухимъ, слѣпымъ, и не только не способнымъ управлять автомобилемъ, но даже преступно ведущимъ его къ гибели? Понятно, Маклаковъ отвѣтитъ: „окрась его въ зеленый цвѣтъ, и ты ясно увидишь, что онъ ведетъ къ гибели“. Я еще понимаю такой отвѣтъ; Маклаковъ говоритъ о томъ, что ему кажется, что онъ своими умственными глазами воочію видитъ. Я готовъ даже, шутки ради, съ нимъ согласиться, потому что, по существу, вѣдь это только плодъ воображенія и явная безсмыслица. Но вотъ съ чѣмъ я никакъ не соглашусь,—какіе бы онъ отвѣты ни давалъ и какія бы краски ни пускалъ въ ходъ. Но почему это ни съ того, ни съ сего пассажиры, — назовемъ ихъ Милюковымъ, Шингаревымъ, Чхеидзе и, что ли, В. А. Маклаковымъ, авторомъ притчи,—оказались лучшими знатоками шоферскаго искусства, чѣмъ шоферъ? А, главное,—какія основанія для того, чтобы утверждать, что пассажиры *обязательно* спасутъ автомобиль отъ гибели? Строить притчу на томъ, что *будетъ*,—для этого мало воображенія и красокъ, необходимо еще ясновидѣніе. Но и для ясновидѣнія необходимы основанія. Какія же основанія могли быть для такого ясновидѣнія, кромѣ основанія интеллигентнаго самомнѣнія и демократическаго самохвальства. Для того, чтобы нанести ни въ чемъ неповинному лицу оскорбленіе, или возвести на него тяжелое незаслуженное обвиненіе, такія основанія весьма умѣстны и даже необходимы.

ціяхъ, въ земствахъ и въ парламентахъ, можно пѣть не только стрекозой, но и соловьемъ, и ни на шагъ не двигаться по пути къ свободѣ,—мало того, оставаться форменнымъ крѣпостникомъ и насиловать чужую свободу, какъ это продемонстрировали въ обществѣ врачей д-ра Крыловъ и Марковъ,—пѣвцы и барды свободы, представители первыхъ двухъ Думъ. Они, яко-бы, шли въ Думу для добыванія народу свободы. Избави насъ Богъ отъ свободы марки д-овъ Крылова и Маркова и отъ всѣхъ свободъ марки прогрессивно-демократическаго блока. Но можно совсѣмъ не пѣть о свободахъ, не только не афишировать своего напускного демократизма, но даже не произносить слова „свобода"—и быть все-таки истинно-свободнымъ человѣкомъ, т.-е. уважать правду, уважать и цѣнить свое мнѣніе, и только потому, что оно правдивое, и съ уваженіемъ относиться къ чужому правдивому мнѣнію. Для этого необходимо только одно: видѣть свое назначеніе въ реальномъ трудѣ, посвятить свою жизнь реальному, полезному труду, по своему призванію, по своей спеціальности. Жизнь трудолюбиваго муравья, къ стыду человѣче-

---

Если же оставить въ сторонѣ всякіе запахи, окраски и иныя-прочія демократическія основанія, а перейти къ реальнымъ основаніямъ обыкновеннаго здравомыслящаго человѣка, то каждому ясно станетъ, что нѣтъ никакихъ основаній довѣрять шоферскому искусству пассажировъ, а есть полное основаніе довѣрять шоферу. Вольно же было Маклакову положить въ основу своей притчи явно невѣрную и тенденціозную предпосылку. Отъ себя лично могу сказать, что будь я въ числѣ пассажировъ,—я задрожалъ бы отъ ужаса, когда понялъ бы, что пассажиръ Маклаковъ хочетъ вырвать руль изъ рукъ шоффера Маклакова. Я бы въ ужасѣ и только изъ чувства самосохраненія удержалъ бы пассажира Маклакова за руку. Я увѣренъ, что такъ поступилъ бы каждый изъ демократовъ, который съ упоеніемъ и восторгомъ читалъ и читаетъ притчу Маклакова или каждый изъ редакторовъ, который съ упоеніемъ и восторгомъ перепечаталъ эту притчу. Вѣдь, читать или перепечатывать притчу совсѣмъ не то, что быть однимъ изъ пассажировъ, о которыхъ говорится въ притчѣ.

Если же перевести все на обыкновенный, понятный языкъ, то неужели можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что любой изъ министровъ,—хотя бы Горемыкинъ, Щегловитовъ или Маклаковъ, братъ автора притчи, — опытенъ, освѣдомленъ въ дѣлахъ управленія, разъ каждый избралъ своей спеціальной карьерой государствовѣдѣніе, постепенно прошелъ свою административную карьеру; несомнѣнно, двигался впередъ, благодаря своей энергіи, своимъ способностямъ, своему трудолюбію, своей честности; несомнѣнно, за долгіе годы служенія пріобрѣлъ большой государственный опытъ; несомнѣнно, онъ достоинъ довѣрія, разъ Царской Властью онъ удостоенъ такого высокаго довѣрія; очевидно, онъ не можетъ, а тѣмъ болѣе сознательно, вести страну къ гибели. Съ другой стороны, дилетанты, профаны, спеціалисты совсѣмъ изъ другой области: профессоръ Милюковъ, врачъ Шингаревъ и хотя бы юристъ Маклаковъ. Что же намъ, къ примѣру, извѣстно о юристѣ Маклаковѣ? Да только то, что онъ хорошій адвокатъ по уголовнымъ дѣламъ и за приличные гонорары защищаетъ разныхъ уголовныхъ преступниковъ и даже милліонера, который обвиняется въ истязаніи. Я не ставлю этого въ упрекъ Маклакову, но я хочу сказать, что защита въ уголовныхъ процессахъ, и хорошіе гонорары далеко не служатъ признакомъ государственной мудрости и государственнаго опыта. Какъ извѣстно, адвокатовъ въ общежитіи зовутъ брехунцами. Это именно относится къ уголовнымъ адвокатамъ. Что касается адвокатовъ по гражданскимъ дѣламъ, то это истые труженики и работники; они, дѣйствительно, несутъ полезную и *реальную* работу; ихъ профессія—чисто-юридическая; они—настоящіе юристы. Уголовные же юристы—только ораторы; выступать защитникомъ

скому, должна бы служить человѣку образцомъ простой, но полезной и продуктивной жизни. Для муравья существуетъ только трудъ; если бы я писалъ для муравьевъ и о муравьяхъ,—мнѣ, вѣроятно, пришлось бы очень мало писать о томъ, что я пишу, и мнѣ не надо было бы такъ часто употреблять выраженія „реальный трудъ", потому что тамъ трудъ,—только реальный трудъ. Къ стыду, къ позору человѣческому, мнѣ приходится говорить о реальномъ трудѣ, говорить о многихъ предметахъ, которые могутъ быть ясны и доступны даже дѣтямъ. Дай Богъ, чтобы это время миновало, и чтобы со временемъ моя брошюра служила лишь печальнымъ воспоминаніемъ того, что было и что прошло.

Чисто-ребячью самодѣятельность, — самодѣятельность марки Маркова,—т.-е. отсутствіе реальнаго труда, полное презрѣніе къ труду и представляетъ собой кричащая общественность нашихъ дней,—другими словами, рыцарство нашихъ дней. Чтобы стать благороднымъ человѣкомъ, въ средніе вѣка требовалось только посвя-

---

по уголовному процессу можетъ всякій, у кого есть языкъ, способности и наклонности оратора. Для этого совсѣмъ не надо проходить юридическій факультетъ. Я не хочу и не могу удѣлить этому вопросу много мѣста, но я долженъ сказать, что судъ присяжныхъ едва ли можно считать совершенной формой суда и признавать приговоръ присяжныхъ справедливымъ и объективнымъ. Это не судъ совѣсти, а судъ сердца. Судъ—учрежденіе государственное и созданъ въ интересахъ государственныхъ; сантиментальности здѣсь не мѣсто. Судъ долженъ быть правымъ, но именно съ точки зрѣнія жизненной правды и государственныхъ интересовъ. Судоговореніе же въ уголовномъ процессѣ окончательно извращаетъ идею, смыслъ и назначеніе суда. Назначеніе адвоката—вліять только на сердце, на воображеніе присяжныхъ и на слабыя человѣческія струнки. Онъ долженъ говорить красиво, долженъ говорить чувствительно, вліять именно на чувствительность присяжныхъ и туманить ихъ здравый смыслъ. Для этого не надо быть ни талантомъ, ни геніемъ; надо обладать, напротивъ, очень поверхностнымъ умомъ, но обладать особымъ даромъ очень невысокаго качества. Вѣдь, есть люди, обладающіе особыми талантами въ танцахъ; ноги ихъ сами собой такъ и ходятъ; но всякому ясно, что танцовальное искусство не высокаго качества, и званіе хорошаго танцора не даетъ никакихъ основаній думать, что обладатель вообще даровитый и великій человѣкъ, что онъ съ успѣхомъ протанцуетъ ногами и университетскій курсъ и способенъ дотанцоваться до министерскаго кресла. Какъ-будто для того, чтобы дойти до высокихъ государственныхъ ступеней достаточно имѣть хорошія ноги. А у хорошаго адвоката просто хорошо танцуетъ во рту языкъ. Танцоръ танцуетъ ногами, а адвокатъ языкомъ. Разница лишь въ томъ, что языкомъ можно дотанцоваться и до депутатскаго кресла, и во многихъ странахъ—даже до министерскаго. Но какъ въ танцахъ ногъ, такъ и въ танцахъ языка никакого содержанія, никакого глубокомыслія нѣтъ и не можетъ быть. Передъ нами притча Маклакова; и теперь ясно уже, что въ ней очень мало содержанія и правды, но я постараюсь показать, что въ ней не только никакого содержанія, но есть прямо преступный элементъ; между тѣмъ, многимъ милліонамъ читателей она показалась красивой, благородной, содержательной и глубокомысленной, какъ и цитата Казанцева. Но притчу читаютъ, ее можно обдумать, можно въ нее вникнуть и найти поводъ для критики. Но что сказать о рѣчи оратора? Вѣдь, она цѣликомъ дѣйствуетъ только на чувство; умъ, разсудокъ поневолѣ бездѣйствуютъ, и за правду сойдетъ ложь, за благородство—безчестный поступокъ, за остроуміе—форменная безсмыслица, лишь бы рѣчь была красива, нравилась слушателямъ, била по чувствительнымъ струнамъ ихъ сердца. Можно себѣ представить содержательность и глубокомысліе рѣчей Маклакова, если въ его притчѣ такой недостатокъ этихъ элементовъ.

щеніе въ рыцари. Теперь званіе благороднаго человѣка пріобрѣтается членскимъ взносомъ въ какое-либо общество. Общественность, это—моментальное электрическое благородство, пятиминутное рыцарство. Но мало того,—она даетъ всевозможные дипломы; мы уже видѣли, что въ наше время званіе родителя пріобрѣло особое значеніе, именно, знатока воспитанія и образованія; такъ же легко, за членскій рублевый взносъ въ общество народныхъ университетовъ, пріобрѣтается дипломъ знатока народнаго образованія и вершителя судебъ послѣдняго; за такой же взносъ въ общество поощреній женскаго образованія становишься ревнителемъ и знатокомъ женскаго движенія и вершителемъ его судебъ; стоитъ внести рубль въ общество охраненія народнаго здравія, и ты моментально превратишься въ профессора медицины и знатока нуждъ народнаго здравія. Чѣмъ не рыцарство, чѣмъ не рыцарскіе ордена добраго, стараго времени? Понятно, вся дѣятельность современныхъ рыцарскихъ орденовъ сводится къ такимъ же электрическимъ зарядамъ, къ моментальному духовному воздѣйствію идеями, преподносимыми въ доступной фор-

---

Долженъ признаться, что я ухватился за эту притчу, какъ утопающій хватается за якорь спасенія. Вѣдь, Тезяковъ, Клафтонъ, Казанцевъ, Марковъ, Гавриловъ, Крыловъ все это мелкая демократическая плотица, а въ лицѣ Маклакова мнѣ попался на удочку крупный демократическій сомъ. Такъ развѣ можно такой удачный уловъ не использовать полностью. И я прошу прощенія, что такъ долго задерживаюсь на жалкой притчѣ Маклакова.

Ясно, что судоговореніе въ уголовномъ процессѣ не только излишне, но даже вредно. Вѣдь, въ уголовномъ процессѣ есть только свидѣтели и улики. Все это проходитъ передъ глазами судей, а во всемъ этомъ они могутъ и должны разбираться. А если они не въ состояніи были разобраться, то рѣчи не помогутъ имъ, а только еще больше затуманятъ сознаніе. Ясно, что профессія уголовнаго адвоката—фиктивная, ничего реальнаго въ ней нѣтъ, никакихъ элементовъ реальнаго труда въ ней также нѣтъ, это—профессія вредная и тунеядческая.

По профессіи мы судимъ о человѣкѣ. Какое же основаніе мы имѣемъ думать, что профессіоналъ-адвокатъ обладаетъ какими-либо талантами государственнаго дѣятеля? Я позволяю себѣ говорить именно о Маклаковѣ потому, что въ такъ называемыхъ „кулуарныхъ“ министерствахъ неизмѣнно фигурируетъ его имя. Наоборотъ, профессія адвоката-уголовника, назначеніе которой, въ ущербъ правдѣ, туманить здравый смыслъ людей, исключаетъ какую-либо способность къ реальной, полезной дѣятельности. Объ отвѣтственной же и сложной работѣ государственнаго дѣятеля и говорить нечего; туда и близко нельзя подпускать профессіонала-адвоката, а чѣмъ слава адвоката выше, тѣмъ онъ опаснѣе для всякаго реальнаго дѣла, для торжества правды и здраваго смысла, тѣмъ больше тумана онъ наведетъ на всякую работу. А государственная работа базируется только на торжествѣ правды и здраваго смысла. Ея орудіе – жизненная правда, требующая огромной затраты и умственной и духовной энергіи. Работа государственнаго дѣятеля представляетъ работу не за страхъ, а за совѣсть; за жизненную правду, а не за славу и адвокатскіе гонорары. Для адвоката-профессіонала наиболѣе подходящей представляется дѣятельность митинговаго оратора, думскаго трибуна и вообще парламентарія. И здѣсь требуется только работа языка, умѣнье и охота напускать тумана на сознаніе простодушныхъ правдолюбцевъ. И здѣсь слава легко и быстро дается. Неужели же слава адвоката или слава парламентарія служитъ ручательствомъ и показателемъ государственной мудрости и государственнаго опыта? А если нѣтъ, то какое право имѣлъ Маклаковъ утверждать, что пассажиры умѣютъ управлять рулемъ и даже лучше шофера? Вѣдь, мы знаемъ пассажировъ только, какъ ораторовъ и критиковъ. Но кри-

мѣ,—другими словами, къ популяризаціи знаній, въ видѣ легкаго, забавнаго чтенія и всевозможныхъ разумныхъ развлеченій, вплоть до выставокъ. И вся бѣда, что такими пріемами, убивающими всякій реальный трудъ, всякую охоту къ труду, пытаются вызвать самодѣятельность населенія. Вредъ такой дѣятельностью, такой „популяризаціей“ наносится огромный; реальные же результаты мизерны и плачевны. Въ Самарѣ, напримѣръ, Общество Народныхъ Университетовъ свелось къ жалкому кинематографу въ саду. Общество борьбы съ дѣтской смертностью превратилось въ сверхъ-программное представленіе рыжаго клоуна; зовется оно продажей молока по сходной цѣнѣ. Общество поощренія женскаго образованія гордится грандіознымъ конкурсомъ 250 красавицъ на лонѣ природы, для чего устроено было благотворительное гулянье въ саду. А чѣмъ кончилась всемірная затѣя Общества Мира? Смертью Берты Зуттнеръ и всемірной войною. Все рыцари и турниры! Все цирки и рыжіе клоуны!... Въ древнее время послѣ турнировъ оставались на полѣ брани разбитые шлемы, обрывки одежды, цвѣты, которыми осыпали

тиковать легко; можно критиковать и великое твореніе великаго Маклакова, но изъ этого не слѣдуетъ, что критикъ обладаетъ талантами великаго оратора, еще болѣе великими, чѣмъ у Маклакова.

Еще болѣе возмутительна дерзость утвержденія, что пассажиры въ состояніи спасти страну отъ гибели; хотя въ притчѣ прямого такого утвержденія нѣтъ, но это ясно изъ всего содержанія притчи: шоферъ ведетъ автомобиль къ гибели, потому что не умѣетъ править машиной, а пассажиры умѣютъ править. И если вы спросите, чѣмъ же можно спасти страну, то вы получите универсальный отвѣтъ: свободой печати, неприкосновенностью личности, отвѣтственнымъ министерствомъ, свободой забастовокъ, союзовъ, реформой земства и всякими „прогрессивными“ реформами. И въ какой бы моментъ и по какому поводу вы ни зацали бы этотъ вопросъ, вы всегда получите тотъ же стереотипный отвѣтъ. Чѣмъ можно бороться съ голодовками? Свободой печати, забастовокъ и т. д. Чѣмъ можно бороться съ пожарами, эпидеміями? Свободой печати, забастовокъ и т. д. Чѣмъ можно побѣдить нѣмца? Свободой печати, забастовокъ и т. д. Чѣмъ усилить производство снарядовъ? Свободой печати, забастовокъ и т. д. Одна универсальность этихъ средствъ ставитъ отвѣтъ на высоту разгадки армянина. Но, вѣдь, помимо того, разъясненію смысла всѣхъ этихъ парламентскихъ средствъ, всѣхъ этихъ великихъ началъ французской революціи посвящена вся моя брошюра, и я имѣю право заявить, что эти средства—плодъ тунеядческаго измышленія, что они представляютъ одну аферу, одинъ шантажъ, что они нужны только тунеядцамъ и имъ только принесутъ пользу; наоборотъ, я имѣю право и основанія,—которыхъ нѣтъ у Маклакова,—утверждать, что передача руля въ руки пассажировъ приведетъ автомобиль именно къ гибели. И если бы я былъ въ числѣ пассажировъ автомобиля, и увидѣлъ бы, какъ нѣкоторые пассажиры хватаютъ шоффера за руку и хотятъ вырвать у него руль,—я въ ужасѣ закричалъ бы: „Караулъ! Городовой! Помогите, грабятъ!“

Но причинъ трагическаго положенія автомобиля можетъ быть еще много, и я могу еще много вопросовъ предложить Маклакову. Возможно, вѣдь, что и шоферъ знаетъ свое дѣло, возможно, что и пассажиры знакомы съ шофферскимъ искусствомъ, но причина трагическаго положенія въ самомъ автомобилѣ; конструкція ли его плохая, или онъ не приспособленъ къ крутымъ спускамъ, или же моторъ неожиданно испортился, какая-нибудь важная гайка отскочила—и не по винѣ шоффера, а потому, что сталь плохая, плохо закаленная и т.п. Развѣ эта возможность исключена? По моему, не только не исключена, но я много доводовъ, много труда

побѣдителей, а теперь остаются протоколы и резолюціи засѣданій.

XXX.

Въ средніе вѣка каждый рыцарь долженъ былъ продѣлать извѣстное число подвиговъ и получить нѣсколько ранъ; обычаи средневѣковаго рыцарства почти цѣликомъ сохранились среди нѣмецкаго корпоративнаго студенчества; нѣсколько шрамовъ на лицѣ, отсутствіе носа или всѣхъ ушей служитъ большой честью для нѣмецкаго бурша. Каждый современный рыцарь тоже долженъ совершить цѣлый рядъ подвиговъ: участвовать во всѣхъ обществахъ, голосовать за резолюцію, сотрудничать въ газетахъ, принимать участіе во всѣхъ сборахъ; главными же подвигами признаются: участіе въ забастовкахъ, бросаніе бомбъ и т. п. Универсальнымъ же подвигомъ, подготовкой къ демократическому званію признается сидѣніе въ тюрьмѣ. Что для рыцарей раны, для буршей шрамы, то для демокра-

---

потратилъ на то, чтобы показать, что причина всѣхъ причинъ всегда лежитъ въ самомъ народѣ, если автомобиль-народъ представляетъ—живой организмъ.

Возможно также, что пассажиры испугались, и, съ перепуга, имъ показалось, что автомобиль на краю гибели. Одинъ удачный поворотъ руля опытной рукой шоффера, и автомобиль будетъ внѣ опасности. Или развѣ не возможно, что пассажиры были пьяны, съ пьяныхъ глазъ имъ что-то показалось или же по пьяному обычаю они стали дебоширить, скандалить, тормошить шоффера, отнимать у него руль и т. п. Немудрено, что при такихъ условіяхъ автомобиль могъ очутиться на краю пропасти. Я первый буду свидѣтельствовать, съ брошюрой въ рукахъ и съ правдой на устахъ, что пассажиры были пьяны, что они опьянены особымъ народнымъ алкоголемъ, который легко достать и который забыли воспретить къ употребленію. Объ этомъ ядѣ, который зовется интеллигентностью, парламентаризмомъ, демократизмомъ, я много говорилъ. Вѣдь, вся моя брошюра, это—введеніе въ науку о народныхъ ядахъ.

Наконецъ, возможно, что среди пассажировъ были просто грабители, или, какъ ихъ по интеллигентному называютъ, экспропріаторы, которые воспользовались тѣмъ, что автомобиль очутился на крутомъ и опасномъ спускѣ, и подняли шумъ, начали кричать, что автомобиль въ опасности, и отнимать руль у шоффера съ единственной цѣлью завладѣть автомобилемъ. Развѣ эта возможность исключена? И развѣ въ такомъ случаѣ упорство шоффера не его гражданскій долгъ? Да я первый, съ той же брошюрой въ рукахъ и съ той же правдой на устахъ, буду свидѣтельствовать, что со стороны части пассажировъ была только экспропріаторская попытка и больше ничего.

Изъ всего сказаннаго ясно, что трагическому положенію автомобиля можно дать много объясненій, и что, по своему глубокомыслію, содержательности и остроумію, притча Маклакова всецѣло стоитъ на высотѣ загадки и разгадки армянина. Но есть и разница; загадка армянина невинная, а притча Маклакова возводитъ тяжелое обвиненіе на шоффера, даже одно изъ самыхъ тяжкихъ обвиненій. Но на какомъ основаніи? Развѣ былъ судъ, развѣ были представлены фактическія улики и неопровержимыя свидѣтельскія показанія? А самое главное,—развѣ былъ приговоръ суда? Вѣдь, такое обвиненіе можно бросить въ лицо человѣку только послѣ суда, послѣ того, какъ безпристрастный и правый судъ вынесъ обвинительный приговоръ. А, вѣдь, суда не было, а будь судъ, развѣ шофферъ не защищалъ бы свое достоинство и невинность, развѣ онъ, со своей стороны, не обвинялъ бы пассажировъ, не заявилъ бы,

товъ—тюрьмы, для газетъ—штрафы. Не даромъ самая вредная изъ русскихъ газетъ, „Русское Слово", печатаетъ (въ 1914 г.) бюллетень штрафовъ; это—нѣмое посвященіе въ рыцари, нѣмое поощреніе къ дальнѣйшимъ подвигамъ. Разныя есть профессіи въ мірѣ, но никто не подозрѣваетъ, что есть еще профессія... сидѣнія въ тюрьмѣ. Отъ газетъ требуется штрафной стажъ, а отъ каждаго индивида—тюремный стажъ. Рыцари такъ не гордились своими побѣдами на турнирахъ, бурши не такъ заносчиво выставляютъ напоказъ свои шрамы, какъ кичатся своимъ тюремнымъ прошлымъ интеллигенты. Когда я какъ-то высказалъ мысль, что демократы стремятся, главнымъ образомъ, къ популярности,—одинъ молодой демократъ, съ гордостью упомянувъ про свое тюремное прошлое, сказалъ: „неужели изъ-за популярности сидятъ въ тюрьмѣ?"

Этому молоденькому и скороспѣлому демократу и всѣмъ демократамъ, которые кичатся своимъ тюремнымъ стажемъ и всѣмъ

что они или съ ума сошли, или были пьяны, или просто хотѣли преступно завладѣть автомобилемъ. Прежде всего, его разсказъ подтвердилъ бы хозяинъ автомобиля, который знаетъ шоффера давно, знаетъ какъ честнаго человѣка и опытнаго шоффера, и довѣряетъ ему настолько, что онъ даже ввѣрилъ ему свой автомобиль, цѣлость котораго ему такъ же дорога, какъ пассажиру жизнь его матери. Шоферъ призвалъ бы еще много свидѣтелей, которые подтвердили бы разсказъ шоффера, и я первый пошелъ бы *подъ присягой* свидѣтельствовать, что пассажиры были пьяны и хотѣли преступно экспропріировать автомобиль. Маклаковъ повѣрилъ разсказу пассажировъ и, не выслушивая другой стороны, еще до судебнаго разбора дѣла, громогласно обвинилъ человѣка въ тяжкомъ преступленіи. Кому, кому, но юристу такое забвеніе азбуки юриспруденціи непростительно. Audiatur et altera pars! Надо выслушать и другую сторону!—это мудрое правило. Это мудрый идеалъ, которому не мѣшало бы стать общечеловѣческимъ, потому что въ немъ всѣ элементы вѣковѣчной истины, и который былъ извѣстенъ еще въ глубокой древности и на зарѣ юридическихъ наукъ. И мнѣ, профану, приходится напоминать профессіоналу-юристу о великомъ началѣ и морали права,—того права, которому Маклаковъ посвятилъ, яко-бы, всю свою жизнь. Онъ прекрасно помнилъ объ этой основѣ права, когда за приличные гонорары и славы ради ѣздилъ защищать подсудимыхъ и даже такихъ лицъ, преступленіе которыхъ не подлежало сомнѣнію; онъ въ каждомъ преступленіи находилъ оправдательные мотивы и не разъ исторгалъ оправдательные приговоры преступникамъ. Я не ставлю этого въ упрекъ Маклакову, но я спрашиваю,—почему онъ проявляетъ такую странную забывчивость, когда ему не предстоитъ гонораръ, почему онъ забываетъ тогда, что надо вникнуть въ обстоятельства дѣла, допросить свидѣтелей и самого виновника-шоффера? Что бы мы сказали о человѣкѣ, который голословно, бездоказательно, на основаніи какихъ-то слуховъ позоритъ, обливаетъ кого-либо грязной клеветой, обвиняетъ въ позорномъ дѣяніи? Повторяю, вѣдь, передъ нами притча, аллегорія; она относится къ опредѣленнымъ лицамъ и учрежденіямъ современности. Какого же мнѣнія мы будемъ о юристѣ, который внѣ своей адвокатской дѣятельности игнорируетъ всѣ основы права? Какую цѣну мы будемъ придавать мотивамъ его защитительныхъ рѣчей? Какую цѣну будемъ придавать благородству, пафосу, высокимъ идеаламъ, громкимъ словечкамъ и пышнымъ фразамъ, которыми блещутъ рѣчи такого юриста? Но если въ напечатанной притчѣ, надъ которой такъ или иначе приходилось думать при ея составленіи, мы нашли такіе перлы демократическаго пустословія и злословія, то что же сказать о политическихъ рѣчахъ Маклакова, которыя прославили его и создали ему славу одного изъ популярнѣйшихъ дѣятелей? Вѣдь, тѣ демократическіе перлы, которые обнаружилъ авторъ притчи, на

тѣмъ, которые въ своемъ ослѣпленіи не видятъ въ тюремномъ сидѣніи ни позора, ни преступленія,—я скажу тоже нѣсколько теплыхъ словъ.

О, вы, обиженные судьбой и Богомъ люди,—вы, которые когда-то звались недорослями, Митрофанушками, а теперь зоветесь демократами! Вѣдь, вы способны только на то, чтобы сидѣть по тюрьмамъ. Къ труду, къ реальному труду вы не пригодны, къ жизни, къ ея прозѣ и дѣйствительности вы не приспособлены, вы и избираете самую легкую профессію—шатаніе по тюрьмамъ. Вѣдь, тюрьма—позоръ! Да и какъ же можетъ быть иначе въ цивилизованномъ государствѣ, достигшемъ высокой степени гражданственности. Вѣдь, получается какая-то безсмыслица, какой-то изумительный парадоксъ жизни. Государственность, гражданственность, судъ, законы, полиція, администрація—все создано только въ интересахъ общества, народа, создано только для защиты порядка, жизни, имущества гражданъ и защиты именно общества отъ хулиганства, гра-

---

разговорномъ языкѣ зовутся сплетнями. Это просто пересуды и голословныя измышленія провинціальныхъ кумушекъ. А, вѣдь, сплетня Маклакова основана на словахъ пассажировъ, т.-е. на сплетняхъ и измышленіяхъ такихъ же ораторовъ и популярныхъ общественныхъ дѣятелей, которые, по сравненію съ такимъ сомомъ, какъ Маклаковъ, представляются мелкими карасями. Можно представить себѣ, сколько клеветы, сплетенъ, грязныхъ пересудовъ можно бы найти, если бы расшифровать всю прогрессивно-демократическую стряпню газетъ, обществъ, собраній, съѣздовъ. Прогрессивно-демократическое царство — сплошное царство сплетенъ и мелкихъ грязныхъ дрязгъ. Я позволяю себѣ такъ говорить, потому что я поймалъ преступника на мѣстѣ преступленія. Я обвиняю кого-либо только тогда, когда я его самъ своими глазами, своими ушами, своимъ сознаніемъ, длительнымъ процессомъ своего мышленія поймалъ на мѣстѣ преступленія. Я такъ поступаю потому, что я уважаю свое мнѣніе. А какъ я его буду уважать, если въ немъ не будетъ правды. А развѣ Маклаковъ питаетъ уваженіе къ своему слову, развѣ онъ можетъ питать къ нему уваженіе, если онъ позволяетъ себѣ высказать и даже обнародовать грязную, голословную сплетню? Какъ же онъ будетъ питать уваженіе къ чужому мнѣнію, если онъ не питаетъ уваженія къ своему мнѣнію? А, вѣдь, безъ того и другого не можетъ быть свободы слова, печати, мнѣній. О какой же свободѣ слова, печати проповѣдуетъ Маклаковъ, если онъ самъ своими ногами топчетъ истинную свободу слова, и топчетъ на глазахъ простодушныхъ и довѣрчивыхъ правдолюбцевъ, которые въ своемъ наивномъ ослѣпленіи увѣрены, что Маклаковъ борется съ врагами рода человѣческаго и народа русскаго. Такъ развѣ не ясно, что въ лицѣ русской власти, Маклаковъ и всѣ элементы падучей монархіи борются съ истинной правдой и истинной свободой; со словами правды на устахъ, они топчутъ правду подъ ногами. Если бы борьба съ властью велась на почвѣ правды и свободы, то Маклаковъ прибѣгалъ бы не къ голословнымъ обвиненіямъ, не къ пріемамъ провинціальныхъ сплетницъ, а обоснованно доказалъ бы, такъ, что не могло бы быть двухъ разныхъ мнѣній и сомнѣнія въ томъ, что русская власть повинна въ приписываемыхъ ей преступленіяхъ.

А тамъ, гдѣ сплетня,—тамъ бездѣлье, тунеядство, потому что сплетня пышно растетъ только на почвѣ тунеядства, только тамъ, гдѣ нѣтъ реальной работы, гдѣ избѣгаютъ такой работы и гдѣ все свое время убиваютъ не въ трудѣ, а въ сплетняхъ. Гдѣ сплетня,—тамъ легкій флиртъ, гдѣ легкій флиртъ,—тамъ сплетня. Это родные братъ и сестра, они неразлучны другъ съ другомъ, потому что оба выросли и растутъ на грязной тинѣ тунеядства. Ищите въ томъ и другомъ здраваго смы-

бежа, разбоя, шантажа и мошенничества. Конечно, ворамъ, грабителямъ, мошенникамъ, разбойникамъ—гражданственность не по-сердцу, имъ она стоитъ поперекъ горла. Но обществу? Ему остается въ своихъ же интересахъ оказывать только содѣйствіе власти и суду. Общество само должно стоять на-стражѣ законовъ и всемѣрно ихъ охранять. Законъ объективенъ и безпристрастенъ, а судъ нелицепріятенъ. Развѣ въ этомъ общество имѣло поводъ усумниться? Развѣ не по закону судятъ воровъ, грабителей и убійцъ? Развѣ въ Россіи можно безнаказанно грабить и убивать? Развѣ въ Россіи честный человѣкъ невинно попадетъ въ тюрьму за кражу или мошенничество? Конечно, ошибки возможны, но это ошибки добросовѣстныя. И развѣ общество не вѣритъ русскому суду и русскому закону? Развѣ оно не клеймитъ позоромъ тѣхъ, кого судъ заклеймилъ ворами, грабителями, разбойниками? Развѣ общество не знаетъ, не понимаетъ, не сознаетъ, что судъ обвиняетъ только преступниковъ, что судъ, законы для того и созданы, чтобы наказывать преступниковъ и ограждать общество отъ всякихъ преступныхъ элементовъ? Казалось бы, что об-

---

сла, глубокомыслія и дарованій шофферства, а тѣмъ болѣе государственнаго строительства!

Представимъ себѣ, что въ провинціальный городокъ пріѣхалъ бонвиванъ, легкомысленный прожигатель жизни, а, слѣдовательно, любитель флирта и сплетникъ. Впрочемъ, зачѣмъ намъ это представлять себѣ, когда у насъ есть для этого случая литературный типъ, созданный творчествомъ одного изъ величайшихъ геніевъ человѣчества—Гоголя. Зовутъ этотъ типъ Хлестаковымъ. Вотъ пріѣхалъ Хлестаковъ въ городокъ и, по обычаю всѣхъ Хлестаковыхъ, сталъ узнавать про мѣстныя сплетни и интересы; а затѣмъ, по обычаю тѣхъ же Хлестаковыхъ, сталъ напускать тумана и врать во-всю Ивановскую, объявивъ себя интеллигентомъ и демократомъ, т.-е. всезнайкой, знатокомъ государственныхъ нуждъ и дѣлъ, борцомъ за права и интересы народа. Навравъ въ три короба и давъ себѣ такую аттестацію, нашъ демократъ, въ подтвержденіе своихъ словъ и для того, чтобы дать имъ вѣсъ и авторитетность, по обычаю Хлестаковыхъ, перешелъ къ пріему легкаго флирта,—сталъ ухаживать за мѣстными дамами и говорить имъ любезности. А, какъ извѣстно, разъ за дамами и дѣвицами ухаживаютъ и говорятъ имъ любезности, онѣ готовы повѣрить всему, что угодно; онѣ повѣрятъ, что передъ ними не блондинъ, а брюнетъ, что онъ не хромаетъ на одну ногу и на двѣ совѣсти, а строенъ и прямъ, какъ тополь, хотя онъ именно блондинъ и хромаетъ по всѣмъ статьямъ. Надо, впрочемъ, правду сказать, что такой довѣрчивостью къ любезнымъ людямъ страдаютъ и многіе изъ мужчинъ; въ настоящее время въ этомъ отношеніи даже трудно отличить мужчину отъ женщины; теперь прогрессъ, двадцатый вѣкъ, и теперь все пошло шиворотъ-навыворотъ; теперь жужчины флиртуютъ съ мужчинами, а зовутся кавалеры популярными общественными дѣятелями; всѣ эти кавалеры—это все кандидаты въ министры общественнаго кабинета, всѣ они въ числѣ пассажировъ маклаковскаго автомобиля. Всѣ эти кавалеры, по обычаю Хлестаковыхъ, стараются блеснуть своимъ образованіемъ, напустить и тутъ тумана; они знаютъ, что провинціальныя дамы и барышни очень цѣнятъ и понимаютъ образованіе; достаточно для этого, какъ бы нечаянно, обронить цитату изъ Пушкина, Марлинскаго или изъ твореній Маркса, Жореса, Бернштейна; не важно и не бѣда, если перепутаешь авторовъ; дамы такъ огорошены обиліемъ знаній, и высокой степенью образованія своего кавалера, что впопыхахъ пропускаютъ мимо ушей такія тонкости; надо, конечно, очаровать дамъ галантностью своего обращенія, поперемѣнно мѣшать ласковыя улыбки, мимолетное пожатіе рукъ и случайные, но сочные поцѣлуи въ ручки или плечо съ небрежно брошеннымъ красивымъ словомъ или эфектнымъ замѣчаніемъ объ общечеловѣческихъ идеалахъ, свободахъ, великихъ началахъ фран-

щество должно клеймить всѣхъ преступниковъ, которые понесли наказаніе по суду; казалось бы, что у общества не должно быть сомнѣнія въ томъ, что всѣ, которыхъ наказалъ судъ по своей судейской совѣсти, ничто иное, какъ преступники. И въ самомъ дѣлѣ: развѣ демократы не преступники? Развѣ забастовка—не воровство, не грабежъ? Развѣ пропаганда насилія—не преступленіе? Развѣ демократизмъ, который посягаетъ на душу народа—не преступленіе? Развѣ это не афера, не шантажъ для того, чтобы экспропріировать власть и не только матеріальныя, но и духовныя богатства народа. Вѣдь, идетъ сплошная торговля прогрессивно-демократическимъ товаромъ. Вѣдь, газетная семья только и живетъ этой торговлей? А сколько всякихъ Митрофанушекъ живетъ куплей-продажей фальшивыхъ демократическихъ цѣнностей? И если законъ, если судъ караетъ демократовъ, то онъ ихъ караетъ именно какъ преступниковъ, какъ враговъ общества. И что же? Общество становится на сторону этихъ преступниковъ, на сторону своихъ враговъ, требуетъ отмѣны цензуры, отмѣны исключительныхъ положеній, амнистіи, какого-нибудь

цузской революціи. Надо, словомъ, поступать точь-въ-точь по рецепту знаменитаго гоголевскаго героя, и провинціальныя дамочки съ усами, и безъ усовъ будутъ таять отъ восторга и упоенія, а вѣра въ демократизмъ, образованность, глубокомысліе, геніальность ихъ галантнаго кавалера будетъ расти и расти. Но окончательно онѣ увѣруютъ въ своего кавалера и повѣрятъ даже, что онъ президентъ тарабарской республики на Марсѣ, если только кавалеръ догадается, по обычаю Хлестаковыхъ, пустить какую-нибудь злостную сплетню про какую-нибудь изъ пріятельницъ. Нельзя доставить дамочкѣ больше удовольствія, какъ такимъ путемъ. Сплетня про пріятельницу, это—верхъ любезности со стороны кавалера, это шедевръ и основа легкаго флирта. Гдѣ флиртъ, тамъ и сплетня; гдѣ сплетня, тамъ и флиртъ; это родные братъ и сестра. А, какъ извѣстно, вѣра въ человѣка, уваженіе къ нему находятся въ прямой зависимости лишь отъ той степени любезностей и удовольствія, которыя доставилъ этотъ человѣкъ. Это простая житейская психологія. Для взяточника нѣтъ болѣе уважаемаго, болѣе достойнаго уваженія человѣка, чѣмъ лицо, дающее взятку. Для провинціальной дамы нѣтъ болѣе уважаемаго человѣка, чѣмъ флиртующій и сплетничающій кавалеръ. Кто любитъ сплетни,—для того сплетня самая лучшая взятка. Кто любитъ флиртъ, для того ухаживаніе и любезности—самая лучшая взятка. Уваженіе, популярность пріобрѣтаются взятками. Хожденіе на заднихъ лапкахъ—тоже взятка. Гдѣ тунеядство, гдѣ стремятся существовать хожденіемъ на заднихъ лапкахъ, сплетнями, флиртомъ,—тамъ царитъ взяточничество.

Хлестаковъ, это—просто сплетникъ; гдѣ сплетня, тамъ Хлестаковщина. Вотъ и пріѣхалъ такой Хлестаковъ,—звать его, что ли, Маклаковъ, — въ провинціальный городъ и сразу обворожилъ всѣхъ дамъ своей галантностью и всѣми пріемами гоголевскаго героя. Коротко говоря, обворожилъ ту политическую даму, которая зовется общественнымъ мнѣніемъ. Развѣ обратятъ дамы вниманіе на какого-нибудь труженика, хотя бы шоффера, который занятъ своимъ дѣломъ и только дѣломъ и ведетъ трудовую жизнь, брезгая бездѣльемъ и вмѣшательствомъ въ чужія дѣла, далекій отъ благороднаго флирта и даже отъ сплетенъ. Ну, понятно, Маклакову слава, почетъ, популярность, ему готовы не только кошельки изъ кармановъ отдавать, но и министерскіе портфели преподносить. А бѣдный труженикъ-шоффферъ — въ полномъ загонѣ; мало того,—чтобы угодить дамамъ, Маклаковъ еще, по обычаю Хлестаковыхъ, пустилъ про шоффера сплетню, и, находясь въ автомобилѣ съ политической дамой сердца своего (а отнюдь не съ матерью своей), началъ тормошить шоффера, издѣваться надъ нимъ и вырывать у него изъ рукъ руль въ угоду дамѣ сердца своего, съ которой онъ флиртовалъ, и которая приходила въ телячій восторгъ отъ этихъ продѣлокъ своего галантнаго кавалера и отъ той сплетни, кото-

Бурцева возводитъ въ герои, требуетъ неприкосновенности личности,— мало того, возводитъ въ героевъ преступниковъ, если ихъ преступленіе зовется политическимъ преступленіемъ. Причемъ тутъ кличка? Вѣдь, это то же воровство, тотъ же грабежъ, тотъ же шантажъ. Вѣдь, это названіе выдумано только для того, чтобы одурачить простодушнаго обывателя, втереть ему очки. Политическое преступленіе—самое обыкновенное преступленіе, та же кража, тотъ же грабежъ. Но современные грабители, чтобы безопаснѣе грабить, пустили въ ходъ утку, что они грабятъ, насилуютъ, шантажируютъ въ интересахъ народа. Вся моя брошюра посвящена этому вопросу, и я имѣю право крикнуть во весь голосъ, что это ложь, что это издѣвательство надъ правдой. До интересовъ, до реальныхъ интересовъ народа демократамъ никакого дѣла нѣтъ; они приносятъ народу, государству сплошной, ужасный и непоправимый вредъ. Это они пустили въ обращеніе новый терминъ: „политическое преступленіе“, но это только старая погудка на новый ладъ, это самые обыкновенные преступники, и обществу надо только съ уваженіемъ относиться къ пригово-

---

рую Маклаковъ пустилъ по адресу шоффера. Я свидѣтельствую, что въ автомобилѣ не было матери Маклакова, а была только дама, съ которой онъ флиртовалъ, потому что изъ любви къ матери совсѣмъ нѣтъ надобности прибѣгать къ сплетнямъ и къ дѣтскимъ выходкамъ, вродѣ вырыванія руля у шоффера. Сплетни и такія выходки входятъ въ составъ легкаго флирта, и примѣняются только въ угоду дамѣ, за которой ухаживаютъ. Поэтому я свидѣтельствую, что Маклаковъ сказалъ неправду; въ автомобилѣ была не его мать, а дама, съ которой онъ флиртовалъ.

Пусть каждый оглянется вокругъ себя и захочетъ дать себѣ отчетъ въ окружающемъ, пусть онъ уяснитъ себѣ характеръ и смыслъ маклаковской притчи, и онъ съ ужасомъ убѣдится, что демократизмъ—одна хлестаковщина, что онъ держится только флиртомъ и сплетнями,—другими словами, ухаживаніемъ за той провинціальной дамочкой, которая зовется общественнымъ мнѣніемъ. Въ основѣ этого — подкупъ, взяточничество. Хлестаковъ, это — бонвиванъ, прожигатель жизни, живущій легкимъ флиртомъ и сплетнями. Что Хлестаковъ, что Маклаковъ—одного поля ягоды; что Митрофанушки, что Иванушки—одного поля ягоды. Все тунеядство, все легкій трудъ; все зовется демократъ, популярный общественный дѣятель, пассажиръ маклаковскаго автомобиля. Матушка-Россія туго движется впередъ. Какъ жила во времена Гоголя Хлестаковщиной, сплетнями и пересудами, такъ и живетъ. Если бы Гоголь воскресъ, онъ бы подумалъ, что онъ и не умиралъ; все осталось попрежнему, и Россія осталась такой, какой она геніально обрисована въ комедіи „Ревизоръ“; названія, клички только перемѣнились. Хлестаковы теперь зовутся демократами, интеллигентами, популярными общественными дѣятелями, депутатами парламента. Хлестаковщиной, сплетнями, пересудами кишмя-кишитъ Россія; однихъ газетъ, обществъ сколько развелось! Кишмя-кишитъ гоголевскій провинціальный муравейникъ, куда больше волнуется, кипитъ, варится въ котлѣ Хлестаковщины, въ горнилѣ сплетенъ и пересудовъ. Вся общественность, весь парламентаризмъ, весь демократизмъ, это — безъ малѣйшихъ пропусковъ безсмертная комедія Гоголя въ жизни и ея дѣйствительности. Все старая, старая тина, все отдаетъ гнилью, все застыло на идеалахъ и жизни тридцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Что обиднѣе, что досаднѣе всего, что всю эту старинную музыку временъ прадѣдовскихъ зовутъ прогрессомъ. Живыхъ же людей, дѣйствительно работающихъ и стремящихся итти впередъ,—тѣхъ, кому Хлестаковщина съ ея затхлой атмосферой тунеядства и сплетенъ противна и омерзительна, — тѣхъ зовутъ черносотенцами, чернымъ блокомъ. Ну, и времена же настали!..

Долженъ признаться, что я совсѣмъ не считаю Хлестакова преступникомъ; краснобайство, флиртъ, сплетни—просто слабости человѣческія на фонѣ общаго

рамъ суда, какъ оно относилось до сихъ поръ къ суду и его приговорамъ.

Такъ развѣ не гипнозъ, не дьявольское навожденіе, что вора, разбойника, грабителя и афериста возводятъ въ герои, превозносятъ до небесъ, только потому, что преступники дали своимъ преступленіямъ новыя клички: экспропріація, забастовка, террористическій актъ, агитація, прокламація и т. п. Развѣ не ужасъ жизни, не преступный психозъ, если тюрьму начинаютъ считать почетнымъ мѣстомъ, если перестаютъ поклоняться тому, что заслуживаетъ поклоненія: суду, законамъ; если начинаютъ третировать, презирать судъ, а начинаютъ поклоняться преступленію, и чтить преступниковъ. Куда итти дальше въ ослѣпленіи и гипнозѣ! Для всякаго нормальнаго человѣка ясно, что судъ по закону и по своей судебной совѣсти наказываетъ и можетъ наказывать только преступниковъ, что онъ самая надежная опора общества и самый вѣрный защитникъ его интересовъ. Безпристрастный же анализъ демократизма, кото-

---

бездѣлья. Я даже готовъ допустить, что Маклаковъ добросовѣстно заблуждался, что онъ нисколько не сомнѣвался въ правдивости разсказа пассажировъ, въ томъ числѣ и самого Маклакова, что дѣло происходило такъ, какъ описано въ притчѣ. Я готовъ даже допустить, что въ автомобилѣ была не дама для флирта, а родная мать автора притчи. Словомъ, я готовъ допустить со стороны Маклакова добросовѣстную ошибку и настолько, что онъ забылъ всѣ основы права и морали. Правда, такая забывчивость едва ли даетъ основаніе думать, что пассажиру можно довѣрить такое отвѣтственное дѣло, какъ управленіе автомобилемъ, но съ извѣстной натяжкой можно предположить, что преступнаго элемента здѣсь нѣтъ, и что Маклаковъ изъ любви къ матери изъ мухи сдѣлалъ слона. Но есть обстоятельство, которое представляетъ намъ весь инцидентъ въ иномъ, безспорно преступномъ видѣ. Вѣдь, если въ автомобилѣ была родная мать Маклакова, то, вѣдь, шоффером былъ родной братъ Маклакова, и Маклаковъ не сообщилъ, что въ автомобилѣ была родная мать и шоффера. Вотъ тутъ о забывчивости и о добросовѣстномъ заблужденіи и рѣчи быть не можетъ. Тутъ пахнетъ преступленіемъ. Я умышленно посадилъ шоффером родного брата автора-пассажира, чтобы сразу освѣтить инцидентъ во всей его преступной полнотѣ, но постановка вопроса нисколько не мѣняется отъ того,—будетъ ли шоффером Горемыкинъ, Щегловитовъ или на-дняхъ назначенный Хвостовъ. Вѣдь, *мать*, о которой повѣствуетъ Маклаковъ, это—родина, Россія. Такъ развѣ это не родная мать и для русской власти, вышедшей изъ народа же? Развѣ интересы народа не въ одинаковой степени дороги каждому сыну ея, кто бы онъ ни былъ: министръ, шоффер, пассажиръ, адвокатъ и т. п. Если только Маклаковъ говоритъ правду,—въ чемъ я теперь уже опять сомнѣваюсь, — что въ автомобилѣ была его родная мать, то онъ забылъ сообщить, что мать его въ то же время и родная мать шоффера. Тутъ уже не можетъ быть рѣчи о добросовѣстномъ заблужденіи,—тутъ умышленное утаиваніе обстоятельствъ дѣла. Вы начинаете догадываться, что никакой матери и не было въ автомобилѣ. Развѣ именемъ матери пользуются для того, чтобы возвести на человѣка ложное обвиненіе? Очевидно, авторъ притчи совсѣмъ не уважаетъ своей матери и ему до нея и дѣла никакого нѣтъ.

Сказка Маклакова предстала теперь передъ нами въ полномъ освѣщеніи. Маклаковъ выбѣжалъ на газетную улицу и на всю Россію закричалъ, что шоффер хотѣлъ погубить автомобиль и заодно мать Маклакова. Чувствительная публика, — какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, — взволновалась, и попадись ей въ эту минуту шоффер, она бы съ нимъ расправилась судомъ Линча. Но дѣло дошло до суда,—чего, очевидно, не ожидалъ крикунъ, надѣясь, повидимому, что шоффер погибнетъ отъ самосуда дикой и невѣжественной толпы, и истина не

рый я далъ выше, доказываетъ съ несомнѣнностью, что суду русскому надо вѣрить, что онъ караетъ только преступниковъ. Я доказывалъ, что демократизмъ, интеллигентность только тунеядство. А что такое грабежъ, воровство, афера,—какъ не тунеядство? Отъ тунеядства къ грабежу—одинъ шагъ; разъ человѣкъ питаетъ отвращеніе къ труду, то онъ стремится, онъ вынужденъ добывать себѣ средства къ жизни легкой наживой, тѣмъ или инымъ преступнымъ пріемомъ. Для меня, наоборотъ, ясно, что всякая кража, всякій грабежъ происходятъ вслѣдствіе тунеядства, вслѣдствіе отвращенія къ полезному, реальному труду. А развѣ вору, аферисту не грозитъ тюрьма? Развѣ онъ этого не знаетъ? Развѣ онъ ежеминутно и сознательно не рискуетъ попасть въ тюрьму? Но отвращеніе къ труду, тунеядство въ немъ такъ сильно развито, онъ такъ мало приспособленъ къ труду, что онъ *предпочитаетъ тюрьму труду*. Иному даже трудъ вора кажется непосильнымъ, онъ признаетъ только тюрьму, гдѣ ему полный отдыхъ; онъ идетъ красть не для кражи, а спеціально для того, чтобы попасть въ тюрьму. И только диву даешься, по-

---

выплыветъ наружу. Но дѣло дошло до суда. И первымъ дѣломъ на судѣ выяснилось, что мать, о которой такъ убивался крикунъ, —родная мать шоффера же. Свидѣтельскими показаніями выяснилось, что шоффѣръ горячо любитъ свою мать и преданъ ей. Объ этомъ, между прочимъ, свидѣтельствовалъ подъ присягой и я со своей брошюрой въ рукахъ и съ правдой на устахъ. Мало того, — отецъ, которому мать его дѣтей такъ же дорога и мила, показалъ, что онъ ввѣрилъ мать сыну-шоферу потому, что вѣритъ ему, знаетъ его горячую и искреннюю любовь къ матери. Другому же сыну онъ не довѣряетъ, ни за что не поручилъ бы управленіе автомобилемъ, въ которомъ находится мать его дѣтей, потому что это легкомысленный человѣкъ, который только то и дѣлаетъ, что, на манеръ Хлестакова, флиртуетъ съ той провинціальной дамочкой, которая зовется общественнымъ мнѣніемъ, и что, въ угоду ей, занимается сплетнями. Въ томъ порукой и притча Маклакова, которая могла понравиться только невѣжественной, стадной толпѣ, но въ глазахъ умныхъ и безпристрастныхъ судей оказалась самой грозной уликой.

Оказывается, шоффѣръ обвиняется въ самомъ тяжкомъ преступленіи, которое только существуетъ въ мірѣ,—именно, въ покушеніи на жизнь родной матери. Тѣмъ тяжелѣй вина автора притчи, автора обвиненія, — попросту говоря, доноса. Въ доносѣ нѣтъ ничего преступнаго; наоборотъ, если доносъ справедливый, то онъ заслуживаетъ полнаго поощренія и одобренія. Наоборотъ, укрывательство преступленія карается, какъ само преступленіе. Но на судѣ выяснилось, что въ доносѣ умышленно утаенъ завѣдомо извѣстный автору доноса и безспорный фактъ, имѣющій для дѣла чрезвычайно важное значеніе и рисующій все дѣло совершенно въ иномъ свѣтѣ. Двухъ мнѣній о такомъ доносѣ не можетъ быть: это близко подходитъ къ понятію ложнаго доноса. Правильнѣе сказать, что это — доносъ, сдѣланный съ явно преступной цѣлью погубить шоффера, и, какъ явствуетъ изъ всего содержанія притчи, гибель шоффера нужна была для того, чтобы завладѣть автомобилемъ и занять его мѣсто. Намъ теперь ясно, что никакой матери не было въ автомобилѣ; была только дама для флирта; что никакой любви къ матери авторъ притчи не питаетъ, потому что не злоупотребляетъ именемъ любимой матери для того, чтобы погубить невиннаго человѣка.

Вотъ объективная и правдивая расцѣнка „благородной, умной, геніальной“ притчи Маклакова, которая, вѣроятно, кочуетъ по всей Россіи, всюду вызывая телячій восторгъ. Притча эта только небольшой эпизодикъ той сплошной демократической Хлестаковщины, того демократическаго доносительства, того демо-

чему такого вора не превращаютъ въ героя, не просятъ для него амнистіи, не требуютъ отмѣны наказаній для воровъ, грабителей и т. п. любителей тюремнаго режима.

Тунеядство фатально ведетъ къ преступленію. Это должно, мнѣ кажется, стать аксіомой. Если отдать себѣ ясный отчетъ, что такое судъ и законы, то всякій признаетъ ту истину, что ихъ назначеніе—борьба съ тунеядствомъ. Тогда станетъ ясной, логичной та аксіома, что *политическое преступленіе ничто иное, какъ тунеядство*. Иной изъ тунеядцевъ идетъ въ воры, а иной поумнѣе обходитъ это вульгарное занятіе и званіе и идетъ въ политическіе преступники. Получается то же жаркое, но подъ другимъ соусомъ,—а подъ соусомъ, какъ извѣстно, въ ресторанахъ всякую тухлятину преподносятъ. Нуженъ повальный гипнозъ, чтобы превратить судью, стоящаго на-стражѣ законовъ, въ преступника, а преступника—въ героя; преступленіе—въ геройство, въ актъ, отвѣчающій интересамъ народа. Необходимъ моральный переворотъ въ обществѣ, въ его настроеніяхъ, чтобы тюрьму превратить въ школу героевъ, въ какой-то храмъ благородства и подвиговъ, а чтобы сидѣніе въ тюрьмѣ лучше и быстрѣе ума, талантовъ, образованія открывало двери во всѣ учрежденія, во всѣ гостиныя. И обыкновенный убійца, и террористъ—оба одинаково герои, оба одинаково идутъ заранѣе на вѣрную каторгу, на вѣрную смерть. Ура! да здравствуетъ преступленіе, да здравствуетъ убійство! Какого-то Бурцева произвели въ герои. А что такое Бурцевъ? Обыкновенный сыщикъ, такой же сыщикъ, какъ и всякій охранникъ. Но охранники гнались за провокаторами изъ одного лагеря, а Бурцевъ гонится за провокаторами изъ другого лагеря. Вѣдь, забастовки, терроръ, демократизмъ—та же провокація. Азефовщина—та же провокація. Но азефовщина выросла на демократизмѣ. Каждое дѣйствіе вызываетъ противодѣйствіе. Провокація родитъ провокацію. И что же? Обыкновеннаго сыщика произвели въ геніи, въ таланты, въ олицетвореніе благородства. А самъ герой мнитъ себя китайскимъ императоромъ. Когда гдѣ торжество, онъ шлетъ привѣтственныя телеграммы. Когда умеръ Челышевъ,

---

кратическаго ханжества, тунеядства, пустословія; той преступной аферы, того преступнаго знахарства, всезнайства, бездѣлья и вмѣшательства въ чужія дѣла, въ совершенно незнакомую и непосильную область, о которыхъ я говорилъ въ своей брошюрѣ. Я, конечно, очень радъ, что на твореніи такого демократическаго сома, какъ Маклаковъ, читатели будутъ имѣть лишній поводъ убѣдиться, что я въ своемъ писаніи руководился одной правдой, что я говорилъ о преступленіи только потому, что ловилъ преступниковъ на мѣстѣ преступленія и только тогда, когда они попадались въ преступленіи.

Притча же Маклакова служитъ также подтвержденіемъ, что бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ. Бѣда, коль адвокатъ берется писать притчи; бѣда, коль адвокатъ, врачъ и всякій обыватель лѣзетъ въ государственные дѣятели и даже министры; бѣда, когда, вмѣсто своего дѣла, люди занимаются сплетнями и критикой того, что дѣлаютъ другіе. Я только жалѣю, что исторія объ этой притчѣ случайно попала въ примѣчаніе, гдѣ ей не мѣсто, потому что притча поздно попалась мнѣ на глаза.

онъ откликается на его смерть телеграммой. Чѣмъ не вдовствующая китайская императрица?

Казалось бы, нѣтъ ничего легче, какъ попасть въ тюрьму,—было бы только желаніе,—а, между тѣмъ, георгіевскій кавалеръ такъ не гордится своимъ орденомъ, какъ демократъ своимъ тюремнымъ сидѣньемъ. Между тѣмъ, трудиться, работать годами, добиваться положенія, должности упорнымъ трудомъ, умомъ, талантами не всякій способенъ, не у всякаго есть охота. Но скажите, пожалуйста, кто не способенъ... бастовать? Кого не прельститъ этотъ тяжелый трудъ и профессія забастовки, заключающіеся въ такомъ изумительномъ занятіи, какъ отдыхъ съ пѣньемъ и пляской. Въ сказкахъ часто разсказывается про Иванушку-дурачка, который ни на что не былъ способенъ и не могъ себѣ подыскать какого-либо подходящаго занятія. Дожилъ бы онъ до нашего времени и сразу сталъ бы забастовщикомъ. Бастовать, вѣдь, всякій дуракъ способенъ. Отсидѣлъ такой дуракъ день-другой, мѣсяцъ-третій, — смотришь, сталъ персоной, интеллигентомъ, образованнымъ человѣкомъ, борцомъ и мученикомъ за общечеловѣческіе идеалы. Казанцевъ въ своемъ великомъ твореніи забылъ прибавить, что эти идеалы познаются не только путемъ популяризаціи, но и путемъ сидѣнія въ тюрьмѣ. Другой Иванушка-дурачокъ только еще, пожалуй, въ лакеи годится, да и то пополамъ съ грѣхомъ; двухъ мыслей связать не можетъ; наука для него, что скала стопудовая,—ни прошибешь, ни съ мѣста не сдвинешь; но и онъ, по системѣ Казанцева, быстро постигъ науку демократіи, науку общечеловѣческихъ идеаловъ, всезнайства и знахарства, и самъ, ничему не научившись, пошелъ учить крестьянъ и рабочихъ, и весь родъ людской уму-разуму; дальше того знахаря, который лечитъ по рецепту: „надо пить и ѣсть“, онъ не пошелъ и, какъ попугай, повторялъ только тунеядческую поговорку: „земля только для крестьянъ и должна быть имъ отдана, фабрики и орудія производства должны принадлежать рабочимъ“,—другими словами, повторялъ только старо-римскій, грабительскій и тунеядческій мотивъ: „хлѣба и зрѣлищъ!“ Я готовъ побиться объ закладъ, что изъ милліардовъ не окажется ни одного, кто не считалъ бы себя способнымъ проповѣдывать такую грабительскую науку; охотниковъ, правда, не такъ много нашлось бы. Само собой понятно, что и крестьяне, и рабочіе, и всякіе интеллигентные Діогены весьма быстро воспринимаютъ такое образованіе; малограмотный обыватель Ивановъ тому порукой. Но, вѣдь, это призывъ къ грабежу, это—форменный грабежъ. Сидѣть въ тюрьмѣ за грабежъ—позоръ... Вы думаете, читатель? Такъ вы, очевидно, житель надлунныхъ міровъ, а не грѣшницы-земли. На землѣ это почетъ, своего рода аттестатъ зрѣлости, дипломъ высшаго учебнаго заведенія, который открываетъ его владѣльцу,—другими словами, арестанту,—двери во всѣ учрежденія. Третій Иванушка-дурачокъ двухъ простыхъ, житейскихъ мыслей связать не можетъ, связно изложить на бумагѣ двухъ словъ не можетъ, если только эти слова должны представлять не наборъ словъ, а мысль, простую, но оригинальную мысль. Вѣдь, для такой мысли

нуженъ трудъ, нуженъ старинный реакціонный аппаратъ, который зовется собственной головой, надо этотъ аппаратъ привести въ дѣйствіе, заставить его и себя работать. Зачѣмъ вся эта музыка, вся эта суетня, когда существуютъ готовыя мысли, готовыя программы, схемы, притомъ на почвѣ всѣмъ понятныхъ, всѣмъ доступныхъ, всѣмъ пріятныхъ общечеловѣческихъ идеаловъ. И Иванушка-дурачокъ, въ былое время мечтавшій хотя бы о карьерѣ писца въ полицейскомъ управленіи или у нотаріуса, идетъ теперь въ редакторы, секретари и сотрудники газеты,—другими словами, въ губернаторы губерніи и диктаторы цѣлой области, идетъ въ ораторы на митингахъ, въ гласные Думы, въ завѣдующіе любымъ отдѣломъ земства, въ депутаты парламента, и всюду говоритъ такія же глубокомысленныя и содержательныя рѣчи, какъ нашъ прогрессивный домовладѣлецъ о пожарахъ, пишетъ такіе же глубокомысленные шедевры, какъ выше цитированный шедевръ Казанцева. Все пропитано тѣмъ же грабительскимъ мотивомъ: „хлѣба и зрѣлищъ“, и если за этотъ грабежъ посадятъ Иванушку въ тюрьму или сошлютъ въ Вятку, то онъ зовется теперь не Иванушкой-дурачкомъ, не Митрофанушкой, не арестантомъ, а популярнымъ общественнымъ дѣятелемъ. Карьера четвертаго дурачка-Иванушки намъ извѣстна; за рублевый членскій взносъ онъ дѣлается спеціалистомъ по любой спеціальности, а то и по нѣсколькимъ сразу, стоитъ ему записаться членомъ нѣсколькихъ обществъ.

И сидитъ въ обществѣ такихъ, не то недорослей Митрофанушекъ, не то дурачковъ-Иванушекъ, человѣкъ 20—30 и мудро рѣшаютъ любой вопросъ,—какого бы сложнаго характера онъ ни былъ, какое бы высокое государственное и народное значеніе онъ ни имѣлъ,—будь то вопросъ народнаго образованія, народнаго здравія, народной трезвости и т. п. Всѣ эти вопросы они рѣшаютъ очень быстро и такъ же мудро, какъ нашъ домовладѣлецъ рѣшилъ вопросъ о пожарахъ. Всѣ они считаютъ себя Соломонами. Да откровенно говоря, не трудно стать Соломономъ въ наше время; надо для этого объявить, что пожары зависятъ только отъ того, что нѣтъ свободы слова, и что тушить пожары можно только свободой слова и отвѣтственнымъ министерствомъ; нѣтъ образованія, царитъ невѣжество, некультурность только оттого, что нѣтъ свободы слова и отвѣтственнаго министерства; всѣ болѣзни надо лечить свободой слова, всѣ бациллы разбѣгутся въ разныя стороны только отъ неприкосновенности личности, а дѣтская смертность моментально прекратится, какъ только будетъ призвано къ власти отвѣтственное министерство или, по крайней мѣрѣ, министерство изъ лицъ, облеченныхъ общественнымъ довѣріемъ. Такими реформами какъ рукой сниметъ дороговизну жизни, особенно, если выгнать изъ городовъ всѣхъ домовладѣльцевъ, а на ихъ мѣсто посадить квартиронанимателей; послѣднихъ посадить и по думамъ и всякимъ управамъ. Общее же счастье настанетъ, когда всѣ фабрики и заводы отдадутъ рабочимъ, магазины приказчикамъ, а землю крестьянамъ. Какъ же не чувствовать себя Соломономъ и не мѣтить въ депутаты парламента. Вѣдь,

мысли, идеи готовы; планъ ясенъ: ругать министровъ, начальство, всѣхъ здравомыслящихъ людей. Надо только забыть о томъ, что есть правда, помнить одно: лги, клевещи, будируй, провоцируй, щедрой рукой раздавай чужое добро, но не унывай и знай, что тебя ждетъ тюрьма и блестящая будущность.

Ну, скажите по совѣсти, читатель, какіе таланты, какія усилія ума нужны для того, чтобы попасть въ тюрьму, стать героемъ, рыцаремъ современности и создать себѣ карьеру. А безъ тюрьмы въ наше время пропадешь съ голоду и безработицы. Попробуйте-ка сунуться въ любое городское, земское и даже правительственное или частное учрежденіе, если вы не имѣете за собой тюремнаго и вообще демократическаго стажа. Обращаетесь къ секретарю, завѣдывающему или столоначальнику. А тотъ, тонко улыбаясь, обязательно требуетъ послужного списка. И если въ послужномъ спискѣ сказано, что вы состоите членомъ общества хожденія на головѣ, ломанія стульевъ или плеванія въ потолокъ, что вы участвовали въ 17 забастовкахъ, трижды высылались административнымъ порядкомъ, пять разъ сидѣли въ разныхъ тюрьмахъ и числитесь теперь въ бѣгахъ изъ ссылки,—то смѣло можете быть увѣрены, что любое мѣсто за вами, а хозяинъ учрежденія и не подозрѣваетъ, за какія заслуги вы попали къ нему на службу. Вѣдь, демократовъ въ каждомъ учрежденіи—хоть прудъ пруди, и каждый съ демократическимъ, а многіе и съ тюремнымъ прошлымъ. Вѣдь, тюрьма—самое почетное учрежденіе теперь въ Россіи; говорятъ о школахъ, университетахъ, желѣзныхъ дорогахъ, толкуютъ, пишутъ о томъ, о семъ, а каждый мечтаетъ лишь объ одномъ, какъ бы ему попасть въ святая святыхъ, въ этотъ рай земной,—въ... россійскую тюрьму. Попалъ въ учрежденіе демократъ съ тюремнымъ прошлымъ и тащитъ за собой еще съ десятокъ. А въ сотрудники газеты безъ этого почетнаго диплома ни за что не попадешь. Вообще теперь радѣютъ не родному, а тюремному человѣчку, т.-е радѣютъ не по симпатіи, а по запаху, а радѣютъ всѣ, всѣ: и дамы-патронессы, и секретари въ управахъ, и столоначальники въ учрежденіяхъ, и завѣдующіе отдѣлами въ земствахъ и т. д. И какъ манны небесной, ждетъ демократъ тюремнаго отдыха; отсидѣлъ—и будущность его, и кусокъ хлѣба для него и для семьи обезпечены. И все потому, что, вмѣсто словъ: „грабежъ“, „воровство“, „убійство“, придумали названіе: „политическое преступленіе“. А тюремный стажъ, всякая общественность замѣняютъ Митрофанушкамъ и Иванушкамъ всякіе дипломы, аттестаты зрѣлости; они имъ дѣлаютъ карьеру и даютъ имъ положеніе въ обществѣ.

Воображаю, что́ за переполохъ произошелъ бы среди Митрофанушекъ и Иванушекъ, если бы перестали карать „политическія преступленія“ тюрьмой. Я убѣжденъ, что всѣ административныя лица были бы завалены курьезными слезницами, вродѣ слѣдующей:

„Не имѣя службы и находясь въ бѣдственномъ положеніи, обращаюсь къ В. П-ву съ покорнѣйшей просьбой. Дѣло въ томъ, что

вести подленькую жизнь пошлаго буржуя я не въ состояніи. Я способенъ только бороться за общечеловѣческіе идеалы, такъ какъ убѣжденъ, что идея, какъ паръ, двигаетъ „міровыя колеса". Могу я развѣ удовлетвориться земной житейской прозой и тяжелой, жалкой работой сѣраго люда, безъ всякаго протеста несущаго ничтожный и скучный удѣлъ человѣка? Мнѣ нужна работа газетнаго пролетарія, которая не идетъ дальше разговоровъ, или, какъ говорятъ реакціонеры, дальше пустой болтовни о высокихъ матеріяхъ на зло пошлой жизни и ея глупой правдѣ. Воевать, бороться съ жизнью, съ ея прозой и правдой—мое назначеніе, моя цѣль. Меня могла бы еще удовлетворить работа въ какомъ-либо отдѣлѣ земской или городской управы. Моя спеціальность—строить воздушные замки, составлять для нихъ планы; вырабатывать схемы, программы заоблачной жизни; я развлекаюсь только благородной и продуктивной охотой по воробьямъ изъ пушекъ, и даже развлекаясь, не перестаю работать и составлять охотничьи діаграммы, таблицы и экспонирую ихъ на выставки. Моя работа у всѣхъ на виду; камень за камнемъ, горка за горкой сооружаю я цѣлыя бумажныя горы. По всякимъ архивамъ много такихъ горъ, сооруженныхъ рукой моихъ соратниковъ по оружію и покрытыхъ благородной демократической пылью. Пока какой-нибудь правый земецъ или реальный земскій работникъ создадутъ въ деревнѣ какую-нибудь больницу или школу, я успѣваю соорудить нѣсколько десятковъ бумажныхъ горъ.

И вотъ въ тѣ блаженныя времена, когда за пропаганду величайшихъ идей и за благородное стремленіе къ заоблачнымъ сферамъ, въ видѣ награды, назначался тюремный искусъ, который счастливцамъ открывалъ двери въ любое учрежденіе,—многіе изъ моихъ родныхъ по происхожденію, братьевъ по идеѣ и соратниковъ по оружію, успѣли пристроиться къ теплымъ мѣстамъ,—кто въ земствѣ, кто въ газетѣ, кто въ другомъ учрежденіи. Я же, по молодости лѣтъ, не успѣлъ тогда посидѣть въ тюрьмѣ, и, благодаря этой оплошности, нахожусь теперь въ бѣдственномъ положеніи. Казалось бы, ужъ легче и пріятнѣе занятія ваятеля духа по внѣшкольному образованію и найти трудно. Ни знаній, ни опыта, ни труда не требуется; обставь школу картинками, гуляй по садамъ, переложи на музыку общечеловѣческіе идеалы, распѣвай ихъ во всю могучую демократическую глотку, пой, пляши при этомъ демократическое танго, заряжай такимъ пріятнымъ способомъ внѣшкольниковъ величайшими идеями и... получай жалованье. Такъ можете себѣ представить, В-е П-во, и на эту службу безъ тюремнаго диплома не принимаютъ.

Чувствуя же въ себѣ дарованія и призваніе природнаго архитектора по сооруженію бумажныхъ горъ, я и обращаюсь къ вамъ, В-е П-во, съ покорнѣйшей просьбой войти въ мое бѣдственное положеніе и, ради Карла Маркса и великихъ началъ французской революціи, окажите мнѣ милость и посадите въ тюрьму, о чемъ и выдайте мнѣ дипломъ за Вашей подписью и съ приложеніемъ казен-

ной печати. Что касается срока, то ради Бебеля и Чхеидзе, меньше трехъ мѣсяцевъ не назначайте, потому что за время своего бѣдственнаго положенія я отощалъ, и мнѣ необходима поправка на тюремныхъ харчахъ. За Ваше одолженіе вѣчно буду Вамъ благодаренъ, и не только за себя, но и за будущую свою жену и за будущихъ дѣтей. Въ чемъ и подписуюсь: анархистъ-бомбистъ и индивидуалистъ, изъ партіи искусителей и потрошителей со знаменемъ: „міру разрушеніе, уму помраченіе, всему сокрушеніе", по фамиліи Вильямъ Бойко. Мѣстожительство имѣю въ гор. Самарѣ, отъ роду же имѣю 16 лѣтъ, 2 мѣсяца и 3 дня, а когда получите это прошеніе, буду еще старше".

Въ этой замѣчательной слезницѣ допущена, конечно, неточность. Отъ роду анархисту-бомбисту всего 11 лѣтъ съ хвостикомъ, но такъ значится по паспорту, а на дѣлѣ... да если нѣкоторымъ докторамъ, юристамъ и всякимъ демократамъ никакъ не можетъ стукнуть пять лѣтъ, то дѣйствительный возрастъ этого демократа изъ партіи искусителей не поддается опредѣленію.

Я думаю, читателю стало ясно, что цѣлью моей бесѣды было развѣнчать демократизмъ, парламентаризмъ, снять съ нихъ ореолъ благородства, идейности, показать, что они пышно выросли на гнилой почвѣ тунеядства, бездѣлья, на той почвѣ, на которой растутъ всѣ пороки, всѣ преступленія человѣчества. Пора снять съ демократовъ и ореолъ мученичества, ореолъ геройства и служенія идеѣ. Нѣтъ разницы между самымъ обыкновеннымъ и политическимъ преступленіемъ. Экспропріаторъ, забастовщикъ тотъ же воръ и грабитель, будь это даже не экономическая, а политическая, студенческая забастовка; все грабежъ и воровство. Анархистъ, бомбистъ — тотъ же разбойникъ, убійца. Пропагандистъ, агитаторъ, ораторъ — тотъ же аферистъ, шантажистъ. Все окрашено, все пропитано тунеядствомъ, а мученичества, геройства одинаковая доза и одинаковаго достоинства въ тѣхъ и въ другихъ преступленіяхъ. Развѣ вора пугаетъ тюрьма, убійцу—каторга и эшафотъ, или аферисга—ссылка. Чѣмъ не герои и мученики? И въ воровской средѣ удачная кража считается подвигомъ, а тюрьма даетъ славу, почетъ. И всѣ эти демократы, общественники, забастовщики, бомбисты и т. п. герои—просто безвольные, бездѣльные элементы, помѣшанные, подобно рыцарямъ и Донъ-Кихоту, на мишурной славѣ, на красивой, привольной и веселой жизни. Имъ терять нечего. Что имъ тюрьма, что имъ смерть? Жизнь, простая, трудовая жизнь имъ не подъ-силу; она имъ хуже, тяжелѣе тюрьмы, злой каторги и лютой смерти. Тюрьма, каторга имъ кажется раемъ, по сравненію съ реальнымъ трудомъ, а помимо того, даетъ еще славу, популярность, а въ большинствѣ случаевъ и безпечное и обезпеченное существованіе. Они идутъ въ тюрьмы, на эшафотъ не изъ-за идей, отнюдь не за народъ и его интересы, а только изъ-за внѣшней красоты идей, несущихъ имъ славу и праздную красочную жизнь. И рыцари были увѣрены, что они борются и умираютъ за идеи, за своихъ дамъ сердца. Но Сер-

вантесу не трудно было показать, что это обманъ воображенія, что рыцари—просто психически ненормальные бездѣльники, посвятившіе себя борьбѣ съ вѣтряными мельницами. Мало развѣ подвиговъ совершали рыцари! Но кому нужны были эти подвиги? Что въ нихъ было реальнаго, полезнаго? Забастовка, экспропріація, бомбы, пропаганда, вся газетная и общественная вакханалія—все это подвиги современныхъ рыцарей. Кому нужны эти подвиги? Какая отъ нихъ польза? Нужны они только тунеядцамъ, и польза отъ нихъ та же, что отъ кражъ, грабежей, убійствъ и аферъ, а вреда еще больше. Подъ фиговымъ листкомъ демократическихъ подвиговъ и ультра-прогрессивныхъ лозунговъ, съ девизомъ: „впередъ, впередъ! за прогрессъ!"—идетъ самый реакціонный походъ преступныхъ, тунеядческихъ элементовъ противъ государственности и гражданственности. Ничто не ново подъ луной. А что выдаютъ за новинку, за прогрессъ,— то, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается дряхлой стариной. Прогрессъ не въ программахъ, не въ идеалахъ, не въ разныхъ утопіяхъ и ученіяхъ. Прогрессъ не во власти человѣка; а если кто выдаетъ что за прогрессъ, то онъ просто шантажируетъ публику. Есть поддѣлка старинныхъ монетъ и рѣдкостей, а демократизмъ, наоборотъ, — поддѣлка прогресса. Вѣдь, прогрессъ жизни—въ самой жизни, въ вѣковѣчныхъ ея законахъ, не доступныхъ ни нашему сознанію, ни нашей досягаемости. Прогрессъ можетъ быть тамъ, гдѣ мы меньше всего его ожидаемъ, и въ томъ, чего мы даже и представить себѣ не могли и что мы называли реакціоннымъ, ретроградным. То, что вызвано жизнью, — то прогрессъ; а если человѣкъ строитъ себѣ искусственную теорію прогресса, создаетъ схемы, программы прогресса, и болтаетъ даже о какихъ-то прогрессивныхъ реформахъ, то это одна праздная забава празднаго ума. Нельзя учить жизнь, нельзя мѣрить жизнь человѣческой мѣркой, нельзя бредъ своего воображенія вносить въ жизнь; всѣ эти попытки, всѣ эти выдумки, кромѣ вреда и преступленія не внесутъ въ жизнь, а жизнь все равно пойдетъ своимъ чередомъ. Человѣку суждено итти только за жизнью, быть нѣмымъ свидѣтелемъ жизненныхъ процессовъ и пассивнымъ исполнителемъ тѣхъ реальныхъ требованій, которыя предъявляетъ жизнь. Жизнь, это—начальникъ, издающій приказы; человѣкъ, человѣчество, это—мелкій чиновникъ, безпрекословно исполняющій приказы начальства. Но приказы жизни нельзя читать, ихъ надо уловить. Вотъ въ чемъ вся тяжелая задача государственнаго дѣятеля. Тутъ нуженъ особый даръ—даръ чтенія неписанныхъ приказовъ, нарядовъ жизни. Это особый природный даръ. Меньше всего этого дара, его и въ поминѣ нѣтъ въ кричащей общественности. Не ищите его у адвокатовъ, у ораторовъ, у всѣхъ критиковъ, вообще у парламентаріевъ. Милюковщина и Маклаковщина отъ него далеки, какъ небо отъ земли. Его искать надо въ труженикахъ, въ этихъ самыхъ шоферахъ, которые имѣли призваніе къ шофферскому труду и съ раннихъ лѣтъ отдали себя ему. Хорошимъ шоффером будетъ только тотъ, для кого шофферство его призваніе и трудъ. Пассажиръ не можетъ быть хорошимъ шоффером, если онъ только пассажиръ, а шофферскому дѣлу не обу-

чался и не отдавался. Не правда ли, каждому показалось бы нелѣпымъ, если бы ему предложили изъ тысячъ пассажировъ, никогда не бравшихся за руль автомобиля, избрать шоффера. Допустимъ, что въ комъ-либо скрывается талантъ шоффера. Но какъ его узнать? Остается одинъ исходъ: заставить всѣхъ пѣть; кто лучше поетъ, тотъ и будетъ шоффероъ. Не правда ли, какъ нелѣпо, какъ глупо, какъ смѣшно? А переведите это на обыкновенный языкъ и получится парламентъ съ его выборами и отвѣтственнымъ министерствомъ; избираютъ только по пѣнью, по голосу; кто лучше, слаще поетъ,— тотъ и депутатъ и кандидатъ въ министры.

Приказы жизни мѣняются ежеминутно: для каждаго момента жизнь даетъ особый нарядъ, и каждый разъ мелкому чиновнику, царю природы, человѣчеству, приходится переходить отъ одной работы къ другой, отъ одной реформы къ другой, въ зависимости отъ нарядовъ начальства. Такъ развѣ мыслимо создать себѣ какую-либо программу работы, создать какую-то схему прогресса и какихъ-то универсальныхъ прогрессивныхъ реформъ? Жизнь, это—калейдоскопъ мѣняющихся приказовъ и наказовъ. На то она и жизнь. Въ этомъ и прогрессъ и движеніе впередъ. И если сегодня былъ наказъ, то нельзя застыть на этомъ наказѣ и сдѣлать его программой жизни, программой прогресса. Въ результатѣ, человѣкъ съ программами, съ универсальными реформами всегда остается позади жизни. Это— форменный реакціонеръ, хотя онъ и причисляетъ себя къ прогрессистамъ и даже демократамъ. Приказы жизни—самые прозаичные, жизнь не требуетъ подвиговъ и прогрессъ совсѣмъ не заключается въ подвигахъ, да еще такихъ, какъ забастовки, общественность, терроръ, бомбы, бойкотъ и т. п. шедевры демократизма.

Читать приказы жизни, это —удѣлъ немногихъ избранныхъ; это— особый даръ Божій. Это—пророки, геніи; ихъ немного въ жизни сей. Это какъ бы чиновники особыхъ порученій при Творцѣ мірозданія; они командируются на землю Божественнымъ Промысломъ и по волѣ Творца мірозданія тогда, когда Ему угодно и какъ Ему угодно. Нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ. Людямъ не дано отличать пророковъ; они продолжаютъ поклоняться идоламъ и кумирамъ, а истинный пророкъ у нихъ въ загонѣ. Выборъ человѣка всегда остановится скорѣе на красивомъ идолѣ, на эфектномъ идеалѣ, на привлекательномъ ученіи, чѣмъ на простомъ правдивомъ словѣ. Выборы и избирательное право созданы только для того, чтобы окончательно пресѣчь дорогу правдивому Божественному глаголу, чтобы на вѣки-вѣчные изгнать изъ земли пророковъ. Въ погонѣ за идолами, человѣкъ не перестаетъ отвлекаться отъ Бога и отъ своего назначенія. А назначеніе у человѣка одно: „въ потѣ лица своего добывать свой хлѣбъ!“ Назначеніе человѣка—только реальный, полезный трудъ и разумный отдыхъ послѣ труда. Разумныя же развлеченія — одна фальсификація труда и приноситъ одинъ вредъ. Что же сказать о забастовкахъ, экспропріаціяхъ, бомбахъ, преступныхъ ученіяхъ демократизма, парламентаризма? А скажу я вотъ что: для прогресса

человѣчества, для реальныхъ интересовъ народовъ, для истиннаго, реальнаго труда на человѣческой и народной нивѣ нужны не преступники, не убійцы, не тюремные герои, не арестанты, а нужны пахари и косцы, нужны полезные труженики. Тотъ истинный пахарь, который занятъ своимъ дѣломъ и дѣлаетъ свое дѣло, не вмѣшиваясь въ чужія дѣла. Это мудрое житейское правило изложено у геніальнаго Крылова такъ: „Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ!“ Чаще читали бы басни Крылова, поменьше—Карла Маркса, Толстого, Григорія Петрова, Горькаго, Леонида Андреева и имъ подобныхъ писателей.

Собственно говоря, я свою бесѣду закончилъ. То содержаніе, какое я вложилъ въ заглавіе своей брошюры, мною, по мѣрѣ силъ, выполнено. Моя брошюра борется съ тунеядствомъ, но по существу это—гимнъ труду, это—псаломъ, посвященный Божественному наказу жизни: „въ потѣ лица своего будешь ты добывать свой хлѣбъ!“

Многимъ, конечно, покажется дикимъ и смѣшнымъ, какъ это можно одинъ гимнъ растянуть на цѣлую объемистую брошюру, да еще въ нашъ электрическій вѣкъ, когда въ пять минутъ готова дюжина фотографическихъ карточекъ, въ пять минутъ выпекается образованный человѣкъ, когда вся мудрость любой партіи, и даже соціалъ-демократической, излагается на одной страничкѣ, и пяти минутъ достаточно для того, чтобы превратиться въ стойкаго и убѣжденнаго кадета или эсдека. А то, изволите ли видѣть, такому общепонятному и общеизвѣстному предмету, какъ трудъ, посвятить такую груду бумаги! Я понимаю, что интеллигенту больше всего жалко бумаги, которая съ успѣхомъ могла бы пойти на составленіе программъ, схемъ, докладовъ, притчъ, исторій, діаграммъ, таблицъ и могла бы составить цѣлую гигіеническую выставку. Я извиняюсь передъ интеллигентомъ, но прошу принять во вниманіе, что я имѣлъ дѣло съ гипнозомъ, съ преступнымъ гипнозомъ, который зовется общественнымъ мнѣніемъ. Я взялъ на себя тяжелую задачу излечить міръ, человѣчество отъ этого гипноза. На преступный гипнозъ приходится дѣйствовать только гипнозомъ, но лечебнымъ. Леченіе заключается въ цѣломъ рядѣ сеансовъ, на которыхъ повторяется изо-дня въ день одно и то же внушеніе. И въ моей брошюрѣ я не переставалъ подъ разными соусами, по разнымъ поводамъ повторять одно и то же внушеніе: „въ потѣ лица своего добывай свой хлѣбъ“. То, что интеллигенту кажется смѣшнымъ повтореніемъ, было только рядомъ гипнотическихъ, но лечебныхъ сеансовъ. Не даромъ Катонъ повторялъ каждый разъ одну фразу: „помни, что Карѳагенъ долженъ быть разрушенъ.“ Это былъ методъ внушенія, сила котораго въ повторяемости и въ монотонности. Чѣмъ же я виноватъ, что на мою долю выпала такая черная, неблагодарная работа, какъ гипнотическіе лечебные сеансы. Это не то, что создавать ученіе, ораторствовать или писать объ общечеловѣческихъ идеалахъ; это—именно скучная и монотонная работа. Я, правда, старался всячески

разнообразить ее веселыми анекдотами, но боюсь, что даже въ такомъ видѣ моя работа покажется скучной и утомительной людямъ, привыкшимъ къ „разумнымъ развлеченіямъ“ и которыхъ пріучили и пріучаютъ только къ развлеченіямъ.

Между тѣмъ, я увѣренъ даже, что число данныхъ мною сеансовъ, наоборотъ, крайне недостаточно, и что мнѣ придется еще давать не одинъ сеансъ, пользуясь тѣмъ или инымъ случаемъ, рѣчью, резолюціей, притчей и т. п. Мало того,—я увѣренъ, что мнѣ одному задача излечить человѣчество отъ преступнаго гипноза окажется не по силамъ. Мнѣ нужны помощники и много помощниковъ, которые немолчно продолжали бы лечить, лечить, лечить. Но прежде чѣмъ лечить, надо помнить великія слова: „Врачу, исцѣлися самъ!“ Только тотъ, кому противно тунеядство, кто въ упорномъ трудѣ и, руководясь принципомъ невмѣшательства въ чужія дѣла, скромно выполняетъ назначеніе человѣка, кому ясно ничтожество человѣка, кому дорога жизнь и ея правда, кто чуетъ эту правду и способенъ руководиться жизненной правдой и ея наказами,—только тотъ въ состояніи будетъ лечить и другихъ. О, если бы можно было создать кабинетъ такого гипнотическаго внушенія, я повѣсилъ бы большое объявленіе: „Гипнотическій кабинетъ. Безпрерывные сеансы. Леченіе только здравымъ смысломъ и правдой жизни. Лечится только природное тунеядство со всѣми печальными и преступными его послѣдствіями. Леченіе не только безплатное, но за каждый сеансъ выдается паціенту гонораръ въ видѣ брошюры объ интеллигентномъ тунеядствѣ. Ищу опытныхъ помощниковъ, преданныхъ дѣлу правды и чующихъ правду“.

Я выпустилъ уже въ свѣтъ брошюру подъ заглавіемъ: „Донъ-Кихоты и Фарисеи нашихъ дней“ (санитарные врачи и демократы). Въ этой брошюрѣ я пѣлъ гимнъ здравому смыслу; это былъ мой первый псаломъ. Долженъ признаться, что это былъ нѣсколько скороспѣлый плодъ, и я имъ въ настоящее время не удовлетворенъ. Онъ былъ написанъ непосредственно послѣ того, какъ мое сознаніе внезапно озарилъ лучъ истины, когда съ моихъ глазъ спала завѣса гипнотическаго безумія, и весь міръ и все окружающее предстали предо мной въ ослѣпительномъ и совершенно новомъ для меня свѣтѣ. При быстромъ и внезапномъ переходѣ отъ тьмы къ свѣту, свѣтъ всегда ослѣпляетъ; общія очертанія окружающаго становятся видными, но въ какомъ-то туманѣ, а многихъ деталей и не замѣтишь, многое еще представляется въ томъ видѣ, какъ оно представлялось во время тьмы. Надо выждать немного, дать привыкнуть глазамъ, и тогда туманъ исчезаетъ, и всѣ детали и мелочи становятся ясно видными, и получается цѣльная картина доступнаго глазамъ кругозора. Вотъ этого момента я не дождался и поспѣшилъ выпустить свою первую брошюру. Общій фонъ моего міровоззрѣнія въ ней уже въ достаточной степени опредѣлился, но все это представлялось еще въ туманѣ, въ хаосѣ, а многихъ деталей я еще не успѣлъ разсмотрѣть, и онѣ вошли въ брошюру съ явными и обид-

ными слѣдами былого безумія; гнетъ демократизма и тунеядства еще не испарился, и я, къ примѣру, продолжалъ еще относиться съ уваженіемъ къ такъ называемому освободительному движенію.

Конечно, эта быстрая смѣна міровоззрѣній, неожиданность и обиліе нахлынувшей массы новыхъ впечатлѣній не могли не встряхнуть всю мою нервную систему; переутомленіе же во время работы усилило мою впечатлительность, и мнѣ, по обычаю интеллигентовъ, не признававшему Бога, тогда ясно представилось, что во мнѣ возродился духъ моихъ библейскихъ предковъ; мнѣ, никогда ни въ подлинникѣ, ни даже въ переводѣ не читавшему псалмовъ Давида, казалось яснымъ, что я слагаю псалмы; мало того,—мнѣ, которому, къ сожалѣнію, чуждъ языкъ его предковъ, показалось даже, что я пишу и излагаю языкомъ моихъ предковъ и псалмопѣвца Давида. Я даже подписался: *„псалмопѣвецъ нашихъ дней, тоже Давидъ.“* Что это было? Невропаталоги объяснятъ это усиленной впечатлительностью, повышенными рефлексами. Не отрицая вліянія этихъ элементовъ, я, однако, скажу, что я помню свое состояніе въ то время, и тогда-то мнѣ ясно стало, что души нельзя оформливать, что духъ народа, какъ и духъ человѣка, даръ Божій и онъ остается вѣчнымъ и неизмѣннымъ, неожиданно проявляясь тамъ, гдѣ его меньше всего ожидаютъ. Я эту мысль и выразилъ въ упомянутой подписи. Конечно, мнѣ надо было воздержаться отъ нея только для того, чтобы не дать повода къ дешовому остроумію и къ умаленію содержанія и существа брошюры. Подъ настоящей брошюрой я этой подписи не далъ бы. Но въ виду того, что я отнюдь не желаю умалить содержанія моей первой брошюры и отнюдь не желаю дать повода думать, что я отъ нея отрекаюсь, я и подъ этой брошюрой оставляю ту же подпись:

Псалмопѣвецъ нашихъ дней, тоже **Давидъ.**

КЪ СВѢДѢНІЮ ЧИТАТЕЛЕЙ.

Вторая часть моей не то сказки, не то были объ интеллигенціи носитъ заглавіе: *„Противочумный Съѣздъ въ Самарѣ, онъ же слетъ соколовъ санитарныхъ, онъ же трибуналъ современной инквизиціи."*

Долженъ признаться, что этотъ Съѣздъ послужилъ мнѣ толчкомъ, канвой къ составленію брошюры объ интеллигентномъ тунеядствѣ, и, само собой разумѣется, вторая часть является естественнымъ продолженіемъ и необходимымъ дополненіемъ къ первой части. Скажу больше,—мои переживанія на Съѣздѣ цѣликомъ легли въ основу моей брошюры объ интеллигентномъ тунеядствѣ, и многое изъ того, что осталось неяснымъ, что, вопреки моимъ стараніямъ, по сю пору кажется нелѣпымъ и парадоксальнымъ, станетъ, возможно, яснымъ и понятнымъ именно во второй части, на основаніи фактовъ изъ живой дѣйствительности, подкрѣпленныхъ неопровержимыми печатными документами: протоколами, газетными статьями, письмами въ редакцію и т. п. На мою долю выпала лишь нелегкая задача шифровки этого матеріала, подъ усвоеннымъ мною угломъ зрѣнія, т.-е. съ помощью того черносотеннаго, реакціоннаго молоточка, который я назвалъ *правдой жизни*. Словомъ, связь между обѣими частями такъ тѣсна, что раздѣльное изданіе ихъ отнюдь не должно бы имѣть мѣста; оно и не предполагалось. Къ сожалѣнію, чисто-техническія условія изданія вынудили меня съ болью въ сердцѣ прервать нить моихъ мыслей и издать брошюру въ двухъ отдѣльныхъ томикахъ, въ чемъ и извиняюсь передъ читателями. Смѣю только увѣрить, что выходъ въ свѣтъ второй части не заставитъ себя долго ждать, а съ выходомъ ея въ свѣтъ, она будетъ тотчасъ же разослана всѣмъ тѣмъ „подписчикамъ", которымъ разослана первая часть.

Прошу только не пугаться заглавія второй части; какъ и первая, она носитъ исключительно общественный, даже—*міровой* характеръ (избѣгаю слова „общечеловѣческій"; больно его опошлили и исказили); смѣю увѣрить, въ ней ни одного діагноза, ни одного рецепта, ни одного грамма „медицинскаго" величія, ни одного научнаго открытія, ни одного медицинскаго совѣта. Она предназначена не для врачей и паціентовъ, даже не для буржуевъ или пролетаріевъ, а просто для человѣка, для широкихъ слоевъ общества. Думаю, однако, что для врачей,—именно земскихъ врачей,—она предста-

вляетъ особый интересъ, такъ какъ написана врачомъ, излагаетъ переживанія земскаго врача въ неизбѣжныхъ его столкновеніяхъ съ врачами же, стоящими на противоположномъ полюсѣ психики, касается мелькомъ пресловутыхъ санитарныхъ организацій, какъ злокачественный наростъ, въѣвшихся въ тѣло и душу земской медицины, низводитъ съ пьедестала авторитетности и величія такія „медицинскія" знаменитости, какъ Тезяковъ, Заболотный и др. И хотя брошюра моя назначена исключительно къ разсылкѣ (безплатной) государственнымъ, земскимъ и такъ называемымъ общественнымъ дѣятелямъ,—не скрою, однако, что я съ особой охотой разослалъ бы ее также и всѣмъ земскимъ врачамъ необъятной земской Россіи. Къ сожалѣнію, крупные размѣры брошюры (свыше 50 печ. листовъ), при современной дороговизнѣ печати и бумаги, вынудили меня къ изданію ограниченнаго числа экземпляровъ. Я могу поэтому удѣлить на каждую земскую губернію для врачей не больше 2—3-хъ экземпляровъ. Обращаюсь поэтому съ покорнѣйшей просьбой къ земскимъ учрежденіямъ (къ Управамъ въ лицѣ предсѣдателей, къ санитарнымъ бюро въ лицѣ завѣдывающихъ) и къ земскимъ врачамъ —указать мнѣ адреса 2—3-хъ земскихъ врачей каждой губерніи (или одного какого-либо учрежденія), на имя которыхъ я могъ бы выслать по экземпляру брошюры съ тѣмъ, чтобы высланные экземпляры служили для чтенія всѣмъ врачамъ губерніи, изъ числа тѣхъ, конечно, которые выразятъ пожеланіе.

Прошу писать по адресу: Городъ Пишпекъ, Семирѣченской области, старшему врачу 243 дружины, **Д. М. Гордону.**

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

(Передъ чтеніемъ прошу исправить).

Страница.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
8	11 сверху	названіе; тактика партіи.	названіе: *тактика партіи*
13	6 снизу	стоитъ повторять	стоитъ только повторять
15	8 снизу	китайскимъ императоромъ	испанскимъ королемъ
32	9 снизу	Но нормальный человѣкъ	Но нормальному человѣку
36	10 сверху	что я въ этомъ	что—я въ этомъ
59	5 сверху	чтобы то ни	что бы то ни
83	17 снизу	и носитъ всѣ	и носитъ въ себѣ всѣ
84	7 снизу	мастеровыхъ для	мастеровыхъ; для
90	22 сверху	платы: рабочему	платы; рабочему
99	18 снизу	разразились событія	разразились Ленскія событія
102	4 снизу (въ прим.)	Каждый, измѣнивъ	Каждый соціалистъ, измѣнивъ
106	27 снизу (въ прим.)	паразиста	паразитства
106	4 снизу (въ прим.)	къ власти, или, наоборотъ, природныя рабскія наклонности?	къ власти однихъ, или, наоборотъ, природныя рабскія наклонности другихъ?
109	11 снизу	Толстой и	Толстой—
111	12 сверху	памятниками	памятникомъ
120	17 снизу	онъ безусловно	онъ безславно
125	6 снизу	и тотъ цементъ	а тотъ цементъ
128	9 снизу	я вступилъ	я выступилъ
132	6 снизу	остается	останется
133	3 снизу	нельзя дорожить	нельзя не дорожить
136	24 сверху	то или иное значеніе	то или иное званіе
137	25 сверху	фабрикъ вмѣстѣ	фабрикъ всѣ вмѣстѣ
141	21 сверху	заключается	заключалось
150	27 сверху	ихъ афера	ихъ сфера
152	4 сверху	прожужжали умы	прожужжали уши
160	22 сверху	благодарный	благородный
168	31 снизу	рожденъ былъ	рожденъ быть
168	18 сверху	четырехъ думъ	четырехъ Думъ
188	15 снизу	подвергался	подвергается
197	7 сверху	происходитъ она	происходитъ оно
199	14 снизу	совѣщаніемъ	Совѣщаніемъ
207	17 снизу	Да это не вора	Да! Это не вора
215	19 снизу	психозомъ, обвѣшиваютъ	психозомъ обвѣшиваютъ
217	9 сверху	преступникъ и забастовщикъ—и террористъ	преступникъ — и забастовщикъ, и террористъ
219	25 сверху	дѣла живого	дѣла,—живого
275	16 снизу	станутъ иные, прочіе	станутъ иные — прочіе
349	12 снизу	гордятся	родятся
357	3 сверху	показаться	покататься
406	18 сверху	борьбы	войны
„	21 снизу	которымъ	которыми
417	8 снизу	околпачивали	околпачили
423	21 сверху	образное	обратное
427	2 снизу	пріемами	преміями
458	22 снизу	глотаетъ	глотаешь
466	9 сверху	довѣріемъ	довѣрію
486	19 снизу	ревизорскимъ	рыцарскимъ
487	10 снизу	жизни	жизнь
489	17 снизу	домъ	дамъ
491	15 снизу	ли	же
492	27 снизу	борцовъ	барановъ